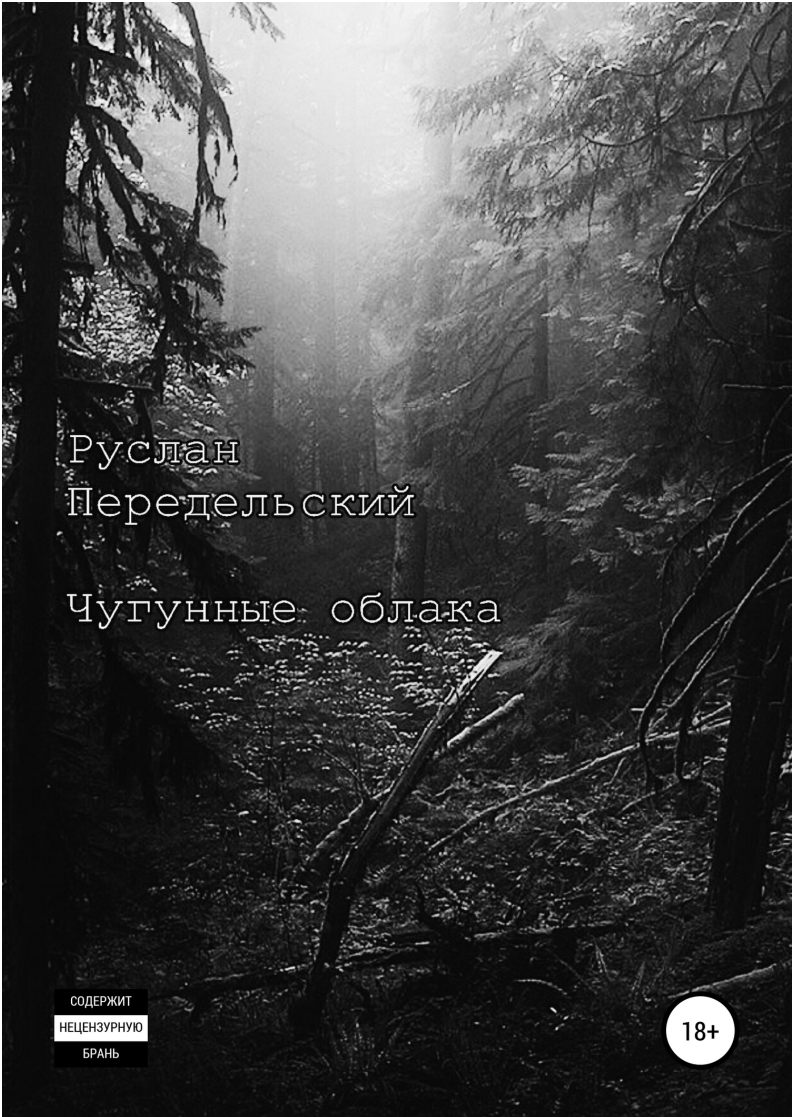

Руслан Передельский

Чугунные облака

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Руслан Романович Передельский
Чугунные облака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42713144
SelfPub; 2019

Аннотация

Говорят, тихие омуты всегда скрывают жуткие тёмные тайны. Об этом написаны десятки книг и сняты сотни фильмов. Интрига на тайне. Тайна на интриге. Что скрывают жители нового для Влада города? Может, причину гибели отличницы Адрианы, чьё тело было найдено у шоссе за городом? Может, цикличность убийств подростков, происходящих тут из года в год? А может, личность загадочной мстительницы в белой маске, желающей отомстить «сливкам» общества и гордо назвавшей себя «Леди V”? Содержит нецензурную брань.

Её ужасу не было предела. **Она** задыхалась, но всё равно бежала, бежала истекая кровью всё глубже и глубже в лес, потому что понимала – другого выхода нет. **Она** не хотела умирать. Только сейчас **она** поняла, что произошло. Не оглядываясь назад и зажав тонкой ладонью глубокий порез **она** отчаянно боролась за свою жизнь. Другая ладонь старательно сдерживала резко накативший крик ужаса. Колени стёрты в кровь, на джинсах образовались многочисленные дыры, а белая футболка изменила свой цвет до неузнаваемости. **Она** ещё чересчур мало прожила, чтоб уйти. «Чего они хотят от меня?» – не переставая бубнила **она** себе под нос.

Девчонка зацепилась за сучок, упав на живот и тихо засопев. По щекам стекали холодные слёзы, резко обрываясь вниз на холодную сырую землю. Пот, даже в условиях теплоты ночного июльского воздуха, стал неприятно холодить кожу.

«Как моя жизнь могла превратиться в кошмар лишь за одну ночь?» – вопрос крутился в голове со скоростью флюгера в ветреное утро.

Обернувшись назад, среди деревьев **она** продолжала видеть огни: десятки факелов следовали за ней, мерцая в череде тёмных деревьев как далёкие звёзды. Они хотели от неё только одного – **её** молодой крови.

Экспозиция #иная

Каждый раз, стоит мне только задуматься о характере своего страха в голове всплывает лишь тёмный мрачный силуэт. Я не вижу его глаз, очертаний лица или волос. Они появляются дальше, с каждым новым прожитым днём становясь всё детальнее.

Мрачный сутулый мужчина, без дела стоящий посреди тёмного переулка и поджидающий меня. Мистическая женщина, тело которой словно синяя паутина покрывает длинная сеть из вен. Бездумные тёмные глаза, очертания которых я вижу во мраке.

Жидкий симбиоз, меняющийся вместе со мной.

В моей голове всегда живёт этот силуэт, скрывая свою настоящую сущность. С самого детства я мирно уживаюсь с ним. Я не один, он ходит со мной по пятам не отпуская ни на секунду.

Мой страх – постоянно меняющееся создание, растущее с каждым днём ввысь всё больше и больше, забывая о том что моя черепная коробка вовсе не резиновая. Она не может принять всю тьму в себя.

Это место запомнится мне на всю жизнь, как место где я встретил таинственный симбиоз лицом к лицу. Я чувствовал его дыхание, ритм его быстро бьющегося сердца. Он был рядом со мной каждый день, наблюдал из отдалённых тёмных углов комнат, всматривался в мои волосы, длинные тёмные ресницы и рукой прикасался к гладкой щеке. Он рядом.

Он всегда был рядом, есть рядом и будет рядом. Мой страх живёт своей жизнью, а разве можно подчинить себе чужую жизнь?

– 20 минут до пункта назначения – безжизненным машинальным голосом заявила заботливая леди-навигатор, нависшая над лицами моих родителей в чёрной крепкой подставке.

– Хвала богам! – проронила моя мама, скучающе смотря в окно на леса, тянувшиеся бесконечной чередой за ним. Дорога виляла и путалась в самых неожиданных формах как длинный питон, медленно пробираясь через густую чащу, прерываемую безвкусными массивными яркими биллбордами. Жирными буквами они сообщали о выходе нового вкуса безалкогольного пива. «Базилик, малина и ментол – взрывоопасное сочетание!» – точнее не подметишь.

Разувшись и уютно закинув ноги на кресло я повышал налоги в «SimCity”, ловя недовольные отзывы местных жителей. Переодически, это отвлекало от осознания того, что твоя старая повседневность навсегда исчезает. Она продолжает с надеждой цепляться за мчащую со скоростью восемьдесят семь километров в час машину, проясняясь грустными видениями сквозь звенящие на ветру листья.

Даже сквозь наушники, в которых играл последний альбом Джастина Тимберлейка я мог расслышать суетливые реплики родителей: казалось бы, такой опыт переезда, а при-

выкнуть всё никак не могут.

Дорога была изнуряющей. На захудалой заправке пригорода одного из невзрачных захолустий моя мать потеряла телефон, обвинив в краже ни в чём неповинного тихого байкера. Было неловко.

А ещё было неловко когда мой отец поцарапал чужой «Nissan” вишнёвого цвета, ловко скрывшись с места конфуза.

В наушниках заиграл «One direction”. Подскочив на месте, я испуганно переключил трек, будто их песни были запрещены законом.

В машине продолжало омерзительно пахнуть мягким «Бри». Родители не удержались, увидев сногсшибательную акцию «три головки по цене одной». Сейчас же, глаза от трёх головок слезились как от целой сырной контрабанды, сгружённой в наш тесный багажник.

А ещё, аромат плесени, схожий на запах потняков всех игроков нашей футбольной сборной (хоть я и понятия не имею, как они пахнут), смешался с благовонием висевшей на зеркале заднего вида ёлочки.

А ещё, леди-навигатор не вздумала заткнуться ни на секунду.

А ещё, мне захотелось в туалет.

А ещё, …. вы вообще знаете куда мы держим путь?

Для таких «а ещё» и созданы экспозиции и специальные многозначительные прологи. Они должны безвкусной

невнятной кашей вылить поток информации на неподготовленную голову читателя. А читатель, в свою очередь, должен определиться, читать ли ему произведение или нет.

Так что экспозиция это ответственно.

Очень ответственно.

Мы были почти у цели: новая жизнь. Новый город, складывающий противоречивые впечатления и о себе, и о живущих в нём.

Люди живущие в этом городе ощущали себя как-будто в вакууме, и хотя город с 40-тысячным населением особо провинциальным назвать нельзя было, они жили в городе, которому, по словам его жителей, неподвластно время. Главной городской достопримечательностью города были руины старого стадиона, а главным развлечением жителей – собирание сплетен друг о дружке. О да, в этом городе у любого жителя можно узнать все подробности об интимной жизни своего соседа. Каждый тут друг друга знал, и заселение новой семьи здесь вызывало фурор и всеобщий ажиотаж. Вот примерно такой же ажиотаж и вызвало моё появление.

Сейчас, по правилам экспозиций и прологов я должен торопливо рассказать о себе. Изложить коротенькое описание своей жизни в нескольких предложениях. Как в наигранных телешоу, когда во время интервью с героями появляется короткая информация об их персонах, вроде «Генрих. Продавец фалафеля» или «Сюзанна. Маникюрщица бульдогов».

Меня зовут Влад, и через два месяца мне стукнет шестнадцать. Зачем обычного школьника угораздило излагать свои мысли на бумаге? Ну, мне нужно было их изложить. Ведь история, которая заставила меня задуматься о смерти, и о том, что этот мир совсем неоднозначен стоит того. Её можно или выгрузить, пытаясь избавиться от тяжёлой ноши, или дать полностью оккупировать свой мозг со скоростью невиданного ранее опасного африканского вируса.

Хм, «неоднозначность». Похоже, это слово на сто процентов описывает те события, которые приключились со мной прямо таки во время подросткового созревания. Не самое подходящее время для сильнейшего шока, согласитесь?

Любая книга начинается с небольшого предложения написанного на белом экране МАКа, и автора, укутанного в тёплый уютный шарф, сидящего на пуфике и пьющего горячий латте. Так начинаются все истории. Так начну свою и я.

Просиживая тут, в приторно пахнущих испорченной карамелью «Пауках Сумрака» и печатая на своём старом МАКе 2013-го года эту историю, подавляя свои нервы, бьющие ключом из-за того что ноутбук переодически адски зависает, я просто не верю в то, что это пережил. История начавшаяся с обыденной длительной семейной поездки и монотонного голоса навигатора.

История, которая с первого взгляда показалась бы мне полнейшим бредом, в которую я бы в жизни не поверил, перевернула с ног на голову мою жизнь. Звучит ужасно баналь-

но, но мой путь после очередного, казалось бы, совершенно обычного для такого скитальца как я переезда, разделился на «до» и «после».

Этот город. О да, ознакомив меня во всей красе с понятием «ужас», «страх», «волнение» и «сумасшествие» он ясно дал понять что дело тут вовсе не в странных, своеобразных и порой чересчур «не-в-себе» местных жителях. Дело в самом захолустном городишке, даже на первый вид кажущемся чертовски неоднозначным.

Моя история схожа на большой тёмный клубок, на который милая улыбчивая старуха с каждой минутой наматывает всё больше и больше нитей. В моей голове образуется каша, ведь события происходят одно за другим, образуя длинный лабиринт вопросов. Из него я, пока что, не нашёл выхода.

Это лишь часть той самой истории. Жуткое и многообещающее начало, можно сказать короткий отрезок, мимолётный вопрос без ответа.

За неточность изложения событий прошу прощения. За точность изложения повествования от третих лиц я уверен, ведь за него отвечали они сами.

Все реплики в точности переданы (как утверждают те, с чьих уст они сошли).

Голова разрывается от количества непоняток и несостыковок. Но я это сделаю. Передам историю, от которой мурашки идут по телу на белом экране «Pages”.

Раньше я жил в приморском городе. Он был не шибко большой. Золотая середина, способная угодить и любителям наслаждаться шумом моря, и любителям пьянствовать в шумной компании.

Лица тут менялись часто, туристы летом наплывали тысячами, всегда дул легкий морской бриз, доносящий до моего чувствительного носа запах сырой рыбы. Мерзость. Этот зловонный аромат – одно из самых устойчивых воспоминаний об этом месте.

Жители тут полностью зависели от моря: если море заблаговолило этим летом быть тёплым, для жителей это значит большую прибыль в лице туристов. За счёт оставленных туристами денег тут и жили весь год. И знаете, всем этого вполне хватало. В не сезон основной контингент тут составляли пьяные рыбаки. Они громко матерились, шатались по улицам и сидели до рассвета в кабаках.

Тут я и провёл все это лето. Я любил приходить на местный пирс, садиться на холодный бетон и встречать там закат. Один. Звучит хреново, как для шестнадцатилетнего подростка. Но похоже (ох, как не хочется самому себе признаваться) я интроверт. Самому с собой мне абсолютно интересно. Наедине со своей неугомонной головой, мысли в которой несутся со скоростью быстрого водоворота.

Я садился и просто думал, пока солнце не заходило. Несмотря на весь этот утопический морской пейзаж, не всё тут было сильно гладко. Мой отец тут был что-то вро-

де управляющего в местной рыболовной лавке. Достаточно неприятное тесное прогнившее место. В нем жирная продавщица лет пятидесяти укрывала трёхэтажным матом всех, кто входил в узкие двери. Мой отец, который на тот момент переживал тяжёлую стадию кризиса среднего возраста, связанную с появлением первого седого волоса на идеально выбритой хипстерской щетине, всегда отвечал за агрессивную даму. И хотя получал он за эту работу достаточно, его она не устраивала. А кого это устроит? Средний возраст, исходя из моего поверхностного молодежного взгляда та ещё зловонная пучина, когда наслаждаться жизнью и проживать, осознавая что ты чем-то доволен – просто не вариант. Новость, что его пригласил работать в свою шахту начальником в город на другом конце страны родной брат, не смогла его не обрадовать, и мы тут же начали собирать вещи и выезжать на поиски лучшей жизни. Машинально собирать вещи в зелёный блестящий чемодан, треснувший сбоку – моя устойчивая способность, с каждым годом развивавшаяся всё сильнее. Искать «лучшую» жизнь постоянная привычка моих родителей, ведь они никогда не могли смириться с антуражем вокруг.

Но сейчас предложение казалось и вправду заманчивым.

Да-да, у дяди Арсения, брата папы, в распоряжении не одна шахта и не один завод. Он самый настоящий миллионер в привычном понимании этого слова. Всё настолько круто, что он даже попал в что-то вроде топа Форбс, расположившись

на почётном сорок втором месте. Страницы из того святого июльского выпуска до сих пор лежат на каждом столике, каждой тумбочке и каждом диванчике кукольного домика бабушки. Видели бы вы медленно раздувающееся в разные стороны краснеющее лицо отца, как только он видит ту клятую страницу. Пропахнувшему сырой рыбой администратору старомодной лавки весьма нелегко смотреть на самодовольное лицо своего брата, которым он, подперев рукой с одетыми на неё дорогущими часами «Ролекс», улыбнувшись показав виниры сделанные в Тель-Авиве, прямо-таки передаёт через глянцевую страницу фразу «Полюбуйся чего я достиг, несчастное говно».

Одна его жена, Надин, казалось, тратит на себя миллионы долларов в день. Популярная инста-мамочка, каждую неделю постящая стори со спортивного зала и очередной рецепт протеинового смузи с ежевикой и шпинатом.

Но как не удивительно, жили они в том захолустье, показавшимся мне на первый вид вакуумом. Их пышное поместье было самым видным в городе, нависая словно мрачная туча над мирным городишкой.

О нём тут слагали легенды. Для каждого попасть туда было чем-то сродни попасть на Оскар и сесть рядом с Леонардо Ди Каприо.

Вообще, в этом городе ходило много городских баек и легенд, которые слагали менее обеспеченные люди про жизнь своих богатеньких соседей. Тут было много очень обеспе-

ченных людей, поверьте мне. После того как недалеко от города нашли месторождение угля, миллионеров тут выросло как грибов после дождя. «Голливуд» – подумаете вы, прочитав описание. «И вовсе нет» – скажу я вам, ведь ездящие между тесными маленькими невысокими домами красные «Ламборгини» и чёрные «Роллс-Ройсы», видные фигурки на капоте которых инкрустированы кубинским арахисом, и проходящие рядом с горбатыми трясущимися от старости бабулями-попрошайками расколотые инъекциями силиконовые дамы казались будто не из этих мест. Словно в обычный скромный городок пририсовали элементы богатой жизни с помощью хорошего фотошопа.

Громкий звук мотора уставшего от изматывающей жизни пикапа и слипавшиеся глаза уставшего от дороги мальчика не дали занырнуть с головой в атмосферу «не типичной» провинции. Вымотанные, как и я, родители уже не так буйно обсуждали предстоящую важную должность отца. Они будто плавно засыпали, не отрывая глаз смотря вперёд. Достаточно живописные пейзажи за окном, густые зелёные заросли которых быстро мелькали перед глазами не смогли зацепить их уставшие взгляды.

Убаюкивающий мотор и ранние сумерки, плавно скрывшие за собой густой лес, казалось, вот-вот и усыпят меня.

Мы въехали, как я понял, через северную часть города: его зелёную часть.

Единственный дельный факт, что смогла рассказать мне

Википедия: захолустье находится на самой границе двух климатических зон – степной и лесной, меняя ландшафты будто перчатки, плавно переходя из влажного высокого хвойного леса в удушливые степи, которые словно вены на теле человека пробивали узкие лесополосы.

Районы города казались блеклой чередой невысоких домов, чьи окна пялятся друг на друга не смыкая глаз. Одна одинокая чёрная кошка, сидевшая на белом деревянном заборе, напоминала о местных. Все будто бы заперлись за скрипящими дверями в уютных и тихих гостиных, смотря «Американского Идола» или обсуждая новый сезон «Холостяка». А какой ещё может быть досуг у жителя столь мелкого городка?

– Сто метров до пункта назначения – ознаменовал бездушный навигатор, чем всерьёз порадовал родителей.

– Чёрт, наконец-то! – крикнул отец заворачивая на скромный паркинг.

«Однообразие» – этим словом я мог бы охарактеризовать скучный спальный район, который тем не менее показался мне весьма благополучным, и каким-то даже милым.

Мой дядя выделил для нашей семьи приятный и новый двухэтажный частный дом, построенный специально для работников шахты. То, что он был построен для кого-то «специально» чувствовалось буквально во всём: начиная от халтурно повешенной входной двери, которая омерзительно скрипя приглашала зайти во внутрь, и заканчивая бездуш-

ной стандартной для подобных частных домов планировкой.

Он достаточно уютный и новенький, с двумя этажами и тихим задним двориком с мангалом. Та самая мечта отца, который теперь сможет виртуозно готовить мясо на костре (терпеть его не могу из-за жесткости), оголив торс.

Среди неопрятного заросшего газона виднелись нелепые броские садовые фигурки. Зелёная жаба стреляла безумным взглядом, выглядывая из-за тонких стеблей сорняков. Побитый и потрёпанный жизнью гном портил ощущение уюта одним лишь своим выражением лица. Его нос злобно вздымался так, будто под ним кто-то пукнул.

Прозрачная дверь. «Плюс» – мне это напомнило старые фильмы ужасов.

Ох, если бы я знал тогда… Никогда не записал эту ассоциацию в «плюсы».

Просторный мягкий диван цвета не доспевшего персика – «плюс» – рядом с которым располагался низкий журнальный столик с искусственными цветами в пластиковом горшке – «минус» – не долго думая, мама выкинула их в мусорку. Послышался звонкий треск.

В коридоре тишину дома прерывали старинные часы в форме ночной совы. «Тик-так-тик-так» – её глаза ходили из стороны в сторону. Безумный взгляд, имеющий сходство с жабой из сада.

За часами к потолку вздымалась тонкая трещина в стене – «минус».

Уютный коридор переходил в скромную кухню с большим обеденным столом. Там, в первую очередь меня привлекла посудомойка. «Плюсплюсплюсплюс» – от средств для мытья посуды цвета болотной тины меня тянет рыгнуть. На свете существует много вещей, от которых меня тянет рыгнуть.

Не осматриваясь по сторонам я побежал вверх по скрипящей лестнице, ведущей на второй этаж.

Интрига дня. «Детская со своей ванной на втором этаже» – с придыханием вспомнил я обещание своего дяди, расплывшись в глупой улыбке.

Мысль о комнате с личной ванной тешила меня всю дорогу сюда. Даже когда жители в «SimCity” бранили меня за малое количество пожарных в городе. Даже когда байкер, выслушав обвинения от моей матери чуть не полез драться с отцом. Даже когда мать сказала ему, что из его рта несёт «мудаческим бродячим нутром».

Кошелёк оказался в бардачке авто.

Половину второго этажа заняла комната, окна которой выходили на густой лес с внутренним двориком. Там стоял столик с маленькими стульчиками.

Ещё один факт подаренный одной из самых коротких страниц «Вики», что только довелось мне увидеть за всю жизнь. В две тысячи десятом город был удостоен специальной премии «Промышленный и зелёный». Награду вручил Женевский институт экологии. Видимо название номинации

перевели в «Гугл».

Местечко соответствовало награде, что не говори. Повсюду парки и густые, непроглядные леса. Воздух тоже подобающий: на первый вздох чистый и свежий, иногда улавливались нотки тёмных клубов дыма, вылетавших из высоких серых труб заводов дяди.

Специфический запах: после приятной свежести в ноздри залетает душок гари, точно рядом жарят бекон на гриле.

Мне досталась роскошная комната: с широкой и мягкой кроватью, большим письменным столом и высокими чистыми окнами. Перед нашим приездом их явно специально мыли: на стекле просматривались разводы от тряпки.

Я довольно посмотрел на отражение в зеркале, висевшем на двери, и подмигнул сам себе. Получилось нелепо. В кино выглядит круче. В зеркале сверкнул светящийся жёлтым полумесяц, схожий на отрезанный ноготь.

Трещин на гладких сероватых стенах не виднелось. Я не фанат уродливых постеров, но обстоятельства иногда вынуждают распаковывать старую коробку с плакатами изображающими Ники Минаж. Да-да, как у Билли Айлиш – «My strange addiction»: от читки Ники я тащился в классе-так шестом.

Нет, я натурал.

Обычно я прикрывал плакатами потрескавшуюся штукатурку. В том случае, когда ремонт оказывается старше моего прадеда.

В «рыбном» городе именно так и случилось. С потолка на второй день начали стекать редкие холодные капли.

Развернув светло-розовый постер с фото рэп-королевы во весь рабочий стол, плотно усеянный густым слоем белой воздушной пыли, я пробежал взглядом по гламурному фону, не понимая как столь ванильная вещь висела надо мной, в то время как я делал уроки во втором городе.

Тогда Ники нравилась мне всерьёз и надолго. Случилось это после того как до моих ушей долетел её куплет в треке «Monster” Канье Веста. Один понтовитый хам, одевавший чёрные «Vans” до того как это стало мейнстримом, включал его на своей допотопной «Motorola”, качая головой возле мужского туалета.

– Кто это поёт? – заинтересовавшись спросил я пальцем указав на мыльницу.

– Не поёт а читает, придурок – хам нахмурил брови, взглянув на меня как на больного проказой, после чего скрылся с глаз долой в оживлённой толпе.

Конечно же, научившись набирать маленькими тощими пальчиками текст на клавиатуре, я нашёл застрявшую в голове исполнительницу.

Заядлый фанатизм продлился долго. С разных уголков мира через «Ebay” ко мне долетали десятки постеров. Один раз, проезжая по пустым улицам ночного города в душном такси, я услышал альбомный трек «Roman Holiday” по радио, обрадовавшись этому словно победе в лотерее.

Одними лишь губами я начал начитывать, схлопотав ироничный взгляд таксиста.

Ах да, в своих руках я прочно сжимал ходящую в разные стороны клетку с обеспокоенным котом (не спрашивайте, что случилось).

И ах да, таксистом была женщина. Она мило рассмеялась удивляясь насколько точно я знаю слова.

Сейчас же, указательным пальцем я смахнул назойливую пыль с розового парика одной из первых девушек, что полюбил чистой любовью.

Ох уж эта «влюблённость средней школы».

Скатав тонкую ткань в аккуратный рулет, я принялся заталкивать её на верхнюю полку шкафа.

– А новый альбом у неё вышел обалденный – прошептал я – Кто бы что не говорил.

Струсив с ладоней приставучие пылинки я медленно подошёл к окну.

На улице царила непроглядная ночь, быстро сменившая собой бледные сумерки. Отрезанный ноготь ярким светом возвышался над тёмной стеной. Показалось, будто в кустах сорняков блеснули два металических глаза.

В зарослях завалялось что-то металлическое.

Зевая я прикрыл рот ладонью. Глаза слипались, будто кто-то упорно тянул веки вниз. В ушах до сих пор стоял шум старого мотора. Тело до сих пор помнит те ощущения: авто, гонящее на скорости 120 километров в час, забытая Богом

объездная и чёртова кочка, возникшая из ниоткуда. «Буц!» «Бам!» – ты взлетаешь, а голова при этом будто пытается проломить собой крышу. Над ней нимбом начинают летать птички как в «Том и Джерри».

Родители копошились внизу. Слышался смех матери. Доносилось размеренное шарканье тапок по кафелю и отчётливый звук кипящего чайника.

На часах девять вечера. «Ранние пташки» не та каста, к числу которых я себя приписывал. Скорее «ночная сова». Почти все мои ночи проходят как у этого пернатого.

Но сегодня не тот день.

Животом я плюхнулся на мягкую уютную кровать, носом уткнувшись в прохладное белое одеяло. «Первое сентября» – вот чёрт, ужасающая цифра. От одного лишь звучания становится жутко.

Мой последний день лета прошёл совсем не романтично, ни капли не напоминая ванильные песни. «Мы будем тусить до рассвета, пока не осушим все бутылки пива» – ничего подобного. И кто же так пел? Не могу вспомнить.

Как итог: осушил я лишь флакон средства от тошноты. По вкусу – еще омерзительней чем миндальное молоко.

Новая школа. Новые люди. Хах, мне не привыкать. Я даже и не буду к ним привязываться, ведь рано или поздно вновь соберу зелёный чемоданчик, сяду в пикап и на полной скорости поеду на встречу «лучшей жизни». Она всегда так близко, но при этом так неподдельно далеко.

«Старшая школа». Первый день в старшей школе, представляющейся в фантазиях двенадцатилетнего Влада настоящим праздником. Он должен быть особенным. Настоящий уверенный широкий шаг во взрослую жизнь. Но перевернувшись на спину и зажмурив глаза я по-настоящему наплевал на все детские ожидания. Они иссякли, сошли на ноль. Всю инициативу об удачном построении новой жизни из меня выжали как сок из лимона.

Тело ватное. Мозги до сих пор как будто нервно подскакивают на кочках. Я весь трясусь как от слабой судороги.

Тот момент, который я всегда ждал с трепетом, сейчас стал обычным рядовым воскресным вечером. Завтра предстоит раскладывать вещи из пыльных тяжёлых коробок, держа в руках очередной хлам испытать, возможно, приятную ностальгию, а также пережить первый учебный день.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ.

«Пережить» – не подходящее слово, как для человека любившего школу и умевшего вливаться в компанию со скоростью света. Навык – и всё тут.

Увидеть двоюродного брата, которого я уже, казалось, не видел лет сто. А к нему я ощущал какую-никакую привязанность. Что-то нас связывало с самых ранних детских лет. Не хочу чтоб эта ниточка оборвалась. Эх, Андрей. Одно из тех самых приятных воспоминаний из детства. Любопытный, переодически наглый черноволосый парень, знавший цену своему несусветному богатству. Интересно, как изме-

нил его подростковый период.

Познакомиться с новыми людьми. Сделать первые выводы. Рассмотреть новый город. Казалось бы, такая знакомая и до боли родная схема – прописная и очевидная.

За чистыми прозрачными окнами звонко пели ночные сверчки, звук которых призвал сон ко мне в четыре раза быстрее. Заснул я тут моментально, во многом благодаря чудесной мягкой кровати.

Ладони парня ужасно влажные от липкого пота. Кристина вздрогнула.

Её светлые волосы золотыми волнами полностью укрывали спину. Их она не мыла, должно быть, уже два дня. В том противном старом здании день со днём не сыщешь воды. Вместо неё там водка. Реки водки.

Они шли в неизвестном направлении, всё дальше и дальше в ночной лес. Светлый дымок витал над сырой землёй. Густую листву пробивал разноцветный свет стробоскопов. Вдалеке играла надоедливая песня Maroon 5. Из-за посторонних звуков, не естественных для дикой природы, ночные совы (постоянные жители этих краёв) ещё давно умолкли.

Парень, как бы сказать помягче – хилый вариант на одну ночь. Из подмышек несло как из канализационной ямы. Грязные зубы, между которыми прослеживались крошки чипсов с паприкой виднелись даже в сумерках. В белом свете луны кожа казалась ещё бледнее чем там – в сквоте. Как

сгущённое молоко. Как кусок белоснежного мела.

Стало холодно – чем дальше в лес, тем холоднее. Мимо пролетела загадочная тень, осев на ветке соседней сосны.

Кристина испугалась: это мог быть и филин, и летучая мышь.

Обстановка становилась тухлее и тухлее с каждым его новым анекдотом. И кто их ему рассказал? Бабушка, играя партию в шахматы?

В тёмных глазах парня искрилась надежда, и это было забавно. Кристине хотелось рассмеяться и бросить: «подотри слюнки, малыш». Парень добивался её уже третий день подряд. И вот, был у цели.

Вода в хрустальном озере переливалась в свете полной луны. Невероятная красота. Круглый месяц застыл над водной гладью и слепил глаза.

Ветки высочайших деревьев, окруживших водоём по всему периметру, искрились в его свете как новогодние гирлянды. Тут хотелось дышать полной грудью. Тут это казалось высочайшим наслаждением.

Это место магическое – дарит ощущение невесомости и полного счастья. Когда босые ноги впервые ступают на холодный песок узкого пляжа озера – хочется расправить руки и ловить ими воздушные потоки. Хочется кричать, вслушиваясь в своё эхо, отбивающееся от пустоты.

Вода кажется идеально чистым гигантским зеркалом. В

отражении Кристина увидела выедающий глаза розовый топ. Он слегка скосился. Левая грудь могла вывалиться с минуты на минуту.

Парень забросил камень в воду. Блондинка с хитрой ухмылкой всмотрелась в его отражение: лицо полностью исказилось из-за мелких уходящих в разные стороны волнующихся волн. Левый глаз уплыл вниз как яичница-глазунья, вываливающаяся из сковороды. Рот скосился набок. Как портрет Пикассо, только если бы он изображал бледного пахнущего табаком подростка.

Улыбка Кристины становилась всё шире и шире. Парень с облегчением это заметил.

«А может быть и удастся?»– про себя спросил он.

Подойдя к ней сзади, он обхватил тонкую талию руками. Девушка сжалась как испуганный ёжик. Её спина чувствовала твёрдое холодное стекло миниатюрной бутылки водки «Абсолют», хранящейся в переднем кармане джинс парня.

Холодные потные руки скользили по её коже. Не совсем приятные ощущения.

Кристина выпуталась из его хватки с грациозностью арабской танцовщицы. Она обхватила его ладони, развернувшись на триста шестьдесят градусов. Нос почти уткнулся в его подбородок. Слышалось зловонное дыхание.

Травка и спирт. Спирт и травка. Все его интересы и цели на ближайшие года жизни.

В спину дул холодный ветерок. Сейчас она была мокрой

от его пота.

Но это озеро сводило с ума. В груди всё перехватывало. Казалось, что сейчас она могла сделать что угодно.

И она собиралась сделать что угодно.

Веселиться как в последний раз. Танцевать, будто завтрашний день не настанет.

Как-будто это место давало надышаться перед…

Кристина достала телефон из кармана вельветовой сумки. Старый смартфон «Samsung” с трещиной во весь экран.

– Что ты делаешь? – промямлил парень. Его голос был похож на то, что в его ноздри кто-то глубоко затолкал бумажные салфетки.

Ужасный голос.

– Подбираю нам саундтрек – на самом то деле она ничего не подбирала. Клацнула на первую песню в медиатеке «Spotify”.

В алфавитном порядке самой первой шла Бритни.

«Раз, два, три.Тут не только ты и я»

Песня совсем не подходила под ситуацию. И плевать – всё что хотелось, так это танцевать.

Парень удивлённо нахмурил брови:

– «3»? Песня про групповушку? Лучше ничего не нашлось?

Кристина протянула тонкий указательный палец к его устам. В свете луны переливался розовый шилак.

– Ш-ш-ш, просто молчи и танцуй.

Она отступила от него на несколько шагов. Руки взмыли в воздух, вытворяя непонятные движения. Непонятные, но получилось эротично.

Судя по выражению лица парня – это был самый сексуальный танец его жизни.

«Намечается стояк» – про себя хмыкнула Кристина.

Руки плавно двигались в воздухе, будто скользя по лунному свету. Он сочился сквозь пальцы. Густые длинные волосы блестели от него как у лесной нимфы.

Она и правда выглядела такой, танцуя посреди леса. Очаровательная фея неземной красоты, стреляющая глазами по сторонам.

Ладони опустились на тело, проникнув под топ.

Она полностью отдалась ритму, взмахивая волосами и продолжая щупать себя как что-то диковинное.

«Жить в грехе – это новая фишка» – поёт Бритни.

Парень будто окаменел. Кристина схватила его за руку, притягивая к себе как неподъемный груз.

– Давай, танцуй! – смеясь выкрикнула она. Бёдра не прекращая ходили из стороны в сторону.

Началась кульминация. Подвижные ладони вцепились в топ. Ногти впились в яркую шёлковую ткань. Ей нравилось смотреть на его озадаченное выражение лица.

Хотелось прибить его до конца.

Развернувшись спиной к парню, девушка сдёрнула с себя топик, небрежно откинув в сторону на белый песок. Упра-

вившись с шортами, она бросила их рядом.

На голом стройном теле остались лишь алые стринги. Верхнюю часть ягодиц плотно прикрывали густые волосы. Вся спина скрылась за ними.

Девушка кинула взгляд через плечо, подмигнув парню. Оценив смешное лицо Кристина хихикнула.

– Хочешь получить это – следуй за мной.

Старый приёмчик с ночными купаниями. От такого у парней всегда срывает крышу. Бритни продолжала играть, когда блондинка уверенно шагнула в холодную воду. Тело мигом пробрала дрожь, но озеро манило.

Белые косы расплывались тонкими лучами по водной глади. Уплывая, девушка оставляла за собой светлый след, искрящийся в бликах луны.

Парень чувствовал стояк. В трусах всё окаменело. Стало ужасно неловко раздеться.

Но она манила – скорее всего, самая красивая девушка его жизни. И сейчас, она могла с лёгкостью стать его. Нужно лишь только доплыть.

Он снял белую футболку. Стало неудобно за красноватый шрам аппендицита, тянущийся от пупка до лобка. Стянул джинсы. Стояк очень выбивался видимыми контурами на белых трусах.

Вдох-выдох. Она ничего не увидит в тёмной воде.

Футболка и джинсы полетели к одежде девушки. Их мигом засыпали мелкие песчаные пылинки.

Парень сделал шаг в воду. Ещё один. Холодная водная гладь поглотила всё тело.

«Лучшая ночь в моей жизни» – бубнил парень, вспоминая дивный момент. Её обнажённое тело в его руках. Они кружат в воде. Танцуют в свете луны, забыв о неприятном холоде.

Он ступил на берег. Внутри фейерверк. Снаружи фейерверк.

Песок прилип к ступне.

Стало чертовски холодно. Каждый миллиметр тела чувствовал малейшее рвение свежего лесного ветра. Хотелось скорее накинуть одежду.

Парень удивлённо взглянул на место, где он её оставил. Ничего. Всё исчезло.

Кристина вышла следом, прикрывая грудь кистями рук. Как Афродита, рождаясь в ракушке.

Пританцовывающая. Припрыгивающая. Глупо улыбающаяся.

Она была так же счастлива. До того, как заметила что вся одежда пропала.

– Чёрт, где она? – улыбка погасла. Тело пережало от холода.

– Я… я… – парень заикался. Зуб на зуб не попадал – Не вижу её – он прошёл вдаль. Пляж пуст.

– Этого не может б-б-быть – Кристину трясло – Мы тут одни!

Парень ступил на сырой чернозём. Голая ступня проваливалась в мягкой земле. Редкая трава щекотала кожу. Он шёл в направлении чащи леса, всматриваясь в темноту. Будто одежда могла оказаться там.

– Стой! Не оставляй меня! – блондинка обхватила себя руками. Ладонями она чувствовала ходившую по спине дрожь.

Она была совершенно одна.

Голая точеная нимфа посреди леса.

«Ещё один порыв ветра – сказала она себе – И я сойду с ума»

Силуэт парня замер, будто он оцепенев засмотрелся в одну точку. На его бледной коже мелькнуло что-то красное.

Из-за тёмных теней рассмотреть всё в точности не получалось.

Через секунду он рухнул на землю. Тело застыло в окружении могучих сосен. Его начал неторопливо обволакивать ночной туман. Алые капли блестели в свете луны.

Кристина вскрикнула.

«Кровь-кровь-кровь»

Она встала на месте, всматриваясь в темноту.

Среди зарослей мелькнула белая маска. Длинный остроконечный клюв, загибающийся как полумесяц, две тёмные дырки для глаз – чумной доктор. Венецианская маска чумного доктора, Кристина помнила её с путешествия по Италии.

На этих весенних каникулах она была у тёти в Виченции. Там она держит уютную домашнюю пиццерию, подрабатывая дизайнером носков для местного бренда.

На пасху Кристина, её двоюродная сестра и тетя отправились на поезде в Венецию. Два часа – и ты на вокзале посреди узких каналов.

В одной из лавок рядом с площадью Сан-Марко висела эта жуткая маска. Она привлекла внимание девушки своей странностью.

Сейчас, точно такая маска смотрела в её сторону. Мрак леса обволакивал чёрный спортивный костюм незнакомца – он будто был частью тьмы.

В его больших ладонях блеснуло лезвие, окропленное кровью. Топор, проделавший дырку в голове парня.

«Убегай-убегай-убегай» – пришлось заставлять себя начинать двигаться. Тело оцепенело. Кристина чувствовала безысходность – голая, в самой глуши тёмного леса. До города пятнадцать минут на машине. Кричать бессмысленно. В сквоте на всю мощь играет музыка – танцующие придурки попросту её не услышат.

«Делай ноги» – блондинка дёрнула в другую сторону. Тело парня и белая маска остались позади.

Из мрака чащи леса выныривает белоснежный клюв, забрызганный молодой кровью. Белоснежность маски портится из-за мелких капель.

Незнакомец бежит за голой девушкой. Мокрые длинные

волосы висят тяжёлым балластом сзади.

Стена высоких елей возвышается над головой. Возможно, там удасться спрятаться.

Она забегает в чащу. Громкие шаги стихают. Чёрный силуэт позади.

По щекам текут слёзы. У девушки паника. Она прижимается к ближайшему толстому стволу, переводя дыхание.

«Что за чёрт, что за…»

Выглянув, она никого не обнаруживает. Лишь тени, наблюдающие красными глазами с высоких веток. Должно быть, это вороны.

Она одна. Убедившись в этом, девушка всхлипывает. Ещё раз и ещё раз. Начинается истерика. Друга убили прямо у неё на глазах. Тело сковывает холод, а по её следам идёт психопат.

Стоит бежать дальше. Выходить к сквоту по свету неоновых огней. Она видит их – фиолетовый лазер пробивает ночное небо.

Кристина делает шаг, чувствуя острую шишку под пяткой. «Насчёт три – бегу».

Всхлипывания не прекращаются. Девушка готовится с мыслями, одновременно ладонью стирая слёзы.

Треск. Шаг. Кто-то сзади.

Удар.

Кристина не успела повернуться.

Психопат играл с ней в игру. Он видел всё – надежду в

глазах, с которой она выглядывала из-за дерева. Готовность бежать. Отчаянное желание бороться за жизнь.

Подобравшись сзади, он использовал знакомый приём – удар деревянной стороной топора по макушке.

Она упала на холодную землю. Под животом чувствовались острые опилки. Холодная мягковатая земля.

Хватило силы лишь на то, чтоб перевернутся на спину. Хватило сил лишь на последний взгляд на мир.

Кристина открыла глаза. Над ней, почти касаясь окровавленной щеки острым клювом, застыл незнакомец. Белая маска чумного доктора нагнетала ужас. Из двух дырок оценивающе глядели безумные глаза. Его зрачки расширились, будто зрелище доставляло ему неописуемое удовольствие.

Умирая, девушка чувствовала его дыхание своей кожей. Шумное сбитое дыхание.

Скорее всего безумец дышал ртом. Его выдохи пахли табаком.

Она закрыла глаза дрожа от кончиков пальцев и до кончиков длинных волос. Открыв глаза в последний раз, в мутной картине леса она разглядела выстроившихся вокруг людей. Тёмные мантии, развивающиеся на ветру. Они окружили её, прикрывая нутро массивными капюшонами. Они всматривались в умирающую девушку.

Лица незнакомцев поглотила тьма. Казалось, их были десятки. Они подходили всё ближе и ближе, окружая голое тело.

«Чумной доктор» продолжал нависать над девушкой.

– Кто вы? – хриплым шёпотом спросила девушка у незнакомцев в странных костюмах. Это были последние слова Кристины.

Замахнувшись, незнакомец рассёк светлую голову острым лезвием.

Брызги хлынули на маску.

Алая кровь потекла вниз по светлым косам. **Через секунды казалось что натуральный цвет волос девушки – тёмно-красный**.

Холод. Пробирающий мерзкий сквозняк неприятно прошёлся по укрытому тёплым покрывалом телу с головы до ног. Именно он нарушил крепкий сон, заставив с большой неохотой продрать глаза и осмотреть новые декорации вокруг себя.

Клятое окно, выглядывающее на зелёную стену леса, открыто, предательски пускает в уютную спальню холодный ночной воздух, словно непрошеного незнакомца.

Я подошёл к окну и силой закрыл его, произведя звучный грохот прокатившийся по дому. Сейчас я словно продолжал спать, блуждая как лунатик по комнате. Странное чувство. Я вспоминаю картинки вокруг себя будто сквозь туман. Может быть из-за этого произошедшее далее показалось мне жутким сном. Настоящим кошмаром.

Обернувшись, картина что я увидел шокировала и заста-

вила отпустить непоколебимое чувство сна. Передо мной стояла пожилая рыжая дама, в груди её насквозь светила глубокая дыра. Внутри капали алые капельки крови. Казалось, будто сквозь старуху прошлось настоящее ядро пушки, служившее орудием во времена дворцов и могущественных империй. Всё лицо незнакомки густо усеяно морщинами, уступая по морщинистости только мопсам. Уголки узких пересушенных губ нервно дрожали, будто она вот-вот что-то скажет.

Ещё одна странная особенность ночного гостя, сразу обратившая на себя внимание: в её глазах нет зрачков, они полностью белые, будто внутри старого тела находилась пугающая пустота. Старуха казалась бездушной. Словно передо мной стоял недавно похороненный мертвец, вылезший из могилы.

Первое жуткое происшествие случившееся со мной и знаменовавшее приезд в город запомнится надолго. Ни застывшие на трёх часах ночи стрелки часов, ни мои глаза, слипавшиеся с каждой секундой всё сильнее, не смогли смазать воспоминания о той женщине, рыжие локоны которой игриво завивались свисая вниз.

Её рот медленно отворился, выпустив изнутри тихий старческий стон, окутавший быстрыми мурашками всё тело. Она будто долго собиралась, перед тем как жутким, полным страха и отчаяния голосом произнести: «Да сохранит Бог твою молодую кровь!».

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

”Здравомыслие – лишь маленькая коробка, безумие же – всё”

(с) Чарльз Мэнсон

Глава 1 #ТайнаяИсторияАдрианы

ПОДСЛУШАНО.

Свежие сплетни города и школы Дилана Грина за три секунды.

(Пост в Фейсбук от 13 мая 2018-го года)

«Хотите нереально-супер-дупер-офигенно удивительный факт? До 2015 каждый год самым обсуждаемым классом становился выпускной. Это всё за счёт ужасающего всеразрушающего полового созревания, которое после годов мучений и терзаний наконец сруливает. Будто ему в какой-то момент просто становится влом насиловать каждый миллиметр твоего тела. Оно будто плюёт на всю свою грязную работёнку и ускакивает в закат. Прыщи сходят на нет, сиськи вырастают до апофеозных размеров, а сама ты не потеешь с поводом и без. Ты наконец начинаешь нравиться себе, ты можешь проходить мимо зеркал и при этом не воротить носом как от горы разлагающегося на солнце мусора. Ты становишься НОРМАЛЬНОЙ. Ты понимаешь, что всё добро расцветаю-

щее в тебе как лучшая роза ботанического сада надо куда-то девать.

На этой почве у старшего класса образуется нарочитая сексуальность (вы же понимаете, что сейчас мы говорим про популярных особей).

!НО! в этом году случился конкретный разлом устоявшейся годами рейтинговой таблицы.

Назовите хоть пару имён людей учащихся в выпускном классе (знаю, назвали, молодцы, вопрос был риторическим). Их как-бы все видят, но всем на них насрать.

А почему?

Да потому что они находятся в тени!

Вчера же определитель количества тегов в твитах и постах учащихся нашей школы показал, что количество упоминаний #9класс превышает упоминания #12класс ровно (присядьте и отдышитесь) в сраных ЧЕТЫРЕ РАЗА.

Я уверенна на сто десять процентов что вы знаете благодаря кому это… Четыре звучных имени (к ним в комплекте добавкой идёт пятое, но c'mon, кому интересна эта жупа?) знает весь город.

Ими мечтает быть каждый.

Ими хочет быть каждый.

Но не каждый знает что они скрывают.

Не каждый знает кто они на самом деле…»

Я заорал, даже и не помню насколько громко. Уши будто

заложило. Все звуки стали тихими, за исключением загробного голоса.

Сейчас объясню, что в моём понимании «загробный» – надрывистый, лишённый эмоций, такой голос, от которого мурашки идут по коже.

Скорее всего, в стоявшем в десяти метрах от нашего, таком же сером доме, мой крик эхом дошёл до мирно лежавших в кровати соседей.

Я лёг на кровать и закрыл глаза, пытаясь абстрагироваться от безумной ситуации, произошедшей со мной. Я будто отказался её принимать, продолжая кричать плюхнувшись головой в подушку. Глаза стали влажными. Ощущение, будто я нахожусь в глубоком сне. Меня тошнит, перед глазами всё расплывается.

Лестница скрипит. Слышатся шаги и озадаченные вздохи.

Голова кружится. Вижу как включается свет в коридоре, заставив отбросить тень стоявшую на шкафу статуэтку крокодила.

Я закрываю глаза вновь. Всё тело дрожит, медленно становится горячим. Кажется, женщина с дыркой в животе до сих пор стоит рядом.

Мне понадобилось немало усилий чтобы вновь открыть глаза. Никакой старухи не было в помине, зато в дверь, на которой висело небольшое зеркальце, чуть не треснувшее от резкого хлопка, вбежали испуганные родители.

Казалось бы, ведь для них это было совершенно не ново,

ещё с глубокого детства меня мучили ночные кошмары. Я любил всех будить истошными криками, каждую ночь вскакивая с кровати.

Для родителей мои ночные кошмары были чем-то обычным. Будничным. Каждодневным. Я представлял картину, когда слыша истошные вопли мой папа продирает глаза и шепчет маме «Может не пойдём?», а она в ответ «Ты чего? Он не прекратит орать если мы не зайдём». И так каждую ночь.

Содержание моих сновидений – отдельная мрачная тема.

Дыхание восстанавливается. Мама прижимает меня к себе, а я уже не в силах чётко описать то, что увидел. Лишь обрывки слов вылетают из уст.

То, что я увидел эту пугающую старуху показалось очередным ночным кошмаром, но черт возьми, какой же он реалистичный. Казалось, что если бы я совсем чуть-чуть вытянул руку вперёд, то смог потрогать этого человека, живот которого неестественно продырявлен насквозь. Она стояла передо мной. Я чувствовал её размеренное дыхание, или это просто сквозняк охватывал тело?

Я заснул прямо в объятиях. Сон продолжился, было ощущение будто я внезапно рухнул в темноту.

И так всю оставшуюся ночь.

Меня затягивает глубокая пучина сна, ну а я старательно пытаюсь выплыть наверх. Открываю глаза, ловлю мутные картины теней комнаты, луны-ноготка, заливающей светом

кровать, и вновь закрываю. Пучина засасывает обратно.

Просыпался я раз десять, и каждый раз требовалось пару секунд чтобы вновь заснуть.

И каждый раз казалось что рыжая дама стоит рядом, опустив сморщенную ладонь на спинку кровати. Она всматривается в моё лицо. Она старается меня предостеречь.

«От чего?»

В семь часов утра открыть глаза – пытка. На будильнике в телефоне стоит лай злобной собаки, заставляющий подскочить меня как военнослужащего. Ненавижу этот рингтон. Даже сквозь приятный сон мерзкий звук царапает нервы.

Я готов к первому учебному дню. По крайней мере, я сказал это самому себе поднимаясь с кровати. Уже прогресс. Готов так, как и все остальные ученики свыкались с тем, что лето окончено.

(Внимание! Далее идёт чертовски длинная метафора.)

Словно красивый непродолжительный роман на двести страниц, наполненный яркими красками и пьянящими приключениями, он обрывается на самом интересном. Начинался новый, более длинный том под названием «Старшая школа», достаточно сложный в прочтении. Этот том, благодаря его закрученным метафорам и сложному стилю письма дано осилить далеко не каждому. Кто-то небрежно откинет его на запыленную верхнюю полку, оставив на половине. Кто-то пыхча как паровоз будет усердно читать до конца, с замиранием сердца переживая резкие сюжетные повороты и неод-

нозначные решения автора.

Получит ли что-то тот, кто дочитав последний абзац с гордостью закроет книгу? Вполне возможно.

С сегодняшнего дня мне предстоит это узнать.

Кошмар ночи сам собой забылся, оставшись на кровати вместе с усталостью, и я был наполнен энергией, опустив не самое прекрасное лето и уверенно идя навстречу новой истории.

Чувство, будто внутри меня сидит талантливый улыбчивый психолог. Он из всех сил старается подавить разгоравшуюся внутри бурю банальными фразами: «На встречу новым приключениям!», «Ты сможешь Влад!», «Это же старшая школа, Влад!».

Я никогда не нервничал перед первыми днями в новых школах. Скорее из-за того, что в моей жизни их чересчур много.

И не все они радостные.

Допустим, первый день в государственной школе самого опасного района столицы. В воздухе витает запах травки, а мимо ходят высокие старшеклассники в стойко пахнущих потом толстовках «Янки». У них настолько грозные взгляды, будто вот-вот и один из них натянет мне трусы на голову.

Или первое сентября в «рыбном городе». Закрывая дверь шкафчика я совсем не заметил, как рядом очутилась рыжая пухлолицая девчонка. Она хотела поздороваться. Улыбнувшись, рыжая обнажила челюсть. Там не было передних зу-

бов.

А это страшнее чем любой ужастик. Мерзопакостней чем трёхчасовые видео на Ютуб о свойствах кала.

Но рано или поздно всё устаканивалось. Я не становился предметом буллинга. Никогда. (Почти никогда).

Знаете тех персонажей из тинейджерских сериалов 90-х? Только не те, которые с крутыми начесами, в баскетбольных куртках и ездят на кабриолетах. Там есть другой подтип: хипстеры, грезящие о лучшем колледже из существующих в Лиге Плюща. Они пытаются быть настолько идеальными, насколько это вообще возможно.

Не хочу показаться самонадеянным, но к чему можно придраться во мне? У меня не сальная голова. От подмышек не несёт как от прорванных труб. Между зубами не застревают крупные куски недавно съеденной котлеты или торта.

Пай мальчик, с какой стороны не посмотри: послушный отличник, что улыбнется тебе прежде чем сядет на велик и уедет в закат.

Он не будет грубить. Он не будет вульгарно шутить о сексе. Он не достанет из рюкзака бутылку дешёвого ликёра, а в его портфеле точно не сыскать сигарет.

Как же я назвал себя, если бы увидел со стороны? Скорее всего, «мальчишка-вспышка». Я менял новые города как перчатки, задерживаясь в них максимум на два года. Чересчур правильный, чересчур «типичный» чтобы заставлять других говорить о себе после отъезда.

Люди, только успев привыкнуть и привязаться, прощались со мной. Поэтому как итог на моём лице засело выражение: «Не обольщайся, я тут проездом».

Родной город, в котором я прожил первые рекордные 10 лет жизни в воспоминаниях казался идеальной утопией: возможно, наше детство всегда воспринимает всё как-будто под красочной призмой?

И знаете, я не особой расстраивался из-за кочевой жизни: может быть, таков мой характер. Мой портрет. Мои вкусы. Мне нравились постоянно меняющиеся пейзажи и лица за окном. Я не ощущал привязанности. Мне нравилось обживать новые места. Это наверное странно, но я никогда не ощущал привязанности ни к одному городу, кроме родного. И то, понял это на подсознательном уровне, каждую ночь видев с ним сны. С бабушкой, прогоняющей ящерицу из спальни. С наглым серым котом, моим единственным любимцем, который однажды просто не вернулся домой с очередной прогулки…

А теперь о вливании в коллектив: всё предельно просто. Придерживайся придуманных и проверенных другими людьми правил:

– Будь активным на уроках. Так ты никогда не уйдёшь в тень. Быть тенью не круто, как и не круто быть выделяющимся изгоем, чересчур громким и неоднозначным для того чтобы стать «нормальным».

– В компании обдумывай поступки на несколько шагов

вперёд. Не шути, когда сомневаешься в своём юморе. Поддерживай разговор – смейся, возмущайся, когда надо поддакивай.

– Если в твою сторону полетели насмешки – усеки их на корню. Не позволь кому-то почувствовать твою слабинку.

– Чтоб усечь насмешки раз и навсегда – учись грамотно и колко отвечать. Для этого читай, развивай дедуктивный метод и интуицию. Так, чтоб при виде обидчика ты сразу мог сложить портрет. Сразу мог подобрать колкость. У меня с этим проблем нет – сарказм и едкость, порой вытекающие ручьями, заложены в генетическом коде.

– Чтоб усечь издёвки – что ж, учись драться. Не бойся постоять за себя – в школьных драках ещё никто не умер (информация не проверена).

Уроки начинались в девять, а я пришёл без пятнадцати, потому что боявшись опоздать гнал смотря на карту в Гугле и не замечая вокруг себя ничего. Я и не заметил, как на повороте, за магазином «7/11», началась пробка. Сигналы, маты, звук стирающихся об асфальт шин. Все спешили первыми попасть на школьную парковку. Я рядом. «5 минут до пункта назначения» – констатирует Гугл.

Выходя из дома я включил подкаст. Выбирать не пришлось – в городе он один.

«Доброе утро город! – говорил мужчина не то чтобы со старым голосом, но и не с молодым. На слух – лет 50 – А

вы уже готовы к Осеннему Дню Возрождения? Конечно же, это лето было не самым лёгким. Смерть несчастной девочки омрачила наше существование. Тихий городок не привык к подобным потрясениям…

Давайте о приятном. Что для вас значит наш город? Может быть для кого-то это невероятной красоты зелёные леса? Может быть для вас это тёмные мрачные заводы, будто серые монстры прорывающие как стрелами тёмным дымом голубое небо? Может быть для кого-то это тихие посиделки с друзьями в «Пауках Сумрака»? В чём я точно уверен, для большинства наш город в первую очередь– семья. Я думаю вы меня поймёте: тут даже просто проходясь по улице невозможно встретить новое лицо. Мы же все друг-друга знаем? Разве не так, мой город?

А что для ТЕБЯ значит твой город? Самые интересные ответы я зачитаю в своём вечернем подкасте, в аккурат перед началом праздника»

Хм, похоже тут грань между «подкастом» и «радио» стиралась до неразличимости.

На узкой дороге, окружённой серыми невысокими домами, продолжала тянуться пробка. Район оживился. На тротуарах появились велосипедисты.

Оживление произошло лишь за счёт подростков и родителей, провожающих их. Все остальные продолжали сидеть за стенами домов.

Череда автомобилей и сигналов продолжала тянуться да-

же когда череда картонных будок завершилась. Возникла густая посадка. Настоящий карликовый лес, заросли которого не пропускали утреннее солнце.

На перекрёстке, резко образовывавшемся после густой посадки, перед серым зданием школы меня чуть не сбил «Ровер» металлического цвета. Водитель нервно посигналил вслед, растворившись в натыканных одна на одной машинах паркинга.

С мыслью, что через два месяца прийдётся сдавать на права тело окутывает дрожь.

Перед лазурным зданием в аккуратные ряды выстроились автомобили. Из металлического «Ровера» выскользнул парень в американке, недоброжелательно сверкнув глазами. Он окинул меня взглядом через плечо, прежде чем раствориться в толпе.

На капоте красной «Cherry”, закинув нога на ногу, сидели девчонки в одинаковых мини-юбках. Наградив меня заинтересованным взглядом они продолжили разговор.

Тогда я ещё не произвёл того фурора.

Пока они не узнали

Пока…

Парковка залилась солнцем. Лобовые стёкла автомобилей заискрились в его свете. Лазурь стен школы медленно меняла цвет: чем больше солнце выходило из-за тучи, тем более прозрачной она становилась.

В глаза бросился главный вход школы: невысокая каменная арка облепленная потрескавшейся штукатуркой. Прямо на ней висела броская бронзовая табличка: «ГОРОДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА ИМЕНИ ДИЛАНА ГРИНА».

«Ну, привет»

Снять наушники я решился лишь после того, как на мой кед наступил спешивший азиат.

Может быть дело вовсе не в металлическом «Ровере» и не в суетливом азиате, а во мне? Может быть сзади меня висит записка «ТОЛКНИ МЕНЯ! СБЕЙ МЕНЯ!». Прямо на входе школы ещё три человека решили наступить мне на ногу.

Первый день учебного года. Все спешили. Все припёрлись рано. Все страстно желали заполучить себе в распоряжение лучший шкафчик сверху. Все страстно хотели произвести впечатление на новых учителей, прискакав раньше и гордо развалиться посреди первой парты. При этом все страстно желали обсудить горячие сплетни лета, а их за три тёплых месяца прибавилось достаточно.

Порой, сплетни казались мрачнее чем на первый взгляд.

В ушах до сих пор звенел мужской голос: Смерть девочки? Это что-то интересное.

Школа большая, современная. Выкрашенная в приятные сине-голубые тона, создававшие вокруг ощущение лета, только что ушедшего и унесшего за собой и воспоминания о городке, плохо пахнущем рыбой, и одиноких закатах, плав-

но уходивших под буйную водную гладь… Новая история. И опять вся жизнь с чистого листа. И опять все эмоции и привязанности накопленные за эти месяцы сошли на «нет».

Взглянув в зеркало, висевшее у входа, я расстегнул верхнюю пуговицу. Не знаю, зачем это. На мне белая рубашка, синие штаны и того же цвета мокасины. Их я предпочитал носить без носков.

А теперь первый вывод: это самая красивая школа в которой мне приходилось учиться. Тут даже пахнет по-другому. Ни рыбой, ни травкой, ни туалетом, в воздухе витает чистота…

И в целом, по-другому быть не могло. В этом городе и обычные рабочие, и те самые пафосные дети олигархов ходили в одно единственное учебное заведение. Тут лоб-в-лоб сталкивались две крайности, с детства прививая ребёнку умение бороться в этом мире за место под солнцем в неравных условиях.

Дети тут обычные и поверхностные на первый взгляд. Прислушавшись, я услыхал не одну сотню вульгарных банальных шуток. Компания девчонок обсуждали фильтр в инстаграмме, который по словам одной из них «сильно уж отдаёт голубым». И так по кругу: «пошлый прикол – фильтр в инстаграмме – сплетня – сплетня – сплетня…»

Может быть, среди них и были обсуждающие другие темы. Возможно, они просто затерялись в толпе.

У женского туалета уже собралась очередь, обходить ко-

торую пришлось под стенкой. Меня в очередной раз толкнули. На этот раз низкорослый парень с устаревшей длинной причёской. На вид не больше метра шестидесяти ростом.

Я был в центре бурлящей толпы, даже и не пытаясь никак выделиться. Сейчас это незачем. Сейчас все чересчур увлеченны своими проблемами.

Иногда я, как новенький, всё таки вызывал интерес. Кто-то из очереди в туалет ткнул на меня пальцем. Рыжеволосая девчонка, облокотившаяся спиной об шкафчик явно начала обсуждать меня с подругой.

Толпа, словно куча муравьев сгущалась вокруг, не замечая и целенаправленно идя вперёд. Переодически особо широкоплечие особи задевали меня, крича вслед: «Смотри куда прёшь!»

Мой шкафчик находился напротив кабинета биологии. Внутри него вся поверхность усыпана толстым слоем пыли. На дверце виднеется след от розовой жвачки. Кто-то старательно пытался оторвать её, но маленькое липкое пятно всё равно виднелось на стали. Рядом с ним висела наклейка с Джейком из «Времени Приключений», тут же был «Гамбл» и другие персонажи программ «Carton network”. Учебник прикрыл стёртый стикер с Мисиксом из «Рика и Морти».

Раньше тут обосновывался фанат мультсериалов.

Настораживает.

Кажется, энтузиазм вернулся. Покинув меня вчера вечером и выйдя через парадную дверь дома он вновь пришел,

заставляя опущенные уголки губ медленно подняться ввысь. Это захолустье не самое неприятное. Даже какое-то неожиданно необычные, что ли. Город со своими странностями – это притягивало.

В коридоре стоял ужасный шум, создаваемый многочисленными криками и смешками. Впереди бушевал настоящий океан из человеческих тел, стремящийся засосать в себя.

Растерянно осмотрев таблички на прозрачных дверях кабинетов, которые должны были помогать новеньким с ориентировкой, но на деле только усложняли первую прогулку по школьному коридору, я пытался найти кабинет математики.

Вдруг гул прекратился. Будто по чему-то приказу, оживлённые учащиеся прекратили обсуждения и уставились в одну точку, приближающуюся ко мне.

Я услышал знакомый с детства голос:

– Влад, братишка, наконец-то ты тут! – мужественный грубый бас казался таким незнакомым и новым, что в нём я смог узнать двоюродного брата только рассмотрев лицо. Андрей, сын того самого миллионера. Я ещё давно знал что ходит он в обычную школу. Это его отец подсмотрел у Билла Гейтса, по-моему. «Ты достигнешь большего в жизни если будешь расти в окружении обычных детей и выгрызать успех в жизни своими же зубами» – с такими словами Арсений отправил Андрея учится в обычную общеобразовательную школу, променяв ею престижный швейцарский интер-

нат для мальчиков.

Если бы вы могли увидеть Андрея, то половине из вас он бы не понравился. Самовлюблённый засранец, которого в жизни ничего больше не интересовало кроме своей торчащей чёлки. Из отличительных примет, по которым его можно узнать: густые чёрные волосы, волевая мужественная челюсть, широкие плечи и ужасная привычка насмехаться над всеми вокруг. Взгляд у него всегда саркастичный и оценивающий. Но я по настоящему рад его видеть. В детстве мы были лучшими друзьями: с общими темами и поделенными на два страхами и переживаниями. Так происходит, когда самые ранние года жизни разделяешь с кем-то. Становишься эмоционально привязанным. Размышляя над своей жизнью в машине я понял, что те два года проведенные в городе у моря мне реально его не хватало. В жизни бы не подумал.

Его лицо изменилось почти до неузнаваемости. Из уверенного гордого юноши он превратился в высокого мужчину, прибавив к своим чертам нотки нахальности.

Шагал он уверенно и самодовольно, обнимая за талию незнакомую мне брюнетку в топике и шортах. Она очень черная и неестественно загоревшая. Видимо поклонница автозагара и солярия. Интересно, кто-то ещё считает модным этот «рак в коробке»?

Также она очень тощая. Её ноги напоминали две спички, которые вот-вот и сломаются. Постоянно чавкая она обнажала фиолетовую жвачку во рту. Алина, или просто Али –

вот как мне её представили. Видимо, та самая стервозная, напыщенная и гламурная девушка самого популярного парня школы. Всё как в кино. Она словно пролетала над застывшей вокруг толпой. Казалось, её высокие шпильки парят по воздуху проносясь над лазурным кафелем.

Рядом с ними шла в линейку ещё одна пара, с которыми меня непременно познакомили: качок-спортсмен Макс, одетый как истинный подросток-баскетболист из клишированных тин-муви в куртку американку, нежно обнимал за талию типичную барби-блондинку Каролину, уверенно шагающую на высоких шпильках. Я сразу осознал что в этой школе нет никакого дресс-кода. Это можно понять по вызывающим высоченным каблукам, придающим девчонкам где-то плюс десять сантиметров в росте.

Рядом с двумя парами одиноко шел самый худой из компании парень, представился Никитой. Под глазами синие мешки, придающие взгляду тоски. Бегающие серые глаза цвета кострового дыма, растрепанные в разные стороны чёрные волосы и тощая правая рука, ожидающая рукопожатия.

– Влад – улыбнулся я, пожав ладонь. Невероятно холодное тело, будто бы перед первым сентября он специально отмокал в чане с ледяной водой. Кожа совпадает с цветом глаз – такая же мрачно-бледная. До ужаса. Один из представителей того типажа людей, видя которых сразу хочется пожалеть. На фоне уверенных друзей он выглядел настоящим аутсайдером, явно не подходящим ни под какие каноны гламурной

тусовки.

Он встал в моих глазах изогнутым вопросительным знаком. Что бледный, несчастный парниша забыл среди гордо шагающей компании, одной лишь своей походкой напоминающей обывателей ночных клубов Голливуда? Взглянув в его глаза, которые он из всех сил старался отводить дабы не пересечься со мной, я сразу же мог сложить его характеристику: замкнутый с детства, любит пропускать ужины говоря маме что поел у друзей. Скорее всего его мучают частые запоры. Не исключено, что опасные белые длинные глисты живут да здравствуют в его животе. Любит ложиться в три часа ночи, смотря классические американские комедии через маленький экран смартфона и сажая зрение. Читает фантастические романы, фанат «Звёздных Воин» и «Стартрека», а также, вполне возможно, души не чает в аниме. Любитель вздрочнуть перед сном, испытывает массу неудобств во время общения с девушками.

Все они одеты дороже чем остальные в школе, это заметно даже по фасонам и качеству ткани. Друзья моего брата носили исключительно люксовые бренды, это било ярким огнём в глаза завистливым школьникам-провинциалам.

Андрей явно собирает вокруг себя таких же мажоров, как и он. Он словно вожак стаи, для полноты картины не хватало чтобы по щелчку пальцев компания прекратила улыбаться.

Кажется, у блондинки Каролины даже затекла скула став нервно ёрзать вверх. Что я точно заметил, так это то, что вся

школа, АБСОЛЮТНО каждый не отрывал от них взгляда. Всё пялились и о чем-то шептались, провожая глазами. Когда я знакомился с каждым из компании из толпы донеслось: «Брат Андрея» – гундосый женский голос тихо представлял меня друзьям, или «Меня он уже бесит» – того, кто сказал эту фразу я сразу же увидел. Одетый в спортивный костюм «Адидас» и белые кеды того же бренда парень с ненавистью осматривал меня, оперевшись локтем о шкафчик и разминая пальцы. Я попытался не поддавать ввиду что заметил его, переведя взгляд на новых знакомых.

От этих ребят даже пахло по другому. Дорогие благовония, будто все они только что вышли из ванны наполненной ароматом «Версаче». Выдержанные строгие парфюмы, если закрыть глаза, можно представить что передо мной стоят чопорные и строгие работники манхэттенской биржы. Только лишь сладковатый девичий аромат «Джуси Кутюр», исходящий от Каролины, подпортил это впечатление.

А вот «Gucci Bloom» (я распознал новинку исходящую от Алины) был чересчур возрастным среди компании малолеток. Блондинка на его фоне казалась припудренной сахаром и облитой медом.

Каролина – и она, я так думал, легко читается с листа.

Девчонка в образе Барби, любящая мечтать на уроках не обращая внимания на строгих учителей, завышающих ей оценки на три балла из-за влиятельных родителей. Фанатка попсовых бульварных романов, написаных по одному шаб-

лону: чтобы в них были невероятно длинные и тягучие как арахисовая нуга подробные описания поцелуев. Обязательная составляющая – половой акт посреди книги.

Любит романтические комедии начала двухтысячных, копируя инфантильное поведение главных героинь. «Красотка», скорее всего, самый любимый. Обожает Меган Фокс, сквозь пальцы посмотрев первые две части «Трансформеров» лишь из-за неё. «Тело Дженифер» – любимый ужастик, который ужастиком, на самом деле, и не является.

Мечтать о сексе перед сном времени катастрофически нет, потому что именно им она и занята со своим глупо улыбающимся бойфрендом, наслаждающимся на данный момент фигурой проходящей мимо черлидерши.

– Не обращай внимания – сказал Андрей, увидя моё растерянное лицо, заметно реагирующее реплики долетающие со всех сторон. – Это, так сказать, особенность нашего существования. Слышать тихие отзывы о себе от незнакомых людей для нас как дышать.

Алина, сунув в рот розовую пластинку жвачки «Тридент» громко хихикнула.

Если бы вы видели, с какой уверенностью и самовлюбленностью эта компания шагала по коридору, то скорее всего, тоже захотели бы их обсудить. Они не замечали вокруг себя никого, и было видно как каждый из них наслаждается собой.

Все пятеро встретили меня ослепительными улыбками,

как из рекламы зубной пасты, и мы вместе пошли до кабинета. Видно было что они про меня уже наслышаны, и на автомате прекрасно и дружелюбно общались. Как роботы: пластмассово и наигранно.

Толпа, возникшая у кабинета алгебры рассасывалась, словно я нахожусь за плечами Моисея. Выглядело это как нельзя странно.

Все взоры устремлены на нас. Не нашлось какого-нибудь отброса, который выделившись из толпы сказал бы: «Я не увлекаюсь наблюдением за чужими жизнями» и высморкался в ладонь.

Мои новые знакомые, казалось, даже шли в ритм известной только им динамичной музыке. Стройными ногами они словно отбивали такт, с каждым новым шагом боясь его нарушить.

Компания резво и быстро пыталась рассказать о всех учителях, одноклассниках и предметах, но из-за того что они говорили хором я ничего не понял. Каждый пытался перебить друг-друга, рассказав о размазне-математичке, недавно залетевшей от рыбника из Волмарта.

– Её возбуждает запах сырой рыбы – хихикнула Алина, цокая каблуками по твёрдому полу. Теперь она выбивала аранжировку динамичной поп-песни.

Да ещё и шум в коридоре стоял нешуточный, забивая голову десятком реплик, которые я пытался расслышать (безуспешно).

Но я всё равно улыбался и кивал головой, не понимая ни слова. «Тебе интересно – бормотал я – Улыбнись и кивай головой». Самопринуждение, бубнёж про себя – один из верных способов вливания в компанию.

По дороге к кабинету на встречу нам выбежала милая полноватая девчонка в разноцветной футболке. Выкрашенные в светлый белый волосы лишь усиливали и без того сильное сходство с Меган Трейнор. Тонкие губы, задрожав, изогнулись в неловкой виноватой гримасе. Она так куда-то спешила, что сначала и не заметила как наступила Алине на тонкую, как ветвь сосны, загорелую, как телятина прожаренная в барбекю, ногу.

– Ай! – вскрикнула она, замахав кистями в разные стороны и начав щупать каблук. «Jimmy Choo" – крикнула золотая надпись как только она вывернула обувь подошвой кверху.

– Али, прости меня. Я случайно. Я… Я… – видно было, как девчонка разнервничалась и начала задыхаться. Открытый лоб стал влажным. Она готова была провалиться под землю.

– Первое, что ты должна усвоить, дрянь – Алина посмотрела на неё и громким агрессивным тембром начала отчитывать – Али меня называет только близкий круг, а не жирные блохастые свиньи вроде тебя. – В глазах девчонки показались слёзы.

Меня передёрнуло от резкой смены настроения девушки,

к которому все, казалось, привыкли за время знакомства. Они с отстранёнными «покер фейсами» глядели на перепалку, не издавая ни звука.

Теперь вырисовывался яркий портрет Алины: темпераментная брюнетка, имеющая отдалённые латинские корни. Скорее всего, итальянские. Обожает сплетни, которые распускает сама во время перемены, красясь в туалете (о да, как же стандартно). Посмотрев первый сезон «Королев крика» полностью слизала поведение Шанель номер один, выкрикивая грубые унижения каждому прохожему. «Это Эмма Робертс слизала своё поведение с меня» – говорила она всем, кто замечал хоть какую-то схожесть. Имеет свой банковский счёт, новенькую машину подаренную на шестнадцатилетие и коллекцию каблуков Джимми Чу, привезённых богатым отцом из командировки в Куала-Лумпур. Решила вставить силикон в грудь на восемнадцатилетие.

– Второе: когда ты наступаешь своим копытом на чью-то ногу ты должна понимать, что весишь больше чем беременная слониха и что оттоптать чужую идеальную ножку на каблуке тебе как хрюкнуть.

– Алина, она всего лишь наступила тебе на ногу – пытался шепнуть ей Андрей, бережно положив руку на костлявое плечо

– Ты прав. Каждую жирную корову в этой школе не отчитаешь – ого, да этой «Али» нужно сходить на курсы управления гневом.

Первой была алгебра. Я обожаю алгебру. Понял это оживлённо прыгая на стуле и пытаясь выкрикнуть ответ. Мне досталось место за третьей партой.

Засыпавшие ученики удивлённо смотрели на меня и мысленно крутили пальцем у виска.

В формулах и расчетах я чувствовал себя спокойно и уверенно, будто мелкая рыбёшка попала в свою стаю.

Перед уроком классный руководитель представил меня перед всем классом, по древнему, старому как мир обычаю, который приходится переживать всем новеньким:

– Это Влад, брат нашего Андрея – объявила она, улыбнувшись белыми как снег зубами. Эхо её голоса отбилось от персиковых стен кабинета – Надеюсь, вы с ним сдружитесь и хорошо примите в коллективе – ненавязчиво окончила она. Это было чертовски быстро. Я даже и не успел типично для всех застесняться.

«Типично». Хах, сколько же было типичного в первом дне в новой школе.

Наш классный руководитель – педагог по английскому, приятная молодая блондинка. После моей прошлой классной руководительницы: неприятной старой и беловолосой фурии, будто только что сошедшей с плакатов, пропагандирующих пролетариат в коммунистических странах, эта девушка казалась идеалом, сошедшим с июльского номера журнала «Maxim”. Пышный бюст, прячущийся за белой

строгой блузкой. Чёрная юбка, из-под которой виднелись две тонкие и гладкие ножки.

Взгляды класса были неоднозначны. Кто-то улыбался, кто-то, казалось, с меня смеялся, а кто-то осуждающе осматривал. Но я, поднимая голову выше, делал вид будто ничего не слышу и улыбался каждому однокласснику.

Я был самым активным на уроке, чем вызвал очередную долю обсуждений. Переодически ёрзая на твёрдом деревянном стуле я вскакивал и оживлённо поднимал руку. Видимо, этим я и смог понравиться пожилой учительнице, полного живота которой я так и не заметил. Сплетни это всё. Ни черта она не залетела.

Она привыкла к угасающим взглядам скучающей молодежи, и сейчас улыбаясь смотрела в мою сторону.

Под конец пары сзади послышался глухой шёпот:

– Слушай, а брат Андрея не такой гандон как он – сказал пухлый и потный чувак в футболке с надписью «Фанат картошки-фри» или что-то типа этого. Ага, ну оно и видно. Прозрачные капельки весьма зловонного пота стекали по щекастому лицу, бесшумно капая на несчастную деревянную парту. Толстяк оценивающе осматривал меня ожидая ответа. Агрессивный парниша, скрывающий вагон комплексов за язвительными злыми репликами в адрес других. Страдал обильным потоотделением, мешавшим заводить ему новые знакомства с женским полом. С детства терпел ожирение,

никогда не отказывал себе навернуть тазик острых куриных крылышек в «KFC” и управлялся за десять минут. К жирной курице всегда заказывал не менее жирную картошку фри и большой стакан «Пепси» без льда. Каждое лето ездил в лагеря для детей страдающих ожирением, в автобусе по дороге молился чтобы на этот раз он наконец потерял девственность. Но и на этот раз не выходило. Маман частенько сажала его на диеты, а он, наплевав густой белой слюной, нарушал их, воруя из папиного кошелька и треская дешевые быстро разогреваемые тако в супермаркете недалеко от школы.

Пора заканчивать мои тренировки дедуктивного метода.

Я развернулся к нему и громко спросил:

– У тебя какие-то проблемы? Хочешь поговорить, э-ммм, «Любитель картошки фри»?

Толстяк хитро улыбнулся не опуская ядовитых глаз.

– Я смотрю, ты у нас тоже с коготками – он перевёл гнусные глаза вправо, посмотрев на равнодушную девчонку, а затем влево, на скучавшего соседа по парте – Ну у тебя хотя бы, в отличии от брата, кроме издевательств и тёлок что-то осталось в голове.

Может быть жирное создание и право. Резкие реплики и умение царапать в ответ больнее, чем укусили тебя, передавалось в моей семье на генетическом уровне.

Скучавший класс обратил на нас всё внимание. На замену выслушиванию скучной лекции пришла интригующая перепалка с новеньким.

– Подтяни футболку, у тебя пуздро вывалилось на колени – деловито бросил я опустив взгляд на жирный живот, из-за которого потная футболка казалась к тому же уродливой.

После моей реплики весь класс начал смеяться. Толстяк, натянув футболку ниже покраснел, может быть от стыда.

Послышался шёпот Макса. Он обратился к своей девушке, отстранённо снимающей снап с заезженной радугой, вылетающей изо рта:

– Я думаю, он прекрасно впишется в нашу компанию.

– Максик, у меня неделя снапов – она не отвела взгляда от фронтальной камеры – Не отвлекай.

Вторым уроком была история, проходящая в мрачном и длинном как тонкая кишка кабинете.

Парты в тесном классе длинные. На одной умещались четыре человека. В комнате царил форменный беспорядок: куча скомканной бумаги и небрежно сложенных в стопки тетрадей укрывали всю заднюю парту. Бланки с тестами, лежащие на учительском столе, полностью исписаны. Присмотревшись, я увидел тему: «Французкая Революция». Сниз немного литературных вопросов по «Отверженным» и «Собору Парижской Богоматери» Гюго. Х-м-м, кажется, это произведение занесло сюда из другой эпохи.

Все парты заняты громко болтающими новыми одноклассниками. Даже ко второй паре они не смогли привыкнуть к новому лицу, пялясь на меня вплотную. Один из них,

свесив ноги с парты, рассказывал другому свежую сплетню о моей персоне. Даже и не став её слушать я прошёл дальше в поисках свободного места.

Не занятый стул стоял лишь около третьей парты с тем пухлым парнем. Он вспотел и залился красным цветом, как спелый томат, ещё больше. Посмотрев по сторонам, я с тоской осознал, что это единственный выход. Пришлось сесть с ним пытаясь не обращать внимание на медленно стекавшие с подбородка омерзительные капли.

Увидев нового соседа, он сразу же устремил хитрый взгляд на меня, не изменяя привычке прожигать взглядом насквозь.

Я искоса посмотрел на прозрачную капельку, нерасторопно стекавшую по пухлой щеке.

О Господи, какая мерзость.

Она остановилась у небритой щетины, погрузив в мокрое зловонное пространство торчащий тёмный волосок.

Блеснув в свете тусклой лампы она поплыла дальше, на секунду замерев у подбородка, и наконец слетела вниз. Маленькая капелька драматично разбилась о твёрдое тёмное дерево.

Старшая сестра маленькой капельки отправилась в путешествие вниз сразу после родственницы. Ей не повезло дожить до падения: толстяк небрежно смахнул каплю с лица, после чего она разлетелась на маленькие брызги.

От одного удушающего запаа пота меня чуть не вырвало

на его торчащее пузо.

Первый день в школе похож на то, будто ты умер и блуждаешь по земле как неприкаянный призрак. Звучит чертовски жутко, но в этом есть своя доля смысла.

Ты ходишь словно прозрачный, протискиваясь сквозь невидящие тебя телеса и примеряя разные роли. «Слушатель» – первая роль, когда ты словно липкая пиявка липнешь к одной из компаний и всасываешь в себя всю новую информацию. Её школьные сплетни выливают на неподготовленную голову вёдрами.

Вторая роль – «охотник». Ты отлипаешь от одной кучки школьников, и как рысь, нервно ищущая кусок мяса, разыскиваешь новую компанию.

Ты перебрасываешь эти роли как цирковой жонглёр. Так проходит приблизительно вся первая неделя (в лучшем случае) если ты имеешь достаточно мозгов чтобы быстро устроится на первом месте, в более плохом случае – месяц с лишним, если ты имеешь симптомы «невидимки», растворяясь в толпе со скоростью таблетки-шипучки. И самый ужасный случай – вся жизнь, когда ты гордо называешь себя «бунтарём», проклиная проходящих мимо счастливых одноклассников и тихо жуя жирный запакованный сэндвич в туалете.

Стать прозрачным, как обычно, у меня не получилось. Голова шла кругом, ведь каждый сидящий, стоящий и лежащий рядом открывал рот чтобы сочинить удивительную

сплетню о «брате мажора», оказавшемся «вовсе не мажором».

– Я слышала он потерял девственность в шестом классе – заявила толстуха, схожая на молодую версию Мелиссы Маккартни.

– Откуда ты могла это узнать, брехушка? – писклявым голосом придралась её соседка.

– У меня везде связи – гордо заявила толстуха, почесав задницу, растекавшуюся медленно, как таяющее желе, по деревянному стулу. Я скривился – Говорят, это была групповушка. Точно, настоящая групповушка.

Соседка причмокнув закатила глаза.

На перемене перед уроком брат со своей компанией стояли на входе в кабинет и болтали, при этом показательно громко смеясь. Я, пытаясь освободиться от зловонной компании соседа, подошёл к ним и попытался поддержать разговор.

Бросавшая наглые смешки компания стояла у доски, Андрей подхватил в руки мел и, видимо от нервов, агрессивно дробил его пальцами.

Девчонки сели на первую парту, усердно не замечая растерянную девчонку в очках, и специально соблазнительно выгнулись перед её носом. Шокированная девочка растерялась и не зная что делать отсела вправо.

Что может обсуждать компания самодовольных мажоров?

Ну конечно – сплетни. Мне напомнило это картину из вечерних программ «Discovery”, где мартышка тщательно выискивает блох у своего маленького малыша. Только тут они взяли лупу и разбирали недостатки каждой блохи, рассматривая и обсуждая её часами.

Разговаривали они о девочке, сидевшей на задней парте. В её чёрные как уголь волосы вплетены ярк– красные пряди, напоминавшие о мёртвых трендах 2008 года. Губы накрашены броским красным цветом. Одета в очень необычный чёрный корсет, пережимавший её талию до толщины шатающегося стебля тюльпана. Лицо в обильном макияже. Девушка невероятно бледная, как упырь. Лицо отбивает тусклый свет белой лампы. Она отстранённо заглядывала в тетрадь и писала полностью погрузившись в текст. Похожа на готов, ходивших по улицам городов до года-так две тысячи девятого. Скорее всего называла себя «бунтаркой» и не понимала что таких как она миллионы.

Я включаю «наблюдателя»: растворяюсь в компании и пытаюсь лучше узнать загадочных мажоров. «Наблюдатель» – оптимальный вариант для первого дня: всё что нужно – делать вид непринуждённого интереса, когда надо кивать, когда надо улыбаться, когда надо смеяться. Всё просто.

Больше всего распиналась Алина:

– Да уж, называет себя Сабиной, а саму её как там зовут? Тамара? – она дерзко хихикнула, дав рассмотреть розовый разжеванный «Тридент» со вкусом клубники – Уже всех до-

стала своей второсортной инди-группой, на каждом концерте мелькают со своими сплагиачнеными у Металлики песнями.

– А у неё что, своя инди-группа?– поинтересовался я ради поддержания разговора, хотя из слов «СВОЕЙ инди-группой» всё и так понятно.

– Ага, типа местные знаменитости и хитмейкеры. На каждом концерте мелькают – спокойным женственным голоском ответила Каролина – Жанр, хммм… как тебе объяснить? Аврил Лавин смешанная с Металликой.

– И ещё чуток Нирваны – добавил Макс.

– О Господи, в их банальных текстах даже и не пахло творчеством Нирваны – возразил Андрей.

– Она же вылитая ведьма, посмотрите как эта чокнутая на меня смотрит – с волнением произнесла Алина, обратив наше внимание на отстранённый взгляд Сабины, прожигающий тощее загорелое тело.

Андрей ответил:

– То что она вылитая ведьма ты права. Недавно я смотрел на себя в зеркало. Эта дура прошептала «Не терпится изуродовать твое смазливое личико» или что-то типа этого себе под нос. Судя по всему надеялась, что я не услышу. Чокнутая, вот и всё. Я конечно же, на реплики этой невменяемой даже не реагировал.

– Красавчик – выпалил Макс, пытающийся вставить хоть какое-то слово в надежде обратить на себя внимание компа-

нии.

– И ты просто ушёл прочь? – скептично спросил я, с детства вспоминая давнюю привычку брата долго рассматривать своё отражение, то ли наслаждаясь собой, то ли беспощадно критикуя в разуме.

– Ага, даже внимания не обратил. Мне каждый день такие же недовольные собой жуткие девчонки тысячи угроз высказывают.

– Это, должно быть, неприятно.

– Да нет, я абстрагируюсь, молюсь по воскресениям и всё о'кей – иронично ответил брат, положив мел обратно и вытрусив руки от мелкой белой крошки.

Прозвенел звонок и я сел на место. Пухлый рядом хотел начинать разговор, перебивая начавшую лекцию учительницу, раздражённо громко рассказывающую про разгар Холодной Войны:

– П-ссс, Чувак – шикнул он выпустив мерзкий гнилой аромат, вылетевший из уст.

– Что? – грубо ответил я, даже и не думая смотреть в его сторону.

– Конфликт Японии и США обострился во время внедрения американского рынка в китайскую повседневность – глядя на завешенные тёмными шторами окна без интереса рассказывала учительница.

– Даже не думай связываться с этой тусовкой, потому что

в скором времени они рассчитаются за все свои поступки – его быстро выговоренная фраза звучала как банальнейшая угроза.

–То есть ты считаешь это нормально настраивать меня против двоюродного брата, с которым я провёл всё детство, и всерьёз думаешь что после слов незнакомого пацана «Даже не думай» я перестану с ним общаться? Ты наивный – совет жирдяя вправду звучал чересчур по-детски.

– Дело твоё, но я вижу что ты не совсем плохой человек – «не совсем», года два назад я бы за такое обиделся – И ты не заслуживаешь быть выставленным на посмешище.

Последние его слова заинтриговали. Что он подразумевает под «быть выставленным на посмешище»?

– Что ты имеешь ввиду?

– Ты скоро узнаешь – он попытался изобразить загадочность в голосе, но выглядело это комично.

Так как из рта моего соседа дико воняло чесноком, я отвернулся и стал с интересом слушать историю. Учительница рассказывала про последствия атомного взрыва Хиросимы, начав описывать бомбёжку Перл-Харбор. Черт, я совсем прослушал тему из-за его глупых разговоров.

Мне пришла СМС. Судя по раздражающему гудку, Вайбер. Достав телефон из джинс я прочитал сообщение, замигавшее на экране блокировки.

– Хэй, кочевник, как тебе первый день? – оно от Алексея, моего лучшего друга. Дружба с ним беспрерывно длилась на

протяжении четырёх лет и сохранялась даже на расстоянии в целую страну.

Я забыл ответить, положив телефон на край стола. Пяля на доску, я перебирал пальцами по тёмному чехлу, купленному на распродаже в японском супермаркете.

В голове прочно засели мысли, не дающие пролезать в них лекции учительниц. Все они о компании моего брата. Красивой, будто из старого сериала 90-х про Беверли Хиллз. Уверенных, словно в этом мире им подвластно всё. Они казались идеальными. Настоящей подростковой мечтой: ими хотел быть каждый, кто замечал ребят в лазурном школьном коридоре.

Настало время идти на обед. Мама дала сделаный на скорую руку запакованный тормозок. В него входил салат, какое-то мясо, яблоко и ванильный йогурт, по густой консистенции больше напоминающий пудинг.

Идя в столовую и рассматривая стенные газеты (тут они не отличались особой креативностью: напечатанные на цветном принтере статьи из «Фейсбук»), внимание привлекло фото очень милой девочки с карими глазами. Вокруг него много цветов и свечей, а рядом надпись на тёмной табличке: «Покойся с миром, Адриана. Любимая дочь, подруга и ученица». Она прикреплена к закрытому шкафу, принадлежавшему, по всей видимости, погибшей.

Настоящий поминальный уголок посреди школы. Б-р-р,

вот это самая настоящая жуть.

Подойдя ближе, я случайно наступил на маленького плюшевого коричневого медвежонка. Наверное, купленный на заправке.

Сразу же стало понятно что это ученица, о смерти которой и говорил мужчина в подкасте. Подобные алтари я видел лишь в подростковых ужастиках, в них на следущий день после смерти одного из героев появлялись пышные поминальные уголки. Фото, свечи, цветы и всё такое… Только в фильмах у них горюя на коленях сидело куда больше людей.

Протянув руку к свече я почувствовал приятное тепло.

На фото Адриана улыбалась сидя на шоколадного цвета лошади. Ехала она, досконально выпрямив спину, сама, без какой-либо помощи инструктора. Скорее всего она была прекрасной наездницей, обученной с детства. Из этого можно вынести вывод, что она походила из достаточно обеспеченной семьи, позволявшей часто посещать конный клуб.

Обняв лошадь за лохматую гриву тонкими руками на которых виделись синие вены, она мило улыбалась. По блеску в глазах прослеживается любовь к животным.

– Ауч! – вскрикнул я и прижал ладонь ко рту, пытаясь охладить её холодными слюнями. Тонкая свечка обожгла руку и оставила красный след.

Я быстрым шагом двинулся в столовую, стараясь не поворачивать голову назад.

Первое впечатление от нового кафетерия положительное. После поросшей плесенью и паутиной забегаловки в морском посёлке (в ней каждый день травилось ровно два ребёнка), эта светлая столовая в лазурных тонах – рай. Пахнет в ней тёмными крупными зёрнами кофе, как в Старбакс в разгаре обеденного перерыва. Закрыв глаза в темноте возникает картина: кафетерий в деловом центре, все столики заняты напыщенными работниками соседней редакции. Из чашек к потолку вздымается пар, всюду звучит усердное стучащие по клавиатуре. Ведь работа в столице никогда не прекращалась.

На входе (тут им служила высокая арка) я встретил Андрея. Он держал в руках мятый листик и заучивал текст, слов которого я не мог разглядеть:

– Ты учишь стих? – поинтересовался я

– Не, это моя речь. Я должен рассказать её на сегодняшнем празднике.

– День Осеннего Возрождения? Я слышал о нём в подкасте – в глаза бросились пробегающие мимо парни в куртках-американках. Похожая у Макса. Должно быть, компашка состояла из местных баскетболистов.

– Да, он самый – опустив взгляд на листок бросил Андрей – Речь мне папа всучил. Строго сказал что я не должен его опозорить. Весь город соберётся, мне конечно наплевать, но я боюсь что-то забыть – один из баскетболистов, шатающийся как пьяный, задел меня локтем. Посмотрев на него через плечо, я дал совет брату:

– А ты попробуй не так сильно заучивать. Разбавляй речь искренностью и чем-то от себя. Я думаю так толпе больше понравится.

– Я лучше положу листок под подушку, постучу по голове три раза, произнесу заклинание и на утро всё досконально запомню. Влад, этот совет звучит дельней твоего – саркастично ответил он, криво улыбнувшись. Я сразу же заметил изменения в брате. От каждой фразы исходил пронизывающий холод. Он показательно равнодушен и смотрит на всех будто с высокого холма. Мой интересующийся всем энергичный брат исчезал на глазах, оставляя на своём месте самоуверенного снежного принца.

– У вас крутая столовка – пытался я как-то завести разговор, закинув голову и осматривая высокие потолки. На них виднелись яркие лучи солнца, проникшие вовнутрь через несколько высоких и узких окон.

– Да, можешь поблагодарить за это своего дядю. Мой папа тут главный спонсор. Благодаря ему эта школа ещё не развалилась, устроив трагедию о которой бы «Times” написали сопливую статью.

Я взглянул на Андрея, пытаясь составить дедуктивный портрет и для брата: после переезда в этот город решил резко сменить образ жизни на стандартный для мажоров разгульно-пафосный. Попробовал алкоголь, не в силах остановиться продолжал вкушать его со своей компашкой. Имеет абонемент на год в спортивный зал, где каждый день дела-

ет селфи в потном зеркале сразу же после первого подхода. Потерял все интересы с головой окунувшись в мир наркотиков и громкой музыки. На вечеринку в честь дня рождения заказал в качестве подарка самому себе голую модель. На ней была аккуратно выложена сотня роллов (это я уже подсмотрел в Инста-Стори, если честно). Подстригает чёлку в барбершопе каждые две недели, оставляя серьёзные чаевые лучшему мастеру города. Изменял своей идеальной, на первый взгляд, девушке раз сорок. На этой почве подхватил не самую страшную, но неприятную венерическую болезнь.

О да, он изменился. Это читалось по лицу в первые минуты общения.

– За каким столиком ты сидишь?

– Вот он, в центре зала.

Взглядом я обвёл многочисленные столы. Они надрывались от стоящей сверху еды и судков.

Столик компании брата вправду находился по центру столовой и был самым видным тут. Единственный на всю комнату круглой формы. На него даже свет падал под другим углом. Как на священный Грааль. Легко представить звонкое «Аллилуйя!», смотря на стол за которым идеальной красоты подростки справляли трапезу.

За ним сидели все из компании брата как боги на картине «Святой Вечери».

Я обвёл глазами весь зал, остановив взгляд на мрачных готах. Ссутулившись, они нависали над пустым столом.

Андрей это увидел и ехидно подметил:

– Знаешь ли, столовая это не просто место куда ты приходишь пожрать запакованный мамой тормозок после очередного звонка – я молча уставился на готов, ожидая продолжения фразы брата – Она отображает классовую систему школы. Присмотрись, каждый столик для отдельного типа людей – указывая пальцем в разные концы комнаты, он стал умело и быстро клеить ярлыки на шумевших подростков – С краю хрюкающие жирные обжоры, замкнутые прыщавые задроты-игроманы, странные тощие поехавшие готы. Чуть глубже – плохо пахнущие вэйперы, индусская и азиатская диаспоры (открою секрет, их никто не трогает) и пошлые сисястые алкоголички. Ближе к центру гламурные инстаграмщицы, спортивные баскетболисты, участницы группы «Чародейки» и глуповатые блондинки, ну, а в центре сидим МЫ – на последнем слове он показательно повысил голос.

–Ты так умело понавешал на всех ярлыки, кто же тогда ВЫ? – «самовлюблённые мажоры» – про себя ответил я.

Андрей промолчал, он всегда молчит когда его ставишь в тупик вопросом.

Столы, мимо которых он проходил буквально начинали разрываться от бурных обсуждений.

Мы наконец-то сели за столик. Я сощурился от яркого света, слепившего глаза, и попытался достать густой йогурт из сумки. Наконец, мне удалось нарыть в рюкзаке пакет с

маминым «ланчем».

Я обратил внимание на еду соседей по столу. В битве обедов я явно проиграл, ведь мой ланч, в сравнении с их трапезой, как паёк несчастного голодранца, живущего под мостом.

Каролина держала в руках тонкую лепёшку. Из неё порой вниз падали мелкие куски морепродуктов и зелёного авокадо. По её словам – тако с морепродуктами.

– Моя повариха Фрида делает невозможное: заворачивает тако так, что впоследствии я не умираю от отвращения к вытекающему жиру – глазами она уткнулась в аппетитное блюдо, аккуратно свернутое между её пальцев – Авторский рецепт – из лепёшки выкинуть жирную говядину, кетчуп, лук и кукурузу, а на её место засунуть креветки, мидии, осьминогов и авокадо.

Макс увлечённо ел ничем, на первый взгляд, не отличающуюся лепёшку от тако Каролины. Но это оказался «Фахитос» – там и ингредиенты другие, и острота, судя по медленно краснеющему лицу и слезе, наворачивающейся на правом веке, более брутальная. Когда я спросил, чем «Фахитос» отличается от «Тако» вся компания посмотрела на меня как на сбежавшего из дурдома. Даже и не ответили.

Андрей макал чипсы «Начос» в густое зелёное гуакамоле и заманчиво хрустел.

У Алины в ярко-зелёном судке лежала «Энчилада» – тортилья, которую обычно делают с мясом и овощами (и да, это я узнал погуглив после обеда).

– В моей Энчилада только овощи – объяснила Алина, проглотив блюдо, незнакомое мне до этого момента. Так уж вышло, что все знакомство с мексиканской кухней завершилось на «Taco Bell». И то, после него я провожу целые ночи в туалете.

Ночи, наполненные головокружительными ароматами и несравнимыми эмоциями.

УЖАСНЫЕ НОЧИ.

Из-за них я воротил носом на мексиканскую еду ребят как на голубиный помет, насыпанный в судки для школьных обедов.

Абсолютно новые названия, и нужно делать вид будто непременно слышал их раньше, чтобы не показаться белой вороной среди «высшего» общества.

Никита мрачными отстранённым глазами смотрел на буррито, растекающееся жиром по стеклянному контейнеру.

В компании красиво упакованных блюд, запакованных заботливыми домработницами-эмигрантками, я почувствовал себя по-настоящему лишним.

– Влад, ты должен усвоить – начал Андрей хрустя кукурузными чипсами – Даже не смотря на то, что ты мой брат. Понедельник у нас всегда день мексиканской еды, кроме последнего понедельника месяца. Тогда мы едим исключительно индийское.

«Упс, кажется я попал» – про себя вздохнул я, готовясь выслушать перечень обязательств для сидящего с самыми

популярными людьми школы. «Дрянные девчонки» на новый лад, ей Богу.

– Пятница – день исключительно японской еды – подхватила Каролина, доев авторский тако – Вторник – день «Гучи». Мы все совещаемся, чтобы сменить его на день «Balanciaga”.

Андрей наклонился к уху блондинки, смахнув с него белую прядь. Он говорил так тихо, что из непонятного шипения я разобрал лишь слово «скажи».

– Но… – вообще, у меня не было даже носков от «Гучи» с самого рождения. Ни нитки от дорогого фирменного бренда. Стоит ли произносить это в слух при самой популярной компании города?

– Что, «но»? – подозрительно спросила Алина. Она единственная обратила внимание на мой обрывок предложения.

Я покачал головой, делая вид, будто молчал всё это время. Выглядел я нелепо. Ужасно нелепо.

В компании подобных людей начинаешь казаться нелепым самому себе. Начинаешь смотреть на себя по-новому: как на примитивное создание, унылый отброс, каждое движение которого – нелепо.

Ведь как они сидят, как они смеются, как они, блин, держат тако в ладонях – всё кажется сошедшим с гламурного сериала про Нью-Йоркский бомонд.

Они чисто физически не могут казаться нелепыми. И от осознания этого, сидя рядом с ними хочется провалиться

под землю.

– Среда «ЭКО день» – продолжил Андрей – Этим правилом мы пытаемся хоть как-то развить поддержание природы в городе. Лишь органические продукты. Если прийдёшь с блюдом, содержащим коровье молоко – незамедлительно отсядешь. Лишь соевое. Или кокосовое. Или миндальное, черт бы его побрал – презрительно кривясь, он взял новую порцию начос, потягиваясь к сырному соусу, стоявшему у локтя Алины в фарфоровом блюде.

– В четверг на этой неделе у нас особый день, бывающий лишь раз в году – день мороженного – счастливо произнесла Каролина, за секунду начав сиять как яркая звезда – Каждое блюдо должно содержать мороженое.

Фу. Когда-то я ел бургер с телячьей котлетой и шариком пломбира. Следущая ночь прошла не лучше чем ночь после «Taco Bell».

– Если его не будет – отсядешь – сухо произнёс Андрей, хрустя чипсами. Доев, он в очередной раз взял новую охапку и окунул в зеленый соус.

– Ну и всё – улыбнулась Каролина, взяв волнистую прядь в руку и начав накручивать её на палец как спагетти на вилку.

«Ну и всё» – кривляясь повторил про себя я, думая о том, что половину из всего приказанного надевать и есть я не достану. Но ничего. Я сяду с самой популярной компанией города лишь на время, пока не разберусь в остальных одноклассниках.

Достав из компактного синего судка крупный брокколи, я закинул его в рот, не дожевав спросив у новых знакомых о загадочной улыбчивой Адриане, чей поминальный стенд в коридоре наводил жуть.

– Слушайте, идя в столовую я увидел алтарь в холле. Расскажите, что случилось с этой девочкой.

Никита поперхнулся толстым тестом ржаного хлеба и коленом ударился об стол. Толчок перевернул налитый в стеклянную бутылку клубничный смузи Каролины. Он поплыл густой жижей ко мне.

Только сейчас я увидел насколько болезненный вид у Никиты: синие мешки под глазами, сонные глаза, будто бы парню неизвестно понятие «сон», и бледная кожа. Поверьте, бледнее чем у самого Эдварда и всего рода Калинов, честное слово.

– Месяц назад её тело нашли недалеко от трассы, перед этим она без вести пропала на две недели и её искал весь город. Все думали что она сбежала. Она вроде бы даже записку родителям оставила – Начала рассказывать мне Каролина с большой тоской на лице, одновременно пытаясь оттереть напиток влажной салфеткой.

– Она была лучшей подругой Никиты – продолжила шепотом Алина – Он проводил с ней кучу времени. Её смерть для него стала ударом.

– Ужасным ударом – тихо повторила Каролина. Все стыдливо оглядывались на тоскливого паренька, гадая: слышит

или нет? Конечно же, он всё понимал. Просто отстранённо смотрел в сторону.

– Мне так жаль – попытался выразить я соболезнования – Она была… настоящей красоткой

Я не лукавил. Девочка которую я увидел на фото в холле и вправду была необычайной красоты: густые чёрные брови, смуглая кожа, и очень-очень-очень умные карие глаза. В ней было что-то восточное, не из наших мест. Словно принцесса Жасмин из диснеевского мультика.

Она была необычайно привлекательна.

– А что говорят полицейские? Её кто-то убил?

Я словил на себе недоброжелательный взгляд Никиты. Сощурившись, он молил меня глазами: «заткнись, заткнись, заткнись»

– Вроде бы ДТП. Машина, на которой она разбилась найдена за пол километра от её тела. Вокруг был непроглядный лес. Почти все ногти на её руках содраны. Говорят, она пыталась ползти к городу, после того как разбилась – уверенным тембром рассказывал Андрей.

– Ужасно… – одно лишь сухое «ужасно» слетело с уст, так же сухо и быстро тая в воздухе – Стоп – резко опомнился я, проглотив тихую вялую фразу назад – Вам не кажется странным, что человек после аварии на трассе посреди леса умирая пытался доползти до города?

– Кажется – уверенно выронил мой брат, не спуская глаз с аппетитных мексиканских чипсов. Он словно боялся загля-

нуть кому-то в глаза.

Густой зелёный гуакамоле виднелся между его белоснежных зубов и создавал впечатление будто Андрей набрал в рот болотной тины.

Никита, ранее напоминавший по цвету кожу живого мертвеца, стремительно закипал стремительно заливаясь ярким красным цветом.

Не выдержав разговоров о погибшей подруге, он встал из-за столика и быстрым шагом пошёл на выход, столкнувшись с веселящим друзей баскетболистом.

– Что это с ним? – спросил я проводя взглядом парня. Он выбежал из арки и скрылся из виду.

– О, это у него всегда. Он типа под потрясением и не любит чтоб его мёртвую подругу обсуждали – саркастично ответила Алина – Типичные заморочки скорбящих. Нам их не понять.

– Да ладно, откуда в тебе столько иронии? – с осуждением вставила Каролина – Это лето для него вправду было невероятно тяжёлым. Кто-нибудь вообще видел как он выходит из дома в августе? Лично я – нет.

Она закинула в рот последний кусок сырой рыбы из буррито с сашими и тщательно пережевывала. Перед собой во время нашего разговора она держала телефон и судорожно листала яркие маски в «Snapchat».

– Ещё, хотел у вас спросить – начал я отведя взор от АйФона Каролины – Я сел сегодня с пухлым чуваком в футбол-

ке с фри.

– Зря ты с ним сел – бросил Андрей

– Сумасшедший. Помешанный. Злобный – членораздельно начала выставлять диагноз Алина, длинным блестящим маникюром пытаясь раскрыть тонкую ракушку мидии. Густая капелька жира упала на голую ногу, на что она вздрогнула словно резко попала в тундру с сорокоградусным морозом – И ещё, еврей. Жирный еврей-обжора, а это самые ужасные чудовища мира.

Антисемитизм? Ты ли это?

– Вы ему что-то сделали, я знаю – уверенно заявил я положив ладони на стол. Блондинка отвела взгляд от телефона и уставилась на меня.

– Что? – сказала она и начала нервно смотреть на своё окружение, в надежде засматриваясь то на Андрея, то на Алину – Мы бы даже и словом не обменялись с таким как он.

По лицу девчонки видно, что она начала нервничать. Плохая лгунья – глаза бегают, даже телефон отложила, услышав озадачившую тему.

– Он пытался навязать мне не общаться с вами, сказав что в скором времени я буду выставлен на посмешище. А просто так, такое, если честно, не говорят.

– Хах – нервно засмеялась Алина – не слушай безумного еврея. Его маленькие куриные мозги медленно заплывают жиром от фалафеля или кебаба, или что они там вообще едят?

– Я думал они не едят фалафель – добавил Макс, салфеткой вытирая жирные руки.

– А кто же тогда его ест, умник? – спросил Андрей, сидевший плечо-в-плечо к нему.

– Хипстеры – ответил Макс, на что мой брат многозначительно цокнул – Я был в Израиле на дядином самите в Тель-Авиве этой зимой.

– О да – перебил его Андрей – Мы все помним ту «смешную» историю, как ты опозорился у стены Плача.

– Вы что-то знаете – сказал я, смотря на растерявшихся друзей.

Все нервно начали смотреть друг на друга. За столиком повисло молчание. Вопросом я поставил ребят в тупик.

Под давлением зависшего над столом молчания Андрей раскололся:

– Ладно – он случайно ударил коленями по столу, чуть не перелив шаткую бутылку со смузи во второй раз – Рано или поздно ты это узнаешь, и лучше услышать эту историю от нас, чем от кого-либо другого.

– Тихо! – оживился Макс, резко ударив моего двоюродного брата локтем в ребро – Не смей! – шёпотом произнёс он, боясь что составлявшую для него ценность историю вывалят на голову непроверенного новенького. Волнение не без оснований. Я ведь мог оказаться знатным треплом. Вот дослушаю и побегу по коридору громко выкрикивая секреты интересовавших всех деток богачей.

– Он всё-таки мой брат, у нас с детства не было секретов – возразил Андрей, положив руку на место удара.

– Ты прав, мы должны рассказать – поддержала его Каролина – Мы совершили ужасный поступок, за который должны рассчитаться – она скромно опустила глаза, размер которых подчёркивали длинные тёмные ресницы.

– Монашка-Кэр снова в деле – проворчала Алина, став на сторону Макса.

– Так вот, слушай: жирного зовут Давид. Их, наверное, всех называют Давидами – нагло ухмыльнулся он, придвинулся ко мне и оглянулся по сторонам, думая что нас кто-то может подслушать. Он заговорил еле слышным шепотом; с большим трудом его можно было разобрать лишь за нашим столом – Ещё с младших классов он обожал ярой любовью психа Каролину и всячески доставал её. По иронии, бабла на нормальные подарки у него не было и он притаскивал ей сделанные вручную сердца, на которых клей даже не успел обсыхать.

– Эти конченные валентинки всегда прилипали к моим ладоням – добавила Кэр – Ещё был завядший букет одуванчиков. Ты прикинь, подарить мне на глазах у класса сорняки? Похоже на начало фильма об преследователе…

– «Мой кровавый Валентин» – помогла Алина.

– Может быть и он.

Я покачал головой, пытаясь сделать вид будто я шокирован.

(Нет, на самом-то деле мне глубоко плевать).

– Ещё были авторские любовные стихи. Вот это был вообще полнейший пипец. У евреев, скорее всего, наглухо отсутствует чувство рифмы – закончив, Каролина позволила Андрею рассказывать дальше, стуча длинным маникюром по столу. Может быть, она нервничала.

Кажется, меня начинает тошнить от «срывающих бошку» шуток про евреев. И кто решил, что подшучивать над национальностью – круто?

– Так вот: накануне дня рождения Макса в этом году мы решили подшутить над Давидом и пригласить его на вечеринку в качестве кавалера Каролины. Макс с Каролиной сделали вид типа поссорились. Получилось не очень правдоподобно, но жирдяй клюнул.

– Поедатель хумуса и комбинат по уничтожению всего кошерного чуть не сдох от такой новости – дополнил Макс ехидно смеясь. Он думал что шутит максимально остроумно. Я мысленно закатил глаза, проклиная антисемитизм в любых его проявлениях.

И кто говорил что он умер в современном мире? В школах он живет и здравствует, особенно когда на горизонте появляется ортодоксальный жирдяй.

– Точно, короче говоря, в нашем плане было подмешать в его стакан апельсинного сока кое-что, от чего сносит крышу похлеще чем от метанфитамина. Я забыл название вещества – Андрей задумался – Что-то на «Г»…

– Мне кажется, на «Д» – влезла Алина

– Не суть. Мы купили это у местных наркоторговцев. Ну знаешь, те которые проталкивают наркоту на каждом баскетбольном матче.

– Ребята на колледж зарабатывают – вставил Макс.

– План пошёл как надо: Давид залпом выпил стакан сока, хрюкнул от удовольствия и его начало полностью распирать. Это было невероятно ржачное зрелище, заставившее каждого достать мобильный и немедленно начать снимать: сначала он снял свою потную футболку и кинулся танцевать на кухонном столе дома Макса, после чего грохнулся со звуком упавшего с неба рояля.

– Моя горничная после этого сутки стол отмывала от его свинячьей вони – обиженно добавил Макс.

– Весь дом ржал с него – улыбаясь вспоминала тот день Алина – А у Макса большой дом, поверь.

– Ага, точно. Видео максимум спустя минуты три запостили на ютуб.

– Он мигом стал мемом и звездой интернета. Его даже на каком-то вечернем шоу для старпёров обсуждали – добавила Каролина.

– Конечно, а как жирному еврею танцующему на столе не стать мемом? Он создан для этого – откашлявшись, Андрей продолжил – Но дальше, все начало выходить из под контроля. Давид блевал без остановки в туалете пол часа. Точнее, он не добежал. Осталось пару метров до заветного толчка.

– Моя горничная неделю не могла отмыть гостевой туалет от его мерзкой блевотни.

– Во-во. А потом он упал на пол и стал кричать что ничего не видит. Орал как резаная израильская свинья.

– Разве в Израиле есть свиньи? – хлопая глазами спросила Кэр.

– Они везде есть, дурочка – ответила Алина.

– Мы не придали этому особого значения, он вёл себя как типичный чувак под кайфом, поверь мне – он с надеждой заглянул мне в глаза – Отвезя его домой, мы решили что знаешь типа, еврей сценку решил разыграть и всех напугать до усрачки.

– Мы такие типа: «Ага, ты не тех разыгрывать решил» – дополняла Алина достав новую розовую пластинку жвачки.

– Той ночью мы опозорили его перед миллионом зрителей и даже не пожалели о содеянном.

– Этот назойливый жидёнок должен был получить своё – дополнил Макс.

– Было весело – заметила Алина.

– Но на следующее утро каждый из нас проснулся от звука уведомлений: мы узнали, что у Давида аллергия от того странного препарата. От такого он, что-то вроде, слепнет на долгое время. Короче говоря он не появлялся в школе пол месяца, а его маман собрав всю еврейскую общину начала собственную охоту на обидчиков сына. Конечно же, о том что это сделали мы никто не узнал. Кроме тебя, разумеет-

ся. Может быть жидёнок начал догадываться, но он чересчур глуп для этого. Согласись, на вечеринке любой мог подмешать легко растворимый белый порошок в сок. В темноте жертва проглотит всё.

– Мы стали замечтать, после того как он месяц проболел, синяки на его теле – грустно вспомнила Каролина, в очередной раз опустив глаза вниз всем видом показывая насколько ей жаль. Вполне возможно, что из всех она была единственной сожалевшей о содеянном. Все остальные с каменными лицами слушали историю, порой хихикая над жирным мальчиком-мемом.

– Говорят, его сумасшедшая маман пиздила Давида до потери пульса, за то что сын якобы стал грешником – чавкая произнесла Алина.

– «Молись, моё грешное дитя, а то я влуплю тебе крестом по голове!» – кривляясь, низким голос Макс пародировал религиозность матери Давида. Рассмеялась только Алина. Во взгляде остальных двоих ясно читалось: «Закрой рот, идиот». Его девушка отклонилась от него, выпутавшись из крепких объятий.

– Но гифки с ним получились зачётные – смеясь продолжала Алина.

– Мы не знали что он ослепнет. Мы не хотели чтоб он месяц просидел дома из-за нас.

«Вы всего лишь хотели опозорить его перед всем интернетом» – сказал я про себя так и не озвучив вслух. Перед гла-

зами встала картина плачущего закомплексованного парня, медленно режущего вены в ванной. Скорее всего, именно так подростки и лишаются желания жить дальше. Я вздрогнул:

– Да вы настоящие монстры – в полном ступоре сказал я, видя перед собой белоснежную ванную в красных потёках.

«25 июля, 2018 год.

Привет мой дорогой дневник. Знаю, в две тысячи восемнадцатом году записывать свои мысли в потрёпанный блокнот с плохо пахнущей кожаной обложкой – глупо. Но почему-то именно сегодня я захотела забросить свой тайный блог, прочитанный лишь один раз, и то, это был пьяный извращенец из Ирландии, которого самокопания шестнадцатилетней девчонки неплохо возбудили. Это омерзительное чувство, когда твои потайные эмоции вызывают у какого-то рыжего алкоголика стояк. Ну и хрен с ним. Итак, долбанная олимпиада по биологии закончилась. Прости дорогой дневник, но я просто на неё насрала огромной лошадиной кучей. Ответила на все тесты а-ля «Ини-мини…». Может быть тот завистливый очкарик, с которым я вместе хожу на факультатив латыни наконец успокоится, забрав хоть где-то первое место.

Сегодня тот самый день, когда я собираюсь перевернуть свою жизнь с ног до головы, вытрусив всё ботанское говницо на землю и размазав его каблуком.

Весь город перевернётся – Адриана соберёт свои чемо-

данчики и уедет нахрен. А кому забирать медали на областных олимпиадах? Кому проходить мимо, кокетливо улыбаясь и делать вид что всё хорошо? Кому быть славной пай-девочкой, примером для каждого юного выродка этого города? Ловлю себя на мысли, что с каждым днём всё больше хочу стать тем самым выродком. Просто напиться дешёвым пивом, купив его у слепой старухи «МаМа» в магазине и убиться в хлам. Потом залезть на заброшенное здание, в котором месяц назад умерла пенсионерка и там трахнутся с незнакомцем, облокотившись об твёрдые кирпичи. Фак, теперь меня не удивляет что ирландец вздрочнул на мои мысли.

В эту среду ЛП меня опять избила своими гадкими тонкими руками. ЛП, если ты забыл, дневник, это лицемерная паскуда, ошибочно ознаменовавшая себя моей мамой. Психопатка, похлеще Мэнсона или кто-там был особо безумный. Одевая свои строгие костюмы она будто примеряет новое лицо, маску, которую незамедлительно снимает приходя домой и становясь подорванной стервой. Никогда не забуду свой день рождения, когда она укусила меня прямо в туалете ресторана. Я до сих пор храню этот укус на руке. Когда-то я перееду в Сиэтл, после чего стану самой молодой миллиардершей и ткну этой суке укус прямо в лицо. Хочу записать её выражение лица на видео. Это будет чертовски зрелищное выражение.

Ну а что касается меня: я только что уложила последнюю

пачку прокладок в косметичку, впихнув её в чемодан. Пора сруливать. В два часа дня за мной заедет ОН. Хах, не хочу называть имя. Я знаю тебе до чёртиков интересно, дневник. Но подожди, я запишу его сразу, как только буду готова.

Блондин. Я встретила его жуя хот-дог на заправке. Прикинь, как это хреново, влюбится в человека когда по твоему подбородку стекает жгучая горчица. Я выглядела как безрукая нелепая корова.

У него раритетный белый мустанг, он подбросил меня домой. Маман ещё шаталась со своим туристическим оператором. Ненавижу этих слюнтяев из конторы. Подорванные гермафродиты, которые спят и видят как бы разрушить чужой брак.

Ей богу, я расскажу про это отцу, и в один прекрасный день дам страничку на Фэйсбук того, кто её трахает. Клянусь, я это сделаю.

Ну а пока, я буду наслаждаться природой с тем самым блондином. Ну, он не совсем блондин. У него мелирование, весьма паршивое, кстати говоря. Удивлён, дневник? Да-да, я еду в лес с загадочным незнакомцем. Он говорит, что там офигеть как круто. Каждый день дикие вечеринки, прямо посреди леса, представляешь?

Я знаю что ты скажешь, мой скептический дневник: «Ты в жизни не на одной вечеринке не была, шаболда самоуверенная», и окажешься прав. Те, кто ментально общаются со своим блокнотом чисто физически не могут быть тусовщиками.

Но теперь я другая. Я это чувствую. Знакомая всем Адриана сломалась, словно тонкая спичка. «Чирк!». Они все увидят кто я на самом деле. Честное слово, увидят.

Я сяду к нему в машину и помчу на встречу новой жизни на полной скорости. Он идеален. Этот незнакомец. Кажется, я втюрилась по самые уши.

Это лето будет лучшим в моей жизни.

Ещё увидимся, мой дневничок.

Твоя Адриана a.k.a “Никогда не буду прежней»

Цёмки»

Глава 2 #давидиголиаф

Его слабые, тонкие руки выкручивали с невероятной силой, **он** даже услышал отчетливый громкий хруст под лопаткой. Лицо плотно прижимали к земле. Ртом **он** ощущал привкус сырой почвы, так и норовящей попасть в рот. Изо всех сил **он** пытался осмотреться вокруг и позвать на помощь, но был научен горьким опытом: с этими парнями лучше быть немым, не произносить ни слова и спокойно принять дальнейшую участь.

– Гони бабло – кричал рыжий тип с миловидным лицом и конопатым носом. Весь образ милого парня рушился, стоило лишь взглянуть в его глаза. В них не было ничего человеческого. Абсолютная агрессия. Животное безумие. Ненависть, от которой у его жертв сразу же шли мурашки по всему телу.

– Я же сказал, у меня с собой ничего нет – кричал жалобным голосом **он**, на что его обидчик только сильнее вывернули **его** руки. Второй жуткий хруст. После него послышалось жалобное скуление, – Пожалуйста, отпусти. Я принесу деньги завтра.

– Мне так не катит, петушочек – слухи о **его** нетрадиционной ориентации заполонили всю школу, и «адидасы» активно пользовались этим, высказывая оскорбления подобного рода. «Петушок» ещё был самым беззубым, поверьте. И «пидор» казался невинным детским обзыванием.

Фантазии на клички у этих парней хватало всегда, этого не отнять.

Он попытался упереться ногами в чёрный спортивный костюм рыжего, который он и его друзья никогда не снимали, но все тщетно. Обидчик только самодовольно хмыкнул и крикнул троим ребятам, одетым также как и он, стоявшим в стороне.

– Смотрите, наш голубой друг первый раз пытается вырваться. Чего брыкаешься, хуесос?

Трое начали показательно громко смеяться. Рыжий взял в руку острый камень, лежавший недалёко от него и поднёс к **его** щеке. Он вскрикнул от неожиданности и зажмурил глаза, пытаясь спокойно встретить дальнейшие мучения.

Ещё секунда, и **он** почувствовал как остроконечный твёрдый камень впивается глубже и глубже в кожу. **Он** почувствовал как капельки крови медленно стекают по щеке.

Началась настоящая паника.

Сколько **он** себя помнил, на дух не переносил вида крови. **Он** начал истерично болтать ногами, но не мог сдвинутся с места ни на сантиметр. Этот урод плотно прижал его спиной к земле.

– Эй, мы же договаривались, что на этой неделе обойдёмся без этого – непонятно откуда вышел лысый парень, одетый также как остальные – чёрный спортивный костюм с белыми полосками по бокам.

Лежащий на земле сразу почувствовал как хватка рыжего «адидаса» начала слабеть.

– Но мы только начали…

– Я сказал остановись – строгим тоном оборвал лысый.

Парень оставался не двигаясь лежать на земле и с интересом наблюдать за происходящим. Он знал этого лысого как и весь город, считавший его источником всех бед.

Что точно неоспоримо – компания хулиганов всегда беспрекословно слушалась главаря и спорить отваживался только рыжий.

– Что ты тут разлёгся?! Беги отсюда, петушок! – крикнул лысый, указательным пальцем как-бы прокладывая путь через дебри к большой дороге. До неё сырой чернозём прерывает ручей вытекающий из канализационной шахты, а дальше трасса и небольшой магазин «Island Food» через дорогу.

Если побежать в обратном направлении, можно прийти к школьному двору. И как **у него** хватило мозгов пойти домой

через посадку?

«Глупец!… Глупец!…»

Выслушав наставления **он** мигом поднялся и скрылся за кустами. Для **него** подобные ситуации были чем-то каждодневным, обыденным, и этот кошмар продолжался вот уже на протяжении двух лет.

Учебный день подошёл к концу. На предпоследнем уроке Андрей пригласил меня на городское празднование. То самое, к которому он готовил речь.

«День Осеннего Возрождения». Безумное название подстать городу. Нужно хотя бы узнать, в честь чего празднуют.

Многолюдный праздник – отличный повод узнать местных жителей. Пока они казались абсолютно странными, немного чудными и сумасшедшими. Скорее всего, маленькие городки этим и отличаются от мегаполисов. Каждый в них чуть-чуть «того», каждый хранит за собой пыльный скелет прошлого.

По крайней мере, так кажется по многочисленным сериалам и уютным детективным книжкам. И знаете, что я точно узнаю за это время? Они не врут. Тихие омуты всегда концентрируют темные тайны.

Я шёл домой устремив взгляд в асфальт и погрузившись в размышления. Я привык закидывать голову выше всех и делая вид будто всё чертовски классно. Но сейчас, взгромоз-

дившиеся на спину мысли тянули голову вниз.

Ослепший опозоренный парень, ставший мемом. Кардинально изменившийся брат. Его новые друзья, в общении которых чувствовались недомолвки и загадки. Во всём чувствовался аромат витавшей тайны: в их молчании, переодически нависавшем над столом, в их взглядах которые ни при каких обстоятельствах не падали на окружающих. Они держали себя как неприступная каменная крепость и никого не подпускали близко.

Подростки-идеалы с голливудской внешностью. Каким же обманчивым было первое впечатление.

Яркое солнце, видимо позабыв, что сегодня первый день осени, припекало волосы. Я остановился и сощурившись взглянул на небо.

В воздухе витал цветочный аромат. На клумбах цвели белые бутоны, названия цветов я не знаю и знать не хочу. До меня доносилась влага поливалки, опрыскивающей газон у невзрачного белого дома.

Встав посреди проезжей части и протянув руку вверх я попытался нащупать лучи света. Город будто вымер. Никого. Ни одна машина не мешала наслаждаться спокойствием.

Я чувствовал теплоту кончиками пальцев. Они делили луч на пять ровных частей.

Рыжая дама. Пустынные бездушные глаза и безумный взгляд. Капля крови упавшая в глубокой дыре в животе. Она засела в памяти надолго. Сны имеют свойство вылетать сра-

зу же после завтрака и всплывать лишь мутными очертаниями сюжета. Но я помнил каждую деталь незнакомки. Я бы смог нарисовать её портрет в точности (если бы умел рисовать дельней метода «палка-палка-кружок-палка»).

Подняв глаза вверх я засмотрелся на зелёные листки, переливающиеся на солнце. Кожа наслаждалась солнечным светом.

Я человек с уймой странностей, скрытых от посторонних глаз. «Мальчишка-вспышка» хранил за своими плечами десятки непонятных привычек.

День продолжался.

Не успел я переступить через порог нового дома и отбросить тяжёлый рюкзак в сторону, как ко мне подбежала мама, тонувшая по уши в заботах обживательницы нового места. Её волосы собраны в хаотичную «пальмочку», белые пряди торчат в разные стороны. Руки в тёмных резиновых перчатках, на которых виднелись мелкие пузырьки моющего средства. В доме стойко пахнет мылом. Быстро спросив «Как новая школа?» и не сильно выслушивая ответ она дала поручение зайти в магазин.

Ничего не ответив, я развернулся и захлопнул за собой дверь. «Мàмà”– я вспомнил потрёпанную вывеску, на ней бледной белой краской написаны четыре буквы. Магазин находился как раз по дороге в школу. И почему мама порой забывает про существование телефона?

Не успел я лениво фыркнуть на мать, как пришёл к мрачному кирпичному зданию. Стоит оно напротив домов, внимательно смотревших на меня высокими окнами.

На улице, как обычно, стояла удручающая тишина.

Здание магазина «У Мàмà” (ну и название) выделялось среди полос неприметных частных секторов. На их фоне оно казалось старым пыльным сараем, способным развалиться даже на лёгком сквозняке.

Мрачная серая коробка стояла впритык к безлюдной дороге. За всё это время я так и не увидел проезжающих мимо машин. Жуткий райончик. Будто из утопического спального квартала мигом выселили всех жителей и оставили пышные яркие клумбы с выстриженными зелёными газончики не тронутыми.

Внутри магазинчик ни чем бы не отличался от себе подобных крохотных ларьков, если бы не одно «но». Его чётко выделяли среди себе подобных необычные жители, от которых пол тут всегда усыпан комками шерсти смешанной с серой пылью, а воздух омерзительно вонял мочой. Коты – тут они везде: лежали на полках, весах, стульях и даже товарах. Блестящими глазками они смотрели на каждого покупателя, заглядывали в самую душу. Котята очаровывали покупателей и заставляли не обращать внимания, что они покупают товар среди сотен долбанных разносчиков блох. Они чересчур милые чтобы напоминать о том, что они обычные животные.

Двадцать четыре часа в сутки тут стоит громкое мурча-

ние и неугомонное мяукание. Коты безустанно спорили, деля лучшие места поближе к экстравагантной хозяйке – старухе-кошатнице, владелице лавки.

По городу ходила легенда, будто среди них она выбирает любимцев на всю жизнь. Только некоторые котики получают признание, большинство остается обделённым вниманием.

Она одушевляла мохнатых животных будто считала их полноценными людьми. Точнее детьми. Коты для неё – маленькие детки, отчаянно нуждающиеся в матери.

Вообщем, скорее всего именно эти легенды и отпугнули от прилавков «MàMà” всех людей. Никто не желал появляется в месте где глаза пробивает на слезу токсичный аромат кошачьего дерьма.

Как только я захлопнул двери, на которой болтаясь в разные стороны висела картонная табличка «ЗАКРЫТО», меня окружила пара рыжих кошек. Они усердно начали теряется огненными головками об ноги.

На моих вельветовых штанах остались клочья шерсти; их удалось снять только прийдя домой.

Коты не желали пропускать меня к прилавку, напрашиваясь на приятное поглаживание.

Я переступил через наглые жирные телеса и обратил внимание на продавщицу, сидевшую на низком стуле за прилавком. Лишь одна её голова комично выглядывала сверху.

Круглые очки увеличивали глаза в раза-так три. В трясущихся руках старуха держала маленькую расчёску, укрытую

густым слоем серой шерсти.

На её коленях развалился белый котяра, породой отдалённо напоминавший перса. Я не Тейлор Свифт в области знаний пород кошек, но в этот раз уверен.

Все из-за кошачьей выставки, проходившей в одном из павильонов столичного экспо. Не знаю, что я там делал. В столице есть миллионы развлечений интересней чем бесконечные ряды с клетками забитыми недовольными нагловатыми мордами. В отделе «персидские коты» я решился погладить одного такого. Зря. Этот бешеный комок отлетающей в разные стороны шерсти поцарапал мою ладонь. Просто так. Поднял томные янтарные глаза и решился на кровавое преступление.

Алые капли упали на длинные тонкие усы.

Иногда мне кажется, что я плохой человек. Говорят, животные чувствуют это просматривая людскую натуру насквозь, как рентген.

Что касается персидского кота МаМа, сейчас он лапами зацепился за прилавок, максимально вытянув длинное тело напоминающее толстую колбасу.

Он мурчал, наслаждаясь движениями расчёски.

Ох уж этот запах. Моча и стойкий аромат старухи. Я заметил крупный лоток, дно которого усыпано рассыпчатым песком. Судя по запаху, исходящему от него, старуха не меняла песок со времён своей молодости. Ещё один вздох – и неминуемая потеря сознания. Я упаду на лежащих рядом рыжих

как на пуховую подушку.

Я начал дышать ртом. Это не сильно спасало.

– Здравствуйте – поздоровался я с кошатницей, взглянувшей на меня наполненным холодной пренебрежительностью взглядом.

– Чего тебе? – грубо ответила она, покривив высушенным сморщенным лицом напоминавшим смятую рубашку.

– Мне нужен рукав для запекания – попросил я, пытаясь говорить громче, чтобы продавщица хотя бы внимание обратила.

Да-да, только приехав сюда, моя мама решила запечь индейку.

Но бабушке, казалось, всё равно на мою просьбу. Она даже и не пошевелилась. «Всё в порядке, она просто старый человек» – обычно в таких ситуациях я делал глубокий вдох, но тут предпочёл остаться без кислорода выедающего мне глаза.

Продавщица напевала под нос колыбельную белому коту и медленно расплывалась в широкой улыбке. Она смотрела на него будто на родного сына, тихо засыпающего в руках. Это выглядело достаточно жутко, как и всё в этом городке.

– Можно мне рукав? – закричал я. После крика кот вздрогнул и подскочив с рук хозяйки. Звучное «м-р-р!» и мохнатая задница приземлилась на пол.

Руки старухи затряслись ещё больше. Казалось, сейчас она лопнет и вывалит на меня все обиды столетней жизни.

Она в бешенстве: подняла взгляд и искоса посмотрела на меня как на самого ужасного человека всего мира.

– Ты. Разбудил. Моего. Ребёнка – она показательно громко фыркнула.

Обстановка в зловонном кошачьем царстве накалялась всё больше и больше.

С полки за нашей беседой, засыпая, наблюдал наглый лысый сфинкс. Его морда медленно качалась из стороны в сторону как у китайского болванчика.

– Ребёнка? – переспросил я, не до конца смерившись с возраставшим старческим маразмом. Через секунду я пожалел о вопросе, поняв, что у стариков вообще лучше ничего не спрашивать. На моё счастье, старуха оказалась немногословной: поднялась с места и шаркая тапками подошла к полке, на которой в аккуратную колону сложены рулоны. Взяв один из них в дрожащую руку она кинула его на прилавок, быстро кинув:

– Плати и уходи.

Достав кошелёк я рассчитался с ненормальной, схватил покупку и побрёл к выходу, бросив мимолетный взгляд на довольного наглого сфинкса, сложившего лапы перед собой.

– Хорошего Дня Осеннего Возражения! – мило пожелал я ей перед тем как выйти.

– Быстрее закрой дверь! – громко кинула она и взяла сфинкса на руки.

А потом дверь захлопнулась.

Безумное место.

Лёжа на кровати и уютно свесив ноги я поставил перед собой старый МАКбук, рыская по разным сайтам в поисках новой информации о городке.

Ноутбук адски зависал, с 2013-го года выпуска будто пережив ядерную войну.

Первой страницей, после названия города в поисковике, вылетал официальный сайт, дёшево и безвкусно оформленный словно за один урок информатического кружка.

В основном всё свободное пространство там заполняли фото довольного седого пухлого мэра, на каждом мероприятии стоявшего с не меняющимся выражением лица: широкая ухмылка, обнажавшая светящийся в лучах солнца одинокий золотой зуб.

Среди однообразных фото с новыми зданиями встречалась физиономия моего дяди Арсения, почётно держащего массивный ключ от города. Фигурируя как самый важный спонсор (скорее всего, единственный), тут он был персоной номер один; доверить главный символ города ему – великая честь. Эх, если бы все они знали кровавые жуткие истории в стиле винтажных боевиков, что развернулись в жизни Арсения в девяностых, его баснословное богатство перестало бы казаться таким удивительным.

Любой фильм Мартина Скорсезе позавидовал бы той кровавой бане, во время парки в которой мой дядя заработал

первые деньги.

Прямо на сайте висела короткая статья, объяснявшая в двух словах дилетантам вроде меня, не знакомых с обычаями праздника, всю суть.

Короче, стояла на границе двух климатических зон (сухой степи и влажного леса), Богом забытое захолустье, по улицам которого чаще чем люди пробегали утки, а на месте шикарных особняков богачей гадили свиньи.

Однажды, одна легкомысленная пекарша выбежала из дому, оставив тесто подниматься на раскалённом огне. Вообщем, никто не знает что с тем огнём случилось, но через считанные минуты пламя охватило весь район. Звучит как красивая сказочка: нелогично и простовато.

Конечно же, в захолустье некому потушить нарастающее со скоростью звука пламя. Девушки, похватавшие вёдра активно выплёскивали воду до тех пор, пока сами не сгорели (на сайте было уточнено: воду несли именно девушки. Мужчины, наверное, бухали.). Весь город в пламени. Разгорелся большой пожар, которому завидовали бы все Лондонские большие пожары вместе взятые. От невзрачных фермерских лачуг остались ещё более невзрачные кучи пепла. От многих людей остались лишь обгоревшие скелеты. Те, кто чудом спасся переехали в соседние захолустья.

И тут в игру вступает он: красивый, богатый и предприимчивый. Супергерой для города: супермен и капитан Америка в одном флаконе. Символ города. Умный и находчивый

американец Дилан Грин. Страничка в Википедии сообщает, что на тот момент он жутко квасил, но официальный сайт отмалчивается. Ясно только то, что у сорокалетнего мужика была жёсткая депрессия, именно из-за этого он кинулся путешествовать по пустынному захолустью.

Дальше на сайте долго и нудно описывают как он был впечатлён местными красотами и ля-ля.

Бесцельно бродя по просторным степям в лесополосах он обнаруживает залежи угля, буквально ногой встав в золотую жилу для девятнадцатого века. И тут начинается **новая** история моего **нового** города. Как на дрожжах он вырастает, превратившись из колхоза в пышную обитель угольных магнатов. На месте пепла как грибы после дождя растут дома, пять-шесть этажей в среднем (кхм-кхм, на тот момент это была высота как для нас Эмпайр-Стейт-Билдинг).

Грин строит себе роскошный пышный особняк на одном из холмов, который по иронии судьбы тоже сгорает (не везёт).

В общем, тридцатого сентября 1916 года город полностью восстал из пепла. Почему празднуют первого сентября мне не известно. Может быть, чтобы сэкономить на школьной линейке отправив учеников на вечерний праздник?

История у города интересная – ничего не скажешь. Теперь, идея праздника – почтить память жителей, жизнь которых унесло бушующее пламя. Нужно вспомнить все деревенские замашки, одеть карнавальные костюмы и в семь ча-

сов выйти на площадь.

Ссылок с историей города уйма. «Дилан Грин – жулик или герой?» – гласил вызывающий заголовок одного желтушного сайта, писавшего бредовые лживые статьи об отношениях Селены Гомез и Бибера.

– Обед! Влад, срочно спускайся пока индейка не остыла! – крикнула мама в тот момент, когда от нажатия на ссылку меня отделял один клик.

За столом, под запеченную индейку, все вопросы сводились к «И как тебе город?», а ответ к «Довольно мило, чвяк-чвяк».

– Кроме пыли за раковиной в гостевой ванне я так ничего и не увидела. По бокалам для шампанского, оставшимся тут после предыдущих жителей, могу предположить что у местных есть вкус.

Мама, прикончив мясистую ножку с жирной хрустящей корочкой поинтересовалась:

– Расскажи, как первый день – она положила кусок мяса обратно на тарелку и улыбнулась – Как новая школа?

– Она супер – в ответ улыбнулся я, забыв про жирные куски индейки забившиеся между зубов – Очень классная – захлопнув рот, языком я попытался достать их.

– А девчонки как, классные? – подмигнула мама ударив мою ногу под столом.

– Девчонки такие же как и школа – просто супер – ложью

это не было, просто предположением. Ведь единственные девочки, на которых я обратил внимание за несколько часов – самоуверенные мажорки и мрачная бунтарка, смахивающая на ведьму.

– Пап, как дела на роботе? – сменив тему взглянул я на отца, скучающего и неторопливо жующего тугое бедро птицы. Выглядел он очень уставшим, будто вот-вот уткнется лицом в грязную тарелку и за секунду уснёт. Мрачные мешки под глазами, отстранённое выражение лица – я чувствовал себя виноватым, ведь мои истошные крики пробудили мирно спавших внизу родителей.

Скорее всего, нервный в последнее время отец не смог сомкнуть глаза ближайший час.

– Отлично, сынок – его постоянное обращение ко мне – ласкательное «сынок» – У меня просторный кабинет, окна выходят на густой лес. Есть длинный перерыв на обед, как видишь. Коллектив очень милый.

– А чего им не быть милыми? Ты же теперь босс! – радуясь произнесла мама, гляди, и сейчас захлопает в ладоши.

Она очень уж неожиданная дама. Сидя за обедом она могла в любой момент перевернуть стол и заявить как её достала омерзительная будничность. Могла на манер оперы запеть «бо-о-ос».

Она холерик, и подобные выходки давно стали для нас неудивительными.

Я же говорил: сейчас мама начала читать рэп.

– Босс, е-е, большая шишка, ага.

– Что-то из раннего Эминема? – пытался угадать папа.

– Поздний Канье.

Импровизированный речитатив прервал глоток апельсинового сока. В этот момент, отец не медля решил вывалить на наши головы кипяток. Ну6 в переносном смысле. Надо было ставить кавычки…

– Есть одна дилемма. Точнее, личная проблема – я отложил мясо, ожидая продолжения – Где-то в десять часов утра я увидел его целующего девушку – «хорошо хоть не мальчика» – хмыкнув про себя подумал я – Он расслаблено стоял на лестничной площадке, обнимая её за талию.

– Ты видел её лицо?

– Не рассмотрел. Арсений прикрыл его.

– Может это была Надин?

– Нет, из-за его плечей выглядывали волнистые рыжие локоны.

– Точно не Надин – обрезала мама.

– Мой брат изменяет жене – вдумчиво сказал отец.

– И вы не собираетесь рассказать это Надин? После всех тех выпитых бокалов вина вместе? – я взглянул на маму – После всех часов общения?

– Мы не можем – мямля возразил папа – Только вдумайся, моя зарплата повысилась ровно в четыре раза в сравнении с рыболовной лавкой.

Звучало впечатляюще. Родители не хотели потерять но-

вую должность отца, предпочтя смиренно держать язык за зубами. Карьера бы разрушилась со скоростью «Дженги» из которой достали не ту палочку.

Я подумал за своего брата. Он бы хотел знать правду. Скрыть от него что-то – сродни оскорбить самым грязным словом. Таков его характер: знания обо всех вокруг внедрились ДНК.

Измена отца – огромный удар для каждого члена семьи. Для моего двоюродного брата это стало бы ужасным ударом. Одно неаккуратное слово – и брак родителей разрушен, а вместе с ним и он сам.

Кстати об Андрее. Если бы вы увидели дом, где он живет, со стороны, то раскрыли бы рты ещё не пройдя в вычурные кованные ворота, сделанные на заказ венецианским заводом находящимся на острове Мурано, по соседству со стеклодувными цехами. Поместье – таким гордым словом Андрей называл свой новый дом. Почему он предпочел назвать именно так особняк построенный с нуля? Мрачное дерево, из которого полностью сделан четырёхэтажный монстр архитектуры. Резные узоры, которые можно рассматривать и каждый раз замечать новые детали. Каменные и деревянные скульптуры, по духу близкие к античным шедеврам. Внутри, на тебя то и дело таращатся меланхоличные ангелы, принимают ослепительные позы фигуристые герои греческой мифологии с не прикрытыми пенисами и застыв в пугающих позах,

будто околдованные Горгоной, просят о помощи холодные каменные люди. На четырёх этажах располагались десятки комнат. Сам хозяин не успел обжить и половины. Вот например – громадная ванная с джакузи. Стиль исключительно итальянский, со всеми клише о х представлениях об роскоши. На потолке испуганными глазами вниз пялят ангелочки, над джакузи стоит медный гладиатор. Понятное дело, в этом джакузи никто не купался. Почему? Вы ещё спрашиваете? Ведь оно гостевое! Пусть в этом хлеву купается нижний слой. Для семейства Арсения на третьем этаже есть изысканная ванная с диаметром как у Мексиканского залива.

На нижнем этаже находился«лаунж» с бильярдом, кинотеатром на десять мест, стилизованным под культовое красное кафе из Твин-Пикса и караоке.

Во дворе, где так же везде где не попадя стояли скульптуры, по всему периметру как части рассыпанного бриллиантового колье разливались бассейны: от больших к маленьким и от тёплых до ледяных. Автономно стояло здание бани с панорамными окнами и ещё одним бассейном на крыше. Конюшни, за стенами которых жили лучшие арабские скакуны. Короче, на каждом шагу территории, по которой хозяева передвигались или на сигвеях или на гольфкарах, находились тысячи отпадных штук. Даже тихое старпёрское озеро с утками. И всё это для, представьте себе, трёх человек! В распоряжении у семьи целый штат домашнего персонала, каждый из которых чувствовал себя как на страже у королевы.

Спали они в комнатах прислуги, напоминающих бюджетные гостиничные номера «Рэдисона», вставали в четыре утра и приступали к работе: начинали делать завтрак и выстригали лужайки с сантиметровой точностью.

В первые дни после переезда Андрей поведал, что когда оставался тут один чувствовал себя странно. Как-будто его оставили одного посреди огромного дворца населённого приведениями. Высокие потолки, тысячи взглядов деревянных и каменных людей, животных и ангелов. Недавно построенный дом казался старейшим поместьем из классических ужасов.

Но это неприятное ощущение прошло, стоило только привести в дом первого гостя. И он понял, что страх заключался в одиночестве. Поэтому сейчас поместье семьи Андрея главное место для молодежных вечеринок города. Они тут регулярно: стоит только Надин и Арсению выехать из города.

Все в моей школе мечтали быть приглашёнными к нему в дом. Для обычных горожан он как кусок невероятной роскоши, скрытый за высокими деревянные заборами. И каждый, кто переходил за их границы испытывал шок: фонтаны, зелёные сады, бассейны, конюшня. Огромный кусок цельного толстого золота посреди лужи тёмной грязи: таким представлялось поместье семьи моего двоюродного брата для всех жителей города.

Сумка из кожи крокодила весила не больше весеннего

тюльпана, ведь в ней находились лишь Айфон и мятная жвачка. Многие в школе любили замечать, что ради сумки Андрея где-то в отдалённой провинции Тайланда погиб крокодил. Ох уж эта чёртова «эко-мода».

Что уж точно – крокодил погиб не зря. Сумка охринительная

Белые кеды от “Vetements” шагали по деревянному паркету к высокой парадной двери. Андрей остановился у высокого зеркала с позолоченной рамой и прошептал. Недостаточно тихо, чтобы другие не услышали:

– Чёрт, ты как всегда прекрасен! – подправил воротник белоснежной рубашки и подмигнул самому себе.

Он выглядел прекрасно в дневном свете, прорывающемся внутрь через громоздкое панорамное окно размером во всю стену.

Андрей бросил на себя последний быстрый взгляд и собрался пойти к выходу.

Резкий грохот. Окно разбилось, разлетевшись мелкими осколками в разные стороны.

Андрей, от неожиданности, ссутулился. Ему показалось словно по дому начали стрелять автоматными очередями.

В гостиную, с грохотом прокатившись по паркету и остановившись у кожаного дивана, влетел крупный камень. К нему скотчем примотан конверт винтажного, искусственно состаренного желтоватого цвета.

Завизжала громкая сирена, способная оглушить пронзи-

тельным визгом даже глухого.

Андрей медленно подходил к камню как к опасной взрывчатке. Присел на корточки и протянул руку к липкому скотчу.

Первым делом в глаза бросалась яркая и вычурная, как узоры на гербе, висевшем над камином, латинская буква “V”. Алая печать в форме буквы прикрывала бумагу конверта.

Он схватил камень, пытавшись оторвать липкий скотч.

Конверт оказался в его руках. Шершавый на ощупь и пахнущий старинными томами. На конверте, кроме яркой печати не было ничего: ни адреса, ни марки, ни почтового индекса.

Андрей встал с корточек, оставив камень лежать на паркете. Сквозь разбитое окно внутрь проник холодный сквозняк.

Письмо напечатано. Отправитель мастерски сохранил анонимность.

«Что общего между популярнейшим красавчиком и диким шакалом, налетающим на жертву и терзающим её своими когтистыми лапами?

Время вышло. Пришел час заплатить за все грехи.

Что ты мастерски скрыл от общества знаю лишь я. Скоро узнают все.

Не прощаюсь,

Твоя Леди V”

Прочитав до последней точки Андрей смял письмо в дро-

жащих руках. Перед глазами всё ещё стоял пугающий текст.

Что она могла знать? Что ещё за Леди V? Кто ею мог быть?

Ему вспомнились многочисленные сообщения от пустынных фэйков, созданных лишь для того, чтобы написать ему гадость:

«Мерзкий мудак»

«Когда же ты сдохнешь?!»

«Ты не достоин жизни»

Нет, обычный завистливый прыщавый закомплексованный подросток не стал бы кидать булыжник в окно охраняемого особняка. Это огромный риск. Тот, кто это сделал был настроен решительно и это пугало.

Он положил свёрток в карман узких штанов и осмотрелся по сторонам, боясь что кто-то заметит странное письмо.

Послышались шаги, доносящиеся от лестницы. Закрывая уши, пытаясь спастись от мерзкой сигнализации, к разбитому окну прибежала мама – Надин. Шикарная блондинка, совершенно не выглядящая на 39 прописанные в паспорте. Стоило выйти ей в гламурный бар, доверху забитый молодыми и тощими двадцатилетними стервами, как она забирала на себя всё внимание. Яркие, густые локоны струящиеся по спине. Прокачанная фигура натренированная каждодневными занятиями в личном спортзале; хозяйка не привыкла скрывать её и надевала откровеннейшие платья. Всё это, как вишенка на вкуснейшем малиновом молочном коктейле завершала пышная силиконовая грудь. Не рассказать вам про

неё нельзя, хоть и обсуждать сиськи своей тёти это, скорее всего, не очень круто (они правда сильно торчали).

Кожу перетягивали многочисленные инъекции. Казалось, она всегда всем довольна. Лицо гладкое как у младенца.

– Вот с-у-у-учка – с ненавистью шептали двадцатилетки, видя как всем вниманием мужского пола завладевает женщина старшая их на пару десятков лет.

Но Надин непоколебима. Всем амбициозным банкирам с дачами на Кейп-Коде и виллами у дома Гетсби, всем айтишникам рубящим сотни тысяч долларов каждый день на работе в «Майкрософт», всем нахалам, успевшим закупиться биткоинами в две тысячи девятом – строгое нет. Все её старания исключительно для мужа, ждавшего её дома. И какие бы молодые, богатые и красивые не теряли в её красоте своё сердце, она знала, что навсегда будет принадлежать лишь ему.

Мастерство обаятельно стрелять глазками, метко попадая во внутрь мужского желания выработалось лишь с годами. Если бы вы взглянули на старую пыльную фотографию из богом забытого студенческого альбома, хранящегося за прочным замком и открывшегося лишь один раз для моей мамы, наверняка бы не распознали точёную красоту в простой студентке, заплетавшей сзади густой конский хвост и искренними глазами смотревшей в камеру.

Она стала такой с годами. Сама себя создала по кирпичику, выстроив идеальную пропорцию – фигура:женствен-

ность. За каждодневной работой совсем не видно не самые роскошные и идеальные черты лица, которыми Надин наградила мать природа.

– О Боже мой, что тут случилось? – спросила Надин, быстро осмотрев деревянный пол усыпанный мелкими осколками.

– Кто-то закинул камень нам в окно – дрожащим тоном отметил Андрей. Услышав его, Надин сразу же поняла – сын не на шутку напуган. Она знала повадки Андрея, иногда ведущего себя как тяжёлый организм, разобраться в котором сложнее чем выучить венгерский.

– Наверняка местное хулиганьё, всё время ходящее в уродливых тёмных костюмах – пожала она плечами, искоса поглядывая на сына и пытаясь понять: что его так сильно напугало? – Андрюша, ты хоть не пострадал?

– Со мной всё в порядке, мам.

– Да уж, а я ещё давно говорила Арсению – этот старикан не подходит нам на место охранника! Пора усиливать безопасность дома. Ещё один камень в наше окно и разваливающейся пенсионер вылетит отсюда со скоростью колибри.

Словно фантом, над матерью и сыном нависла горничная, молча вслушиваясь в предположения. Родившаяся в китайском Тайбэе, она рушила все стереотипы характерные для китайцев. Умная и хитрая как чистокровная европейская стерва, как интриганка с королевского двора. Могла подслушать любой разговор богатейшей семьи города и купалась

в их скандалах как в прохладном Тайваньском озере. Узкими глазами она внимательно всматривалась в жизнь каждого члена семьи, умея незаметно подбирать факты о бизнесе и деньгах.

Такие как она, обычно, не работают в сфере обслуги. Такие как она сами собирают вокруг себя прислугу и умело ею распоряжаются.

Наклонившись она взяла стекло в руки и сжала осколок в маленькой ладошке.

– Я видела-а-а тако-э в дэ-э-э-тективах – протягивая гласные вмешалась она. Уровень её речи, для родившийся в азиатской стране женщины, весьма неплох, хоть и содержит режущий слух китайский акцент – Обычно та-а-ам к ка-а-амням привя-я-язывают записки с угрозами.

Андрей мимолётом взглянул в узкие глаза чересчур много знающей горничной, сжавшей ладонь в кулак. «Может быть ты з-а-а-аткнёштся?» – про себя кинул он. Карман с загадочным письмом загорелся огнём.

Надин ничего не ответила, смотря на размышляющую горничную.

– Настора-а-вживает то – отметила она – Что тому, кто это сделал-ь потребовалось бы перелезть через высоче-е-е-еный забор, чтобы закинуть камень. Кто-то я-я-я-явно настроен решительно. Я-я-я не думаю что это хулиганы – «Оставь свои гипотезы при себе» – фырча думал Андрей. Он никогда не отказывал себе в высокомерном общении с обслугой, кружа-

щей вокруг него как мотыльки. Хамство в их адрес как-то услышал отец и заткнул рот сыну на долгое время. С тех пор хамское общение всплывает лишь в мыслях Андрея – Я-я-я думаю вы можете посмотреть кто это сделал по каме-е-ерам – уборщица выглянула через большую дырку в окне и взглянула на мигавший в дворе красный фонарик. Видеокамеры на территории поместья стояли на каждых четырёх квадратных метрах.

– У меня совсем на это нет времени – бросила Надин, сощурившись от вида ладони китаянки, до сих пор не прекращавшей сжимать острый осколок. Возможно боль её фетиш – А вот тебе, Андрюша, не помешало бы посмотреть.

– Хорошо, мам – опустив глаза в пол согласился он. «А вот и последний звоночек» – подумала Надин, взглянув на поникший взгляд сына. Он никогда не пялил вниз. Тут твориться что-то неладное. Он о чём-то умалчивает.

Записка так и осталась лежать в кармане штанов, смявшись и слегка порвавшись сбоку. Выбежав из дому, он достал свёрток и взглянул на него ещё раз: «Леди V”.

– Леди V – шёпотом проговорил Андрей, просматривая напечатанные словечки мирно стоявшие в аккуратном ряду.

Автобус заполненный людьми жутко трясся и не давал просмотреть ленту Инстаграмма.

Шины общественного транспорта не оставляли без внимания ни один камешек на мостовой, по которой набрав ско-

рость ехал жёлтый бус.

Меня сдавили со всех сторон местные, предчувствовавшие атмосферу настоящего праздника. Неловкая женщина наступила каблуком мне на кед, оставив на белых шнурках тёмный след.

Из её уст даже и не вышло неловкого «Извините». Она растеряно смотрела по сторонам на окруживших её пассажиров.

Единственный рейсовый маршрут города переполнен – все спешили попасть в центр города на автобусе отправлявшимся именно в 18:30. Ведь ходил он каждые пол часа, а приехать на час раньше или в аккурат на начало никому не хотелось.

Никогда не любил общественный транспорт. В мой нос всегда доносятся ароматы каждого человеческого тела, стоящего рядом.

Устойчивый перегар. Усатый мужчина, не замолкая тараторивший со своим другом сзади, явно перебрал отмечая важную городскую дату.

Крепкий запах кофе. Девчонка, пытавшись читать электронную книгу на смартфоне выглядела уставшей, будто перепив кофеина она садится читать каждую ночь.

Запах чеснока. Противный запах чеснока доносился от человека, чьё лицо я не мог рассмотреть.

Вокруг витала дикая мешанина аромата чужих тел. Пот, скатывавшийся по чему-то лбу. Сладкие стойкие женские

духи, от которых начинала кружится голова. И опять чеснок. Омерзительно.

Нарыв в кармане телефон я сунул наушники в свои уши и быстро включил тот самый подкаст. Названия я не запомнил. А кто вообще запоминает названия подкастов?

Сказать, что я в восторге от подобного формата – не скажешь. Я просто закрыл глаза и пытаясь отвлечься вслушивался в главный голос города.

«Время принимать ваши звонки, дорогие слушатели. «Что для тебя значит наш город?» – актуальный вопрос перед Днём Возрождения» – звучным дикторским тоном спрашивал ведущий. По его голосу можно представить аккуратного зализанного мужчину в чёрном строгом пальто и тёмной дорогой шляпе. Некий образ Фрэнка Синатры, у местного ведущего подкаста с ним схож даже тембр. Добропорядочный джентельмен. С подобным талантом говорить его ждали бы лучшие каналы страны на роль ведущего позднего шоу. Был бы соседом по студии Стивена Колберта или Джимми Кайбела.

Может быть, дело в том что он чёрный? Почему никто не замечает этого расизма вечерних шоу? Почему одни белые мужики и Эллен?

В записи началась череда однотипных звонков от жителей, в основном в возрасте. Несколько однотипных кричащих голосов резали уши.

Я отключился и почти не слушал, смотря в окно и наблю-

дая за пейзажами мрачного центра города. Но один звонок всё же смог привлечь внимание:

– Итак, наш следующий звонок… Хм, как интересно… Анонимный номер! – мужчина всегда говорил бодро – Здравствуйте! Что для Вас значит наш город?

В ответ он не услыхал ничего, лишь странное противное шипение с обратной стороны.

– Вы меня слышите?

Неожиданно я услышал тихий хриплый голос старой женщины:

– Ты хочешь узнать что для меня значит город?

– Ну, судя по звонку, скорее, вы хотите мне рассказать.

– Ну что же… – старуха говорила с большими паузами – Для меня этот город -высокомерные позорные выродки богатенького слоя, на руках которых лежит ни одна капля крови! Они скоро за всё это жестоко расплатятся. Помни город, ты мне ещё скажешь спасибо. Скоро вы ВСЕ скажите спасибо благородной ЛЕДИ V!

Сигнал прервался. Подкаст закончен. Видимо внука старухи обидели местные мажоры, и та решила напугать всех жутким звонком. На тот момент я не придал ему должного внимания…

– Мам, когда мы наконец выйдем? – Давид развалился на диване и ждал мать. Она носилась по спальне и наводила марафет перед крупным праздником. Он ослабил пряжку рем-

ня, сдавившую его торчащий живот. Сегодня на нём тёмные джинсы, в которых он привык ходить на молитву.

В тесной квартире на четвёртом этаже построенного из камня дома всегда чертовски жарко. Пот полностью намочил белую воскресную рубашку и теперь грудь с животом Давида просвечивали насквозь. Подмышками образовались тёмные мокрые круги.

Он пытался хоть как-то охладиться, махая перед собой свежим выпуском журнала для еврейской диаспоры.

– Ты можешь поднимать свою задницу и идти! Встретимся на площади через пятнадцать минут – обрезала строгая загорелая мать (загар не сошёл с времён отпуска в Эйлате. Тогда она обгорела и оставшуюся неделю не выходила на пляж, усердно делая вид ударившейся в религию святошу. Целыми днями читала Тору и заказала самую дорогую паломническую экскурсию в Иерусалим), выглянув из комнаты.

Давид молча встал с дивана и побрёл к двери, вытирая пот со лба рукавом и без того влажной рубашки.

Его квартира обставлена полностью в аскетичном минимализме так, чтобы ничего не мешало уходить в религию и общение с Богом. Все выходные он проводил тут, сидя на коленях и читая Тору.

Его жизнь никогда не выделялась яркими красками и иногда окрашивала стандартный серый цвет в удручающе чёрную полосу.

Шутка, которую провернула компания мажоров-выскочек над ним в прошлом году разбила его жизнь по швам, разломав на две части «до» и «после». И в одной, и в другой он чувствовал себя брошенным аутсайдером, у которого была лишь одна стоящая вещь в жизни: толстая тора, чтению которой он посвящал часы.

Загруженное 21 апреля 2018 года видео на ютуб превратило его из обычного толстого задрота в толстого задрота-посмешища для двух миллионов просмотревших. Все они, идя по улице не уставали напоминать о снятых на новый «АйФон» кадрах, в которым Давид безудержно танцует на тонком деревянном столе, потом резко падает вниз и бьется об острый угол. Синяк остался и по сей день.Красный, на левом бедре.

Его стали узнавать. Даже пригласили на одно шоу главного канала, в качестве показательной «жертвы галлюциногенных препаратов».

Он стал несмываемым позором для одинокой матери. Ей видеть сына угашенным посреди хохочущей толпы малолеток казалось самым огромным грехом сего мира.

Отношения с отпрыском изменились с того дня. Она знала, что кто-то подмешал ему быстродействующий препарат в апельсиновый сок. Она знала, что её сын никогда бы не попробовал подобное. Но не могла, просто не могла пересилить себя общаться как раньше.

До ушей Давида донёсся весёлый звонкий смех идущей

мимо дома молодёжи. Они шли на праздник, радуясь каждому дню своей молодости. Он бы тоже хотел быть как они, не считая дни до того как это всё закончится.

Тёмный подъезд многоквартирного дома освещала лишь маленькая слабая лампочка, висевшая у лифта. Дневной свет сюда никогда не проникал. Возникало чувство страха, неутолимое желание быстро добежать до лифта и нажать кнопку.

Давид неторопливо, перебирая с ноги на ногу подошёл к закрытым дверям узкого лифта, изуродованным небрежной каракулей сатанинской звезды. Его мама уже три раза пыталась смыть это «непотребство» и «осквернение чувств верующих», но ничего не вышло. Она все равно продолжила бросаться в глаза тёмными жирными линиями.

Нажав на кнопку он ждал. Две минуты. Три. Пять. Обычно лифт ездил издавая ужасный шумный грохот, который слышно даже мирно сидевшим в тесных квартирах семьям.

– Вот чёрт! – разнервничавшись от осознания того что сегодня прийдётся тащиться пешком Давид ударил кулаком по не открывавшейся двери.

Вытерев пот с лица он приготовился к тяжкому испытанию, взглянув на тёмную лестницу.

Четыре этажа. Целых четыре этажа для человека весившего девяносто килограмм казались высотой Эмпайр-Стэйт-Билдинг. Нереальное количество ступеней, не заканчиваясь ведущих вниз. Удручающая лестница, обмотавшая своим однообразным чередом шахту затихшего лифта.

Ступенька за ступенькой, Давид спускался вниз рассматривая мрачные рисунки и ники Телеграмм-аккаунтов, зайдя в которые можно заказать дешёвые наркотики. Обычно, там их заказывают скучающие восьмиклассники, отчаянно желающие выделиться в компании. Самый быстрый способ. И самый, к слову, опасный – Давид не раз слышал о «Tide”, заменяющим кокаин.

Давид схватился за сердце, пройдя первый этаж и устремив взгляд вперёд, на отдалённую лестничную площадку освещаемую лучами, проникавшими сквозь узенькое окно в стене.

– Покайся в своих грехах! – каждый раз, когда он напрягался в ушах звучал голос опустошённой матери, прикрывающей лицо святой книгой. Сразу после случившегося на вечеринке она не прекращая заставляла сына просить прощения перед Господом.

– Но мне не за что просить прощения! – растеряно отвечал выписанный из больницы Давид.

Ступенька за ступенькой он преодолевал дистанцию до маленького окошка и смотрел вперёд. На рубашку продолжал ручьём стекать пот.

– Молись! – завопила мама, подбежав к нему и схватив за волосы – Я сказала молиться, малолетнее испорченное отродье! – он не знал что делать, смотря в глаза обезумевшей матери и пытаясь вырваться из крепкой хватки.

Ему становилось все жарче. Тут не достаточно свежего воздуха.

Наконец, она отпустила его. В руках матери остался густой клочок волос. Передёрнувшись, она отбросила клок в сторону.

Давид облокотился локтем об стену, пытаясь отдышаться. Среди темноты лестничной площадки, которую не в силах были осветить редкие проникшие внутрь дома лучи, послышались тихие женские всхлипывания. Словно внизу, сидя на лестнице плакала женщина, всхлипывая всё громче и громче.

Давид смотря перед собой зашёл в начавшуюся после солнечного света тьму. Она поглотила его с головой, окружив со всех сторон. Стало жарче. Она давила на него, зажимала между узких обшарпанных стен.

На его висках вылезли две почти симметричные вены и ритмично пульсировали.

– Нет мама! – прозвучал его же голос. Ту ночь он никогда не забудет.

– Впусти меня! – плача кричала мама, вырывая дверную ручку ванной. Он прижался спиной к стиральной машинке. Она работала и заглушавшей истеричные вопли матери. Кромешная тьма. Лишь мигающий оранжевый фонарик светящийся над барабаном включённой машины.

Плачь женщины стал совсем громким. Она рыдала, не

скрывая чувств.

Давид представил перед собой портрет пожилой вдовы, рассевшейся на твёрдой лестнице и смотрящей в темноту. В ней ей представляя мутный портрет мёртвого мужа.

Она вытирала слёзы со сморщенных щёк белым платком, на котором крестиком вышиты красные маки.

– Впусти меня!!! **– рыдала мать и со всей силы била в двери ванной ногами, будто это должно было помочь. Ни черта не помогло. Он просидел прижавшись к стиральной машинке всю ночь**. **Сейчас её вибрация волной прокатилась по телу**.

Сквозь тьму прорисовался силуэт. Ссутулившись, на ступеньке сидела дама смешавшаяся с тьмой. Она была одета в чёрное. Тёмный плащ освещал проникший во тьму луч, влетевший через маленькое окно.

Подперев голову руками, она безудержно рыдала и всхлипывала всё громче.

Звук плача волной прокатывался по всему дому. Давид, подойдя ближе к женщине тихо спросил:

– Вам нужна помощь? – он пытался заглянуть за спину, увидев лицо незнакомки.

– Мне? Помощь? – ответил хриплый голос, по которому можно было предположить, что сидевшей перед ним не меньше семидесяти. Самая настоящая старушка, ему так хотелось ей помочь.

– Из-за чего вы плачете?

– Плачу? – упрямо переспросила она – Моя мать избивала меня в детстве, заставляя молиться. Я пряталась от неё в ванной. Ох уж эти неприятные воспоминания…

Давид вздрогнул, увеличившимися в раза три глазами взглянув на незнакомку. Воспоминания в его голове становились громче. Крик матери казался нестерпимым.

Старуха выпрямила спину и резко обернулась. От вида её лица Давид спотыкнулся о ступень, находившуюся сзади.

Ярко-белая деревянная маска полностью скрыла физиономию. Она была будто украдена из японского театра кабуки, с разницей в том, что на ней изображалась европейская внешность. Сморщенная старуха, лицо растянуто в жуткой неестественной улыбке как от фильтра в снэпчат.

Она и составляла пугающий образ. Она бросала в дрожь карикатурным искажением обыкновенной улыбки.

Жуткую белую маску осветили прорвавшиеся внутрь лучи. Она заблестела в них, подчёркивая белизну.

Улыбающаяся старуха, точнее тот, кто скрывался под этой маской, привстала, наблюдая за реакцией мальчика.

Поскользнувшись, он упал на острую лестницу и больно ударился позвонком. Не в силах встать, Давид наблюдал за медленно подходящей к нему незнакомкой. Он хотел закричать, но был очарован мистическим силуэтом, вставшим на соседнюю ступень. Наклонившись, он тёмной перчаткой прикоснулся к мокрому лицу мальчика.

Она ласково погладила его свисающие вниз щеки, держа

правую руку за спиной.

– Т-ш-ш – тихо шикнула она и поднесла палец к алым губам маски.

Давид в упор смотрел в тёмные глаза старухи, пытаясь разгадать, кто стоит перед ним. Тщетно. Толстое дерево скрыло за собой личность и оставила её неизвестной.

Резкая боль. Давид почувствовал как острый нож устремился в живот. Ещё раз. Потом ещё раз.

Он опустил взгляд на тело, в ужасе смотря на окровавленную рубашку.

Из уст вылилась свежая кровь и окрасила маску старушки в алый цвет. Капли стекли по белоснежному дереву обратно на воскресную рубашку, которую ранее Давид одевал лишь на воскресные походы в церковь.

Упав на лестницу, он ударился головой об острый выступ и закрыл глаза. А таинственный силуэт продолжал заполнять всю темноту звучным:

– Т-Ш-Ш-Ш! – и расплывался в циничной улыбке оглядывая кровавые реки, потекшие по ступеням вниз.

Ступая по аккуратно выложенной красной мостовой я с интересом осматривал центр города.

Умеренное вечернее солнце медленно переставало греть и давало осени скрыть голубое небо за воздушными тёмно-синими облаками, отдалённо напоминающими тучи. Солнечный свет залил приторную площадь. Её окружала красная

мостовая, цветом напоминающая вино. Посреди уютно располагался зелёный островок, клочок зелени посреди череды невысоких кирпичных домов. Пышные каштаны свысока смотрели на толкающуюся толпу, готовившуюся к празднику.

На просторной площади располагался ювелирный магазин, в котором жителям втирали дешёвое стекло под видом бриллиантов, единственный МакДональдс в городе, у которого вечно кучковались любители бургеров и скромный банк, затесавшийся среди мелких магазинов одежды, построенных специально для понаехавших сюда богачей. По иронии судьбы они, в основном, простаивали пустыми и ожидали местный бомонд.А он, в то время, обновлял гардероб в лучших бутиках Милана.

По другую сторону стояла высокая деревянная ратуша, из неприветливого фасада которой стройно торчала высокая часовня. Каждый час колокола внутри громко звенели, создавая иллюзию средневекового французского городка. На главном входе в ратушу, где проходили городские конференции и собрания совета, висела массивная позолоченная табличка «Спроектировано Диланом Грином». На ней искрилась содранная с его портрета равнодушная физиономия. Тут из этой равнодушной физиономии сделали настоящий бренд, пихая куда не попадя: брелки, магниты, кружки и даже игральные карты. Их никто никогда не покупал, всё оставалось пылиться на прилавках.

Но главной на этой площади была вовсе не мрачная ратуша. И не МакДональдс, как может показаться на первый взгляд. Огромная белая церковь, нависшая над всеми величественными и обрывистыми стенами. Она составляла особенную ценность для религиозных жителей. Ведь каждое воскресенье все как один ходили на проповеди. Они считали местным героем священника Ростислава, а тот улыбался и продолжал давать наставления каждому желающему. В своём церковном тёмном одеянии он часто гулял по городу. Его то и дело замечали покупающего хлеб в супермаркете или неторопливо гуляющего по местному парку на окраине.

Три золотых купала отбили свет солнца и ослепили мои глаза.

– Единственное красивое здание тут – скучая пробормотал Макс, указав на церковь. И правда, масштабность захватывала дух. На фоне высочайших стен, летающие мимо пожелтевшие листья казались мелкими каплями дождя.

По красной мостовой тут и там расставлены крупные тыквы как символ наступившей осени.

Смысл праздника в почтении традиций людей, жутко погибших во время большого пожара: выстукивая копытами такт мимо меня то и дело неторопливо проходили измученные лошади, смотря тёмными напуганными глазками в самую душу. Сзади, прицепившись к уставшей спине животного, катились пафосные царские кареты, украшенные вычурными узорами. С разницей в десятку долларов сзади та-

щились такие же, только без всей вырывающей глаз мишуры.

То и дело встречались люди, одетые в старомодные костюмы. Они устроили настоящий Хэллоуин из почтения памяти. Сбоку стаяла стройная леди в невероятно широкой шляпе, прикрывающей её лицо. Обычная девушка регенерировала в розовый раздутый мухомор. За ней волоклись потные и скучающие дети, ненавидящие каждого вокруг. У магазина «GAP” улыбаясь и махая рукой каждому стоял мужчина в грязном фартуке. Он изображал, видимо, кузнеца. Может быть забыл помыться.

Измазанная искусственной грязью женщина в возрасте стояла недалеко от него, поднимая окровавленный нож над кусками сырого мяса, неаккуратно выложенного на деревянном столе. Жена мясника.

Среди стогов высыпанного как попало сена веселились малыши, ныряя с головой в диковинный атрибут фермерской жизни. Сено валялось в самых неожиданных местах, прохожих то и дело на него наступали.

Основная массовка собиралась у построенной специально для праздника из железных палок сцены, стоявшей напротив главного входа в ратушу. Над ней нависала часовня, ровно в семь часов громко забив в колокола.

Звон заложил уши. Она сообщала о наступлении нового часа чересчур громко. И впрямь, этот звон будто переносил каждого стоявшего на площади в давние времена. Я не уверен, что в девятнадцатом веке в захолустье, почти полностью

обжитым фермерами и усеянным глубокими лужами, в которых визжа купались свиньи, стояли вычурные изысканные часы.

Макс взял на себя ответственность проводника и не обнаружив у назначенного места Андрея (им служил магазин нижнего белья, зажатый в узком проулке. Перед ним стояла гора мусора, разносившаяся в разные стороны ароматом разлагающихся на солнце отходов), потащил меня к самой сцене. Цель – занять места поближе. Расталкивая всех людей на пути и сыпя в разные стороны отработанные «Извините», «Я не хотел наступить на вашу ногу» или «Я такой неловкий» мы пробивались ближе.

На сцене зажегся первый фиолетовый прожектор и осветил удручающую пустоту.

К площади незаметно подкрались сумерки и неожиданно окутали весёлую толпу. За минуты она поглотила в мрак всё вокруг: от белоснежной церкви и до твёрдых желтоватых тыкв. Она как бы намекала халтурным организаторам: «На сайте написано что начало в семь вечера, а вы передерживаете простецкое городское празднование на пятнадцать минут, будто на сцену сейчас выбежит Леди Гага».

Андрей так и не появился. Он ответственно пригласил меня послушать его речь и чертовски сильно опоздал. Это похоже на него: переменчиво и странно.

Я набрал ему и довольствовался долгими продолжительными гудками. Потом, оператор с голосом робота из терми-

натора сообщила мне, что абонент не может ответить на звонок.

Положив телефон обратно в карман я сразу же отвлёкся на заигравшую фоновую музыку и моментально позабыл о брате.

Вокруг за считанные секунды образовалась нескончаемая толпа людей, жаждущая начала. Они громко свистели и кричали. Люди как люди. Разные слои населения, все как один, представляли типичных провинциалов: весёлые подростки, в стиле одеваться запоздавшие на года полтора. Милые маленькие дети с недомытыми головами, сидевшие на спинах уставших отцов с неутоленной щетиной, гордо представляющих строгий средний класс. Рядом стояли улыбчивые и приветливые мамаши, стремившиеся быть во всем идеалами.

Пенсионеров в этой мешанине также достаточно: бабушки тут делились на два типа: первый – ворчливые старухи в экстравагантных нарядах, которым позавидовала бы сама Донателла Версаче. Этот тип не пропускал ни одного проходящего мимо представителя молодёжи и стремился сделать громкое замечание. Зачастую не получалось. Таких как они по площади стояли десятки и создавали стойкий гул как от роя пчёл. Второй – довольные упитанные бабули. Они держали внучков за ручки и рассказывали увлекательные истории об ушедших годах. В их разговорах перемешивалось многое: тоска по яркому блеску двадцатого века, любовь к многочисленным кошкам и злоба к зятьям. О да, стоило им

только заикнуться о лентяе-алкоголике муже дочурки, как милые старушки второго типа превращались в ворчливый первый.

Дедушки были, но мастерски скрывались за спинами жён. Чересчур спокойные чтобы кричать на подростков. Им не нужны были сплетни и скандалы, просто дайте спокойно дожить.

Среди общества города чёрной кляксой по толпе растеклись юноши одетые в чёрное. Могло показаться, что каждый из них собирался на похороны и оделся в самое траурное. Но это только на первый мимолётный взгляд. Если присмотреться к их одеяниям, на груди можно заметить вышитые белые буквы «Адидас». Все как один, они одеты в спортивные костюмы этого бренда. Словно бодигарды одного и того же крупного нефтяника.

Может быть, рядом шейх расхаживает?

Компания, пугающая своим дресс-кодом, громко хохотала. Иногда в их узком кругу завязывались драки. Они создавали толкучку передающуюся дальше по толпе, к самой сцене.

– Кто они? – удивлённо спросил я у Макса. Он уловил мой взгляд и сразу понял о ком зашла речь.

– Толпа идиотов – не думая выдал он – Идиотов, которых связывает общий интерес бестолкового просирания жизни.

Пробиваясь через толпу я увидел белые волосы Каролины, покрасневшей от давления окружающих:

– Вот вы где! – с лёгкой злобой в голосе обратилась она к нам – Максик, я набирала тебе пару сотен раз и ожидала что ты мило, как примерный бойфренд, встретишь меня у того пропахшего мусором магазина нижнего белья – женственный высокий голос перешел на повышенные тона, не утаившие разочарования – Я прождала тебя целую вечность пока ты просто втыкал в толпе.

– Извиняюсь – улыбнулся Макс. Положив руку на тонкую талию подруги он со всех сил прижал её к себе и прикоснулся носом к мягкой щеке.

– Ты не закончил рассказ о них – обратился я к нему в тот момент, когда он прислонил сухие губы к уху девушки, слегка прикрываемому волнистыми прядями.

– Нечего рассказывать. Обычные хулиганы, в которых проявляется доля садизма и энэрговампиризма.

За Каролиной притащилась Алина, с брезгливостью расталкивая локтями стоявших рядом студентов. Её лицо украшал, или возможно портил, вызывающий макияж. Я, как человек не разбирающийся в этом (пф, не удивительно) сразу обратил внимание на цветную, как радуга, область вокруг глаза. Тональный крем делал кожу ещё тёмнее. Выглядела она как эмигрантка из Доминиканы, хоть и никакого отношения к Карибам не имела. На ней чёрное кружевное платье, целиком описывающее всё противоречивое впечатление от компании моего брата: вроде бы сдержанно, классически и элегантно, но в то же время кружева обнажали загорелое те-

ло. Как бы правильно выразиться? Слишком обнажали. Так сильно, что Али выглядела как нимфетка (хэй, Набоков!), возомнившая из себя роковую и страстную девушку.

Высокие шпильки, усыпанные чёрными стразами, добавляли ей сантиметров пять в росте.

Ехидные дерзкие глаза быстро перебегали с одного человека на другого и сканировали окружающих. Казалось, в её глазах встроен рентген и камера ночного видения.

Сначала она мило помахала мне, потом я почувствовал, как резкий взгляд просверливает во мне дыру:

«Ага, Влад. Узкие джинсы, купленные где-нибудь в «Zara». Тёмная скромная футболка, с которой не свисают прилипшие омерзительные волосы. Тут одно из двух: или у него нет домашних животных, или он чересчур опрятен (значит гей). Склоняюсь к первому, так как сейчас этот подонок прямиком глазеет на мои сиськи. Я бы ему расцарапала морду, если бы он не был братом моего парня, или если бы мой маникюр не был таким свежим.

Забывает побриться: над верхней губой торчат мерзкие тёмные волоски. Моно-брови нет, при этом видно что брови не выщипанные».

Далее она стрельнула взглядом на разговаривавшего со своими друзьями молодого парня, стоявшего рядом:

«Голова сальная. Кофта вся в кетчупе, любит давиться картошкой фри. Скорее всего, не может позволить себе нормальную еду на мизерную стипендию.

На зубах железные брекеты, из-под которых выглядывают мерзкие остатки еды. Неопрятный. Вонь из его противного рта доносится до меня даже когда он стоит спиной. Иу, я сейчас блевану ему на сальную бошку. Может, хоть после этого он её помоет»

После ненавязчивого оценивания она опять перевела взгляд на нас, улыбнулась и попыталась поддержать разговор:

– Вы за кого? – влезла Алина

– За наших «Адидасов»

– Он прав, рассказывать нечего. Ополоумевшие подонки, думающие что одинаковыми костюмами они выглядят пугающее – она показательно скривилась, бросив быстрый взгляд на виднеющиеся вдали чёрные спины.

– Хочешь узнать, как сделать так, чтобы тебя возненавидел КАЖДЫЙ в этом городе – спроси у них – иронично посоветовал Макс – Они любят издевательства, живут ими: обижают детишек, унижают стариков исписывая их дома, и достают кучу хлопот взрослым.

– И почему они ещё здесь? Стоят посреди толпы и смеются как не в чём ни бывало? – удивлённо спросил я.

– То есть, почему они ещё не наказанны?

Я кивнул, смотря на то как один из парней в чёрном подхватил на плечи другого при этом прыгая и смеясь. Над толпой возвысился лысый парень, смех которого прекратился после одной сдержанной улыбки. Он осматривал всех окру-

жающих водянистыми, загадочными глазами. Лицо его идеально гладкое, без единой щетинки или волосинки, а голова, как зеркало, отбивает последние солнечные лучи.

Огромные серые глаза остановились на мне.

Уверенность. Нахальность. Показательная дерзость – это всё чувствовалось в одном лишь взгляде. Холод. Сдержанность. Зажатость перед окружающими – нарочитая опасность была лишь натянутым образом. Грусть. Печаль. Тоска – он несчастлив. Всё это моментально всплыло, как только мы столкнулись глазами и смотрели друг на друга от силы секунду. Дальше его друг продолжил прыгать и повернул загадочную персону спиной ко мне.

– Скажи спасибо вон тому лысому – Макс нахально указал пальцем на парня, привлекшего моё внимание – Его отец шериф.

– Подобие шерифа – возразила Каролина.

– Даже не подобие, а жалкий алкаш, делающий вид активного патруля города. На самом деле вместо работы он выпивает дешёвую водку с горла и трахает проституток на заднем сидении – едко выразилась Алина.

– Именно он покрывает каждого из друзей своего сына – смотря на парня объяснил Макс – Думаю, даже если бы они устроили массовое изнасилование, то были бы оправданы .

– Кто знает, может уже устраивали – добавила Каролина, на что Макс в ответ кивнул.

– Как его зовут? – спросил я, не отрывая взгляда от под-

прыгивающего над головами окружающих незнакомца.

– Валентин – сухо обрезал Макс.

«Валентин» – это имя пронеслось в моих ушах, как только парень развернулся ко мне лицом и быстро заглянул в глаза. По моему телу пробежал холод. Его взгляд напоминал глаза безумного убийцы, сидящего на электрическом стуле.

Кается, а ничего поделать со своим жестоким верным нутром не может.

Неописуемое чувство.

Хоть Макс и создал на первый взгляд образ «тупого качка», в нем была искренность и простота. Это вызывало доверие.

Следует заметить справедливости ради – простота в умеренных количествах. Конечно, она чётко выделялась в заносчивой компании как яркий свет маяка, прорывающего смог нависший над океаном. Стоило ему отойти от них на расстояние в несколько шагов и завеса срывалась. Во всём чувствовалось что этот парниша «не так уж и прост» – умный хитрый взгляд сильнее бросался в глаза при отсутствии ещё более хитроумных взглядов.

Тем временем за сценой я увидел Сабину. Она вновь стала объектом обсуждений моей компании (великая честь). В руках держала красную гитару и без переживаний глядела на публику. Рядом с ней стояли две накрашенных как готы девицы. Одна африканка с намешенными генами: тёмный цвет

кожи и волнистые волосы. Вторая бледная блондинка с двумя дульками на голове. Блондинка на синтезаторе, а африканка на барабанной установке. Девчонки разогревались за кулисами. Видимо, сегодня они выступят на концерте.

«– Бездарная идиотская инди-группа, как же они достали!» – то и дело в голове всплывал с десяток злобных реплик моих новых «друзей». Конечно же, я не собираюсь их запоминать в доскональной точности. Нужны ли друзья, так яро обожающие выливать грязь на головы окружающих? Тем более, я прекрасно знаком с чувством, когда грязь выливают на мою голову.

Или затесаться в неприступной шайке оптимальный вариант?

Народу становилось все больше и больше. Я осматривался по сторонам, разглядывал центр города и вдыхал свежий осенний ветерок, начавший пахнуть сырой землёй и влагой. Я пришёл в достаточно тонкой рубашке и понял, что нужно было принести с собой куртку. Моя рваная джинсовка подошла бы идеально, ведь на улице становилось всё холоднее и холоднее. Где же носит Андрея, ему же предстоит такая важная речь!

Макс грубо указал пальцем на родителей Адрианны, пробирающихся мимо толпы к первому ряду. Никто из присутствующих не возражал. Все расходились и с жалостью смотрели на оставшихся без единственной дочери молодых родителей. Каждый решал обязательно высказать соболезнова-

ния.

Эта пара прошла мимо меня под звучное «Мне так жаль», высказанное приятной дамой средних лет одетой в старомодный розовый костюм. Она стояла рядом и противно пахла дешёвым магазином парфюмерии.

Мать, одетая в тёмный жакет, окидывала всех фальшивым взглядом «скорбящей». Выглядела она как прагматичная барышня, сутками не выходившая из серого здания офиса. Строга как кожаная сумка из магазина «Hermès”, доверху забитая документами. Вылитая лондонская леди, пьющая чай в пять часов дня на верхнем этаже «The Shard”, и любящая затариваться в «Harry’s”. За собой мамаша вела растерянного мужа, ни капли не напоминающего лондонского денди. Видно было, что семейка держится на плаву за счёт уверенной в себе волевой дамы а не зажатого хлюпика, тянущегося как ненужная ноша позади.

Мама Адрианы изо всех сил пыталась подавить излишнюю уверенность. Она даже специально ссутулилась, весьма коряво и не убедительно. За десятком ответов на сотню сожалеющих комментариев будто бы ничего и не скрывалось. «Всё в порядке, спасибо» или «Мне уже лучше» – шаблонные фразы, казалось, целиком правдивы. У неё всё в порядке, это заметно.

Отец Адрианы испуганно огляделся на крикливую толпу и приветливо кивнул Никите. Надо же: как можно заметить столь серое и невзрачное создание среди сотен громких лю-

дей?

Вообще, из компании он мне не нравился больше всего. Я понимаю, что месяц назад погибла его подруга, но в нём есть что-то двуличное, неприятное. Словно за своим натянутым грустным образом он скрывал что-то чертовски важное, неположенное знать обычным простолюдинам.

Скрытный. Скорее всего, ощущал себя невероятно хитрым и продуманным, довольствовался собой и не понимал, что нарочитую хитрость видно ясно написанной на бледном лице.

Это чувство нельзя описать словами. Бывают такие люди при виде которых понимаешь, что потом они станут настоящей проблемой. Зажатость, прицепом тянущая за собой неискренность, удручает. Даже их взгляд кажется недоброжелательным. Хотя, скорее всего, он и есть недоброжелательный. Хитрый. Подлый. А когда в твои уши залетает тихий мямлящий тон, кричащий «Пожалей меня, пожалуйста!», и вовсе хочется пнуть этого человека со всей силы.

Скорее всего, я аморален. И пускай. Этот скрытный тип с глазами умирающей дворняги вызывает бурю противоречивых эмоций.

Скорбь? Не думаю. Желание сделать так, чтобы окружающие начали относиться к тебе как к несчастному мальчику? Скорее всего.

Всем своим видом он показывал насколько ему хреново, как актёр отыгрывающий дешёвый бульварный спектакль.

Нарочитые вздохи, томные закатывания глаз и показательные уходы со столовой – всё это смотрелось как неумелая игра. Даже его компания друзей, скорее всего, висла на волоске от срыва. Они бы с удовольствием выкинули бледного скорбящего, но вот заедающие человечные принципы не позволяли.

Самое большое проявление бесхарактерности – навязывание остальным своего душевного состояния. Самое большое проявление человеческой силы и характера, в свою очередь – даже когда дела идут хреновей некуда, некому и никогда этого не показать. Задрав нос гордо идти. Это сила. Вот это – настоящий стержень.

У бледного паренька он отсутствовал напрочь. Без него он расплывшаяся лужа грусти.

Никита боялся заглядывать в глаза напрямик. Видимо, боялся что его игру раскусят более умные люди.

Он полностью отстранён от всего происходящего, но при этом пытается незаметно втиснуться в любой разговор и подслушать чужие сплетни.

Хотя, может быть, с ним стоило пообщаться и потом делать поспешные выводы?

Криво улыбнувшись отцу погибшей он устремил взгляд на пустовавшую сцену. На ней крупными жёлтыми буквами надпись напоминала о важности сегодняшнего дня. «День Осеннего Возрождения» – гласил висевший плакат, мелкими словечками добавив – «Всё может заново восстать из пеп-

ла» – конечно, если только среди пепла заваляются драгоценные запасы высококачественного чёрного угля.

Подходившие сзади жители толкали стоящих впереди и образовывали неуютную толкучку. Женщина в розовом костюме, пахнущая едкими духами, плотно прижалась ко мне и толкала к спине стоящей впереди молодой девушки. Я закинул голову и остановил взгляд на сверкающем золотом куполе невероятной красоты.

– Ой! – озадачено выдавила дама, наступив на мой кед тонким каблучком.

Глаза полезли на лоб. Главное не проронить ничего скверного напротив церкви. Терпи Влад, розовая когда-нибудь отойдёт.

Шеей я чувствовал тёплое дыхание. Отвратительно. Чужие микробы прилетали на моё тело. Чужая одежда, неизвестно что пережившая за своё существование, соприкасалось с моей кожей.

Стало дурно. Руками я начал дёргать в разные стороны.

Брезгливость – неотъемлемая часть моего шестнадцатилетнего существования. Всё началось с самого детства, с жуткого документального ролика о микробах. Кто делает эти жуткие документальные фильмы прививающие боязнь всего на свете?

Дальше всё пошло по накатанной: видео на ютубе, книги про микроорганизмы и свой личный микроскоп, сквозь который можно рассмотреть содержащихся в слюне челове-

ка длинных сороконожек. В каждой слюне, (представляете?), есть подобная дрянь. В каждом чужом выдохе содержится миллион маленьких круглых колючих колобков, напоминающих каштан.

Почему я такой? Не соответствую нарочитому наплевательскому отношению к гигиене, характерному для мужского пола? Я чувствую каждое мини-существо, бегающее по телу. АБСОЛЮТНО ВСЕХ. Без исключений. Они поглощают меня изнутри, лапками перебирают по коже. Омерзительно.

Эту боязливость я мастерски скрывал ото всех и открыл лишь вам. Зачем скрывал? Ну, представьте себе, как жалко смотрится парень до чёртиков пугающийся микробов. Он смотрится как безумный отбитый задрот. Я таким не был и подавлял брезгливость.

Ладонью я зацепил руку мужчины в возрасте, пол лица которого занимали густые усы как у старика с коробки «Принглс». Развернувшись ко мне, он звонко выдал:

– Поаккуратнее, молодой человек! – и выпустил наружу едкий зловонный запах дешёвого табака, выкуренного его гнилым ртом. Сотни сигарет. Я представил аккуратную пирамидку, выстроенную из папирос, приконченных им за всю жизнь.

Ну как, «пирамидка».

Выше чем Вавилонская башня.

Вонь проскользнула в нос. Я представил как медленно разлагаются его почки, уверенно ведя к раку лёгких. Дыха-

тельные пути медленно выгорают и рассыпаются в пепел. Вообще, его внутренности тёмный рассыпчатый пепел.

Меня передёрнуло. Я попытался вернуть дыхание назад курильщику и шумно выдохнул.

«На, забери свой дерьмовый аромат!»

Привкус нездорового организма и едких сигарет остался. Ещё секунды, и я задохнусь.

– Ты в порядке? – озадаченно спросил Макс, смотря на медленно краснеющее лицо. Я просто стоял посреди толпы, но выглядел будто сейчас упаду на землю и дам раздавить себя десяткам подошв.

– В полном – пытаясь не дышать ответил я. Никита уплывал по морю людских тел всё дальше от нас. Идеальный момент, чтобы спросить у Макса о его взаимоотношениях с загадочным парнем.

– Никто не понимает что он забыл в нашей компании. Посмотри – он же похож на зомби, или лунатика, случайно вышедшего из дома, или…– задумался он – Ты понял. Такому не место среди нас. Мы по умолчанию не должны связываться с пассивно живущими простофилями.

– А с кем должны связываться ВЫ? – иронично спросил я, ожидая смущённой реакции на вызывающий вопрос. Её не последовало. Макс скрестил руки на груди и дерзко глянул на меня.

– Не придуривайся, все знают кто мы. Любящие себя и только себя больше всего на свете заносчивые мажоры. Мо-

жет, слегка испорченные сбережениями родителей. Это все знают, скрывать нечего – Макс задумался и подправил аккуратно расчесанную каштановую шевелюру, сквозь которую просвечивались белые выгоревшие на солнце пряди. Сейчас, его причёска напоминала строгого игрока в поло, любящего обсудить классическую английскую литературу за бокалом виски. Такой типаж смазливых красавчиков, стелющих белые подстилки посреди полей для гольфа. Они всё время подправляют воротник модного поло и кормят изысканную подругу клубникой с рук. Утром он был более лохматый и взъерошенный и больше напоминал обычного игрока в баскетбол. Сейчас, скорее всего, на него надавили родители, переживающие за репутацию бизнеса, и заставили сменить классическую американку на строгую рубашку. Он выглядел другим человеком: убил глупого качка и поставив на его место примерного подростка, сошедшего с наивных фильмов шестидесятых, где под ритмичные звуки джаза безудержно танцевала золотая молодёжь.

– Я часто спрашиваю у Андрея что-то вроде «Хэй, бро, что в нашей компании забыл забитый пугающий сопляк?», он упёрто отвечает, что Никита привлекает внимание к нам за счёт своей невзрачности. Типа, знаешь ли, симпатичные девчонки гуляющие по коридору просто ахнут от нашей крутизны, опустив взгляд на невзрачное хлипкое сопливое приведение. Психология – он три раза постучал пальцем у виска – Наш лёгкий балласт, хвостик тащащийся сзади. Так ска-

зать, наша «ЖУД»а.

– Как в той комедии с Беллой Торн 2015-го года?

– Да, прямо как в ней. Не помню названия.

– Я тоже не припоминаю – задумавшись, я осуждающе выпалил – То есть ты считаешь это нормально использовать другого человека для привлечения внимания других?

После сухого слово ЖУДа я увидел себя блеклым балластом, бездельно следующим за «крутыми» ребятами ради привлечения всеобщего внимания. Голливудские улыбки и милое общение дерзких детей богачей стали для меня приветливой приманкой. Вполне возможно, они искали нового невзрачного «друга». Я принял реплику Макса на свой счёт.

– Я жду – улыбнулся он – Можешь рассказать в сто восемьдесят шестой раз какие мы испорченные и жестокие. Никита сам не против, если ты не заметил. Он прекрасно знает свою миссию в нашей компании: быть незаметным. Он никогда не нашёл бы себе других друзей – Макс встал на цыпочки и попытался рассмотреть стоящую за кулисами солистку «Чародеек».

Портрет Никиты так и не обрёл новых очертаний. Совсем не ясно, что из себя представляет молчаливый отстранённый паренёк.

– А какой он был до смерти Андрианы? Веселее, может быть, разкомплексованей и коммуникабельней?

– Ты не поверишь, но такой же. Почти такой же. Тихий, скрытый, вялый. Одним словом – Никита.

– Вы решили взять его на почётное место «ЖУДы» из-за того что родители Никиты такие же обеспеченные как и у вас? – по коридорам школы незаметно опустив головы тащились десятки подобных «ЖУД».

– Да, владельцы трёх супермаркетов. Их состояние резко подпрыгнуло вверх после того как “Target” не дали разрешение построить тут супермаркет – Макс ухмыльнулся – Правда, они не его родные родители. Он приёмный.

На портрете обозначились новый штрихи зажатого сироты.

– А он тебе не говорил где его, э-м-м – я задумался, как бы правильно назвать людей, оставивших сына одного – биологические родители?

– Не говорил, но другие рассказывают что его папа или погиб, или по пьянке не предохранился впендюрив мамке. Его никто не видел. А вот с мамой всё обстоит легче: сплетни утверждают что она переехала в Конго добывать золото. Экзотично, скажи? Променять сына на забытую Богом и затерянную посреди Африканского континента страну.

– Жаль его.

– Ты знаешь, а мне не жаль. Тебе просто нужно хоть раз взглянуть на его приёмных родителей: они кружатся перед ним как ураган Катрин, просто души в нём не чают. Ты думаешь мать, оставившая сына одного была бы примерным родителем?

Должно быть доля здравого смысла присутствовала в этом

утверждении.

Скорее всего, неприятно когда окружающие считают тебя «ЖУД»ой. Он был вовсе и не жирный. И не уродливый. Просто блеклый на фоне вырывающих глаз друзей.

Каролина отчаянно пыталась выбраться из толпы. Как звезда впереди горела круглая вывеска кофейни. Под предлогом купить имбирный чай она собиралась зайти в уборную. Вот только вылезти бы из моря людей.

Один сопливый чудак прикоснутся потной рукой к густым светлым волосам. Омерзительное ощущение. Кэр не думая врезала ему бы по яйцам, вот только все эти люди с неё глаз не спускают. «Наша репутация напрямую влияет на то, что ты ешь и во что одета. Запомни это» – каждый раз, когда в голову лезли импульсивные мысли начинал звучать строгий мамин голос. «Репутация-основа. Репутация– основа…»

Становилось тяжело дышать. Свежесть осени убита дыханием сотен тел. На её месте духота.

– Дайте… Пройти… Пожалуйста-а-а.. – протяжно просила она, протискиваясь между двумя молодыми студентами. Они не стесняясь осмотрели её сзади.

Как красивый комод в Ikea.

Как новую тачку в салоне.

«У-у, гляди какой бампер!»

Местная инста-звезда @karolinka_babydoll самая известная интернет-личность города, ведь мелькает в ленте каждо-

го второго жителя. Её милые ванильные селфи на фоне атрибутов роскошной жизни злили всех девушек, агрессивно точащих ножи на сексуальную блондинку. А вот мужчины просто в восторге от фотографий в купальнике у лазурного бассейна.

Каролина почти у цели: пробивалась сквозь толпу и локтем цепляла парней в мрачных спортивных костюмах. Они все одеты в чёрные костюмы «Адидас», на ногах белые кеды того же бренда. Вели они себя хамовато и специально толкали людей стоящих рядом. Это вызывало кучу негодования со стороны и так ненавидящих их жителей.

Поток нескончаемой брани вырывался из уст парней и доносился до маленьких детей сидящих на отцовских шеях. Эта компания тут – исключительные антагонисты, не способные понравится никому. На первый взгляд: обычная невоспитанная шпана, устроившая из дружбы показательный маскарад.

– Да когда же вы наконец успокоитесь! – крикнула седая старушка, державшая перед собой выношенную тёмную сумку.

– Бабуля, может стоит переждать климакс и только потом приходить на людные мероприятия? – под звуки громкого мужского смеха сострил парень с сальными каштановыми патлами.

– Чувак, это не круто шутить по поводу климакса – осуждая бросил паренёк с аккуратно зализанными назад густы-

ми волосами. Он выделялся на фоне всех смазливой внешностью участника популярного boys-band – Есть три вещи, над которыми не положено шутить парням: месячные, климакс и чернокожие.

– Да ладно! – обиженно отозвался шутник.

– Может вы меня наконец пропустите!? – раздражённо выкрикнула Каролина, рукой ударив в спину парня, лицо которого не увидела.

Развернувшись, он посмотрел на раздражённую девчонку спешившую в кофейню.

Каролина поняла, что не рассчитала силы и заехала в центр его позвоночника.

Лысый парень мило улыбнулся и оживлённым взглядом осмотрел красотку стоявшую рядом.

Кэр его знала. Сын шерифа. Про него тут говорили много и не переставая. «Садист, вырвавший реснички у моей кошки», «придурок, натянувший трусы моему сыну на голову», «малолетний гандон, забросавший окна моего дома тухлыми яйцами». Одна из популярнейших тем для обсуждений тёплыми тихими вечерами разъярёнными соседями, ненавидящими всё вокруг.

Валентин неловко улыбнулся, на что в ответ Каролина опустила глаза и позабыла о ненужной спешке.

– Прости меня, я не рассчитала размах руки – Каролина нелепо замахнулась рукой и нежно улыбнулась.

– Ничего, я думал такая стройняшка как ты пролазит вез-

де без проблем – она в ответ рассмеялась и протянула тонкую руку, ногти на которой украшал блестящий длинный маникюр.

– Я Каролина.

– Я Валентин – пожав руку, он почувствовал как длинные ногти медленно впиваются в его ладонь и оставляют неглубокие следы.

Парни, смеющиеся над ошарашенной старухой, пытались подслушать разговор главаря с популярнейшей девушкой города. Волнительный момент. Такое, по их мнению, случается раз в жизни, и то, если красотка соизволит зайти в закусочную, где тебе суждено работать, и заказать диететический пепси.

– Я наслышана – сухо обрезала Каролина и отпустила руку нового знакомого.

– О нет – он закатил глаза – Дай угадаю, популярная история, в которой я вырвал усы одной кошке? Или нет, как я нахамил продавщице в магазине – она в очередной раз улыбнулась, опустив длинные ресницы и пяля в пол.

– Историй много.

– Да, их на самом деле не сосчитать – подтвердил Валентин – Но вот та, в которой я познакомился с самой невероятной девушкой города – будет самой нереальной.

Каролина попыталась сделать вид смущения. Не вышло. Она прекрасно знала, насколько привлекательна.

– А у вас в компании дресс-код? – спросила она, не желая

прерывать разговор с загадочным улыбчивым незнакомцем. Он чертовски притягательный. Будто загадочная страна, постепенно начинающая открываться для туристов. Хм, сравнить страну с стоящим без дела хулиганом. Весьма странно, не правда ли?

– Типа того, у нас, понимаешь, что-то вроде круга общения по интересам – он окинул взглядом стихающих друзей, пялящих на его новую знакомую – Узкого круга.

– А что нужно сделать, чтобы попасть в ваш круг? – улыбаясь спросила блондинка.

Валентин замолчал, не в силах ответить на вопрос. Смотря на Каролину он понимал, что погружён в общение с головой. Хоть и общением это не назвать. Удивительный процесс. Все слова и предложения неважны, проплывают мимо как одинокие парусники. Он полностью очарован и даже не пытался вникнуть в суть темы. Фразы выползали сами собой и не несли особого смысла. Весь смысл в их контакте, напоминающим заумный физический процесс. Ему нравилось в ней все: как она общается и заразительно смеётся, обнажая белые зубы и розовый язык. Ему нравился её аромат, напоминающий дорогой магазин конфет от кутюр, в котором он никогда не был и в ближайшее время вряд ли побывает.

Но в его представлении конфеты для богачей пахли именно так: шоколадные и изысканно круглые бисквиты со съедобным золотом сверху.

Ему нравилось её холодное дыхание, проскользнувшее по

его грубой коже. Ему нравились её волосы. Они как жидкое 24х каратное золото спускались по её спине до бёдер. А губы, пухлые и розовые как у куклы Барби! Ему нравилось в ней ВСЁ. Она не способна не понравиться. Чистое воплощение идеала, сложенного и общепринятого обществом.

Тем не менее, она не была ходячим на высокой шпильке пафосным стереотипом, и ломала все клише о своей внешности как только открывала рот. Простая и искренняя. Милосердная и добродушная. Она умела завести разговор с каждым, забывая об образе «богатой инста-дивы не с мира сего».

Исходящая от неё искренность не делала Каролину поверхностной. Она всегда здраво рассуждала и умела иногда иронично подшучивать. Для Валентина она была чем-то новеньким в мире девушек, совершенно далёкая от его рутинной реальности изысканная красота стояла грудь-в-грудь и блестящими глазами глядела в душу. От нее исходило тепло. Тепло, греющее с каждой новой улыбкой.

В то же время немедленно приходило опустошающее разочарование. Он не мог позволить себе думать о том, что когда-нибудь девочка-мечта позволит хоть одним пальчиком прикоснуться к своей гладкой коже, провести кистью по густым волосам. Это грёзы, и парень, отказывающий себе в покупке книги, сразу же отбросил их в сторону.

Ложь. Всеми накрученным мыслями руководили комплексы, нарастающие снежным комом.

Ведь стоящий рядом идеал чувствовал неописуемое притяжение и позабыл о пряном имбирном чае. Она хотела постоять тут, на многолюдной площади, подольше, и узнать незнакомца лучше.

Его улыбка быстро разбивала на мелкие осколки многочисленные сплетни. Она понимала: перед ней стоит искренний, добрый человек. Не может злой садист улыбаться как заядлый хиппи любящий всё вокруг. Или это всего лишь первое впечатление, а на самом деле он – умелый лжец, скрывающийся за невинной маской доброты? Умный пик-ап ход: он всеми силами желает заманить в сети золотую рыбку, никогда не подплывающую так близко.

Как бы там ни было, когда многочисленные подруги, интересующиеся каждым её шагом, спрашивали: «Какой типаж мужчины тебе ближе всего?», она всегда представляла именно этого загадочного парня.

Широкоплечий юноша, что загадочным взглядом оставляет целое ведро пищи для размышлений. «Кто он?» «Что представляет из себя?» – все жители гадали, что за процессы творятся в лысой черепной коробке, и никто даже приблизительно не мог догадаться.

Его глаза кричали о всей неоднозначности: уверенные, но всегда странно бегали и выдавали неприкрытую грусть. Иногда она исчезала, иногда проявлялась больше. Он смотрел ими в самую душу и пытался донести что чувствует сейчас на самом деле.

Дерзкий, небрежный и нагло плюющий на мнение остальных. Это её типаж. Нагловатый и холодный, он проходил мимо гневных жителей и даже не отводил взгляда.

«Невоспитанный хамоватый гопник-провинциал» – думал каждый кто видел Валентина проходящего посреди улицы. Он разрушал первое впечатление стоило ему лишь раскрыть рот. Грамотная, размеренная речь. Если закрыть глаза можно представить волевого джентельмена британского двора в тёмном смокинге и смешном объемном цилиндре.

Может быть, он хотел таким казаться только для Каролины. Изо всех сил старался быть лучшей версией себя.

Он всё ещё молчал и смотрел на неё. Его глаза… От его взгляда на теле проступали холодные капельки пота. Грусть и тоска, несмываемая печаль. У него был глубокий и холодный взгляд, надежно хранящий необъяснимую загадку, сложный секрет, который не суждено узнать никому

Он необычный парень. Он – сложная головоломка, по конструкции напоминающая длинный лабиринт, в самом центре скрывавший ключ от головы. Туннели того лабиринта в самом начале заполнены кучей сплетен и слухов, скрывающих всё остальное. Но если пробраться мимо них, то можно по-настоящему узнать удивительного человека. Раскрыть загадку главного хулигана.

Кажется, она заблудилась в этом лабиринте. Он сильно понравился Каролине. Чертовски сильно.

Новая загадка дня: как же может возникнуть сильная вза-

имная симпатия при первой встрече у абсолютно разного типажа людей, встретивших друг друга по обыкновенному стечению обстоятельств?

Они не должны нравиться друг другу. Они разные, две идущие рядом параллели никогда не сойдутся – это закон.

В воздухе недвижимо застыло молчание, и лишь оживлённые крики весёлой молодёжи развеивали атмосферу. Каролина прервала тишину:

– Я совсем забыла, мне нужно идти. Мой парень, наверное, заждался.

– Парень? – огорченно переспросил он, словно расстроенный ребёнок, которого пообещав сводить в Диснейленд родители привезли в городской Луна-парк. Каролина медленно кивнула, отступая от незнакомца – Надеюсь, ещё встретимся – он улыбнулся в последний раз за сегодня и тоскливым взглядом провёл мечту. Она за секунды растворилась в плотной стене из людских тел. Её светлые волнистые волосы мелькнули в последний раз среди чужих голов и скрылись из поля зрения.

Она исчезла как и полагается роковой красотке, после себя оставив приятное и немного перчённое послевкусие.

Валентин обернулся и осмотрел друзей. Они всё это время терпеливо стояли «на ушном» и тихо завидовали лидеру:

– Похоже, я нашёл её – шёпотом констатировал он.

– Кого «её»? – спросил рыжий конопатый парень с недовольным выражением лица.

– Девчонку, которая не вылезет из моей головы до самой смерти..

– Ты это понял за те две минуты общения? – голос рыжего конопатого парня напоминал свернувшееся молоко или терпкую хурму и вызывал противное жужжание в ушах.

Уникальный голос.

– Антон, закрой наконец рот – злым тоном оторвал Валентин – У меня новая цель: нужно сделать все, чтобы очаровать её.

– Ты думаешь у гопника вроде тебя получиться очаровать красотку из охриненно богатой семьи?

– Если не попробую – не узнаю – уверенно ответил он и с надеждой посмотрел вслед Каролине.

Концерт наконец начался. До этого момента я успел промёрзнуть как бродячая собака зимой в двадцатиградусный мороз. Площадь полностью заполнена людьми. Казалось, все 40-тысячное население города вышло на площадь.

Открывать концерт вышел мэр города: пухлый мужчина с лысиной; его я уже видел на фотографиях сайта. Он тяжело дышал в микрофон и заметно нервничал. На подбородке красовалась небрежная не постриженная щетина, легко убивавшая весь образ порядочного мэра.

Он крепко схватил микрофон и осмотрел жителей, те радостными глазами пялили на него. Сегодня праздник – жители, ещё с начала августа жившие в постоянном страхе, дали

волю расслабится. Но мэр всё равно чувствовал себя так, что с минуты на минуту ему прийдётся оправдываться за умело скрытое убийство девчонки. ДТП – звучало правдоподобно в свете разбитого авто эконом-класса, врезавшегося в толстый ствол дерева. Но кое-что они все не знали, лишь догадывались – проколы ножом на молодом теле.

А он видел, и после этого очаровательная Адриана не раз приходила к нему во снах. Только теперь на её щеках не было очаровательного румянца а глаза не блестели страстью к жизни. Несколько порезов: один на спине, другой под грудью, третий на животе, и из всех струйками сочится кровь. Карие глаза опустели, но в них всё равно можно прочитать отчётливый вопрос «Почему ты молчишь?».

Мэр смахнул капельки пота и начал рассказывать об увлекательной истории города-мученика. Он высыпал на наши головы десятки громких эпитетов и метафор, и все они о жутком пожаре, унёсшем сотни жизней.

На сцену, под неуверенную череду аплодисментов вызвали Арсения, чтобы поблагодарить его за вклад в жизнь города.

Многие привстали на цыпочки, пытаясь рассмотреть столь обсуждаемую персону.

Мой дядя вальяжно вышел к микрофону и пытался не опускать глаз на завистливые взгляды. Хотя, ему глубоко пофиг. Знаете ли, баснословно богатый олигарх научился не обращать внимания на мнение окружающих. Их тихие ше-

потки не смогли заставить его нервничать перед микрофоном. Он уверенно отыгрывал образ примерного горожанина с идеально красивой семьёй – пример американской мечты.

Выглядел он ослепительно, как и его жена: в свои сорок лет на лице нет ни единой морщины (я думаю, без секретных подколок не обошлось). Одет в костюм от Стюарта Хьюса, улыбка светится белизной и выдает дорогие виниры. Осанка идеально стройная, как у рыцаря царского двора. Он держал себя на максимально высоком уровне и пытался смягчить свой снисходительный взгляд.

У него почти получилось.

Он всегда чувствовал себя как породистый хитрый орёл попавший в стаю злых ворон. У злых хищных птиц был лишь один интерес: его достаток и личная жизнь. Ну вот какая им разница, насколько процентов повысились акции его компании? Какая разница, где отдыхала его жена этим летом: на Бора-Бора или Занзибаре? Какая разница сколько он накопил биткоинов за этот год? Какая разница, сколько их дочерей трахнул его сын – смотрите на своих.

Началась старая заезженная шарманка про Дилана Грина – добропорядочного седого мужчину, который проникся жалостью к несчастным, оставшимся без крыши над головой жителям, испачканным тёмным пеплом. Все это слышали от мэра. Никто из них не упомянул, что в городе предприимчивого Дилана задержали неисчерпаемые запасы угля, на которых он построил целую чёрную империю. Вовсе не жалость.

Персонаж, наверное, схожий с Арсением. Человек, дыхание которого положило основу ритму города. Он им руководил, а не пухлый мэр мило улыбающийся в сторонке. На самом деле он тут главный. Это он поставил глуповатого старика-семьянина на пост главы города. На самом деле лысый добряк – декорация. Её задача проста: недвижимо сидеть в кожаном кресле, пить дорогой виски и выслушивать гостей, приходящих в ратушу.

Казна города в большей степени составляла постоянные вклады Арсения. За это каждый чиновник, предприниматель или просто директор маленькой кафешки в безлюдном переулке чувствовал себя должным отцу Андрея.

Вот такая непростая монополия у милого на первый взгляд городишки.

Начался долгий список достижений компании и её вкладов в город за год. Сухие цифры и термины, не более.

После последнего предложения в списке (оно гласило о новой дорожной развязке посреди леса в северной части захолустья. Как раз недалеко разбилась Адриана.) началась скудная речь про, как неожиданно, молодое поколение. Распинаясь, Арсений громко заявил про важность подростков, которые, в свою очередь, оживились после блевотичной получасовой речи. Смеясь, ребята, вспоминающиеся мне скучающими на уроках алгебры, захлопали.

– Наше будущее – за молодыми! – словно умелый диктатор маленького государства крикнул мой дядя, наслаждаясь

громкими криками молодёжи. «Д-а-а-а!» – подняв пустую стеклянную бутылку из-под пива завопил один из «Адидасов» – Оглянитесь, какие же у нас разношерстные, не похожие друг на друга и интересные представители молодого поколения. Только представьте, сколько потенциала заложено в них как в фундаменте достойного стойкого общества!

– Пф, я предпочту сдохнуть. Это перспективнее, чем в будущем составлять фундамент этого захолустья – фыркнула Алина.

– Вот именно Али, ждите нас Бруклинские вечеринки и пляжи Санта-Моники! – позитивно поддержала подругу Каролина и женственно соприкоснулась с ней пальцами.

– У нас есть всё для этого: талантливая группа, по уровню своему дающая фору «Destiny's Child" или «Spice Girls".

– Интересно, он знает что все эти гёрлз-бэнды прошлого века давно перестали существовать? – продолжала иронизировать Алина.

– Тем более «Destiny's Child" чёрные, в отличии от наших ведьм – поддержала Каролина – Одна Бейонсе на плаву осталась.

– У нас есть смышлёные ребята, по уровню интеллекта догоняющие Гарвард.

– Одна из них, кстати, умерла – под нос буркнул Никита – А вы до сих пор боитесь сказать правду.

– У нас в арсенале талантливые спортсмены, не уступающие сборной NBA и FIFA.

– Лесть – сухо проронил Макс, правой рукой обнимая хрупкие плечи подруги.

– Наш город – город молодых! Они окружают нас со всех сторон и обозначают будущее: наши дети, внуки, племянники и крестники. Отдавайте им, без приступов жадности, частичку себя, чтобы в итоге получить частичку от них.

Эта фраза прозвучала циничней некуда.

– Я хочу чтобы на сцену вышел мой сын Андрей. Он подготовил обращение к сверстникам.

До ушей донёсся шёпот школьников. Все они начали обсуждать моего брата и высказывать свежие сплетни.

Как бы они к нему не относились, все послушно хлопали и ждали мальчика-мечту, подростка-идеала и просто красавчика, которым тайком мечтал быть каждый.

Мой двоюродный брат с самого утра носился с мятым листиком и пытался заучить «чистосердечное» обращение. Он всерьёз нервничал и надеялся не упасть в глазах родного отца.

–Андрей? – спросил ещё раз Арсений, осматривая толпу удивлённых школьников. Никто не отозвался. Дядя растерялся и остановив взгляд на мне. Я прочитал его как вопрос и пожал плечами, давая понять, что не знаю где шныряется мой брат.

Сегодня я понял что вообще его не знаю.

На сцену резко вылетел пожелтевший листок, медленно опустился и упал перед Арсением.

– Видимо Андрей к нам присоединится попозже – к микрофону, немного толкнув Арсения, подошёл мер. Арсений, в свою очередь, бросил строгий взгляд на гладкую лысину – Встречайте, представительницы молодого населения нашего города, а точнее его слабого пола: группа «Чародейки»!!!

Площадь заполнилась аплодисментами. Толпа бурно встретила местных поп-звёзд. Из-за импровизированных кулис, тут ими служили массивные железные палки в ряд, как модели на подиум вышли три девицы, ярко накрашенных и одетых в мрачные образы. В центре шла моя одноклассница.

– МЫ ЧАРОДЕЙКИ, и мы тут чтобы околдовать вас, загипнотизировать или может быть, приворожить – ласково мурчала Сабина, прислонив тёмные губы к микрофону. Томным засыпающим взглядом она окинула оживленный зал.

– Время колдовства! – крикнула тёмная барабанщица – Раз! Два! Три! Четыре!

Блондинка бас-гитаристка начала перебирать длинными тёмными ногтями по тонким струнам красной электрогитары. Раньше, такие я видел у агрессивных рок-групп вроде «Kiss”.

Африканка забила по ярко выкрашенной барабанной установке.

Сабина закрыла глаза и увлечённо начала петь. У неё оказался прикольный голос, если красивый тембр можно скудно назвать «прикольным». Чем-то отдалённо напоминающий Сию и Рианну. Казалось, он создан для какого-нибудь R&B

и, одновременно, трогательных баллад со сложными припевами.

На сцене размыли туман. Сзади установили картонные надгробные плиты и повесили бумажных летучих мышей. Песни у них что-то вроде рока смешанного с teen-попом. Первая песня на тему: «Будешь ли ты любить меня, когда узнаешь что я ведьма» – достаточно мелодичная баллада со взрывным припевом, вторая: «Ты увлекаешься скейтами, а я по ночам отрываю головы крысам» – напоминала песни из репертуара Нирваны перемешанные с хитами начала двухтысячных, но а третья их местных хит: «Я тебя приворожу» звучала как обыкновенный современный сингл. Заедающий припев, бит в куплетах, припев повторяется ещё пару раз, толпа громко скандирует: «Я ТЕБЯ ПРИВОРОЖУ!!!», а затем барабанщица резко откидывает палочки и начинает зачитывать рэп.

Толпа ликует: оказывается, рэп-куплета зачитанного чернокожей оказалось достаточно для взрыва. Ну а я слушаю и ощущаю себя обманутым. Будто строчки дочитаны не до конца. А где маты? Где такие родные и привычные рифмы про минеты и тверк? О'кей, я и не ожидал этого от школьной поп-группы.

Главное, для полного счастья публики, закончить читку многозначительной и запоминающейся строкой. «Мы молочный шоколад, последний ингредиент твоего зелья».

И потом очередной громкий проигрыш, скандировка сло-

ва по буквам:

«ХЭЙ!

Ч!

А!

Р!

О!

Д!

Е!

Й!

К!

И!»

На удивление, мне понравилась группа. Их песни интересны, их образы и стилистика выступлений тоже на высшем уровне. Солистка Сабина иногда пугала отстраненными безумными взглядами. Слишком уж вживалась в роль.

– Ребята! – я услышал знакомый голос брата, пробивавшегося в толпе к нам. Он поднял руку, так что если столпотворение людей поглотит его мы сможем прийти на помощь.

Андрей комично запрыгал. Студент с сальной головой прижался к другу и дал пройти очередной городской звезде: скандальному сыну миллионера.

– Мне нужно срочно кое-что вам рассказать – подойдя к нам он сразу же вцепился в рукав Макса

– Это «кое-что» не может подождать до конца песни? – ответил Макс, пытаясь перекричать резко заигравшую мелодию.

Концерт в самом разгаре. Поклонившись под бурные аплодисменты, местные звёзды ушли со сцены и освободили место для потеющего мэра.

– Твой отец тебя убьёт – заметила Алина, нежно обняв парня – Все ждали тебя минуты три. Арсений выглядел как дурак.

– Нам срочно нужно отойти! – упрямо настаивал Андрей и схватил высокого друга за рукав.

– Я не собираюсь никуда отходить, концерт только начинается! – обрезал Макс, повернулся спиной к обеспокоенному Андрею и уставился на мэра, вытирающего пот.

На площади становилось холоднее. Лёгкий прохладный сквозняк разгонял жёлтые листья и поднимая их в воздух над толкающимися жителями города.

Все смотрели на мэра, он сделал строгое лицо и заявил:

– Этим летом от нас ушла юная душа – негромко начал он – Наша гордость, примерная ученица, дочь и настоящий ангел – мэр говорил это, будто плохих погибших детей не вспоминают на городских празднованиях. Попытайся за пятнадцать лет жизни на Земле победить в паре олимпиад и учиться на одни пятёрки. Может быть, тогда в рай попадёшь. – Весь город скорбит по тебе, Адриана. Нам не хватает твоей ангельской улыбки, твоего искреннего смеха. Ты навсегда с нами – не все зрители с такой же тоской относились к словам мэра, описывающего девчонку как родную дочь. Многие продолжали вести себя так, будто на сцене до сих пор

выступает подростковая рок-группа. Они плевать хотели на гибель незнакомого человека. Некоторые раздражённо скрестили руки на животе. Они не понимали, что забыло поминание мёртвой среди весёлого праздника.

Конечно же, не все так считали. Я обратил внимание на Никиту, сжавшего ладони перед носом в кулак. Он застыл в молитве. Его глаза замерли на сцене, где обсуждали девчонку, которую он больше никогда не встретит. Исчезнувшую навсегда красотку Адриану, изменившую его жизнь.

Взгляд пошёл дальше по толпе и застыл на матери погибшей. Она закрыла глаза и облокотилась об ржавый железный забор, отделявший сцену от площади. По сухим щекам текли слёзы, капая на тёмные туфли. Строгая консервативная дама сломилась в последний момент.

Всхлипывая, одними лишь устами она произнесла сухое «прости». Интересно, за что примерной матери-карьеристке извиняться перед ушедшей на тот свет идеальной дочерью? «Прости» – проговорила она второй раз и подняла взгляд на мэра.

– Давайте же почтим память погибшей минутой молчания – после этой фразы нагловатые шумные подростки наконец стихли. Удручающая тишина, зависшая на площади, заставила замолкнуть каждого, не в зависимости нравилась ли Адриана им или они желали ей поскорей врезаться в дерево потверже. Сейчас абсолютно каждый, даже самодовольные хулиганы одетые в мрачные костюмы, уставились вперёд.

Заиграла грустная мелодия. За спиной мэра началось медленное слайд-шоу, одна картинка которого плавно перетекала в другую.

Все увидели улыбающуюся девчонку. Она сидела на белоснежной лошади и гордо закинула подбородок. «29.06.2018» – в правом нижнем углу находились прозрачные оранжевые цифры.

Адриана сияла. Тогда она не знала, что её ждёт через какой-то месяц с лишним.

Следущая фотография наполовину состояла из выставленных в кадр грамот. Погибшая показывала всем, сколько всего успела сделать за жизнь. Аттестат об окончании средней школы, на нём виднеются идеальные оценки. Она горда собой и прижимает грамоты к телу как Нобелевскую премию. Как оказалось, эти листы, которые она стремилась получить вкалывая часами, так и останутся листами покрытыми пылью и лежащими в дальнем уголке ящика с ненужной макулатурой.

Грамоты плавно превратились в бассейн с лазурной водичкой. Загорелая счастливая девчонка мочила в нём ножки и улыбалась фотографу. «10.07.2018» – последний отдых перед смертью.

Каждый новый слайд вызывал бурю эмоций и новые темы для размышлений. Во время жизни в вонючем городе у моря они казались просто ненужными и такими далёкими.

Она ушла. Совершенно резко и загадочно, после себя

оставив тонну вопросов. Что же случилось? Каждый, стоявший на площади знал, что уж точно не авария. Никто не хотел говорить об этом и выстраивать гипотезы, как и положено жителям провинциального города. Все боялись и считали эти разговоры безумными как обсуждение жизни инопланетян. Все о них наслышаны, все о них задумываются, но зачем строить гипотезы и догадки вокруг неизвестности?

Прекрасная, молодая и такая счастливая. Примерная девочка, проживавшая каждый день отчаянно стараясь для будущего. Будущее не наступило. Лишь пустота, мрачная и беспросветная.

Я не отрывал взгляда от улыбки Адрианы и заметил резкое дребезжание в углу экрана. Вся фотка не спеша заполнилась помехами, словно её отображал бракованный проектор.

Фотография беззаботной девочки начала медленно выгорать и покрылась коричневыми пятнами. Двигающиеся помехи исказили изображённое лицо.

Всё прекратилось. Помехи перестали тревожить зрителей. На экране высветилась новая фотография, приведшая зрителей в форменный шок. По площади прокатилась волна удивлённых вздохов.

Шокированный мэр попытался прикрыть новый слайд, руками махая пожилому мужчине ответственному за проектор, но всё тщетно:

Новый слайд. Портретная фотография погибшей. На ней она довольно улыбалась. Смотрела в кадр или нет так и оста-

лось неизвестным, ведь умные коричневые глаза перечеркнули жирные пугающие кресты. На лбу девочки небрежно нарисована крупная сатанинская звезда. Кто-то поглумился над профессиональной фотографией умершей, должно быть, взяв её из социальных сетей. Смотрелось это жутко, будто бы двумя крестами из фото высосали всю душу. Кресты нарисованы настолько криво, точно в самом банальном фотошопе. Может быть даже на телефоне. Так, мимолётом.

Впереди послышался шокированный вздох. Толпа забеспокоилось. У каждого сердце забилось чаще, как только глаза опустились вниз и прочли надпись: «Спасибо что сдохла, сука».

С уст строгой матери девочки не сорвалось ничего кроме частых обеспокоенных вздохов. Её взгляд не отрывался от изуродованного фото дочери.

Никита нервно заёрзал на месте, встал на носки и готов был бежать в любую сторону, будто сейчас он сможет что-то сделать. Как главный герой комикса – снимет безвкусную кофту, а под ней латексный костюм. Улыбаясь вскрикнув «Справедливость! Добро! Любовь!» он взлетит в воздух и лазерным зрением спалит экран.

Его реакция почти идентична с мамой погибшей – лишь тяжёлые вздохи. Переминаясь с ноги на ногу он даже и не заметил как наступил на кед Макса.

Андрей открыв рот смотрел на написанное большими буквами слово «сука». Себе под нос он тихо проговорил:

– Началось… Это всё она…

– Что ты несёшь, кто «она»? – крикнула раздражённая Каролина. Она отвернулась от сцены и скорчила преисполненное отвращением лицо, будто бы на экране показывали извращённое порно.

Андрей не успел и рта открыть, как один странный слайд перешёл в другой ещё более странный слайд:

Чёрно-белое фото, напоминавшее обложки ранних альбомов Мадонны. На нём изображён совершенно другой человек – не та милая девчонка. Перед нами появилась наглая и уверенная девушка с выразительными чертами лица. Тут её глаза не были зачеркнуты уродливыми крестами, а нагло смотрели в камеру. В пухлых губах погибшая держала сигарету, хотя нет, настоящий косяк как в хип-хоп клипах и фильмах, где пьяные главные герои садятся в машину и безудержно начинают дымить. Крутые, своенравные и полностью свободные. На этом снимке всему городу она казалась именно такой: дрянной испорченной девчонкой.

Из-под запрещённого наркотика почти незаметной струёй вылетал дым. Я представил мерзкий аромат, похожий на зловонное дыхание стоящего рядом пожилого мужчины.

«Что ты ещё от нас скрыла, маленькая ДРЯНЬ?» – спрашивала у мёртвой надпись над её головой.

«Удачно гореть тебе в аду!» – желала вторая, в самом низу фото.

Мать Адрианы, казалось, вот-вот потеряет сознание и

упадет в руки хлипкого мужа. Да он и сам готов упасть с минуты на минуту.

Мэр кричал растерянному бородатому деду, сидевшему за пультом управления. Уютно развалившись на стуле напротив допотопного ноутбука он выполнял ответственную роботу человека, включающего самый дешёвый проектор.

Сейчас пожилой человек стоял над обтянутой густой сетью из проводов конструкцией и поочередно нажимал каждую кнопку морщинистыми дряблыми руками.

Мэр неразборчивыми предложениями пытался докричаться и обильно жестикулировал. Своим объемным силуэтом он хотел прикрыть экран, и возможно с его невероятно пухлым животом, надёжно хранящим в себе десятки литров пива, эта задача казалась весьма исполнимой – ничего не получилось.

Все видели новую Адриану. Такую непонятную и непривычную. Для привыкших к приветливому милому ребёнку жителей города всплывшее фото будто изображало потерянную сестру-близняшку. Она была другая: нахальная и опасная. Взрослая и вызывающая.

Для родителей увидеть такую дочь оказалось настоящим шоком. Они были не готовы когда вспоминали лучшие моменты проведенные с ней. Растворились в счастливых воспоминаниях во время минуты молчания. По телу мамы ходила стойкая дрожь. Руки тряслись в судороге. Образ «стальной леди» разрушился на глазах.

– Разломайте проектор! – крикнула Сабина растерянному деду. Она стояла в метре от обеспокоенного мэра и не заметила как по её щеке ручьём начала стекать чёрная тушь. Но дед не слышал её так же, как и не слышал мэра. Вот что бывает, когда берёшь на работу с техникой пенсионера.

Никита продолжал ёрзать на месте и не в силах сделать что-то полезное чувствовал себя ничтожеством (ничего нового).

Без плавного перехода на экране началось видео. Тёмные силуэты леса, освещаемые вспышкой телефона.

Перед оператором шагала Адриана, ласково обхватив волосатую руку, и вела его за собой.

Это была та же нахальная девушка, которую все увидели на предыдущем фото. Раскрепощенная и взрослая. Она шагала вперёд, потом обернулась и взглянула в камеру. Лицо расплылось в кривой улыбке. Оператор остановился, потянул её обратно и не дал идти дальше:

– Эй! Смелее! – начала она обиженным тоном – Я знаю тут место, где нас никто не найдёт. Ты и представить не можешь, какой там открывается вид на полную луну. Ты знал что сегодня полнолуние?

Толпа утихнув слушала слова Адрианы.

Никто не говорил, но многие осознавали, что для неё это одни из последних слов. А они заслуживают слушателя.

– Неужели ты опять забоялся косых взглядов этих безвольных людей? Гадких сплетников, всех обливающих гря-

зью за спиной! Они жалкие, омерзительные люди!

По площади прокатился гул обиженных реплик.

– Этот город – огромный прочный кокон. Попав однажды, из него тяжело вырваться. Этот город – зыбучий песок, медленно засасывающий в себя. Эти люди – агрессивные шипящие змеи. Они укусят, набросятся из-за спины и больно вопьются клыками в кожу.

Адриана мечтательно взглянула вперёд, продолжая ласково сжимать руку неизвестного.

– Ты знаешь, у меня иногда складывается впечатление, что каждый тут может меня убить. Ты улыбаешься? Правда звучит тупо, но каждый в городской черте форменный безумец. Это впечатление у меня складывалось годами. Кажется, что когда-то, в одну обычную лунную ночь вроде этой, моё тело могут найти окровавленным под густыми зелёными деревьями. Безумство? Может быть. Но каждый, ты слышишь меня? – напуганными глазами она взглянула в объектив. Её нос почти к нему прикасался – Каждый там способен на убийство.

Видео прервалось. Перед нами недвижимо повис чёрный экран. За те десять секунд толпа успела выговориться и прийти в себя. Это были самые громкие десять секунд за весь вечер.

Новое видео началось с бледного кадра – лицо Адрианы снизу. Она держит камеру дрожащими руками. Вверху виднеется густая зелёная листва. Мимо камеры пролетает сле-

зинка.

Зачарованная толпа наблюдала за странным видео.

Погибшая недвижимо смотрит вдаль, будто ожидает чего-то ужасного. Тишина – лишь её тяжелое дыхание.

Убедившись, что вокруг никого нет, она подняла камеру на уровень лица и взглянула на неё заплаканными глазами.

На лбу красной краской, небрежно протекавшей на переносицу, нарисован овал с двумя точками. Похоже на свиное рыло. Или на круглую розетку. Может быть этот кривой рисунок какой-нибудь символ.

Слёзы продолжали капать вниз. Девчонка всхлипнула. Отчаяние сразу видно по глазам, она растеряна и испугана.

– Я прошу каждого, кто смотрит это видео – тихим голосом начала Адриана. Почему-то это напоминало предсмертную речь – Ребята с моей школы. Дети, которые не понимают, что их ждёт впереди. Родители, чудом оставшиеся целы. ВСЕ, кто живёт там. Я молю вас прямо сейчас сесть в машину и на полной скорости уехать подальше от этого города. Умоляю, бегите пешком, убегайте. Они нелюди, кровожадные животные которых не остановит ничто – Адрианна всхлипнула ещё раз. Между бровями образовались глубокие складки – Они найдут вас. Они ВЕЗДЕ. Не верьте никому, слышите?

Адриана резко опустила камеру вниз. Издалека послышался шум.

Сзади неё показались десятки пламенных огней, стано-

вясь ярче. Теплым светом они осветили густые листья.

Свет – точно огонь. Неужели самые настоящие факелы как из фильмов про средневековую Европу?

Адриана резко вздохнула, точно увидела что-то чудовищное. Это был вздох перед полным отчаяния громким криком. На нём видео оборвалось, на экране опять начались помехи. Из динамиков раздалось противное шуршание, оглушившее зрителей.

Они не подготовились к подобному потрясению. На уютном праздничном вечере подобные потрясения казались абсурдом.

Содержание видео по криповости не уступало «Ведьме из Блэр» или «Паранормальному Явлению» с разницей в том, что всё показанное реально. Настоящая девочка, тело которой найдено за городом упитанным дальнобойщиком в пять часов утра. Он заметил разбитую машину, от неё на приличной дистанции лежало окровавленное тело девчонки.

Шуршание переросло в пронзительное скрипение. Спасаюсь от скрипа мы прикрыли уши ладонями. Даже мэр, подбежав к проектору, встал на месте и схватился за голову.

Яркий красный прожектор осветил сцену. Сверху показалась длинная деревянная палка. Скорее всего, она была привязана к сцене как декорация.

Можно было подумать что так нужно: начнется шоу, выйдет школьный хор и запоёт кавер на песню из «Величайшего шоумена», толпа обрадуется и обо всём забудет.

Но эти багровые капли сразу же насторожили…

На паркет сцены начал капать ручей алой жидкости. Внизу образовалась небольшая лужица.

Все устремили взгляды на медленно выезжающую конструкцию, и через секунды поняли что она – самый настоящий церковный крест.

По площади раздались крики ужаса. Толпа запаниковала, каждый пытался бежать в разные стороны. Всеобщий хаос. Стоящие впереди люди всем весом налетели на меня. Мне не дали упасть на землю студенты стоящие сзади.

Крик не стихал. Все зрители пытались убежать. Началась немыслимая толкучка. Каждый думал, что прямо сейчас прийдёт его черёд. Каждый думал, что прямо сейчас станет следующей жертвой. То, что увидели мы, тёмным кошмаром отложится в памяти на всю жизнь:

На распятие железными острыми гвоздями прибито тело Давида – пухлого еврея; его тут знали все благодаря скандальному видео-мему на ютуб. Даже с приличного расстояния заметны многочисленные ножевые ранения. Из них литрами вытекает кровь.

Его лицо полностью ей измазано. Глаза закрыты, но при этом Давид внимательно наблюдал за паникой.

На животе глубоким порезом выточена латинская буква «V”.

Глава 3 #муравьиворту

Меня окутывает страх. Дикая дрожь пробегает по всему телу каждый раз, как я вспоминаю те минуты. Тут со мной это случилось впервые – всепоглощающий страх, поедающий клетки мозга изнутри. Не тот страх, при котором чувствуется лёгкая щекотка в животе, как от просмотра проходного ужастика про старый дом с приведениями.

Безысходность – самое страшное чувство, что может почувствовать парень вроде меня.

Я падаю вглубь тёмной бездны. Тело пережимает и сковывает, я зажат между двух крайностей. Этот город сводит меня с ума.

Засыпая я всматриваюсь в темноту и рассчитываю увидеть там мистический силуэт рыжей дамы. Смотря на кресты я вижу изуродованное тело Давида, возникшее перед всеми.

Мои сны всегда погружали меня в царство наихудших кошмаров. Чаще всего они неприятны до жути. Я видел неизвестного человека в маске, готовившегося вонзить нож мне в живот. Я не мог ничего сделать. Бежал в тёмном лесу и скрывался от кровожадной охоты. Переживал кровавую войну. Сквозь сон я понимал что застрял, надёжно заперевшись в мире фантазий, что существует по свои принципам и законам.

Я научился убеждать себя что это понарошку, что с первыми солнечными лучами кошмары перестанут существовать. А до этого нужно смирится и встретиться с кошмаром

лицом к лицу.

Ведь потом я просыпался в холодном поту и с облегчением осознавал что ночь окончена.

После загадочного убийства юного еврея улицы этого места казались мрачной обителью зла. По ним шатались слепые люди, не видящие мистики города, в котором живут.

Я счастлив, что у меня не было безисходных ситуаций. В моей жизни всегда была запасная тропа, ведущая к свету. Но тут меня буквально сбросило в круговорот страха. Я узнал, что такое быть обречённым, не способным сделать что-то для своего спасения, ведь это бессмысленно.

Худшие сны прививали это чувство с детства, в эту пятницу я прочувствовал его по-настоящему.

Ну а пока приходилось жить с ощущением что вот-вот должно произойти что-то страшное. Один раз «страшное» уже произошло, значит второй не заставит себя ждать.

Вчерашний вечер заполнился форменной тьмой для всего города, анархией и паникой, овладевшей всеми на площади.

Капли крови, стекавшие с деревянного креста сводили людей с ума. Они не видели никого, толкали друг-друга и убегали прочь по чужим спинам.

Море из людей превратилось в бушующий океан, каждая капля летела в разные стороны. Жуткий шторм. Чего они все добивались когда сломя голову убегали прочь? Будто бы их тоже собираются прибить гвоздями к кресту и вырезать

мистическую букву «V” на груди.

– “V”… – в моих ушах прозвучал удивлённый голос брата. Странный эпизод: пока вокруг него все кричали и пытались отвернуться от чудовищной картины, он открыв рот разглядывал глубокий порез, будто загипнотизированный видом крови – Леди V… – мямля повторил он. Его голос заглушал крик.

Леди V? Звучало непонятно (хоть и знакомо для меня), пока Андрей не объяснил нам что это значит. Загадочный аноним, подписавший себя так в письме с угрозами.

Желтоватая бумага, не особо приятная на ощупь… Мне посчастливилось подержать письмо в руке и увидеть жуткий напечатанный на машинке текст своими глазами. Неужели на моего брата положил глаз псих, способный на абсолютно бесчеловечное убийство подростка?

Стоя посреди безлюдной тёмной улицы, на которой лишь одна вывеска закрытой кофейни освещала мрак, мне в очередной раз стало ужасно страшно. Неописуемая паника, будто бы тот, кто изуродовал тело пухлого парня стоит за спиной и угрожающе всматривается в мой затылок. Держа в руках мятый листок я то и дело оглядывался назад. Источником резких звуков оказывался сильный ветер, что выхватил с заполненного мусорника пластиковый контейнер и потащил его дальше по безлюдной улице.

Телефон разрывался от звонков напуганных родителей, узнавших об инциденте на концерте. Они и незнании где я

брожу.

А я просто не мог ответить. Все слова забыл. Как смски писать тоже забыл. Плёлся за братом и что-то мямлил, а в голове прокручивались кроваво-алые картинки.

Тот вечер навсегда отложится в памяти каждого, кто видел несчастного, покрытого паутиной из струй крови. Каждый будет видеть перед глазами безжизненное тело и слышать громкий крик, звеневший в ушах после того, как крест медленно выехал вниз.

Власти почувствовали себя настоящими придурками, перехитрёнными на глазах у всего города. Только вдумайтесь: кто-то смог повесить на железные цепи театральный церковный крест, украденный из местного драматичного кружка ставящего «Страсти Христовы». Звучит достаточно непросто: протащить огромный реквизит на верхушку самодельной сцены.

Кровожадный убийца бродит рядом. Новая смерть молодого человека. Новое горе…

«Скоро вы все скажите спасибо благородной Леди V” – старый хриплый голос. Я чётко помню его, будто услышал три минуты назад. Психопатка пыталась громко заявить о себе в прямом эфире.

По голосу можно представить что ей не менее семидесяти. Тут одно из двух:

1). Или перед грустной одинокой старостью пенсионерка решила поубивать молодых. Веселья ради.

2). Или психопат имитирует голос старого человека ради запоминающегося образа (миллионы приложений по искажению голоса в помощь)

– Сегодня, когда я слушал подкаст перед концертом…

– Ты слушаешь подкасты? – хмыкнула Алина. У них всех была ужасная привычка перебивать друг друга.

– Ну, я решил послушать ваш местный подкаст, первый вылетевший в «iTunes», чтобы лучше познакомится с городом.

– О май гад, кто знакомится с новыми городами через пердунскую болтовню? – ей Богу, хотелось замотать рот скотчем этой стерве, чавкающей очередной пластинкой «Тридент».

– Так вот, в студию позвонила старуха и представилась как Леди V.

– Я не думаю, что старуха будет перелазить через заборы чтобы ловко закинуть камень – дрожащим голосом заметил не на шутку напуганный Андрей. Он выхватил письмо из моих рук и нервно мял потенциальную улику.

– Старуха не стала бы на глазах у всего города вешать труп подростка – высказала Каролина и так очевидную гипотезу.

– Вспомните всех, кто может вас ненавидеть настолько, чтобы пойти на угрозы– обратился я к каждому.

– Ого, таких и не сосчитать – хмыкнула Алина, нервно взглянув на отводящего глаза Андрея, потупившего взгляд. Он никогда не опускал глаза вниз. Сегодняшний день стал переломным для всех.

Прийдя домой и поздоровавшись с родителями, я пробежал мимо гостиной и взбежал по скрипящей лестнице в свою комнату.

Закрыв глаза, я плюхнулся на кровать и с головой залез под одеяло. Стало темно. Непроглядная тьма, в которой виднелись капли крови на коже и гвозди пробивающие стопы и руки.

На теле проявились мелкие капли холодного пота. Пробежала дрожь. Мне стало невероятно холодно, будто сейчас, отбросив одеяло в сторону, я обнаружу себя на лысой горной вершине Мон-Блана, посреди которой одиноко стоит моя уютная кровать.

Я зажмурил глаза. С каждой секундой становилось ещё хуже. Я не способен думать и размышлять кто же мог оказаться психопатом, как в крутых детективах, где герой при виде трупа человека, с которым этим утром спокойно общался сидя за партой, спокойно щёлкает пальцами и называют убийцу, а трагедию пережевывает как мелкую семечку.

Пол заскрипел: кто-то вошёл в комнату и не спеша подобрался ближе к кровати. Этот «кто-то» тихо сел на край кровати и положил тонкую руку на мою мокрую голову.

– Мне так жаль что ты это увидел – проронила моя мама, продолжая держать руку на голове – Первый день, а тут… – она вздохнула, словно пытаясь вобрать в себя весь воздух летавший по комнате. Я представил её лицо: она смотрит на

стены зелени слегка наморщив лоб и закусив нижнюю губу. Моя мама – вот кто был настоящей загадкой. Королева школы смогла стать заботливой мамой. Одев на себя корону на выпускном она думала что не снимет её до конца жизни. Возможно, иногда она её и не снимала, общаясь с окружающими порой грубо, бестактно и вызывающе. Бытует мнение, что братья (мой отец и дядя) специально выбирали себе жён, не умеющих сдерживать эмоции.

Моя мама по манере общения напоминала гламурную темнокожую репершу, каждое предложение проговаривала как дерзкий речитатив и умело обозначала роли окружающих.

Но она менялась. Весьма умело, кстати говоря. Заходя в мою комнату и садясь на краешек кровати она чувствовала себя как на проповеди и не могла лицемерить.

Когда-то, мама гордо надела усыпанную камнями корону и улыбаясь взглянула на своего короля. Рядом с ней махая всем рукой как принц Чарльз стоял мой отец. Самый популярный парень школы, вырастивший меня.

Сейчас их судьбы по виражам напоминали быстрые американские горки. Стоявший в толпе зажатый парень, которого местные задиры-мудаки вроде моего папы любили окунуть головой в толчок туалета превратился в олигарха. Красавчик-король стал трудягой среднего звена, за мешками под глазами скрывая многочисленные обиды на мир.

– Этот город опасен – проронила мама. «Мы должны

уехать отсюда» – я ожидал, что она скажет это и прикажет собирать вещи обратно в зелёный чемодан. Этого, на моё удивление, не случилось. Она лишь в очередной раз показательно глубоко вздохнула, встала с кровати и зашагала прочь – Спокойной ночи – ласково проронила она, после чего послышался хлопок двери.

Я остался один. Один наедине с тьмой и дрожью, окутывавшей тело всё сильнее и сильнее.

«Да сохранит Бог твою молодую кровь» – отчаянный голос, кричавший изо всех сил. Загадочная старуха будто продолжала стоять над моей кроватью, взглядом просверливая белое одеяло.

Что она имела ввиду? Пустая фраза, проронённая из уст ночного кошмара начала играть новыми красками. Может быть тут чтобы выжить и вправду только Бог сможет помочь?

Я навязываю. Мне стоит расслабиться, закрыть глаза…

Ладонью я вытер стекающие капельки, смахнув их на покрывало. Поджав ноги под себя, я боялся расслабить их и дать вылезти из тёплого убежища.

Дрожь спала. Я провалился в сон.

Тёмная комната. Тонкое одеяло, под которым свернувшись в комок лежал потеющий подросток. Скрипящий шкаф то открывается, то закрывается сквозняком дующим из приоткрытого окна. Среди гор вещей, небрежно валявшихся в пыльных коробках, блеснули глаза, мрачная рука

приоткрыла дверцу.

Сладкое дыхание спокойного сна. Ни звука кроме размерянных вдохов спящего мальчика.

Мрачная тень вышла, и медленно наступив на пол вслушалась в тихий скрип под подошвой. Она застыла над недвижимым телом, улыбаясь стянув одеяло и осмотрев умиротворённое лицо, в блеске влажной кожи отбивающее свет луны, проникающий в комнату сквозь единственное окно.

Громкий звон колокола разлетелся по мрачной площади. Оранжевое небо, напоминавшее по цвету бушующий пожар. Тёмная жидкая грязь, в которой по лодыжку тонет моя ступня.

Я стоял в толпе, лица каждого в которой с интересом смотрели на развернувшуюся впереди картину.

Чёрные вороны кружили над головой, заглядывая тёмными как бусинки глазками в душу. Одна из них, под звучное «К-а-р-р!» села на деревянный столб, верхушка которого прослеживалась сквозь головы народа.

Она махала крыльями в разные стороны, будто призывая меня привстать на цыпочки и осмотреть столб.

Я по хамски хватаюсь за плечо стоявшей впереди незнакомки, её голову плотно скрывал белоснежный платок, и моментально возвышаюсь над всеми.

Перед взорами людей застыл крест, окутанный багровой кровью, капавшей вниз на чёрную грязь. Она медленно стру-

ится по тёмному дереву, выходя из тела закрывшего глаза тощего высушенного молодого парня.

Ручьи крови начинают течь быстрее. Словно тонкая паутина, капли охватывают всё тело несчастного. Они находятся в непрерывном движении, поглощая струями словно тонкими нитками бледную кожу.

Создавалось впечатление, будто они медленно твердеют. Кровь засыхала, превращаясь в темно-красный блестящий камень. Она образовывала на бледной коже глубокие ямы, словно железные цепи окутывали тело всё сильнее и сильнее. Казалось, вот-вот и струи крови разрежут тело на множество маленьких частей. Ужасное зрелище.

Несчастный распахнул глаза, первым делом непонимающим взглядом посмотрев на толпу, после чего наклонив голову взглянул на тело.

Тяжелые глубокие вдохи стали чаще. Его грудь то надувалась, то сдувалась как праздничный воздушный шар. С голубых чистых глаз рекой полились мужские слёзы отчаяния.

Толпа продолжала бесчувственно наблюдать за кровью, живущей своей жизнью.

Дикий громкий визг. Тонкий визг, заставлявший уши чувствовать себя как от ультразвука, которым секретное подразделение армии убивает врагов.

Визг напуганной свиньи. Это точно свинья, я узнаю эти звуки в любом случае. Узнаю, потому что испытываю дикую неприязнь к этому животному. Необъяснимая детская

фобия, от которой мне не удаётся избавится на протяжении многих лет.

Да, ещё один страх, хранящийся внутри себя. Маленькие грязные безобидные существа, кажущиеся мне самыми чудовищными созданиями планеты.

Гребаная свинья продолжает орать.

Я продираю глаза, судорожно осматривая комнату. Белые стены залили ярко-жёлтые лучи восходящего солнца.

Свет, доносившийся из окна на целую минуту ослепил глаза, в непроглядной тьме которых танцевали тысячи огней после взгляда на солнце.

Прямо с омерзительным криком свиньи наступило утро. Новый день. Я надеюсь, он обойдётся без неприятных сюрпризов как прошлый.

Жирный желток медленно расплывался по моей тарелке, образовывая ярко-жёлтое море, посреди которого словно огромные круизные лайнеры плавали огрызки моего недоеденного хлеба. Порезанный белок напоминал острова. Жидкий кусочек справа – вылитая Новой Каледонией, а куски поменьше чуть правее – Борнео с едва заметной Суматрой.

Голова раскалывалась. Я чувствовал мерзкий звон в ушах, будто тот звук до сих пор громко звучал.

Странный сон. Будто я побывал в параллельной реальности, где вместо света небо горит пугающим оранжевым, а лю-

ди носят белые платки на головах.

Скорее всего, мои родители пережили не самую приятную ночку, как и я. Я даже представлял, насколько неприятную: каждый по очереди просыпался в собственном поту, вспоминая жуткое известие о убийстве. Идя вниз и скрипя дверью он будил другого родителя, в свою очередь продолжающего лежать с раскрытыми глазами и ждать пока первый родитель прийдёт с кухни издавая из своего рта аромат жирной салями. Дождавшись пока первый родитель заснёт на медленно высохшей простыне, второй родитель также идёт на кухню изучать внутренности холодильника. И так множество раз. НЕСКОНЧАЕМЫЙ ЦИКЛ. Я понял это по синим мешкам на глазах, добавляющим моим родителям усталого вида, и по гундосому тихому голосу, тон которого не смог задать даже кофе.

Интернет разрывался, окрасив свои просторы в траурный чёрный. Хэштеги «#молимсязаДавида» и «#чтослучилосьсАдрианой?» вышли в местные тренды Твиттера. Все постили одну единственную фотку Давида, доступную обществу: маленький клочок школьного альбома за девятый класс, посреди рамки которого виднелось пухлое уставшее лицо. Выставляя её все ставили хэштег и грустные смайлики.

Инстаграм взорвался. Люди выкладывали фото расчлененного тела, повисшего на кресте (зачем?). Администрация социальной сети и города быстро чистила все публикации, боясь напугать ещё больше и без того напуганных людей.

Мама молчала, смотря в окно и пережёвывая остывшую глазунью. Вот от кого, а от неё я не ожидал столь отстраненной реакции. Я видел картину, как только продрав глаза вижу собранный чемодан и лохматую напуганную мать «Уезжаем быстрее!», «Валим!», «Этот город проклят!» – короче, типичные представления о суетливых матерях, боящихся всего на свете. Но вместо своих фантазий я видел это: грустный поникший взгляд, крепко стиснутые губы, словно боясь что из рта вылетит неуместное слово; опущенный подбородок – кажется, она ссутулилась первый раз в жизни. Стройная осанка всегда выделяла её среди других перекошенных родителей. Должно быть, помогли занятия балетом в детстве.

«V” – всплыла перед моими глазами алая буква. От неё в разные стороны струились литры крови.

Возможно, главной причиной остаться был мой отец. Улыбаясь, он сидел с краю стола делая вид что город, где вчера убили подростка сущая утопия. А знаете из-за чего? Из-за того, что его зарплата тут выше чем в рыбацкой деревне в целых четыре раза. Он даже стал сидеть по другому: самодовольная, наглая осанка бизнесмена. Начал чувствовать себя по другому: ни как человек, чья рубашка жутко пропахла рыбой, а лицо похоже на то, будто пять минут назад у него умер кот. А как человек, который наконец начал получать удовольствие от жизни. Идеальный мужчина: напивая себе под нос мелодию из заедающей рекламы он быстро съел зав-

трак, пританцовывая выпил стакан кофе и напоследок чмокнул жену. Хоть у кого-то дела налаживаются.

Коридоры школы, из яркого шумного места встречи молодёжи превратились в тесную канистру с тёмной нефтью. Толпа стала сборищем траурных подростков, каждый из которых всем своим видом пытался показать, что скорбит. Для всех учеников имя «Давид» стало не тем звуком, после которого хихикнув стоило крикнуть «А, тот обдолбанный жирный еврей? Я видел этот видос». Для всех учеников его фотография стала не поводом для отпущения очередной пошлой шутки, а поводом чтобы сжать руки перед собой в искренней молитве. Вот так, лишь умерев на глазах у всех зажатый жирный парень стал горем города.

Его фото висело рядом с шкафом – всё тот же снимок из школьного альбома, где он печально смотрел в кадр будто вот-вот расплачется. Тот день он запомнил надолго, в отличии от довольных собой обидчиков из баскетбольной команды: перед фотографированием один из них толкнул толстяка лицом в противную грязь, реки которой мерзкой густой жижей текли у школы, с криками: «Мерзкие гадкие свиньи должны жить только так!» В то утро он где-то пол часа провёл над раковиной в туалете, пытаясь хоть как-то отмыть вонючую жидкость.

И до сих пор, на висевшей тут фотке виднелись коричневые капли на воротнике серой кофты Давида. Всю жизнь

он был посмешищем, после случая на вечеринке превратившись в «популярное посмешище».

Сейчас же, над десятком горевших свечей и несколькими алыми розами склонилась почти вся школа, горюя за ушедшим навсегда. Лицемерили они – неизвестно, ведь как можно понять, толкал ли лицом в грязь Давида широкоплечий брюнет, сжавший в руках тонкую свечку и дотронувшийся до рамки фото, висевшего на железной дверце шкафа? Как можно понять, тыкала ли пальцем в растерянного ослепшего парня рыжая тонкая девчонка, по щеке которой медленно скатилась слеза?

Что можно сказать с уверенностью: каждый горевал по-своему. Кому-то жалко несчастного парнишу, кому-то страшно за своё тело, на котором сегодня же могут вырезать огромную букву. Вся школа превратилась в тёмное тихое море, в коем каждый склонив голову пребывал в чистом страхе. Каждый видел перед собой окровавленное тело. Каждый был в шоке.

Хотя нет. Не каждый. По всему коридору раздался стук длинных шпилек и шаги увесистых подошв. Мрачную толпу своим видом разбавляли нахальные мажоры, превращающие тёмную нефть в новогоднюю гирлянду. Подняв подбородок, каждый из них смотрел лишь в одну точку впереди. Выпрямив осанку, казалось, они хотели достать до потолка макушкой. Идя в одном ритме, одной и той же ногой они были словно клонированы с одного человека.

Серая куча людей рассасывалась, образовывая тоннель для дефиле стабильной каждодневной сенсации.

Гордые ухмылки, довольные лица – они создавали интригу и скандал даже после смерти Давида, всем видом показывая насколько им хорошо.

На Алине обтягивающее чёрное платье с красно-зелёными полосками по бокам, на Каролине – ярко-розовый свитер с котом в паетках посередине, на парнях – толстовки и футболки с броской надписью на груди. «Гучи» – твою мать, я совсем забыл что сегодня за день.

Компания резво подошла ближе, продолжая ухмыляться, будто пару секунд назад они услышали постыдную шутку о моей персоне. Хитрые улыбки, словно шрамы, искажали лицо каждого (кроме Никиты; думаю, это и так ясно. Он выглядел ужасно.)

– И как вы это назовете? – с возмущением кинул я, уставившись на броскую кофту Кэр.

– «Как МЫ назовём»? – повторил Андрей, бегая глазами по моему телу – Где Гучи, брат? Ты не сможешь сидеть с нами за столом в этом! – пальцем он указал на мою скромную чёрную майку.

– Вчера, блин, произошло убийство, а вы думаете о Гучи и изо всех сил делаете вид будто вам посрать.

– Так нам и в самом деле посрать – удивлённо бросил Макс, не предавая привычки таращится на каждую прохожую в узких джинсах или мини-юбке. Каролина усердно это-

го не видела, или видела, но делала вид глупышки.

После равнодушной фразы Макс положил гигантскую ладонь на плечо Кэр (в сравнении с рукой Макса оно выглядело как плечо смурфика, придавленное лапой йети). Лицо блондинки поменялось, словно её резко ошпарило кипятком: она отклонилась от руки, глядя на неё как на разносчик проказы.

– Слушай, «господин здравомыслясть» – закатила глаза Алина.

– «Господин здравомыслие» – подправил я.

– К «господину здравомыслие» добавляется ещё и «мистер зануда» – продолжила она – Мы, скорее всего, единственные кто не боится выражать реальные чувства – она обвела рукой толпу, пялящую на наш спор словно смотря глупое ночное ток-шоу – Если мы и при жизни терпеть не могли пахнущего коровьим дерьмом жирдяя – после смерти мы не станем за ним горевать. Все в этой школе просто лукавят, оглянись! – вскрикнула она. Обернувшись, она начала обращаться к толпе, всё внимание которой и без этого было обращено на неё – Кто тут при жизни еврея не смеялся над ним? Поднимите руку, а?

Толпа замолчала, стыдливо опустив глаза в пол.

– Кто вообще считал его полноценным человеком, тут такие есть?– толпа всё ещё молчала, как собака, которую ругает хозяин за то, что она нассала ему в тапок – Вы ведёте себя сейчас как лицемерные жопы, думая что вы такие правильные. Каждый из вас – лжёт. И не надо делать из меня

дочь сатаны лишь из-за того, что я пришла на каблах в школу после смерти ученика – я только сейчас заметил, что она несла свои загорелые ноги на черных шпильках сантиметров девять в высоту – Вы превратили школу в похороны. Причём похороны человека, которого вы при жизни сравнивали с говном.

– Алина? – произнёс строгий женский голос за её спиной. Из кабинета на громкую речь вышла математичка, схватившись за живот, будто она и вправду беременна от рыбника из Ашана.

– Я всё сказала – закончила она, поставив жирную точку и обернувшись, увидя рядом с собой озадаченную учительницу.

– К директору – злобно произнесла она, продолжая держаться за живот.

Курс истории родины – был одним из тех самых предметов, которые были чересчур монотонны чтоб их ненавидеть, и чересчур скучны чтоб любить. Я с абсолютно странными эмоциями, описываемыми одним точным словом «никакие», зашёл в знакомый узкий кабинет формы треугольника и сразу же громко ахнул. Нелепый звук типа продолжительного «Ах-х-х!». Такие привыкли слышать от старух на грани маразма, но не от шестнадцатилетних пацанов.

Слава Богу мой прокол, в виде истеричного вздоха ужаса, никто не заметил.

Я посмотрел на два пустых места в третьем ряду. Одно из них принадлежало мне, а другое – человеку, которого буквально вчера распяли на кресте.

Оно смотрелось словно маленький уголок тьмы, медленно поглощая весь класс, точно если я там сяду – меня сразу же накроет чистый ужас. Странное чувство.

Я бросил рюкзак у парты, быстро сев на стул и зажмурив глаза. Я сидел рядом с местом мёртвого, и что с того?

«Стул – это стул, не стоит навязывать себе. Открой глаза и слушай урок…»

Я раскрыл глаза.

«Молодец. А теперь посмотри на доску, прочитай тему и попытайся расслабится. Ты начал потеть, оу чувак, так ни одна чика не захочет познакомится с тобой. Согласись, не одна чика не хочет знакомиться с потеющим параноиком. Это мерзко».

День Осеннего Возрождения – сегодня нашей темой будет праздник, с которым теперь у всех будут связываться ассоциации не только Большого Пожара, но и чистой паники, ужаса, страха…

– П-с-с, чувак – я помнил его голос. Он продолжал звучать в моих ушах, в то время как я смотрел на учительницу, ставшую посреди класса. Казалось, будто если я повернусь то увижу знакомое пухлое лицо, по которому стекают мелкие прозрачные капельки. Он хотел меня предостеречь

от них, людей которые сидя за второй партой смеясь проживают новый день не запоминая прошлый. Людей живущих только собой, людей живущих во взглядах десятков, сотен… Людей которым чужды эмоции. Он хотел меня предостеречь от моего же брата и его друзей.

– … Если не хочешь быть выставленным на посмешище… – «На посмешище», «На посмешище» – эхо его голоса звенело в моих ушах. Запах чеснока. Запах его тела, далеко не самый приятный, он навис над моей партой будто Давид до сих пор тут сидит.

– Жуткая трагедия, которая поразила весь город… – учительница не успела договорить, презрительно взглянув на вскочившего с места молодого человека.

Я встал из-за парты, больно ударившись ногой и растерянно посмотрев на учительницу.

Шум, который создала моя невезучая левая нога отвлёк весь класс.

– Влад, Вам что-то мешает? – строго фыркнула она, обиженная на то что её лекцию грубо перебили.

– Да, простите пожалуйста, но я не могу сидеть за этой партой – историчка осмотрела класс, за минуту вынеся вердикт что свободных мест нет.

– Сядьте на место, как видите свободных стульев в классе нет – спокойно предложила она.

– Но я не могу сидеть тут – озадачено возразил я

– Я сказала БЫСТРО СЕЛ – завизжала она голосом как у

престарелого исполнителя шансона, или солиста хэви-метал группы – Твоим местом будет мусорник в коридоре, если ты сейчас же не сядешь и не заткнёшься – я подскочил на месте, словно в меня попала яркая громкая молния, и мигом сел.

Кажется, учительница истории весьма опасная фурия. Даже пугающая, чёрт возьми. Говорят, перепады её настроений похожи на виражи ролер-костеров: с отличием, что у неё оно всегда было плохим, переходя из плохого в сумасшедше-ужасное.

– Она просыпается с плохим настроением – объяснил мне Андрей после урока – Кормит злых, как она, котов, кусающих её пятки с плохим настроением. Едет в маршрутке с плохим настроением. Празднует день рождение, новый год, рождество, Хэллоуин с плохим настроением. Она сидела в утробе матери с плохим настроением. Она родилась с плохим настроением.

Она и вправду даже говорила будто зловонный скунс навонял под её носом.

Её жёсткие чёрные волосы всегда были взъерошены, создавая на голове картину форменного беспорядка, но когда она на меня громко накричала волосы взлохматились ещё больше.

Пересилив себя, весь остальной урок я старался не смотреть на место Давида. Кровавый крест сразу всплывал перед моими глазами когда я туда косился.

Нормально слушать урок не получалось: мои мысли заняты копанием в чудовищном убийстве. Кем настолько руководит месть, чтобы убить невинного подростка? Может быть это обычный сорокалетний извращенец, который решил вставить свою лепту в школьную жизнь, после очередного наблюдения за подростками из окна старого минивэна.

Моя фантазия разошлась, я даже представил его лицо: седая борода, глаза прикрывают солнцезащитные очки, купленные в отделе «всё до пяти долларов», во рту друг на друга облокачиваются стремительно гниющие коричневые зубы а волосы седеют с каждым днём всё больше и больше, скрывая настоящий возраст психопата и делая его более старшим на вид.

Но тогда зачем шизанутому мужику представляться женщиной? Старухой? Ха, должно быть маньяк-женщина найдёт больший отклик в обществе эпохи феминизма. Зачем угрожать моему брату? Чисто ради веселья, любой житель хотел бы помучать сына олигарха.

Сквозь свои теории я не улавливал слайд-шоу, которое учительница включила нам для более детального погружения в эпоху до большого пожара.

Довольные люди улыбались на чёрно-белых снимках, забыв вытереть со лба мелкие капли пота. «1901» – написано над мрачными слайдами. Рисунки карандашом, на которых изображён огонь поглотивший маленькие деревянные домики.

Безумная чехарда: фото жизни, на котором с серьёзными каменными лицами стояли жители сменялось рисунком пожара, в котором те самые жители бесславно погибли.

Учительница, облокотившись об свою ладонь скучая нажимала на кнопки ноутбука, зевая смотря на экран. Далее перед скучающим классом выплыло фото героя-спасителя-великого-легендарного Дилана Грина. Консервативный мужик в строгом костюме, штаны которого были явно малы. Аккуратная седая борода, будто выщипанная под линейку и меланхоличные глаза, смотрящие мимо камеры. Судя по дате, снимок был сделан в аккурат после смерти жены: британки с серьёзным приданным.

Сзади него начинались бескрайние жёлтые степи, на фоне которых стоял строящийся особняк.

Дилан был типичным представлением стандартного человека о строгом мужчине из Новой Англии, созданным словно по шаблону.

Стрелки часов, висевших над доской медленно подводили время к окончанию первого урока.

Послышался щелчок клавиши. Выплыло новое фото: старая ферма, напротив которой как небольшая гора возвышался стог сена. Недалеко расплылась лужа чего-то коричневого и омерзительного. Надеюсь, это не коровий навоз. Из лужи торчали острые вилы.

На переднем плане в три небольших колоны выстроились, видимо, работники фермы. Бедно одетые, как и полагается

тем кто трудится с раннего утра до поздней ночи. Невзрачные, серые, грязные. Их скучные взгляды и монотонные выражения лица не выделили бы этот кадр среди десятков таких же, что сегодня увидел класс во время уроков, если бы не одно загадочное «НО».

В третьем ряду, слегка встав на цыпочки, пыталась влезть в кадр женщина с до боли знакомым лицом. Я не мог её рассмотреть, но понимал, что где-то видел раньше.

– Извините, вы не могли бы приблизить фото к третьему ряду? – вежливо попросил я у скучающей учительницы, готовящейся к ожидаемому концу занятия.

– Ты меня сегодня вконец достать решил? – раздражённо фыркнула она, послушно приближая к третьему ряду кадр, немного покопавшись в функциях своего допотопного ноутбука.

Точно, мне не показалось. В кадре стола женщина лет шестидесяти. Грубое квадратное лицо, узкие сощуренные глаза. Я знал её. Прада, немного не в таком обличии.

Продавщица МаМа. Я не мог сам себе поверить, но я точно это понял. Стоя напротив фермы она выглядела младше, чем сейчас на лет тридцать.

Под фото была броская подпись: ферма Корнвальд, 1901 год.

– 1901 год… – тихо прошептал я, обратив на себя внимание сидевшей спереди блондинки.

Старухе чисто физически не могло быть (если предполо-

жить, что на снимке ей 60) сто восемьдесят лет. Это бред. Но в кадре стояла вылитая она. Та самая женщина, что вчера грубо выперла меня из заполненной котами лавки.

Это заметил не один я:

– Это же старуха из магазина! – крикнула девчонка с последнего ряда, указав пальцем на экран.

– Да-да, та, которая без проблем сиги продаёт каждому, даже первоклассникам – хихикнула неразговорчивая Сабина, обращаясь к своей подруге по группе – бледной блондинке.

Весь класс заполнился бурными обсуждениями, все узнали знакомое лицо местной психопатки-знаменитости. О лавке, воняющей кошачьим дерьмом тут слагали легенды.

–Может быть это её родственница – объяснила учительница, спокойно заметив неоспоримую схожесть.

– Такое сходство просто невозможно – сказал я – Она должна быть её сестрой-близнецом, чтобы хоть как то объяснить это.

– Так, успокойтесь все. Хватит шептаться! – крикнула Ангелина Васильевна – Это… это просто совпадение.

На меня загадочными глазами таращилась женщина, жизнь которой можно было объяснить разве что бессмертием.

– Не может человек быть настолько похож – я не мог успокоится, нагло закинув ноги на парту в классе экологии. Я вы-

брал этот факультативный предмет, и как оказалось не прогадал. Весь класс переместился на экологию в полном составе. Может, это было связанно с тем что быть «асом» в жизни природы, зная сколько разлагается пластик в тропических условиях и чем питается дельфин при сильных течениях – это обалденно модно.

– Если тебя так тревожит эта старуха, то просто узнай что с ней не так – предложил Андрей – Хотя, это супер-глупо. Супер-пупер-дупер глупо.

– И каким образом? Завалиться к ней домой и задать вопрос: «Вам правда сто восемьдесят лет?» – иронично спросил я.

– Ну хотя бы начни с этого, я же тебя знаю как облупленного. Мой брат не успокоится, пока не узнает что не так с сумасшедшей старухой из вонючего магазина.

Я задумался, взглянув на ярко-зелёный плакат:

– Хочешь со мной? – предложил я.

– Нет брат, этим безумием занимайся без меня.

Всё это время Макс стоял рядом, уткнувшись в свой смартфон.

– Позови этого безумца – хихикнул Андрей, ударив своего друга по широкой и твёрдой как бетон спине.

– Чё? – подняв глаза спросил Макс.

– Хочешь вломиться в дом сумасшедшей старухи, узнав на самом ли деле она бессмертная? – пробормотал я

– Конечно – улыбнулся он, спустя секунду опять опустив

глаза в смартфон.

– Раз! Два! Три! Четыре! – громко отсчитывала Алина – Пять! Шесть! Семь! Восемь! – она свысока взглянула на последний ряд танцовщиц – Стоп! Стоп! Стоп! – громко крикнула она, перекрикивая новый латинский рэп-трек, вышедший на прошлой неделе – Это ни на что не похоже! Просто ни на что!

Вся задняя линия сразу же нешуточно напряглась. Они знали, что если Алина и остановила музыку, так это явно не к добру: это к жуткому крику и тонне унижений, следующих сразу за ним.

– Дорогая моя Альбина, выйди сюда – взглянула она на рыжую девицу в задней линии.

– Я Анжела – тихо ответила она.

– Мне плевать – грубо ответила Алина – Скажи мне, какое важнейшее мероприятие ждёт нас в конце сентября? А?

– Конкурс «Ай-Дэнс 2018» – уставившись в пол тихо ответила Анжела.

– Скажи мне, как я могу выпустить на сцену главного танцевального конкурса страны ЭТО – каждая из девочек, находившееся в зале с интересом наблюдала за тем как Алина потихоньку закипает – А теперь подумай, у нас тут девичий танцевальный кружок или драки сумо?

– Танцевальный кружок…

– Вот именно. Я хочу видеть от каждой женственность. Но

твой уровень танцев, как тебе объяснить, сойдёт только для танцев Леди-Боев в самом дешевом борделе Паттайи. Или может быть для шоу Драг-Квин, там привыкли смотреть на подобное уродство. Но сейчас ты просто в наглую насилуешь мои глаза.

Каролина подошла к своей лучшей подруге и взяла её за плечо:

– Успокойся – шепнула она.

Но Алина не останавливалась:

– Изнасилование моих глаз – вот на что похожи твои омерзительные танцы. Ни страсти, ни пластики, ни секса. Ты танцуешь как заплывшая жиром кошатница, просидевшая всю свою жизнь дома, смотря телевизор и поедая пончики. Ясно?

Анжела кивнула.

– А теперь убирайся отсюда, и танцуй на кухне для своей мамки, которой также как и мне будет за тебя очень стыдно, Альбина.

– Я Анжела – всхлипнула она.

– Да мне насрать! – истерично завизжала Алина – Убирайся отсюда!!!!

Расплакавшееся девчонка мигом вылетела из зала.

Алина не любила когда в её танцевальном кружке халтурили. Она всегда реагировала на это визгами и унижениями, ведь это был только её кружок, трон который она иногда разделяла с Каролиной. Но не смотря на это, все мечтали оказаться на месте одной из танцовщиц. В этой школе это было

очень почетно. Все парни сходили с ума от девчонок танцующих там. Все глубоко убежденны, что там можно набраться женской красоты и сексуальности. И скорее всего, так оно и было. Танцы, поставленные Алиной добавляли девочкам уверенности и изящества.

Молчание в зале прервали чьи-то медленные саркастичные хлопки. Обернувшись, Алина увидела Андрея, своего любимого бойфренда.

– Обожаю смотреть на твои педагогические методы, просто кайф! – улыбался он.

– Андрей – агрессивность Алины будто рукой сняло, и она улыбаясь подбежала к своему парню, ловко вскочив ему на руки.

Самый популярный мальчик города и самая главная стерва города – типичная поп-пара, вызывающая у всех зависть.

Когда Алина зависая на руках Андрея начала показательно запихивать ему свой язык в рот, весь зал сразу же заполнился шепотками и обсуждениями.

– Как же меня это бесит – шепнула Алиса, местная видеоблогерша, своей лучшей подруге Еве, любительнице 90-х и знатному книжному червю (она ещё сыграет значимую роль в моей судьбе, вы увидите) – Показательно сосаться со своим парнем, у которого вместо мозгов половой орган, на виду у толпы. Сплошное шоу.

– И не говори – тихо чмокнула Ева – Когда-то эта Алина своё получит. Унижать каждого встречного и при этом вы-

ходить сухой из воды – это талант.

Популярность в этой школе синоним слова «ненависть». Обсуждать за спиной в этой школе кого-то – значит автоматически недолюбливать. По другому тут и не могло быть.

Если ты популярен, то значит что где-то за спиной тебе желают смерти десятки людей. Причём незнакомых. Это могут быть те, кого ты ни разу в жизни не видел. За то они каждый день по вечерам листают твою страницу в Инстаграмм и мечтают чтобы когда-то, когда ты высокомерно будешь идти в школу со своей подругой-красоткой, тебя сбил автобус. Вот тогда у этих людей начнётся настоящая счастливая жизнь.

Макс вошёл в зал где проходила девичья тренировка и помахал девушке Каролине. К этой паре у общества было более сдержанное отношение. Ну а как может быть по другому?

Макс – целеустремлённый баскетболист, который всю свою молодость кладёт на достижение цели. Целыми днями тренируется и качается. Главная спортивная звезда школы. Гордость спорта всего города.

Каролина – пай девочка, которая никогда не смела нахамить кому-либо. Она всегда держала широкую улыбку на своём лице для каждого. «Добрый человек» – думали все окружающие. На самом деле это была философия родителей, заложенная в неё с самого детства. «Чем шире улыбка, тем больше денег» – говорила ей мама, заплетая косички. И это работало. В городе их компания имела шикарную репутацию, переманивая к себе ежегодно десятки спонсоров.

Макс, подойдя к своей девушке сразу же бросился целоваться. Но неожиданно для него, она сделала один шаг назад. Впервые за те полгода, что они встречались.

– Сейчас не время – улыбнулась она, отведя глаза в пол.

Ей не хотелось целоваться. Не понятно из-за чего. В её голове прочно засели прозрачные голубые глаза, тесно переплетающие в своём взгляде дерзость и грусть.

Валентин. Так его звали. Новая дилемма Каролины. Парень-загадка, появившийся в её жизни всего на пять минут, но успевший застрять в голове надолго.

Всё свободное время после уроков я нудно разбирал многочисленные пыльные коробки с моими вещами, пытаясь хоть как-то вписать их в общий интерьер комнаты. Дизайнер из меня отстойный. Выглядело это всё как обычный не аккуратный подростковый бардак. Ну и пофиг. Обведя быстрым взглядом комнату я плюхнулся на кровать, взяв в руки книгу «Над пропастью во ржи», в которой после переезда знатно замялись корешки.

Я был у конца. Книга могла бы показаться до смерти банальной, если она не была бы такой жизненной.

«Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак». Чёрт, в этом есть своя доля смысла. Наверное, именно сейчас я чувствую это так сильно, как не чувствовал никогда. Хм, «над пропастью во ржи»… После по-

следней странички название заиграло по новому. Хоть и герой так и остался странным мудаком.

Обожаю лежать на кровати. Да, я знаю что мой возраст ещё не перевалил за семьдесят, чтобы любить это делать. Да, я знаю что в моём возрасте парни сбегают из дома, колятся и идут грабить банки. Но чёрт возьми, мне нравилось укутаться в белое мягкое одеяло и смотреть на солнце, медленно опускающееся за плотную стену елей.

Снаружи бродит убийца. Может быть, это тот кого я вижу каждый день в классе. Может быть, это старый седой педофил. Может быть, безумный религиозный фанатик. Всё может быть. Но как же я не хочу капаться в смертях. Быть детективом – всю мою жизнь это словосочетание казалось особенно заманчивым. Загадки. Опасность. Ощущение того, что твоя жизнь доверху набита поворотами, коих ты никогда не ждал.

В детстве я часто брал в руки бабушкину лупу, и после прочтения очередного тома «Братьев Харди» отдавался фантазиям. Сосед считал что соседский парниша чокнутый: «почему он залез на забор и думает, будто я опасный грабитель?». Одноклассники, теряя ручки и линейки под партами полагались на мой дедуктивный метод.

Тогда казалось, что встревать в неприятности и опасности – безумно круто. Настоящая жизнь – это жизнь наполненная приключениями.

Со временем это утверждение выползло из головы.

Передо мной, прямо перед самым носом разворачивалась покрытая мраком загадка. Страшная тайна, на которую все боялись взглянуть вблизи. Ни у одного человека этого города не хватало духу. Женщина, которая не стареет? Девочка, которая отчаянно пыталась убежать с места аварии? Распятый на кресте интернет-мем? Согласитесь, кому хватит отваги прикоснуться к стольким вопросам без ответа?

Впервые за жизнь мне не хотелось ни в кого играть. Я – обычный подросток. Я буду держаться на расстоянии километра от того треша что тут происходит. По канону жанра я должен всунуть любопытный нос в самую гущу. Не-а, не пройдёт.

«Вла-а-а-д» – протяжно, как сирена полицейской машины, завыла моя мама. Она хотела, чтобы я сходил за порошком.

«Порошок нужен так срочно?» – обиженно переспросил я.

А она такая: «А у тебя есть дела важнее?», а я такой «Ну я на кровати валялся». В общем, как не удивительно я нехотя выполз на улицу мечтая о тёплой уютной постели. Сам вид пустынной улочки городишки навивал жуть.

Солнце ослепило глаза, привыкшие к полумраку уютной комнаты. Птицы так горланили свои трели, что «пением» это явление не назовёшь. Они орали как в последний раз. Орали, будто секунду назад их подстрелили охотники. Орали, словно хотели мне что-то сказать.

Маленький воробушек пролетел мимо меня, чуть не врезавшись крохотной головкой в мой волевой открытый лоб. Взмахнув крылышками, он поднялся ввысь и сел на телевизионной антенне, торчащей из серой крыши нашего дома.

Ни одной живой души на улице так и не появилось. Прекрасный уютный район, брошенный жителями, будто узнавшими о зомби-апокалипсисе. Ни одного соседа, который бы мерзко сверлил какую-то дрянь во дворе, мешая окружающим. Ни ругающейся супружеской пары, кидающей в друг друга посуду. Ни достающих детей, визжащих как не в себя. Пусто. Лишь невысокие дома в два-три этажа, не смыкая глаз наблюдающие друг за другом.

Да, моя фантазия одушевила их и сделала схожими на людей. У меня так часто. Может, я чокнутый. Скорее всего, просто умею это не показывать.

Если бы дома тут ожили, они скорее всего стали офисными планктонами, все разговоры которых сходились к рассуждениям о финансах. Они бы носили строгие серые вельветовые костюмы, на которых часто цеплялась шерсть назойливых кошаков МаМа. По вечерам, они бы сплетничали, ведь видели всё вокруг себя. Точно: опрокинув рюмку-другую скучные разговоры сменяли собой свежие сплетни.

Как обычно, поливалки напротив моего дома не умолкая тарахтели, опрыскивая ярко-зелёный газон, сделанный словно из насыщенного изумруда.

Мой район был чистым, тихим, спокойным, но из-за этого

ужасно бездушным. Выверенные под линейку улицы, которые одна за другой оставляли на теле города серые полосы как у зебры. Невзрачные переулки, одинаковые дома, будто клонированные один за другим.

Никого. Лишь воробьи, прыгающие под летящими на них каплями. Они продолжали кричать, забыв о том что по идее должны мило петь, принося радость человечеству.

Этот ор прервала приятная мелодия. Какая-то птица отважилась начать издавать гармоничные звуки.

В клетке, висевшей над верандой старенького дома напротив взбунтовался яркий волнистый попугай. Казалось, что вот-вот и он взорвётся, ударяясь о стенки клетки и разлетаясь в разные стороны парящими в воздухе перьями.

– Тише – шепнул ему голос пожилой дамы. Только сейчас я заметил сидевшую в старом кресле чопорную леди, напомнившую строгую представительницу английского двора.

Очередной пожилой житель. В этом городе их более чем достаточно, что весьма странно. Из одной крайности возрастную статистику населения бросало в другую: тут, чаще всего, встречались ИЛИ подростки как я, ИЛИ пенсионеры как сидевшая передо мной женщина. Ни детей, ни студентов… Они тут были, но не в таком количестве.

Гордая старуха окидывала взглядом ухоженную клумбу перед своим домом. В её взгляде явно читалось: «О да, я ещё крута для своих лет», ведь двор был и вправду сказочный: яркие тюльпаны, которые словно повырвали с лучших Гол-

ландских заповедников и срочным рейсом привезли сюда. Рядом с ними улыбаясь застыли в разных позах стояли десятки маленьких милых гномов смотрящих на меня. Столько глаз, по идее, должны были веселить. Но меня все эти взгляды карликовых человечков весьма напрягали.

– Здравствуйте! – крикнул я, рукой махнув соседке. Этот жест явно лишний по отношению к старшему человеку. ОЧЕНЬ старшему человеку. Эхо моего голоса отбилось от домов, громко раздавшись по пустой улице.

–Подойди ближе, тебя плохо слышно – неторопливым тембром ответила старуха, голос которой звучал как у сорокалетней бизнес леди: слегка грубый, не слегка прокуренный, но очень уверенный и строгий.

Обойдя пышные клумбы и чуть не зацепив ногой гнома, дерущегося с жирной зелёной лягушкой и схватившего её за лапу (странная скульптура), я подошёл к крыльцу, наступив на первую ступень. Раздался звучный скрип. Доска под моей ногой просела на сантиметров пять, не меньше.

Попугай не замолкал. Он напугано кричал, раскачивая клетку в разные стороны.

– Тише-тише – продолжала успокаивать его соседка, распрямив замявшуюся у себя на ногах юбку дрожащими руками.

– Я Влад – представился я, слегка улыбнувшись. Знакомясь с соседями непринуждённая улыбка обязательна, но чересчур расплываться в ней не стоило. Находить золотую се-

редину у меня получалось, судя по лицу старухи, которое медленно украсила широкая улыбка. Её зубы весьма классно сохранились, выстроившись в ряд и выглянув наружу – Я ваш новый сосед.

– Ах да – вздохнула она, словно тут же меня узнала – Я о тебе слышала. Приезжий мальчик.

– Слышали? – переспросил я.

– Да. Тут много болтают, знаешь ли. Люди любят болтать. Им это нужно – моя новая знакомая завелась как старая музыкальная шкатулка – Особенно в этом городе и в это время. Приезжий мальчик и обсуждения его личности хоть как-то могут отвлечь всех от страха.

– Неужели?

– Именно. Люди не хотят смотреть правде в лицо. Они хотят без конца молоть языками и сочинять новые сплетни. Ты же племянник Арсения, ведь так?

– Да… – проронил я, наблюдая за кривой улыбкой дамы, осматривающей меня своими резвыми глазами. Громкая музыкальная шкатулка на секунды умолкла, чтоб потом опять завестись.

– Может быть тебе понравится в этом городе. Может быть – своим строгим голосом продолжила она. Только сейчас я почувствовал как из её рта разит крепкими сигаретами – Я много путешествовала. Жила в Германии, плавая каждый день в купальнях Баден-Бадена, в Индонезии, провожая закаты Явы каждый вечер, в Австралии, кормя с ладошек кен-

гуру – в тембре голоса старухи звучало «О да, я несусветно крута» – Но я всегда возвращалась. Этот город как магнит, он манит назад. Каким захолустьем он бы не казался.

Она причмокнула губами, переведя взгляд на попугая.

– И ты теперь один из нас. В тебе навсегда засел магнитик.

Прозвучало это как проклятие.

– Кстати: я Жанна. Жанна Аркадиевна.

– Очень приятно, Жанна Аркадиевна – проронил я встав с скрипящей ступени и готовясь попрощаться раньше, чем Жанна успеет опять открыть рот.

Не успел.

– Жанна, мне опять звонил тот напыщенный паршивец, ещё одна неуплата и мы будем ночевать в коробке от телевизора у вокзала – через дверь, скрипя старыми досками, на веранду вышел пузатый старик. От этой особи воняло перегаром. Сигареты и перегар, перегар и сигареты – их брак прекрасно друг друга дополнял, создавая уникальный аромат под названием «гниющая печень».

– Я думаю сейчас не лучшее время, Григорий. Ты посмотри, к нам пришёл племянник самого Арсения.

– Хм, Арсения говоришь? – на лице старика появилась ехидная кривая ухмылка, которой он явно стремился показать своё мнение о моём дяде. У него получилось. Местного богача тут ненавидели все, и я не удивлён что услышав имя моего дяди лицо старика скривилось будто на его пороге стоял самый ужасный человек мира.

Григорий переминался с ноги на ногу, продолжая скрипеть досками.

Посмотрев на старика, я понял что он был слеп: на глазах одеты чёрные очки, а передвигался он за счёт палочки, как у крота из сказки про Дюймовочку.

Облокотившись об трость, старик снял очки и я увидел, что на месте, где у обычных людей ВСЕГДА есть глазные яблоки, у него не было ничего. Просто пустота. Удручающее Н-И-Ч-Е-Г-О. Мне показалось что я видел его лысый затылок изнутри. Как вообще такое возможно? Я как человек, у которого всегда были хорошие оценки по биологии и сто процентная посещаемость знал, что такого в природе быть не может. А если и может, то это настоящий феномен. Мой взгляд застыл на глазах Григория, точнее, на месте где они должны были быть.

– Влад, я думаю ты, как приличный мальчик, должен знать, что это не прилично так рассматривать людей с дефектами внешности – осуждающе сказала Жанна, продолжая разглаживать юбку.

– Да не беспокойся, увидев мои глаза, точнее, ничего не увидев, любой будет пялить пол часа – хмыкнул Григорий, ещё шире раскрыв веки давая понять, что голова его пуста.

Что вообще?

Моя скула дёрнулась. Я представил себе что в его черепной коробке вообще ничего нет, как в надутом воздушном шаре. Скула дёрнулась во второй раз. Всё лицо заходило то

вверх, то вниз. Жанна это заметила, расплываясь дальше в своей хитрой улыбке. По одной лишь ухмылке было ясно, что эта женщина всю жизнь считала себя умнее окружающих. Хитрыми глазами она не переставала оценивать каждого проходившего по дороге мимо её крыльца. Она была в восторге , считая себя прекрасным садоводом, путешественником и просто человеком.

Попугайчик никак не закрывался, и пение, которое сначала показалось мне красивым, сейчас действовало на нервы и резало по ушам.

Дрожь, начавшая бегать по телу после взгляда на глаза старика, которых не было, не отходила. Я, отойдя подальше от скрипящего крыльца улыбнулся семейной паре в последний раз:

– Мне надо бежать, а то родители начнут волноваться.

–Пока Влад, храни магнит внутри себя с аккуратностью – пожелала мне Жанна. До сих пор её метафора с магнитом казалась мне странной.

Старик, одев чёрные очки смотрел совсем в другую сторону.

Я вышел с уютного двора и пошёл дальше по безлюдной дороге, взглянув на загадочную семейку в последний раз.

Встав с кресла, Жанна подошла к шатавшейся в разные стороны клетке и распахнула дверцу. На крыльцо вылетел желтоватый волнистый попугайчик, и взмахнув крыльями вспорхнул на крышу. Наконец он умолк. Лапами обхватив

водосточную трубу, птица повисла над клумбой и тёмными глазами размером меньше бисера смотрела мне в след. Какие умные глазки. Такие маленькие, но такие выразительные, будто вот-вот и он прокричит вслед прощание.

– Али, ты же знаешь зачем я пришёл? – обнимая свою девушку спросил Андрей, дыша ей в волосы.

– И зачем же? – игриво улыбнулась она, прекрасно зная, чего её бойфренд добивался.

– Я хочу увидеть обворожительней танец своей подружки – сказал он, подарив загорелому телу быстрый тёплый поцелуй, от которого на коже Алины проступили мурашки.

– И ты его увидишь, будь уверен – отозвалась она и вырвалась из объятий. Все танцовщицы её кружка продолжали наблюдать за диалогом самой популярной пары школы.

– Сейчас будет практика. Смотрите и поглощайте как надо танцевать, выдрочки – сказала Алина поставив первый попавшийся трек в её плейлисте. Это был быстрый зажигательный женский реп.

Она вышла в центр зала и начала двигаться. У неё это получалось идеально, будьте уверенны – танцевала она как надо. Во время танца всё тело находилось в движении, от волос до кончиков ног.

Начала она свой танец с быстрых обворожительных движений бёдрами, подсмотренных у Ники Минаж. Взмахнув волосами (она так делала часто: специальный привлекающий

внимание манёвр) Алина упала на колени, продолжая соблазнительно двигаться.

Андрей стоял и не отрывал взгляда от этого приковывающего внимание танца, ведь он был именно для него. Девушки также замерли и внимательно рассматривали каждое движение.

В свои семнадцать Алина танцевала как настоящая королева танцев. На танцполе она ослепительна как и в жизни.

Дотанцевав она остановилась, напрашиваясь на аплодисменты. Как и предполагалось, они посыпались шквалом после последнего движения.

– Каролина, теперь давай ты станцуешь для Макса! – крикнула Алина, вытаскивая свою подругу за руку на танцпол.

Каролина неуверенно стала посреди зала, ожидая когда включат музыку. Ей попался более медленных поп трек. Взмахнув своими светлыми волосами, Каролина встав спиной к Максу начала медленно приседать, максимально оттопыривая свою объемную гордость сзади.

Как и подруга, она танцевала как мастер: безудержно и вызывающе ослепительно. Закрыв глаза она представляла как на неё смотрят миллионы восторженных взглядов, желающих её одну. И это чувство вдохновляло. Танцевать для двух подружек – любимое занятие.

Раскрыв глаза и поймав на себе азартный взгляд Макса, в котором она ясно прочитала увлеченность, что-то перемкну-

ло внутри Каролины. В мыслях резко промелькнули загадочные глубокие глаза, в которые она вчера всматривалась. Валентин плотно застрял в её голове. Лысый парень, образ которого вспоминался частями. Нахальная ухмылка. Грустные глаза. Сильные накачанные руки, сквозь рукава тёмной кофты просматриваются пухлые синие вены. Каждая его часть запала в её сознание. Она помнила всё до малейших деталей. Все эти части собрались в один неотразимый пазл, вставший перед глазами чётким миражом.

Не дождавшись окончания музыки Каролина резко остановилась, взглянула на удивленную толпу и вышла из зала.

Провожая её взглядом, никто и слова не смог проронить от удивления.

Музыка продолжала играть. Толпа замерла, смотря вслед блондинке.

– Я совершаю ошибку – шепнула Каролина, хлопнув дверью.

Тишина.

Ровно ноль машин проехало мимо меня за время променада в магазин.

Увидя серое старое здание «Лавки у МаМа» я ускорил шаг. В нос ударил резкий отвратный запах ссанины. Он вылетал наружу через каждую щель, каждую трещину, коими полностью усыпана стена дома.

Мне не хотелось заходить внутрь и покупать там моющее.

Просто не хотелось и всё тут. Магазин оставил чертовски плохое впечатление, так что увидев потрескавшуюся вывеску я отвернулся, решив не жалеть себя и пройтись к супермаркету. Ну и что, что Гугл карта показывала «15 минут пешком» до магазина. Ну и что, что в городе орудует убийца а на улице ни души.

Поливалки. Птички. Серые дома. Поливалки. Птички. Серые дома. ПОЛИВАЛКИ. ПТИЧКИ. СЕРЫЕ ДОМА. Этот район до ужаса напрягал. Я попал в пустыню однообразных серых сооружений, лабиринтом окружающих меня.

Кажется, тут вполне реально медленно начать сходить с ума. Ни звука. Ни души. Форменный вакуум.

Я прошёл мимо старого заброшенного здания, окна которого плотно закрыты деревянными досками. Из них в разные стороны торчали острые гвозди.

Изрисованный уродливыми граффити, пахнущий огромной свалкой и выглядящий как удручающая руина дом портил своим видом ряд аккуратненьких одинаковых домов. Словно хулиган-панк в толпе банкиров. Чёрный, словно его стены пережили ужасный пожар. По яркому красному «BANKSY”, написанному краской над главным парадным входом, можно понять что заброшенное здание служило пристанищем для наркоманов, гопников, любителей заняться сексом в Богом забытом месте и прочих противоречивых молодых людей, которых тут называли одним собирающим словом – «отбросы».

На крыше, от которой с каждым днём отпадало по одной черепичной плитке, сидела тёмная ворона, смотревшая вниз. К ней медленно подлетала вся её семья. Одна, вторая, третья… Их становилось всё больше, пока целая стая не заняла крышу заброшки.

Я остановился, всматриваясь сквозь доски внутрь дома. Наверное, то самое место про которое местные ребятишки сочиняют страшилки. В маленьких городках такое любят.

Именно тот самый загадочный «дом монстр» из классических ужастиков. Я прям видел, как из его дверей, над которыми выведено банальное «BANKSY” большими буквами, выбегает ребёнок одетый в белую уютную пижаму. За ним ещё один мальчик, догоняющий братика. За этим всем, улыбаясь и попивая чашку чая наблюдает мать, которую в фильме, скорее всего, сыграла бы Николь Кидман. А за мамой, которая наблюдает за детьми наблюдал бы фантом, который в конечном итоге всех бы убил. Конец. Все фильмы про дома с приведениями заканчиваются так. По телу пробежала дрожь. Со стороны я, должно быть, смотрелся как психопат. Парень, уставившийся на вонючую развалюху и фантазирующий о семье, живущей там раньше. Хорошо, что наблюдать за мной некому.

Наверное.

Высокие тёмные стены дома скрывали за собой просторный двор, с которого стаями вылетали десятки ворон.

Тишина. Только карканье.

Резкий крик, перебивший тишину и испугавший ворон.

– Помогите!!! – напугано кричал голос. Детский голос. Голос мальчишки – Помогите пожалуйста!!!

Мольбы о помощи эхом раздались по пустой улице. Я был один. Один с терзаниями: идти ли на крик, когда по городу разгуливает убийца?

– Помогите!!!!

Стоит ли рисковать, ради незнакомого ребёнка?

– Помогите ПОЖАЛУЙСТА!!!!

Неужели никто не может прийти на помощь? Оглянувшись, я точно понял что никто.

– УМОЛЯЮ!!!!

Может вызвать полицию? К времени их приезда ребёнку не понадобится помощь.

Вдох. Выдох. Я пересилил себя, смахнув ладонью пот проступивший у начала волос.

Крик доносился с заднего двора развалюхи.

Спиной я прижался к стоящему у забора толстому дубу. Кажется, я был незаметным.

Посреди густо обросшего высокой травой и зелёным мхом двора мелькали знакомые лица: хулиганы с концерта. Те самые «АДИДАСЫ».

Стоя посреди зарослей высоких сорняков два парня в чёрных костюмах выворачивали руки мальчику, которому максимум можно было дать одиннадцать.

Пухлый и безобидный паренёк, тот самый типаж ездящего на четырёхколёсном велике и жующего жирную булку с корицей ребёнка.

По щекам мальчика вниз сбегали слёзы. Его лицо плотно прижато к высокому муравейнику, кишащему крупными быстро бегающими муравьями. Где-то с десяток владельцев муравейника запрыгнули на детское лицо, топчась мелкими лапками по пухлому телу.

– НА ПОМОЩЬ! – завизжал мальчик, пытаясь вырваться из хватки хулигана. Всё его тело плотно покрыли маленькие насекомые, заставляя изворачиваться как кота, по которому бегают блохи.

– Закрой свою хавалку, притырок малолетний – сквозь зубы бросил обидчик. Рыжий парень с волнистыми волосами. Лицо его плотно укрывали мелкие веснушки. Увидя такого на улице, можно сказать что он увлекается бабочками, или собирает талончики от трамвая, но никак не задирает младшеклассников. Такие, обычно, сами оказываются предметом насмешек. Видимо, он решил опередить закон социальной пирамиды.

– Жри муравьев!!! – выкрикивал он, труся густой шевелюрой как в рекламе «Pantene”. Одна лишь фраза вызывала у меня устойчивую неприязнь к подонку.

Ненависть. Он будто бы проникался чистой ненавистью, наслаждаясь криками. **Наслаждение**. Ему нравилось наблюдать за тем, как огромные муравьи бегают по шее маль-

чишки. **Жестокость**. Он даже глазом не моргнул, слыша мольбы о пощаде.

Гандон.

Его напарник, абсолютно не выразительная блеклая тощая личность выполнял роль ассистента. Он прижимал лицо мальчика всё сильнее и сильнее к земле, наблюдая за бунтующими насекомыми. Они в ярости. Их убежище, которое выстраивали сотни живых существ грёбанных три года разрушено. Уничтожено одной пухлой щекой.

Обкусать с ног до головы разрушителя им мало. Они хотели обгрызть его косточки, съесть и оставить пустое место от молодого тела.

Видимо, они уже начали приводить в исполнение свой ужасный план мести.

– Ай!!! – вскрикнул мальчуган, вскочив и ударившись головой о подбородок рыжего.

– Жри их! – у гандона заела одна фраза. Создавалось впечатление, будто никакого другого словосочетания кроме «Жри муравьев!» он не знает – Жри! Жри! – рукой он обхватил лицо паренька, пытаясь вручную разомкнуть челюсть.

Я молча наблюдал за ужасной картиной, правой ногой наступив на деревянный сучок, треснувший под подошвой. Хулиганы не услышали. Они чересчур заняты унижением.

Им нравилось это, они получали удовольствие наблюдая за конвульсиями паренька. Это пугало. Они были одержимы.

– Не хочешь жрать, мы тебя накормим – хихикнул рыжий.

Такому хохоту позавидовал бы сам Джокер. Он взглянул на напарника, крикнув – Помогай!

Гандон номер два вцепился руками в крепко сжатый рот и распахнул его. С глаз паренька бежали слёзы.

Рыжий взял несколько муравьев в руку, сжав её в кулак. Немедля, он закинул ползающих озлобленных тварей в рот мальчика.

Гандон номер два отпустил руки. Челюсти бедолаги крепко сжались. Он стал кашлять, сев на корточки и пытаясь выплюнуть насекомых.

– Ну и как они на вкус? – улыбнулся рыжий, наклонившись к жертве – Готов к второй порции? – мальчик попытался вырваться, на что хулиган грубо его оттолкнул, дав телу упасть на кишащую муравьями землянку.

Дуэт психов расхохотался, смех эхом прокатился по пустынному двору.

Вторую порцию я не смогу перенести. Даже и боюсь подумать насчёт паренька.

С надеждой я выглянул на улицу, в очередной раз убедившись что она пуста.

Гандон номер один собирал новую охапку муравьев.

Делать нечего.

Вдох. Выдох.

Я вышел из-за дерева, громко крикнув:

– Эй, рыжий! – хулиган машинально выпустил из рук насекомых. Они в свободном падении полетели вниз – Отпу-

сти парня!

– А ты у нас из фонда защиты неполноценных жирных детей? – улыбнулся он, осмотрев внезапно выросший перед собой силуэт.

– Я из фонда уничтожения конченых рыжих мудаков – о да, не плохо я это сказал. «Рыжих мудаков» – пафосненько.

– Значит, мне прийдётся засунуть в твой рот парочку таких же мелких злых засранцев – он продолжал улыбаться, показательно закатывая рукава чёрной кофты, пронизанной, как стрелами, несколькими белыми полосами. Противник готовился к бою, пытаясь хоть чуть-чуть напугать меня, забывая о том, что он выглядел как ирландский малыш, тело которого выросло, а вот лицо не менялось с двух месяцев.

– Оу, рыжик, я засуну муравьев в твою наглую жопу намного раньше, чем ты подойдёшь ко мне – о да, сегодня я был хорош. Мой пафосный рот извергал крутые фразы со скоростью главного персонажа боевиков из девяностых. Я чувствовал себя Эшем в третьей части «Зловещих мертвецов». Как он там говорил? Точно, «подсласти мне губки, детка», «увидимся на том свете».

Рыжий рванул на меня, начав размахивать несуразными кулачками в разные стороны. Если я не ошибаюсь, он на года два старше меня. Учился в выпускном классе. И на что я рассчитывал? На то что резко стану невероятно сильным за несколько секунд?

В детстве я три года ходил на дзюдо. Вообще, я много куда

ходил. Моя жопа, желающая уметь всё мелькала везде.

В том кружке, сэнсэй одетый в белое кимоно учил детей заученным приёмам. Я не уверен что в моей памяти хоть что-то отложилось. Зато, я помню как считать по китайски. Или японски. Или корейски. «Ич… Ни… Сан…» – …дальше не помню.

Спустя секунды рыжий был передо мной, одной улыбкой говоря: «Тебе полная жопа, готовь рот к муравьям». Замахнувшись, он сделал первый удар и сам того не ожидая промахнулся.

Я уклонился, резко сбив его с ног одной подсечкой. Твою мать. Опыт остался. Я на механике отработал заученную в восемь лет комбинацию. То самое чувство, как в фильмах про супергероев, где обнаружив свои силы впервые главный герой стоит пол часа смотря на руки и кивая головой. Во всех супергеройских фильмах есть такое. Такое же чувство было у меня, я смотрел на свою левую ногу и совсем позабыл о напарнике хулигана.

Парень ринулся с места. За секунды, след мальчишки «булочка-с-корицей» простыл, оставив разбомблённый муравьиный город после себя. Рыжий, не медля встал с земли.

Именно тут, я понял что пора делать ноги. Обернувшись, побежал к углу здания, краем глаза видя как по дороге пронёсся красный экономный жук. Чёрт.

Почти выбежав на большую дорогу я отключился. Из угла заброшенного здания выбежал рыжий, прям мне на встречу.

Секунду назад он не спеша вставал с земли и подбирал сопли. Как такое возможно? Кажется, с такой скоростью не бегает ни один олимпийский чернокожий бегун.

Мистически быстрый рыжий долбанул меня с такой силой в живот, что сделав последний вдох я плюхнулся на твёрдую землю, потеряв сознание.

«20 ноября 2017 года

Привет, дорогой дневник.

Я думаю ты знаешь, что сегодня за день. Ты должен помнить. Каждый год, приходя со своих «невероятно весёлых» вечеринок я открываю твои слипшиеся страницы, воняющие похуже чем пот недомытого задрота и записываю свои эмоции. Почему бы не купить нормальный скетчбук, по типу тех, что носят наши девчонки подмышками подмигивая парням и вставляя себе огрызки туалетной бумаги в лифаки? Хороший вопрос, но ты пока радуйся, что в тебе делает записи шестнадцатилетняя девчонка, а не старый обезумевший чернокнижник.

Вести блог было плохой идеей. Почему? Да потому что он никому нахрен не сдался. Может, это даже к лучшему, ведь увидев моё гневное письмо, в котором я пытаюсь втолдычить в бошку Никиты все прелести фрэндзоны, он бы разозлился на меня на всю жизнь. Он никогда не понимал суть этого простого слова из пяти букв: Д-Р-У-З-Ь-Я. Смысл же ясен? Ясен.

За день до моего треклятого СДСДР (скучного до смерти дня рождения), когда мы делали у него на кровати математику он попытался чмокнуть меня. Даже не чмокнуть, как бы объяснить, по жесткому «отчпокать». Как я поняла, что меня хочет лучший друг с трёх лет? ХЗ. Ты бы тоже понял.

Самое страшное, что он мне походу тоже начинает нравится. Я не могу это объяснить. Он похорошел, переродившись из маленького упырёнка в возмужавшего, чуть-чуть привлекательного упыря. Но это всё равно мерзко, думать о том что между нами что-то может быть. Это как представлять, будто целуешь в засос своего младшего братика. Сродни инцесту. Фе-е-е-е!

Итак, мой СДСДР. Тут всё без сюрпризов. Был заказан столик на десять мест в кафешке, пахнущей как бордель (серьёзно, там впрямь пахло влагалищем), оно убийственно скучное.

Понятное дело, пришла хренова тысяча людей имён которых я не знаю и знать не желаю. Им всем за тридцатник. Вот это вот настоящий провал.

Мамины подружки лезли мне в глаза как спам-реклама в гугле. Знаешь что подарили мне эти сучки? Книжку «Серьёзный разговор с девчонкой об ЭТОМ». Об ЭТОМ, КАРЛ!!!

«Во время первого попадания полового члена в вагину, девушка испытывает неприятные ощущения». ДА ЛАДНО БЛЯ! Это то же самое, что подарить футболку с надписью

«Я аутистка, помогите».

Был один папин друг. Дядя Рома в первые десять минут (как всегда) рассказал тупой анекдот про секс и чукчу, после чего все мамины сучки смотрели на него как на заражённого вирусом Эбола.

А теперь главная новость дня. *Барабанная дробь*. Без чего не обходится ни один СДСДР Адрианы? Свечи на торте? Хрен. Песня «happy birthday» хором? Хрен. Истерика и пинок матери, слетающей с катушек? БИНГО.

На этот раз схема потерпела изменения: ЛП укусила меня своими зубами, стоявших семье три месяца моей учёбы в колледже. Зубы целы. Кожа моей руки – нет.

Что ты предлагаешь? Снять слепок укуса и идти к копам? Уже пыталась. Не вариант.

Прийдя в своём любимом гнусном пиджаке, который она будто украла у лежавшего в Нью-Йорском метрополитене бомжа, моя любимая маман делала всё, чтобы понравиться своим сучкам. У неё всё получалось. Образ паиньки-умнички-Адрианы стоял на режиме «ON”, до тех пор, пока одна из сучек не услышала то, что ей стоило услышать.

Короче говоря, что паинька-Адриана сказала назойливой стерве – не важно.

Важно то, что после моей реплики ЛП повела меня в одну из кабинок пахнущего так же, как и кафе (немытой вагиной) туалета и вымолвила:

– Что ты себе позволяешь, идиотка конченная? Ты хоть

знаешь КТО она?

Она схватила меня за руку, вцепившись в кисть своим длиннючим и безвкусным маникюром. Маникюры у неё всегда ужасные были. Как и её факт существования в целом.

Я стала вырываться под звуки:

– Ты мне всю жизнь отравила одним своим рождением – и про себя петь «Happy birthday to you!» в голове танцуя джигу-дрыгу.

Ненависть, что прилила в её глаза надо было заснять на камеру и выставить в Лувре с табличкой: «Злая и ненавидящая всё тупая сука». Закончилось это всё тем, что она меня укусила. Со всей силы. Сначала за шею, быстро, как комар, а потом за руку, как кровопийца-вампир, только если бы он был безумной тупой сукой.

А теперь без шуток. Моя мать переходит все границы. Однажды, она просто может взять нож и долбануть туда же в шею. Она способна на убийство своей дочери. Клянусь, даже глазом не моргнёт.

Так что, дорогой дневник, не удивляйся, если мой труп где-то через годик будет найденым лежащим в своей же крови где-то в самой отбитой залупе этого места. Надеюсь, ты дашь показания полицейским, сказав что АДРИАНУ НА САМОМ ДЕЛЕ ЖЕСТОКО УБИЛА МАТЬ.

Хах, не пугайся. Я же шучу.

С днём рождения меня!

Спокойной ночи»

Глава 4 #КукольныеДомики

Я открыл глаза, глянув в потолок. На улице стояли просвещаемые несколькими фонарями сумерки.

Там, у уютных деревянных стульчиков и небольшого пахнущего гарью мангала пел с десяток неугомонных сверчков. Может быть именно они меня разбудили?

– Влад? – с надеждой бросила мама, обхватив нежной ладонью мою руку. Всё это время, что я лежал в отключке она была рядом. Она всегда была рядом.

Я посмотрел на неё. Доброе, милое лицо, искренние глаза, на которых виднеются мокрые капли, смотрят прямо на меня. Даже в темноте, над ней будто загорелся яркий светлый нимб. Мой ангел-хранитель. Сейчас она казалась мне лучшим человеком в мире. Хотя, это предложение лучше писать без «казалось».

Она продолжала сжимать мою руку, но болью это чувство назвать нельзя было. Я чувствовал тепло человека, любящего меня всем сердцем. Её сердцебиение, проносящееся по венам.

Я поднялся, сев на край кровати рядом с мамой.

– Что случилось? – протерев глаза спросил я.

– Ты не приходил с магазина почти сорок минут, не отвечал на телефонные звонки, я отправила отца пройтись посмотреть где ты. Он нашёл тебя лежащим у заброшенного

здания. Ты не хочешь рассказать что случилось?

– Я просто подрался с гопниками, мам.

– Подрался? – недоверчивым тоном переспросила она, ослабив хватку и разжав кулак.

– Ну ладно, меня побили.

– Надин мне рассказывала, что тут таких шатающихся без дела огрызков навалом. Она говорила тебя предупредить. Я пол часа слушала рассказ о том, какие опасные парни в «адидасах».

– Я вообще, кинулся ребёнка защищать – похвастался я, вспомнив свой героический подвиг. Подняв подбородок я дерзко кинул: «Эй, рыжий!», и вообще всё шло как по маслу, если бы… Если бы он не телепортировался за секунду выйдя из-за угла передо мной.

– Врёшь – улыбнувшись бросила моя мама.

– Нет, эти козлы скармливали ему огромных муравьев

– Муравьи не могут быть огромными – хихикнула она – На то они и муравьи.

Я встал с места, схватившись за живот. Казалось, будто в него засунули тяжелейший камень, заставляющий меня согнуться и схватится за пресс, на котором виднелся красный след от кулака рыжего «адидаса». Хотелось вырвать.

– Посмотри на себя в зеркало.

Подойдя к двери и обратив внимание на своё жалкое отражение, я сразу же обратил внимание на лоб. На нём чёрным маркером крупными печатными буквами было выведе-

но «ХЕРой дня». Именно через «Х».

– И почему же ты это не вытерла? – рассмеявшись спросил я.

– Я пыталась, но не получилось, попробуй смыть надпись в ванной с мылом и вазелином.

Я зашёл в свою личную ванную комнату, пронзительно скрипящая дверь от которой находилась слева от входа в спальную.

Мама осталась сидеть на моей кровати с жалостью смотря в след. Ненавижу, когда на меня смотрят с жалостью.

Выглянув в окно, которое перекрывали густые ветви росшей рядом сосны, я открутил кран, повисший над белоснежной широкой ванной, и открыл горячую воду.

Сняв с себя футболку и шорты, я медленно стал залезать в маленькую лужицу горячей воды, обжигающей мне пальцы. Они покраснели от резких ощущений, я присел, ожидая как вода полностью укроет тело.

Я был уставшим. Поникшим, быстро смотря на себя в зеркало и улыбаясь, делая вид что всё хорошо.

Ничего хорошего не было.

Девы – «Заядлые оптимисты, которые способны видеть хорошее даже там, где его нет». Лживый гороскоп в очередной раз нагло соврал.

Резкие перемены настроения. Их я чувствовал совершен-

но редко. Сегодня был тот самый случай, когда после болезненного удара рыжего гопника мне хотелось с головой уйти под воду и не вылазить. Я хотел спрятаться. Это место странное. В нём сквозила тайна.

Жуткие надписи прервавшие слайд шоу. Загадочное видео. Чёртов труп распятый на деревянном кресте. Гопник, бегавший со скоростью гепарда или имевший брата-близнеца, ожидающего за домом.

Это всё удручало. Со всех щелей тут сквозило неуловимое ощущение опасности, видимо, принесённое первым холодным осенним ветром.

Моё тело было полностью в горячей воде, наслаждаясь высокой температурой и не замечая, что вода начинает меня легонько обжигать. Я опустился в неё с головой, взяв в руку мыло, потом попытался стереть своё клеймо. Статус, читаемый буквально по лицу. «ХЕРой дня» – что же, весьма остроумно как для городских гопников-бродяг.

Я задержал дыхание, пытаясь остаться под водой подольше. Тут так убаюкивающе тихо. Словно в безвоздушном вакууме. Все мысли восстанавливались в единую кучу. Мне стало лучше, словно после короткой регенерации.

Такие смены настроения – весьма странное явление моей жизни. «Клик!» – и всё снова хорошо. Я сново примерный мальчик-подросток, улыбаясь шагающий по городу.

После душа я решил плюхнуться на кровать, уютно уло-

жив голову на воздушную подушку, а в руках над собой держа телефон.

– Чего не отвечаешь, упырёныш? – в Ватсап мне писал мой старый лучший друг Алексей, которого я забыл как самый последний гавнюк. Я фиговый друг.

– Хэй – ответа долго ждать не пришлось. Он подключился меньше чем за тридцать секунд.

– Хэй. Я заждался описаний богатой жизни твоего брата. Ты уже ел роллы с сисек китайской модели?

– Не-а, пока что мечтаю. А как продвигается батл за блондинку из старшего класса? – с улыбкой на лице я вспомнил как во время видеозвонка он мне рассказывал за свою новую любовь. У него она обновлялась стабильно раз в день.

– Что за блондинка? А, та у которой грудь меньше чем твой кулак?

– У меня ОГРОМНЫЙ кулак.

– Да, наверное больше чем у неё грудь. Ты видел новый прикол? Дух, который пишет всем угрозы в ВатсАп. Это очень крипово. Он мне написал что всё про меня знает.

– И что же?

– Что я сорокалетняя домохозяйка живущая вместе с коровами в ферме посреди поля. Безошибочно.

– Мне хватает криповости тут. Вчера во время концерта весь город увидел распятый труп.

– ТРУП?!?!?? Подробнее, это круче чем жрать роллы с азиатских сисек.

Я не хотел описывать вчерашний вечер. Каждый раз, вспоминая его я содрогаюсь, словно моё тело резко охватывает холодный ветер.

Я просто закрыл ВатсАп и вышел из переписки. Я хреновый друг.

Зайдя в Твитер в ленте оказался пост Каролины, которая в сети себя ознаменовала @karolinka_babydoll. Розово. Ванильно. Гламурно. Как и полагается.

В пост она вставила стих Есенина про одиночество и бестолковую любовь. Не думаю что она отважилась его прочитать до конца.

Пост уже набрал триста лайков и более пятидесяти комментариев плана: « Детка, почему ты загрустила?», «Красотки не плачут» или «Мне сегодня приснилось что ты меня зафоловила. Мечты…» – фу. Местная звезда, по влиянию в социальных сетях дающая тут фору Кайли Дженнер и Селене Гомез.

– Хэллоу, я жду подробности про труп.

Сверху бело-синего фона показалось быстро всплывшее уведомление.

– Были ли у него выпущены кишки?

– Он был реально распят как Иисус?

– Алло, господин МОРОЗ, включать свой мерзкий мороз будешь на богатого братца, как только вылижешь грудь азиатки от васаби.

Если бы Алексей был нормальным человеком, в каждом

его СМС была бы тонна гневных смайликов. Фиолетовые чертята, смотрящие прямо в душу. Но он никогда их не ставил. Его фишка: сухо и без красок.

Я открыл ленту @karolinka_babydoll в Инстаграмм. Селфи, селфи, полный рост, селфи, селфи, селфи с Максом, полный рост. Она обожала себя больше всего в жизни. И почему бы не обожать? Идеальная фигура, белые волосы и ноги, созданные как по заказу. Девочка-идеал. Обычно, такие имеют характер похуже чем у жены дьявола. Похуже, чем у всех вместе взятых бестий греческих мифологий. Такие как она чаще всего сучки по жизни: прямолинейные, высокомерные и неприступные, как Алькатрас.

Но она была другая, или хотела быть другой. Она пыталась угодить всем, начиная от идущих мимо прохожих и заканчивая своими друзьями. Маска ангела, каким-то образом затесавшегося среди компании чертят, никогда не снималась с неё.

Самая популярная девчонка в школе и в социальных сетях, даже самые нелепые и странные её посты были интересны всем окружающим и собирали кучу актива. «Ты видела что она вчера выставила?», «О да, я в полном восторге от её нового купальника», «Вы видели новый Твит Каролины? Он такой остроумный», «Говорят, после вчерашнего чек-ина прибыль ресторана «Киото Суши» возросла в два раза», «Мне кажется, на последних фотках чаще всего она использует фильтр С3. Это точно С3” – миллионы мнений,

обсуждений, догадок и прочей чепухи исходило от всех её фолловеров.

Настоящая звезда социальных сетей, за жизнью которой следила куча незнакомцев. Весьма жутко, если задуматься. Они комментировали её эпиляцию, высказывали свои пожеланию по поводу её личной жизни и следили за тем, какую канцелярию она выбирает к новому учебному году.

Раз в неделю она проводила «Подписчики управляют моей жизнью». Полная чушь, только вдумайтесь: идя на свидание со своим бойфрендом первым делом она постила стори, в котором предлагала зрителям выбрать цвет помады. Потом тон тонального крема. Затем платье. Встречаясь с ним она спрашивала, куда идти: в кино или в ресторан. Идя в кино, она спрашивала какой вкус попкорна выбрать. Какой фильм смотреть. И в конце концов, где проводить ночь: у Макса или у неё. Безумие. Всех этих людей она отваживалась пускать в жизнь, не боясь давать им управлять своими поступками.

На вопрос «Как я отношусь к Каролине?» я бы сказал, что пока не знаю. Она создавала впечатление бездумной блондинки, мысли которой летали в облаках. Она всегда была будто не тут. Где-то далеко, мечтая о том, какую шляпу одеть на следущий пост. Каждый миг своего бытия она снимала в стори, при каждом удобном моменте она делала селфи. Но не для запечатления прожитых эмоций. Всё это она делала чтобы другие в полной мере смогли оценить чертовски классную жизнь девчонки.

По внешности она напоминала Бритни Спирсо-Перис Хилтоно подобных девочек из 2006 года, будто вот-вот и она вскочит на парту начав петь «Hit me baby ONE MORE TIME”, труся белыми невинными косичками в разные стороны.

Она очень пыталась быть полной противоположностью своей подруги Алины: хотела выглядеть как милая наивная блондинка. Идеальная девчонка: красотка, любящая собак с прекрасным, добрым характером. Хлопая своими невинными зелёными глазками она всем прививала образ, называющийся: «Я не стерва, нет! Я просто модная блондинка с популярным инстаграмом». И, скорее всего, я не имею права её осуждать: возможно она и правда была хорошим человеком. Возможно.

Как вы уже могли догадаться, её семья была супер-обеспеченная. Её отец занимался перевозками угля в другие страны. Только благодаря консервативному мужчине, каждый день одевающему строгие дорогие костюмы, отдалённые северные острова Канады и Тирольские деревушки не замерзали, превращаясь в ледяные города-призраки.

Белая улыбка, педантичный и переодически мерзкий характер: в жизни этого мужчины всё должно было работать с точностью швейцарский часов. В отличии от остальных друзей-миллионеров, жену он выбрал не по размеру бюста, а сродни себе. Он не боялся начинать споры о экономике и политике с красивой интеллектуалкой. Голубоглазая, слегка

строгая и очень миловидная. Она совмещала в себе красоту и мозги с отношением пятьдесят на пятьдесят.

И именно у этой пары родилась она: Барби в человеческом теле.

Жили они в большом трехэтажном белоснежном доме, будто вымытым моющим с зубной щеткой, на заднем дворе которого находился огромный бассейн с лазурной водичкой, который знал каждый подписчик Каролины по многочисленным фото в купальнике у него.

Тихий вечер. Молодая луна, которая можно было рассмотреть в полной мере лёжа на просторной мягкой кровати, сверху которой нависал объёмный светлый балдахин: как бы ей хотелось снять его и спалить в огромном костре, уничтожив эту безвкусицу.

– Я чувствую себя, блин, как Скрудж Макдак! – заявила она на своё четырнадцатилетие.

В руках Каролина держала «Завтрак у Тиффани» Капоте в твёрдой обложке, с лёгкой улыбкой на лице перелистывая страницы. Классический фильм с Одри Хэпберн был её любимым. Персонаж Холли Голайтли, для неё был эталоном женственности.

Сквозь щель через слегка открытое окно проникал холодный ночной воздух, щекоча стройные ноги и переодически открывая деревянную дверцу шкафа, который, как и всё в её комнате, был едкого розового цвета. Как все кукольные домики. Этот оттенок стал её порядком раздражать. Почему

«стал»? Уже в девять лет он казался ей ужасно нелепым.

Она всегда здесь себя чувствовала будто милая идеальная куколка, за жизнью которой наблюдают десятки. Она словно была заключена в чём-то стройном теле, сделанном из пластика. Это была не она – та кукла Барби, живущая в раскладном идеальном домике.

Классический роман Капоте пролетал сквозь голову Каролины, которая была занята совершенно другим. Весь вечер она вообще не могла контролировать свои мысли. Даже за ужином с родителями она не смогла выдавить из себя даже привычную фразу: «Как прошел ваш день?», она сама не понимала в чём причина её задумчивости. В голову приходил отрывками вчерашний концерт. Что-то на нём её сильно зацепило. Может быть те видео вселяли ей нешуточный страх? Или вид трупа, по телу которого ручьём стекала кровь? Или тот загадочный лысый парень залез в её голову и никак не хотел выходить?

Его взгляд, улыбка до сих пор стояла перед её глазами. История жизни Холли хоть и нравилась Каролине, но сейчас она проходила мимо неё, из-за этих воспоминаний.

Чёрный костюм, подчёркивающий белизну бледной кожи. В её голове будто бы поселился фантом, всплывающий разными картинами перед глазами. То прозрачные, как хрусталь, глаза. То пухлые, как два пуфика лежащие один на другом, губы.

Её мысли прервал стук в окно. Посмотрев на него, она

вздрогнула, увидев знакомое лицо, сидевшее на карнизе рядом с высоким каштаном, прораставшим во дворе за окном розовой комнаты.

Загадочный хулиган Валентин, который после вчерашнего концерта так прочно застрял в её голове. В руках он держал пять красных роз, шипы на стеблях которых впивались в его ладонь. Но он и не подавал виду, улыбаясь будто сейчас лучший момент его жизни, как только она посмотрела в его сторону.

Он постучал ещё раз, продолжая сидеть на шатком карнизе.

Не спеша встав с кровати, Каролина подошла к окну. Что-то остановило её. Она встала в метре от него и задумалась, засмотревшись на лицо незнакомца.

Он постучал ещё раз.

По телу девушки побежали мурашки. Чего она медлила, встав словно каменная скульптура? Ведь это то, что ей так нужно было прямо сейчас. Он, незнакомец поселившийся в её голове бледным силуэтом. Он бы не давал ей нормально жить дальше, всплывая перед глазами в самые неподходящие моменты. Он нужен ей, хотя бы для того, чтобы навсегда выгнать его со своего разума.

Блондинка распахнула окно, впустив в комнату свежий ночной воздух. В его аромате перемешался запах стоящего рядом леса, ядовитого дыма угольных шахт и едкая хлорка, которая всегда делала глаза уродливо-красными после купа-

ния в бассейне.

Его синяя подсветка, напоминавшая оттенок аквамарина освещала сад внизу.

–Что ты тут забыл? Ты напугал меня! – раздражённо выпалила Каролина, заглянув в те самые глаза дивно мешающие в себе десятки оттенков разных эмоций. И как у него это получалось?

«Даже и не думай включать очарование» – про себя проговаривала она, стараясь уколоть нового жителя её головы больнее чем розы, что он держал в руке.

– Прости, я хотел поговорить с тобой…

– Если мой отец увидит тебя здесь, он задушит тебя голыми руками! – в ярости крикнула она.

– Каролина, вчера на концерте я забыл тебе сказать, что ты мне очень нравишься. Может быть ты меня пустишь внутрь?

Недолго думав она ответила:

– Ладно, залазь. Только не топчи подоконник!

Валентин приподнял свои испачканные белые кроссы над розовым подоконником Каролины, и спрыгнув, начал увлечённо рассматривать комнату. Сам того не заметив, он поглупому открыл рот удивляясь размаху одной спальни, которая по площади в три раза превосходила его тесную комнатёнку.

– У тебя роскошная комната. Я такие видел только в фильмах с Перис Хилтон. Каролина расхохоталась:

– Ты смотришь фильмы с Перис Хилтон?

Валентин засмущался:

– Нет! Нет! – хмыкнув обижено отрицал он – Я не это имел ввиду…

– Всё! Ничего мне не говори – Каролина продолжала смеяться – И как тебе «Блондинка в Шоколаде», ценитель гламурного девичьего кино?

– Да ладно тебе…

В комнате зависло молчание. Как бы он хотел, чтобы идеальная блондинка, стоящая перед ним, рассмеялась ещё раз. Этот заразительный искрений смех, который исходит откуда-то изнутри. Она не прикрывает рот ладонью, как это делают остальные девушки. Она не старается смеяться потише, дабы избежать чужих косых взглядов. Она смеётся как привыкла, просто наслаждаясь моментом. Это чертовски импонировало.

Они оба улыбались и смотрели друг другу в глаза.

В воздухе Валентин чувствовал запах Каролины. Кокосовый лосьон и сладковатые девичьи духи создавали вокруг неё личный, неповторимый аромат. Она уникальна.

Его глаза пробежали по огромной кровати, на подушке которой вверх обложкой лежал «Завтрак у Тиффани».

– И как тебе Капоте? – для поддержания разговора спросил он, продолжая смотреть в добрые уверенные глаза, не моргая смотрящие на него.

– Я обожаю эту книгу. Раз третий перечитываю. Холли для меня – идеал женской харизмы – «Удивительно – про

себя подумал Валентин – Как у самого идеала может быть свой идеал? Безумство. Зачем ставить перед собой кумира, когда ты сама кумир десятков людей?».

– Как ты умудрился залезть на такой высокий каштан?

– Это плёвое дело для меня, поверь – криво улыбнувшись, за своей спиной он пытался достать из-под ногтей тёмную кору дерева.

– Так… Ты хотел мне что-то сказать, судя по розам, которые вот-вот и продырявят твои пальцы.

Валентин опустил взгляд вниз, заметив как глубоко шип цветка проседает в кожу. С ней вся боль не чувствовалась. Она становилась неважной как только он слышал её смех. Звучит банально, но он и правда был как обезболивающее.

– Да, точно. Понимаешь, это было что-то типа любви с первого взгляда.

– Ты что, один из тех безумцев, что верят в любовь с первого взгляда?

– Судя по всему, один из них…

– Не хочу расстраивать вдохновлённого мелодрамами брутального романтика, но любви с первого взгляда не бывает – вдохновлённая улыбка Валентина начала сходить с лица.

– Ты наверное слышала много о моей отвратительной репутации. И это моя вечная дилемма по жизни. Когда я хочу с кем-нибудь завести разговор то в их глазах вижу только: «Эй, парень. Я за тебя слышала много нехорошего». Некоторые так вообще шугаются и начинают убегать. Один раз в

мои глаза пшикнули газовым баллончиком – он помнил те чувства как сейчас: глаза покраснели и начали жечь, будто вот-вот и вспыхнут огнём. Это была теннисистка из параллельного класса: запуганная высокая поклонница автозагара последовала рекомендации матери, нося с собой средства защиты чтоб обороняться от назойливых хулиганов.

Безумная теннисистка прослыла легендой по всем мужским туалетам школы, ссущие в которых не хотели получить порцию адски щипающего спрея себе в глаза.

– Это должно быть не сильно приятно… – сочувственным тоном заметила Кэр.

– Конечно это не приятно. От этого треклятого баллончика глаза как-будто горят. Ну я не об этом: в твоих глазах было кое-что другое. Я заметил тебя ещё до того как ты меня толкнула. В школе ты сидишь на самом видном месте в столовой, на тебя даже свет по-другому падает, и каждый день я смотрел на тебя пытаясь даже и не думать о том, чтобы подойти и завести разговор. Ну у меня не получилось, как видишь. Ты пришла сама, и я понял, что это что-то значит – в другой ситуации, Каролина закатила бы глаза и сквозь зубы процедила: «Это ничего не значит». Но не сейчас. Она делала глубокие вдохи, будто её нежданный гость всасывает в себя весь кислород – Твой запах, твоя манера идти и смех. Ты идеал девушки.

– Смелое заявление.

– Я просто не понимаю, как идеал может создавать себе

свой идеал.

– Не боги горшки обжигали – сказав это, Каролина поняла что её взгляд чересчур долго замирал на глазах гостя. Должно быть со стороны это выглядело странно. Но не для них. Они вцепились в друг друга своими глазами как железными цепями. Крепкая хватка не собиралась слабнуть.

– Просто дай мне шанс, прошу – Валентин очень нервничал, ведь это его первое в жизни признание в любви. Подобные слова раньше он никому и никогда не говорил. И думал что не скажет, до того как в его спину локтем случайно врезалась она.

Его руки вместе с розами лихорадочно тряслись, горло пересохло, а голос с каждым словом становился нелепее и нелепее. «Должно быть, я выгляжу как конченый параноик» – про себя заметил парень, опустив цветы бутонами в пол.

– Хах, залезть в окно и подарить розы – не самый оригинальный способ признаться в любви – Каролина, хоть и пыталась иронизировать, но ей, если честно, не хотелось ранить чувства этого парня, ведь он нравился ей взаимно. Очень странное притяжение, начавшееся с самого первого взгляда в хрустальные глаза. Необъяснимо, он просто застревал в голове как паразит, выедающий мозг изнутри и создающий в нём глубокие тоннели.

«Нет-нет-нет. Даже и не думай о том, что у вас что-то получится» – Каролина номер два, которая по сущности своей

была занудной брюнеткой, перебила её мысли.

«Но я просто не могу перестать о нём думать».

«Значит, думай дальше. Подруга, ты чё, забыла кто он?»

« «Ужасныйманьяксадистпсихопатжестокиймудак» которого ненавидит весь город больше чем кого-либо».

«И что мне с этого? Слухи всегда живут и их ничем не убьёшь».

«Ладно, я расставлю по полкам. Сейчас, перед тобой дрожа как маленький пугливый ёжик стоит человек, которого ты просто не знаешь. Первое – в слухах всегда есть доля правды».

«Он не может оказаться настолько ужасным».

«А кто тебе докажет, что это не он распял несчастного жирного еврея на кресте? Может быть, вздрочнув при этом».

«Фу Каролина, ты омерзительна!».

«Спасибо Каролина! Во вторых, если о ваших отношениях узнает город, то репутация твоей семьи упадёт со скоростью шаткого карточного домика. Ты этого хочешь?»

Вся её жизнь – забота о репутации. Её образ – продуманный коммерческий проект. Да-да, созданный специально для того, чтоб впоследствии принести компании родителей больше денег. Согласитесь, нести свои деньги людям, у которых дочка невероятно милая и добрая красотка гораздо приятнее, чем если бы она была покрытой угрями и заплывшей жиром от дешёвых бургеров грубиянкой.

Увидеть рядом с девочкой-идеалом антагониста для каж-

дого, живущего в этом захолустье – сродни автоматом записать имя «Каролина» в список врагов красной гелевой ручкой.

Ещё с самого детства она слышала советы от мамы и папы: они твердили ей что высокомерное, стервозное поведение как у её лучшей подруги Али – разрушает впечатление о семье. Высокомерная холодная стерва понизила акции своих родителей на пять процентов одним лишь своим поведением. А это где-то минус двадцать пар туфель Джимми Чу от огромной коллекции.

Горожане – основные клиенты.

«Когда Алина толкает кого-то – ты подними, когда она кого-то жжёт – ты потуши. Когда она кого-то унижает – ты похвали. Буть выше, дочь» – без умолку твердил ей отец.

Вот она, философия блондинки сошедшей с грёз каждого парня – поднимай, чтоб тебя впоследствии не толкнули, туши, чтоб тебя потом не подожгли, хвали, чтоб тебя не облили коровьим дерьмом – это же так просто, да?

Она уже представляет, как отреагируют родители на человека, имеющего самую ужасную репутацию в городе. Уголки маминых губ нервно задёргаются, а затем поджмутся. Заикаясь, папа вымолвит брызжа слюной в разные стороны «К-к-к-кто эт-т-то?»

Не то что её бойфренд, с которым она уже полгода. «Как дела у Максика?», «Как прошёл последний матч у Максика?», «Оу, последний бросок Максика в кольцо был ше-

деврален» – он нравился её родителям. А как может не нравиться настоящая звезда? Красивая, широкоплечая. Каждый местный готов был на руках его носить за то, что благодаря ему местный спорт не потонул в зловонной пучине бездарности.

Другой разговор – Каролина к нему ничего не испытывала. Глядя на него внутри п-у-с-т-о-т-а. Картонный мальчик, внутри которого летает ветер. Его лицо описывало Макса за секунды: все силы отдаёт спорту, добрый и любящий себя. Но это не тот, кого она хотела видеть рядом с собой.

Плоский мальчик.

Он не мог её также прицепить, словно огромный тёмный «гелик» везёт на прицепе аккуратный розовый кабриолет, как Валентин. Она не могла перестать видеть его перед собой. Как это назвать? То частями, то цельной картиной…

– Я понимаю, мы совершенно из разных миров, у меня абсолютно другая репутация.

– Но ведь запретная любовь всегда самая сладкая – дополнила Каролина, не поняв, зачем она сказала то, о чём думала, вслух. – Если честно, ты мне тоже понравился – после этой фразы Валентин на секунды потерялся. Что? Такой как он смог понравиться такой как она? – Но я ведь даже толком с тобой не общалась, я не знаю тебя… И вообще, что подумают люди, когда узнают что мы пара? Мои родители будут в шоке, они не разрешат мне даже подходить к тебе.

– Им не обязательно обо всем знать.

– Но правда все равно всегда всплывает наверх. Особенно в моём случае.

– Почему в этом городе всегда так парятся о том, что думают другие? Разве ты хочешь прожить свою жизнь не для себя, а для кого-то? Совершенно чужих людей, которых ты даже не видела и вряд ли увидишь?

– Это наш бизнес.

– Хочешь прожить с человеком к которому ничего не испытываешь? С гордым челкастым баскетболистом? Он пуст. Я же тебя насквозь вижу, это не для тебя – «будто с языка снял» – подумала Каролина.

– С чего ты это взял?

– Я фолловлю тебя в твиттере.

– Но… – Валентин не дал Каролине договорить, громко затараторив:

– Всего ОДНО СВИДАНИЕ! Пожалуйста!

Карлина молчала и смотрела в окно. Синяя подсветка освещала зелёные листья клёна, один из которых сорвался и полетел к окну комнаты.

– Умоляю!!!

– У меня есть парень. Я не могу с ним так поступить.

Каролина подошла к открытому окну и взяла листочек в руки.

– Бояться расстаться с человеком, чтоб не ранить его чувства – это глупо.

– Да что ты знаешь! – воскликнула Кэр, взмахнув лист-

ком – Тебе не узнать, что это такое: быть бизнес-проектом. Сущей глянцевой куклой, живущей в кукольном домике и встречающейся с таким же пластиковым Кеном, внутри которого – ничего.

– Ещё не поздно разрушить свой кукольный домик, Кена выкинуть на свалку и заполнить пластиковую пустоту внутри – Каролина смяла кленовый лист в руке – Сейчас как раз время.

Свидание с загадочным хулиганом… Что ж, интересный эксперимент. Звучит романтично.

Может и вправду, пустота внутри идеального тела Барби жаждет быть заполненной? Она не может спокойно носить её дальше. Она знает чего хочет, чтобы чувствовать себя счастливой. И тот, кого она хочет стоит прямо перед ней и надеется услышать «да!».

– Я согласна – сухо проронила она. «Может быть это ошибка?»

– Йес-с-с! – вскрикнул Валентин, подпрыгнув на месте.

Испугавшись, Каролина обхватила руками чёрный спортивный костюм и шепотом возмутилась:

– Заткнись! Ты хочешь чтобы сейчас в комнату с дробовиком вбежал мой отец и прострелил тебе лысину?

– Я по-другому представлял своё знакомство с родителями – Валентин, расплывшись в улыбке опустил глаза. Хрупкие руки вцепились в его костюм. Он чувствовал её тепло. Чувствовал дыхание, пахнущее сладковатой вишней. Запах

доносился изнутри. Может быть она сама как сладковатая вишня?

Резкая близость.

Каролина одёрнула руки будто от горячей сковороды.

– Куда ты хочешь пойти на наше первое свидание? – он не мог поверить, что с его уст соскочила эта фраза. Этот вечер стал похожим на чудо. Чертовски правдоподобно отыгранный спектакль.

– Ты джентельмен, тебе и выбирать.

– Что насчёт «Пауков Сумрака»? – это место служило закусочной для всей молодежи города, все свидания и встречи зачастую проводились там. Культовое заведение местного масштаба.

– Окей, подходит.

– Завтра, в восемь часов я за тобой зайду.

–Не смей за мной заходить! – крикнула Каролина, и поняла, что это было чересчур уж громко – Я прийду туда сама – она посмотрела за широкую спину, на открытое окно – А теперь срочно вылезай из комнаты, пока нас никто не увидел – шепнула она.

Валентин перевесился через карниз, стараясь не пачкать его грязными кедами. Обернувшись, он улыбнулся последний раз, после чего спрыгнул. Секунда – и загадочного гостя будто не было. Лишь его запах остался летать по комнате. Бюджетный одеколон «Old Spice». Да, это был он. У Кэр прекрасное обоняние.

Локтями уперевшись об подоконник Каролина перевесилась, посмотрев вниз. Господи, как же там высоко. Метров десять, не меньше. Спрыгнув с такой высоты можно легко переломать ноги как спички.

Но этого не произошло. Двор был пуст. Голубая подсветка осветила мрачные клумбы. Неожиданный гость испарился. За секунды. Как это возможно?

Она осталась в своей комнате совсем одна, поймав себя на том, что мысли о Валентине сами лезли в голову. Это больше походило на болезнь. На одержимость. Он продолжал стоять перед глазами, на том же месте, у подоконника, и любопытным взглядом окидывал её комнату.

Его неординарность так зацепила. Он не пуст. Не Кен для Барби из кукольного домика. Он настоящая личность, личность, прочитать которую по одному лишь лицу очень не просто.

Как можно прослыть хулиганом перед всем городом, и при этом оказаться достаточно интеллигентным человеком? Умные глаза. Спокойная речь как у ведущего. Как можно назвать этого парня бунтарём?

«Мальчишка загадка», «Любитель Перис Хилтон» – когда Каролина его вспоминала, она то и дело расплывалась в довольной улыбке, непроизвольно смеясь.

Каролина подошла к зеркалу, взглянув на довольное лицо. Она была счастлива. Её руки до сих пор помнили какой его

тёмный спортивный костюм на ощупь.

Может быть, мысль о том, чтобы сейчас же босиком выбежать на улицу и трусцой пробежаться к дому Макса не была такой безумной? Она бы нажала на кнопку, слушая громкий звонок и замерзая подпрыгивая с ноги на ногу как горная коза, а когда дверь бы отварилась, она ляпнула что-то вроде «Извини. Нам не по пути». Она уже видела это лицо. Лицо человека, что знакомо с трёх лет. Лицо человека, который любил её. Она знала, что он любил её. Он всегда любил её, ещё с трёх лет.

Каролина закрыла окно, и холодный сквозняк прекратил кучами заваливать в комнату.

У подоконника остался тёмный слегка заметный след. Его белые грязные кеды. Он всегда их носил. Он был собой. Не мальчик-картонка. Не мальчик-пустышка.

Он имел свой стиль, не боясь показаться окружающим безумцем. Он жил, как хотелось ему. Этого так не хватало Каролине.

«Тук-тук» – Кэр услышала стук в розовую дверь её комнаты. Быстро плюхнувшись на кровать, она взяла книгу в руки и скрестила ноги.

– Войдите – мило крикнула она.

– Каролина, я пришла пожелать тебе спокойной ночи – приоткрыв дверь, мама заглянула в комнату Барби. Она всегда заходила к ней перед сном. Привычка детства. Заботливая мать из всех сил пыталась давать любовь за двоих, ведь

отец никогда не желал спокойной ночи дочери. Чаще всего его просто не было дома. Он очень занятой человек, всё своё время отдающий бизнесу. И если уж у него находилось время для дочери, у неё начинался настоящий праздник. Она любила своего отца, по-настоящему – Как прошёл твой денёк? – поинтересовалась мама, подходя ближе к кровати.

– Прекрасно. Мы с Алиной сегодня заказали маникюрщицу к ней домой после уроков – похвасталась Кэр, протягивая ладонь показывая новый фиолетовый маникюр – Говорят, этот цвет сейчас в тренде. А твой день как?

– Отлично, как всегда в делах и заботах – мама засмотрелась в глаза дочери и заметила – Тебя что-то тревожит, я это вижу.

– Ты права… – задумалась Каролина – Давай чисто гипотетически: мне понравился один парень, который не понравится окружающим.

Мама взяла её за руку.

– Ты же знаешь, что в нашей семье главное – чтобы он понравился окружающим. Ты это понимаешь?

– Понимаю… Но… – она не успела окончить предложение.

– Вот и славненько. Сладких снов, дочь – Мама поцеловала её в лоб и пошла к двери. Вдруг, её взгляд словил почти незаметный тёмный след от мужского кроссовка.

Кто-то был в комнате её дочери. Каролина что-то скрывает.

Взгляд застыл на тёмном следе. Мать взглянула на дочь, увлечённо читавшую книгу, затем на след, потом опять на дочь – и вышла, хлопнув дверью.

Каролина, сразу же после хлопка, отбросила книгу в сторону. «Завтрак у Тиффани» не мог нормально восприниматься во время настоящего водоворота мыслей.

Она зарылась в приятное мягкое одеяло и не переставала думать о Валентине. Улыбка. Хрустальные глаза. Спортивный костюм. Улыбка. Хрустальные глаза. Спортивный костюм. УЛЫБКА. СПОРТИВНЫЙ КОСТЮМ. ХРУСТАЛЬНЫЕ ГЛАЗА. Опять его части виднеются в темноте под тёплым одеялом. Чёртова одержимость.

Каролина отбросила белоснежное одеяло на пол и опять подошла к зеркалу, взглянув на своё отражение.

Решено, с этого момента ей наплевать что скажут люди. Она будет жить как захочет, любить кого захочет, и не парится о том, что скажут ее подписчики когда увидят, что она ходит на свидания с гопником.

– Этот вечер – навсегда изменит мою жизнь – улыбаясь сказала своему же отражению Каролина – Сегодня пластиковая кукла умерла. Вместо неё выходит настоящая Кэр.

– Теряешь форму, Макс. */ко-ко-ко-ко/* Бегаешь со скоростью черепахи. */ко-ко-ко-ко/* – возвращаясь домой Макс пинал лежащие на дороге мелкие камни, кривляя своего тренера – Лучше расскажи всем про свой простатит, жалкий

старпёр.

Несколько фонарных столбов разместились вдоль улицы и освещали дорогу.

Он один, по другому и не может быть в этом городе. Тишина, которую прерывать решались лишь распинающиеся сверчки сидящие в кустах.

День выдался паршивым. Почти паршивым. 50/50. Подкачка в зале хоть как-то вытянула его из глубокой бездны заполненной рутиной. Одев наушники и включив старый альбом Канье Веста Макс полностью отдался работе. Плохие мысли сами собой улетели через мелкое окно, запускавшее в комнату хоть какой-то свежий воздух.

Его девушка явно морозится. Его любимая ослепительная Кэр даже и глазом в его сторону не ведёт. Что могло случится? Что он опять сделал не так?

Тренировка прошла ужасно. Хуже и быть не может. Старый недовольный жизнью импотент орал будто его разрезают на две части (наверное, в такие времена эта метафора неуместна).

Матч, который прошёл в самый последний день лета был благополучно слит. И ладно бы, если Макс слил его и забыл. Но нет. Каждый бросок, прыжок и шаг проматывался в его голове. Словно с перемоткой, как на старых видеоплеерах. Туда-сюда. Бросок, претендующий на трехочковый – мимо. Туда-сюда. Пас Андрею. Мяч перехватил противник, ловкий и робкий парень смахивающий на монгола. Что этот робкий

карлик вообще забыл в баскетболе?

Ему нравилось идти одному по улице и впадать всё глубже в свои размышления. Может быть, сейчас ему это и было нужно.

На встречу, гордо идя перед мужем, вышла мама Адрианы. Строгая неприветливая женщина стандартно для себя одета в невзрачный жакет, на который налипли все известные человечеству виды мусора.

За ней, как гномик-прислуга, коротенькими ножками перебирал муж. Тот ещё хлюпик. Спина жены превышала по ширине его спину в три раза – что тут ещё добавлять.

Быстро поздоровавшись, парочка пошла дальше.

«От этой дамы даже на расстоянии сквозит холодом» – подумал про себя Макс, представив насколько ей сейчас должно быть тяжело. Увидеть столько откровений о своей дочери – не просто.

Пустая дорога, всё той же блеклой чередой серых домов, уходила в совершенно другую сторону, и на её прежнем месте начинался ОН: огромный тёмный парк-гигант, именуемый как «Дубовый». Похождение этого названия весьма простое: тут этих дубов задницей жри.

Идти через парк, когда вчера произошло страшное убийство: странная идея. Но Максу всё равно.

На часах девять часов вечера. В «Дубовом» ни души. Фонари прекратились, и парк превратился в сплошную тьму и

дикие заросли.

Густую траву лёгкой седой пеленой покрыл ночной смог, создавая из местного парка типичную декорацию для съёмок мелодрамы о вампирах.

Легко представить, как из-за далёкого дуба выбежит конь, на котором угрожающе будет сидеть Всадник без головы. Парк и правда был похож на Сонную Лощину.

Узкая тропа вела Макса в неизвестную тьму. Тут даже качку-спортсмену станет не по себе. Тишина. Тьма. Сверчки. Лишь звук поющих хором сверчков.

«К-а-а-р!» – закричала ворона сидевшая на высокой ветке, замахав крыльями. Макс вздрогнул. У смелого гордого брутала, по сложившемуся мнению общества, не было страхов. Он должен был всё держать в себе, делая вид что ему посрать на заморочки простых ссыкунов. Но это очень далеко от правды.

Он был арахнофоб, боясь ползающих мохнатых тварей каждой частичкой души. Его бросало в зуд, когда он их видел. Всё тело чесалось. Ну как, видел. Смотрел на картинки в гугле.

О фобии не догадывался никто, кроме ушедшего в отставку старого психолога и его друзей, которые не должны были (по идее) выдать остальным главную тайну Макса.

Пройдя мимо ветки с вороной перед его глазами всплыл силуэт паука, свисающего на тонкой паутине с толстой ветви дуба. Конечно же, он его выдумал.

– Ненавижу этих тварей – сжав кулаки Макс ускорил шаг, заходя в чащу всё глубже и глубже. Как бы не потеряться в парке, через который он ходил домой каждый день. Сейчас, это представлялось вполне возможным.

В ночной темноте послышался плач. Самый настоящий плач, доносившийся откуда-то из кустов. Тихие рыдания.

Он остановился, вслушиваясь в звуки.

– Прости, прости, прости – молил голос старой женщины, периодически перебиваемый всхлипыванием.

Отодвинув нависшую перед лицом ветвь, Макс увидел перед собой странную картину:

Старуха МаМа, сидевшая на пеньке ужасно ссутулившись хваталась за глаза, пытаясь вытереть с лица падающие слёзы. Очертания её старой морщинистой физиономии освещала луна, нависшая над поляной.

– Ты должен понять меня, милый.

– Не называй меня так – грубо огрызнулся старик, чей силуэт резко показался среди колючих кустарников. Дед был тощим настолько, будто болен анорексией. Сложив тонкие как деревянные ветки руки за спиной в замочек, он холодным взглядом осматривал рыдающую старуху. Ответив ей, он слегка оскалился как готовившийся к нападению хищник, обнажив чёрные и гнилые до безобразия зубы – Ты не знаешь какого это, вечно сидеть в этом клятом парке. Это худшее наказание, когда ты навечно заключён в месте, из которого не можешь выйти. Но я могу прервать это, ты же знаешь?

Просто убив тебя прямо здесь. Прямо сейчас.

Макс напрягся, почувствовав как по телу волной прокатилась дрожь.

– Чего же ты ждёшь?

– Я – лучше чем ты – старик сделал резкий шаг навстречу МаМа. Теперь он подошёл настолько близко к Максу, что тот мог без затруднений рассмотреть многочисленные глубокие морщины на лице незнакомца. Они образовывали ужасные складки, свисающие вниз. Казалось, мужчина был намного старше сидевшей рядом МаМа. Одет старик был в неопрятные порванные в разных местах грязные лохмотья, смахивая на бездомного. О-о-очень старого бездомного.

– Я должна была это сделать. Должна… – МаМа продолжала прикрывать своё лицо ладонями и всхлипывать.

– А наши дети, то, как они мучались прямо у меня на глазах. Как бы я мог подумать, что моя жена способна на такое?

Вдруг, плавно на лице старика показались синие вены, паутиной медленно охватившие всё лицо. Медленно, проступив на глазах они пошли по щекам оккупируя всё тело. Лицо незнакомца изменилось. Жилы стягивали его, будто высасывая оставшиеся соки из старой, и без того высохшей кожи.

– Я гнию из-за тебя заживо – он поднёс дрожащую ладонь к веку, нащупав торчащий сосуд. Казалось, его глаза медленно заливаются тёмной краской. Они теряют последние человеческие качества. Безумные, тёмные, жестокие и холодные. За несколько секунд старик трансформировался в другого

человека.

– Я надеюсь ты будешь гореть в аду так же мучительно, как и я – прокричал дед, медленно отходя назад. За секунды, мистический силуэт войдя в тьму бесследно исчез. Скрылся во мраке, оставив женщину одну.

МаМа зарыдала ещё громче, не сдерживая эмоций. Продолжая сидеть на пеньке, она всхлипывала смотря на луну.

– Блядство – шепнул Макс, вспоминая жуткую физиономию старика. Отойдя от кустарников, он бросился прочь из парка, порой спотыкаясь об мелкие кочки.

Как только сквозь зелёные ветки показались яркие фонарные столбы местного богатого района, Макс достал смартфон и набрал Андрея. Ему не терпелось рассказать лучшему другу о загадочном происшествии в парке. Голова закипала от одного лишь того разговора. Виски пульсировали в такт сердцебиению. Тело окутывал холод. Послышались гудки.

– Алло – проронил Андрей – Говори быстро, ведь с минуты на минуту у нас начнётся ужин. Китаянка приготовила утку по-пекински. Я так ржал, когда узнал что китаянка приготовила именно утку по-пекински. А её надо есть в первые пять минут. Если опоздаю – то мне крышка. Так что давай быстрее.

Заикаясь, периодически непонятным голосом проглатывающим гласные Макс быстро рассказал сокращённый вариант странной истории.

– Сумасшедшая старуха устроила себе встречу со своим таким же сумасшедшим как и она дружком в парке, что тебя удивляет? – выслушав, скептично спросил Андрей.

– Их разговор. Что-то про убийство, про вечность в парке – он был капец какой странный, а потом, он исчез на ровном месте, будто Гудини. За секунды. Андрей, никто из нормальных людей не сможет так сделать.

– То есть ты хочешь сказать что увидел в парке призрака?

– Возможно.

– Мне кажется, ты опять обдолбался.

– Но…

– Утка уже, должно быть, остыла. Мой тебе совет: для подобных бредовых историй начинай писать фанфики.

Андрей отбился.

Положив телефон в карман, Макс обернулся в последний раз посмотрев на тёмный парк, по которому бродил жуткий, покрытый сеткой из синих вен старик.

Поджав руки перед собой, Макс спортивным бегом направился к своему дому. Пусть остальные думают, что он на вечерней пробежке, а вовсе не увидел жуткий силуэт старика в ночном парке.

Школа продолжала быть тёмным тихим сонным царством. Даже несмотря на короткую проповедь Алины, все продолжали горевать по ушедшему из жизни Давиду.

Школа больше не казалась мне диким калейдоскопом кра-

сок и громких звуков, каким показалась в первый день. Во всём ощущалось потрясение, будто от пятибалльного землетрясения.

Склонив головы и уставившись в пол, подростки словно боялись поднимать глаза, видя перед ними окровавленный труп. Они избегали зрительного контакта, возможно, стыдясь за те многочисленные унижения, что довелось потерпеть погибшему.

Коридоры выглядели как бесконечно длинная тягучая тёмная нуга, по которой штынялась куча зомби, неторопливо расхаживающих переваливаясь с ноги на ногу.

– Чувак, у нас на информатике даже порнушку без проблем можно смотреть – ко мне обратился прыщавый сосед в тяжёлых очках в тёмной оправе. От него несло жирным чизбургером замоченном в зловонном поту. Мерзкий аромат.

Как не странно, такой сосед всё равно лучше чем видение мёртвого парня.

– Эммм, спасибо – подумав выдал я, уставившись на выпирающий красный гнойник, который так и лез в глаза – Спасибо за совет.

Уткнувшись в зависающие компьютеры каждый пытался справиться с болью утраты по-своему. Кто-то смотрел глупые летсплеи на ютубе, громко давав комментарии чужой игре. Кто-то просто тупо уставился в ленту фэйсбука. Кто-то слушал музыку. Кто-то лазил по интернет магазинам. Всё это

превратилось в жуткую какофонию, не прерывавшуюся на протяжении часа.

Грустные подростки-зомби полностью погрузились в сеть. Сейчас, это нужно было каждому: погрузится в другой мир, уйти подальше от жестокого городка. Почти каждому.

Скрестившая ноги и вальяжно развалившаяся на стуле Алина шепнула Каролине, рассматривающей сайт «Valentino»:

– Шёл второй день после кончины жирдяя. Безвольная стая так и не сняла маски.

Кэр хихикнула, щекой оперевшись об ладонь и опять погрузившись в свои мысли:

– Ты какая-то странная сегодня. На себя не похожа – заметила Алина, придвинувшись ближе к лицу подруги.

– Всё хорошо – улыбнулась она, опять отвернулась и носом уткнулась в монитор.

На перемене, я стоял в кабинке туалета и направлял свою струю в лужу на самом дне грязного исписанного торчка. «Люблю тебя, Кэр», «Люблю тебя, Эмили» и ещё туча однообразных признаний написанных в самых не подходящих местах. Покажите мне того, кто считает что таким образом признаваться в любви очень оригинально, и я смело плюну ему в лицо.

– Отпусти меня! Отпусти меня немедленно! – снаружи послышался знакомый неуверенный дрожащий голос. Непри-

ятный гундосый тембр. Никита. Он был напуган и взволнован.

Задыхаясь и запинаясь, он тараторил без остановок чтоб обидчики немедленно его отпустили.

Закончив дело, которое нельзя по своему желанию за секунду закончить, так уж устроен организм, я приоткрыл дверцу и заглянул в узкую щель.

Сквозь неё видно два знакомых мне лица: рыжий «Адидас» и его невзрачный тощий напарник. Именно из-за них на моём животе до сих пор красуется красный фингал. Именно из-за них меня второй день подряд тошнит. Именно они стали проблемой всего города, страхом маленьких любителей булочек с корицей и престарелых кошатниц.

Рыжий, услышав испуганный голос Никиты показательно громко рассмеялся. Тот самый смех, которому позавидовал бы Джокер и все психопаты земного шара. Тот смех, который мог запомниться надолго приснившись посреди ночи.

Он держал свою жертву за воротник тёмного пиджака, крепко прижимая к грязному туалетному зеркалу. Пиджак задрался, и из-под него вывалилась красная клетчатая подкладка.

– Я ещё раз повторяю, отпусти меня – дрожащим тоном пригрозил Никита, смотря на обидчика сверху вниз.

– А ни то что, расскажешь своим друзьям мажорам? – воскликнул рыжий, ударив Никиту об зеркало.

И так, очередной противоречивый момент.

Как же действовать?

1. Я мог бы выбрать путь героя, забыв застегнуть ширинку, выбежать из кабинки и воскликнуть «Отпустите его!», нарвавшись на очередной удар в самый пах.

2. Я могу поступить умнее, собрав компромат на нелюбимую всеми банду. Такой компромат, что отец-шериф не сможет помочь ни при каких обстоятельствах. Ютуб, фэйсбук и твиттер мне в помощь. Я уже представляю эту картину: вечернее ток-шоу на федеральном канале, строгий ведущий громко заявляет: «Взорвавшие интернет нелюди пришли в нашу студию, чтобы ответить на терзающий всю страну вопрос: «Что же творится в ихних глупых бездарных черепных коробках?». Рыжий и его дружок выйдут стыдливо смотря в пол, в то время как в них полетят огрызки и гнилые помидоры со стороны зрителей. «Хотим выразить благодарность за провокационный видеоряд героическому подростку Владу» – объявит ведущий, после чего выйду я в белоснежном строгом костюме от кутюр, улыбаясь и подмигивая восторженной публике, держащей плакаты: «Мы любим тебя, Влад!».

Да, скорее, вариант номер два больше мне по душе.

Достав телефон, я присел так, чтобы камера выглядывала из-под исписанной двери. Так будет виднее, чем если я просуну телефон в узкую щель.

– Я последний раз повторяю: гони бабло сопляк – строго оборвал рыжий, после чего взглянул на своего ассистента

многозначительно кивнув. Мерзкий бледный тип с мешками под глазами, по виду своему напоминающими мошонку, и недомытым сальным ёжиком на голове протянул командиру складной швейцарский нож.

Я вздрогнул, продолжая вести запись.

Словно уличный фокусник, проворачивающий иллюзии с монетами, рыжий работая на публику ловко прокрутил нож в руках, одним движением разложив его.

Тонкий и отбивающий в себе свет лампы туалета. Его медленно поднесли к бледной щеке напуганного Никиты.

Правый глаз парня дёргался в разные стороны, будто стараясь не смотреть на острый предмет. По его лицу скатывались мелкие капельки пота, одна за другой, соскальзывая на тёмный пиджак и оставляя мокрые следы.

– Может подумаешь ещё раз, что тебе дороже: внешность или жалкая бумага? – мерзкие слюни летели со рта хулигана прямо на лицо ЖУДы.

– Я сегодня забыл кошелёк, клянусь! – испуганным тоном отвечал он, стараясь увернуться от слюней.

– Если ты так забывчив, нам прийдется изуродовать твоё лицо, которое и так особой красотой не блещет – хихикнув сказал рыжий, быстро осмотрев гладкую острую поверхность ножа, после чего стал подносить его всё ближе и ближе к щеке жертвы.

Пугающая улыбка, которая в отличии от всего человечества, ни капли не украшала подонка, а выглядела как мерз-

кий уродливый шрам во всё лицо. Безумные глаза, ходящие из стороны в сторону. Его ноздри расширились, будто стараясь поглотить весь воздух в зловонном общественном туалете. Он наслаждался тем, как изгибается бедолага в его крепких руках. Ему нравилось наблюдать за падающими каплями. Он получал удовольствие от застывшего на лице испуганного выражения.

«Моли меня о пощаде. Это ничего не даст, но ты моли. Просто моли» – про себя повторял рыжий, всё больше расплываясь в улыбке.

Нож коснулся щеки, всё глубже и глубже впиваясь в неё. Из-под твёрдого железа проступила капля крови, окрасившая в багровый бледную кожу цвета лунного света.

Самое странное в этом моменте – лицо Никиты. Он крепко зажмурил глаза, бесстрастно смерившись с участью. Его лицо приобрело спокойное выражение, будто бы он знал, что произойдёт через пару секунд.

Зеркало, за его спиной хрустнуло: показалась глубокая трещина.

Вздрогнув, рыжий опустил нож дав крови спокойно стечь вниз.

Я наблюдал за этим всем через экран камеры. Дальнейшие события показались мне каким-то несуразным фильмом про начинающего супергероя: будто это и вовсе не со мной.

Зеркало продолжало медленно покрывается трещинами, издавая приглушённые звуки.

«Хрусть!» «Хрусть!» «Хрусть!»

Гандон номер один отпустил жертву, выпустив воротник из рук, застыв смотря на зеркало.

Гандон номер два также отходил назад, одним своим грязным кедом чуть прикрыв мне обзор.

Ещё секунды: и зеркало разбилось. Никита продолжал стоять с закрытыми глазами, в то время как осколки летели в разные стороны, усыпая хулиганов.

Один из них оставил шрам на лице гандона номер два. Сутулившись, рукой он перекрыл кровоточащий порез.

Пять висевших над зеркалом лампочек беспокойно замигали в одном ритме, будто пытаясь объяснить всем стоявшим и лежавшим тут что-то на азбуке Морзе. Выглядело это очень странно, ведь в школе не было проблем с проводкой и электричеством. Новый ремонт их не допускал.

Сидя на корточках спиной к зловонному грязному унитазу мне стало жутко дискомфортно. Сначала, у меня закружилась голова от осознания того, сколько пацанских задниц сидело на этом толчке, справляя нужду. В мой нос донёсся ужасный аромат, от которого глаза начинали сами собой слезиться. Затем, после первой трещины на зеркале я почувствовал странный холод и страх, будто случайным образом меня занесло в вихрь повествования романа Стивена Кинга. Я начал осматриваться по сторонам, надеясь что в других кабинках кто-то сидел. Никого. Мы были одни.

Тут творилась какая-то чертовщина.

Лампочки стали лопаться, одна за одной, разлетаясь на мелкие стекляшки падающие на кафель со звонким грохотом. Первая, вторая, третья… Они разбивались в одном ритме.

– Что за херня? – напугано крикнул гандон номер два, трусливо отходя назад и продолжая прикрывать порез ладонью. Ещё немного, и он уткнулся бы своим кедом прямо в мой телефон, увидя парня который ещё вчера нахально защищал (по крайней мере пытался) пухлого беззащитного парнишку. Этого не произошло. Он (будто вот-вот и из его уст вырвется стыдливое ко-ко-ко) кинулся к зелёной двери, со всей силы потянув за ручку. Она продолжала быть закрытой. Он тянул ещё раз, ещё раз и ещё. Взглянув на своего друга, он крикнул:

– Закрыто! Тут закрыто! – гандон номер один тем временем стоял прямо по центру, улыбаясь рассматривая осколки. Пугающая улыбка-шрам так и не сошла с лица, продолжая искажать физиономию. Она становилась всё шире и шире, глаза будто полыхали разными огнями. Казалось, хулиган в самом настоящем восторге.

Сейчас он, уж точно, выглядел как психопат.

Из его уст вырвалась фраза, которая не дошла до меня из-за невнятного крика парня с ёжиком:

– Заперто! Заперто! Заперто!

«Я знал» – должно быть это именно та фраза. Так я её прочитал.

Из уст его вырвались бы ещё какие-то слова, если б он не воспарил над холодным кафелем. Буквально: на считанные секунды его грязные кеды оторвались от пола, после чего он полетел к стене, противоположной от двери, и ударился об твёрдую плитку.

Звук болезненного удара разлетелся по всей комнате.

Совершенно невероятное зрелище: такое я видел только в некоторых сериях «Сверхъестественного», представлял в своей голове читая «Керри» того же Кинга; но резко взлетевший в воздух хулиган не мог всплыть даже в моих снах.

Мои глаза будто начинали врать. Точнее, монитор телефона через который я всё это наблюдал.

Дыхание остановилось. Я забывал дышать. Руки тряслись так сильно, что смартфон мог выпасть и разбиться об кафель в любой момент.

Парень, стоявший у двери стал дёргать ручку ещё испуганнее, в очередной раз убеждаясь что он тут застрял.

Ручка щёлкала пронзительно скрипя.

Вдруг, парень остановился. Его руки опустились, почти касаясь бёдер, а взгляд мертво застыл перед собой.

Он взлетел в воздух, медленнее чем рыжий, кашляя и мотыляя ногами в разные стороны, словно пытаясь освободиться от чьей-то мёртвой хватки.

На его короткой неказистой шее показались два красных синяка, прямо точь-в-точь, если бы её зажимали чьи-то руки.

– Кхе-кхе – из уст парня вырвался тихий кашель. Он пы-

тался хватать воздух, напряжённо вдыхая.

Секунда – и его тело быстро полетело к лежавшему рыжему, с грохотом ударившись об стену.

Улыбка-шрам не сходила с лица гандона номер один. Он с интересом стрелял безумными глазами то на повисшего в воздухе друга, то на Никиту, который медленно проскользнув спиной вниз по кафелю сел на холодный пол. Его глаза продолжали быть спокойно закрытыми.

Мои дрожащие руки не забывали о том, что в них находится камера – ценнейшая улика. Я наводил её то на напуганных гопников-жертв, то на спокойного, словно резко заснувшего, Никиту.

«Адидасы» поджали ноги, прикрытые тёмными штанами в белых полосках, с ужасом наблюдая за бледной ЖУДой. Ну как, ужас был написан только на лице одного из них. Другой же выглядел так, будто случайно встретился со старым любимым другом.

Моё дыхание так и не остановилось. Брезгливость, которая минуту назад кричала во мне, видя грязные омерзительные наросты на белом полу, ушла куда-то далеко: в пятки или бёдра. Я опустил одну дрожащую руку на пол, забывая повторять себе «Представь, сколько капель мочи падало на этот грязный кафель? Литры. Миллионы капель мочи косых засранцев». Я весь был там – за дверью, продолжая снимать всё происходящее.

Никита распахнул глаза. Взгляд продолжал быть всё та-

ким же отстранённым и спокойным. Он даже и глазом не повёл на сидевших сбоку хулиганов, которые не так давно готовы были изувечить ему лицо.

Он поднялся, уверенно направившись к выходу. К моему удивлению и удивлению парня с ёжиком, дверь оказалась открытой.

После хлопка послышался полный страха голос, который сменил собой уверенный баритон дерзкого ковбоя:

– Что за ТВОЮ МАТЬ?!?! – бледный парень, по щеке которого стекала кровь схватился за шею, ладонями проводя по красным следам – Что это было?

Рыжий продолжал улыбаться, не отводя взгляда от разбитого зеркала:

– Чё ты лыбишься?!?! – голос гандона номер два напоминал фальшивящую скрипку, по которой неаккуратно возят смычком туда-сюда. Он напрасно ожидал ответа от своего друга: его не последовало. Вместо этого рыжий поднялся на ноги, и ступая по острому стеклу хлопнул дверью, оставив растерянного хулигана одного.

Прозвенел громкий звонок, оглушив меня и сидевшего за дверью «адидаса». Услышав его, он вытер алую кровь со щеки и мигом вымелся из туалета.

Нажав на красную кнопку я приостановил запись. Неужели в моей галерее сейчас находится настоящее доказательство существования телекинеза? Это может взорвать мир. Это может сделать из меня звезду. И это может разрушить

бледного парня-сироту, чья жизнь и так не напоминает кленовый сироп.

Сунув телефон в карман, я распахнул дверь. Она громыхая ударилась о соседнюю кабинку. По исписанному туалету всюду были разбросаны мелкие осколки.

Я наступил на них, осматривая место, где случилось невероятное событие. В моих глазах темнело, как-будто свет в кинотеатре медленно угасал. Окружающее меня помещение просматривалось словно сквозь прозрачный мрак.

Осколки хрустели под моим голубым кедом. Взгляд упал на то самое зеркало, от которого осталась одна лишь белая ржавая рама.

Должен ли мир увидеть это видео, содержание которого больше напоминало фильм «Керри»? Только вот вместо Керри в главных ролях местная ЖУДа, никогда не бросающаяся в глаза окружающих.

Неприметный соседский мальчик – что же он может скрывать?

«Ради тебя я готов спрятать за спиной самые тёмные тайны» – гласила смазливая бестолковая надпись на белой плитке над раковиной.

После урока английского языка, вычитываемого нашей милой классной руководительницей блондинкой, я бесцельно скитался по коридорам, всматриваясь в одну точку перед собой и пропуская мимо взгляда текущую, как медленная

речка, толпу.

– Влад!

– Это же Влад!

– Брат Андрея, я слышала за него.

– Саша рассказывала что он сидит с ней на экологии.

– Я подписалась на него в Инстаграмм. Пока что не пожалела.

Тысячи шепотков крутились вокруг меня. Так странно: тот, кому они принадлежали пытался сделать так, чтобы их никто не услышал. Но этого не выходило. Один вопрос – зачем?

Как бы там ни было, все последние и горячие как пирожки сплетни пролетали мимо меня. Я вообще, чувствовал себя будто иду не по этому коридору. Я не тут, а в том туалете, по которому летали тяжелые тела гопников.

Моргая, каждый раз я видел спокойное лицо Никиты. Открывая глаза я видел красные синяки, оставшиеся на шее парня с ёжиком. Словно помимо нас всех в комнате находился пятый человек. Высокий великан-силач из фэнтези-фильмов.

Скрестив руки я сдавливал учебники у себя на груди. Учебник английского в мягкой обложке, тетрадь, толстый словарь и пенал. Они прижимались всё сильнее к моему телу. Но мне было всё равно, я его не контролировал. Я даже прошёл мимо своего шкафчика, продолжая бесцельно скитаться по коридору.

Неужели я видел нечто паранормальное? Нечто, что просто не может существовать по законам физики, биологии и прочих наук, правилами коих можно объяснить ВСЁ вокруг. Но как можно объяснить ЭТО?

Обычно, больше всего человек доверяет своим чувствам: осязанию, обонянию и зрению. Если хотя бы одно из них подводит – человек может сомневаться. Там, в зловонном туалете пахнущем поносом, ни одно чувство меня не подвело. Мне оставалось только одно – верить. Но я не хотел. Мне просто не хотелось верить в то, что я увидел.

В кармане джинс лежало настоящее свидетельство чуда (если так можно назвать силу, чуть не убившую двух парней). Мой телефон начал нагреваться, становиться разогретым куском уголька закинутым в карман, от одной лишь мысли того, что удалось им заснять.

– Влад, привет!

Что же это может быть? Невидимая энергия? Способность перемещать предметы силой мысли?

– Ау, ты слышишь меня? – Макс вцепился в мою руку, заглядывая в глаза. Я резко одёрнул её как от прокажённого.

– Привет, Макс – поздоровался я, наблюдая за удивлённой реакцией парня, не ожидавшего моего резкого движения.

– Слушай. Я не знаю кому ещё рассказать – услышав о том, что сейчас на мою голову будет выгружена очередная глупая история баскетболиста, я приготовился обратно погрузиться в мысли, пропуская летящие мимо меня слова.

Но я этого не сделал.

Услышав слова «МаМа», «ночь» и «лес», я одёрнул себя как-раз на том моменте, где моя голова погружалась в тёмную пучину мыслей.

Я выслушал его историю. Пахла она странным бредом человека, переусердствовавшим с экстези или ещё какой-то дрянью. Но в этом городе я ничему не удивлялся. У меня не было выхода, кроме как просто принять. Принять то, что в плоском и понятном мире бывает обратная сторона, создающая объём. Фу, вот это я накрутил. Вообщем, смысл ясен.

– Ты вчера первый заметил сходство с этой старухой на том фото – распинался он, перейдя на шёпот, думая что все здесь норовят подслушать разговор.

– Ну? – спросил я – Вообще, ты вчера согласился, в перерыве между втыканием, пойти к ней.

– Разве? – он задумался, осмотревшись по сторонам – Это неплохая идея. Я теперь не смогу жить нормально, после того как у этого жуткого старпёра всё лицо покрылось венами.

– Ну и какой у нас план? – спросил я, опустив взгляд на замявшуюся тетрадь.

– Ты – корреспондент школьной газеты. Она – старый житель, для которого будет честь дать интервью представителю молодого поколения – он уставился на мои руки, расправлявшие страницы тетради по английскому.

– А ты кто?

– Я чисто за компанию – хмыкнул он.

МаМа – на первый взгляд старая безумная кошатница и владелица гастронома. Кто же на самом деле женщина, чьё лицо мелькало на фото (буквально) столетней давности?

Глава 5 #Who’sThatGirl?

Яркая неоновая вывеска освещала густой лес вокруг. Сосны, липы, ели… Всё это изобилие насквозь, как стрела, пробивала трасса поросшая мхом и густой травой. Ямы, колдобины, трещины… Ничего не могло отбить желание подростков всего города приходить в небольшую мрачную закусочную.

«Пауки сумрака» – гласила подпись под милым тарантулом, машущим лапой проезжающим.

Какой безумец будет есть в месте, основной концепт которого это пауки и всё что с ними связано?

Безумцев, как не удивительно, в этом городе оказалось много. Все они мчали с самого центра на богом забытую окраину, чтобы запихнуть в себя жирный сытный бургер и запить ярко-ядовитым коктейлем кровавого цвета.

Меню, как не сложно догадаться – съедобные вариации на тему паукообразных, желательно жирные и бюджетные.

Внутри пластиковые пауки сидели на ватной паутине, смотря на посетителей маленькими глазками. Конечно, все эти дешёвые декорации выглядели убого – но всё это сложно заметить в мраке, царившем тут 24 часа в сутки.

Лишь тусклые красные неоновые лампы освещали тьму. Лица за соседним столом, порой, было тяжело рассмотреть. Возможно, виной этому слабое освещение. Возможно, тонированные стёкла, не пропускавшие внутрь свет дня.

Выйдя из белого низкого бюджетного мерседеса, подаренного отцом Каролине вместе с правами, первым делом, она вступила в жидкую грязь. На белом каблуке осталась сырая земля.

– Чёрт! Ненавижу эту грёбанную забегаловку! – выругавшись, она осмотрелась, боясь нарушить образ правильной девчонки.

Протянув руку к дверной ручке она резко одёрнула её к себе, будто дверь раскалена до ста градусов. Все узнают. Все будут знать и осуждать её за то, что она явилась на секретное свидание с хулиганом.

Это была ошибка.

Блондинка окинула взглядом невысокую закусочную, после чего зыркнула на мерседес терзая себя мыслю о том, чтобы сесть в него и по трассе умчать прочь.

Она подправила белоснежные пряди, глядя на отражение в тёмном окне, после чего сняла солнцезащитные очки. «Боже, как глупо рассчитывать, что тебя никто не узнает в одних очках». Она хмыкнула сама над собой. Да уж, додуматься вечером одеть очки – даже от себя она такого не ожидала.

Каролина в последний раз окинула взглядом кафе.

– Время совершать ошибки – шепнула сама себе она и сразу же взглядом наткнулась на Валентина. Он с нетерпением смотрел на часы, скрестив руки положил их на липкий стол.

Прозрачные кристальные глаза. Глубокий проницательный взгляд, смотрящий на проезжающую машину.

Он так и не увидел её.

Это будет лучшая ошибка в истории ошибок.

Как только Кэр открыла входную дверь она сразу же почувствовала сильный позыв рвоты, идущий изнутри её груди.

Она всегда чувствовала все окружающие запахи детальнейшим образом, позволяя им кружить её голову, заставлять чувствовать тошноту или наоборот, повышать настроение.

Тут ситуация явно другая.

Горячая карамель перемешивалась с томатным кетчупом. Представляете этот коктейль? Солёный маслянистый попкорн с печёными яблоками на палочке. Она чувствовала каждый ингредиент. Каждый по отдельности, будто бы всё это разом находится в её рту. Сама не замечая, она брезгливо скривила нос.

Окинув взглядом столы, силуэты людей сидевших за которыми чуть-чуть освещали неоновые лампы сверху, она позволила себе пройти дальше. Её окружение редко ходило в подобные места, как и она сама. Её парень ненавидел это место каждой клеточкой тела:

– Это надо быть душевнобольным полоумным извращенцем, имеющим фетиш на пауков, чтоб открыть подобный мусорник! – кричал он каждый раз, стоило только кому-нибудь заикнуться о «Пауках».

Она его поддерживала: закусочная и правда была убогая.

Её туфли от «Pollini» прилипали к полу, омерзительно чавкая отлипая. «Чвяк!», «Чвяк!».

Прыщавые официанты, которыми тут в основном были старшеклассники собирающие на колледж, часто врезались в посетителей, не видя их в мрачной обстановке.

Кэр чувствовала себя женой злодея из какого-то фильма Бондианы, скрываясь от всех.

Она быстрым шагом прошла к столу, за которым скучая её ждала настоящая ошибка.

«Пятнадцать минут опоздания – тебе ещё повезло, парень» – хмыкнула она про себя, посмотрев на уставшую физиономию Валентина. Выглядел он будто не спал прошлую ночь – сонно. Но прокисшее, как трёхдневное молоко, лицо заиграло новыми красками, как только девушка попала в поле зрения Валентина.

На его лице непроизвольно растянулась довольная ухмылка. Он давно так не радовался чужому присутствию: для него её приход в это место стал, как появление Санта-Клауса собственной персоной для восьмилетнего мальчика. Только ещё эффектней.

Строгий белый костюм, который не давал красотке сме-

шаться с тьмой, высокие шпильки и волнистые косы, падающие на спину.

Ни «привет», ни «как дела?», а лишь восторженное «Ты выглядишь идеально» – вырвалось из его уст, когда она подошла ближе.

Каролина сдержанно ухмыльнулась, осмотрев свою пару на этот вечер.

Она пыталась из всех сил сдержать нарастающее удивление. Валентин – скрытный хулиган-задира, которого все привыкли видеть в ЧЁМ?

Тут громкая толпа должна хором крикнуть: «В ЧЁРНОМ СПОРТИВНОМ КОСТЮМЕ АДИДАС!»

Правильно! Без него Валентин – которого все привыкли видеть таким, больше и не Валентин.

Сейчас же, в красном свете лампы она смогла рассмотреть белоснежную рубашку (на удивление – очень даже гладкую, без небрежных позорных заломов) и голубые брюки, облегающие округлые бёдра.

Грязные белые кеды, от подошвы которых начали отпадать куски, остались неизменной святой частью.

Каролина расплылась в улыбке, у неё не получилось подавить резко появившиеся хорошее настроение.

Белые зубы ослепили Валентина, он вдавливался в вызывающе красное бархатное кресло и продолжал испепелять взглядом свою пару. Знакомая для них ситуация – оживлённые застывшие взгляды сплелись между собой, не желая вы-

пускать друг друга из крепкой хватки. Чем дольше смотрели – тем шире и глупее становились улыбки.

На секунду, окружавшие Каролину силуэты посетителей полностью поглотила тьма: она была наедине с ним в вонючей забегаловке. Тусклый фонарь освещал его счастливое лицо, а вокруг пустота. Не живой души. Все плавно погрузились в царивший вокруг мрак.

– Может сядешь? – словно острым железным топором, Валентин перерубил крепкие цепи, не дававшие им делать ничего, кроме как смотреть друг на друга.

Каролина закрыла глаза, открыв оценивающе осмотрела место. Следовало собраться. Не давать чарам этого парня задурить голову.

Воображение быстро рисовало чертёж: узкий стол, места напротив – целоваться достаточно легко. Огромное окно, сквозь которое любой бродяга может в деталях осмотреть подробности свидания. Тусклая лампа находится за головой Валентина, а значит, возможно, её будет не так легко заметить.

Каролина села, глядя в окно пытаясь извернуться так, чтобы взгляды прохожих не засекли инста-звезду.

«Чёрт, ты спятила? Какие нахрен прохожие?» – заговорил внутренний голос. По трассе лишь изредка проезжали шумные колымаги.

Валентин продолжал смотреть на идеальную пассию, улыбнувшись спросив у неё:

– Что ты хочешь?

Кэр быстрым взглядом окинула меню, напечатанное на объёмном куске картонки, назвав первые бросившиеся в глаза блюда:

– Я буду Мизери и кровавую Кэрри – Валентин улыбнулся в очередной раз, одним широким жестом подозвав тёмную официантку в джинсовом фартуке, на котором висели десятки пластиковых пауков.

За столом повисло неловкое молчание. Валентин чувствовал себя неловко, не зная с чего следует начать разговор с такой как ОНА. Он закрыл глаза и попытался успокоиться. Нос уловил её фирменный аромат: кокосовый лосьон и сладкие духи. Она могла заглушить вонь даже невероятно стойко пахнущих «Пауков».

Он раскрыл глаза и пробежался взглядом по белым густым локонам.

Каролина опять поймала себя на мысли, что не может прекратить смотреть в его глаза. Невероятно. Хрустальные и чистые, как Женевское озеро. Никакой загадки. Почти.

Она видела эти глаза по-отдельности. Словно его тело охватывал мрак и оставлял сиять в темноте лишь один взгляд.

Глаза невероятного человека. Доброго, искреннего и… Несчастного? Грусть, чёткая грусть застыла во взгляде. Кэр была далеко не психологом, но понимала, что перед ней си-

дит глубоко несчастный человек.

Эта пара не боялась зрительного контакта. Выглядело со стороны это, должно быть, странно: пара, сидевшая на ярких диванах и молча прожигающая друг друга взглядами. При этом они настолько счастливы, будто молчать и смотреть – их любимейшее занятие.

Грусть, застывшая в глазах Валентина медленно растворилась, как шипучий аспирин в стакане воды.

Может быть разговоры и вовсе не нужны?

С каждой секундой неловкость спадала, а вместе с ней уходило и напряжение.

Кэр отвлеклась, когда в её красной театральной сумке завибрировал телефон:

– Кэр, тебя давно не слышно – Макс прислал ей СМС, приправив его грустным смайликом.

Она прочла но не успела ответить. Принесли напитки.

– Эй, я тебя видела в Инстаграмм – заметила чернокожая девчонка, подправляя фартук – Ты же… Как там… Каролинка чё-то там долл? Я кайфую от твоих фото в купальнике, подруга. Первая белая в этом городе, кто покажет всем тощим бледнолицым сукам как нужно правильно светить двумя дыньками сзади – официантка хихикнула. Валентин улыбнулся.

– Эммм… Спасибо, наверное – неуверенно выдавила Кэр, и перевернув телефон отложила его на стол.

Коктейль «Кровавая Кэрри» полностью состоял из томат-

ного сока, большого количества соли и какой-то непонятной кисломолочной добавки. Большей дряни она в жизни ещё не пробывала.

Валентин пил пепси. Отложил трубочку в сторону и обхватил стакан громадной ладонью. «Как три моих кисти» – подумала она, продолжая скользить взглядом по его крепким рукам.

На внутренней стороне левой руки набито тату. Маска? Да, судя по всему жуткая улыбающаяся маска. На ней виднеются вырисованные красной краской капельки крови. Когда он в очередной раз потянулся за напитком, Каролина крепко схватила его руку и попыталась получше рассмотреть мрачный рисунок.

Парень резко одёрнулся, спрятал руку под столом и неловко ударился локтем.

– Что это? – удивлённо спросила она сдвинув брови – Точнее, что там нарисовано?

– Не важно – растеряно обрезал он, бегая глазами по удивлённому лицу Каролины: от бровей до губ и обратно – Просто тату. Обычное тату – он заёрзал на диване. Почему он вдруг стал невыносимо горячим? Будто место под его задницей вот-вот загорится. Это нормально?

Валентин начал потеть. На открытом лбу и блестящей лысине стали проступать капли. Это нормально?

Меньше всего ему хотелось выглядеть нелепым в глазах лучшей девчонки города. Меньше всего ему хотелось врать

ей. Может быть настал тот момент, когда прийдётся быть предельно честным? Может быть теперь нет смысла скрывать себя настоящего?

– Я с тебя не слезу, пока не расскажешь что значит эта жуткая маска – хитро улыбнулась блондинка – Я её уже видела. Это из какого-то ужастика?

«Какой ужастик? Эта долбанная история!» – чуть не выпалил он. Слава Богу, этого не произошло.

– Если я тебе скажу что это, ты просто встанешь и уйдёшь. Я не могу тебя отпустить.

– Спорим? Меня никогда не пугали странности.

Валентин вывалил перед собой левую руку и отодвинул рукав чёрной кофты так, чтобы тату было видно во всей красе.

Маска телесного цвета. Белоснежные зубы. Красные губы – казалось бы, простое улыбающееся лицо. Как оно могло наводить ужас?

Легко, застывшая на маске физиономия в полной мере передавала безумие. Просто чистое безумие.

Красные капли человеческой крови на ней навивали жуть. Не страх, конечно, просто лёгкую дрожь пробегающую по коже.

И эта страшная картина изображена на руке человека который ей нравится? Интересно.

– Даниил Тришакович – сухо обрезал Валентин и опустил глаза на своё тату.

– Кто? – переспросила Кэр

– Даниил Тришакович. Точнее его маска. Что ты хочешь о нём узнать?

– Всё. Конечно, я хочу знать всё. Расскажи кто это.

– Даниил Тришакович – маньяк-психопат, признан самым бесчеловечным убийцей за всю историю человечества

– Ты говоришь как Википедия – хмыкнула блондинка, отпив немного красного как кровь коктейля.

– Как ты можешь не знать его? В девяностых убийства, совершенные им, потрясли весь мир, а прикол в том, что происходили они в этом городе.

– Я слышала что-то, мне рассказывала наша мексиканская кухарка Фрида.

– Каждую ночь он выходил убивать, просто ради веселья. Сначала совершал бесчеловечные акты насилия в дуэте со своей девушкой – Ангелиной. Они одевали одинаковые маски, убивая всех исключительно мачете.

– Какая необычная love-story – Валентин не обращал внимания на постоянные реплики Каролины, продолжая рассказ.

– Потом, вокруг себя они образовали целую секту. Что-то типа сатанистов-анархистов. В их секте становилось всё больше и больше людей, выходивших на охоту каждый вечер. Полиция просто не справлялась, пока однажды они не перестреляли всю банду во время совершения акта насилия над беременной.

– Пипец… – проронила Каролина, думая и смотря на тату.

Всю информацию начисто она смогла прочитать лишь в Википедии, прийдя домой и включив белоснежный MAC, стоящий перед кроватью.

По запросу «банда Тришаковича» в гугле вылетали сотни ссылок, был даже фан-сайт, где безумцы строчили фанфики об этом маньяке: любовные, кровавые, даже гей-истории.

Кэр поморщила нос, не став читать эту дрянь.

«Даниил Тришакович и его банда (см. также ссылку на книгу «Десять личностей Тришаковича») прославились чередой жестоких убийств, периодически носивших ритуальный характер. Свою криминальную деятельность начали с мелких грабежей банков. Первое ограбление Даниил совершил сам в 1989 году, незадолго после этого познакомившись с Ангелиной (см. также Ангелина Тришакович), ставшей его пассией на всю жизнь и неофициальной женой.

После создания секты в 1990 году к Тришаковичам стали присоединятся новые люди страдавшие психическими отклонениями. По некоторым версиям, деятельность секты разворачивается вокруг поклонения сатане».

Дальше идёт бла-бла-бла, какие-то кровавые подробности, бла-бла-бла, подробности, бла-бла-бла, расчленёнка и кровища.

Короче говоря, во время нападения на беременную прямо на улице полиция расстреляла конченых сатанистов.

«Место захоронения находится в национальном заповед-

нике «Дубки» (открыть в Гугл Карты), полицейским пришлось скрыть тела, захоронив их в неизвестном месте, таким образом спрятав от группы разъярённых активистов, желающих заполучить тело Даниила».

Бла-бла-бла. Кровища. Бла-бла-бла. Рассчленённка.

«По разным версиям, количество жертв от рук банды Тришаковича шагает от ста пятидесяти и до двухсот. Официальные данные, провозглашённые судом в 1995 утверждают 156 жертв, убитых разными людьми в разное время на протяжении пяти лет. По неофициальным данным, количество жертв достигает 204».

Также в сети Кэр наткнулась на тонну художественно написанных статей:

«Каждый вечер для беззаботного провинциального городка становился судным. Несчастные жители закрывали окна, баррикадировали двери и молились, крепко обнимая детей, в надежде просто ПЕРЕЖИТЬ следующую ночь. Слыша звук моторов, доносившихся с улиц они представляли его – «посланника дьявола» – именно такое прозвище дали ему жители».

– Б-р-р-р – Каролина вздрогнула, почувствовав как по телу, как сильный разряд тока, пробежала дрожь.

– Что забыла маска подорванного сатаниста на твоей руке? – Кэр зажала его руку в очередной раз. Длинные ногти впивались маникюром фиолетового цвета в кожу. Она не от-

рывала взгляда от жуткого тату, проводя пальцем по капелькам крови.

Мрачная обстановка. Неоновая лампа, освещающая загадочное лицо человека, что был совсем ей незнаком. Как она могла доверять ему, видя физиономию сатаниста на левой руке?

Ей стало не по себе. Вздрогнув, она чуть не перелила коктейль из томатного сока на белоснежный костюм.

– Это трудно объяснить – сухо оборвал он, стыдливо опустив глаза на стакан с «Пепси». Взяв в руку трубочку, он стал размешивать лёд внутри, создавая крошечный водоворот. «Стоит ли ей доверять?» – думал он, периодически поднимая глаза на неё: слегка растерянная, озадаченная но уверенная красотка. Белые локоны спадали на плечи, взгляд стойко держался на его лице, будто она допрашивает опаснейшего преступника. Правый уголок пухлых губ нервно дёргался: то вверх, то вниз. Она поедала его взглядом, вытягивая правду наружу. Она хотела её знать, она нужна ей хотя бы для того, чтобы мрачный таинственный образ человека с грустными глазами наконец оставил её, ушёл прочь из головы и никогда не возвращался.

«Кто же ты такой?» – про себя спросила Кэр, вслух уверенно произнеся:

– Я не боюсь трудностей – она скрестила руки на груди, ожидая ответа. Обстановка за столом накалилась до предела. Пара чувствовала дыхание друг друга, по очереди им обме-

ниваясь. Получался круговорот: они пытались уловить аромат, смотря друг другу в глаза.

Только сейчас она осознала, что на самом деле видела в его глазах помимо уверенности и тоски: тайна. Загадка. Он умело скрывал что-то от всех окружающих, давая тайне вырываться на волю лишь через глаза, предательски выдававшие всё.

– Он типа кумир нашей компании. Похоже, мне прийдётся смирится с тем что самая идеальная девчонка в моей жизни узнает всю правду – Валентин тихо хмыкнул. Это непохоже на обычный смех, больше на утешение самого себя, нервный тихий звук вырвавшийся из дрожащих уст – Хочешь знать правду? Получи. Распишись. Я ненавижу каждого жителя этого города с лет-так десяти. Каждой частичкой сердца ненавижу. Терпеть не могу – Валентин наклонился максимально близко к хранившей уверенное выражение лица блондинке – Я понимаю Тришаковича, все его бесчеловечные аморальные убийства которые повергли в шок всю планету земля. Оглянись, Кэр – Каролине не привычно слышать, как Валентин быстро назвал её «Кэр». Это милое, как ей показалось, сокращение её имени придумал Макс. Она слышала его сходящим лишь с его уст. «Пойдём в кино, Кэр, новые «Мстители» вышли», «Ты сегодня выглядишь ослепительно, Кэр», «Кэр, я люблю тебя».

Всё тело охватило чувство стыда. Она нагло предаёт человека, который любит её по-настоящему, проводя время с

поклонником серийного убийцы. Она ужасный человек.

– Все жители тут – заодно. Каждый что-то скрывает. Ты видишь это? Их всех будто что-то связывает, что-то ужасное. Семь лет назад умерла моя мама. Представь, её тело нашли с пробитой головой посреди леса.

– Мне жаль – дрожащим тоном проронила блондинка – Это ужасно – ей сразу стало стыдно за столь сухие соболезнования. Она никогда не могла красноречиво выразить чувства, как это делают псевдо-глубокомысленные стервы под фотками у себя в инста-блогах, копируя их с забытых ванильных интернет-романов.

– Знаешь что мне сказали, оповестив о смерти? Самоубийство. Ты можешь себе представить, моя любимая жизнерадостная мама, наслаждавшаяся каждым днём в один прекрасный день решила пробить себе голову. Они до сих пор пичкают меня этим бредом. Моя мама прослыла самоубийцей, из-за того что они просто что-то скрывают.

В голове вырисовывался нечёткий психологический портрет сидевшего перед ней человека. Обиженный на всех, до сих пор не смирившийся с фактом смерти матери парень. Мстительный, меланхоличный и немного пугающий. Это нормально, что Каролине это казалось привлекательным?

Его загадка, недомолвка сквозившая в каждом слове. Она хотела узнать, что он ещё скрывает в своей черепной коробке, с интересом рассматривая лысую голову словно пытаясь просмотреть её насквозь. Его голова, что в ней твориться –

тайна, запутанная головоломка, а судя по всему, Кэр любит тайны.

Сначала она почувствовала стойкое отвращение. Даже не так: самый настоящий страх, смотря в хранящие за собой неизвестность глаза. Пахнущая попкорном забегаловка показалось ужасно холодным местом, где с каждой щели дул противный сквозняк.

Но это ощущение прошло, будто за секунду его сняло рукой. Она продолжала смотреть в те же глаза и чувствовала себя иначе: словно детектив, Ненси Дрю, если бы та сменила рыжий цвет волос на более светлый. Она хотела взять лупу в руки, снять с парня скальп и поискать ответы на вопросы в кровавом месиве загадочного мозга. Ой, она вовсе не это имела ввиду. Точнее, это, но не в таком жестоком варианте.

У Валентина весьма грустная история, которая всё равно не оправдывала лютую ненависть к каждому жителю города. Ну, скрыли правоохранительные органы во главе с его отцом-шерифом настоящую причину смерти. При чём тут остальные горожане?

Каролина достала бумажную салфетку из салфетницы, не контролируя свои действия начав перебирать ногтями по бумаге. Она раздирала её, агрессивно рвала разбрасывая в разные стороны. Валентин с удивлением наблюдал за всем этим, провожая взглядом каждый вылетающий из её рук клочок.

Кэр была зла на себя. Она не могла понять что с ней твориться, что она вообще хочет: убежать, запрыгнув в белый

мерседес умчатся и никогда больше не встречать этого человека, видя его каждую ночь во снах; или остаться и смотреть в прозрачные глаза, ненадёжно скрывающие тайны за тонкой сетчаткой как в клетке, отбивающей в себе неоновый свет красных кровавых ламп.

За спиной Каролины багровыми буквами горела вывеска «Страх». Именно это слово отображалось в его голубых глазах. «Страх», «Страх», «Страх». Она натыкалась на него каждый раз, как только взгляд падал на лицо Валентина.

Тёмная дорога, окружённая лесом, который не спеша покрыли сумерки.

В темноте притаился мистический силуэт, перед собой держа коллекционный фотоаппарат «Nikon”, стилизованный под начало двадцатого века. Чёрная перчатка скользнула по верхнему колёсику, приблизив изображение: «Пауки Сумрака», сидевшая за столом пара с интересом смотревшая друг на друга. Улыбающаяся блондинка, известная в местных кругах Инста-блогерша. Лысый парень в белой рубашке, известный в местных кругах как заядлый хулиган. Его рука протянулась к её щеке, бережно убрав свисающую над лбом белую прядь.

«Щёлк!», «Щёлк!», «Щёлк!»

Пара, сидевшая у окна на самом видном месте, поедала увлечёнными взглядами друг друга, выбирая лучшие кусочки. Они были полностью поглощенны, не видя вокруг

себя ни равнодушной чернокожей официантки, принёсшей огромный жирный бургер, ни осуждающих взглядов, долетающих с соседних столиков. Только они одни.

«Щёлк!», «Щёлк!», «Щёлк!».

– Сири, включи релакс плейлист – в комнате Макса, находившейся на втором этаже шикарного особняка заиграла скучная мелодия, в которой лишь перебивая некоторые ноты омерзительным старым голос подпевал старик.

– Сири, не такой ужасный плейлист – музыка прекратила играть – Да пошло оно всё – махнул ладонью Макс, отодвинув стул и склонив голову над пыльным учебником.

В вилле Макса, находившемся в богатом районе города, местном Беверли-Хиллз или Гангнам (как вам удобно), была встроена работающая круглые сутки функция «Умный дом». Управлять домом, умеющим спокойно жить своей жизнью без хозяина можно было через смартфон и многочисленные «АйПады», встроенные в стены почти каждой комнаты.

Такой был и у Макса, прямо напротив рабочего стола.

Сквозь просторное окно во всю стену внутрь залетал приятный холодный воздух, в котором ясно чувствовался слегка химический запах бассейна, горевшего синей подсветкой на заднем дворе.

День был, как это бывает всегда у Макса – выматывающий. Тренировка-пот-тренировка-пот-уроки-пот и заново.

Домой он приходил лишь к часам девяти, плюхаясь на кровать и засыпая сном убитого.

Но сегодня особенный день – его отпустили раньше с тренировки по баскетболу. Странное чувство: он вроде бы и был счастлив, но просто не знал что делать, сидя в комнате и выглядывая в окно. Внутреннее управление кричало: «ВНИМАНИЕ. СОС. Что-то идёт не по плану!!!», а он, не зная что делать просто ходил от стены до стены.

Основная цель его жизни: стать спортсменом мирового уровня, таким, чтобы за его прокачанное тело NBA устраивало войны с лигами других стран, таща Макса к себе за руки. У него, кажется, всё для это было: собственная игровая площадка на заднем дворе, тысяча и одна добавка, миллионы протеиновых батончиков и коктейлей. В основном, он сидел только на них представляя из себя высушенный истощенный тренировками гигантский мешок с мышцами. Но он и не против. Ему нравилась такая жизнь, когда ты постоянно чувствуешь как с твоего лба стекают капли пота, когда твоё сердце бьётся в бешеном ритме, точно желая проделать дырку в груди, когда ты задыхаешься, в глазах темнеет, но ты продолжаешь на выдохе идти к цели. Этот лайфстайл для него. Он привык к подобному образу жизни с глубокого детства. Каждый его день был сродни прыжкам на скакалке: имея одинаковый ритм, он способен был надолго выбить тебя из сил, но также благодаря очередным тренировкам и испытаниям появлялась возможность прыгать всё выше и вы-

ше. Замкнутый круг, как белка в колесе.

Макс открыл учебник по геометрии поверхностным взглядом осмотрев параграф с формулами для прямых углов. Последние три года он вообще не делал задания, забыв какого это – размышлять.

Макс открыл книгу, взглянул на обведённую в синюю рамку формулу. Закрыл. Открыл ещё раз, и почувствовав как на его виске вылезла вена, закрыл.

Со времён седьмого класса программа шагнула вперёд на шагов сорок.

Телефон, находившийся с краю стола замигал.

– СМС от контакта «Андрей» – милым голосом заявила девушка, представлявшая собой весь дом. Судя по нему, вилой семьи Макса была молоденькая симпатичная девушка с тонким голоском. Весьма жутко.

«Тебе повезло, что ты не попал на эту долбанную премьеру. Просто муть. На красную ковровую дорожку цвета месячных нашей математички пришёл лишь один сценарист. Один из семидесяти. Похож на смурфика. Хочешь фото сброшу?»

«Не стоит» – ответил Макс, хихикнув над сообщением друга.

«Фильм параша. Они скрестили «День Сурка» с любым научно-фантастическим нудным дерьмом. На сороковой минуте я готов был проблеваться прямо на лысину сценариста-смурфика».

Макс послал смеющийся смайлик лучшему другу, отложив телефон и снова открыв учебник. Синяя рамка продолжала угрожающе пялить на него, переставляя буквы местами и расплываясь будто в бредовом мираже.

Кажется, у него получилось выучить первую строку.

Телефон опять замигал.

– Андрей, оставь меня со своим очередным тазиком иронии в чистом виде – цокнул Макс, ожидая увидеть там очередное сообщение от друга.

«СМС от контакта «Аноним».

Аноним? Что-то новое.

Макс бросил взгляд на экран, прочитав первые слова.

«Нам нужно много чего обсудить, Максик. Сижу в «Пауках Сумрака», попиваю коктейль, и жду тебя вместе с твоей девушкой. Её волосы так вкусно пахнут кокосом.

Приезжай прямо сейчас.

Чмоки.

Леди V».

Та самая психопатка, которая позавчера убила парня и прислала угрожающее письмо Андрею вызывала Макса в кафе. Странновато.

Макс позвонил Андрею. Он не взял трубку, а потом гудки сами собой прекратились.

«Конечно, этот засранец в жизни не возьмёт трубу когда произойдёт что-то по настоящему тревожное».

У Макса колотилось сердце. Он не знал что делать, в раз-

думьях машинально вызвав Убер.

«Ожидайте авто через пять минут».

Макс откинул телефон в сторону, так и забыв его запутанным в одеяле на кровати.

Накинув красную длинную майку «Чикаго Рэд Буллс» он вышел из комнаты, погасив свет.

Белый бюджетный «Форд» был на подъезде.

– Если хочешь перемотать, нажимай тут – сморщенными руками показал охранник Андрею, продолжая говорить тихо и почти неразборчиво.

– Спасибо, но я не болею синдромом дауна чтобы не разобрать по двум стрелочкам смотрящим влево и вправо, где находится «перемотка» а где «отмотка».

Охранник косо глянул на вальяжно рассевшегося на его месте парня, державшего крепкую руку на мышке.

– Чего ты встал? Иди пока погуляй – нервно приказал Андрей, пальцем указав на единственный выход из тесной каморки.

– Но мне тоже следует знать кто желает Вам зла, чтобы потом помочь – монотонным голосом проворчал охранник.

– Ты уже помог, когда продрых во время того, как на территорию моего дома пробралась психопатка – спокойный тон Андрея превратился в звонкий агрессивный крик – Так теперь, дедуля, ты можешь идти и спать в доме престарелых. Ой, прости, я же забыл что у тебя на него не хватит денег –

улыбнувшись, сын олигарха глянул на выход, громко захлопнув дверь за сутулым охранником.

– Сейчас узнаем кто ты такая, наглая сучка – начав рыться в многочисленных функциях программы руководящей камерами по всему особняку Андрей, сам того не замечая, закусил губу.

Он перематывал запись назад. Утро среды, ночь среды, вечер вторника… Это был очень нудный и монотонный процесс. Скучая, Андрей облокотился щекой об руку, и не снимая палец с клавиатуры стал осматривать комнатку.

Плохо пахнущая немытым потным стариком мрачная тёмная коробка, напоминающая комнату под лестницей из фильмов о Поттере.

Тут, должно быть, можно было рехнуться сидя двадцать четыре часа в сутки и уплетая острую китайскую еду из бумажного судка.

На стене напротив входа были навешаны три экрана, отображающие что происходит в холе, на заднем дворе и у входа.

– Ленивый пердун – себе под нос буркнул Андрей, подняв глаза на верхний монитор. Даже мартышка с диаметром мозга в два сантиметра догадается поднять свои маленькие глазки, посмотрев всё ли в порядке с главными богачами региона. Но нет, вместо этого пахнущий зловонным пердежём старик предпочитал закинув грибковые ноги на стол то спать, то просыпаться и пердеть, с мастерством смешивая эти два занятия.

Вечер понедельника. Стоп! Андрей нажал на паузу, начав отматывать назад не с такой быстрой скоростью.

19:01, 18:50, 18:30, 18:00. Стоп! Кажется где-то в этот период времени в окно гостиной залетел булыжник.

Передний двор, пышные клумбы которого пронизывали тропинки из дикого камня, пустовал. В окружении ярких тюльпанов и пышных роз одиноко стояла красная газонокосилка. Её, скорее всего, один из глупых садовников забыл отнести в кладовую (ничего нового).

Камера снимала весь передний двор и высокий забор, не захватывая дом.

С наступлением сумерок включился режим «Ночного видения», делавший изображение синим, подсвечивая светлые объекты, без сожалений размывая всё остальное.

18:05. Двор продолжал пустовать, лишь какая-то мелкая птичка, в камере ночного видения смахивающая на летучую мышь, проскакала по тропинке и улетела прочь.

18:07. Пустота.

18:10. Пустота.

18:11. Камеры наконец уловили движущийся объект. Точнее Андрей заметил что-то в непроглядном мраке, поглощавшим пятьдесят процентов изображения. На забор, высотой где-то три метра влез тёмный силуэт, по виду напоминавший непонятную быстро двигающуюся тёмную материю. Точно, это плащ, прикрывающий тело злоумышленника. Как и говорила хитроумная китаянка, безумец подготовился.

Сумерки бесчеловечно смешивали злоумышленника с ночью. Андрей был не в силах рассмотреть его детальней. Даже приблизив изображение он видел блестящую шёлковую мантию, будто выкраденную с какого-нибудь театрального кружка, и широкую дамскую шляпу прикрывавшую голову. Он бы вообще не заметил проникший на территорию дома силуэт, если бы не задёргавшаяся, словно от урагана, высокая зелёная туя, стоявшая перед забором. По ней и влез злоумышленник.

Закончив непростой подъём, инкогнито по-детски свесил ноги, женственно скрестив их и уложив на бедро руку, прикрытую перчаткой.

И тут Андрей проморгался, словно не веря глазам. Он приблизил изображение максимально крупно, поставив на паузу.

На незнакомце, или незнакомке, одета белая деревянная маска. Изображала она пожилую сморщившуюся даму, расплывшуюся в улыбке. Улыбка столь широка, что исказила лицо до ненатурального вида. Именно она делала её такой жуткой. Широкая улыбка от уха до уха, будто от фильтра в снэпчате сделала из обычного белоснежного изображения старухи в стиле «кабуки» пугающую рожу.

– Твою мать – испуганно прошептал Андрей, дрожащими руками нажав на кнопку «продолжить». Перед глазами проскочила сотня фильмов, в которых кровожадные убийцы в масках охотились за молодыми и красивыми подростками.

А он был молодым. И красивым. Все эти фильмы заканчивались одинаково – вспоротым животом, литрами крови и массовой резнёй.

Всё оказалось серьёзнее, чем он полагал.

Неизвестный в тёмном костюме поднёс указательный палец к улыбающимся устам маски, выражая известный всему миру знак: «Тише!». В ушах Андрея пронзительным скрипом раздалось тихое «Тш-ш-ш-ш!». Оно звучало эхом снова и снова, пока синее изображение продолжало показывать задний двор.

– Кто же ты такая, Леди V? – растеряно прошептал Андрей, ещё раз поставив на паузу проигрывающееся видео.

– Где остановить? – спросил зевающий водитель белого «Форда», тарабаня жирными как сосиски пальцами по рулю.

– Где Вам удобно – спокойно ответил Макс, ёрзая по холодному сидению от волнения: он обнаружил что забыл телефон на пятой минуте поездки, как раз в тот момент, когда машина выехала на тёмную трассу. Как можно забыть телефон, уезжая на встречу с психопаткой?

Выглядывая из окон, Макс всматривался в тёмные стёкла «Пауков», отбивающих в себе свет яркой вывески. «Ауки Урака» – гласила она, ведь буква «П», «С» и «М» затухли, дав сумеркам поглотить себя.

Сквозь одно из тёмных окон Макс увидел знакомое лицо. Смеющаяся блондинка, подправляющая ладонью свои воло-

сы и смотрящая на сидевшего перед ней… Кто бы это мог быть? На силуэте нависла назойливая яркая вывеска, изображающая махающего лапой тарантула.

Тёмный силуэт протянул крепкую руку к щеке его девушки, на что та игриво выставила её вперёд, наслаждаясь нежным прикосновением.

Его девушка. Девчонка, нравящаяся ему с первого класса. Девочка-идеал. Девочка-мечта. Его добрая, искренняя Кэр. Как она могла так поступить? Он ведь вправду её любил, по-настоящему.

Сейчас ему казалось будто ласковое прикосновение резко задело сердце, стучавшее в груди в бешеном ритме. Он привык к этому ритму. Но сейчас, казалось, что он готов оторвать эту руку, даже и не посмотрев в лицо того, кому она принадлежит.

Он чувствовал себя обманутым идиотом, которым воспользовалась стерва примерявшая на себя маску миловидной феи, вытерев об него тонкие ноги и выкинув на свалку.

– Вот сука! – вскрикнул Макс, дёрнув за ручку.

– Что вы сказали, молодой человек?– переспросил таксист, покосившись в зеркало заднего видения.

– Ничего – буркнул он – Вы откроете?

– А вы заплатите?

Макс кинул пятидолларовую купюру, с щелчком двери вылетев на улицу.

Мрак, стоящий в заведении пробивали лишь тусклые огни коротких странных надписей: «Страх», «Паутина», «Чёрная вдова» – иногда из-за яркого красного неонового света, зубы людей, сидевших перед ними, по-смешному загорались, будто пять секунд назад они разжевали тюбик с краской.

Под ярким красным «Страхом» сидела улыбчивая блондинка. Сегодня она разбрасывала свои идеальные улыбки каждые десять секунд, очаровывая каждого видящего их. Но все они были адресованы лишь одному.

– Благодаря тебе я смог поверить, что в этом городе есть хоть что-то человеческое – продолжал Валентин, опустив руку на ладонь девушки.

– Что ты имеешь ввиду? – переспросила она.

– Ты дала мне веру в то, что в этом городе живут не одни моральные уроды. Ты – удивительная – Валентин улыбнулся, почесав затылок и обнажив яркое пугающее тату

– Я не хочу быть банальным, но ты иная. Ты другой человек. От тебя исходит свет даже на огромном расстоянии, ты вся сияешь. Он исходит изнутри.

Валентин протянул руку к её щеке, на что та послушно выставила её вперёд. Она зажмурила глаза. Время остановилось. Его тёплая кожа, нежное прикосновение, ладонь скользящая вниз. И что с того, что на его руке красуется безумная физиономия убийцы? Он вправе сам выбирать себе кумиров. Он вправе быть таким, каким есть: добрым, милым и хранящим тайну.

Тишина. Лишь его глубокое дыхание.

– Убери руку от моей девушки, грязное быдло! – грубый голос Макса. Она узнает его бас где бы не была.

Внимание каждого, сидевшего в забегаловке обратилось на вошедшего в прозрачные двери широкоплечего высокого качка с торчащей в разные стороны каштановой шевелюрой. Его знали все, каждый сидевший и мило поедавший бургер запивая коктейлем из томатного сока. «Местный Джордан», «Надежда нашего спорта» – а чего бы им и не знать человека, на каждой игре пролетающего над полем словно у него вырастали крылья? Носки его ярких высоких сникерсов только слегка касались земли, когда в руках был мяч. Открыв рты, ликующая толпа замерев наблюдала за невероятно ловким подростком, обводившим соперников вокруг пальца.

Сейчас его внимание было приковано лишь к одному столу. Красные бархатные диваны, приглушённый свет, созданный будто для поцелуев сидевшей под ним пары. Одним резким движением блондинка сняла руку Валентина со своей щеки, взглянув на разъярённого Макса.

Секунда, и он стоял, словно каменная скала, над столом, взглядом прожигая Валентина. Его ноздри расширялись с каждым вдохом, как у быка готовящегося к нападению на тореадора.

Валентин, облокотившись пальцами об стол, привстал смотря в лицо бывшему сидевшей перед ним мечты. Он нахально заглянул в медленно наливающиеся злобой глаза,

ощущая лицом порывы громкого дыхания парня.

Секунды, которые сейчас вспоминаются сидевшим там как вечность.

Испуганная Каролина быстро выпалила, глядя на друга детства:

– Я собиралась тебе сказать, клянусь.

Слова пролетали мимо его ушей. Она не успела озвучить мысль. Обиженный баскетболист нанёс первый удар, наблюдая как быстро, прямо на глазах, на щеке гопника образуется красный след.

Положив ладонь на щеку, Валентин почувствовал как резко сдавливаются его виски. Он зажмурил глаза. Сквозь звон в ушах прозвучала фраза:

– Разбей стакан, а розочкой от него перережь глотку этому пидору…– мерзкий хриплый голос звучал везде, окружая его со всех сторон.

– Сделай это, ты почувствуешь облегчение когда алые капли крови этого глупого богатенького подонка упадут на твою кожу одна за другой.

Голос заполнил всё пространство тесного кафе. Он заходил через двери, вылетал через вентиляционные шахты, прилетал из открытых окон…

– Отстань, отстань, отстань! – вскрикнул внутренним голосом Валентин, закатив рукава белоснежной рубашки.

Он стиснул зубы слегка прикусив губу, перед тем как накинуться на стоящую перед ним скалу.

Секунды, и обиженные парни оказались на полу, вцепившись крепкими руками, на которых паутиной вылезли синие вены, окутывая их до локтей, в плечи друг друга.

Валентин прижал противника спиной к твёрдому полу, быстро врезав по носу, держа кулак у головы.

Макс почувствовал, как с носа ручьём хлынула тёплая кровь, стекая по губам. Он пытался вырваться из крепкой хватки хулигана, нанёсшего второй удар, но на удивление – безуспешно. Создавалось чувство, будто его придавила к земле весившая тонну груда камней или тяжеловесный слон. Тонкий на вид парень, на лице которого проступили вены, продолжал сидеть на нём, провожая хрустальными глазами алый ручей.

– Перережь ему глотку! – приказывающие крикнул ему мерзкий голос – Режь!

Вокруг дерущейся пары собралась вся закусочная. Они оставили жирные бургеры и сладковатые коктейли на ужин налетевшим крупным мухам, держа перед собой телефоны и снимая драку в стори.

Стори, будь то Snapchat или Instagram, или даже Facebook (если какой-то безумец туда снимает стори) был местным быстрым аналогом передачи свежих сплетен. Кто-то пьян, а тебе нужно чтоб об этом в короткий срок узнали все? Сними его! Твоя подруга потеряла девственность на вчерашней вечеринке? Сфоткай её и напиши об этом! Кто-то дерётся в забегаловке? Доставай смартфон и НЕМЕДЛЯ снимай!

Сидевшие в «Пауках» люди образовали круг, в центре которого лежали вцепившиеся в друг друга парни, борющиеся за одну девушку, не знавшую что делать. Наклонившись, она пыталась разнять пару, выкрикивая «Остановитесь!», «Прекратите!». Бесполезно. Они не желали отпустить друг друга.

Макс ударил Валентина в солнечное сплетение. Валентин ударил Макса в грудь… Удары шли один за другим, не давая увлечённым зрителям времени для передышки.

– Эй вы, голубки тестостероновые! – крикнула чернокожая официантка, схватив Валентина за рубашку – Я расцарапаю тебе лысину, выцарапаю ногтями член на твоей башке, если ты сейчас же не прекратишь!

Замечание официантки пролетело мимо их ушей. Кровь стекала с лиц обоих парней, мелкими каплями капая на пол, на котором их тут же в себя поглощал мрак.

– А-ну прекращайте! – строго крикнул высокий упитанный мужчина. От него пахло картофелем фри и жирным маслом. Он оставил жарится на кухонной плите телячьи котлеты для бургеров, запах которых медленно проник в зал.

Просунув руки между тел, соединившихся в драке, он смог разнять поглощённых агрессией парней, ладонью вытирая пот с лица.

– Как же ты не можешь понять, что ей плевать на тебя! Она не хочет быть с тобой! – крикнул Валентин, чувствуя руку упирающуюся в грудь. Повар взглянул на него, после чего повернул голову на Макса, с носа которого текла кровь,

добегая до подбородка резко срывавшись вниз.

Пальцами он пытаться смахнуть алую жидкость, которая продолжала своевольно течь в стороны.

– Ты думаешь она хочет быть с ТОБОЙ? – хмыкнул Макс, обнажив белоснежные зубы. На них тут же попала капля – Посмотри на себя в зеркало: поехавший нищеброд-аутсайдер, такие как ты остаются одни до конца жизни, даже и не смотря на таких как она!

Валентин чувствовал, как верхняя челюсть сдавливает нижнюю, будто вот-вот и его зубы сами себя уничтожат. Он из всех сил пытался не оттолкнуть стоявшего рядом с ним мужчину, вцепившись в горло высокомерного ублюдка. Напыщенный, самонадеянный мудак – он ничем не отличался от подобных, улыбаясь думая что Бог его поцеловал в щеку, как только он вылез из утробы матери.

Его взгляд, его голос и его ухмылка. Валентин хотел разорвать его одними лишь руками на мелкие куски, разбросав по всему кафе. Он хотел заглянуть в его высокомерные глаза в тот момент, когда он вонзится в его живот проделав там дырку и достав печень. Он бы хотел уловить этот взгляд, осознающий что его идеальное бытие подошло к финалу. Он бы поднёс печень прямо к его носу, дав мудаку рассмотреть её получше.

– Ты жалкий. Просто жалкий испорченный гопник, которого высрала мать специально для того, чтобы он сидел на лавке, бесцельно жуя семечки найденные на мусорке – Макс

расхохотался, бросив быстрый взгляд на оживлённую толпу, обменивающуюся многочисленными шепотками об динамично развязывающемся любовном треугольнике – Как там поживает твоя мамаша гния под землёй?

– Макс – дрожащим голосом бросила Кэр, пытаясь остановить бывшего парня.

– Скажи ей, чтоб передавала от меня привет трупным червям.

– Макс – повторила она.

– Я не удивлюсь, если ты сам замочил её собственными руками – Макс хмыкнул ещё раз.

Секунды. Считанные секунды казались для стоявшей толпы, снимающей на камеры перепалку, бесконечно тянущимися минутами.

Валентин вырвался из хватки повара, налетев на улыбающегося парня. Его улыбка в тот момент была похожа на волчий оскал, будто он специально обнажал передние клыки надеясь испугать противника.

Парень вцепился в голые плечи, торчавшие из-под майки, со всей силы толкнув баскетболиста к тёмному стеклу.

Максу показалось, будто на секунды он взлетел. Воспарил. Он не почувствовал пола, глазами обводя толпу.

Звезда спорта. Баскетбольная надежда. Сейчас он, побеждённый, проделал трещину в окне «Пауков».

Мимо забегаловки проехал быстрый Камаз, осветив фарами тело качка, которое не желал отпускать разъярённый

обиженный хулиган.

– Попробуй ещё раз заикнуться о моей матери, мурло – обрезал Валентин смотря в испуганные глаза.

– Прикончи его! – воскликнул голос, сдавливая голову Валентина со всех сторон– Сделай это прямо у всех на глазах! Обрызгай их кровью этого тупого гандона!

Замахнувшись, Валентин врезал ещё раз по лицу Макса, чувствуя как стекавшая вниз кровь упала на ладонь.

Бледная кожа окрасилась в цвет крови чужого человека.

– Он осквернил твою мать, сопляк! Раскрой его пасть и вырви язык! – приказывал голос.

Валентин ударил ещё раз. Брызги полетели в сторону, упав на треснувшее зеркало.

– Убей! Убей! УБЕЙ!

Макс улыбнулся. Белоснежные зубы полностью окрасились в багровый:

– Жалкий обиженный на мир мальчик. Может, убьешь меня? – каверзно спросил он, не убирая с лица широкую хитрую ухмылку – Такие как ты наверное всё время жаждут кого-то убить. Такие как ты, впоследствии, становится насилующими детей грязными пахнущими пивом безумцами, позором общества, и заканчивают жизнь на электрическим стуле.

Макс рассмеялся.

– Для этого ты пригласил на свидание Кэр? Готов поспорить, руки чесались расчленить её, накормив перед этим жирными дешёвыми бургерами.

Нерв на лице Валентина судорожно запрыгал вверх. Руки, вцепившиеся в красную майку мудака сжались ещё сильнее, готовые разорвать ткань на мелкие клочья в любую секунду.

Подняв кулак, обнажив цветное тату на руке, он готов был нанести очередной удар.

Нежное прикосновение. Ласковая тёплая кисть. Каролина положила руку на его кулак, бережно сдавив и прислонив к груди.

Валентин опустил на неё взгляд, отпустив противника.

Он почувствовал биение её сердца.

Тук-тук, тук-тук. Оно стучало будто вот-вот выпрыгнет из груди.

Растерянный взгляд. Напуганные глаза, из которых сейчас хлынут слёзы. Из-за него. Это все лишь из-за него.

Вина. Он почувствовал резкую ношу вины, упавшую на плечи за одну секунду. Он заставил её плакать, разрушив в один вечер привычный счастливый порядок жизни.

– Не делай этого, прекрати, ради меня– тихим отчаянным голосом умоляла блондинка, прислоняв кисть, запятнанную чужой кровью к себе.

Валентин отошёл, окидывая взглядом тело побеждённого качка-звезды.

– Прости Макс, я не хотела чтобы так всё закончилось. Я просто не испытываю к тебе ничего – Каролина отвела взгляд, посмотрев на Валентина, хрустящего пальцами – Прости – повторила она, закрыв глаза будто вот-вот и с её

глаз спустится слеза. Она не хотела обидеть человека, с которым беспрерывно общалась с трёх лет. Она провела с ним всю жизнь не рассчитывая на подобный финал.

– Пустая – проговорил себе под нос Макс – Ты пустая – громче повторил он так, чтобы слышали все. Будто показывая шоу снимающим на камеры зевакам – Ты поверхностная, глупая и тупая. В тебе нет ничего, что могло зацепить меня и кого-либо другого. Ты пустышка. Мне жаль, что я потратил время на девушку, у которой в черепной коробке дует сквозняк – фыркнул он, окинув в последний раз взглядом стоявших вокруг удивлённых людей. Посмотрев последний раз на лицо Кэр, по которому побежала вниз одинокая слеза, на её волосы спустившиеся к плечам, на её щеки, горевшие красным, он бросился прочь. Её глаза, заполненные слезами.

– Я люблю тебя, Кэр – его же голос эхом прозвучал в ушах, а перед глазами всплыло приятное воспоминание, как чёткий отрывок из романтической драмы. Звёзды, ночное небо над головами а под ногами был весь город. Они одни на крыше десятиэтажного дома. Он наслаждается ею, вдыхая сладкий как молочный коктейль аромат.

В ответ молчание. Никакого ответа. Лишь невинная улыбка и поцелуй в губы. Только сейчас он почувствовал себя одураченным, использованным и опустошённым. Руки дрожали. Глаза болели, будто с минуты на минуты лопнут как мыльный пузырь.

Хлопнув дверью, он бросился прочь не оборачиваясь на-

зад.

Странное чувство. Из уст Макса вырвался глухой подавленный звук. И ещё один. Этот мерзкий звук сбивал дыхание, которое всегда работало в устойчивом ритме. Ритме, что не возможно сбить.

Неужели он… всхлипывает? Нет-нет-нет. Этого не может быть.

Глаза ужасно чесались. Ему хотелось закрыть их, не смотреть на дорогу, асфальт которой освещала красная вывеска, а идти в темноте. Но он продолжал смотреть вперёд, чувствуя как с глаз упала слеза.

Последний раз он плакал в лет-так пять. Залезая на невысокую ель он с позором упал, как мешок с тяжёлой грязной картошкой.

Позорище. Плакать из-за девушки и её пахнущего потом парня.

Но он не мог остановиться. Слёзы продолжали падать вниз, после скопления у нижнего века.

Он всхлипнул ещё раз. И ещё. Он был опустошён. Интересное слово, на сто десять процентов выражает его состояние. Будто всё чем он жил в один момент рухнуло, с треском разбившись об старую трассу у плохо пахнущей забегаловки.

Неужели красотка-блондинка заполняла всё пространство внутри него? Этого не могло быть. Есть ещё много вещей, которыми он живёт. Спорт например. И ещё… спорт.

Макс не оглядывался. Он чувствовал спиной с десяток удивлённых взглядов.

Сенсация местного масштаба!!!! ВНИМАНИЕ всем сплетникам, сплетницам и любителям послушать свежие сплетни.

Звезда спорта, капитан баскетбольной команды и просто привлекательный бодибилдер, от которого за километры разит брутальностью, был замечен плачущим на трассе недалеко от «Пауков Сумрака». Неужели миловидная ангелоподобная красотка @karolinka_babydoll смогла разбить сердце уверенному в себе @maks_2000?

Последнюю информацию передала в своём снапчате толстуха Катерина, в очередной раз жравшая двойной бургер с острым соусом чили. Стабильно пахнущая двадцать четыре часа в сутки жаренным картофелем девочка приправила стори грустным плачущим смайликом.

Макс не знал, куда он направляется. Просто шёл прямо. Ему наплевать. Наплевать на всё. На то что по его щекам, впервые за долгие годы, стекают слёзы. На то что внутри себя он чувствует пустоту. Как обычно говорят в таких ситуациях? Разбивается сердце? Жизненно важный кровеносный орган Макса, по ошибке принятый за символ любви напоминающий перевёрнутую задницу, чувствовал себя нормально. А вот вся его кожа горела, щеки покраснели а с лица потёк противный пот, будто после кросса.

«Щёлк!» – звуки фотографировавшей камеры отвлекли

его от самокопаний.

Макс поднял глаза, перестав смотреть на тёмный асфальт. С краю дороги, недалеко от него стоял тёмный силуэт, перед собой державший массивный фотоаппарат.

Когда силуэт, плащ сзади которого развивался на лёгком вечернем ветру, отодвинул его от лица, взгляду открылась жуткая белоснежная маска, пугающе улыбающаяся ему.

Макс замер, мокрыми глазами смотря на инкогнито.

– Эй! – вскрикнул он, зашагав к нему.

За секунды тёмный силуэт растворился, убежав в окружающий дорогу тёмный лес.

«28 июля 2018 года

Надеюсь ты не сильно переживал из-за моего трёхдневного отсутствия, дорогой дневник. Необходимость поговорить с долбанным блокнотом в измученной жизнью кожаной обложке, напоминающей вагину старой потрёпанной проститутки (и вид, и запах идентичен) возникает в самые неожиданные моменты. Казалось бы, какого чёрта мне сидеть в пыльном чердаке, по которому бегают жирные стрёмные крысы, с тонкой ручкой в руках, которой тут, должно быть, помастурбировала каждая вторая, во время обалденной громкой вечеринки? Классный вопрос.

Тут, кстати говоря, все мастурбируют поутру имея стабильный грязный секс каждую ночь. Наверное привычка, оставшаяся с конченного прыщаво-влажного периода. Та са-

мая отвратная привычка, которая заставляет ручонки залезть куда не просят, причём самыми неожиданными вещами.

P. S. Бутылка не потолок (я подмигнула, пока писала это предложение)

И да, наша стандартная рубрика «Ты не поверишь» сегодня просто разорвёт все представления о милой примерной отличнице Адриане: я под кайфом. Три простых слова: Я. Под. Кайфом. Он, конечно, не самый охренительный что я тут только испытывала, ведь если бы он был такой я не смогла нормально писать, брызжа густой слюной на твою бумагу и ухохатываясь над каждым словом. Поверь, я бы это сделала без угрызений совести.

Тебе, наверное, будет очень интересно под чем я ИМЕННО. Именно… Ха, интересное слово. Именно… О чём я… Точно, я под экстези. Самым настоящим дрянным экстези, те белые мелкие таблеточки делающие мир ярче, воздух чище, ночи длиннее и бла-бла-бла. По крайней мере, так было в каком-то фильме с Натали Портман. Может быть «Чёрный лебедь»? Нет, не он. Плевать.

Три дня в раю, который для кого-то может показаться самым настоящим адом. Я даже знаю одну такую – старая малышка Адриана, дрожащая как маленький, тонущий в ведре наполненном ледяной водой котёнок. С поправкой, что меня в этом ведре топила собственная мать. Моя же мать топила меня всю жизнь. Звучит драматично, и как бы я жела-

ла КАЖДОМУ тонущему котёнку когда-то испытать то чувство, что испытала я, выезжая за границу города на быстро гонящем мустанге.

Ветер в волосах, лес, состоящий из высоких как спички деревьев, мелькающих за окном и ОН. Тот блондин, про которого я тебе рассказывала.

Я влюбилась в человека, про которого ровным счётом не знаю ничего. Я чувствую странное необоснованное влечение, он нравится мне. Я открою его для себя. И чувствую, буду приятно удивлена после своего открытия. Я уверена и точка.

Он привёз меня сюда, в пахнущее марихуаной сборище наркоманов посреди безлюдного леса. Похоже на замес какого-нибудь любовного ток-шоу, скажи? Одни хвои, громкая музыка, наркотики, секс и алкоголь. Как в безбашенных песнях из старых рок-альбомов. Тут я кстати впервые послушала рок-альбом. На последнем этаже тут стоит виниловый проигрыватель, на котором я поставила второй альбом «AC/DC». Рок, скорее всего не моё. Ну и ладно, надеюсь ты никому не скажешь, что в пятнадцать я тащилась по Кэти Перри.

Невероятно странное место, просто круглосуточные тусовки в заброшенном здании игрушечной фабрики – звучит, прямо таки, сюрреалистически. Куча обдолбанных людей смахивающих на зомби, и продолжающих танцевать справляя нужду в штаны. Воняют они как гора из десятков гниющих трупов. Приблизительно так. Бу-э-э!

Но тут я по-настоящему свободна. ЛП осталась в дали, может быть набухалась со своими сучками осушив до дна дешёвую бутылку вина. Я представляю кобылью рожу одной из носительниц тонны тёплого жира, по ошибке называющей себя «ВасЫлисой». Словно из сказки про конченных богатырей сбежала, скажи?

Жируха достала подаренную ей же книгу про первый подростковый трах, угорая над комиксами с конопатым парнем и ужасно прорисованной тощей русой малолеткой:

– Папа дал мне презерватив, чтобы обезопасить наш ПЕРВЫЙ РАЗ – склоняя голову сказал конопатый, точнее облако с текстом повисшее над ним. «Ахахах, пиздец, у твоей дочери наверное до тридцатника первого раза не будет» – сказала бы свиноматка, на что моя мать послушно кивнула.

– Тебе больно? – спрашивало облако над конопатым, чью тощую задницу прикрывало также ужасно прорисованное, как и всё остальное в этом комиксе, покрывало.

«УХАХАХА» – жиртрестка продолжила бы угорать голосом Урсулы из «Русалочки», читая строчки своего же подарка.

Меня передёрнуло от одной лишь мысли про этот шабаш ведьм.

Стоя на балконе, пускай и выглядевшем пережившим атомный взрыв, я вдыхаю чистый хвойный воздух и чувствую ЕГО нежный поцелуй. Хочешь узнать имя? Всему своё время, дневничок.

Даже мой сон наконец наладился. Означает ли это, что я счастлива? Вполне возможно. Я сплю на жёстком и плоском, как сиськи моей матери, матрасе, чувствуя неуловимый запах мочи и свежей спермы, которая тут обнаруживается в самых неожиданных местах.

Периодически я просыпаюсь, подскакивая со своего царского ложа и осматриваюсь по сторонам. Мне кажется что на меня кто-то смотрит. Хреновое чувство. Сквозь сон чувствую, как чей-то взгляд ходит по моей коже, как кто-то подходит ко мне ближе и нежно кладёт руку на щеку. Я ощущаю это. Ощущаю чужие глаза сквозь тьму, стоящую в комнате.

Будто бы за мной кто-то наблюдает. Беспрерывно наблюдает. Я не могу это объяснить словами. Я просто чувствую. Ты веришь моим чувствам, дневничок?

Но это лишь глупые фантазии.

Я счастлива, понимая чего все находящиеся здесь так быстро теряют голову.

Могу с уверенностью написать это простое, но такое трудное для запуганной малышки Адрианы предложение:

Я СЧАСТЛИВА.

Спокойной ночи, дневничок»

Глава 6 #добропожаловатьдомой

Мой MAC стал раскалён настолько, что нормально нажимать на клавиатуру, буква «У» на которой перестала рабо-

тать два года назад, просто не получалось.

Этим вечером я скинул загадочное видео через «Airdrop» на него, пересматривая ещё раз и ещё раз каждые пять минут, и каждый раз были заметны новые детали.

Потрёпанный туалет в котором всегда стоит устойчивый едкий аромат говна. Обцарапанное зеркало, которое впоследствии разлетелось на тысячи осколков. Просто само собой. Будто человек-невидимка разбил его кулаком.

Никита всё это время стоял с закрытыми глазами, будто находясь в трансе. Я приближал изображение, чтобы получше пригляделся в выражение его лица – ничего нового. Опущенные веки, лицо, не выражающее ровным счётом ни эмоции, слегка подпрыгивающий вверх правый уголок рта. Он просто погрузился в себя, не замечая ничего вокруг.

Ещё одна деталь, привлекшая моё внимание – рыжий хулиган. Его глупое лицо расплывалось в улыбке во время наблюдения за летящими в разные стороны мелкими осколками. Выглядело это как нельзя странно.

Бегающие глаза. Слегка шевелящиеся губы, будто бы он вёл с кем то разговор. Может быть, с тем невидимкой разбившим стекло, а затем душившим его напарника?

Я всё ещё пытался прочитать его фразу по одним лишь движениям рта. «Я знал» – да, там точно читался звук «я» и слово начинающееся на шипящий.

– Ты точно что-то знаешь… – прошептал я, поставив видео на паузу и всматриваясь в безумное лицо. Веснушки, ко-

торые рассыпались по всей его физиономии, словно кто-то перевернул тарелку с маленькими шоколадными конфетами. Волнистые волосы, струящиеся как волны по голове, обнаживши лопоухие уши, торчавшие в разные стороны как у африканского слона. Необычная внешность. Он похож на альбиноса, только с умело выкрашенными длинными волосами. А его глаза, открывающие, как это чаще всего бывает, настоящую сущность – отдельный разговор. Холодные, но при этом жгучие. При первом взгляде они вызывают странную дрожь, резко перерастающую в жар, стоит лишь ему загореться.

Взяв телефон в руки и нажав на броскую мусорную корзину в нижнем правом углу трехминутного видео, я поколебался где-то секунд тридцать, смотря на красную надпись «Удалить». Видеозапись, перевернувшее моё сознание. Видеозапись, в содержание которой мне до сих пор верилось с натяжкой. Видеозапись, которая задавала ещё с десяток вопросов без ответа. Такими в этом городе усыпаны каждая улочка, каждый дом и каждый человек.

Я оставил видео на своём телефоне, прижав его к груди и упав на кровать, слегка ударившись спиной. То что со мной происходило тут казалось таким нереальным, что я даже не хотел думать об этом.

Я смотрел в белоснежный потолок, на который как родинка на бледном теле, села маленькая чёрная муха, перебирая крошечными лапками и смотря на меня красными глазами.

За окном мрачные сумерки. В голове кавардак. В душе странное ощущение, будто вот-вот должно произойти что-то чертовски плохое, если не происходит прямо сейчас, перед моим носом.

Я закрыл глаза и за секунды растворился в себе, видя перед ними спокойное лицо невзрачного бледного парнишки, хранящего за ним необъяснимый секрет.

Утро выдалось странным. Голова болела настолько, будто вот-вот и на ней образуется глубокая трещина. Чувствовал я себя, по правде говоря, отвратительно.

Всё кружилось, пол периодически уходил из-под ног. Со стороны, скорее всего, я выглядел ужасно глупо: парень, держащийся за голову и шатающийся будто заядлый пьяница после весёлой ночки.

По дороге в школу я увидел Жанну, сидящую над клумбой тюльпанов с острыми ржавыми ножницами. Увидя меня, она строго улыбнулась, всем своим видом стараясь продемонстрировать напыщенную консервативность. Бросив быструю ухмылку, она опустила глаза на красный тюльпан, громко щёлкнув ножницами.

Идя по тротуару я не отвлекался от того самого видео, полностью погрузившись в него. Я был в том зловонном месте, видя всё своими глазами. Мурашки шли по коже.

Открыв «Ютуб», я посмотрел пару видео на которых был запечатлён телекинез. В основном, это был наглый кривору-

кий монтаж и трейлеры фильма пятилетней давности с Хлоей Грейц Морец. Ничего стоящего не было, кроме видео под названием «Завтрак Грейс». Любительская съёмка на весьма паршивый телефон, загруженная 30 декабря 2010 года неким пользователем под ником Mysterious18.

На нём, маленькая милая пухленькая малышка, завтракая овсяной кашей на молоке крепко зажмуривает глаза, после чего испуганная мать поворачивает камеру на кухонные полки, которые в бешеном быстром ритме начинают открываться и закрываться громко хлопая дверцами.

В конце минутного ролика девочка продолжает сидеть с закрытыми глазами, равнодушно слушая крики ошарашенной женщины.

Я ввёл в поисковую строку Гугла «Завтрак Грейс», в наличии найти хоть что-то об этой семье. Ничего, кроме ссылки на просмотренное мною видео.

– Проститутка!

– Я всегда говорила что она та ещё давалка.

– О Боже, Рита, тут же не их секс запечатлён а всего лишь поцелуй.

– «Всего лишь поцелуй»? Ты смеёшься? Их невинный засос это лишь прелюдия перед бесстыдным трахом. Для нашей Инста-дивы это как стори выложить.

– Я читала в книжке по психологии из библиотеки, что скромные и милые люди чаще всего оказываются развратни-

ками.

– Как ты можешь столько сидеть в библиотеке, и даже понятия не иметь о месячных?

– Что?

– У меня до сих пор свежо в памяти как они протекли у тебя в душе на глазах у всех, книжный червь наш.

– Интересно, у кого они занимались этим.

– Называй всё своими именами – бесстыдным трахом.

– У него бы не смогли, шериф по ночам всегда сидит дома.

– А ты ему уже небось дала, взяв себе в пример мамашу.

– На свою мамашу посмотри, сучка.

Посреди коридора, недалеко от входа громко спорила компания отличниц-святош, беспрерывно подправляя массивные оправы от очков, поддёргивая их выше на переносицу и пряча губы под шерстяные воротники.

– Интересно, каким складом ума нужно обладать, чтобы четвёртого сентября всем вместе одеть шерстяные свитера? – хмыкнул Андрей, показав оживлённому коридору, наблюдающему за каждым его ритмичным шагом, свои блестяще-белые и идеально ровные зубы.

Я молчал, пытаясь не грохнутся на твёрдый пол от неугомонного кружения головы, наблюдая за учениками, беспрерывно кричащими новые сплетни, будто их всех разом поразило что-то из ряда вон выходящее.

Многие в своих руках держали белые листки, с удивлёнными физиономиями рассматривая написаное на обратной

стороне и восклицая бранные ругательства.

– Я всегда говорила что она готова дать любому – сухо констатировала блондинка с мужеподобным квадратным лицом, прижав листок к груди и спиной облокотившись об шкаф. Она продолжала безустанно распинаться перед своими подругами, иногда опуская взгляд на руки, глазами пробегая по надписи, которую мне не удалось рассмотреть.

– Эй, девчонки! – уверенно крикнул Андрей подойдя к блондинке – Что все так громко обсуждают?

– О, Андрей – блондинка оживилась, подправляя волосы и быстро хлопая длинными ресницами – Мы, а-а-а… – она протягивала один и тот же звук, растеряно смотря на брата – О-о-обсуждали – опустив глаза вниз она замолчала, сглотнув подступившую ко рту слюну. Видя мерзкую белую пену, мелькающую у её губ Андрей скривился. Девчонка почувствовала себя ничтожеством, хватаясь за горло и готовясь вот-вот расплакаться.

– Сам посмотри – равнодушно бросила стоявшая рядом девочка. Наматывая розоватую жевательную резинку на палец (Андрей скривился во второй раз) другой рукой, свободной от содержавшей миллионы бактерий липкой массы, напоминавшей грецкий орех, она указала на коридор, уходящий вправо сразу за шкафчиками.

Обычно все ходили через него в столовую. Десятки железных шкафов, скучные липкие стенные газеты, пахнущие клеем, запах жирных бургеров, доносившийся сюда из кафе-

терия – он ничем не отличался от сотен подобных, пронизывающих здание школы как кровеносные артерии.

Но сегодня пол светлого лазурного цвета, будто толстым слоем снега, покрывали тысячи листков «А4». Они торчали из дверей шкафов, были вложены в учебники проходящих мимо учеников и вообще были ВЕЗДЕ. Везде где только можно было разбросать листы. Коридор доверху забит ими.

Наклонившись, Андрей взял один из них, повернув ко мне и показательно прочитав:

«СЕНСАЦИЯ

Белая и пушистая малышка Кэр погрязла в отношениях с чёрным клеймом нашего города. Казнить или помиловать? Решать тебе, школа.

Целую каждого

Ловкая и «всегда-в-нужном-месте»

Ваша Леди V

P.S. Что же будет блудной блондинке от семьи? Ставим ставки: выгонят из дома? Обрежут волосы? Может быть перекроют кредитку, и гламурные фотки за одну ночь превратятся в селфи с бутылкой пива и харкающими гопниками?

В глаза бросился чёрно-белый коллаж из фото снизу текста, на котором были изображены Каролина и Валентин, сидящие за одним из столиков «Пауков Сумрака». Их лица освещал неоновый фонарь, висящий сверху.

На первой лысый хулиган ласково положил руку, на которой виднелась яркое тату (смазанное из-за низкого качества

печати), на щеку блондинке расплывшейся в улыбке. На второй он уже её целовал, при этом довольно улыбаясь.

– Так и знала!

– А я говорил что она именно такая!

– Ты в неё был влюблён с третьего класса, а когда понял что она даже в твою сторону не смотрит назвал её шлюхой.

– Я и тогда знал кто она на самом деле!

На счёт новоиспечённой пары спорили все: мальчики, девочки и даже учитель литературы, облокотившийся об дверь и наблюдавший за ажиотажем в коридоре.

Серая масса трансформировалась обратно в оживлённую шумную толпу. Им всем нужен был лишь предлог, чтобы прекратить скорбь. От вчерашней грусти и следа не осталось: лишь мрачное фото Давида у кабинета математики, розы под которым начали медленно вянуть.

– Как ей удаётся менять крутейших парней раз в пол года?

– Потому что она грёбанная блондинка выглядящая как грёбанная мечта с грёбанными тридцатью тысячами подписчиков в Инстаграмм. Теперь ясно?

– Уже 29 тысяч девятьсот девяносто девять. Я от неё отписалась.

– И я.

– И я.

Гул не стихал. Непонятный ажиотаж вокруг внезапной смены бойфренда популярной девчонки разгорелся до небывалых масштабов. И кажется, никого даже и не волновало

что имя анонима распечатавшего письмо идентично вырезанной букве на теле Давида. Алая буква «V” красовалась в конце письма, выталкивая на поверхность чёткое воспоминание о той ночи. Крик. Шум. Толкучка. Запахи чужих тел, периодически не самые приятные. До сих пор, вспоминая концерт я начинаю задыхаться. И главное, распятый на кресте труп парня, который несколько часов назад знакомился со мной.

Голова кружилась всё сильнее.

Листки подлетали в воздух от сквозняка, создаваемого спешащими на пары учениками.

– Макс так идеален. Как можно было променять его на это лысое нечто?

– Девочки, один раз, когда он прошёл мимо я вдохнула его аромат. Я его помню даже сейчас. Я его даже нашла в парфюмерном, набрызгав на пробники и принеся домой. Это тот, который Джонни Дэп рекламировал.

– Да всем посрать на твои приключения, фетишистка озабоченная.

– А мне нравится Валентин. Он такой опасный, дерзкий и… таинственный. Я люблю загадочных.

Распиналась компания в свитерах, которая чудным образом осталась сухой при температуре воздуха +20 градусов.

– Девчонки! Идёт! – воскликнула низкорослая девочка в оранжевом свитере, обратив внимание на другой конец коридора.

Каролина – казалось бы, какой на вид должна быть девушка, на которую за утро высыпалось больше негатива чем на Бибера во время его первого альбома и Гитлера вместе взятых? Она должна сутулиться как женский вариант Квазимодо при этом нелепо потея. Всхлипывая, униженная девчонка должна смотреть в пол и только в пол, ловя недоброжелательные взгляды и вслушиваясь в новые сплетни. В волосах должны быть впутаны пожёванные жвачки, которые в неё кидает разозлённая толпа, а на щеках слёзы, падающие на белые листы бумаги лежащие на полу.

Бежав до туалета, чтобы запереть за собой дверь и вдоволь нарыдаться, она должна спотыкнуться, дав публике вдоволь поржать.

Представили?

Каролина, идущая по школьному коридору поверхностно осматривая осуждающих людей, рушила этот образ тяжеловесной кувалдой.

Подняв подбородок, она слегка ухмыльнулась правым уголком рта, примеряя новую улыбку – не ту, которая говорила «Привет школа, я сошедшая с небес милашка-монашка, сморкающаяся мыльными пузырями и пердящая ароматом «Dior», а невиданная ранее ухмылка, заявляющая «Я срать хотела на каждого стоящего тут, ведь я тощая блондинка, невероятно богатая и также невероятно популярная, а ещё я немного сучка в душе. Упс! Уже не только в душе».

– Шлюшка – прошептала нахальная блондинка, продол-

жая уперевшись об шкаф рассматривать главную сенсацию утра. Обозвав Кэр, она хмыкнула посмотрев на подружек.

– Как ты можешь целоваться с человеком, отравляющим жизнь всему городу! – на встречу девчонки-сенсации выбежала блондинка в обтягивающей форме клуба танцовщиц, вызывающе взглянув ей прямо в глаза. Она закусила нижнюю губу, будто бы готовясь врезать стоящей перед ней с секунды на секунды.

– Что он сделал именно ТЕБЕ, Вика? – спросила Кэр взглянув в глаза блондинке.

– Хах – показательно рассмеялась она, бросая взгляды на заинтересованную публику. Сейчас она работала лишь для неё, её спор был похож на никудышно поставленную драму в самом убогом театре – Ангелочек. Идеал. Милашка и просто душка – такой тебя считал каждый, всегда догадываясь кто ты на самом деле – она сделала уверенный шаг навстречу к Кэр. Вот-вот, и их компактные носики столкнутся друг с другом – Ты сходила на свидание с садистом, избивающим наших братьев. С вандалом, рисующим уродливые рисунки на наших домах. Просто с выродком. Теперь все знают кто ты такая, Каролина – фыркнув, она умолкла ожидая ответа.

– Пошла к чёрту – обрывисто бросила Кэр и обойдя Вику гордо зашагала дальше, смотря только вперёд.

Толпа не думала утихать. Они не замолкали, продолжая складывать подробную характеристику и историю половой жизни проходящей мимо блондинки. Они скидывали на неё

клеймо за клеймом, ярлык за ярлыком и ругательство за ручательством, пытаясь придавить её своей грязью к земле, сдавливая всем весом и не давая свободно дышать.

Но она порхала. Серьёзно: её уверенные лёгкие шаги на каблуках создавали впечатление будто бы она медленно взлетает ввысь над головами злопыхателей, как самолёт на взлётной полосе.

Дойдя до конца коридора, она наклонилась взяв в руки один из тысячи лежащих листков.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы как следует его осмотреть и смять в руках. Она хмыкнула, откинув мятый клочок в сторону и подняв над головой руку, продолжая стоять спиной к не замолкающим людям. Ровная кисть в мгновении ока превратилась в дерзкий фак. Показав наманикюренный блестящим фиолетовым лаком палец, она громко крикнула:

– Сосите!

После чего завернула к туалету, захлопнув за собой дверь. Звучный хлопок разлетелся по всему этажу, на секунды остановив обсуждения. Лишь на секунды. Сразу же после толпа продолжила негодование.

Закрыв дверь Каролина зашла в дамский туалет, и осмотревшись поняв, что она тут одна, громко хлопнула дверью одной из кабинок и начала бесшумно рыдать. Она лишь открывала рот, тихо всхлипывая закрыла глаза ладонями.

Опустив крышку унитаза она села на неё, поджав колени к груди. Сейчас весь мир ополчился против неё. Буквально все готовы её растерзать. И всё из-за чего? Из-за того, что она поцеловалась с человеком с дурной репутацией, который ей реально нравится.

Вся школа ненавидела её активно обсуждая ещё до этого, скрывая ненависть за натянутой улыбкой. Может быть, она не замечала грязи вылетавшей на неё вёдрами, из-за того что стояла за прочной стеной. Надёжной, высокой. Макс был её стеной, которая сейчас была разрушена.

Каролина всхлипнула ещё раз, вытерев слезу чуть не упавшую на колени.

Где же сейчас Валентин, когда он так ей нужен? Когда она совершенно одна рыдает в плохо пахнущем туалете? Почему он не рядом? Ей бы сейчас очень кстати было бы крепкое мужское плечо.

Что скажут родители, когда узнают как неаккуратно их дочь разбила выстроенную годами репутацию на сотни мелких осколков? Она уже представляет строгое лицо отца, наведавшегося к ней в комнату впервые за полгода, чтобы тихо сказать: «Ты нас подвела, дочь», оставив одну в противно-приторно-розовой комнатке.

Впервые в жизни она поступила прямо как в тех глупых смазливых второсортных мелодрамах. «Делай так, как подсказывает сердце» – может не просто так они глупые и второсортные?

Но то, что она нуждается в Валентине ей подсказало не одно сердце, а каждая часть тела. Её разум решил что она должна быть с ним, а разве он способен врать?

В покрытую трещинами тонкую дверь громко постучали.

«Тук-тук»

Каролина, за своими всхлипываниями совсем не заметила ритмичный стук высоких шпилек, шагающих по холодному кафелю.

– Уходите. Тут занято – заплаканным голосом ответила она, пытаясь натянуть на него уверенный тембр. Ничего не выходило. Слёзы просачивались сквозь слова.

– Это я – Каролина узнала голос Алины. Немного низкий, как для семнадцатилетней. Уверенный, в меру нахальный – Я знаю, что тебе нужна помощь, и не нужно мне кричать «я хочу побыть одна», наматывая сопли на кулак. Мы не для того сделали новенькие сногсшибательные маникюры. Ну? – послышался новый стук каблуков – Можешь быть паинькой и здрыснуть отсюда? – отвлеклась подруга.

– Но я… хочу в туалет – озадачено ответил грубый женский голос.

– Ну раз так, заходи. Только не удивляйся если я запишу на видео твой пердёжь и выставлю в свой Инстаграм на двадцати тысячную аудиторию, отметив твой аккаунт – послышался отдаляющийся стук каблуков и хлопок дверью – Открой мне, и мы разберёмся – продолжила Алина.

– Я не хочу сейчас ничего обсуждать, я просто хочу попла-

кать, как обычная девочка-подросток – вытирая слёзы ответила Каролина.

– Но ты не обычная, ты блин чёртова Каролинка-Бейби Дол. Ты – мечта, кумир для многих.

– Если «быть кумиром», означает быть тем, кому большинство желает смерти – то да.

– Да ладно, я ведь как твоя подруга знаю, что образ «Каролина-стерва-показывающая-фак» включается только в крайнем случае – Алина пыталась говорить максимально подбадривающим тоном – Кстати, тебе кто-то говорил что ты первоклассная сука?

Алина услышала знакомый смех из кабинки.

– Серьёзно, высокомерный взгляд и фак – о да, это ты настоящая, Кэр.

– Пай девочкой быть сложнее, если честно – Каролина перестала плакать – Люди когда видят, что ты терпелива и толерантна начинают себя вести по другому.

Алине становилось неудобно стоять всё это время. Ноги, обутые в высокие шпильки начали ныть и ужасно болеть. Отбросив все свои брезгливые предрассудки, она опёрлась спиной об дверь и продолжала вести беседу, сложив руки на груди.

– Сейчас, я думаю, ты понимаешь меня как никто другой. Быть редкостной тварью – единственный способ выжить в этом мире.

После недолгого молчания, Алина с интересом спросила:

– Ну а всё-таки, почему я, твоя лучшая подруга, не знала что моей ЛП нравится самый настоящий плохой парень? – Каролина молчала – Я тебя бы поняла, Кэр, я с тринадцати мечтала о лысом преступнике как в «Американской истории X».

Каролина рассмеялась в очередной раз. Послышался тихий звук забитого носа, пытающегося вдохнуть.

Алина положила руку на грязную дверь, будто желая пройти сквозь неё и обнять подругу. Облокотившись об неё щекой, она стала слушать дыхание Кэр, её тихие всхлипывания и даже слёзы, капавшие на пол. Её лицо растянулось в улыбке, перед тем как она произнесла:

– Я ведь тебя люблю, дурочка, и как никто знаю, что это такое – быть осуждаемой всеми. Мы же как бенгальские близнецы.

– Сиамские.

– К чёрту. Мы такие разные, такие крутые и счастливые богатенькие стервы, которые при этом – отвергнутые – Алина захихикала – Как же странно звучит. Мы идеальны, нами мечтают быть все в этом поганом заведении – но при этом мы изгои. Даже сама не верю в то, что говорю.

Наконец-таки, Каролина открыла дверь, сверху вниз посмотрев на сидящую на холодной плитке подругу.

– Знаешь что, Али, я не позволю себе сидеть в туалете и плакать. Я сделала свой выбор, и осуждать его дам право только своим родителям.

– Аминь.

– Я серьёзно. Они все ещё увидят, кто я такая, и начну я прямо сейчас – гордо обрезала она, зажмурив глаза и пытаясь вобрать в себя остаток слёз.

– Воу-воу-воу, подруга, полегче. Ставить на место всю школу будем только после того, как ты поправишь свою поплывшую тушь, делающую из тебя сорокалетнюю вдову в трауре.

Посмотрев на себя в зеркало Каролина вздрогнула, слегка улыбнувшись.

– Блин, почему туши «Guerlien” плывут как “NYX”, купленный за доллар в супермаркете – возмутилась она, раскрыв сумку и начав в ней капаться.

Стоящая сзади Алина наблюдала за отражением подруги в зеркале. Подойдя к ней ближе, она обхватила её руками прижавшись щека к щеке.

– Интересно, если бы мы были лесбиянками, нас бы тоже все возненавидели?

Отведя глаза Али рассмеялась, продолжая обнимать ЛП.

– Да ладно, бро, она не последняя девушка твоей жизни – Андрей грубо ударил грустного друга по спине. Скорее всего, это должно было выглядеть как утешающее поглаживание, но выглядело как агрессивный удар – Намного страшнее, что она решила променять тебя на одного из «адидасов». Вот это уже настоящее перемешивание личности с гов-

ном.

Я пнул своего брата локтем в живот, наблюдая за отстраненным лицом Макса. Он не был похож на самого себя: самодовольного, улыбчивого, периодически в меру нахального волевого качка, считавшегося тут супер-звездой. Да и он сам всегда знал себе цену, подмигивая каждой встречной красавице из танцевального кружка и скромной симпатичной виолончелистке из школьного оркестра.

Сейчас он другой – яркая сияющая звезда погасла. Перед нами, положив щеку на свою ладонь, сидел другой человек – меланхоличный и тихий. Мы пришли в столовую десять минут назад, и за это время он не выдавил из себя ни слова.

Глаза его недвижимо застыли, погаснув и став такими же бледными как и лицо. Они остановились недалеко от меня, прожигав место где раньше сидела Каролина.

Невероятно. Капитан баскетбольной команды вот-вот пустит слезу, из-за того что его бросили. Пока его ресницы были сухими, но выражение лица создавало ощущение того, будто с секунды на секунды они намокнут от скупой мальчишеской слезы.

Тихим приглушённым голосом, Макс, наконец, выдавил из себя практически неслышную фразу:

– А сегодня ведь должен был быть день мороженного. Единственный в году… – ни одна мускула на лице парня не двигалась, только рот открывался, давая вылететь из себя смазанным словечкам, звуки в которых торопили и сбивали

друг друга – Она так его ждала.

– Да пошло это мороженое – громко обрезал Андрей, не убирая свою руку со спины лучшего друга – Бро, оглянись, у нас по улицам ходят десятки симпотных блондинок с пышной грудью. Если ты так уж запал на типаж «Барби», то обделённым не останешься.

Макс вздохнул, подняв ледяные глаза на моего брата.

– Не называй меня своим «бро» – сухо выпалил он

– Да что с тобой? Я называю тебя так с двенадцати!

– Как ты не поймёшь – Каролина особенная. Я знаю её с трёх лет, и за это время выучил как энциклопедию. Она такая же: многогранная, иногда такая не понятная а иногда такая простая.

– О нет, в ход пошли заумные метафоры – улыбнулся Андрей – Тревога. Красный код.

Я ударил брата локтем во второй раз.

– Она была особенная. Я правда любил её…

– Только не начинай сейчас долгие высказывания из сопливых мелодрам, они не к лицу качку.

Но Макс не слышал ироничные замечания Андрея:

– А знаешь что самое обидное? Так это то, что я ещё и оскорбил её. И всё бы ничего, но после этого я не мог заснуть. Что-то мучило меня: мне было ужасно жарко, будто тело достали из костра и положили под одеяло. Я проворочался в постели до самого утра, так и не сомкнув глаз и раздумывая над каждым словом, что сказал – Макс перевёл

взгляд на меня – Над каждым долбанным словом. Может, мне стало стыдно за то что всё сказанное мною тогда – ложь?

Я пожал плечами, ответив:

– Тебе стало стыдно из-за того что ты оскорбил бывшую, всего-то.

– Мы просто перепили с тобой энергетиков смотря дневной повтор Супер кубка, ничего особенного – мой брат не уставал сарказмировать ни на секунду, он просто получал удовольствие от своих едких комментариев. Такой уж человек.

– Разве Супер Кубок показывают в сентябре? – переспросил я, вспоминая прошедший в феврале этого года финал, на котором ещё выступил Тимберлейк. А в две тысячи семнадцатом я скупил пять пачек с высушенными яблочными чипсами в «Волмарт» по цене двух, усевшись на диван и посмотрев игру от начала и до конца, ведь в перерыве пела Гага.

– Его показывают круглый год, если знать каналы – подмигнул Андрей, опустив ладонь со спины друга.

Утешить его так и не удалось. Он продолжил смотреть в сторону глазами, дававшими понять насколько была разбита его душа: разбита и покрыта толстой ледяной коркой. Глаза каменели а губы порой открывались, словно пытаясь вдохнуть.

Макс будто бы медленно умирал на наших глазах. Все признаки на лицо: его тело охладилось, глаза опустели а дыхание медленно прекращалось.

Я подошёл ближе к нему, продолжая водить глазами по разочарованному лицу. Я хотел хоть как-то прибодрить своего нового, если так можно назвать человека с которым ты пообщался три дня с натяжкой, друга, одёргивая себя. Ведь я был не силён к длинным жалостливым речам. Возможно, я реалист не привыкший выдумывать пышные метафоры и цепляющие за душу слова. Возможно, я просто глуп, пытаясь создать противоположное впечатление заученными банальными фразочками.

Я открыл рот, думая о том, что мне стоит сейчас сказать, после чего закрыл, поняв, что ничего дельного в голову не пришло.

«Будет новая любовь» – по-мудачески; «Всё пройдёт, главное выждать» – может правда, но звучит чересчур строго.

Я вспомнил длинный монолог из «Хорошо быть тихоней». Целые цитаты из подростковых книг типа романов Джона Грина всегда вертелись, как торнадо, в моей голове, в отличии от классики, предложения из которой сразу же вылетали после последнего слова.

– Первая любовь всегда оставляет самый большой след в душе – каждое предложение из главы этой книжки я помнил почти дословно. Но почему-то замолчал, в очередной раз вспоминая что из меня никудышный романтик. Андрей бросил на меня мимолётный осуждающий взгляд, будто крича лишь им: «Залепись!»

– Она не моя первая любовь – ворчливо отреагировал Макс на начало моей речи, ещё раз сдвинув свои ледяные глаза. Ему это давалось с такой тяжестью, будто он пытался толкать массивный тяжеловесный булыжник.

– А какая была первая? Ах да, кошка Матильда. Ох, видели бы все как наш крутой баскетболист обжимается со своей кошечкой. У тебя так хорошо выходило делать «Ути-Пути»… – Андрей громко смеялся, обращая на себя внимание сидевших за соседними столиками, а Макс обижено перевёл на него прожигающие карие глаза – Да ладно тебе, я знаю что должно помочь – завтра состоится закрытая вечеринка в сквоте на окраине. Прикинь, шумная тусовка посреди леса. Она должна тебя оживить – Андрей быстро подмигнул Максу, остановившему глаза на его густой шевелюре. Сегодня он примерил на себя строгий стиль «Волка с Уолл-Стрит», зализав тёмные, как уголь волосы назад – Конечно же, меня туда пригласили, и конечно же, я не прийду без своих лучших друзей, Влад, я надеюсь, ты с нами?

– Сквот, это прям как в немецких книгах про детей наркоманов из Берлина?

Макс неожиданно рассмеялся. Выглядело это, прямо таки, странно, словно холодный твёрдый камень наконец разлетелся на маленькие кусочки.

– Нет, это ещё ХУЖЕ.

– А чего ты не приглашаешь Никиту? – поинтересовался я, обводя взглядом столовую, в надежде заметить тощее и

невзрачное тело. Не удивительно, что в моей памяти до сих пор был свеж вчерашний случай. Определённо, если бы сейчас он подошёл к нашему столу, привычно для себя опуская глаза в пол, на моём теле бы проступили крохотные мурашки. Меня и сейчас пробивал холод от одного лишь звучания его имени.

– Никита?! – * холод по телу *, рассмеялся Андрей – Та для него детское день рождения в МакДональсе это «Party Hard”.

Закрытая вечеринка? Сквот? Звучит очень заманчиво.

Я уже представил выражение лица отца, сидевшего на кухне за столом и готовившегося к ужину.

– Вечеринка? Мой сын идёт на вечеринку? – ухмыльнулся бы он, показав столь любимую моей матерью улыбку – Запоминай, сейчас папа будет давать необходимые советы, изученные на собственном опыте – он бы привстал, резко оживившись и почувствовав в своём чаде частичку того самого «короля выпускного», его блестящего и отложившегося на всю жизнь нарочитой гордостью приятным воспоминанием прошлого – Первое, если надерёшься так, что будет казаться будто вот-вот упадёшь – ни в коем случае не падай на спину.

Я улыбнулся, смотря на ребят, ожидающих ответа.

– Я с удовольствием.

– Завтра заеду за тобой к часам десяти – нараспев довольным тоном произнёс Андрей, приподняв правый уголок губ. «Типичная самонадеянная кривая ухмылка брата» – поду-

мал я – Одевайтесь как хотите. Нахрен весь дресс-код. Будет весело.

– А меня кто-нибудь спросил? – недовольно вставил Макс, наморщив лоб и переводя взгляд то на меня, то на брата – У меня до сих пор свеж в памяти инцидент с морфином.

– Что, МОРФИН? – повторив последнее слово из предложения Макса я не рассчитал громкость. Мой голос эхом отбился от стен столовой, доносясь до самых отдалённых столиков. Пошлые алкоголички устремили на нас взгляды.

– Т-ш-ш-ш, залепись – шепнул Андрей, руками крепко зажав мне рот. Я почувствовал запах его одеколона. Округлив глаза он окинул взглядом каждый столик. Пошлые алкоголички хихикнули все как одна, натянув майки с глубокими вырезами максимально низко – Это просто был неудачный эксперимент. Запомнил?

Смотря вниз на крепкую руку брата я послушно кивнул.

Прикосновение к лицу для меня воспринялось максимально критически. Я, буквально, чувствовал как миллиарды бактерий сбегают на мою кожу с его руки. Да, он мой брат, но мало ли что он делал своими руками? Микроскопические бактерии, веселясь и перебирая своими лапками высаживались с его тела, как португальцы в Америку с корабля Христофора Колумба.

Я одёрнулся, сбросив его горячую кисть и дотронувшись до щеки. Она пылала, будто бы секунды назад её ошпарили кипятком.

Голова опять закружилась. Мрачная картина, освещаемая тусклым светом одинокой лампы в туалете, в очередной раз стала перед моими глазами. Взлетающий ввысь рыжий парень в Адидасе. Равнодушное лицо. Крики. Громкие вдохи, пытающиеся ухватить воздух.

Телефон, лежавший в кармане джинс раскалился подобно моей щеке. Он прожигал кожу на ноге, стоило мне только задуматься о значимости тайны, хранящейся в нём.

Парни смотрели на меня как на безумца. Я и вправду выглядел безумным. Парень, держащийся за щеку и смотрящий в никуда.

Они хлопали глазами, хором собираясь сказать «Ты в порядке?»

Нет. Я не в порядке. Я стал свидетелем абсолютно фантастической картины, из-за которой меня бы с лёгкостью упрятали в психушку. Эта картина кружит мне голову, сдавливает череп с обеих сторон не давая думать ни о чём, кроме как о таинственном бледном черноволосом парне, зажмурившим глаза и недвижимо вставшим у разбитого зеркала.

Они должны узнать. Я пришёл к твёрдому решению показать видео, чтоб мои друзья знали с кем общаются. Возможно, мне просто хотелось облегчить давление этого события на меня? Возможно, мне казалось что поделившись этим видео с другими, я смогу начать забывать о нём?

– Мне надо вам показать одно видео – уверенно начал я, но прервался.

Столовая – огромный улей. В ней всегда стоит не стихающее жужжание. По ней всегда копошатся, ходя из стороны в стороны, ученики, создавая то самое жужжание.

Эта странная метафора не учитывает главное – ученики, в отличии от пчёл, всегда держатся сами по себе, разбиваясь на более мелкие группки. Маленькие трудолюбивые насекомые работают для осуществление одной важной поставленной цели – создание мёда, чтобы впоследствии заспанный человек опустил ложку, над которой трудились тысячи их сородичей в чай, разбавив плод многодневного труда горячей жидкостью.

Звучит, скорее всего, чересчур маразматически, но если бы столовая была ульем – не один грамм мёда не увидел бы свет. Тут каждый сам за себя, каждый, словно голодный хищный орёл всегда готов налететь на беспомощную одинокую добычу.

Сейчас, этой самой добычей стала яркая блондинка вошедшая через парадную дверь улыбаясь своей темноволосой подруге. Алина и Каролина – самый популярный женский дуэт этого города. Так называемый улей полностью обратил на них своё внимание, готовясь к нападению и пекущим укусам.

Обстановка накалялась с каждой секундой после хлопка двери, с каждым новым шагом высоких шпилек от «Джимми Чу» по холодному школьному кафелю.

Жужжащие пчёлы готовы к кровавой бойне.

– Шлюшка.

– Давалка.

– Гопниковская подстилка.

– Давалка и её подруга шлюшка.

Многочисленные шепотки, доносившиеся с других столов не блистали разнообразием. Как не удивительно, самым активным был рой «свитеров»: скромные, на вид, девчонки, потеющие или от бесстыдности выходящих из них матов, или из-за жары, вызываемой толстыми шерстяными нитями их кофт.

Стоило Кэр лишь взглянуть на их стол, как цепочка язвительных и невероятно «остроумных» комментариев резко прекратилась.

– Я слышала что она заманивает парней тем, что не бреет свою киску годами, сохраняя первостепенный девственный вид – монотонно обрезала гот с криво накрашенными чёрной помадой губами. Её голос был словно у мертвеца, обдающегося с живыми через доску Уиджи. Она смотрела на таких же равнодушных броско накрашенных подруг. Их было всего две. В наше время не много людей желают становиться готами, знаете ли.

– Фу, что ты такое несёшь – «фу» одной из завсегдатаев стола устаревшей субкультуры по эмоциональному наполнению ничем не отличалось от других слов. Они будто специально гундосили, не давая понять их настроение на данный момент: может быть они счастливы, может быть несчастны –

это навсегда останется загадкой.

– Это сто процентов, сейчас модно отращивать себе густые кусты, кхм – отпив глоток из бутылки «Пепси», девушка с чёрными губами откашлялась – В своих нижних висячих садах Семирамиды.

Каролина уверенно шагала между рядами столов, не озираясь на шипящую, как змеи, публику. Алина держалась прямо за ней. Шли они словно сёстры-близняшки, выросшие вместе – идентично. Одинаковая походка, а-ля: «Мне плевать на сидящий тут биомусор пахнущий дешёвыми бургерами и сладковатым растворимым кофе». Каждый шаг – идеально продуман, словно вычислен по особой формуле.

Уверенный взгляд блондинки смотрел вперёд. Она нацелено шла к нужному месту, в голове проматывая свой план.

Она изменилась – выражение лица примерного ангелочка стёрло, словно следы карандаша ластиком. На её месте появилась новая маска, кстати говоря, очень даже идущая ей – холодная Снежная Королева, сошедшая со страниц сказки Андерсона.

Белая кожа и леденящая улыбка, которая резала всех окружающих как осколки льда.

Лишь глаза Кэр продолжали гореть, не давая сидящим в столовой понять, что же в них написано – злость, уверенность или ненависть. Скорее, чувство ближе к третьему.

Снежная королева подошла к пустому столику, ловким движением руки откинув в сторону пустой тетрапак от йо-

гурта. С открытого картонного пакета вылились остатки напитка, расплываясь по полу цвета кожи дельфина.

Она ловко забралась на плоскую поверхность, пошатываясь на высоких шпильках. Взоры каждого в столовой были устремлены на неё. Она могла привлекать всё внимание к себе на «ура», сама не понимая как ей это удаётся.

– Что она делает? – удивлённо спросил Макс, смотря на свою бывшую, ловящую десятки взглядов.

– Намечается шторм – хмыкнув констатировал Андрей, скрестив руки на груди.

– Эй стадо!– громко крикнула Каролина. Гул ходивший по комнате резко прекратился. Даже «свитера», сплетничающие и с набитым ртом, наконец умолкли– Сообщаю каждому из вас, завистливых закомплексованных уродцев, что я по настоящему влюбленна в самого ненавистного человека города. И если вам, гадкой помойной куче, тяжело принять то, что у кого-то здесь складывается настоящая любовь – мне глубоко вас жаль. Время моей доброты окончено. В этом городе не ценят человеческую доброту. Теперь я выбираю иную тактику общения – улей продолжал пребывать в полном спокойствии, предав постоянную привычку жужжать – Старая Кэр умерла, засранцы – голос блондинки медленно сошёл на шёпот – Всем спасибо за внимание, можете дальше продолжать есть свои дешевые жирные «лЭнчи» – растянув слог «Э», она неловко слезла со стола, продолжая шататься на каблуках как циркач на ходулях. Присев на стол, и опу-

стив ноги на стоящую рядом скамейку, она добавила – Ах, да, чуть не забыла – подняв средний палец над головой, она громко выкрикнула второй раз за день – СОСИТЕ!

Алина, стоящая рядом с подругой громко рассмеялась:

– Узнаю тебя настоящую, Кэр.

Столовая продолжала молчать. Монолог главной сенсации начала учебного года смог прекратить устойчиво стоявшее тут жужжание.

На кухне сидел отец, пережёвывая мягкие, словно размокшие после дождя, спагетти и не отрываясь смотря в телевизор.

Увидя меня, в первую очередь он улыбнулся. Он всегда улыбался, зная насколько прекрасна его улыбка, сразу задавая собеседнику положительное впечатление о себе.

– Привет – радостно кинул он, провожая взглядом мой рюкзак, отлетающий в сторону падая у шкафчика с обувью.

– Привет – улыбнулся я, сразу зайдя на кухню и наплевав на белоснежные носки, собирающие на себе всю грязь пола.

Я осмотрел своего отца: оживлённый взгляд, который то вспыхивал, то сразу же тух после этого, аккуратно выбритая борода, обещавшая уйти в октябре в связи с новыми трендами и хипстерская причёска. Мой отец был идеален до чёртиков. Папа-мечта миллионов мальчишек по всему миру, тот самый, кто научит азам пик-ап мастерства, тот самый кто подскажет как доехать домой, когда ты пьяный в хлам и как

купить сигареты, обманув продавщицу. Тот самый, кто всучит тебе твои первые поддельные документы и аккуратно упакованные презервативы, положив коробку с ними под ёлку в качестве новогоднего подарка. Он во всём был «тот самый» – если не обращать внимание на обратную сторону монеты.

Не меняющийся с годами, не поддаваясь течению времени оставаясь тем «королём выпускного бала» – вполне может быть, что это было грустно. Человек, мечты и надежды которого разбивались с каждым новым прожитым годом. Человек, приблизительно в моём возрасте фантазирующий мир, падающий к его ногам, и через каких-то пару десятков лет ненавидящий всех, теснясь в пахнущим тухлой рыбой тесном кабинете.

Может быть, он был примером идеального мужчины-красавчика, не теряющего точёную округлённую форму бицепсов к сорока годам, но также может быть, что он являлся примером человека с жизнью до горы забитой разочарованиями в себе и разрушенными ожиданиями. Может быть, посмотрев бы на него, любой другой парень воскликнул – «хочу быть таким же к сороковнику!» Но я был странным, видя лишь несмываемую пахнущими метолом кремами после бритья грусть.

Представьте себе, что вы самый популярный человек города, снисходительно посматривающий на плохо пахнущего зажатого братца. А потом представьте, что братец вырас-

тает превращаясь в миллионера «Форбс», не выпуская вас из тени. Вы всегда чувствуете себя неудавшимся, выслушивая комментарии родственников, без остановок твердивших: «Пока твои глупые мозги были заняты сексом, братец выстроил свою золотую империю на ровном месте, ЛУЗЕР». Должно быть неприятно, согласитесь?

Наши отношения – отдельная тема. Разбрасываться заезженными фразочками вроде – «Мы из других миров» или «Он не моего типажа» – тупо. Мы просто иногда не понимали друг друга, словно начиная разговаривать на разных языках. Как люди, спорящие кто круче – Трамп или Путин, Мадонна или Леди Гага, Ариана Гранде или Мерайа Кери. Наши мнения часто разнились, заставляя разговоры зависать неловкой паузой над обеденным столом.

Да-да, мои отношения с отцом – неоднозначная штука.

– Пап, Андрей пригласил меня завтра сходить на какую-то тусовку – как-бы между делом заявил я отцу – Он заедет за мной вечером.

Картина, изображавшая лицо моего отца после этой фразы в моей голове, полностью оправдалась.

Он расплылся в своей идеальной-белоснежной-«лакалут» улыбке, блестящими глазами говоря «Наконец-то ты мне это сказал».

Если судить по картине, то сейчас должна была начаться лекция о том, как правильно рыгать потеряв равновесие от литров выпитого алкоголя.

– Конечно же иди. Повеселитесь – довольным тоном ответил он, бросая взгляд на ток-шоу идущее по телевизору – Помнишь чему я тебя учил?

Пройдя ближе, я сел за стул придвинувшись к тарелке с мокрыми спагетти.

– Помню.

– Основы пик-апа?

– Да

– Как не начать потеть, знакомясь с красоткой?

– Да

– Как мило улыбнуться и при этом не выглядеть как идиот?

– Да-да-да. Пап, я всё помню – наложив длинные макаронины в тарелку я принялся есть – Где мама? – спросил я, пережёвывая свой ужин.

Не дожидаясь ответа, я встал из-за стола, подойдя к холодильнику и заглянув в него. На дверце на выбор мне предлагалось два смузи в твёрдых стеклянных банках: клубника и мята или малина и базилик. Не думая, я взял первый вариант.

Моё питание – это тема, озадачивавшая всех окружавших меня людей. Они все, как один, не могли понять – как желудок подростка может переварить овощи и зелень, при этом отказавшись от соблазнительных пахнущих грязными носками кусков картофеля-мутанта присыпанного оранжевой крошкой, или аппетитного четырёхэтажного бургера, не

влезавшего в рот, даже если челюсть раздвинуть тисками, украшаемого мягкой котлетой, истекающей густым жиром, посередине? Дело в моём желудке. Он, после малейшего попадания жирной еды в него начинал выть и скулить как кит во время брачного периода. Меня тошнило. Казалось, будто в моём животе сидит скользкий инопланетянин из первых «Чужих», норовящий вырваться наружу сию минуту.

Все эти продукты загадочного происхождения, попадая ко мне в живот начинали жить своей жизнью. Они образовывали подвижный симбиоз, свою армию идущую против моего пищеварения. Из-за этого кусок жирноватой шаурмы, в которую бережно завернут кусок ягнятины, на котором посидела каждая третья навозная муха города, казался мне намного мерзопакостней, чем кусок хрустящего брокколи, например.

Я – странный подросток. Ну ничего не поделать, это воля моего желудка.

Крышка смузи громко хлопнула, дав мелким густым каплям разлететься в разные стороны.

Отец не отрывал взгляда от громкого шоу, звуки которого раздавались по всему дому.

«Говоря о разговоре» – программа на главном канале, в котором высокий ведущий блондин с выстриженным под линейку каре, напоминавшим типичную причёску прилежной мамаши среднего возраста (на мужике она смотрелась нелепо) ходил с микрофоном по залу, опрашивая совершенно

непонятно как причастных к обсуждаемой теме людей. В основном, это были не умолкая кудахтающие бабушки. Они вели настолько живые дискуссии, что в зале, казалось, вот-вот и завяжется потасовка.

Потасовка старух, спорящих о новой обнажённой фотке Ким Кардашьян. Я улыбнулся, обратив на себя внимание отца.

В студии, на диване недалеко от них сидел обтатуированный блогер, не выговоривший ни одно предложение без навязчивого устаревшего слэнга, неестественного южного акцента и протяжного «Йоу» или «Е-е-е». Типичное представление сидящих там старушек о современной молодёжи. Рядом с ним сидела сисястая модель, пухловатый политик и, судя по всему, тайский трансвестит. Говорил он низким басом, при этом подведя фиолетовые стрелки на глазах и накрасив ногти ярко-розовым, сцепив руки на жилистых мохнатых коленях.

В студию вошла заплаканная девушка, изнасилованная на вечеринке у своего одноклассника. Не успела она намотать сопли на кулак, как со стороны пенсионерок полетели тухлые томаты и огрызки яблок.

– Да ты посмотри на себя! Ты же п-р-р-роститутка – воскликнула пожилая дама, протягивающая звук «р».

– Ты даже на главный канал страны припёрлась будто на трассу! – кричала другая, обильно жестикулируя одной рукой, при этом другой успевая держать микрофон перед уста-

ми, из которых в разные стороны разлетались слюни.

Рыдавшая жертва пыталась заткнуть каждую кричавшую, подскакивая с места и набрасываясь на крикливых «божих одуванчиков».

Ничего нового.

Программа мелькала пред моими глазами обрывистым набором картинок и криков. Я опускал глаза то на мягкие тягучие спагетти, то переводил в окно, смотря на пустую дорогу, у которой виднелись яркие аккуратные клумбы Жанны. Агрессивный гном, державший нож в руках заглядывал прямо к нам на кухню. Б-р-р! Надо будет незаметно отвернуть его, стараясь не попасться на глаза видящей всё соседке.

«Жестокое убийство имеющее религиозный подтекст шокировало маленький городок на востоке страны» – ведущий с бабским каре сухо тараторил написанный в блокноте текст, обратив на себя моё внимание.

В телевизоре пошли куски из фото и видео проишествия на концерте. Окровавленное тело, гвозди забитые в руки, кричащая толпа – цензура не скрыла ничего. Даже безжизненное лицо Давида показано во весь кадр.

Сглотнув подошедшую ко рту слюну я продолжил смотреть на экран, на самом деле находясь в том месте.

Толкучка. Чужие ноги, наступавшие на мой кед одна за другой. Недостаток воздуха. Крики, звенящие в ушах по сей день, и самое главное, повисший над городом крест.

Струи крови, стекающие вниз, и странное ощущение оце-

пенения. Будто ты способен лишь стоять и смотреть на глубоко вырезанную букву «V”.

– Они скоро рассчитаются за свои поступки – я вспомнил дрожащий гундосый голос сидевшего рядом со мной парня. Перед носом пронёсся его аромат: зловонный пот и таящий воск. Его глаза, которые оценивающе смотрели на нового соседа по парте.

После парочки кадров окровавленного трупа включили видео, взятое из Ютуба. Тот самый популярный мем, где «пьяный жирный еврей» забирается на стол, выплясывая тектоник.

Я скривился. Омерзительно, как можно продолжать крутить видео, разрушившее человеку жизнь даже после его смерти?

Отец отвёл взгляд от экрана, посмотрев на меня.

По телу быстро прошлась мелкая ритмичная дрожь.

Взяв пульт в руки, папа выключил телевизор.

– Тебе хватит этого зрелища – сухо обрезал он – Ты его уже сполна насмотрелся вживую.

Поставив перел собой ноутбук, я зарылся в одеяло чувствуя необъяснимый жар. Озноб прокатывался по телу из раза в раз. Симптомы болезни? Вряд ли.

Перед глазами стояла алая буква «V”. Аноним, всегда находящийся там, где ему нужно. Аноним, желающий отомстить богачам, убивая при этом низший класс. Аноним, не

жалеющий даже тела закомплексованного подростка, вырезая на нём свой инициал.

Леди V.

«V» – кровь от ярко-красных шрамов растеклась в разные стороны, окрашивая белую воскресную рубашку в багровый.

Переведя взгляд с горящего монитора на окно, я с удивлением обнаружил что на улице воцарила тёмная ночь. Абсолютно резко, будто по чему-то щелчку пальцев. «Щёлк!»– и день, во время которого я зашёл в свой дом бесцеремонно ушёл.

Я утонул в мягкой кровати полностью скрывшись в стоявшей тьме. Лишь свет монитора освещал моё уставшее лицо.

Я чувствовал, будто на меня возложили тяжёлую ношу, давящую на спину всем весом. Моя голова трескалась от всего происходящего тут. Мыли, догадки, теории – все смешивалось и перемешивалось будто быстро вращающемся по кругу блендером.

В лежавшем у подушки “MAC” шёл первый сезон «Твин Пикс» – фаворит одного из моих самых любимых сериалов. Люблю историю Лоры Палмер и окутанного мистикой городка ещё с десяти.

Услышав музыку во время заставки я сразу расслабился, отпустив алую букву и давая мыслям освободиться. Успокаивающая культовая мелодия, пейзажи гор и озёр… Я уже там, в далёком мрачном городке.

Мой семнадцатый год сделало лишь две вещи: выступле-

ние Гаги на «Кубке» и новый сезон «Твин Пикс», шокировавший меня в край. Даже напугавший до чёртиков.

Что же, мог ли я подумать что когда-то окажусь посередине подобной пугающей истории, сам того не осознавая? Вряд ли.

Заснул я под ту же культовую мелодию во время начала новой серии.

Спокойное лицо спящего парня освещал свет стоящего рядом ноутбука. Свет луны, полным ходом готовившейся к надвигающемуся полнолунию проник внутрь сквозь прозрачные шторы.

Яркий блик на мгновение осветил окутанные мраком тени – чёрные пятна, навсегда остающееся загадкой.

Просторная кровать, письменный стол, дверь с висящим на ним зеркалом и шкаф, набитый одеждой.

Лунный блик пробрался в комнату ещё раз, осветив широкую улыбку.

Тёмная тень, стоявшая за шкафом медленно выдвинулась к кровати. Бесшумные шаги становились всё ближе к лежащему подростку.

Лунный блик быстро вышел из комнаты, оставив мрак наедине с парнем.

Тень возвысилась над спящим телом, протянув дрожащую руку к его щеке. Он чувствовал тепло его кожи. Чувствовал холодное дыхание. Ему хотелось потрогать мальчишку, но

он не мог, продолжая наблюдать за вдохами.

Это был не добрый взгляд, с искренностью осматривающий спящего, нет. Это был взгляд охотника, высматривающего резвую дичь. Взгляд довольного охотника, нашедшего свою жертву.

Тень сделала шаг назад, наступив на скрипучую доску. Эхо скрипа раздалось по комнате, выйдя в коридор.

Влад глубоко вздохнул, перевернувшись на другой бок.

Комната была пуста. Он лежал, как и ранее, совершенно один. Лишь он и тьма.

Или, на самом деле, он никогда не был один?

Некоторые люди совсем не видят сны – удивительный факт как для человека, которому случайные всплывающие по ночам в фантазии картинки просто не дают покоя.

Иногда, просыпаясь по утрам я чувствую себя так, будто всю прошедшую ночь неугомонно бодрствовал. А как по другому, когда за каких-то шесть часов, отведённых на сон, ты успеваешь побывать в нескольких разных местах, иногда даже фантастических выдуманных мирах, всё безумие которых нельзя понять обычному человеку.

О да, я представляю себе это: обычный человек в перемотке просматривает мои сны, шокировано раскрыв рот и не отрываясь от сумбурного нелогичного повествования.

Иногда, они были практически целиком нормальными. Точнее, нормальными в меру – например, я открываю не ви-

данный ранее индонезийский изумрудный остров на огромном деревянном корабле, племена которого обмазывают тело липкой глиной и выбивают себе зубы.

Периодически, в меру нормальные чередовались с «из-ряда-вон»: оседлав скользкого дельфина, я плыву на встречу неизвестности, руками хватаясь за радугу, рассыпающуюся на десятки желейных мармеладных мишек.

Стоя посреди бразильской фавэлы, я пытаюсь прострелить своего загорелого двойника, укравшего кокосы на местном рынке у пожилой жительницы Рио.

Бегая по Сибири, уютно раскинувшейся по всей географической середине России, я пытаюсь спастись от маньяка в хоккейной маске, напоминающий Джейсона Вурхиза, только вместо бензопилы у него в руках волшебная палочка из Гарри Поттера.

«Что?» – недоумевая спросите вы, перечитывая строчки сверху по второму разу. Это мои сны, и они поглощали всё тело от кончиков ногтей на пальцах ног и до торчащего волоска на моей макушке. Смотря на свою небольшую кровать, я вижу перед собой удивительный телепорт, переносящий в другие миры с закрытием глаз.

Подскакивая с телепорта, я продолжал видеть перед глазами пришедшие мне в голову картинки, чувствуя лёгкую усталость, будто я и правда минуты назад бегал по Сибири или совершал морскую экспедицию в Индонезию.

Возможно, мои же сны меня и разрушали. Медленно, но

уверенно сдавливая психику мрачными жестоким картинами, периодически всплывающими ночью. Я полностью погружался в тёмный мир, из которого меня способен был вывести лишь полный ужаса крик.

Спокойный сон. Я валяюсь на своей кровати, наслаждаясь тьмой стоящей перед моими глазами. Тишина, мрак и пение сверчков, прыгающих за окном.

Тьма развеевается, показывая за собой столь знакомую картину. В ней преобладает тусклый жёлтый и бледно-зелёный цвет.

Ржавые рельсы, уходящие в никуда. Я стою посреди них, осматривая выгоревшие кустарники по бокам. В моих руках низкий двухколёсный велосипед, подаренный дедушкой на восьмилетие. Он остался там навсегда, как и мой кот, порой приходивший во сне и садившийся рядом, зелёными глазами заглядывая в душу: «Почему ты меня не нашёл? Уехал, оставив меня одного».

Рельсы, по которым никогда не ходили поезда находились на окраине моего родного городка. Именно тот город, находясь в котором ты никогда не сможешь подумать, что когда-то будешь за ним скучать: серые монотонные многоэтажки, тянущиеся по желтоватой степи одна за другой, как разбросанные на ковре кубики «ЛЕГО», переплетаясь с выгоревшими от солнца посадками.

Вдали выглядывал блестящий синевой ставок, у которого поржавевшие рельсы резко обрывались.

Место силы прямиком из детства. Я часто видел его в своих снах. Почему-то моё сознание никогда не выдавало скромную душную квартиру или мрачный плохо пахнущий подъезд. Оно всегда переносило меня сюда, к водоёму у которого я частенько сидел после школы.

Приезжая сюда на велосипеде, я закапывал ноги в песок и думал о прошедшем дне: иногда, с порезов, оставленных после случайной школьной драки, в мутную воду стекала кровь. Иногда я хватался за голову, ставя себе сумбурный вопрос «ЧТО ЭТО СЕЙЧАС БЫЛО?» смотря в песок усеянный мелкими бычками. А иногда я поднимал взгляд в просторное небо, мечтая о будущем. Мог ли я подумать, сидя в своём родном городе и мечтая о том моменте, когда я уеду в шумный мегаполис строя головокружительную карьеру, что когда-то маленький жаркий южный городок будет заново отстраиваться в моих снах.

Я всегда был один у этого небольшого озера. Это было моё место, где я просто усаживался на тёплый песок и подпирая подбородок начинал думать. Начальная школа – сложный период для каждого, и я его переживал именно так.

Краска на стареньком велосипеде, даже во сне, где всё должно быть безукоризненно, потрескалась, обнажив ржавчину под собой. Цепи пронзительно скрипели, хриплым голосом моля: «Смажь нас! Или освободи от страданий, скинув на металлолом».

Я оставил велик у начала пляжа, подойдя ближе к берегу.

Вода, казавшаяся мне привезённой прямиком из Индийского океана, топила в себе миллионы разорванных пакетов и пластиковых бутылок. Люди просто не могли пересилить себя дойдя до мусорника. Озеро было полностью покрыто зелёной тиной, делая воду внутри себя непроглядной пучиной. Я никогда не заходил в неё, ощущая свою форменную брезгливость, боясь что хотя бы маленькая капля попадёт на мою кожу. Тогда, влажное место начало бы жечь, будто от прикасания азотной кислоты.

Но во сне вода была чистейшей, прозрачной настолько, что с лёгкостью можно было рассмотреть белоснежное песчаное дно.

Я зашёл в неё по щиколотку, делая ещё один мелкий шаг. И ещё. Мне нравились эти чувства. Вода в озере была густой и тёплой, как парное молоко.

Я хотел погрузится в неё полностью, опуская руки всё ниже и ниже. Она щекотала мою кожу. Каждая клетка наслаждалась, принимая тёплую ванну.

Опустив голову я взглянул на своё лицо. Я был идеален – чёрные точки и навязчивые красные прыщи остались там – в свете дня, полностью сойдя с лица при мраке ночи. Меня всегда передёргивало от осознания того что где-то под твоей кожей живёт своей жизнью мерзкий гной, образовывая упругие шишки на теле. Омерзительно чувствовать что какая-то инородная масса спокойно существует под тонким слоем кожи, норовя вырваться наружу.

Солнце освещало тонкое тело и резвые глаза. В его лучах, я, казалось, светился как новогодняя гирлянда.

Наслаждение. Тепло, покрывающие тело и приятные чувства. Вода, поглотившая в себя мои ноги и ласковое яркое солнце.

Как можно испытывать столь приятные эмоции во время сна?

Я обводил взглядом ровную, как плоское стекло, водную гладь. Сравнение со стеклом было неизбежно – словно зеркало, озеро отражало в себе желтоватые кустарники, вытоптанную траву и зелёные высокие камыши. Я видел в ней своё тело, будто в первый раз осматривая свои руки и стройный торс, острый крупный нос и торчащие в разные стороны чёрные волосы.

Я вздрогнул, даже во сне почувствовав как левая нога согнулась в колене.

Прищурившись, в отбивающем лучи солнца зеркале я увидел расплывшиеся в улыбке морщинистое лицо. Безумные быстрые глаза, будто спеша, ходили по моему отражению и нависшими над озером деревьями.

Я сделал шаг назад, быстро обернувшись уперевшись носом в незнакомого мужчину.

Неприятная физиономия, от которой к моему телу возвращался уже ставший привычным озноб.

Лоб, напоминавший мятую рубашку из-за своих нависших одна на другой морщин. Колкие глаза, будто впивающи-

еся в кожу с каждым взглядом. В них будто-бы происходила буря, полностью не соответствовав с довольной широкой улыбкой. Гнусной и мерзопакостной улыбкой.

– Кто вы? – дрожащим голосом спросил я, перемешивая ступнёй тёплую воду под ногами.

– Он рядом – на вид, мужчине было лет пятьдесят. Типичный представитель замкнутых в себе отшельников, теснящихся в однокомнатной квартире с матерью. После своей первой фразы, произнесённой низким голосом поедающим гласные звуки как горячие пирожки, незнакомец показал гнилые зубы, похожие на недоеденные куски молочного шоколада – Он близко. Ещё ближе, даже чем ты себе можешь представить.

– Кто близко? – недоверчиво переспросил я, удивляясь самому себе. Я не стал отходить, крича «Вы мне не приятны» или «Ваши зубы похожи на куски навоза». Я застыл, заглядывая в взволнованные глаза. За своей спиной незнакомец что-то держал, но я не смог рассмотреть что именно.

– Конец. Конец близко.

– Чей конец?

– Твой – улыбка не сошла с его лица – Твой конец стоит рядом с тобой, дыша в спину – не во сне я бы рассмеялся от столь двусмысленной фразы – Зря ты приехал сюда. Тебе стоило закрасить это место на карте чёрным маркером, объезжая десятой дорогой. Всему человечеству стоило так сделать.

Я молчал, смотря на незнакомца.

– Ты хочешь увидеть свой конец? – рубрика «я бы рассмеялся, случись бы это в реальной жизни», дубль два. «Нет, я не хочу увидеть свой конец» – сказал бы я, но сейчас лишь скромно промолчал.

Ивы, склонившиеся над озером опуская свои ветки в воду заволновались. Подул тёплый ветер.

– Пойдём за мной – лысый незнакомей зашагал к желтеющим низким терновникам, недоверчиво посматривая назад.

Я послушно зашагал за ним, не узнавая самого себя, того предусмотрительного скептичного парня, вычитывавшего книги про маньяков с пяти лет.

Идя по песку я уверенно спросил у вставшего ко мне спиной мужчины:

– Кто вы?

– Можешь называть меня своим другом из лесополосы.

– Почему вы решили что стали другом для меня?

– Ведь только друг может заботливо показать тебе твой финал, верно? – я ничего не ответил, лишь следовал за ним – Только друзья способны так сделать: я покажу тебе окончание твоей жизни, не попросив ничего взамен.

Гладкими сморщенными руками незнакомей раздвинул жёсткие кусты, ожидая меня.

За ними царил непроглядный мрак. Я не видел ничего вокруг себя, думая что сон наконец закончился.

Сквозь нависшие над нами плотные жёсткие ветки про-

бился яркий луч солнца. Он светил прямиком на нас.

Мой взгляд стоял на бледной коже незнакомца, которая также начала переливаться яркими блёстками.

Может быть все в этом сне, как вампиры в «Сумерках», начинали светиться от малейшего попадания солнца на кожу.

– Смотри – сухо выдал незнакомец, растянув улыбку ещё шире.

Повернув голову, я глубоко вздохнул уловив ужасный выедающий глаза аромат.

Луч осветил высокие горы из человеческих тел, с которых ручьями вытекала кровь.

Присмотревшись получше, можно было заметить, что все тела – дети. Девчонки в инфантильных розовых платьях. Мальчики в старомодных узких джинсах и бейсболках с широким козырьком. Гёрл-скауты, с нацепленными на пояс броскими значками.

Все они были мертвы: с невинных не созревших тел текла кровь прямо к моим ногам.

– Шестьдесят четыре жертвы – рассмеялся незнакомец – По ребёнку на клетку шахматной доски.

Я вскрикнул, понимая что звук не вырвался из моих приоткрытых уст сквозь сон.

Отходя назад, я продолжал кричать слыша свой низкий голос.

– Добро пожаловать домой, Влад – нараспев крикнул муж-

чина, достав из-за спины зеленоватую розочку от разбитой бутылки.

Замахнувшись, он ударил меня прямо в живот. Опустив глаза, я наблюдал как грязные осколки проседают в моём теле всё глубже и глубже. Как из-под них струиться густая кровь. Как мои губы медленно окрашиваются в багровый, и как из рта начинает течь холодная жидкость.

Раздался смех. Безумный неприятный хохот, звучавший в моих ушах даже после того, как я открыл глаза спрыгнув с кровати.

Я не кричал характерно для себя. По телу туда-сюда ходил неприятных озноб. Руки дрожали.

Выглянув в окно и посмотрев на почти полную луну, я кинулся прочь из комнаты, погружённую в мрак, как из самого страшного места на планете.

Сбежав вниз по лестнице я не раз спотыкнулся, продолжая бежать во мраке.

Заснул я где-то к четырём часа утра, если верить настольным электронным часам. В этом мне помог ночной эфир детского канала, который я включил в надежде поймать волну позитива.

Там шёл черно-белый ретро мультик про Микки Мауса, в котором он из всех сил старался понравится Минни, явно флиртующей с ним. Возможно, для детей двадцатого века поколения «бейби-бума» эти намеки были не совсем ясны.

Диван оказался вполне мягким, чтобы за считанные секунды закрыть глаза и заснуть.

Глава 7 #городакоторыхнет

– Вам прийдётся разделиться по парам, – белокурая учительница географии неторопливо прохаживалась между рядами парт, мимолётно осматривая учеников. Раз за разом она подправляла высокий воротник строгой белой рубашки. Консервативные рубашки от Ральфа Лоурена, скорее всего, были её увлечением и каждодневной формой. Синие, голубые, красные и чёрные.

Я хватался за голову, в надежде не заснуть во время окончания первой недели в новой школе. Казалось, если я ещё раз моргну то засну прямо на парте.

В шесть утра меня разбудил отец, начавший собираться на работу, хлопая дверцами шкафчиков на кухне.

– Как ты оказался спящим на диване в зале?– спросил он, увидя как я нехотя продирал глаза – Опять ходил во сне?

– Долгая история – сухо ответил я, закрыв глаза в надежде вновь заснуть.

Не вышло.

Коммуникабельность – черта, которая явно отсутствовала у сонного Влада. У сонного Влада вообще отсутствовали любые качества характерные бодрому Владу.

Меньше всего мне хотелось знакомится с новыми людьми,

вырезая флаг какой-нибудь Мьянмы из цветного картона.

Я бы сам на тяп-ляп нарисовал низеньких азиатов, засыпав это всё липкими канцелярскими блёстками. И плевать на кол – главное быстрее дайте домой и плюхнутся на кровать, моментально заснув.

Учительница посадила меня с девчонкой, лицо которой плотно прикрывали каштановые волосы. Она склонялась над толстым скетчбуком, выводя линии на нём простым карандашом.

Достав мелкий огрызок бумаги, который лежал в старой плохо пахнущей шляпе, плывущей по рядам и рандомно дававшей задания каждой паре, я обнаружил что нам прийдётся создавать проект о Лаосе. Маленькая страна покрытая зелёными джунглями, вытянувшаяся как глист среди других азиатских стран.

Всё место на парте занял пустой ватман.

Девчонка продолжала увлечённо рисовать. Немного отклонившись, я рассмотрел чёрно-белый портрет Курта Кобейна. Весьма детальный и талантливый, кстати говоря. Каждая волосина, каждая колючка создающая щетину и каждая морщинка на губах– всё было прорисовано очень щепетильно.

Глаза Курта прикрывали объемные белые очки с тёмными стёклами, мода на которые нежданно вернулась в 2018-ом.

Наклонившись поближе к раскрытому блокноту я уло-

вил запах волос соседки: приятный шампунь, доносившийся внутрь моего носа лёгкой кислинкой.

Осилив финальный штрих, девчонка подправила невероятной густоты волосы, откинув их назад и показав симпатичное лицо. Огромнейшие голубые глаза с интересом взглянули на меня, будто не замечали ранее подсевшего одноклассника.

– Я Влад – улыбнулся я глупой улыбкой, похожей со стороны на оскал злой собаки – Любишь Нирвану?

– Я Ева – едва она приоткрыла губы, как я сразу рассмотрел белоснежные выстроенные в ряд зубы – Обожаю Нирвану.

Ева провела кончиком языка по высушенной верхней губе.

– Я тоже обожаю Нирвану.

– Серьёзно? Может быть хоть в этот раз мне повезёт с партнёром – она женственно хмыкнула, ещё раз подправив густые волосы – И какая у тебя любимая песня? Только не говори что «Smells like teen spirit» – как же я «обожаю» людей, слушавших лишь одну их песню и называющими себя фанатами.

Огромные живые глаза проницательно старались заглянуть, прямо таки, внутрь меня.

«Девчонка-контраст» – подумал я про себя, осматривая бледную кожу, не соответствовавшую с насыщенностью глаз. Она была почти прозрачная – такая белокожая, что её тело

отбивало в себе залетающий в кабинет солнечный свет.

– Я с десяти лет обожаю «Lithium”.

– Ты сейчас серьёзно? – контрастная ухмылка переросла в широкую улыбку – У них – это моя любимая песня. В девять лет, когда я нашла в нашем гараже пластинку «Nevermind”, сразу же влюбилась в «Lithium»! До сих пор я храню пластинку у себя в комнате, на самом видном месте. Наверное, со стороны я выгляжу как зануда хранящая старый винил. Но по-моему это намного атмосфернее, чем слушать в «Spotify» трек за треком. Слушать Нирвану в наушниках – это как жить без ноги.

Я хмыкнул ещё раз. Моя улыбка в очередной раз казалась глупой. Всё во мне, рядом с ней, казалось таким нелепым.

Её смех был так привлекателен, заполнял собой весь кабинет. Договорив фразу, она сама рассмеялась привлекая внимание учительницы.

Ева была чертовски привлекательна. Солнце, проникавшее в кабинет через большое окно до потолка изменяло цвет её волос как хамелеон меняет цвет кожи. При свете дня она казалась блондинкой, но как только яркое солнце закрывала массивная туча волосы моментально чернели. Какая-то магия.

Глубокие глаза также нельзя было вписать в какие-то рамки. Прозрачно-голубой цвет, переходящий в изумрудный ближе к тёмному круглому зрачку.

Её глаза ходили по мне, от волос и до носа. Под ними на-

висали тёмные синяки, будто бы Ева не спала последние три дня. Эта черта придавала голубому цвету её глаз ещё большей голубизны.

Во время ненавязчивого смеха я уловил её запах. Я глубоко вдохнул аромат, вышедший из её рта.

Кисловатый бабльгам смешанный с крепким ополаскивателем вроде «Листерина».

Это нормально, что мне хотелось вдыхать запах ротовой полости человека, с которым я познакомился три минуты назад ?

Она не скрывая интереса осматривала меня секунд тридцать, затем негромко хмыкнув развернулась к своему рисунку. Утончённой ладонью она ещё раз провела по свисающим вниз волосам.

Она водила карандашом по белоснежной бумаге, периодически бросая быстрые взгляды в мою сторону.

Словив себя на мысли что я постоянно пытаюсь придвинуться ближе к новой соседке, ёрзая по жёсткому стулу, я понял, что нужно продолжать разговор. Она притягивала меня как Земля Луну, разве можно отпустить девушку с таким притяжением?

– У тебя хорошо получается – улыбнулся я, провожая крупные голубые глаза, поднявшиеся на меня.

– Что получается?

– Рисовать. Я имел ввиду рисовать.

– Влад, давай без лести. Из меня посредственный худож-

ник, криво рисующий карандашом серое уродство в мятом скетчбуке.

– Нет, правда. Мне нравится. Я бы хотел посмотреть твои другие рисунки.

Вздохнув, Ева начала быстро листать страницы блокнота. Среди них мелькал силуэт Одри Хепберн, юного Леонардо Ди Каприо и Джанет Джексон.

– Что же я делаю? – разочаровано спросила Ева сама себя – Я ведь даже родной матери это не показываю.

– Значит, любишь рисовать звёзд?

– Звёзд. Вымышленных персонажей, но не своих, а тех, что уже придумали за меня. В девятом классе увлеклась киберпанком, переиграв во все игры «Deus Ex” и перечитав все книги Гибсона.

Я уверенно кивнул не зная фамилии.

– Ты рисуешь существующих людей и персонажей, придуманных другими. Ты никогда не пыталась изобразить… – я остановился, думая не сильно ли бестактен мой вопрос. Обрывок предложения повис в воздухе – … что-то своё?

Ева вздохнула в очередной раз. Уже сейчас можно было сформировать целый ряд её постоянных привычек: постоянное поглаживание своих же волос, быстрые многозначительные взгляды, которыми, она скорее всего, каждому хотела донести что-то. Она говорила одними лишь глазами, оставляя рот на замке.

Она была такая бледная, но такая живая. Слова выходили

из неё каждую секунду, даже когда она сама, должно быть, этого не хотела.

– Не люблю рисовать своё. Даже, скорее всего, у меня просто это не получается. Образы, изредка всплывающие в моей голове сковывают меня. Я становлюсь заложницей, видя лишь отдельные их части, которые перенести на бумагу крайне тяжело. Я рисую лишь то, что вижу. Мои глаза более прямолинейные чем голова, знаешь ли.

Образы, всплывающие по частям – интересно…

– Я увлекаюсь культурой 90-х. Точнее, в этом скетчбуке, с редкими исключениями, всё что с ней связано. Я много чем увлекаюсь. Культовое кино, классические ужастики, Хичкок, Уорхол и Бёртон – Ева хлопнула скетчбуком, прислонив подбородок к ладони и взглянув на меня снизу вверх.

– Вау, я не могу выпустить из виду девчонку с одинаковыми интересами.

– Смотришь культовое кино?

Я кивнул.

– Тащишься от старых ужастиков, когда остальные друзья скептически посматривают на тебя и говорят «Какие устаревшие спецэффекты»?

Я кивнул два раза.

– Пересматривал «Психо» по пятому кругу?

Кивнул.

– «Птицы»?

Кивнул.

– «Головокружение»?

Кивнул.

– Если на чистоту, наши схожие интересы становятся странными. Ты случайно не маньяк, отслеживавший мою жизнь до того как подсел ко мне?

Я рассмеялся, продолжая быть полностью поглощённым взглядом новой соседки. Теперь я понимаю весь смысл этой ванильной фразы. Хрустальные, как сервиз царской семьи в «Эрмитаже». Глубокие, как Мариинская впадина. Они гипнотизировали меня, заставляя смотреть лишь на них, улавливать каждое движение и многозначительный взгляд, ведь каждый взгляд Евы был коротким предложением.

Чувство, будто в тот момент я был шифровальщиком со стажем, пытающимся разгадать запутанный код.

– Мальчишка, любящий культовое кино. Смотри, как бы тебя за такое не отлупили наши «адидасы».

Я промолчал о том что уже пережил болезненный удар в живот от одного из них.

«Адидасы», «адидасы»… Её голос прозвучал эхом в моих ушах, выведя перед глазами образ рыжего парня. Безумный резвый взгляд, широкая ухмылка. За секунды он взлетел в воздух.

Чёткие тени часто проходили мимо моих глаз, растворяясь по щелчку пальцев.

«Щёлк!» – и я вижу перед собой лишь огромные глаза.

– Не любящий, а обожающий. Могу наизусть «Донни Дар-

ко» процитировать.

– «И мне кажется весёлым и одновременно грустным, что сны, в которых я умираю– лучшие что у меня есть» – Ева процитировала строчки песни-саундтрека «Mad world”

– Безумный мир… – мы всматривались в глаза друг друга и молчали. Губы слиплись, не давая словам проникать наружу. Они сейчас не нужны были. Я чувствовал её энергию всем телом, она летала тут везде. Её волосы падали на бледное лицо, а глаза ходили по мне.

Мы чувствовали друг друга. Я словно дотрагивался, прикасался к её волосам и мягкой коже просто смотря ей в глаза.

Она провела языком по верхней губе в очередной раз. Ещё одна привычка.

Сейчас говорили лишь наши глаза. Они без умолку общались, рассказывая друг другу сухие факты. Мы узнали друг о друге всё, за те минуты проведённые вместе.

– Это саундтрек, не считается – прервала неловкое молчание Ева, отклонившись на спинке стула и зажав между пальцем карандаш.

На столе перед ней одиноко лежал лишь блокнот и простой карандаш. И всё, ей этого хватало для погружения с головой в свой внутренний мир.

Хочу узнать его. Хочу побывать в нём, ну, во внутреннем мире. Может быть, прозвучало вульгарно. Но я чувствовал что за своим выразительным холодным лицом эта девчонка хранит целые города, созданные головой скрываемой густы-

ми волосами.

Её волосы… Они так приятно пахнут.

Города которых нет. Они существуют в её голове, смотря на окружающий мир через прозрачные глаза.

Пару реплик, всего несколько слов хватило чтоб с уверенностью заявить: МНЕ НРАВИТСЯ СИДЯЩАЯ ПЕРЕДО МНОЙ ДЕВОЧКА. Она грубо вытеснила одним лишь своим присутствием дикие мысли, воспоминания об алой крови и ушедших из жизни.

Она занимала всё пространство внутри моей черепной коробки словно неизлечимая психическая болезнь, которую не в силах убрать даже лоботомия.

Или это первое, обманчивое впечатление?

Мне нужна она. Мне нужно узнать лучше сидевшего рядом со мной человека, чьё холодное дыхание щекотало лицо в мгновение ока покрывшееся румянцем.

Как понять её внезапные чары?

Никак. Я не хочу ничего понимать.

– Ну что, приступим к Лаосу? – Ева расплылась в улыбке, словив мой застывший вдумчивый взгляд.

Я потянулся за красным маркером, одновременно выводя объемную тучку синим. Всё шло как надо. Наш проект, даже на стадии зародыша, казался прекрасным. Скорее, благодаря Еве: свесив волосы на тонкий ватман, она увлечённо выводила своим карандашом прозрачные наброски.

Я, держа смартфон, надиктовывал ей информацию про маленькую азиатскую страну, создавая предложения по слову из десятков сайтов. Я чувствовал себя мартышкой, высматривающей мелких блох среди шерсти сына.

Ева аккуратно выводила каждое словечко, скрепившееся тонкими линиями между собой в ряд. Её почерку позавидовал бы любой китайский каллиграф. Идеальные буковки, появлявшиеся внутри нарисованного облака как стройные модели на подиуме.

Утончённые округлости и вычурные завитушки создавали из сухих фактов произведения искусства.

– Столица Вье… что? – переспросила она

– Вьентьян – обрезал я, взглянув на страницу «Википедии».

Ева потянулась к розовому цветовыделителю, в то время как моя рука скользила по лежащим в пластиковой упаковке фломастерам.

На секунды, наши руки сошлись. Её ладонь ласково прикоснулась к моей. Я почувствовал холод её кожи. Она была, прямо-таки, ледяная, но в тот же момент я чувствовал её огонь, горящий внутри.

От быстрого прикасания я почувствовал удовольствие всем телом. Оно прозвучало внутри меня, давая приятному чувству ходить под кожей до конца урока.

Её прикасание сродни удара током. Сродни яркой вспышкой молнии, на считанные секунды попавшей в меня.

– Давай закончим у меня дома – дождавшись окончания громкого звонка предложил я, наблюдая за резко вставшей соседкой, схватившей блокнот под подмышку собираясь уйти. Как бы я не хотел чтоб она уходила. Как бы я хотел чтобы она оглянулась, решив сесть рядом со мной и ещё раз наградить своим прикасанием. Может я фетишист? Помешался на мимолётном контакте с почти незнакомой девчонкой?

– У тебя дома? – недолго думая, Ева ответила пожав плечами – Сойдёт. Когда?

– Завтра – это слово вылетело само собой. Я не успел даже задуматься, выпустив его из своих уст.

– Договорились.

«Договорились» – после этого слова стрелки часов замедлились. Время будто специально тянулось, оттягивая многообещающее «завтра». То самое «завтра», когда я увижу её вновь.

Ева – кто же ты такая? Почему я не могу остановиться думать о тебе?

Вы читали «Я, мои друзья и героин»? Самокопания реальной наркоманки, живущей в Берлине. Может быть вы смотрели экранизацию – «Дети со станции Зоо»? Или британский фильм «На игле»?

Кхм-кхм. К чему это я.

Если забить в поисковую строку Гугла простое слово из

пяти букв «СКВОТ», то вам сразу же покажут мрачные картинки с обрисованными граффити стенами и укуренными подростками на их фоне, лежащими в собственной блевотине.

Чем-то напоминает ту самую станцию «Зоо», не так ли?

Как можно одеваться в сквот? «Заброшенные здания, становящиеся пристанищем для творческой молодёжи» – спасибо Википедия! Главное слово тут – творческой. Творческая молодёжь должна одеваться креативно. Я должен выглядеть креативно, чтоб не сильно выделяться на фоне тусовки.

Может быть я сильно нервничаю?

Я раскрыл забитый доверху скомканной одеждой шкаф, дав вывалиться на пол старому шерстяному свитеру. Креатива в моём гардеробе много не было, самая неординарная вещь – пахнущая зубной пастой пижама с кенгуру в боксёрских перчатках, или домашняя футболка с надписью «Убивай добротой», служившая мерчем к туру Селены Гомес три года назад.

Не густо.

Обычные простые джинсы и красная клетчатая рубашка – сойдёт.

Одевшись я взглянул на себя в зеркало. Сзади меня, на письменном столе горел MAC, с включённым на нём фильмом «На игле». Успел я посмотреть лишь сорок минут.

Это нормально, что перед ночной вечеринкой меня так

потянуло на фильмы о наркоманах?

Самое странное, что я не уловил весьма простой сюжет фильма. Набор кадров мелькал мимо моих глаз, в то время как в голове звучало лишь одно: бархатный нежный голос. Ева, Ева… ЕВА. Мне так нравится это имя, три буквы дающие в тандеме настоящую женственность.

Имя первой женщины (по Библии, ведь если опереться на науку первым существом женского пола была мартышка Люси).

Я застыл смотря на себя в зеркале. Ни то чтобы на себя, я видел в нём её огромные глаза, огромные глаза скрывающие за собой целый мир.

И как от них оторваться, даже когда под окна твоего дома подъехал брат на своей машине, начав сигналить как не в себя.

Би-биииии…!

Я видел её каждую секунду с тех пор как вышел с уроков, она была просто…

Би-биииии…!

… идеальной, и я не узнавал себя, ведь как можно…

Би-биииииии…!

Блин, пора выходить.

Подойдя к двери и опустив ладонь на холодную ручку, я сразу же встретился носом со своей мамой.

Любящий взгляд. Искренняя улыбка, нежданно появившаяся на её лице. В этом вся она.

Холодная и колкая на язычок красотка, становящаяся другой, стоило лишь перешагнуть порог моей комнаты.

Иногда, в спорах с другими напыщенными псевдо-подругами, её острым фразам и панчам позавидовал бы любой дисс именитого рэпера.

Моя комната заполнилась приятным ароматом её духов. «Black Opium”– я хорошо различал духи.

– Влад, я хочу с тобой поговорить – тихо произнесла она, идя по направлению к моей кровати.

– Мам, я спешу на вечеринку, давай в другой раз, о’кей? – я уже был одной ногой на выходе. Мама не спеша присела на край кровати, закинув ногу на ногу и обхватив их руками.

– Не спеши – обрезала она, взглянув на работающий ноутбук – Это что, «На игле»?

Я кивнул, послушно подойдя к ней и присев рядом.

Может быть это странно – понимать девушку, родившую тебя на свет, с полуслова. Это не по канону: обсуждать с матерью фильмы, любимые книги, делится найденными цитатами и смеяться над шутками. Но мы были другими – настоящий тандем матери и сына. Тесный симбиоз, удивлявший других своей искренностью.

Я ничего не скрывал от неё (признаться честно, скрывать нечего), она всегда была честна со мной.

Нашу связь я ощущал с рождения.

Опустив глаза, она грустно вымолвила:

– Я так волнуюсь за то, что тут происходит. Погиб твой

сверстник, и это ужасно.

– Его убили – подправил я.

– Да, извини. Я понимаю как тебе страшно: ты был там, видел всё своими глазами. Обычно, в таких условиях подростки склонны закрываться от окружающего мира.

– Ты это подсмотрела в программе «Здоровье»?

– Я заметила, что ты отдаляешься от меня. С каждым новым днём наша связь будто ослабевает – голос мамы погрустнел – Чёрт, меня это просто выводит.

– Мам, я просто…

– Нет, не подумай. Я не собираюсь влазить в твоё личное пространство. Ты подросток, тебе хочется…

– О нет.

Мама выдержала паузу.

– … Я думаю ты знаешь чего тебе хочется. Я хотела послабить соединяющую нас пуповину, но не срезать её острыми ножницами, вот так – «Чирк!»

Мама резко соединила указательный и средний пальцы, изображая ножницы.

– Интересная метафора – кивнул я, слегка наморщившись.

– Мы же с тобой связаны, понимаешь? Я всегда ощущаю когда в твоей жизни что-то не то. Сейчас именно то чувство. Ты встревожен. Твою голову будто вечно что-то занимает. Я вижу это.

Я попытался выдавить из себя максимально искреннюю

улыбку, получился жуткий собачий оскал:

– Мам, новый город. Новые люди. Новые проблемы и ля-ля-тополя – я остановился. «Ля-ля-тополя»? Что-то новенькое – Как только я освоюсь, всё станет как…

Би-биииии…!

– … как прежде…

Андрей продолжал сигналить. Его перламутровый БМВ цвета морской жемчужины издавал ужасно громкие звуки.

– Обещаю – улыбнулся я, взглянув в мамины глаза.

– Иди – Мама улыбнулась в ответ, показав белоснежную улыбку – Хорошо повеселитесь.

– Эй! А где же «возвращайся не раньше одиннадцати» и прочая родительская нудотень? – рассмеялся я, взяв телефон собираясь выйти.

– Ах да, чуть не забыла. Как там говорят? Возвращайся не раньше… Хм… – смеясь, мама показательно продолжительно задумалась – Какое бы время назначить, чтоб показать сыну всю свою строгость? Одиннадцать?

– Ну, это рано.

– Два часа ночи?

– Тогда лучше совсем не назначать.

– Да пошло оно всё, ты с братом, буду рассчитывать на ответственность Андрея.

«Ага, на его ответственность только рассчитывать…» – буркнул про себя я, закрыв дверь и сбежав вниз по лестничной площадке.

БИ-БИИИИИИИИ....!

Прямо у моего порога стояла роскошная низкая белая БМВ, ослепившая мои глаза как только я вышел из дому.

Её окна были полностью открыты. Свесив руку, со стороны водителя, на улицу выглядывал Андрей.

– Ты не устал сигналить? – спросил я вместо «привет», пытаясь не сильно показывать своим видом насколько же у него крутая тачка.

Фары, напоминавшие глаза хищного ягуара. Звук мотора, напоминавший его рёв. Аромат салона, пахнущий чистой кожей.

На всю улицу играла песня из нового альбома Дрейка, звучавшая из мощных динамиков машины.

– И почему все так резко помешались на хип-хопе? – спросил я открыв лёгкую дверь готовясь сесть в просторный салон.

– И почему все так резко начали хейтить хип-хоп? – вопросом на вопрос ответил Андрей, державший руки на руле с сине-белой эмблемой и качая головой в такт речитативу.

Макс сидел справа от водителя. Он поздоровался со мной пытаясь перекричать музыку.

Внутри машины царила тьма, просвещаемая лишь большим экраном. На нём крупным планом высвечивалось лицо Дрейка и название играющей песни, из-за которой я не слышал ни слова сидевших впереди.

– О, моя любимая – воскликнул Макс начав достаточно музыкально подпевать. Я был удивлён, что из-за его голоса из моих ушей не хлынула кровь – Keke, do you love me?

– Банальщина, мне она уже надоела из-за идиотского челенджа – воскликнул Андрей, переключив песню на сенсорной панели.

Интересно, что бы сказала Ева?

«Как же я «обожаю» людей, слушающих хип-хоп треки, лишь за то что они вошли в пятёрку «Billboard»» – и откуда мне знать что бы сказал человек, с которым я провёл от силы сорок минут?

Но я был уверен, что знаю её на все сто. Будто мы познакомились не сегодня утром, а когда-нибудь…

Макс прервал мои мысли своим пением, начав хлопать в такт игравшей песни.

– Эй! – вскрикнул я – Эй! – Андрей обернулся, одновременно давя на педаль газа и левым глазом косившись на дорогу – Нам долго ехать?

– Тут никто долго не едет – рассмеялся мой брат – Тут достаточно один раз шагнуть, чтоб выйти за границы города.

Я облокотился лбом о стекло, смотря на быстро мелькающие мимо серые домики. Из окна авто такие маленькие, будто их может сдуть малейший порыв ветра.

Мимо нас пронёсся чёрный внедорожник, в окне которого я успел рассмотреть лицо отца. Или может быть нафантазировал его, увидя машину идентичную нашей.

Нажав на педаль, машина угрожающе заревела помчав по дороге с новой скоростью. С этой скоростью нельзя было рассмотреть даже однотипные серые карточные домики.

Это была самая быстрая машина, на которой мне довелось покататься в жизни. Самая красивая машина, на которой мне довелось покататься в жизни. И вообще, у моего братца была самая-самая машина моей жизни.

Как я не почувствовал зависть? Хм-м-м, а кто сказал что я её не почувствовал?

Состояния семьи Андрея хватило на то, чтоб купить каждому жителю города представительский БМВ.

Может быть они начнут с племянника? Нет, прочь мысли. Я, как и мой папа не собираюсь ни за что претендовать на их сбережения.

Дело принципа.

Угрожающий вопль эхом раздавался по пустым тёмным улицам города.

Прямо таки спортивный Феррари в коже тачки бизнес-класса, сродни деловому клерку выпускающему накопившийся пар вечером на уличных драках.

То, что у моего брата есть представительский БМВ в семнадцать лет вызывало возмущение большей части города. Подарок Андрея на семнадцатилетие стал одной из самых обсуждаемых тем жителей.

Куплена она была прямо во время презентации новой модели в Мюнхене. Арсений умел делать подарки.

Кого не спроси, каждый в городке был глубоко убеждён, что рано или поздно испорченный мажор напичканный никотином, придерживая волосы девчонки настрачивавшей ему минет, опустив глаза вниз собьёт проходящую мимо девушку. И желательно, по слухам горожан, чтобы та девушка была беременна. Беременна двойней.

Музыка продолжала звенеть в моих ушах. Всё тело дрожало в ритм быстрым битам ходившим по авто.

Наконец, на ярко светящейся сенсорной панели Андрей сделал звук тише.

– Сейчас мы едим к старому почти развалившемуся магазину бытовой электроники. Мы припаркуем мою малышку там.

– Кого? – переспросил Макс.

– Мою машину, дебил. О чём я? Оставив её на залитой чужой блевотиной и дерьмом стоянке мы зайдём в посадку. Тёмный мрачный лес. Где-то там, прямо у начала и стоит сквот, образовавшийся в почти развалившемся здании игрушечной фабрики. Вы всё поняли?

Я кивнул, словив испытующий взгляд брата в зеркале заднего вида. Он был мимолётный и колкий, как яркая вспышка молнии.

Макс высунул руку из окна, ловя плотные порывы ветра пролетавшие сквозь его пальцы.

– Это будет шикарная ночка! – смеясь крикнул он, смотря на освещённую тусклыми фонарями дорогу.

Начался густой лес.

«Вы покидаете город» – оповестил ржавеющий знак на обочине.

Оставшуюся дорогу мы обсуждали девчонок. Каждую по алфавиту. От Ангелины и до Яны.

– А у вас есть типа дневник, где вы оцениваете девчонок? – поинтересовался я, придвинувшись ближе к передним сидениям.

Андрей искоса глянул на меня.

– Ну, я такое в фильмах видел. Типа хранящийся в раздевалке баскетбольной команды журнал.

Макс рассмеялся. Сегодня он смеялся довольно часто.

– Что за бред? Ненавижу глупые создаваемые фильмами клише о баскетболистах.

– Я думал…

– Шучу, конечно есть. Он у всех команд есть – он повернулся к Андрею, продолжая смеяться – Помнишь, что я сегодня написал про Альбину?

– Извращенец, я помню это. Это слишком даже для ЭТОГО дневника.

«Шикарная ночка!» – прозвучало в моих ушах, когда я высунулся из окна улавливая летящий в другом направлении ветер.

«БТОВАЯ ТЕХНКА»– гласила надпись, которая, должно

быть, в году так 1999 светилась яркими неоновыми огнями. Буквы «Ы» и «И» так и вовсе отсутствовали.

Мы были на месте. Открыв дверь, я вышел на улицу вдохнув пахнущий хвоей лесной воздух. Он полностью разнился от городского: удивительно, дело ведь в каких-то километрах.

Треснувший асфальт окружал одиноко стоявшее мрачное здание. Периодически, мой взгляд улавливал жидкости загадочного происхождения пахнущие коровьим навозом.

До ушей донёсся громкий ритм музыки. Сегодня музыка не думала отпустить меня ни на секунду.

Убитый асфальт пульсировал в её такт. Маленькие листочки на деревьях колыхались в разные стороны в мелодию её нот.

Всё тут жило в ритм музыки, доносившейся со стороны густого леса.

Неоновые огни осветили тёмное небо. Яркая пурпурная вспышка, на секунды, как сигнал от маяка, указала нам путь, затем бесследно оставив в темноте.

Дорогу, проходившую сквозь высокие стены зарослей освещали два одиноко стоящих блёклых фонаря, свет от которых почти не долетал к старому магазину.

Вспышка ещё раз осветила небо, покрытое яркими звёздами. На этот раз она была фиолетовая. Сквозь зелёные листья и колючие ветви прорывался разноцветный свет десятков стробоскопов. Заброшенное здание игрушечной фабри-

ки было недалеко от нас, громко приглашая зайти.

Я осмотрел покрытые пылью стеклянные прилавки магазина. Одно стекло было полностью разбито, давая возможность каждому зайти внутрь.

На грязных полочках стояли старые неработающие микроволновки и духовки, которые хозяева оставили на своих местах, позволяя любому желающему их забрать.

Создавалось впечатление будто они… убегали? Убегали оставляя всё.

Безумие.

Над нависшими над нами соснами застыла полная яркая луна, настолько идеально круглой формы, будто подброшенная в воздух пяти центовая монета во время игры в «орёл или решка».

Она и осветила нам путь.

Обойдя по периметру угрюмое здание в кустах мы нашли узкую заросшую тропу.

Сзади магазин выглядел ещё хуже.

Тысячи плохо нарисованных разноцветными баллончиками матов перемешались с отвратительным запахом самого настоящего говна. Говна и мочи, забившего аромат лесной хвои.

– Бля, ну и вонища – процедил Макс, прислонив рукав своей кофты к носу.

Его скривленное лицо осветил ультрафиолетовый фонарь, всполохнувший среди деревьев.

Андрей был уверен в том, куда он нас ведёт. Тут он был не в первый раз, хорошо зная каждую мелкую поросшую крапивой тропу. Одна из таких жгучих чёртовых крапив впилась мне в кожу, когда я пытался отодвинуть рукой навислую над головой ветвь.

На голой ноге, предательски открытую узкиими джинсы, показались странные чешущиеся пупырки.

Опустив джинсину вниз, я пошёл дальше.

Ещё пару секунд хождения по практически девственному лесу (практически – из-за того, что его густую зелёную траву порой усыпали окурки, пустые пачки от дешёвых сигарет и стеклянные бутылки от самых дешёвых алкогольных напитков), и мы наконец увидели загорающееся всеми цветами радуги заброшенное здание.

– Блядство – вскрикнул Андрей, подняв подошву своего белого кеда кверху – Я кажется наступил на использованный презик.

Макс захихикал, ловя обиженные взгляды моего брата.

– Не мудрено, что все в сквоте любители потрахаться на природе.

Стены руины, без окон, без дверей, выглядели совершенно «не отсюда» среди первобытной (почти) природы. Оно было усеяно глубокими дырами, словно от попадания военного града. Из них волнами сочились взрывавшиеся насыщенностью краски, отображаясь на ночном небе. Казалось, эти фонари способны были дострелить до луны, окрасив её

в свой цвет.

Я разобрал музыку, доносившуюся до моих ушей ещё при выходе из машины. Конечно же, хип-хоп. По другому и быть не могло.Быстрый неразборчивый рэп, который читал парень с невнятным албанским акцентом, старательно выговаривая согласные и глотая гласные.

– Какой же это кайф: потанцевать, закурить косячок чтоб потом выйти и отшпилить такую же «в хлам» малышку, как и ты сам.

Макс рассуждал об удовольствии секса на открытом воздухе.

– Опереться об сосну, поднимать взгляд на полную луну…

– Ловить на себе десятки взглядов ошарашенных голым бухим баскетболистом оленей бэмби – добавил Андрей – Слушать возмущение кричащих голубеньких птиц Белоснежки, сидящих на ветки пошатывавшейся сосны. Вдыхать вонь пердящего скунса, и думать что это запах её волос… Романтика – он сам рассмеялся над своей шуткой, подмигнув стоявшему у одной из больших дыр в кирпичной стене парню в спортивном костюме.

– Эй! Андрей, бро, как дела? – крикнул он, протянув руку усеянную блестящими перстнями к моему брату – Макс, и ты тут, давно тебя не было видно – я осмотрел изношенный тёмный костюм и новые белые Вансы, чью белизну подпортила упавшая на них капля грязи.

После того, как парни обменялись с местным вариантом «секьюрити», пофигистично охранявшим дыру по ошибке называющимся «главным входом», рукопожатиями, незнакомец осмотрел меня и задал вопрос:

– Новый в вашей тусовке?

– Мой брат – обрезал Андрей – Ну и как проходит непростая и неказистая жизнь скваттера? Не устал спать на полу населённом жирными крысами, укрываясь обоссанной простынёй?

Вопросы моего брата периодически вводили в ступор, заставляя где-то пол минуты растерянно хлопать глазами, думая, обосрали ли тебя сейчас или же это была дружеская шутка?

– У нас всё как всегда прекрасно – сдержанно ответил он – Оглянись, музыка, лес и девчонки. Что тут может быть не так?

Андрей бросил последний ироничный взгляд на «секьюрити», самодовольно войдя в насквозь светившую дыру.

Мы ринулись за ним.

Сразу, как только мы зашли туда, я почувствовал себя будто в другом измерении.

Запах.

Он отличался от приятного хвойного аромата, исходящего от леса. Тут стояла крепкая стена дыма от дешёвых сигарет.

«Вдыхание дыма от сигарет – пассивное курение – сродни

одной выкуренной сигареты»

Я скривился, представив что сейчас, я, должно быть, взял в рот одновременно десять сигарет изо всех сил вдыхая аромат.

Люди.

В лесу вообще не было людей. Как только я зашёл в заброшенное здание, нас окружила оживлённая толпа. Весёлые, молодые, и… Явно старше меня. Некоторым было больше двадцати. О ГОСПОДИ – я заметил мужика явно старше тридцатника.

Куда я попал?

Пейзаж.

Длинный коридор, в конце которого виднелся мигающий разными цветами свет. На ум сразу же приходят неприятные ассоциации.

Расталкивая локтями толпу, беспрерывно двигающую всеми частями тела, я думал что этот коридор бесконечен.

Шатающаяся как кукла неваляшка девчонка перелила на кед Макса колу смешанную с виски.

– Пр-р-ости кр-р-расавчик– прогундосила она, положив кисть, ногти на которой заканчивались потрескавшимся, как краска на картинах эпохи ренессанса, маникюром. Макс отстранился, толкнув стоящего сзади бородатого парня. Из-за его бороды понять сколько ему лет чисто физически невозможно. Густые чёрные волосы покрывали всё: от подбородка и почти до ушей.

Коридор закончился. Андрей поднёс вверх руку, будто подавая нам какой-то сигнал. «Держитесь рядом»? «Не отставайте»? «Не общайтесь ни с кем»?

Подняв голову, я увидел огромный зал, по бокам стен которого расположились узкие балкончики. С них, прямо как с ложи Бенуар в театре, свешивались пьяные подростки, готовые упасть вниз в любой момент.

Над моей головой по часовой стрелке крутился дискобол, окрашивая в блестящую точку танцующую толпу.

Сотни людей ютились в одном зале.

«Ютились? Серьёзно?»

Они толкались, поочерёдно наступая друг другу на ноги. Из их уст вылетали, смешанные с противным ароматом не счищаемого месяцами налёта на зубах, жуткие стоны. Наверное, они пытались подпевать.

Но выглядели как толпа шумных зомби.

Я не мог осмотреть что меня ждёт впереди. Лишь головы. Море из чужих голов. Бушующий океан, и я был в самом центре шторма.

Незнакомцы дышали мне в спину. Я чувствовал как маленькие микробы, передаваемые одним лишь дыханием, медленно заполоняют моё тело.

Кто может быть уверенным, что один из этих весёлых молодых людей не болеет туберкулёзом?

Туберкулёз, о нет. Я много читал за него.

Я начал стремительно потеть. Мой лоб покрылся мелкими

каплями. ОДИН ИЗ СИМПТОМОВ.

В горле пересохло. Что-то ойкнуло в груди. Захотелось кашлянуть. Я УЖЕ ЗАРАЗИЛСЯ.

Мне становится плохо. Кожей я чувствую потные телеса, трущиеся об меня. Мои руки ощущают их капли. Мой нос вдыхает их запах. Запах десятков чужих тел, тел без остановок танцующих рядом.

Каждый аромат по отдельности, и один устойчивый аромат толпы, подносящийся вверх к диско-шару.

Толпа не заканчивалась как и этот чёртов зал.

Я закинул голову, пытаясь сделать глубокий вдох. Нужно успокоиться.

Глаза поймали нарисованные на потолке зелёные сиськи. Может быть, у автора шедевра не было нужного баллончика. Может быть, он просто изображал грудь Фионы.

Рядом был нарисован огромный, такой же зелёный фаллос. Шрек подоспел тут как тут.

Взгляд продолжал ходить по потолку, рассматривая десяток кривых рисунков.

Я чувствовал себя гладиатором посреди Колизея. С балкона высовывались десятки рук, находясь в постоянном движении.

Глаза на секунды словили холодное лицо, безжизненные глаза и слегка дрожащие губы. На верхнем пустом балконе, перекинувшись через перекладину, стоял блондин, не сводя с меня застывшие ледяные глаза.

Фиолетовый свет стробоскопа ослепил меня. Закрыв глаза, я увидел площадь, над которой нависла белоснежная церковь. Сцену, на которую были устремлены взгляды взволнованной толпы. Деревянный крест, по которому вниз стекала кровь.

Я вздрогнул, ударив локтем танцующую рядом девушку. Она даже ничего и не заметила, продолжая двигать бёдрами в коротких джинсовых шортах в разные стороны.

И вновь, толпа полностью окружила меня. Она сдавливала меня, не давая набрать полный воздух лёгких.

Дыхание замедлялось. Голова начинала кружится. Все эти люди душили меня. Они сдавливали меня своими потными телами.

Улыбаясь и смеясь, они устремили взгляды на потеющего неуверенного паренька в центре зала.

– Шикарная ночка, Влад!

– Шикарная ночка, Влад!

– Шикарная ночка, Влад!

– Шикарная ночка, Влад!

Голоса зазвучали в унисон. Они говорили хором, обращаясь лишь ко мне.

Они улыбались, продолжая сдавливать меня и шептать, отбирая воздух.

Лестница, ведущая наверх была близко.

Я осмотрелся по сторонам, видя вокруг себя танцующих людей. Каждый из них был занят лишь собой, никаких ше-

потков и кривых усмешек.

Может быть я схожу с ума?

Бетонная лестница, уходящая в разные стороны была под моими ногами. Казалось, вот-вот и она развалится, осыпавшись на мелкие камни от старости.

Мы поднимались наверх. Бетон хрустел под моими кедами.

– Эй, парень, не хочешь дунуть? – на дорогу моему брату вышел парень с неаккуратной хипстерской бородкой, схватив его за рукав рубашки, впиваясь грязными ногтями в кожу.

– Убери руки! – Андрей откинул руку незнакомца, искоса смотря на меня.

Парень, предлагающий «дунуть», остался позади нас, подкарауливая других прохожих.

– Тут таких назойливых пиявок уйма – перекрикивая музыку сказал Андрей. Я посмотрел назад, осмотрев нормально выглядящего парня, торгующего наркотиками.

Картинки смешивались в единую цветастую размазню. Вид на пульсирующий зал сверху. Толкающиеся люди. Десятки ярких фонарей, бьющих в глаза.

В этом здании пейзажи блекли, давая времени остановиться. Окрашиваясь в цветной окрас, воспоминания о той ночи поглощает тьма.

Мы вышли на крышу. Цветастая размазня, крутившаяся

в моей голове как фреш в блендере не даёт вспомнить как мы туда попали.

Меня обдул холодный вечерний воздух, взлохматив волосы. Устойчивого дыма сигарет будто бы и не было. Тот самый приятный аромат хвои: ненавязчивый и мимолётный.

Я задрал голову, пытаясь рассмотреть десятки звёзд горящих над заброшенным заводом. Чистейшее небо, на котором блестели десятки точек. До них не доходил свет большого города. Хотелось поставить момент на паузу. Отказаться следовать за братом, присесть тут и рассматривать далёкие космические тела. Я бы мог часами рассматривать созвездия. Часами фантазировать о других галактиках скрытых от наших глаз. Ещё одно неизвестное никому моё увлечение: каждый раз, когда я вижу чистое небо, пытаясь рассмотреть все горящие огоньки, могу потратить несколько часов глазом не моргнув. Я безумец?

Я бы обводил глазами верхушки колючих деревьев, похожих на небритых тощих высоких ботаников (ну и фантазия), наслаждаясь лёгкими порывами ветра играющими в моих волосах. В идеале, я бы хотел чтоб её рука нежно прикасалась к моей. Я бы хотел вдыхать её аромат в этот момент. Я бы хотел быть наедине с ней.

– Эй, ты с нами? – Макс потянул меня за рукав.

Моя шея затекла, точно быстро окаменев. Я долго не мог отпустить подбородок, осмотрев парней, которым принадлежали гундосые басы доносившиеся до моих ушей.

С крыши казалось что я нахожусь посреди девственного леса Аляски. С этой точки из знакомых мест был виден лишь магазин и освещаемая мрачным фонарём узкая дорога. Ни одной машины так и не проехало.

Игрушечная фабрика, как остров веселья и разврата, находилась в самом лучшем месте для подобной тусовки: ни одного дома, пожилые жители которого постучав в дверь проворчат «А можно потише?», ни одной патрулирующей полицейской машины, которая подъехав ближе к зданию повяжет толпу подростков под кайфом. Лишь деревья. Лишь лес, в котором очень даже легко было заблудится.

Идеальное место для… Хм, сейчас не лучшее время думать за это.

На краю крыши стояли три силуэта, скрывая свои лица за всепоглощающей тенью. Широкоплечие, слегка сутулые, они смотрели вниз. Парни не двигали головами, они будто находились в трансе, боясь сделать малейшее движение.

Парень слева, не медля, просто взял и спрыгнул вниз.

Я вздохнул. Может быть это был чересчур громкий вздох. Может, он был не слишком брутальный, знаете, такой типа: «О-х-х!», словно я шестидесятилетний любитель Санта-Барбары. Такие вздохи никогда не позволят тебе быть «своим» в новой компании.

А я разве собирался?

В ярком фиолетовом свете прожектора, доносившемся с дискотеки, я разглядел высокие белые носки с листьями ма-

рихуаны, и мягкие тёмные кеды «FILA”. Единственное воспоминание о том парне, оставшиеся у меня.

Подбежав к самому краю крыши, я взглянул вниз видя летящий силуэт. На голове безумца был тёмный капюшон. Спрыгнув с крыши, он приземлился на небольшой балкон, готовящийся прямо сейчас разломаться под его весом, после чего прыгнул на крышу тёмного джипа.

«Интересно, где бродит хозяин?» – хмыкнул про себя я.

Я видел головы людей, окруживших авто. После звучного громкого звука приземления, а также звука прогибающейся под кедами крыши дорогого авто (я скривился), послышались восторженные крики и аплодисменты. В основном девичьи.

«Почти-но-не-совсем» паркурный прыжок был лишь понтов ради. Всё для того, чтобы услышать противные визги стоявших внизу пьяненьких девчонок, поднимающих над головами стеклянные бутылки с пивом.

Увидя мою удивлённую реакцию, парень, стоявший справа развернулся, опустив на меня снисходительный взгляд. Смотря вниз, я чувствовал как его глаза застыли на мне. Он молчал, продолжая вплотную прожигать меня. Это бесило.

– Дороу, Андрей – «дороу»?! О Боже, верните мой 2016!

Парень, сверливший меня взглядом омерзительным голосом (казалось, будто у него насморк, сопли от которого текли вниз попадая в горло не давая выговорить ни одно слово нормально) поздоровался с моим братом, небрежно протя-

нув ему руку.

Я внимательно осмотрел его, надев маску скептика.

Плохо выкрашенные белые пряди свисали над бестолковым лицом. Одна из них прикрыла стеклянный голубой глаз. Пухлый рот всегда оставался приоткрыт, придавая лицу парня ещё более глупый вид.

Может быть, я сразу же невзлюбил этого парня?

Как только я рассмотрел его лицо, моё тело передёрнуло. У меня такое бывает нечасто.

– Давненько тебя не было, парень – омерзительный запах гниющих органов долетел до моего носа. Хотелось отвернуться от незнакомца, пальцами зажав нос и больше никогда его не видеть – У вас новенький? – кинул он, ткнув грязным пальцем в мою сторону.

«Я вырву тебе твой палец, после чего засажу глубоко в задницу, мурло» – хотелось сказать мне, но вместо этого я выдавил лишь кривую улыбку.

– Мой брат – Андрей скрестил руки на руках, пытаясь защититься от ветра.

– Я Влад – представился я, не имея ни малейшего желания протягивать руку…

– Я Майкл – протягивать руку Майклу.

– В смысле Миша? – переспросил я.

Стеклянные глаза приобрели очертания раздражённости. Слегка оскалившись (звучит странно, но Майкл правда показал передние зубы), он ответил:

– В смысле Майкл.

– Э-э-э-э… – прозвучал продолжительный режущий уши ультразвук. Доносился он из плохо пахнущей пасти стоящего справа от Майкла парня – Э-э-э… – звук продолжался где-то пол минуты. Незнакомец рассуждал над словами, готовящимися вырваться из его рта – Ты тут самый умный? – дерзко кинул тугодум, шагнув ко мне рукой подправив сальные тёмные волосы.

Вот этот накал.

– Тише-тише – Майкл поднял руку у груди парня, останавливая своего друга – Спокойнее.

Над его кистью висело пять тёмных браслетов, плотно облегающих руку. Даже в темноте, на ладони виднелись красные следы от тесных украшений. На Майкле был надет костюм на размеров десять-пятнадцать больше чем нужно. Возможно, он купил его в магазине для страдающих ожирением. Возможно, это была такая мода. Свисающие почти до пола штанины стыдливо пытались прикрыть изношенные белые кеды. Белыми их можно было назвать, разве что, сквозь слёзы. Слезающая с них подошва, шмякающая с каждым шагом, прямо умоляла: «ДАЙ НАМ СПОКОЙНО УМЕРЕТЬ!». Печальное зрелище.

На дерзком парне с длинной тёмной грязной чёлкой, напоминающей причёску уставшей журналистки в возрасте, была надета тёплая толстовка с горящими посередине буквами. «THRASHER» – бросалась в глаза надпись.

Чёрные волосы парня свисали почти до плеч. Такая прическа шла бы Кире Найтли, Селене Гомес или Миле Кунис, но никак не парню в мрачной толстовке, моющему голову раз в год.

– Дэн, моя правая рука – представил его Майкл. Ну понятно, этот при нормальной жизни был Дениской.

Откуда у них нашлось столько креативности на пафосные имена?

– Он же находиться слева от тебя – хихикнул Макс. Подумав, какая сторона как называется, Майкл бросил взгляд на качка, называющейся: «Всегда тебя терпеть не мог».

– Майкл хозяин сквота – гордо сказал Андрей, ожидая что я зааплодирую, начав восхищаться.

– Круче звучит – основатель – исправил довольный блондин – Основатель единственного в этом захолустье по-настоящему тусовочного места.

Единственного притона – подумал я.

– Помимо непрекращающихся вечеринок, это дом для сорока людей.

– Сорока? – переспросил я, смотря прямо в безжизненные глаза.

– Именно. Тут живут, попрошу заметить – именно ЖИВУТ сорок счастливчиков, имея постоянную крышу и понимающих собратьев.

– Сюда приходят когда некуда идти – продолжил Дэн – Или когда просто наконец осознаёшь, насколько бессмыс-

ленно твоё жалкое существование. Люди тут находят себя. Они обретают покой и умиротворение.

Жутко прозвучало. Будто он описывает кладбище.

– Чёрт, да я воссоздал грёбанный ГОА или Христианию посреди этой гнетущей дыры – вскрикнув закончил Майкл – Сюда приезжают люди чтобы н-а-с-л-а-ж-д-а-т-ь-с-я– протянул он, растягивая каждую букву.

– Или скрываться? – хмыкнул я.

Схлопотав сотый по счёту косой взгляд, говорящий «чересчур-много-болтаешь-и-умничаешь-зануда», я так и не получил достойного ответа.

С этой «закрытой тусовкой» всё стало ясно. Настоящий притон, не более чем.

Белые волосы Майкла развивались от ветра, дующего на него.

– У нас будет офигенная ночка, парни – хихикнул он.

«Офигенная ночка»

«Офигенная ночка»

«Офигенная ночка»

Его противный-ужасно-омерзительный смех эхом прозвучал в моих ушах. ОМЕРЗИТЕЛЬНЫЙ смех, схожий на ржачь тысячи гиен посреди африканской саванны. Но только эта гиена стояла передо мной, и продолжала дышать своим гниющим наркомановским нутром мне в нос.

– Начинаем – крикнул Майкл. Его силуэт присмотрелся лучше, как только он повернулся к полной луне. Он был точ-

но лет на пять старше меня, Макса и Андрея. Какой кайф он получает от общения с малолетками? Ответ на этот вопрос был очевиден – деньги моих друзей приманивают подобный мусор как магнит.

Майкл пошатнулся на месте, спиной обернувшись к пропасти. Взглянув на меня и переведя взгляд на Андрея, он быстро подмигнул, в мгновение ока слетев вниз.

Выкрашенные волосы открыли лоб в тот момент, когда парень приземлялся на балкон. Махнув ладонью ликующей толпе, он спрыгнул на внедорожник.

Раздался громкий звук приземления. Я скривился во второй раз.

«Thrasher» поступил также, не используя понтовитые приёмчики оказавшись внизу за считанные секунды. Авиаций он заработал явно меньше чем друг.

Казалось, будто внизу за длинным столом сидит консервативное жюри, показывая белые таблички с баллами.

– Ты следующий – Макс ударил моего брата по плечу.

Андрей подошёл к краю, опустив глаза вниз:

– Зачем? – спросил я, обратив на себя его внимание.

Стрельнув глазами, он обрезал:

– Просто так – слетев с края и полетев вниз. Любящий себя больше всего на свете Андрей не пожалел ног, суставы которых после подобного прыжка могли рассыпаться на части за секунды. Это не было на него похоже.

Я не прыгну.

Не прыгну и всё тут.

Кряхтеть в старости и разваливаться на части, пытаясь дойти до лежащего от тебя в двух метрах пульта от телевизора – не по мне.

Я останусь на крыше, наблюдая за нереальной красоты звёздами.

За далёкими холодными космическими телами, переливающимся в свете луны.

– Ты следующий – хмыкнул Макс, подойдя ко мне.

Я встал на самый край крыши, смотря вниз на шумную толпу. Их взгляды были устремлены на меня. Они ждали, ждали того, как я совершу глупый безрассудный поступок. Им нравилось наблюдать за безумствами. Типичное стадо.

– Нет, я не буду этого делать – отходя от края строго обрезал я – Когда вся жизнь впереди, не хочется портить всё одним глупым поступком.

– На то и тебе шестнадцать – начал он, подбадривающе взглянув на меня – Нужно пробовать всё. Искать себя, пытаясь не задумываться о последствиях. Ты молод – и это самое время когда следует жить на полную катушку – он ударил меня по плечу. Не то чтобы удар был слишком сильным, но эта его привычка ужасно бесила – Парень, проведи своё шестнадцатилетие на полную катушку. Ведь оно у тебя будет лишь раз в жизни.

Может быть, Макс сейчас наслаждался своей философской речью.

Может быть, он смеялся над моим испуганным выражением лица, проговаривая клишированный монолог из любой девичьей бульварной книжки. Но мне было глубоко пофиг на его рассуждения которые я слышал сотни раз в молодежных драмах класса «Б», смотря вниз и понимая, насколько там высоко.

Сердце колотилось. Послышались аплодисменты. Они были для меня. Все ждали как «этот парень» резко сорвётся с высокой крыши на чужую машину.

Сверху надо мной были звёзды, снизу обрыв и десятки взглядов. Я был посреди двух крайностей.

Может быть, не боятся смело заявить о себе в компании, это не так уж и глупо, как я считал раньше? Просто нужно один раз сделать так, чтобы все поняли что ты не тряпка. Как в песне у Гвен Стефани. «I-ain't-no-hollaback-boy". Всего-то следует сгруппироваться, вдохнуть и прыгнуть на тот клятый балкон. Лишь сгруппироваться, и тогда, возможно, но это не точно, ты ничего себе не слопаешь.

Я сделал шаг к обрыву.

Может закрыть глаза? Нет, это бред, как я буду видеть куда лечу?

О Господи, это же безумие. Тут этажа три, не меньше, если не больше.

Я взглянул на звёзды. Надо ли мне это? На самом ли деле молодость – стоящая отговорка для поступков, за которые тебе впоследствии будет стыдно?

Все же прыгнули. Все целы.

«А если бы они прыгнули с двенадцатого…». Да-да, я всё понял.

Порывы холодного ветра подули мне прямо в лицо. Всего один шаг. Один чёртов шаг.

Я возвышался над тёмной пропастью, из всех сил стараясь не смотреть вниз. Держа голову чётко прямо, я остановил взгляд на шатающейся от ветра тонкой сосне.

Непередаваемое ощущение, когда под твоими носками пропасть. Ноги подкашиваются. Хочется просто развернуться и уйти прочь.

Вдох-выдох. Зачем я это делаю?

Вдох-выдох. Впервую очередь, чтоб доказать себе что я на что-то способен.

Вдох-выдох. Что я себе докажу безмозглым прыжком в неизвестность?

Вдох-выдох. Шаг. Тот самый роковой шаг, который я помню, будто стрелки на часах закрутились медленнее.

Поток воздуха обдувает моё тело. Я чувствую его каждым сантиметром кожи. Приток адреналина. Безграничный выброс, резкий хлопок продлившийся чуть больше секунды.

Я приземлился на балкон. Спина и колени ужасно заболели, на ту же мимолётную секунду. Я рассмотрел освещаемые неоновым светом лица: улыбчивые, радостные и явно пьяные. Большинство людей, стоящий снизу в руках держали красные стаканчики, поднимая их над головами.

Перед ними, скрестив руки на груди стоял Майкл, коса поглядывая на меня.

Боль забылась. Достаточно стало одного взгляда, читающегося как «Ты ни за что этого не сделаешь».

Ещё один шаг. На этот раз стрелки часов пошли в привычном ритме. Послышался грохот, я приземлился на джип. Под моими кедами будто образовались две вмятины.

Мерзкая боль в спине почувствовалась ещё раз, будто внутри меня сидит дрянной мелкий злобный липрикон, хихикая царапающий кости ножом.

То самое чувство.

Послышались аплодисменты, весьма липовые, вялые и неискренние. Стеклянный косой взгляд продолжал прожигать меня, опустившись на подкосившиеся ноги.

Ничего страшного не случилось. Скорее всего. А если и случилось, то об этом я узнаю завтра встав с кровати.

Девчонки с бутылками пива длинными ногтями водили по стёклам джипа, провоцируя омерзительный звук.

Чувство адреналина, резко прикатившей энергии продолжало играть в моём теле. Ради него и совершаются глупые поступки. Стоя на крыше джипа в окружении пьяной молодёжи я это понял как нельзя лучше.

– Народ, это мой братишка! – закричал Андрей, отхлебнув из зеленоватой бутылки глоток тёплого пива. Оперевшись об авто, он протянул его ко мне, с надеждой в голосе спросив – Будешь? – его всегда до чёртиков раздражала моя

непоколебимость касательно алкоголя. Он хотел сделать для себя брата-оторву, получая обратное.

– Спасибо – кинул я, спрыгнув с джипа.

Меня окружили незнакомые девчонки. Такие же потные, как и танцующие внутри. Почти все они были изрядно пьяны, одна девчонка с волосами, смахивающими больше на сопли, прислонилась к моему плечу:

– З-з-значит В-влад – протянула она и сама не заметила, как вылила каплю пива на асфальт.

Я отвернулся от неё, устремив взгляд на спрыгивающего Макса. Он уверенно приземлился на балкон, еле сдерживая свой собственный смех. По нему было видно что все проблемы расставания за считанные часы оказались позади.

Совершив прыжок на машину, он вздрогнул и опустил глаза вниз: его сильные ноги оставили глубокие вмятины на крыше. Включились сигнализации, мигая оранжевым светом и освещая глубины тёмного леса.

– Походу, пора валить – хмыкнул Майкл, замахнувшись выкинув бутылку в гущу деревьев.

Упав на толстый пенёк она разлетелась на мелкие влажные осколки. Звук разбитого стекла эхом разлетелся по лесу.

В отрезанной от остальной части здания комнате толпились люди. Они окружили что-то, бурно обсуждая и не давая нам пройти.

Две общающиеся девчонки, держащие в руках крас-

ные стаканчики с пивом, покосились на вальяжно идущего Майкла.

– Свалите! – крикнул он, заставив их бурча отойдя в сторону – Обновка в моём сквоте! – гордо заявил он, пальцем указывая на освещённый двумя неоновыми лампами стенд.

Перед нами стоял с десяток банок заполненных больше чем на половину, эм-м-м… Навозом? Может быть грязью? Гниль непонятной консистенции заполняла большую половину десятков банок.

К каждой банке была прилеплена бумажка, у каждой было имя.

«Чингисхан» – прочитал я мутную почти прозрачную надпись чёрным маркёром на первой.

«Гитлер» – гласила приклеенная бумажка на второй.

Каждая стеклянная тара называлась в честь выдающейся особы. «Цезарь», «Роулинг», «Леннон», всё это недоразумение завершала Мадонна.

– Инсталляция одного из наших скваттеров – своеобразное размышление с понятным смыслом – слова, содержавшие в себе более чем три слога, вылетая из уст Майкла казались до безумия нелепыми и ненужными, будто фермера-провинциала заставили копировать этикет французского двора – Я готов выслушать ваши предположения – довольный своей экспозицией, хозяин криво ухмыльнулся оглядывая резвую толпу.

Держащие в руках банки с алкоголем парни захихикали,

поочерёдно переводя взгляд с одной банки на другую.

– О продажности вы-ы-ыдающихся личностей? – выдавил один из выпивших, схлопотав саркастичный взгляд местного Бога.

– Замудрено, но нет. Бен, я удивлён что ты знаешь такие слова – хмыкнул он.

Скрестив руки на груди я заглядывал в банку «Теслы», пытаясь понять что за жидкость она содержит. Густая, тягучая, липкая. Скривившись, я отошёл рукой задев Майкла – Ладно. Слушайте: этим мы хотели донести, что несмотря на то, кто ты и что сделал в жизни, все мы на 70% состоим из комплексов, страхов и своей же гнили.

Бред для умственно отсталых. Неужели кто-то считает стоящие в ряд банки заполненные дерьмом чем-то глубокомысленным?

БРЕДЯТИНА. Скептический Влад неодобрительно фыркнул про себя.

Открыв рты, толпа велась. Они не отводили взглядов от отца-основателя сквота. Божество-кумир и по совместительству дилер. Дилер и кумир-божество.

– То есть там гной? – перебил я, с отвращением указав на треснувшие стенки «Теслы».

Очередной косой взгляд, спроста читаемый как «не-перебивай-меня-малолетний-говнюк», вновь полетел в мою сторону.

И тут до меня дошло. Местная «экспозиция» это наглый

плагиат старого экспоната музея Жоржа Помпиду в Париже. Я читал за него. В пятом классе у меня была книга о музеях Парижа.

Сжав руки ещё крепче и не зная что на меня снизошло, я резко выпалил:

– Ты украл это – «это» ставило много вопросов после моей реплики. Взгляды десятков весёлых подростков, затаив дыхание слушающих своего кумира-создателя, устремились на меня. Стоявший рядом Майкл повернул голову, молча ожидая продолжения. «Эти ребята после слова «Помпиду» нервно покрутят пальцем у виска, попросив перевести» – хмыкнул про себя я – Точно такие же банки стояли в музее современного искусства Помпиду. Только там они заполнены водой, имея не такой бредовый смысл. Это просто искажённый плагиат.

Глаза Майкла нервно заходили по залу, возвращаясь ко мне из раза в раз. Ладони крепко сжались в кулаки, а на коже, которую обнажали высокие подкаты показалась мелкая гусиная кожа. Он готов был наброситься на меня на глазах у всех, сбив с ног начав душить. Он ненавидел меня, это легко читалось по ранее равнодушным глазам, резко залившимся злобой.

Может быть, не стоило разоблачать его шедевр современного абстракционизма?

Майкл сделал шаг ко мне. На холодном лице показалась привычная для неги кривая ухмылка. Та самая ухмылка, при

которой вверх поднят лишь один уголок рта. В его случае, всегда поднимался правый.

– Не сквот, а гробница ПЛАГИАТА – завопил парень стоявший на самом входе.

Комната опять заполнилась громкими обсуждениями.

Следующие полтора часа этой ночи я усердно пытался расслабиться, и усердно пытался не выпить ни глотка алкоголя который окружал меня. Знаете, мне и так было весело. Я развлекал себя как мог. Сегодня, я докажу этим алкашам как может быть весело и без глотка алкоголя!

Если только меня прекратит тошнить от мерзопакостного запаха табака.

Мы пересели на второй этаж, вся компания сидела на старых подратых матрасах, укрытыми жёлтыми и коричневыми пятнами загадочного происхождения.

Имея ввиду «компания», я говорю о кучке незнакомых мне людей, имён которых я не знаю и знать не желаю. Все они восторженно собирались вокруг Майкла, подбирая колени к груди, а в руке держа дешёвые алкогольные энергетики, с открытыми ртами выслушивая его псевдо философский бред и уссыкаясь со смеху с каждой фразы, претендовавшей на шутку.

Идеальная свита Майкла выглядела так:

1. Он, он и он. Он главный аспект. Он шутит, он говорит и размышляет. Назовём его «Бог», просто «Бог». Если компа-

ния не общается на именно интересные ему темы, если она не выслушивает его «мысли вслух» – значит что-то идёт не так.

2. Два бледных незаметных дрыща на заднем плане, сидевших рядом с ним лишь для массовки. Назовём их «прыщавые тени». На второй час вечеринки я и вовсе забыл их имена, и для меня они стали «правый» и «левый». Или «Thrasher” и «левый». Их задача – послушно кивать и когда нужно смеяться, чтобы впоследствии халявно выкурить косяк. Всё просто как пять центов.

3. Два мажора, имеющих большую аудиторию в социальных сетях и популярность среди населения. Назовём их «челкастые мудачки». В компании они для того, чтобы хозяин сквота выглядел в глазах общества «парнем из высших каст». По логике сидевших тут алкоголиков, таким его делали лишь друзья с баблом.

4. Куча ржущих как рожающие кобылы девчонок, пустивших по кругу бутылку красного вина. Назовём их «феи-давалки». Выглядели они все как одна – устаревшие ошейники -чокеры, узкие шорты обнажающие неаккуратно вылезшие трусы и короткие футболки, открывающие пупок. Их задача – дать кому-то под конец ночи. НЕВАЖНО КОМУ, просто дать. Конечно, желательно чтоб это был Майкл, имеющий неисчерпаемые запасы наркоты.

5. И наконец, по центру всей этой содомии сидел я. «Наблюдатель-новичок» – парень, из всех сил старающийся не

поддаться на многочисленные приманки.

Девчонка с красными губами, зажимавшая в руках бутылку вальяжно расселась на коленях Макса. Похоже, грусть после расставания длилась не долго.

Разносчица сифилиса высовывая язык играла на камеру, точнее на телефон Андрея. Она отчаянно хотела попасть в его стори. Похоже попала.

Оголённые пышные белые булки несовершеннолетней старательно протирали джинсы Макса.

Перед моими глазами всплыли мерзкие красные наросты, которые могут образоваться на юной коже после небрежного полового контакта.

Я слышал этот запах вонючего влагалища. Бурная брезгливая фантазия опять разыгралась не на шутку.

«ВИЧ, СПИД… Какие симптомы?»

«Лучше не думай об этом сейчас»

«Как называется та болезнь, при которой из члена вытекает белая дрянь? Я видел это на National Geographic»

«Твою мать, этот канал уже и про это фильм снял?»

«Да, целый документальный фильм про мерзкие белые штуки вылезающие из писюна»

Меня передёрнуло. Стало мерзко. У девочки, хлеставшей вино на коленях у Макса будто бы выросли рога.

Голова закружилась. Перед глазами в очередной раз всё стало смазываться в цветастую пёструю кашу.

До ушей не доходили темы всеобщего разговора. Может

быть стоит начать включаться самому?

– Это Лил Памп? – спросил я у сидевшего со мной на одном матрасе парня в кроссах «Fila».

– Нет, это Лил Узи – равнодушно обрезал он. Мимо. Черт. И почему все реперы звучат так одинаково?

Прошло пять минут. Цветная размазня медлительно перетекала в моих глазах. Я будто бы сидел и спал с открытыми глазами.

Майкл достал косячок. О нет, КОСЯЧОК. Неужели при мне выкурят травку?

Неужели я радовался от этой мысли?

Эта ночь, скорее всего, станет для меня церемонией прощания с детством. Очень хитрожопой церемонией, заключавшейся в наблюдении за чужими порочными поступками.

Майкл испробовал запретный плод первым. Как же красиво я назвал плохо пахнущий табак.

Или это не табак?

Я вдохнул сладковатый аромат. Судя по всему, это марихуана.

Нет, не так. МАРИХУАНА. Настоящая МАРИХУАНА витает в воздухе.

Одна из «фей-давалок» засосалась вторая.

Продолжил Макс, не выпуская из объятий разносчицу сифилиса.

И наконец, мой брат. Тот Андрей, с которым я провёл половину детства. Тот Андрей, которого я привык видеть гор-

дым уверенным малышом. Сейчас он умер, жадно выкуривая травку.

Ну да ладно.

Подмигнув, он протянул косяк мне, спросив:

– Будешь?

НЕТ.

НЕТНЕТНЕТНЕТНЕТ.

Я не буду, а если ты начнёшь настаивать то скормлю эту дрянь насильно запихнув в твою пасть.

Криво улыбнувшись, я покачал головой, заставив Андрея отвернуться и сделать ещё одну затяжку.

Невероятно, но факт: меня на это всё даже и не тянуло. Просто не было желания. Никакая марихуана не входит в мой жизненный план. Закончить престижное высшее учебное заведение. Возможно, филологический факультет Стэнфорда. В мечтах бюджет Гарварда (в мечтах). Купить себе квартиру на тридцатом этаже где-то в Бруклине, каждое утро спеша на работу попивая крепкий кофе (жаль, что я не люблю кофе). Купить туда сервала, прямо в квартиру, вызывая умиление у приходящих ко мне красоток с объёмной грудью. Обнимая меня, они процедят что-то типа: «О-о-о! Какая милота!», плюхнувшись на кровать королевского размера и торопливо снимая платье. Может быть стать чайлдфри, говоря в кругу бомонда на модных вечерних выставках: «О да, я чайлдфри. Пытаюсь концентрировать энергию природы, не тратя её на других. Стараюсь не дать ауре ослабнуть». И все

сразу же такие «Вау! Какой ты глубокий человек», даже не вникая в смысл сказанных мною слов.

В жопу детей. Просто они меня бесят. Без объяснений – БЕСЯТ.

Работать шесть часов в сутки в одной из престижных газет, видя свои статьи на первой полосе. «Наросты на половых органах, текст Влада, редакция Влада, фотографии не Влада» – сквот заставляет меня думать о ужасном. Купить небольшую Теслу, на которой я бы каждую неделю ездил на Кейп-Код и писал свой роман. Тема пока ещё не выбрана. Но когда будет выбрана, то стразу будет понятно что он станет бестселлером номер один в «New York Times”.

Где-то в своих планах я упомянул слово МАРИХУАНА? Нет.

Абстрагироваться, получая удовольствие от ярких фонариков – оптимальный вариант. Дать цветастой размазне залить свою голову – то что нужно.

Дальнейшие события я помню слабо, при этом не взяв в рот ни капли алкоголя.

Ближайший час просто вылетел из памяти, словно на его месте в моей жизни образовалась чёрная дыра. Воспоминания я решил восстанавливать по кусочкам, современным способом: по стори друзей. Как девчонка с похмельем, проснувшаяся в кровати незнакомца. Как парень, очутившийся на улице с СМС от жены: «Я подаю на развод». Стори, которые сейчас делает каждый стабильно раз в пять минут –

хороший способ освежить картину мутной ночки.

1. Андрей – включив вспышку, он записал на видео как «фея-давалка» рассыпает белый порошок на столе, перед этим выпив рюмку текилы. Надеюсь, белый порошок это соль. Ха-ха-ха * нервный смех * точно соль. Склонившись, фея начинает нюхать его через трубочку. Чёрт, не соль.

2. Андрей дубль два – стоя у окна и держа в руках куриные яйца, быстро выпалив «снимай», он сбрасывает их одно за другим на головы стоящих внизу парней. Под громкие крики и отборные маты Андрей с Максом громко ржут, обнимая фей.

3. Макс – селфи с разносчицей сифилиса. Высунув скользкий влажный язык, она облизывает ухо довольному брошенному.

4. Перейдя по ссылке, которую Макс заботливо оставил на своём селфи, я нашёл Инстаграм разносчицы сифилиса. Типичные фотки для разносчицы сифилиса. Она, кстати говоря, была весьма красива. Волнистые каштановые волосы, объёмные бёдра. Поведение смазывало все хорошее впечатление. Отчаянность – одно слово, которым я мог бы описать эту девчонку. В своих стори она выкладывало бухло. За двумя сталкивающимися бутылками «Джека» видна моя довольная морда.

5. Перейдя на страницу очередной «феи», мне бросилось в глаза угрюмое тёмное селфи, на котором отчётливо просматривались глупые черты лица хозяина сквота. Белую чел-

ку, светящуюся в неоновом фиолетовом свете и вовсе было хорошо видно. @lil_maykl – бездарнейший ник. Бездарный ровный настолько, как и его фотки. Точнее, одно мрачное фото его спины. Не удивительно, что когда на лицо ты выдался не фонтан, единственным выходом остаётся разворачиваться к камере задом.

6. В истории у этого наркольги был лишь бумеранг, где он выдыхает пар. Белыми буквами в строгом шрифте сверху подписано: «Шикарная ночка»

Шикарная ночка, Влад.

Шикарная ночка, Влад.

Шикарная ночка, Влад.

Воспоминания восстанавливались. На секунды почувствовал себя главным героем «Мальчишника в Вегасе».

Ночь продолжалась. Смеясь с шутки Макса, вылетевшей у меня из головы со скоростью колибри (он шутил каждые две секунды этой ночью. КАЖДЫЕ ДОЛБАННЫЕ ДВЕ СЕКУНДЫ) я удобно развалился на мягком матрасе, наблюдая за быстро осушаемыми бутылками алкоголя.

Мой брат был в хлам. Он мне сам это сказал, наклонившись к уху и хихикнув прошептав:

– Я в хлам.

Макс был тоже в хлам. Все были в хлам кроме меня. Я прослыл для всех «малышом», ещё одно правило старений жизни сквота. Ты становишься «малышом», как из сказки про Карлсона, если отказываешься бухать. Для всех твоё

пребывание в заброшенном притоне автоматически становится непонятным.

Поставив стакан на грязный пыльный пол, Майкл встал со своего матраса, подходя к нам:

– Есть одно местечко в лесу – шёпотом начал он, будто боясь, что продуманные давалки всё услышат – Я хочу чтоб вы его узрели. Оно недалеко, десять минут пешком.

Макс закивал, не дождавшись окончания предложения. Мерзкое противно пахнущее создание под названием «Майкл» издало животный вопль. Он рыгнул, осушив стакан пива.

В сопровождении теней, которых никто никогда не замечал, мы вшестером вышли из здания.

Лес, чью ночную гармонию разрушали звучные биты пестрого уголка веселья, полностью залился мраком. Высокие стены хвои стали полностью тёмными.

Сделая шаг, я бы сразу грохнулся лицом в жёсткую траву. Я то себя знаю. Включив фонарь на телефоне, я сразу же нарвался на громкий возглас:

– Не стоит рушить гармонию леса! – раздражённо вскрикнул Майкл, бросив на меня очередной косой взгляд.

«Придурок, эта гармония была жестоко убита ещё несколько лет назад, как только ты решил превратить заброшенную фабрику в притон». Я послушно выключил фонарь.

Казалось что я иду в безвоздушном пространстве. Только звезды сверху и тусклые силуэты деревьев выдавали что я ещё тут, на Земле. Мы все шли и шли вдаль леса. Звуки музыки становились все тише и отдаленней от меня. Майкл всю дорогу рассказывал про эти места. Он рассказывал про то, как тут густо посажен лес и про то, что тут могут жить олени. Олени? Серьезно. После такого количества марихуаны и динозавра в лесу можно было увидеть. Далее его мерзкий гундосый голос начал рассуждать про то, насколько дольше люди жили раньше. Ну конечно. Раньше никто столько алкоголя за ночь не выпивал.

Все это время я шёл и смотрел вверх на звёзды. Полный космос. Тысячи огоньков. Опять этот мерзкий голос мешает мне наслаждаться моментом. Ведь момент и правда был идеальным. Я шёл среди густого леса, вдыхал свежий воздух, а надо мной бесконечность.

Я задумался о том, что Майкл создал для себя сам тут идеальную жизнь. Он был вожаком в своём царстве наркотиков и алкоголя. И было видно, как с каждым взглядом он все больше и больше расцветает. Все хотели слушать его бред. И ему это нравилось.

– Мы уже почти здесь. – крикнул пацан в Срэшере.

И тут я обомлел. Встал на месте, моргая глазами и взглядом обводя пейзаж, что раньше мне доводилось видеть лишь на фото обоях или шоу «Discovery». Перед собой я увидел хрустальное озеро, отбивавшее в себе, как зеркало, свет яр-

кой луны, окружённое непроглядным лесом, грозно нависающим над водной гладью. Вся вода светилась и переливалась яркими огнями, будто бы на глубине кто-то пускал фейерверки в честь четвёртого июля. Было темно. До чёртиков темно, но красота места настойчиво прорывалась сквозь мрак.

Холодный воздух медленно щекотал моё тело, вызывая неловкие мурашки. Редкие порывы дули в лицо, небрежно взъерошивая волосы.

Компания Майка стояла сзади громко смеясь нарушая гармонию озера. Я совсем не заметил, как Дэн отбросил в сторону тёмную толстовку, хохоча убегая в сторону. Она чёрным пятном упала на песок, выглядящий белоснежным в свете полной луны.

Медленно поддавшись к холодной воде, я наклонился, погрузив ладонь под воду. Холодная, но приятная. Вызывающая лёгкую расслабляющую дрожь.

Я сделал глубокий вдох, на секунды закрыв глаза, хотя закрывать их совершенно не хотелось.

В темноте доносился громкий смех весёлых парней, звук падающих на землю одёжек и громкие шаги. В мои ноздри неторопливо просачивался пахнущий сыростью воздух, который заставлял каждую частичку тела наслаждаться моментом.

Я выдохнул, открыв глаза и подняв взгляд на серебряную луну. Позабыв о том, что рядом со мной притаилась подвы-

пившая копания, которая словно свора волков выжидает момента, чтобы на кого-то накинуться и обсмеять, я протянул руки над головой пальцами пытаясь ухватить свет.

Я сумасшедший.

Яркие лучи проскальзывали мимо моих пальцев, игриво слепя глаза. Приоткрыв рот, я дал ароматному воздуху залететь внутрь меня.

Каждая клетка тела была тут – вдали от всего: от окровавленных трупов и загадок без ответов, от задиристых хулиганов и мерзких ночных кошмаров. Я был далеко от всего этого, кожей ощущая свет луны.

Наклонившись, я взял в ладонь холодный твёрдый камень. Он был достаточно увесистый, чтоб создать целый фонтан брызгов, после того как я его закинул в воду.

Я вёл себя как инфантильный трёхлетний мальчик, чьи родители, купив “Kinder” привели его на озеро поиграть с уточками.

Секунды – и громадного камня нет. Тёмная пучина, вода цвета ночи полностью проглотила его.

«Бульк!» – и лишь тихие волны на идеально ровной, как зеркало, водной глади.

Надо мной был космос, подо мной – тоже космос. Тьма, которая всасывала полностью, стоило лишь засмотреться. Она приковывала взгляд и заставляла смотреть лишь на неё.

Тут было хорошо. Это место идеально.

Именно в идеальном месте я почувствовал, будто кусок

моего сердца не на месте. Ну вот, банальная фразочка. А так хотелось их не употреблять.

Я был одинок (так и то лучше), осознавая это с каждой новой секундой наслаждения пейзажем.

Тёмная водная пучина на секунды осветилась, показав знакомый силуэт внутри. Идеальное утончённое лицо как у фарфоровой куклы. Мрачный белый цвет кожи и горящий красным яркий румянец. Густые брови, острыми концами желающие дотянуться до ушей. Огромные хрустальные глаза, словно выдутые из муранского стекла. Широкая искренняя белоснежная улыбка и нежный лёгкий аромат её тела.

Ева. Девчонка, с которой я обменялся лишь парой реплик, создавая проект о Лаосе надолго застряла в моей голове не желая выходить. Она там уютно обустроилась, засев надолго и проявляясь тусклыми силуэтами во мраке ночи. Кажется, в круглом месяце я видел очертания её волос, медленно расплываясь в глупой улыбке.

Она наклонилась над толстым блокнотом, старательно выводя линии простым карандашом. Ну а я, как ненормальный, старался наклониться ближе к её густым волосам, пахнущим дурманящей лавандой. Или то были ягоды? Или всё же лаванда?

Может, я помешанный?

Всё, чего мне хотелось так это привести её сюда и сесть на холодный берег. Ну, не просто на грязный песок, а подстелив шёлковую белую подстилку. Как в лучших мелодра-

мах и классических фильмах про маленькие богатые городишки. Я в белом поло, она в изысканном коротком платьице. Между нами плетённая деревянная корзина, в которой воняет французский сыр с плесенью, передавая свой аромат коричневым хрустящим тостам с корочкой.

Я бы взял её руку, взглянув в большие глаза и ощутив те самые эмоции. Одного её взгляда хватало для полного спектра.

Сколькими словами я обменялся с девчонкой, о которой беспрерывно мечтаю с утра?

Тридцать.

Или сорок.

Точно, я помешанный.

Взяв в руку очередной холодный камень, на этот раз легче чем предыдущий, замахнувшись, я закинул его в воду наблюдая за брызгами. Детальный силуэт красотки мигом растворился, распавшись на мелкие осколки после громкого удара.

– Эй!

Я окунул ноги в холодную воду, чувствуя как усиливается щекотливая дрожь пробегающая по икрам.

– Эй-й-й! – протяжно крикнул Андрей второй раз – Его Величество Интроверт, не соизволите ли вы разогнать долбанные витающие вокруг вашей черепной коробки мысли и проводить сию ночь с нами! – он был подвыпивший. Повернув голову, я увидел, как он шатаясь скинул с себя светлую

рубашку – Величество Интроверт, ты будешь прыгать?

Слегка приподняв глаза, я увидел небольшой остроконечный холм, мрачной тенью нависший над хрустальной водой. Его стены резко обрывались в воду. По форме он напоминал отрезанный кусок яблочного пирога.

На верхушке уже стояла весёлая двойка, не комплектуются своими тощими дистрофически сложенными телами. Казалось, что очередной сильный порыв ветра подхватит их и навсегда унесёт на север.

Дэн подправил длинные чёрные волосы, наклоняясь и с интересом смотря вниз. Разбежавшись, он спрыгнул, выдавив из себя мерзкий приглушённый крик во время полёта.

Я стоял на верхушке холма, нехотя стягивая тёплые джинсы.

Вторая «тень» не медля спрыгнула за своим другом, растворившись в тёмной воде.

Секунда – и тело пропало из виду. С высоты мелкий холмик казался вершиной долбанного Гранд-Каньона.

Звук волнующейся воды эхом долетел до ушей.

Обернувшись, я с надеждой посмотрел на Макса и Андрея, скрестивших, как братья-близнецы, руки у себя на груди. Слегка вздрагивая от холода они поочерёдно дёргали грудными мышцами.

«Интересно, они специально повторяют приём Скалы Джонсона или у качков это происходит само собой?»

– Вы? – коротко спросил я, указывая на обрыв.

Макс рассмеялся:

– Ага, чтоб ты убежал прочь пока мы будем внизу? Я тебя знаю и лично прослежу чтоб твоё напуганное дрожащее тельце с головой окунулось в воду.

Он угрожающе сделал большой шаг ко мне, протянув руку собираясь меня столкнуть.

– Не смей! – громко обрезал я, наблюдая за тем как его ладонь шатаясь повисла в воздухе. Он был пьян как и его друг.

Кого-то не хватает…

Я медленно подошёл к самому обрыву, медленно вдыхая свежий воздух.

Внутри тьма. Бесконечная бездна. Я буду прыгать в неизвестность, не зная что меня ожидает внизу. Просто разгонюсь и закрою глаза.

По телу В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ пробежала дрожь, сейчас, скорее всего, не из-за страха.

Не смотри вниз

Я не мог отвести своего взгляда от мрачной бездны. Тяжело откинув все предрассудки спрыгнуть неизвестно куда.

– Может быть нам сесть? – иронично хмыкнув спросил Андрей.

Я шагал навстречу неизвестности, через секунду ощущая ледяную воду всем телом. Волосами, руками покрывшимися мерзопакостной гусиной кожей и сузившимися губами.

Лишь свободное падение и мгновение перед погружением в неизвестность. Всё так просто.

Под водой я открыл глаза, слегка вздрогнув. Тьма. Беспросветный мрак, будто бы я закрыл глаза готовясь ко сну. Моё тело, продолжающее погружаться, охватывали маленькие пузырики кислорода. Удручающая тьма будто бы засасывала меня к себе, злобно притягивая за пальцы ног.

Сердце будто остановилось.

Я ощутил безысходность, как космонавт которого выкинули в космос с ракеты «NASA”. Кожа чувствовала давление а мозги навязчивые мысли.

Моё тело выключилось, будто кто-то просто нажал на красную кнопку «OFF”. Руки не желали двигаться, впрочем, как и ноги.

Я не понимал себя.

Я никогда не понимаю себя.

Лишь спустя секунды ноги лениво задвигались, подняв меня на верх.

Я сделал глубокий вдох, открыв глаза и продолжая видеть тьму. Космос продолжался. Мрак и яркая луна. Либо меня подводили глаза, привыкшие находиться под водой, либо в лесу резко убавили яркость света.

Тело дрожало от каменного холода. На песчаном берегу вода не казалась такой холодной.

Я не видел берега, на минуту теряясь в пространстве. Я был один посреди просторной водной глади, пытаясь выкри-

кивать не членораздельные фразы:

«Эй! Где вы?»

Вдруг посреди удручающей темноты послышался душераздирающий крик. Крик ужаса, который одним лишь своим звучанием поверг меня в панику.

Глава 8 #КоролевствоПолнойЛуны #часть1

Из **его** живота торчал остронаточенный нож, блестящее лезвие которого сквозь алые капли отображали яркий свет полной луны. **Он** хотел кричать, но не мог. Каждый раз, как только **он** раскрывал рот, из уст на толстовку падала свежая кровь. Вцепившись в тёплую кофту, незнакомец оттаскивал **его** дальше в лес. Всё что **он** мог разглядеть, так это факел, который освещал силуэт в чёрном. Чем ближе силуэт продвигался к нему, тем чётче было видно его старое, худое, костлявое и измученное лицо, узкие высушенные губы и длинный нос, посередине которого красовалась неаккуратная горбинка.

Я продолжал недвижимо барахтаться на поверхности воды, двигая ступнями и ощущая каменный холод.

Крик продолжался. Истошный вопль эхом отбился от высоких зелёных сосен, после чего резко прекратился. Будто бы ничего и не было. Будто бы густой ночной лес продолжал находиться в состоянии сна.

Моя дрожащая рука потянулась к мокрым волосам, быстро проведя по густой пряди. Мне нужно срочно выбираться. Оглядываясь по сторонам я словно немел и на секунды становился парализованным, как тяжёлый камень посреди озера.

Силы приходили ко мне постепенно. Нырнув в тёмную пучину, я погрёб к песчаному берегу, ногами прорывая ледяную воду. Сейчас она казалась перевезённой прямо из глубин Ледовитого океана, всё этот крик.

Может быть мне показалось? Надеюсь. Как бы я не хотел чтобы этот крик звучал по-настоящему.

Перед глазами встал вид распятого трупа: алые ручьи, стекавшие по влажной коже, безжизненное выражение лица… Я из всех сил старался не впускать размышления о кровожадном убийце в свою голову, делая вид что всё это не со мной, это происходит вовсе в другом месте с другими людьми. Так делал весь город, не понимая что мрак начинает поглощать в себя их жизни.

Сейчас он поглотил меня. Тёмная вода. Ночной лес и абсолютная тишина. Крик казался сном, нелепым миражом пришедшим ко мне во время погружения.

В холодном свете луны чётко просматривался мелкий песок, на котором держав колени у груди сидел шокированный парень. Его ступни почти полностью ушли под песок, а руки нервно вцепились в кожу на ногах, будто желая разорвать их в клочья.

Его грязные зубы укрытые древним слоем белого налёта, не видевшего зубной щётки, хаотично стучали друг об друга. Его напуганный холодный взгляд устремился в одну точку впереди.

Молчаливый наркоман-тень Майкла был обескуражен. Что-то смогло его чертовски напугать.

Я вышел из воды, обхватив себя руками и под пальцами почувствовав лёгкую дрожь.

Сердце заколотилось быстрее.

Под моей босой ногой показалась красная жидкость. Точнее, в темноте она выглядела словно кто-то перевернул стакан колы. Цвет удалось разглядеть позже, и когда я его разглядел, до меня наконец дошло:

– Это что, кровь!?!?– обескуражено выкрикнул я. Эхо моего нелепого дрожащего голоса разлетелось по лесу.

Взгляд парня продолжал недвижимо стоять на лысом дереве вдалеке, выделявшегося среди себе подобных голыми острыми ветвями.

Я поднял ступню, разглядывая алые капли на бледной коже и ощущая как медленно тошнота подходит к горлу.

Деревянный крест, холодное лицо и быстрые ручьи, неугомонно стекающие вниз…

Окидывая лужу быстро бегающим взглядом, я подошёл к парню, чьё имя так и не узнал, и присел на корточки:

– Что случилось? – он не реагировал, упорно меня не замечая.

– СКАЖИ МНЕ – громко завопил я, вцепившись в его холодное костлявое плечо – Чья это кровь?

– Его… – таинственно обрезал он, продолжая рассматривать высушенную кору далёкого дерева.

– Говори! – крикнул я, ощущая тяжёлый ком в горле. Он поднимался всё выше и выше с каждым словом.

– ДЭНА – резко выпалил он, подскочив с места и ладонью вытерев холодные слёзы, подступившие к глазам – Это кровь Дэна – он стал нервно осматриваться по сторонам, будто ожидая что из тёмных кустов выбежит агрессивно настроенный убийца.

– Где он? Что случилось? – продолжал я заваливать его вопросами.

Молчание. Абсолютная тишина.

Взгляд «тени» вновь растворился в тёмной пучине. Он забыл про меня, медлительно сев на холодный песок и потянувшись к красной жидкости.

Неловко стряхнув с себя ледяные капли, я быстрым шагом пошёл прочь от берега. Я был голый посреди мрачного леса. При мне не было ни телефона, ни тёплой одежды. Лишь предательски открывающее моё тело дующим сквознякам намокшие короткие трусы.

Босые ноги ступили на колючие опилки. Песок сменила собой влажная земля.

Узкая тропинка ловко окружила небольшое озеро, скрывая лысую дорогу за высокими терновниками и кустарника-

ми.

Впереди меня была тьма, ступить в которую было настоящим испытанием характера.

Что могло произойти?

Несчастный случай? Да, пожалуйста, пусть это будет несчастный случай. Безмозглый пьяный наркоман распанахал себе ступню об острый камень. Звучит? Звучит.

Обернувшись, я в последний раз окинул взглядом сутулившегося голого парня, рассматривающего пальцы, замызганные алыми каплями. Подползая ближе к луже он продолжал намазывать руки чужой кровью.

Обмакнув мизинец, он засунул его в рот и аппетитно причмокнул.

Безумец.

Я бежал по узенькой тропе, периодически ощущая как мелкие сосновые иголки впиваются мне в пятки. Пару раз я наступил на мелкие противные шишки.

Закрыв глаза, я старался быстрее добежать до места откуда спрыгнул. Я был один посреди леса.

Сердце готово было вырваться из груди. Каждый новый шаг давался с трудом, с новой дикой мыслью и страшной детальной картинкой.

Дэна уже расчленили на кресте, как и сделали это с несчастным Давидом

Нет-нет-нет. Ты несёшь бред, Влад.

Недалеко от меня послышались тихие шорохи. Из кустов вылезли массивные силуэты.

Прикрикнув, я подпрыгнул на месте от неожиданности рассмотрев знакомые лица.

Андрей и Макс: растерянные, напуганные и дрожащие от холода.

Андрей накидывал рубашку, пытаясь засунуть руки в узкие рукава. Макс уже одел своё поло, просовывая ноги в узкие джинсы.

– Чё орёшь? – спросил Андрей, начав застёгивать пуговицы.

– Что… что… – я отдышался – Что-то странное происходит. На берегу, чёрт – я опять замялся, переводя дыхание – Чья-то кровь.

– Мы слышали крики – напуганно рассказал Макс – Схватив вещи мы побежали на крик.

Он снисходительно окинул взглядом моё голое дрожащее тело, причмокнув и протянув руку, в которой небрежно держал мою одежду как полковую тряпку.

– Спасибо – бросил я, выхватив джинсы сразу же пытаясь натянуть их на мокрые ноги.

– Звоните в полицию – командовал Андрей – Вы помните что случилось с жиробасом Давидом?

Похлопав по карману, я победно достал телефон и включил экран, осветивший зелёные деревья рядом с нами.

– Блин, тут нет сети – разочаровано выдохнул я.

– Чтоб она была нужно забраться на возвышение, типа дерева – предложил Макс.

– А разве это не долбанный миф из дешёвых киношек про маньяков? – фыркнул Андрей.

«Тяжело признавать, но похоже прямо в такой киношке с мрачным лесом, мирным озером и жутким маньяком находимся мы» – произнёс про себя я, сразу же откинув безумную мысль. Просто несчастный случай. Точка.

Спустя пару минут я нашёл достаточно высокую сосну. Долго искать не пришлось, тут у каждой высота была явно «достаточная». Своими острыми верхушками они тянулись к небу, разрывая серые улетающие прочь облака.

Я облокотился об дерево, под пальцами ощущая жуткую кору и с замиранием сердца смотрел вверх.

«Ну и как ты туда залезешь?»

«Я всё детство лазил по деревьям, скептик Влад, неужто ты думаешь что я разучился?»

«Ставлю сотку»

Сняв с штанов массивный пояс с металической бляхой, на которой был изображён разъярённым орёл и крупными буквами написано «Харли Дэвидсон», я обмотал его вокруг узкого ствола подошвой прижимаясь к дереву.

Навыки остались.

Внезапно.

«Отсоси, скептик Влад»

Шаг за шагом я продвигался вверх, навстречу многообещающей связи, способной вывести нас из жуткого места.

Ветка за веткой, и я почти на вершине. Спасибо поясу «Харли», за то что оказался достаточно крепок (это не реклама).

Я бережно ставил дрожащие ноги на тонкие ветви, оказывающиеся достаточно прочными.

Может быть я всё таки везучий?

«Как тебе такое, скептик-Влад?»

Одна из ветвей сломалось под ногой, с треском полетев вниз.

«Ха-ха, с тебя сотка, гадёныш»

Сердце забилось ещё чаще. Я повис на дереве как выстиранное белье подвешенное за ниточку в Неапольском дворике.

Сердце колотилось. До вершины было как раком до Лос-Анджелеса.

Я аккуратно сел на ближайшей достаточно толстой ветви и свесил ноги, наконец достав телефон из кармана.

«НЕТ СЕТИ» – чёрт-бы-побрал-эту-клятую-долбанную-ненавистную-заставляющую-залезать-на-сосны-размером-с-грёбанный-Эверест-сеть – сети просто не было.

Сделав глубокий вдох, я осмотрелся, опустив взгляд вниз, после чего быстро обвёл мрачное озеро и яркую луну.

Я чувствовал себя придурком, идиотом и…

«3G”– над дисплеем горели две святые буквы.

У полиции есть Вайбер?

Отвечаю сразу, у полиции нет Вайбера (проверено).

У полиции есть WhatsApp?

У них его нет (проверено).

Я сидел на ветви сосны, продолжающей впиваться в мою задницу, в раздумьях над новыми быстро переходившими безумными идеями.

Я открыл Инстаграм (у полиции нет Инстаграма) открыв Стори и не думая нажав на кнопку “Play”. На тёмном изображении не было видно моего лица, лишь мерзкий напуганный дрожащий голос:

– Прошу, кто-нибудь кто это смотрит, вызовите полицию к старому магазину бытовой техники, мы в лесу у озера и возле него и тут твориться что-то ужасное.

Десять секунд отведённые под Стори закончилось. Не довольствуясь своим жалким тембром я выставил видео.

Ну а что? Даже самый безумный план имеет место быть.

Я не стал долго думать, мигом сдвинув ленту и включив прямой эфир.

На часах полночь. Я надеялся что хоть один несчастный зритель позовёт на помощь.

Безумец.

На фоне тёмного экрана крупные цифры не спеша отчитывали: «3-2-1».

Моё лицо почти не просматривалось. Темень и ветви сос-

ны, сквозь которые проникал лунный свет.

«Пожалуйстапожалуйстапожалуйста» – шептал я. На ветвь надо мной перелетела крупная ворона, мелким чёрным глазиком покосившись на экран.

Она топала ближе, в то время как на трансляции не было ни одного зрителя.

«Кар!» – крикнула она, после чего начала грозно хлопать пышными широкими крыльями.

– Пошла вон! – вскрикнул я отогнав птицу.

alex_smith0101, кто это вообще? Мой первый зритель, первая ласточка и надежда на помощь.

На аватарке биг-бен и лысое лицо на фоне.

Я из всех сил включил свой британский английский, пытаясь уговорить незнакомца вызвать полицию.

«ХЭЛО АЛЕКС» – в Британии ведь, здороваясь, в конце протягивают букву «О»?

Я назвал адрес магазина и сказал что у озера рядом кто-то тонет. Он вышел. Гавнюк.

Каким нужно быть уродом, чтоб выйти с трансляции когда у тебя просит о помощи шестнадцатилетка на ломаном британском английском?

Моя новая одноклассница Ariana_2304. Вроде-бы, если я не начал сходить с ума у ночного озера. Она сидит за столиком инстаграмщиц, бросая многозначительные взгляды на наш столик.

– Это… – протянул Андрей, увидев мой увлечённый

взгляд, скользнувший по её длинным светлым волосам – Как её там…

– Я помню что в инсте она «Ариана» – добавил Макс.

– Угу, правда ещё меньше чем Гранде. Сколько там в ней? Метр сорок два?

Я начал просить у неё.

Ariana_2304

Йоу) Мне надо тебе кое-что сказать.

– Вызови полицию к озеру у старого игрушечного завода!!! – как не в себе орал я.

Ariana_2304

Моя подруга считает что ты классный. Это по секрету. Она сказала что ты похож на Колтона Хайнса, только если бы он был натуралом.

Ariana_2304

Хейнса*

Ariana_2304

Или Хайнса, срать

– Ты оглохла?!?! Вызови полицию!!! Тут кровь и чьи-то крики!!! – мой голос эхом раздался по всему лесу. Я напуганно оглянулся, будто боясь что меня кто-то услышит.

Ariana_2304

Сорян за безграмотность, на трансах всегда быстро набирать стараюсь)00))

Ariana_2304

Да не горячись, я уже вызываю.

Спасение. Кто-бы мог подумать, что им окажется безграмотная девочка назвавшая меня Колтоном Хейнсом.

На трансляцию заходило всё больше и больше людей.

«alice_within_madness”

“kate_dancer”

“sandraworld”

Я просил помощи у каждого, неправильно читая странные ники старательно выговаривая согласные и ошибочно ставя ударения.

Должно помочь.

Глаза опустились вниз, на истоптанные свисающие с ветви кеды.

Тьма под сосной медленно развеялась, в ней показались десятки огоньков.

Вначале внимание привлёк тусклый оранжевый свет, осветивший собой колючие иголки соседней ели. Спустя секунды рядом с ним появился ещё один, ещё один и ещё…

Их было множество. Десятки огоньков медленно скапливались внизу, зажигаясь один за другим.

Спустя минуту тёмная сырая земля под основанием дерева полностью освещалась, слегка слепив мне глаза. *Огонь!* – внутренний голос отчаянно кричал – *ОГОНЬ!*

Это был самый настоящий огонь.

Как посреди ночного безлюдного леса мог появиться огонь?

Эфир продолжался, напоминая о себе мигающими сер-

дечками сыпящимися из низу. Сейчас моё лицо осветило тёплым светом: напуганное, жалкое и слегка глупое. Лицо человека который ни черта не понимает о том, что с ним происходит.

sandraworld

Ты забавный) почему у тебя такое плохое освещение?

Тупица, я один шокированный вздох назад рассказывал о загадочной крови на песке.

Надо слезать, огонь разгоревшийся подо мной напрягал. Я чувствовал приятную теплоту оголённой щиколоткой, которую открыл задравшийся подкат.

Я развернулся услышав тихий хруст.

Спокойно, нужно аккуратно перекинуть ногу.

Хххрусть!

О нет, всё будет о'кей, я обмотал пояс вокруг ствола и…

ХРУСТЬ!

В одно мгновение ветка подо мной сломалась.

– Бред, тупорылый Дэн просто разбил свой горбатый нос, после чего пошёл ссать в лес – кинул Андрей пнув мелкий камушек, лежавший на пыльной тропе.

– Скорее всего он уже поссал, выйдя на берег забыв застегнуть ширинку и своим гундосым голосом роняя типа: «Эй! Где все?» – хихикнул Макс, следуя за Андреем. Его взгляд застыл на сияющей водной глади озера. На ровном идеальном отклике луны, который словно тропа в рай сте-

лился прямо к нимпод ноги.

– Я вот о чём подумал, где грёбаный Майкл, чёрт бы его побрал? – Андрею была чужда невероятная красота сияющей воды, в каждой капле которой будто содержался чистый камень «Сваровски».

Макс лишь отстранённо пожал плечами, вслушиваясь в приглушённые звуки. Обрывистые тихие всхлипывание, доносящиеся из одиноко стоящей высокой посадки камышей.

– Слышишь? – растерянно бросил он, заглядывая за высокие растения.

За ними находился тот самый роковой песчаный берег, по которому медленно растекалась в разные стороны алая лужа.

Кровь – напуганно подумал Макс, подойдя ближе к сидевшей рядом хнычущей «тени». Тощий парень руками обхватил острые костлявые колени, будто пытаясь убаюкать самого себя.

Его руки были в чужой крови, а сам он периодически посасывал пальцы, слизывая жидкость.

Просунув мизинец между губ он громко слизал кровь, продолжая огорчённо хныкать.

– Что ты делаешь, придурок?! – воскликнул Андрей, наблюдая за влажным от слюней наркомана пальцем.

– Дэн… Дэн… Дэн… – обрывал он между всхлипываниями.

– Алло, ты можешь нормально объяснить что тут, сука, происходит?! – закричал Андрей, потрусив парня за плечи.

«Тень» вытер прозрачную слезу окровавленной рукой.

– Мы… мы…

– Соберись! – Андрей потрусил его за плечи ещё сильнее. Кажется, парень начал медленно приходить в себя, сдвинув взгляд с лысого дерева на другом берегу.

Он выпрямил тощие как две дамские сигареты ноги, устремив взгляд на испуганного качка.

– Мы плавали…

– Так.

– Плавали… И… И… Помню что вылезая, я увидел тело Дэна – «тень» говорил максимально невнятно, не выпуская сквозь слёзы членораздельные слоги – Из его груди торчал нож… Кухонный окровавленный нож… Он смотрел на меня и молчал, такими стрёмными стеклянными глазами, понимаешь? – парень в очередной раз громко всхлипнул, пялясь на отбивающую луну багровую лужу – Его утащили за ногу в тьму, а всё что я сделал, так это… это… – он громко вздохнул, выдавив из себя последние слова – …я закричал из всех сил. Звал на помощь. Я просто закрыл глаза и орал.

Макс глупо хмыкнул, сидя за спиной свидетеля.

– Я открыл глаза, но уже никого не было. Лишь эта блядская лужа.

– Вот дерьмо! – вскрикнул Андрей быстро вставая с корточек.

– Этот членосос просто перебрал с дурью – оправдывался Макс – Ты всерьёз ему веришь? Нож? Кухонный? Хрень это

всё!

Свидетель опустил голову, зыркнув на лужу.

– Чертчертчерт! – тараторил он, опять подобрав колени к груди.

Растерянными глазами Андрей глянул на Макса. Приятель лишь пожал плечами. Ему было также не по себе.

В кромешной тьме ночного леса можно было легко поверить в загадочную историю. Они были одни. Лишь напуганные озадаченные подростки в борьбе с неизвестностью.

Им некуда была бежать: вокруг одни сосны и дубы. Им незачем было кричать: сквот находился в полу часе ходьбы от них, заглушая всю связь с внешним миром громкой музыкой.

Холодное озеро окружённое высоченными хвойными, и одна загадка, начало которой подала мелкая лужа.

«Влад, пожалуйста» – про себя думали они, фантазируя о том, как их друг сидя на вершине пятидесятиметровой ели вызывает полицию.

И всё как по накатанной: спортивные чёрно-белые тачки с тёмной надписью «Полиция», заботливые копы предлагающие какао и добродушное заявление: «Дэн всего лишь трансвестит, у которого внезапно хлынули месячные. Он ушёл в лес, боясь опозориться при друзьях и к пяти часам утра дошёл до супермаркета, купив прокладки»

Андрей хмыкнул, после чего резко погрузился в напрягающие мысли.

Всегда уверенные и здравомыслящие, сейчас они просто не знали что делать.

Осталось лишь стоять на пляже и ждать.

Безысходность.

Ударяясь об каждую ветку я наконец-то приземлился на что-то мягкое. Падение было столь мимолётным и быстрым, но в то же время мучительно долгим и изнуряющим. Будто я был долбанной Алисой, провалившейся в кроличью нору. Я лежал в куче сырой земли, судя по ладони схватившейся за жидкую омерзительную субстанцию. Точно земля.

Приземлился я конечно же неудачно: на спину. По другому и не может быть у такого неудачника как я.

В полёте стукнувшись об толстую ветвь я не чувствовал своего тела: будто бы был тряпичной куклой выступающей во Вьетнамском театре.

Все внутри зажималось от боли. Я корчился и стонал, не открывая глаза.

– Чё-ё-ёрт – продолжительно вырвалось из меня. Мой голос был похож на громкое мычание коровы.

«Я парализован?» – растеряно спросил я сам себя, чувствуя что не могу пошевелиться.

Я боялся открыть глаза, неловко переворачиваясь на левый бок. Моё тяжёлое дыхание сбивалось из раза в раз, будто жирный марафонец, любящий спотыкаться на каждой кочке.

Левую сторону спины свело в болезненной судороге. По

телу будто бы быстро пробегали струи тока.

Я раскрыл глаза, продолжая издавать невнятный писк.

Чёрный треугольник на бледной коже, по которому вниз стекала красная капля. Закрытые глаза, в разные стороны торчат короткие ресницы цвета пепла.

Передо мной, где-то в метре правее, лежал Дэн. Его рот был приоткрыт, а тёмная кофта вся запачкана надоедливой грязью.

Тёмные волосы неаккуратно лежали на сырой земле.

Я тихо вскрикнул пытаясь ёрзать ногами. Ужасно неловкий звук сродни писку мелкой летучей мыши.

Огненную надпись «THRASHER” полностью укрывала кровь. Голова сама выстраивала жестокую картинку, изображающую в деталях то что случилось с несчастным парнем.

Взгляд скользнул вниз. У живота, недалеко от пупка, толстое худи рвалось. Из небрежной дырки рекой вытекала кровь. Рядом, словно выкинуты как ненужный мусор, лежали кишки похожие на скользкие красноватые канаты.

У парня был вспорот живот.

К горлу поступила рвота. Меня дико затошнило. Надув щёки я еле сдерживался чтоб не блевануть на мёртвого.

В нос ударил отвратительный запах.

– А-а-а – я пытался кричать, но ужасная боль в спине не позволяла. Вместо этого из меня выходил противный писк.

Голова закружилась а глаза слипались будто под тяжёлым весом. Я терял сознание. Я не мог продолжать смотреть даль-

ше на расчленённый труп и на тонкую кишку, лежавшую в расстоянии вытянутой руки от меня. Но я не мог перевернуться, отчаянно дёргая ногами. Руки будто онемели: стали каменными и бесполезными.

Всё что я мог, так это продолжать лежать в старой позе и провожать взглядом быстро текущие вниз капли.

Взгляд поднялся вверх.

Тело резко вздрогнуло, будто от внезапного удара молнией.

Меня окружали люди, чьи тела плотно скрывали массивные тёмные мантии.

Клан Вальтури?

Незнакомцы окружали меня со всех сторон, ограждая два тела молодых парней от леса.

Их лица полностью забрал мрак. Под нависшими капюшонами не просматривалось ни единой черты лица.

Люди-загадки. Может они и вовсе не люди?

Я ощущал на себе их пристальные удивлённые взгляды. Десятки взглядов.

За спиной каждого человека в мантии возвышался горящий факел.

«Бегите из этого города!» – вспомнил я паникующую Адриану, ненароком заснявшую горящие за её спиной факелы.

Моему шоку не было границ. Тело задубело, прочно связывая мышцы невидимыми верёвками. Я был беспомощным мальчишкой посреди мистической толпы.

Взгляд судорожно скользил по каждому силуэту по-отдельности, дойдя до единственного открытого лица. Сморщенный бледный старик, чьи холодные глаза с интересом осматривали упавшего с дерева парня. Его сморщенные синие губы были слегка приоткрыты, обнажая гнилые зубы, похожие на осколки грязной керамической тарелки.

В своих дрожащих руках он держал кухонный нож, чьё лезвие, отражающее в себе бледный свет огня, было полностью укрыто кровью.

Это ЕГО кровь

Старик и был кровожадным убийцей, вспоровшим живот невинному Дэну.

Я поднял глаза с ножа на уродливое лицо, приковавшее моё внимание. Столь знакомое, будто эти черты лица я уже видел ранее. От холодных пялящих глаз меня бросило в дрожь. Бегающие зрачки отображали в себе свет стоящего впереди факела.

Из уст даже не вырывался нелепый писк.

Я был обескуражен. Что за бред тут происходит? Мантии. Старик-убийца.

Факелы слепили глаза. Я не мог подняться, прибывая в состоянии полного шока.

Сердце вырывалось из груди. Дыхание медленно останавливалось, от медленного осознания собственной беспомощности.

Кто-то прикоснулся к моей спине. Чьи-то пальцы медлен-

но впивались в мою кожу. Я чувствовал длинные ногти. Кто-то горел желанием перевернуть меня на спину. Ну а я, как огромная жирная туша выброшенного на берег голубого кита, из всех сил не поддавался.

Рвота готова была вырваться наружу в любой момент. Я представил: загадочные убийцы, готовящиеся пафосно расчленить меня при свете полной луны, как и Дэна. И тут «бац!», и я ломаю всю атмосферу момента вырывая на морщинистое лицо уродливого маньяка.

Тот, кстати говоря, продолжал смотреть на меня глазами-стекляшками.

Дрожащая рука поднялась к голове, пальцами бережно поглаживая торчащие в разные стороны седые волосы.

Похоже, меня ждёт та же участь что и лежавшего впереди парня. Вспоротые кишки, мучительная и долгая смерть… Взгляд обвёл зияющую дыру в тощем животе.

«Давай!» – про себя кричал я, умоляя не сдаваться. Я бешено дрыгал ногами в разные стороны, отчаянно пытаясь встать. Но не мог.

Что же происходит с моим телом?

Я просто не мог встать.

Среди застывшей тишины послышались выстрелы, резко оглушившие меня.

«Пах!» – эхо громкого звука прокатилось по лесу. Мерзостный звон продолжительно звучал в ушах.

В глазах всё поплыло, будто в них кто-то резко брызнул

водой.

«Конец. Ты продолжишь лежать тут до конца жизни. Расчленённый, жалкий кусок мяса».

«Заткнись скептик Влад».

«Всё уже предначертано: оптимальный вариант – закрыть глаза и ждать острия ножа, вспарывающего твой живот».

«ЗАКРОЙСЯ. Я встану, бешено дрыгая ногами по мягкой земле. Да что вообще за хрень с моим телом?»

Меня разрывало изнутри. Я впервые испытал такой животный ужас. До этого, я чувствовал такое только в своих самых страшных снах. Но тут как я не старался, я не мог проснутся.

Безысходность – вот оно, то чувство, во время которого ты ощущаешь себя маленькой подстреленной птицей скованной железными цепями. Ты погружаешься в глубокий скользкий мрак, давая панике овладеть мозгом.

Всё что ты чувствуешь – резвое биение своего сердца, работающего в ритме оркестровых барабанов.

«БАМ!», «БАМ!», «БАМ!».

Всё что ты чувствуешь – холодные капли пота, быстро бегущего вниз.

Вот она, та самая *безысходность*.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ:

Раньше, я всегда думал о смерти. Эта тема не бы-

ла для меня той темой, от упоминания которой по телу сразу же начинают бегать быстрые мурашки а на лбу показываются неловкие капельки пота. Смерть – это часть жизни. Люди рождаются, живут и бла-бла-бла. Вы слышали эти поучительные истории уже сотни раз.

Раньше, я всегда думал о смерти. Мысли о ней сопровождали меня с самого детства. Только представьте себе эту картину: невинный малыш ростом метр и двадцать сантиметров выглядывает из окна чёрного пикапа, всматриваясь в кладбище. Он ожидает увидеть там её: девчонку с густыми бровями, самодовольной улыбкой и длинными ресницами.

Маленький малыш, выглядывая из окна пикапа, рассчитывает на то, что он увидит ту самую девочку облокотившуюся об своё надгробие. Маленький малыш рассчитывает вновь увидеть то, как она ему быстро подмигнёт, растворившись в воздухе. Маленький малыш хочет увидеть её ещё раз – гордую, дерзкую и исчезнувшую навсегда.

В моём родном городе все дома прилипали к друг-другу. Серьёзно: двор нависал над двором будто район, в котором я жил был мумбайской трущобой. Или бразильской фавеллой. Из окон можно было в деталях рассмотреть жизнь соседей: пугающе, не так ли?

Мой маленький дом, больше напоминающий пряничный домик Гензеля и Гретель, своими окнами выходил на просторный участок семьи Гидзиль. Странная фамилия, Гид-

зиль. Задумался об этом я только сейчас.

Суеверная мама, смахивающая на сбежавшую из дурдома. Закомплексованный отец, из уст которого за всё время моей жизни там не вышло ни слова. И она: Алиса. Самая популярная девчонка города. Густые волосы, падающие до поясницы. Они всегда блестели на ярком солнце, маняще переливаясь как дорогой бриллиант. Густые брови. Эти брови были её фишкой, гордостью и секретом красоты в одном флаконе. Именно они придавали её голубым глазам ещё большей глубины.

Воспоминания детства, с далёкого пятилетнего возраста чаще всего стираются, их смывает будто цунами. Но воспоминание о НЕЙ – остаётся. Её вид навсегда отложился в моём разуме.

Складывалось впечатление что больше всего на свете она любила смеяться. Женственный хохот, белоснежная улыбка, которую она пыталась скрыть прикрывая рот кистью.

Ей было шестнадцать. Её знали все. Алиса была звездой города. Мне бы позавидовал любой ученик местной школы – зажатый прыщавый задрот или уверенный раскачанный футболист – не важно – все они хотели вставать и каждый день у своих окон видеть Алису.

Иногда я садился на подоконник наблюдая за тем, как она стремительно выходит на прогулку, прихватывая с собой тёмную дамскую сумочку и подкрашивая губы ярким алым цветом.

Она всегда видела меня в окне. Она знала, что я люблю за ней подсматривать.

Она ловила мой заинтересованный взгляд, проскальзывающий сквозь щели досок хилого забора. Она отвечала на мою улыбку своей идеальной улыбкой, доставлявшей мне высочайшее наслаждение доступнейшее человечеству.

Алиса была героем моего детства. Уверенная, дерзкая и в то же время, где-то в глубине души, добрая. Каждый день, уходя в школу она махала мне рукой, мимолётно улыбнувшись хватав учебники в руки убегая на занятия.

Я наблюдал за всеми её парнями – теми счастливчиками, которые имели честь прикоснуться к её гладкой бледной коже, которые могли вдохнуть её свежий аромат и дотронуться к мягким волосам. Я видел как широкоплечие высокие парни страстно целуют её, поглаживая по спине.

Маленький малыш садился на подоконник, растворяясь в жизни Алисы, мечтая о том мгновении когда она подарит ему слово. Одно слово – и достаточно. Он мечтал о том, чтоб услышать её нежный голос. Он мечтал узнать её получше.

Но однажды, мрачная лунная ночка заставила малыша впервые задуматься о смерти.

Район, напоминавший стиснутую тесную трущобу отделял узкий хайвей от густой выгоревшей посадки. Мы с мамой часто ходили туда, прогуливаясь вокруг озера с мутной пахнущей тиной водичкой и наблюдая за быстро летящими мимо облаками.

Однажды, идя домой, просвещая сумерки мощным ярким фонарём, свет попал на белоснежную машину скорой помощи. Синие мигалки на секунды освещали лес, также осветив высокие носилки, на которых прикрывшись белой окровавленной простыней лежала ОНА.

Этой октябрьской ночью Алису сбила машина. Я увидел её ногу: алые капли крови на бледной белой коже.

В один миг её просто не стало. Просторный двор закрытой от общества семейки опустел, и тогда в мой детский не окрепший мозг стали залетать совершенно новые вопросы.

Раньше, я всегда думал о смерти. Садясь на прохладный подоконник я представлял смеющуюся девчонку, в одной руке державшую чёрную сумочку, а другой махая незнакомому мальчику. Я видел её, мучительно осознавая что она ушла.

Несправедливость. Красивая и юная, просто так взяла и покинула свет?

Маленький малыш ещё не знал что в мире бывает много несправедливостей.

Раньше, я всегда думал о смерти. Подойдя к тёмному дубовому гробу в местной крохотной церквушке, я наконец вдохнул её аромат, так и не услышав ласкового нежного голоса.

Раньше, я всегда думал о смерти. Кинув клочок сырой земли в глубокую яму, я проводил героя своего детства в вечный путь.Она ушла, но очертания лица несправедливо усопшей девушки я запомнил навсегда.

Мысль о смерти часто посещала меня, в последнее время прочно застряв в голове.

Глава 9 #искусствosmalltalk

Глаза открылись, уткнувшись в чёрный кривой треугольник на лице мёртвого.

– Чё-ё-ёрт – вскрикнул я, продолжая ощущать знакомый каменный холод всем телом. Надо мной грозно возвышались верхушки сосен, дерево с которого я упал самодовольно всматривалось в беспомощные лежащие под ним тела. Никаких людей не было и в помине: мантии, кухонный нож, факелы, старик… Всё это казалось ночным кошмаром на мгновение проникшим в реальность; этот кошмар не хотелось верить изо всех сил.

В ушах продолжало звенеть после громкого выстрела. Кто его сделал?

Я мог встать: установленные по периметру всего тела тяжеловесные крепкие блоки в одно мгновение быстро спали. Я чувствовал своё тело, имея возможность руководить движениями. Покачиваясь как тонкий флагшток на сильном ветру, я встал на ноги, случайно вступив в алую холодную лужу. Из уст в очередной раз вырвался мерзкий писк, он резал уши мне самому. Самое удивительное: я так и не смог закричать, громко взмолить о помощи, лишь пищать, как мышь, медленно дохнущая от крысиного яда.

Из бледных уст тощего парня вытекали алые капли. Холодное тело бездыханно лежало на земле.

Я всхлипнул, растерянно осматриваясь по сторонам.

На колючей ветви соседней ели, усыпанной мелкими шоколадными шишками, отобразился сине-красный свет. Мигалки – меня спасут. Я уже слышу шаги.

Раздвигая навязчивые нависшие над головами ветви, на встречу мне вышла пара строгих полицейских в длинных тёмных штанах и синей рубашке. Один из них, самый загорелый, в руках держал пистолет, настороже осматриваясь по сторонам. Это он стрельнул, возможно, сам того не подозревая спасая мне жизнь.

«Что случилось?» – читалось лишь по одному напуганному взгляду брутального дуэта. Думаю, это первый труп в карьере копов-провинциалов. Я хотел объяснить всё сразу, описав в подробностях загадочное лицо старого убийцы, но из меня лишь вылетел отчаянный наполненный шоком и тоской крик:

– Заберите… Заберите меня ИЗ ЭТОГО МЕСТА!!! – я всхлипнул ещё раз, дав волю эмоциям. Сам того не понимая, через секунды я рыдал. Слёзы будто не принадлежали мне. Они стекали вниз по ледяным красным щекам. Я не чувствовал ничего.

Вид лежавшего рядом трупа то и дело привлекал внимание. Он манил взгляд, резко останавливая его на себе: бледная кожа, алые капли на ней, закрытые глаза и вспоротый

живот.

Темнокожий полисмен со стволом в руках взял меня за плечо, с жалостью выводя из клятого леса. Я был жалок, ну и срать.

Зубы нервно стучали друг по дружке, всё тело охватывал ледяной холод.

Воспоминания всплывают обрывистыми картинками: сочувствующие взгляды Андрея и Макса, стоящих на берегу и с интересом наблюдающих за тем, как бережно меня садят на полицейский мотоцикл. Недалеко от меня стояла шокированная «тень», спиной облокотившись об дерево, и продолжала молча прожигать взглядом сияющее озеро. Уютно усевшись на твёрдое сидение скутера, я взглянул назад, словив печальный взгляд брата. Он молча провожал меня им в тот момент, когда транспорт двинулся с места. Лишь сейчас я заметил вышедшего из темноты Майкла. Лохматая светлая шевелюра, сбившиеся дыхание и капельки пота, сияющие на лбу в свете луны. Отдышавшись, он проронил:

– Простите что оставил вас одних, не стоило мне бежать в сквот по первому же звонку!

– Мог бы хоть предупредить нас! – обижено воскликнул Макс.

– Сорян, дело было срочное – оправдался он, обернувшись и взглянув на уезжающий мотоцикл. Застав меня, он поднял руку вверх, добродушно помахав. Никак не отреагировав я обернулся, в последний раз застигнув красоту этого

места. Оно уже не казалось таким магическим как прежде, пугающее загадочное королевство полной луны.

Все события, произошедшие дальше смешиваются в ярком свете больничных ламп. Я сидел на твёрдой больничной койке, смотря как передо мной суетливо ёрзает на стуле пожилой врач, щёлкая шариковой рукой в дрожащих руках.

В глазах застыла картина: труп. Нет, не так. НАСТОЯЩИЙ ГРЁБАННЫЙ ТРУП. Так лучше.

В моей голове бесконечным чередом менялись яркие картины, всплывающие в глазах скомканными огрызками воспоминаний: Дэн, парень чьи длинные тёмные волосы упали на бледное лицо в ярких алых каплях. Холодная машина скорой помощи, везущая меня прочь из этого проклятого места и последний взгляд на тёмный загадочный лес. Заботливая медсестра, которая не особо парилась с тем, как бы получше меня осмотреть: ущипнув в паре мест пару раз она сказала что никаких переломов нет.

– Так, всего навсего ушиб – отмахнулась она, хихикнув едким смехом жирной болотной жабы. «ВСЕГО УШИБ» – звучало как подарок небес – Ты настоящий счастливчик – ага, хотелось бы в это верить – Остальные не могут ходить месяцами после падения с такой высоты.

Где-то в двухста метрах от нас сзади ехала белая машина с телом мёртвого подростка в ней.

Вспоротый живот. **Литры крови**, **вытекающие из**

него на сырую землю.

Я знаю кто убийца. Я вижу перед собой его старое угодливое лицо. Поставь передо мной миллион возрастных уродливых стариков, я бы указал именно на него.

Он запомнился надолго.

Десятки людей в тёмных мантиях. Все их лица были плотно скрыты пеленой тьмы, словно специально не давая мне их рассмотреть. Мистика.

А ещё мистичнее то, что полноватый коп жующий мятный «Орбит» резко сказал мне, что никаких следов десятков людей нет. Земля идеально ровная и девственно чистая. Лишь вмятина от моего резко упавшего телеса и трупа. Означает ли это, что я становлюсь одним из подозреваемых, несущим бред как претендент на место в дурдоме? Надеюсь нет.

Нет-нет-нет. Я не хочу думать о тех секундах. При малейшей мысли всё тело зажимает в судорогах.

– Мантии? – переспросил старик в белом халате, оторвав взгляд от бумаги исписанной невнятным почерком – Ты уверен, что видел людей в мантиях?

– Уверен – чётко обрезал я, также как и ответил полисмену – Люди в тёмных мантиях. Они причастны к его убийству.

Старик хмыкнул. Нарочитое «п-ф-ф», словно он из всех сил пытался надуть детский резиновый воздушный шар. Всем своим видом он пытался сказать: «Мальчик, твоему бреду никто не поверит!»

– Как ты уже говорил ранее, после падения ты сильно уда-

рился головой?

Я кивнул.

– Видишь ли, полиция и врачи склоняются к единому мнению, что ты увидел, как бы это сказать… – приставив ладонь к лицу он выдержал строгую паузу -… Галлюцинацию.

– Галлюцинацию? – удивлённо повторил я – Вы не понимаете, у меня в жизни не было галлюцинаций.

– Типичный синдром после сильного удара головой и шока. Ты сам подумай, Влад – старик подвигался всё ближе ко мне, подправив белый воротник на котором отчётливо можно рассмотреть коричневое пятно от кофе – Никаких следов. Люди, как ты рассказал, исчезли спустя секунды после выстрела. Ведь так?

Принятие.

Мне было легче принять то, что шестерёнки моего мозга, годами работающего на отменно, резко решили начать заедать. Убедить себя, что ты видел сбежавшую из фэнтези-книги шайку психопатов – достаточно просто. Отбросить воспоминание о жутком видео с погибшей Адрианой в главной роли оказалось проще чем я думал. Дрожа от страха и сидя в твёрдом кресле кабинета врача я стал перекапывать в голове все логические объяснения ярким факелам и чёрным мантиям. Жаль, что то видео нельзя было посмотреть. Моя память будто бы специально стирала его. Она будто бы не хотела, чтоб я помнил.

«Я видел галлюцинацию» – повторил я про себя, пытаясь

не чувствовать такой стыд после произношения этого предложения. Но почему же я так чётко ощущал их присутствие? Лёгкое прикосновение, которое вызвало мурашки на моей спине? И почему я так резко для себя решил отбросить то, что видел?

Стиснув губы я кивнул, тем самым подписав договор о умалчивании. Кому интересны бредни парня, который сам себе до конца не поверил?

Третий раз за ночь я похлопал по карманам, ощущая что телефон не со мной. Словно безумец – я прекрасно помнил что его забрали для следствия, но продолжал каждый раз нервно цокать, не обнаруживая его на месте.

В коридоре послышались быстрые шаги и стук каблуков. «Цок-цок-цок» – словно породистая лошадь гордо вышагивала по брусчатке.

– Вы абсолютно некомпетентны и бестактны! – я узнал голос отца. Тот тембр, когда его удавалось вывести из себя – Я удивлён что вас ещё не осудили! Мы сделаем это первыми!

– Но… – из-за дверей доносились растерянные возгласы полицейского.

– И никаких но! Опрашивать подростка без родителей сразу после ужасного шока! НЕПРОФИСЕОНАЛЬНЫЕУМАЛИШЕННЫЕНЕЛЮДИ.

Дверь распахнулась, ударившись об белоснежную стену. Я увидел знакомые глаза, с которых медленно вниз начала спускаться прозрачная слезинка. В комнате навис цветочный

аромат «La Vie Est Belle» от «Lancome». Отчётливо было слышно тяжёлое дыхание.

Моя мама. Человек, чьё биение сердца я мог просчитать в объятиях прижимаясь к её груди. Человек, чья слезинка упала мне на макушку, как только она вцепилась в меня крепкой хваткой. Она мне была необходима. Так странно, всё что мне сейчас было нужно, это не старый психолог с блестящей в свете яркой лампы лысиной, это не тёплый плед которым меня накрыл заботливый полицейский – а её тепло.

Все ужасные мысли вылетели через открытую дверь. Я закрыл глаза и почувствовал ужасную усталость, будто мне на плечи сгрузили килограммы камней.

Глаза слипались. Ладонями я ощущал негромкие всхлипывания, тонкая спина периодически дёргалась. Мама изо всех сил старалась «не раскисать» – так она выражалась, как только я позволял унынию овладеть эмоциями.

Отклонив голову от меня, она нежно взъерошила волосы. Липкий гель до сих пор оставался в жёстких волосах. Смахнув слезу, она тихо прошептала:

– Я так счастлива что ты со мной – и всё, этого оказалось достаточно.

Это нормальная реакция после ночи, во время которой ты упал с сосны, ударившись головой, спиной и всеми существующими частями тела, взглянул на лицо жуткого убийцы, смахивающего на зомби из «Ходячих мертвецов», ско-

рее всего, первый раз в жизни увидел галлюцинацию и где-то минуты три пролежал с окровавленным расчлененным трупом. Я просто заснул.

Вяло отворив массивную дверь нашего «семейного» чёрного пикапа, я рухнул на сидение носом уткнувшись в тёплую ткань. Вдыхая аромат освежителя с запахом алое, которым пропиталось кресло я заснул.

Проснулся я взглядом упираясь в освещённый ярким солнцем персиковый потолок своей комнаты.

Я представил нелепую картину, за которой наблюдали взволнованные соседи, подскочив с кроватей и придвинувшись к окнам: отец, склонившись над пикапом пытается вытянуть меня за ногу. Вцепившись в кед, он тянет меня подобно репке. С мерзким причмокиванием, кед отлетает прочь падая на газон соседнего дома.

И тут должен быть закадровый наигранный смех, в лучших традициях ситкомов.

Ха-ха-ха

Подхватив меня на руки, папа кривится, укладывая меня обратно.

– Чёрт, кто же знал что наш сын такой тяжелый?

Ха-ха-ха

– Так же ты сказал и про меня на нашей свадьбе

ХА-ХА-ХА

Ба-да-бум-ц!

Короче, пускай момент, во время которого я перенёсся из

машины в комнату останется покрытым догадками.

Почему моё падение с сосны, казалось, произошло в прошлой жизни? Будто всё, что я видел вчера это тусклые кадрами из трэшового ужастика. Всё это казалось сном. Обычным кошмаром, последствия которого периодически всплывали наверх в виде ноющей спины, плачущих костей и кричащих ног. О да, моё тело будто бы было ватным.

Я уютно разложил пульсирующие в такт сердцебиению ноги, схватив телефон в руки.

«14:06» – класс!

Под временем мигающими окошками в колонку выстроились белоснежные уведомления. Десятки сообщений от знакомых и не очень людей.

– Ты бухой снимал прямой эфир?

– Чё за херня в твоей стори?

– Парень, ты еще жив?

– Ещё нужна помощь?

Это лишь сообщения после 12 часов ночи. Потом слухи начали разлетаться по городу с силой снежного кома: чем дальше, тем фантастичнее. Извращенец помешанный на религии. Умалишенный педофил. Джейсон Вурхиз – вариантов маньяков были тысячи.

– Напиши, на нём была маска?

– Он тебя изнасиловал?

– Я слышала он был одет в кожу свиньи.

Некоторые СМС были отправлены даже в три, четыре,

пять часов утра… И как жителям удаётся с такой скоростью узнавать о новых сплетнях?

Sam2000:

– Говорят, вы просто набухались, вспоров живот пареньку.

– Отсоси – быстро ответил я, откинув телефон в сторону. Я обхватил голову руками. Казалось, в черепной коробке медленно образуются глубокие трещины, и также казалось, что мои дрожащие ладони способны их перекрыть.

– Туки-туки – услышав голос матери, я сел на краю кровати устремив взгляд на открытую дверь. В проходе стояла Ева, бодро сияя оперевшись об стенку локтем. В её взгляде не было жалости, как у остальных, кого мне довелось встретить за эту ночь. Она самодовольно осмотрела мою комнату, приветливо махнув рукой.

«Блинблинблинблин» – про себя скандировал я, ощущая мерзкий утренний аромат своего рта и нелепые утренние закиси. Бе-е-е! Только вдумайтесь: девчонка которая реально мне нравилась, застала меня врасплох в самом беззащитном положении – лежащим утром на кровати.

– Я решила что сейчас тебе не помешают гости. Ева сказала, что она твоя напарница по школьному проекту – мама едко усмехнулась, будто специально привела девчонку в мою комнату веселья ради. Спасибо, блин.

– Готов отдать себя полностью затерянной в джунглях мелкой стране Юго-Восточной Азии? – вскрикнула Ева с ма-

стерством оратора говорящего в громкоговоритель на митинге. Я кивнул, выдавив улыбку, тут же скрывшуюся за дрожащими от нервов губами.

«Идиот, ты не почистил зубы!»

– Проходи.

– Не буду вам мешать – подмигнула мама и закрыла дверь.

Ева уютно плюхнулась на край неопрятно расстеленной кровати, после чего резко обернулась ко мне продолжая сиять. Её густые каштановые локоны упали на мою ногу.

«Огогогого»– внезапная близость.

«Главное не дыши на неё»

Ева явно ждала от меня новую тему для разговора «ни-о-чём» между двумя напарниками, готовящими проект о Лаосе.

– Я мигом, надо в туалет – вместо этого выдал я, вскочив с постели – Подожди минутку.

Хлопнув дверью соседней ванны я взглянул на себя в зеркало, висевшее над раковиной. Солнечный свет, доносившийся сюда из окна, заботливо скрываемого растущим во дворе каштаном, осветил моё бледное лицо. Мысли об окровавленном трупе и мистическом убийце вылетели сами собой, честное слово. Мои лохматые патлы неуклюже торчали в разные стороны.

– Рохля – пробормотал я, копаясь в шкафчике в поисках расчёски. Я быстро пытался сделать более ли менее нормальную укладку. Хрен, после вчерашнего волосы были такие

грязные и жесткие что ничего не выходило. Я зачесал патлы быстрее. Ну вот. Расчёска застряла. Я и сам не заметил как просидел в ванной уже десять минут. Ева аккуратно постучалась и мило спросила:

– С тобой все хорошо?

– Да-да, я уже выхожу, подожди меня в комнате.

Через несколько минут мне все таки удалось выдернуть клятую расчёску из своих волос. На ней остались висеть тёмные грязные волосинки. Я чувствовал себя Артуром, который вытянул меч из камня. Взглянув на себя в зеркало я понял что не могу выйти к девочке которая мне нравится с такой грязной головой.

Кодекс успешности любого мужчины, который мне с интонацией президента США надиктовал Андрей:

1). Быть всегда аккуратно подстриженным

2). Быть всегда с чистой головой

Мыть голову, конечно же, времени не было. Красотка мечты скучая сидела в моей комнате, расстроенно пяля в окно. Сейчас моё сердце колотилось ещё быстрее, чем когда я услыхал громкие крики на озере.

Где-то у мамы был сухой шампунь.

«ВСПОМИНАЙ ГДЕ!»

Точно! В ванной на первом этаже. Он аккуратно стоит в тесном шкафу в компании лака для волос. Но как мне выйти? Рядом с дверью поджидает Ева. О чем она подумает когда узнает что мне нужен сухой шампунь? Главный страх па-

цана – показаться недостаточно мужественным, сейчас полностью овладел мной.

Я хитро взглянул на окно, выходившее на задний двор и густой лес, начинавшийся сразу за ним.

Я улыбнулся. Так улыбался Заводной Апельсин в фильме Кубрика. Так улыбается парень, проложивший себе тропу к сухому шампуню.

Я распахнул окно, вдохнув свежий воздух. В комнату залетело два опавших кленовых листика. Спрыгнув на толстую ветвь (ох уж этот опыт лазанья по клятым веткам), спустился по шатающейся водосточной трубе, которая бы разломалась, веся я на килограмма два больше.

Минута – и я уверенно стоял на газоне заднего двора. О, чудо! – спина совсем прошла. Войдя через прозрачную дверь в зал я пробежал мимо матери, увлечённо готовившей панкейки:

– Влад, тебе нельзя бегать! – крикнула она, выкладывая аппликацию из бананов и малины. Далее, маэстро решил украсить это произведение щедрыми мазками нутэллы.

«Exuse-moi, а Вас не озадачивает мой способ появления в холле первого этажа через задний двор?»

Я заскочил в душную родительскую ванную, гораздо просторнее моей. Секунды – и сухой шампунь был на моих волосах.

Миссия выполнена.

Выйдя из ванны я зашагал на второй этаж, на лестнице

встретив Еву. Она сидела на ступеньках, скучая положив подбородок на колени.

– Как ты… – она искренне удивилась – Телепортировался?

Я хмыкнул. Раздражённый смешок человека, не знающего как себя оправдать.

– Хм… Телепортировался…

Я хмыкнул ещё раз.

– Пошли в мою комнату? – обрезал я, чувствуя себя полнейшим идиотом.

Отворив белоснежную дверь своей комнаты, зеркало, висевшее на которой с шумом ударилось об шкаф (до сих пор не привык к этой гнусной детали. Если какой-то дизайнер, проектирующий дома для ваших заводских рабочих решит повесить зеркало на двери – смело отрубайте ему руки), я увидел стеклянный судочек, стоявший на тумбочке. Внутри лежали красивенькие шоколадные печеньки. Подходя к нему я нахмурился. Ева, идущая сзади это заметила.

– Я испекла печенье. С миндальным орехом и шоколадом. И ещё, я принесла тебе одну из своих любимых книг 20-го столетия – «Возлюбленная». Почитай, пока болеешь. Думаю, ты оценишь. Она о том, как порой бывает больно вырвать из сердца память о прошлом. Вчера вечером я её закончила, и сразу же подумала о тебе.

Мне это польстило.

– Ты человек переезжающий в новые города – ты как ни-

кто поймёшь.

Я молча кивнул, взяв приятно пахнущую Евой книгу в руки. Толстая обложка, компактный размер…

– Пока будешь уходить в болезнь как раз успеешь прочитать. И да, главная героиня– Сэти – чернокожая рабыня – Ева выжидающе взглянула на меня.

– И что?

– Некоторые люди ненавидят художественные произведения про чернокожих рабов. Это что-то вроде нового тренда.

– Конченые расисты. Такие не достойны жизни в двадцать первом веке.

– Плюс – подмигнула мне Ева и рассмеялась – Эти сволочи сжигают «Унесенных ветром» лишь из-за второстепенных персонажей.

Ева меняла эмоции со скоростью поп-артиста, меняющего наряды во время своего концерта. Живая, быстрая, энергичная – это всё о ней. Она делилась энергией со всеми окружающими, при этом ни капли её не растрачивая. Разве не чудо? В её мимике я видел все грани грусти и радости в одно мгновение. Она резко переходила с одного настроения на другое произнося одно предложение из пары слов. Это вызывало чувство, будто я общаюсь с необычным человеком, скрывающим за своим невинным образом десятки скрытых от посторонних глаз мыслей. А её смех… Может быть какой-то злюке из вас он мог бы показаться громким и заразительным, но как же мне он нравился. Слыша его хотелось

смеяться вместе с ней. Впрочем, я так и делал. Губы вытягивались в дурацкой усмешке сами собой, словно Ева хваталась за их края, оттягивая в разные стороны.

Плюхнувшись на кровать Ева достала из блестящего тёмного рюкзака коробку с карандашами и аккуратно разложила их на белом одеяле. Я сел рядом, молча заглядывая в её глубокие синие глаза и всматриваясь в пухлые губы коралового оттенка.

Надо же, будто подарок небес, девчонка о которой я промечтал весь вчерашний день сидела передо мной. Черты её лица выточенные и изысканные как у нарисованной диснеевской принцессы. Она не наносила макияж, зная свои достоинства и гордо пронося их перед всеми.

– Эй, ты тут? Увидеть труп и свалиться с сосны ещё не причина сойти сума и уйти в свои мысли. У нас ещё Лаос впереди.

– Мне вот интересно – хмыкнул я – В этом городе и правда все так быстро разлетается?

– Будь уверен – ухмыльнулась она, показав белоснежные зубы – Моя мама и весь город узнали о том что ты свалился с сосны ещё до того как ты пришёл в сознание.

– Занимательно – рассмеялся я. «Мама?» – мысль так и осталась в моей голове не вырвавшись в наружу.

– А мне нет – она будто специально не хотела затрагивать жуткую тему, умело обходя её обводными тропами. Достав большой свёрток картонной бумаги, она развернула его ря-

дом с карандашами – Лаос! – напомнила она – Мы тут ради него.

Она взяла карандаш в руку, начав бережно выводить бледные линии на ватмане. Я хотел застыть, смотря за её нежными телодвижениями. Я хотел закрыть глаза, вдохнув что есть мочи её неповторимый запах. Я хотел придвинуться поближе, почувствовать, вправду ли столь бледнокожая девчонка настолько холодная, какой кажется на первый взгляд. Я хотел нежно провести пальцами по её мягким волосам, бережно положить на них щеку, чувствовать сердцебиение Евы.

Она подняла глаза, кивнув на разложенный посреди кровати постер, как бы призывая меня сосредоточиться на работе.

Ева дорисовывала правдоподобное улыбчивое лицо жителя Лаоса, найденое мною в фотографиях Гугла. Она выводила последнюю морщинку на лбу, довольно оглядывая проделанную роботу.

– Не хочешь сходить прогуляться в лес? – предложил я ей как только она закончила, отложив серый карандаш в сторону.

Ева подняла глаза на окно, всматриваясь в стену леса, чётко просматриваемую из него.

– А тебе можно сейчас вставать? Ты же типа на спину упал, парень – она недоверчиво нахмурилась.

– Я думаю да, у меня ничего не болит.

Ложь – спину продолжило сводить в болезненной судороге. Каждый раз, как только я наклонялся за цветным карандашом, проклятый сустав громко хрустел как не в себя.

Я обернулся, глядя на улицу из высокого окна. Яркое солнце добавляло насыщенности зелёной траве. Всё что мне нужно – выйти на улицу и ненароком взять сидящую рядом со мной девчонку за руку.

А может быть, это и есть любовь.

«ЛЮБОВЬ?! Влад, чёртов ты засранец, прекрати разбрасываться громкими словечками»

«Ну а как же объяснить то, что рядом с ней я забываю о крови прошлой ночи, а, скептик-Влад?»

«Да что ты знаешь о любви, тьфу!»

«Она не вышла из моей головы ни на секунду, как тебе такое, скептик-Влад?»

«....»

– Ну, если тебе так хочется, пошли – пожала плечами Ева, поднявшись с постели.

«Дадададададада»

Я и Ева вышли на залитый солнцем задний двор через стеклянную дверь, одновременно вдохнув свежий воздух. Заметив это Ева рассмеялась, неуверенно шагая на встречу нависшей стене леса.

– Ты уверен, что хочешь ИМЕННО в лес? – переспросила она.

– М-м-м, да, а что?

– Ну мало ли, по идее в тебе должна была зародиться фобия леса до конца жизни.

Я фыркнул, разбежавшись спрыгнув с резкого возвышения, после чего подал руку своей новой подруге.

Мы заходили всё глубже. В посадке резко ощутилась неуловимая свежесть. По моим открытым футболкой с коротким рукавом рукам пробежала дрожь. Я обхватил себя ладонями, безуспешно пытаясь согреться. Сквозь ветви деревьев пробивались яркие лучи солнца. Повсюду летала пыль, поднявшаяся в воздух из-за сильного ветра. Вообще пыли в этом городе много. Очень много. Серые комки спеша бегают по асфальту, спускаясь в водосток, прилетают в глаза, заставляя нелепо щуриться… Она как партизан, скрытно лежит на земле выжидая момент, когда соизволит подуть ветер. Сейчас мелкие крошки лавировали сквозь ветви, опускаясь на плечи. Редкие лучи выглядели так, будто бы сидящее на облаке божество милосердно протянуло нам руку. Они предательски выдавали незаметную пыль, заставляя её сиять как десяток светлячков.

Я повернулся, глянув на Еву продолжая расплываться в улыбке. Она повернулась, глядя на меня и также не сдержала искреннюю улыбку.

Загадка. Девчонка-загадка, появившаяся в моей жизни лишь вчера. Сейчас она уже уверенно шагала по ней, будто

была там с самого рождения. Хотелось узнать её лучше, насколько это представляется возможным.

– Не хочешь рассказать что-то о себе? – спросил я.

– Ева, 16 лет. Вредных привычек не имею. Не колюсь, не курю, не пью и не занимаюсь сексом как голландская куртизанка. Хламидий не имеется, как и пожизненного ВИЧа. Одна в семье и искренне рада этому. Есть противная ссыкливая кошка, которая вчера написала мне в туфли. Этого не достаточно?

Я рассмеялся:

– Более чем достаточно.

Мы продолжали молча идти вглубь леса, периодически хихикая.

– Ты всегда тут жила?

– Не-а. Я родилась в столице, но моя мама переехала сюда когда мне было три из-за того, что тут ей предложили типа крутую работу в полицейском участке.

– Так вот откуда ты так быстро узнала о вчерашней ситуации!

– Да-да, моя мама вчера была когда тебя допрашивали. Если интересно, она считает что ты довольно милый – подмигнула она – Она такая типа: «Смазливенький паренёк с чёрненькими стоящими вверх волосами», а я такая типа: «Да это же чувак с которым я о Лаосе пишу!»

Я рассмеялся в очередной раз.

– Да-да, так всё и было.

Смех Евы, сопровождавший слова, резко оборвался. Она опустила глаза на сухую землю под ногами.

– Вообще это не круто, смерти подростков.

Я промолчал.

– Этот Дэн, которого ты нашёл.

Я вздрогнул.

– Мама всего за час накопала, что он был из классной семьи. Папа работает в администрации угольного завода, а мама училка в южной школе. Один в семье, родители даже и не заметили, как их сын связался с наркотой. Мама чуть с ума не сошла. Пришлось ей вызывать скорую. В морге она кинулась к Дэну, крича оглядывая вспоротый живот.

– Ужас… – прошептал я, вспоминая выпавшие на сырую землю кишки.

– Маман винила во всём некого Майкла, сыпля проклятиями в его адрес во время поездки в морг. Типа он её сына на наркоту подсадил. Вроде Дэн в том сквоте поселился недавно, матери сказал что нашёл отменную квартиру в многоэтажке на выселках – Ева вздохнула – Чёрт… это… – она вздохнула ещё раз – Чёрт… А Адриана. Её все обожали, она была королевой, но не такой как нахальные мерзкие сучки-мажорки, а иной. Умная отличница с прекрасной внешностью татарской принцессы. Самое смешное, что весь город поверил в чепуху про её смерть. Точнее, все знали что это чепуха, но молчали. А Давид… А Дэн-Денис…

Я знал что он был ДЕНИСОМ! Ха!

Галлюцинации – я вздрогнул от мысли о том, что мрачные тени в мантиях могли быть реальными. И правда, шок после падения – хорошее оправдание…

Посадка не собиралась заканчиваться. Опустив нос вниз, неловко пиная шишки, моя рука случайно столкнулась с тёплой ладонью Евы. Она ухмыльнулась. Я ухмыльнулся в ответ.

– Так у тебя нет отца? – «буц!» – мелкая шишка лежавшая под кедом в полёте ударилась об ствол дуба.

– Мама говорит что где-то есть. Швыряется по миру. Я даже не помню, видела ли я его вообще. Год назад я его нашла на фейсбуке. Он даже не принял мою заявку. Самый настоящий урод.

– Погоди, не принял заявку на ФБ? – «буц!» – следущая шишка закатилась в неглубокую яму у соседней сосны. Ева проводила её взглядом, гордо кивнув – Урод.

– Нам с мамой без него прекрасно. Женское царство и всё такое.

– Женское царство? – «Чёрт, хватит всё переспрашивать, придурок»

– Ну, знаешь, можно не париться разбрасывая лифчики по ванной и забывать выкинуть наклейку от прокладки без риска нарваться на взгляды преисполненные отвращения.

Я рассмеялся.

– Не одним же вам пацанам быть грязнулями. Я воспитана в лучших феминистических традициях диких амазонок.

Как чёртова Чудо-Женщина, у меня даже повязка со звездой есть.

– Ты похожа.

– Я похожа на Галь Гадот, но не на нарисованную американку из комиксов – Ева вздохнула – Короче, воспитана я была под громкий девиз «ВСЕ МУЖИКИ– ТВАРИ!», пихая в блендер фотки самых заядлых сексистов человечества. Йоу, так-то.

Следующие пол часа, которые мы провели заходя всё глубже и глубже в чащу леса, ни разу не обернувшись, мы не закрывали рты. Говорили на совершенно рандомные темы, будто всплывающие из воздуха вместе с назойливой пылью.

Разговоры ни о чём – распространённое явление, возникающие во время общения с человеком, с которым ты хочешь казаться милее. Во время подобных разговоров, как правило, скучно и тому и другому собеседнику. Но с нами «разговоры ни о чём» потерпели шокирующую резолюцию. После пяти минут, казалось, я знаю идущего рядом человека месяц. Двадцать – год. Пол часа – с рождения.

Музыка.

– Неужели ты не слушал тот самый альбом Арнеты Франклин? Ты должен его послушать. Обожаю соул.

Спустя секунду.

– Угадай о каком альбоме я вспоминаю, думая о восьмидесятых.

– «Like a Virgin”?

– Кажется, ты уже начал читать мои мысли, паразит.

Кино.

– Ненавижу Оскар в последнее время. Нет, на некоторые номинации можно смотреть сквозь пальцы, но это больше не похоже на традиционную «Киноакадемию».

– Всё равно он лучше чем Grammy или VMA этого года. Ты вообще видела VMA в этом году?

Факты о нас и субъективные мнения быстро вылетали из уст с каждым шагом. Будто бы в конце нашей прогулки мы беглым взглядом прочитали детальную анкету о вкусах и жизни друг друга. Я чувствовал эту девушку, будто зная что она скажет через минуту. Кажется, я был уверен что могу узнать о чём она думает. Но так лишь КАЗАЛОСЬ в тот момент.

Я старательно вглядывался в её голову, желая из всех сил увидеть те города, которых нет. Их прочно скрывали длинные блестящие волосы, на которые назойливо оседала прозрачная лёгкая пыль. Увидев мой вовлечённый взгляд рот Евы растянулся в широкой улыбке, показав ровные белые зубы. Лучезарная идеальная улыбка, которой её нагородила природа сразу же привлекала внимание, старательно приманивая к себе взгляды окружающих.

«Зубы, должно быть, составляют ровно 50% от всей красоты человека»– заметил я про себя.

Зубы…

Посадка резко оборвалась, будто по бесконечной череде невысоких тонких деревьев ровненько прошлись гигантским ножом, отрезав громоздкий кусок леса. Тот нож бережно вырезал из него просторный квадрат, на котором раскинулось жёлтое золотое поле.

Дышать стало легче, вместе с тем как густой слой пыли остался за нашими спинами. Всё поле залито ярким солнцем, переливавшимся в траве как бриллианты в колье на шее британской королевы.

Обалденная красота.

Неожиданно Ева схватила меня за руку, неторопливо пропуская свои тонкие пальцы между моими. Она была счастлива, продолжая улыбаться с восторгом рассматривая открывшийся простор. Я был счастлив, свыкаясь с мыслью о том, что наконец нашёл созданного для себя человека. Того самого человека, с которым после «разговора-ни-о-чём» становишься счастливее. Того самого человека, после прикосновения которого чувство включаются на максимум: пейзажи становиться живописнее а запахи ароматнее. Всё играет новыми красками, живо бурля лишь после одного её прикосновения.

Мы проходили вглубь жёлтого бескрайнего поля. Ева игриво гладила колючую траву, пробегая по просторам красивейшего места. Она была счастлива, ну а я был счастлив от того что она счастлива именно со мной.

Солнце светило ей прямо в спину. Длинные каштановые волосы переливались на нём как новогодняя гирлянда.

– Сюда! – крикнула она, позвав меня к себе.

Ева изъявила желание полежать на вытоптанной поляне посреди поля. Я присел первый, ощущая ногами лёгкое покалывание. Назойливый кустарник упёрся в ладонь. Не менее назойливый репняк зацепился за футболку. Я поднял глаза вверх, щурясь смотря на солнце. Протянув руку я попытался зажать между пальцами тонкий луч. Странно, но с этой девушкой я не боялся быть самим собой.

Ева улыбнулась, довольно плюхнувшись рядом. Пождав ноги к груди, она долго смотрела вдаль словно размышляя над чем-то очень важным. За мгновение её лицо приобрело задумчивый мрачный вид.

И тут, я в очередной раз перестал руководить своим телом. Рука протянулась к её волосам, нежно опустившись на каштановую прядь. Я бережно провёл вниз, ощущая как мелкие волосинки скользят между пальцев.

Я придвинулся ближе. Ева, казалось, была не против. Я увидел как на её тонких руках на секунды проступила мелкая гусиная кожа.

Теперь знаю, какая она на самом деле. Внутри неё пульсировала тёплая кровь, такая тёплая, как и она сама. Её кожа приятно грела руку, когда в ожиданиях ты представляешь настоящую арктическую ледышку. Бледная кожа переливалась на солнце. Невероятно. Будто бы рядом со мной лежит

пришелец не из этого мира.

Ева пыталась прижаться ближе к моей руке. Слегка помедлив, она раскрепощено легла на мои ноги. Я продолжал гладить её волосы. Продолжал вдыхать аромат её тела. Внезапная близость казалось совершенно не внезапной. Будто всё идёт природно, как надо.

Я и Ева. Ева и я. Страшные события позади, лишь мы одни посреди просторного поля, над которым витая сгущаются клубы едкой пыли. Мы молчали, и это молчание было одним из лучших моментов, произошедших в этом городе. Ха! Молчание! Мой взгляд ласково ходил по её фарфоровым чертам лица, по блестящим глазам цвета хрустального Исландского гейзера и длинным волнистым ресницам, медленно опускавшимся придавая её виду нарочитой томности.

Погодя, я прикоснулся к её лицу, чувствуя тепло впавшей щеки. Моя ладонь скользила от её уха к тонкой шее и наоборот. Прикасалась к острому подбородку, заправляла за ухо торчащую прядь.

Её глаза растворились в голубом небе. Медленно плывшие облака стремительно летели прочь, навивая ей неизвестные мне мысли. О чём она могла думать – настоящая загадка. Переодически она поглядывала на меня, и тогда я ощущал весь спектр эмоций: холод, грусть и радость, счастье и разочарование, тоску и бодрость. Как книгу написанную на китайском, её невозможно так просто прочитать. Она закрывала свои эмоции за толстой железной дверью. Специально

отгораживалась, зная насколько выразительны её глаза.

– Ты знала, что твои глаза – самая чертовски необъяснимая вещь, что мне довелось видеть?

– Может быть ты просто мало видел.

Казалось, мы дышали в одном ритме, заставляя два буйных сердца биться в один такт. «Бум-бум-бум-бум…»

Ева сорвала растущий рядом жёлтый одуванчик, покрутив его между пальцев. Она бережно прислонила его к груди, к самому сердцу.

Её грудь. Такая же фарфоровая, как и она сама. Изысканная. Будто выверенная под линеечку, вылитая по идеальным пропорциям. На такую грудь обратил бы внимание любой.

– Влад, тебе кто-то говорил, что ты уникален?

Я промолчал.

– Ну, в самом хорошем смысле. Такого как ты я не встречала нигде: ни в смазливых фильмах с ДиКаприо, ни в книжках Джейн Остин… – она выдержала паузу, прежде чем продолжить – И ты появился, весь такой уникальный в моей жизни, будто специально чтоб её раскрасить.

Момента лучше быть не может.

«Действуй!»

Я медленно придвигался к Еве, приоткрывая рот и постепенно закрывая глаза. Дальше все мои движения регулировались чувствами. Я обнял её, она так же передвинулась ко мне. Я почувствовал её дыхание, её нос неловко столкнулся с моим. Я уловил такт биения её сердца.

Я отдался моменту.

Язык проскользнул к ней в рот, ощущая приятную влагу. «Ф-у-у!»– скажет кто-то из вас, перечитывая предложение (эх, недотроги, вам стоит попробовать чтобы понять). Пухлые губы Евы на вкус как сладковатый «Carmex” с вишней.

Особенный поцелуй с особенной девочкой. Я отстранился от неё, быстро облизнув влажную нижнюю губу. Мой рот заполнился её вкусом. Теперь я знал, какая на вкус девчонка не вылетающая из моей головы.

Я распахнул глаза, продолжая большим пальцем поглаживать мягкие волосы Евы. Её губы растянулись в довольной улыбке. Не хочу чтоб этот момент заканчивался. Тело просило продолжения.

Я придвинулся к ней, поцеловав ещё раз. Второй поцелуй сродни первому – волшебный. Безумство, стандартный контакт двух разнополых особей, при котором происходит обмен более чем миллионом микробов кажется мне волшебным. Только вдумайтесь – миллионы зубастых подвижных бактерий с десятком ножек цепляются вам за нёбо во время поцелуя, прочно впиваясь острыми лапками в горло. После поцелуя они выедают вас изнутри, но вы этого не почувствуете, продолжив сосаться как ни в чём не бывало.

Засунуть язык, поводить им во рту чужого человека, при этом стараясь не особо слюнявиться дабы не показаться мерзким – что может быть отвратительнее? Но это ОБАЛДЕННО. Непередаваемые чувства, во время которых ты

ощущаешь энергию сидящей рядом всем телом. Всё тело за мгновение пробивает тепло, и кажется, что даже волосы на руках готовы зашевелиться.

Ты счастлив, желая из всех сил продолжения момента. Это всё что тебе нужно – ещё разок. Ты нагловато и ненасытно лезешь за добавкой, напрочь забыв о боязни показаться ненасытным извращенцем.

Отклонившись от Евы я не мог оторваться от её глаз. Они застыли на мне, передавая в своей стандартной манере короткие предложения. И кажется, одно из них я смог прочесть. Я не знал, сколько ещё времени был готов провести читая те самые предложения. Минута, пять, десять… Мы сидели в объятиях, переодически начиная хохотать как два психопата, по ошибке выпущенных из дурдома. От этого смеха замирало сердце.

Поглаживая мочку Евыного уха, позади нас я услышал тихий шорох. Будто кто-то стараясь быть незаметным пробивался сквозь высокую траву поля. Я обернулся, заставив глаза оторваться от бесконечности больших глаз.

Посреди поля стоял жуткий морщинистый старик, рукой прикасаясь к развивающейся на ветру жёлтой траве.

Убийца Дэна, убийца, убийца, убийца…

Его портрет навсегда засядет в моей голове. Я запомню детали его лица на всю жизнь: каждую морщинку и глубокую складку, гнилые коричневые зубы и холодные будоражащие глаза.

Залитое солнцем тёплое поле внезапно стало самым холодным местом планеты. Я вскочил, продолжая наблюдать за тем, как губы убийцы медленно растягиваются в хитрой гнилой ухмылке.

Он готов превратить нашу жизнь в ад с секунды на секунду. Он готов достать из кармана большой кухонный нож, вспоров кишки мне, а затем моей подруге. Только он способен испортить один из самых чудесных моментов моей жизни.

– Бежим!!! – воскликнул я, не опуская взгляда от самонадеянного лица – Он убьёт нас также как его!!!

– Кого «его»? Влад!?! – Ева аккуратно положила руки на мои плечи, слегка струсив – Что с тобой происходит?

Я молча указал на тёмный силуэт, переведя взгляд на растерянное лицо подруги.

– Там… Там никого нет – обрезала она.

Я обернулся. Пустое просторное поле. Подвижная пожелтевшая трава, переливающаяся на солнце золотыми локонами.

Те жёсткие заросли, по которым убийца ласково водил рукой всё также развивались на ветру.

По телу пробежал холод. Нет, случившееся вчера ни за что меня не оставит. Случившееся вчера сделало огромный вклад в мою психику здоровой тёмной кучей.

Мрачные силуэты никогда меня не оставят – заевшая в голове мысль звучала как диагноз.

Глава 10 #ЛУЗЕР

Алексей:

«ФАК, увидеть серийного убийцу это так…»

Белоснежное уведомление от «ВатсАп» скрыло окончание СМС, но я прекрасно знал всю его суть. Дело в том, что мой лучший друг (лучший-прилучший-супер-друг) без ума от маньяков, а также фильмов и книг связанных с ними. Его любимое занятие – скучая в машине стоя в пробке с интересом листать биографии убийц в Википедии. «Чикатило, ага… Как там он расчленял свою последнюю жертву?» (лучший-прилучший-супер-друг-со-странностями).

«Я не уверен что ВОБЩЕ его видел» – быстро ответил я, откинув АйФон на воздушное белоснежное одеяло.

Удобно вытянув ноги, закинув их на холодный письменный стол, я готов был лежать так всю вечность. СЕРЬЕЗНО. Хотя бы всё это воскресенье.

Я лежал и лежал, держа перед собой книгу что вчера принесла мне Ева, отрываясь от неё лишь когда руки совсем затекали, превращаясь в воздушную вату. Откладывая книгу я брал телефон, открывая Твиттер и бегом оглядывая ленту.

«СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА»

«СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ»

«КТО ОН?»

«Что все скрывают от обычных подростков?»

Фурор в социальных сетях безумен настолько, насколько должен быть безумен фурор в мелком городке после жестокого убийства парня из порядочной семьи. О его пристрастиях последних месяцев все забыли по щелчку пальцев.

«Труп был найден местным школьником, племянником Арсения… – моё имя даже и не прозвучало, п-ф-ф, а чего я ожидал? – упав с сосны, он сразу же обнаружил мертвое тело» – меня описывают как придурка. Как придурка свалившегося с неба посреди ночного леса. Некоторые особо откровенные Твиты не забыли упомянуть: «После падения Влад увидел несколько безумных галлюцинаций». Теперь я стал безумным придурком свалившимся с неба и увидевшим галюны. Мощно!

Надо же, хэсштег #крепчайжертваВлад вышел в городские тренды. И самое странное, я совсем не могу понять, саркастичный он или нет.

«Мальчику нужна помощь психолога. Видеть миражи на ровном месте в таком возрасте – это ненормально». Комментарий под одним из постов был написан женщиной в крупных розовых очках и с растянутой в кривой улыбке физиономией на аватарке. «Счастливая мать» – написала она в описании профиля.

– Пошла к чёрту! – вскрикнул я, откинув телефон прочь и взяв в руки приятно пахнущую книгу в твёрдой обложке.

Открыв на нужной странице я сразу же представил Еву. Сейчас она умными глазами водит по строчкам очередной

книги, поражаясь каждой умелой метафоре. Однозначно удивительно то, что в моих мыслях она, казалось, была не настолько прекрасна как в жизни. Мои мысли не способны нарисовать в точности совершенные черты этого человека.

Ах да, книга. «Возлюбленная» Тони Моррисон.

Взяв её в руки я сразу же осознал, что Ева просто не могла дать мне проходняк. «Все романы, получившие Пулитцеровскую премию – претендующая на что-то великое заумная нудятина» – голос Алексея прозвучал в моих ушах в тот момент, когда до финала осталось тридцать страниц.

История рабыни смогла меня поразить, хотя, казалось бы, всё что можно было взять из этой темы я уже взял. Поражаясь фильму «12 лет рабства» я проникся этой темой ещё в начале средней школы.

Меня до жути впечатлил момент где Сэти убивает свою двухлетнюю дочь. Я закрыл книгу и продышавшись открыл её снова.

К вечеру я ожидал гостей, которые должны были появиться на моём пороге с натянутыми сожалеющими гримасами, и устроить мальчишник. «Мальчишник» – так выразился Андрей, говоря со мной по телефону вчера вечером. «Никакого алкоголя» – строго обрезал я, «Ладно, я прихвачу с собой четыре бутылки «BUD” – это ничтожно», «НИКАКОГО» – напоследок крикнул я. В моём доме, даже после отъезда матери к гостям, всё будет чинно как в студенческом корпусе

Гарварда.

«Прийдёт Никита» – кинул Андрей, тем самым закончив обсуждения нашего вечера. «Никита…а-а-а…э-м-м…» – я замялся, вспоминая закрытые веки и бездушное лицо. Мрачный туалет, кеды, оторвавшиеся от холодного плинтуса, взмывшие в воздух парни.

МАКбук, стоявший на подоконнике словно загорелся ярким огнём, храня в себе то самое мистическое видео. Я еле-еле заставил себя не открывать ноутбук, пересматривая тот самый момент из раза в раз, с диким упорством маньяка начиная сначала как только запись заканчивалась.

Я не хочу видеть Никиту. Совсем не хочу заглядывать в его отстраненные глаза хранящие тайну и холодное выражение лица. Совсем не хочу чтоб этот тёмный тип переступил порог дома, проходя внутрь.

Мало ли что он может натворить?

В комнату проникли яркие лучи солнца, заставив переливаться витающие в воздухе крошечные редкие пылинки и осветив лежащий рядом ноутбук. Соблазн открыть его был велик, но я удержался.

– Не стоит забивать себе этим голову – шепотом обрезал я – Тебе есть чем её забить – тут я вспомнил жуткое сморщенное лицо старика, державшего нож в руках. Черты его физиономии стали размываться в моей голове, будто всё происшедшее позавчера было сном. Ужасным кошмаром, абсолютно бредовым и нелогичным. Чёрные мантии… хах, ну у

меня и фантазия!

Встав с кровати я сел на подоконник, закинув ноги в место освещаемое лучами. По телу прокатилась волна тепла. Пальцем выводя круги на стекле окна я почувствовал себя узником комнаты. Заложником, у камеры которого стоит агрессивная мать контролируя честность выполнения обязанностей домашнего ареста.

После моей вчерашней прогулки родители серьёзно-так переполошились. Поджидая меня на диване в гостиной, они строго назначили наказание, как один скрестив руки на груди. Папа заметил довольную улыбку, губы которой до сих пор хранили вкус недавнего поцелуя:

– Ты пьян?

– Нет, пап, я просто счастлив – отрезал я, робко проскользнув в свою комнату.

Алексей:

«П-с-с, король крика, я жду тебя в скайпе»

Я:

«Разве созваниваться в скайпе не остались лишь пенсионеры и супруги, один из которых не может жениться из-за того что попал в больницу?»

Алексей:

«Ха-ха, я понял отсылку»

Алексей:

«Можно в FaceTime, умник»

Оставалось пять страниц до конца «Возлюбленной», финал особо напряжённым и захватывающим назвать нельзя было, но я усердно не замечал сообщений лучшего друга.

Я:

«Мне осталось пять страниц до конца книги»

Я:

«Жди.»

Алексей:

«Чё читаешь?»

Алексей:

«Ставлю сотню на бабский детектив»

Алексей:

«Да, на сто десять процентов это бабский детектив»

Алексей:

««Тайна моей маникюрщицы»? «Пятьдесят один способ закопать любовника в саду»?»

Я:

«Иногда ты меня выбешиваешь»

Алексей:

«Ладно»

Алексей:

«Жду молча»

Спустя семь минут.

Алексей:

«Ой, да пошёл ты»

Алексей:

«Я тебя не видел сотню лет, а ты меняешь меня на очередное бабское чтиво»

Я:

«И с чего ты взял что оно бабское?»

Причмокнув, я захожу в «Skype” и нажимаю на голубой значок видеозвонка. Ответа долго ждать не пришлось. Мой друг сидел на своей тесной кровати, по всему периметру которой разбросаны фантики от шоколадных «твинкис». Этот факт меня удивил, ведь Лёша особым свинством никогда и не отличался.

– Ты сидишь на подоконнике? – сощурившись хмыкнул он – О да, типичная жертва маньяка: остывший латте в побитой чашке, отстранённый грустный взгляд пялящий в окно, влажные глаза и своевременные отчаянные всхлипывания.

– Всё совсем не так.

– А как же?

– Ты у меня где-то видишь латте?

Алексей засмеялся, скосившись на обёртку печенья. Спустя секунду он выкинул её прочь из кадра.

– Я всё понял – самодовольно в ответ хмыкнул я – У тебя травма «ПОСТ-БРОШЕННОГО-ПЕРИОДА»

– Нет.

– Ага.

– Не-а.

– ДА – Алексей умолк, выждав паузу я добавил – Обертки от «твинкис», прокисший как старое молоко взгляд. Та

девчонка с голубыми косичками тебя кинула?

– Во-первых они были синими, во-вторых у меня уже появилась другая – я промолчал, пытаясь вспомнить рассказывал ли он за свою «другую» – Старшеклассница – я молчал – Со светлым каре – я продолжал молчать – Да ты чёртов эгоист!

Расплывшись в улыбке, я наконец подал знак присутствия:

– Я скучал.

– А я нет.

– Ты врёшь, я это понял по миллиону бессмысленных СМС.

Алексей – персона, которая уверенно шла рядом со мной даже во времена самых тёмных и мрачных дней последних нескольких лет. Он всегда был рядом, и удивительно, никогда не докучал. Этот человек столь неоднозначен и по-своему странен, что наскучить он чисто физически не сможет.

Нахальный отличник с каштановыми волосами и выстриженным будто под линейку аккуратным пробором в них, носящий джинсовые куртки летом даже в тридцатиградусную жару. Иногда нас по ошибке принимают братьями за счёт бледного цвета кожи и периодически всплывающими под глазами тяжёлыми синяками. Мы оба обожаем слэшеры (конечно, он больший фанат в двузначной степени), безумцы, способные назвать актрису, исполнившую роль маман Джейсона в любом из фильмов «Пятницы 13-ое» (в двух первых

Бетси Палмер, если интересно).

Факт в том, что Алексей единственный человек при общении с которым у меня не возникает неловких пауз или моментов, когда хочется убежать от пустынных разговоров ни о чём. И почему я ещё ни разу не заикнулся о нём, потягивая резину до последнего? Да уж, его персона проскальзывает через весь текст оставаясь висеть в тёмном уголке как то ружьё, которое когда-то должно выстрелить.

А история знакомства с человеком, единственным имеющим доступ к моей личной жизни, тщательно скрытой от посторонних глаз, весьма интересна.

Мой первый город после родного. Назовём его «Город номер два». Пыльный серый муравейник, от нескончаемого череда домиков -серых коробок которого можно было сойти с ума.

Поселились мы в маленькой квартире на пятом этаже, ночью в которой невозможно было уснуть из-за постоянно развлекающихся на пожарной лестнице подростков. Наш район прозвали «хип-хоп столицей» города, возможно из-за того что там больший процент жителей составляли чёрные, возможно из-за того что за каждым углом там закатывали рэп-баттл.

Жили мы над столовой, в которой двадцать четыре часа в сутки продавали жаренный фалафель. Открыть окно не представлялось возможным, ведь секунды – и вся квартира в

зловонном аромате бобовых завёрнутых в жирные лепёшки.

Приходилось мириться.

Я спал на пахнущем одеколоном «Old-Spice” матрасе на полу, поджимая колени к груди. Пах он так скорее всего из-за прошлого жителя. Засыпая, я прямо таки представлял уставшего потного работягу, доставляющего косметику с интернет-магазинов для домохозяек и выслушивающего унижения от проходящих мимо хипхоперов.

Но не суть.

Вставая в шесть сорок я бежал в мрачную захолустную школу, про которую по городу ходили назойливые фантастические слухи. Фантастическими они мне казались до того как я переступил её порог.

Все кирпичные стены были исписаны кривыми граффити, в некоторых местах окна выбиты как после атомной бомбардировки, а по коридорам всегда витал запах травки. Он заставлял глаза слезиться, рот кашлять а нос задыхаться. Но никто ничего с этим не делал.

– Может директор получает процент от продажи дури? – предположил однажды Алексей, идя со мной в столовую.

Ребята там смотрели на меня так, будто готовы были сожрать с секунды на секунду. Одному выживать там – не вариант. Уже в первый день второго полугодия шестого класса, идя домой после биологии за мной увязались крикливые выскочки в грязных спортивных костюмах на велосипедах. И Бог знает что со мной было, если бы не мама вышедшая

буквально ниоткуда.

Последним воспоминанием с того дня остался влажный огрызок красного яблока, полетевший в нашу сторону от одного из парней на велосипедах. Врезавшись в столб, он упал в грязный таивший снег, щедро усыпанный окурками. Снег лежал там всегда, с октября по апрель, а ближе к декабрю мрачные тротуары превращались в ледяной каток.

На следущий день в школу я пришёл больше походив на трусливого кролика, убегающего от серого волка: постоянно оглядываясь назад и боясь проронить слово в ответ новым одноклассникам.

На уроке литературы в глаза бросился самый активный ученик с колючим торчащим в разные стороны ёжиком, сидевший на второй парте со скучающей полноватой девицей. Темой был «Маленький принц», и за урок Алексей назвал с десяток цитат от туда. После каждого ответа с задних парт под аккомпанемент из нахальных смешков летело клейкое прозвище «Лузер». Он прослыл «Лузером» там для всех.

В первый день учёбы там он упал в столовой, поскользнувшись на бутылке от «7up” и вылив на себя молочную овсяную кашу. Во второй, помогая миловидной девочке донести сумки до кабинета он вырвал боковой карман, после чего и вовсе порвал рюкзак. В третий день он поскользнулся на лестнице всё в той же столовой. И по тому же принципу каждый день. Самый настоящий «лузер».

Но неудачливым его делало вовсе не это. В девять лет вра-

чи обнаружили у него рак почки. Диагноз выбил всю семью: от религиозной матери и до болезненного двоюродного деда. Каждый член большой семьи пытался помочь материально как мог: с этой помощью Леше и сделали первые химиотерапии. Через год его материальное обеспечение на себя взяла страна. Правда причина «почему» ужасает.

Государственный «фонд помощи онко больным» взял на себя ответственность оплатить операцию после ужасного пожара. Дом семьи Алексея сгорел дотла, по вине не затушенного бычка и курящего улыбчивого отца, который после трагедии пару раз отваживался наложить на себя руки (безуспешно). Оставив на месте родового гнёздышка пепел семья перебралась в мегаполис, в один из самых опасных районов. Спустя несколько месяцев случилось чудо – онколог, спешивший на лечение многочисленных больных ждущих в палатах, бросил весть о том, что Лёша полностью здоров.

С того дня диагноз «рак» он скрывал как что-то постыдное, что-то, о чём люди никогда не должны узнать. Он всегда пытался быть на позитиве: шутил шутки и широко улыбался каждому дню. Улыбался, как оказалось, через силу – сосредоточено следовал советам, почерпнутым из книги «Умение закрывать глаза на прошлое», взятой в центральной библиотеке. Он закрывал, до смерти боясь показаться жалким для окружающих, входя в школу каждый день как на поле боя: высоко поднимая подбородок, и с лёгкой, ненавязчивой улыбкой гордо шагая по коридорам.

Советы никчёмного психологического чтива не помогли. Агрессивные ученики его возненавидели за пару учебных дней, подставив к «смешному-лысому-лузеру» приставку «заносчивый». В итоге по школе он прослыл «смешным-лысым-лузером-и-к-тому-же-заносчивым».

Его гневно обсуждали, порой прижимая к стенке и унижая отборными матами. Такую ненависть, исходящую от каждого, впервые я увидел тут: в обычной средней школе бедного района. Каждый ученик был как красный бык из старых мультиков, из носа которого от свирепости вылетает пар. Все жаждали зрелища, подбадривая самых заядлых хулиганов на жестокие поступки. Народу это нравилось: нравилось наблюдать за рыдающими девочками, с голов которых вырывает волосы какая-нибудь пахнущая беконом жирная уродина. Она хохочет, наслаждаясь тем, насколько беспомощной выглядет рыжая шестиклассница в её лапах. Она тарантул, а мелкая – напуганная мошка, вырывающаяся из паутины.

С рыжей девочки слетели очки в тоникой розовой оправе, с треском разбившись об холодный кафель. Проводя глазами драку я просто ускорил шаг. Просто сделал вид что не вижу.

Я был трусливым кроликом, пытающимся выкопать себе тёплую норку-убежище, в которую можно будет надёжно спрятаться от внешнего мира.

Именно тогда я и встретился с «лузером» из урока про «Маленького принца»: главный хулиган всей школы, на ле-

вой руке которого сияла огромная татуировка в виде скалящегося волка, стоял рядом с моим шкафчиком громко хохоча. Помню, я тогда был рад что он и взглядом не повёл в мою сторону.

– Я у него косяк вчера по дешёвке выклянчила – вспомнил я разговор двух девушек, сидевших рядом со мной в кафетерии.

– Отсосала?

– Ха, выкуси, сучка. У папы из кошелька достала.

– Ты как была дрянью так и осталась даже в девятом классе.

– Брось, всё же лучше чем твоя жалкая история: нелегально устроиться на ночную смену в «Dominos pizza” и обслуживать алкашей до пяти утра.

Все разговоры девчонок в той школе были как один. Вроде бы они ссорились, матеря друг друга, но при этом хохотали как от чего-то забавного. Это было странно, как и всё там.

Шкаф, рядом с которым стоял хулиган начал шататься. Я вздрогнул, ради любопытства открыв железную дверь. Внутри стоял Лёша, плотно обмотанный шершавыми верёвками. В его рот глубоко засунули грязный носок, оставив ютиться в тесном душном шкафу.

– Фу, ненавижу Дымящего – вскрикнул он как только я достал мерзкий серый носок. «Дымящий» – как оказалось, позывной главного дилера всей школы, положившего глаз на бедолагу перед моими глазами, нелепо пытающегося осво-

бодиться.

– Я тебе помогу – предложил я, положив учебник по английскому на полку.

– Ты тот парень с литературы. Новенький – выйдя из ловушки он хмыкнул – О тебе тут много говорят.

– И что же обо мне можно говорить?

– Поверь, Дымящий и его шайка выдумают новую заварушку быстрее рэперши жаждущей популярности. Ты кстати знал что Мисси Элиот жила неподалёку отсюда?

– Заварушку? – слегка озадачено переспросил я.

– Именно, а тут, парень, это сродни приговору – привстав на цыпочки, он подал мне учебник – Я Лёша.

С каждым днём нашей дружбы окружающие взъедались на меня всё сильнее и сильнее, готовясь в любой момент наброситься посреди кафетерия. Но вместе мы были как неприкасаемый дует, крепость, неприступная цитадель – мы отталкивали Дымящего даже неизвестно чем. Алексей говорил, что его шайка «чувствует ауру, степень беспомощности жертвы». Судя по всему, у нас она была минимальной.

На меня навесили миллион прозвищ: «Ктулху», «Румын», «Иуда». Об их значении я никогда не задумывался и не собирался. В тот период у меня выработалось очень нужное умение абстрагироваться. Умение жить в своём личном раздутом коконе, пропуская в него лишь избранных. И вот он – тот заветный способ выжить в самой ужасной школе вселенной. Он был у меня в кармане, защищая от окружающих. По

крайней мере, мне так казалось. «Ктулху» (ОМГ) сорвался в аккурат перед Хеллоуином в седьмом классе.

Обеденный перерыв. Я уплетал сэндвич из треугольных поджаренных хлебцов, обсуждая с Лешей третью часть «Психо», которую мы посмотрели веселья ради. Дымящий стоял у входа, перебирая звенящую связку ключей. Прижимая другой рукой к себе свою новую губастую подругу в обтягивающих джинсах, он громко выкрикивал наши клички, эхом отбивающиеся от мрачных стен.

Стоящая рядом высокая дылда мирно выкуривала сигарету. По одному его видку было ясно, что парень никак не может найти своё место в компании, всё время оставаясь в тени. «Нужно действовать» – видимо обрезал про себя он, откинув окурок в сторону. Из его высушенных тонких губ вылетел последний клуб дыма, после чего он уверенно двинулся к нам. Я прикинулся что не видел как незнакомец быстро подходит ко мне, ловя восторженные отзывы тусовки.

– Притырок, будешь знать какое себе подбирать окружение! – вскрикнул он, схватив с соседнего стола стакан с горячим ягодным чаем. Через секунду с моих волос начал стекать тёплый и липкий напиток. Он залился мне за шиворот, медленно спускаясь по спине.

По телу пробежала дрожь. Началась тошнота от липких капель. Дылда не заморачиваясь вылила жидкость на меня.

Мои губы задрожали, будто от тёплого напитка на секунды мне стало ужасно холодно. Я поднял глаза на сидящего

напротив друга, который с жалостью протянул руку:

– Влад, тебе срочно надо помыться. Не обращай на них внимания, эти недоумки в итоге своё получат – он с ненавистью зыркнул на хохочущую дылду, но я его не слышал. Смех, гнусавый голос и бранные оскорбления смешались в единую кашу. Перед глазами всё поплыло. Я провёл рукой по влажным волосам, скривившись от омерзения. Уперевшись руками об стол, я привстал, уверенно схватив стоящий напротив стакан с всё тем же фруктовым чаем. От моего резкого движения капля вылилась на стол.

Кулак левой руки сжался настолько крепко, что, казалось, мои ногти могут проделать дырки в ладонях. Я стиснул зубы, с усердием прикусив нижнюю губу. Обернувшись и взглянув в глаза самонадеянному хулигану, я ударил стаканом об его голову.

Десятки осколков полетели в разные стороны, со звоном отбиваясь от пола. Брызги напитка попали мне в глаза, но я продолжал смотреть как отчаянно Дылда упал на колени. Как схватился за голову, с которой ручьями в разные стороны потекла кровь. Как скорчился, готовясь расплакаться в любой момент. Как плюхнулся на живот, потеряв сознание. Как упал щекой прямо на острое стекло.

Алый ручей потёк к моим ногам. Я ощутил страшное, животное удовлетворение провожая его взглядом. Смех оборвался, наступила тишина. Никто не бросился на помощь Дылде, молча наблюдая за моими дальнейшими действиями.

Позже Алексей сказал, что мои глаза за секунды стали стеклянными. Будто бы в меня вселился жуткий бес. Будто бы то вовсе был не я.

Переваливаясь с ноги на ногу как пьяный, глазами-стёклами я осмотрел сидящую в ступоре толпу. Те люди, ломающие головы над креативными кличками. Те люди, которые готовы сделать всё чтоб понравиться главарю. Те люди, жаждущие зрелищ каждый учебный день.

Взгляд медленно перешёл на Дымящего, продолжающего крепко прижимать к широкой груди растерянную незнакомку.

– Мерзкие, гадкие животные – крикнул я, как позже сказал Алексей, не своим голосом – Вы не люди, а питающееся страданиями чужих стадо!

Последним воспоминанием с того дня стала маленькая рыжая девочка в розовых очках, перемотанных толстой клейкой лентой. Она улыбнулась мне, наблюдая за напуганной толпой, собравшейся вокруг потерявшего сознание Дылды.

Дирекция школы исключила меня. Потный лысый директор, на груди которого красовался массивный золотой крест умудрился послать моего папу «нахер».

– Вы разрешаете ученикам проталкивать дурь прямо в школе, а после этого рассказываете как мне воспитывать сына?

Подумав, директор потёр кубики на золотом прессе Иису-

са, после чего вскрикнул:

– Пошёл нахер! Вместе со своим сумасшедшим сыном!

– Кусай за хер, лысое мурло! – ответил отец, кивнув мне на входную дверь.

– Проваливай! – вместо прощания кинул директор. Показав средний палец, папа хлопнул дверью так, что висевший на стене портрет семилетней дочки директора упал на пол, разлетевшись на осколки.

Собирая зелёный чемодан и пяля в окно я выдохнул, теша себя мыслью о скором отъезде. Тут меня ничего не держало: лишь Алексей, давший обещание всегда быть на связи. Уезжая, мы даже и не расстроились из-за появившейся на входной двери нашей квартиры яркой надписи зелёным баллончиком: «ПИЗДЮК, УТОПИСЬ ВО ФРУКТОВОМ ЧАЕ» – кто-то из банды Дымящего попытался организовать мне незабываемый переезд. Алексей сдержал обещание. Почти каждый день мы связывались с ним, развивая «искусство болтовни не о чём» до небывалых высот.

– Настоящий трупак это как в «Крике» или ближе к «Пиле»? – выслушав историю про вспоротый живот и лежавшую на земле кишку спросил он.

– Скорее ближе к «Хэллоуину», только тот который снял Роб Зомби.

– Мне ближе по духу старый «Хэллоуин». Да, Майкл Майерс там полоумный кретин, но в двух новых частях с первых кадров видно, что режиссёр рок-артист. Это как если бы

«Сияние» снял солист «Рамштайн».

Я хмыкнул, вспоминая как мы пересматривали по сто раз все слэшеры, начиная от проходного отстоя вроде «Поворота не туда», и заканчивая «Психо» на уроке рисования.

После моего переезда у нас сохранилась традиция празднования Хэллоуина на полную катушку. Лёша приезжал ко мне, проводя период от осенних каникул до 31 октября живя у меня дома. В первый Хэллоуин он был каннибалом Лектором, а я Джоном Крамером. Во второй Хэллоуин мы были братьями Сальваторе: я Деймоном, а он Стефаном. Короче говоря, этот Хэллоуин был не за горами и мы уже во всю обсуждали кем будем в этот раз, когда он ко мне приедет.

– Чертовски нудный вечер. Чертовски нудный год. Чертовски нудная жизнь – буркнула Алина, бесцельно всматриваясь в серое небо медленно затягивающееся тучами – Да пошёл ты к чёрту! – вскрикнула она, резким движением руки столкнув десятый АйФон с подоконника. Тонкое стекло, купленное в одной из многочисленных придорожных «сервис-лавок» в одночасье треснуло.

Изначально вечер шёл как нельзя лучше. Сорок минут йоги дали тощему телу необходимую дозу кайфа, периодически больше напоминающий боль. Йога для Алины сама по себе была неоднозначной штукой: «Поза собачки – о да, кайф, кайф, кайф… сейчас только колено сзади присогну… фак!». После неё следовали два часа проведённые в «Цар-

ском фитнесс клубе» (раньше он был имперским, но после смены руководства изменился и титул) по бриллиантовому абонементу. Тренажёрный зал сменила собой римская парная, сидя в которой девушку грел не столько густой пар вылетающий из печи, сколько мысль о сегодняшнем свидании.

Андрей. Она. И сраный «царский» ресторан в лобби фитнес клуба. Светских мест для таких как они в городе катастрофически не хватало. Как бы Али не проклинала свой город всеми известными человечеству проклятиями, ради него она готова была в сотый раз давиться размякшей лазаньей и тёплым холодным чаем.

Но за десять минут до выхода АйФон замигал, оповещая о приходе злосчастного СМС.

«Сори, но сегодня не получится»

«?»

«Мне нужно ехать на ужин к Владу. В другой раз, ок?»

В ответ Али прислала смайлик раздражённо закатывающий глаза.

«Мой брат не часто падает с сосны, знаешь ли»

– Да я в порошок сотру этого… – осознав, насколько громким был её крик она замолчала на полуслове, аккуратно закрыв дверь в комнату. Внизу сидели родители, справляя вечернюю трапезу под белое вино привезённое из выкупленного виноградника находящегося где-то под Бари. На выходных в Апулии они решили «усыновить» виноградник, в обмен получая с десяток бутылок за сезон.

– Судя по тому, как ты орала на хозяина виноградника, в каждую вашу бутылку нассал ровно один итальянец – буркнула Алина матери за ужином.

– ПОШЛА ВОН! – откинув вилку в сторону прокричала она в ответ дочери.

– Чёртов нудный день – выдохнула она, плюхнувшись спиной на мягкую кровать круглой формы. Такой же, как и сама комната.

«Я будто живу в чёртовом Колизее» – однажды фыркнула она, ощущая дискомфорт в своей же комнате. Странности комнате придавало специфическое расположение на вершине своеобразной башни. Родители хотели дать дочери возможность ощутить себя принцессой Диснея. Теперь же она чувствует себя запертой уголовницей.

Найдя в контактной книге телефон солярия, Алина записалась на вечерний сеанс, перед этим нахамив знающему её по имени и отчеству оператору.

Солярий для Алины был своего рода фетишем. «Чем чернее– тем идеальнее» – пожизненное кредо. В погоне за ним все средства хороши – автозагар, ультрафиолетовые лампы, и конечно же, классика – тот самый солярий, который все остальные городские «колхозники» считали устаревшим пережитком двухтысячных. Да что они знают о том самом чувстве, когда каждый квадратный миллиметр тела выплясывает румбу в свете ультрафиолета? Да что они знают о тех ощущениях, когда каждая пора медленно расширяется, запуская

внутрь поток нескончаемого тепла? Да что они знают о том, насколько прекрасны эти моменты?

«Рак кожи… гав-гав-гав!… Посидев там минут пять ты умрёшь в тридцать, и на своих же похоронах будешь выглядеть как семидесятилетняя тигрица, не выпускавшая сигарету из пальцев ни на секунду своей жалкой жизни. Тот самый типаж вульгарно шутящих пенсионерок, выдыхающих пар тебе в лицо и рассказывающих очередной плоский анекдот!» Кэр никогда не поддерживала своеобразный фетиш лучшей подруги.

Али потребовалось пять минут, чтоб одетой вылететь из комнаты. Поскользнувшись на лестнице она привлекла внимание семьи, доедающей холодный десерт.

– Сорбет из хвойной шишки, базилика и шпината – не поворачиваясь обрезала мать. Она узнала подкрадывающегося сзади человека по вульгарно пахнущим сладким духам – Будешь? – кинула она, заправив тёмную прядь за ухо.

Отец лениво перевёл взгляд с резко вбежавшей в столовую дочери на догорающую алую свечу. Протерев рот ладонью, он громко рыгнул после этого хрипло захихикав.

«Фу, ненавижу… Ненавижу… Ненавижу… Как можно быть таким гадким засранцем?»– у Алины никогда не складывались отношения с собственным отцом. А как может быть по другому с человеком, при виде которого ты хочешь вырвать?

– Не буду – протараторила она, резко бросившись на вы-

ход.

Стуча каблуками по выстеленной розовой плиткой тропе и одновременно листая ленту Инстаграм, Алина умудрилась поскользнуться второй раз за вечер.

– Дерьмо! – вскрикнула она, обхватив ладонью белоснежный кед на левой ноге.

Осмотревшись по сторонам, хромая, Алина поковыляла к стоящему у высокого забора белому «мерседесу». Вокруг подъезда к особняку вырастали высочайшие колючие туи, грозно охранявшие территорию. Прямо за ними начинался оазис, мираж во плоти, подобный которому возможно встретить на страницах 1000 и одной ночи или тут. Мать Алины помешана на растениях и ландшафтном дизайне. Собственноручно, с разных уголков земного шара она привезла пёстрые цветочки и диковинные деревца, о которых в городе за трёхметровым забором слагали легенды.

Например, знаменитое драконовое дерево из подножья Тэнэрифского вулкана. Мать, прятавшую росточек этого монстра хотели арестовать прямо в международном аэропорту. Или алые розы длинной в человеческий рост. С ними уже помогли услужливые контрабандисты из Кито, незаконно похищающие ящериц с Галапагосских островов. Двухметровые розы для них плёвое дело.

В ботаническом саду принадлежавшем лишь трём людям можно было с лёгкостью заблудиться. С приходом темноты

он становился мрачной пучиной, из которой найти выход почти нереально. Засосёт – и оставайся один на один с агрессивными бродящими по территории псами.

Телефон, находившийся в ладони Алины, разразился громким рингтоном.

«Аноним» – белыми буквами загорелся экран.

– Что за чёрт? – в полголоса спросила сама у себя Али, удивлённо смахнув блокировку вправо.

Поднеся телефон к уху она мрачно обрезала:

– Я вас слушаю.

Ответа не последовало. Лишь удручающая тишина по другую сторону линии.

– Ало? Кто это?

– Привет – грубый и одновременно писклявый голос наконец отозвался. Лишь по нему сразу стало ясно, что неизвестным собеседником является пожилая дама. Откашлявшись, старуха продолжила – Дорогая, мне нужна твоя помощь.

– Кто это?

– Я ломаю голову над одним единственным вопросом ночи на пролёт. Он мучает меня так давно – по голосу казалось что рот собеседницы растянулся в широкой улыбке, причмокивая, она делала выразительные паузы в предложениях – Я хочу спросить тебя…

– Ответьте, кто Вы?– буркнула Али, доставая из кармана джинс ключи от авто.

– Такая девушка как ты обязана… – Алина оборвала ответ

старухи на полуслове.

– Я ничего Вам не обязана, пока вы не скажете кто…

– ОТВЕТЬ МНЕ – завопила старуха, абсолютно резко сменив тон с режима «позитивная бабушка держащая блюдце с печеньем» на «негативная бабушка отрывающая головы петухам» – Что отличает загоревшую тварь от разумного человека, мразь?

Алина резко отодвинула телефон от уха, будто неожиданно из динамика на ухо полился кипяток.

– Ты сгоришь в аду…– доносился крик, ставший тихим – Ты сгоришь в аду… Ты сгоришь… – Алина наконец решилась отбить вызов, открыв дверь машины и закинув АйФон в подстаканник.

– Долбанные шутки – дрожащими руками девушка завела мотор – Ненавижу… Ненавижу… Ненавижу…

Всё её тело будто пронизывало струёй тока. Так часто бывало ранее. Алина чувствовала неописуемую злость, заставлявшую конечности трястись как от судороги. Психологи ознаменовали это «синдромом парализующей ненависти», собрав с родителей трёхзначное число за выдуманную болезнь.

Положив руки на руль Алина глубоко вздохнула.

– Ненавижу… Ненавижу… – внезапная дрожь по всему телу постепенно стихла. Выдохнув, Али улыбнулась сама себе в зеркало заднего вида. Прикусив нижнюю губу, она сказала своему отражению: – Ты прекрасна. Ты идеал. И все

обиженные недотраханные сучки только и делают, что видят в своих влажных снах как ты горишь в аду. – Ещё один совет психологов, лекарство от выдуманной болезни – беседы с самой собой. Отвлекают от ярости.

Выехав на проезжую часть, Али поехала по узкой однополостной дороге к северу города через мрачную посадку. Салон авто погрузился во мрак. Свет бледно-голубого неба залил всё вокруг, создавая иллюзию словно сейчас ты проезжаешь по дну океана.

«Ты сгоришь в аду…» – полный ненависти хриплый голос старого человека продолжал звучать в её ушах. Мозг рисовал портрет собеседника – узкие дрожащие губы, глубокие морщины, слегка косые глаза и гнилые зубы. Как толстая точка над всем этим красовалась пухлая бородавка на носу.

Схватив телефон, Алина набрала номер Андрея. Ответа не последовало. Он никогда не отвечал.

– Козёл – кинула она, ощущая как снова ненависть медленно окутывает тело.

Надавив на тормоз, белый мерседес встал посреди узкой дороги. Вокруг покрытый туманом лес. Впереди уходящая вправо тропа. Под шинами покрытый ямами асфальт. Она одна посреди сумрака леса.

– Ненавижу… Ненавижу… – сердце готово было выскочить из груди. Пальцы будто сворачивались в три погибели сами собой. Ладони нервно дрожали. Ей хотелось выйти наружу и начать поочередно срывать ветви с деревьев, кричать

и рвать волосы на голове. Ей хотелось разорвать в клочья любого случайного прохожего. Хотелось остановить проезжающую мимо машину и ногтями вцепиться в лицо водителя. Так было часто. Та самая ненависть пульсирующая по всему телу.

Ударив кулаком об руль, в центре которого переливался серебряный фирменный знак, Алина заглушила собственный вопль громким сигналом, раздавшимся по лесу.

– Воскресный солярий… Воскресный солярий.. .– тараторила она, теша себя мыслью о ставшей традиционной процедуре. Каждое воскресенье – как одно. Она проводила вечер в жаркой тесной кабине, собираясь сделать сегодня исключение.

Али приоткрыла окно, вдохнув свежий прохладный воздух пахнущий сыростью земли. Заводя машину, она собиралась поехать вновь.

Надавив на педаль газа, белый Мерседес сорвался с места, безудержно полетев по выходившей из посадки дороге. В тот момент, когда Алина проезжала мимо высокого биллборда с надписью «Бизнес ланчи в «Жирной Русалке»» телефон в очередной раз замигал.

Чёртов аноним.

Руки Алины задрожали. Ненависть прилила к голове в очередной раз. Старуха прислала ей СМС.

«Ты палила других людей своими словами. Ты мнила себя послом ада, созданного для приношения преисподней в

жизнь другим. Ты унижала. Ты растаптывала, и думала что выйдешь сухой из воды, никогда не осознавая, что на самом деле ты выйдешь по голову в пепле.

Время вышло.

Леди V".

Руки сжали кожаную обшивку руля из всех сил. Длинные ногти впились в мягкую ткань.

Подняв глаза на зеркало заднего вида Али выдохнула, прошептав себе под нос:

– Никто не сможет испортить тебе вечер. Я не позволю. Ты будешь наслаждаться жизнью не смотря на все приколы, какими пугающе реалистичными они не были.

Через семь минут перламутрового цвета джип ловко заехал на парковку салона красоты «X-SPA", заняв одновременно два места для инвалидов. Подняв подбородок, Алина гордо прошла мимо стойки ресепшн в знакомую тесную комнату.

Ни окон, ни телевизора и ни запылённого Wi-Fi роутера, как в остальных салонах красоты города. Тут всё способствовало максимальной изоляции от мира, чем и хотела воспользоваться в полной мере девушка. Такая знакомая процедура: «на автомате» она сняла с себя одежду, расстегнула застёжку на лифчике и облачилась в белоснежный пахнущий дешёвым гелем для душа халат.

Перед ней стояла допотопная кабинка солярия, разогретая для приёма клиентки. Уникальная в своём роде, ведь в

городе она была единственной.

Заходя в салон красоты открывшийся тут для стрижки сальных локонов уставших фермеров Али всегда морщила нос. Но выхода не было. Она не могла изменить привычке. Одев тёмные очки и сунув в уши белые беспроводные «AirPods”, имевшие свойство раскаляться в свете ультрафиолетовых лучей, Алина нырнула в кабинку.

– Можно! – небрежно рявкнула она ожидавшей за дверью лохматой работнице, от одного вида которой девушке становилось дурно. Лохматые волосы, напоминавшие стог обписанной коровами соломы, гигантская шоколадного цвета бородавка над пахнущим миллионом изъятых из гардероба вечно потных игроков в регби носков ртом. Установив нужную температуру на стоявшей рядом панели, женщина покинула комнату оставляя за собой едкий след зловонного дыхания.

– Эй! Ничего не забыла? – вскричала Алина, заёрзав на месте. Она чувствовала себя как раскалённый чайник, медленно заполняющийся кипятком. Ещё чуть-чуть, и горяченная вода хлынет через край.

– Точно-точно – замешкалась работница, пронзительно шаркая белыми тапочками по кафелю, без остановки бубня одно и то же слово. «Точно-точно-точно-точно-точно-точно».

– ЗАЛЕПИ СВОЁ ПАХНУЩЕЕ СТАРОЙ ПИЗДОЙ ДУЛО – выкрикнула Алина, ладонью ударив по крышке кабин-

ки – ВКЛЮЧИ МНЕ НАКОНЕЦ ЭТУ ЧЁРТОВУ МУЗЫКУ И ВЫМЕТАЙСЯ ОТСЮДА.

Спустя секунду в наушниках заиграл динамичный трек. Палоумная выдра наконец нашла Алинын АйФон, заставив работать своё серое вещество и додумавшись нажать на кнопку «Play”. “Простите-простите-простите-простите» – засуетилась дама, шаркая тапками направившись к выходу.

– СВАЛИИИИИИ!!!!! – завизжала Алина, ударив по крышке второй раз.

Сердце колотилось а всё тело нервно дрожало. С ног до головы стремительно ходил противный озноб, не дающий девушке расслабиться ни на секунду.

Это СМС. Эти слова. Этот противный и хриплый до ужаса голос, который в одну секунду зазвучал так громко, будто вместо динамика телефона к уху Адины поднесли колонки, украденные с мирового турне U2.

Успокоить её смог лишь запевший голос Тейлор Свифт. Она была её любимой певицей. Оставалась таковой с самого детства. Алина фанатела от неё всегда: начиная с ранних кантри-эр и заканчивая поздними поп-альбомами.

Своё день рождение два года назад она встретила на концерте «1982» в Финиксе, сорвав горло на две недели. И в чём причина столь пылкой любви не ясно: то ли в кажущимся таким жизненным тексте, то ли в ангельском голоске, который способен был очаровать Алину до самых последних строчек трека. Так случилось и сейчас: переживание смешанное

с ненавистью отступило, ведь звучал созданный самой Али плейлист «фаворитов от Тейлор».

Алина глубоко вздохнула, растянув рот в неестественной дурашливой улыбке.

«Кажется, всё начало налаживаться» – подумала она выдохнув. Приятное тепло, проникавшее в каждую пору тощего тела. Несравнимые ощущения. Невероятный экстаз смешивающийся с голосом, звучавшим будто из рая.

«Клыкастая Тейлор Свифт» – так прозвали Алину в школе «свитера» – помешанные на убогой бульварной литературе злобные задротки, потеющие от массивных вязаных свитеров 365 дней в году.

«Моя жизнь прекрасна» – про себя оборвала Али – «Я прекрасна»

Леди V. Ха-ха, ну и чушь. Впервые новость про неё озвучил Влад, выставив себя идиотом. Определённо, это был какой-то сумасшедший помешанный на комиксах прыщавый четырнадцатилетка которому покоя не давала популярность компании Алины в городе.

И как она, самая опасная стерва города могла испугаться шуток каких-то задротов? Она готова поспорить, что та старая бабушка сейчас сидит в своей комнате, ей лет 15, она покрыта прыщами, носит очки и переодически посматривает порнушку.

Песня «Getaway car” закончилась, оставив лежавшую в кабинке солярия девушку с воздушной улыбкой на лице.

Началась «Shake it off” – хит, с которым у Алины ассоциируется день её рождения. Она видела мисс Свифт на расстоянии вытянутой руки, ели сдержавшись чтоб не упасть в обморок.

Сквозь музыку послышался звучный хлопок дверью.

– Кто здесь? – достав правый наушник крикнула Алина. В ответ тишина. Показалось. Да, точно показалось. Что не делают с человеческим сознанием пустые пугающие угрозы.

Надев наушники, она продолжила смирно лежать под ультрафиолетовыми лампами. Десять минут пройдут так быстро, так чего же растрачивать их на безосновный страх? «Хэйтеры будут хэйтить, хэйтить, хэйтить…»

И опять сквозь голос Тейлор отчётливо послышался звон. Будто кто-то неторопливо перетаскивает по кафелю нежно-кремового цвета самые настоящие… цепи? Да, будто-бы звук металла, падающего на пол.

Маразм.

Полный бред.

Вдох-выдох. Будь спокойна.

Вдох-выдох. Возьми себя в руки и прекращай накручивать. Ты чересчур эмоциональная. На каждого завистника нельзя реагировать подобным образом. Много кто будет желать тебе скорейшей смерти, но это же не значит что каждого нужно до смерти бояться?

«Не могу, я слышу этот звон и всё тут» – он проникал в уши даже сквозь громкую весёлую песню.

«Детка, я лишь могу трясти, трясти, трясти…»

Звон продолжался, становясь всё ближе и ближе. Алина закрывала на некоторое время глаза, пытаясь расслабиться. Сильный удар, раскачавший кабинку заставил веки открыться а тело содрогнуться.

Сквозь тёмные очки свет сине-фиолетовых ламп казался белоснежным. Будто в одночасье мир превратился в нуарный детектив двадцатых годов. По крыше кабинки зазвенели мелкие удары. Алина ощущала их спиной, руками, ногами, головой…

Это были цепи.

«Ты бредишь, какие в жопу цепи?!»

Звук цепей, медленно обматывающихся вокруг кабинки. Её хотели заблокировать в жарком солярии как в гробу под землёй. Алина резко стянула с себя очки. Яркий фиолетовый свет защипал глаза, медленно выжигая зрачки.

«ПОТРЯСИ! ПОТРЯСИ» – Тейлор продолжала петь. Сквозь её голос донёсся приглушённый щелчок.

Замок… Будто кто-то замкнул замок…

«Ты сходишь сума, подруга. Замок? Ха-ха!»

«Может я и правда схожу сума. Пора вылазить и дать понять самой себе что снаружи никого нет! Это глюк! Это всё мой страх! Я одна в этом грёбанном крысятнике, а если и кто-то тут присутствует кроме меня, так это та недомытая сука!»

Уперевшись костлявыми локтями в крышку, девушка

приложила все силы чтоб отворить её. Ничего не вышло. Она наглухо стояла на месте и не хотела открываться, будто была выточена из холодной тяжеловесной глыбы.

Из рта вырвался тонкий горловой звук. Писком назвать это никак нельзя было. Звук паники в чистом виде. Звук человека, отчаянно непонимающего происходящего с ним. Звук человека, осознающим, что лампы над ним накаляются всё больше и больше.

– Ай !– вскрикнула Али, убрав локти от горячих ламп. Попытки освободиться безуспешны. На руках появились красные пятна от ожога.

В кабинке становилось всё жарче и жарче. Крышка недвижимо стояла на своём месте, делая главную красотку города заложницей своего же фетиша. Она била руками, помогая ногами открыть гребанную кабинку. Ничего, лишь новые красные ожоги на конечностях.

«Нет! Не сдавайся!» – на руках проступили жилы, но она не замечала. Алине казалось, что руки вот-вот разломаются на две части, как ветки качающейся на ветру берёзы.

Тело пылало. Каждая капелька пота, стекавшая по коже, стала болезненной. Они давили на болезненные места, теснясь на ожогах.

Руки, находившиеся над головой девушки начали медленно покрываться мерзкими пухлыми волдырями, раздувавшимися как пузырь бабльгама со вкусом клубники. Вскрикнув, Алина опустила руки глазами бегая по медленно сгора-

ющему телу. Всё оно покрывалась подобными буграми, похожими на гигантские гнойные прыщи.

Алина вскрикнула, продолжив попытки выбраться. Голос не мог связать отчётливую мольбу о помощи. Издавался лишь заглушаемый толстой крышкой и работающим генератором писк.

Пальцами Али провела по мокрым от пота щекам, ощущая омерзительные волдыри под пальцами. Она была омерзительна сама себе. Она не могла выйти. Она была пленницей роковой кабинки. Она становилась уродом на своих глазах.

Она жарилась заживо.

«Привет» – и почему одно сухое «привет», отправленное мною Еве в инстаграмме заставляет так нервничать?

Ёрзая на кровати, я с замиранием сердца ожидал ответа. Что она могла написать?

Что она испытывала после нашего поцелуя? Испытала хотя бы пятьдесят процентов удовольствия, испытанного мной?

Хм, можно ли мерить удовольствие в процентах? Почему бы и нет.

Я до сих пор помню тот поцелуй, с той девочкой, кажущейся мне созданной будто специально для меня. Словно Бог специально вылепил её из глины, использовав моё собственное ребро. Создавая её необычный причудливый ха-

рактер он использовал те же ингредиенты что и у меня. Как ещё объяснить то, что в неё я влюбился за секунды, сев рядом за парту и заглянув в прозрачные глаза?

Её книга лежала на письменном столе. Всё напоминало о ней, только не она сама. Она напрочь не хотела заходить в сеть, и это настораживало. Мне хотелось, чтобы именно это настораживало меня, а не ужасные бесчеловечные убийства. Я хотел думать о ней, а не о окровавленном трупе.

Принимая ванну, я то и дело посматривал на экран телефона, продолжавший быть удручающе тёмным.

«Твой богатенький брат не смеет считать себя богатеньким братом, если в качестве утешительного подарка не привезёт с собой жопастую шлюху» – вскочив из горячей воды, на радостях я чуть не поскользнулся, с досадой обнаружив что написать мне решился лишь Алексей.

«И что они будут есть у тебя в гостях? Ты об этом подумал? Ты вылетишь раз и навсегда из компании мажоров, преподнеся «читоз» в побитой тарелке»

«И вовсе нет. Андрей без ума от кислого «скитлз»»

«Я уверен что это миф»

Обернувшись и уткнувшись носом в окно, выходившее на залитый оранжевым закатом двор, я стыдливо прикрыл достоинство и опустился в ванную, поджав колени к груди. Странное ощущение. Вроде никого и нет, а иногда кажется что на твоё окно смотрит незнакомец, притаившийся у начала леса.

Я был один дома. Родители ушли в гости к новым соседям, державшим сразу четыре одинаковых мопса у себя дома. На мой вопрос «зачем?», они ответили что «из четырёх мопсов впоследствии получается пятнадцать, а из пятнадцати по двадцать долларов за щенка». Милая женщина, носившая строгое серое пальто. Говорят муж у неё работает в полицейском участке. В таком случае, он должен был увидеть несчастного мальчика неловко свалившегося с сосны.

Мама сказала, что непременно узнает если я куда-то выйду. «У меня везде есть глаза» – кинула она ступая за порог. Я настороженно хихикнул, громко закрыв входную дверь.

Пожалуй, громче чем предполагал этикет.

В принципе, я и не хотел никуда выходить, смирно ожидая гостей и ответа от Евы. Выйдя из ванны я просушил голову. Получился неаккуратный взъерошенный ёжик. Мастерству мужских укладок мне ещё обучаться и обучаться.

«ДИН-ДОН» – гости прибыли.

И как у моего двоюродного брата получается выглядеть каждый день так, будто бы он миллионер-депутат, сошедший на политические дебаты с собственного вертолёта?

Сбежав вниз по лестнице я поскользнулся на последней ступени. Пожалуй, за последние три часа одиночества мне захотелось увидеть друзей. Не медля распахнув дверь, я впустил в прихожую вечерний ветерок, носивший от дома к дому сырой запах влажной земли.

Тусклый фонарь, висевший прямо над крыльцом осветил

массивный силуэт Андрея. Самодовольная ухмылка, густая тёмная чёлка и блестящие глаза. Он не менялся. На его плечах была накинута кожаная куртка, блестящая в свете лампы. В руках находился шоколадного цвета тканевый мешок с золотистой надписью «Гучи». Да уж, любви к этому брэнду ему не занимать.

Андрей распахнул рот, будто ожидая что нужные слова вот-вот сами должны вылететь из него:

– Ну что, жертва маньяка, принимай презенты – звучно хмыкнул он, протянув сумку привлекавшую моё внимание.

– Не желаю оставаться «жертвой маньяка» – ответил я, оцепенев от «презента» как от свитка золота.

– Как бы не так – обернувшись, я заметил Макса, расплывшегося в улыбке и облокотившегося локтем об стену фасада дома – Весь город уже повесил на тебя ярлык «жертвы»

Его дыхание пахло алкоголем. Я находился достаточно близко от него, чтобы чётко понять это. Переведя взгляд на Андрея я обратил внимание, что его глаза ходят из стороны в сторону как у пьяного.

Хотя почему «как»?

– Мама и папа передали это тебе, желая скорейшего выздоровления.

Я заглянул во внутрь. В сумке лежала обувная коробка такого же шоколадного цвета, рядом с которой небрежно смялась белая кофта. В глаза бросилась золотая буква «G”.

– Шмотки?!– выпалил я, сам не раздирая своей интона-

ции. Она не передавала ни счастья, ни озадаченности – От Гуччи?! – Андрей продолжительно кивнул, расплываясь в широкой ухмылке:

– Теперь тебе есть в чём приходить на дни «Гуччи» – скинув с плечей куртку, он нервно добавил – Может быть ты нас впустишь?

Я молча отошёл от входа, дав своему брату протиснуться в коридор. Белоснежные кеды, на подошву которых налипла коричневая грязь мигом очутились на чистом паркете. Вслед за ним зашёл Макс, не выпуская крепко сомкнутые кулаки из тёплых карманов серого бомбёра. На левой груди кофты алым цветом в глаза бросалась шёлковая буква «А”. Думаю, он даже и не понимал отсылку к культовому американскому произведению.

Это показалось мне забавным.

Достав из сумки картонную коробку я нетерпеливо заглянул внутрь и даже не заметил блёклую тень находившуюся за порогом.

Вот его я видеть не желал.

Ни за что.

Никогда.

И кто его позвал? От одного лишь вида Никиты по моему телу галопом начинала бегать крупная дрожь. Я помнил каждый кадр видео с ним в главной роли как слова любимой поэзии. И в каждом кадре его силуэт обрисовывался новыми мистическими чертами.

Бледнолицая фантастическая тварь прошла во внутрь, соизволив кивнуть вместо приветствия.

«Если бы ты знал, если бы ты только представил что я видел…»

От него исходил устойчивый запах строгих резких духов, явно не подходивших ему по возрасту. Переведя тяжёлый как каменный истукан взгляд, он неторопливо рассмотрел мои «хоромы». На его сутулой спине, облачённой в синюю ветровку потихоньку начал образовываться горб.

Я терпеть не мог исходившую от него энергетику. Тяжело объяснить, но вокруг него будто бы медленно надувался мыльный пузырь цвета угля, дарящий плохое настроение каждому, проникавшему в него. Видя его лицо, острый длинный нос и синие губы мне хотелось вырвать ему же на вытоптанные кеды.

Пробежав глазами по белоснежным кроссам с зелёно-красными полосками по бокам, я прикрыл дверь, взглянув на идеальный БМВ припаркованный у моего двора. Его тяжёлые шины вперлись за бордюр, расколошматив зелёный газон под ними как сырой фарш.

Я вновь опустил глаза на неожиданный подарок. Подобную обувь я видел сотню раз в социальных сетях. Такте кеды носили ВСЕ, независимо от расположения на земном шаре и пола. В таких выкладывала фотки Белла Хадид, прогуливаясь по улицам ЛА с кофе из «Старбакс» в руке. В таких лавировал по сцене Бруно Марс на выступлении во время

своего последнего тура.

И такие сейчас лежали в моих руках, будто поданы на серебряном подносе.

– Кеды… – не закончив предложения, я поднял глаза на брата – Не стоило.

– Ты единственный и любимый племянник у своего дяди – с «любимым» можно было запросто поспорить. «Быть племянником олигарха» – лишь звучит круто, на самом деле туфта. Я видел подарки лишь на дни рождения, и то не всегда – Такие у Джареда Лето.

– Такие у Роналду – дополнил Макс.

– Там ещё что-то было – продолжил Андрей, всматриваясь в собственный подарок и ожидая как мои руки повторно нырнут в сумку.

Из неё я достал тёплую толстовку и тонкие футболки с культовым логотипом: белую и чёрную.

– А у тебя не так по-нищебродски, как мы ожидали – открыв рот выпалил Макс, нагнувшись к тумбочке в прихожей и рассматривая современные часы с совой. Ночная птица стреляла глазами то в одну, то в другую сторону, торопливо отсчитывая секунды. Парень по-детски был зачарован дешевыми часами, купленными на распродаже китайской барахолки. Стоявший рядом Андрей пнул его локтем, попав в правое ребро. Макс осознал, что его попытки завязать разговор не увенчаются успехом:

– И… – протянул он, готовясь задать вопрос – Какого это,

быть жертвой?

– Я не жертва.

– Но ты же видел его собственными глазами – погодя он добавил, оторвавшись от часов-совы – Маньяка.

– Старый жуткий сморщенный тип, насилующий молоденьких мальчиков – хихикнув поддержал Андрей, копируя интонацию безумцев из хоррор-фильмов.

– Это не смешно – наконец мы услышали тихий хриплый голос. Он напоминал скрежет старой ржавеющей застёжки. Будто бы Никита подал голос впервые за несколько недель. Бледный силуэт стоял у лестницы, облокотившись об перила и скрестив руки на груди.

– Наш сэд-бой подал голос, рассыпайте конфети! – Андрей засмеялся, шагнув на встречу к Никите – Ты считаешь что старый педофил убил её?

Конец предложения напряжённо застыл в воздухе. «Её» – слово прозвучало будто бы эхом, несясь по всем комнатам дома. Мой брат подходил всё ближе и ближе к поникшему парню.

– О бедненький, маленький жалкий Никита, чью девушку жестоко убил серийный маньяк. Прада, то что она врезалась в дуб, тебя не смущает?

Порой он бывает невыносим.

Я подошёл к брату, положив руку ему на плечо. Он не заметил.

– Она сама, по своей же глупости, попала в ДТП посреди

чащи леса.

– Прекрати – бросил я – Ты ведёшь себя как истеричка.

– Истеричка? А может быть, истеричка тот кто ищет виновных в чужой смерти, даже когда их нет? Кто утомляет всех своим жалким видом и глазками как у бездумного щенка?

Андрей находился максимально близко к тощему парню, зажав его в углу лестничной площадки. Во взгляде Никиты чётко прояснилась ненависть. Казалось, с секунды на секунды завяжется драка.

– Ты пьян – сухо ответил парень, застывшим взглядом просверливая Андрея.

– Мы выпили по рюмке водки, это не делает меня пьяным. А вот что ты раздражающий всех фантом, создающий себе образ справедливого искателя правды – факт.

Пошатнув картину, висевшую над спорящими ребятами в дубовой рамке, Никита вырвался из заточения настырного Андрея. Сбежав по лестнице он направился к выходу.

– Я зря сюда пришёл – на ходу тихо бормотал он – Я знал, что с вами мне не место. Я лишний.

– Ты правильно судишь, парень. Ты лишний среди нас, и всегда им был – спокойный тон Андрея сменился на агрессивный крик – Ты ЖУПа, и будешь ЖУПой да конца своих дней.

Через распахнутую дверь, в дом в очередной раз залетел свежий воздух пахнувший осенью. Тот самый запах сыро-

сти, который воссоздал внезапно пошедший дождь. Капля за каплей, он напоминал о себе редкими влажными следами на бетонной тропе, ведущей к дороге через ровный газон.

– Вали! – напоследок бросил Андрей – ЖУПА! БЛЕДНЫЙ НИКОМУ НЕНУЖНЫЙ ЗАСРАНЕЦ!

Накинув капюшон ветровки, Никита почти бегом покидал дом. Последний раз его силуэт осветил фонарь, за которым виднелись ухоженные броские клумбы Жанны.

– Ты не можешь жить без скандалов на ровном месте – качая головой из стороны в сторону констатировал Макс, с хитрой улыбкой провожая Никиту.

Именно в этот вечер устоявшийся годами контракт самой популярной компании города с постоянной «ЖУПОЙ» был расторгнут. Она убежала в неизвестном направлении, выбрав путь одинокого волка.

Никто даже и не пытался его остановить – удивительно, но факт – после его ухода атмосфера в доме стала светлее. Я расслабился, не ощущая рядом с собой человека, связанного с самым необъяснимым воспоминанием моей жизни.

– Я создан для скандалов – хихикнул Андрей – Ну, гавнюки, будете продолжать смотреть в след навеки печальной тени?

Обведя взглядом улицу, я захлопнул дверь. Никита скрылся в череде серых домов. Тяжёлый мрак ночных улиц не выдавал его силуэта. Мне стало холодно от мысли, что мы дали ему уйти одному, в то время когда где-то там бродит

убийца.

Холодно на секунды.

Жуткая мысль отпустила меня как только парни смеясь побежали наверх, плечами сбив картину в рамке и даже не заметив.

– Может роллы? У меня в кошельке миллион с лишним купонов на халявные сеты – на выдохе проскулил Макс, после чего в очередной раз повторил насколько он голоден. «Водка вызывает у меня аппетит» – бросил он с разбегу прыгнув на мою кровать. Как оказалось, парни, перед тем как ехать ко мне открыли стеклянную бутылку крепкого «Absolut”. И хотя их поведение не выдавало алкоголь, услышать его можно было по одному лишь дыханию.

Макс закинул ноги вверх, уперевшись об стенку. На его ступнях были надеты белые носки «Kapra”, слегка грязноватые на пятке.

– Мы похожи на тощих сучек заказывающих роллы? – спросил Андрей, не отрывая взгляда от окна – Может быть ты скрываешь от нас вагину?

Макс хихикнул, рассматривая носки как что-то диковинное.

– Пицца и только пицца – отойдя от окна, Андрей присел на край кровати и достал телефон из кармана штанов. Три секунды, и из динамика зазвучал невнятный голос оператора.

Слова шли неразборчивой чередой.

«Бла-бла-бла-бла-бла-доставка-бла-бла-пицца»

– Да-да, нам Маргариту, и…? – Андрей обернулся к нам, ожидая предложений. Голос в телефоне молчал.

– Я хочу мясную.

– Пепперони. Две – погодя, он добавил – И Маргариты тоже две.

«Бла-бла-бла-ожидайте-бла-бла-пол-часа».

Откинув АйФон в сторону, брат плюхнулся на спину, ладонью схватив мягкое покрывало. Его блестящие глаза-сканеры внезапно стали стеклянными. Будто прозрачными. Будто выдающими всё, что у него на уме.

Андрей всегда носил толстую маску. Сейчас, на секунды, он её снял.

– Чёрт… До чего же хреново – мизинцами он протёр глаза, после чего закрыл лицо ладонями – Грёбанная суббота в грёбанном полицейском участке… С десяти до девяти… Тупые полисмены с тупыми вопросами: «Что вы делали в промежуток с десяти вечера до часу ночи». Косяк выкуривали! Так-то!

Сняв ладони с лица, парень хитро ухмыльнулся, стрельнув карими глазами в мою сторону:

– Что мы, собственно, сейчас и сделаем.

Моё сердце забилось чаще, как только на белой простыне появилась тонкая салфетка, на которую неаккуратной горой

была вывалена зелёная сильно пахнущая трава. Рядом с ней толстым рулоном лежала готовая папироса.

Андрей с мастерством уличного напёрсточника за минуту выгрузил наркоту из сумки, как ценный экспонат исторического музея.

– Нет. НЕТНЕТНЕТ – я затряс головой, растерянными глазами окидывая траву. На лице Макса, продолжающего расслабленно лежать на кровати, растянулась широкая улыбка. Его ноздри расширились, будто желая вдохнуть стойкий крепкий аромат.

– Вы не смеете курить косяк в моей комнате – кашлянув, я подправил сам себя – В моём доме вообще.

– И как случилось, что этот зануда стал моим братом? – закатив глаза, Андрей причмокнул – Это всё что нам нужно. Поверь, я знаю как никто другой.

Он зажал сигарету между указательным и средним пальцами, лавируя ей по воздуху, словно она парусник затерявшийся в беспокойном море.

– Косяк помогает отвлечься как ничто другое: вспомни, Влад. Ты пережил за эти выходные полнейшую хрень, которой позавидовал бы любой мрачный триллер.

Перед глазами встали капли крови, стекающие по бледной коже трупа.

– Ты рухнул с сосны, увидел расчленённого парня.

Вспоротые кишки, кровавая лужа. Картина вырисовывалась перед глазами невероятно точно.

Андрей отвёл глаза от сигареты, взглянув на меня. Привстав с кровати, он шагал ко мне всё ближе и ближе.

– Другой пацан твоих лет давно бы сошёл с ума.

Его ладонь, с зажатым между пальцев косяком потянулась к моему носу.

– Может быть ты уже сходишь, и эта травка – всё, что тебе нужно для излечения.

Самокрутка из папиросной бумаги встала перед глазами. Знакомый запах переносил меня в мрачный, изрисованный уродливыми граффити сквот. Там так же пахло всё: от протёртых грязных диванов и до одежды танцующих ребят.

Искушение довольно велико.

Мне хотелось расслабиться. Хотелось освободиться от мрачных мыслей и жестоких картин, сковывающих воображение как ценную пленницу. Ночь пятницы напоминала о себе каждое мгновение этих двух дней, проведённых дома. Сейчас, я хотел быть похожим на тех бледных сутулых парней, из рта которых несёт как от помойки. По одним лишь их прозрачным глазам становилось ясно, что там, внутри, ничего нет. Пустота. Они не о чём не парятся и не страдают из-за постоянных навязчивых идей и догадок.

Они пустые.

Им нравится чувство пустоты внутри. Ради этого они и покупают манящую дурь. И может быть это не стоит такого осуждения, что я на них выливал раньше?

Я никогда не курил. Желания абсолютно не возникало.

Но сейчас руки сами тянулись к папиросе. Хотелось познать чувство пустоты. Отпустить мрачные тени в мантиях и окровавленный труп. Хотелось сделать одну затяжку, и ещё, и ещё, пока пустота не заполнит мою голову.

Я сам себе создал прочный узел мыслей, в который, не мешкая, просунул собственную голову. Мысли душили меня. Как вирус гриппа заполняли черепную коробку.

Я видел жуткое морщинистое лицо практически каждый час. Он будто бы следил за мной, стоя за стеклом зеркала в ванной и наблюдая за поцелуем в пустынном поле.

Андрей понял, что смог уломать «занудного» брата покурить с ним.

Как оказалось, преждевременно.

Что-то меня остановило. Совершенно резко взгляд на лавирующий рядом косяк изменился. Мне стала омерзительна одна мысль о затяжке. Резким движением руки я оттолкнул ладонь Андрея от своего лица.

– Майкл подкинул? – с улыбкой спросил я, одновременно отходя назад. Ещё шаг, и моя спина упёрлась в шкаф забитый одеждой.

– Парни с баскетбольного матча.

Поняв, что попытка искусить брата потерпела фиаско, Андрей повернулся ко мне спиной и протиснул джойнт между губами.

«Я заставлю сожрать вас эту травку, если вы сделаете хоть одну затяжку в моём доме!»

Секунды, и из уст Макса вырвался белый дым, возвышаясь к потолку. Я не успел даже рта открыть.

– Не знаешь что теряешь, парень… – хмыкнул он, сделав ещё одну затяжку.

Андрей присел на подоконник, ловко поджав ноги к груди. Подмигнув мне, он также как и друг выпустил прозрачную струйку дыма. Проведя языком по верхней губе, он продолжал курить будто бы назло мне. Он видел как моё лицо медленно заливает багровый румянец, как кисти рук озлобленно сжались в крепкие кулаки…

Он ощущал мою злобу и ловил кайф.

Вдохнув тонкую струйку дыма, летавшую перед его лицом, он открыл окно.

Прошло ровно семь минут с того момента, как я обмолвился последним словам. Всё это время меня распирало от злости. Мне хотелось подлететь к Андрею и сомкнуть руки вокруг его шеи. Или мощным пинком выкинуть его из окна на улицу.

Но я ничего подобного не сделал, молча стоял облокотившись об шкаф и скрестив руки на груди.

– Ну и… – начал Андрей, стараясь завязать какой-никакой скудный разговор – Поговорим о тёлках.

Макс откашлялся, наконец прикончив самокрутку.

– Бро, тебе кто-то понравился в нашем городишке. По глазам вижу. И по тому, что ты не сошёл сума от увиденного в

пятницу.

– Может быть хватит об этом? – резко отозвался я. В одном предложении вышла вся накопленная за семь минут злоба.

– Без вопросов. Я лишь хочу узнать кто она.

– А я обязан отчитаться?

– Беленькая из «Чародеек» – наугад бросил Макс, привстав с кровати и облокотившись об локоть.

– Не-а.

– Чёрненькая? – с настороженностью добавил Андрей.

– Потная жируха? – хихикнул Макс.

– Их там тысячи.

– Я за ту, которая всегда носит жёлтый свитер.

– Таких там десятки

– Нет, это не одна из «свитеров» – оборвал дискуссию я.

Плавно, напряжение, застывшее в комнате с запахом марихуаны, сошло на нет. Ещё с десяток имён парни не могли попасть прямо в цель. Простые три буквы упорно не приходили им на ум. «ЕВА» – и как же они не вспомнили девчонку, выделяющуюся красотой среди остальных. Такие как она приходят на ум сразу же. Она подобна сумасшедшей одержимости – влезает в мозг надолго, а уходит неторопливо.

Гул из имён прекратился.

– Вы меня задрали, я сам скажу. Ева. У меня завязались отношения с Евой. И как вы её не назвали в той сотне имён?

Макс с Андреем переглянулись. Казалось, моё заявление

вызвало у них неловкость сопровождающуюся озадаченным молчанием. Не потребовалось много времени, чтоб раскусить недомолвку. Они знали о ней что-то нехорошее. Я это чувствовал.

– Хм-м-м… Ева… – Макс не отводил глаз от Андрея.

– Ева… Милая девочка. Да, точно милая – откашлявшись, Андрей продолжил – Внешность ангелочка. Бледность древнегреческой скульптуры. Она в твоём вкусе. Я не удивлён.

Нужна была дополнительная загвоздка:

– Знаете что, я уже с ней целовался. Вчера.

Парни продолжали нервно переглядываться. Своеобразный блиц-опрос провален. Андрей, по моим расчётам, должен был воскликнуть: «Д-а-а, это мой брат! Весь в меня – шустряк!». Моё заявление должно было вызвать хоть какие-то эмоции.

Но тут лишь холод. Пугающее молчание, которое заставляло меня чувствовать себя обманутым.

– Чёрт, вы никогда не умели что-то скрывать – выпаливаю я, усаживаясь на кровать.

Молчание.

– Выкладываете – что вы знаете о ней?

Молчание.

– Я серьёзно, вы обяза… должны мне сказать! – я стараюсь быть куда настойчивее, чем десять минут назад, как только травка показалась в поле моего зрения.

– Мы ничего о ней не знаем. Честно – холодно ответил

Андрей. Макс закивал.

– На этот раз стоит поверить – добавил качек, нервно проводя пальцем по тёмной надписи «Карра”.

Не сегодня, но я знал, что выпытаю из них правду.

– А Ева типа сольный игрок?

– В смысле?

– Ну, знаешь как обычно бывают – девчонки не могут быть одними в школе. Они постоянно находят подруг с которыми тусят до смерти.

«До смерти» – в подобных условиях подобная фраза показалась ужасно бестактной.

– У неё есть ЛП с первого класса… Как её?

– Алиса – ответил Макс – Я помню из-за её бездарного канала на ютуб.

– Фетешистка. Думает что влоги полностью обнажающие никому не интересные подробности её жизни кому-то интересны.

– Чудачка.

– У них в компашке третей была Лилит, смуглая армянка. Она тут жила лишь за пенсию бабки и подачки армянской диаспоры. Но в прошлом году бабка откинула копыта и ей пришлось срулить.

– Отчего она умерла? – с легкой жалостью в голосе спросил я. Она выбивалась из уверенных громких слов как росток весеннего цветка среди грязного снега.

– Алло, повторюсь: БАБКА, имеющая проблемы с серд-

цем УМЕРЛА – объяснил Андрей, делая акценты на определённые слова.

«Лилит… Ещё одна тёмная лошадка школы имени Дилана Грина»

Снизу послышался приглушённый хлопок, схожий на звук громко закрывшейся сквозняком двери. Он привлёк внимание каждого, находившегося в комнате. Все повернули головы к выходу из комнаты, за которым виднелась узкая лестница освещаемая тусклой лампой.

– Мам? – спросил я у пустоты. Ответа не последовало.

– Сквозняк – Андрей махнул рукой, быстро сиганув к двери – Если честно, это boys-party меня напрягает. Предлагаю начать всё с начала. В смысле откинуть воспоминания об уходящей в ночную тьму ЖУПе. Идёт?

После этой фразы организацию вечера Андрей полностью взял в свои руки. Эта была его стихия – всегда находиться на первом месте. Сколько себя помню, с самого детства, когда он уходил в тень – его поведение сразу менялось. Но он не становился надутым обиженным малышом, свыкающимся со своей позицией, нет. Он находил способы выделиться в глазах других.

Это заставляло его уважать.

Сейчас он рассказывает нам перечень желаемого от шоппинга в Париже, на который он поедет на осенних каникулах. «Стены Галлереи Ля Фоет будут дрожать» – смеясь завершил список он.

Теперь он рассуждает о рыбалке, на которую его пригласил отец. Пройти она должна в начале октября, и также стать самым значимым событием сезона – ведь только вдумайтесь: вечно занятый олигарх нашёл время для отпрыска. Эта дата для его сына сродни Новому Году, Пасхи, Чёрной Пятнице и Хэллоуину вместе взятым.

Его рассказы не прекращались ни на секунды где-то десять минут. То ли за счёт громкого басса, то ли за счёт дикторской манеры общения в компаниях всегда было видно лишь его – и всем это нравилось. Все открыв рты хотели его слушать.

Иногда мой брат вызывал искреннее уважение.

Но иногда ему хотелось врезать кулаком по челюсти.

Иногда пожать руку.

А иногда повырывать все волоски, до единого, из аккуратно выстриженной причёски.

Макс, уютно укутавшись в пуховое одеяло, раскинувшееся на кровати, бёдрами обнаружил книгу. Евына «Возлюбленная», прочитанная от краешка до краешка. Он молча передал её Андрею, будто тот обязательно должен был дать оценку любой найденной вещи.

Андрей хмыкнул, костяшкой большого пальца потерев нос.

– «Возлюбленная»? Ты перешёл на женскую старомодную литературу про африканок? «И что с того, что я чёрная? В первую очередь я женщина!» – шутка брата казалась про-

вальной как второсортная семейная комедия Адама Сэндлера, но Макс засмеялся.

– Ты совсем не знаешь о чём эта книга – раздражённо кинул я, выхватив роман из рук – И к тому же ты выглядишь как расист.

– Это ещё не самый плохой вариант моего вида.

– Хуже этого только разве что распять еврея на кресте.

После очередной волны разговоров, мы наконец принялись за просмотр ужастика. Выбор предстоял не из лёгких. Все хотели фильм ужасов, но воротили носом при каждой новой афише вылетающей на «Netflix”.

Андрей отобрал пульт от висевшего в моей комнате телевизора. Он поручил роль Траволты себе (а как по другому?). Долго не мешкая, он выбрал первый попавшийся фильм.

«Дом 1000 трупов»

– Фу! – отозвался я – Я его видел. Я не хочу сказать, что он не прикольный, там куча расчленёнки и прикольные маньяки, и ещё его Роб Зомби снимал. Но… – выдохнув, я продолжил – Может посмотрим что-то другое? Разве кишков и кровищи не достаточно в нашей жизни?

Андрею, ясное дело, глубоко наплевать.

– Извини меня мистер «Расшатанная-Психика-Позавчера-Я-Видел-Кишки» -причмокнув, он продолжил листать страницу вниз – Дальше идут… «Другие» с Николь Кидман. Там нет крови. Подходит Вам, господин «я-пугаюсь-ви-

да-крови-включите-мне-секс-в-большом-городе»?

– И с чего ты взял что я люблю «Секс в большом городе»?

– Не мудрено, ты без ума от всего бабского.

Мы начали смотреть фильм, который я почти выучил наизусть. Люблю игру Николь Кидман, пускай это будет «Большая Маленькая Ложь», пускай старый триллер от испанского режиссера. Но как она играет сумасшедшую мать… Обалденно. И твист в конце непредсказуемый.

Короче, фильм крут.

Но компания, в которой я его пересматривал, крутой не была. Макс постоянно ржал, свесившись с кровати вниз головой. Носки «Карра” находились прямо у моего носа. Я мог в деталях рассмотреть жирные тёмные пятна и налипшую на них пыль. Меня чуть не вывернуло.

На пятой минуте кино Андрей полностью погрузился в переписку. Уведомления «Viber” блымали с постоянством в пять секунд.

А я тем временем вспоминал как мы с Лешей, когда он приезжал ко мне в морской город, также ночью смотрели «Пятницу 13-е», все части залпом. Это была «Легендарная ночь «Пятницы 13-е». Легендарная в узких кругах.

От культовой первой, до «Фредди против Джейсона». После неё мы нашли старую папину хоккейную маску, по очереди надевая её на лицо и изображая убийцу. Алексей до смерти напугал соседку. Несчастная решилась выкинуть му-

сор в час ночи. Вурхиз у него выходил чертовски правдоподобный.

Вспомнив возглас соседки, я рассмеялся. Ни то «ОБОСРАТЬСЯ», ни то «ОБДЕЛАТЬСЯ». На меня посмотрели как на безумца.

На моменте где Николь в тумане увидела своего мужа-солдата, Андрей поставил на паузу. Отбросив телефон с горящим фиолетовым в нём «Viber”, он сказал:

– Пока я не заснул схожу за содовой. Кому то что-то нужно?

Мы не успели ответить. Раздался назойливый громкий рингтон.

Звонили Максу. Телефон загорелся, бросаясь в глаза белыми крупными буквами: «Аноним».

Макс не спешит поднимать трубку, всматриваясь в белую надпись с тихим «х-м-м-м». Лично мне этот звонок напомнил «Крик». Новую часть и сериал для MTV. Там так же жертвам набирал аноним.

Неприятная ассоциация.

В современном мире любой может позвонить анонимно, набрав нужную комбинацию цифр перед вызовом.

Наконец, Макс отвечает. Видя интерес Андрея он отклоняет телефон от уха и ставит на громкую связь.

Старый-старый хриплый голос. Женщина. Нет. Старуха. Самая настоящая старуха. Такой голос характерен, скорее всего, только если тебе далеко за восемьдесят.

Каждый звук, вылетавший из динамика, будто нервно дрожал. Собеседница очень смешно проговаривала каждую букву.

– Здравствуйте мои мальчики – о нет. Я хорошо знаю этот голос. Я вспоминал его несколько раз. Именно она позвонила на радио в мой первый день. Именно она выкрикивала громкие угрозы городу мне в наушники. Леди V… И как признаться себе, что это она? – Сегодня я попрошу вас о ма-а-аленьком одолжении. Вы должны…

– Кто это? – перебил Макс

– … должны…

– Кто? – повторил он, не дождавшись ответа.

Дрожащий хриплый голос превратился в резкий агрессивный скрежет. Перед глазами предстала ведьма, вышивающая куклу Вуду.

– СТАРУХА НЕ ЛЮБИТ КОГДА ЕЁ ПЕРЕБИВАЮТ – мы в непонимании переглянулись. Андрей сощурился, пяля на экран, точно желая рассмотреть кто прячется за ним – Я хочу поиграть с самыми популярными парнями города. Мечта, оцепившая седую голову на старости лет.

– .....

– Соглашайтесь! Мы просто поиграем! Будет весело!

Подойдя к окну, Макс облокотился об подоконник. Его глаза поднялись, глядя в ночную пустоту заднего двора.

– Сначала скажите кто вы.

– Простите, совсем забыла представиться. Так удивитель-

но, вы меня совсем не знаете, хоть я и всё время была рядом – бабуля откашлялась. Кашель похожий на пронизывающий скрежет мела, ёрзающего по твёрдой доске – Меня зовут Леди V.

Макс замер. Он не стал поворачиваться к нам, прекрасно зная наши реакции.

Та самая.

Убийца.

Психопатка.

Инициал её имени красовался на рассечённой груди мёртвого подростка. И сейчас она говорила с нами, изъявляя желание поиграть на нервах как на струнах скрипки.

Рука, в которой Макс сжимал телефон, задрожала. Нажав указательным пальцем левой руки на красную кнопку, парень отложил телефон в сторону. Чёрный АйФон остался лежать на подоконнике. Создавалось впечатление, что дама до сих пор на связи, ожидая нашей реакции.

– Зачем ты это сделал? Мы же могли узнать кто это по голосу! – Андрей шагнул на встречу к Максу, сверля телефон взглядом.

– Не могли – обрезал он – По голосу не разберёшь. Он через чур… хриплый и… тихий.

– У нас что, мало старух в городе?

– Отвали. Это же вылитое начало ужастика. Нам звонит психопатка с желанием поиграть – Макс наконец обернулся. Только сейчас можно было оценить насколько он напуган –

«Крик» смешанный с «Пилой», только на чёртов феминистический лад… Это-это…

– Полная хрень… – буркнул Андрей, скрестив руки на груди. Он перевёл глаза на меня. Даже сейчас они умудрялись стоять крепкой неприступной стеной. Ноль эмоций. Сущая уверенность.

Он ожидал услышать мою реакцию. Но я молчал.

События, окружавшие меня последнее время, налетали одно на другое. Моя голова похожа на узкую улицу, по которой одновременно пытаются проехать несколько внедорожников. «Давид… Кровь… V… Дэн… Мантии… Я спятил… У меня галлюцинации… Неужели это всё может происходить со мной?»

– Точь в точь как в долбанном клишированном хорроре – взъерошивая волосы нервно выпалил Макс

Правило клишированного хоррора номер один: запрись, вызови полицию и пляши под дудку неизвестного психа

– Нужно вызвать полицию – тихо высказался я – Вызвать полицию и…

Звук рингтона. Сейчас он стал мерзким, сводящим с ума и до ужаса устрашающим. Было в этом «ДИЛИНЬ-ДИЛИНЬ» что-то пугающее.

Я вздрогнул.

Телефон очутился в руках Макса. «Аноним». Парень по очереди обвёл нас взглядом.

– Отвечай! – строго крикнул Андрей

«Не стоит» – хотел сказать я, но не успел. Полоска «Ответ» стремительно поехала справа налево. Хриплый голос зазвучал вновь, раздавшись по всей комнате.

– Не люблю когда мне грубят, моё сердце бурно реагирует на это. Я чересчур впечатлительная. Мне так говорил семейный доктор, до того как я вытянула его кишки через пасть – старуха рассмеялась. Мерзкий шорох, горловое «ха-ха-ха» – Если вы ещё бросите трубку, мне прийдётся подорвать вас к чертям собачим. Это так трагично. Самые обсуждаемые мальчики сдохнут из-за отбитого звонка. «Самая нелепая смерть для самых нелепых жизней».

Андрей выхватил телефон. По поджатому носу и складкам, образовавшимся у бровей, я узнал о приливе агрессии.

– Слушай, старая конченная сука, стоит тебе хоть раз сморозить ещё какую-нибудь странную херню – брат безостановочно тёр подбородок. Нервы. – мы вызовем полицию и остаток своей пенсии ты проведёшь гния в тюрьме. Усекла? Мы не знаем что ты преследуешь, и какая жуткая толстая опухоль поразила твой мозг…

– Андрюша, мой любимый мальчик. Фаворит. Король среди пешек. Тебя-то я и хотела услышать. Опусти левую руку от подбородка…

Следующие её слова расплылись в единое месиво для каждого из нас. Губа Андрея дёрнулась. Он в ужасе посмотрел на свою ладонь, после чего резко выглянул в окно.

– Где ты, стерва? – он всматривался в деревянные стульчики, расставленные у стола цвета слоновой кости без какой-либо системы. Густая стена начинающегося леса нависла перед окном. Угрожающе ровная и идеально симметричная, как срезанный стальным ножом кусочек сыра.

По двору пронеслась тень. Газон, недалеко от низкого забора из хлипкой фанеры, покрыл собой мрак. Чёрная мантия, развивающаяся на ветру. Она ходила волнами, переливаясь белыми отблесками в свете луны.

– Я наведалась к вам в гости.

Она тянулась всё дальше, прикрывая собой зелёную траву. Она ходила воздушными волнами, спадая с плеча тёмного силуэта.

Кожаные перчатки вырисовались во мраке благодаря луне. Она ненадолго выглянула сквозь затяжную быстро улетающую прочь тучу. Она предательски осветила белоснежную маску, которая сейчас засияла как неоновая вывеска на Лас-Вегас Стрип.

Широкая ухмылка, не природно широкая. Схожая на шрам, тянущийся от уха до уха. Маска полностью укрыта морщинами. На щеках виднеется розовый румянец. Две узкие дырки изображали сощуренные глаза.

Казалось, что это не может быть со мной. Весь этот ужас, этот страх – он просто не может происходить в столь короткий промежуток времени. Кровь, убийца, видение, психопатка… И когда моя жизнь превратилась в ужастик?

Как только я сунулся в этот город, который сам по себе кошмар.

«Хоррор-Лэнд»; «Скрим-Парк»

«Этого просто не могло случиться со мной» – фраза, звучавшая в голове в тот момент, когда силуэт поднял правую руку, облачённую в кожаные перчатки, над головой.

Леди V помахала нам, стараясь изобразить в своём движении девичью инфантильность.

В левой руке она держала телефон, прижимая его к уху. Волосы анонима надёжно скрывала шляпа с голубым бантиком на ней.

Я не смог оторвать взгляд от силуэта. Она притягивала его снова и снова, каждый раз, как только я хотел его перевести на похолодевшее лицо Макса, на дрожащие губы Андрея. Их также окутал страх. В голове так же узлом вязались одинаковые вопросы.

«Почему с нами? Как мы оказались в центре таких ужасных событий?»

– Я уже видел её – шепнул Макс – Она фотографировала меня у «Пауков»…

– Она залезла ко мне во двор – добавил Андрей.

– Она робкая старушенция, что не говори – рассмеялся голос. Каждый раз, как только она начинала смеяться, хотелось содрогнуться. Хотелось закрыть уши и не слышать этот пронизывающий безумный скрежет – Сегодня я поиграю вашими жизнями как вы играли жизнями жителей города на про-

тяжении долгих лет. Оказывается, играть чужими существованиями в чёртов покер не так просто как я думала. Я вас недооценила. Вы перевоплотитесь в Шэрлока Холмса, если вам угодно в братьев Харди, мальчишки. Вы же, я надеюсь, любите старые американские детективы?

В детстве я читал книги про Ненси Дрю. «Сиреневая гостиница», «Тайна Балета Щелкунчик» – старые пыльные издания 1992 года лежали в книжном шкафу моего дома. Иногда к смышлёной рыжей сыщице присоединялись Братья Харди. Они меня, если честно, немного бесили. Чересчур заносчивые, как на мой детский вкус.

– Только вот, к сожалению для вас, наш детектив по духу больше напомнит британский. Читали Агату Кристи? Расследования Миссис Марпл? Чопорность и хладнокровие. Неоднозначность и неожиданность. Настоящая игра на выживание, раскинете мозгами как следует – продолжите дальше обливать существование остальных густым навозом, нет – от ваших заносчивых тел останутся лишь измазанные гелем чёлки.

– Что ты хочешь? – сквозь зубы спросил Андрей. На его широком лбу заблестела капля пота.

– Хочу, чтобы страшная правда сама собой шокировала ваши мозги. Я думаю каждый из вас троих понял, что в городе твориться полнейший ад. Я лишь хочу, чтобы вы по крупицам воссоздавали картину.

– Зачем тебе это? Если ты нас ненавидишь, легче просто

убить.

– Нет, я вас ненавижу по-настоящему. Всей душой. Тот, кто ненавидит так просто не избавится от своих врагов. Он будет отравлять их сознание медленно. Он будет разрушать каждую клеточку их тела неторопливо. Вы – грёбанные подростки, и страх для вас – самое хладнокровное испытание из существующих. Вы уверенны в себе, думая что живёте господствуя жизнью. Я лишь хочу выудить из самых отдалённых закоулков души ваш страх. Разрушить взгляд на привычные вещи. Заставить каждую секунду проживать в аду, создаваемом собственными мыслями.

– Ближе к сути.

– Сегодня вы соберёте информацию о свежем преступлении. По кусочку. Андрюша, согласись, так ужаснее: если ведро с кипятком за раз полностью вылить на голову – получится адская боль. Но если лить из ведра медленно, давая каждой раскалённой капле обжечь тело будет гораздо неприятнее – голос откашлялся – Адриана. Отличница. Паинька. Красотка. Все ужаснулись, когда она сдох… – старуха кашлянула ещё раз – Погибла. И от этого ещё страннее то, что люди всё списали на ДТП, прекрасно зная что дело вовсе не в этом. Очень жаль, что вы выгнали бедолагу Никиту слоняться по улицам города под дождём. Ведь для него эта игра стала бы роковой. Узнать правду – ведь это всё, чего он хотел последний месяц. А я её знаю. И хочу чтоб она дошла до вас.

Макс поднял глаза, прекратив бездумно пялить в теле-

фон. Он растерянно смотрел на меня, боясь выглянуть из окна, будто за ним находится самая отвратительная вещь из существующих на свете.

– Правила просты как два пальца. Всего-то нужно узнать, что случилось в ту тихую летнюю ночь. Как погибла Адрианна, и как она оказалась мёртвой недалеко от машины. Почему ногти на её руках содраны. И почему все решили сделать вид, что ничего не произошло… Добрая старуха V оставила подсказку в доме. Ну а от вас всего лишь требуется включить воображение. Оно должно было развиться на уроках геометрии, которые вы прогуливали выкуривая травку в машине – и почему слово «травка» звучало из её уст так нелепо? – У каждой игры должны быть условия. У меня они также просты как и правила: в доме милейшего и примерного новенького Влада находится взрывчатка.

Я ахнул. Всё тело поразила крупная дрожь. Она охватывала кости, заставляла кожу покрываться мелкой гусиной кожей, охлаждала воздух вокруг. Я из всех сил пытался подавить накатившую панику.

– Выйдите подышать свежим воздухом, воспользуетесь звонком другу и полиции – игра закончится. Дом разнесётся к чертям собачьим. Советую не проверять правда ли это. Леди V всегда будет наблюдать за вами. На игру даётся пол часа. Время пошло.

«Пиииии-пиии…», продолжительные сигналы были своеобразным выстрелом. С них начинался отсчёт роковых

минут, полностью решавших нашу дальнейшую судьбу.

Воздух в комнате стал ледяным. Хотелось укутаться в одеяло и сделать вид, будто это был типичный телефонный розыгрыш. Симулятор голоса, анонимный номер и voila. Но серьёзность намерений психопатки подтверждал закопанный под землёй труп Давида. Она распяла его на кресте. Насколько нужно быть сумасшедшей для этого?

Она готова была на всё, и три жизни для неё были пылью.

Вот только зачем сразу же избавляться от главных своих целей, от однозначных антагонистов всего города – самовлюблённых мажоров, отравлявших жизни не одному десятку жителей. Почему она не решила оставить их на десерт? Наслаждаться их смертью как изысканным деликатесом в ресторане с тремя звёздами Michelin.

Но сейчас времени на размышления не оставалось.

Правило клишированного хоррора номер два – сначала делай, затем думай. Не давай очевидным логичным мыслям проникнуть в голову. **Действуй максимально стереотипно и неосознанно.**

Андрей смотрел на меня. Макс смотрел на меня. Две пары тёмных карих глаз, наполненных доверху отчаянием. Они будто видели во мне надежду. А что мог сделать я? Все знания, полученные из фильмов и мрачных статей жутких сайтов со страшными историями вылетели как птица из скворечника.

Самая стандартная проблема – мысли путались, спотыка-

лись и не успевали прибежать к финишу. Они схожи на толстуху, бегущую к бесплатно лежащему на подносе бургеру «БигМак», спотыкаясь на каждой кочке.

Прямо такими были мои мысли – неподъёмными и нелепыми.

Я выглянул в окно. Никого. Как будто силуэт в маске был нелепым миражом. Тихий утопический пейзаж, освещаемый луной – мангал, уютный стол, на котором стоит белая восковая свеча из «IKEA”.

Всё происходящее походило на настоящий фильм ужасов, где я был в главной роли. Бледный запуганный персонаж, отыгрываемый бездарным второсортным актёром. На него нацеливается крупный план в самых неожиданных местах, и он умирает последним.

Из-за того что девственник.

Или самым первым, из-за того что посредственный нудный новенький.

По крайней мере, мне хотелось быть последним. Я был достоен этого. Ведь сейчас я попал в самый круговорот психоза лишь из-за него – мой брат. Если бы он не был таким бесцеремонным наглым ублюдком, в моём доме не было бы взрывчатки.

– Чего вы молчите? Какие предположения? – Андрей прервал молчание. Он заметил раздражённый взгляд на себе.

– Именно ты должен толковать предложения, ведь именно из-за тебя я в полнейшей заднице – раздражённо выкрик-

нул я, делая шаг к брату. Перед глазами встала нахальная ухмылка, та самая, исказившая его лицо во время выкуривания травы – Именно из-за тебя моя жизнь в опасности. Из-за тебя на мою жизнь положила глаз психопатка.

– Я виноват в том, что твой двоюродный брат? – Андрей сделал шаг на встречу. В его глазах агрессия медленно заменяла искреннее непонимание.

– Ты виноват в том, что вёл себя как полный мудак.

Правило клишированного хоррора номер три – дай волю эмоциям, и в самый ответственный момент выплесни все накопившиеся за годы обиды. Экстремальные ситуации – лучшее время для срачей.

Я будто нахожусь во сне, проваливаясь в себя всё глубже и глубже. Сейчас не я контролирую тело. Влад сидит в сторонке и молча смотрит за происходящим.

Скорее всего, это нормальная реакция когда твой дом хотят взорвать.

Глава 11 #типичнаявечеринкаспиццей

«ДИН-ДОН» – звонок, раздавшийся снизу прекратил бессмысленный спор.

– О Боже, это она – шепнул Макс. Было заметно как сильно он вздрогнул, испугавшись громкого звука.

«ДИН-ДОН» – второй звонок доносился до наших ушей приглушённым звуком. На первый план вышло учащённое

сердцебиение.

Влад, сидевший в сторонке в самом далёком уголке головы нехотя вышел на связь.

– Это не родители – язык стал каменным. Слова произносились с надрывом – Они прийдут позже.

Мы переглянулись. По лицу Андрея отчётливо читался вопрос: «Стоит открыть или нет?», по растерянно бегающим глазам Макса «Конечно нет!»

«ДИН-ДОН» – по дому разнесся третий звонок. За нами охотится психопатка, которая, вполне возможно, стоит за дверью.

– Я открою, кто-бы это ни был – я направился к выходу. Под моими ногами начала простираться тёмная лестница. В конце темноты горела лампа, стоявшая на тумбочке в коридоре.

Сердце билось ещё чаще. Воображение рисовало пугающую улыбку на белоснежной маске среди темноты. Она тут. Она точно тут…

– Нет уж, один ты не пойдёшь – крепкая ладонь Андрея опустилась мне на плечо – Ты мой младший брат. Семейная солидарность и всё такое.

В другой вечер я бы выдавил из себя смешок. Сейчас лишь бросил холодный взгляд.

Макс стоял за нами смотря в след.

– Ты с нами? – он судорожно покачал головой, предпочитая остаться. Цыплёнок.

– На самом деле я просто не хочу провести ещё один день в полиции, если тебя укокошат – на этот раз я хмыкнул. Мы неторопливо спускались по лестнице, будто оттягивая тот момент, когда узнаем кто стоит за дверью.

«ДИН-ДОН»

– «Играли жизнями людей..» – ты скрыл от меня что-то ещё? На что могла так рассердиться эта сумасшедшая?

Не лучший момент для разговоров, знаю. Андрей пожал плечами. Он не посчитал нужным ответить.

– Может ответишь? Тут, твою мать, мой дом подорвать собираются – в голове вертелось лишь «ЧЁРТТВОЮМАТЬКОПАТЬКОЛОТИТЬДРАТЬЧЁРТТВОЮМАТЬ» – хотелось ставить эти слова вместо точек.

Андрей открыл рот, как тут раздался пятый звонок.

«ДИН-ДОН»

Андрей закрыл рот. Непрошенный гость поторапливал нас.

– У тебя нет домофона? – буркнул Андрей

– Домофона?

– Ну, той штуки для связью с внешним миром. Камеры, чтобы видеть кто стоит на пороге.

– Не-а.

– Мы обречены.

– Все вопросы к твоему отцу. Он нас заселил в дом без домофона.

Мы стояли у двери. Сова нагоняла саспенс, цокая и стреляя глазками из стороны в сторону.

«Цок-цок-цок-цок»

Белая входная дверь в шаге от нас. Глазка нет. Окна рядом тоже. НИЧЕГО НЕТ. КТО ВООБЩЕ ПРОЕКТИРОВАЛ ЭТОТ ДОМ?

Я опустил руку на холодную дверную ручку. Сейчас она обжигала ладонь, её хотелось отдёрнуть и представить что никакого звонка не было.

Мы переглянулись.

– Готов? – спросил Андрей, вся уверенность которого растворилась в воздухе как пар.

«Цок-цок-цок-цок»

Я кивнул.

В тот миг я задумался о том, насколько неуютно стало в собственном теле. Кожа в некоторых местах словно пережимала органы. Сердце билось с силой ударов Конора Маккрегора, готовясь разорвать ту самую кожу в клочья. Я ощущаю как пульсирует кровь в венах. Как виски стучат в такт сердцебиения.

Кажется, за те секунды у меня испортилось зрение. Во всех экстремальных ситуациях окружающий мир расплывается, будто вот-вот я упаду на пол замертво. За дверью, возможно, стоит маньячка в чёрных плаще и пиджаке. В её руке нож. Ну конечно же, мы забыли взять хоть какое-то средство защиты.

Правило клишированного хоррора номер четыре – правило двух «А»: представь что у тебя амнезия. А ещё лучше, что ты страдаешь аутизмом. Да, оптимальный вариант – амнезия и аутизм.

Только смотря ужастики можно кричать «Куда ты бежишь, дура?», «Возьми пистолет, идиот!» или «Накинь куртку, на улице мороз!». Но когда в памяти всплывает кровь на теле расчлененного еврея, когда понимаешь на что способна эта незнакомка – способность мыслить трезво вырубает.

Сейчас, когда Андрей начал счёт я проклинал себя за недостаток мозгов. Я проклинал себя за то, что приехал в этот город.

– Раз… Два…

«На какой счёт он откроет дверь?!?!»

– Три!

«На три!»

Мир замер. Я выдохнул, также как Андрей. Тело перестало казаться таким неуютным. Все проклятия сошли на «нет».

Я посмотрел на Андрея: в свете лампы над входной дверью дома блестели капельки пота на его шее.

На пороге стоял парень в рыже-белой футболке и того же цвета кепке, на которых цветной печатью была выведена пицца. На тонком нарисованном тесте переливались ламинированые кружочки салями. Крупными печатными буква-

ми на козырьке в глаза бросалась надпись: «Пицца Ин-Сити». «Местный аналог «Domino's"– только с ещё более дерьмовым качеством теста» – объяснил мне Андрей, перед тем как вызвать курьера.

На лице парня хаотично рассыпались бледные веснушки, будто какой-то художник неделю назад брызнул на него мазком коричневой краски. Нижняя челюсть доставщика сильно впадала назад. Когда он заговорил из-под тонкой розоватой губы вылезли два передних зуба; между ними красовалась широкая дыра, напоминавшая тунель для поездов. А цвет зубов напомнил белоснежный снег, на который пару часов назад пописала собака.

В руках он держал четыре картонные коробки усыпанные влажными пятнами. Верхняя слегка помялась в месте рядом с написанным зелёным контактным телефоном.

– Доставка пиццы «ПИЦЦА-ИН-СИТИ», вы заказали две пепперони и две Маргариты. За небольшую задержку подарок – наш фирменный Наполеон, специально для клуба постоянных клиентов. Будете расплачиваться наличными или карточкой?

Из рта рыжеволосого парня доносился аромат чеснока, будто идя к моему дому он жевал его долька за долькой.

– Парень. Послушай, мы в полном анусе. Всё что тебе нужно, так это позвонить в «911», и сказать… – Андрей прервался. Дальше его предложения превратились в невнятный набор звуков, будто бы из его рта исчез язык.

Разносчик уронил пиццы, вылетевшие из коробок и разлетевшиеся жидким тёплым сыром по крыльцу. На мою ногу упала горячая колбаска, но сейчас наплевать на горячее мясо обжигающее ногу.

Андрей пошатнулся, отлетев назад в дом. Ну а я просто не понимал что произошло. Отчётливо помню как влажные брызги прилетели мне в лицо. Как холодные капли стекали вниз. Нутро опять забилось в отдалённый конец головы. Я стоял там не в состоянии увидеть ничего вокруг.

В один миг голова парня была насквозь продырявлена самой настоящей остронаточенной деревянной стрелой. Сантиметры, и поблескивающий металлический наконечник поцарапал бы мой нос. По переносице усеянной веснушками потёк алый ручеёк. Капли, стекавшие с острого носа разбивались об мягкий сыр.

Я помню его взгляд. Коричневые глаза, понявшие всё и ничего. Он смотрел прямо на меня, будто желая что-то спросить. Между выгоревших бровей зияла алая дыра.

Прошло несколько секунд, прежде чем он грохнулся назад. Доставщик ударился спиной об ступени. Голова в яркой кепке так и не достала до пола – помешал конец стрелы.

Кровь сплошным потоком лилась на дорожку. Тощая рука жертвы очутилась рядом с горячим тестом, от которого вверх вздымался пар.

– ТВОЮ МАТЬ – заорал Андрей – Что за херня? – он не отводил глаза от тела, ступая назад и ударившись об комод.

С него на пол упали несколько центов.

Сомнений не было – курьер мёртв. На пороге моего дома лежал труп.

Я был там, и одновременно несопоставимо далеко. Мои движения, слова, взгляды – я их не контролировал. Ощущения, будто я вымер изнутри. Отказываясь принять что это всё происходит со мной – я отключался, чтоб окончательно не сойти сума.

Помнится, я опёрся рукой об дверь. Хотелось вырвать. Желтоватые зубы окрасились в багровый цвет. Многочисленные веснушки спрятались за густой жидкостью.

Я схватился за голову. Хотелось кричать, орать, рвать на себе волосы. Что за чёрт с этим городом? Как это всё объяснить?

Взгляд пополз вдаль. Стоял за этим лишь один человек, и его силуэт показался в свете желтоватого фонаря. Одинокий фонарный столб слегка освещал контуры уютного сада Жанны. Злобный гном на пороге смотрел в нашу сторону. Пёстрые цветы мрачно опустили бутоны вниз, будто не желая смотреть на кровавую картину.

Под столбом широко улыбалась знакомая маска. Кожаные перчатки зажимали массивный арбалет, нацеленный в нашу сторону. На орудии красовались вычурные старомодные узоры. Создавалось впечатление, что арбалет или правда был старинным, или мастерски стилизованным под старину. Точно психопатка украла его с Шотландского клуба любителей

охоты.

Сучка подготовилась.

Я пытался заглянуть в тёмные дырки для глаз. За ними ничего. Лишённая чувств пустота.

– Эй! Эй! – прямо перед носом Андрей хлопнул дверью. Он схватил меня за руку: весь дрожащий, напуганный – Наверх! Слышишь? Влад!?

Кровь. Пицца. Труп. Арбалет. Леди V – всё крутилось в голове со скоростью карусели. Даже когда мы поднимались вверх по тёмной лестнице – я был там, у двери, видя смерть собственными глазами. Ощущая капли чужой крови на своём лице.

Свет, горящий в моей комнате ослепил глаза. Я взглянул на себя в зеркало, висевшее на двери. На лбу красные кали. Две на подбородке. Одна бежит вниз по шее, оставляя бледный след; пальцем я прекратил её движение. У ногтей остался кровавый след.

Андрей был чист. Он поднёс к моему лицу сухую салфетку, пахнущую чем-то удушающим: как лаванда, только на восточный манер. Я вытер лицо, рассматривая алый цвет, в который выкрасилась бумага.

Чужая кровь, чужая, чужая…

Отшатнувшись от зеркала я присел на кровать. Капли ещё оставались на лице: у мочки уха и над верхней губой. Но я их не вытер. Даже на это сил не осталось..

Макс, кажется, понял, что понять вообще невозможно. Он

увидел кровь на моём лице. Он подошёл ближе, плюхнувшись рядом. Схватив пуховую подушку парень сжал её в руках, будто это могло помочь подавить ужас.

– Что… – Макс не успел договорить.

– Труп. У нас на пороге мёртвый разносчик пиццы.

Макс опустил глаза на подушку. Толстые пальцы сжимают наволочку всё сильнее и сильнее. В его лице прослеживается накативший страх. Кончики губ нервно дрожат, рот открыт, словно из него сейчас вырвется отчаянный крик.

– Что нам делать? – спросил Андрей, заглядывая на меня и разыскивая поддержку.

И правда, что? Пытаться докричаться до соседей – нас могут взорвать. Выбежать из дому и бежать в разные стороны – оптимальный вариант, если смириться с тем что в одного из нас попадёт острая стрела.

Безысходность вошла в мою жизнь резко и судя по всему надолго.

Подорванная стерва хотела чтоб мы расследовали смерть девчонки. Ну что же, получи и распишись. Единственный выход – плясать под её дудку до нужного момента.

– Мы можем сделать то, что она хочет. Времени осталось мало. Где-то есть подсказка – нам это известно. Первое, что мы можем сделать – найти её.

Парни тихо кивнули. Макс отбросил подушку в сторону.

– Сегодня мы не сдохнем. А если уж и сдыхать, то только не в твоём доме, Влад.

– Пошёл ты.

Я насильно выманил Влада из внутреннего мирка. Собрать себя по частям, как пазл, было не легко. Мысли до сих пор продолжали пребывать в тумане. Сейчас моя голова не могла включиться в раздумья об ужасной гибели Адрианы.

– И чего она прицепилась к этой девчонке? – в темноте мерцало зелёным время на духовке – Умерла в августе – дело завершено – при чём тут мы? – возмущался Макс, щёлкнув выключателем света.

Кухня озарилась. У микроволновки стояла небольшая плюшевая собака, напоминающая хаски. Глаза – голубые бусинки. Рот – тонкая нитка, расплывшаяся от уха до уха. Морду завершал острый нос с тёмным мягким бубенчиком на конце.

Этой игрушки тут раньше не было. Это я помню точно.

К ошейнику из весьма неплохой (на удивление) эко-кожи привязана записка. Напечатана она на небрежно оторванном клочке бумаги.

«Включи меня!»

Обнаружить первую подсказку оказалось плёвым делом.

Правило клишированного хоррора номер пять – если ты маньяк, не мудри со своими загадками. Подростки с плоским складом ума, не способные пройти даже квест комнату «Дракула и друзья» для дошкольников, будут ломать голову пока ты не поседеешь . Ко-

му это надо? Всё должно быть максимально упрощенно.

Мягкая собака приятная на ощупь. Осматривая, я переворачивал её в руках в поисках включателя. На белой плющевой заднице виднелась бирка. «Magic Factory – игрушечная фабрика». Погодите-ка…

– А вот и подсказка номер один! – радостно воскликнул я, зажимая бирку между пальцев – Андрей, загугли. Кажется, это то место где сейчас находится сквот!

Андрей достал АйФон из кармана:

– Ты уже командуешь… Окей. Не вопрос – причмокнул он, за секунду вбив название в поисковую строку – Да, точно. Наш сквот. Раньше там делали игрушки, пока в 1994 компания не обанкротилась. И как нам это помогает?

Я нащупал кнопку, готовясь включить игрушку.

– Это объясняет многое. Возможно, оттуда или туда ехала Адрианна.

Кнопка щёлкнула. Послышался тихий скрип, сквозь который пробился писклявый голос.

Собака запела песню, слова которой не различались из-за мерзкого скрежета. Он прошёл лишь на втором куплете.

Полнейший бред лишённый логики: «Гордый Енот Робко Обвёл Ишака – Новичка». После этой строчки псина умолкла.

– Что за бредятина? – удивился Макс, выхватив игрушку из моих рук. Большим пальцем он нащупал кнопку, не медля

включив во второй раз.

Игрушка выплюнула вторую строчку, и то не до конца. Она как пьяная, неторопливо складывала звуки в несвязанные между собой слова:«Маленький Англичанин И Кииииислаяяя Лавандааа....». Собака умолкла, оставив конец фразы висеть в воздухе. На окончании слова «лаванда» её голос переменился с писка на низкий баритон.

– Полная херня – высказался Андрей. Теперь плюшевая псина перекочевала в его руки – Сели батарейки.

– Скорее всего, это ребус. Может быть что-то вроде анаграммы – я задумался, присев на обеденный стол. Рядом с моей пятой точкой рассыпаны мелкие крошечки сахара – «Гадкий Енот»… «Робко обвёл»… – я повторял песни в полголоса как слова молитвы. На ум ничего стоящего не приходило. Я пытался прокрутить слова задом наперёд, ища скрытый смысл. Загадка казалась непонятной.

Рядом на столе лежали салфетки. За спиной Макса, у микроволновки, затерялась ручка.

– Подай, пожалуйста – Макс молча протянул тонкую ручку колпачком вперёд.

Я выцарапал небрежным кривым почерком слова песни на салфетке. В некоторых местах я продырявил бумагу.

Анаграммы не выходило.

Макс с Андреем стали возле меня, уставившись на салфетку, усердно создавая напыщенный вид мозгового штурма. Выглядело фальшиво.

Макс причмокивал, облизывая губы.

– А может… – начал он, резко передумав. Из них так и не вышло ни единой мысли.

– ПОНЯЛ – вскрикнул я. Андрей отпрянул от стола от неожиданности – Просто надо сложить первые буквы в словах – на это заключение меня вывели большие буквы в каждом новом слове. Будто невидимая сила заставила меня писать с больших букв. Шёпотом, я начал складывать буквы – Г Е Р О И Н – первая песенка – слово «героин» – воскликнул я как главный герой дешёвого утреннего шоу-лото – Вторая – М А И К Л.

– «Героин» и «Майкл»? – переспросил Макс.

– У кого-то не нашлось слов, начинающихся с «Й» – хмыкнул я.

– Неразделимый дуэт – лицо Андрея расплылось в усмешке – Кто ещё в этом городе так тесно связан с наркотой как Майкл?

В моей голове начала складываться картинка. Игрушечная фабрика, героин, Майкл – Адриана была там до смерти, поддавшись искушению. «Хорошая девчонка стала плохой» – судя по провокационным фото, показанным на концерте. Но как это связано с её смертью?

Может быть, она села за руль под кайфом? Я вижу эту ночь: правильная девчонка, сморщивающая нос при одном лишь звуке бранного слова – лучшая нажива для наркоторговца. Я представляю как этот мудак с вонючим ртом протя-

гивает ей сигарету. Как она затягивается. Как затем кашляет. Как вырывает на пол. Как ей потом становится стыдно. Как она идёт в грязный туалет, закрываясь в кабинке и рыдая, при этом слушая как в соседней кто-то занимается сексом. Как садиться за руль, желая уехать домой, к маме.

Как отвлекается от дороги, смотря на переодически включающийся экран телефона. Как не замечает, допустим, жирного оленя выбежавшего на дорогу. Как отпускает руль. Как врезается в дерево. Как всё ещё остаётся под кайфом, надеясь спастись. Как открывается дверь и оттуда вываливается растерянная девчонка, не чувствующая ног. Как цепляется ногтями за землю, пытаясь ползти к свету.

Я всё это видел.

Я ненавидел Майкла и всё его нарко-индустрию, и кажется, я понял к чему клонит психопатка.

Но тогда смерть Адрианы – вина наркотиков. Никакой мрачной подоплеки.

В кухне зависло молчание. Андрей смотрел на фонарный столб, освещающий дорогу, через окно. Он сосредоточено думал. В голове каждого крутились сейчас десятки вопросов. В голове каждого вырисовывалась картинка той злосчастной ночи.

Искать разгадку для нас стало не желанием, а спасением от смерти.

Девчонка исчезла из города. Сбежала. А какое ещё место, кроме сквота, подходит на роль приюта? В пределах города

такого нет. Там живут десятки людей, чувствуя себя запертыми в раю. Они курят, бухают и любят. У них есть всё. Это и могло заманить правильную девочку.

Сколько осталось времени? Я совсем про него забыл…

– Она была в сквоте. Это точно. Именно туда она сбежала – высказался я.

– Но как именно она погибла?

– Может мыть, банально, сев за руль нетрезвой?

– Леди V сказала что история гораздо мрачнее – вмешался Макс. Именно это и озадачивало.

Телефон Андрея, лежавший на столе позади меня загорелся. Пришла СМС. Теперь, скорее всего, до конца жизни при звонках и приходах СМС мне прийдется вздрагивать. Как сейчас.

Я нервно бросил взгляд через плечо. Увидел знакомые оранжевые цвета слева уведомления. Инстаграм. Можно выдохнуть.

Я обернулся, пяля на мерцающее в чёрном экране микроволновки время. Андрей громко вздохнул. Меня передёрнуло ещё раз.

– Мне пишет Адрианна…

– Что? – я всё прекрасно услышал. Просто не мог привыкнуть к играм Леди V.

Андрей протянул мне АйФон с открытой перепиской.

В Директ жирным шрифтом горело СМС.

@adrianna_4321: «Пай девчонки любят уходить в отрыв.»

Мы переглянулись. Это было и так ясно.

– Может кинуть её в ЧС? – предложил Андрей.

– Это наши подсказки. Не надо.

@adrianna_4321: фотография.

На белом фоне показалось затемнённое селфи. Первым делом в глаза бросалась яркая полная луна над головами парочки. Адриана и Майкл – за их спинами блестело знакомое озеро.

Королевство Полной Луны – от одного воспоминания становится дурно. Адрианна обнимает парня, который в свою очередь держит телефон.

– Никитка заценил бы – ухмыляется Андрей.

– Это Майкл? – я уверен, но из-за затемнений на лице парня не до конца.

– Может быть просто похожий парень. В мире много пацанов с самодельным милированием и прокуренными гнилыми зубами – Макс взял телефон в руки, приближая фото. Через мгновение он, кажется, убедился в обратном.

– Майкл. Это Майкл – два раза повторил Андрей.

Они стояли щека-к-щеке. Тёмная Адрианны и мрачно-белая – Майкла. Она сияла широкой искренней улыбкой, смотря прямо в фронтальную камеру. Будто заглядывая сейчас на нас, желая раскрыть настоящую причину смерти. Умные глаза остались умными глазами и после наркотиков. Они говорили, передавали свои эмоции даже через экран.

Её каштановые волосы выглядели грязнее чем на фото с

лошадьми. Под ногтями виднелась тёмная грязь. Пухлые губы Майкла разомкнулись, показав желтоватые зубы. Белая чёлка упала на лоб, почти дотягиваясь до левого глаза.

Сзади в свете луны переливалась ива. Или это был клён. Я не силён в деревьях.

Ещё одна картина: белобрысый мудак издевается над девчонкой. Возможно, перед этим её насилует. Возможно, она даёт ему сама. После чего Майкл убивает Адрианну и ловко подстраивает аварию.

А как ещё объяснить его отсутсвие во время смерти Дэна? «Я был занят» – звучит смехотворно.

Заголовки газет поплыли перед моими глазами «Наркоман-психопат затягивает своих жертв ночью в лес, после чего жестоко убивает». Звучит абсурдно, но лаконично. Может быть образ модного укурка всего лишь маска, скрывающая за собой безумие?

Я выдернул телефон из рук Макса, не обращая внимания на обиженное «хэй-й-й!» Зашёл на Инстаграм Адрианны. Последняя публикация с 20 июля. Она сидела на лошади, отметив геолокацию загородного конного клуба. Стройная осанка, широкая улыбка, блестящие глаза… Такая же, как и на остальных фото. Просто ангел. Чёрный ангел.

Казалось нереальным подсадить её на наркотики, но мудаку удалось.

Часики тикали.

Из коридора доходил цокот часиков-совы. Он становил-

ся громче и громче, желая напомнить нам о быстротечности времени. Ещё немного, и нужно выдвигать ответ. А я всё листаю ленту девочки. Лошади, селфи, фотка с грамотой… Она закончила прошлый год на «отлично», выиграв литературный конкурс за лучший проект. В следующем посте она поздравляла маму с днём рождения. Получилось сухо и вяло. Ни одного смайлика. Ни одного уменьшительно-ласкательного словечка.

На фото мать с дочкой сдержанно улыбались на фоне моря. У матери Адрианны хорошая фигура, даже излишне тощая. На ногах виднелись опухшие синие вены.

Строение тела девочки схоже с мамой, только без бросающихся в глаза вен.

Погибшая любила писать длинные посты – у неё выходило весьма сносно. Сквозь длинные тексты об подготовке к экзаменам прослеживались годные шутки.

Ещё одно фото с грамотой.

И тут выплывает знакомое лицо. Сейчас оно выглядет иначе.

Никита: не такой бледный, не такой разочарованный. В серых глазах цвета пепла ещё остался блеск. От него ещё исходила хоть какая-то жажда жизни.

Внизу зелёное сердечко. Самая сухая подпись, обошедшая даже пост с матерью.

На фото Никита с Адрианой были в одной из скромных тесных пиццерий «Ин-Сити». Символично. Труп, должно

быть, лежит на крыльце до сих пор.

Адриана была девочкой-батарейкой для невзрачного парня. Она его заряжала: придавала краски бледному лицу и блеску томным глазам, натягивала улыбку, вдыхала желание жить.

Что же с тобой случилось? Как ты погибла? Зачем ты полезла в тот сквот?

Глаза слипались. Кажется, даже в такой наполненный саспенсом момент я смог бы уснуть. Мысли путались, спотыкались. Нормальную цепочку событий так и не удалось восстановить.

Я скрестил руки на столе, рассматривая селфи у озера. Андрей и Макс нависли надо мной, улавливая каждое движение: я потянулся к сахарнице – они вздрогнули. Я захватил пару сахаринок – они наблюдали, слизал с пальцев – продолжали наблюдать. Это напрягало.

В тот момент, когда Андрей уперев руки в боки рассматривал магниты на моём холодильнике раздался телефонный звонок. Звонили Максу.

Я вздрогнул.

Андрей вздрогнул.

Макс был в ужасе.

Время вышло. Мы с чистой совестью слили все минуты, отданные на раздумья.

«Аноним» – Макс ответил, включив динамик. Знакомый мрачный хрип. Пугающий смех.

– На связи Леди V, сыщики. Готовы дать ответ? – повисло молчание. Андрей схватил меня за руку, заглянув в глаза будто спрашивая «готов?» Я ответил в слух:

– Мы готовы – послышались гудки. Старуха повесила трубку.

– Мы не готовы!!! – голос Макса срывался на крик. Звучный мужественный бас сейчас резко переходил на типичный для подростка нервный визг – Ты готов угробить нас одним необдуманным ответом?

– Кажется, я знаю кто её убил – я был уверен, чем сам себя удивил. Будто нелепыми подсказками V прямым текстом растолковала мне правду. И не было страха за свою жизнь. За жизнь брата и Макса. Правда лежала на поверхности.

Из холла послышался хлопок. Дверь, ведущая на задний двор открылась.

– Она вошла в дом – прошептал я, неторопливо ступая по кухне. Каждый шаг наполнен страхом. Холод кухонной плитки стал ужасно ледяным.

Пересилив себя, я выглянул из комнаты.

Мрачный чёрный силуэт прошёл за диваны. Тёмные глаза уставились в мою сторону. Открытая дверь запускала холодный вечерний воздух, на котором мантия сумасшедшей лавировала волнами. Широкая дамская шляпа отбрасывала тень на белоснежную маску.

Сейчас я рассмотрел что сделана она была из дерева. Искусно вырезана и разукрашена.

От вида силуэта кожа мигом стянула всё тело. Я чувствовал внутри себя каждый орган: внутри всё ходило, пульсировало не останавливаясь. Передо мной стоял человек, готовый на всё ради мести. Человек, давший над собой волю чистой ненависти. Человек, для которого моя жизнь – игра.

Из-за спины Леди V достала диктофон. Массивный, как-будто вытащенный щипчиками из двухтысячных. Сбоку три кнопки, в центре динамик – вспоминались триллеры про ФБР.

Теперь мною двигала уверенность. Я чувствовал её потому что был способен совершать обдуманные поступки. Я мог с ней заговорить, мог бороться за жизнь. На этот раз Влад не отступил в тёмный уголок разума.

Кожаные перчатки сжимали диктофон с двух сторон. Указательный палец соскользнул на верхнюю кнопку – игривое продуманное движение, добавлявшее образу анонима виртуозности.

Скрип. Хрип. Кашель. Старуха на связи.

За моей спиной выглядывали парни.

Теперь в очередной раз можно было сказать что старуха – лишь маска. Очень умело надетая.

– Детективы, я вас слушаю. Страсть как желаю подорвать вас нахрен – «нахрен» из уст старухи звучало очень уж забавно.

Я вздохнул. Внимание, на старт:

– ЕёубилМайклиподстроилДТП – протараторил я – Под-

садилнанаркотикиизображалпарняапотом – я сбился. Может психопатка не разберёт бубнежа? – а потом…

Мы затаили дыхание. Палец вновь начал на ту же кнопку:

– Уверенны в ответе, детективы? – я кивнул.

– Убийца Майкл – окончательный ответ, от которого зависели наши жизни.

Роковое молчание. Пустые тёмные дырки смиряли нас взглядом. Тёмный плащ продолжал разлетаться в разные стороны.

Леди V высокий/высокая. Это точно.

Больше о ней ничего не скажешь. Всё тело укрыто плотным чёрным костюмом. Ни цвет кожи, ни маникюр…

Силуэт нажал на кнопку диктофона. Мы вздрогнули. В ту секунду шкала напряжения вскочила до ста, пробив потолок и вылетев далеко за пределы.

Хрип. Скрип. Старуха из диктофона откашлялась.

Идеально сымитированный голос старого человека. Не подкопаешься.

– Ответ не верный – Макс вздохнул – Готовьтесь гореть в аду.

Я промахнулся. Неужели? Это было же так очевидно!

Леди V взмахнула плащом. Переливающаяся тёмным ткань блестела в свете ламп. Сквозняк, поднятый мантией ударил нам в лицо.

Ещё один невероятно крутой жест, посмотренный, видимо, у Бэтмэна.

Конец. Парам-пам. Никакого хэппи-энда.

Правило клишированного хоррора номер шесть – намёк на хэппи-энд должен быть. Без него ужастик становится триллером.

Макс не терял времени. Впервые за вечер он показал, что не зря носит почетное звание «тестостеронового гиганта»: выбежав в центр холла он набросился на силуэт.

Всё как в комиксах. Кривых, нелепых, но жизненных.

Прыжок – и загадочная психопатка нелепо падает на спину, пытаясь ухватиться кожаными перчатками за журнальный столик. Остаются мутные следы от пальцев. Перчатки соскальзывают.

Правило клишированного хоррора номер семь – гиперболизация главного маньяка никогда не должна прекращаться. **Маньяк должен быть крутым и ловким – всё тут**. **Если он таковым не является – то скорее всего**, **это уже комедия-пародия типа «Очень страшное кино», а не ужастик**.

Леди V забавно пыталась подняться на ноги. Она рассекала воздух руками – будто пытаясь ухватиться за что-то невидимое. Она растерянно смотрела по сторонам.

Она была у нас. Опасная психопатка в ловушке.

Макс зажал тело анонима между своих крупных ног. Бёдра сдавили ноги V как тиски для орехов.

– Сейчас узнаем кто ты такая, сука! – Макс потянулся рукой к белоснежной маске Леди V, прежде чем она вздрогну-

ла. Рука высвободилась из крепкого захвата парня – снятая маска – главный страх для неё.

Кожаная перчатка полетела в лицо Макса. Прочно согнув кулак, Леди V врезала ему по носу. Била она прилично, как подготовленный к чемпионату «UFC” боксёр.

Сучка оказывается не только арбалет со стильным костюмом купила.

Макс отскочил в сторону, хватаясь за нос из которого хлынула кровь. Алые капли упали на бирюзовый коврик. Тёмный силуэт вылетел из открытой двери. Она растворилась в темноте внутреннего двора.

Я растерянно выбежал на улицу: пустота. Богиня исчезновений. Передо мной простиралось начало леса, столик, мангал… Всё цивильно и прекрасно, будто всего ада вовсе не происходило.

Я обернулся, констатировав:

– Сбежала – грустный тон изобразить не получилось. Я был счастлив что жив.

Макс встал с пола, оставив на нём несколько кровавых капель. После всех зрелищ эти капли казались случайно пролитым томатным соком.

Вот на моём пороге – настоящая кровь.

Порог – я вздрогнул. Точно, перед входом в мой дом лежит мёртвое тело.

Андрей поднял с бирюзового ковра «IKEA” чёрное мелкое устройство. Похожее на аккумулятор. Или батарейку.

Или…

– Пульт – рассмеялся Андрей – Эта конченная сука хотела нас взорвать именно с помощью мелкого пультика.

Я внимательно рассмотрел его. На пункт управления взрывчаткой вовсе не похоже. Скорее, на пульт от радиоуправляемой детской машины.

Но проверять, правда ли он от взрывчатки или нет, судорожно нажимая все кнопки – ну вообще желания не было.

– Хах – хмыкнул я – Оказывается взрывом можно управлять устройством как в долбанном мультике. Квадратик и крупная красная кнопка по центру. Вылитые «Симпсоны».

Смех облегчения.

Голову насквозь прожигала мысль о теле на пороге. Я не хотел даже смотреть в сторону входной двери.

Макс вызывал копов. Слышались гудки. В одной руке, у носа, он держал окровавленную салфетку, в другой – АйФон.

– Ты убогая Нэнси Дрю, Влад, ты знал это? Мы чуть, мать твою, не сдохли – Андрей взмахнул руками, горящими глазами смотря на меня.

– Какие у тебя были теории? – ответил я, отложив пульт на журнальный столик. Интересно, где V спрятала взрывчатку.

«911, что у вас случилось?» – женский голос отозвался в динамике Макса. Андрей молчал.

«Да нас тут подорвать хотели» – ответил он.

– Чёрт, разносчик! – настало время Андрея вспомнить. Он ломанулся по коридору к двери.

Я не готов был увидеть окровавленный труп вновь. Сердце забилось чаще. Ни в чём неповинный молодой человек, погиб… нет, в таких моментах основное – не винить себя… ИЗ-ЗА НАС!

Андрей распахнул дверь. Создался лёгкий сквозняк, щекотавший мою мокрую от пота спину. Макс общался с оператором за моей спиной. Он тихо отвечал на её вопросы.

«Вас шантажировали? Вы хотите сказать, что Аноним просто с вами играл?»

Он шёл рядом, ступая по моим следам.

Андрей ахнул – он мотал головой из стороны в сторону. Пустой переулок, одинокий фонарь, серые маленькие картонные коробки и не живой души, не мёртвой – тела не было. Всё чисто: ни крови, ни сыра, ни колбасок, рассыпанных по лестнице. Будто после нападения кто-то вымел подходящую к дому дорожку с «Мистером Проппером».

В кустах пели сверчки. Над стеной из череды мрачных домов возвышалась луна.

Мне хотелось упасть на колени, кричать, бить кулаком об клятую лестницу – ощущение, схожее с тем, будто тебя очень жестоко разыграли. Очень-очень-очень жестоко…

– Как?!? Как оно так быстро исчезло?!? Тут было столько крови, и пицца размазанная по лестнице.. .– заикаясь рассказывал Андрей Максу, не отрывающемуся от беседы – Она выстрелила в пацана из арбалета!!!

Макс попрощался с оператором, продолжая держать теле-

фон в руках:

– Вы надо мной прикалываетесь? Что за тупая шутка про мёртвого доставщика «Ин-Сити»?! – Макс взбешён. В свете луны стало заметно, как медленно краснеет его лицо.

Кровь из носа продолжала беспрерывно хлестать. Он вытирал её салфеткой из раза в раз.

Вечеринка с пиццей объявлялась закрытой. Через минуту за соседним домом показались сине-красные мерцающие огни. Выехала машина, осветив силуэты трёх напуганных до усрачки молодых парней. Они стояли на пороге дома, в надежде всматриваясь в тёмное лобовое стекло.

Как узники, сбежавшие из «Шоушенка» или «Алькатраса» после долгих лет попыток.

Глава 12 #сияние

Представьте, что в один из дождливых сентябрьских вечеров раздаётся звонок, и жуткая незнакомка заявляет что у вас дома взрывчатка. Вас угрожают подорвать, если вы ошибётесь в чёртовом расследовании по подсказочкам.

Как квест комната, только на смерть. Если не вышел за пол часа – взлетел в воздух.

Представьте что весь этот трэш происходит в те же выходные, вначале которых вы увидели расчленённый труп.

Неприятно. Пипец как неприятно.

И вы едете в пахнущей «освежителем-ёлочкой» полицейской машине в уже ставший знакомым участок. Второй раз за выходные.

Вы спрашиваете себя – как? Как в жизнь смогло просочиться столько литров крови?

Что вообще происходит?

Вы видите знакомого психолога в грязноватом белом халате, из которого он так и не потрудился выстирать коричневые пятна от кофе. Вам хочется плюнуть в его сторону, отчасти от того что вы рассержены его утверждением о галлюцинациях. Отчасти от того что вы в это полностью поверили.

И вот, вы садитесь напротив полисмена (где-то я уже видел это самодовольное лицо) который начинает задавать вам вопросы. В коридоре мелькает тень женщины, заинтересовано пытающейся заглянуть в комнату. Мать Евы.

И вот, мистер «где-то-я-уже-видел-это-самодовольное-лицо» объясняет, что взрывчатка была заложена внутрь плюшевой собаки.

А я сразу уловил зловещий взгляд псины.

Ваш дом становится местом притупления. По нему, не снимая тяжёлых ботинок в осенней грязи, ходит пятёрка незнакомцев в форме.

Ваш дом становится эпицентром ночной жизни района, во всех плохих пониманиях. Вокруг него толпятся соседи, пытающиеся стать на носочки и подслушать очередную свежую сплетню о убийстве. Тут это высший показатель крутизны.

Люди кричат, обсуждают, снимают на камеру, и даже не понимают, что ты – парень, пытающейся протолкнуться через их телеса – житель дома. А когда узнают – начинают снимать и обсуждать тебя. Вспышки, крики, кто-то дотрагивается до тебя. Ты чувствуешь тошноту. Всегда здоровый и уверенный, но сейчас будто с нарастающим приступом эпилепсии.

Вы захлопываете дверь, оставляете вспышки камер за ней. Крики доносятся лишь из открытого окна на кухне.

В холодильнике роются несносные полицейские. Один из них опускает толстый указательный палец в имбирное варенье, после чего медлительно слизывает липкое лакомство.

Вы выгоняете хамов. Варенье забрасываете в урну.

Ваша голова трещит.

За дверью все обсуждают доставщика, убитого на вашем пороге. Парня мгновенно подают в розыск. Точнее, его тело.

Рыжеватый ученик выпускного класса, копивший на колледж работой в пиццерии. Вы листаете его страницу на «Фейсбук» и на вас накатывает волна депрессии. Высокое цунами. Оно не просто забирает вас с головой, оно сносит крышу, треплет из стороны в сторону разрывая на части.

А потом вы идёте на дно. Медленно осознаёте что вам стало наплевать. Вы глубоко в себе, тут тихо и темно, лишь чёртовы вспышки долетают со двора.

А потом кульминация – вам звонят, и говорят что девушка вашего брата сгорела в солярии. И вы снова на мелково-

дье. Не в состоянии поверить ушам, вы переспрашиваете и отчётливо слышите: сгорела. В солярии. Множество ожогов. Жива.

Через секунды вам звонит друг-качок и говорит собираться – предстоит поездка в госпиталь. Одевая куртку вы думаете лишь об одном – И КАК Я ПОПАЛ В ЭТОТ СРАНЫЙ АД?

Толпа не рассасывается. Вокруг дома, даже спустя пол часа, остаются стоять самые терпеливые. Чего они ждут – неизвестно. Скорее всего, просто жаждут общения.

Когда дверь захлопывается все взгляды устремлены на меня. Соседи. Среди них узнаю строгую физиономию Жанны. Женщина приветливо машет мне рукой, ощущая нависшую над моей головой дождливую тучу.

Среди них мелькает знакомый печальный взгляд. О да, его я не с кем не спутаю. Чересчур уж много пересматривал то мистическое видео. До такой степени много, что уже наизусть изучил его повадки, походку и глаза – серого цвета взлетающего в небо дыма костра.

Никита стоит в толпе. Он прожигает меня взглядом. Прозрачные томные стекляшки внезапно стали жгучими лазерами.

Вспоминается сегодняшний конфликт. Как бедолага выскочил за дверь, прямо в начинающийся дождь. Какие обидные слова ему крикнул вдогонку Андрей. И кажется, что рот

Никиты вот-вот расплывется в улыбке. Кажется, он чувствует что в мире наконец воцарила справедливость – его обидчики страдают.

Тёмные волосы влажные от дождя, который только лишь усиливался. Густая чёлка прикрывает верх лба.

Я остановился на пороге, пытаясь прожечь его взглядом. Он прожигал меня также. Рядом толкались люди, неловкая пожилая женщина наступила ему на ногу – даже глазом не повёл.

По телу пробежали мурашки. Его мрачные тёмные глаза напоминали пустынные вырезы для глаз в маске Леди V. Неужели…?

За толпой посигналила машина, мигом приковав внимание к себе. Белый высокий внедорожник. Окно открылось, из него выглядывал Макс.

Никита надел на голову капюшон от ветровки уходя прочь. Он стрельнул глазами в сторону моего дома, прежде чем скрыться в гуще серой улицы.

Опять.

История главной стервы города перевернулась самым необычным образом.

Где-то приблизительно в то же время, когда началось наше злосчастное «boysparty”, Алина по привычке пошла в солярий. Один из убогих салонов красоты города. Точнее, лучший из убогих. Единственный в своём роде – с солярием.

И сразу спойлер – говорят, уже с завтрашнего дня «X-Spa” закроют. Это во избежании судебных разбирательств.

Аноним запер девушку в солярии. Обмотал железными цепями кабинку, повысив температуру до предела. Сверху, как бантик на рождественской коробке с подарками, инкогнито повесил замок.

(Ну а я говорил, что солярий до хорошего не приведёт. Это даже из моды лет семь назад вышло.)

Алина кричала из всех сил. И даже после того, как лохматая девушка сидевшая за стойкой ресепшен обнаружила заблокированную девушку, потребовалось двадцать минут чтоб освободить её.

За то время проведённое в разогретой на максимальную температуру кабинке Али получила десятки ультрафиолетовых ожогов. И они вовсе не такие, как показывают в фильмах вроде «Пункта назначения» – мерзкие толстые волдыри, красные пятна и открытые язвы. Заживает такое годами.

Если вообще заживает.

Кульминацией стало то, что над кабинкой солярия злоумышленник нарисовал латинскую букву «V” красным баллончиком.

Стерва оказалась в двух местах одновременно.

Она мучала четырех подростков, находясь в разных местах. Сущая мистика.

Из этого исходит вывод: Леди V это два человека.

И как в мире откопать двух настолько жестоких, неурав-

новешенных, сумасшедших, больных, конченных людей?

Всю дорогу мы ехали молча. Посадки мелькали за окном, сменяясь мрачными районами. Город погрузился в туман. С неба обрушился дождь. Капельки стучали по крыше джипа, разбиваясь в брызги.

Макс пару раз включал радио. Шло или старомодное кантри, или избитый хип-хоп. Он сразу же его выключал.

Я прижался лбом к стеклу, взглядом провожая стекавшие капли. Ремень безопасности сдавливал грудь. Сейчас посадки не выглядели яркими зелёными природными достояниями. Мрачные чащи, хранящие в зарослях тайны и несущие смерть.

Проходя по белоснежным коридорам госпиталя, находившегося в центре города, я размышлял о портрете психопатки.

Леди V:

Мстительная.

Она знает о компании моего брата нечто ужасное. Они ей явно нехило насолили: настолько нехило, чтобы человек, скрывающейся за маской готов был пойти на жестокое убийство.

Спортивная.

Вполне реально, что V – мужик. Ну, или чемпионка по единоборствам. Завсегдатая подпольных рестлинг-боёв. У неё хватает сил, чтоб врезать качку. Ещё каких сил.

Ловкая.

Умеет появляться когда нужно и испаряться по щелчку пальцев.

Любительница скрытых смыслов.

И тут даже не при чём халтурно сделанные «загадки». Они имитирует старуху – должно быть не просто так.

Кто же она?

Узкое окно скрывали за собой белоснежные жалюзи. За ними можно было проследить как быстро на город спустился тёмный вечер.

У койки Алины на корточках сидела Каролина. Она прижималась щекой к ладони подруги. Белая прядь волос лежала на твёрдом матрасе. Она в больнице с первого звонка, с первого известия – вырулила на окутанную туманом дорогу, стремясь поддержать подругу.

Врачи настоятельно советовали Алине заснуть, но она не могла. Приступ паники не отступил: сердце колотило, а тело будто до сих пор находилось в узкой капсуле. Мысли, страх, воспоминания – девушка уткнулась глазами в потолок, даже и не слушая истории лучшей подруги. Кэр старательно пыталась её отвлечь.

И кажется, жертва солярия успокоилась.

До того как увидела себя в отражении стекла телефона. До того как включила фронтальную камеру, влажными от слёз глазами рассматривая жуткие ожоги.

– Моё лицо… – хриплый голос умоляюще скулил. Длин-

ные пальцы проводили по ожогам, словно удостоверившись что этот кошмар – реальность. Ожоги болели. Пекли. На руках и ногах как холмы возвышались пухлые волдыри – Я урод! – воскликнула девушка – Я УРОД!

Она отбросила телефон в сторону. Стекло АйФона разбилось об холодную плитку кафеля. Осколки полетели в разные стороны.

– Али, успо…

– ЧТО ОНА СО МНОЙ СДЕЛАЛА?!? – кричала девушка, вскочив с койки – ЭТА ТВАРЬ ИЗУРОДОВАЛА МЕНЯ!

В коридоре рядом с палатой собрались зрители – любопытные врачи в белых халатах с тонкими марлями на устах, скучающие пациенты.

– ОНА ИЗУРОДОВАЛА МЕНЯ!

– Али, тише…

Все знали лежавшую тут девушку благодаря эксцентричному поведению. Сейчас же, прямо перед их глазами происходило крушение самого стального характера города.

Визг заполнил коридоры госпиталя.

По обгоревшим щекам вниз спускались слёзы. И даже плакать было болезненно.

– Я УРОД! – Алина осматривалась по сторонам, будто не узнавая окружавшее её место – УРОД! – она крепко закрыла глаза. Густые длинные ресницы промокли насквозь. Голова кружилась. Хотелось упасть, рухнуть на холодный кафель… И она сделала бы это, но Кэр успела подхватить её на руки.

Девушка прижалась к груди лучшей подруги.

– Я урод, урод, урод – шептала она. Отчаянный писк приглушался.

– Нет, нет, нет – Каролина просто не знала, какие слова сейчас подобрать. Как утешить человека, за вечер потерявшего все свои ценности.

Алина выдохнула. Глубоко вдохнула. Зрители собраться расходиться.

Остановились, после того как девушка яростно оттолкнула подругу от себя.

– ЭТА СУКА ОТОБРАЛА МОЮ КРАСОТУ! – завопила она. Истерика. Шатаясь по комнате, девушка продолжала орать вцепившись в волосы.

Кричала она недолго. Её обступили вокруг врачи, вколовшие успокоительные.

Сейчас она смотрела на нас, размеренно дыша лёжа под одеялом. На глазах также скапливались слёзы.

– Мне больно рыдать – говорила она вытирая их пальцем – Мне больно лежать. Больно двигаться. Больно существовать.

– Мне так жаль – сухо, но больше на ум ничего и не приходило. Словарный запас резко обрывался при виде её кожи: цвет напоминал страницы книги, брошенной в костёр. В разных местах виднелись разбросанные, как бусинки разорванного ожерелья, гнойные волдыри. Они вздымались над её кожей, настолько пухлые, будто вот-вот взорвутся как вулкан. На шее кожа шелушилась, обнажая под собой ярко-красный

слой. Как у рептилии, сбрасывающей шкуру. Слава Богу я не сказал это в слух.

На столе в углу комнаты небрежной кучкой лежала ровно пятьдесят одна роза, которую Андрей подарил своей девушке (видимо, выкупил местный цветочный магазин).

– Мне больно, мне больно, мне больно… – повторяла из раза в раз она, смахивая слёзы как только они появлялись мелкой капелькой под нижним веком. Каждая слезинка – как раскалённый кипяток. Каждая причиняет ужасную боль. От каждой хочется плакать ещё и ещё…

Под белоснежной воздушной простынёй скрывалось всё остальное: багровые пятна, гигантские язвы и ещё большее количество бугров.

Об адской боли, которую сейчас ощущала девушка, было страшно даже подумать. Она была не лучшим человеком – но никогда не заслуживала такое.

Глаза стали уже. Через две щели проглядывалась краснота зениц, будто глазные яблоки Алины полностью залились кровью. Мы обступили кровать с разных сторон. Никто не проронил хоть слово: все лишь пересматривались и с жалостью опускали взгляды на бедолагу.

В палате застыла тишина: и лишь приглушённые всхлипывания главной стервы города, разрушенной и изнутри, и снаружи.

– Уродина… уродина… уродина…

В дверь просторного коридора спеша зашёл тёмный силуэт. Промокшая насквозь ветровка плотно закрыла человека, чья тень неловко прошмыгнула к лестнице, задев лежащую на тумбочке ложку для обуви. Металлическая длинная палка полетела вниз, со звоном ударившись об холодный паркет.

– Никита? – дама с аккуратно завязанными в конский хвост волосами наблюдала за тенью из соседней кухни. В руке она держала бокал с вином, перебирая длинными ногтями по хрусталю – Как вечеринка?

Тень содрала с себя влажную ветровку отбросив в сторону. Свет, доносившийся из кухни осветил мрачную уставшую физиономию.

Из рта Никиты вылетел лишь подавленный хрип. «Пре… пре…красно»– хуже и не было. Тот самый чёрный день, стоящий в рейтинге «чёрных дней» сразу после воскресенья, в утро которого похоронили Адриану.

– Кушать? Сегодня у нас суп-пюре из тыквы – Никита игнорировал мать, шагая мимо – Отец прийдёт с минуты на минуту. У него сегодня был ответственный день. В супермаркетах начинается «Тыквенная неделя».

Клятая дата. Та дата, после которой родители приходят домой выжатые как старые половые тряпки. Та дата, после которой магазины окружает толпа народу, безумного и жуткого как зомби из «Ходячих мертвецов». Все они жаждут только одного – купить товары первой необходимости со скидкой в пятьдесят процентов.

У семьи Никиты в распоряжении целая сеть супермаркетов «Island food” – небольшие магазинчики концепции «У дома», оформленные в стиле необитаемого острова Робинзона Крузо. По крайней мере, так задумывали родители, вешая бумажные заросли поверх полок забитых детскими хлопьями и расставляя пластиковые фрукты по всему периметру супермаркета.

Кстати говоря, из-за одного прожорливого восьмилетнего посетителя на «Island food” чуть не подали в суд в начале года. Маленький любитель еды пытался откусить кусок от пластикового фрукта-декорации, поплатившись двумя передними зубами.

Бизнес не самый денежный, но стабильный и популярный. Супермаркеты «Island food” – практически единственные продуктовые города.

Они и обеспечивали семью, живущую в уютном двухэтажном доме, который соседи называли «Пряничным домиком Гэнзеля и Гретель» – такой же яркий и уютный. Кирпичи пряного коричневого цвета будто слеплены из теста. Многочисленные цветы, аккуратно высаженные во дворе. Уютный балкончик с деревянным столом по центру и просторные окна, с нависшими сверху вязаными гардинами.

Дизайнером стала мама. Архитектором – мама. Всё создавалось под её вкус педантичной женщины, обожествляющей уют и комфорт. Переодически Никита чувствовал себя здесь лишним. Как персонаж компьютерной игры-симулятора, за

чьей жизнью наблюдают десятки пользователей.

Странное чувство.

– Я не голоден – бросил Никита улыбающейся маме (она была такой всегда), взбежав вверх по лестнице.

На сияющем лице женщины отобразилась печаль. Тоска и тревога. Сын погружён в ужасное состояние вот уже месяц. И как та девушка смогла проделать такую дыру в его душе?

Никите хотелось реветь. Хотелось кричать. Хотелось снести золотые часы, блестящие над лестницей. Хотелось разбить стеклянную раму, хранящую под собой пейзаж Прованса, нарисованный маслом.

Он ходил под дождём где-то час. Замёрз до чёртиков. Не чувствовал пальцев на ногах. Холодные одинокие улицы: мили, километры… Ноги несли его сами. Он всегда так делал, когда в душе вновь открывалась та старая дыра: просто шёл. Шёл не понимая куда. Это помогало на время её затянуть.

В тот вечер город опустел: в серых тесных коробках горел тусклый свет. Люди, наслаждаясь осенней атмосферой рядом с камином или телевизором. Ну а он наблюдал снаружи.

«ЖУПА, ЖУПА…»

Чувствовал накатывающую обиду, смотря новый выпуск «Холостяка» сквозь чужое окно. Тощая незнакомка качала на руке малыша, уставившись в телеэкран. Изредка мимо проезжали машины, даже и не обращая внимания на забытую промокшую тень. Их лобовые стекла усеяли мелкие капли дождя, дворники ходили из стороны в сторону… На Ни-

киту даже не вели глазом.

Мимо проехала полицейская машина, ослепив глаза яркой мигалкой. Резко накатило волнение.

Парень оставил позади дом молодой мамы, уйдя прочь.

«ЖУПА, ЖУПА…»

Как оказалось, машина устремилась к дому странного новенького парня. Во дворе уже собирались обеспокоенные свидетели. На пороге стояли они – новенький, спортсмен-дурочек и мерзопакостный мудак. Единственные друзья. Единственные враги. Жалкие и запуганные – случилось что-то ужасное.

Никита медленно отошёл на другую сторону тротуара, присев на мокрую скамейку рядом с пёстрой клумбой. Из кустарника блеснули безумные глаза садового гнома.

Никита закинул нога на ногу и наблюдал. Наблюдал за полицейскими, за толпой, высказывающей новые сплетни. За машинами, подъезжающими и отъезжающими. За засранцами, унизившими его. Сейчас, должно быть, они поплатились.

Он просидел так полчаса, наблюдая за тем, как медленно уютный дом, окружённый толпой, погрузился в ночной мрак. Как разошлись последние шумные соседи. Как уехала последняя полицейская машина.

Как из входной двери на порог вышел тот самый странный новенький. Как его взгляд, став тяжёлым и обжигающим как железная кочерга, погружённая в костёр, остановился на

нём.

Никита догадался о чём он подумал. «Убийца – наша ЖУ-Па». Это была бы весьма оправданная гипотеза. Но Никите плевать – доказательств нет, ему ничего не угрожает. Лишь разъярённые мудаки, сыплющие на него отборные унижения.

Парень закрыл дверь в комнату. На всей мебели оседал толстый слой воздушной пыли. Тут точно нужна была влажная уборка.

Кровать усеяна грязными носками и поношенными вещами, которые давно нужно было сложить в шкаф. Окно, выходившее на густой лес завешено тяжёлой мрачной шторой.

«Упырёнок» – в начале недели одна высокомерная девчонка хихикнув дала ему новую кличку. Что же, в ней заложена доля правды.

Иногда Никите казалось что его бледная кожа не перенесёт солнечного света. Загорится как у настоящего вампира. Ему было легче за тяжелыми шторами, за закрытой дверью – как Дракуле в замке посреди гор Трансиьвании.

Он ненужен этому миру. Единственная, кто держала его снаружи – Адрианна – ушла. Оставила его одного.

«Одного– ха, мне не привыкать»

До сих пор в памяти оставались мрачные картинки тесного приюта. Небольшая площадка, скрытая от большой дороги высокой стеной кустарника. Высокие качели, для катания на которых доводилось напрячься и прыгнуть повыше. Шум-

ные дети. Невкусная липкая каша. Пыльный ковёр, сидя на котором сироты по вечерам слушали классические сказки.

Помнится голос воспитательницы – грубый и крикливый. Ей одной приходилось перекрикивать целый табун детей.

Он был там совсем один. Сидел в стороне, смотря на веселящихся детей как на бушующий океан. Подойдёшь ближе – и тебя размажет об скалы. Тебя унизят, над тобой насмехнутся. Сделают всё, лишь бы ты продолжал чувствовать себя ущербным.

Тоска прекратилась. Пришли настоящие мама и папа, забрав Никиту в сказочный домик Гензель и Гретель. Надо же, одиночество бледного не похожего на остальных мальчика привлекло позитивную молодую пару.

Они так давно хотели ребёнка – но у мамы не выходило забеременеть.

Первое время жизни в семье Никита молчал. Любил мечтать и с интересом заглядываться на прохожих. Любил выглядывать из окна автомобиля. Любил собирать Божьих Коровок в спичечный коробок.

Друзей так и не появилось – но тогда он наконец почувствовал себя защищённым.

«ЖУПА, ЖУПА…»

Сейчас, каждую минуту, каждый час, каждый миг своей жизни он находился в опасности. С этим городом происходит явная чертовщина, подвергающая опасности здоровье каждого жителя.

«ЖУПА, ЖУПА…»

Или, может быть, сами жители скорее поубивают друг друга?

Тьма полностью погрузила в себя комнату. Никита проваливался в неё. Он не чувствовал опоры под ягодицами, мягкого ковра под носками, запаха мяты смешанной с потом, застывшего в его комнате. Его там уже не было. Теперь вокруг лишь мрак.

«Спокойно, мы проходили через это– голова продолжала разрываться на миллионы осколков. Невероятная боль, которую хоть чуть-чуть помогали заглушить собственные мысли – Это пройдёт. Боль отступит»

Подобное случалось раньше. В вечер сразу после похорон Адрианы. Тьма также погрузила прихожую дома, и сквозь неё показался мрачный ночной лес. Чувствовался холод, запах сырости, точно Никита находился прямо там. Вдали слышался низкий женский голос. Уверенный дикторский тембр, слова которого смешивались в единый звук.

Но сейчас тьма не отступала. Она словно становилась теснее, сдавливая тело парня как мягкую игрушку. Сжимала, разжимала… Странные чувства пульсировали по всему телу.

Паника. Хотелось кричать, звать на помощь, слыша лишь звон своего эха в ответ. Хотелось разрывать темноту руками, проделывая дыру в свет. Хотелось выйти из неё, ведь мрак царящий тут стал невыносим.

И тут показался свет. Яркий свет, переливающийся холодным ментоловым цветом в застывшей воде. Никита стоял по щиколотку в ней, но ступни будто находились в безвоздушном пространстве. Вода была только безжизненной декорацией, картонным антуражем. Он понимал, что на самом деле находился далеко от этого места.

Что происходит?

Крупное озеро, отражающее в своих водах лунный свет, напоминало серый глаз безмолвно пялящий в небо. Вокруг грозными удручающими стенами нависали лысоватые сосны. Песчаный берег в некоторых местах полностью смешивался с чёрной землёй и опавшими шишками. Запах отчётливо улавливался – хвоя.

Никита стоял совершенно один посреди окружённого лесом озера.

Тишина, ни звука. Казалось, что тьма пленившая его пару секунд назад поглощала все звуки, создавая атмосферу безжизненного космоса.

Послышался знакомый смех. Искренний, заразительный, горловой. Он мог узнать его где бы ни был.

Адрианна. Каждый раз, когда она начинала смеяться её лицо расплывалось в тёплой лучезарной улыбке. Она смеялась всем телом. Всей душой.

«Смех – это то, для чего ты создана» – однажды сказал ей Никита.

«Тогда, нас создали для абсолютно разных целей» – отве-

тила Адриана кокетливо подмигнув.

Он почувствовал её присутствие. Девушка была рядом. Смех доносился сквозь густые заросли, прямо за узкой песчаной полосой. Никита устремился туда. Шаг – и влажная ступня вынырнула из прозрачной воды. Ещё шаг – и она не смогла погрузиться обратно. Нога зависла над водной гладью, почувствовав твёрдую опору.

Словно вода молниеносно заледенела.

Парень застыл над водой. Спокойное озеро сейчас казалось гигантским катком. Смех раздался в очередной раз.

– Твоё чувство юмора убивает меня! – её голос приглушённо оборвался за стеной из сосен.

Никита сорвался с места. Он пролетал над озером с нечеловеческой скоростью. Берег простирался у его ног. Небо сгущалось. Полная луна увеличилась в размерах, идеальной окружностью убив мрак леса.

Раздался знакомый низкий женский голос. Он слышал его ранее, и теперь мог отчётливо разобрать слова.

– Сынок, ты меня слышишь? – голос доносился со всех сторон, пробиваясь сквозь листву и холодную воду. Будто за елями кто-то спрятал мощные колонки, украденные из ночного клуба – Прости меня за то, что я должна сделать. Но я не могу тебя оставить с собой. Это большой риск.

Женщина всхлипнула, заикнувшись на последнем слоге.

– Надеюсь ты сможешь меня простить. Помни, прошу тебя, ради всего святого, помни – я это делаю лишь для тебя.

Нам опасно тут находиться. Опасно находиться в этом городе вдвоём…

Никита оглядывался по сторонам, продолжая скользить по озеру. Пальцы его босых ног не казались воды, легко парив.

«Со стороны, должно быть, выглядит как убогий спецэффект в дешёвом фэнтези».

Он знал этот голос на удивление хорошо. Казалось, хриплые низкие звуки звучали в его ушах ещё с самого детства.

«Мама…» Ну конечно же, это она! Та самая женщина, об образе которой по всему городу слагали самые безумные и бестолковые сплетни. Хочешь не хочешь, но в частичку от них приходилось верить. Как например в то, что сейчас она осела где-то в трущобах жаркого Конго. Как например в то, что она добывает там золото, как героиня долбанного «Индианы Джонса». Как например в то, что она была форменной стервой (по словам Андрея. Он вообще, много чего говорил)

Кем бы она не была – хоть золотоискателем, хоть наркоманкой и заядлой алкоголичкой, хоть форменной стервой, хоть принцессой Китая, хоть душевнобольной – Никите хотелось её увидеть. Хотелось знать человека, родившего его, в лицо.

Кажется, он смутно помнил её черты – острый подбородок, аккуратный нос, тонкие брови, вытянувшиеся от уха к переносице как следы от куска угля. Строгая – короткое слово, единственное прилагательное которым он мог её охарак-

теризовать.

– Ты уникален – голос всхлипнул – Наделён невероятным даром, который можно потерять как пульт от телевизора. Развивай его. Прошу тебя, не затеряй.

На секунду женщина умолкла. Никита продолжал оглядываться по сторонам, всматриваясь в деревья, рассчитывая увидеть там знакомое лицо.

– Сын, я вернусь за тобой и разыщу тебя. Где бы ты ни был – мы будем вместе.

– Эй! – Никита вскрикнул, резко прервав голос. Его выкрик эхом пронёсся по озеру, отбиваясь от массивных стен леса. Никого. Казалось, голос доносился с небес. Мама сидит на круглой луне, всматриваясь в его каждое движение.

Он поднял глаза, рассматривая крошечные огоньки звёзд и щурясь от яркого лунного света. Одна блестящая точка, переливающаяся холодно-серебряным, слетела с ночного мрака безудержно полетев вниз. Она оставляла за собой молочный след, тянущийся за ней как хвост.

Было лишь одно желание, которое хотелось загадать при виде падающей звезды.

«Мама, найди меня. Прошу, найди скорее»

– Я люблю тебя, Никита. Люблю, как никого никогда не любила и больше не полюблю.

Голос затих. Тишина холодного лесного озера вновь застыла в воздухе.

Звёздное небо полностью овладело вниманием Никиты.

Он всматривался в звёзды, переводя взгляд на луну и обратно. Хотелось, чтоб голос зазвучал вновь. Хотелось, чтобы очередная мутная картинка из памяти дала о себе знать.

Ничего. Тишина вокруг, тишина в голове.

Босые ступни поднимались выше и выше. Сейчас тощее тело летело над водой как голубиное перо. В начальных классах Алина дала ему прозвище «Скелетон» за торчащие костлявые рёбра. Спасибо обтягивающей белой футболке, которую доводилось одевать на физкультуру. Но на данный момент и правда казалось что его тело не весит ни грамма. Оно взлетало всё выше, потягиваясь к падающим звёздам. Стремясь к круглой луне, в свете которой листья на тополе, затесавшимся среди сосен, переливались как гирлянда, которую забыли снять после Рождества. Он и сам переливался как та гирлянда. Его бледная кожа мерцала десятком тусклых блёсток, искрясь в лунном луче.

Может быть, сейчас он и вовсе растворится в этом свете.

Для него это было так легко– для незаметной и тихой жупы. Для человека, вечно ходящего сквозь как фантом. Раствориться в отблесках полного месяца – так просто.

Шорох листьев. Тихие шаги. Тот самый звонкий смех. Кустарники, скрывающие озеро от посторонних глаз гуляющих по ночному лесу, зашевелись. Смуглая рука раздвинула ветви, с интересом заглядывая внутрь. Показались длинные каштановые волосы. Умные карие глаза, ходящие из стороны в сторону.

Она вернулась.

Она тут.

Она рядом.

Адриана.

Быстрый взгляд выхватывал мелкие детали пейзажа, складывая полную картинку невероятной красоты. Сначала её лицо расплылось в искренней восторженной улыбке – такой знакомой и такой понятой. Она любила дарить её людям, зная цену своему подарку. И возможно, именно этот презент тянул к Адриане всех жителей.

Но спустя секунды улыбка сошла. Пухлые губы разомкнулись. Глаза забегали. Девушка была потрясена.

С самого детства она была крайне впечатлительной личностью. Её можно было испугать всем – незатейливым «бу!», выпрыгивая из-за угла, можно было удивить красотой соседнего ставка, пахнувшего прорванным трубами, можно было расторгать до слёз концовкой четвёртого «Шрека».

Но сейчас особенный случай. Она обомлела, устремив взгляд в небо. Он неторопливо, как медлительный лифт в старой многоэтажке, вздымался ввысь. Секунды, и он бы оказался на нависшем над водой Никите.

Глаза девушки блеснули.

«Может быть, она увидела меня?»

Рот открылся шире. Зрачки расширились. Глаза остановились на тёмной парящей тени.

С глаз Никиты покатились слёзы.

– Адриана – крикнул он, взмахнув рукой – Привет! Я спущусь к тебе, секунду.

Он попытался шевельнуться – безрезультатно. Холодный сырой воздух сковал всё тело. Он оцепенел в неловкой позе. Слёзы скатывались с щёк, обрываясь вниз. Мелкие капельки торопливо улетали вниз, разбиваясь об плоскую поверхность.

Взгляд девушки взлетал дальше – он отразил в себе яркий свет круглой луны, размерянное мерцание звёзд.

И вновь, лицо украсила лучшая улыбка из всех существующих. Искренняя, восторженная. Казалось, звёзды и луна – самое нереальное зрелище из увиденных Адрианой за всю жизнь.

Её губы зашевелились. Она хотела сказать что-то. Начала произносить слово, первый звук которого раздался эхом.

«Э-Э-э-э…»

Она не успела договорить. Её остановили. Улыбка сошла, брови сдвинулись, стараясь прижаться друг к другу – на лице появилась гримаса боли. Девушка поднесла руки к лицу, в ужасе рассматривая кисти. С ногтей начала сочиться кровь, ручьём стекая по пальцам.

Каждый пальчик, один за другим, окрасился в алый цвет. Девчонка вскрикнула.

– Адриана!– она не слышала Никиту. Сжав губы, она выдернула окровавленный ноготь с указательного пальца. Вырвался ещё один крик боли – АДРИАНА!

Никита шевелил всеми частями тела, пытался разрывать плотные воздушные массы руками, качался из стороны в сторону – тщетно. Он никак не мог помочь девушке.

«От неё одной зависит моя жизнь, мама, как ты не понимаешь. Она задавала мне темп. С ней я становился таким… таким… таким живым! Но она ушла, и теперь остался лишь я настоящий» – этим он отбивался от всех попыток матери вытянуть его наружу.

Она была его жизнью, в один момент просто уйдя. Сейчас же, она была так близко – мучалась, страдала – но он не мог ничего сделать.

Сквозь выстиранную белую футболку, надетую на Адриану, показалась кровь. Пятно становилось больше и больше, охватывая всё тело. Жидкость потекла по смуглым рукам, по стройным ногам, капая на сырую землю.

Девушка оторвала взгляд от окровавленного тела. Гримаса боли сошла в то мгновение, в которое глаза вновь поднялись на ночное небо. С напуганных влажных глаз вниз спускались слёзы.

– Хочу побыть тут ещё – прошептала она, прежде чем плотный воздух вокруг тела Никиты развеялся.

Тощее тело безудержно полетело вниз, прямо в глубь тёмного озера. Парень зажмурился, готовясь погрузится в холодную воду с головой. Костлявые твёрдые локти разбили водный простор. В один момент. Совершенно безумно– озеро разлетелось на миллионы осколков. Ели, сосны, одинокий

тополь – все они оказались стеклом, незамедлительно трескавшимся и бившемся как сервиз, падающий на пол.

Вода и величественный лес открывали под собой знакомую Никите тесную темноту. Осколки царапали кожу, падая по ней прочь и оставляя его наедине с ней.

И вот, он снова тут. Вокруг безвоздушное пространство, и где-то над головой маячит блеклый огонек комнатной настольной лампы.

Никита громко вздохнул, спиной упав на мягкую кровать. Головная боль отступила. Звон стих.

Сердце бешено колотилось.

Неужели его сознание способно на столь реалистичные видения?

Глава 13 #королевакрика

– ХАЙ ВСЕМ! Наверное это было слишком громко, правда? – миловидная девчонка с круглым лицом и каштановыми волосами с интересом заглядывала на подругу, стоящую за камерой.

– Будто тебя кипятком ошпарили, перед началом съемки. Давай новый дубль.

Девушка откинула свисающую на лоб прядь. Глаза забегали в разные стороны, изучая обстановку в столовой.

– Всем привет! С вами Алиска Си, и вы смотрите долгожданный ВЛОГ из моей школы – Алиса расплылась в улыб-

ке, увидев одобряющий кивок Евы.

Голос на удивление звучал уверенно, будто она вовсе не начинающий блогер, а ведущая позднего шоу, уютно сидящая в мягком кресле и расспрашивающая Ким Кардашьян о последних родах. А почему он должен звучать по другому? Вчера был знаменательный день – количество подписчиков перевалило за пять тысяч. Всё из-за последнего видео о книжных полках.

И кто знал, что в Ютубе стольким людям интересно наблюдать за чужими заваленными книгами полками?

Сейчас число равнялось ровно 5 тысячам и одному человеку. Хэштэг #путькмечте #яблизкокславе.

– Сегодня я вам расскажу про свои школьные лайфхаки, и первым моим уроком для вас, мои дорогие подписчики, будет секрет, как списать историю при помощи обычной бутылки от воды. Для этого нам понадобится… Ева прекрати трясти камеру!

Девушка за новенькой камерой «Никон», подаренной Алисе на шестнадцатилетие, раздраженно фыркнула. От своего операторского амплуа она была совсем не в восторге: у неё часто тряслись и затекали руки, чёртов «Никон» весил как кусок чистого железа. Но любовь к лучшей подруге перевешивала. Приходилось держать камеру, переодически фыркая от летящих замечаний.

Алиса была неотъемлемой её частью с трёх лет. А как отказать своей половинке?

Порой казалось что у пары подружек одинаковые мысли, чувства и интересы. Но это лишь на поверхностный взгляд. Каждая из них – неповторимый уникум, яркая индивидуальность со своими уникальными чертами характера.

Они как-бы были одним целым, но и разделялись без слёз.

Одна – любительница читать без остановок и обменивать сон на культовые фильмы Хичкока. Другая – могла бы не жалея пальцев, отказавшись от еды и воды, монтировать короткие безобидные видео.

Одна – может наизусть процитировать начало любого фильма Кубрика. Другая – начало любого вайна Lelepons. И при этом они были вместе. И казалось, будут навсегда.

Совсем недавно одна частичка стабильно живущего полноценной жизнью организма отвалилась, заставив организм привыкать к жизни инвалида. Смуглая черноволосая девчонка Лилит – привлекательная армянка, чьё настроение и взгляды на жизнь напоминали виражи военного истребителя: взлёт – и она миловидная любительница лошадей, умеющая назвать 38 пород за минуту. Падение – и она может растереть любого в порошок, узнав самую ядовитую сплетню.

Лилит все знали как местного правдоруба-сплетника, узнающего свежие новости в первые три секунды.

Раз… Два… Три…

И она знает что этой ночью ты занималась сексом с баскетболистом из одиннадцатого!

Раз… Два… Три…

И она пишет пост про твой скандал с мамой!

Раз… Два… Три…

И она фотографирует, как ты пишешь маркёром гадости на туалетном бачке про свою лучшую подругу!

Она умела быть везде – растворяться с воздухом и глазеть из каждой щели. Бытовало мнение, что компромат на своих одноклассников ей высылали сами ученики, любящие включать камеру телефона в самый подходящий момент. Правда это или нет – уже никто не узнает.

Это лето изменило многое в их жизнях.

– Нам понадобится бутылка и… Да нет же, Ева, у тебя как-будто судорогу на руке сводит.

– Да не могу я сделать так чтобы мои руки не тряслись как от пляски святого Вита, они всегда трясутся, и ещё ужасно потеют, и ещё на них какая-то ужасная сыпь… Фу, чёрт, мне это напоминает кожу зомби из «Обитель зла».

– Фильм полный отстой.

– А я люблю Милу Йовович – Ева откашлялась – Вообщем, меня это всё пугает… Вдруг это, ну не знаю аллергия на воду, и я вообще ужасно больна…

– Ева!

– Хочу налить в рот антисептик…

– Ева!

– Вылить себе его на руки…

– Ева!

– Укрыть им лицо…

– ЕВА! – девушка наконец замолчала – Ты переживаешь. Последние дни, знаешь ли, выбили из себя многих. Долбанный убийца, долбанные убийства… Как в ужастике, только от которого у тебя на ладонях появляется сыпь, а перед сном тебя трясёт, будто матрас вибрирует. Это ужасно, но каждый из нас справляется как может.

– Я просто… Я… – Ева подняла глаза на Алису. Девушка заглянула за её спину, быстро переведя взгляд на соседний столик. Центральный круглый стол. Место заседаний высшей касты. Алиса медленно кивнула, дав подруге команду продолжать – Я не могу с этим справиться. Мне кажется весь этот ужас подошёл как никогда близко. Мне – голос сошёл на шёпот – Мне реально страшно…

Тёплая ладонь Алисы ласково накрыла сжатый кулак Евы.

– Расслабься. Мы вместе – и нам ничего не будет страшно. Ты поняла?

Девушка кивнула.

– Сейчас, делая уроки я слушаю аудиокнигу. Даже не взглянула на название, но суть вот в чём – какой-то мужлан с прокуренным голосом учит наплевать на всё. Схоже с Дейлом Карнеги, только если бы его романы писал мудак. И вот, в первой главе основная мысль такова – «Посри на всё. Тот кто срёт – тот счастлив по жизни. Тот кто парится – остаётся лохом до смерти».

– Леди так не говорят, Алиса – Ева хихикнула – Помнишь наш устав про женственное общение?

– Да клала я на женственное общение, когда вокруг происходит такой треш – девушка выдержала паузу – И когда ладони моей подруги потеют будто мы заперты в финской сауне.

Ева рассмеялась, привлекая на себя внимание стола инстаграмщиц.

– Подруги навеки? – Алиса потянулась руками к шее своей подруги, напрашиваясь на объятия. Столик между ними словно исчез. Они заключили друг друга в крепкие объятия. Инстарграмщицы продолжали с интересом глазеть. Одна из них хитро ухмыльнулась, склонившись над ухом соседки. «Родила очередную сплетню» – подумала Ева, принюхиваясь к запаху шампуня подруги. Клубничный йогурт из «Lush”– она подарила его ей на первое сентября.

– Подруги навеки – прошептала она, расплываясь в широкой улыбке.

Как бы описать то чувство, с которым я сегодня проснулся и пошёл в школу?

Будто я половая тряпка, которой недавно промыли пол в туалете приюта для бездомных, после чего запихнули в стиральную машинку и поставили барабан вертеться на сутки.

Будто все мои кости превратились в жидкое желе из театрального буфета. Будто каждый сустав это ниточка, а все вены – тягучий мармелад со вкусом черники.

Будто каждый сосуд под кожей лопнул, отозвавшись рез-

кой болью. Будто все внутренности переваренная овсянка, которую небрежно выгрузили в керамическую тарелку, подав младенцу на завтрак.

Будто вчерашний день – лист текста, запятнанный тёмными каплями от кофе. Будто все события происходившие вчера – происходили с каким-то парнем из ночного сериала-криминальной хроники. Будто на сутки солнце прикрыла луна, держав город в мистическом затмении.

Будто я это не я. В этом городе я перестаю быть собой, превращаясь в вечно дрожащее напуганное существо.

Напуганное существо ссутулившись входит в коридор через прозрачные двери. Напуганное существо неторопливо ползёт, окидывая взглядом толпу. Напуганное существо находит фонтанчик с питьевой водой, наклонившись пытаясь освежить ростовую полость. Напуганное существо, попивая воду, видит выплывающую из-за стены шкафчиков Еву. Напуганное существо хочет сделать вид что вовсе её не заметило. Ева подходит к напуганному существу, улыбаясь спрашивая как ему «возлюбленная».

Завязывается разговор.

Болтовня, которая превращает мрачное поникшее создание в улыбчивого парня. И всё на своих местах.

Я протягиваю Еве книжку, благодарю её, и в голове начинает вертеться интересующий вопрос, как слова заедающего хита.

«Что с нами? То есть: кем мы приходимся друг другу? Ты

тоже испытываешь что-то большее, чем симпатию? Или я один такой безумец?»

Но я помалкиваю, улыбаясь слушая про Евыно воскресенье.

Её общение отличается от общения многих других девчонок – некоторые считают, что тебе просто жизненно необходимо знать про запоры их собак, про обострившуюся ангину их бабушек, про похороны их дедушек, и обязательно, про их субъективное мнение о новой серии «Ривердейла». Но её общение затягивало. Хотелось слушать простецкий «разговор-не-о-чём» как лекцию самого именитого профессора Оксфорда.

Переодически, я ловил себя на чересчур навязчивом взгляде. Я изучал каждый миллиметр её лица, следил за быстрым движением губ и яркими эмоциями взглядов. Она лишь хихикала. Будто навязчивые изучающие взгляды были смешной нелепой особенностью.

Иногда я хотел брутально опереться об дверь железного шкафчика, как делал Ченнинг Татум в одном из своих фильмов. Вряд ли «Шаг вперёд», и уж точно не «Супер Майк». Но каждый раз моя рука соскальзывала и я неловко пошатывался, оказываясь всё ближе и ближе к ней.

Попрощавшись, Ева подмигнула и тем самым ответила на заедающие вопросы.

«Кто мы?»

Подмигивает

«О, парень, явно больше чем просто друзья»

Хотелось обхватить её талию и подтолкнуть к себе, уткнувшись носом в мягкую щеку. Бесстыдно продолжительно поцеловать прямо на глазах у всей школы. Повторить ощущения прошедшей субботы. Но я лишь помахал рукой её отдаляющемуся силуэту.

Макс прижал меня к стенке прямо перед входом в кабинет химии. Были неожиданно. Выглядит он взволнованным, видимо ощущая те чувства, что я ощущал сразу после сна.

Он был разрушен, как и Андрей, как и Каролина, Алина… Все, пережившие вчерашние события. На его лбу блестел холодный пот.

– Слушай, я больше не могу откладывать

– Ты о чём? – удивлённо переспросил я, нахмурив брови.

– Эта грёбанная МаМа. Она стала приходить ко мне в сны после того вечера. С началом этого года столько всего навалилось на наши головы – и эту кучу давно пора разгребать.

Он не замечал пытающуюся проскользнуть мимо группу «свитеров», прижимая меня к стенной газете.

– Ты понимаешь, о чём я. Наш план, по внедрению в дом старухи, пора приводить в действие.

– Сегодня же?

– Нет, разве ты не слышал?

– Что? – переспросил я, не уловив предложения из-за стоящего в коридоре шума.

– Сегодня городское собрание. Нужно приходить обязательно, если не желаешь нарваться на неприятности.

Макс наконец отошёл. Я отклонился от стенной газеты. С неё на пол рухнуло два объявления, плавно славировав мне под кроссы.

– Заеду за тобой завтра– расталкивая широкими плечами «свитеров» он зашёл в кабинет. Двери захлопнулись, скрыв за собой яркую висевшую на стене таблицу Менделеева.

Наклонившись, я подобрал две упавшие листовки.

«Вечерняя йога. Релакс после уроков для всех желающих»

«Набор в баскетбольную команду. Не упусти свой шанс!»

Светло-синее объявление с йогой я сразу же повесил обратно, а оранжевое про баскетбол заставило задуматься.

Может быть я хочу попробовать себя в спорте? Кем же я буду, если хотя бы не схожу на отбор?

Фиктование – не моё. Шахматы – нудно. Гольф – вполне возможно, но поле для него не сыщешь в радиусе ближайших ста километров.

А вот баскетбол– то что нужно.

Когда-то давно я ходил с отцом на игру Чикаго-Буллс. Даже и не припоминаю где это было (мне тогда было лет шесть). Помню лишь его лучшего друга, который замотался в красный шарф, всю игру пожирал луковые кольца и не затыкаясь болел:

«ВПЕРЕД ЧИКАГО БУЛЛС! ВПЕРЕД!!!»

Сзади меня сидели два мальчишки, старше меня года на

три. Весь первый тайм они умышленно стучали по моему сиденью, довольно хихикая. «О да, это же так весело причинять кому-то дискомфорт! Давай будем бить по его сидению весь второй тайм!»

Так оно и случилось. Перед третим таймом язык наконец повернулся сделать замечание. Вышел тихий и совсем не грозный хрип. Из шестилетнего меня выходил фиговый задира.

Ещё, всё детство я провёл с комедийными сериалами канала «Дисней». Там круглые сутки шла «Ханна Монтана» с Сайрус и «Волшебники из Вейверли» с Селеной Гомес. Мне не понадобилось много времени, чтоб незамедлительно в них влюбиться. Потом был «Shake it up” с Беллой Торн и Зендаей, но это уже другая история…

Короче, именно на «Дисней» я увидел первую часть «Классного мюзикла». Мюзикл нашего времени, который должен стать классическим (и да, я говорю это серьезно – именно классическим, ведь как может быть по-другому когда в главной роли Зак Эфрон, поющий и одновременно играющий в баскетбол?) Именно этот фильм привил ко мне скрытую любовь к этому спорту.

Сейчас она вышла наружу.

Я сунул листовку в карман, оглянувшись по сторонам и зайдя в кабинет химии. На первой парте вальяжно расселся Андрей, одну ногу закинув на стул.

Сегодня на нём была одета серо-белая американка с крас-

ной вельветовой буквой «А” на спине. Всегда видел на подобных куртках букву «А” и никогда не знал что это значит.

Кстати говоря, мой брат и его свита тоже состоят в команде с начала девятого класса. Престижные места горели золотым цветом для них ещё с первого класса. И да, девятый класс, возможно, чересчур ранний период для вступления в команду – но попробуйте объяснить это их отцам.

– Мне так жаль.

– Влад, то что ты пережил за эти выходные воистину чудовищно – «воистину»?! Из какой молитвы ты взяла это слово?

– Это ужасно! – ДА ЛАДНО, МАТЬ ТВОЮ! Никогда бы не пришёл к этому выводу!

– Я смотрела твою трансляцию и моё сердце разрывалось.

– Произошедшее с вами вчера вечером – кошмар наяву.

– Тебе нужна помощь?

– Я могу испечь печенье для тебя!

– Садись со мной на алгебре! После такого шока можешь списывать мою домашку!

– Ты такой отважный! Не хочешь заглянуть ко мне после занятий?

– В детстве я смотрел один фильм, или сериал, не помню как называется – может быть «красивые грешницы», «прекрасные дурочки» – не суть, происходящее в нём так напомнило происходящее с тобой.

Туча людей заслоняла вид кабинета передо мной. Все они

желали высказать и не соболезнования, а просто высказаться. Неважно как. Говорили любую фразу, первую пришедшую на ум.

Создавалось впечатление что они насильно тянут из себя слова. Что их заставляло подходить ко мне со своими дебильными соболезнованиями?

Ну а я сидел и отстранённо кивал. «Мне жаль» – «ага, да»; «Ты в порядке?» – «ага, да»; «Мне кажется ты бледный?» – «ага, да».

Пухлая гора заслонила мне обзор на доску. Жирноватого телосложения парень, которого все в школе прозвали педиком. Может быть за его неестественное заламывание рук и протягивания слога «а» в каждом слове:

– Ну ты зна-а-а-аешь, я неда-авно та-а-а-акой сериал глянул и просто в в-а-а-асторогe – между его бровей кожа шелушилась как на старой сумке офисного клерка, пытающегося выскрести из своей захудалой конторы, сэкономив на всём. У сползающей кожи виднелись коричневые пятна, будто кто-то разбрызгал гуашь телесного цвета на лицо парня.

Он мне рассказывал про сериал об убийце. Мне было не то чтобы не интересно, мне было просто до безумия наплевать.

– Это тональный крем? – перебил я его, всматриваясь в промежуток между выгоревших бровей.

Парень провёл указательным пальцем по лбу:

– Ой, мне на-а-адо бежа-а-а-ать! – он скрылся из виду. Андрей сказал, что видел «педика» разглядывающего своё

отражение в зеркале.

В столовой я не отводя взгляда наблюдал за тем, как отчаянно пытаются снять удачный дубль две подружки: Алиса и Ева. Алиса в руках держала пластиковую бутылку с минералкой, улыбаясь в камеру во весь рот.

Ева трясущимися руками сжимала камеру, наводя фокус на лицо подруги.

Тонкая ладонь проскользнула по бутылке, аккуратно стянув этикетку и – о чудо! – на её обратной стороне показалась шпаргалка к геометрии. Десятки кругов и параллелограммов нарисованных ужасно мелким почерком синей гелиевой ручкой выстроились в ряд.

Взгляд скользил дальше по просторному залу столовой. Буфет, у которого в длинную очередь выстроились желающие поесть: они толкались, пытались заглянуть за прозрачное стекло и с облегчением в сердце убедиться, что картошка фри лежит на месте. Очередь поглощала все стоящие рядом столики. Толпу освещал яркий солнечный свет, проникавший сквозь высокие окна.

За этими окнами, в самой тени, в углу комнаты, где ходит меньше всего людей и сидят самые далёкие аутсайдеры, где заканчивается азиатская диаспора, где пахнет сыростью и по легендам бегают крысы в человеческий рост сидел Никита. Бледный, поникший, сутулый – как всегда. Но на этот раз он был один. Уже не ЖУПа, а независимая личность. Сам

себе компания. Теперь, возможно, ближе к своему выпускному он избавится от статуса «бледного фантома». Теперь, возможно, все его узнают как «Никиту – самодостаточного парня».

Андрей с Максом смеялись над проплывшей сквозь мою голову шуткой. Я мечтательно засмотрелся в мрачный угол, упуская тему разговора. В кулаке я сжал холодную металлическую вилку, и казалось, с каждой секундой она проникает глубже и глубже в мою ладонь. Острые концы оставляют следы в коже, но я не чувствую боль. Перед глазами белая улыбающаяся маска, перед глазами вид окровавленного тела, перед глазами каждая секунда самых страшных выходных моей жизни.

И острия проникают всё глубже и глубже.

– Эй! – я всматриваюсь в бледное лицо Никиты – бездушное и лишенное всяких эмоций. Он поднимает томные глаза в мою сторону, сталкиваясь взглядом со мной. Возможно, в нём скользит зарождающаяся ненависть – на стадии зародыша, не созревшего эмбриона. Он уже, при возможности, порвал бы меня на части. Возможно его взгляд такой всегда – он ненавидит всех окружающих – Эй! – Андрей хватает меня за кулак, вытаскивая вилку из рук – Ты сумасшедший или да?

– Хочешь себя убить? Тогда вот тебе совет: начни с вен, а не с ладони – Макс вновь рассмеялся. Андрею же шутка совсем не показалась смешной.

Он отобрал вилку и положил её подальше от себя, возобновив разговор с другом. Я разомкнул кулак, всматриваясь в тёмные точки, оставшиеся следами на коже. Глубокие, идущие в ряд, идеально симметричные.

– И ты ещё можешь смеяться? – стол покачнулся, будто с небес на него упала массивная туша свиньи. Это оказался лишь незнакомый мне высокий парень, небрежно облокотившийся об стол локтями. В руке он держал телефон с открытой перепиской в What'sApp – Твоя девушка горела вчера заживо. Об этом никто не знал – до этого времени – парень развернулся к очереди, сгущавшейся у буфета. Он заполучил их внимание низким звонким басом – Слушайте все, скандально известная светская дива Алина вчера получила с десяток ультрафиолетовых ожогов сложнейшей стадии.

– Стадий в ожогах не бывает – тихо подправил его я. Парень не слышал.

Рыжая торчащая в разные стороны чёлка, наставленная гель-лаком. Квадратный подбородок с складкой по центру – моя бабушка называла это «подбородочной задницей». Сходство на всю сотню процентов.

На ногах (должно быть, размера сорок шестого) белоснежные вычищенные конверсы. На руке болтается тёмный кожаный браслет «Diesel" – с характерным для бренда символом – парень-панкер, блестящий металлом на фоне чёрного камня.

Должно быть, считает себя главным конкурентом Андрея.

Может быть по ночам вкалывает иголки в куклу Вуду с его фотографией на лице. Желает растоптать его на глазах публики, встав на подготовленный для него пьедестал с видной цифрой «1». Чтоб быть виднее делает всё – качается в спортивном зале всю ночь, ворует деньги у мамы на шмот, заказывает протеиновый порошок-добавку из интернета, пытается прыгать выше всех и бегать быстрее всех в баскетбольной команде. Тщетно – сын олигарха всегда будет стоять выше на социальной лестнице.

Возможно, он отставал от моей «люксовой» компании на несколько ступеней в социальной лестнице, находясь приблизительно на одном уровне со мной. Это можно было понять слегка присмотревшись – гель, которым он уложил волосы весьма паскуден. Не матовый, продающийся в барбершопах, а липкий из отдела «красота» любого супермаркета. Рубашка в красную клетку уже начала линять, хотя старой её не назовёшь. Должно быть, заказанная на китайском сайте. Такое качество не свойственно даже для бюджетных «Forever 21» или «Pull and bear”. В его зубах оставался недоеденный обед: крошки от жирного бейгла и мелкие кусочки бекона.

Его заявление вызвало ажиотаж среди толпы. Никто не мог выдавить из себя слова сожаления – ведь в кабинке оказалась главная сука, глава всех сук планеты, посланница дьявола, или, может быть, его дочь. Народ лишь перешёптывался и начинал строить догадки, цепочкой ведущие к новень-

кой и свежей, как бейгл застрявший в зубах рыжего, сплетне.

Парень был горд собой. Наконец всё внимание досталось ему – он на вершине пьедестала, а Андрей пал поверженным под его деловито поднятый подбородок-задницу. Но дело нужно было закончить до конца. Топтать пока враг на земле. Топтать пока от него останется лишь мелкое влажное место.

– И у тебя хватает смелости смеяться на глазах у всех? Показательно наслаждаться жизнью, пока она переживает страшнейшие мучения? «Поматросил и бросил» – ведь так ты поступаешь со всеми своими пассиями?

– Закрой рот – буркнул Андрей, скрестив руки подавляя постепенно приливающий поток агрессии, схожий на медленный прилив у берега атлантического океана. На удивление, это была единственная фраза вылетевшая из его нахального рта. Будто бы у вечно работающего «генератора скверных гадостей» села батарейка.

Я привстал с места. Взгляд толпы на мне, я его ощутил. «Парень-жертва», «несчастный новенький». Сейчас он выглядел краснеющим обиженным ребёнком.

– Откуда ты можешь знать что у него творится внутри? Как ты можешь его судить по одному лишь поведению? – я решил воспользоваться приёмом рыжеватого, обратившись к толпе – Как ВЫ все можете их осуждать за картинку, которая мерцает перед вашими глазами каждый день?

Толпа накалялась всё сильнее и сильнее, как мясные руле-

ты быстрого приготовления – из холодных и покрытых ледяной корочкой в жирное душистое мясо в хрустящем кляре.

– Твой брат заплатил тебе за услугу адвоката? – его шутку оценила лишь сидевшая за соседним столом инстаграмщица, неловко прикрыв рот ладонью, увидев что она была единственной смеющейся – Он всех подкупает. Ведь так ты попал в баскетбольную команду раньше всех?

– Ты попадёшь в реанимацию для душевнобольных рыжеволосых аутистов, как первый пациент с запихнутым в жопу собственным грязным языком!– Андрей наконец встал, свергнув рыжего на второе место. Теперь он был сверху, заглядывая в глаза обидчика с высока. Сейчас мы окружили балабола с обеих сторон, ожидая последующей реакции.

Он умолк на несколько секунд, заглядывая то на меня, то на Андрея. В голове его сейчас, должно быть, не переставая вертелись возможные повороты сценария: убежать – умнее всего, но не вариант с таким количеством зрителей; начать кричать – отпадает; просить прощения – тоже.

Рыжий закрыл глаза, готовясь к последующей фразе. Ощущая на себе такое количество внимания он осознал, что отступать – поздно. Теперь прийдётся быть наглецом до конца.

На лице вновь засияла крупными крошками от бейгла хитрая улыбка:

– Два брата, и два – как один – мудака – толстый указательный палец уткнулся в грудь Андрею – Один мудак, вто-

рой мудак. Мудаки с рождения и на всю жизнь – у вас это в крови?

Тогда я почувствовал это во второй раз. Должно быть, во второй – я не считал. Резкий прилив агрессии. Чувство, что мне хочется разорвать на куски стоящего спереди человека. Из рта могли вылететь слова не приходившие в голову раньше. Руки могли сами отправиться в бой как и ноги. Ненависть в чистом виде. Она сковала моё тело, окутав тонкими белыми нитями. Теперь лишь она руководила моими частями тела как марионеткой – дёрг за ниточку! – шаг вперёд, дёрг! – и я толкаю парня.

– Хочешь узнать, какие бесстыдные мудаки мы на самом деле? – зубы сжались. Картинки вокруг стали максимально чёткими, будто кто-то увеличил резкость моих глаз до сотни. Каждое слово, каждый взгляд поднесён на блюдечке ко мне. Я мог разобрать всё до мельчайших деталей.

А может быть мне нравится внезапно накатывающее чувство ненависти?

Я толкнул рыжего ещё раз – посильнее. Он проскользнул белыми кедами по скользкому кафелю к Андрею. Андрей толкнул его ещё раз.

Мы с двух сторон – удар! – и парень сбит с ног, оказываясь на полу.

Ненависть ударила нам в головы одновременно. Мы подлетели сверху, сначала Андрей, потом я, ударяя парня кулаками по голове. Он боязливо скрестил руки перед лицом,

нелепо заслоняясь от ударов.

Да, двое на одного – не честно – но как же на это тогда стало наплевать!

Из рта болтуна вырвался подавленный стон. Он попытался врезать мне кулаком в лицо, нелепо промахнувшись. Он надеялся встать – но наглухо был прижат всем весом Андрея к холодному полу.

Колени моего брата упирались ему в грудь.

– Груда мышц на деле оказалась мешком с дерьмом! – кинул я, приманив к себе растерянный взгляд рыжего. Карие глаза полные непонимания. Может быть он пытался разрушить стену ненависти, чувствуя мягкую тягучую серединку за ней.

Но жалобным взглядом меня не возьмёшь.

– Да что с тобой не так? – проскулил болтун.

– Меньше молоти языком – Андрей приподнял его над полом, вцепившись в руки – В следущий раз думай, прежде чем раскрыть свою помойную пасть – с этими словами он оттолкнул его, ударив головой об кафель.

Послышался глухой звук, схожий на проверку микрофона готовящейся к выступлению певицей. «Хлоп.. Хлоп.. Как слышно?»

Белоснежные конверсы покрылись коричневыми грязными следами. Ноги брыкались вверх-вниз, желая высвободиться из под мощной хватки.

Миссия парня выполнена. Он нарвался на самого попу-

лярного парня города, получив его брата в подарок.

– Эй, а-ну разошлись я сказала – полноватая буфетчица в белоснежном костюме схватила меня за шиворот. Я почувствовал крупную ладонь на спине. Пахла она как перевернувшийся грузовик с вишнёвыми пирогами. Из-под сеточки для волос выглядывали толстые дреды – Чёрт вас дери, вы же его убьете!

Её громкий бас смог отвлечь Андрея, а заодно и всю школу, от захватывающей драки. Ведь тут интерес за счёт прозрачности ситуации – одна груша, два обиженных брата. И кто выйдет победителем понятно как два пальца.

Оказалось, рыжего зовут Александр (он смотрел мои истории в Инстаграмм – @aleks2001) и он весьма нервный тип с закрытым аккаунтом. Так что больше мне о нём узнать не удалось. На аватарке – криво нарисованный скетч какого-то художника миниатюрных зарисовок для газет.

Побеждённый и озлобленный, он скрылся со столовой окружённый своей компанией – баскетболистами из одиннадцатого класса в одинаковых куртках с символом команды на спине.

Думаю, на их спинах должен был красоваться цыплёнок – ведь все как один не пришли на помощь другу, окружив драку и смотрев на неё как на новый блокбастер от DC.

– Следующий дубль, снимаешь? – я чувствовал взгляд Алисы спиной. Она с интересом глазела на наш стол да-

же когда драка закончилась. Иногда наши глаза встречались – в этом случае она вновь начинала тараторить на камеру – Лайфаксостоитвтомчтобынезаметносписаттьисториюпри-помощи… Ева, блин, у тебя опять трясутся руки!

– Та купи ты себе штатив и прекрати орать! – огрызнулась Ева. И вновь карие глаза Алисы вылупились на меня. Нужно с ней хоть познакомится. Тощая девчонка с шоколадными волосами и тем же цветом кожи – напоминает мулатку, арабку, которые обычно скрывают своё тело за паранджой.

После драки столовая галдела как никогда. Пчелиный улей взбунтовался, будто кто-то пнул его ногой.

Молчание царило лишь в отдалённом тёмном углу. Перепалка привлекла внимание даже Никиты, я успел уловить его озадаченный взгляд. Сейчас он тихо продолжил трапезу.

Длинные ресницы опущены вниз, уголки губ тоже. Как всегда, похож на грустного пёсика с интернет-картинок. Только этого жалеть вовсе не хотелось.

Смотря на него я видел лишь одно… Школьный туалет, закрытые глаза, зеркало разбивается… Он хранит загадку. Паранормальный секрет, запечатлённый на моём МАК.

Терпение лопнуло. «О Боже, что я делаю?» Я встал из-за стола, оставив Андрея и Макса:

– Сейчас вернусь – брат поливал самой густой и плохо пахнущей грязью персону Алекса. Он начал с роботы его алкоголика-отца, и пошёл вниз по каждой веточке фамильного дерева, как быстрая озлобленная гусеница. Потом прошёлся

по его внешнему виду. Затем по всем рыжим населяющим земной шар в целом. Сам собой вышел банальный вывод: «Все рыжие – злые буки».

Я устремился за отдалённый столик. Азиаты проводили меня заинтересованным взглядом.

Кстати, то что возле их столика пахнет по-другому – скорее всего правда. Я бы не хотел сравнить этот запах с китайской закусочной, но…

Я явно заинтересовал их. Компания неприкрыто сплетничала, указывая пальцами в мою сторону.

Никита оторвал взгляд от судка с едой. Заметил меня. Опустил взгляд, продолжил есть. Казалось, всё его тело вздрогнуло от одного лишь моего вида.

Мрачная тень, выбежавшая в дождь на холодную улицу. Вчера он пережил обалденно неприятный вечер. Я пойму, если в итоге окажусь ему омерзительным.

Он жевал и делал вид что не замечает меня даже когда я навис над столом, загородив яркую лампу. Тень упала на его обед.

Я разглядывал его и воображал как он скитается по пустым улицам. Как пытается дойти домой пешком. Как наблюдает за фонарями, включающимися один за другим.

– Никита.

Его веки поднялись как тяжёлые шлюзы.

Наконец донёсся его голос. Вялое мычание уставшей от жизни коровы, лежащей в хлеву в сорокоградусную жару.

Хриплые протяжные слова. Обычно так говорят или наркоманы, или больные под наркозом.

– Что ты хочешь?

– Я всё о тебе знаю, Никита.

Его взгляд переменился. Будто на голову вылили ведро ледяной воды. Неужели он мог догадаться про то видео, которое я успел выучить назубок?

«Ага, 37 секунда, тут он кашлянет»

«Минута семь секунд– на зеркале появляется трещина, я это помню»

Пора положить этому конец. Я пересматривал видео изо дня в день, мучаясь над ним как в первый раз. До сих пор не верится, что те хулиганы могли просто взлететь… До сих пор не верится, что в этом мог быть замешан сидевший передо мной дистрофик, выдавливающий из себя вялое мычание вместо слов.

Он продолжал молча смотреть на меня. Тяжёлый взгляд – или ненависть, или усталость.

– На прошлой неделе тебе угрожали ножом в туалете – парень напрягся, зажимая вилку между пальцев и одновременно заглядывая мне за спину, боясь что кто-то подслушает. Рядом были лишь азиаты – И я всё видел. Как треснуло зеркало. Как лопались лампочки. Как эти отморозки, как-будто их душили поднялись ввысь и полетели на другую сторону комнаты. Просто скажи мне, что это было? Я всю неделю не нахожу себе места, и даже после двух убийств на моих гла-

зах не могу это забыть. Это просто не поддаётся здравому мышлению.

– Я не знаю о чем ты – тихо ответил он, опустив глаза вниз. Ему было крайне тяжело скрывать своё нарастающее беспокойство. Плечи (куда больше?) поднялись ввысь, достав до мочек уха. Он стал ещё более бледным.

– Как знаешь – я лишь хотел облегчить существование, и не только себе, но и впервую очередь ТЕБЕ. Совсем забыл рассказать – у меня есть видеозапись этого таинственного инцидента – думаю будет не совсем приятно если она просочится в сеть. А я могу её выставить хоть тут – сидя посреди столовой.

Бледная кожа должна была покраснеть, если бы только Никита не был Никитой. Он оставался угрюмым, но при этом наверх выплыло заметное беспокойство. Я собирался уходить. Никита резко схватил меня за руку, сжимая кисть всё больше и больше. Его глаза бегали из стороны в сторону, исследуя комнату от входа и до буфета. Ему казалось будто сказанное сейчас услышит каждый находящийся тут. К натянутому мычанию прибавилось неуверенное дребезжание, схожее на жужжание мухи:

– Влад, умоляю тебя. Скорее всего, в это трудно поверить, и я сам не верил в то, что со мной происходит. Просто сядь и выслушай меня, прошу – я послушно сел, закинув ногу на соседний стул. Глаза в глаза – намечался серьёзный разговор, в ходе которого всплывёт долгожданный ответ. Сердце

заколотилось. Я ждал этого чересчур долго – Впервые это произошло когда мне было двенадцать. Точнее, я впервые заметил это – Никита огляделся в очередной раз, обратив внимание на соседний столик – Азиаты всё слышат – прошептал он – Летом, когда я гулял в парке, хулиганы из этой шайки отобрали у меня деньги. Просто выклянчили угрозами. Заломили руки и шарили в карманах – я привык. Стандартная ситуация для этого города. Они ехали на велосипедах. Забрав мои деньги и оставив меня ни с чем, я озлобившись смотря им в след шепнул под нос – «Упадите». Что ты думаешь?

– Они упали… – тихо прошептал я

– Они упали! Повалились на землю прямо со своих гребанных великов. Ну конечно, я сказал себе что это глупое совпадение – сейчас его речь стала быстрой и резвой – Но дальше только хуже – в моём доме начали биться зеркала. Я их разбивал. Предметы взмывали в воздух, понимаешь? И я не мог это контролировать. Как будто любящий навредить другим человек-невидимка живет рядом со мной. Или из меня вылетает странные дух, делающий неподвластные мне вещи.

Мой рот открылся от удивления. Звучало как бред. Воспринималось как бред. И я хотел верить что всё это пустые выдумки. Но свежие воспоминания из пахнущего дерьмом туалета не давали.

– Все эти года я просто мирился. По крайней мере, пы-

тался игнорировать. Но потом Адрианна умерла, и я начал видеть видения. У меня начинает болеть голова, после чего всё темнеет и я проваливаюсь…

… в пустоту, где вырисовываются образы реальных людей и настолько реалистичные события, что я начинанию в них верить. Я будто реально нахожусь там, просто меня никто не видит. Как-будто я привидение.

Ужас. Отторжение. Страх – мне хотелось перекинуть стол ему на голову и убежать прочь издавая нелепые вопли. Хотелось нарисовать вокруг себя белым мелом круг, крича «Прочь, демон!». Но кажется, информация поступившая в мой мозг к тому времени просто не нашла себе места. Скиталась от одной ячейки к другой, становясь мутной и нереалистичной как мастерски рассказанный анекдот.

Но смотря в эти мрачные глаза я верил. Вот, что на самом деле они в себя хранят, помимо боли утраты.

Смотря в них было так просто поверить что на самом деле невзрачный ЖУДа скрывает невероятный мистический секрет.

На ней были чёрные штаны «Адидас» с тремя белоснежными полосками на каждом бедре. Эти полоски схожие на решетку где-нибудь в тюрьме строгого режима – она даже и не знала, почему они вызывали такие странные ассоциации.

Каролина одела их впервые. Штаны были очередной шуткой Алины на праздник, подаренные со словами: «Носи и не

бойся показаться мужиковатой голубоглазкой, сучка». Кэр ответила: «Кто такая голубоглазка?». Али объяснила: «Алкоголичка на сленге».

Никогда бы не догадалась. Удивительная глубина несуществующего языка, вытекающего из слов существующего.

И почему все воспоминания об Алине причиняли такую боль? Пекли как ожоги на голом теле. Смешливые реплики тощей популярной дивы быстро сменились стонами боли. Она стала другой за один вечер, и тот кто это сделал – жестокий, мстительный и до потери пульса озлобленный – бродит рядом. Бродит рядом по улицам опустевшего города, по которому Каролина решила прогуляться пешком.

«Я больная?»

Никого – пустые автомобили застыли у тротуаров, милые маленькие садовые гномы тысячами глаз наблюдали за быстро идущей мимо красоткой.

Тишина – ни смеха детей, ни звука льющейся из шланга воды, ни озлобленного гавканья собак. Узкая дорога, ведущая к густой посадке полностью опустела. Гладкий асфальт, блестящий на солнце, будто недавно его вымыли с мылом. О вчерашнем ливне напоминал неуловимый аромат сырости, доносившийся из густой зелёной стены. Высокий холм нависал над богатым районом как заросшая джунглями цитадель. Как мрачный болотный монстр из Немецких народных сказок. Он с интересом заглядывал во дворы гигантских особняков, желая незаметно подсмотреть тайную жизнь «сливок

общества».

А мало ли, толстопузый филантроп-примерный семьянин, отправив сынишку и жену на отдых на Барбадосе, развлекается с несколькими проститутками у лазурного бассейна?

А мало ли, IT-программист, известный всем как интеллигентный-ботан-заучка, избивает свою жену в просторном холле?

А мало ли, зелёный холм замечает скользящую у вилл тень, облачённую в тёмную мантию? А мало ли, он знает кто это – личность скрывающаяся за белой маской?

Именно на вершине холма была назначена долгожданная встреча. Наконец она сможет вновь с ним поговорить. Валентин – они проведут вместе целый вечер, и она уверенна что каждая минута отложится в памяти теплотой, и в то же время загадкой, возникающей в её голове при виде парня.

Кто он – до сих пор непонятно. Прекраснейший человек, сковывающийся за одеяниями задиры, или садист, испытывающий ненависть ко всему живому?

Как бы там ни было – к всему живому кроме неё. Она готова держаться за эту деталь.

Слава Богу, родители уехали на собрание.

«Ты уже там?» – спросила мама в СМС.

«Приеду позже»– абсолютная ложь. Она туда ни ногой.

Если бы они увидели в каком виде она вышла из дому – сразу догадались. Чёрные спортивные штаны, подобная тём-

ная кофта и вырвиглазные кеды ярких цветов – «Nike” новой коллекции, купленной прямо с презентации. Она до сих пор была обиженна на мать за то, что в тот день просидела дома. На крыше Нью-Йорского небоскрёба непринуждённо беседовала Кара Делевинь, потягивая шампанское. Недалеко рассматривала новые кеды Белла Хаддид, а рядом смеялась Вини Харлоу. Где-то между ними затесалась её мама. А она осталась в этой дыре, имея честь поносить новую модель обуви одной из первых.

И к чему подобный спортивный вид гламурной блондинке на вечернее свидание? Ну, явно не для того чтобы выглядеть подобающе с гопником.

Ей хотелось быть собой – снять все броские и ненужные элементы роскошной жизни: ослепительные платья и высокие туфли. С ним она была собой – он раздевал её как крупный кочан капусты – лист за листом – пробиваясь к серединке скрытой от посторонних глаз. Кэр не знала как, но ему удавалось это делать.

Или может быть он просто предупредил её, что лучше одеться практичнее…

Встреча была назначена на вершине зелёного холма под старой заброшенной вышкой. Вот уже двадцать долбанных лет местные жители жалуются на облезлую развалину, прорывающую чистое небо зажиточного района грязной ржавой иглой. Когда там располагалась единственная в городе радиостанция – ущербная, устаревшая, бездарная. Её закрытие

было лишь вопросом времени.

Сейчас после себя она оставила лишь мрачный след, напоминающий о тщетности и безысходности бытия. Из-за этого все живущие так пламенно ненавидели радиовышку.

«И зачем он зовёт меня в такую глушь?»

«Нет, не пускай мрачные мысли в голову»

Их и так было достаточно за последнюю неделю – сначала скандал в школе. На удивление она пережила его безболезненно, пугая саму себя своим же нарочитым пофигизмом. За десять минут все возненавидели её, приписав из ангелов в шлюхи. После, скандал с родителями на тему – «Ты убиваешь нашу репутацию!»

За ужином они выдвинули ультиматум: бросаешь своего лысого выродка и на этом разговор окончен. Но поняв, что дочь сохраняет бесстрастное лицо даже при самых тяжких угрозах, отец выдвинул тяжёлую артиллерию.

«Продолжишь общение с ним – мы перекроем кислород»

А теперь, минута толкового словаря сленга родителей избалованных мажоров:

Термин «перекрыть кислород» – заблокировать кредитки, изъять последние доллары и сделать вид, что вы чужой ребёнок-голодранец с улицы, рассчитывающий докопаться до их сбережений.

Должно быть, это сработало: в школе пара избегала друг друга. Точнее, Каролина даже и не приближалась к тёмному пятну посреди шумного коридора – толпе «адидасов». Она

находила способ пойти иным путём.

Общение ограничивалось перепсками. Круглые сутки она жила в «WhatsApp” – уроки, тренировки, вечер – всё сопровождается постоянными звуками уведомлений. Скорее всего, знакомое чувство для любого жителя двадцать первого века. Поправка – любого влюблённого жителя двадцать первого века. Когда ты живёшь в нескончаемой ленте состоящей из бело-зелёных облаков. Глаза пекут, пальцы отсыхают, но ты не желаешь вылезать из того мира. Слова на экране больше чем слова. Беседа, каждое слово в которой содержит за собой больше чем миллион пикселей. И никто из окружающих, кроме тебя, этого не понимает. Можешь безостановочно набирать новые сообщения затратив на это всё свободное и не свободное время, можешь улыбаться как идиот пяля в экран телефона, можешь ослепнуть – но ты счастлив от бестолковых переписок, убивающих всё твоё время.

– Чёрт, я попала в «28 дней спустя» – прошептала Каролина, вспоминая кадры из фильма. Вид улиц вправду напоминал типичный апокалиптический пейзаж – всё люди в одно и то же время покинули город, побросав всё как было. И хоть бы одна машина, хоть одна живая душа – пустота. Тишина. Всё это удручает. Становится страшно.

Наконец густая посадка окружила её со всех сторон зелёными зарослями. Узкая заасфальтированная дорожка перестала быть идеально ровной – покрываясь миллионом трещин с каждым новым шагом, и идеально чистой – покрыва-

ясь толстым слоем пыли смешанной со старыми окурками.

«Излюбленное место нашей молодежи. Они любят забытые Богом мусорки»

Дорожка завиляла как длинная гремучая змея, скрывающаяся среди высокой травы, она поднималась вверх, наматывая круги на невысоком холме, напоминающим торчащий горб. Или, для Каролины – панцырь черепахи.

Дорога уже и уже, почти полностью растворилась среди сырой земли, лес темнее и темнее. Стало ещё страшнее: за спиной, казалось, стоит она – анонимная маньячка. Она скрывается за деревьями, наблюдает сидя на ветках. Она могла быть везде.

Хотелось шагать быстрее – Каролина уже бежала.

«И где же эта чёртова вышка?»

Пробегая она смотрела за плечо – буйная фантазия рисовала тёмный силуэт посреди тропы. Чёрная мантия, развивающаяся на ветру посреди лёгкого смога. Как на заказ: холм медленно начала укрывать лёгкая дымка. Будто за пробежкой девушки следил матёрый режиссёр, сидящий на кресле-раскладушке и дающий команды.

«А теперь туман! Зритель хочет увидеть мистику!»

Светлое небо медленно покрыли оранжевые блики. Как фанта, разлившаяся на яркий ковёр.

Город окутывали сумерки. Приближался закат.

«Как же страшно!»

Она рядом, на этот раз V не пощадит её, она бесшумно

бежит следом, догоняет, кладёт руку на плечо и…

– Привет, Кэр – мужественный низкий бас эхом отозвался по посадке. Знакомый голос от которого по телу шли мурашки. Твёрдая грудь оказалась перед её носом. Она совсем не заметила высокий силуэт в тёмном спортивном костюме, стоящий посреди дороги.

Справа выросла ржавая спичка. Долгожданная вышка, столб на вершине которой разрывал оранжевое небо. Дрожь ушла. Каролина выдохнула, обхватив широкие плечи Валентина руками. Уткнувшись носом в чёрную ткань, она произнесла:

– Я ждала встречи с тобой, ты это знаешь?

– Серьёзно, сама Каролина снизошла до подобной низости?

Костюм «Адидас» Валентина пах стойким одеколоном – свежим и совсем не крепким.

Отклонившись от него, девушка игриво ударила парня в грудь. Его крепкие руки прочно обнимали её талию.

– Мне нравятся твои штаны – улыбнулся он. Белые зубы, глубокие глаза – такой чистый. Такой настоящий. Сейчас, в мрачных сумерках создавалось впечатление что она его видит насквозь.

– Я знала что тебе они понравятся – она вновь уткнулась носом в его грудь. Сейчас по телу прошло тепло, стало совершенно уютно. Так себя ощущает пугливый птенец прижимающийся к перьям матери. Замёрзший котёнок, согре-

вающийся теплом шерсти кошки.

«И опять странные ассоциации»

– И как ты собираешься оправдывать мою прогулку в это место? Я чуть не умерла от страха!

– Я покажу тебе своё любимое место.

– Тут? – Кэр хихикнула, осматриваясь по сторонам и всматриваясь в густые стены деревьев, земля под которыми плотно усыпана окурками.

– Именно. Лучшие закаты в городе тут. Точнее, чуть выше – указательным пальцем парень показал на вершину вышки – Я часто залезал туда по вечерам, желая побыть один. И ты единственная, кого я хочу туда привести.

Каролина расцвела на долю секунды, затем резко удивившись. В её голосе прозвучал страх:

– Мы туда залезем?! Это… это…

– … безумно? Ты это хотела сказать? – Каролина не отрывала взгляда от его глаз. Как маятник, качающийся из стороны в сторону в руках опытного гипнотизёра – они способны были заставить поменять мнение по щелчку пальцев.

«Щёлк!» – и ты готова на любые безумства. Главное, чтоб эти глаза были рядом.

– Сегодня я готова на безумие – прошептала Каролина потягиваясь к устам парня. Этот вечер настал. Долгожданный поцелуй, долгожданное объятие – и ни что не помешает, ведь весь город сейчас собирается под одной крышей где-то вдали.

В салоне машины моих родителей пахнет новым освежителем. «Пьянящая орхидея». Полная чушь. Вы когда либо вдыхали аромат орхидеи? Нет? А ощущали, что она пахнет «пьяняще»?

Мысли об абсурдности названий освежителей заглушали громкие маты. На узкой улочке центра города началась самая настоящая пробка – фантастическое явление для здешних мест. Справа – уютная кофейня с высокими окнами во всю стену, сквозь которые видно десятки книжных полок. Слева – однообразные дома, явно требующие реставрации. Стены обшарпанны, штукатурка в некоторых местах осыпается – напоминает проблемную кожу на лице старика. Куча домишек в пять этажей чередой наваливаются друг на друга, создавая узкие улочки, посреди которых неустанно сигналят автомобили.

В одном из таких домов жил Давид. Мысль о нём навивает грусть. Жестокое убийство, которого не заслуживал ни один человек на нашей планете. Что уж говорить о невинном подростке, наслышавшемся самых обидных слов за короткую жизнь.

Угрюмая жизнь – ужасная смерть.

– Бля, да вывернешь ты или нет? – из окна «Шевроле» спереди высовывается мужчина, лицо его укрыто тёмной щетиной. Маты продолжаются, вылетая из окон авто как птицы, рвущиеся на свободу, из клеток.

Усатый мужик наконец припарковал свою развалюху, номера на ней нельзя было разобрать из-за плотного слоя ржавчины. На заднем стекле, облепленном грязью, висела наклейка «Ребёнок на борту». В прицепе валялась куча пыльного хлама.

С ярким лучом света, пробившимся в узкую улочку, показалась просторная площадь. Вид её навивал самые ужасные воспоминания.

Крик, толпа в суматохе мечется из стороны в сторону, отдавливая друг другу ноги. Над ней, под золотым блестящим куполом громоздкой церкви располагается миниатюрная сцена. Лужи крови, вид расчленённого тела – всё до мелочей отложилось в памяти. Каждая капелька крови, стекающая по коже, его выражение лица.

Как и в прошлый раз площадь наводнили люди. Все спешили попасть на собрание в ратушу, заняв самые приличные места. У входа в вычурное здание собралась очередь, тянущаяся до магазина «GAP”. Макдональдс, находящийся на противоположной стороне, казалось, сейчас же разорвёт от находящегося внутри народа. Они кричали, ломились ближе к кассе, будто желая разнести кафешку по кирпичику.

Но на этот раз наша машина проехала мимо гущи городской жизни. Тонкий вытянутый шлагбаум справа от ратуши поднялся, пропустив нашу машину на задний паркинг.

Чувство, словно я тут работаю каждый день. Улыбчивый охранник, миловидная блондинка с объемной грудью, под-

бежавшая к нашей машине – секретарша.

– Позвольте вас проводить к Арсению.

Понятное дело, все они были осведомленны о том, кто сидит в потрёпанной тачке, совсем не вписывающейся в компанию крайслеров и лексусов.

Угрюмые дома серыми стенами нависали над задним двором, в асфальте которого пророс высокий клён, зелёными ветвями скрывавший ратушу от посторонних глаз. Должно быть в плохую погоду центр города выглядит удручающе благодаря тоскливым цветам. Сейчас же он выглядит притягательно старинно и вычурно. Многое в этом мире зависит от солнечного света.

Секретарша постукивая шпильками по деревянному паркету провела нас в узкий коридор. Стены увешаны портретами. На пышных позолоченных рамах красовались металлические таблички, читать которые не было времени. Блондинка спеша пробежала к массивной дубовой двери, неловко открыв её тонкими ручками и отступив на шаг:

– Прошу вас – улыбнулась она, захлопнув дверь за нами.

Просторный балкон больше напоминал амфитеатр в зале оперного театра. И вообще, сам зал заседаний был больше похож на оперу. Представление о многих вещах у жителей города сбивалась до абсурдности: от подкастов до мэрий.

Хрустальные люстры освещали партер и узкие балкончики: множество маленьких – простой круглой формы, и один вычурный, огромный, нависающий в самом центре. На

белоснежных стенах просматривались узоры и целые истории, отыгрываемые вырезанными ангелочками. Маленькие кокетливо общались на балконах, большие – два амура, целились со сцены деревянными стрелами в зрительный зал.

Громоздкая хрустальная люстра освещала собирающийся контингент: на собрание должны были прийти все жители городка. Подростки, напуганные до смерти убийствами сверстников. Их родители, напуганные до смерти вопросом безопасности детей. Старики, напуганные до смерти вопросами безопасности внуков.

Угадайте что объединяло такую разнолистную публику? ВЕРНО. Запуганность до смерти.

Среди них выделялись одинокие старые тигрицы – нагловатые и гордые. Их ничего не связывало с молодым поколением жителей, они самодовольно вкатывались в зал, раздавая хамство налево и направо. Им ничего не угрожало – разве что внезапные сердечные приступы и атмосферное давление.

Их свитой или ненужным балластом (как угодно) сзади выхаживали старые седовласые орлы. Равнодушные, холодные, пахнувшие как рюмка крепчайшего коньяка смешанного с табаком. Внимание сидевших у края балкона на деревянных стульях привлекла хлопнувшая дверь. Головы повернулись. Арсений улыбнулся, махнув рукой своему брату. Слева от него сидела Надин, справа Андрей. Улыбаются, руками машут – ну прямо семьям президента на предвыборной ак-

ции. И рядом, как довелось узнать позже, семьи Алины и Каролины. Пахнущие дорогими благовониями, смешивающимися в единый стойкий запах, укрывший облаком балкончик как зону отчуждения. Наверное, душок доносился до всех уголков зала, а сидевшие там гадали – Барбери или Шанель? Армани или Мон Блан?

Все выряженные как на приём у британской королевы, мне аж неловко стало: на Андрее идеальный узкий голубой костюм, пиджак, хранящий за собой широкие плечи, и кожаные туфли. Макс – лазурный костюм, очень уж необычный. Да, скорее всего этот цвет ближе к лазурному, думаю, знатоки назвали бы его «цветом морской волны», хотя кто вообще изучал какого она цвета?

Пиджак ближе к зеленоватому, но при этом отдаёт голубым при тусклом свете фонаря. В переднем кармане аккуратно сложен белоснежный платок. Уверен, в модном мире для него есть своё название. Наверное, он существует для вытирания соплей изысканных джентельменов, которые оттопырив мизинец элегантно опустошат в шелковую ткань содержимое носов.

Ну а я томился в явно узковатых строгих джинсах и маловатом пиджаке, как индейка готовящаяся на день благодарения. По лбу начал стекать пот, может от своей неполноценности в ярком свете «высшего общества».

Штаны пережимали задницу, будто желая лопнуть её как два воздушных шарика. Каждый шаг наполнен неудобством:

я как оловянный солдатик из сказки – «скрип-скрип», глупо улыбаюсь и стараюсь понравиться жителями, смотрящих на меня как на самородок золота.

Ведь я племянник того самого – ах, только подумать! – олигарха, связи с которым обозначают многое в этом городе. Ну а я смотрел на них как на сверкающие бриллианты внутри еврейской биржи, ослеплённый ухоженностью и повадками, доведёнными до совершенства.

К примеру: улыбка матери Кэр, срабатывающая с правильностью швейцарских часов. Секунда, и выстроенные в забор жемчужины слепят своей белоснежностью. А какая искренность, беззаботность в улыбке достойной голливудской дивы семидесятых годов! Мерлин Монро в стороне завистливо курит кубинскую сигару, Одри Хэмберн удавилась.

«Скрип-скрип» – и я аккуратно присел на свободный стульчик, думая лишь об одном: как бы швы на ягодицах не треснули, вывалив сокровенные труханы. Хвала Богам, они были тёмные.

Ну и атмосфера! Наряды, парфюмы, умные разговоры – возможно, сейчас погаснет свет и на деревянный паркет под нами выбежит балерина в воздушной пачке? Обстановка к этому располагает.

Но ничего подобного: шум в мэрии не утихает. Все уж чересчур заняты обработкой свежих сплетен. Тема дня: «Как жила семья покойного Дэна?». Кто-то предполагал, что они жили в сарае предназначенном для свиней и вместо воды пи-

ли спирт в чистом виде, отрыжкой изрыгая ругательства. И все как один закрывали глаза на очевидное. На мерзопакостного гнусного хозяина сквота. Почему он ещё не за решёткой?

– Дорогой, она говорила что хотела бы прийти на сегодняшнее совещание – мама Каролины лёгкими ручками-макаронинами обволакивала мужа. Сначала он нервничал, грозясь докопаться до истины. Дочери не было, и это выводило его из себя. Потом магические движения рук умерили его пыл – Думаю, Каролина плохо себя чувствует, или поехала к Алине…

– А если она сейчас с этим лысым выскочкой?! – грубо кинул её папа. Фраза, похожа на грозное рычание охотничьего пса, чью пасть набили жирным мясом. Вот-вот и забрызжет слюна. «Фрр-фррр-выскочка-фррр»

– На неё многое навалилось за эти дни, ты же знаешь, дорогой – факт есть факт: постоянный повтор слова «дорогой» на «отлично» усмиряет мужа.

– На нас всех многое навалилось – широкая улыбка Надин заблестела в ответ блеску жемчужин матери Каролины. Будто они общались азбукой Морзе.

И тут завязался разговор: нытьё и перечисление очевидных фактов. Все обсуждали жуткие убийства, посматривая на меня. Имя «Влад» звучало чаще любого слова в этой болтовне. Папа завязал разговор с родителями Алины о самочувствии их чада. «О нет, только не это!». «Господа, как чув-

ствует ваша дочь после многочисленных ультрафиолетовых ожогов?», «Ох, мистер, вы не поверите, ЧЕРТОВСКИ ПЛОХО»

Будто невидимая сила отвела – собрание началось.

На тесную сцену вышил мэр, краснолицый и довольный. Явно принял на грудь до выхода. Харизматичная улыбка точно не вязалась с темой убийства подростков, это заметил Арсений.

Мне мэр напоминал пингвина. Схожий рост и походка на коротких неказистых ножках. Да чего уж там, в комиксах Бэтмена есть персонаж, его вылитый близнец. Только стоящий подо мной на сцене – лысеющий тип. Короткие волоски окружают блестящую как прожектор лысину.

Болтовня и ля-ля на очевидные как пять копеек прописные темы. Все явно начали скучать после пятой минуты речи. Я это заметил по взглядам, отвлекающимся от мэра. Все они тянулись к нам, на балкон. Гораздо интереснее узнать во что сегодня одета Надин. Как переживают горе родители Алины. Ну и конечно, брат Арсения, его жена и несчастный сынишка «всегда-в-нужном-месте». Смотрели, скажу без самодовольства, в основном на меня.

Старые тигрицы протягивали холодные наглые взгляды ко мне медленно и забвенно, будто толкали вперёд набитый углём вагон поезда. Старикашки-орлы просверливали мою грудь словно острой дрелью. Сверстники и вовсе отвлеклись от телефонов, ведь молчаливое зрелище на видном балконе

интересней.

А как поймаешь себя на факте что среди них всех сидит убийца – мурашки по телу. И пытаешься поймать самый ненавистный взгляд как мяч, играя в волейбол. Но он пролетает мимо. Ничего.

Сейчас же сидящие в «партере» начали замечать мой заинтересованный взгляд. Их явно это озадачивало. «И что он хочет увидеть?»

Семь минут после начала заседания в зал ворвалась семья Никиты. Хотя, ворвалась – громко сказано. Вошли, влетели, впорхнули в своей стандартной манере: бесшумно, переступая ногами будто они были двумя лёгкими голубиными перышками. Сзади тащился Никита, смешавшись с тенью.

Андрей и Макс имели абсолютно равнодушный вид. Разговаривать не удавалось, веселиться тоже – осудят видите ли. Макс начал играть в “Candy Crush”, Андрей пролистывать ленту Инстаграмма, не поставив ни одного лайка. Жлоб.

Выход священника на сцену казался главным событием вечера – зал оживился, взгляды заходили с новой скоростью, устремившись к сцене. Будто на неё вышла известная поп-звезда. Конечно, священник был звездой в местных кругах. У него даже страница в Инстаграмм была, догоняющая Макса по подписчикам. Там встречались посты из спортивного зала: потный и подкачанный служитель Божий делал селфи в зеркале качалки.

Подписан просто, с напыщенным аскетизмом –

«rostyslav.”

Сейчас он ощущал себя в центре водоворота городской жизни, словно на него нацелили прожектор: он расцвёл, вытянул осанку и заговорил звонким дикторским тембром, слизанным у ведущих поздних шоу. Его голос эхом отбивался от высоких потолков и хрустальных люстр, он звучал везде и доносился до каждого.

Моё тело покрывал огонь. Я чувствовал жар, со мной бывает такое. И на ощупь я наверное как кубик льда, но внутри меня не угасая пылает костёр. Я почувствовал это сразу же зайдя сюда. Становилось душно, воздух представлялся тяжелой сплошной массой, на вдыхание которой требовались усилия. Предложения священника стали пролетающими мимо птицами. Они улетали прочь со скоростью звука, в полёте неловко врезаясь в друг друга. Слышались отдельные слова. Что-то про важность Бога в такие времена.

«Такие времена» – словосочетание, ставшее термином для короткого обозначения последней недели.

Он призывал всех идти в церковь, молится за души покойников и за сохранность детей. И все слушали недвижимо внимая, как загипнотизированные. Их околдовывал его звонкий бас, уверенные взмахи руками и чуткие советы. По крайней мере, чуткими они казались для каждого сидящего тут – такие у них были лица. Будто вот-вот и с глаз ручьём польются слёзы, даже у старых тигриц и престарелых орлов. И, шок -откровение! – подростки не стали исключением. Да-

же Макс выключил “Candy Crush”, правда лишь после удара локтем от отца.

Священник даже шутил. Я то не слышал, понимал по смешкам волной прокатывающимся по залу. Судя по ним, те шутки были самыми смешными и остроумными за всё существование каждой живой души сидящей тут.

Ростислав, время от времени, руками поглаживал свои тёмные длинные одеяния, скрывавшие тело от ног до шеи (но селфи из тренажерного зала видел каждый), будто боясь надоедливую пыль, липнувшую на мантию. Длинные светлые волосы переливались золотыми огоньками в свете ламп. Его рука, выгладив мантию поднималась к ним, старательно подправляя укладку. Причёской он напомнал принца Чармильгтона из Шрека.

Борода его подошла бы больше моднику-хипстеру, одевавшему красные вязанные свитера с оленями. Короткая щетина – даже не бородка как у обычного священника.

Совсем нетипичный Богослужитель.

На секунду, казалось, Ростислав взглянул вверх, взглядом выловив меня – ёрзающего на стуле от внезапного жара. Он посмотрел карими глазами прямо в душу: ещё один приём, за который его обожают жители.

Захотелось в туалет. Серьёзно, срочно и не откладывая. Вот-вот и жидкость хлынет из краника прямо в штаны, нутром чую.

Я закрыл глаза. Крепко зажмурил, пытаясь подавить же-

лание. Не подавил. Чувствовал как жидкость прилила к краю краника, просясь наружу. Во избежание фиаско я подорвался с места. Тонкие ножки стула шаркнули по полу. Звук разлетелся по всему залу, заглушая громкий голос священника. Тигрицы оторвали взгляды от сцены, устремив его вверх, на «того самого» Влада. Надин и свита идеальных мамочек повернула голову на меня.

Захотелось провалиться. Чтобы весь этот балкон рухнул вниз. Чтоб я исчез как фантом, растворился в воздухе как мираж среди пустыни. Но вместо этого я бросился к двери, закрыв её максимально аккуратно. Послышалось лишь тихое «щёлк!» и я был на свободе.

Вся неловкость ситуации осталась за деревянной дверью. Звонкий голос Ростислава доносился даже в просторный коридор. Я чётко различал слово «Бог» в предложениях. Жар продолжал запекать кожу, краник лопаться от желания. А коридор казался бестолково длинной вечностью. Сплошь хрустальные люстры и броские кандилябры. Высокие потолки и скользкий деревянный паркет. Помпезно, но всё это пролетает мимо, когда весь мозг занят мыслями о так нужном сейчас писсуаре, а в ушах стоит тихое журчание.

Я отлил. Выйдя из туалета сразу же прояснился бас Ростислава. Сейчас, голос казался пением игрушки Санта Клауса: «хо-хо-хо!!!»

Жар не сходил. По телу стекал пот – мерзопакостное чув-

ство. Чувствую капли под узкими джинсами, но сделать ничего не могу. Лишь почесать бедро.

Страх как не хотелось возвращаться в зал, привлекая на себя взгляды всех кого можно. Шаркать ногами, нарываясь на осуждающее причмокивание «высшей касты», как и подобает сидящей на высшем балконе.

Я подался по коридору в совершенно противоположную сторону. Помпезные однообразные пейзажи огибали зал заседаний вокруг, деревянные двери встречались каждые два метра. Между ними стена, заклеенная безвкусными шелковыми обоями, увешанная черно-белыми фотографиями в рамках. Город до пожара, во время и после. Отцы-основатели, подобные тут Лиге Справедливости, Суперменом в которой был Дилан Грин, его светлость высочество-превосходительство.

Коридор прервала мраморная лестница, аккуратным полукругом уходя вниз. Над холодными ступенями висел самый видный портрет. Он, культовый Д. Грин. Седая бородка, томный, но заинтересованный взгляд в сторону.

Будто в момент фотографирования его окликнули: «Дилан!», а он ответил «Чё?» посмотрев влево во время вспышки. Глаза, вполне вероятно, у него были серые. Этот типаж коренных американцев из Новой Англии, почему-то, всегда представлялся мне с серыми глазами.

Даже когда передо мной черно-белое фото.

Миновав лестницу я вышел к двери ведущей в партер.

Вокруг неё за прозрачными стеклянными стеллажами был выставлен псевдо-ценный исторический хлам. Разные вещи «тех лет», что не страшно выставить в лёгкой доступности для всего города. Пыльные книги, сборники стихов от малоизвестных авторов, желтоватые фото здешних мест. Внимание привлекали золотистые часики, как у кролика из сказки Льюиса Кэролла, блестящая цепь тянулась от тонкой крышки неаккуратной змейкой.

Должно быть, весьма ценная вещь. Самая ценная из представленных тут. Время на циферблате остановилось на семи часах и тридцати семи минутах. А дальше очередная череда хлама – грязные платья, будто украденные с уличных постановок, разбитые кувшины из-под вина. «Собирайте всё барахло, что сойдёт за старинные вещи!» – скорее всего, с таким словами создавалась выставка. «Пиши весь бред, что приходит на ум при взгляде на эти собиратели пыли!» – с такими словами писались таблички для этой выставки.

«Кувшин, из которого пил Д. Грин» – выставлен как священный Грааль. Не удивлюсь, если рядом будет зацементирован волосок с его седой бородки. Интерьер мэрии представлял гораздо большую культурную ценность чем все эти вещи – вычурный и величественный. Явно не подходящий под здешние пейзажи. Кажется, за углом, за хрусталём очередной броской люстры начинаются сумасшедшие яркие вечеринки, за которыми наблюдает Гетсби из романа Фитцжеральда. Высокие потолки, вырезанные из дерева узоры – ин-

терьер больше характерен для Детройтских миллионеров из двадцатых, обожающих подобный праздник величия.

Всё тут дышало тогдашними представлениями о роскоши, и ты дышал вместе с этой атмосферой сказочности.

Удивительное здание.

Тихие всхлипывания эхом разносились по коридору. На мгновения низкий тембр священника отошёл на второй план. В ушах зазвенел девичий плач.

«Хнык-хнык-хнык»

На нём сфокусировался мой мозг, привыкший за последние дни придирчиво уделять внимания деталям. Плачь казался далёким, но при этом я смог отчётливо расслышать за ним тихий девичий голос.

«Хнык-хнык-так-хнык-жаль»

Он становился ближе, эхо нарастало. Я почувствовал чьё-то присутствие. В этом длинном коридоре, между высоких потолков и среди прозрачных стендов я не один. Плачущая девушка рядом, но в поле видимости она не появлялась. За толстой колонной, украшенной золотистыми узорами (ветви винограда, кленовые листья) показалось тонкое платье белоснежного цвета, развивающееся на появившемся ниоткуда сквозняке.

«Как всегда, сквозняк задул вовремя»

Лёгкий ветерок развивал воздушную юбку, оказавшуюся весьма длинной. Ткань ходила волной, на ней виднелись тёмные пятна, будто совсем недавно девушка грохнулась в лу-

жу. Глаза поднялись вверх, на красивое ангельское лицо – тонкие пропорции, чаще всего встречающиеся у фарфоровых кукол. Золотистые локоны, прикрывающие уши, спускались на спину. На ледяных бледных щеках блестели слёзы, застывшие на месте. Влажные глубокие глаза сверкнули, отобразив в себе мигающий фонарь. Рядом со слезами тёмным следом застыла чёрная тушь, ресницы девушки прилипли одна к другой, как замёрзшие влюблённые.

Белое платье, казалось, желало накрыть собой всю стоящую вокруг мебель, превратив холл мэрии в место расследования преступления. Платье витало в воздухе, оно тянулось ко мне шёлковой тканью. Сейчас, пятна внизу юбки можно было рассмотреть в деталях: словно рассеянный прохожий наступил туфлей на белоснежный наряд. Печальные глаза блеснули в мою сторону. Девушка наконец обратила внимание на одинокого парня посреди коридора, в аккурат напротив деревянной двери.

– Ты в порядке? – спросил я, делая шаг ближе. Печальная незнакомка отступала, смотря на меня как на сбежавшую из зоопарка зебру. Пухлые алые губы разомкнулись, она хотела что-то сказать, но вместо этого рот растянулся в широкой улыбке.

Возможно лучезарной, если на неё посмотреть в нормальном ракурсе анфас. Девушка же поникла, опуская лицо вниз. Улыбка блеснула снизу вверх, переменившись с лучезарной в роковую. Злоба в ней не сквозила, напротив – игривость

и кокетство.

Блондинка хихикнула, позабыв о том что в её глазах продолжали стоять слёзы.

Она взмахнула воздушном платьем, стремительно скрывшись в соседнем коридоре. Секунда – и незнакомка кажется видением, посетившим меня посреди городской ратуши.

В горле стал ком. Невидимая сила толкала меня под задницу, затягивая в соседний коридор. Белоснежное платье сверкнуло за бюстом Джона Грина, волнистые локоны тянулись следом за девушкой.

Я должен её догнать! Если хочет поиграть в догонялки – пускай! Очередная загадка просто не поместится в моём списке неизвестного, там не осталось свободных пунктов.

Я чувствовал себя Алисой бегущей за белым кроликом с огромными часами: моя цель была такой же странной, а я таким же растерянным. Голова раскалывалась, жар медленно нарастал и в голову полезли непрошеные мысли, протекли как мясо с подливкой из школьного термоса. Пробегая по коридорам, тянущимся всё дальше и дальше от зала я думал о Никите. Как он там сказал? «Это происходит со мной давно» или что-то типа этого. Даже не хотелось об этом думать, но мозги сами выставляли логику, пытаясь найти её на месте отсутствия.

Что происходит? У ЖУДы есть тайная скрытая от посторонних глаз сила? Похоже на то. Пора смирится с этой пара-

нормальной дрянью.

Коридоры казались бесконечными и идентичными. Грин, конечно, когда проектировал и строил здание затратил максимальное количество ресурсов. И, похоже, он был пьян. Выпил чуток вина из бутылки выставленной за стеклянной витриной в холле, после чего взял в руки линейку и карандаш, решив поиграть в «змейку» прямо на проекте.

Сейчас же по мэрии можно пускать готовящихся к турниру спортивных бегунов – дистанцию наматывать. И таким чувствовал себя я, но не выдыхался. Загадка, сверкающая светлыми волосами спереди подкалывала.

Белое платье повисло в воздухе за деревянной дверью. Девушка зашла в комнату.

Золотая табличка висела на входной двери:

«Городской архив. Пресса»

«Наконец я тебя догнал!»

Взгляд быстро окинул архив: повсюду бумаги, укрывающие паркет как толстый слой снега. В воздухе пахнет пылью, которая тут укрывает все шкафы комнаты. А их тут было много – они стояли в ряд, как линии в школьных тетрадках. Папки и документы на полках были перерыты, будто в них совсем недавно кто-то копался, пылко желая найти нужный документ. Войдя в комнату я сразу же наступил на лист старой пожелтевшей газеты. След от моей туфли остался на бумаге. Рядом с ней лежал тонкий прозрачный файл. Должно

быть, недавно кто-то достал страницу из него.

«Жестокое убийство пятнадцатилетней девочки в чаще леса. Труп у озера – жители негодуют». «Май 1976 года» – над напечатанным жирным шрифтом заголовком виднелась дата. Несмотря на столь давнее время издания газета прекрасно сохранилась: жёлтая бумага крошилась на пальцах, но текст был весьма чётким. Сердце колотилось от фотографии снизу. Лес, зелёная трава, в которой виднелся силуэт тощей девчонки: короткие шорты и сандалии одетые на босую ногу. Из-под живота трупа вытекала лужа крови. Внезапно обессилившие руки выпустили лист, неторопливо полетевший вниз, раскачиваясь в воздухе как маятник.

Я наклонился, подняв следующую вырезку, очутившуюся под моей ногой. Строчки из газет заставили забыть блондинку, расстроившуюся в воздухе сразу за дверью:

«Нападение дикого зверя. Погиб шестнадцатилетний школьник. Изувечено всё тело» -публикация за 1991.

«14 летний мальчик со вспоротым животом» – 1956 год.

«Девочку заживо спалили после уроков. Зверство в тихом омуте» – 1959 год.

К газете прикреплена фотография симпатичной девчонки. Блондинка с волнистыми волосами. Улыбается, пухлые губы открывают белоснежные зубы. Я знаю её… Это же…

Жар на этот раз прожигал кожу. Я увидел в коридоре девушку, спаленную заживо в 1959. Сомнений не было – чересчур яркая внешность, вбитая в память как металличе-

ский гвоздь. Сердце колотилось как динамит, отсчитывающий секунды до мощного взрыва. Голова варилась как суп, висящий в котелке над костром. В глазах темнело, шкафчики и полочки архива укутывала тьма, бумаги под ногами также ныряли под неё, пол задвигался как экскаватор на станции метро.

Я не хотел верить в существования чего-то, назовём эту дрянь так. То, что не поддаётся моим знанием и то, что вызывает жар сковывающий тело. То, от чего руками хочется вцепиться в голову пытаясь прогнать прочь все эти мысли.

Но не выходит.

Я не хотел верить, но память выдвигала, как туз при игре в «Дурака», видео из школьного туалета. Разбивающиеся зеркало, взлетающий в воздух, как пушинка, тяжёлый парень. И десятки убийств, произошедших в этом городе ещё задолго до Адрианы.

Газета за газетой, страничка за страничкой, строчка за строчкой – насколько хватало глаз, везде разбросанные статьи, и в каждой угрожающее сведение об убийстве подростка, привлекающее внимание крупным шрифтом:

«Расчленённый мальчик»

«Мать сходит с ума спустя три месяца после убийства дочери»

«Пропавшая девочка найдена мёртвой в лесу»

Разные даты, разные люди, и одна огромная тайна, которую скрывает этот город. Я собирал вырезки из газет как

осенние листки на натюрморт, одна за другой, взглядом окидывая жуткие известия.

Руки тряслись. Листы не заканчивались, они уходили под шкафы и медленно падали с полок. Новые, один за другим.

Сколько их тут?

Тяжело дыша я в ужасе поднимал голову к потолку, надо мной угрожающе вздымались высокие шкафы. Их сотни, может быть больше. Листок – на каждом новое убийство. Прямо завязка триллера, продающегося на дальней полке магазина с пометкой «18+». На каждом листе мои сверстники, гибнущие и сейчас. В голову лезли миллион личностей кровожадных убийц, и каждый вариант казался безумнее предыдущего.

«Двенадцатилетняя ученица не вернулась домой с библиотеки. Изуродованное тело закинуто на острые ветви сосны»

… и следующим мог стать я. Андрей, Макс – новые страницы запросто вместятся рядом с этой неаккуратной чередой, никто даже и не заметит. Следующей могла стать Ева.

А кто даёт гарантию, что на следующее утро её тело не найдут закинутым на высокие сосны?

Сосны, лес… Трава, деревья… Убийства в лесу, это их связывает. Конечно, тёмный мрачный лес лучшее место для убийств – это очевидно.

Под ногами обнаружилась тонкая папка, знаете, такая, на обложке которой ожидаешь увидеть красную печать «Совер-

шенно секретно». Из неё вывалилась парочка страниц, на этот раз из журнала. Глянец переливался в дрожащем свете лампы, горящей как маяк: светит– не светит. Она стояла на письменном столе недалеко от последнего шкафа архива; чтоб прочитать статью, я поднёс вырезки прямо под неё.

«Убийство подростка на ритуальной основе. Сатанизм продолжает процветать в городке» – 1993 год. Эпоха, когда дикий навязчивый страх сатанистов наконец устранился.

«Свиное рыло на лице трупа молодой девушки» – 1999 год. Свиное рыло – ещё одна зацепка. Видео с праздника первого сентября, заплаканное лицо Адрианы. Свиное рыло красным небрежно нарисованным кругом красовалось на лбу.

За глянцевой страницей лежала написанная вручную, почти разорванная на два куска записка: «Не поступившее в печать»:

«Серийные убийства детей в городе. Мэр отмалчивается. Почему?» – 2003 год.

«Что скрывают за собой стены мэрии?» – 2004 год.

Провокационный текст, созданный специально для скандала и огромного отклика в обществе. Не удивительно, что статьи так и не увидели свет. Страницы дрожали в руках. Весь город скрывает тайну жестоких убийств подростков, что, если честно, весьма оправданно: кто захочет жить в городе, где из года в год расчленяют детей, рисуя свиные рыла им на лицах?

Все жители не могли отмалчиваться – подумайте, они не смогли бы так надёжно это скрывать. Нашёлся бы сплетник, непоседа рассказчик, который в скором времени слил бы информацию об убийствах. СМИ окрестили бы тихий райский омут «Городом смерти», «Деревней насилия» или «Греховной дырой», спугнув «сливки», словно сдув их с молочного коктейля. Никаких миллионеров не было бы и в помине.

Эпоха социальных сетей застала многих жертв. Достаточно одного поста в Фейсбук чтоб вызвать огромный резонанс.

Как они это скрыли? Неужели в здании, посреди которого я стою, был заключён настоящий заговор, достойный секты масонов?

Шаги. Тихие шаги доносились до ушей сквозь звон мыслей. Я почувствовал чьё-то присутствие. По телу пробежала дрожь. Выронив из рук глянцевые страницы я наконец обернулся.

Белая пышная юбка продолжала развиваться на несуществующем сквозняке. Бледное лицо, золотые волосы, алые губы – девушка оказалась за мной, преградив собой выход. Она всматривалась в меня, сощуривая глаза, будто я был пустым местом. Будто пыталась заглянуть сквозь моё тело.

– Почему ты убегаешь? – спросил я неуверенным тоном. Её фотография наблюдала за происходящим с газетной страницы брошенной на пол. Она умерла, пол века назад стоящую передо мной девушку спалили – сомнений не было.

С крупных глаз продолжали течь слёзы. Они блестели в

тусклых лучах лампы как крошечные языки пламени на холодных щеках. Руки девушки дрожали, словно секунды назад она вылезла из ледяного озера. Спиной я прижался к шкафу, хранившему в себе сотни свидетельств об убийствах.

Не хотелось приближаться к ней ни на метр. А незнакомка продолжала всхлипывать, сделав небольшой шаг вперёд. Глаза опустились на газету, где чёрно-белой краской напечатано её собственное лицо, и слёзы покатились с новой силой.

– Мне… мне больно – прошептала она облизнув губы – Больно до сих пор.

Я прижался к шкафу ещё сильнее (будто это помогло бы) наблюдая чудовищную картину. Левый глаз девушки становился больше, тонкие веки раздвигались, длинные тёмные ресницы смотрели вверх, крупный зрачок медленно закатывался под нижнее веко, оставляя за собой белок, медленно сменившийся на красно-белую часть глаза, укрытую алой сетью из сосудов. Глаз перевернулся на 360 градусов прямо у меня на виду.

«Я схожу с ума»

Веки нехотя отпускали его из своих объятий.

«Пожалуйста, пусть это будет так»

Око выпало из зеницы, упав на мягкую подстилку из газет. Незнакомка приоткрыла рот, пытаясь вдохнуть воздух. Тень скрыла всё находившееся за глазом – блондинка напоминала пирата. Глаз катился ко мне, перекатываясь с одного листа на другое. Нетерпеливо пропуская газетные заголовки

под собой, он докатился до той самой газеты с фотографией. Уютно расположившись на чёрно-белых волосах он наконец замер. Пухлые губы девушки не закрывались до сих пор. Грудь вздымалась и опускалась, незнакомка тяжело дышала.

«Кхе-кхе»

Тяжёлый надрывистый кашель заполонил собой всю комнату. Девушка даже и не пыталась мило прикрыть рот рукой, кашляя всё громче и громче.

Знали ли вы, что я ненавижу насекомых больше всего в жизни?

Знаете что? Я тоже не знал. До этого вечера. До того, как парад необъяснимых фантасмагорий продолжился.

Из тени, заполонившей собой область левого глаза девушки выглянул маленький белый трупный червь, стремительно свалившись на пол. Кашляя, блондинка выпускала из своего рта жутких тварей один за другим. Они вылетали сквозь губы – обслюнявленные, встревоженные, направляясь резкими толчками ко мне.

Кашель прикатился. Незнакомка сомкнула губы, в то время как черви выпадали сквозь зеницу глаза десятками. Послушной чередой, как рота солдат, один за другим. Некоторые цеплялись за щеку, шевеля маленьким хвостиком в разные стороны, некоторые заслоняли путь остальным тварям рядом с веком. Личинки прорывались к свету сквозь замкнутые губы, хвостиком пробиваясь сквозь уста.

Отвращение. По телу будто прокатился заряд тока, усили-

вая желание выплеснуть нутро наружу. Каждый миллиметр кожи шевелился и становился дыбом от вида ползущих в мою сторону насекомых. Несмотря на отсутствие одного глаза, девочка продолжала рыдать. Черёд личинок прервался: все они барахтались среди куч газет, толкая друг друга и желая протиснутся дальше.

Бледная кожа становилась чернее, как в видео, показывающем процесс загара в ускоренной съёмке. Бледные дрожащие руки, лицо, длинная шея – всё становилось темнее. Будто подготавливаясь к следующей невероятной картине.

От тощего тела вверх начал вздыматься дым.

«Господи, вот бы пожарная сигнализация сработала»

Тонкая струйка неторопливо поднималась прозрачной полоской, исходя от рук. Я вздрогнул, грохнувшись на задницу увидев как пламя охватило ладони. Как буйные языки быстро заполонили руки, плечи, ноги. Как они погрузили в себя тонкую ткань платья. Как светлые идеальные локоны начали сгорать словно солома в ангаре. Незнакомка издала дикий вопль, полный… нет, не ужаса, не страха. Боль, шокированный вопль передающий ощущения огня, охватившего всё тело. Он пролетел в коридор, отбившись от высоких потолков и величественных стен. Прозвучал в архиве, звенел в моей голове.

Кожа медленно превратилась в пепел, напоминавший страницы книги брошенной в костёр. Огонь испепелял её, а она продолжала кричать.

Паника. Не зная что делать, как угомонить нарастающий страх, осушивший горло и колотящий тело будто в горячке, я закрыл глаза плотно обхватив уши ладонями, но визг прорывался даже сквозь них. Он будто резал мой мозг острым ножом, разрезая на мелкие кусочки. Голова взрывалась от боли, а тело словно также покрывал огонь. Жар доносился от горевшей блондинки; я чувствовал как пот стекает по спине, по лбу.

Тело дрожало, а сам я вжимался крепче в твёрдую стенку шкафчика.

Животный ужас – именно животный – такое знакомое чувство, поразившее меня своей резкостью в эту пятницу. Ощущая его ты перестаёшь быть человеком, ты безвольный комок, пустое пространство, прозрачное облако. Тебя сдавливают со всех сторон тиски а мозг выключается анализируя увиденный ужас.

Ты думаешь что не переживёшь это. Ты закрываешь лицо руками, желая спрятаться в уютной темноте до конца дней. Ведь там изувеченный труп подростка, сгорающая до тла невероятной красоты девушка.

Ведь там поджидает тот самый ужас.

Каждый раз, думая о характере своего страха передо мной восставал меняющийся симбиоз, принимающий новые формы. Каждый раз страх был чем-то неопределённым, формирующимся и меняющимся. Но, кажется, теперь я знаю как выглядит мой страх. Точнее, я знал, свернувшись клубочком

в углу городского архива. Этот страх медленно сводит меня с ума – об этом я размышлял, уговаривая себя открыть глаза. Я не мог этого сделать. Я хотел оставаться в темноте, ощущая безопасность до конца жизни.

Но свет проник внутрь.

Никакой девушки в помине. Никаких личинок и глаза. Никакого пламени. Лишь газеты, журналы и газеты, укрывающие холодный паркет.

«Уже сошёл с ума»

Уперевшись руками об пол я поднялся. Руки дрожали, ноги тоже. Проходясь по газетам я бросил последний взгляд на злосчастную комнату.

Выйдя в коридор я перешёл на бег, желая уйти подальше от этого места. Крик стоял в ушах до сих пор, даже когда по всему коридору раздавался стук каблуков моих туфель:

«Ток-ток-ток»

Глава 14 #paparazzi

– Поверь, это то самое место где нас никто не увидит – «Такими местами город просто переполнен» – хмыкнула про себя Каролина, взбираясь по узкой ржавой лестнице всё выше и выше. Сомнительное удовольствие: колени дрожали, твёрдая ржавчина впивалась в кожу кистей рук, и всё время дул пронырливый сквозняк. А если посмотреть вниз, так вообще со страху скончаться можно. Или вырвать, вырвать при

парне, перспектива перед которой лучше скончаться – И ты не захочешь, чтобы нас там увидели.

«Оу, заговорил фразами из песен Тейлор Свифт». Из себя выдавила лишь:

– Кхм, кажется у меня не самый лучший вид – сверху нависали ноги, где-то через пять ступеней белые протёртые кроссы «adidas”. Конечно, он пытался пропустить её вперёд. И конечно, все знают ради какой цели. «Нет уж, сегодня я буду наслаждаться видком твоей попы»

– Этот вид стоит мучений. Единственный красивый в городе.

– Хочется верить.

Кэр опустила глаза вниз. Зелёная посадка ярким ковром поглощала железные штыки, поддерживающие вышку. Среди зелени переливались блики уходящего солнца. «Или ты стала абсолютно безумной, или это ОН свёл тебя с ума» – скорее, второе. Процесс подъёма наверх длился куда дольше, чем показывали часы. Ни каких-то там пять минут. Час. Сутки! И каждая ступень считала за должное неустойчиво прогнуться под весом ноги.

– Ага, весь город как на ладони – доносился голос сверху.

Лестница оборвалась. Узкая железная платформа ютилась у самой верхушки – острой антенны, и представляла собой шаткую сетку и поручни у края.

Они встали на ней плечо к плечу, ощущая как поручни будто содрогаются от резких порывов ветра. Но это не пу-

гало: лишь ещё больше сближали. Порыв! – и шатаясь, Кэр прижимается к нему ближе. Порыв!!– и он уже нюхает её волосы.

Мрачная металлическая башня сейчас казалась самым живописным местом планеты, она прорывала как острый кинжал округлый невысокий холм. Как рассыпанный аквамарин в разных местах сияли с десяток бассейнов с лазурной водичкой. Пышные особняки сторонились один другого, как брезгливые ухоженные джентельмены. Ну а чуть дальше шла компания друзей, офисных клерков – серые дома спального района. Видно отбивающий свет заходящего солнца купол церкви, шпиль ратуши. И всё, как неминуемая вирусная болезнь поглощает зелень: леса и посадки, кляксы цвета мха, рассыпанные на блеклом холсте.

Непримечательный сонный городок преобразился на глазах, неизвестно от чего. Может быть он застыл как слиток настоящего золота в свете заката? Или может быть это всё Валентин и его тихий убаюкивающий бас? Хриплый, как скрежет помех старого телевизора.

– Я люблю приходить сюда один, говоря друзьям что иду домой. От них никогда так просто не отделаться – тёплое дыхание ощущалось в волосах – Я садился, свешивал ноги и размышлял.

Каролина обернулась, с трудом оторвавшись от головокружительного вида. Заглянув в глаза Валентина она озвучила мысль вслух:

– О чём ты думаешь?

Казалось, этот вопрос его расстроил. На считанные секунды уверенное лицо помрачнело:

– О многом. Правда, мыслей чересчур много и всё они меня затягивают глубже и глубже. Могу сидеть так до поздней ночи. До рассвета, пока телефон не разорвётся от чёртовых звонков моих приятелей. Переживают, знаешь ли.

Холодные руки медленно поглаживали её плечи. Дыхание перехватывало от пьянящего ощущения полёта, схоже на то чувство, когда после очередного стакана на вечеринке идёшь танцевать, и начинает играет любимая песня. В животе бабочки, голова идёт кругом, и ты смеёшься, прыгаешь, двигаешься как полная дура, но определённо счастлива.

Она чувствовала чистое счастье сейчас, паря над холмом как на ковре-самолёте из мультика про Алладина. Словно хлипкой платформы и не существует, как в клипе Гарри Стайлза, где он летал над лесами и пустынями. Глупо конечно полагать, что сцена воссозданная в видео с помощью спецэффектов и зелёной ширмы повторится в реальной жизни. Но сейчас, казалось, она медленно взлетает. К пушистым, как помпоны, которые она привыкла носить на сумках в году так 2015-ом, облакам, окрашенным в оранжевые цвета пестрыми лучами солнца.

Всё небо вспыхнуло яркими тёплыми огнями. Казалось, в небе происходит пожар, или врата преисподней медленно приоткрываются, готовясь погрузить город в своё пламя.

Её лучшую подругу уже погрузил…

Но несмотря на грустные мысли закат обнадёживал, дарил ощущение величества и свободы. Она молода, привлекательна и амбициозна, впереди новые эмоции и приятные знакомства. Шея вытянулась, подбородок поднялся выше – закат напоминает о приятностях жизни и поджидающих на пути сюрпризах.

Целая жизнь впереди, и она способна её украсить сама. Сформировать как искусный скульптор произведение искусства из глины. Сзади будто выпростали крылья. В голове прояснилось: сейчас стал ясен чёткий план об обретении невероятной жизни.

Один из пунктов стоял рядом, всё остальное заложено в ней самой.

Свежий воздух вскружил голову. Валентин схватил её за руку. Она почувствовала грубую кожу и в то же время приятное тепло его тела. Он взглянул на неё, она на него. Воцарило молчание. Его лицо осветил оранжевый свет: солнце горящим клубком уходило за тёмную линию горизонта. Оно хотело осветить ту тайну, так усердно скрывавшуюся за его глазами. Загадку, которую он хранит за безупречной улыбкой. Тоску, скрывающуюся за шрамами и порезами, оставшимися после уличных драк. Закат мог выдать всё, но Валентин не поддавался. Расплывшись в тёплой улыбке он прижал её к себе. Ухо услышало торопливое биение сердца.

– Я никогда ещё не была так счастлива – место и впрямь

подарило бурный прилив энергии.

– Я никогда не был силён в высказывании своих чувств и вообще никогда их никому не изливал – начал Валентин тихим басом – И из-за этого боюсь что ты можешь не понять насколько мне дорога. Ты просто упустишь мои чувства, которые я боюсь выдавать ещё с самого детства.

– Я ничего не упущу – прошептала Каролина, большим пальцем смахнув пушинку с подбородка Валентина – Я ловлю каждый момент.

Потянувшись устами к губам она подарила ему поцелуй о котором он мечтал всю жизнь. Длинный и настоящий. Освещаемый светом последнего луча солнца. Ладони начали потеть – ужасная неловкость воцарила сразу же, как её губы заключили его в объятия. Поцелуй с языком для него был в новинку, и как же не хотелось облажаться. А что если он её обслюнявит? Или ей не понравится аромат его дыхания? Или она почувствует влагу его рук?

Но сейчас всё пошло как по накатанной: она была чересчур счастлива, чтобы что-то заметить. Улыбалась и целовалась, зажмурив глаза и прижимаясь ближе. Порыв ведра качнул вышку в очередной раз. Каролина засмеялась, Валентин расплылся в улыбке слыша этот смех. Ветер обдувал со всех сторон – сейчас, казалось, так легко взмыть ввысь и улететь. Только им вдвоём.

Огненный шар скрылся за горизонтом. Город погрузился в сумерки, сеть дорог осветилась чередой фонарей, превра-

тив мрак пейзажа в сидящую гирлянду. Пушистые облака переродились в мрачные летящие прочь ледяные осколки – будто те воздушные помпоны в миг разорвались на части. Они переливались всеми оттенками синего, кружа над крышами домов как водоворот.

– У меня есть идея для продолжения этого вечера – прошептал Валентин, точно боясь спугнуть и без того оживленные воздушные осколки.

– Ты где лазил? – Макс шептал настолько тихо, насколько только мог. Из-за этого слова превращались в сплошное «шшшшшшшш». Я еле разбирал их в череде шипящих звуков – Почему ты выглядишь будто искупался в Северно-Ледовитом океане?

– В СЕВЕРО-ледовитом – подправил я, дрожа будто вправду недавно вылез из ледяной воды. Моё лицо полностью покрывали капельки пота, он до сих пор скатывался за тугой тканью костюма. Было неприятно.

Тигрицы перевели взгляды наполненные неподдельной верой (липовой и весьма плохо отыгранной) на меня, в глазах чётко проскандировав: «Закрой поганую вонючую пасть, малолетний засранец, пока мы тебе её не прикрыли!» – выглядели они агрессивно настроенными.

– Ты проторчал в туалете где-то минут тридцать. Вот это реально ржачная история. Смотри, как бы завтра не выставили пост в школьном «Подслушано» – Андрей перевалился

через Макса, стараясь подобраться ближе ко мне и при этом шептать.

«Т-ш-ш!» – мать Алины прислонила указательный палец к устам и осуждающе глянула в нашу сторону. Андрей не заметил.

– Я представляю: фото где ты тужишься на толчке, весь потный, к посту прикреплено аудио с симфонией плотного ужина.

«Т-Ш-Ш!» – второй осуждающий взгляд стал сокрушительным. Андрей вернулся на место.

На сцене продолжал говорить священник. Он поднимал руки, опускал руки, поднимал руки, опускал, как игрушка из «Хэппи Мил». Слова проносились мимо, в ушах звенело лишь «АААА» – визг девочки горевшей на моих глазах.

Тело чесалось. Горело. И вообще, мне было не уютно в своей же коже. Я вспоминал вид трупных личинок, ползущих ко мне, и сильнее вжимался в стул, сильнее потел, сильнее чесался, словно желая снять с себя эту неуютную оболочку (получилось мерзкое сравнение, как и всё увиденное мною за этот вечер).

И снова, как и в другие дни, прожитые в городе, вокруг головы завязывается узел, мёртвая петля, в которую я сам просовываю свою шею. Она перекрывает мне кислород, я не могу нормально дышать, озадачивая себя миллионом вопросов.

Никита – что он вообще такое?

Девчонка сгорающая на глазах – как это понимать?

Кажется, я теряю сознание. И этот убаюкивающий бас действует как колыбель. Тигрицы сомкнули руки в замочек перед собой, должно быть началась молитва. Ну а я стараюсь не отключится прямо во время собрания – выходит весьма паршиво. Просторный зал охватывает тьма, в глазах напускается мутная дымка а уши закладывает громкий крик.

Слыхали ли вы про Банши? Мифологический персонаж из сказаний северной Европы. Красивейшая девушка с длинными золотыми волосами. Она появлялась видением перед глазами людей, которые могли умереть в ближайшее время. В аккурат перед моментом смерти её волосы вздымались дыбом, рот открывался максимально широко и из него выходил пронизывающий крик.

И человек погибал, слышав ужасающий вопль.

Может быть в скором времени я тоже…

Нет.

Нетнетнет.

Только не отключаться, второго позора за вечер я не вытерплю.

Я приподнялся, выпрямив осанку. Стул предательски заскрипел, привлекая внимание на этот раз отца Каролины. В его взгляде прозвучало: «Хэллоу колхоз, у нас тут важное заседание»

Макс полностью растворился в неизвестной мне онлайн-стратегии, выглядевшей максимально банально и тух-

ло. Он расставлял башни на поле напоминавшем шахматное – вот и всё веселье.

Ну а я сколько не пытался вникнуть в речь священника, всё время рядом с его силуэтом видел тень своей Банши – блондинки, сожженной заживо в шестидесятых годах прошлого века.

– И куда мы выйдем? Страшно представить – тёмная посадка не заканчивалась. Она длинной зелёной цепью уходила подальше от центра города, становясь всё мрачнее и мрачнее. Валентин чувствовал дрожь на её теле, крепче сжимая руку и стараясь приутешить девушку

– Ещё чуть-чуть – он благородно предложил руку, ловко спрыгнув с кочки и застыв заглядывая в глаза Каролине.

– Надеюсь, это того стоит – аккуратно сойдя с возвышения, подпираемого могучим корнем дерева, Кэр рассмеялась. Парень робко подхватил её на руки. Взгляды сошлись. Его улыбка на мгновение осветила мрак леса.

– Покажу тебе, как расслабляются обычные парни вроде меня.

– Крутые задиры тоже умеют расслабляться?

– Представь себе.

Оставшийся участок дороги он пронёс её в своих крепких руках, паря над землёй, словно проезжая по ней на гироскутере. Не вспотев, не сбив дыхания, словно Каролина была совершенно невесомой.

– Пришли!

Листва рассеялась, показав за собой лазурный свет бассейна, разлившегося на заднем дворе трёхэтажного особняка. Дом выглядел как могучий дворец из средних веков, бассейн как необъятное озеро. Вверх от воды вздымался пар. Подсветка в глубине воды сменила цвет с ярко-лазурного на тёмно-фиолетовый. С тёмно-фиолетового на ярко-зелёный, окрашивая в эти цвета ветви соседних деревьев. Словно посреди безлюдной посадки развернули бесшумную дискотеку. Подсветка прорывала нависшую стену мрака, освещая широкие окна дома. Сверху сиял миллион далёких звёзд, неторопливо из-за затяжной тучи показалась круглая луна.

– Готова нырять? – парень наконец поставил её на мягкий газон в паре метров от воды.

– Ты… ты… шутишь? Нырять в чужой бассейн?

Валентин кивнул. Его лицо тускло осветил тёмный фиолетовый цвет. Загадочная ухмылка не исчезала с лица.

– Разве не кайф?

– Эм… я не знаю, что сказать – она отступила, пяля в воду как на опаснейшую кислоту – У меня дома такой же бассейн, даже больше на пару квадратных метров.

– Это совсем другое дело – ты поймёшь в чём оно заключается погрузившись в воду. Это ни с чем несравнимое чувство адреналина, расслабления и медитации. Безумный коктейль.

Валентин подошёл к воде ближе, отбросив в сторону чёр-

ную спортивную кофту, небрежно упавшую на траву. Следом пошла белая футболка, которую он кинул к кофте.

Каролина с неприкрытым интересом рассматривала его тело. В свете подсветок показалось знакомое жуткое тату. На животе виднелась пара продолжительных шрамов, один за другим, как решётка в тюремной камере. Они переходили с одного кубика пресса на другой.

– Может, тебе помочь? – Валентин кивнул на кофту девушки.

Знакомое чувство вновь охватило всё тело. С ним она чувствовала себя безумной и невероятно холодной по отношению ко всему миру. Какая разница, что скажут остальные? Неважно что будет потом. И что с того, если все они начнут осуждать за спиной?

Атмосфера разряжалась, и этот двор больше не принадлежал чужому человеку. Он был только для двоих на этот вечер. И возможно, именно это чувство заставило Каролину так быстро влюбиться в незнакомца, старшего её на два года. Окрылявшие эмоции, свобода и счастье, поглощающие каждый момент. Мир становился просторнее, словно вымирал, все люди исчезали.

Может именно эти ощущения ищут люди, разыскивая свою любовь годами?

Кофта полетела к одежде Валентина. Перед ним стояла обнажённая девушка-мечта в одном лишь лифчике «Ля-Перла». Следом последовали джинсы. Парень не отрывая

взгляда от неё также снял свои. Практически голые они стояли друг перед другом, чувствуя струящееся по венам ощущение свободы.

Валентин, не теряя времени с характерной для него лёгкостью подхватил девушку на руки. Она почувствовала насколько он горяч, как уголёк только что горевший в камине. При этом белая кожа никак не выдавала сумасшедшего тепла, исходившего изнутри. Она обхватила руками его шею. Нос уткнулся в грудь парня, пахнувшую бюджетным одеколоном из супермаркета. «Свежесть ментола» – должно быть, он назывался как-то так.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя самой лёгкой девушкой на планете. Может, из-за этого ты мне так нравишься?

Валентин ухмыльнулся, побежав к бассейну. Из-за хохота, разразившего Каролину, не удавалось сложить полноценное предложение:

– Ха-ха-ха… что ты… ха-ха… перестань! – через секунды они погрузились в горячую воду бассейна, в разные стороны полетели брызги. Крепкие руки обхватывали её талию даже под водой. Она чувствовала, как он старается прижимать её крепче и крепче к себе, будто боясь отпустить в свободное плавание.

Только что вымытые волосы насквозь нагло промокли (и плевать!), белоснежная влажная прядь упала на лицо сразу после того как девушка вынырнула. Улыбка не сходила с его

глаз, слегка азартная и озабоченная, как у профессионального игрока в покер, выдвигающего вперёд свои самые ценные фишки. Будто в его ладонях была вовсе не девушка с его школы, а огромный бриллиант, украденный из самого надёжного швейцарского банка.

Бельё от «Ля Перла» промокло насквозь, и всё равно, что сейчас должно быть соски просвечивают насквозь. Плевать что скорее всего он сможет, при желании, налюбоваться на них вдоволь. Плевать что тушь потекла, наделив её чертами образа «грустной вдовы».

Плевать на всё.

Гораздо интереснее рассматривать сеть вен на его руках, тянущуюся от трицепсов непрерывной чередой.

– Твои вены…

– Что с ними?

– Они настолько.... выпуклые

– Тебя это пугает? – он оценивающе опустил взгляд на руку. Волоски на ней стали ещё темнее из-за влаги воды – Я слышал, что девушки считают сексуальными мужские вены на руках.

– Звучит жутко – хмыкнула она – Я считаю сексуальным тебя полностью.

– А я считаю тебя эталоном сексуальности.

– А я идеалом мужской привлекательности.

– Ты идеальная со всех сторон. Я считаю тебя богиней.

– Раз так, боготвори меня!

– Оу, меня это пугает. Ты читала «Американских Богов» Нила Геймана?

– Ты читаешь Нила Геймана? – вопросом на вопрос ответила она.

Тело пробирало мурашки. Будто эта вода обладает свойствами лечебной, регенерирующей и воодушевляющей здравницы. «Никогда себя так не чувствовала» – всё тело покрывали мурашки. От пят до макушки пробирала самая приятная в мире дрожь, сравнимая с ощущениями самого изысканного массажа или лёгкого электрического заряда.

«Бац!» – и ты выходишь из воды новым человеком, свободно дышащим и счастливым.

В последние дни, сразу после инцидента с раскиданными по школе листовками, тело Каролины часто ощущало себя как ящик кирпичей. Плечо – кирпич, шея – кирпич, шевелить ими как поднимать тяжкий груз. Жить вообще – неподъёмный труд. Эти многочисленные блоки начали сходить на «нет», она это чувствовала, перевернувшись на спину и глядя в ночное небо. Как сияющие звёзды пробивают лёгкий вздымающийся в воздух пар, как мимо пролетает самолёт, как густые тяжёлые облака нехотя раскрывают луну, превращающую своим сиянием лёгкий пар в массивную вату.

Прикосновения парня стали неземными. Он сжал её ладонь, а показалось, будто чувство принадлежало чужому телу. Оно было далёким, незнакомым. Словно плавающая на

поверхности воды фигура пустой сосуд, а сейчас она часть всего, что находится над ней: она в самолёте, совершающим ночной рейс. Она ворона, пролетающая мимо и с интересом заглядывающая на купающуюся парочку.

Она звезда – сияющая и бесконечно непостижимая. Её не достигнут ни угрозы родителей, ни насмешки посредственных одноклассников. Она будет продолжать сиять, будет спутником планеты заставляющей её зажигаться.

– О чём задумалась? – шепнул Валентин. Голос доносился под воду и становился таким же далёким, как и прикосновения.

– Да так – белоснежная улыбка растянулась во всё лицо – О том, насколько ненужны сейчас мысли.

Она облокотилась на холодный бортик, аккуратно уложив щеку на мраморную поверхность.

«Сейчас она олицетворяет нежность вообще – задумался Валентин – Нежность в привычном понимании этого слова. Щека, упиравшаяся в костяшки пальцев как мягкая подушка в твёрдую кровать, мягкий аккуратный взгляд и пухлые губы. Как такая как она, смогла появиться в этом мире? Чистая как белый лист. Я не силён в сравнениях, но она именно чистая. А все остальные выходки – сучковатое поведение в школе, громкие грубые реплики – всего лишь маски – она с интересом осматривала его лицо, переводя глаза от лба к носу. В них появлялся то огонь, то тоска – Нет, за чистотой хранится что-то более чем глубокое. Она непростая девуш-

ка. Её разум бездонней чем Мариинская впадина»

И как она смогла очутиться рядом с ним? Рядом с хулиганом из необеспеченной семьи, с надрывом проживающему каждый день своей серой жизни?

Она же мечта: именно это делает момент настолько нереальным. Он грезил о ней стоя у шкафчиков и смотря вдаль, видя как тот безмозглый качок засовывает язык ей в рот. Он сжимал всё что попадалось под руки – погибла не одна шариковая ручка. Он хотел раздавить черепную коробку мудака с завышенной самооценкой таким же образом.

Он грезил о ней наблюдая из угла столовой, чёрного пятна – так прозвали их столик в школе, за центральным столом. Самым видным. Когда через центральные двери входила она, всё останавливалось. Люди смотрели лишь на неё, улавливая мельчайшие движения: искренний смешок, взмах ладонью, волосами, кокетливое опускание глаз. Она никогда даже взглядом в его сторону не повела – ну а как по другому? – к отморозкам, подобным ему, лучше навсегда развернуться спиной.

Сейчас жизнь состоявшая из скорби и утихомиривания пьяного отца наполнилась. Перестала быть такой жестокой, напоминая каждый день о том, насколько она бестолковая. Разбивая все оставшиеся надежды на мелкие осколки. Без матери все они казались непостижными. Лишь один человек создавал его мечты, освещал жизнь и наполнял её. В один день этого человека не стало. Она оставила за собой загадку

и вечное ощущение тяжести, которое смыла горячая вода. Сейчас все их блоки и переживания ушли.

Каролина всматривалась в его глаза, чувствуя ощущение непреодолимого желания. Оно пугало её и манило в одно время.

Валентин искренне хотел стать лучше для неё. Смахнуть все свои изъяны как пылинки тряпкой. Стать новым собой – не уродом, отбирающим булочки с корицей у маленьких пухлых мальчишек. Не садистом, о мыслях которого слагают страшные истории. А чистым и непорочным парнем, стоящим этой девушки.

Жаль что это было невозможно.

Валентин протянул руку к лицу Каролины и нежно вытер капельки воды, стекавшие по её лицу. Медленно и с наслаждением большой палец наслаждался мягкостью кожи, опускаясь вниз, к шее. Он гладил её, вдыхал аромат волос, ощущал пульс стремительно бьющегося сердца. После этого приблизился ближе и поцеловал в губы, ощущая неописуемую феерию внутри. Такая, должно быть, бывает раз в жизни, когда впервые ты получаешь то, чего добивался. Первое место на олимпиаде. Диплом об окончании класса с отличием. Оскар «за лучшую режиссерскую работу», в конце концов. Ощущение это приходит лишь раз и ты запоминаешь его навсегда. После него все чувства становятся блеклыми, невзрачными.

Второй идеальный поцелуй, стоящий самого ванильного

сериала-мелодрамы. Только в мелодрамах не показали бы такую страсть, такую увлечённость друг другом. Это не «О Мистер Грей, я разрешаю вам делать что угодно с моим телом». Это неподдельное желание.

Каролина вынырнула из воды. Ноги в миг задубенели, почувствовав холодные каменные плиты под собой. Всё тело промёрзло до дрожи, но это не заставило её показать свой дискомфорта. Валентин смотрел на неё в оба, как она и ожидала, не спуская глаз с кружевного лифчика.

Она повернулась лицом к бассейну, облизнув мокрые губы. Тошнотворный вкус хлорированной воды заполонил рот.

– Стало чересчур жарко – руки Кэр потянулись к задней бретельке лифчика, начав медленно расстегивать застежки. Одна лямка освободила правое плечо девушки, вторая была на подходе – А тебе как?

Слегка забавной была реакция парня, пускавшего реку слюней в бассейн. Рот открыт – клише, но почему-то все шокированные и возбуждённые люди открывают рты; казалось, он стоит рядом и принимает участие в её раздевании.

«Щёлк!» – скрывавшие грудь кружева оказались в её руках. Ухмыльнувшись, она отбросила их в сторону, оставив лежать на сырой траве. Валентин казалось вот-вот завоет, как Кэри в фильме «Маска».

Самая популярная тема, сразу всплывавшая как только начинался разговор о персоне Каролины – форма её грудей. Сколько она себя помнит, две округлости выделяли её сре-

ди всех. Они выросли раньше чем у остальных девчонок в классе. Начав носить бюстгальтера ещё в начальной школе она вызвала цунами в женской раздевалке.

Когда-то одна завистливая змея сфотографировала её на мобильник, показав всей мужской раздевалке, надеясь на бурю негативных эмоций.

«Сучка, огромное спасибо за рекламу»

«Лучшая грудь города прямо перед моими глазами» – Валентин не сводил с них глаз. Становилось стыдно, он прекрасно знал, что Кэр всё заметила. Он знал, что выглядит как озабоченный. Он хотел выглядишь другим в её глазах – не получалось. Глаза не сдвигались с места.

Каролина нырнула в воду, погрузившись рядом с Валентином. Он мигом заключил её в объятия и осыпал каждый миллиметр тела градом поцелуев. Щекотно, но приятно.

«Чмокчмокчмокчмок!» – забавный звук, схожий на отлипание пластыря от кожи.

«Да ты прямо таки увлёкся, парень!» – он не останавливался, прижимая её к себе всё сильнее и сильнее. Облик джентельмена утерян, проявился тот тщательно скрываемый «плохой парень». Он оставил засос на её шее, вцепился ладонями в ягодицы. Жадно, увлечённо, не отвлекаясь ни на секунду.

Хотелось изучить каждую деталь тела девочки-мечты. Нарисовать в голове чертёж, по которому можно будет согревать себя воспоминаниями в любой момент. В какой-то мо-

мент его руки достигли апофеоза грубости – стало больно.

– Ай! – вскрикнула она, отодвинувшись и продолжая висеть над водой в его объятиях.

Он со страхом поднял глаза – неужели он сделал это? Потерял контроль? Не сдержался? Она никогда не сможет заговорить с ним. Она утеряна. Это конец.

– Прости… – прошептал он.

Удивлённое лицо Каролины смягчилось. Это всё, чего она хотела добиться. Снять маски, обнажить его настоящего. Увидеть того самого Валентина о котором глаголет весь город. Не выверенный образ для девочки из высшего общества.

Она его увидела, и на удивление, осталась довольна. В низу живота защекотало. Грубая сила притягивала её, эта мысль пугала и нравилась одновременно. Кажется, та самая тёмная клякса проявилась на белом листе.

Она видит себя настоящую в отражении, заглядывая в воду бассейна.

– Продолжай… – шепнула Кэр в ответ, прижавшись ближе к парню.

«Щёлк!» – тёмная мантия свисала с дерева, развиваясь как флаг перед мэрией. Хвала высшим силам, что детишки не успели обратить внимание на длинную тёмную материю, и тень быстро запрятала её под спину. Несмотря на тонкость ветвей соседних деревьев, казалось, мрачный призрак лави-

рует над ними.

Экран крупного фотоаппарата осветил белоснежную маску, изображавшую искаженное широченной улыбкой лицо старухи.

«Щёлк!» – ей удалось полностью скрыться во мраки ночи. Они даже и не подозревали, что каждый шаг, каждая их фраза и озабоченный флиртующий взгляд запечатлён в миллионе фото.

«Щёлк!» – девушка снимает лифчик.

«Щёлк!» – слетает одна лямка.

«Щёлк!» – лифчик летит в сторону.

«Щёлк!» – падает на траву.

Мрачная нависающая над горячим бассейном посадка была идеальным местом для укрытия от посторонних глаз. Тёмная пучина, в которой затеряться способен любой яркий свет. Только вот один минус в укрытии дал о себе знать: тонкая ветвь. Она медленно начала проседать, дав сбой плану.

«Хрусть!»

– Ты слышал это? – Каролина вновь отодвинулась от парня. Он не обратил на это внимания, не желая переставать укрывать её тело поцелуями – Серьёзно, кажется тут кто-то есть! – «чмокчмокчмокчмок» – Остановись! – последняя реплика эхом полетела во мрак леса. Град поцелуев прекратился. Парень смотрел озадаченными глазами на свою пассию – Мне кажется за нами кто-то наблюдает.

Парень молча вылез из бассейна. Широкие плечи напряг-

лись в тот момент, когда руки уткнулись в борт, вытягивая тело из воды. По крепкому жилистому телу пробежали мурашки, но со стороны этого не заметно: парень не поддал виду, продолжая неторопливо ступать по холодному газону.

Он озадаченно всматривался в темноту между высокими деревьями, окружившими шикарный особняк. В один момент показалось что он засёк кого-то: взгляд загорелся, всё тело напряглось с новой силой. Каждая его эмоция перетекала в мышцы: напрягся – дёрнулись бицепсы, замёрз – грудная клетка.

– Эй, тут кто-то есть? – громко крикнул он и прислушавшись отступил. Ни звука. Лишь одинокий филин, ухающий вдалеке – Тебе показалось – Он обернулся к бассейну – Никого.

Мрачный силуэт крепко вцепился в ствол, наблюдая за отходящим высоким парнем. Ни звука, ни движения – этого было достаточно для того, чтоб заставить его поверить в пустоту окружающего леса. Парень присел на корточки рядом с водой, протянув руку к щеке девушки. Хотелось бы это заснять, да вот камеру доставать сейчас опасно.

– Леди Кэролайн, мне кажется в последнее время на ваши хрупкие плечики свалилось чересчур много забот. Вам давно пора расслабится. Светлость моя, мой лучик солнца…

– Где украл манеры? Прочёл «Анну Каренину» Толстого?

– Посмотрел фильм с Кирой Найтли – Валентин фыркнул – Могла бы подыграть.

Рассмеявшись, девушка кивнула.

– Господин Валентин – она захохотала с новой силой – Это даже в рифму звучит… – собравшись она продолжила – мистер Валентин (так лучше) я даже и не представляю как столь прекрасный вечер можно сделать более прекрасным.

– Моя дива, светлость моя, лучик золотого солнца. Бокал изысканного красного вина – всё, что нужно для нас. Вы согласны?

– О, мистер Валентин. Винишко это всё что желает моя душа на данный момент. Но где вы его отыщете, мистер Валентин?

Парень кивнул на особняк. Каролина нахмурилась.

– Хозяин дома точно оставил выпить для нас.

– Не думаю.

– Ну, мы просто одолжим у него…

– Я не думаю что это хорошая идея. Одно дело влезть в чужой бассейн, другое – в чужой дом.

– Тшшш… – Валентин прислонил указательный палец к устам Каролины и показал на открытое окно на втором этаже. Белая тюль призраком болталась на ночном сквозняке – Они подготовились к нашему приходу.

Он отступил, подмигнув девушке. С невероятной быстротой подбежал к стене дома, рукой вцепившись в торчащий кирпич. Дальнейшая картина поражала: даже нельзя сравнить с мастерством опытного скалолаза, скорее паук с липкими лапками. Кирпич за кирпичиком, рука за рукой – не

потребовалось много времени для того чтоб он влез в окно.

На белой стене остались мокрые следы от его ступней. Парень пропал, лишь белая штора колыхалась взад-вперёд. Парадная дверь распахнулась, за ней в своих боксёрах стоял Валентин, пышным жестом швейцара отеля «FourSeasons" приглашая Каролину зайти.

Он подсмотрел это в комиксах "Kingsmen", единственное пособие для джентельменов, что ему по карману. Повторять повадки британских шпионов: вот он, весь курс обучения. Сейчас он выполнял задание на твёрдую пятёрку, забыв одеть строгий костюм. По голому телу на кафель стекала вода.

Девушка набросила лифчик, кивнув ему в знак благодарности.

– Ты знаешь, я и без него был от тебя в восторге – хмыкнул Валентин, глазами изучая вычурные кружева.

– Я и не сомневалась – улыбнувшись она прошла внутрь, босыми ступнями шагая по скользкой белоснежной плитке. На ней оставались мокрые следы, весьма заметная деталь (плевать!) оказавшись внутри особняка и почувствовав тёплую руку Валентина на плече, её вновь разразило знакомое ощущение свободы.

Срывающее голову, усыпляющее бдительность безумное ощущение.

Валентин оценивал сзади её изысканные изгибы, облачённые в просвечивающие белые трусики. Тонкую талию, длин-

ные ноги, даже аккуратные пластичные ступни. Сексуальные пяточки – пахнет фетишизмом, но они прекрасны. Как и накрашенные ярким лаком ноготки и пахнущие стойким шампунем волосы. Как и пухлые губы, в которые хотелось вцепиться пальцами, ощупывая невероятную мягкость.

Всё выверено как у античной статуи стоящей где-нибудь в коллекции Лувра и изображённой на страницах учебника истории.

Она же, в свою очередь, оценивающим взглядом рассматривала его мускулатуру: высушенную, каждая жила торчала как у дряблой мумии. Не те раздутые мышцы как у зефирного человека из «Охотников за привидениями», подобная фигура была у Макса. Когда кажется будто бы феноменальные округлые мужские формы накачали с помощью насоса: вставили шланг, два раза качнули рычаг и готово.

Кубики выстроились в сеть, напоминавшую противень для барбекю: второй сверху, находившийся с правой стороны был слегка больше чем все остальные. И вообще, идеальным этот пресс не назовёшь: комплект из восьми присутствовал, но они далеко от абсолютной симметричности.

За верандой находилась кухня. Это стало понятно по теням длинного стола и нескольких стульев. Ощупав стену пальцами, Валентин наткнулся на включатель.

Покрытая белоснежной плиткой кухня осветилась. Повсюду высокие окна, у которых в тяжёлых горшках прорастают зелёные пальмы и прочая экзотика. Длинный коридор,

становящийся тесным из-за расставленных во всех его углах объёмных ваз, вёл в зал. Три софы рядом с которыми стояла плазма. Как элемент декора над этим всем нависал водопад. Для того чтоб побежала вода стоило лишь нажать на кнопку.

– Мы совершаем ошибку – Каролина причмокнула – Ты хоть знаешь чей это дом?

– Тебе не всё равно?

– А если хозяин… Ну, не знаю… безумный каннибал? Или маньяк, убивающий всех кто попадётся ему под нож?

– Не занудствуй – парень прошёл к прозрачному стеллажу, за которым в лежачем состоянии выставлены стеклянные бутылки с алкоголем – А вот и наше вино! – Каролина выглянув из окна на бассейн вновь стала выглядеть озабочено – Собрание закончится через час. Пока из центра доедешь в эту глушь…– он прервался, распахнув дверь холодильника. Из него повалил лёгкий холодок – Сладкое красное, игристое или сухое белое? – ответа не последовало – Беру сладкое.

«С-к-р-и-и-п!» – из тесного коридора послышались приглушённые звуки. Перед тем как прерваться они привлекли внимание пары.

– Ты слышал это? Хозяин уже тут!

Валентин не спешил убегать. Держа бутылку в руках он прошёл в коридор, с интересом всматриваясь в темноту. Вдали виднелась уходящая вверх лестница.

– Сквозняк – повернувшись к Каролине он даже и не по-

дозревал, что их снимают на камеру ночного видения.

«Щёлк!» – Каролина рассмеялась, выхватив из рук парня бутылку. «Щёлк!» – они проходят в столовую. «Щёлк!» – девушка легко запрыгнула на дубовый обеденный стол

Валентин медленно шагал к коридору вслушиваясь в пустоту, даже не подозревая, что их снимают на камеру.

– Сегодня в программе – Вина Нового Света – объявил парень рассматривая этикетку – Чили, сладкое красное.

Схватив хрустальный бокал девушка протянула его к бутылке. Из горлышка полился напиток – Валентин наливал как искусный сомелье.

Налив себе, он запрыгнул на стол и присел рядом с ней.

Минуты прошли невероятно быстро: они разговаривали, но голоса уходили на второй план, становясь совершенно неважными. Темы разговоров проносились мимо, ведь сейчас они были ни к чему. Все слова и звуки становились пустыми. На её губах оставались фиолетовые капли вина – она рассмеялась, как только он кинулся их вытирать своими губами. Забыла о том, что зубы сейчас полностью окрасились в красный.

Он был первым, с кем она не хотела каждую секунду строго смотреть на себя будто от третьего лица.

Он был первым, с кем все произнесённые слова становились ненужной ватой. Все разговоры казались никчёмными. А самым прекрасным было молчание.

Осушенные бокалы остались на столе. Валентин ринул-

ся исследовать кухню, наткнувшись на деревянный ящик. Внутри лежали тёмные аккуратно скрученные сигары.

– Когда хозяева прийдут они заметят следы проникновения – кинула Каролина рассматривая следы на полу. Её ступня отличалась мизерными размерами в сравнении с его. Парень взял две сигары, крутя их между пальцами.

– Пускай – он улыбнулся алой улыбкой, протянув подруге толстый свёрток табака – Будешь?

Девушка нехотя схватила сигару, сухо констатировав:

– Кубинская. Папа всегда курит такие перед полётами – поднеся её к носу она вдохнула аромат – Пахнет тошнотворно.

Парень рассмеялся, взяв сигару в рот. Каролина поступила так же. Валентин поднёс к ней зажигалку, лежащую у коробки на кухне:

– Говорят, так делают только проституткам.

За широкими плечами парня мелькнул силуэт. На секунду кто-то преградил свет лампы находящейся в коридоре. Тень перебежала в гостиную. Губы выпустили сигарету, отлетевшую вниз, на кафель.

– Тут всё-таки кто-то есть – напряжённо выкрикнула Каролина. Голос стал дрожащим и нелепым. Прижав колени к груди она указала в зал – Если это не хозяева, то это та сумасшедшая.

– Что за сумасшедшая?

– Эта Леди V преследующая моих друзей – в глазах парня

читалось непонимание – Помнишь наше первое свидание? Она нас фотографировала.

– Сейчас я разберусь с этой анонимной выскочкой.

Он уверенно зашагал к коридору.

– Выходи, назойливая сука – оглядываясь выкрикнул он. Лестница вдалеке, отвратительная картина пейзажа – кривая и бездарная. Всё оставалось по прежнему – Никого. Тебе опять показалось. Может быть эта Леди начинает тебе чудиться? Я имею ввиду от страха…

– Я не сумасшедшая. Я видела то что видела.

За его плечами показался белый контур. Широкая улыбка. Пугающие тёмные глаза. Многочисленные морщины, искусно вырезанные по деревянной маске. На груди висел громоздкий фотоаппарат.

Она медленно шагала к столовой. В руках, облачённых в кожаные перчатки она держала бутылку вина.

У девушки пропал дар речи. Из рта вышел стон, прежде чем она выкрикнула:

– ВАЛЯ, она сзади – Валентин обернулся, обнаружив бесшумного фантома за спиной. Массивная бутылка полетела в его сторону. Он успел увернуться, дав ей разбиться на мелкие осколки об кафель. В разные стороны алым фонтаном разлетелись брызги. Белоснежный пол выкрасился в красный.

– Ты нарвалась, овца – он не стал ждать, ринувшись за незнакомкой ещё до звона битого стекла. Ладонь схватилась

за шёлковый чёрный плащ, потянув на себя. Цепкая хватка не выпускала его.

Леди V скинула мантию, оставив её висеть ненужной тряпкой в руках парня. Незнакомка вылетела из прозрачной двери веранды. Тонкие дверцы громко хлопнули об стены. Фиолетовая подсветка осветила убегающий силуэт: она пролетела мимо лежака, став зелёной. Перепрыгнула садовый шланг, окрасившись в розовый. Будто пробегая мимо толпы, отрывающейся на танцполе дискотеки. Добежав до стены леса незнакомка слилась с тенью высоких деревьев.

Ладонь Каролины уткнулась в грудь парня, кинувшегося догонять анонима:

– Не беги за ней, по закону жанра главного злодея ты сейчас не поймаешь – Каролина подбадривающе взяла Валентина за плечо.

– И почему же?

– Сейчас не кульминация.

– Может быть именно сейчас конец.

– Нет. Наша история только начинается.

Парень отбросил плащ в сторону, накрыв им дубовый стол.

– Но девственники умирают первыми – хмыкнул он – Я пока жив, так что в нашем случае клише не работают.

Каролина рассмеялась, медленно шагая к выходу и осматривая дом:

– Хозяева нас не простят после такого погрома.

– Никто не узнает – фотоаппарат, висевший на груди маньячки забылся напрочь – Что это было? Ты меня назвала Валей?

– Тебе не нравится?

– Я ненавижу когда меня так называют, но только не из твоих уст: у тебя хорошо получается, мягко и приятно: «В-А-Л-Я». Протяжно и очень забавно. Звучит как в пиксаровском мультике про робота– босая нога поскользнулась на луже вина. Пальцы оставили равномерные следы на плитке.

– Значит я забавная? – смеясь, она пнула его руку кулаком – Забавно было то, как ты упустил маньячку.

– Эй, это ты мне не дала её поймать! – расплываясь в улыбке Каролина напрочь забыла о побуждениях Леди V: разрушить её репутацию, растоптать имя в глазах города…

Удивительно, но в сотый раз за вечер она поймала себя на странном чувстве равнодушия. Плевать на всё, кроме этих незабываемых моментов с ним…

Алина лежала в постели, плотно завернувшись в одеялах как гусеница, готовящаяся стать бабочкой. Разница в том что ужасные ультрафиолетовые ожоги, должно быть, останутся надолго.

И мысль об этом терзала всё время.

Терзала в больнице, во время того как медсестра подошла сделать укол. Терзала во время того, как эта сука схватила её за больное место. Терзала, когда она на неё орала. Терзала,

когда она ехала на машине домой. Терзала, когда ни одна живая душа в доме не спросила у Алины об самочувствии.

«Это всё последствия твоего поведения – «утешила» мать, увидев кислое выражение лица дочери. Замечание она приправила многозначительным «так-так», идущим в комплекте с сочным причмокиванием – Люди не хотят жалеть тебя. Думаю, они просто не могут»

Девушка всхлипнула.

«Нет, я не это хотела сказать – мать прервалась – А нет, именно это. За всю свою жизнь ты так и не научилась фильтровать слова. Теперь расплачивайся»

За секунды по укрытому красными язвами лицу девушки скатилась сотня слёз.

«Убирайся» – сухо констатировала она. Тихий хрип вырвался из-под комка в горле.

«Видишь, вот то о чём я говори…»

«Я сказала ПРОЧЬ ИЗ МОЕЙ КОМНАТЫ» – ненависть. Началось. Жгучее чувство обиды. Теперь она одна, сама по себе. Теперь обгоревшая мумия останется жалким инвалидом, носящим на себе крест «сучки-в-прошлом».

Мать вышла из комнаты захлопнув дверь. Девушка отбросила одеяла. Хлопковые перины укрыли пол, сверху полетели воздушные подушки. Белые – строгие, следом броские яркие.

На рабочем столе лежали канцелярские ножницы. Недавно они пригодились для какой-то глупой работы по эколо-

гии. Что-то про вред пластика.

Ненависть окрыляла. Периодически она сковывала всё тело железными цепями, тяжелой ношей взгромоздившейся на плечи. Но это было лишь последствием первого ощущения – лёгкости. Перед собой ты видишь лишь цель, в голове назойливой мелодией крутится текст и застывает картинка. Сейчас это была красная буква «V”, нарисованная над кабинкой солярия. Сейчас это было самонадеянное лицо матери, возненавидевшей свою дочь ещё в палате, увидев обезображенное лицо.

Казалось, что сразу, как только чадо вышло из её утробы, она с отвращением взглянула на плачущего эмбриона и фыркнула – «Фу, по этой молокососке сразу видно – ненужный биомусор».

– Ты считала меня такой всегда! – визг вырывался из комнаты приглушёнными звуками. Его услышала даже уборщица, вытиравшая пыль на книжных шкафах этажом ниже. Ножницы, крепко зажатые в ладонях девушки разрезали подушку. Из крупного пореза пушистой волной вылетели перья. Они укрыли ступни девушки, схватившей следующую подушку.

– НЕНАВИЖУ ИХ ВСЕХ! – крикнула она вонзив лезвие под ткань. Лёгкость заполнила всё тело. Она готова летать из одного угла комнаты в другой, круша всё на своём пути.

Сейчас перед глазами стоял табун глупых пустых коров, окружавших её в школьных коридорах.

– Алина, я без ума от твоего лака! – рыжая с грязными патлами всегда первым делом засыпала комплиментами как автоматной очередью.

– Алина, твой последний танец – бомба! – обычно все желали сделать комплименты.

– Алина, как называется трек из твоего последнего видео? – «Шазам включи, выдра» – или задавали абсолютно бестолковый вопрос, невероятно избитый и очевидный. Всё чтобы влезть в поле зрения. Целое стадо, цеплявшееся к ней как венерическая болезнь после вечеринки.

И где они сейчас? Хоть бы одна холера («офигенное слово – хмыкнула Алина– так выражалась моя покойная бабка») поинтересовалась об её самочувствии. Она знала – все они в курсе. Новость разлетелась по школе как смерч: ура-ура, та дрянь наконец сгорела в своём долбанном солярии!

– НЕНАВИЖУ! – перья летели в разные стороны, укрывали собой кровать и тумбочки. Ей хотелось закопаться в них, скрыться. Прикрыть себя и никогда не показываться людям.

Ведь от её внешнего вида становилось дурно – в самом прямом смысле этого слова. Десятки белых волдырей, покрывающих красную кожу. Пухлые, толстые и твёрдые. Они шли безобразной хаотичной чередой по коже. Охватывали шею, грудь, ноги.

Смотреть в зеркало стало тяжёлым испытанием. От одного своего вида выворачивало наизнанку.

– Я УРОД! – завизжала она – УРОД!!!

Крик сменился всхлипыванием. Визг стих, из глаз катились слёзы. Она схватилась за живот, в руках по прежнему оставались ножницы.

Жизнь разрушена.

Жизнь, в которой было всё – деньги, красота, популярность. Всё сгорело. Остался лишь пепел.

Лезвия очутились прямо у живота. От погружения под кожу оставалось лишь одно резкое движение. А зачем оставаться тут, если жизнь за минуты превратилась в пепел? Какой смысл жить под пеплом? Зачем бороться?

Так легко всё это закончить: минуты боли и мучения прекращаются. Следует набраться мужества и вонзить в себя ножницы. Найти правильное место. Потерпеть, и всё закончено.

Ничего её тут не держит.

Всхлипнув, девушка отбросила ножницы в сторону. Проскользнув по кафелю они долетели к балкону.

Она будет бороться. Она выберется из пепла.

Всю свою красивую жизнь, популярность, привлекательность она создала сама. Шаг за шагом. Ведь сколько детей миллионеров покрываются прыщами, заплывают жиром и делают вид что им больше по душе какая-нибудь океанология или что-нибудь ещё занудней. Да, она не раз находила в себе недостатки: нос достаточно большой и неаккуратный. Курносый и вздёрнутый – это всегда бесило.

– Леди Гага смогла стать звездой с большим носом, что

мешает тебе? – однажды произнесла Каролина.

– Сравнить с Гагой – достаточно мило, но нос у меня меньше.

Ноги не самые длинные – это смущало. Да и вообще, фигура хоть и сексуальная, но далека от идеала. Природа не наделила её данными супермодели – она гребла сама. Лопатой выгружала снежные горы, загрузившие её жизненный путь. И вот, она стала такой какой её все знают: прекрасной и ужасной Алиной. И что мешает ей взять лопату ещё раз?

Девушка присела на усыпанный мягкими перьями пол. Воздушные и приятные на ощупь – на считанные секунды они успокаивали тело, медленно сковывающееся крепкими цепями.

Схватив в руки АйФон она открыла свой профиль в «Инстаграмм». Иногда он нёс большее, чем хвастовство и обыденное «выставление на показ». Летопись жизни, хранящая яркие события в сухих постах с хэштегами. Вот вечеринка по случаю её шестнадцатилетя: она с Андреем. В одной руке коктейль, другая обнимает его за плечо. Он так и не позвонил сутра.

Она с Каролиной в баре. Весёлый день – они неслись по пустым улицам города, желая успеть на выступление диджея из Торонто. По пути чуть не въехали в проезжающий рядом «Land Cruiser”. Заехали в мороженицу и объелись приторным замороженным йогуртом. Смеялись как не в себя, кидаясь шариками «Нэсквик”, служившими допингом.

С глаз опять полились слёзы. Алина рассмеялась: люди, которым она, вполне возможно, нужна, существовали.

Вечер на долю минуты испортился, когда на платье Алины упал стаканчик с белоснежным йогуртом. Он оставил на нём крупное жирное пятно – от пупка до груди.

– Канадец даже не пропустит меня на свой концерт в таком виде! – вспыхнула она – Чёрт!

Увидев насколько разошлась подруга Каролина улыбнулась:

– Помнишь наш хэштег?

– Какой именно?

Девушка схватила со стола свой стакан с мороженным:

– Я создаю тренды! – рассмеявшись, она вылила холодный десерт на себя, размазав пальцами по белоснежному вечернему платью.

– Зачем?!?!?

– Я не переживу, если твой вечер испортится из-за какого-то там пятна.

Алина рассмеялась, зачерпнув в ложку очередную порцию сладости:

– Мне кажется так даже моднее – шоколадный топинг упал рядом с пятном.

Девочки хохотали, осыпая друг друга йогуртом.

– Ты же знаешь что я буду любить тебя в независимости от внешнего вида?

Алина мягко улыбнулась, сдержанно кивнув головой.

Сейчас это воспоминание пришлось кстати.

Закончился этот вечер похвалой диджея:

– Девчонки, ваши платья – взрыв мозга!– специально для подружек парень переделал песню Marina and the Diamonds “Bubblegum bitch” на «Ice cream bitch”.

Чудесная ночь.

Алина смеялась и плакала, архивируя свои посты один за другим. Новая жизнь – новые моменты. Она начнёт сначала. Теперь она не будет прежней, и новый шаг следует начать с радикальных мер.

Смех и слёзы – новая жизнь начинается. Старая Алина сдохла в солярии – приветствуйте новую и бла-бла-бла. Все слышали эту мотивирующую фигню тысячи раз.

Страница стала белой. Вместо аватарки осталось серое пустое пространство.

Лёгкость ушла. Железные цепи вновь пустились в ход. Одна за другой, они обматывались вокруг шеи, рук, ног. Тело стало тяжелым. Смех прекратился.

Остались лишь слёзы, болезненные и пекущие, раздражающие воспалённые язвы на лице. Боль сковала всё тело.

Ненавистников и правда было много, но кто способен пойти на такое? Кто по-настоящему окутан чистой злостью по отношению к ней?

Кто готов разрушить её жизнь?

И пепел, окутавший всё её существование вновь стал неподъёмным грузом. Хотелось оставаться под ним, пере-

стать дышать и навеки заснуть. Может быть это помогло перестать ощущать эту боль.

Карма такая сука.

Она причиняла боль многим. Унижала многих. Растаптывала самооценку, выбитое под солнцем место в школьной иерархии. Теперь она расплачивается физическими муками.

Плачь перерос в вой, как только Алина стала рассматривать покрытые волдырями ладони.

Стать уродом для гламурной стервы как она – синоним смерти.

Глава 15 #ночьненежна

Май 2018 года

Солнечный весенний день: за окном размеряно выхаживают по тротуару молодые мамаши. Так их шайку назвал Никита – колона женщин среднего возраста, вышагивающая в такт с колясками впереди. Они смеются и общаются, из комнаты можно лишь представить о чём:

– О, Памела, ты наконец прочла ту книгу что я дала тебе в воскресенье!

– Да, она просто чудо! Миллион советов по готовке пряников – мой самый любимый раздел!

Придумывать разговоры незнакомкам Никите было куда интереснее, чем чёртова алгебра. Должно быть, он гуманитарий. Иксы, игреки совокуплялись с цифрами и переста-

ли быть буквами латинского алфавита – забавно. Всё смешивалось в одну беспорядочную кучу, от вида которой становилось дурно. Монотонные примеры, графики и уравнения сродни изучению мёртвого языка. Сродни понимания санскрита на базовом уровне.

И для этого он позвал её – самую сказочную девочку города. Так считали все: родители, ученики и каждый-каждый житель. Идеал во всём, начиная математикой и конной ездой и заканчивая внешностью. «Таких не сыскать» – так говорил отец про Адриану. Он пытался шептать это каждый раз когда она заходила к ним в дом– выходило громко.

И весьма неловко.

Девочка улыбалась и делала вид что ничего не замечала.

Сейчас она уютно уселась на кровати, склонившись над тетрадью. Волосы водопадом загородили конспекты. Девушка сосредоточенно решала пример, Никита сосредоточенно наблюдал. В её мозговом штурме было нечто очень привлекательное – черты лица окрашивались в новые краски. Она мило хмурила лоб, между густыми бровями появлялась неглубокая ямочка. Уголки рта то и дело подымались вверх, а сама она нетерпеливо подскакивала с места, найдя нужный ответ.

«Идеал сидит передо мной»

И как она смогла так крепко сдружится с ним? Обычно подобная «дружба детства» гибнет медленной мучительной смертью. Год за годом, это как привыкнуть пить три стакана

молока по утрам, а потом сесть на безлактозную диету– отвыкать невероятно сложно, но ты понимаешь что так будет лучше. С этим человеком тебя ничего не связывает – он до безумия далёк от своего же образа пятилетней давности.

Тут всё наоборот: Адриана имела популярность, красоту и мозги. Но оставалась с ним, считая его бледность и н многословность «фишкой». Должно быть это и есть настоящая дружба: путать странности и особенности.

По комнате гуляли солнечные зайчики. В дневную пору она полностью заливалась светом – иногда излишне назойливо. Для этого над окнами висели тяжёлые серые шторы: щелчок, и солнце исчезло.

Сейчас оно освещало волосы девушки, заставляя их переливаться в своём свете. В лучах витала крошечная пыль. Длинные ресницы сияли как и шевелюра.

Она подняла взгляд первый раз – пример закончен. Увидев что парень не пишет и не собирается, причмокнув опустила его.

Никита расплывался в довольной улыбке, выглядев как безумец. Горящие глаза, дрожащие губы. Он осветился внезапным счастьем как неоновая вывеска над ночной закусочной.

Адрианна подняла глаза во второй раз. Осуждение читалось как с суфлера.

– Пялясь на меня ты ничего не выучишь.

– Да… – в горле стал ком – Да… Точно…

В последний год общаться с ней стало тяжелее. Пришло осознание того, что он по-настоящему её любит. За собой оно прицепом тянуло вагон ненужных мыслей и комплексов. Каждое предложение сказанное ей становилось нелепым. Оно сопровождалось идиотским «э-м-м-м…», «извини-извини!», «а-а-а-а…». Слова выходили медленно и с трудом.

Он сосредоточено уткнулся в учебник. Санскрит и всё тут – обведённые в красную рамку правила казались полной туфтой. Зачем? Почему? Они не хотели ничего разъяснять, лишь давали миллион новых вопросов. Будто авторы учебника специально хотели запудрить голову читателям.

Глаза взмыли к окну. За ним так же беседовали молодые мамы.

– Ах, Патрисия, твой рецепт пасхального крема брюле – это что-то космическое! Мои чуть не проглотили тарелки вместе с ним!

Глаза переплыли к Адриане и пришвартовались на месте. Тяжело оторваться – чувства вновь дали о себе знать. Нелепое желание прикоснуться к её щеке овладело телом.

– Ты опять?

– Извини… – и вот опять. Общаясь с ней он в каждое предложение вставлял ненужное извинение – Я.... Просто… – он выдохнул – Просто я счастлив.

Девушка замялась. Казалось, в ответ она ничего не скажет. Продолжит молчать, возьмёт ручку и начнёт решать

примеры. Но вместо этого раздался лёгкий смешок:

– Парень, ты делаешь домашку у себя в комнате. Когда ты успел стать счастливым?

– С тобой я всегда счастлив – от её постоянного сверлящего взгляда стало неловко. Дуэль глазами – она смотрит на него, он на неё. Противник по левую сторону кровати проигрывает, орудие вновь опускается на мамаш – Сидя в этой комнате, делая домашку. Смотря на тебя. Это странно, но подобное я ощущаю лишь с тобой, Адрианна.

Большую часть своей жизни он чувствовал себя тряпкой. Не грязной, не чистой. Мягкой брошенной на холодный пол тряпкой. Пустым сосудом. Стеклянные стенки, осушенное дно. Ничем не заполненный, сухой и невзрачный.

Смотря на себя со стороны он элементарно не мог сложить портрет: человек без интересов, живущий лишь своими мыслями. Они ничего не приносят, лишь затягивают его как зыбучие писки. Кружат в нём одна за другой, создавая бесконечную спираль.

Вот, каков он. Человек с растоптанной самооценкой. Человек без лица. Человек, видевший себя как пустое место.

Но только не с ней.

Адриана наполняла его до краёв – правильнее выразиться: дарила ощущение индивидуальности. Вырисовывала потайные черты блеклого характера с искусностью художника эпохи ренессанса. Она выманивала его любовь к жизни как мышь из норы. И прекрасно с этим справлялась.

Она неторопливо прикоснулась к его руке. Сейчас этот жест показался чем-то самим собой разумеющимся, не привлёк должного внимания.

Адриана зажигала его.

Этот жест зажёг его, правда спустя время.

– Понимаешь, я чувствую себя не попадающим в ритм существования. Отставшим, выбившимся из стада трусливым ягнёнком – Адрианна улыбнулась – С тобой иначе. Ты даришь мне ощущение жизни.

– Ты даришь мне слегка иное ощущение.

– Надеюсь положительное – рука девушки поднялась к голове парня, легко прикоснувшись к волосам.

– Можешь не сомневаться – прямо-таки материнский жест: она ласково взъерошила его чёрные волосы. Аккуратно, щепетильно, удивляя внимание каждому волоску.

«Это тот самый момент»

Никита медленно потянулся к ней, желая растянуть этот момент. Насладиться каждой секундой. Губы сомкнулись в нежном поцелуе. Сухой и при этом горячий. Настолько обжигающий, будто именно к этому моменту он шёл все пятнадцать лет жизни.

Нереальный момент – один из таких, что видятся перед сном, во время пустых взглядов в потолок и грёз о лучшей жизни. Ты создаёшь себе прекрасную картинку: улучшенного себя с искусным умением общаться с людьми и невероятным талантом жить красиво. Он был таким в своих мечтах –

уверенным и готовым на любой необдуманный поступок.

Таким был и этот.

Кто давал гарантию что она не оттолкнет его? Кто давал гарантию что она в слезах не выбежит из дома, навсегда стерев его из памяти? Кто давал гарантию что она чувствует то же самое?

Но сейчас рисковый шаг привёл к счастью.

Его холодная рука ласково прикоснулась к её щеке. Он чувствовал её горячее дыхание. Солнечные лучи освещали каждую деталь её лица, пробиваясь сквозь крепкий тандем. Они падали на деревянный линолеум, отбрасывая две тени сомкнувшиеся воедино.

Тогда это произошло впервые. Тогда он почувствовал что симпатия взаимна, что он готов к поцелую с лучшей девушкой. И тогда он отчётливо прочёл свои чувства.

Поцелуй оставил после себя сладкое послевкусие. Оно застыло в воздухе, в довольных улыбках, в мыслях. Поцелуй, о котором он мечтал всю жизнь. Поцелуй, который она, вполне возможно, возжелала ещё давно.

Поцелуй, после которого у каждого сидящего в комнате появились ответы на с десяток вопросов.

– Хочу тебе кое-что показать – улыбка не тухла на лице Никиты. Он соскочил с кровати – матрас подпрыгнул на пружинах. Схватив чёрный потрёпанный рюкзак, на каждом из двух передних карманчиков весело по трём ярким значкам,

он расстегнул молнию. Рука торопливо залезла вовнутрь.

– Что ты делаешь?

– Подожди – он прикусил язык, руками нащупывая содержимое ранца. «Шарк-шарк..» – Нашёл!

В кулаке парень зажал несколько листов в клеточку. Шагнул в одну сторону – из пальцев вылетел листок, упав рядом с ножкой стула. Шагнул в другую – ещё один приземлился рядом с кроватью.

– Ты единственная, кому я могу доверять.

Постепенно комната укрылась вырванными из школьной тетради листами.

– Ты странный – хмыкнула Адрианна, потянувшись к бумаге приземлившейся рядом с ней.

– Оставь её.

Следом из рюкзака посыпались тетради, затем учебники, ручки, небрежно высыпающиеся из пенала. Они закатывались под тумбы, кровати, оставались недвижимо лежать на полу… Комната превратилась в беспрерывную чехарду школьного барахла.

– Готово – будто оставшись довольным своим трудом, парень плюхнулся на кровать. Колени поджал к груди, ладони положил сверху. Глаза закрылись.

– Ты превратил комнату в свалку. Что значит «готово»? – Адриана не понимая улыбалась.

– Тихо.

Парень полностью ушёл в себя, сосредоточенно прогова-

ривая слова одними лишь губами. «Выходи» прозвучало достаточно ясно. Беззвучные движения переросли в шёпот.

– Ты заснул?

Он не обращал внимание, погрузившись в общение с невидимым миром. Ладони начали дрожать. Правая ноздря нервно подскочила вверх.

Адрианна напрягалась.

– Выйди – агрессивно бросил он – Выйди и покажись.

– Ты это мне?

Девушка нервно заёрзала на месте.

В углу комнаты конспект воспарил в воздух. Поднялся с места легко и бесшумно. Абсолютно невероятно.

Адриана озадаченно осмотрелась по сторонам – кондиционеров в комнате нет. Окна закрыты. Листок за листком, конспект за конспектом взлетал в воздух. Один за другим. Они кружили в лучах света, натыкались друг на друга, лавировали как бумажные кораблики над лужей.

Взлетели тяжёлые учебники. «Литература» подорвалась со стола. «Английский» поднялся следом. Они подлетели к кровати, смирно застыв над головами пары. Мимо них проносились ручки, которые, казалось, вот вот и вонзятся им в глаза. Листы кубарем летели прочь. В комнате будто задул десяток ураганов, вихрей и смерчей. Только каждый действовал по-своему, существуя для определённых предметов.

Так, в центре комнаты над ковром, словно от сильного торнадо, кружил карандаш, не переставая наматывая круги

по часовой стрелке. Листы описывали ровный овал, летая по кругу.

Необъяснимо.

Десятки летающих вещей создавали сквозняк, игриво взъерошивающий шевелюру Адрианы. Длинные волосы периодически подлетали в воздух.

Никита раскрыл глаза.

Подруга выглядела шокировано, озадаченно но при этом… восторженно. Улыбка не сходила с лица. Она наблюдала за каждой маленькой вещью, скользящей по воздуху комнаты.

Она будто бы хотела прикоснуться к каждой ручке, изучить каждый листик… Карие глаза наполнились вовлечённостью и верой. Они горели.

Она глубоко вздохнула, пытаясь выдавить слово:

– Это… это… просто… – она рассмеялась, прикрывая рот ладонями – Это просто невероятно! Как ты это сделал?!

Улыбка быстро сошла. Почудился лёгкий толчок – кровать вздрогнула как будто под матрасом кто-то лежал, желая выйти наружу.

– Мой маленький секрет – Никита улыбнулся – О нём знаешь только ты.

Девушка вскрикнула.

Тонкие ножки массивной кровати оторвались от пола.

Новый скандал при участии члена известной всеми и «го-

рячо любимой» шайки мажоров – огромный тяжёлый сапог. Школа – переполненный озлобленными пчёлами улей. А теперь представьте: сапог замахивается, и «бац!», со всех сил бьёт по пчелиному дому.

Хаос, суматоха, шум.

Достаточно привычно для школы имени Дилана Грина.

Так начался мой новый день. Вообще, правдивей сказать, начался он с нервного застывшего взгляда в потолок. Такое ощущение, будто ты никогда не встанешь с кровати. Будто твоя жизнь ужасно бессмысленная штука, прозрачный носовой платок, если угодно, в который сморкнулись густой соплёй. Я сломлен, а в голове в довесок звучит пронизывающий крик. Каждый хрип и стон кажется до боли знакомым. Наполненные болью и ужасом звуки.

Затем я перенёсся в школьное здание – почти на автомате. Как лунатик, идущий к полному месяцу. Шаг за шагом: под глазами синяки, рот открыт в попытках сделать хотя бы ещё один вдох, вид жалок. Со стороны, должно быть, для всех прохожих я был «несчастным мальчиком». «О боже мой, посмотри, какой несчастный мальчик! Это же тот самый, ну как его.... Обнаруживший труп! Во!»

На входе ко мне прилип Андрей. «Прилип» звучит грубо, знаю, просто я ощущал себя мягкой клейкой лентой. Молчав, я выслушивал его новые истории постоянно кивая.

Выглядит он на удивление свежим: сбрил щетину на подбородке, лицо украшала «та самая» нахальная улыбка, гла-

за сверкали смотря лишь вперёд. Все остальные склонялись под его ногами, прилипая к стенам коридора и освобождая «ковровую дорожку» для главной звезды. Десятки людей хотели поздороваться с ним, но, видно было, прерывали себя на полуслове. Один из игроков местной футбольной команды поднял руку и украсил себя дружелюбной улыбкой. Сразу передумал.

Похоже это было на непроницаемое прозрачное поле, не пускавшее никого к Андрею ближе чем на пять шагов.

– Так вот, я хотел купить газировку. Стоял у ряда с соками, знаешь, не тот там где все сладкие напитки а именно соки. И там была она – просто зажигалка. Поворачиваю голову раз, смотрю, она взгляда не отрывает. Должно быть наслышана обо мне. Просто как зацикленная, уткнулась и всё тут. А я сразу подметил – горячая малышка.

«Бла-бла-бла» – удивительно, но Андрей иногда дал бы фору любой блондинке любящей поболтать с подругой по телефону, одновременно делая маникюр.

– Такие не ходят в магазины семьи Никиты – я то знаю. Сам случайно зашёл. Мусорка там редкостная. Недавно видел в ютубе видео где из банана в супермаркете вылазит гигантский бразильский тарантул – жесть просто. Думаю, не в магазине родителей этого поехавшего снимали ролик?

Все, находившиеся перед кабинетом экологии напряглись. Заметил я это по тому, что крепкие цепи внимания, прикованного к моему брату в миг треснули и разорвались.

Толпа склонила головы. Люди один за другим достали смартфоны.

– Так вот, о чём я. Никогда не видел эту красотку – достаточно странно. Таких я запоминаю всегда, в сотке процентов случаев. А тут стоит бомба, мигает офигенски длинными ресницами, в одной руке держит смузи, в другой телефон, в глазах пожар. И мне становится стыдно, ведь я совсем её не припоминаю. Прикинь?

Причмокнув, я закатил глаза.

– Хочу напомнить: твоя девушка в больнице. Многочисленные ожоги, нападение, всё максимально ужасно.

– И?

– Даже отбросив все моральные нормы – воздержись от заигрывания с другими, хотя бы во избежание осуждения общественности.

– Да что ты прицепился к этой общественности? После того, что мы пережили окружающие и их сранное мнение – последнее дело.

Перед глазами девушка, тощее тело которой в мгновение покрывает огонь.

Крик боли.

Я чувствую обжигающее тепло.

«Да уж, точнее не скажешь»

– Вот ШЛЮХА – компания «свитеров» сегодня перепрыгнула свою же планку креативности. Каждая злобная заучка надела яркий цветной свитер, повторяющихся не было

– Интересно, они там трахались?

– Мне плевать, хоть террористический акт планировали – нет, два одинаковых свитера оранжевого цвета присутствовали. Как у Велмы из мультиков про «Скуби-Ду» – Фу, мне тошно смотреть на это порно. И зачем нам это прислали?

– Они тут в купальниках, фантазерка. Просто целуются – ничего более.

– ПРОСТО ЦЕЛУЮТСЯ? – конопатое пухлое лицо девушки стало красным. Я встречал её в Инстаграм – сплошь кофе, книги, и разрушающее мировозрение своей концептуальностью композиции из кофе и лежащих на столе книг – ДА ЭТО ЖЕ… ЭТО ЖЕ…

– Девочки, что происходит?

Оранжевый свитер выдохнула. Рука с телефоном в ней опустилась, невинно почесав бедро облачённое в багровые чулки. Послышался скрипучий звук– «шорх-шорх». По конопатой физиономии, как швейцарский сыр фондю, расплылась невинная улыбка.

– Андрей… Мы как раз обсуждали…

По коридору прокатилась вторая волна уведомлений. Симфонический оркестр из рингтонов: ударные – стандартное «Блы-н-н-ь», на клавишах – клаксон айфона парня с ярко-желтым рюкзаком, сбивает композицию звук называющийся «дверной звонок» или «мамба».

Знаю я это, потому что ещё вчера выбирал рингтон на перемене после биологии.

В кармане раздалось вибрирование. Мне также пришло СМС. Андрей достал телефон первее, осветив озадаченное лицо белым светом экрана. Он замер, внимательно всматриваясь в текст сообщения.

По школе прокатилась буря из негодующих возгласов. Традиционный сет из «шлюха», «тварь» и «прошмандовка».

Кто-то ещё говорит слово «прошмандовка»? Удивительно.

Кажется, я догадался что так взволновало школьный мир. Его взволновать с такой силой могло лишь одно. Точнее, одна.

Блондинка, которая наплевала на все ходившие вокруг неё стереотипы, и решила жить как вздумается, нарвавшись на тяжеловесный бумер, распластавший её репутацию по капоту как клубничный джем.

Ожидания оправдались: в «непрочитанных» ВатсАп два файла. Две фотографии, сделанные на дорогостоящий качественный объектив. Первый – скандальная пара в подсвеченном фиолетовым бассейном, из которого одна за другой вылетают прозрачные струйки пара. Их уста сомкнуты в страстном поцелуе, крепкие руки Валентина, покрытые венами, смыкаются вокруг стройной спины девушки.

Второй – столовая богатого дома. Это понятно по искусно вырезанным ножкам дубового стола, будто сделанным на заказ именитым столяром. Девушка сидит на нём, оставляя мокрый след. В губах кубинская сигара. Парень рядом,

всматриваясь очарованным взглядом в её волосы.

– И что? – вслух удивился я, ещё до того как прочесть текст.

«СРОЧНЫЕ НОВОСТИ из жизни блондинки лёгкого поведения.

Подстилка гопников на этот раз поразила весь город, незаконно проникнув на территорию особняка директора местного металлургического завода – Владислава Андреевича. Более того, обычного осквернения его бассейна голубкам показалось недостаточно: они забрались в его дом, занявшись сексом на кухонном столе.

Удивлены?

Больше похоже на новость из частной жизни какой-нибудь поп-певицы: «Очередной фанатик проник в дом звезды шоу-бизнеса», или на клип Селены Гомес.

Теперь такое происходит в НАШЕМ городе»

Приемы настоящего лидера крупной политической партии – акцент на важности места, в котором живут все получатели письма.

«Надеюсь маленькая грязная преступница поплатится за свои ужасные поступки. И надеюсь, дело не ограничится многозначительным «ну-ну» от родителей.

Как дела, сучка?

Передавай привет гопниковским яйцам.

Хорошего дня, школа.

Ваша блюстительница справедливости – Леди V”

– Маньячка решила пойти более экономным путём – сказал я Андрею, подняв глаза на его удивлённое лицо. Он рассеянно осматривался по сторонам, взглядом ища героиню скандала – Больше не тратится на бумагу.

– Угу.

Он был явно озадачен. Свитера с интересом всматривались в его реакцию. На лице оранжевой сверкнула хитрая улыбка.

– Надеюсь её посадят в колонию для несовершеннолетних.

– Надейся, малышка. На завтрашний день все это забудут.

– И каким образом? Это же нарушение закона!

– Поверь, её родители знают что делать.

Улей бушевал. Сейчас все примерили на себя мантию судьи, разбрасываясь знаниями закона с лицом найумнейших знатоков, когда-либо ходивших по этой планете. Все размахивали перед собой смартфонами, желая разыскать изгоя, до которого ещё не дошла экстренная новость.

«Ты видел?»

«Ты слышал?»

«А Я ЖЕ ГОВОРИЛА ЧТО ОНА ШЛЮХА!»

Теперь, к привычной «шлюхе» прибавилось окончание «-уголовница». Инстаграм-звезда притягивала новые клички и прочий мусор как пылесос.

Улей жалит часто и очень болезненно. Она в этом убеж-

далась, проходя всё глубже и глубже.

Толпа привычно расходилась как Красное море перед Моисеем, но на этот раз не сдерживала накопившийся гнев. Должно быть, так себя чувствовали ведьмы в средневековье, прокатываясь в открытых клетках на смертную казнь.

– Нет, ну ты посмотри на неё!

– Даже после ТАКОГО вырядилась как куртизанка! – и даже непонятно, чем она могла вызвать такую внезапную ненависть со стороны школьников. Как лужа керосина, мгновенно возгорающаяся от одного не потушенного окурка.

Они ненавидели её. Дышали ненавистью. Готовы были в любой момент набросится и растерзать посреди коридора.

Прижав учебники к груди посильнее, она ускорила шаг. Словно от этого негодования можно убежать. Куда бы она не повернула, везде находились смельчаки острые на язык. Похоже на то, что у всех находящихся в школе один узкомыслящий мозг. Одно заезженное мнение. Находились, конечно, те, кому было всё рано. Но и они не скрывали недоброжелательных взглядов.

«Образ сучки тебе к лицу» – голос Алины звучал как светлое наставление, высказывающие истину жизни. Слова вырвались из горла Каролины, прозвучав звонко и уверенно как проигрыш бас-гитары на концерте «Coldplay”.

– Пошли вы все! – этого хватило, чтобы на секунды утихомирить толпу – Мне нравится этот человек, и ваше осуждение выглядит жалким на фоне наших чувств! Усекли, злоб-

ные помойные крысы?

– И вашим чувствам неподвластен даже закон, да, Кэр? – Вика. Настырная блондинка, которая достанет любого своим не стихающим желанием добиться абсолютной справедливости в этом мире.

– Что ты имеешь ввиду? – девушка удивленно всмотрелась в дрожащие от злости губы, в сверкающие глаза. На лице отобразилась широкая улыбка:

– Ах, ты не знаешь? Полюбуйся – к лицу подобрался телефон. Безвкусный розовый чехол, укрытый слоем царапин, за которым не просматриваются даже вульгарные блёстки. На стекле трещина. За ним то самое СМС. «Девушке не простительно держать АйФон в таком состоянии» – хотела выпалить она, но дыхание перехватило. Они с Валентином, сидящие на столе в чужом доме.

Они всё знают.

Ну конечно же, эта стерва в маске только этого и хотела. Это смс было лишь вопросом времени.

К глазам подкатили слёзы, удержать которые стало вопросом принципа. «Что же теперь со мной будет?» Толпа завращалась тошнотворным калейдоскопом. Школьный лазурный кафель уплывал из-под ног.

Паника. Должно быть, она именно такая. На ум приходят всевозможные варианты развития жизни. Первый– женская колония. Как в «Оранжевый – цвет сезона». Второй – жизнь в пахнущем собачей мочей домике сделанном из кар-

тонок. Почему-то тут представляется орущий младенец на руках без отца, хотя неизвестно от куда он взялся. Третий – жалкое существование, походы от одного старого предуна к другому, в надеждах выклянчить деньги на хлеб. Скорее всего, родители откажутся от дочери после этой новости.

Каролина подняла глаза на довольное лицо Вики. Хотелось плюнуть в него. Вцепиться в волосы. Расцарапать самодовольное выражение лица.

Хвала небесам, она вовремя себя сдержала. Как раз в тот момент, когда левая нога сделала шаг вперёд к самодовольной стерве. Внезапно, Кэр вспомнила про неё интересную вещь. В девятом классе весь первый семестр её называли «королевой вибраторов», после того как один умник выложил бумеранг с ней. Там настырная блондинка «развлекается» с игрушками в одном из магазинов электроники.

Ну вы не думайте – она просто их включала и выключала, чувствуя себя маэстро перед роялем.

Кэр скрылась прочь из коридора.

Слёзы ушли – сейчас, в постоянном ритме громко бьющегося сердца, в картинах мрачного будущего, они были абсолютно лишними. Девушка не различала таблички на дверях кабинетов, лица вокруг и громкие звуки. Она хотела сбежать, сбежать быстрее из этого города.

То самое ощущение, когда ты знаешь что сотворила что-то плохое, но неготова понести за это наказание. Всё тело охватила крупная дрожь – и больше она не уверенная суч-

ка. Теперь, скорее, пугливая напуганная лань, убегающая от жестоких охотников.

Становится невыносимо жарко. Невыносимо громко. Возникает нужда в свежем воздухе.

Паника чистой воды.

Каролина идёт в неизвестном направлении, пытаясь усмирить накатившую дрожь. И где же Валентин, когда он так сильно нужен?

Она никогда не пересекалась с ним в коридорах. Вообще, выпускной класс встречался ей редко. Осматриваясь по сторонам она совсем не заметила, как уткнулась в чью-то крепкую грудь. Широкие плечи, знакомая американка пахнущая новым мужским ароматом от «Dior" – прекрасный запах.

Макс, она всегда узнает его лишь по этим двум признакам. Он удивлённо смотрел на неё сверху вниз, как отец смотрит на свою провинившуюся дочь.

Разговор с ним оставался делом времени. Он был необходимым, но нежеланным. Его слова ранили её как пули высокого калибра. Парень не сразу отвёл глаза от девушки-сенсации, пристально всматриваясь в неё будто перед ним Чубака из «Звёздных воин». Не прошло и десяти секунд как он опомнился, включив стандартный образ «обиженки» (да-да, Каролина считала: один… два…) – нос задрал, губы скорчил в помятый плоский бантик, а сам отвернулся.

Духи Диор мягким порывом последний раз ударили по носу Каролины.

Язык уже практически повернулся чтоб выкрикнуть приветствие парню, как тут прозвучал ужасно громкий гундосый голос. Напоминает озвучку практически всех уродливых персонажей из мультиков: будто носа и не существует в помине.

– Как живётся, грязная шлюха? – к ней вплотную подошёл Виктор – местный предводитель шайки болванов из баскетбольной команды. Все их называют «одноя́йцевые», хоть и боятся, конечно же, сказать в лицо. Все знают, что парни ходящие за спиной этого уродца наделены впечатляющей силой. Однажды они отлупили одного из «адидасов» – хот это всего лишь слухи.

Виктор – прямо таки вылитый помощник Франкенштейна. Должно быть, кто-то слепой или сумасшедший сказал ему о том, что он сексуален. Лицо будто перемолото блендером: нос с горбинкой, левый глаз больше правого, рот напоминает молнию по своим резким изгибам. Урод, умеющий нести себя как самого востребованного альфа-самца. Сыпет в разные стороны кислотным дождём из матов. Все его давно узнали по грязному рту, изрыгающему самые постыдные ругательства.

Приводить пример не прийдётся.

Сейчас эти восемьдесят семь килограммов настоящего внешнего уродства нависли над ней. Зубы, весьма ровные для такого убого лица, обнажились в ухмылке-молнии. Квазимодо оценивал степень негодования жертвы. А она выхо-

дила за все поставленные рамки.

Для Кэр банальная фраза стала лишь хлопком, выстрелом после которого напряженный марафон начался. Ладони сжались в крепкие кулаки. Захотелось одарить кривой нос Виктора ещё одной горбинкой, превратив его в своеобразную лесенку.

– Ах, шлюха говоришь? – Каролина сделала уверенный шаг. Тонкие руки толкнули обидчика в грудь. Холм из мышц пошатнулся, найдя опору в лице своего друга – более удавшегося лицом баскетболиста.

– Оу, детка. Все обсуждают твою готовность, но чтоб так сразу – ухмылка-молния продолжала сверкать самодовольной гримасой на отвратительной роже – Мне нравится. Можем начинать прямо тут.

– Да пошёл ты нахрен! – ладонь всыпала громкую пощечину озабоченному мудаку. Звон прокатился по толпе, ожидающей урока у кабинета истории.

– Ты нарвалась, манда – молния затянулась тучами. Улыбка сошла. Вместе с красным следом от хрупкой ладони на лице Виктора отобразилась чистая злость. Он превалился к ней, протянув крепкие руки к тощему телу. Напоминали они железный кран в автомате, цепляющий мягкие игрушки. Девушке показалось что этот парень и вправду может её ударить. Никто бы не осудил, все только этого и ждали.

Она чувствовала его тяжелое разъяренное дыхание. Чувствовала его возбуждённость и готовность к самым постыд-

ным поступкам. Сейчас стало не по себе – но лицо, выражавшее холодное безразличие, этого не отобразило. Она встала на месте, зажатая между взволнованными телами, в ожидании дальнейших событий.

– Ещё шаг – и я превращу твою кривую сосалку в более страшное месиво.

Диор вновь ударил в нос. Широкие плечи, укрытые бело-серой американкой заслонили её от злобной стены.

– Заступаешься за бывшую, подтеревшую об тебя зад как об дешёвую туалетную бумагу на заправке? Очень благородно.

– Вали отсюда, мудила.

– Или что? – через плечи просматривалось лицо, жаждавшее закончить начатую перепалку. Решимость, стойкость – Что ты сделаешь?

Вокруг Макса всегда стоял сложенный годами авторитет. Такой может быть лишь у капитана школьной команды. Но Виктору на него явно наплевать. Зависть, злоба. Сейчас он проникался ими как половая губка.

– Уйди нахрен с дороги, и дай наконец проучить эту шлюху.

Макс толкнул Каролину, замахнувшись и ударив в первый раз.

Началась очередная драка.

На этот раз дерущиеся не стали показательно валиться на пол. Всё оказалось предельно просто – пару сильных ударов

кулаком прямо в физиономию, и определить победителя не составило труда.

Из шнобеля хама стекала струя крови. Под глазом обозначился синяк. Это просматривалось сквозь тени резких ударов. Стоявшая вокруг толпа осветилась в свет заставок смартфонов. Никто не кинулся разнимать дерущихся, точнее, грушу и боксёра. Одна рыжая, с рассыпанными по лицу веснушками, начала прямой эфир.

«Один зритель – как иронично!» – про себя думала Каролина, пытаясь разнять парней (безуспешно). Вообще, приложи она усилий на процентов пять больше – всё бы удалось. Но ей хотелось чтоб парень проучил наглеца, готового напасть на девушку.

Подобные ублюдки представляют нешуточную опасность для общества в целом. «Потом такие перерождаются в мудаков-сексистов, избивающих жён одновременно хлеща дешёвое пиво из пластиковой банки».

– А-А-А. АААА – омерзительные звуки сродни пения злобных русалок-сирен из фильмов про пиратов. Они отбиваются эхом от стен, звучат скрипом в мозгу каждого. Ультразвук, который страна должна использовать как потенциальное оружие.

И кто может его издавать? Точно– учительница по истории!

Мерзкий хрип сопровождает каждое её слово. Нет ни одного предложения, которое эта бестия вымолвила бы без

воплей.

– А-АА-ААА РАЗОШЛИСЬ!!! – вот это сработало по-настоящему. Парни разлетелись друг от друга став смирно как плюшевые зайчики. Лица добрые, невинные, правда по одному продолжает стекать кровь.

– Я ЖДУ ВАС В КАБИНЕТЕ У ДИРЕКТОРА – сразу после прозвучал визг– АААА!

С этим визгом она открыла крупным железным ключом свой кабинет.

– АААААА-А-А-А!!! – единственная учительница во всей школе, не пускающая учеников в класс до звонка (бредовое правило, выдуманное ей же).

– Макс – парень услышал не сразу, с гордостью победителя осматривая поверженного врага. К нему сунулись все члены шайки, по очереди высказывая восхищение (лесть чистой воды) – Макс!

Парень обернулся.

«Ох, Диор, Диор…»

– Спасибо. Правда спасибо.

Он закатил глаза.

– Я бы за любую девчонку заступился.

– Ну да, ну да… – на левой щеке парня медленно опухала шишка. Всё таки грабли урода задели его лицо – У тебя фингал.

Макс ухватился ладонью за щеку.

– Ничего страшного, просто синяк.

– Надо срочно что-то приложить – она сняла с плечей небольшой рюкзак от «Michael Kors” шоколадного цвета, расстегнув молнию и проникнув внутрь. Холодная банка диетической колы с ванилью сразу же попалась под руки.

– Спасибо, Кэр – прошептал Макс после того, как блондинка бережно приложила баночку к синяку.

Каролина расцвела. Он был первый, кто в семь лет придумал сокращённо называть её «Кэр». Они играли в «Марко Поло» в бассейне, и тогда такой вариант имени прозвучал впервые – Мне жаль.

– За что? – девушка попыталась смягчить лицо, выразив непонимание. Хотя она прекрасно знало, что причин для жалости было много.

«Может, за те «милые комплименты» что ты мне высказал в «Пауках», гавнюк?»

– Я много лишнего сказал в среду. Прости.

Она молчала.

– Правда, я не считаю так. Всю неделю жалею о сказанном.

– И я не права – её голос прозвучал как сироп для ушей. Тихий и мягкий– Надо уметь расставаться красиво.

– Что же, нам остаётся только учиться.

По коридору прокатился смех. Окружающие смотрели на них как на пару сатанистов, планирующих массовое убийство.

Старая добрая парочка: этот город запомнит их именно так и не иначе. Она – улыбчивая, хрупкая всегда готовая по-

мочь ему – брутальному самодовольному капитану баскетбольной команды.

Должно быть класс шепчется и подсмеивается над парнем, вылетевшим в туалет прямо во время урока истории. Начался разговор за фашизм. В кабинете стоит могильная тишина, и лишь крикливая истеричка визжит и брызжет слюной, высказывая своё мнение об эпохе в целом, забывая о том что у нас как-бы история и нам нужно поведать хоть какие-то факты.

Я прерываю её речь, пробивающую на слёзы, поднимая руку. Её передёргивает и она дергаясь как смертник на электрическом стуле спрашивает: «НУ ЧТО?!?!».

Так я оказался тут – в пахнущей говном кабинке, читая надписи на дверце. Куча номеров телефона, под которыми написаны фразы вроде «Алекс. Дешёвый минет» или «Стив. Мальчик по вызову». В ужасе ищу свой номер. Не нахожу. Выдыхаю.

Невероятно остроумные шутки у здешних туалетных художников.

Рядом с номером очередного бедолаги красуется детальная картина совокупления криво нарисованной пары. Похоже, в туалетах люди ни о чём другом и не думают.

Слышу шаги. Распознаю четыре ноги, кто-то зашёл в туалет продолжая весело смеяться:

– Нет, а я такой типа говорю… – абсолютно противный

голос. Сейчас меня раздражает всё. Голова раскалывается, и я ощущаю как медленно и уверенно моё настроение идёт под откос. Бесит и его примитивный словарный запас (вместо точек слово «типа»), и его голос, который будто тонет в соплях, и ОН в целом. Рассказывает сплетню про какую-то девчонку. Сейчас обсуждает её сиськи.

Ничего нового.

В разговор подключается второй, как только речь заходит за сиськи. Они прям из кожи вон лезут, чтоб рассказать свои самые сокровенные фантазии связанные с несчастной. Ну а я жду, что они с минуты на минуту засосутся.

В голове звенит тот крик. Голоса двух незнакомцев стихают, и я пытаюсь справится с накатившей болью. Рукой упираюсь о стенки кабинки, чуть не натыкаясь на прилипшую пожеванную жвачку. Ногой пинаю огрызок яблока.

Хочется кричать, чтоб заглушить её визг. Она до сих пор сгорает. Кабинка наполняется жаром, будто она рядом. Ну а я знаю, что всё это фантазии, хоть и за последнее время граница между ними и реальностью стёрлась до прозрачности.

Знакомое ощущение, словно каждый мой орган раздулся до размеров громоздкого воздушного шара. Хватаясь за живот, я пытаюсь не сдерживать рвоту. Наклоняюсь к толчку, в нос ударяет омерзительный смрад и я думаю что вот-вот вырву.

А эта стерва всё ещё визжит.

Вижу ржавчину перед носом, или, возможно, это куски

чужого дерьма. Открываю рот, рассчитывая на полное очищение организма.

Стерва продолжает кричать.

Ничего не выходит. Голова разболелась ещё сильнее.

–Знаешь Веронику из одиннадцатого. Так вот…

Кабинка сужается, начиная давить на меня. Как в фильмах про шпионов, выхода нет, я чувствую головокружение. Возможно у меня обостряется клаустрофобия.

Плюю на брезгливость и сажусь на грязный пол. Руками обхватываю голову, пытаясь приглушить мерзопакостные голоса дуэта сплетников, схожие на фальшивую игру сувенирного банджо.

«Мне точно нужно идти домой…»

Ощущаю как медленно выключаюсь. Засыпаю, теряю сознание – неважно. Голоса наконец стихают. Должно быть на долю минуты я заснул, продолжая чувствовать жар и слышать крик.

– Влад – это отдельная история.

Глаза раскрываются так широко, что начинают болеть от яркого света. Два сплетника начали меня обсуждать. Интересно.

– Никогда не понимал, почему его имя стало такой популярной темой. Да, он обнаружил труп и в его доме произошла какая-то ужасная фигня. Но, брось – это не причина для популярности. Обычно такие «жертвы» продолжают сидеть в тёмном углу столовой и тихо рыдают, думая о том что их

жизнь отстой.

– Выскочка, вот и всё. Ты тоже заметил как он задирается?

– Да-да.

– Подхватил волну брата. Все эти взгляды, ухмылки… Прямо хочется ему врезать!

– Ангелина весь второй урок о нём трещала. Говорила что «он как результат, если бы любого парня из One Direction скрестить с кем-то из N'SYNC – просто идеал» – два парня как один раздраженно цокнули.

Я улыбнулся, не буду скрывать.

– И что они нашли в нём? Разговоры об этом засранце пришли на замену обсуждениям мажоров.

– Типа всесторонне развит – это тоже Ангелина сказала. Цитирует Есенина, шутит отсылками из кино и умело пародирует Лиама Хэмсфорфта и Зака Эфрона.

– Из какого фильма?

– Да из любого! Я с ним хожу на факультатив по Театральному мастерству. Какая-то чувиха загадала ему самую второсортную драму у Эфрона, так он в точь-в-точь показал его персонажа оттуда! Все прямо ахнули!

Да-да, было такое в пятницу.

– И ещё его манера говорить, ты слышал вообще?! Хочется переехать его на внедорожнике каждый раз когда он улыбается и шутит цитатой из фильма или какой-нибудь книжонки! – парень причмокнул. У него это выходило лучше всего – так влажно и эмоционально. Громкий «Ч-М-О-О-К»,

уверен, сопровождается закатыванием глаз – Эти сучки на 100 % даже не понимают отсылок, но все равно ржут!

Мне тоже это приходило но ум, хоть и отсылки у меня всегда до ужаса простые. Оказывается, для школы Дилана Грина этого достаточно. И оказывается, слышать о себе чужое мнение в туалете не так уж и обидно. Может быть даже немного льстит.

– Все с ума сошли трандеть о нём. Ты хоть припоминаешь чтоб какого-либо новенького так обсуждали?

– Бесит.

– Ужасно раздражает.

Брезгливость вернулась и ударила в голову деревянным бумерангом. «Шмяк!» – я подскочил, в ужасе осматривая собравшуюся на белой плитке грязь. Пыль, следы от чего-то ботинка, окурок “Мальборо», фантики от шипучек. Миллионы кишащего микробами мусора. Фантазия рисовала их в деталях – с маленькими хвостами и глазками-пуговками. С ртами дырочками и острыми как лезвия бритвы зубами. Они голодно всматриваются в мою кожу, ожидая наилучшего момента. Хотят забраться на руку и присосаться, высасывая лучшие витамины тела. Я чувствую как они налипли на одежду, пытаясь смахнуть их с зада джинс. Случайно ударяясь об дверцу – разговоры стихают.

Никогда не понимал себя и свою боязнь грязи. Её вроде бы нет, но когда появляется становиться по-настоящему не по себе. Я вижу миллионы антропоморфных созданий, на-

поминающих насекомых переживших трагедию Чернобыля.

Закрываю глаза и пытаюсь возобновить дыхание. Вдох – они ещё бегают, я чувствую это – выдох – их становится меньше. Вдох – кажется потихоньку слезают – выдох – исчезли.

Жар прекращается. Крик в ушах стих. Посидев в кабинке туалета я чувствую себя обновлённым – удивительная вещь.

Выхожу хлопая дверью, и с улыбкой на лице осматриваю двух сплетников, на словах прямо члены опаснейшей банды изгоев. На деле: два неказистых хоббита. Коротенькие ножки скрывают широкие джинсы, кажется, что под ними лошадиные копыта как у кентавров. Низкий рост, должно быть на сантиметров десять выше чем первоклассники. Волосы словно облиты китовым жиром – не из-за того что блестят, а из-за ужасного вида.

Мозг генерирует пафосную фразу, наслаждаясь выражением лица хоббитов, не ожидавших увидеть предмет своих обсуждений прямо за спинами.

Они застыли, изучая меня хитрыми глазками-сканерами. Такой типаж обычно сразу же высматривает мелкие детали, пытаясь вырвать их из общего впечатления для дальнейшего сложения «нереальной» сплетни. Такой типаж обычно мнит себя самыми умными людьми на планете. Такой типаж обычно выливает свою желчь друг на друга, оставаясь в холодном одиночестве ни с чем.

– Хоббиты, отправляйтесь обратно в норы – кидаю я – Со-

вет: чтобы девочки начали вас обсуждать, хотя бы помойте голову.

Мастерски расталкиваю парочку и прохожу между ними. В зеркале улавливаются открытые рты и шокированные физиономии. Чувствую, как смех несдержанно выходит тихим хрипом. Черемчур уж их видок кажется забавным.

Перед тем как хлопнуть дверью, добавляю:

– Не благодарите.

Идя по коридору слышу звонок, трещащий прямо рядом со мной будто желая раздавить мои перепонки как маленькую мышь тапком. С ужасом понимаю, что весь урок истории просидел в туалете – до безумия странно.

Влетаю в кабинет. Одноклассники хватают рюкзаки, без всякой системы пихают пеналы, заполненные ручками и карандашами в сумки и ломятся на выход. Учительница сутулилась над тетрадками: над спиной, как гора посреди пустынной равнины, показался горб. Волосы завесой упали к контрольным роботам, редкие как горящая солома. Прослеживаю с какой яростью она ставит двойки, как комбинат: два, два, два… Резкие движения ручкой, от которых с лёгкостью может порваться бумага.

Смотрю на неё и голова начинает трещать вновь. Нет, не из-за того что она мне так сильно неприятна. Я вспоминаю о плане, пришедшем в голову сегодняшним утром. Просто подойти, и задать вопрос историчке о мистическом архиве.

Почему?

Ну, на то она и историчка. Должна знать историю (тут должна быть вставка «Вот это поворот», сопровождающаяся барабанной дробью). С ней у меня отношения не заладились с первого дня. Другие, смотря на плывущего к её столу парня явно думают что я камикадзе.

Собираю всю волю в кулак. Наблюдаю как она рвёт чью-то работу в клочья одним лишь стержнем ручки. Передумываю. Оборачиваюсь к выходу.

Собираю волю вновь, на этот раз медленней – по крупицам. Разворачиваюсь к столу и открываю рот.

Передумываю, но на этот раз поздно. Разъяренные глаза поднялись на меня. Видимо, я успел выдавить сдержанное «Здрасте». Кажется, я замечаю как медленно раздуваются её ноздри. Напоминает дракона из Шрека.

Вспоминаю сплетни что горланят о ней каждую перемену: «Чтоб она провела урок и не орала – это как дождь для африканцев в Сенегале», «Бешеная адская фурия. Не попадайся ей на глаза! Она чистый сгусток зла и ненависти, абсолютное отродье, антихрист и посланник сатаны в одном флаконе». Произносили эту фразу с улыбкой на лице, но сейчас я воспринимаю её как предсмертную записку.

– Как там туалет? – ехидно спрашивает она, начиная смеяться напоминая собаку, открывшую рот в попытках спастись от жары. Ноздри начинают раздуваться больше.

– Он прекрасно… – пытаюсь вспомнить зачем я так наг-

ло прервал её дело – Вчера я прочёл удивительную вещь: в нашем городе, оказывается, ещё с середины прошлого века происходят жуткие убийства подростков. Я об этом прочёл впервые лишь вчера, что очень странно… Надеюсь, вы понимаете…

У исторички глаза увеличились в раза три. И без этого она женщина средних лет с максимально огромными глазами, чем-то напоминающая мадагаскарского лемура.

Она поморщила лоб, нос взлетел к переносице. Лицо стало похожим на использованную бумажную салфетку. Звуки вылетали из неё как шарики из игрушечного автомата:

– С… с… чего!? – похоже, она искренне удивилась. Руки начали дрожать – Где ты прочёл такое?

– В интернете. Обычная статья про город – прикрытие пришло на ум ещё утром. Оно было самым очевидным и логичным. Она отвела глаза, глянув в окно. С паркинга перед окнами школы выезжал маленький жук «Smart” зелёного цвета. Она проводила его глазами, прежде чем прошептала:

– В интернете нет таких статей.

– Вы уверенны? – я сразу же пожалел о своём вопросе. Это как подорвать гигантскую бомбу, находящуюся в твоих руках.

– Я всегда уверенна, а вот твои глупые байки – это повод усомнится в твоём уме. Настоятельно рекомендую тебе не вникать в подобные истории, выдуманные подростками для таких как ты.

Громкий визгливый голос стих. Учительница взяла в руки ручку, опять склонившись над тетрадями. Разговор окончен. Я ринулся к выходу, проматывая очередную порцию вопросов, появившихся после этого разговора. Они появлялись передо мной как трофеи в видеоиграх. «Что она скрывает?», «Что скрывает город?», «Зачем она знает о всех Интернет статьях?»

Странная реакция на не менее странные вопрос.

Я захлопнул дверь, услышав аппетитное причмокивание. Историчка взяла в рот леденец, шурша обёрткой в руках.

Вечер выдался райским в сравнении с вчерашним: никакой горящей блондинки, никаких откровений про кровавое прошлое города, ничего, что заслуживает внимания ценителя хоррор-содержимого в книгах.

Я сидел на кухне, наблюдая за тем как моя мама мастерски готовит блинчики. Она вообще в этом спец сколько себя помню. Они выходят идеальными – круглые и румяные как загорелая модель. Лучшие в её исполнении: классические с клубникой и нутеллой. Выходит приторно, но после них тело переполняет чувство удовлетворённости. Такое не сыскать. Оно появляется лишь тогда, когда живот полон и свободного места не остаётся.

Прекрасное чувство.

В его ожидании я вращал в руках телефон, переписываясь с Максом. Десять минут назад он позвонил мне, напомнив

об экспедиции в логово старой кошатницы. Также, быстро выгрузил информацию о сегодняшней драке. В ней он выглядел настоящим рыцарем без упрёка – благородным и отважным.

После, каждые пять минут пересылал СМС наподобии «Не забудь. Сегодня в семь», «Ты ещё помнишь? Сегодня в семь», «Ты не заснул?»

«Да-да, сегодня в семь, я помню»

План прост до абсурда: ввалится к дряблой тигрице домой под видом журналистов школьной газеты. Интервью о старожилах города: это должна быть самая глупая и скучная статья, если бы она вышла. Между делом выясним, не скрывает одинокая кошёлка чего-либо. После этого смотаемся.

Нам этого показалось достаточно.

Достаточно, чтоб узнать что же забыла МаМа на фотографии столетней давности. Достаточно, чтоб узнать с кем она встречается по ночам в парке.

Я полностью растворился в переписке с Евой. На секунды все проблемы ушли на задний план, голоса затихли, внешний мир потемнел и стал тусклее. На губах застыла улыбка, мы с ней обсуждали «Ночь нежна» Френсиса Скотта Фицджеральда, она написала мне сразу после моей «Стори» с этой книгой. Ничего особенного: книга, письменный стол и хэштег «релакс после школы». На фото смайликом, закатывающим глаза ответил Андрей.

«Розмэри или Николь?» – с этого начался разговор.

«И как их можно сравнивать?»

– Что за повод для улыбки? – спрашивает мама, оставив тарелку с политыми шоколадом блинами передо мной. Сладость тонкой струйкой описывает аккуратное сердечко – очень мило. Но в слух я этого не замечаю

– Да так, переписка с подругой.

– Ева? Милая девочка – мама затихает. В комнату вошёл отец, молча сев за своё место – У вас что-то есть?

Я причмокиваю, собираясь отреагировать холодной грубостью. Видя улыбку на лице мамы сразу откидываю эту идею:

– Да. Что-то есть.

Благодарю судьбу, или кого там надо благодарить, за таких тактичных родителей. Никаких больше вопросов: мама начала описывать милую семью, с которой она познакомилась в супермаркете. Ничего удивительного – она заведёт беседу даже с мертвецом, лежащим в гробу. Говорят, у этой семейки настоящая ферма. А ещё, они пригласили нас в гости.

Я морщусь от этого предложения как от обсуждения фекалий за столом. «Гости?!» – «Угу». Меньше всего я хочу в гости. Меньше всего хочу заводить новые знакомства. И вообще, последнее время я чувствую такую пустоту, словно внутри меня гоняют сквозняки. Она накатывает переодически – вроде хочу о чём-то задуматься, но не получается. В голове ничего нет. Каждая мысль тяжёлый неподъёмный груз. Не хочется ничего – чувствую себя долькой лимона, из

которой высосали все соки.

Замечаю выражение лица отца: губы окрасились в шоколадный цвет, в уголках рта виднеются кусочки банана. Поникший, опустевший – должно быть чувствует то же, что и я.

В глазах пустота. Плечи поднимаются к ушам. Он лишь кивает в ответ на все наши разговоры. Возможно, сильно устал.

– Как работа, пап?

Начинается длинный отчёт по рабочим будням администратора завода. Цифры и сухие факты. Позволю себя перемотать это и остановится на моменте, где начинаются свежие сплетни:

– Я видел Арсения и ту девчонку вместе. Опять.

Мама отложила блин и с недоумением засмотрелась на отца.

– В кабинете. Они развлекались прямо на столе.

Я успел свыкнутся с мыслью о том, что эта новость не уйдёт дальше нашего обеденного стола.

– Почему ему не достаточно своей жены? – с искренним непониманием спросил я. Надин мне с самого детства виделась самой красивой девушкой земного шара – Она же такая.... Такая…

– Горячая? – с ухмылкой сказал папа. Мама сильно пнула его ногой под столом. Стоявшие на нём стаканы с апельсиновым соком затряслись как от землетрясения – Влад, он богач, настоящий олигарх, и ему всегда будет чего-то не до-

статочно в этой жизни. Не смотря на то, какая у него сейчас жена ему будет хотеться видеть перед собой моложе, красивей… Это человеческая природа, понимаешь? С деньгами приходит ненасытность.

Отец всматривался в меня, будто пристальный взгляд может помочь более доходчиво объяснить мне истину жизни.

Должно быть, не приятно узнать что один из твоих родителей предаёт свою половинку. Осознавать, что их узам в конце концов прийдёт конец. Ощущать, что всё, к чему ты привык с начала жизни вскоре рухнет.

Разрываться на две части, пытаясь принять чью-то сторону. И даже для хладнокровного Андрея это могло стать болезненным ударом.

Мрачные деревянные стены роскошного особняка освещали два горевших напротив фонаря, благодаря которым это место не казалось сумеречной румынской Трансильванией.

Этим вечером у Андрея кружилась голова, и он решил провести его лёжа на мягкой кровати. Чертовски хреновый период в жизни Андрея: смерти, смерти и ещё раз смерти поглотили ЕГО город с головой. Этот год казался сплошной мрачной серой рутиной, затягивающей его с головой неспешно душа и отнимая каждый глоток чистого воздуха: чем дальше, тем меньше кислорода.

Перед собой он поставил чёрный АйПад, уютно разместившись на белом покрывале, не в силах расстелить кро-

вать. Голова кружилась будто он вышел из сверхбыстрой карусели.

– Семнадцатилетний, а ведёшь себя похлеще пятидесятилетнего болезненного мужика, страдающего простатитом! – едко ответил Арсений поедая ужин, когда Андрей решил рассказать родителям про своё самочувствие. На столе крупная индейка, перед отцом рюмка крепкого виски «Джеймсон».

– Это ты про себя? – улыбнувшись спросил он у него, на что тот громким тоном приказал ему выйти из-за стола.

Он и вышел. И захлопнул за собой массивную дубовую дверь, отделявшую его комнату от устеленных тёмно-синим ковралином длинных коридоров. В тот самый вечер он нарочно разбил деревянную фигурку льва, готовившегося к нападению. Он взял её в руки и замахнувшись со всех сил ударил об твёрдый пол.

Однажды, это фигурку привёз папа из путешествия по Зимбабве. Ездив на сафари через день, он задрал всю семью своими «невероятно зрелищными» кадрами животных в дикой среде обитания.

Арсений никогда не мог сказать ободряющего слова своему сыну, всю неловкую работу спихивая на мать, к которой он относился как к ленивому домоседу, только и прожигающему его накопленные сбережения. Арсений был человеком изощрённого склада ума, внутри головы которого каждую секунду существования не останавливаясь крутились мил-

лионы шестерёнок. Его IQ превышал IQ каждого жителя города, и каждый житель города прекрасно об этом знал, не желая вступать в дискуссии с олигархом в костюме с запонками из чистого золота.

Взяв джинсовую куртку Андрей обмотал её вокруг талии, быстро выбежав на улицу, игнорируя вопрос охранника: «Куда ты собрался?». «Пошёл нахрен, старый алкоголик» – процедил он сквозь себя мужчине в возрасте, стоявшему у ворот. Он всегда раздражал Андрея своей манерой докапываться к каждому его шагу.

Та августовская ночь пролетела совершенно незаметно. Родители даже и не заметили отсутствие сына, не потрудившись зайти к нему в комнату. Она стала переломной для жизни Андрея, который втянул в порочную авантюру своего лучшего друга баскетболиста. Макса не потребовалось долго уговаривать вколоть себе в вены морфин. Это было неприятно. Острая игла проткнула кожу, выпустив в вены сложное вещество, не отпустившее друзей до самого рассвета из царства разврата посреди леса.

Андрея вырвало на прокуренный старый матрас, из которого в разные стороны торчали острые пружины. У него чертовски расширились зрачки, над чем он долго смеялся рассматривая себя на фронтальной камере телефона.

В голову приходили «безумные» и «гениальные» аналогии.

Морфий – греческий бог сновидений. Он помнит его по

«Песчаному человеку» Нила Геймана.

Морфин – средство, созданное для удаление боли. Андрей чувствовал боль. Отец причинял её ему из раза в раз.

Он нёсся по пустой трассе на новом «БМВ» , выпуская все накопившиеся эмоции через быструю езду. Он ненавидел своего отца, в мыслях проматывая его высокомерные жгущие взгляды, которыми он напрямик высказывал: «Ты – сплошное разочарование». Ему было стыдно, что у предприимчивого интеллектуала родился недалёкий пацан, которого в жизни ничего не заинтересует кроме тёлок и своей чёлки.

Новое для моего двоюродного брата средство сработало: оно удалило боль, стерев её напрочь. Тогда боли не было: были яркие огни и краски, очаровывающие его слепящим калейдоскопом.

Ту ночь два друга решили забыть, оставив в строгой тайне. Проскользнув мимо закрытых дверей в пафосную спальню родителей, Андрей лёг в кровать, забравшись под покрывало и поймав себя на дикой дрожи, пронизывающей тело. Она не прекращалась до ужина, за которым мать заметила дёргающиеся руки сына, в которых ходуном ходила серебряная вилка. Она промолчала, проглотив запечённое филе семги и искренне улыбнувшись мужу.

На АйПаде он включил первую попавшуюся серию «Теории Большого Взрыва», сериала, порой способного вернуть Андрея к хорошему настроению. Иногда, он хотел быть од-

ним из забавных ГИКов, главных персонажей ситкома, только для того, чтоб получить похвалу от отца. Возможно из-за этого его никогда нельзя была заставить смотреть ситкомы: ни «Друзей», ни «Оффис», ни «В Филадельфии всегда солнечно», ни «Симпсонов»… Он смотрел именно этот сериал, представляя себя на месте исключительно умных людей. Может быть, это и была мечта мальчика у которого всё есть, словно у соломенного чучела из «Волшебника странны Оз»

Посмотрев одну серию, которая не смогла спасти чертовски плохое самочувствие, он подошёл к окну и открыл его, чтобы подышать свежим осенним воздухом. Лёгкая хвоя, скорее всего именно так пахнут опавшие с высоких елей маленькие шишки. Запах сырой земли, бивший в нос. Хлорка, доносившаяся от пятидесятиметрового лазурного бассейна, в котором виднелись тени мелких опавших листьев. А также, среди этого расслабляющего коктейля витал стойкий тяжёлый запах мрачных высоких труб массивных заводов, из них вырывались тёмные клубившиеся тучи едкого ядовитого дыма. Эти заводы отравляли девственно чистые зелёные леса как отец отравлял его жизнь. Сам создал её словно сошедшей из старых ванильных сериалов вроде «Санта-Барбары» или «Богатые тоже плачут», чтобы затем медленно разрушать.

Но всё же, не всё так плохо. Он всё ещё богат, красив. Произнося про себя слово «красив» он не произвольно протягивал ладонь к волосам, дабы медленно провести по ним

и убедится что каждая волосина, составляющая идеальной картины, на месте. Шевелюра – основа его красоты. Он уверен. И как бы он мечтал, чтобы сперматазоиды Арсения оказались хилыми дохляками, не в силах донести свои гены. Ещё одна мечта. Этот год, точнее его начало, преподнес множество трудностей, но когда-то это всё закончится. Когда-то…

Тишину огромного двора дома Андрея прервал звук приходящего СМС, перебив тихого одинокого сверчка сидевшего под окном. Смартфон вибрировал, лёжа на деревянной тумбочке у кровати, мигав ярким светом.

– О Господи, ну что там такое? – раздражённо произнёс парень, отвернувшими от окна и не торопясь пойдя к телефону, противно шаркая мягким тапками по холодному коричневому ламинату.

«Аноним» – рассмотрел Андрей крупный шрифт, видневшийся на фоне строгой мрачной заставки. О чёрт. Аноним – явно не к лучшему: этот урок ясно вынес каждый его друг за последнее время. За сухим словом скрывалась настоящая психопатка, которая способна была за секунды продырявить голову ни в чём не повинного молодого доставщика пиццы, приехавшего ни к тому дому.

К смс-ке прикреплено фото, на котором был изображён его папа в своём кабинете. Массивный рабочий стол из красного дуба, на котором виртуозно вырезаны ангелы борющиеся с демонами. Настоящее произведение искусства, отцу по-

дарила его маленькая деревянная фабрика, находящаяся не далеко от города, в благодарность за сотрудничество. Прямо на нём раскрепощено сидела девушка, ногами в ярких фиолетовых каблуках, таких, как и подобают рабочей шлюхе, крепко обнимая его ноги. Лица видно не было. Зато видно старые колготки, на них показалась пара заметных стрелок.

Хвала богам, что усыпанную седыми волосами задницу отца перекрыла длинная строгая рубашка. Своей лысиной он перекрыл самое важное – лицо бесстыжей шаболды, трахающейся с мужчиной с крупным обручальным кольцом на пальце.

На фотографии был изображён половой акт, если обозначить это действо красивым литературным термином, или жёсткий перепихон Арсения с молоденькой потрёпанной инкогнито, способный выбить Надин из себя на долгие недели.

Андрей продолжал рассматривать фото, щуря глаза и периодически отводя телефон от глаз, испытывая жуткое отвращение. Рука отца, на указательном пальце которой находилось массивное обручальное кольцо, а из-под самого рукава выглядывали золотые часы «Улис Нардин», сжимала пышную ягодицу девчонки. Сжимала с такой силой и страстью, что на нежной коже проступил с десяток морщин от стягивания.

– Шлюшка – шёпотом произнёс Андрей, отведя взгляд от фото в высокое окно. Из него видно было далёкий яркий фонарь, освещавший колючую высокую тую.

Шокированный ангел смотрел на заплывшую ляшку распутницы. По его напуганным невинным глазкам можно было чётко сказать, что он пребывал в шоке от развернувшейся над ним картиной. Детально выточенный в дорогом виде древнего дерева ангелок, которого сначала привозили из отдалённых частей калифорнийского леса, граничащего с заповедником «Секвойя», чтоб затем год аккуратно вытачивать пёрышки на крылышке хранителя рая день за днём, по чертежам молодого подающего надежды итальянского художника, рисующего в устаревшем «барокко». Этот ангел, произведение мебельного искусства и венец карьеры десятков рабочих лесной деревянной фабрики, не был готов к нависшему над ним красному, потрёпанному от бурной жизни вонючему влагалищу.

Ангел рядом с ним ехидно улыбался, схватив за длинные пышные крылья, пытаясь ухватиться за нависший нимб.

– Шлюшка – повторился Андрей, рассматривая туфли девушки – Кабель – вырвалось у него, когда взгляд упал на лысину отца, с детства внушавшую ему страх облысения. Чёртова лысина.

Он закрыл фото и открыл текст.

Безумная Леди V. Может быть, эта маньячка дела ему услугу, заботливо скрывая все тайны его семьи, с фотоаппаратом охотясь за резко всплывшей наверх сенсацией. Она была правдорубкой. Понятное дело, первой его целью стоявшей над всем было разрушение семьи Андрея. Но может

быть, узнать о грязных тайнах его отца было к лучшему?

«Жить двойной жизнью – опасное дело… Спроси у своего отца.

Всевидящая Леди V

P.S. Передавай привет папочке

P.P.S. Удивлена, что у него до сих пор стоит. Мы с подругами ставили на обиженно повисший навеки висяк)))))»

Он выключил телефон, отбросив на мягкий матрас. Гнев – всё что он чувствовал. Чистая злость. Всю жизнь его отец относился к семье свысока. Он считал их с мамой людьми низшего сорта, сбрасывая всё на свой высокий ай-кью.

Это общение перекачивало на поступки. Он отнёсся к его любимой маме как к дуре, которая не замечает предательство перед носом. Это было омерзительно. Арсений был омерзителен.

– Теперь я знаю что ты делал в Зимбабве, подонок– прошептал Андрей, представляя отца шныряющего по улицам Хараре в поисках дешёвой чёрной проститутки, отправив своего друга на сафари, чтоб он делал там наивные кадры зевающих гепардов для доверчивой семьи.

Андрей взглянул на семейную фотографию, где изображена мама, папа и он стоя на смотровой площадке Ниагарского водопада. Помнится, мама тогда всю дорогу ныла. Она считала что весь потраченный на водопад день она могла бы исследовать самые пафосные шоурумы Торонто, продолжая спускать тысячи долларов на шмотки молодых канад-

ских дизайнеров. Андрею была не по вкусу канадская мода, и тогда он уехал с одними лишь шир потребными товарами в чемодане, намокший от обильных брызгов природного чуда света.

Но мать, вышедшая из «мерседеса» с тонированными окнами расплакалась, не сдержав эмоций. Она схватилась за сердце, смотря на невероятное зрелище. Тонны воды, резко обрывавшиеся в реку. Удивительно.

Она схватила мужа и сына, крепко обняв. Тот снимок сделан именно в этот момент. Сейчас он стоял на полке напротив окна в комнате Андрея, напоминав о самой невероятной красоте, что только довелось видеть ему в жизни.

Схватив рамку рукой, он резко перевернул её другой стороной. Ему стало противно от одного лишь взгляда лжеца-отца, который скорее всего, и тогда мог изменять матери.

Он пожалеет о том дне, когда у него встал на кого-либо кроме его жены. Андрей не даст ему скрывать свои грязные поступки дальше. Этот лысый плэйбой не смеет обманывать его мать.

Мы стояли напротив двери в дом кошатницы. Пришлось раскинуть мозгами, чтоб найти его.

Серая коробка у большой дороги представляла собой посредственный магазин, в задней части которого жила его продавщица. Чтоб найти вход нужно было обойти коробку вокруг. Угадайте, в виде чего сделан дверной глазок у ко-

шатницы? Правильно! В виде кошачьего глаза! Создавалась впечатление будто сквозь него в нас кто-то всматривается. Рядом начинается густой лес – прямо за узкой тропинкой. Вокруг схожие серые дома; не знаю, зачем я на это обращаю внимание. Но очень хочется, чтоб, если что, рядом оказались люди.

Машина Макса неаккуратно припаркована прямо у ствола тонкого дерева, нависшего над ней огорчённым силуэтом. Это утешало.

Мой напарник постучал два раза. На смену неловкости пришло волнение.

– Думаешь, старуха дома? – неуверенно спросил он всматриваясь в глазок.

– А где она ещё может быть? Магазин закрыт.

Макс постучал ещё два раза. За дверью послышались тяжёлые шаги. «Шарк-шарк» – легко представить две сморщившиеся кочерыжки, с трудом волочащиеся по полу. Послышалось резкое мяуканье. Должно быть, один тяжёлый шаг неаккуратно упал на кота. Шаги затихли.

– Кто там? – недоброжелательный громкий голос. Видимо, кошелка внимательно изучала нас сквозь глазок.

Пришло время включать пай-мальчика. У меня это получалось недурно. Улыбочка, умные глаза, и главное: делать вид будто тебе интересны бестолковые разговоры. Кивать и слушать, слушать и кивать. Это все что нужно взрослым для формирования хорошего мнения.

– Извините нас за беспокойство – спокойным тембром сказал я сквозь широкую улыбку. Макс стоял рядом, стараясь улыбаться как можно правдоподобнее – Мы журналисты из школьной газеты, пишем статью о самых почтенных представителях города.

– И вы решили опросить меня? – буркнула она. Злобная старая карга. От одного лишь её голоса я позволил себе поморщить нос.

Быстро опомнился.

Заглядывая в глазок (зрительный контакт – основа), я улыбнулся ещё шире:

– Что вы-что вы! Опросить – звучит чересчур грубо. Мы хотим взять интервью.

– Инте-рвью? – медленно повторила она хриплым голосом, смакую каждый слог.

– Именно! Вся школа жаждет узнать о вас – я запнулся, обдумывая сказанное – Для нас вы предмет глубочайшего уважения.

– Предмет? – возмутилась она.

– Он хотел сказать что мы все вас очень уважаем – добавил Макс.

Наконец послышался звук открывающегося замка. Между косяком и дверью образовалась щель, сквозь которую выглядывал тёмный карий глаз. После очередного досмотра старуха раскрыла дверь настежь.

– Проходите – но не задерживайтесь. У меня чересчур

много дел.

«Основное – просмотр новой серии турецкой мыльной оперы» – хмыкнул про себя я, чуть не раздавив ногой возникшего из неоткуда рыжего кота. Он нагловато глянул на меня, прежде чем задрал хвост и развернулся задницей. На секунды я подумал что он меня обмочит.

– Проходи! – резко кинула МаМа, подталкивая меня к череде мурчащих котов. Они заполнили собой весь коридор, создавая вид гигантского ковра из шерсти. В воздухе витали кошачьи волосы, от которых можно было задохнуться. Едко пахло мочой.

– Ещё секунда тут – и я сдохну от запаха – прошептал Макс, отходя от старухи, закрывающей дверь.

– Проходите в гостиную! – кинула она, похрамывая ступая следом.

Передо мной тянулся короткий тесный коридор, ведущий к такой же узкой лестнице. На стенах уродливые обои цвета младенческого сюрприза, в некоторых местах слезают и обнажают серый бетон под собой. Сверху, прямо на них, висит миллион фотографий. На каждом крупными глазами по пять центов в душу заглядывает кот. И это ужасно жутко. Они как живые, сфотографированы таким образом, что где бы ты не стоял, но кот будет наблюдать за тобой. Переводить глаза из стороны в сторону, не упуская тебя из виду. Рамки самые броские и безвкусные -разноцветные, аж глаза выедают своей цветастостью. Со стороны смотрится как гигантский флаг

ЛГБТ, вытканный по крупице.

За лестницей проход в неуютную гостиную – такая же неуютная как и всё тут. Каждый шаг, пройденный по тесному дому пахнущему старческой затхлостью, удручает осознание того, что тут живёт абсолютно одинокая старуха, разговаривающая со своими мохнатыми дружками.

Один из таких лежит сверху на телевизоре. Благо тут он создан под ложе котов – толстый, будто вышедший из старых фильмов. Сквозь помехи просматривается тревел-шоу, где снимают ведущего пожирающего мерзопакостное азиатское блюдо. Сверху свисает пышный хвост, напоминающий кисточку художника.

Кот, сидящий на телевизоре, скорее всего, мейн-кун по породе. Я далеко не мастер в сфере кошачих пород, но его размеры дикой лестной рыси и кисточки на ушах явно говорят об этом. Своими оранжевыми глазами, напоминающими свет фонаря-Джека на Хэллоуин, он недоверчиво разглядывает Макса. Словно сразу же понял, что мы тут не ради интервью.

Старуха не предлагает чая или печенья, ведь правила вежливости для неё умерли ещё давно. Всем своим видом она показывает что переступив черту старости стала хозяйкой жизни. Наглой и деловитой. Вальяжно плюхается на мягкий диван, чуть не задавив серую кошку. Закидывает нога на ногу. На сморщенных ступнях розовые тапки-зайки, у одного зайчика отсутсвует левый глаз. Этим он ещё раз напоминает

о неизбежности старости.

Говорю же, в этом доме всё удручает.

– Итак, начнём – улыбаясь говорю я, даже не дожидаясь разрешения присесть. Терпеливо стою, Макс за мной.

Старуха сжалившись указывает на диван. Я приседаю, собираясь плюхнутся на него, как вдруг весь дом пробирает резкий крик:

– Не СМЕЙ!!! – я застыл, шокировано смотря на дрожащие костлявые руки, указывающие в мою сторону – Это место Ники. Садись рядом, на стул.

Видимо, длинные костлявые пальцы слегка скосили. Я сажусь на твёрдый деревянный стул, стоящий рядом с широким диваном. Напротив журнальный столик на одной ножке, укрытый вязаной скатертью. Сверху ваза з завядшей ромашкой.

«Неизбежность старости, неизбежность старости....»

Макс остаётся молча стоять, с недоверием наблюдая за движениями старухи. Точнее, за их отсутствием. Она замерла, отстранённым взглядом пяля в телек. И лишь свисающая складка на подбородке, как у британского бульдога, находится в движении, колыхаясь как влажное белье на ветру.

– МаМа, всю школу интересует история вашей жизни. Ваши воспоминания о городе. Давайте начнём с самого начала – ваше юношество.

Тяжёлый взгляд переводиться с некачественной телепрограммы на меня. Кажется, будто с секунды на секунды она

перепрыгнет через журнальный стол и вцепиться длинными ногтями в моё лицо. Я ожидаю этого, наблюдая за тем, как медленно её взгляд наливается ненавистью.

До безумия неприятная женщина.

– Я вам поведаю. Ты записываешь?

Вспомнил про блокнот, найденный в одной из коробок с моей канцелярией. С ободранной чёрной пластиковой обложкой, как у официантов. Из напоясной сумки, которую я отныне решил брать почаще, достаю ещё и шариковую ручку.

В комнату деловито входит знакомый сфинкс. Я его видел в магазине, схож с хозяйкой наглым видом и пофигистичным поведением. Осмотрев нас прозрачными глазами, словно фыркнув: «Ха! Да плевать я на вас хотел!», он прыгает на своё законное место. Подушка посредине дивана.

Как я понимаю, Ника собственной персоной.

Глава 16 #интервьюсвампиром

Андрея сейчас разрывало на две части, каждая из которых терзала себя тяжкой дилеммой: одна желала видеть перед собой маму залитую слезами. Она бы бесповоротно и навсегда изменилась, медленно разрушаясь изнутри. Он знал, сколько усилий вложила мама в то, чтобы выглядеть хорошо для папы. Вся её жизнь, каждый день проходил лишь для того, чтобы муж, оценивающе осмотрев сухую жилистую фигуру

жены захотел её. Всё к чертям рухнуло. Он захотел потрёпанную шлюниху (шлюха + слониха) с жирными целюлитными ляжками. Увидеть бы лицо этой выскочки. Оно многое бы объяснило…

Вторая часть хотела жить в счастливой улыбающейся семье как с детского наивного красочного рисунка, или даже с той фотографии напротив Ниагары. Он бы скрыл тайну отца, каждый день смотря в глаза родного человека и говоря: «Да мама, всё хорошо». Он бы не смог смотреть ей в глаза. Это стало бы тяжело. Да и заслуживает отец выйти полностью сухим из воды? Вряд ли. Не повторится ли эта ситуация? Вряд ли. Андрею нужно чётко дать понять Арсению, что его репутация примерного семьянина висит на тонком седом волоске, выдернутом из его высокомерной задницы.

Это он знал наверняка: ему хотелось проучить отца за то, как он обошёлся с его мамой. После этого смс никаких сыновьих чувств не осталось и в помине. Они стёрлись словно жирный след от карандаша большой белой резинкой. Хотя, в этом случае след был еле заметной тонкой линией, которая была на грани полного исчезновения с лица земли.

Андрей подошёл к окну, присев на твёрдую раму и свесив одну ногу, которая стала раскачиваться словно маятник из стороны в сторону. Он смотрел с высоты второго этажа на пышную клумбу, усаженную яркими цветами. В основном, перед парадным входом уютно прорастали тюльпаны, луковицы которых были привезены из маленького заповедника

под Роттердамом. Мини-Голландия во дворе его семьи. Рядом с окончанием клумбы, через тропу выстеленную из дикого камня начинался выстриженный с математической точностью, будто под линейку, зелёный сад. Высокие стены густых кустов скрывали за собой тенистые уютные аллеи, в которых можно было заблудится гуляя часами. Жаль, что Андрей так не делал. Он никогда не прохаживался по своему саду, скрытым от глаз общественности удручающим высоким забором. Он явно не романтик, предпочитая мечтанию ночные тусовки, которые пульсирующим шумом изнутри головы напоминали ему о себе на утро. Он был совой, тёмной ночной птицей-хищником, начинавшим жить на полную только ночью. Днём он высматривал свою жертву, налетая на неё и терзая острыми лапами. Ему это нравилось. Нравилось причинять боль другим.

Андрей вспомнил солнечное утро этого лета: у него было дикое похмелье, когда он подойдя к окну увидел бегающую маму среди выстриженных зелёных кустов. На ней были яркие фиолетовые легинсы и откровенный топ. В ушах белые наушники, из которых доносился плэйлист для тренировки «Спотифай». Кажется, отсутствие черт романтика было передано от неё. Она бежала по жизненному пути не сходя с тропы, добиваясь своей цели не интересуясь тем, что происходит вокруг.

Она была ярким примером идеала женщины эпохи феминизма (если не считать, что вся её жизнь проходила ради од-

ного мужчины предателя): сильная, гордая и способная сказать любому своё мнение без малейшего лукавства. Так они и познакомились с папой. В столичном баре Надин сказала ему о том, что его новый красный галстук смотрится нелепо. Просто так, незнакомому человеку. Холодная леди, вовремя умевшая таять. Она была прекрасна.

Вдруг, девушка упрямо бежавшая вперёд остановилась, сойдя с тропы. Она обхватила ладонью бутон розы, прислонив его к своему лицу и глубоко вдохнув аромат.

Отойдя, она рассмеялась. Она была счастлива. Ей нравилась жизнь.

Вспоминая этот момент Андрей твёрдо решил, что не будет разрушать брак родителей. Он поступит хитрее, пытаясь при этом никого не обмануть.

Ворота со скрипящим шумом стали открываться, отъезжая вправо. За ними показалась тёмная массивная машина, освещаемая стоящим впереди фонарным столбом.

Ролс-Ройс премиум класса. Точно такой был у Кеннеди, до того как его убили, конечно. На таком же разъезжает арабский нефтяной шейх, бойфренд Рианны. В свете фонаря блеснула яркая серебряная фигурка на отпекаемом капоте. На дорогах провинциального города она производила фурор. Благословный дорогой «Ройс» был чужим среди одноэтажных скромных домиков, в которых ютились семьи среднего класса. Он был не своим среди уставших шахтёров, направлявшихся домой после тяжёлого дня.

Открывав рты, они смотрели вслед быстро проезжающему мимо атрибуту богатой жизни. Все знали, кто едет за рулём. У каждого на устах вертелось его имя, ведь богач попавший на страницы «Форбс» был самой популярной темой среди жителей: начиная семейными вечерами и заканчивая перепалками в тесных офисах, между обсуждениями футбольного чемпионата мира и нового фильма со Скарлетт Йохансон.

Каждому он казался сияющей за сотню световых лет далёкой звездой, к уровню которой подобраться многим не суждено.

«Арсений» – шёпотом смешанным с едкой завистью произносили прохожие, чувствуя порывы ветра, создаваемые скоростью ослепительного авто.

«Арсений» – сквозь зубы со злостью произнёс Андрей, опустив взгляд на распахнувшего двери солидного мужчину. Он, выйдя, подправил воротник, затем ослабил галстук. Для него наконец наступил тот самый момент, когда можно выдохнуть зайдя за высокий скрытный забор.

Идеальный вечер уставшего олигарха: приготовленный домработницей приехавшей с Барбадоса цыплёнок ждал посреди длинного стола, уютно возлежав среди зелёных листьев свежего салата. Затем, по деревянной вычурной лестнице он поднимается к себе в комнату, открыв недочитанный том утопии «Атлант расправил плечи» и погрузившись в чтение, совсем не заметив как хлопнув дверью в комнату

зайдёт его идеальная жена в белом хлопковом халате. Идеальнее чем его «Ролс-Ройз», а это похвала высокого уровня, поверьте.

Она игриво улыбнётся любимому мужу, подойдя к нему ближе, схватив книгу и отбросив её в сторону. Она не будет знать, кто на самом деле лежит рядом с ней. Она будет думать что живёт верно, каждый день посвящая ему.

Андрей спрыгнул с окна, выйдя из комнаты хлопнув массивной деревянной дверью.

Шла пятнадцатая минута разговора ни о чём. Ну, для кого ни о чём, для кого – интереснейшие мемуары местной сумасшедшей. Душещипательный рассказ о детях и муже в мельчайших подробностях.

– Дети разъехались по стране, живут предельно далеко друг от друга. А муж…

Макс толкает меня, как бы говоря: «А вот с этого момента включайся». Он сидит на коленках, устав стоять выслушивая нуднейшие истории.

– … Погиб.

– Как?

МаМа поднимает глаза, переставая рассматривать морщины на своих дряблых руках. Кажется, вот-вот и с влажного века упадёт первая слезинка. Подправляя длинное бесформенное платье, выцветшее и потерявшее цвет от многочисленных стирок, она искренне делает вид непонимания.

– Как он погиб? Ваш муж.

– Ужасная болезнь. Этого вам достаточно? – рычит она, напоминая голодную умирающую волчицу, показывающую последние признаки жизни. Чтобы не сбиться и высосать из разговора максимум, я нарисовал план в блокноте, состоящий из понятных лишь мне заметок:

1. Фотография. Что М. скажет?
2. Ночной лес. Любит она прогулки?
3. Осмотреть дом. Хочу пить!

Осматривая страничку блокнота ручкой выстукиваю ритм. Мои нервы никогда не поддавали виду, но последнее время всегда появляется нужда чем-то дёргать, что-то трогать. Выгляжу я, должно быть, как поехавший. Сейчас, например, стучу по журнальному столику крышкой ручки, пытаясь угадать мелодию.

Напоминает балладу Стиви Уандера, никак не могу вспомнить названия.

И тут сердце обрывается. Взгляд фокусируется на очередной нелепой рамке, на этот раз шоколадного цвета. В качестве декора на ней расклеены плитки шоколада из мягкого материала, схожего на пластилин. Выглядит максимально убого.

За стеклом вижу знакомую фотографию, на этот раз без даты. Работники фермы фотографируются в лохмотьях. Помню я её прекрасно, ведь сразу выхватываю из толпы знакомое лицо.

Лицо женщины, сидящей прямо передо мной.

Лицо женщины, сидящей прямо передо мной на снимке столетней давности.

Пытаюсь не поддавать вида, хотя выходит не очень хорошо. В ушах начинает звучать знакомый визг, и я еле задерживаюсь чтоб не обхватить голову руками и не закричать «Заткнись! Заткнись! Заткнись!» Вообще, от одного вида фото хочется отключиться и плюхнуться на диван, раздавив лысого сфинкса Нику. Казалось бы, мне не привыкать.

– Этот город единственное место, что я видела за всю свою жизнь. Он убежище для меня, понимаешь? – сейчас она обращалась к Максу, кивающему как собака-болванчик на каждое её слово.

Не хочется её прерывать, но…

– Какая милая фотография! – вскрикиваю я, нажав на кнопку «On” рядом с надписью «Милейшее поведение» – Вы работали на ферме? Расскажите про это!

Я перебил её головокружительную речь и МаМа начинает вскипать, стараясь не показывать вылетающего пара. Она лишь молча смотрит на меня, периодически посматривая на развёрнутую к ней боком рамку:

– Да. Работала. Рассказывать нечего – бедность, нищета…

Она продолжает описывать фермерские будни, а я ухожу в раздумья. Никакого отрицания или глупого оправдания с пеной у рта вроде «Это моя сестра!». Старуха явно плохо поразмыслила над прикрытием.

Кто же она такая?

Кто же этот человек, прячущийся за маской невинного божьего одуванчика? Трясущиеся руки, седые волосы собранные в лохматый пучок, широкие глаза наполненные слезами. Как и всё в этом городе она тщательно скрывала тайну за своим идеально подобранным образом. Сейчас я разглядел это насквозь.

– Фотография выглядет такой старой!– ещё одна глупая фраза в список глупых фраз, о которых мне, впоследствии, пришлось пожалеть. На секунды показалось что старуха всё поняла. Блеснула глазами в мою сторону, одновременно пугливо, одновременно уверенно.

Я вновь почувствовал нарастающий жар – все внутренности начали гореть как на адском одре. На лбу показался пот. Кажется, вот-вот и я вправду отключусь. В глазах темнеет, и я осознаю что больше всего на свете хочу выйти из этой тесной коробки.

Не выдержу ещё одного её взгляда, ещё одной истории. Я не могу находиться рядом с ней и всё тут. Задохнусь от запаха мочи, от летающей в воздухе шерсти.

Понимая, что пора сруливать громко и отчётливо прошу, забывая о том что старушенция не глухая:

– Можно пожалуйста воды? Так жарко!

МаМа поднимается с места с тяжестью синего кита, пытающегося научится ходить. Себе под нос она кряхтит многочисленные проклятья и маты, не успевающие долетать до

моих ушей. Они осыпаются в воздухе как песок. Всё из-за её сиплого голоса.

Старуха имеет вид самой разозлённой и несчастной женщины, но послушно выходит из комнаты. Слышаться тяжёлые шаги: «шарк-шарк..», она отдаляется от гостиной.

– Надо уходить – шепчу я

– В смысле, мы так ничего и не узнали! – Макс уютно расселся на полу, разглаживая свои серые носки, на которых нарисован яркий зелёный крокодил и тёмная надпись «Lacoste”.

– Мы ничего и не узнаем – я осматриваюсь по сторонам, будто старуха окажется в дверном косяке. Ничего подобного. Лишь Ника сверлит меня наглым взглядом, вслушиваясь в каждое слово – Это была плохая идея. Уходим.

Макс причмокивает, поднимая недовольные глаза.

– Дело тут обстоит намного серьёзнее.

– Окей – соглашается Макс прямо в тот момент, когда в комнату похрамывая заходит МаМа с стаканом в руке. Вода в нём напоминает джакузи, пенящуюся от дрожащих ладоней.

Я встаю со стула, забирая у неё стакан:

– Большое спасибо.

В ответ молчание и традиционный негодующий взгляд. Кажется, она способна меня укусить как её кошки.

– Остался последний вопрос, который вам задаст Макс. А я схожу в туалет. Вы не возражаете?

МаМа молча кивает. Я прекрасно помню каморку под лестницей, служащей тут туалетом. В ней горел свет когда мы проходили мимо. Он пробивал белым сиянием тусклость дома.

Я вышел в знакомый увешенный фотографиями коридор, в конце которого сидит голубой шотландец с заломленными ушками. Услыхав звук прогибающихся под моим весом досок он оборачивается, одаривая меня наполненным грустью взглядом. В серых глазах застыли слёзы.

Я делаю шаг к коту, осознавая, что у МаМа, в отличии от других старых кошатниц все коты породистые. Возможно, это говорит о её материальном достатке, располагающим для ухода за огромным количеством котов требующих особого досмотра.

Кот струсил, скрывшись за углом. Напоследок он взмахнул длинным хвостом, шлёпнув им по отлипающим зеленоватым обоям.

– Сколько вам лет? – нагловато спросил Макс, взяв на себя ответственность журналиста. Она перешла к нему вместе с крохотным помятым блокнотом. Осмотрев заметки Влада, он ухмыльнулся рассматривая кривые наброски рисунков. «Ясно, чем он занимался пока я терпеливо выслушивал её бредни».

Сутулая МаМа скукожилась ещё в три раза, как не разложенная гладильная доска. На спине, в коллекции жутких

горбов, показался один новый. Парень быстро пожалел о вопросе.

– У женщин такое не спрашивают – рявкнула она.

– Извините за бестактность – вежливо ответил он, думая «Да пошла ты, старая выдра!» – Но это интересует многих– «Будто твоя лишенная солнечного света занудная жизнь хоть кого-то интересует»

Старухе явно льстило то, что по словам мальчиков она была хоть кому-то интересна. Сразу после подобных утверждений она расплывалась в довольной улыбке. Тонкие сморщенные губы походили на молодой полумесяц.

Выглядела эта ухмылка как наигранный матёрым актёром приём. Ощущение, будто она её из себя выжимала.

Вот только чего она добивалась?

В какую игру играла?

Вечер оказался провальным, это уже понятно. Они уйдут лишь с мрачным осознанием что их идея – полоумный отстой, будто выдуманный сумасшедшим без капли логики.

Сейчас Макс с нетерпением дожидался Влада, наблюдая за тем как стремительно вращается секундная стрелка на стоящих рядом с вазой часах.

И стандартная рубрика «УГАДАЙ-КА»:

В форме кого могут быть часы у кошатницы?

Верно-верно-верно, надеемся вопрос вас не сильно озадачил, в форме кошки!

Парам-пам!

МаМа заводит свою старую заезженную до безумия шарманку, нос перекосило и глаз сощурился. Выражение, будто она точно сейчас под себя насрёт. Под нос шепчет знакомые проклёны:

«Чёртовы подростки!», «Глупые создания!», «Малолетние гандоны!» – из гнилых уст дамы выходили отборные маты старой закалки. Такие встречаются только в вестернах и обсосанном домике гномов, в котором поживает старая сумасшедшая.

Она (старая сумасшедшая) встаёт со своего кресла и молча ползёт на выход. Сейчас Макс замечает, что её хромота полностью прошла. В ней с самого начала казалась какая-то липовость. Парень проводит удивлённым взглядом МаМа, в руках продолжая держать блокнот. Слышится громкий хлопок двери.

Дверь в гостиную закрылась. Следом идёт поворот замка.

«Твою мать, кто ставит замки на дверях в гостиной?»

Он даже и не обратил внимания, что под дверной ручкой зияла замочная скважина.

Макс подрывается с места, кулаком тарабаня по двери:

– Эй! Зачем вы меня закрыли?

В комнате без окон, которую жёлтым светом освещает лишь тусклая лампа и телевизор, в которой мрачные обои с букетами цветом, напоминающими похоронные, давят на твою психику, в которой десятки котов желают расцарапать тебе физиономию, в конце-концов, которая заперта, стано-

виться по-настоящему неуютно.

– Глупые идиоты! Глупые идиоты… – кряхтит сумасшедшая – Ворвались в мой дом, и думали что я ничего не пойму?!

Теперь становится окончательно ясно, что кошатнице есть что скрывать. И эта тайна не просто секрет особенной консервации помидоров по рецепту матушки или её пин-код от кредитки.

Эта тайна выводит её из себя. Слышно по надрывистому шёпоту, до краёв наполненному чистой злобой.

Возможно, эта ванная комната самое тесное место в моей жизни. Теснее неё только матрас, на котором я ночевал в своём втором городе. Как сейчас помню этот тошнотворный запах одеколона «Old-Spice”. Как сейчас помню тот шум, идущий от забегаловки на нижних этажах. Как сейчас слышу этот зловонный запах сырости.

Что же, сейчас этот запах не лучше. Кошачье гавно радиоактивной вонью пробирается мне в череп, отравляя каждую клеточку мозга. Моча добивает сознание будто специально. Именно этим можно объяснить моё поведение на интервью. Я летал в небесах, улыбался как ненормальный коллекционер бабочек, а потом почувствовал ужасный жар. Надо обратиться к врачу. Последнее время он больно часто мне докучает.

Может быть та незнакомка в белом платье до сих пор го-

рит где-то рядом со мной?

Натыкаюсь на рассыпанный по белой плитке песок. Взгляд проходит дальше, и тут я вижу самое адское место во всей галактике.

Оно не сравниться с Чернобылем.

Или Полюсом Холода.

Или Афганистаном.

Венесуэлой.

Или Колумбией.

Уваленный массивными длинными зловонными какашками песок, слипшийся из-за аномального количество впитанных в себя литров мочи. Представьте себе место, в котором посрали все коты планеты. Представьте себе его вид, запах. Представьте себе что старая немощная хозяйка не убирала это место несколько столетий подряд.

Получится кошачий горшок в доме МаМа, в котором фекалии образуют Вавилонскую башню. Стоит он недалеко от толчка, плитка рядом с которым полностью покрыта грибком. Он в страстном танго смешивает свой запах с запахом отходов, и получается самый безумный аромат моей жизни. От вони слезятся глаза. Она разрушает слизистую, палит волосы в ноздрях и расшатывает психику.

В это минное поле проще простого вступить, сев на толчок. Нога на 98% попадёт прямиком в эпицентр ужаса.

– О нет-нет-нет – смеясь, я отхожу от горшка как от атомной бомбы (почему как?). Отворачиваюсь от него, желая ско-

рее стереть эту картину из памяти. Но я знаю, что ничего не получится.

Я буду видеть липкий влажный песок перед сном.

В своих ночных кошмарах.

Подхожу к раковине и включаю воду, погружая под неё ладони. Она холодная, но мне плевать. Чувствую, как клочья шерсти стекают в водосток. Омываю ледяными брызгами лицо, и, кажется, становится легче.

Смотрю на себя в зеркало и выдыхаю. Жар улетучивается.

Сбоку висит голубое полотенце, расшитое пёстрыми цветками. Выглядит, будто старуха сама вышивала его. Но я знаю что это не может быть правдой. Гипотеза оказывается верной, когда я обнаруживаю белую этикетку «IKEA” запрятанную в ткани.

МаМа не нашла бы времени вышивать крестиком. Она была занята созданием антуража невероятной хозяйки, показательно расчесывая кошек за прилавком магазина, в то время как несчастные животные мучались, боясь сходить посрать.

И всё-таки она ужасный человек.

Послышался странный звук, сравнимый с ритмом барабана. Будто барабанщик на ночном концерте в каком-нибудь клубе возбуждённо пытается завести публику. После представления ассоциации понимаю, что это стук в дверь. Очень стремительный и напуганный, что ли.

«ТУКТУКТУКТУКТУК»

Он звонко раздаётся по коридору, понятно, что идёт от гостиной. Оборачиваясь к входной двери в ванную и испуганно застываю на месте. В дверном косяке стоит разъярённая МаМа, в руках держа бронзовую статуэтку кошки. Насколько я понимаю, персонажа египетской мифологии.

Глаза застыли на мне. Физиономию перекосило. Губы дёргаются.

Это всё, на что я обратил внимание перед ударом. Послышался звон, после чего последовала жуткая боль. Уши заложило. Мозги превратились в растаявшее желе, и хоть мои глаза продолжали быть открытыми, я ничего не видел. Повалился на пол, хватаясь за раковину и пытаясь сохранить равновесие. Но вместо этого очередной раз ударился головой.

Почувствовал струю крови, вытекающую с расшибленной брови. Под руками рассыпались мелкие песчинки, которые недавно казались мне самым термоядерным веществом на планете.

Кошёлка поднимает массивную статуэтку над головой, крича:

– ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ УЗНАТЬ?!? ГОВОРИИИИ!

Я не могу встать, до сих пор не понимая что произошло. До желе-головы доходило с запозданием в час. Вместо вразумительного ответа я лишь мычу:

– ЭММ-ЭЭЭ-МММ…

– Отвечай, или я проломлю твой ЧЕРЕП!

Конечно же, в серьёзности намерений МаМа никто не со-

мневался. Но я не мог ответить. Казалось, я сейчас блевану.

Стук-ритм барабана звучит до сих пор:

«ТУКТУКТУКТУКТУК»

Он стал громче и отчётливее. Всё разворачивается невероятно резко и динамично, подстать в его такт.

«ТУК»

Старуха замахивается, собираясь выпускать кошку-египетскую богиню из рук.

«И откуда у неё появилось столько сил?»

«ТУК»

Помню, подумал о том что пройдя домой надо погуглить, кем была кошка в египетской мифологии.

«ТУК»

Кому интересно, там богиня Баст считалась покровительницей веселья.

«ТУК»

Ну а мне совершенно не до веселья.

«ТУК»

Сразу себя отдёрнул от мыслей о доме, ведь тогда до меня дошло, что МаМа реально желает меня убить.

«ТУК»

Что же она за человек, если желает меня убить?

«ТУК»

Бронзовая статуэтка наконец выскальзывает из её рук. Я подгибаю ноги под грудь.

«ТУК»

Косая старуха промахнулась. Статуэтка с шумом упала на пол, разбив холодный кафель.

«ТУК»

Испугавшись, хватаюсь за первый попавшийся предмет. Им оказывается чёртов кошачий лоток.

«ТУК»

Переворачиваю его на себя и сразу же умираю от отвращения.

«ТУК»

Нет, не умираю. Но из уст вырывается громкое «ФУ-УУ». Мерзопакостные отходы безобразно вывалились на мою футболку, зловонный обсосанный песок прилипает к коже. Ну а я жалею, что статуэтка не прилетела мне в череп.

«ТУК»

Слышу громкий грохот. Стук прекращается.

Следом застывшая надо мной МаМа отлетела в сторону. Громоздкие накачанные руки обхватили её узкие плечи и отбросили в сторону. Я наконец могу подняться, оглядывая место преступления мутным взглядом.

Дерьмо полетело вниз, засохшими кусками, даже не оставляя следов на одежде. Я чувствую как выбравшиеся наружу глисты медленно добираются до моего рта. Они коричневые, длинные как гусеницы. Цепкими лапами прилипли к одежде, с надеждой всматриваясь в ростовую полость.

Я прислоняюсь к дверному косяку, плывущим взглядом рассматривая Макса. Он крепко схватил пытающуюся вы-

рваться старуху, их пара плывёт перед глазами. Сейчас для меня они кажутся сиамскими близнецами.

– Да кто же ты такая? – выкрикивает Макс. Вижу, как маленькие брызги слюней из его рта летят к морщинистому лицу МаМа.

Зря отвлёкся. Капитан баскетбольной команды как всегда потерпел фиаско. На удивление не дрожащей рукой (должно быть, это был ещё один штрих выведенный талантливой актёрской игрой) старуха срывает со стены рамку. За ней невинными глазами в объектив смотрит рыжий кот. Кажется, я его видел.

Слышится треск. В разные стороны летят осколки. Кошатница разбила рамку об голову моего партнёра.

Он отступил на шаг, ладонями вцепившись в намазанную гелем чёлку.

И вот, так правдоподобно хромавшая старая *кхм-кхм* овца, улетает от нас как подстреленная ласточка. Пенсионерка, готовая нас убить. Она скрывается за углом коридора, рукой срывая раму со стены. В разные стороны летят осколки, усыпая пол.

– За ней! – выкрикивает Макс, всё ещё не способный взять себя в руки. Его шатает в разные стороны, будто он находится на палубе круизного лайнера находящегося в центре шторма. Про себя вообще молчу. Сдерживаюсь, чтоб не вырвать. Или чтоб не плюхнуться на пол.

В итоге, пересилив себя делаю первый шаг. Гнилые доски

проваливаются и скрипят под подошвой. Психопатка, должно быть, уже несколько раз успела скрыться.

Слышится хлопок закрывающейся двери.

Андрей не замечал, как спеша миновал длинную лестницу старательно наступая на каждую ступень. Он слышал шаги внизу. Отец снял пиджак, отбросив его в сторону, оставив небрежно лежать на диване в пороге. Далее, сняв кожаные туфли купленные во время отпуска на Сардинии он неторопливо прошёл в коридор, сев за самое центральное место и вооружившись двумя столовыми приборами с инициалами их семьи.

Мой двоюродный брат вбежал в просторную столовую, обратив внимание на уплетавшего спагетти Арсения. Его рот испачкался в цвет красной томатной пасты. Скорее всего, это была болоньезэ, судя по стойкому аромату трав с добавлением базилика.

Увидев сына Арсений схватил белую тканевую салфетку и вежливо протёр испачканный рот. Перед ним, у белоснежной тарелки стоял хрустальный стакан с виски. Это был старый обычай, который отец называл «снятием стресса». Каждый раз, приходя с роботы он доставал из шкафа один из многих выдержанных виски, немного выпивав. Этот человек знал во всём меру, никогда не перебарщивая. Алкоголик-миллионер упал бы в глазах жителей со скоростью крупного астероида вошедшего в земную орбиту.

Обеденный стол был чертовски длинный, будто рассчитан на пышные казахские свадьбы с сотней гостей. Он вмещал за собой до нельзя много людей, всегда готов принять всю дирекцию заводов округа. Казалось, что папа находится в метрах ста от него, не меньше. Будто бы они сидели по краям стола для чаепитий Шляпника из «Алисы в стране чудес». Андрей выдвинул мягкий стул, находившийся на противоположной стороне, проскрипев по дорогому деревянному паркету, нахально усевшись и взглянув на отца:

– Ты что-то хотел? – фыркнул отец, заново принявшись за пасту – Ты знаешь пароль от сейфа в спальне, и я знаю что ты всегда берёшь оттуда ни в чём себе не отказывая. Можешь не придуриваться…

Андрей молчал, продолжая смотреть за тем, как папа быстро всосал себе в рот тонкую итальянскую спагетти, неторопливо пережёвывая.

– Займись хоть чем-то полезным. Подай мне бутылку со «Скотч», она рядом с тобой – испачканным красным томатным соусом пальцем Арсений указал на стеклянную бутылку заполненную крепким напитком.

Андрей поднялся, так же шумно задвинув стул. Обходя стол вокруг, он мимолётом схватил стеклянную бутылку, пальцем водя по гладкой этикетке. Лёгким движением руки, оттопырив крышку он подошёл к Арсению, встав за его спиной:

– Ты был хреновым мужем, папочка – тихо вымолвил он,

всматриваясь на тёмные накладные волосы. Схожие были у Трампа, только более светлые – И папочкой ты тоже был хреновым, папочка. Очень-очень-очень плохим.

Отец пытался выглянуть через плечо, осмотрев Андрея. Как только он обернулся назад, на своей лысине он почувствовал холодящую кожу влагу. Скотч был вылит на его голову. Он быстро стёк на лицо, превратив лёгкий холодок в противное жжение. Лицо успешного предпринимателя горело

– Что ты себе позволяешь, щенок? – заверещал Арсений, вскочив с места.

Андрей с наслаждением смотрел за залившимся красным цветом лицом отца. Он был разъярён, моментально вскочив на две ноги и схватившись за салфетку.

– Это тебе за то, что обманываешь мою мать, упырь – сквозь зубы процедил Андрей, поставив виски на стол – Передавай привет шлюхе в фиолетовых каблуках.

– Что? Ты? Как? – из уст уверенного предпринимателя выходили только обрывистые вопросы. Он не понимал, как его роман совершённый за толстыми закрытыми дверями приватного кабинета мог дойти до его сына – Сынок, послушай… – Андрей не дал ему договорить.

– Если эта выдра ещё хоть раз сунет свой куртизанский нос в твой кабинет, то я… я… – он запнулся, не придумая как угрожать родному отцу – Я не позволю тебе обманывать свою мать, альфач недоделанный.

Андрей развернулся и ушёл, быстро взбежав на второй этаж к себе в комнату, оставив отца наедине с кучей вопросов и неприятным Джеймсоном, капающим на тёмный костюм. Арсений был не в силах передвигать ногами. Он просто сел, уткнувшись в спину быстро уходящему сыну.

Зайдя в комнату и захлопнув дверь, Андрей в очередной раз услышал звук рингтона. Очередное смс, которое пришло на телефон, лежавший посреди просторной кровати.

Андрей упал на неё, уютно уложившись и подняв его над собой. Экран практически касался носа, ослепляя глаза высокой яркостью.

Он чуть не выронил его, увидев отправителя СМС. В очередной раз это был загадочный «Аноним», который не желал оставлять его надолго.

«Если ты ЕЙ не скажешь, то это сделаю Я. Простит ли тебя родная мать, узнав о чём умалчивал единственный сын? Делаем ставки.

Спокойной ночи, накрой себя одеялом и поплачь,

Леди V”

Аноним настаивал на том, чтобы Надин узнала правду. Зачем ему это нужно?

Мы выбежали через распахнутую дверь на задний двор. Крыльцо освещал нависший над ним фонарь, его свет долетал до листьев деревьев соседней посадки. Они выкрашивались в ярко-белый, игриво шерудя на ветру.

Я до сих пор не мог поверить что это всё происходит со мной. И это не то лирическое ванильное описание чувств: «О Господи, это так ужасно, что кажется, происходит будто не со мной!». Нет, я РЕАЛЬНО не находился в своём теле. Ноги стали нелепыми длинными ходулями. Голова – заполненной соломой коробкой. Глаза – ненужными круглыми пуговицами. Всё было в тумане.

В тумане Макс, кинувшийся к лесу. В тумане телефон, находящийся в его руках. В тумане голос оператора «911» – «Да, что у вас случилось?»

Я сошёл с крыльца и осмотрелся по сторонам. Над коробкой вздымался пар, выходящий из толстой трубы. Рядом, в метрах двухста от неё одинокие дома в два этажа. Вижу, как в одном из них горит свет на втором этаже. Кажется, кто-то всматривается в меня из него.

Кажется, укрывшись воздушными белоснежными тюлями за стеклом стоит блондинка, из рта которой вчера выходили трупные личинки.

В соседнем окне стоит Майкл и расплывается в довольной улыбке. И с чего он мне привиделся?

В другом МаМа, нервно дрожащими устами выговаривая проклятия. Да уж, можно позавидовать моей фантазии. Или это всё последствия сильного удара…

– Эй! Побежали за ней! – Макс уже у начала посадки, пытается отдышаться рядом с высокой и тонкой как спичка сосной. Упирается в колени, поднимет голову: на лбу, укрыто-

му горизонтальными морщинками от удивлённо вскинутых бровей, виднеется пот. Он с непониманием всматривается в шатающийся по пустынной поляне силуэт – меня.

Его громкая реплика доходит ко мне с опозданием в минуту – прогресс, как-никак.

Я бегу к посадке, имея стойкое желание поймать старуху и заглянуть в безумные глаза, перед тем как её посадят в машину дурдома. Подавив всю накатившую агрессию я спрошу:

– Ну и о чём ты думала, курица?

«Дубовый» прекрасен лунной ночью – МаМа не устаёт думать об этом вновь и вновь. Она не устаёт рассматривать мельчайшие детали парка, открывающиеся со светом луны. Она любила это место с самого детства. Вдали виднеется самый излюбленный уголок: начало крупного яра, по ширине своей напоминающего компактную версию каньона. Сырая земля делится на части, и за трещиной образуется укрытая густыми кустарниками яма. Рядом застыло тёмное дерево, острыми ветками разрывающее лунный свет. У дерева аккуратно приставлен пень. На самой толстой ветви узлом обмотана верёвка, заканчивающаяся петлёй. Достаточно широкой, чтоб в неё вошла голова женщины.

Она ждала этого момента, раздумывала о нём давно и тщательно выбирала место, раздумывая о плане своей смерти сидя в старом протёртом кресле. Она всё продумала, и эта

ночь должна была стать последней.

Она и стала.

Старуха сбавила шаг, не спеша подходя к дереву тяжёлыми шагами. «Шарк-шарк…», кусты рядом дребезжат на ветру, первые осенние листья падают вниз. Её сморщенное лицо, медленно укрывающееся холодными слезами освещает убывающий месяц. Рот открыт в попытках глотнуть побольше свежего воздуха. Глаза с жадностью рассматривают последний в жизни пейзаж. Сзади слышатся чужие шаги – более лёгкие и медленные. Она чувствует его дыхание. Ей так хотелось чтобы он пришёл.

– Дорогой?

– Не называй меня так. Я говорил это миллион раз.

– Ты знаешь зачем я тут?

– Я прекрасно это знаю.

– Хочу освободить тебя.

Мрачную тень укрытого морщинами тощего тела освещает луна. Он стоит сзади, скрестив руки на груди. Глаза наливаются злобой: подобный взгляд, должно быть, был семейной особенностью. Кажется, он готов вцепиться в тонкую шею хрупкой старухи с минуту на минуту, и сдерживание стоит ему огромных усилий.

– Почему ты не сделала это раньше? Чего ты ждала?

МаМа молчит, продолжая неторопливо ступать по своей Зелёной Миле. Её глаза опускаются, на веках блестят слёзы.

– ОТВЕТЬ МНЕ! – срывающимся голосом кричит старик

– Не делай из себя святую, продержав меня в этом ужасном месте вечность!

– Ты всегда был лучше меня…

– И не говори очевидных вещей! Меня это раздражает!

Она уже у пенька, сквозь петлю просвечивается часть круглой луны. Убывающий месяц всегда виделся крупной головкой сыра, от которой отрезали кусок. Шаг, и она легко взобралась на вершину обрубка дерева, с лёгким сожалением смотря вниз. Всматриваясь в заросший яр, заросли которого она видит в последний раз. Голова сама скользнула в петлю. Всё происходит словно инстинктивно, как то, что должно было случится ещё давно. Будто всё в этом мире помогает ей уйти.

– Прости меня! – МаМа не сдерживает слёз, они стекают ручьём по дрожащим щекам, стремительно обрываясь вниз.

На лице старика не читаются эмоции. От него веет холодом. Пустой, укоризненный взгляд. Мрачный уродливый горб, возвышающийся над царством безразличия. Он подходит ближе, с интересом всматриваясь в картину, о которой он мечтал последние несколько десятилетий. Запрыгивает на пенёк, ощущая беспокойное холодное дыхание жены. К сожалению, она осталась ему женой на вечность. На тонких пальцах до сих пор блестит обручальное кольцо.

– О, МаМа – он протягивает тонкую руку к щеке жены. Длинные ногти выпиваются в дряблую кожу – Знай, я навсегда запомню тебя молодой.

– Правда? – с надеждой шепчет она.

Старик обхватывает её руку, незаметно снимая кольцо. Расплываясь в ухмылке старая дура ничего не замечает.

– Ага – сойдя с пенька, он отступает назад готовясь наблюдать за столь ожидаемым зрелищем. Мрачное дерево, серебряный свет луны, когтистые ветви. Невероятный антураж. Отчаянный взгляд МаМа затуманивается. Что это? В нём заиграла надежда, радость. Она обхватила петлю руками, старательно пытаясь высвободить шею.

– Я буду жить вечно! – со смехом выкрикивает она – Нет, нет, я хочу…

Фраза обрывается. С её уст сходит лишь тихий сдавленный скрип.

Лицо старика покрыли густые вены. Знакомая длинная синяя сеть сосудов и артерий. Глаза залились тёмной краской. Он потерял облик человека, под ней стояло жуткое создание, напоминающее демона, сошедшего со страниц книг с страшными историями.

– Ты будешь жить вечно – обрывисто выкрикнул он – Только в страшных муках.

С этими словами тощая костлявая нога выбила пень из-под ног старухи. Покатившись, он полетел вниз в яр.

Влажное от слёз лицо застыло в бездумном выражении. Глаза смотрели вдаль, прямо на приближающуюся к ней пару парней. Ноги повисли в воздухе, прекратив судорожно болтаться на десятой секунде удушья.

Старик посмотрел за спину, угрюмой улыбкой встретив приближающуюся пару возбужденных мальчишек. Одним лёгким движением пальцев он отбросил серебряное обручальное кольцо в сторону.

Украшение покатилось вниз по покатистым склонам яра, застыв на торчащей деревянной кочке. «МаМа и ПаПа= любовь» – тонкими прописными буквами выгравировано на серебре.

Кольцо переливалось блеском в свете луны, затаившись под тенью зависшей в воздухе хозяйки. Умирающая старуха выплюнула накатившую к горлу кровь, окрасив подбородок в багровый. Хрип прикатился.

МаМа мертва.

«Любовь навсегда»– выгравировано на обратной стороне украшения.

– О НЕТ! ОНА МЕРТВА! О ГОСПОДИ!

Крик испуга эхом прошёл по всему «Дубовому».

Я застыл как холодная ледяная глыба, шокировано всматриваясь в застывшую над землёй тень. МаМа сейчас казалось призраком, духом из фильма о Хэллоуина, летающим над лесом. Она казалось миражом играющим в лучах луны.

Нереальная картина. Должно быть, самое атмосферное место для смерти (если такое, конечно, бывает) – месяц, в бликах которого выплясывают воздушные пылинки, торчащие в разные стороны ветви, превратившиеся в тёмные маз-

ки красок, петля, качающаяся из стороны в сторону.

Я видел её ступни, нависающие над землёй. Один тапок-зайка спал, смотря несчастным взглядом в нашу сторону. Одноглазым взглядом. Его белая шерсть полностью выкрасилась в цвет грязи.

Ну а я кричал. Кричал что есть мочи. В глазах стояли слёзы, и стандартное «ОМГ, во что превратилась моя жизнь?» утратило всякое значение, как фраза, произносимая чересчур уж часто.

За эти дни мне должны были присудить почётный титул «Короля Крика». У меня хорошо получается кричать, прямо как в ужастиках, когда камера налетает на лицо героя крупным планам и видно все мимические подробности его лица. Крик у меня звонкий, но при этом не срывается на девичий визг.

Меня бы оторвали режиссеры фильмов ужасов с руками и ногами. Опыт в роли жертвы уже имеется.

Макс стоял сзади, и я слышал лишь жалкий стон. Будто он тоже хотел кричать, но ничего не выходило:

– У-у-у… У-у-у… – словно из его полости рта пропал язык.

Ветви осветились в цвет полицейской сирены. Шаги, перешептывания, звук рации:

– СЮДА! СЮДАСЮДАСЮДА! – завизжал я, не в силах оторвать взгляд от нависавшего трупа старухи. Прям «Преступление и наказание» – я роман не читал, но труп старухи

определённо схожая черта.

Раздвигая руками ветви в лес зашли копы, не удивившись увидев знакомого заплаканного пацана. И хотите шутку: они даже не повезли меня в участок! Серьезно! Шериф вместе с отрыжкой выкинул:

– Да ладно, пацан. Думаю ты достаточно того участка повидал за последние дни.

Благословите высшие силы его пахнущую перегаром душу за эту прекрасную идею!

И опять, воспоминания о дальнейших событиях напоминают неудачные снимки, сделанные с интервалом в десять минут:

Вот мы вышли из леса, окружённые мужчинами в форме. У дома МаМа, оставшегося без жительницы с кучей обезумевших от голода котов внутри, рядом с машиной Макса стоит полицейское авто. Знакомую пустынную поляну заливает свет фонаря.

Следущий кадр: не знаю, какая струя безумия ударила в мою голову, но следом я падаю на колени, привлекая к себе всеобщее внимание. По щекам стекают слёзы, а я реву как корова, которой прищемили вымя.

Вот я всё иронизирую, а со стороны, должно быть, драматично смотрелось.

Ладно, опишу как было: тело стало невероятно тяжёлым, будто на него навесили сотню мешков с грузом. Я дрожал. Меня охватил нешуточный страх. Чувство, которое я не мо-

гу сравнить ни с чем. Всё ломается, и в прямом, и в переносном смысле. Внутри стиральная машинка, внутренности кружат как в блендере. От осознания того, что ты никогда больше не будешь в безопасности ты готов сойти с ума. И даже не понимаешь, что это осознание навязал себе сам.

Сидя на коленях всхлипывая я выкрикнул:

– КОГДА ЖЕ ЭТО ВСЁ ЗАКОНЧИТСЯ? – боковым зрением видя, как в соседних домах загорается свет. Должно быть, для них это как ночное шоу.

Для наблюдателей за стеклом.

Следущий кадр: я в машине Макса. Он чуть не подрался за право поехать домой на собственном авто, а не на полицейской патрульной. Тут я наконец чувствую себя в безопасности. Утихомириваю пыл и полнейшую ненависть к своей жизни. Говорю «тише-тише» самому себе, и ярость к этому городу утихает. Утихает жар и чувство безысходности.

Эх, старое доброе чувство безысходности.

Следущий кадр: я в постели. Кажется, продолжаю рыдать. Чувство безысходности накатило вновь, сразу после того как выключился свет.

И вот, я опять в темноте. Меня она засосала полностью, вместе с жизнью и чувствами. Другого выхода нет– теперь страх будет преследовать меня до конца жизни. И я чувствую это всем нутром.

Засыпаю в холодном поту и в дикой дрожи.

Андрей мыл голову, стараясь не вырвать волосы от ярости. Фантазия уже нарисовала портрет шлюхи-секретарши: ужасная безвкусно накрашенная кобыла, с двумя торчащими зубами с щелью, сквозь которую, казалось, мог проехать поезд.

«И почему чувство будто изменили МНЕ?»

После душа Андрей занялся укладкой. Простой процесс, состоящий из шести понятных шагов, выполнив которые каждый из вас может почувствовать себя настоящим мужчиной:

1. Перед сушкой головы волосы смягчить спреем от «American Crew”. Приятная баночка шоколадного цвета, цена более чем приемлемая. Двадцать долларов максимум. Невероятное средство для эффективного гроуминга может сделать фену вашу укладку более *неотразимой*

2. Сушить волосы предельно бережно. Помните – они ваше главно оружие. А для главного оружия стоит не поскупиться и купить удобную расчёску. Облезлая зубочистка, по ошибке выставленная в отделе «для волос» супермаркета «всё по пятьдесят центов» не покатит. Лучше обзавестись надёжным комплектом из жёсткого гребешка и мягкого универсального брашинга.

3. После сушки следует опрыскать волосы увлажняющим тоником для фиксации от «REUZEL” – вас не должна пугать свинья, изображённая на тюбике. Он щедро подарит вашей причёске самый сексуальный запах. Поверьте, для девушек

он как афродизиак.

4. САМЫЙ ОТВЕТСТВЕННЫЙ ШАГ!!! ВНИМАНИЕ!!! РАЗОМНИТЕ ПАЛЬЦЫ И ПОДГОТОВЬТЕ РУКИ К СЛЕДУЮЩЕМУ ДЕЙСТВИЮ: укладываем волосы матовой пастой от «UPPERCUT”, на холодной стальной банке два боксёра. Пахнет кофе с карамелью из Старбакса или кинотеатром в день премьеры нового блокбастера. Но это не попкорн, нет. Этот запах: идеальный микс сотен компонентов, при вдохе которого перед взглядом проноситься вся история американской поп-культуры.

Авторы списка не знают, как подобное возможно. Но просто вдохните запах этой пасты и поймёте.

Матовая паста – самая простая в серии. Придаёт волосам стойкость на весь день. И ещё один совет от Андрея: не ведитесь на навороченные новинки вроде «ultra strong”. С ними волосы держат форму хорошо – факт. Но качество хуже в сотни раз обыкновенной матовой.

Классика – the best.

Укладывать следует взяв небольшую дозу липкой пасты. Самое ответственное: найти «золотую» середину. Переборщите – волосы будут выглядеть будто в них высморкались все ботаны Оксфорда. Пожадничаете – волосы будут смотреться как спящая крыса, свернувшаяся клочком у вас на голове.

Пасту хорошо разотрите между ладоней. Жирные остатки фиксирующего средства в волосах – несмываемый позор

(это внештатное правило). Плохо растереть пасту между волос, это как написать на лбу крупными буквами «Я ЛОХ»

6. Посмотрите в зеркало и улыбнитесь себе, ведь сегодня Вы совершенны! Ведь запомните навсегда:

ДЛЯ МУЖЧИНЫ – НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ ПРИЧЁСКИ. ПРИЧЁСКА БЕССТЫДНО ПОВЕДАЕТ ВСЁ О НАСТОЯЩЕМ ДЖЕНТЕЛЬМЕНЕ. И как же нам повезло, что подправить резюме не представляет особого труда.

Это лишь часть знания сложнейшей науки укладки волос. Одна пятая советов от Андрея, прописной кодекс, придерживаться которого стоит каждый день.

И даже когда настроение было цвета серого цемента, когда хотелось разбить каждую статую, встречающуюся в коридорах особняка на мелкие осколки, а собственного отца заживо закопать в саду – он выглядит невероятно. Всё благодаря причёске.

Выходя из ванной Андрей набрал в рот «Listerine”. Продержал его там выходя из дома, спускаясь по лестнице, кивая охраннику и горничной. Матери нигде не было, должно быть, спала. Он не помнил по каким дням у неё утренний пилатес – или среда, или четверг. Но он знал точно, что не хотел бы повстречаться с ней в коридоре собственного дома.

Паршивое чувство.

Ему стало бы стыдно от одного лишь её доброго взгляда, кричащего «Ты мой самый близкий человек, сынок!» и пеленавшего его в объятия.

Через парадную дверь он вышел во двор. Его БМВ припаркован у ряда туй, скрывающих за собой забор из дикого камня. Рядом – у него перехватило дыхание – новенькая «Tesla”.

Простой дизайн. Переливающийся серебристый цвет. На бампере фирменный знак: вот так просто выглядит автомобиль его мечты.

Но лоск не в этом, а во внутренностях этой красотки. Новейшая «Model 3” может посоревноваться в интеллектуальных упражнениях с любым заносчивым умником.

Рядом, облокотившись локтем об крышу стоял Арсений. В глазах растерянность. Губы надутые. Всё, чтоб вызвать жалость у сына.

Судя по стоящей машине, он легко бы вызвал к ней в придачу любовь, преданность и верность. В руках отца ключи от новенького авто. Он показательно протянул их вперёд, давая рассмотреть сыну мечту во всей красе.

– Сынок, – он назвал Андрея так, должно быть, впервые – мы сможем сохранить эту ужасную неловкость только между нами? – голос такой же жалобный как и глаза. Андрею аж противно стало, но руки сами тянулись к головокружительному подарку. Отец прекрасно знал о том, чего он сейчас хочет больше всего в жизни. Новенькая «Тесла» стояла первой в списке желаний. До нужного момента отец всегда отказывал в покупке нового автомобиля, оправдываясь его «ненужностью на данный момент».

Видимо, нужный момент настал.

Сейчас мечта стояла перед особняком, обивая солнечные зайчики на стены дома. Прям радужная колесница из рая.

Андрей схватил ключи, кинувшись рассматривать их и вертеть в руках. Казалось, они обжигают руку. Невероятно. То самое ощущение, когда предмет твоих мечтаний находится на расстоянии вытянутой руки. Увидев его реакцию Арсений расплылся в ухмылке. Не искренней, не довольной. Должно быть в такой улыбке расплывается дьявол, выкупая душу у какого-нибудь бедолаги.

От него пахло крепким нишевым одеколоном из Парижа. Андрей не мог вспомнить название.

От воспоминания о фото ключи начали неприятно жечь ладонь. Машина перестала радовать глаз лучезарным светом, теперь он слепил глаза. Тот самый подарок, который не доставит никакого удовольствия.

Подкуп, который так сильно хотелось принять.

И он бы принял.

Андрей мечтал об этой машине.

Очень мечтал.

Но…

Садясь в неё он будет видеть перед глазами обманутую мать.

Хитрого отца.

И не простит себя за лживое молчание.

– Нет – сухо обрезает он, протягивая ключи обратно –

Мне не нужны твои показные подарки, папочка. Поверь, мне не принесёт удовольствия даже машина мечты, если управляя ею перед глазами я буду видеть как нагло ты изменяешь Нади… – он оборвал себя на полуслове – Моей матери.

– Но…

– Сейчас я говорю – резко прервал отца он – Можешь подарить эту Теслу своей шлюшке и передать привет от меня.

Отец замер на месте, растеряно смотря на ключи.

– Чао, папочка – кинул Андрей открыв дверь своей машины.

Чертовски классное чувство: ощущать себя человеком с гордостью. Человеком, готовым дать отпор.

«Мне оно нравится, чёрт возьми» – подумал Андрея, давя на педаль газа и оставляя удивлённого отца позади.

Пролистывая ленту «Booking” вниз я ухмылялся, читая название каждого кафе города.

«Голодный койот» – мексиканская еда на юге города.

Я хмыкнул.

«Придорожный уют» – гостиница и дешёвые завтраки.

Я хмыкнул.

Вчера на меня напали. На брови до сих пор заживает крупный синяк от удара.

Вчера на моих глазах повесилась старуха. Нет, не прям на моих глазах.

Вы поняли.

Вчера мой мир в очередной раз переворачивался вокруг несколько тысяч раз. Вчера я думал что умираю от отчаяния. Вчера сил вставать и жить не осталось.

Ни капли.

Ни грамма.

Но сегодня я себя чувствую, будто сзади прорезаются крылышки. Пока что они больше смахивают на куриные: голова раскалывается а настроение переодически портится с самого утра. Вот например: сижу я значит ожидаю яичницу-глазунью с помидорами и чесноком. Улыбаюсь. Ловлю жалобные взгляды родителей и рассчитываю на утешительное прибавление карманных. Тянусь за вилкой – происходит щелчок. Эмоции накатывают как прилив у берегов Атлантического океана. Лицо перекашивает а самому мне хочется кричать.

Чуть повздорил с отцом и о прибавке карманных прийдется только мечтать.

Кто-то знает, куда пригласить настоящую красотку на первое свидание? Точнее, официальное первое свидание.

Я решил не изобретать велосипед, пригласив Еву на ужин. А что? Так мы узнаем друг друга лучше, в приглушенном свете ламп рассказывая друг другу забавные истории о себе. Мы будем обсуждать книги, я порекомендую ей фильм с Райаном Гослингом а она мне по-настоящему хороший сериал с Беллой Торн. И-д-и-л-и-я.

А потом произойдёт самый ответственный момент, о по-

вторении которого я мечтаю с субботу. П-о-ц-е-л-у-й. Наши губы нежно соприкоснуться, а остальные посетители будут неловко коситься на счастливую парочку, переводя глаза с запеченной утки на густые волосы моей девушки.

Мне нравилась она. Правда, за секунды это стало ясно. Она мне чертовски нравится, и место должно соответствовать моим чувствам.

Я закрыл вкладку с «Booking” и открыл «TripAdvisor”. На первом месте среди ресторанов стояло место, по своим фото больше напоминающее старинный ирландский паб, «Жирная Русалка». Была не была.

Я взглянул на своё отражение в зеркале, за которым мелькали спешащие фигуры ничего не видящих на своём пути учеников.

«Ты пойдёшь со мной?» – как-то грубо. Проговаривая фразы одними лишь губами я представлял перед собой бледное лицо Евы.

«Не хочешь пойти со мной?» – так я кажусь сопляком. Явно не катит.

Подправив чёлку, я засунул руки в карманы пытаясь сделать более глубокий взгляд. Выглядело это, будто я медленно слеплю и пытаюсь сощуриться. Как ботан читающий список литературы на лето. Как старуха разгадывающая кроссворд. Как.. Как....

И почему у меня такие пухлые щеки? Это вообще привлекательно для мужчины?

Схватив себя пальцами за правую щеку я растянул кожу, в ужасе наблюдая насколько она мягкая.

И почему у меня нет острых скул, как у коренного немца?

«Потому что ты не немец, идиот».

– Привет, как дела? – моя рука будто заледенела, пальцами продолжая впиваться в кожу. Ева улыбнулась, выдавив из себя милый смешок.

О нет, она смеётся с меня. Я был смешон.

Первая ошибка – сегодня она подошла первая. Это не ошибка, а катастрофа. Если бы дворянам, бьющимся за сердце царицы, предложение делала царица, как бы они себя почувствовали? Обосранными ни на что не годящимися соплями. Так же и я чувствовал себя сейчас.

– Да, хорошо. Ты… – я начал быстро моргать, нервно отвернувшись думая о том, когда будет нужный момент для приглашения – … Какой у тебя сейчас урок?

– Литература – продолжая улыбаться ответила она.

– Класс, литература – «Что ты делаешь, придурок? Говори немедленно! На раз.. два..» – Что вы сейчас изучаете? – внутренний голос стыдливо прикрыл лицо ладонью.

– Внеклассное чтение. «Зелёная Миля». Обожаю нашего учителя и его внеплановые занятия.

– Ого, Кинг в школе, это… – «Заканчивай эту звездопляску»

– Это круто, да – она обалденно улыбается. Даже когда кажется будто её ухмылка должна излучать едкий сарказм.

Всё равно она светится позитивом – У нас классный учитель.

В воздухе повисла неловкая пауза. Широкое жирное троеточие, становящиеся длиннее с каждой секундой.

«Тот самый момент».

– Хочешь сходить со мной на ужин? – выпалил я, неловко проглатывая каждое слово. Переведя глаза с мутного грязного зеркала на улыбающуюся подругу, я молча стал ждать ответа.

– На свидание? – хмыкнув подправила она.

– Ммм, да, на свидание – промычав как фермерская корова я довольно согласился.

– Куда? Хотя нет-нет-нет, ничего не говори… «Пауки Сумрака», угадала?

– Не-а, мимо.

– Хвала Богам, я в тебя верила – рассмеялась она – После их ужасных коктейлей мой живот скручивает на протяжении двух недель.

– «Жирная Русалка», слышала? – перебил её я.

Ева рассмеялась.

– У места явно остроумные хозяева – промолчав, она уверенно заявила – Я согласна.

– Отлично – довольно кивнул я.

«Можешь расслабиться, сопля». Обперевшись спиной об шкаф, я продолжил довольно расплываться в широкой улыбке.

Ева была идеальна: тёмные волнистые волосы спускались

до открытых плеч. Сегодня на ней была светлая майка. Мой взгляд невольно опустился вниз, прожигая её бюст. Он был идеален как и она.

«Заметнее рассматривания сисек и не придумаешь»

– Как тебе «Возлюбленная»? – мой взгляд поднялся на её хрустальные глаза.

– Трогательно – сухо обрезал я, расплывшись в ещё одной улыбке. Улыбка за улыбкой… С ней они выходили из меня как после конвейера.

– Как тебе идея: книжный клуб «Влада и Евы», или «Клуб анонимных книгоманов для двоих» – рассмеявшись (сегодня она явно была в шикарном настроении), Ева закончила – Ты мне даёшь свою книгу, а я свою в замен, и дочитав мы её увлеченно обсуждаем.

– Классная идея… – протянул я – Правда классная.

Взгляд Евы замер на мне, а губы чуть приоткрылись, будто она ожидала чего-то.

– Может быть начнём?

Подумав, я понял что она имеет ввиду и ловко сбросил рюкзак с плеч.

Внутри был «Juicy Fruit” со вкусом банана, антисептик для рук пахнущий как спирт в чистом виде, уставший от жизни грязный пенал, из которого постоянно вываливались долбанные карандаши и толстая книга в мягкой обложке. Достав её, я сразу же протянул том к подруге, прочитав название лишь спустя пару секунд.

– «Загадочная история Бенджамина Баттона» – пытаясь выдумать о ней факты, я в хаотичном порядке выдавал – Вообще, это сборник рассказов Фицджеральда, но ты не поленись почитать все, там есть реально классные. Знаешь, многие посмотрев фильм с Бредом Питтом покупают книгу, думая что «Загадочная история» растянута на все пятьсот страниц, разочаровываясь обнаруживая что там всего их тридцать. Но… И кстати, фильм классный, с «Оскаром», уже не помню за что, можешь тоже посмотреть…

Ева хмыкнула ещё раз.

Может быть я кажусь смешным?

Старая как мир привычка таскать с собой в школу разные книги. Я могу забыть учебник или домашку, но книга всегда лежит в заднем кармашке – это типа само собой разумеющееся. Как для ирландцев, они испокон веков привыкли пить пиво литрами, бросать не собираются.

Так я познакомился с одной прикольной девчонкой в школе столицы. Там познакомится с кем-то «прикольным» сродни увидеть птеродактиля пролетающего над головой. Откровение! – она была человеком, любящим читать. Там это умирающий вид. Единственное, что прочитали там мои одноклассники от начала до конца, это текст дисса Эминема на Machine Gun Kelly. А тут, читаю я, значит, «Убить Пересмешника» в столовой. Очень опасное дело – не повторяйте. Алексей заболел. Сзади слышатся шепотки и мои многочисленные клички. Но а я с головой нырнул в Мейкомб – тихий

южный город Америки начала двадцатого века. Одно из любимых произведений за всю жизнь, которое пестрит миллионами идей в каждой главе. Может, за ними кто-то рассмотрит лишь историю детей того периода. Может, кто-то нечто большее. Не суть. Подходит ко мне блондинка с яркими голубыми глазами и завязает разговор.

Оказывается, она также обожает эту книгу.

После парочки проверочных вопросов о сюжете (я расспросил в деталях об истории страшилы Рэдли) у нас завязался длинный разговор, продлившийся всю перемену и вечер после школы. Единственное нормальное место в том райончике– кафе «Поле Джаза». Там, в отличии от всего района, не воняет травой.

Мы сидели и говорили не умолкая.

Говорили на следущий день.

Списывались весь месяц и подходили к друг-другу в школе, временами встречаясь в «Поле Джаза».

А потом она исчезла. Её номер перестал быть действительным.

Суть в том, что с помощью книги лежащей у вас в рюкзаке (а лучше, если она будет находиться у вас в руках) можно завести знакомство. И очень удачное.

Ева с удовольствием схватила книгу.

– Люблю Фицджеральда – она рассматривала моё лицо с некой озадаченностью – Твоя бровь…

– Ах да, вчера…

– Я знаю что произошло вчера – слава Богу, мне не прийдётся рассказывать ей вчерашние события в мельчайших подробностях – Твой шрам кровит.

Прикоснувшись к нему пальцем я обнаружил алую кровь. Она потекла вниз, не спеша подбираясь к переносице.

– Я пойду – указав на туалет я попрощался с Евой. Девочка из моих мыслей с плохо скрываемой жалостью смотрела вслед.

Я скрыл рану за ладонью, пытаясь не привлекать особого внимания. И конечно же, я его привлёк. Будто у меня на лице не несколько капель алой жидкости, а вылито ведро свинячьей крови и выгляжу я как Кэрри после выпускного.

Пробегая по коридору и стараясь не обращать внимания на удивлённые взгляды (и когда это они меня начали интересовать?), я задел плечом Андрея. На нём объёмная джинсовая куртка, под низ одета красная рубашка в клетку. Он удивлённо смотрит на меня, словно совершенно не ожидал увидеть своего одноклассника в коридоре школы, и идёт следом:

– Эй, ты как?

– Паршиво, если честно – толкая плечом дверь в мужской туалет открываю рану и опускаю руку. Кровь красным блеском сияет перед удивлёнными глазами толпы.

Все начинают шептаться, оживлённо обсуждать вчерашний вечер. Конечно, они знают что старуха мне врезала (хорошо хоть про кучу кошачьего говна на моей груди умалчи-

вают). Все гадают, чем же МаМа разбила мне бровь. Кто-то предполагает что гантелей, кто-то что цветочным горшком. Чем вариант тупее и неоправданней тем интересней.

И опять я фигурирую как жертва. Сейчас происходит рассвет внимания ко мне. Все даже меньше замечают Андрея (конечно замечают, просто на смену обсуждения его чёлки пришли обсуждения убийств) за моей спиной. Теперь я эфирная красная точка в центре мишени для дартса, и очень часто в меня попадают колкие обидные высказывания.

Но бросьте, обращать внимание на них после всего случившегося – ха-ха – глупо.

Андрей заскакивает в туалет за мной. Замечаю как медленно он шагает сзади в грязном зеркале, на котором виднеются разводы от тряпки. У раковины стоит парень, сидящий со мной на химии. Пытаюсь вспомнить его имя но на ум ничего не приходит.

Становлюсь рядом с чуваком и пытаюсь смыть кровь. Вода ужасно холодная. В водосток будто стекает чай каркаде.

Парень из биологии удивлённо смотрит на меня и нависшего рядом Андрея.

– И что же вчера случилось? Никто не рассказывает, а верить сплетням это как позволить водить себя за нос.

– Давай не будем об этом.

В глазах тень висящего над землёй тощего тела. Сзади полумесяц.

Ноги подкашиваются, но я прочно стою продолжая обрыз-

гивать себя водой. Это помогает не уйти в круговорот мыслей.

– Как скажешь – голос Андрея звучит надрывисто, с каждым словом всё тише и тише. Словно после следующего предложения он затихнет навсегда – Кажется, тебе следует обработать шрам. Я не доктор, но этим ты ситуацию не улучшишь.

Кровь перестаёт сочится. Я победно поднимаю голову, смотря на себя в зеркало. Парень-химия испарился, шрам продолжает выглядеть сырым, но красных потеков вокруг не виднеется.

Смотрю на Андрея. Рядом с его отражением прилипла пылинка. Выглядит он, как же обьяснить… не по своему. Словно его внутрення гордость исчезла. Широкие плечи и волевая осанка поникли вниз. Уголки губ нервно дрожат. Под глазами прояснились заграждающийся синие мешки. Для него это сродни вымирания всего человечества.

Должно быть, эта ночь поразила не одного меня:

– Что случилось? – поворачиваясь к нему лицом спрашиваю я. По шее вниз к воротнику рубашки стекают капли воды.

– Всё отлично – саркастично улыбается он – Моя девушка сгорела и моей жизни угрожает поехавшая сука в маске, способная убить меня с минуты на минуту. Лучше не бывает.

Он стыдливо смотрит в сторону.

Это точно не Андрей.

Как в британском фильме «Армагеддец» с Саймоном Пэгом, инопланетяне заменили его на робота.

– Я… я… – он начал заикаться. Красный свет. Тревога.

Задумчиво смотрит на швабру с деревянной ручкой рядом с писсуарами. Срывается с места, хватает её и заталкивает в ручку двери. Так, чтоб никто не смог зайти.

– Я могу доверить это только тебе – он достаёт телефон из кармана и открывает сообщения. Читаю слово «Аноним» и сразу понимаю что к чему – Мой отец изменяет матери.

На дисплее фотография, смахивающая на начало порно. Чётко узнается Арсений, а вот лицо девушки, чьи ноги облачённые в колготки и торчат в разные стороны, скрыто за его широкой спиной.

Случилось.

Он узнал.

Я знал тоже.

Смотрю в разные стороны, туалет становится слишком тесным. Воздух заканчивается. Я потею. Смотрю на себя в зеркало и понимаю, насколько жалким выгляжу.

Я покраснел. На щеках румянец который выдаёт меня как немецкий партизан.

Андрей, каким бы бездумным не хотел казаться, умный человек. Унаследовал это от отца, стараясь рубить ДНК каждый день при помощи травки и алкоголя. Но мою реакцию он раскусил мгновенно.

– Ты знал… – шептал он. Нос дёргался а глаза заливались

злостью.

– Что? Нет!

–Я же вижу – он отвернулся, сжав ладони в кулаки. Словно вот-вот и двинет меня прямо в челюсть.

И как он догадался? Прям прочёл с чистого листа правду… Удивительно.

После парочки раздражённых утверждений я оставил все попытки оправдать себя. Этого делать просто не хотелось. Но при этом особого стыда я не испытывал. Да, я скрыл. Но кто сказал что во всех 100 % случаев нужно лезть в ситуации, не касающиеся тебя никаким боком?

Я просто оставался в стороне, выбрав нейтралитет и слушая информацию из уст отца.

– Почему ты не сказал мне? Я же тебе доверял! – смазливые заезженные фразы сыпались из него градом. Я молчал, внимая каждой из них. А что ещё ответить? Начать без умолку болтать пытаясь замять ситуацию? Разреветься?

– Мой отец видел твоего отца с той девушкой. Я думал лучше будет промолчать.

– Да ты ничего не думал! Ты не брат, ты… Ты… Ты гандон! – обрезал он – Никогда не думал что меня сможет предать такой…

«Такой… Ну? Что же ты выдашь?»

– Такой невзрачный придурок как ты! – «Оу! Как больно!» – Ты жалкий, и к тому же оказался подлым! – «Оу, как обидно!» – А хуже жалких и подлых людей только…

– Напыщенная испорченная «золотая молодёжь»? – само с языка сошло. Тут я не несу ответственности за свои слова.

– И после всего что ты наделал, ты ещё будешь что-то тявкать?

– Что я наделал? – до этого мы старались говорить шепотом, боясь стоящих за дверьми лезущих без мыла в задницу умников и умниц – Попытался сохранить карьеру отца?

– Причём тут это?

– Да брось, он бы вылетел пулей со своего рабочего места. Твой папаша об этом позаботился бы – ноги подкашивались. Кажется, после всего случившегося со мной я готов сорваться с секунды на секунду. Мысли туманятся, остаются лишь слова. Ими и хочется идти в бой – Я не хотел влезать в взаимоотношения чужой семьи!

– Теперь то уж точно мы чужие – фыркнул Андрей прямо мне в лицо. Он подошёл настолько близко, что я чувствовал запах его утреннего «Листерина» в мелких подробностях – Я не хочу тебя знать, подлый засранец.

– Я не умру от грусти из-за этого, поверь.

Далее Андрей сделал то, что он делает в любой ситуации. Он ткнул мне фак прямо в лицо. Так, что его средний палец чуть не залез мне в ноздрю.

А я чем хуже? Мы же братья!

Ткнул фак ему в след. Он отодвинул швабру и вышел за дверь, показательно ею хлопнув. От этого хлопка затряслись стены, заходил кафель под ногами. Швабра медленно пока-

тилась мне под ноги.

Я смотрю на своё красное лицо в зеркало и не чувствую НИЧЕГО. Ни стыда, ни горечи. Внутри пустота. Возможно даже облегчение. Ещё один груз-секрет за моей спиной легко отцепился. «Щёлк!»

Поджидая нужного момента, пропустив Андрея в туалет вошли знакомые братья-хоббиты.

Теперь я точно уверен что они геи.

Кажется, вот-вот, и два низкорослых гнома объединятся в симбиоз (надеюсь, прозвучало не вульгарно). Две пары лопоухих ушей, как у слона Дамбо, торчали в стороны. Они будто созданы для удобнейшего подслушивания сплетен.

– С того света звонила дохлая старуха и передавала тебе привет. Говорила жалеет, что не размозжила твой череп статуэткой.

Я мог бы накинутся на гнома и с лёгкостью разорвать его челюсть. Вырвать хитрые глаза. Выкрутить еврейский шнобель как пробку из бутылки шампанского. Сдуть их как волк из «трёх поросят».

Но агрессии к ним совершенно не было.

Жалкие обиженные ублюдки. И разве они стоят моих сил?

Нет, ну вот правда – и разве они стоят моих сил, когда вокруг разворачивается жуткий триллер, полностью охвативший мою жизнь?

– Трахните, наконец, друг друга как следует – с улыбкой отвечаю я – Может, полегчает.

Хлопнув дверью я вышел в коридор. Все до сих пор смотрят в мою сторону, разглядывая шрам у брови.

Наверное, это был первый случай когда я засыпал на уроках. Но я просто не мог высидеть эту лекцию. Раньше (ещё дней пять назад) история для меня была сродни святой науке. Каждое слово, факт, дата – всё интересно. Интересно до коликов в животе.

Сейчас же я склонился над партой рассматривая выцарапанные надписи. Единственный кабинет в школе где кто-то осмеливался писать на партах.

«КЭР тупая шлюха» – крупным шрифтом написано чёрным маркером рядом с моей щекой. Кажется, что слово «шлюха» заходит в мой рот, который по-дурацки открылся.

Глаза сомкнулись и я отключился.

Провалился в себя, видя тёмный силуэт висящей в свете луны старухи.

А затем открыл глаза.

Класс оказался пустым. За партами никого. Кто-то оставил недоеденный Сникерс на соседнем стуле. Голова перестала болеть. Я почувствовал себя прекрасно, просто прекрасно. Вся тяжесть этого утра ушла. Ноги понесли меня сами, как роботизированные ходули. Выйдя из-за парты я ступал шаг за шагом расплываясь в улыбке.

Замечательно.

Не замечательным было только то, что я полностью про-

спал урок. Первый раз в жизни. Я уже представляю миллион историй где новенький-безумец спит носом уткнувшись в парту: «АХАХА, невероятно смешно».

Но самым НЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ была историчка, склонившаяся над конспектами. Я ждал того момента, как она поднимет холодные глаза и завизжит:

«АААА-АААА»

Может быть кинет в меня свою ручку – я бы не удивился. Но она подняла глаза и улыбнулась.

«Что происходит?» дубль один.

Историчка. Улыбнулась. Это, конечно, могло бы произойти. Но обозначало бы это что квантовая физика дала сбой. Тектонические плиты вышли из границ. Мир уничтожается.

Или что перед её глазами расчленяют учеников.

Удивившись её резкой улыбки я вздрогнул от ужаса. Глаза без зрачков – как у бабки, пришедшей ко мне во сне в первый день. Похоже на образ Рианны из клипа на «Disturbia”. Там она носила белые линзы без зрачков. Сейчас же эти пустые глаза заглядывали в душу, в сумме с безумной улыбкой составляя полноценную картину женщины из кошмаров.

«Что происходит?» дубль два.

Тогда я не сразу догадался, что сплю. Вообще, мысль о том что я во сне приходит ко мне во время сна практически всегда. Это помогает не сойти с ума во время кошмаров. Но тут, такое ощущение, что я ничего не понимал.

– Простите, где все? – озадаченно спросил я. Предложе-

ние эхом разлетелось по пустому кабинету.

«Где все»

«Где все»

«Где»

«Где»

Улыбка на её лице начала дрожать, будто вот-вот и я услышу знакомый отчаянный вопль.

– Все на парковке. Там начинается невероятное шоу – продолжая улыбаться ответила она. Ну а я продолжал пялить на её пугающие глаза.

Выйдя из кабинета я кивнул. Что-то вроде прощания.

Историчка продолжила улыбаться.

Коридор так же пуст как и кабинет. На полу валяются скомканные в клочки бумажки. На стене десятки газет. Некоторые шкафчики распахнуты, будто совсем недавно из них что-то доставали.

Школа опустела.

Вдали слышу детские крики. Слов не разобрать, они смешиваются в звонкий гул.

Я ступаю по лазурной плитке коридора с осторожностью, с недоверием. Пытаюсь вслушаться в отдалённый крик, ничего не выходит. Попутно рассматриваю настенные газеты.

Справа целый стенд посвящённый французской истории. Оформлен в мрачно-серые тона, с листовок отстранённо смотрит Жанна Д'Арк и Людвик тринадцатый. Рядом карты Франции и Парижа, слегка помятые и порванные по бокам.

Недалеко крупная рамка с плакатом «Девяносто лет школе имени Дилана Грина». Заголовок разрисован всеми цветами радуги, в то время как текст напечатан на принтере – выглядит безвкусно.

Снизу заглядывает меланхоличным взглядом в душу, конечно же, Дилан Грин. Седой американец в своей стандартной позе. Рассматривая его портрет я не замечаю пожилую женщину, стоящую впереди, и чуть не врезаюсь в неё.

Она даже глазом и не повела. Единственная живая душа в школе (не считая Горгоны в кабинете истории). Пользуясь моментом, я с неприкрытым интересом рассматриваю её лицо; минимум морщин как для её возраста. Рискну предположить что ей лет 65, может быть больше. Лишь глубокие как каньоны Аризоны носогубки, бросающиеся в глаза. Передняя челюсть слегка выдвинута вперёд, из-за неправильного привкуса она напомнила мне орангутанга.

Она недвижимо осматривала постер.

На нём информация о школе, собранная по десятилетиям. Куча фоток, есть черно-белые и выгладившее более старыми желто-белые. На них ученики разных поколений: выигрывают в олимпиады, ставят спектакли в актовом зале. Счастливые и не очень. Красивые и не очень. Десятки фотографий и сотни эмоций, неразлучно связанных с годами в школе.

Рассматривая их я думал о деньгах, вложенных в её реставрацию. Гораздо легче построить новую школу на новом месте, например, на одной из многочисленных полян у леса.

Видимо, тут ценили историю, как и столетнюю старушку-школу.

Внимание привлекла маленькая квадратная фотография в верхнем углу постера. До боли знакомая девочка, гордо носящая золотую медаль на груди. На ней свитер в тёмную полоску как у Фредди Крюгера. Глаза азартно сверкают. На зубах блеск от железа брекетов. Рядом её ровесница с сальной головой, переливающейся жирным блеском в свете лампы. На объемной груди точно такая же медаль. Глаза более грустные, будто в момент фотографирования девушка была недовольна. На ней пушистый зелёный свитер.

Я вздрогнул и встал на месте как вкопанный. Посмотрел на даму стоящую рядом со мной. На плакат. На даму, ещё раз рассматривая её характерную челюсть. На плакат, на девочку с точно такой же челюстью.

Это она.

Со временем её внешность изменилась до неузнаваемости.

– Да-да-да. Должно быть, ты удивлён – хриплым голосом заговорила женщина. Она продолжала смотреть на свою фотографию. И только сейчас я заметил грусть в её взгляде. Или её я сам придумал? – Посмотри на это личико – пальцем она бережно гладила глянец фотографии, оставляя мутный след – Я была счастлива. По-настоящему счастлива. Уникальный случай за всю историю школы – на городской олимпиаде первое место получили два человека – она хмыкнула.

Тихо, будто пытаясь подавить искренний смех – Я долго готовилась. Тогда это мне казалась таким важным, будто вся моя жизнь крутилась вокруг одной лишь олимпиады. Победить тогда для меня было большим достижением. До сих пор помню это чувство, будто твоя жизнь уже предначертана и обязательно будет наполнена этим вкусом победы. Ха, как бы не так – её палец медленно проскользнул к лицу «сальной головы» – Катя. Она отстала от меня на два очка, но её отец сидел в комитете. До сих пор живет в тут, где то на выезде, одна-одинешенька, вместе с тремя собаками. Раньше, рядом с её домом была отличная закусочная. Там подавали невероятные стейки. Сейчас её перестроили в паршивый общепит – она причмокнула. Её нижняя челюсть словно проскользнула под верхнюю, на своё законное место – А столько амбиций у девчонки было – у женщины приятный низкий голос. Напоминает ведьм из сериала про Сабрину – Хотела уехать в столицу и стать там первым финансистом, но так и осталась тут. А я… Я… – её голос сбился. Резко стал абсолютно грустным, но оставался таким же внятным. В левом глазу блеснула слезинка, покатившись по щеке – Я столького хотела добиться в этой жизни, у меня были такие планы – она перешла на шёпот – Я хотела подняться на Мыс Доброй Надежды. Даже не знаю почему, я ещё с пелёнок про него так наслышана – на её лице блеснула легкая добродушная улыбка – А ещё, ещё я хотела нырнуть к Большому Барьерному Рифу, с третьего класса так увлеклась океанологией, а там

были все, о ком я так долго читала, там больше 1 500 видов живности, представляешь? – восторженный голос оборвался так же резко, как и начался. Слушая её, казалось что кто-то натягивает нить, разрезая её и натягивая заново – Но, он решил отобрать мою жизнь. Не понятно почему, кто ему дал права на это, понимаешь? – наконец, она взглянула на меня. Глубокие голубке глаза залитые слезами. Белки покраснели. Её руки дрожали – Я… Я только начала входить во вкус, мне нравилось жить. Понимаешь? Нравилось.

Голос пронёсся эхом по пустому коридору.

Нравилось

Нравилось

Нравилось

И снова шёпот. Словно её переполняли эмоции, но она боялась что нас кто-то услышит.

– И я бы никогда не подумала что моя жизнь так резко оборвётся – на женщине одето платье с цветочными узорами. Они тянулись от декольте вниз, обвиваясь тонкой нарисованной ярким зелёным виноградной лозой. Яркие цветы бросались в глаза изобилием пёстрых оттенков.

Но сейчас в глаза бросались не они. Маленькое красное пятнышко, которое незаметной тенью проявилась у пупка старушки. Оно увеличивалось с каждой секундой, становясь всё больше и больше.

«Кровь»

«О Господи, это точно кровь»

Алые капли начали стекать по открытым ногам, по опущенным вниз рукам. Белое платье, броские узоры, всё покрыл собой густой слой крови.

– Извините, но…

– А знаешь что самое страшное? – она прервала меня, вновь сорвавшись на крик – То, что они запугивали меня, убивали не сразу. Они хотели чтобы я боялась. Чтобы чувствовала себя обречённой. У них нет ничего общего с людьми, абсолютные животные.

– Вы истекаете кровью! – выкрикнул я.

– Дитя моё, вот тебе совет: беги из этого города быстрее, и даже не оглядывайся. Это место невероятно опасное – она схватила меня за руку и крепко сжала, смотря прямо в глаза. Я почувствовал отталкивающий холод. Он покрыл всё тело.

Наполненные слезами глаза заглядывали в душу. С её руки алая капля перетекла на мою. Я задрожал от страха.

– Кто это сделал с Вами? – спросил я – Просто назовите имя!

Моя ладонь медленно окрашивалась в алый.

Становилось холоднее и холоднее.

– Скажите, кто убивает их всех!

Окрашивалась в цвет её крови.

– Просто назовите его!

Рука стала полностью алой.

Казалось, пол уходит из под ног. Всё пребывает в постоянном движении.

– Он убивает из года в год. Он всегда рядом… – она прервалась, посмотрев напуганным взглядом за мою спину. Послышался поросячий визг – звонкий, громкий, бешеный.

Я обернулся, с растерянностью смотря в конец коридора. Никого. Но визг не смолкал.

Холод смягчился.

– Что это? – оборачиваясь назад, спросил я. Дамы не было. Она исчезла, даже не оставив после себя кровавые следы.

Никого.

Коридор вновь опустел.

Лишь этот ужаснейший поросячий визг.

Он действует мне на нервы, как ультразвук, режет по барабанным перепонкам. Затыкая уши я скукожился от неприятных ощущений, разрывающих меня изнутри. Детская фобия к свиньям. Возможно, я её выдумал, но что эти твари мне омерзительны – неоспоримый факт.

Визг сменился на хрюканье.

Наконец, в конце коридора показалась огромная свинья, вся в крови; не знаю, в своей или чужой.

Одна кровь вокруг меня.

И как же это достало.

Огромный хряк напоминал перепичканного гормонами роста монстра. Необычная свинья, чересчур огромная и жирная. А так же как я понял, предельно злая.

Свинья врезалась в мусорную урну, перевернув её и оставив кровавый след. Следом она обтёрла лазурные стены, по-

сле чего двумя бегающими глазками-пуговками засекла меня.

Искра.

Визг.

Агрессия свиньи.

Она сорвалась ко мне, несясь по коридору и визжа. Думаю, моё решение незамедлительно убегать от хряка оказалось весьма оправданным.

Безумные глаза не отрывались от меня. Она открыла свою пасть хватая воздух. На полу оставались алые следы от ножек.

«Ножки? Ха-ха! Четыре здоровенные дубины!»

Я бежал по коридору, минуя шкафчики и бесконечные кабинеты. Свернул за автоматом с газировкой. Далее – направо за питьевым фонтанчиком. Яркий солнечный свет наконец пробил безжизненный коридор.

Наконец, передо мной была дверь ведущая на парковку.

«Щёлк!» – я на улице. В воздухе вихрем кружат опавшие листья.

Свинья в крови вызывала у меня дрожь. Отвращение. Ужас. Звучит как нельзя странно. Но вы, должно быть, не смотрели фильм «Свадебная ваза» (и не смотрите даже под угрозой расстрела). Чёртов Алексей со своим вкусом к кинематографу.

Именно он заставил меня посмотреть «Человеческую многоножку» и ещё дюжину других мерзопакостных второ-

сортных блевотичных ужастиков.

Тот фильм оставил нешуточный след на моей психике. Фермер весь фильм насилует свинью, затем маленьких свинок: её детей. В конце ревнует свинью к детям и на её глазах их убивает. Потом убивает саму свинью.

Конец.

Возможно, в этой картине заложен невероятный головокружительный смысл. Я никогда не понимал артхаус. Но там им и не пахло.

Дверь захлопнулась. Свиноматка осталась за ней, с жалостью смотря мне в след. Подождав секунды три она побежала дальше. За ней тащился след из крови.

«Что за ТВОЮ МАТЬ!?!?»

Расслабившись, я обернулся лицом к школьному двору. Никого. Пустые лавочки, на которых виднеются редкие опавшие листья. Куча автомобилей, припаркованных один за другим. Вдали большая дорога. Рядом начинается густая посадка.

Но!

Но!

Но!

Посреди парковки стоит целая толпа, выглядевшая как крупное жирное пятно на асфальте. Они собрались в аккуратный круг, состоящий из человеческих тел. Человеческих тел укрытых знакомыми мне мантиями.

Незнакомцы из моей галлюцинации. Их я уже видел. Са-

мая ужасная пятница моей жизни надолго врезалась в память.

«Ты видишь галлюцинации»

Они сейчас опять передо мной. Я точно схожу с ума.

Именно они заставили меня впервые не поверить самому себе. Отказаться от своих воспоминаний. Принять за чистую монету чужие слова.

Как и той ночью все лица скрывались за завесой теней, создаваемой нависшими капюшонами. Правда, тут это наперекор противоречило физике – лиц не было видно даже у людей, стоящих напротив солнца.

Подходя ближе я сосредоточенно пытался заглянуть в центр круга. Он скрывался за высокими тенями, заставляя меня прыгать как горную коза. Заходя глубже, я наконец увидел что так привлекло внимание загадочных теней.

Деревянный кол, таинственным образом балансирующий на асфальте. К нему толстой бечевкой привязана миловидная блондинка, на вид лет тринадцать. Пухлые щёки. Больше глаза, как на картинах Маргарет Кин. На ней милая белая толстовка с улыбающимся единорогом, скользящем по радуге и надписью: «Радужная сила!». Должно быть, просто душка, если любит единорогов (ох уж эти стереотипы). На пухлых мягких щеках блестят следы от слёз. Звонким голосом она зовёт на помощь, но крик прерывает многоголосье окруживших меня теней.

Я пытался прорваться ближе к ней, расталкивая толпу

плечами. Тени никак не реагировали. Я заглядывал под капюшоны, видя пустоту. По коже шли мурашки.

Вместо лиц безвоздушное пространство. Стало тесно, я оглядывался по сторонам и с ужасом осознавал что череда из людей в мантиях стала только больше. Они заполонили парковку, становились на машины. Они везде. Я в эпицентре тёмного океана.

Тень, находившаяся ближе всего к колу чиркнула спичкой. Она появилась в его жуткой сморщенной руке словно из ветра, пылающим языком разрываясь на ветру.

«Чирк!», спичка полетела к столбу. Жар пронёсся по толпе накатившей волной. Кол охватило пламя, стремительно прорываясь вверх, к болтающимся в разные стороны ногам в длинных розовых носочках. Секунды – и огонь полностью охватил её тело.

Крик прозвучал эхом по всему двору школы. Крик смешанный с плачем. Отчаянный вопль.

Боль. Ужас. Всё смешалось. Такое я уже слышал. Этот звук не спутать ни с чем. Он звоном звенел в моих ушах.

Я вскрикнул, с ужасом оглядываясь по сторонам. Теперь, к попыткам пробраться к колу добавилась нешуточная злость.

– ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ? – кричал я пытаясь пробиться – ПОМОГИТЕ ЕЙ, НЕУЖЕЛИ ВЫ БУДЕТЕ ПРОДОЛЖАТЬ СМОТРЕТЬ?

Пустые лица безмолвно смотрели сквозь меня.

– ПРОШУ! – в моих глазах блеснули слёзы. Я не мог уйти от этого крика боли. Он пробирал меня насквозь – ПРОШУ, ПОМОГИТЕ ЕЙ!

Я рыдал, одновременно расталкивая толпу. Они застывали на месте как холодные каменные глыбы. Спины в тёмных одеяниях сужались, зажимая меня между собой как тиски.

Тени начали браться за руки. Один за другим, образуя аккуратные кольца из цепей рукопожатий. Стоял шёпот, они проговаривали неразличимые слова. Пытаясь протолкнуться через крепкие хватки я ничего не добился. Оставался на месте и смотрел на бушующий костёр вдалеке.

Из рта выскочил крик злобы. Я замахнулся и врезал кулаком что есть мочи по голове стоящей впереди тени. Он повалился на пол, разомкнув круг. Его соседи даже не заметили.

Размахивая кулаками в разные стороны я пробивал себе путь. Стоявшие рядом тени падали на пол.

Я бил им в спину. В живот. В пустое лицо.

Я кричал, желая разорвать каждого стоявшего вокруг меня.

А они продолжали шептать и держаться за руки.

Таким образом я добежал до костра. Визг девочки стих, я слышал лишь шёпот толпы. Синхронный. Медленный.

Подняв глаза я вновь почувствовал то самое знакомое чувство. То чувство ужаса, после которого думаешь, что больше никогда не сможешь заговорить. После которого думаешь что твоя жизнь окончена, ведь после этой картины ты

нельзя продолжать нормально жить.

Милая блондинка превратилась в обуглившийся скелет. Торчащие рёбра, напоминающие хворост в рождественском костре. Череп, полностью укрытый чёрным пеплом. Между ним белизной блестели зубы.

Ноги не смогли меня держать.

Этот знакомый всепоглощающий ужас.

Я упал на асфальт, согнув колени. Глаза до сих пор ходили по останкам девочки. Из глаз катили слёзы.

Тени словно шептали:

«Видишь себя?»

«Такое произойдёт и с тобой!»

«А может быть с Евой…»

«А может быть СО ВСЕМИ, кто тебе дорог!»

Из уст вырвался вопль. Отчаянный вопль насквозь пропитанный чувством безысходности.

Открыв глаза я продолжал орать. Перед носом открытый учебник, пахнущий пылью. Перед глазами знакомая надпись «КЭР шлюха». Я выдохнул.

И с ужасом осознал, что я продолжаю кричать.

Класс заполнен слушающими лекцию учениками. Все они сейчас пялят на меня. Кто-то расплылся в озорной улыбке, кто-то хохочет не скрывая веселья. А кто-то смотрит с явной жалостью.

Ну а как же, «жертва» переживает психологическую трав-

му.

«О, это так печально!»

Я растерянно осматривался по сторонам, даже и не веря что я вышел из этого ужаса.

Ужас только начинается…

Всё прошло. Я тут. В заполненном людьми классе истории.

«Именно так в школах появляются изгои, Влад»

Но почему моё тело до сих пор продолжает сжимать ощущение всепоглощающего ужаса? Почему по коже до сих пор бегает эта чёртова дрожь? Почему мне до сих пор хочется кричать?

Почему я до сих пор не чувствую себя в безопасности?

А может быть, я больше никогда не буду в безопасности…

Историчка с характерной злобой смотрела на меня. Ну спасибо, что её физиономию на этот раз не искажала улыбка.

А это означает, что я не сплю.

Глава 17 #арахнофобия

Июнь 2018 года

Тишину залитого солнцем парка перебивал громкий молодой смех. Им было так безудержно весело, даже и не понятно из-за чего. Им просто хотелось смеяться не переставая. Девятый класс закончен, и наконец-то сдан финальный экзамен по математике, который каждый из них благополуч-

но завалил.

– Пей до дна! – кричал мальчик с длинной причёской, напоминающей образ Джастина Бибера из 2009 года.

– Ого, ты только посмотри как он засосался! Еее, наш ЗоШник вошёл во вкус! – хихикала сидящая на пеньке девочка с ярко выкрашенными красными волосами. Она тут была своим пацаном, среди компании трёх одноклассников, имевших плохую репутацию даже среди рядовых местных жителей. Ещё с восьмого класса вся школа смотрела на них как на плохих ребят, первых закуривших и начавших пить как сорокалетние алкаши.

Вообще, весь город смотрел на свою южную часть как на гетто, место где живут одни умалишённые неблагополучные отшельники. Все боялись их, обходили десятой дорогой как заражённых чумой. Началось это ещё с чёртового Дилана Грина. Конечно же, как и любого мужчину его привлекли густые леса севера. Кому нужен пустынный юг?

Сейчас, молодёжь с южной школы приходила в «Дубовый» хорошо провести время. Парк тянулся длинной полосой, прорывая выгоревшие степи как стрела. Тёмная посадка идеальное место, для того чтобы скрыться от ненужных взглядов…

Занимающейся баскетболом с десяти лет Богдан всегда был за здоровый образ жизни. Когда-то давно, лет так в двенадцать, родители дали попробовать ему глоток шампанского на Новый год. Этим экспериментом и закончилось откры-

тие Богданом удивительного мира алкоголя. «Я точно сейчас совершаю ошибку» – думал он про себя, поднося к губам железную банку алкогольного энергетика. А если его строгий отец заподозрит его? В таком случае, это будет самое худшее лето в его жизни, и проведёт он его в том проклятом спортивном лагере, куда его любили отправлять в качестве наказания родители.

– Да пей ты быстрее!!! – крикнула красноволосая девица.

– Нет ребята, я не могу – тихо сказал он – Мой папа точно учует запах алкоголя. У него чуйка на такое.

– Он ничего не учует, Богдан. Ты выветришься за часик, мы гарантируем – подмигнул недо-Бибер. Заядлый пьяница и курильщик. От него всегда несло как от металлургического завода, в котором разгорался пожар.

– Да брось ты, тебе пятнадцать а ты ни разу не пил по-настоящему! – подмигнула девчонка. Её чисто мужские повадки переодически разбавлялись женственными приёмчиками вроде ненавязчивого подмигивания.

Четвёртый в компании, тощий брюнет, сидел на траве и наблюдал за всем этим. Он также никогда не пил и не собирался в ближайшее лет пять. Он пошёл сюда за компанию с другом, захотевшим совершить что-то безумное и для этого выбравшего самый отбитый дуэт средней школы. Главное сейчас молчать и не привлекать внимания – думал он.

Их мини-бар находился на самом краю обрыва. Очень живописное место, которое сейчас полностью заросло густыми

непроходимыми зарослями деревьев. Раньше, где-то тысячу лет назад тут скорее всего текла глубокая река, затем она высохла и образовала после себя Гранд-Каньон местного разлива. Теперь главным развлечением детишек после школы было спускание туда и тщательное исследование местности на дне.

«Была не была» – подумал Богдан и увлечённо принялся пить этот горький напиток. На вкус полная дрянь. Крепкий, но при этом сладкий. От этого вкуса Богдану хотелось вырвать, но он не переставал пить пока не выпил всё до дна.

Добив бутылку алкогольного энергетика, он со всей своей баскетбольной силой выкинул её в заросли яра, наблюдая как быстро она скатывается вниз.

В его глазах помутнело. Голова начала болеть. Но это всё равно было интересное чувство. Он и его новые товарищи начали нечленораздельно что-то обсуждать, еле-еле понимая друг друга. Они смеялись. Не понятно из-за чего, им было очень весело, хотя ничего смешного не происходило.

Тощий брюнет продолжал сидеть на траве и скучая наблюдать за этим.

Прошло десять минут не прекращающегося смеха.

Пятнадцать минут.

Двадцать.

Они продолжали смеяться. Сейчас надо-Бибер включил какой-то помойный рэп трек Новой Школы, под который трое бегали и веселились. Им было прекрасно. Весь мир буд-

то в тумане, будто они смотрели на зелень этого парка через мутящую линзу, искажающую пространство.

Неожиданно Богдан почувствовал будто что-то щекочет его горло изнутри. В животе появилось неприятное чувство, будто всё его содержимое собирается вверх. Во рту он почувствовал отвратительный вонючий привкус.

Скорее всего, если вдохнуть поглубже это пройдёт. Он так и сделал. Неприятные ощущения прошли на секунды, но затем опять вернулись. Не понимая что с ним происходит Богдан развернулся к каньону и вырвал прямо туда. Неприятная густая жидкость белого цвета полетела вниз, а он с ужасом наблюдал как она стекает по листьям стоящего рядом дерева.

Красная девица и Бибер смеялись как не в себя. Богдан понял что сейчас всё что он хочет, так это лечь и проспаться. Он удобно лёг на зелёную траву, закрыл глаза и просто вырубился через секунду.

Его друг со страхом смотрел на то, как целеустремлённый и уверенный друг сейчас терял себя.

– Эй, что у тебя с рожей? Ты чем-то не доволен?! – выкрикнул ему Бибер.

– Да-да, ты единственный кого сейчас не прёт – подползала к нему красная.

– Я знаю что делать – улыбнулся Бибер.

– Я тоже, у нас же ещё оставалась парочка напитков – хихикнула девица – Давай-ка доставай!

Тёмный понял что сейчас произойдёт что-то неладное. Он

тихо встал и собирался уходить, но тут резко почувствовал как на него кто-то налетел, сбив с ног. Он упал на траву, и увидел, как на нём сверху сидит красноволосая девочка, держа в руках алкогольный напиток.

– Сейчас мы тебя научив веселью – крикнула она, и открыв банку стала заливать напиток ему в рот. Бибер этим временем руками открыл его челюсть, крепко держав не давая закрыть. Брюнет почувствовал как по его горлу вниз стекает гадкий напиток.

Ему хотелось вырвать, настолько он был неприятный. Наконец, красная слезла с него. Он встал и начал осматриваться по сторонам. Она посмотрела и озадачено крикнула:

– Эй, его не прёт! – она начала сильно толкать шатающегося парня в плечо – Почему тебя не прёт? Скажи! А? – последний раз в своём толчке она приложила чересчур много усилий. Поскользнувшись, темноволосый парень упал вниз в глубокую яму, пытаясь нелепо ухватится за каждую ветку. Он изо всех сил пытался не упасть на спину, державшись как серфингист, пытающиеся поймать волну.

Как бы он не пытался ухватится и прекратить соскальзывать со склонов, у него ничего не получалось. Ребята восторженно смотрели на него и продолжали ухохатываться. Им казалось очень забавным, как он комично быстро скатывался на двух ногах.

Сзади парня оказалось огромное старое упавшее дерево, с которого в разные стороны торчали острые ветви. Заметив

это, ребята постепенно перестали смеяться.

Сзади оказался незаметный камень, об который он споткнулся и уже через секунду летел на острые ветви дерева.

Одна из ветвей оказалась настолько острой, что смогла насквозь пройти через живот парнишки, окрасившись в яркий красный цвет крови.

Красноволосая девчонка начала визжать, недо-Бибер не мог сказать ни слова. Он смотрел на то, как парень подаёт последние признаки жизни. Он прекрасно видел, как из его живота торчит дерево, с которого каплями на землю падает кровь. Это была невероятная боль. Где-то минуту он был жив, и понимал что медленно умирает. Судя по всему, ветвь повредила какой-то жизненно важный орган.

Но самым большим мучением для него оказалась не адская боль, а осознание того, что твоя жизнь медленно подходит к эпилогу, не успев толком прийти к завязке. Почему он не смог сразу погибнуть? За что ему послано такое тяжкое наказание: наблюдать за своей гибелью? Смотреть на то как ты медленно провисаешь на острой грязной ветке.

Кажется, всё заканчивается. Очертания зелени парка мутнеют. В глазах начинает царить тьма. Как бы он не хотел, нормально дышать у него не получалось. Закрывая глаза, он медленно сделал последний вдох этого пьянящего свежего воздуха, отдающего хвоей…

– Что я наделала?! – со слезами на глазах крикнула девица – Он погиб из-за меня, это я его толкнула!!!! – сейчас у неё

началась неподдельная истерика. Осознание убийства было самым тяжёлым моментом её жизни.

– Мы должны звонить в полицию, срочно – строго сказал Бибер, который сам еле пришёл в себя от шока.

– Ты с ума сошёл?!? Меня посадят!!! Ты хоть знаешь что творится в женских колониях?

– Я… я… я не знаю… Мы должны что-то сделать…

– Сам посуди, это идеальный момент. В парке никого. Его дружок спит крепким сном алкоголика – шок быстро сменил собой план действий, крутящийся у неё в голове. Меньше всего хотелось попасть за решётку.

Богдан и правда валялся на траве и не обращал внимания на громкие крики испуга, которые его собутыльники выкрикивали каждые пять секунд.

– У тебя же тут недалеко гараж отца – план скрытия убийства продолжался – Там у тебя была лопата, я помню это. Когда мы играли там в дартс, я об неё спотыкнулась. Эй, очнись, ты хоть понял зачем нам лопата? – Бибер смотрел не отрывая заплаканных глаз от трупа парня.

– Ты собираешься его собственноручно закапать? – всхлипнул он – Я ни за что на такое ни пойду, ты с ума сошла. Я звоню полицейским прямо сейчас, и никаких НО.

– Одно НО всё-таки есть. Я думаю ты не хочешь, чтобы копы узнали увлекательную историю о том, как ты подрался с одноклассником и специально толкнул его на острые ветки – улыбнулась девчонка.

– Как… как ты можешь – шокировано глянул на неё друг – Мы же с тобой друзья с шестого класса…

– Сам посуди кому все поверят. Хрупкой девочке или буйному пацану?

Парень вытер слёзы и строго глянул на неё.

– Скорее всего, прийдется унести Богдана от сюда, пока он не очнулся. Положи его у себя под гаражом. Наша легенда: мы пошли играть в дартс к тебе, а он заснул. В то время его трезвый дружок ушёл домой, и на этом мы его не видели. Ясно?

Бибер вытирая слезы кивнул головой.

– А теперь за роботу – строго крикнула красноволосая девчонка

После того, как Бибер с большими усилиями унёс Богдана и принёс лопату последовало снятие мертвеца с ветвей. Это было ужасно неприятно. Как бы дуэт преступников не старался, им не удалось не испачкаться кровью. Кровь их одноклассника мелкими каплями брызнула на футболку Бибера.

Тощий на вид парень оказался весьма тяжелым в мертвом состоянии. Вдвоём, спустившись вниз в каньон и кинув на землю труп, они принялись искать укромное место для него. Было принято решение начать копать в непроглядных зарослях высоких кустов, которыми заросло дно каньона.

Вспотевшая красная вытирая капельки с лба наблюдала за тем, как усердно её друг копает яму.

– А ты не такой дрыщ каким кажешься – ехидно подме-

тила она.

– Замолчи – злым тоном огрызнулся он – Для тебя захоронение одноклассника как-будто каждодневное дело.

Спустя двадцать минут копания яма где-то метра три в глубину была готова. Они небрежно закинули продырявленный труп и свысока взглянули как он упав ударяется об сырую землю.

Бибер не мог прийти в себя. Он взирал вглубь этой ямы и не мог поверить в то, что человек, который проучился с ним пять лет сейчас находится где-то в другом мире. Он взглянул на его окровавленное тело последний раз и отошёл от ямы.

Красноволосая девчонка смотря на его тело не пустила ни одной слезы. Она безразлично проводила взглядом окровавленную дырку в его животе, наблюдая как растекается кровь по яме где он проведёт оставшуюся вечность.

Если его не найдут.

Взяв сырой чернозём в руку, она взглянула на него последний раз:

– Добрых снов – безразлично кинула она и забросила землю вглубь ямы.

Я чувствовал себя безжизненным высушенным свёртком. Все жизненные силы покидали тело. Укутавшись в мягкое одеяло я не имел никакого желания выходить из комнаты.

Тело до сих пор дрожало. Дрожали руки, ноги, губы. Мне было холодно даже под толстым слоем пледа. Мне было хо-

лодно даже когда по лбу стекал пот.

И мне до сих пор было страшно.

Голова идёт кругом от составления всевозможных безумных гипотез, которыми можно было объяснить происходящее в городе. Я лишу вас удовольствия прочесть хоть одну из них.

Всё чересчур безумно.

В комнату периодически заглядывает мама. Я понимаю по шагам, они у неё, в отличии от отца лёгкие и воздушные. Да уж, семья это такая штука, когда ты в точности можешь определить человека по звуку шагов, по запаху тела, по дыханию…

У мамы оно учащённое и холодное. Пахнет она сладковатым спреем для тела. Она думает что я сплю: садится на край кровати и, должно быть, смотрит на меня. Смотрит своим самым жалостливым взглядом. Может быть, качает головой про себя приговаривая: «Мой мальчик. Ох, мой миленький маленький мальчик».

А я даже и не шевелюсь. Меньше всего хочу общаться и что-то говорить. Слова для меня сейчас непостижимый труд.

По-моему моим родителям уже позвонил директор, сказав о сне во время истории. Я это понял по разговору, доносившемуся из кухни.

Лёжа тут и с головой уйдя в тёмное безвоздушное пространство под одеялом так хорошо слышно происходящее внизу. Легко представить как мама готовит ужин: слышно

звук супа, кипящего на плите. Как в кухню входит папа. Слышно их разговор до мельчайших деталей, они обсуждают как им страшно.

Страшно за меня.

Сейчас, чувство что ты кому-то нужен в этом мире просто необходимо. Оно как тонкая ниточка, держащая меня на связи с этим миром. Так бы я полностью ушёл в себя. В миллионы мрачных мыслей и воспоминаний.

В ум, промежуточно вытесняя мёртвую МаМа и убийцу в городе лезут мысли о будущем. Удивительно, но даже сейчас они всплывают. Это были главные мои мысли до этого сентября. Всё, о чём я думал, так это о том, как распределится своей жизнью.

Кто вообще я и что мне делать дальше?

Все только и ждут окончания школы, а я жил в постоянном страхе. «Всё закончится, и прийдёт момент когда ты нависнешь летающим над пропастью. Под тобой будет бурлить океан, над тобой бесконечный простор. А ты останешься не определившимся ничтожеством. Никем. Человеком без лица.»

Подобные мысли крутились в голове постоянно. Засыпая я боялся. Просыпаясь я боялся.

Я просто не знал, кем хочу стать в будущем.

Мне было страшно за своё будущее, но сейчас, мне страшно за настоящее.

И два страха, терзающих меня изнутри, рвут на мелкие

кусочки. Я не могу заставить себя откинуть плед и выйти за пределы комнаты. Мне лучше тут, пережидая этот ужас, делать вид что я сплю.

В кухню кто-то вошёл. Закрыв глаза я слышу это. Знакомый звонкий бас, созданный для управления толпой.

Точно, я узнал его. Священник Ростислав. Тот, который в Инстаграмме под каждым постом собирает лайки всего города. На каждой фотографии одно и то же выражение лица и белоснежная улыбка, ослепляющая даже сквозь экран.

Внизу болтовня.

– Он… – мамин голос. Надрывистый. Отчаянный – Ему очень плохо.

– Я бы хотел с ним увидится – говорит священник добродушным тоном, напоминая Санта-Клауса.

«ХО-ХО-ХО»

– Он спит – объясняет мама.

– Мне не обязательно с ним говорить. Я просто хочу помолится о нём.

– Вы так добры. Это так милосердно. – мама сыпет благодарностями как снегопадом перед Новым годом – Как мы можем вас отблагодарить?

– Это моя робота. Счастье каждого жителя города – моя цель.

Идеальный лидер города. Идеальный человек, проповеди которого захотят слушать все до единого.

А как не захотеть? Звонкий голос, приятная внешность,

нейтральные позиции (никакой политики, никаких расовых и гендерных вопросов) в своих речах.

Слышится скрип лестницы. Дверь открываются. Шаги тяжёлые, это не лунная походка мамы. «Скри-ииииип! Скри-иии-ииииип!».

Ростислав неторопливо заходит в комнату, изучая её оживлённым взглядом. Просторно, крупные окна. На столе под окном стоит коробка со всяким хламом. Рядом на стене висит белая доска для записей маркером. Она пуста.

Мамаша осталась внизу, ожидать его вместе с отцом.

Парень лежит носом уткнувшись в стену. Несчастный, бедный маленький мальчик. От него немного пахнет потом. Его затылок блестит, видимо сам того не понимая он перегревается под толстым одеялом.

Бедный, бедный маленький мальчик. Он дрожит, видно невооружённым взглядом. Ему страшно до сих пор.

Священник расплывается в улыбке, обнажая белоснежный оскал. Это не та, «коронная», с фотографий и проповедей. Жестокая, холодная. Он подбирается к мальчику ближе и ближе, доски прогибаются под ногами и издают созвучный скрип.

Бедный, бедный маленький мальчик. Ему совершенно плохо после всего увиденного.

Холодная улыбка не сходит с лица Ростислава. Наклонившись над кроватью, как массивная мрачная тень, пугающая

малышей ночами, он неторопливо опускает руку на плечо паренька.

На нём выстиранная домашняя футболка. Должно быть, на рукавах раньше сиял яркий рисунок. Сейчас он стёрся, и осталась последняя буква броской надписи.

Бедный, бедный маленький мальчик.

Ростислав ощущает его дрожь под ладонью.

Я ощущаю его огромную холодную руку на своём плече. Он склонился надо мной, судя по тени отбрасываемой на стену. Сразу, как только он зашёл, во всей комнате воцарил запах стойкого парфюма. Я думал так пахнут только турки и индусы (стереотипы-стереотипы). От этих духов, кажется, мои глаза вот вот и заслезятся.

Я делаю вид будто сплю. Судя по всему, очень даже умело.

Ростислав что-то шепчет себе под нос. Его рука ещё на моём плече. Сидит он так минуты две, после чего встаёт и уходит.

В комнате до сих пор витает стойкий аромат.

«УбийстваУбийстваУбийства…»

Не знаю почему, но каждый житель города теперь вселяет страх. Вселяет недоверие. Все эти убийства, описанные в раскиданных по архиву газетах…

Почему о них никто не знает?

Одинокий серый домик посреди пустыря напоминал со-

бачью будку. Рядом просторную поляну начинает поглощать лес, с другой стороны – большая дорога, ведущая извилистыми путями в центр города.

Мелкий домик, напоминавший бедную халабуду старика-отшельника известен всем спортсменам города как самый оснащённый тренажерами спортивный зал. Да-да, а с виду так и не скажешь. С виду там живёт садовый гном, рыгающий радугой или Папа-тыква из Чиполлино.

Правда, известен он был только среди о-о-очень узкого круга. Этим можно было объяснить что в семь часов вечера тут никого не было.

Кроме капитана баскетбольной команды, предводителя всех спортсменов города – Макса. В основном, по вечерам сюда приходили остальные члены команды. Кирпичная коробка доверху заполнялась потными баскетболистами, таскающими штангу. Также подкачаться сюда часто лазили пронырливые папики с пивными животами. Они кряхтели и ворчали если случайно займёшь «их» тренажёр. Чисто ради показухи позанимаются десять минут, а дальше покатят обратно в бар пить пиво.

С одним таким старым пердуном Макс однажды подрался. Он ему говорит – «Давай проваливай, ты уже тут сидишь третий час. Миллион подходов, чёрт побери, уже сделал». Эти папики всегда вставляли черта в свои предложения. А когда рядом с ними матерились подростки корчили физиономии как у пятнадцатилетних девственниц.

Ну а Макс такой типа отвечает: «Это наша качалка, ну а вы, папики, помалкиваете, раз уж в гостях». Папик почесал жирную задницу, перданул, рыганул и ответил: «А ты не смей хамить старшим, понял, чёрт бы тебя побрал»

Ну и короче говоря Макс его отмутузил. Разбил лицо в хлам.

Где-то через неделю он встретил этого папика в парке. Шёл, значит, со своими детьми в ужасной устаревшей кепке из девяностых, и увидев его, глаза стыдливо в пол опустил.

Сейчас ни одного папика.

Макс один.

Жирозжигающая тренировка на пресс. По его расписанию она шла каждую неделю.

В зале воняло грибком. Серые грязные стены в потёках покрывали глубокие трещины. Потрескавшуюся штукатурку стыдливо пытались перекрыть постеры с чемпионами-бодибилдерами, с сиськами больше чем у самой Памелы Андерсон. Возможно, их тут понавесили для мотивации. На потных лицах чемпионов застыли корчащиеся пугающие физиономии. Одного так перекосило будто большей боли в жизни он не чувствовал – а сам поднимает небольшую гирю. На вид, не больше 10 килограмм.

Макс занимался у шведской стенки. Схватился руками за перекладину и поднимал ноги: вверх, вниз, вверх… в беспроводных наушниках альбом Поста Малона. На этот Хэллоуин он, кстати, будет именно им.

Вверх, вниз… По телу стекал пот. Майка с глубокими вырезами по бокам промокла насквозь. Сейчас она утратила белоснежность, став полностью прозрачной.

Хорошо, что он был один. Баскетболисты точно заметили бы паршивое качество майки. Папики зафырчали. Смех у них был как звук недовольных тюленей, пытающихся перекатится с бока на бок: «ф-рррр, ф-рррр».

Послышался странный скрип. Вроде бы, доносился со стороны железной двери. Макс снял один наушник, прервав упражнение. Ничего. Должно быть, бэквокал в припеве. У Малона порой бывают подобные приёмы в песнях.

Вверх, вниз…

Ещё один подход был позади. Тело обливалось потом. Макс снял клятую майку и отбросил в сторону. Посмотрев на отражение он с горечью заметил, что следует срочно набрать массу. Он худеет на глазах, хоть и тело по прежнему остаётся укрытым мышцами. В итоге они перетягиваются как джинсы на жирных задницах папиков, вылазят вены, жилы… Выглядит, конечно, ничего, как у Хью Джекмана в «Росомахе» (не той, где он играл старика), но Макс стремится к другим пропорциями фигуры.

Мокрое тело обдул сквозняк. Торс укрыли мурашки.

Дверь оказалась открытой, скрипя на ветру. Через неё внутрь домика-коробки пробрался белый свет фонаря. Он освещал одиноко стоящую на парковке машину.

– Эй, кто-нибудь есть?

Осмотревшись по сторонам, Макс захлопнул дверь.

Вверх, вниз…

Холодный воздух до сих пор гулял по коробке вызывая дрожь на мокром теле. Ещё один подход.

В наушниках заиграл «Рокстар».

– Старомодней песни не сыскать – фыркнул Макс, переключив трек. Apple Music в случайном порядке выдала трек очередного «LIL” из новой школы.

Максу было стыдно признаться, но он страх как ненавидел всю новую школу. Считал их тексты бездарными а биты убогими. Но конечно же, вся мода отгремевшая в мире последним делом доходила до их городка. Все были в восторге от помойных треков гундосых парней с радужными волосами.

В таком случае он завидовал Андрею. Его друг всегда мог высказать своё мнение, обратив его в новый тренд. Это сродни таланту. За запотевшим окном царили сумерки. Посадка рядом с коробкой залилась голубым светом. Весь мир залился голубым светом, готовясь к ночи.

Последний поход успешно доделан. Макс снял наушники бережно сложив их в белоснежную коробочку.

Наконец этот омерзительных голос перестал гундосить в ушах.

Сделав глоток из бутылки парень незаметно полностью осушил её. Пару капель вылились на грудь. Воды больше не было, а пить ещё хотелось.

Пресс полностью высушен и словно оформлен гениаль-

ным инженером. Кубики идеально ровные и симметричные. Между ними глубокие промежутки, подчёркивающие структуру.

Парень прошёл в душ – тесную комнату за залом. Четыре кабинки, напротив зеркало с раковиной. Белая плитка заражена грибком, в промежутках полностью отваливается со стены. Тут как нигде больше ужасно воняет сыростью. Запах пропитывает всё пространство насквозь. Главное: одеть тапки и зажмурить глаза. Горячая вода в вознаграждение того стоит.

Макс достал шампунь с чёрной сумки Адидас и прошёл в первую кабинку справа, находящуюся у грибковой стены. Тут всегда самая тёплая вода – этим правилом полидипсия один папик приходящий сюда по пятницам. Папики вечно выдумывали какие-то правила, будто стараясь как-то разнообразить себе жизнь. Справедливости ради стоит заметить, что это единственное действующее правило папиков.

Невероятное облегчение. Любимая часть дня Макса – душ. Простая мелочь жизни. Горячая вода, льющаяся на голову работала как самый божественный массаж. Тысячи капель тёплыми влажными следами массировали тело, и это чувство прекрасно. Чувство, когда мышечная боль отбывает как судно от причала. Чувство, когда прошедший день позади и ощущается облегчение. Чувство, когда приходит осознание что ты полностью готов к новому дню.

Макс зажмурил глаза, массируя волосы под струёй воды.

По телу бегала дрожь. Он на ощупь схватил шампунь, выдавив пахучую жидкость себе на голову. Вспенив, он размазал её по телу. Ноги, бёдра, живот… Всё покрылось воздушной пеной.

Запах сырости наконец сменился ароматом геля для душа. Теперь пришло полное блаженство.

Пена текла вниз, проводя по телу своей воздушной массой. Сначала, чувство что к тебе прикасается что-то мягкое было неотличимо от многочисленной текущей вниз пены.

Потом оно стало чётче.

«Должно быть, облокотился об мочалку.»

Что-то мягкое и шершавое приятно щекотало ногу рядом с коленом. Затем начало обволакивать щекотливыми чувствами бедро.

«Это не мочалка»

Чувство передавалось. Словно ходило по ноге. Сжимало кожу.

Макс открыл глаза.

Всё тело затряслось: от головы и до пальцев на ступнях. Дышать становилось сложнее. Во рту пересохло, даже несмотря на льющуюся сверху воду. Из рта вылетел лишь приглушённый хрип, пытающийся позвать кого-то на помощь. Звуки падающей воды не выпустили его дальше душевой.

На бедре Макса сидел ПАУК. Самый настоящий гигантский ПАУК.

Омерзительная мохнатая тварь с чёрной шерстью и рассыпанными по ней оранжевыми пятнышками. Две передние лапы длиннее остальных шести, тянутся вверх, прямо к его лицу. Маленькие глазки смотрят на него.

Он не мог пошевелится. Вода продолжала течь вниз, а паук на неё плавать хотел. Она его лишь раздражала. Раздраконивала, подталкивая к нападению.

– Нетнетнет – шептал Макс, до сих пор не в состоянии пошевелится. Его главный страх материализовался, повиснув на теле. Подобных пауков он видел лишь в отвратительных ужастиках, программах Discovery и пугающих видео на Ютуб, которые забавы ради включал его отец. У него весьма своеобразное чувство юмора.

На это первое апреля, каждый раз когда Макс заходил в гостиную отец включал видео «Самые омерзительные пауки планеты» на Smart TV, смеясь над реакцией сына.

Лицо Макса перекашивалось. Краснело. Он вставал на месте, с ужасом пяля на ужаснейших созданий.

Адских отродий.

Зачем природа создала подобный ужас? Просто ЗАЧЕМ?

Психолог поставил чёткий и ясный диагноз – арахнофобия. Он сходил к нему пару раз в девятом классе, и это был единственный человек, знавший о его фобии помимо родителей и лучших друзей.

Неужели они?

Сейчас вопрос кто это сделал интересовал его меньше

всего. Ясно одно: это шоу кто-то подстроил. Кто-то хотел сломить известного всему городу «местного Джордана». Не мог же появится тропический паук в спортивном зале города, находящегося в умеренных широтах?

Ведь так?

И как же снять эту тварь?

В голову наконец стали приходить трезвые вопросы. Вернулась способность рассуждать, но Макс до сих пор не дышал. Страх сковал его тело. Омерзение, отвращение выворачивало наизнанку.

Парень оглянулся и опять потерял способность здраво мыслить. Вся кабинка была усыпана огромнейшими тропическими пауками. Шесть мохнатых уродцев, неторопливо ползущих верх. Шесть мохнатых уродцев, перебирающих своими лампами и двумя передними усиками. У одного, паука с чисто шоколадной шерстью блестели красные глазки-бусинки.

– Нетнетнетнет – Макс заскулил. Пауки двигались впритык к нему, обтирая мокрой шерсткой голую кожу.

Сейчас он способен умереть от страха.

Он и умирает.

Вдох-выдох.

Полная жесть.

Вдох-выдох.

От неожиданности он оцепенел.

Вдох-выдох.

Решение нашлось. Импульсивное, бредовое, но оно было. Он вырвался из душа и бросился наутёк из адской комнаты, поскользнувшись на тёплой луже. Мизинец ударился об угол стены – плевать.

Главное – бежать.

БЕЖАТЬ БЫСТРЕЕ.

Паук соскользнул с ноги, приземлившись на треснувшую плитку.

Пронесясь мимо зала Макс выбежал на улицу.

Голый.

Мокрый.

В пене.

Плевать, стесняться нечего.

Зубы стучали друг об друга. Чертовски холодно. Он обнял себя руками пытаясь спастись от дрожи.

Никого вокруг. Одинокая машина припаркованная у коробки способна увезти его подальше от адского места.

Он уставился на открытую дверь. Сквозь неё виднелся белый свет душевой. Оттуда вылетал пар, растворявшись в темноте.

Свежий воздух. Мысли вновь посетили голову.

«Пауки. Зал. Ужас. Я голый. Неплохо было бы одеться»

Парень пересилил себя и вошёл в коробку обратно. Пустой тёмный зал пуст. Рядом с шкафчиками его сумка, он хватает её даже не пытаясь переодеться внутри.

Любопытство пересиливает и Макс заглядывает в душе-

вую. Комната скрыта за густым паром.

«Что же ты творишь?»

Он медленно ступает внутрь, неторопливо заглядывая в каждую кабинку и внимательно смотря под ноги.

Крайняя справа пуста. Никого. Никакого намёка на пауков.

Похоже на сюрреалистический правдоподобный розыгрыш.

Напротив, на запотевшем зеркале красной губной помадой размашисто нарисована печатная алая буква «V”.

Кто же мог узнать о его самом сокровенном страхе?

Темнота. Жара. Я продолжаю проводить свою жизнь под одеялом и мне это нравится.

НРАВИТСЯ, чёрт подери.

Я не могу перестать дрожать. Похоже, это и есть нервный срыв. Когда твои внутренние весы перекашиваются и ломаются. И ты уже не нормальный спокойный человек, а выглядишь как бездомный сумасшедший, один из тех, на которых ты с презрением смотрел на улице.

Твои глаза сияют красным. Всем кажется будто ты вот-вот расплачешься. Ты не хочешь ни с кем говорить – рот совершенно бестолковая часть тела.

Больше ты не ты.

И я не я когда меня парализует страх.

Странно то, что порой он отступает. Находясь под пледом

я хватаю телефон читая сообщения Алексея:

«Так-так-так. На моего лучшего друга напала старуха, желая его прикончить, а самым интересным событием в моей жизни за последнюю неделю была волосинка на пончике «Dunking donuts""

"Мне бы твои проблемы»

«Взаимно. Видеозвонок?»

«Ну уж нет. Ты перепутаешь меня с Джеком Торренсом из «Сияния»»

«С его книжной версией или вариантом Николсона?»

В комнату входит мать. Лёгкий воздушный шаг всё равно заставляет доски скрипеть.

«Скр-и-и-п! Скри-и-ип!»

Пытаюсь сделать вид будто сплю. Не шевелюсь и не дышу. Разговоры для меня сейчас – пустые звуки.

– Я вижу свет телефона из-под одеяла.

Отбрасываю плед в сторону.

– Я не хочу сейчас говорить.

– Я хочу с тобой поговорить. – позволяю маме сесть рядом. Она так же как и я уютно закутывается в одеяло.

Её ладонь тянется к моей брови, нежно поглаживая шрам. Ещё недавно с него ручьём стекала кровь.

– Расскажи, что ты чувствуешь сейчас – её рука взлетает с брови к волосам, игриво взъерошивая их.

– Страх. Страх и только страх.

– Ты можешь довериться мне.

– Я просто хочу молчать.

– Мы можем молчать вместе.

– В этом нет необходимости.

Мама умолкает. Её радостная улыбка постепенно сходит с лица, обнажая неприкрытую печаль.

– Хочу побыть с сыном– она вздыхает – Ты и представить не можешь как я волнуюсь. Теперь после каждого твоего выхода на улицу я превращаюсь в маразматичку, гадая о том, где ты сейчас находишься и в безопасности ли.

– Тут… – я осёкся.

Хотел сказать– «Тут я в любом случае не буду в безопасности»

– Что?

Перед глазами проплывают десятки вырезок из газет. На каждой шокирующий заголовок. На каждой фотографии умерших подростков. Таких как я.

Пятнадцатилетние, шестнадцатилетние, тринадцатилетние… Мы ничем не отличаемся. Молодые люди живущие, в основном, амбициями и мечтами. Живущие пытаясь заглядывать в будущие. Живущие строя свой завтрашний день сегодняшним.

И однажды его не настаёт.

«– Кто им дал право забрать мою жизнь» – голос дамы из сна звучит до сих пор.

Кажется, я могу понять те ощущения, когда понимаешь что смерть неизбежна. Я его испытал, лёжа беспомощным на

земле перед уродливым убийцей, которого, по словам психолога, я выдумал. Я могу представить что это за ужас.

– Что бы ты сделала, если бы узнала кое-что ужасное и при этом знала, что это что-то тебя погубит, и ещё при этом не захотела закрывать на это что-то глаза?

Мама хихикнула:

– Ну и заворотил. Меня всегда бесило это в фильмах, когда подростки пытаются задать вопрос не называя конкретных имён и при этом городят какую-то чушь.

Я засмеялся.

– Да, я хотел сделать именно так.

Мама обняла меня. Максимально крепко. Она умела это делать. Так, чтобы пережать все внутренности. Так, чтоб казалось что кишки вот-вот и выйдут через рот. Но эти объятия вмиг меня успокаивали. В голову сразу вклинивались светлые мысли. Поводы, из-за которых стоит продолжать жить дальше не смотря на ужас прошлого.

Например, моё завтрашнее свидание.

Точно.

Точноточноточно.

Я идиот.

Я забыл.

А хотел подготовиться заранее.

Вскакивая с кровати я раскрываю шкаф и радостно кричу:

– У меня завтра свидание с Евой!

– Слава Господу, выздоровел! – шепчет мама.

В шкафу беспорядок. Выкидываю из него вещи, которые более ли менее сочетаются между собой.

Недолго покопавшись, складываю два комплекта. Не знаю, каким законам подчиняется моё настроение. Они точно не подвластны науке. Но готовясь к свиданию я чувствую себя заметно лучше.

– Итак, лук номер один! – я имитирую гундосый голос экспертов из «Следущей Американской Супермодели» – Назовём его – «Боже, Храни Королеву!» – я вывесил на вешалке тёмные брюки, белую рубашку и строгий пиджак. Нудно, консервативно и в «Жирной русалке» уж точно будет не к чему.

Мама качает головой. «Нет!»

– Это сойдёт в том случае, если на свидание ты поведёшь Еву в церковь.

– Лук второй! Загадочный художник-серфингист, любящий с томным видом пить смузи смотря на закаты. – на вешалке слегка порванные джинсы (СИЛЬНО порванные джинсы я терпеть не могу, СЛЕГКА – самый раз) и броская разноцветная рубашка.

– Лук номер два. Определенно – наши мнения сходятся.

Страх развеялся. Дрожь прошла. Я с надеждой и нетерпением заглядываю в завтрашний день. Целый вечер с НЕЙ, и как после такого продолжить валятся в кровати?

Она возвращает ко мне жизнь. Она заряжает меня энергией… Я был прав. Всю жизнерадостность, таящуюся в ней

она щедро раздаёт окружающим людям.

Она уникальна.

Ева уникальна.

И стоя на ногах, сияя от счастья, понимая что я готов ЖИТЬ без страха, волнения и прочей дряни, я готов сказать…

Хоть это и не точно....

Но я подумал и размыслил....

Думал о ней пока лежал под одеялом....

Но я всё равно не уверен что....

Возможно....

Есть вариант....

Что конечно возможно я по-настоящему....

Да, скорее всего так оно и есть…

… Что я по-настоящему её люблю.

– Я сделаю нам какао! – кидает мама выходя из комнаты.

Глава 18 #космическийджем

Это было утро, единственное в своём роде, во время которого мне хотелось ЖИТЬ.

Так странно, но я совсем забыл за те самые «последние события». И о них мне не напомнят ни шепчущиеся на парковках инстаграмщицы, ни громко сплетничающие у входа в школу «свитера».

Такое ощущение, будто с раннего утра они выстраивают-

ся перед входом, выжидая вожделенного момента обсирания прохожих. И судя по всему, им ещё никто не врезал за резкие слова. Ну а у кого поднимется рука врезать милой девчонке в оранжевом свитере и очках в тяжёлой оправе?

Перед школой, на роковом перекрёстке меня в очередной раз чуть не сбила машина. На этот раз «Toyota” милой выпускницы. У неё тёмные волосы по плечи а на лобовом стекле наклейка с ЛГБТ флагом и надписью «Рождены свободными».

Она высовывается из окна и тонким писклявым голосом выкрикивает:

– Влад, прости меня пожалуйста! – я содрогаюсь, слыша своё имя из уст незнакомки.

Итак, причины почему этот день должен стать белым среди череды чёрных (никакого расистского подтекста):

1. Отбор в команду. Я даже и не смыслю, что в нём хорошего. Но вчера, лёжа под тёплым одеялом я смекнул что баскетбол поможет отвлечься мне от рутины. Короче, если меня примут, он будет как сеанс психотерапии.

2. Свидание. Свидание. Свидание. Ева. Ева. Ева.

Может быть в этот день не произойдёт какая-нибудь выходящая из ряда вон фигня (вряд ли). Сумасшедшая старуха не захочет меня убить. Не объявится маньяк. Или маньячка в тёмной мантии. Не прилетят инопланетяне. Не начнётся зомби-апокалипсис.

Всё будет как обычно.

Это всё что мне нужно.

Миновав двери в конце коридора я сразу же засёк Андрея. Мрачный вид не сошёл со вчерашнего дня, тяжеловесные синяки прояснились ещё больше. Он копается в шкафчике (как же на него не похоже). Ещё на прошлой неделе он с пеной у рта доказывал:

– Шкафчиками до сих пор пользуются лишь люди оставшиеся жить в девяностых. Это просто ужасная привычка. Школьные шкафчики это одна огромная кишащая вирусами свалка. Забывай о них, Влад.

Подхожу к нему. Он усердно делает вид что не замечает меня, скрываясь за дверцей шкафчика. Наконец, хлопает ею и поворачивается ко мне спиной. От него пахнет крепким одеколоном. Волосы блестят ещё больше чем обычно, словно фея Динь-Динь недавно пролетела над ними.

– Андрей, я хотел как лучше, пойми – молчит – Просто некоторые в этом мире зависят от чужого решения. Мой отец зависит от твоего отца. И да, это не круто. Сказал бы я тебе, ты сказал бы ему, и это отобразилось на всей моей семье. Короче, ты понял о чём я – молчит – Эй, ты хоть слышишь меня? – молчит – Знаешь, и чего я должен перед тобой оправдываться? – молчит – Кровные узы, это всё, что сподвигло меня идти сюда – молчит – Но даже сейчас ты ведёшь себя как полнейший мудак – молчит и всё ещё стоит спиной, достав телефон и пяля в него – Счастливо оставаться.

Я пошёл в другую сторону, бурча под нос гадости в сто-

рону брата.

«Козёл… Напыщенный бездумный козёл…»

Я так увлёкся что забыл куда идти и какой первый урок. Похоже, я зашёл в череду выпускников. И почему они выглядят как сорокалетние?

Ещё шаг, и я около банды «адидасов». Наверное, когда они приходят на уроки случается затмение. Выглядят они устрашающе и замкнуто, как религиозная секта образовавшаяся посреди школы. Вижу Валентина. Он стоит в центре, поблескивая лысиной как маяк, и смотрит на меня.

Я ускоряю шаг и пытаюсь разобраться в плане школы. Не хватало заблудиться или ненароком перейти в другой корпус.

В мужской раздевалке стоит галдёж. Все оживлённо ставят ставки, кого же возьмут в команду, а кого нет.

В принципе, всё ясно с первого взгляда: темноволосый дрыщ с подмышками гуще чем сибирская тундра сразу идёт на вылет, как и коренастый гоблин, как и потный игроман, потерявший дыхание пройдясь от шкафчика до мусорной урны.

Другое дело: «шайки» парней, которые, должно быть, сбились в кучку из-за своего телосложения. Кто повыше и покрепче определённо подходит. Уговор – одеть куртки-американки для вливания в образ. У них уже всё в кармане, они кричат и смеются, пытаясь выпендриться перед окружа-

ющими. Кто-то «невероятно смешно» шутит, кто-то пародирует учителя, кто-то пленит внимание раздевалки свежими сплетнями. Главное – чтоб они выглядели мужественно.

Это легко. Берёшь, и тупо не нарочно обсуждаешь задницу девчонки, сидящей с тобой на испанском. После вываливаешь на уши парней накопившееся о ней факты (не обязательно реальные) и готово!

У меня же это вызывает отвращение.

Я не думаю что такой один.

В моём шкафчике ужасно воняет потняками. Аж до слёз. Будто он был забит грязными носками доверху. Нужно пересилить себя, чтобы сложить одежду в эту радиоактивную зону.

– Что, тоже сейчас сдохнешь от вони? – говорит темноволосый парень, оказавшийся за дверцей справа от меня. Его волосы завиваются в некоторых местах, хотя видно, что он их специально выпрямляет.

Никто не любит «кудряшек» в баскетбольных командах. Это очевидно.

– Воняет будто миллиард носков самых потных мужиков в мире оставили гнить под землёй, после чего выгрузили в мой шкаф.

– Ты же Влад, верно?

– Верно. И откуда ты знаешь моё имя?

– Брось, твоё имя знает каждый. К тому что ты брат Андрея добавилось то, что ты быстро вписался к мажорам, а это

сродни фантастики…

– Неужели?

– И плюс ты сейчас в самом центре всех событий. Многие шутят на эту тему, типа не одной новости без участия новенького Влада.

– В этом есть доля правды.

– Ты, знаешь, как главный герой в сериале про школу. Типа, когда смотришь эпизод, и сзади ходит массовка, а тот на кого направлена камера – у него и жизнь интереснее, и все хотят им быть.

– Прикольно.

– Ну, тобой и без этого все хотели бы быть. Ходить с НИМИ – парень специально сделал ударный акцент – Это значит автоматично попасть в «Топ-5».

– И что ещё за «Топ-5»?

– Ты не знаешь? А, ну конечно ты не знаешь. Он же не обновлялся с мая – парня одёргивает его друг стоящий у соседнего шкафчика, но он раздражённо отнекивается, мол, подожди – «Подслушано», слышал? Одна армянка вела, вроде даже из твоего потока. Там всё было честно – считалось по «теории популярности». Складывался бал мнения окружающих и делился на среднее арифметическое.

– Ого.

– Он висит с начала лета не обновляясь. На первом месте Андрей, на втором Алина и так далее..

– «Подслушано» пользовалось популярностью?

– Что? – он нахмурился, указывая на ухо – А, конечно! Все отрицали, но зависали там по вечерам. Даже фейки создавали чтоб поносить друг друга в комментариях. Ах этот интернет буллинг… Столько скандалов – парня одёрнули ещё раз. Но он явно не хотел заканчивать разговор – Столько скандалов. Алина даже подралась с администратором. С этой армянкой.

– Вау. Я не удивлён.

– Я тоже не удивился.

– Как тебя зовут? – спросил я у парня.

Почесав свой массивный нос он ответил:

– Ярослав. Отбор мы будем проходить вместе. – захлопнув шкафчик, напоследок он кинул – Было приятно познакомиться, Влад. Не теряй голову после всего случившегося.

Я кивнул. Парень скрылся в череде кричащих пацанов в американках. Один из них забрался на лавку и пытался выкинуть чужой кед «New Balance” в окно. Все подбадривающе кричали, обступив его вокруг.

Среди толпы скользнула знакомая торчащая рыжая челка. Александр выплыл из столпотворения, на своей физиономии храня синяк после недавней драки.

От его взгляда стало не по себе. Полные ненависти отталкивающие глаза.

А теперь время безумных-безумных теорий!

Часть первая: Леди V легко бы мог оказаться рыжий. С чего я так решил? Его взгляд. Злоба, злоба, злоба в кубе.

Один из тех людей, смотря которым в глаза сразу понимаешь, что этот человек реально способен на убийство.

Поле заполнено людьми. Все они пытаются бросится в глаза усердной трепетной подготовкой: даже дрыщи старательно делают выпады, из-за которых кажется что их тонкие ножки вот-вот поломаются. Крупные парни «считайте что я уже в команде» составляют исключения. Облокотившись об железный столб, сверху на котором нависает баскетбольное кольцо, они продолжают не стихая проводить светские беседы.

Взгляд находит Александра в этой толпе. Он стоит с краю поля, старательно разминая шею. Обычно он окружён своей недалёкой компашкой. Видимо, сегодня особенный день. Он презрительно отгоняет от себя друга, подходившего к нему для разговора.

Всё это время он смотрит на меня отмороженным мерзким взглядом, просверливая ожог на теле. Серьёзно, его глаза настолько злые что кажется, они стреляют лазерами.

Стоит галдёж. На месте матчей толкучка. Кто-то упражняется с мячом и случайно попадает им в меня. Закатив глаза я оборачиваюсь и застаю одного из дрыщей.

Пахнет от него чипсами начос и огромным количеством лука. Между губ до сих пор остаётся какая-то еда. В глазах закиси.

– Извини Влад. Извини. – как-будто если он два раза из-

винится что-то изменится.

И тут гул стихает. Все замирают. На поле выходят сформировавшиеся звёзды команды: первым бежит Макс, держа в руках мяч. Следом Андрей. Парни показательно перебрасывают мяч, расцветая в шуме обсуждений и в свете завистливых взглядов.

Десятиклассники, стоящие в основном составе команды сродни мифическим существам из книги Куна. Тут, среди сырых новичков, они чувствуют себя богами. Чемпионами NBA, лавирующими над полем как воздушные шары.

Большинство парней даже перестаёт разогреваться. Встают на месте и наблюдают за тем, как они перебрасывают мяч.

Просто по-детски инфантильно перебрасывают мяч.

Но как же это круто выглядит!

Андрей проходит мимо меня и показательно делает вид что я пустое место. Даже глазом не ведёт.

Ну и ладно, ну и пожалуйста.

Баскетболистами тут хотели быть все. Почему? Вы ещё спрашиваете? Жители мелкого тихого омута втайне мечтают уехать отсюда поскорее. Чем дальше, тем лучше. Спортивная стипендия – один из шансов поступить в нормальный колледж.

Плюс, ты пропускаешь куча уроков ходя на тренировки и при этом получаешь автомат.

Плюс, даже если ты самый отвратительный в мире гоблин, популярность у тебя в кармане. По другому быть не может,

если ты постоянно мелькаешь в играх которые смотрит вся школа.

Когда я сказал отцу у наборе в команду он расцвёл как весенний тюльпан. В молодости он был капитаном баскетбольной команды. Вроде бы, даже одарённым капитаном баскетбольной команды.

Для него, чтоб я оказался в ряду игроков – стало делом принципа. В понедельник он уделил два часа перед концертом, отрабатывая со мной приёмы на заднем дворе. Обучаясь, мы познакомились с соседкой из стоящей рядом серой коробки, идентичной нашей. Милая дама средних лет, заплетающая волосы в конский хвост. Очень и очень тугой конский хвост. Смотреть на неё страшно, всё лицо перетянуто, и кажется, злосчастная причёска вот-вот и расплющит её мозги.

Во вторник, перед злосчастным вечером у МаМа мы опять тренировались. «Конский хвост» опять с интересом наблюдала за процессом. Она вроде как срезала виноград с забора, параллельно тарахтя без умолку с моим отцом.

Кажется, где-то через неделю мама точно изобьёт эту женщину.

На поле вышел тренер. Мерзопакостный тип. Почему я так? Поздоровался он с нами громко крикнув: «Привет недоумки». И что он пытается доказать?

На широких плечах накинут красный бомбер. Мужику лет сорок, а ворчит как на все шестьдесят. Первым его заяв-

лением была речь о том, насколько крутая эта команда (как бы не так). Насколько тяжело будет в неё вступить. Насколько мы бездарные и умственно отсталые.

Смотря на его покрытый морщинами лоб и колючую щетину на подбородке легко было представить душок крепкого табака и алкоголя, вылетающего из его грязного рта. Настолько дёрганный тип, что каждые три секунды он подскакивает как резанный.

Потарахттев минут пять он наконец объявил что-то дельное:

– Играть вы начнёте прямо СЕЙЧАС– по полю вьюгой пронеслись «Что? Нет!», «Мы не готовы!», «Это не честно!»

– ЗАКРЫЛИ РТЫ – его крик сравним с лаем немецкой или кавказской овчарки. Бешеной. – Чистые листы мне тут не обосрались. Вы покажете себя СРАЗУ ЖЕ, и мы решим, кто достоин числиться в наших рядах.

Под «МЫ» он подразумевал себя и несчастного ассистента сзади. В сравнении со стоящим перед ним тренером он выглядел как мелкая жужжащая цикада.

Цикада сунула мне красную выстиранную футболку на 20 размеров больше. От неё приятно пахло порошком (хоть не потняки). Так нас и разделили. У кого-то оказались синие футболки, у кого-то красные. Ярослав оказался в моей команде. Рыжий в другой.

И он до сих пор смотрит на меня.

Махаю ему рукой, чтобы хоть как то замять неловкость.

В ответ он тычет фак.

Очень мило.

Мы находимся друг напротив друга. Все заняли свои позиции. С криком «НАЧАЛИ!» включается таймер, и игра начинается.

Андрей и Макс отошли, готовясь наблюдать за игрой со стороны. Они будут вроде советчиков. Не знаю, хорошо ли это или плохо.

В первые минуты понятно только то, что ничего не понятно. Все носятся по полю и кричат, ведя себя так, будто мяч это раскалённый метеорит. Видно как все волнуются. Даже качки «я уже тут».

Проходит минут пять прежде чем я включаюсь в игру. Начинаю ловить себя на мысли что мне нравится. Наконец я руковожу мячом. Подготовка, бросок, и… я попал в корзину!

Попал!

Попал!

Попал!

Радуюсь лишь я один. Подпрыгнул и поднял руки вверх, вовремя себя одёрнув и поняв, что тут каждый сам за себя. Теперь все смотрят на меня по-другому, и качки, и дрыщи – для них теперь я враг первой важности. Ведь самые первые очки заработал я.

Второй раз в нашу корзину мяч забросил крупный парень «я уже тут», носивший тусклую голубую американку.

Его дружки одобрительно похлопывают его по спине, шепча «Молодец, бро!» или «Так держать!». У синих взаимоотношения куда теплее.

На одиннадцатой минуте забрасываю мяч во второй раз. Обстановка накаляется, ну а у меня вырастают крылья. Играя, я сияю будто на меня направлены камеры тысячи папарацци. Вижу, как это раздражает остальных.

Пятнадцатая минута – мяч забрасывает Алексей. Победа наша.

Семнадцатая – Я. Я. Я. Я ЗАБРОСИЛ МЯЧ В ТРЕТИЙ РАЗ. Чудо из чудес. Отец будет мною гордится.

Я летаю над полем. Парю над ним как балерина над сценой. Игра для меня, после трёх удачных бросков – танец. Лавирую между противниками и сочно надираю всем зады.

Я крут, и все это чувствуют. С оглядкой на прошлое скажу, что тогда я нехило зазвездился. С небес меня не снял бы самый высокий экскаватор.

И вот, первый тайм заканчивается. Мяч в очередной раз у меня. Я оббегаю стоящих впереди дрыщей. Вдвоём они пытаются воздвигнуть штырь посреди поля из своих костлявых телец. Справа меня поджимает «я уже тут» в синей футболке, смотря на мяч как на свиток золота в четыре карата. Он самый опасный из команды противников. Носится как бешеный. Взгляд у него жгучий и быстрый. Ноги с руками похожи на толстые жилистые колбаски.

Впереди, за кольцом, вижу с интересом наблюдающую за

мной цикаду. Он записывает что-то в тетрадь, периодически стреляя глазами на поле.

Я уже готовлюсь к броску как тут: удар! резкая боль! падение! – закрыв глаза и тихо посапывая я хватаюсь за живот. Дыхание перекрывает. Кажется, больше я никогда не сделаю ни вдоха.

Открываю глаза и пытаюсь понять что произошло. Надо мной рыжий, упирает руки в боки и расплывается в довольной улыбке. Весь облитый потом как из бутылки, он наклоняется и шепчет:

– Не стоит вести себя на поле как дома – мой тебе совет, парень.

– Засунь в задницу свои советы – только сейчас понимаю что стряслось: эта скотина выбежала мне навстречу, выставив перед собой свой корявый локоть. Мастерски сбив меня с ног он вдобавок нехило врезал мне в живот.

Я беспомощно оглядываюсь по сторонам, пытаясь встать. Все как специально, именно в этот момент, не смотрят на поле. Макс с Андреем отошли. Тренер общается с цикадой и пальцем указывает на что-то в тетради.

Подбегает Ярослав протягивая мне руку:

– Этот засранец любит буянить на поле, привыкай – моё дыхание восстанавливается и с помощью своего нового знакомого я поднимаюсь на ноги.

– Буянить, значит?т– раздраженно кидаю я – Это ненадолго.

Слыша серьёзность намерений в моём голосе Ярослав смеётся и убегает играть дальше. Я, уже не чувствуя боли, в полную силу доигрываю последнюю минуту.

Игра закончилась. На поле вальяжно выходит тренер, одев грязную бейсболку «Чикаго Буллс». Настолько стереотипно, насколько вообще может быть. Началась очередная порция пустой болтовни заправленной кучей сочных ругательств. Признаться честно, я мало чего слышал из этой речи. Хватаясь за живот я переполнялся злобой к рыжему засранцу, который сейчас стоял где-то позади меня и на сто десять процентов опять сверлил спину своим ненавистным взглядом.

Подправляя козырёк кепки через каждое слово, тренер наконец начал зачитывать имена прошедших в основные два состава:

– За то что не расплакался когда упал на свою тощую жопу – все рассмеялись, не знаю уж, специально или его плоские фразочки так хорошо заходят публике.

Далее прозвучали неизвестные мне имена. Справа от меня радовались парни «я уже тут», в том числе и забросивший мяч во второй раз.

Потом назвали Александра:

– Только лишь из-за того, что меня смешит твоя страдальческая рожа. Будто ты вот-вот обосрёшься – и опять все засмеялись. Я показательно громче всех.

Ещё парочка имён.

И ещё парочка имён.

Моего не было.

Незнакомые имена и никакого «Влад». Тренер умолк.

«Ну же, старый козёл, ГОВОРИ. ЦЕЛЫХ ВОСЕМЬ ОЧКОВ ЗА ПЕРВУЮ ИГРУ ЭТО НЕ СМЕШНАЯ СТРАДАЛЬЧЕСКАЯ РОЖА»

Я растеряно смотрел по сторонам. На качков из синей команды, на Ярослава, обсуждающего со своим другом детали новой жизни, наполненной потом, азартом и танцующими в топах болельщицами. На Макса с Андреем, поздравляющих прошедшего «я уже тут», снимающего выстиранную футболку.

Ну а я раздражённо теребил свою.

– И самый последний на сегодня – Влад. На твою игру можно было смотреть не блеванув, удивительно. Главное, не летай в облаках во время матча.

Я кивнул, расплываясь в улыбке. Похвала от этого мужика – чудо, это знали все. И из-за этого для остальных она стала как удар молнией.

Все стали шептаться.

– Это всё его дядя.

– Он играл хреново.

– Арсений проплатил его место.

Хотелось поднять над головами шумевшей толпы средний палец. Меня опередил тренер:

– ЗАТКНУЛИСЬ – не прошедшие отбор продолжали жалобно скулить, причитая и бубня без умолку.

Последовала прощальная речь. Сотни слов о конкуренции, о старании и бла-бла-бла. Теперь я уже не думал со злобой о рыжем. Теперь я был на седьмом небе от счастья.

И постоянные недоброжелательные взгляды и завистливые шепотки усиливали это ощущение. Я еле сдержал себя, чтобы во весь голос не рассмеяться и не начать скакать как мишка Гамми.

В душе, переполненном недовольными парнями я заметил гигантский синяк на животе. Он расплывался как лужа чёрной нефти – всё больше и больше, охватывая место от пупка и до правого бедра.

Чёртов Александр. Я ему этого так не оставлю.

Сжимая мочалку в руках крепче и крепче я пропитывался злобой. Это чувство проявляется во мне крайне редко. Но когда проявляется, я не могу узнать самого себя.

Я научился различать эти эмоции через призму остальных. Хотелось вцепится в него и укрыть все тело рыжего говнюка подобными гигантскими синяками.

Я бы и не подумал останавливаться до того момента, пока всё его тело не станет синим.

Не заметив, я разорвал мочалку на две части. И из какого хлипкого материала их делают?

Понятное дело, теперь самой обсуждаемой темой в школе стал сегодняшний отбор. Понятное дело, где-то среди этих

обсуждений и свежих сплетен затерялось моё имя. Я слышу его, доносящегося шёпотом из разных уголков столовой. Как голос дименторов из Поттера:

«Влад… Влад… Влад…»

В моих руках поднос. На нём картошка фри, апельсиновый сок и салат. Теперь нет нужды носить с собой ленчи из дому. Вообще, не понимаю эту тенденцию среди мажоров с запакованными обедами.

Кстати о них: ряды центрального круглого стола заметно поредели. Андрей, Макс и Каролина. Показательно смеются, кидают в друг друга кусками картошки и на этом представление заканчивается. Каролина отсаживается к своим подругам за соседний стол. При этом выбирает са-а-амый длинный и неказистый путь через выпускников и подмигивает Валентину. Стол хулиганов гигантская чёрная клякса на теле иерархической системы школы. Рядом с ними претенденты на королев выпускного бала и баскетболисты, с которыми мне прийдётся играть уже завтра.

Андрей и Макс остаются одни, по прежнему привлекая жирную долю внимания общества. И только сейчас я замечаю, какую долю этого самого внимания привлекаю я.

На меня смотрят многие, скрывать не стану. Слышно, как они скрытно обсуждают сегодняшний матч. Вечер у МаМа и её загадочное самоубийство забылись мигом, как и другие страшные случаи. Откуда-то они уже узнали о нашей соре с Андреем, и когда я подхожу ближе к круглому столу затаив

дыхание ожидают моих дальнейших действий.

Макс посматривает на меня равнодушно махнув рукой шепча:

– Привет.

Я прохожу мимо, с ужасом выгоняя идею поесть в туалете. Нет, этого не произойдёт.

Инстаграмщицы шумя поглядывают на меня. Еды у них на столе не больше чем во время голода Первой Мировой войны. Прохожу мимо.

Баскетболисты. К сидевшем тут веками нахальным парням прибавились новенькие «я уже тут» в синих американках. Едой, наваленной на их стол можно запросто накормить весь Китай.

Стол очень длинный, такой, что способен вместить всех членов команды. С правого угла замечаю Ярослава. Он приподнялся и машет мне. Когда я подхожу ближе баскетболисты затихают. Один Ярослав звонко заявляет:

– Садись с нами.

Похоже, он единственный кто рад тому что я ставлю свой поднос на их стол.

– Это всё что ты ешь? – презрительно бросает «я уже тут».

– Ну да. – я прохожу к Ярославу и сажусь рядом. Осмотрев сидящих за столиком с облегчением понимаю, что рыжего тут нет.

Я бы не выдержал его жгучий взгляд.

Александр.

Александр.

Александр.

Злость к нему так и не прошла. Запихиваюсь картошкой и даже не слышу Ярослава, увлечённо рассказывающего какую-то увлекательную историю про курение на парковке. Все мои мысли на синяке, оставленном рыжим придурком. Нет. Я так просто этого не спущу.

Поднимаюсь с места и бросаю своему новому приятелю:

– Мне нужно кое-что закончить. Я мигом.

Взгляд быстро находит козла по яркой рыжей шевелюре. Она выделяется среди волн голов, ходящих по столовой. Он сидит у окна вместе со своими приятелями. Локти на столе, жрёт гамбургер и неторопливо потягивает колу в пластиковом стаканчике.

Срываясь с места быстрым шагом иду к нему. Некоторые люди уже обратили на меня внимание. Застываю над его столом. Он поднимает взгляд на меня, неприкрыто удивившись. Солнце, проникающее внутрь сквозь окно слепит глаза. Чтоб не щуриться, опираюсь ладонью об стол и наклоняюсь к обидчику:

– Если у тебя какие-то проблемы, почему бы нам сразу в них не разобраться?

– Я предпочитаю включить игнор на тебя, мудак.

Его компаньоны заливаются смехом. Звучное горловое «МУ-ХА-ХА».

Его слова, низкий бас эхом проносится в голове: мудак…

мудак… мудак… Нет, ну вы слышали? Он назвал меня мудаком!

Дыхание перехватывает и я ощущаю как заливаюсь красной краской. Сцепив зубы, сомкнув рот я пытаюсь подавить злость.

Не выходит.

Резко выхватываю стаканчик из-под рук рыжего. В голову лезут воспоминания: я в сладкой жидкости, униженный, подавленный сижу в центре столовой. Я знаю, насколько это неприятно. Насколько это унизительно. Я прошёл через эту боль, и теперь хочу поделиться ею с окружающими.

– А я предпочитаю сделать так – выливаю всю оставшуюся колу из стакана на его торчащие в разные стороны патлы – Так твоя укладка будет выглядеть свежее.

Я ошарашил его. Шокировал всех сидящих за столом парней. Первые секунды он не знает что сказать, жмурясь от стекающей по лицу липкой жидкости. Он хватается за волосы, трогая их руками будто проверяя что они на месте.

Волосы.

Ну конечно волосы.

Должно быть для него это самое дорогое.

– Ты охерел? – это первые слова что вылетают из его пасти. С открытием для себя, я останавливаюсь на мысли что мне нравится наблюдать за тем, как вся столовая смеётся над униженным парнем. Как он осматривается по сторонам, не зная что делать. Как пытается справится с привалившей рас-

терянностью и ошарашенностью.

У него не получается.

Он хватает со стола салфетки и оттирает напиток от лица. На них остаются влажные следы.

Он поднимается и выходит ко мне. Не долго думая, толкает меня липкими руками прямо в плечи.

Агрессия прикатила вновь, как поезд на пирон Нью-Йорского вокзала. Кулаки сжимаются. Всё тело напрягается. Я замахиваюсь и бью парня прямо в нос.

А что? Теперь я баскетболист, могу закатывать драки в столовой.

Рыжий хватается за шнобель и сразу же наваливается на меня. Его лицо красное от злости и блестит от колы. Полностью искажённое от гнева. Раньше он был «хитрожопым ненавистным Александром», теперь «покрасневший разъяренный Александр».

Его руки обхватывают мою шею и начинают меня душить. От него доносится сладкий запах газировки. Руки чвякают на моём горле.

Я кашляю. Вся столовая поражено смотрит, даже и не пытаясь как обычно подбодрить дерущихся. Действия развиваются слишком неожиданно. Возможно, я устроил самую неординарную драку за последние несколько лет.

И когда я начал об этом думать?

Его толстые пальцы-сосиски впитывались нестрижеными ногтями мне в кожу. Я чувствовал как колония микробов

высаживается мне в кровь.

– Надо же, брутальный Александр царапается прямо как скользкая сука во время месячных! – кашляя выкрикиваю я и бью его ещё раз. Кулак попал в челюсть. Кажется, я услышал отчетливый хруст.

Драться у меня всегда выходило неплохо. Особо на практике я не применял свои умения, но точно это знал.

Ладно, тут я позволю себе включить перемотку. Удар за ударом, я попадал по лицу и кулаком чувствовал все его кости. Рыжий только лишь беспомощно царапался. Видя его физиономию перед собой я чувствовал, как сила злобы наполняет моё тело. Прямо как в аниме, терпеть его не могу, когда в мультике японский персонаж открывает свои чакры.

Мне казалось, что в этот момент я мог бы убить этого парня. И от этого сейчас становится страшно. Тогда, в столовой, это восторгало. Я был настолько силён и уверен, мог бы взять нож со стола и вонзить ему в живот. Дикость, но я мог бы.

Мысли затуманились. Дыхание перехватывало от восторга. Я видел как синяки покрывали его лицо, как струйка крови полилась из носа, и мне это нравилось. Мне нравилось причинять боль этому человеку, которого я видел, от силы, раза три.

Тебя захлёстывает ненависть гребнем волны. Ты с головой окунаешься в неё.

Я ощущал такое раньше, взяв стакан в руки и разбив его об голову хулигана. Я готов был делать это ещё и ещё, пока

он не отключится навсегда.

Колошматя его я видел, как опомнились все и начали относиться к нам как к обычным дерущимся. Достали телефоны, записывали на видео.

Александр выглядел жалко.

Когда между нами влез Макс я рассмотрел его лицо. Уверенность вытерли как мел с доски влажной губкой. Он дрожал, но всё также оставался красным от злобы. И даже когда Макс придерживал меня уперевшись ладонью в грудь, я всё равно лез в драку выкрикивая:

– Ты способен только из-под тишка толкаться, а когда дело выходит до выяснения отношений то ты только в силах царапаться! Трус! Ты жалкий подлый двуличный трус!

Слова соскакивали сами с языка. Я не контролировал себя.

Кажется, этот город меня меняет. Я чувствую изменения внутри, и становится не по себе. Будто тело больше не находится в моей власти. Я другой, и изменения охватывают меня полностью.

Тот мрачный симбиоз под названием страх, бок о бок живший со мной всю жизнь захватил меня полностью. Он впитывается в тело, стягивает конечности превращая в марионетку. Я не понимаю смену своего настроения, не могу разобрать эмоции и чувства. Теперь они словно звучат на незнакомом языке.

Внутри меня всё изменилось. Всё перевернулось вверх

дном. И конечно же, хочется обвинить в этом кого-то другого.

Этот город. Всё происходящее в нём. Они виноваты, не я. Все они предвестники того, кем я стал.

Или я всё усложняю?

Нет, тут усложнить невозможно. Я стал другим человеком, готовым стереть с лица земли стоящего передо мной такого же парня.

Вообщем, всё закончилось тем, что биологию я провёл в кабинете директора. И конечно же, из-за моих кровных уз я вышел сухим из воды. Виноватым оказался Александр, он сидел в кресле рядом и проглатывая обиду выслушивал воспитательную беседу.

Справа часики непрерывно щёлкали отбивая каждую минуту. Так мы просидели почти час. Директор смотрел на меня как на животное, занесённое в красную книгу – с аккуратностью и интересом.

Я сложил руки на груди и проматывал всё произошедшее на обеде. Не верилось, что там находился я. Воспоминания были как видео, которое смотришь на экране телефона.

Но мне не жаль о том, что я наделал. Смотря на избитое лицо Александра я испытывал удовлетворение. Потрогав шею, я с жалостью нащупал несколько глубоких царапин. Они кровили до сих пор.

И как же мне идти на свидание истекая кровищей?

Уроки закончились и я с лёгкостью бежал домой, в ожи-

дании этого вечера. Наконец, наконец, наконец…

Тяжести добавило ужасное чувство.

Внутри меня капнуто тёмное пятно, растекающееся всё больше и больше. А что если вскоре оно охватит меня полностью?

«Нет Влад, ты накручиваешь»

Да, накручиваю. Я просто забил на эту мысль желая провести вечер максимально прекрасно.

Я озабоченно смотрю на свой «лук», который мне предстоит одеть на сегодняшнее свидание.

«Свидание…Свидание…Свидание…» – неужели этот миг настал?

В комнату без стука вваливается мама. На ней объёмный белый сарафан, развивающейся на ветру как у Мэрлин Монро. На губах алая помада.

Сначала она сияет, видя меня смотрящего на себя в зеркало и расчесывающего волосы. Потом, выражение лица меняется. Она плывёт ко мне вскрикивая:

– Какой чёрт тебя поцарапал? – громко вздыхая она проводит пальцем по ране – Это же целые порезы!

– Я подрался с одним парнем в столовой.

– С каким парнем?

– Ты его не знаешь. И не надо тебе знать. Он отвратителен.

Мама делает шаг назад, продолжая смотреть на меня испытывающим взглядом. Меня он начинает напрягать.

– Я надеюсь, для этого был повод?

А был ли?

Да, ну конечно был.

Я вздыхаю.

– Если честно, мне страшно. В последнее время я не узнаю себя. Я становлюсь агрессивнее, злее что ли. И это, и это… – кажется, я вот-вот расплачусь. Мысль сбивается, но кажется мама меня поняла – В этом городе я становлюсь другим человеком. Мне страшно в этом признаваться, но я медленно теряю себя.

– Мой мальчик – она обнимает меня. Я слышу стойкий аромат нежных духов «Lancôme”. Сегодня мама идёт в ресторан с Надин и её подружками из высшего общества. Старается показать себя в максимально выгодном свете. – Ты меняешься, и в этом возрасте это нормально.

– Но кажется что я меняюсь в худшую сторону.

– В таком случае, не забывай кем ты был. Держись за того старого доброго Влада. Я верю в то, что мой мальчик всегда найдёт выход – она ласково улыбнулась, заглянув мне в глаза.

Кажется, я успокоился. В её объятиях все плохие мысли улетали как непрошеные гости.

Но эта необъяснимая агрессия. Злоба. Чёрное пятно внутри меня. Оно то осталось. Просто я смог закрыть на него глаза.

Надолго ли?

– А вот мерзопакостные царапины будут напрягать на свидании. – причмокнул я.

– О да, представляешь, она захочет целоваться а ей на лицо забрызжет кровяка. – я засмеялся – Мы протрём спиртом и всё будет о'кей.

Внутри меня возрастает что-то тёмное. То, что я не в состоянии контролировать. То, что мне неподвластно. Оно захватывает мой мозг своим мраком и своими дикими мыслями. Я стараюсь не поддавать виду, но мне страшно. Страшно за себя. Кто бы мог подумать, что в таких условиях целью станет не выжить, а остаться человеком

Глава 19 #воспламеняющийвзглядом

«Жирная Русалка» – милое небольшое местечко в пару комнат практически в самом центре города. Вы его найдёте, если свернёте направо у ратуши. Тёмный переулок, в котором все бесцеремонно паркуют машины, хоть это и запрещено. Там парочка магазинов – одежда и яркий притон для растаманов. Внутри яркий вырвиглазный дизайн, продаются шапки как у Боба-Марли и футболки с «откровенными» надписями вроде: «Я наркоман и горжусь этим». Дикое местечко. Из него всегда доносится запах травки, хоть она там, конечно, не продаётся.

И вот как раз рядом с этим броским магазином и нахо-

дится ресторан со смешным названием. На вывеске набравшая килограммов двадцать русалка с эмблемы «Старбакс». Вместо всем известного названия горящая белым надпись «Жирная русалка».

Зайдя внутрь в глаза сразу бросается зажатый между лестницей и туалетом гардероб. Недовольный усатый старик осудительным взглядом проводит тебя, а потом принимается дальше читать свою газету.

После небольшого коридора начинается просторная комната. Напоминает она чем-то зал оперного театра – есть портер, в центре которого барная стойка с самым разнообразнейшим в городе выбором алкоголя: от «Мимозы» для опохмеляющихся старых дев и до дешёвой «Кровавой Мэри» для более молодых представителей. Бармен – чернокожая девчонка в морской фуфайке. Выглядит она в ней забавно (без обид, окей?)

На балкончиках находятся места с яркими красными диванами. Над ними виснут лофт-лампы, освещая обеденные столы. За балкончиками знак с тёмными буквами «WC”.

На одном из балкончиков сидит Ева. Она упёрлась об деревянный поручень, бледное лицо освещается дисплеем телефона.

Чёрт.

Чёрт.

Чёрт.

Мой первый проигрыш за вечер – она пришла раньше. И

как? Как, чёрт возьми, такое произошло? Я приполз минута в минуту. Просчитал всё – и тут на тебе!

Не спеша иду к ней. Палубная доска скрипит под ногами. Обхожу бильярдный стол, не нарочно толкая играющего – парень из нашей школы. Похоже, я его знаю. Он с отцом – пухловатым седым мужчиной. Смотрит на меня как на тиранозавра.

В ресторане пахнет табаком и карамелью. Своенравный запах: и не приятный, из-за крепкого табака, и не противный, из-за сладкой карамели. Не одного окна, и вообще, заведение находится под землёй. Можно легко затеряться во времени.

Поднимаюсь по лестнице. Каждая ступенька прогибается под кедом и издаёт звучный жалобный звук. Ева отрывает глаза от телефона и машет мне рукой.

На моём лице застывает глупая улыбка. Чересчур внезапная и счастливая для обычного вечера (ну какой же он обычный?).

– Я заставил тебя ждать?

– Ничуть – Ева улыбается. От этой улыбки улыбаюсь я. Всё взаимосвязано. – Случайно пришла пораньше.

Улыбаемся и рассматриваем друг друга. Это могло выглядеть неловко со стороны, но для нас – ничуть.

– Я слышала ты сегодня подрался. Даже видео видела: нехило ты отдубасил рыжего.

– Он много болтает– дерзко кинул я – Похоже, именно

этого он и добивался.

– Вся школа сейчас на ушах из-за этого случая. Никто не ожидал этого от…

– … такого как я?

– Такого как ты.

На ней – лёгкое белое платье с достаточно глубоким декольте. С её грудью она с лёгкостью может позволить себе надевать подобное. На лице минимум макияжа. Лишь неестественно тёмные ресницы загибаются как бушующие волны. Пухлые губы переливаются красным, а кожа так и осталась мрачно белой.

Огромные глаза заглядывают в душу. В них перемешано всё – ум, страх, уверенность, доброта, холод, тепло. Я вижу всё по отдельности, а в месте куча отдельных качеств складываются в неповторимый портрет человека, сидящего передо мной. Она наклоняется ближе и табак с карамелью уходит на второй план. Её духи – произведение парфюмерного искусства. Обволакивающие, притягивающие, точно подходят ей.

Мы заказываем молочные коктейли и салаты. Долго ждать не пришлось – мы не успели даже разговорится.

– Я читаю сейчас «Загадочную историю Бенджамина…» (вставьте сюда шутку про батон). Конечно, самый первый рассказ был интригующий, но не самый сильный. Мне гораздо больше понравились «Волосы Вероники» и «Танцы».

«Так «Волосы Вероники», «Танцы»», бубню я про себя, пытаясь вспомнить о чём были эти чёртовы рассказы. Ничего не приходит на ум. А книжку я прочёл от корки до корки.

– «Танцы» вроде бы в самом конце… Ты так быстро читаешь?

– О да, вчера до часу ночи пожирала истории Фицджеральда. – она ловит мой удивлённый взгляд. Теперь я понимаю, откуда эти характерные синяки под глазами – Что? Ночь чересчур длинная чтобы тратить её на сон. Особенно когда вокруг люди придумывают столько удивительных новых историй.

Что правда то правда.

– Всё равно, книга в четыреста страниц за ночь – это много.

– Да ладно, я все книги читаю быстро. – наконец, Ева приступает к салату. Накалывает рукколу на вилку и отправляет в рот – Исключение из недавних – «Над кукушкиным гнездом». Тяжело читать повествование от лица сумасшедшего индейца, знаешь ли…

– Кто из дому, кто в дом… – начинаю я.

– … Кто над кукушкиным гнездом– заканчивает она и начинает смеяться. Её смех – волшебный звук. Горловой, громкий, искренний. Слыша его, я начинаю смеяться вместе с ней. Выходит само собой.

Мне принесли салат с грушей и сладким соусом. Сверху небрежно накинуты тонкие кусочки прошутто. Как точка

над этим всем, закопанный в горе зелени стоит поджаренный каммамбер. Корочка мягкого сыра хрустит на зубах.

На удивление вкусно.

Французский сыр и сладкий соус в сочетании дают радиоактивную бомбу в ротовой полости, в самых хороших пониманиях этого выражения. Вкусовые рецепторы растеряно теряются в догадках о том, что ты запихиваешь в рот. Должно быть, в этом и фишка салата.

У Евы типичный греческий. Куча фета и где-то дюжина крупных зелёных оливок с косточками. Она аккуратно выплёвывает их приставляя бумажную салфетку к губам.

Мы едим и болтаем одновременно. Темы: воздушная сахарная вата, крупный шар вздымающийся в воздух. Мы не привязаны к месту, к здешним местам и событиям. Она прекрасно понимает насколько мне неприятно о них вспоминать, хоть и видно, как ей чертовски интересно.

Вместо этого обсуждаем грядущий «Оскар» и самых амбициозных претендентов на статуэтку за лучший фильм. Я же строго убеждён что выводы делать рано.

Далее в ход идёт «Грэмми». Тут уже итоги кажутся более безоблачными.

Темы разбавляются шутками и Ева начинает смеяться. Это лучший момент, кульминация – белоснежная, лучезарная улыбка. Рот приоткрыт. Глаза прищурены. У меня стойкое ощущение того, что я хочу прикоснутся ладонью к её щеке. Интересно, какая она на ощупь?

Может быть я сумасшедший фетишист, но мне всё рано.

Сдерживать руки под столом и подавлять желания ужасно непросто. Но я убеждён что сейчас не момент, что сейчас я всё испорчу. Разрушу нашу магию взаимопонимания.

Разрушу слившийся симбиоз двух родственных душ. Мы дополняем друг друга, чувствуем отдачу и переходящую потоками исходящую энергию. Надеюсь это взаимно, ведь я ощущаю именно это.

Хочется вскочить на стол и поцеловать её. В глазах как тексты устаревшей рок-группы вертится:

«Эй! Давай! Каждый день ты просыпаешься и думаешь, как бы сегодня не сдохнуть. Так что не откладывай. Действуй!»

Но я не решаюсь. Мы продолжаем общаться и не стихаем ни на секунду, даже когда я представляю как ласково поглаживаю её волосы.

«Эй! Ты же уже так делал в эту субботу!»

Да? А всё помнится как во сне – мутно и будто не со мной.

Хочу повторить эти ощущения.

Гигантский розовый коктейль (она не отпила ни капли) с пенящимися сливками и коктейльной вишней наверху скрывает половину её лица. Меня это бесит. Она хочет показать фотографию с актёром «Ривердейла», залезая в фотоплёнку и опуская глаза. Я наконец отодвигаю чёртов коктейль, и опять имею счастье наслаждаться её лицом во всей красе:

– В июле я была в Лос-Анджелесе. Знаешь «Six Flags”? –

киваю – Там есть ресторанчик на самом входе. Бургеры, картошка и прочая дрянь… Никогда не скажешь что там едят актёры. И вот я значит сижу у самого входа, вдали рёв горок и визг напуганных людей, а рядом он…

Она протягивает телефон. На экране – селфи с тем самым парнем из «Ривердейла». Не помню ни имени его персонажа, ни имени актёра:

– Точно! Он там играл гея – вскрикиваю я.

– Именно.

Дальше колесница нашего общения постепенно сошла с дороги. Возможно, потеряла одно колесо. Ева начала расспрашивать за мажоров. После этого появилось ощущение будто тебе пукнули под нос, вроде бы не смертельно, но неприятно. Я её не виню. Её вопросы весьма тактичны. Конечно же, ей будет интересно чем живёт самая популярная компания города.

А я же, вроде как, вхожу в неё.

«Кхм-кхм, входил!»

Я ей поведал о нашей соре с Андреем. Она выслушала с мастерством дорогого психолога.

– Всё образумится. Вы же братья. – это всё что она ответила.

– Прости, может быть следущий вопрос тебе не понравится. – начинаю я. Может быть, не так обходительно как Ева – Лилит – она вздрагивает при звуке её имени. Быстрый бегающий взгляд потухает и опускается вниз, пяля на переч-

ницу – Она была твоей подругой в прошлом году. – должно быть, говоря утвердительными предложениями я выгляжу как допрашивающий – Говорят она вздорила с Андреем & company, прежде чем уехать из города.

– Она вздорила со всеми – на бледном лице заблестела мрачная улыбка – О да, Лилит. Мы втроём были не разлей вода. Звёздное трио. Мне сейчас тяжело без неё, если честно. Какой бы она не была – правдорубкой, скрытной, ужасной. С нами она была собой, и поверь, она, Лилит без всех этих стервозных штучек и сплетен, долетавших до неё со скоростью ветра, просто прекрасна.

Ты хочешь знать чего она вздорила с твоей компашкой? – кивнул. Прозвучало едко – Она не боялась скрывать свое мнение и выставлять чужое напоказ. Ей доставалось от них, и она со своей злопамятностью отбивалась как могла.

– Как именно?

– Выкладывая их секреты в «Подслушано» через язвительные посты. Да, язвительности ей не занимать… – Ева наконец отхлебнула свой коктейль – Вкусненько.

Этой группой она прославилась на всю школу. Раскрыли её лишь спустя год после основания. И началось… Она ссорилась и с Алиной, и с Каролиной, и с Андреем, и с Максом. Серьезно так ссорилась. Думаю, не стоит упоминать что с Никитой всё шло гладко. Как и всегда.

Из-за своей прямолинейности и честности ей и отходило: и потому что она армянка, её упрекали и из-за её бровей, и

из-за экзотической внешности, и из-за скул, которые очень даже привлекательны… Просто из-за ВСЕГО. Представляешь, сколько шуток и кричалок об Армении могут выдумать разъярённые школьники?

И вообще, её обижали и гнобили с первых классов, будь уверен. Она так сильно из-за этого переживала. Она очень восприимчива. Приходила домой, плюхалась лицом в подушку и давай реветь. Мы с Алисой в тандеме с её бабушкой не утомлялись её утешать – мы все, кто у неё был.

А она была таким милым ребёнком, помню как сейчас: любила лошадей и помогала всем с уроками, или даже просто – в мелочах. Однажды у одной девочки во втором классе порвалась плюшевая жаба. Так эта маленькая дурёха весь день выла как забойная корова. Лилит на следущий день принесла ей свою, точно такую же жабу. Девчонка расцвела, и на следущей неделе придумала ей кличку: «БРОВИ-МЁТЛЫ».

Вот тебе и доброта в современном мире. А столько дают советов и уроков.

Все пользовались её искренностью, в она не понимала зачем. Считали её дурочкой, как обычно бывает с людьми, желающими быть хорошими по жизни. И вот так вот она из маленькой любительницы лошадок переродилась в мстительного администратора школьного адского котелка «Подслушано». После школьных танцев, на которых она раскрыла свою личность, накатила новая волна злобы. Но она подго-

товилась – спалила все мосты, что связывали её с прежней малышкой Лилит. Стервозная, едкая, ядовитая как мышьяк. Да, такой она стала. Мы с Алисой видели как меняется она, входя в школу.

Бабушка даже и не заметила. Дома она была типичной пай-девочкой, никаких изменений. Но в школе каждый день – новая драма. Понедельник – перепалка в столовой с блондинкой, потерявшей девственность за трибуной стадиона, Лилит накатала о ней целый пост. Вторник – стычка с Андреем. Он при всей столовой обзывает её «потаскухой» и гордо уходит в закат. В среду драка и…

– Драка?

– Да. Девичья драка, с царапаньем и вырыванием волос. Удивлён?

Я ничего не отвечаю, готовясь слушать дальше.

– Короче говоря, вся её бунтарская жизнь закончилась тем, что кто-то её толкнул, она упала, ударилась, разбила себе голову и без сознания пролежала два дня в больничной койке. Ужасная история. Проснувшись, она не помнила личность гавнюка, что это сделал.

– Ты уверен что нападающий был мужчина?

– Скорее всего. Её толкнули с нешуточной силой.

– Я слышал про её бабушку…

Ева поникла ещё больше. Губы задрожали, точно сейчас она готова разреветься.

– Бедная бабушка… Милейшая женщина со слабым серд-

цем. Она просто не выдержала… – Ева заикнулась – Не выдержала болезнь внучки. Просидев весь день после этого случая в палате она умерла. Прямо в больнице.

Проснувшись, Лилит уже не видела свою бабушку живой.

– Кто же мог её толкнуть?

Ева тяжело вздохнула:

– Лилит с бабушкой уже сюда не вернуть, это уже не важно. Сейчас она живёт на выселках Еревана с тётей и двоюродным братом. Я с ней даже не общаюсь… Она там редко находит интернет чтобы мне позвонить. Нам позвонить – она улыбнулась – Мы ждём от неё вестей каждый день. Ничего. И что же это за город такой, Ереван?

– Мне жаль – прошептал я, неторопливо обхватив её руку. Холодная бледная кожа соприкасалась с моей, играя на контрастах. Рядом с ней я казался себе неестественно раскалённым.

Теперь Ева не смеялась. Эта тема её напрягла, и в какой-то момент я пожалел, что так резко перешёл к ней. Она смотрела вдаль, сжимая мою руку всё крепче и крепче. Через стол доносились её частые потоки дыхания. Отпустив мою руку, она стала размешивать сливки на вершине коктейля соломинкой. Больше этот разговор не продолжался.

Правдоруба школы столкнули, в следствии чего он наконец (для большинства) свалил из города. Должно быть, Лилит сейчас чувствует себя проигравшей. Возможно, вся жизнь для неё стала игрой.

Игрой с чужими секретами, с тайнами людей, смешивающими её с грязью… Она пошла на поводу у так резко возникающей злобы и ненависти, не в силах вовремя остановиться…

Возможно, со мной сейчас происходит то же самое.

«Нет, с тобой всё в порядке»

По крайней мере, с ней я чувствовал себя спокойно. То тёмное пятно внутри исчезало, как только она появлялась на горизонте. С ней я чувствую полное умиротворение, как лёжа на пляже в солнечный летний день, засыпая под тихий шум волн. Общение с ней вызывает такое же приятное чувство.

Нет, я не хотел сказать что от разговоров с ней мне хочется спать. Просто… Вы меня поняли.

Она прекрасна: густые брови. Крупные глаза. Пухлые губы. Аккуратный нос, фарфоровой острой формы. Густые волосы завязаны в хвост, обожающий лоб и показывающий чёткую линию роста волос. Длинная шея, придающая лёгкой походке нарочитой грации. К сожалению, сегодня она при мне лишь сидит. А ходит она словно порхая.

И эти глаза… Этот взгляд… Такой прямолинейный и открытый. Она передаёт каждую мысль, каждую эмоцию в мельчайших деталях. Сейчас, накалывая оливку на вилку вспоминает о прошедшей дружбе. Раньше отчётливо читалась горечь. Сейчас, взгляд не спеша расцветает – натянуто, умышленно:

– Как-то мы раскисли – расплываясь в улыбке говорит она – Мне вот, очень хотелось узнать о твоём старом городе.

«О нет, узнавать там явно нечего»

Но я лишь улыбаюсь в ответ, в голове прокручивая самый лаконичный рассказ о вонючем рыбном местечке. Как бы ненароком не начать рассказывать о зловонии, царившем там, и поливать грязью бесцеремонных нахальных туристов?

Я сглатываю, не отрывая взгляда от неё.

Нет, эти глаза. Сводят меня с ума: звучит до чёртиков банально, но Боже… Я же реально под взглядом её глаз теряю контроль. Мысли сбиваются. Слова становятся мусором, сгружённым в кучу. Пальцы кажутся бессмысленной частью тела, неудобной и ненужной – я неловко перебираю ими.

И как бы она не пыталась сделать вид счастливой девчонки, в глазах как протягивающий сквозняк до сих пор витает печаль. И загадка. Да, с печалью смешалось что-то ещё, что-то, что я не могу разобрать…

– Я жил… – сбиваюсь, ведь взгляд привлекают знакомые огненные кудрявые волосы и хитрая вытянутая физиономия. В бар входит тот самый «Адидас», пичкающий малолеток муравьями. Тот самый, оставивший лежать меня без сознания на поле за старым заброшенным особняком.

Ева не замечает, но я не нарочно вжимаюсь в кресло. Не нравится мне этот тип. От таких следует держатся подальше, если не хочешь чтобы на завтра он притащил в школу

револьвер и выстрелил в тебя, заодно не пожалев патрон на твоих друзей, девушку, учительницу… Короче, он тип с закрученным складом ума, разбираться в котором у меня нет желания. Псих, обобщенно говоря.

Он вошёл в зал, миновав бильярдный стол и раскрепощённой походкой подплывая к барной стойке. На нём тот самый тёмный спортивный костюм и те самые грязные белые кеды. Волнистые рыжие волосы почти достают до плеч, и мне кажется, они удлинились с момента нашей последней встречи.

За ним следуют по пятам «его тени»: бездушные подонки, ни чем не откладывающиеся в памяти. Они созданы лишь для того чтоб поддакивать главарю и хихикать над его шутками. Одеты также. В интерьер ресторанчика явно не вписываются. Это сродни зайти на борт «Титаника» в костюме для йоги.

Рыжий даже не оглядывается, запрыгнув на высокий стул и перевешиваясь на стойке. Рядом с ним трясутся бокалы и мигает кофейная машинка. Парень начинает нагло доставать вилки из подставки, складывая их в потрёпанных синий рюкзак.

Что, простите?

Мы что, в 1999 году? Неужели ещё кто-то ворует серебро?

Две тени хихикают рядом, одобрительно кивая хозяину. Ой, простите, лидеру. Он достаёт ложки и ножи, довольно рассматривая их в ладони. Чистое серебро блестит в свете

тусклых ламп.

Я молчу, уставившись на выходящую из ряда вон картину. Гопники, воркующие серебро из местного ресторана. Анекдот.

– Кого ты рассматриваешь? – поинтересовалась Ева обернувшись. На её лице застыло удивление – Воровать столовые приборы – низко даже для «адидасов».

Понаблюдав за ситуацией пару секунд она хихикнула. Спасибо, что не начала принуждать меня геройствовать. Не хотелось получить в живот во второй раз.

– Сейчас их остановят – ухмыляюсь я. Официант в белом быстро шагает, шаркая тёмными туфлями по палубной доске. На нём форма всего персонала заведения – морская фуфайка.

– Эй, молодые люди, что вы делаете? – на резкий крик молодого человека обернулись почти все посетители. Даже парень из школы прервал игру, пяля в центр зала. Разговоры стихли. Теперь все обратили внимание на ворующих серебро подростков – Я вызову полицию! – вот что называется «пофигист». Рыжий плевать хотел на его слова. Хихикает и продолжает очищать подставку с вилками.

Тени нагло разваливаются на высоких стульях, закидывая ноги на стойку. Грязная подошва обклеенная сырой грязью (похоже, я замечаю собачье дерьмо в свете лампы) соприкасается с аккуратно выставленными стаканами.

Мы с Евой затихли, устремив взгляд на перепалку.

– Это неслыханная наглость – лицо молодого официанта краснеет. Он, будто выйдя из мультика, упирает руки в боки и подходит ближе к парням – ПОКИНЬТЕ ЗАВЕДЕНИЕ! СЕЙЧАС ЖЕ!

Его крик привлекает внимание остального персонала. Даже гардеробщик вышел из своей каморки. Пара официантов-моряков окружают хулиганов. Рыжий поднимает ленивые глаза и быстро отбрасывает всех дерзких взглядом. Фыркает и продолжает дело.

– А-ну прекрати!– другой официант, с по-французски законченными усами нервно хватает рыжего за руку. Его ладонь нервно вцепляется рыжему в запястье.

– Это ты зря сделал, парень– ухмыляется рыжий. Знакомая безумная улыбка. Не злобы, не ненависти. Лишь отталкивающая пустота, ужасное бездумье. Блестящие глаза и зловещий оскал от уха до уха.

А далее, весь мир замер. Я испытал настоящее дежавю– место и люди другие, но кажется, происходит всё то же самое.

Официант с усиками, назовём его «отважный француз», взмывает в воздух. Да, вот так просто. Словно крепкие руки амбала ростом в два метра обхватили его шею и тянут вверх. Он задыхается, из рта вылетают слюни. Место вокруг губ становиться влажным. В его глазах читается страх.

Он болтает ногами в разные стороны, будто его кто-то держит. Но этого «кого-то» не видно даже на горизонте. Спере-

ди довольные парни, сзади – напуганные коллеги.

«Отважный француз» хрипло кашляет, как будто выкурил пачку сигарет за раз. Серебряная вилка с четырьмя зубцами взлетает в воздух за спиной рыжего.

Публика вздыхает.

Все шокированы, и нарочитые вздохи – это всё, на что хватает ума.

Вилка замирает в воздухе на три секунды. Я веду про себя счёт. Каждая секунда тянется максимально медленно.

/Раз, два, три…/

Вилка срывается с места и летит к «отважному французу», развёрнутому к нам лицом. Будто его специально так повернули к посетителям, для того чтобы каждый смог «насладится» его дёргающимся в конвульсиях лицом.

Наконец, кто-то выкрикивает: «О ужас, что за…», но я не стану дословно цитировать эту реплику. Воздержусь.

Разогнавшись, вилка вонзилась «французу» прямо в зад. Слышится треск. Видимо, зубцы разорвали ткань синих штанов. Столовый прибор проседает в его заднице глубже и глубже. Француз (я уверен что с французом у него общего ровно столько же, сколько у меня с жителем Атлантиды) скулит как не дорезанная свинья.

Вспоминаю вчерашний сон и становится не по себе.

– ТВОЮ МАТЬ – кричит молодой официант и отступает назад. Он не замечает крутой выступ и валится на руки пожилому гардеробщику.

– Влад, что происходит? – Ева дрожит. Она обхватывает мою руку под столом и непонимающе смотрит мне в глаза.

– Не знаю – из уст выходит лишь хрип. Кажется, сейчас я не ощущаю парализующий шок. Удивление, испытываемое при первом взгляде на что-то мистическое. Сейчас, я как бывалый игрок пытаюсь уловить малейшие детали этого действа.

Рыжий не закрывает глаз. Скорее всего, именно он и центр этих необъяснимых действий. Парень лишь застывает в безумной улыбке и с восторгом наблюдает за конвульсиями француза.

– Я помогу тебе – героически выступает поднявшийся парень, шагая к французу и хватая его за дрожащую руку. Секунда – и он с писком отлетает к бильярдному столу. Руки впереди, ноги впереди, вроде как теперь тот гневный амбал долбанул его по животу.

Парень с моей школы отходит от стонущего от боли официанта и хватается за рукав футболки отца.

Рыжий захохотал. Жуткий смех эхом разнёсся по мрачному ресторану, будоража каждого сидящего тут. Смех омена из старого культового фильма, увлечённого игрой с жизнью своей няньки. Смех парня наслаждающегося мучениями другого человека.

Смех безумца.

Тени хихикают в ответ, как эхо горлового зловещего смеха рыжего.

Француз обрушивается на пол. Вилка до сих пор торчит в его заднице. Он резво обхватил себя руками, пытаясь её достать. Из его рта вырывается резкий и короткий крик. Усы поднимаются и опускаются.

Во время падения барная стойка содрогается. Стаканы, стоящие на ней начинают звенеть. Кофеварка дрожит. Похоже на начало сильного землятресения, отграничивающегося одним пятачком в центре кафе.

И вот, когда казалось что безумнее развернувшихся перед нами действий ничего не может произойти, хрустальные стаканы начинают взмывать в воздух. Один за другим. Они возвышаются над барной стойкой и плывут к столикам. За ними сервис – вилки, ложки и ножи. Они звенят, вздымаясь вверх. Бокалы для вина и шампанского. Всё, находившееся в пределах бара.

Посуда разлетается по комнате со скоростью мелких ловких мошек. Она как сгущающиеся тучи выбирает самые людные места: пара стаканов летит к нам с Евой.

Она в шоке проводит их взглядом, сжимая мою руку ещё сильнее. Мне кажется, сейчас мои кости треснут.

Но а я в шоке наблюдаю как медленно разваливается наше свидание, идёт под откос. Пора привыкнуть, что каждый вечер в этом городе превращается в бал в аду. Но я хотел ЭТОТ вечер. ЭТО свидание. Я рассчитывал на него: специально нарочито тихое место. Тише не бывает. Подвал мрачного здания в центре, что может быть спокойнее?

Но нет, Влад. Выкуси-вкуси. Теперь каждый иной вечер будет походить на сон укуренной фанатки фильмов ужасов.

Рыжий ловко соскакивает со стойки. Он проходит в центр «партера», с восторгом рассматривая летающие по залу предметы. Так смотрит гениальный изобретатель на своё творение. Так смотрит безумец на стекло, которое должно с минуты на минуту мелкими осколками усыпать несчастных отдыхающих людей.

И тут до меня доходит.

Всё, что летает когда-то должно упасть.

Я тяну Еву в сторону:

– Уходим отсюда. Срочно. – шепчу я. Безумец нас не замечает. Он вскочил на деревянный табурет и пальцем прикасается к лезвию ножа. Потом хохочет. Б-р-р, жуткий тип.

Ева кивает. Я восторгаюсь её пониманием. Казалось бы, девчонка. Сейчас она должна визжать и рвать волосы на своей голове. Грызть длинный маникюр. Рыдать, в конце концов. Вместо этого она, не отпуская моей руки, следует в коридор. Вдали виднеется узкое окно. На улице мрак сумерок.

Рядом с нами мужской туалет. Чтобы выйти отсюда прийдётся идти через гопников.

Зато сюда не долетела посуда (о Господи, я не верю в то, что пишу).

– Что происходит? – истерично шепчет Ева. Я прислонил ей указательный палец к устам, молча прося её замолчать. В крупных глазах слёзы и непонимание. Я и сам ничего не

понимаю, хоть вижу подобное не впервые.

Я подкрадываюсь к углу коридора и незаметно выглядываю. Парень хохочет стоя на стуле. Тени вальяжно развалились сзади.

Посетители сидели в немом шоке. Официанты стояли в немом шоке. Один из них резко бросился к рыжему, обхватив его ноги.

«Ох, зря»

Очередной молодой парень подвергся мучением.

Бокал для вина свалился на его голову, разлетевшись на мелкие осколки. Раздался звонкий глухой звук. Ева последовав моему примеру прислонилась к стенке и высунула голову за мной. Удивлённо вздохнув, она не отрывала глаз от официанта как от весёлого телевизионного шоу.

Он грохнулся на пол без сознания. Рыжий захохотал ещё больше, кедом пнув парня по животу. Никакой реакции.

– Я думаю никто не возразит, если мы это заберём – рыжий кивнул на синий потрёпанный рюкзак. В ответ молчание. Он расплылся в фирменной улыбке, сойдя со стула и подойдя к дружкам.

«Сейчас точно уйдёт»

Посуда оставалась висеть в воздухе.

Схватив рюкзак, рыжий топнул. Палубная доска издала мучительный скрип. Вся посуда, парившая в воздухе обрушилась на головы зрителей и посыпалась мелкими осколками.

Ева вскрикнула. Я вздрогнул. Дыхание перехватило.

Ресторан превратился в седьмой круг ада. Стены зашевелились от стонов боли. Бутылки с алкоголем затряслись от визга женщин, в кожу которых врезались осколки.

Я взял себя в руки, достав телефон из кармана. Быстрый звонок в «911», просьба о помощи максимально тихим голосом. Ева прикрыла рот и уставилась на меня, будто умоляя оператора:

«Пожалуйста, быстрее, быстрее…»

Несколько стеклянных осколков подкатились к нашим ногам.

Рыжего просто распирало от смеха. Сейчас он находился в созданном им же царстве боли и мучений. Он наслаждался. Он радовался как ребёнок, получивший «X-box” на день рождение – искренне.

– Посмотрите на меня! – громко крикнул он, бас эхом отбился от стен. Никто не обратил внимания корчась от боли – Я СКАЗАЛ ВЗГЛЯНИТЕ В МОИ ГЛАЗА! – истерично завопил он. Бас превратился в визг. Наконец, все сидящие тут нехотя повернули головы к рыжему подонку.

В кармане джинс раздалась вибрация. Я опустил глаза, взглянув в телефон и параллельно слушая визгливый голос:

Сообщение от Алексея

«Значит, в столовой подрался? Да-да, я знаю, не удивляйся»

«Ты нарочно сплагиатил чувака из шайки Дымящего?»

Как же не вовремя.

– Взгляните мне в глаза. Вы ничего не вспомните из того что произошло, вы не вспомните меня и моих друзей. Последним воспоминанием будет то, как вы мирно сидели в этом ресторанчике и вели свои тупые беседы о ваших тупых жизнях.

«ЩЁЛК!» – раздался щелчок.

Я выключил в телефон и спрятал его обратно в карман. Ева зажмурила глаза, будто всё это время смотрела на сварку. Я осмотрелся по сторонам: все сидели с зажмуренными глазами. Некоторые в крови, некоторые не пострадали – выглядят точно так же, как и до этого злосчастного ужина.

Выглядываю из-за угла. У барной стойки никого. «Адидасы» бесследно исчезли, унеся за собой столовое серебро.

Ева открыла глаза и вцепилась в мой рукав:

– Что тут произошло? – растерянно спрашивает она слыша десятки стонов.

– Какая боль! – женщина держится за виски, с которых водопадом стекает кровь.

– Чёрт, что произошло? – вздыхает отец парня со школы. Его бровь рассечена, капая алыми каплями на зелёный бильярдный стол.

– Откуда… Откуда… ОТКУДА ЭТИ УЖАСНЫЕ ПОРЕЗЫ? – завопила дама в коротком тёмном платье. Слава Богу, пострадавших оказалось не так уж и много. Все остальные отделались промежуточным отсутствием памяти.

Как Ева.

Все остальные, кроме меня. Похоже, я единственный кто помнит о случившемся.

Что же это было?

Гипноз?

Телекинез?

Всё в одном флаконе?

Кто этот рыжий?

ЧТО, МАТЬ ЕГО, ПРОИСХОДИТ?

– Влад, ответь мне! – кричит Ева.

– Что ты помнишь последнее из этого вечера?

– Мы сидели и держались за руку, а дальше, дальше… Я стою. Даже и не понимаю как я тут оказалась и откуда столько осколков?

Я всегда был хорошим лжецом. При вранье даже не краснел. Чешу что-то языком и не замечаю, что выдумываю полную несуразицу.

Но тут другой случай. Для моей подруги будет лучше не знать об этом ужасе. Я знаю, какого это, всё знать. Я знаю что это за тяжёлые ощущения, когда вся твоя голова забита не решаемыми вопросами. Я знаю, как это терзает.

И я решаюсь уберечь её от этого. Она мне правда нравится.

– Я тоже ничего не помню – отвечаю я абсолютную ложь и заключаю Еву в крепкие объятия. Слышу её стойкий аромат парфюма. Ощущаю как она дрожит. Такая хрупкая.

Она кладёт голову мне на грудь. Сейчас, именно она помогает мне не уйти вновь вглубь своих переживаний. Помогает не сойти с ума от криков боли, заполняющих «Жирную Русалку».

И хорошо, что она ничего не знает. Я хочу чтобы она жила обычной, но такой прекрасной жизнью. Даже в таком городе как этот.

Приезжает полиция. Слышны сирены скорой помощи.

Шериф с удивлением узнаёт о том, что все посетители ресторана в центре города ничего не помнят. И я не помню вместе с ними.

Как бы я хотел забыть это всё. Вот так легко, по щелчку пальцев какого-то мудозвона.

Глава 20 #perfectillusion

Итак, я по уши вляпался в необъяснимую мистическую дрянь. Такую, об одной мысли о которой становится плохо.

Я правильно поступил, придержав язык за зубами. И что бы я сказал полисменам?

«Пришли три гопника, начав воровать столовые приборы. Вы читали комиксы про Лигу Справедливости? Нет? А про Мстителей? Да? Что ж, правда я не помню кто там владел телекинезом… Короче, рыжий похожий на ирландца начал поднимать в воздух предметы и людей силой мысли! Почему вы смеётесь?»

После такого заявления я бы отправился в дурдом для несовершеннолетних. Как в «Тело Дженифер», там героиня Аманды Сейфрид сидела в подобном. Я бы там не был лишним: по ночам кричал бы от кошмаров, рассказывал всем байки о невероятных приключениях в самом обычном городе. Все бы смеялись, даже отбитые психопаты, приговаривая «во даёт парень»!

Вообщем, мой мозг кипит. Я опять в знакомом полицейском участке, на этот раз меня так просто не отпустили домой, и не могу собрать мысли в кучу. Они не думают о скрытых силах гопников, которые точно как-то связаны с Никитой. Они затуманены, нечёткие.

Полицейский в очередной раз допрашивает меня. Всего три вопроса, и я свободен.

– Да уж, парень. Чего-то ты зачастил к нам приезжать.

– Да я сам в ужасе.

В коридоре стоит Ева. Она грызёт ногти и меряет шагами комнату, блуждая от угла до угла.

– Это… это… невероятно! У меня провал в памяти! ХА!

– Этот провал в памяти у всех кто там был, Ева.

– Что за? Что? Что? – она истерично повторяет одно слово, будто вот-вот взорвётся.

Всё-таки у меня не получилось её уберечь от тяжёлых, как гиря, вопросов. С провалом памяти приехала очередная тележка неопределённости и недоверия к себе.

Люди просто в ужасе. Мы покидаем участок самыми пер-

выми, остальные «свидетели» (ничего не помнящие) разбрелись по разным комнатам допроса. Им всем дана одна и та же команда – не реагировать на вопросы СМИ. Девушка с до ужаса противным писклявым голосом визжит:

– ПОЧЕМУУУ-У ЭТА-А-А!?

Полицейский объясняет, мол, город не готов узнать подобное в свете последних убийств и бла-бла-бла. Этот мужик явно умеет без конца лить воду.

Нас забирает моя мама. Она, вообще-то, в полнейшей растерянности. Забирать сына из полиции по пять раз на неделю для неё в новинку.

Мы с Евой на заднем сидении. Она уткнулась лбом в стекло, и должно быть, считает проплывающие мимо нас фонари. Они освещают её вдумчивое мрачное лицо огненным цветом. В её глазах ужас. Именно так выглядит человек, не знающий что с ним происходило этим вечером.

Я придвигаюсь к ней и аккуратно обнимаю. Чувствую холод её тела. Биение сердца, отдающееся ударами повсюду. Она наклоняет голову и ложится мне на плечо, громко выдыхая:

– И всё-таки, что же там произошло?

Чувствую как к горлу подкатывает ком, но врать на удивление легко. Слова вылетают как сойки из клеток – безудержно и навсегда.

– Не знаю, Ева – я, последовав её примеру, тяжело вздыхают– Жаль, что этот вечер вышел таким…

– Влад – Ева поднимает глаза на меня. Мы максимально близко – Будь уверен – этот вечер я не забуду никогда.

Мама смотрит в зеркало заднего вида и улыбается. Мы пролетаем мимо очередной тёмной посадки.

Знакомо ли вам чувство, когда все окружающие смотрят лишь на вас? Буквально. Глаз не отводят. Смотрят и обсуждают. Обсуждают и смотрят. Кажется, что кто-то вот-вот тыкнет в вашу сторону пальцем и начнёт описывать внешний вид привлекающего всеобщее внимание парня:

«Так-с, Влад. Ага. Забыл расчесать волосы, маленький гадёныш? Видно-видно что деньки у тебя нелёгкие настали. Рожа кислая. И сам ты поникший какой-то. Сутулый, подбородок опущенный, глаза бегают»

Я сам понимаю что вид у меня не из лучших. Голова болит просто нетерпимо. В ушах стоит звон. Хочется закрыть уши и начать что есть мочи кричать. Но и без того у моей персоны чересчур много внимания.

Почему?

Это всё что меня интересовало: почему людям вдруг стал ТАК СИЛЬНО интересен я?

Я спрашиваю точь-в-точь этот вопрос у Ярослава. Он вырастает за дверцей моего шкафа как дерево, отбросившее тут корни много веков назад. Словно он всегда был моим лучшим другом и навсегда им останется. Смуглая кожа блестит в свете школьных ламп, словно она помазана кремом для за-

гара. Длинный нос кажется двухмерным.

Вообще, у этого парня уникальный нос. Ему нужно дать награду с титулом:

«Уникальный шнобель, кажущийся нарисованным для Диснеевского мультфильма девяностых». Может быть, он обиделся бы такой награде.

– Ты шутишь? – у него лицо, будто более бредового вопроса он никогда не слыхал в жизни – ШУТИШЬ? Да ты же, чёрт возьми, мелькаешь во всех сплетнях. Нашли труп. Ты там. В ресторане происходит какая-то дичь. Ты там. Старуха повесилась. Ты там. Убили доставщика пиццы «Ин-Сити» и украли труп. Ты тут как тут.

Звучит разумно, но не отменяет того факта что мне некомфортно под таким пристальным вниманием.

И это внимание везде: на меня подписалась (только вдумайтесь) ТЫСЯЧА человек в Инстаграм. Вот тебе сила сплетен. А в фейсбук и то больше – там бабушки и мамаши больше всего парятся о последних новостях.

На меня смотрят когда я подхожу к Еве. Прожигают десятком взглядов Еву. Она, конечно же, замечает такое резкое помешательство.

– Что произошло за эту ночь? – улыбаясь спрашивает она. Выглядит гораздо лучше – судя по всему, смерилась с внезапным провалом памяти, что само по себе достаточно удивительно.

– Понятия не имею – я целую её в щеку. Она хихикает.

И тут возрастает ураган Катрин за нашими спинами: «ОГОГО, зализутся, смотри, смотри…» И с каких это пор долбанный поцелуй в щечку стал новинкой в ШКОЛЕ? В школе где в прошлом году все гудели о потери девственности девятиклассницы за футбольным полем. Где ходит от уха до уха нашумевшая легенда про груповушку во время школьных танцев прямо на морозе в десять градусов.

И они удивились поцелую в щеку. Абсурд на абсурде.

Мимо как рота солдат курсируют «мажоры». Старая схема: Каролина выделывается перед парнями, взмахивает волосами и ведает очередную сногсшибательную сплетню. Потом откалывается как льдина от айсберга и оставляет их одних.

Эта парочка курсирует мимо нас с Евой и с интересом всматривается в мою сторону. Я машу рукой. Реакция только от Макса – он ухмыляется и машет в ответ. От Андрея ноль эмоций.

«Ну и морозся дальше, ублюдок»

Большая перемена в столовой больше смахивает на шумный музыкальный фестиваль. Точно мой стол – сцена, на которой выступает какой-нибудь Weekend. Толпа окружает его вокруг, забрасывая меня многочисленными вопросами как минами во время войны.

Ярослав горд и расплывается в улыбке. Он чувствует себя секретарём и параллельно самым популярным парнем школы:

– Нет, он не в порядке. Да, он не желает с тобой говорить. Он сейчас занят картошкой фри, но я ему передам. Что-что, у тебя вечеринка сегодня? Влад, что насчёт вечеринки?

Я качаю головой.

– Нет, он не прийдёт на твою вечеринку. Почему? Ты ещё спрашиваешь?

Мальчик заигрался.

Голова стала болеть ещё больше. Я ожидаю что баскетболисты отгонят всех этих людей.

Чёрт, описывая это я, скорее всего, выгляжу как полнейший мудак. Рассказываю о людях которые проявляют жалость и интерес к моему несчастью как о безумных малолетних фанатках бойс-бэнда.

Почему-то моя лексика сегодня насыщенна метафорами, связанными с музыкой. Я надеваю наушники и включаю первый трек, попавшийся в Spotify. Почему-то им оказывается Мэрилин Мэнсон. Я бы не хотел расценивать это как знак, но…

На перемене Ярослав меня тащит на «экскурсию по злачным местам школы»:

– Какая экскурсия? Я тут уже неделю! – но он настырен. Мы вышли на задний двор. Поляна заполнена любящими обедать на свежем воздухе. Самое козырное место – под дубом рядом с корпусом природных наук.

Мысль о том, что я проучился тут неделю и ещё ни разу не

смотрел окрестности щимит грудь. Сколько же всего я упускаю растворяясь в мраке загадок этого города?

Лазурный бассейн, у которого тридцать первого августа состоялась вечеринка для новичков (я тогда лежал в кровати убитый после дороги), отделён забором от остальной территории. Мы обходим его, Ярослав идёт в припрыжку и при этом рассказывает самые увлекательные истории:

– Чувиха из одиннадцатого была единственной, кому удалось пронести траву. Я траву не курю, конечно, но все на неё смотрели как на Мессию. А девятиклассница, которую вообще не должны были пускать, грохнулась в бассейн. Ты бы это видел!

И наконец, то самое «злачное» место. Затерянное пространство между корпусом природных наук и душевой бассейна. На него не выходят окна, этот клочок земли прикрыт куском фанеры.

– Курилка! – объявляет Ярослав, и тут я осознаю что начинаю задыхаться. В воздухе стоит дым от сигарет – ужасно едкий. У меня от него слезятся глаза. Ощущаю, как моментально пропитываются этим запахам волосы и вся одежда. Хочется вырвать.

Стены задней части корпуса исписаны вдоволь. Маты, отзывы и сплетни о учениках. Узнаю знакомое имя:

«Каролина иди…» – а дальше пересказывать нет смысла. Все гадости мира не пересказать.

Тут стоят самые обычные ученики, в зубах держа сигаре-

ту. Дым вздымается вверх. Они смотрят на меня настороженно, как на агента ФБР в мексиканском картеле. Выглядит это как какая-то тусовка, вроде ночного просмотра кино или подпольной выставки. В глаза бросаются девушки с цветными волосами. У одной, пухлощёкой, яркие фиолетовые. Выедающий цвет. От такого меня тошнит. У другой, подруги, зелёный цвет болотной тины. От такого меня тошнит ещё больше.

Ярослав подходит к ним и заводит лёгкую беседу как давний друг. Они хихикают и улыбаются, не привыкнув к знакам внимания со стороны членов спортивной команды. Даже совсем свежих:

– Мы художницы – объясняют они, и как только я хочу представиться заявляют – Влад. Мы знаем – и это начинает бесить. Я тоже хочу представляться как нормальный человек.

Я уже подумал что в этом месте весь контингент сводится к меланхоличным эмо-художницам и отчаялся, но в углу заметил знакомую кривую физиономию. Это… имя сразу приходит на ум. Виктор, многие называют его «помощником Франкенштейна». Не мудрено – они идентичны.

Его со всех сторон обступают парни, хихикающие над шутками своего лидера (и как он им стал с такой внешностью?). Все, без исключений, курят как паровозы.

Смотря с какой преданностью парни общаются с этим уродцем, волей не волей, проникаешься уважением. Уметь

нести себя с не самым привлекательным лицом – талант. Стать лидером среди компании в школе – тем более. Он гордо подымает голову, расправляет плечи и вырастает в глазах окружающих.

Сейчас он рассказывает о своих сексуальных приключениях с девятиклассницей. Всё до мельчайших подробностей, прям мастерство матёрой писательницы эротических романов для домохозяек. Видя меня, он кивает:

– Эй! – ему понадобилось пять секунд, чтоб вспомнить моё имя.

/Раз, два, три, четыре, пять./

– Влад! Давай к нам! – я принимаю приглашение и на время покидаю Ярослава. Виктор смотрит на меня своим хитрым взглядом. На носу у него красным пятном блестит синяк от недавней драки с Максом.

Слово за слово я рассказываю ему о своих похождениях. Все слушают меня с открытыми ртами. Тут я как местный Лавкрафт, рассказ за рассказом нахожу своего слушателя.

– Ну а ты что?

– Да ладно!

– Нет-нет, продолжай?

Подбегает Ярослав, здороваясь с компанией. Не все обращают внимание. Замечаю в его губах сигарету, от неё в верх исходит тонкая струйка дыма. Он протягивает мне пачку «Мальборо»:

– Будешь?

– Нет, спасибо.

– Как знаешь, это единственное место во всей школе где можно нормально покурить.

– Туалет?

– Лучше не рисковать. Там пожарные датчики.

Конечно же я спрашиваю лишь из интереса. Не курил и пробовать не собираюсь. Это не в моих планах.

Меня начинает мутить от этого запаха. Голова кружится, во рту застыл привкус горечи. Я хочу потянуть друга прочь отсюда.

– Влад. У нас стрела намечается сегодня после учёбы.

– Да?! С кем? – восторженно спрашивает Ярослав. Виктор даже не поводит на него взглядом.

– С адидасами – Ярослав вздыхает, как теряющий сознание от восторга фанат «Звёздных войн», узнавший о выходе нового фильма – Приходите посмотреть.

«Стрелу?! Посмотреть?! Да ну нафиг.»

Вместо этого киваю и иду прочь из «курилки». Ярослав откидывает бычок в сторону и вприпрыжку бежит за мной. Стыдно конечно признавать, но я даже не заметил, что забыл о нём.

Перед тренировкой я подошёл к своему шкафчику чтоб оставить там учебники, и раскрыв его обнаружил письмо винтажного вида. Жёлтая бумага, специально сделанная под старину, носила на себе вычурную алую печать «V”. Неужто

маньячка, начавшая охоту за компанией моего брата приготовила мне письмо? По телу пробежала дрожь. Вскрыв конверт и взяв вполне себе обычную белую прохладную бумагу в руки я приготовился к худшему. Может быть там угроза, или чёрными чернилами чётко обозначена дата моей смерти? Я не заглядывал в письмо, приложил конверт к носу и принюхался. Запах как у старой бумаги библиотекарских книжек. Люблю этот запах. Всегда, брав в руки старую книгу я подносил её к носу и вдыхал аромат. Развернув листок и пробежав глазами по напечатанным чёрной краской строкам я выдохнул:

«Эх, нашумевший новенький Влад. Желаешь секрет от старой леди V? Я знаю, желаешь. Ты мой самый любимый персонаж, бродящий по коридорам школы мельком осматривая то глупое стадо, стоящее у холодных стен. Ты отличаешься от всех, для меня они лишь пушечное мясо. Глина, из которой острым ножом можно слепить что угодно" – я выдохнул, перед тем как прочитать остаток письма. Осмотревшись, я принялся бегать глазами по строкам далее – «Ты иной. Прочувствуй это слово по буквам. И-Н-О-Й. Это видно было даже во второй день, когда ты залез в ванную смахнув с себя шорты. Я наблюдала за твоим силуэтом, вырисовывающимся в белом пару горячей воды – за мной наблюдает психопатка во время того как я принимаю ванну нагишом. Х-м-м, похоже этот факт самый нормальный из обступивших меня за последнюю неделю – Окно в ванной – это стран-

но. Но благодаря ему я видела твоё лицо: вдумчивый глубокий взгляд, тонущий от всего окружающего. Ты можешь тонуть и дальше, общаясь со своим братом. Думаешь знаешь о НИХ всё? Что же, скоро это мнение развеяться с очередным новым секретом. Новый день – новая драма.

Выбирай себе друзей тщательней, если хочешь чтобы на твою бледную кожу в ближайшее время не упала ни одна капля крови. А пока я счастлива что ты отлетаешь от копании мудачков быстрее кометы летающей по солнечной системе.

Целую.

Навеки твоя Леди V.

P.S. Я наблюдаю за тобой, ИНОЙ»

Слово «ИНОЙ», специально написанное большими буквами, смазано. Видимо неаккуратные чёрные перчатки скользнули по свежей краске, доставляя письмо мне.

Незнакомку порадовала моя мелкая сора. Во мне она не видела жертву. Хоть это радовало. Я был просто быстро мелькающим прохожим на фоне яркого силуэта нашумевшего братика, маячившим на фоне.

А что если психопатка права, и от друзей вроде скрытного Андрея, стервозной Алины, молчаливого Макса, загадочной Каролины и вообще непонятного Никиты будут одни проблемы? Они напрягали, будто стоя рядом с ними за углом тебя подстерегает неожиданный trouble. После общения с ними складывалось впечатление словно ты только что искупался в едкой грязи, испачкав всё тело. Они извергали

густой слой дерьма на всех окружающих.

И тем не менее, мне не хотелось видеть у себя в подругах инкогнито, застрелившего у меня на глазах разносчика пиццы.

Сегодня в три часа дня – самая первая баскетбольная тренировка, на которую я спешил, опаздывая на три минуты. Моя пунктуальность, никогда не подводившая резко отказала. Я потерялся во времени, неторопливо попивая холодный латте из сомнительного автомата. Фу, как бы там не утонула жирная навозная муха.

В прохладной раздевалке, переодеваясь в спортивную форму пахнущую маминым «Vanish”, на меня уже как по традиции недоброжелательно смотрел Саша, облокотившись локтем о железный шкафчик, одновременно перешёптываясь и хихикая со своими странными дружками которые окружили его, образовав небольшой круг.

Сейчас, лицо его выглядело каким-то передутым и искаженным за счёт многочисленных шишек, оставленных мною. Словно на меня смотрела экзотическая рыба из Красного моря. Это меня рассмешило. Улыбнувшись, я бросил быстрый взгляд на парня в форме, ткнувшего на меня указательным пальцем.

Исключительное хамло.

Александр не опуская рук чесал свою рыжую шевелюру. Его пальцы всё время находились в волосах, без остановок их подправляя.

Ещё один человек, для которого волосы были основным вопросом жизни. Они бы сдружились с Андреем.

Всё его лицо окрасилось в цвет созревшего томата. И стыдно ли мне? Нет, ни капли. Стоя тут я был полностью удовлетворён.

По оживлённой раздевалке прокатился ещё один едкий смешок. И почему я всегда принимаю на свой счёт, думаю что все окружающие смеются надо мной.

Едкий злой взгляд пронизывал меня. Сейчас он ещё и стал косым из-за опухшей шишки под левым глазом. Смех отбивался тихим громом в ушах. Он раздражал меня всерьёз, как только я слышал среди низких баритонов звуки похожие на моё имя. Они словно разбирали его по слогам, хохоча с каждой буквы. «В-Л-А-Д» – ха-ха-ха!

Я пытался на них не смотреть, периодически поднимая глаза и видя толстые пальцы, тычущие на меня. Воспользовавшись трусливой банальной практикой рыжего, я ткнул ему и его друзьям средний палец, одев футболку и пойдя по направлению к залу.

По раздевалке прокатился ещё больший хохот.

Зайдя в душные душевые, температура в которых всерьёз контрастировала с раздевалкой, я замедлил шаг, опустив взгляд на яркие высокие сникерсы. На считанные секунды мне стало не по себе от едких смешков. От горячих словно лазер взглядов. Я провожал взглядом воду, что торопливо омыла белоснежную подошву волочась к дырке в

белом поле.

Сзади послышались громкие шаги, которые быстро наступали на воду заставляя её разлетаться в разные стороны. Одна из каплей упала мне на икру.

Мимо меня, даже не поведя взглядом, пробежал гордый Андрей. Он высоко задрал подбородок, сверкая белой голливудской улыбкой мне вслед.

Он не заметил меня. Скорее всего, увидев медленно плетущегося сзади братца он передёрнулся, делая вид насколько ему весело, потащив Макса за собой. Следом бежал Макс, мотыляя накачанными мышечными руками в разные стороны, словно стальной робот, он повёл быстрыми глазами в мою сторону, резко переведя их на спину его друга.

Они смеялись, создавая на полу шторм резвыми ногами.

Им было хорошо, просто чудесно без меня.

Неприятные мысли, лезшие мне в голову разогнала, словно комаров посреди ночного леса, динамичная тренировка. Я полностью погрузился в спорт, посчитав струи пота стекающие с меня чем-то обычным. Так надо. Надо, чтобы тёплые капли резво падали на резиновую площадку, оставляя тёмные следы.

Моё сердце бешено колотилось. Его удары я чувствовал висками, которые то и дело сжимались, чтобы потом резво разжаться.

Мне казалось, что мой нос научился вдыхать большее количество воздуха. Он меня пьянил, предавая новых сил и

щекоча лёгкие.

Тренер, чьё лицо покрывалось тенью из-за тёмной бейсболки кричал будто не в себя. «Импотентный сатана». «Латентный псих» – у него было достаточно кличек, каждая из которых резво обсуждала его сексуальную жизнь, будто кому-то было на это не наплевать. То и дело какая-то из них звучало из уст обиженного баскетболиста, которого злой мужчина с садистскими наклонностями недостаточно похвалил. Хотя, похвала – это вообще не его стиль. В его принципах конкретный разгром – унижение, сожжение личности горячим огнём. У него был острый, колкий язык, способный глубоко ранить одним лишь своим поворотом.

Не сильно глубокие мешки под глазами скрывали его глаза. Иногда я замирал, пытаясь заглянуть в них и понять, что из себя представляет этот человек. Ничего не выходило. Тёмный томный взгляд уходил с поля моего обзора. Он начинал словно резаный орать на какого-то глупого друга рыжего Александра.

На его кепке изображён разъярянный красный бык, классический символ «Чикаго Рэд Буллс».

Крича унижения и отборные маты, он словно боялся столкнуться взглядом со мной. Выглядит уверенным брутальным мужчиной, но в нём ощущаешься тихая скрытая за тенью от бейсболки трусость. Она словно сидит в мрачном закоулке его души, сжавшись в комок и прижав колени к груди. Она смотрела через его глаза на потных подростков,

скрываясь за стенной показательной агрессии.

– Стая конченных петухов – распинался он, крича нам в след во время кросса – Накрахмалили чёлочки и смеясь обсуждаете последние сплетни, тыча себе в глупые морды бездушные социальные сети. Таких как вы во время моей юности запирали в чулане и колошматили до последнего дыхания, до последнего коренного зуба на ваших челюстях.

Брызжа слюной, он мимолётом глянул на меня.

– Вы эгоцентричные вырожденные на навязанных современной поп-культурой стереотипах уроды. Я терпеть не могу таких как вы – он подошёл к Александру, грубым движением ладони смахнув пот с щеки. Тот, в свою очередь, комично зажмурился будто думая что сейчас ему врежут кулаком по лицу, оставив там очередную шишку.

Подкачка была непростая. По ощущениям она напоминала напряжённый триллер Дэвида Финчера, во время которого ты вдыхаешь в самом начале и выдыхаешь в конце, во время титров. Тренер ходил по рядам объединившихся пар юношей, по очереди останавливаясь у каждой.

На моих кроссах сидел Ярослав, в то время как я поднимал туловище качая пресс. Мои локти тянулись вперёд, а лопатки вывернулись назад торча как обрезанные крылья.

Услышав шаги сзади я скосился назад, взглянув на недовольную физиономию. Его стоптанные кеды прошли в метре от меня и он остановившись на пару секунд громко завизжал:

– Идиот, придурок!!! – это визжание оглушило меня, за-

ставив скукожиться в три погибели. Я неестественно сутулился, закрыв глаза и думая что разъярённый мужчина в возрасте начнёт унижать меня перед всей командой. Глупо, конечно, но унижения перед всеми казались мне абсолютно неприятным опытом – Блядь, я тебе, дебилу повторял миллион раз чтобы ты сгибал свою клятую прыщавую спину. Может тогда твой заплывший дешёвыми бюргерами из макдака жирный живот хоть каплю подкачается – он подошёл к парню, который потея справа от меня также зажмурил глаза. Треснув его по спине, он высказал ещё пару бранных ругательств, отойдя будто начав гордится собой. Он был доволен тем, насколько грязные слова соскочили в адрес молодого парня с его языка.

Подкачка могла меня всерьёз вымотать, забрав последние силы, что оставались после кросса. Но этого не случилось, благодаря отцу и его вечным надоедливым летним тренировкам. Происходили они на заросшем зелёной травой маленьком дворике, где мы, уютно расположившись, подтягивались, отжимались и просто хорошо проводили время тренируясь.

Бывшему королю школьного бала просто на подсознательном уровне требовалось воспитать востребованного у противоположного пола сына.

Он видел с самого моего детства, что я не был таким как он.

– Как бы ты охарактеризовала папу в школьные годы? –

однажды спросил я у мамы, пережевающую мягкую горячую фрикадельку из супа.

– Мудак – не долго думая чавкая кинула она – Да, настоящий мудак.

Она рассказывала за его многочисленные розыгрыши, которые он проворачивал над заучками и ботаниками. Что сказать, они были весьма жестоки. Как я понимаю, в касту «заучек» также входил его брат, который впоследствии попал в список «Форбс». Жизнь чертовски резкая штука, в этом случае напоминающая спорткар, резко дрейфующий и поворачивающий в совершенно ином направлении.

Игра смогла разбавить всеобщее напряжение. Громкий голос тренера не мог перекричать десятки мужских криков, которые вырывались из поглощённых в игру ребят. Все они смотрели на мяч, пытаясь забрать его себе чтобы затем немедленно забросить в корзину. Каждому хотелось произвести впечатление на тренера, но получилось это у единиц. Кажется, я вошёл в эти единицы.

Забрав мяч у широкоплечего высокого парня, я тяжело дыша метко забросил его в кольцо.

О да, те быстрые секунды наслаждения собой. Когда ты расплываясь в улыбке смотришь за тем, как оранжевый резиновый мяч скачет по площадке, выбивая ритм победной музыки. Я это сделал. Хладнокровный агрессивный тренер выдавил из себя похвалу, которая для других игроков стала бо-

лезненной пощечиной. Собравшиеся вокруг меня «парни» даже не выдавили ни единой похвалы. Я словно находился посреди серпентария, в окружении злых геконов готовых к нападению.

Они душили меня взглядом. Смотрели в мою сторону скрежеща зубами. Казалось, кто-то из них не выдержит и бросится меня душить. Кто-то прямо тут обложит трехэтажным матом. Кто-то кинет тяжёлый мяч в голову, вышибя мне мозги.

Каждый из них до чёртиков хотел попасть в основной состав. Никто не хотел просиживать задницы на неуютной скамье запасных. Они потели и измывали себя тяжёлыми упражнениями, в надежде что получат заветную возможность.

Каждый из них будто вступал в лигу NBA с десятками тысяч долларов гонорара. Это ощущалось по одним лишь злопыхающим взглядам.

«Да я так, просто попробовать себя» – вчера я ляпнул это предложение в душе, общаясь с Ярославом, схлопотав десятки осуждающих строгих взглядов.

Кажется, я чертовски стал терзать себя мыслями о том как думают обо мне другие люди. Раньше мне было наплевать. Смотря на свою цель, я не обращал внимания на то что шепчет толпа. Она всегда будет шептать, и её никогда не заткнуть – это закон, который следует намотать на ус каждому.

Этому научил меня, опять же, экс-король школы – мой

отец. Ему было хорошо известно, какого это: притягивать к себе десятки косых взглядов.

Игра продолжалась. Сломя голову и позабыв о правилах, новички сбивали с ног старожил команды, которые зарабатывают очки ещё с прошлого года. Тут они были словно звёзды, снисходительно смотря на низший класс: будто мы все бегаем по этому полю, ужасно потея, только на время. Мы скоро уйдём, а вот высоченные широкоплечие спортивные звёзды местного масштаба останутся.

И что сказать, новенькие и правда играли хреново. Очень часто, они как куклы-неваляшки сбивали друг друга с ног, с огромным грохотом падая на землю, вызывая очередной поток брани из грязных уст тренера.

Их ноги спутывались, как макаронины, мешая бежать самим себе. Выглядело это комично.

Даже бегая, я обратил внимание на Макса, полностью погрузившегося в мастерскую игру. Он и впрямь, на фоне неумёх-новеньких был Джорданом. Лишь видя его широкие плечи противники расходились перед ним словно давая пройти уважаемому ветерану.

Прыгая, он будто застывал в воздухе в правой руке держа мяч и пролетая над головами готовясь забросить его в заветную корзину.

На поле он был сенсацией, привлекая внимание каждого, кто находился рядом. Не спроста он был тут главным: чело-

веком, который перед очередной игрой встаёт на шаткую лавочку и произносит мотивирующие речи для каждого. Для него это было, кстати, стимулом наконец начать читать книги, повысив свой словарный запас на 10,5% после прочтения «Братьев Карамазовых».

Номер 15 тёмной цифрой горел на спине его футболки. Он был владыкой поля. Оно дышало только в ритм его движений, в ритм каждого шага и прыжка.

Вся команда после тренировки собиралась в душе. Типичная процедура, объединявшая каждого игрока в одной влажной комнате, омерзительно пахнувшей грибком.

В моей прошлой школе душевых не было, и все дети после первой пары физкультуры оставшийся день ходили потные и липкие, собирая весь летавший мусор вокруг на свою кожу. Даже процент прыщавых людей, думаю, за счёт этого, там был выше.

Напротив меня обмывался Андрей, который где-то пол часа возился со своими волосами. После душа он их ещё полчаса сушил, потом полчаса укладывал… Мне кажется, что волосы были самой дорогой вещью в его жизни. Главным страх для него – облысеть, ведь его отец уже семь лет как гордо носил лысину. А облысение, как известно, дело генетическое. Скорее всего, ему как и мне по ночам снятся кошмары, только они состоят в том, что он в одно прекрасное утро просыпается без своих идеальных, густых, тёмных во-

лос.

Я расслаблялся под струей практически горячей воды: да, она была немного холодноватая, но что же я ещё мог ожидать от школьной душевой? Вокруг меня был пар, который образовался в результате работы множества душевых с тёплой водой. Уже нельзя разглядеть кто стоит напротив, пар тут казался крайне густым и непроглядным, как смог в Сайлент Хилле. Сквозь этот пар я услышал отчетливое: «Ребята, шоу начинается!» и многочисленные шаги и топтания. Я, даже несмотря на пар, увидел трёх пробегающих мимо пацанов. Выйдя из душевой и обмотавшись полотенцем, я увидел, что в конце комнаты рядом со стеной собрались шестеро ребят из баскетбольной команды. Каждый из них пытался согнуться и изогнуться как мог. Мне не потребовалось много времени чтобы понять, что делают эти извращенцы, и подойдя ближе, моя теория подтвердилась. Прямо в стене была не сильно большая и не сильно маленькая дырка, сквозь которую можно увидеть девчачью душевую. Откуда появилась эта дырка: выкололи её тут любители подсматривать или она образовалась случайно, я не знал. Увидев мой интерес, ребята с которыми до этого я не разу не общался и не играл, ибо они были запасные и всегда сидели на лавочке, позвали меня к себе и даже отодвинулись от заветного места. Наверное, это очень почетно. Прямо-таки вип ложа.

– Я не занимаюсь подглядыванием – резко ответил я.

– Яблоко от яблони не далеко падает, очередной мистер

заносчивость, оставь его, бро – обратился один прыщавый мальчик к другому прыщавому мальчику, который сощурился, осуждающе осмотрев меня слабыми глазами.

С этой блёклой кампанией ребят всё предельно ясно. Обделённые девчачьим вниманием тощие ботаники, отсчитывающие минуты смотря на свои старомодные наручные часы до того времени, когда в дверь душевых войдут фигуристые волейболистки.

В двадцать первом веке тупей способа возбудиться и не найти.

– Да ладно тебе, это не просто подглядывание. Настоящая девичья душевая. Они вышли после волейбола. Потные и разогретые. – хихикая обратился ко мне тот самый «бро». Смеялся он, конечно, отвратительно. На его переносице появлялись толстые мерзкие морщины, напоминавшие русскую гармошку.

– Вам не легче зайти на порно хаб? – цокнув языком задал я вопрос этим пятерым, из которых открыть рты отваживались только двое, а остальные, по всей видимости, даже говорить и не научились. Но любопытство взяло вверх, и я уверенно присел и заглянул в дырку в стене. Заветное место для сборища задротов, которым их первая девчонка даст явно не скоро. Скорее всего, это будет сопливая девочка страдающая неприятным синдромом, произойдёт это на выпускном, после того как она наматывая сопли на кулак зыркнет сквозь очки на одного из них. Или может быть весьма фигуристая,

но уставшая от жизни девчонка, лазящая у IT института в надежде найти будущего богатого мужа. Если кто-нибудь из них вообще займётся IT, а не погрязнет по уши в дрочке.

Сквозь узенькую дырку было видно, как где-то двенадцать девчонок из моего класса и параллельных готовятся принимать душ. Уставшие после тренировок, они снимали с себя зеленоватую форму, а кто-то даже нижнее белье. Смеясь они обсуждали прошедшую тренировку, даже и не подозревая что на них смотрит двенадцать глаз.

Они резали мне глаза белоснежными улыбками, смеясь над своим тренером:

– У Олеговны опять месяки, вот и надулась на тебя – обратилась улыбающаяся рыжая девчонка к подруге, нелепо расстёгивая лямку от лифчика сзади.

Я вытер стекающий пот со своего влажного лба.

– Точнее, тотальный недотрах – рассмеялась девчонка, протянув руки к спине рыжей – Тебе помочь? – сквозь смех спросила она

– Давай – кивнула фигуристая красотка. Через секунду с неё спал лифчик, обнажив грудь. Она ловко его поймала, повесив на одну из кабинок.

Ничего не стесняясь, девушка повернулась, выставив грудь прямо перед лицом ничего не замечающей подруги. Она усердно не реагировала на два пышных буфера, болтающихся у неё перед носом.

На секунду я отодвинулся от дыры, пальцем ковыряя бе-

лую треснувшую плитку на стенах душевой. Что я чувствовал? Дичайший стыд; что же я сейчас делаю? Полностью разрушаю своё самомнение, наложив на него кучу дерьма. До этого момента я ощущал себя весьма честным человеком, не зависимым от типичных влажных фантазий, характерных для подростков. Я нёс себя по жизни с возможностью гордо сказать, что мои мысли чисты словно лист офисной бумаги.

Я хотел со всей силы оттолкнуться от стены, встать и уйти, забыв что я сделал сию же секунду.

Какой бы стыд я не ощущал, но не мог отойти: моё внимание приковала высокая блондинка с красивыми жилистыми ногами, каждая мышца которых играла в тусклом свете фонаря. Она встала на цыпочки, сняв синее полотенце, после чего агрессивно сжала его в руках.

Её светлые, слегка влажные после тренировки, очень длинные, волосы, которые она у меня на глазах распустила из аккуратного хвостика, подчеркивали пышность бёдер. Светлой волной они струились по спине. Словно Рапунцель из старой сказки, она взмахнула ими, не давая рассмотреть мне лицо, оставив его как секрет.

Словно зная, откуда за ней наблюдает зритель она обернулась ко мне, дав взглянуть на лицо. Чертовски знакомое лицо, увидев женственные черты которого я вздрогнул, напугав компанию задротов.

Дерзкий быстрый взгляд осматривал обнажённых девчонок, толкавшихся у её идеальной фигуры. Один из этих оча-

ровательных глаз совсем недавно выпал из века, покатившись по полу в мою сторону. Я чётко вспомнил эту ужасную картину.

Пухлые гладкие губы. Идеальной формы рот, из которого на днях вылезли мелкие трупные личинки.

Её лицо мне хорошо знакомо. Его я видел на главной полосе старой газеты, громко гласившей об убийстве юной девицы. Её спалили жестоким образом. Сейчас же она сексуально расстегнула пуговицы на зелёном поло, не собираясь сходить с цыпочек.

Я видел как она горела на моих глазах. Чувствовал кожей невыносимый жар, охватывавший её тело. Она кричала. Из красивых уст вырывались ужасные крики боли, оглушившие меня и повергшие в шок.

Словно жуткое видение, после этого она растаяла в воздухе. Словно и вовсе не улыбалась, стоя передо мной.

Сейчас же она уверенно и вальяжно зашла в школьную женскую душевую, не обращая на себя внимания ни одной девчонки, каждая из которых увлечённо занята свежими сплетнями.

Может быть я схожу с ума, навязав себе, что вижу девочку, лицо которой увидел в той газете? Чувство стыда мигом сдуло сильнейшим ветром. Я испытывал ужасный страх, трясущимися руками оперевшись об бетонную стену.

Закончив расстёгивать пуговицы незнакомка легко сбросила поло, откинув его в сторону на мокрый пол. Футболка

потемнела, намокнув от грязной воды текущей из многочисленных кабинок.

Я увидел приятное розовое бельё незнакомки, достаточно простое но при этом очень женственное.

В моём животе приятно защекотало, и я почувствовал хоть и не новые для себя, но очень приятные ощущения. Будто в нижней части живота сидит мелкая белка, своими маленькими милыми лапками перебирающая мои внутренности. Эти ощущения схожи на резкий быстрый спуск с американской горки.

Возможно, это странно, испытывать лёгкое возбуждение глядя на девушку, что совсем недавно горела на твоих глазах. Возможно, это вообще лишено мужских качеств. Возможно, это просто ужасный поступок: не отрывая взгляда глазеть на соски незнакомых волейболисток. Вполне возможно. Но чёрт возьми, даже с оглядкой на всё это, мою голову прососало к дыре словно железо магнитом. Я был загипнотизирован, не видя вокруг себя никого кроме блондинки. Мрачная душевая темнела, давая тусклому огню осветить лишь одну яркую красотку.

Я был очарован. Словно крепко приворожён сильнейшей ясновидящей человечества. Мой взгляд скользил по ней, начиная жилистыми ногами и плавно переходя на пышные светлые косы. Блондинка опустила красивые тёмные ресницы на грудь, рассматривая бельё, после чего подняла глаза чётко смотря на дырку. Криво улыбнувшись она заглянула

в мои глаза. Правый уголок её губ пошёл вверх когда она не отрывая глаз смотрела на дыру. Она видела меня. Видела взбудораженные желанием глаза насквозь сквозь толстую стену.

Весь секс и натянутая похоть всего лишь шоу. Она намеренно приковывала моё внимание, зная что я рассматриваю её.

Улыбнувшись, она ущипнула себя за пухлую грудь, наблюдая за моей реакцией.

Всё действие смотрелось из ряда вон странно. Но тогда, я поймал себя на неожиданной мысли, что мне плевать. Да, я просто хотел смотреть на неё. Мне не хотелось осуждать себя за это, карать глаза за то, что они не могли оторваться от незнакомки. Я просто смотрел, стерев свои предрассудки словно одним нажатием кнопки.

Я схватил себя за шорты. В моём животе началась пятибалльная буря, не собирающаяся стихать, ведь началась абсолютная кульминация. Сейчас она стянула с себя лифчик, и настал самый ожидаемый момент. Я увидел её голую объемную грудь, на которой при свете лампочки переливались еле-еле заметные волосинки, светлые как пух. Я бы назвал его девственно чистым пушком. Они не казались какими-то неприятными, они как-будто подчеркивали её невинность… Красные твёрдые соски смотрели на меня. По ним робко скользила тонкая рука блондинки.

Она игриво прикусила нижнюю губу, обратив моё внима-

ние на свой рот. Пухлый, красивый и соблазнительный. Толстые губы соприкасались друг с другом будто танцуя вальс, играя одна с одной. До чёртиков идеальная девушка, словно сошедшая с обложки «Playboy”. Только если бы этому журналу разрешили публиковать снимки несовершеннолетних.

Лёгкое щекотание в нижней части живота резко прекратилось. Я вспомнил жуткую картину, представив как жирная белая личинка протискивается между идеальных губ, просясь наружу. Своими лапками она прорывает красные губы, выглядывая и падая на пол. Ещё одна, и ещё одна… Они будут падать нескончаемой чередой, ползя в разные стороны.

Испытав резкое отвращение я отодвинулся от щели. Я схватил себя за рот, ловля на мысли что к нему подбирается сегодняшний завтрак: коричневый тост, тёплое жаренное яйцо и жирный бекон…

Девушка продолжала на меня смотреть, агрессивными глазами спрашивая: «Тебе понравилось?». В ратуше я увидел прозрачный силуэт невинной сверстницы в белом платье, которая смеясь пробегала по бесконечным коридорам. Она стучала своими каблуками, будто отбивая такт. Юная леди – ни как иначе.

Передо мной, в маленькой дырке посреди белого кафеля простиралась настоящая роковая красотка. Состоявшаяся особь женского пола, отчаянно требовавшая внимания. Она хотела от меня чего-то, робкими глазами задавая вопросы, прочитать который у меня не хватало смелости.

Пацан справа схватил меня потной рукой, начав толкать: «Ну ладно, сам посмотрел, имей совесть дать другим!». Я резко отдёрнул ладонь, с отвращением бросив взгляд на усыпанное угрями лицо парнишки. Выглядело наверное чертовски по-мудачески. Но это лицо сопровождало меня всегда, когда в надутый закрытый пузырь личной гигиены врывались непрошеные чужаки. Меня выворачивало наружу. Я чувствовал как его жирные стаи микробов табунами перебегали на моё тело. Перед глазами встала картина, где он этой же потной рукой надрачтвает себе смотря извращённое пиратское порно.

По телу пробежала дрожь.

Я опустил свой взгляд на руку, по ладонь погрузившуюся в мутную тёплую воду.

Встав, я судорожно осмотрелся по сторонам схватившись за кисть. Вода была везде. По ней в водосток стекали тёмные волосы, толстые куски мусора и другая мерзкая дрянь. Я был полностью в этой воде. Она текла по моему телу.

По коже пробежала дрожь. Мне стало невыносимо душно в этом грязном месте.

Маленькие бациллы начали грызть кожу, прогрызая дырки. Плавая в несущейся мимо воде они смотрели и думали, как залезть на моё тело.

Я хотел отчиститься от этого. От грязи чужих тел, налипшей на меня.

Это место казалось ужасным. Пошатнувшись, я отошёл от

дырки толкнув парня стоявшего рядом. Влага его тела осталась на моём плече. Она прожигала плоть. Омерзительное чувство.

Дурацкое чувство, угрызения от того, что секунды назад я влез в чужое личное пространство моментально отпало. На его смену пришла чистая брезгливость. Нездоровая, паническая. Переходящая в конченную резкую фобию.

Передо мной выплыл из тумана Ярослав, обмотанный синим полотенцем. Посмотрев на моё растерянное лицо, он сделал шаг назад, резиновым вьетнамком вступив в глубокую лужу. Его пальцы обволокла мутная грязная водичка. Я представил как на них карабкаются бактерии словно на пик Эвереста. Осуждающим взглядом он смотрел в мои глаза. Осуждение ясно читалось по карим глазам. Хитроумный игрок в баскетбол видел меня начисто. Это был один из тех огурцов, которые будут лицезреть очередную сенсацию местного масштаба, выжидая в белом тумане и смотря за тем, как ты хватаешься за яйца заглядывая в дыру в стене:

– Влад, это развлечение только для тех, у кого все мысли перекочевали в обделённый вниманием хер … – он из всех сил пытался делать вид что не увидел меня, зыркнув через плечо на озабоченную компанию – Эй, может попросишь наконец у родителей денег на резиновую девушку?

Очкарик с лицом усыпанным угрями в ответ ткнул грубый фак.

– Не благодари – иронично улыбнулся мой друг, высоко-

мерно кинув взгляд на тощего задрота, агрессивно смотрящего в нашу сторону.

Весьма быстро меня закончило трясти от внезапного прилива брезгливости.

Накинув одежду на влажное тело, я быстро вышел из душа, задумавшись над тем что могло вызвать мою странную панику.

Это было чертовски необычно. Я словно задыхался, махая головой в разные стороны. Обзор мутился, становился нечётким, но я видел всех мерзких микробов, плавающих в воде.

Стыд – вполне вероятно, что нешуточное чувство стыда могло вызвать это. Я чувствовал себя настоящим преступником, переступившим грань дозволенного. Я нагло ворвался в чужое пространство без разрешения, и мне это понравилось. Мысль о том, что моё внимание приковала загадочная блондинка – чистая отговорка. Я бы и без неё продолжил осматривать потные женские тела.

Зашагав быстрее я перепрыгивал через три ступени лестницы сразу. Мне хотелось поскорей скрыться от этих чувств, которые стекали по мне словно вылитая на голову сырая грязь.

Глава 21 #стрела

Яркое солнце слепило глаза. Я неторопливо перебирал но-

гами, пиная мелкий камень к высокому бордюру и обратно.

Сзади что-то кричали малолетки, забравшиеся на тонкий навес сделаный из фанеры. Где-то вдалеке отъезжал последний на сегодня яркий жёлтый автобус, внутри которого почти никто не сидел.

Ощущения паршивые. По мне до сих пор стекал тёплый пот. Я чувствовал его капли на спине. Он осуждающе кричал: «Гадкий извращенец!», давая мне ментальную быструю пощечину. Пытаясь отвлечься, я достал телефон и открыл Твиттер:

Под симпатичной аватаркой Евы, которая крошечной точкой виднелась на белом фоне была записана цитата:

«Мои мысли подобны птенцам, которые, проклюнув скорлупу, один за другим взлетают в необъятную, светлую высь»

Фэн Цзицай

Этот человек быстро понимал что происходит вокруг. Не так, как это делают другие подростки, считающие себя глубоко умными людьми после просмотра двух драматических сериалов для людей тридцати лет и выше. Она была по-настоящему осведомлена о том, что такое жизнь. То ли она сама смогла её научить, заставив вынести опыт из неприятной судьбы, то ли она подчеркнула это из многочисленной литературы, стянутой из школьной библиотеки. Она была прекрасной. Китайский умный чувак ловко смог описать моё состояние. Моя дикая неугомонная фантазия – вот что держало мысли под толстой скорлупой, не давая уйти ввысь. Она

их прочно держала, в то время как они неугомонно надувались словно воздушный шар, при этом не давая взлететь ни мне, ни моим мыслям.

Я открыл аватарку твиттера своей подруги. Русая коса, закинутая назад, умные прозрачные глаза, которые даже сквозь объектив АйФона способны задать тебе давно терзающий вопрос, и загадочная улыбка которой позавидовала бы Джоконда. Она умудрялась говорить со мной даже через аватарку. Я слышал её приятный громкий голос, доносящийся ото всюду. Он проклинал меня за то, что я нагло не отрывая взгляда рассматривал соски незнакомки.

Громкий звук звонкого девичьего голоса перебил Ярослав, вышедший из угла бело-синего здания школы. Он не спеша шагал в другом направлении.

– Ты что, уже идёшь домой? – спросил он, только увидев меня, пытаясь в голосе выразить максимальное удивление нудностью нового друга: «Ты такой простак когда дело касается пятничных вечеров» – сказал бы он, если б нас не разделял барьер совершенно свежей дружбы.

– Ну да, а что ещё делать? – я пожал плечами.

– Ты забыл? Тебя на стрелу позвали. Звучит по быдлячему, знаю, но вся школа прийдет. Стычка двух главарей опаснейших школьных банд. Заманчиво звучит, скажи? Валентин со своими адидасами и Виктор с футболистами. За кого болеешь?

– Да я их даже и не знаю…

– Рассказываю: Виктор – Футболист. Заядлый хам. Дерзит абсолютно всем, даже пролетающим мимо мелким комарам. Думает что самый крутой и брутальный, иногда переходя на унижения женского пола. А также, судя по всему он идиот, если решил пойти на стрелу с самим Валентином. «Адидас» решил его проучить за оскорбление девушки

– «Сам Валентин» – я иронично перекривил голос Ярослава, вспоминая неприятную обезьяноподобную физиономию Виктора, курящего сигарету за бассейном – Звучит будто ты произносишь имя святого.

– Как бы ни было, лучше произносить его имя потише – он осмотрелся по сторонам, заглядывая в густые кусты школьных клумб – Его глаза везде.

Звучала эта фраза словно выплыв из старого фильма про чикагских гангстеров – максимально нелепо.

– У нас просто пятница – день стрел. Обычно эта шайка гопников начищает кому-то морду, придравшись к любому прохожему за любой проступок. Того кто не согласился ждёт несмываемый позор и репутация ссыкуна по школе. Кто согласился – пара выбитых коренных зубов.

«День стрел» – вертелось у меня в голове. Чертовски странная традиция. До этого понятие «стрела» мелькало в моей жизни один раз, во время просмотра второсортного дешёвого ночного тв-шоу. «Дуэль» – видимо так называли это явление в российской империи 19-го века. Сейчас дуэлянтами были, по всей видимости, «стрелочники».

– Так ты пойдёшь со мной? – спросил Ярослав, с надеждой заглядывая глаза

– О'кей – не думая ответил я. А над чем тут думать? Я увижу настоящую школьную традицию. Подростковую тусовку, действие которой развернётся в антураже мистических тихих развалин.

Вечность, проходившая тут, в заросшей посадке даётся мне с тягостью. Здешние леса навсегда для меня связались с кровью и болью. Заходя в их пределы, я вспоминаю то чувство ужаса сплетённого с безысходностью. Вокруг деревья, деревья, деревья… Ты один у блестящего, как витрина украшенного под Новый год супермаркета «Macy's", озера, тебе некуда бежать. А собрать волю в кулак и встретиться со страхом лицом к лицу никогда не получится.

И идя по узкой пыльной тропинке мимо невысокого холма заросшего болотного цвета мхом это чувство сжимает моё тело. Я прямо-таки чувствую как нервно сутулюсь, скрещивая руки на груди. Становится страшно. Приходит ощущение, будто в этом месте ты не один.

Ярослав не замолкает. Он говорит и говорит, желая поведать всю историю школьных стрел со времён большого взрыва. Его слова пролетают мимо моих ушей, я очухиваюсь лишь после:

– Мы в центральной части «Дубового» – громко заявляет Ярослав – Точнее, она была такой до…

И дальше я проваливаюсь в себя. Перед глазами падение и страх, отразившиеся на быстро бьющимся сердце во время треска ветви. Боль приземления. Страх перед окружившими меня людьми, скрывающими личности за ширимой тьмы.

Я тяжело вздыхаю. Мой друг это замечает:

– Вспоминаешь о голых девчонках из душевых? – улыбается он – Ты прямо залип.

Ну конечно он видел. Хочет меня пристыдить своим укоризненным взглядом, но я не поддамся.

– Если бы я вспоминал о них то расплылся бы в широкой улыбке, будь уверен.

Он смеётся.

– Да ты ещё дашь фору прыщам-хранителям дырки в стене, глазастик.

Хихикаю, вспоминая главную героиню романа Харпер Ли и осознавая то, что Ярослав сам не понял свою отсылку.

Мелкие холмы вырастали один за другим, возвышаясь сырыми зелёными вершинами над нашими головами. Ландшафт этого парка напоминает панцырь какого-нибудь вымершего вида чешуйчатых. Мы обходим эти возвышения по тесным полоскам, окутавших их как речки. Периодически мой кед проваливается в болотистую землю и я нарочито причмокиваю.

Через минут десять стену зелени прерывает высокий тянущийся к небу столб, который, при желании, можно не отличить от соседних сосен. За ним чередой серых обрыви-

стых скал возвышаются обломки стадиона.

Живого места на них не осталось – всюду яркие бездарно криво нарисованные граффити. В основном пухлые и воздушные как яблочная шарлотка надписи без какого-либо смысла. На закрытых воротах рядом с входами виднеются рисунки нарисованные более талантливыми художниками. Лицо африканца в анфас. Мудрые глаза заглядывают вдаль. Безумный кролик с окровавленной пастью и глазами-маятниками, напоминающими шкатулку искателей приведений из «Заклятья».

А теперь самая необычная особенность заброшенного футбольного стадиона: от него откололась ровно половина, просев на сыром грунте. Вот так вот – словно её отрезали острым лезвием кухонного ножа.

Теперь западная часть – под землёй, восточная победно возвышается над ней.

Кое-где затерялись крупные гранитные обломки, отколовшиеся от стен. Схожи они на руины форума в Риме.

Кто бы мог подумать, что вид жуткого заброшенного стадиона вызовет у меня не мурашки по телу, а прилив… Мне это чувство не сильно знакомо… Вдохновения, что ли.

Да-да, оно с ранних годов во мне проявлялось в самый ненужный момент. А именно видя что-то мрачное. Отталкивающие. Пугающие. Я то думал последние события должны были закопать эту привычку, заколотив в гроб и бросив под землю.

– И почему забросили такой огромный стадион? – спрашиваю я, водя головой от его начала и до конца. Он растянулся на всю площадь равнины, оставляя вокруг себя лишь тесные пятачки. Центральный вход, скорее всего, с другой стороны. Мы же у тыльной части.

– Ты не слышал эту историю? Не удивительно. Все «легенды и сказания» о Тришаковиче тут хотят забыть. А интересный был мужик. До сих пор кучи ненормальных анархистов и сатанистов молятся на его портрет.

Тришакович – единственный человек, печально прославивший тихий омут во всём мире. Один из немногих кто нагло решился нарушить общественный порядок целиком. Для него полиция стала легко побеждаемым конём, а все люди одинаковыми пешками. Таких ужасных и жестоких зверств, что вытворял он, ещё не знал земной шар.

Рассказал мне о нём Алексей, ещё до моего переезда. Я ему назвал город а он такой: «О! Это же там где убивал Тришакович!». Я запихивал трусы в чемодан и даже капли интереса не проявил к этому факту.

Короче говоря, как утверждают псевдо-эксперты с тухлых заброшенных сайтов и мрачных аккаунтов «Тамблера» , а также документальные видео на ютубе состоявшие из взятых из Википедии фото, цель Даниила была посеять хаос среди всего человечества. Обрести могущественную команду и путём культивирования жестокости «достать склонность к насилию» из каждого человека. Он утверждал что в каждом из

нас сидит безумец, просящий выйти. «Жизнь только одна, и её следует прожить потакая своим животным инстинктам» – так он сказал при первом задержании.

– Тришакович с командой заминировали стадион. Во время игры регионального чемпионата бомба взорвалась. Куча народу погибла.

– Ого.

– Да, настоящий теракт. Считай, там был весь город. Говорят всё это из-за чувака-лидера шайки, мешавшей Даниилу. Так они убрали его и ещё почти пятьдесят людей. Это девяносто второй. Я вообще не пойму, как выживали в это безумное время?

Я вопросительно смотрю на ушедшую под землю часть арены. Она как огромный тарантул пытается схватится бетонными клешнями за землю. В разных местах над ней торчат цементные балки.

– Ах, это. То крыло, в котором произошёл взрыв, не выдержало. Бомба расшатала хилую породу земли, и стадион просел. С каждым годом он проваливается всё больше и больше.

Удивительно: одна часть почти полностью ушла под землю. Другая осталась нетронутой.

Изнутри стадиона слышится гул. Кто-то орёт что-то вроде кричалок. Слова не ясны. Кто-то просто визжит. Точь в точь там идёт настоящая футбольная игра. Ну а мы то знаем, что там происходит – настоящая драка.

– Мы сейчас всё пропустим! – раздосадовано кидает Ярослав и подбегает к узкому обвитому тьмой входу. Выглядит как дыра в стене. К нему ведут несколько проваливающихся ступеней.

Я задерживаю дыхание, как фри-дайвер готовящийся к погружению. Сейчас я погружаюсь в царство мрака и зловония. Тут пахнет блевотнёй и табаком. Раньше, я назвал бы это «самым взрывоопасным запахом мира», но после кошачьего горшка МаМа меня ничем не удивишь.

Кажется, мои глаза вот-вот начнут слезится. Мы покидаем зону света – в конце туннеля даже не видно света (прозвучало бессмысленно). Я чувствую как ступаю по чему-то рассыпчатому. Достаю телефон и включаю фонарик.

Под ногами настоящая свалка. Бутылки от пива и чего покрепче, обёртки от конфет и пакеты от чипсов. А самое главное, глаза, рыскающие по грязному полу засекают ботинок Ярослава. Он уткнулся в использованный влажный презерватив.

– О УГОДНИКИ! – вскрикиваю я, направляя свет на маленькое блестящее кольцо.

– ФУ! ФУ! ТВОЮ МАТЬ! – он отпрыгивает от радиоактивного места на метров двадцать, судорожно обтирая ботинок об пол.

– Аккуратнее, тут в любом месте может затаится блевота.

Ярослав на меня смотрит снизу вверх, кажется он зол. То ли на меня, то ли на сперму на его подошве.

Я продолжаю смеяться и идти в другом направлении. Фонарём освещаю маты на стенах, налипшие жвачки, осколки и шприцы. Обхожу их максимально щепетильно, как самую огромную опасность для моей жизни.

А кто хочет подхватить ВИЧ на какой-то там стреле? Вот это будет по настоящему хреново.

В некоторых местах эти самые шприцы валяются пачками, торча иголками вверх словно хищники, выжидающие жертву. Тут становится дурно. Вдыхая этот запах, смотря на эти граффити, кажется, что стены начинают сдвигаться, голова кружится. Начинается форменная клаустрофобия, но вроде бы я никогда ею не страдал.

Хотя, кто знает?

– И как тебе вступить в сперму? Не в первой? – смеюсь я обращаясь к Ярославу. Он тащится сзади.

На удивление он не обижается на мою шутку, хоть я и подмечаю ужасную вещь: похоже, я перенял обидные подколы от компании «мажорчиков». До переезда сюда я просто ненавидел людей, любящих обидно подкалывать друзей.

Вот это самый страшный тип мудаков. Мудаков и мудачек – «шутники». И вроде пытаешься отсмеяться, но за их хитрой улыбкой видишь наслаждение от унижения через обходные пути. Лучше уж в таком случае хамить напрямик.

– Пошёл ты – это весь ответ Ярослава.

Наконец сквозь мрак пробился свет. Такой же узкий как и вход выход вёл на трибуны.

Конечно, любителям смотреть стрелы не заполнить футбольный стадион. Но народу достаточно.

Вижу «художниц» с яркими волосами, они машут нам и подзывают к себе, но Ярослав делает вид будто их не существует. Я тоже включаю мороз. Разные группы школьников расформировались по всей части стоящей НАД землёй части стадиона. Кричат, снимают на телефон – будто находятся на шоу цирка «Дю Солей». Некоторые смеются, некоторые натянуто преувеличено вздыхают, хватаясь за грудь.

Первые места у ограждающего поле перила заняты баскетболистами и инстаграмщицами. Между ними не протиснулся бы и хомяк, одна блондинка сидит на коленях у подруги, снимая прямой эфир.

Мы проходим к свободным местам и я наконец опускаю взгляд на поле.

На потерявшей зелёный цвет траве происходит потасовка шесть на шесть. Дерутся парни рядом с обрывом, начинающимся у части стадиона ПОД землёй. Невинное толкание – детский лепет по сравнению с тем, что происходит сейчас на моих глазах.

«КХЕМ-КХЕМ.

В правой части стадиона команда «СТРАШНЕНЬКИЕ ФУТБОЛИСТЫ». Мы не удивлены, что они так и не расстались со своими американками. Во главе – Виктор. Наконец этот тип больше не улыбается. Возможно, все его зубы уже выбиты. Хе-хе.

В левой части стадиона всем известная команда «АДИДАСЫ». Круглые чемпионы всех стрел. Бравые парни под руководством Валентина. Их чёрные костюмы дают удивительный контраст с синими американками.

И да, чёрным спортивным костюмам в белую полоску удивительно идёт цвет крови.

Ах да, о чём это я?

Напряжённый кулачный бой в духе фильмов братьев Руссо принимает неожиданные обороты: двойка из команды футболистов уходит в сторону. Их лица теперь похожи на гаспачо, из-за этого мы настоятельно рекомендуем покинуть арену детям, беременным, инвалидам и людям со слабой психикой.

Начинается самое напряжённое.

Оу, вы это видели? Какой невероятных хук с правой! Он принадлежит, конечно же, всеобщему любимцу Валентину. Толпа ликует.

Виктор хватается за нос. Не позавидуешь парню.

Вот это мы понимаем – любовь. Оскорбление скандальной блондинки обходится несчастному в цену собственного, и без того не самого прекрасного, лица.

Что же, что же, что же…

Что же будет дальше?

Оставайтесь с нами!»

На поле остались восемь ребят. Команду футболистов покинули два, адидасы, поступив с благородством британских

рыцарей из романов Вальтера Скотта, исключили из своих рядов двух парней – смазливого с длинной причёской и «тень» рыжего, присутствующая на вчерашнем концерте.

Валентин снимает кофту и отбрасывает в сторону. На нём пропотевшая белая майка-алкоголичка, из-под которой выглядывают накачанные укрытые венами руки.

Инстаграмщицы ликуют.

Я жмурюсь. Удар в живот одному из баскетболистов отозвался хлопком по всему стадиону. Должно быть боль адская.

– Чёрт, они же их поубивают! – кричу я Ярославу. Тот, открыв рот, не отрываясь наблюдает за зрелищем.

– ТИШЕ! На это и был расчёт – адидасы не могут проиграть.

Ну конечно: я смотрю на лысого обиженного парня и становится страшно. На сколько он силён? Его удары как резкие вспышки молнии. Реакция как у ягуара, охотящегося на антилопу в саване. За спиной к нему подбирается футболист, окрасивший белые рукава куртки в цвет крови, текущей из рта. Он готовится нанести выбивающий удар – расправиться с главным противником.

Но лысый разворачивается, схоже это на паучье чутьё из комиксов о Питере Паркере. Он одаривает растерянного пацана взглядом а-ля «Завещание написал?» и отправляет в нокаут.

Он непобедим. Несокрушим.

Парень повалился на поле, а Валентин не собирается останавливаться, нанося удары в живот лежачего.

«БУЦ! БУЦ!» – белые кроссы готовы разорвать его пресс как тонкую лепёшку.

– ДА ОНИ ЖЕ ПРИКОНЧАТ ИХ ВСЕХ! – гул на трибунах стоит уже минуты две. Я пытаюсь перекричать его обращаясь к Ярославу – МЫ ДОЛЖНЫ ОСТАНОВИТЬ ЭТО.

– МЫ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНЫ

– Но…

Он подвигается ближе, теперь я слышу его голос чётче.

– Ты знаешь, что «адидасы» делают с влезающими не в своё дело? Хочешь оказаться на месте этого парня? – он указывает на бедолагу, продолжающего корчится на боли.

И тут всё геройство как ветром сдувает. Теперь я сижу, не рыпаюсь, и наблюдаю за тем как медленно уходит в нокаут каждый из наглых футболистов.

Четвёртый в нокауте.

Третий держится за нос, сейчас он выглядит как мясной фарш прилипший к лицу. Второй отходит сам. Публика осуждающе кричит выкрикивая:

– ФУ! ССЫКЛО! ССЫКЛО!

А дальше следует картина, скорее всего, вырезанная из фильма «Гладиатор»: большинство зрителей вытягивают руки и показывают палец вниз, при этом изрыгая череду обвинений в адрес сбежавшего. Тот обводит нас (зрителей) напуганным взглядом, будто увидел летающее в небе НЛО.

Плюхнувшись на траву он с горечью наблюдает за последним героем.

Виктор не сдаётся. Его лицо в крови, а сам он шатается словно выпив бутылку текилы. Глаза подкашиваются, но он принимает бойцовую стойку готовясь вступить в бой со своим противником.

Вот тебе и сила слова. Разрушительная. Стоило ему обозвать шлюхой не ту девчонку, как он поплатился за это тысячей и одним синяком на теле.

– ОН ЕГО УБЬЁТ! – в очередной раз кричу я Ярославу и подрываюсь с места. Он тащит меня обратно за руку.

– Нет, ты вмешиваться не будешь.

В это время нас замечает парень с длинными русыми волосами, как у сёрфера, сидящий на соседней скамье.

– Что тебя побудило прийти на развлечение к обычным смертным? – криком спрашивает он уставившись на меня. Окружившие его друзья едко смеются, напоминая мне жаб у ночного озера.

«МУХАХАХА»

– Чего ты не слизываешь шоколад с сисек японки вместе со своим братом? – этот парень напоминает мне Алексея.

Мне тошно смотреть на физиономию Виктора. С его носа текут не струйки крови, а два гигантских водопада затерянных в лесах Амазонки. Под глазами фингалы. Всё лицо в жутких отёкших фингалах.

Он напоминает загримированного актёра, исполняющего

роль зомби в «Ходячих мертвецах». Я не могу смотреть как избитого парня хотят добить до смерти.

Вырываюсь из цепкой хватки друга и бегу к поручням, отделяющим трибуны от поля. Теперь всё внимание на мне. Люди смотрят на безумца, сорвиголову срывающего стрелу в момент кульминации.

Инстаграмщицы оборачиваются, баскетболисты узнают парня, сидящего с ними в столовой. Я перевешиваюсь за поручень и готовлюсь выкрикнуть «ОСТАНОВИСЬ!», как Ярослав вновь меня прерывает:

– Если наплевать на себя, то подумай за меня. Страдают в конце концов все связанные с переступившим дорогу безумцем. А я связанный. Ведь я притащил тебя сюда.

Я тяжело вздыхаю и одумываюсь. Всё, это была последняя попытка вмешаться. В конце концов, обычная драка. Но просто смотря на его окровавленную американку, на напуганные бродящие по стадиону глаза, словно вымаливающие помощь, складывается другое впечатление.

Словно никакая это не драка, а битва не на жизнь, а на смерть.

Может быть я совершил неправильный выбор и пошёл на поводу у толпы. Может быть из-за того, что такие как я не решаются прийти на помощь, и происходят жуткие смерти подростков из-за уличных драк. Может быть из-за таких как я впоследствии десятки матерей проливают реки слёз над сынами, на которых не осталось ни живого места. Может быть

они проклинают таких как я в этот момент.

Может быть. Но сейчас я отпустил тяжёлый груз этих мыслей подальше от себя и замер на месте.

«БУМ! БУМ!» – последние удары. Виктор благополучно их пропускает и шатается, готовясь упасть на землю без сознания.

«ШМЯК!» – выцветшая трава смягчила падение, но прозвучало будто с боинга выкинули кашалота.

Валентин победно отходит, окидывая взглядом зал. Толпа ликует: свистит, кричит, топает. Массовый восторг. Истерия. Идол боёв без правил, по идее, должен сейчас поднять руку над головой и крикнуть: «Это всё для вас!». Но никакой показухи не выходит.

Валентин ступает по полю наслаждаясь поверженными противниками. Они лежат в разных позах: окровавленные, жалкие. Драка провалена. Вполне возможно, они даже и не подозревали на что идут.

«Нет – одёргивает меня внутренний голос – ещё как подозревали! Тут все знают, кто ОН такой. Да ты посмотри в его глаза!»

Да, в них горит огонь. Не «огонёк», а жаркое пламя, о которое можно обжечься. Он смотрит на капли крови, стекающие по его кроссам, с улыбкой, с удовольствием. Он получает экстаз от окруживших его стонов. Он невероятно силён и пользуется этим, выделываясь почти перед всей школой.

Кто же он такой? Почему он и его друзья настолько силь-

ны?

Крик оглушает меня, когда я смотрю на пустые окровавленные лица парней. Они смотрят затуманенным взглядом на минующий их тёмный силуэт. В нем лишь непонимание и чёткий вопрос «где я?»

Валентин подходит к одному из них и садится на колени.

«Нет, пожалуйста, не добивай его!»

Этого не происходит, он лишь яростно орёт:

– А ТЕПЕРЬ ПОДНИМАЙСЯ, ЗАБИРАЙ СВОИХ ДРУЖКОВ И ВАЛИ ОТСЮДА! – настолько громко, что поверженный пацан вскакивает как облитый ледяной водой. Его друзья так же. Секунды – и на поле остаются лишь два человека. Выбитый из сил Виктор поднимает глаза и щурится на солнце.

Валентин шагает к нему, попутно снимая мокрую майку. Отбрасывает её в сторону, обнажая мокрое тело.

Инстаграмщицы ликуют дубль два.

– Какие кубики – шепчут они – Только взгляни на его кубики!

– А как выделяются вены в блеске пота. Он нереален!

Баскетболисты завистливо фыркают, а я только сейчас замечаю, насколько низко Валентин спускает спортивные штаны. Он вцепился в воротник американки, подняв (что?) здорового футболиста над головой!!!

Виктор брыкается, болтая ногами в разные стороны. Кашляет, с ужасом смотря в дикие глаза противника. Кровь сте-

кает по шее.

Оставив все попытки вырваться, он замирает, скорчив максимально равнодушную физиономию. Видимо принял тактику: «Быть подонком до конца».

Валентин завопил на всё поле:

– Ну теперь и скажи кто здесь шлюха! – его ноздри расширяются как у гневного буйвола – Скажи, что это ты жалкая трусливая шлюха.

Несчастный молчит, с ненавистью смотря на победителя. Победитель с ненавистью смотрит на несчастного. Кажется, вот-вот прогремит крупный взрыв, второй за историю стадиона.

Между ними вспышка. Валентин встряхивает как мокрое белье (что?) нависшего над землёй крупного парня. Возможно, он весит даже больше чем Валентин. В этом месте физика не вышла на связь, она умерла медленной мучительной смертью.

Виктор наконец реагирует – харкает прямо на лысину хулигана. Сочная жирная слюна поблескивает белой пенкой на его черепной коробке. Белая кожа гопника в момент становится красной. От ненависти он, складывается впечатление, вот-вот загорится.

От него исходит пар. Я вижу как он взлетает в воздух. Публика негодует: «ФУУУ!», опущенные вниз большие пальцы дают оценку плевку.

Подпрыгнув на месте, я наблюдаю за тем, как резко со-

рвался с места Валентин, прошу заметить, до сих пор держа (что?) парня в руке. Он несётся в сторону высокого фонарного столба, нависавшего над полем. Выкрашенный в белоснежный цвет, сзади лестница. Видимо по ней залезал персонал, чиня неполадки гигантского прожектора.

Не успел я моргнуть (на этот раз буквально) – и они уже на лестнице. Здоровый пацан балластом висит в руках лысого. Ступень за ступеней, и они уже у вершины, минуют прожектора, подбираясь к верхушке.

Теперь они над удивлённой толпой, а не наоборот. Валентин накалывает (что?) Виктора на самую вершину за шиворот куртки-американки. Кажется, будто он окровавленный труп, жертва какого-то древнего австралийского племени, вывешенная на показ как пугало для отпугивания врагов.

Вся одежда пропиталась кровавыми ручьями, окрасившись в бордовый. Он стал флагом победы, нависающим над восторженной толпой.

Высота где-то метров двадцать. Пугающе высоко. Несчастный, видимо, даже этого и не понимает. Его голова как тяжёлый булыжник, перекатывается с одного плеча на другое, туманным взглядом изучая небеса.

Он кашляет, изрыгая из рта падающие вниз капли крови. Валентин смеётся.

Хм, знакомый безумно-конченный смех, наполненный агрессией и чёрствостью. Интересно, им наделены все члены «адидасов»?

– Повиси тут и подумай, сопля! – звучно выкрикнул он, после чего полез вниз, оставив жертву мучатся на высоте. Минуя по четыре ступени каждым шагом, Валентин добрался до земли и обратился к публике:

– Расходитесь, шоу окончено! – «э-э-э…» – тихо скулил на верхушке проигравший, жалобными звуками останавливая толпу – Проваливайте!

Толпа, оживлённо обсуждающая бой на трибунах начинает рассасываться. Валентин хватает кофту и майку, идя прочь и скрываясь в очередном мрачном тоннеле.

Кем же могут быть эти люди? Подростки, обладающие нечеловеческой силой.

Вампиры? Это был бы чертовски банальный сюжетный поворот. Шайка гопников-вампиров. К тому же, они вышли из моды.

Супергерои? Может быть они все одной дождливой ночью искупались в озере, в которое попала молния? Или может быть их всех укусил радиоактивный паук?

Один и тот же. Или может быть они оборотни, раз действуют лишь в команде. Ощущение стаи и всё такое.

И теперь, я понимаю как никто другой, почему «адидасы» вселяют страх не только школе, но и всему городу. Тут же намечается вопрос, терзающий меня всегда, когда дело заходит о чём-то мистическом в этом месте. Почему все молчат? Всем жителям будто наплевать что у них под носами творится самая настоящая мистика.

Это странно.

Странно то, как буднично школьники покидают стадион. Хихикают, сплетничают, а окровавленный флаг в виде человека, с которым они учатся, их не смущает.

Странная реакция у них на силу Валентина, поднявшего на высокий столп крупного парня. Это вообще не натянуть на голову. А ещё перед глазами стоит рыжий, передвигавший стаканы в баре силой мысли.

Кто они такие?

В копилку загадок и тайн добавилась ещё одна. Решать их все нет не малейшего желания. Хочу уйти отсюда подальше. Побежать через тоннель, закиданный использованными презервативами, к свету, и скрыться восвояси.

Я не какой-то там Шерлок Холмс или долбанная Нэнси Дрю. Оставлю невероятные детективные линии, где любопытный герой говорит «Ох, как же это страшно!», берёт лупу и начинает расследовать дело для миллиона подростковых книжек. Я же хочу уйти подальше от всего этого. Хлопнуть дверью выкрикнув: «Я предельно далёк от всего этого вашего дерьма!» и ускакать в закат.

Так я и поступлю.

Вижу спины последних выходящих. Это баскетболисты. Они хихикают и завистливо обсуждают методы подкачки Валентина:

– Турники. Когда я еду к психологу всегда вижу его висящем на турниках.

Ярослав бросается за ними. Я выдыхаю и иду следом.

«ЭЭЭЭ…» – растерянное ворчание человека, не способного сказать ни слова от боли. Он умоляет нас остаться. А какой тварью нужно быть чтоб не послушаться?

Он хам, он поплатился за свои слова сполна. Поплатился за свой плевок. Нельзя его так оставить…

– Мы должны его снять

– Что? – переспрашивает Ярослав – Влад, Валентин увидит и…

– Да что ты заладил со своим Валентином! Увидит, и что? Повисел он, все поняли насколько этот лысый крут…

– НЕ КРИЧИ – шикает он – Ты привлекаешь внимание.

– Да мне пофигу! Я собираюсь снять этого несчастного – разворачиваюсь и иду к полю. Миную отгораживающую стенку с перилами, ступаю по мягкой траве и с ужасом смотрю вверх:

«ЭЭЭЭЭ…» – скулит он будто пьяный в хлам. Виктор даже не видит нас. Перед его глазами голубое небо, медленно затягивающееся воздушными облаками. Сюрреалистическая картина: над его головой проступает луна, готовящаяся к ночи. Через каких-то несколько часов земля погрузится во тьму, но месяц словно нарушает правила и выходит раньше. Напротив головы напекает яркое солнце, катящееся за горизонт как мяч для пинг-понга.

«ЭЭЭЭ…» – скулит несчастный. Капли крови стекают вниз красным дождём. Мне становиться жаль его мать, от-

ца. Представляю чувство когда сын заходит на порог в таком состоянии.

Ярослав испуганно вздыхает. Этот парень, вообще, любит артистично вздыхать. Но сейчас для этого повод нешуточный: из темноты тоннеля, ведущего из раздевалок на арену, вышел Валентин. Чёрный цвет его спортивного костюма смешался с мраком, лишь лицо выделяется белым светом как фонарь на ночной улице.

Его губы плотно сжаты, глаза более спокойны. Но ноздри всё равно продолжают сужаться и расширяться.

– Нам полная жопа– шепчет Ярослав. Я согласился бы, не утратив дар речи.

– Убирайтесь, если не хотите повиснуть вместе с ним – этот громкий бас пугает всех слышащих его однажды. Холодный, стойкий как хороший парфюм, злобный.

– Он не сможет слезть оттуда сам, там метров двадцать над землёй, не меньше – отвечаю я. Правый уголок рта Валентина нервно вздымается в воздух. Я отчаянно не могу понять его расположение духа: то ли он сейчас засмеётся, то ли бросится ко мне надрать задницу.

– Заткнись-заткнись-заткнись! – тараторит Ярослав, машинально отступая назад как заводная кукла.

– Он будет висеть тут сколько я захочу, и сейчас ты и твой дружок повиснут вместе с ним… – очень пафосно, но эта фраза прозвучала как выстрел на начале марафона. Мы же вроде как в свободном демократичном обществе? Во мне за-

играло чувство СВОБОДЫ, такое окрыляющее (ненадолго).

Грудь вперёд, голову выше, я собрал смелость в кулак (на самом деле я выпалил за одну секунду, перебив лысого):

– Да кто ты такой, чтобы мне угрожать? – нервно спрашиваю я. Мой голос на конце фразы нелепо ломается. Ну да ладно.

– Нет-нет-нет-нет – скандирует Ярослав, поднося ладони к лицу.

– Бегите – должно быть, парень мыслит себя главным персонажем крутого боевика. Представляет шумный взрыв за своей спиной, медленно идя к нам. Его уголок рта так и продолжает дрожать, и мне становится не по себе. Вблизи он выглядит как психопат-убийца, полоснуть ножом человека которому – раз плюнуть.

– Новенький мажорчик – смеётся Валентин. И с чего они все взяли что я мажорчик?Очень бы хотелось, но нет – Так и знал, что твой язык как помело. Не спроста же все так тебя обсуждают.

«Не спроста»

Я оглядываюсь на Ярослава. Он белеет от страха, принимая цвет холодного пломбира. Пытаясь сказать глазами «Не бойся, он один, нас двое», я наоборот, выдаю своё волнение. Затем начинаю нервничать ещё больше. За широкими плечами гопника вырастают один за другим все «адидасы». Чёртова шестёрочка. Точно наблюдали за нами из тёмного угла.

Они неторопливо шагают в нашу сторону. Белые кеды

шаркают по траве, нагнетая саспенс:

«ТОП! ТОП! ТОП! ТОП!»

– Бля – шепчет за мной Ярослав.

– Плюсую – отвечаю я отступая назад. Поднимаю глаза вверх, смотрю на окровавленное обезображенное тело – для меня оно как напоминание.

«ЭЭЭЭ…» – скулит он. Ну, спасибо!

– Ярослав, бежим! – кричу я оборачиваясь. Он уже дал дёру, забегая в какой-то неизвестный тоннель. Инстинкт самосохранения долбанул в голову вместе с адреналином. Всё расплылось, цвета стали ярче а шаги громче. Теперь «адидасы» бегут. Как рота солдат, нога в ногу.

«ТОП! ТОП! ТОП!»

А мы уже во тьме. Нащупываю телефон и освещаю им дорогу. Первое время встречается куча пластиковых бутылок и знакомые шприцы. Я перепрыгивал через них как пасхальный кролик.

А дальше пошла земля не обетованная: сюда даже самый поехавший сквотер не сунулся бы. Кажется, что мы уже глубоко под землёй.

«Фух, фух, фух» – Ярослав тяжело дышит. Кажется, слышно громкое биение его сердца, или это я спутал его со своим? Неважно. Важно то, что супер сильные невероятно жестокие крутые злобные и быстрые хулиганы тащатся хвостом за нами. И что-то мне подсказывает, что в добавок ко всему они видят в темноте как Хищник.

Вот зуб даю.

Ярослав уткнулся в мягкую сырую…

– Земля! – растерянно констатирует он.

– Да я вижу! – ещё одна странная картина: коридор раскололся как фарфоровая посудина, провалившись вниз. Ярослав приседает на корточки и проскальзывает в его нижнюю часть, почти погребенную под землёй.

Я чувствую себя горе-шахтёром: всё глубже и глубже вниз.

Тут ужасно темно и пахнет словно твои ноздри залепили сырым чернозёмом. Переодически грунт сыпется с небес, а у меня ощущение будто мы подвигаем свои жизни небывалому риску.

Риск с двух сторон, выбирайте что лучше: остановиться и скончаться от боли ударов, наносимых шестью отморозками, или быть закопанным заживо под толстым слоем земли. Мы не выбрали. Просто бежим в неизвестном направлении.

– Чёртов коридор – задыхается Ярослав – Когда мы хоть куда-то прийдём?

Здешние стены услышали его молитвы: коридор прервался. Перед нашими глазами раскрылась картина – мечта любого скалолаза.

Простор. Широкий и глубокий грот, поглотивший в себя половину стадиона. Футбольное поле лежит на дне, усыпанное крупными обломками. Сверху зияет небольшая дыра, напоминающая о реальности в этом подземном царстве. В лучах, проникающих сюда через неё, купаются мелкие мош-

ки и летающие пылинки. Вся остальная часть неба состоит из тонкой корки грунта, напоминающего обгоревшую корку запеканки.

В лицо подул протяжной сквозняк. Облитое потом тело замёрзло, по нему волной прошёл лёгкий холодок.

Шаги так и не стихали.

«ТОПТОПТОПТОП»

Единственный выход – прятаться.

– Сюда! – восторженно прошептал я, найдя нужное место. Гигантский обломок от стены стадиона, за ним неглубокая ямка. Мы залезли туда, выглядывая с двух сторон. Нас скрывала солнечная навеса лучей, добродушно освещавшая вход в пещеру.

Перестаю дышать. Пульс замедляется. Ярослав, точно, чувствует то же самое. Замираю, пальцами вцепившись в почву, видя вошедшего через коридор Валентина. Он присвистывает, оглядываясь по сторонам.

Чёртов краешек рта до сих пор дёргается. «Не дыши! Не дыши!» – приказываю я себе. Рота «адидасов» выходит из коридора один за другим, как клоны. Абсолютно идентичные друг другу.

Переглядываемся с Ярославом. В этом взгляде можно прочитать многое: «Хоть я тебя знаю и не долго, но было приятно познакомится *хнык-хнык*, блин, а ещё так много дел наверху осталось *хнык-хнык*, брат, это я нас погубил! ПРОСТИ! *хнык-хнык*».

Парни разделяются. Почти все шарят в противоположной от нас стороне. Клюют носами, заглядывают под булыжники. Валентин идёт прямо – далеко от нас. Он уверен в себе (не беспочвенно), доволен как слон. Ещё одна порция скота для забоя на мясо на подходе.

И лишь один «Адидас» ползёт к нам. Густые волосы, смазливое лицо как у модели с каталога, ноги длиннее моей жизни. Он выделялся среди кучи парней своей внешностью, не подходящей под рамки «типичного хулигана». Сейчас он почти нас заметил. Обводит взглядом глыбу, шагает за неё и… Они с Ярославом встречаются глазами. Он увидел меня. Громко вздыхает. Нас нашли, нашли, нашли…

Чёрт, это конец. Я ожидаю громкий крик и опять этот синхронный топот.

Но нет. Они молча смотрят друг на друга, как зачарованные. Ярослав сглатывает. Парень нервно подправляет свою шевелюру и удаляется.

Я чересчур удивлён чтобы сразу поверить в это. Но верю, после того как Валентин чётко заявляет:

– Нашли что?

– НЕТ – выкрикивает тот парень и идёт к выходу. Череда из «нет» эхом разлетается по гроту. «Адидасы» покидают пещеру за считанные секунды.

– Должно быть уже в кроватках нежатся, сволочи – кидает Валентин напоследок. И всё. Тишина. Мы одни с Ярославом, я вижу это выглядывая из-за булыжника.

– Фух – шепчу я – Мы оторвались!

Из уст вырывается нервный смешок. Я хватаюсь за колени и сгибаюсь. Радости полные штаны. Ярослав поднялся, осмотрелся по сторонам и резко плюхнулся на корточки, смеясь. Мы смеялись вдвоём. То ли смех нервный, то ли нам правда было весело. Скорее второе.

– Ты знаешь, это было забавно… Совсем чуть-чуть – вырывается у меня. Он кивает.

– Я кайфанул – сквозь слёзы выкидывает он – Сначала я хотел тебе врезать, но сейчас…

Смех разлетается эхом по гроту. Обычное «ха-ха-ха» становится осязаемым.

– Ты так и притягиваешь к себе приключения, – констатирует он – мне это нравится.

Притягиваю как грёбанный магнит.

И да, мне это нравится перестало после болезненного падения с сосны.

Раньше читал книжки про Тома Сойера, или смотрел «Гравити Фоллс» смеясь над Диппером и Мейбл и думал «Ну невозможно так часто попадать в какие-то заварушки».

Ха, выкуси-вкуси. Возможно.

Особенно приятно когда этот кровавый треш с участием маньяка и паранормальной фигнищи, вроде хулиганов с супер силой.

Я притягиваю к себе приключения, это да.

ЧЕРЕСЧУР сильно.

Смех летел по узкому мрачному коридору как торпеда. И непонятно, почему же было так весело – облегчение, адреналин… Всё в месте?

Мы рассматриваем железные шкафы, в которых раньше хранили свои вещи игроки, и смеёмся. Обходим шприцы как радиоактивную зону и смеёмся. Вспоминаем понты хулиганов, догоняющих нас и, конечно же, смеёмся.

Наконец настроение стало хорошим. Всё вокруг улучшилось, смягчилось. И вонь отошла на второй план. И использованные презервативы. И сырость. И холод.

И страх, окружающий меня всегда в этом городе. На удивление, он не появлялся в этих заброшенных длинных коридорах.

Длинная сеть путала и сбивала с толку. Мой внутренний трекер давал промах, я совсем не понимал где нахожусь. До того, как в глаза ударили лучи солнца. Как же прекрасно и легко на душе, будто привязанные ко мне шары тревоги улетели в безоблачное небо. Вот шар боязни быть убитым в любую минуту – взлетает. Быть побитым кучей сумасшедших – взлетает. Потерять дорогого человека в этом безумном городе – взлетает. Я остаюсь, наконец то, лёгок и свободен. Могу вздохнуть полной грудью. Осматриваю просторное поле – ни единой живой души – и хочется крикнуть этой жизни громкое «привет!» и комплимент вроде «а ты не такая хреновая, как представлялась мне минут десять назад!». Мысли зату-

манивается, начинается экстаз. И всё это от одной удачной пробежки.

Из уст до сих пор вырывается редкий смешок. Ярослав затихает и остаётся сзади:

– Такие вспыльчивые. Ты им слово, а они уже за тобой бегут – рассуждаю я. Мы обсуждали поведение парней, до того как выйти на свежий воздух.

Ярослав молчит. Затем начинает часто-часто вздыхать, как больной астмой в припадке.

– Эй! – я поворачиваюсь к нему и вижу застывший на лице ужас. В глазах слёзы. Он смотрит вверх, и я вспоминаю об висящем на столбе несчастном Викторе.

Должно быть, он там до сих пор.

Может с ним что случилось?

Оборачиваюсь и замираю на месте. По телу волной прошла дрожь, прежде чем меня сковала паника. Паника и отвращение. Я скривился, громко вскрикнув.

Короткий крик и я замер.

Александр продолжает висеть, как я и предполагал. На бледном лице не отражается ничего. Полость рта измазана кровью, она вытекает на подбородок и стекает по шее.

Опускаю глаза ниже. Американка полностью выкрасилась в бордо. Он насквозь пропитан кровью, как окорок висящий в супермаркете. Синяя буква «А” выбивается ярким цветом среди кровавых разводов.

Глаза идут ниже.

Я вскрикиваю. Начинаю кричать как не в себя, слышу собственный крик доносившимся до меня эхом. Кровавые капли стекают вниз, на поле, как водопад. Там уже образовалась целая лужа. Ниже таза Виктора свисают его органы. Ног нет.

Ниже таза ничего нет.

Его ополовинили. Почти на две ровные части, как этот чёртов стадион.

Я продолжаю кричать. Ну настоящий «Король Крика» со звонким басом, созданным для ужасов.

И кто может пойти на такую жестокость? Неужели это дело рук «адидасов»?

Бездыханное тело, точнее, его половина, раскачивается на ветру. «Кап-кап-кап»– капли обрушиваются вниз. Ноги подкашиваются. Я не хочу терять сознание но кажется стою на грани этого. Всё вокруг чернеет, уходит в мрак.

Падаю на колени, руками уткнувшись в траву. Часто-часто дышу пытаясь схватить воздух, Ярослав всхлипывает сзади.

И какой это труп на моём счету? Сотый?!

– Полиция… Скорый… Н-надо вызвать – тараторит Ярослав.

Кажется, я полностью растворился в себе, не понимая «за что?» и «почему со мной?» Теперь, вполне реально, я буду терзать себя до старости о том, что не остановил Валентина.

Это всё из-за меня.

Из-за меня!

«Заткнись Влад! Не истерикуй»

Рот мёртвого Виктора медленно раскрывается. Внутри: кровавое месиво. Я не эксперт, но похоже ему вырвали язык.

Самому языкатому парню города вырвали язык.

Да уж, я и правда притягиваю к себе много приключений.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Конец 1970 года. Суд над Чарльзом Мэнсоном.

– Расскажите, Чарльз, кем вы являетесь?

– Я никто. Я сон. Бомба. Я автомобильный багажник и винное желе. И опасная бритва, если вы подойдёте ко мне слишком близко…

Глава 22 #нацияубийц

Должно быть, все думают что в полицейских участках всегда пахнет пончиками, но это не так. Я хорошо выучил запах полицейского участка нашего города, и это точно не пончики. Сырость исходящая от старых влажных стен, где-то пахнет потом. Также туалет, располагающийся в коридоре, даёт о себе знать. Почему-то все всегда забывают закрывать его дверь.

Но после инцидента с МаМа и миллионом кошачьих какашек мой нос не улавливает вонь, а вот Ярослав жалуется. Жалоба была первым предложением услышанным от него за

последний час:

– Какой же отстой, из-за запаха дерьма мне хочется вырвать.

– Мне тоже.

Вообще, мне хочется уехать отсюда подальше. Серьёзно. Всё, о чём я думаю так это о машине, набитой коробками и старом добром ощущении «новой жизни».

Новая жизнь мне сейчас нужна как никогда. Следы старой прийдётся смывать с Tide и щёткой, может быть даже в кабинете психотерапий. Может быть, ничего и не смоется.

Я дрожу до сих пор. И знаете что поведали нам милейшие полисмены от формы которых разит потом? Бинго! Очередное супер-жестокое убийство. На этот раз дерзкий и имеющий репутацию «бэд-боя» футболист. Перед смертью ему выдрали язык.

Но это всё я и сам знал.

Куда интереснее: насколько жестокими могут быть обычные хулиганы? Спортивные адидасы, белые кеды – они жестоки, да, но чтоб пойти на кровавое убийство? Не думаю.

Или всё таки: не зря же они нас так старательно отгоняли? Скрывать было что.

Твёрдая лавочка казалось плотно усыпанной острыми иглами. Я то приподнимался, то плюхался назад, и из-за этого она подпрыгивала как на батуте.

А потом замер.

Я виноват. Ну конечно, я виноват. Я виноват от мозга до

костей, от самых первых минут той чёртовой стрелы и до самого первого взгляда. Я виноват из-за того что не разнял их, не осмелился противостоять толпе. Виноват из-за того, что дал Валентину повесить парня на столбе. Дал ему добить его. Дал Виктору погибнуть самой-самой ужаснейшей смертью.

И ещё одна юная жизнь оборвалась словно свисая над полом на тонкой ниточке. «Чирк!» ножницами, и конец. Он жил дерзя каждому прохожему, ощущая собственную значимость и рассвет приливающих сил. Он был молод и не предвидел бы исход обычной драки даже с помощью самой мощной цыганки или печенья-предсказания.

А теперь, каждый раз когда я закрываю глаза вижу его окровавленное лицо. Обезображенное, полностью выкрашенное в багровый. Как в рубрике «до» и «после» – нахальный уверенный молодой человек и запуганная жертва. Овощ без единой мысли в голове. А его пустые глаза, ходившие из сторону в сторону окидывая поле. А открытый рот, из которого водопадом начинала течь кровь.

Теперь, ловлю себя на не стихающей дрожи. Перевожу взгляд на Ярослава – у него глаза превратились в два прозрачных осколка от витража. Он пялит на сидящих за прозрачным стеклом в кабинете шерифа девчонок. Они рыдают, заикаясь в всхлипываниях, тушь убого стекает по щекам. Час назад они как стадо рожающих ломонтинов кричали «Врежь ему Валентин! Сильнее!». Сейчас за приоткрытыми жалюзи сидят невинные феи доброты и милосердия.

Жутко подумать что я, давав показания, выглядел так же лицемерно.

И вот он – тревожный момент «Х”. Мгновение, от которого дыхание перехватило. Должно быть, теперь я не смогу смотреть на эту компашку без гримасы отвращения. Прозрачные двери открываются, впустив холодный вечерний воздух. Присев на стул, я всматриваюсь в далёкий высокий фонарь освещающий почти пустую парковку белым светом. Опускаю глаза вниз и ужасаюсь. Знакомое лицо – густые чёрные брови, лысая голова и тоскливые глаза. За ним чёрным пятном по холлу разливаются приспешники. Самодовольные улыбки пропали, жесткий блеск в глазах потускнел.

Ловлю себя на том, что невольно ёрзаю на стуле. И почему ощущение, будто через секунды эти психопаты вырвут язык мне? Ведь это же они. Да-да, я уверен: там, на стадионе, они без капли жалости вырвали язык несчастному Виктору.

Весь город оказался прав (парам-пам) – они садисты, сумасшедшие, конченные. Захотелось вскочить с места и пальцем ткнуть в сторону Валентина, визжа как престарелая кошёлка – «САДИСТ! САДИСТ! САДДИИИИСТ!»

Неужто они виноваты во всех убийствах? Неужто из-за компании глуповатых отбросов моя жизнь превратилась в сумасшедший хоррор-слешер? Я сжал кулаки, пытаясь подавить возрастающую ненависть, ногти медленно впивались в кожу.

Шериф -пивной живот увесистыми шагами идёт к сыну.

Каждый шаг словно девятибалльное землетрясение в Токио. «БАМ!БАМ!БАМ!». Аж стёкла комнаты допроса дрожат. Скорее всего я это нафантазировал.

Напоминает наш шериф свиней из «Скотного двора» Оруэлла. Ну, помните тот небольшой рассказ про то как животные решили организовать собственное государство? В конце, пронырливые свиньи научились ходить на задних двоих. Видимо, одна из таких сбежала из фермы и устроилась шерифом в нашем городе.

Огромные носогубки окружающие его нос напоминают глубокие ущелья. Шелушение на лице схожи на рельеф Марса. В глазах злоба, у губ сахарная пудра с пончика.

Шериф хватает своего сына за руку и испытующе смотрит в глаза. Валентин опережает его вопрос:

– Папа, я клянусь! Клянусь! – для пущего эффекта повторяет он – Это не мы! Поверь, не мы! – парни сзади послушно кивают, выпучив печальные глаза как у дворняжек. Валентин оборачивается в нашу сторону и окидывает взглядом Ярослава. Хмурится, будто увидел самого омерзительного человека на планете Земля. Его указательный палец взмывает в воздух и тычет в нашу сторону – Мы не поймали этих придурков и сразу свалили. – «Придурков»? Нет, да вы слышали! После всего что он сделал, этот психопат ещё и обзывается. С минуты на минуту я могу подлететь к нему и отгрызть костлявый палец – Поверь, пап, прошу! – сейчас самый опасный парень города на мгновение утратил устояв-

шийся годами облик. Теперь он такой как все: безутешно ищет помощи в глазах отца, испуганный и морально неготовый к подобным потрясениям.

– Поверить? – отец оглядывается по сторонам, боясь сторонних подслушиваний. Словно он делится координатами расположения ядерных бомб Северной Кореи, ей Богу – После всего, что ты натворил? После того как позорил меня столько раз? Да знаешь ли ты… – шериф сбился, мерзко причмокнув – Ты повесил пацана за воротник над стадионом! Пфф, да это безумие! Как ты вообще додумался, идиот?

Валентин стыдливо рассматривал тёмную грязь на своих белых кедах.

– Ты… ты… Ты разрушил мою репутацию, а сейчас…

И образ «опасного парня» вновь озарил физиономию парня. Чёрные полосы-брови нахмурились, а сам он басисто выдал:

– Ты сам её разрушил, старый алкаш!

После этих слов Валентин скрылся из холла, выйдя в коридор, сердито хлопнув дверью. Чёрное пятно растерянно застыло на месте перед негодующим отцом.

– Чего вылупились? Можете предупредить родителей, что на ближайшую ночь это здание станет вашим домом! Эпоха милосердия закончилась!

Телефон, лежащий в кармане моих джинс завибрировал. Это уведомление «Facebook”.

Макс:

«Это правда? То что говорят про ту жуткую хрень на стадионе?»

Я не отвечаю.

«Вырванный язык? Правда?»

«Да»

«ОМГ, то что ты оказался там начинает казаться смешным»

«Пошёл нахрен, смешно ему, придурок перекачанный!»– думаю я, отвечая лишь сухим – «Ага»

Опустив глаза в телефон слышу тяжёлые шаги и чуть не подпрыгиваю на стуле: «БУМ!БУМ!БУМ!» Передо мной увесистым бочонком пива вырос шериф.

– Мне нужно задать тебе пару вопросов – протягивает он, и я чувствую как тошнота подкатывает к горлу. Его дыхание – кошмар чистоплотных людей, полное противоречие правилам гигиены и здравого смысла. Дикий микс гнили разлагающегося трупа, ножного грибка, дешёвого табака и жуткого перегара, не сходившего с времён великих походов.

– А вопросов, на которые я отвечал в той комнате, не достаточно?

– Нет.

Я причмокиваю. Да уж, моя манера общения кардинально меняется. Месяц назад я никогда бы не позволил причмокнуть на взрослого. Сейчас мне абсолютно посрать, особенно при учёте того, что при взгляде на шерифа мне хочется вырвать. Он настоящий сборник, летопись, хроника слухов

и сплетен покрытых едкой желтоватой желчью. Самая популярная тема за семейным ужином – лентяй-алкаш шериф и его сынишка тунеядец. Послушаешь, и кажется что каждый тут желает им смерти. И всем вроде как наплевать что парни относительно недавно лишились женщины в семье.

Ну а я не лучше: этот урод покрывал малолетнего убийцу! Его сын всех убил! Со своей галимой шайкой! Да, тогда я был в этом уверен. Хотелось вцепиться в опухшее лицо алкаша и разорвать на миллионы кусков.

Но перед этим одеть плотные перчатки.

– Может, вы дадите ему передохнуть? – нагловато спрашивает Ярослав. Ни дать ни взять в секретари мои записался! Не проблема.

– Сынок… – озадачено протягивает шериф.

– Я вам не сынок! Оставьте нас в покое! Мы тут, блин, напомню, час назад покрытый кровищей труп увидели!

И пивной бочонок откатился как масштабное грузовое судно от пристани. Я смотрю на Ярослава. Ещё совсем недавно всё его лицо поменяло смугловатый оттенок на мертвенно-бледный. Он молчал. Молчал, дрожал и бездумно смотрел в одну точку. На допросе из него вылетали лишь нечленораздельные звуки. Сейчас он повернулся ко мне и дрожащими губами вымолвил:

– Мне… мне… мне жаль что я потащил нас на тот клятый стадион, Влад.

– Ярик, ты че? Дебильней извинений я не слышал – он

озадачено смотрит на меня – Я имею ввиду, не капли твоей вины тут нет. Никто не виноват. Разве что… – я прервался.

Прозрачные стеклянные двери вновь медленно отворяются. И вновь поток свежего ночного воздуха. И вновь дрожь, но на этот раз от безумного ходящего по залу взгляда. Он мне знаком.

Печально знаком.

Вчерашний вечер стал для меня, как и для всех, кто сидел в «Жирной Русалке», провалом в памяти. Я так решил. Хотелось поскорей стереть из памяти сумасшедшую сцену. Парящие бокалы, массовый гипноз, гопник-телепат… Я пылко желал забыть. Не получится.

Рыжий видит меня и расплывается в улыбке. Он узнает парня, на лбу которого чёрным маркером нарисовал «ХЕРой дня» – ха-ха-ха. Невероятно тонкое чувство юмора. Но он тут не для того, чтоб на меня глазеть. Его моментально проглатывает чёрное пятно «адидасов». Я сразу замечаю что там он что-то вроде изгоя. Даже для них чересчур поехавший.

– Фак… – шепчу я, провожая парня взглядом. Перед глазами освещённый тусклыми лампами деревянный зал «Русалки», крики пострадавших, на чьи головы осыпались осколки… Б-р-р-р!

– Чё? – спрашивает Ярослав, пытаясь вымерять направление моего взгляда.

– Ниче. Как зовут рыжего? – я киваю в сторону пятна. Парни что-то оживлённо обсуждают, должно быть, спи-

сок действий, которые нужно выполнить перед смертельной казнью. Или, как собрать деньги на нормального адвоката. Мойкой автомобилей? Выгулом собак? Устроиться бариста в Старбаксе? Не, для гопников это не вариант.

Им ничего не поможет – и эта мысль меня тешит.

Ярослав сощурив глаза сканирует кудрявого безумца. Рост под метр девяносто. Чёрная спортивная кофта выдаёт намёк на сколиоз. Глаза как у убитого в хлам наркомана.

– Антон. Или… Что-то на «А»… Точно, Антон.

Я не сдерживаю смех. С уст сходит резкий смешок.

– Пх… Ха! АНТОН! – засмеялся я – Это чёртов приговор для рыжего пацана! АНТОН!

Ярослав в растерянности осматривается по сторонам. Если «адидасы» услышат мой смех над именем их «братана» – всё. Крышка.

– Теперь понятно, чего он ненавидит весь мир. С именем «Антон» не мудрено…

Ярослав трусливо пинает меня локтём, ну а я и не думаю останавливаться. Смеюсь как не в себя, будто смешнее в жизни ничего не слышал. До слёз. Как безумец. В этом и трагедия: сквозь хохот одновременно чувствую как внутри что-то обрывается. Наверное, остатки Влада, жившего там до крови и страха. Он с треском летит вниз, оставаясь лежать у сосны рядом с озером. Спасся лишь новый Влад – это именно его забрали полицейские. Именно он сейчас сидит на лавочке и смеётся до потери пульса над простым именем. И он карди-

нально отличается от старого.

Все адидасы оборачиваются и смотрят на нас. Старый Влад бы стыдливо отвёл глаза и притих. Новый и не думает этого делает. Он смотрит наполненными слезами радости глазами на придурков, продолжая хохотать над каждым из них. Злобные… Жестокие… Уроды! Влад-новичок готов кинутся на них и выместить всю злобу за те две недели, каждый день из которых был наполнен страхом и болью.

Но кое-что его сдерживает – дверь, ведущая в коридор распахнулась. Из-неё выходит тощий высокий полисмен. За ним тянется моя мама. Она пытается выглядеть подбадривающе в моих глазах: улыбается, подмигивает и одними губами произносит «Я их всех порешала!» Ну да ну да. Я слышал крики, доносившиеся из кабинета следователя. У неё была постоянная привычка срываться на крик. А её фразочки… Ох уж эти наполненные цинизмом и сарказмом фразы! Реджине Джордж учится и учится.

Итак, курс «КАК РАСТОПТАТЬ ЧЕЛОВЕКА ЗА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД» от моей матери:

1. Выискиваем самое неуклюжее и смешное место во внешности собеседника. Ага, следователь явно выщипывает брови. (Весьма посредственно).

2. Гавнюк говорит что не собирается отпускать сына прямо сейчас. Окей, лучший момент для стервозной фразочки. Одним предложением разоблачаем привычку главного следователя выщипывать брови. Его ассистенты и стажеры сме-

ются, ведь никто не замечал до нельзя прямые «бровки домиком».

3. Плюс ко всему холодный взгляд.

4. И высокомерная улыбка.

5. Готово! Главный следователь города вас ненавидит и сделает всё, чтоб вы скорее забрали своего сына и свалили восвояси.

6. Он то не знает, что вы свалите, но шутки про выщипанные брови останутся до конца его полицейской карьеры.

Полицейский утянул маму в следующий кабинет. Тяжёлая дверь тяжело заскулила, как овчарка, которую пнули в брюхо. Я скрестил руки на груди и молча наблюдал за круговоротом людей в холле полицейского участка. Хаос. Шум. Суматоха. Сотрудники разрываются между разъярёнными родителями и испуганными детьми. Испуганные дети срываются на визг, родители тоже. Из-за всего этого кажется, что я сижу в зоопарке. Животный мир во всей красе.

Двери хлопают. Принтер, находящийся на столе в углу комнаты печатает, издавая мерзкий звук. Девушка в синей рубашке с золотой медалью на груди что то набирает на ноутбуке. И каждый звук меня раздражает. Каждый звук, кажется, создан чтоб растоптать меня ещё больше и ещё больше.

Прозрачная входная дверь вновь открывается (ХЛОП!), и по комнате проносится звонкий стук каблуков (ТОПТОПТОП!) Я перевожу глаза и вижу растерянную Каролину. Лёгкое вельветовое пальто будто сделано из шерсти

кота британской породы. Ткань усеяна блестящими золотыми пуговицами, переливающимся в свете тусклых ламп. Её глаза бегают по залу, она явна кого-то ищет. Кажется, ещё секунда и разревётся.

Увидев меня она торопливо шагает к выстроившимся в ряд однообразным стульям. Походка её создаёт иллюзию полёта. Блондинка легко лавирует над кафелем, не замечая каблуки на ногах в сантиметров-так сто. Чёрные лодочки Каролины больше напоминают цирковые ходули. Похожа она на сорвавшуюся с бала Золушку, которую изверги-стражи увезли в участок. Так же нелепо.

– Привет Влад – она подошла максимально близко к нам с Ярославом. Я унюхал сладковатый аромат её парфюма. Завораживающий. Женственный. И очень приятный. Её волосы переливаются светлыми огнями как в диснеевском мультике про Рапунцель. Не сохла б она по гопникам, я бы точно попытал удачу и пригласил её на свидание. Хоть и скорее всего получил бы отказ – Ты видел Валентина?

– Ага – забыл поздороваться. Какая досада-. Он вышел в тот коридор. Видишь? – я указал пальцем на дверь. Каролину аж передёрнуло, она готова была сорваться с места и бежать за любимым как олимпийский марафонец, желающий любыми усилиями заполучить золотую медаль. Но чувство такта остановило её, и она приличия ради спросила:

– Ты как?

– Хреново.

– Понимаю – блондинка даже не стала пытаться изобразить жалобный вид. Махнула рукой и зашагала в сторону коридора – Я пошла.

– Ага.

Дверь в очередной раз хлопнула. И начался знакомый шумный круговорот…

В просторный длинный коридор, через высокие окна во весь рост, проникал свет последних солнечных лучей. Сквозь них можно было рассмотреть простиравшуюся рядом посадку – густую, мрачную и необузданную. Как и всё в этом городе.

У Каролины замирало сердце. Её парень стал главным подозреваемым в убийстве. Жуткое известие сопровождалось ещё более жутким чувством, словно такое должно было произойти. Словно мрачная тайна человека, от которого она была без ума, рано или поздно стала известной всем.

Виктора убили, вырвали язык. Звучит как глупая шутка какого-то безумного любителя расчлененки. Если честно, совсем недавно она сама была готова вырвать язык глупого хама собственными руками, и от этой мысли становилось страшно. Неужели её бойфренд сделал это за неё?

Безумие. Нет, он не смог бы! Решить жизни человека, своего сверстника – парень с такими чистыми, невинными глазами никогда не смог бы. Это всё клевета. Жители, жаждущие расправы и самосуда вновь его оклеветали. Он не та-

кой…

А вечер, казалось бы, не предвещал беды. Она ехала навестить Алину. Уютная посиделка под «Дневники памяти» и смузи с манго и яблоком накрылась медным тазом после короткого сообщения:

Ира:

«Ты знаешь что твоего парня обвиняют в убийстве?»

«Че?»

И поток информации полился на её неподготовленную голову сплошным потоком. «Виктор, твой обидчик, убит». Эта новость разнеслась по просторам интернета со сногсшибательной скоростью. Школьные беседы-переписки разрывало от сообщений. Подростки привыкли. Они, как само собой разумеющееся, стали собирать деньги на похороны. Это ли не безумие?

И даже во время поездки в полицейский участок телефон продолжал мигать как сирена, оповещающая о начале бомбардировки. Твиты с её упоминанием. Снапы. Люди хотели знать больше, но вместо того чтобы молча ждать новостей, накручивали слухи в гигантский пёстрый клубок. Нити спутывались, пересекались и в итоге выходила сплошная несуразица.

Весь Твитер пришёл к общему мнению: таких как Валентин нужно собственноручно казнить. И Фейсбук тоже. Началось всё с комментария одного ублюдка, выбравшего в качестве ника имя одного из эпизодических персонажей шестого

сезона «Времени приключений». На аватарке свастика. Сразу же понятно, что безумцу с рождения выделено место в дурдоме для особо опасных.

«Мы должны взять ситуацию в свои руки! Пока такие как этот маленький злобный гадёныш существуют в нашем социуме, никто не в безопасности! Так дальше продолжатся не может! Граждане, пора нам самим вершить правосудие: выходите из зоны комфорта и идите за этим паразитом! Он должен умереть в таких же муках, в каких умирали наши дети!

Не дайте убийце остаться НЕ наказаным!»

Под комментарием 585 лайков, в том числе и эмоции негодования и восторга в виде ярких красных сердечек.

Казалось, мир сошёл сума. Точнее город. Но это только если выйти в сеть. Проезжая по спальным районам никогда не скажешь, в каком состоянии на данный момент находятся жители.

Сущая утопия – ни единой живой души. Лишь ровно постриженные зелёные газоны и разбрызгивающие мелкие капли в разные стороны поливалки. Мусорные контейнеры выстроились в ровные ряды, не выдавая ни одного постороннего запаха. Где-то вдалеке зажёгся свет, одинокая старушка не спеша вышла на веранду. Прекрасно и самое главное – тихо. Никто не спешил выбегать по приказу интернет-тролля «вершить правосудие».

Она бы не смогла остаться в сторона. Каролина сделала бы что угодно, лишь бы спасти Валентина – приняла удар на

себя, заслонила его своим телом, но ни за что не допустила бы разъярённых жителей к нему.

Она бы пожертвовала собой. И ради кого? Как она может утверждать, что руки её любимого не запятнаны кровью? Как может ему доверять?

Кто даст гарантию, что она не станет следующей?

В тени блеснули знакомые глаза. Нет, это не он. Человек с такими глазами никогда бы…

– Кэр – эхо его грубого голоса скрипело как прогибающийся под ногами пол в старом доме. Как открывающаяся сквозняком дверь. Хриплый томный бас полностью заполонял всё пространство, становясь объёмным.

Глаза блестели во тьме. Лишь два ярких фонарика в пелене темноты; тело, лицо – всё остальное скрыто – Не стоило тебе приходить.

– Не стоило? Ты шутишь? Я себе места не находила, пока сюда ехала! Весь город сходит с ума, они ненавидят тебя!

– П-ффф! – Валентин прыснул – Вот это открытие! Хочешь самую очевидную очевидность – они всегда меня ненавидели и будут ненавидеть – и почему он так её сторонится? Будто боится подойти ближе чем на расстояние вытянутой руки.

– Да, но раньше это за рамки разговоров не выходило. Сейчас же в Интернете творится апокалипсис. Они обезумели.

– Мне неинтересно – после этой реплики, Валентин, буд-

то прийдя в себя, заключил Кэр в крепкие объятия. Он чувствовал как дрожит её хрупкое тело, напоминавшее белоснежный фарфор. Такое холодное и бледное. Румянец девушки сошёл, её лицо потеряло все краски от страха и волнения. Глаза блестели от слёз, а сердце выстукивало безумный ритм. Этот ритм передавался по всему телу, заставлял Валентина чувствовать себя чудовищем. Из-за него этот ангел нервничает. Она не достойна тех переживаний.

– Спасибо тебе – прошептала девушка. Её холодное дыхание щекотало шею.

– За что?

– Ты постоял за меня, хоть это и привело к… – Каролина задумалась – Какая-то девчонка отметила меня в Снапе. Там ты мутузил Виктора.

– Ненавижу эти снапы.

– Я бы не сказала, что пришла в восторг от этого, но ты отстаивал мою честь.

– А сейчас могу завтра же сесть за решётку.

Каролина поникла, прижавшись крепче к груди парня. Мысль о тюрьме её будоражила, сотрясала всё тело. Причина проста: если он исчезнет из её жизни, идти дальше будет не то что сложно… Бессмысленно. После чувств, посетивших её с ним, всё остальное будет казаться серым и невзрачным, а такая жизнь явно не для неё. Это как питаться в ресторанах с тремя звёздами «Мишлен», а потом всю оставшуюся жизнь запихиваться фастфудом. Всё будет простым и пресным.

– Зря ты приехала – прошептал Валентин – Я не хочу втягивать тебя в это дерьмо.

«Дерьмо» с его уст сошло как нелепость. При ней он никогда не позволял себе материться и даже использовать слова-жаргоны. Его низкий голос и изобилующая красивыми длинными словечками речь была как музыка для ушей.

– «Дерьмо»? – Каролина хихикнула, расплываясь в глупой улыбке.

– Ну да, а что тебя смешит?

– Да так, ничего – она чувствовала как он жадно втягивает её аромат носом, поглаживая волосы. Он обращался с ними как с шедевром, выставленным на экспозиции в «Лувре». Каролина подняла взгляд, мигом застывший на его глазах. Такая глубина и столько вопросов… Тоска и печаль… К сожалению, в этих двух светлых кристаллах не было ничего позитивного и жизнерадостного, но не в эту минуту. Зрачки быстро бегали по её телу, расширяясь от удовлетворения. Они рисовали мосты от родинки до родинки на её белой коже, нежно проходили по изгибу бёдер и хрупкой спине. Наконец, тяжелый путь был завершён на карих глазах.

«Кажется, каждый раз смотря в её глаза я получаю новый приток энергии – думал он – Абсолютно – она спасает меня от полного истощения.»

«Я вижу, как медленно его глаза заполняются счастьем, и мне это льстит, если честно – Каролина погрузилась во внутреннюю дискуссию – Я хочу дарить ему радость, я буду де-

лать его счастливым. В этот момент. Сейчас. Потому что если завтра его заберут в тюрьму – я не прощу себя за то, что не отдала ему всю себя.

Как бы двусмысленно это не звучало»

– Люблю тебя – прошептала она. Знакомая всем, но такая сложная фраза. Она осмелилась вымолвить её только сейчас.

– Я думаю что никогда и никому не признаюсь в любви – рассуждала она, закинув ноги на стоящий рядом розовый пуфик. Алина уютно устроилась рядом, каштановые волосы лились вниз с кровати как водопад из тёмного шоколада. Не важно, как разговор зашёл к этой теме, но тогда Кэр считала именно так.

– Хах – хмыкнула Али, приподнявшись на локтях и кинув на неё свой фирменный холодный взгляд – Встретишь своего человека, и вымолвишь признание как мантру.

– Что такое «мантра»?

– Фиг его знает. Я не разбираюсь в буддизме.

– Кажется, я встречала это слово в «Шантараме».

– А что такое «Шантрам»?

– Забудь.

И сейчас слова и вправду слетели с языка как быстрые ласточки. И их оказалось достаточно, чтобы сделать счастливым стоящего перед ней парня. Его глаза загорелись ярким пламенем, а улыбка стала настолько широка, что казалось будто он сейчас рассмеётся.

Но нет, он застыл с этим выражением лица, обхватив

крупными ладонями лицо Каролины:

– Ты не представляешь, как я тебя люблю – после ответного заявления последовал крепкий поцелуй.

В тёмный коридор с высокими окнами периодически выходили работники полиции, с интересом засматриваясь на сынишку шерифа и его пассию. Красивейшая пара: неземной красоты хрупкая кукла и могущественный тёмный силуэт, погрузившийся в девушку.

Женщина с рыжими локонами, напоминавшими языки пламени, сломя голову бежала в холл. Выдался напряженный вечерок. Документы, злобное начальство, документы. Эти невоспитанные крикливые подростки, которые даже после смерти друга только и делают, что без конца хохочут…

Но даже занятая по горло начальница канцелярии замерла на месте, любуясь невероятной картиной.

«Кажется, они торопливо дополняют друг друга – подумала она – Трепетным взглядом отдают лучшее, что у них есть.»

Ненавистная стеклянная дверь в очередной раз хлопнула. Мерзопакостная слева от лавки тоже хлопнула. Напротив, ведущая в коридор не спешила закрываться, но абсолютно очевидно что спустя секунды она тоже…

«ХЛОП!» – ненавижу суету и эти мерзкие звуки. Кто бы мог подумать, что в полицейском участке двери закрываются особенно громко.

В центр холла выбежала потная женщина с волосами, напоминавшими пожар посреди лысой степи. Сама суетится, в руках держит клочок бумаги (видимо, важный документ), а накрашенные вырвиглазной алой помадой губы изгибаются в счастливой улыбке. И что её так осчастливило? Дайте угадаю: может быть убийство невинного парня? Да? Или то, как жестоко ему вырвали язык? Точно! Как рыдает его мать, как сходит с ума бегая от одного кабинета к другому!

Виктора похоронят завтра утром. До этого я не ходил на похороны в этом городе. С Дэном простились на одном из захудалых кладбищ южных районов. Никто из школы не ходил: кто-то говорил что чересчур далеко, кто-то отвечал честно «Я при жизни его не знал и после жизни узнавать не собираюсь». Но а я в тот день лежал на кровати и пытался собрать мысли в кучу. Как мать-героиня, собирающая многочисленных детишек по всему торговому центру.

Правда в том, что ничего из этого не вышло. Я чувствовал себя Билли Милиганом: иногда – вежливый и учтивый аристократ. Временами – зажатый и запуганный задрот. Часто – вспыльчивый нахал. И как разобраться во всех своих чувствах?

Все мои попытки повеселиться в этом городе закончились кровавой бойней – жуть. Хочешь поесть с друзьями пиццу и посмотреть ужастик? Получай труп доставщика на крыльцо и ужасы с выездом на дом! Хочешь встретиться с девушкой и провести прекрасный вечер? Ха, вот тебе необъяснимая

хрень связанная с телекинезом и массовой потерей памяти!

Ева… Ева… Как же стыдно! Девчонка, нравившаяся мне до безумия, сейчас, должно быть, сидит дома и гадает над тем, куда пропал целый вечер из её жизни! Ну не ужас? Свидание обернулось мистикой из-за меня, я её притягиваю как дом с привидениями в тех же фильмах ужасов. Такая как она: изысканная, интеллектуальная, взрывная – не должна быть с магнитом для неприятностей. Это плохо для неё обернётся. И тогда, в тот вечер в полицейском участке, эта мысль долго терзала меня. Не хотелось подвергать её опасности, она не заслужила столкнуться с этим ужасом. И если я могу её от него спасти, то сделаю всё возможное для этого.

«Кого ты хочешь обмануть? Ты прямо сейчас ей напишешь и пригласишь на очередную встречу!»

Я схватил телефон и открыл переписку. Последнее сообщение было за ней:

«Спокойной :*»

Она желала мне хороших снов и послала поцелуй! Ну не прелесть? Круглая анимированная рыжая рожа грела душу как микроволновая печь, особенно сейчас. Особенно тут.

Я закрыл глаза и представил её. Каждый раз, стоит мне закрыть глаза перед сном в темноте восстаёт ужас прошедшего дня. Это может быть окровавленный труп наркомана. Улыбчивая маска Леди V. Картинка безудержно меняется, но каждый раз она отбивает желание закрывать глаза. Сон стал помойной ямой, медленно втягивающей в царство стра-

ха и омерзительных картинок, мелькающих во тьме.

Каждый раз, стоит мне открыть глаза утром я вижу Еву. Она смеётся, наматывая тёмную прядь на указательный палец. Бледная кожа сияет, и она представляется настоящим ангелом.

И сразу хочется продолжать жить. Дышать. Идти в школу. Вставать с проклятой кровати. Жизнь перестаёт быть угрожающим царством ужаса и набором отвратных картинок. Картинки превращаются в броские цветные полотна, над царством ужаса восходит солнце. И всё от мысли, что скоро я её увижу. Встречу в коридоре с очередной книгой в руках. Она протянет мне её и начнёт рассказывать факты из биографии автора, а я буду наслаждаться мелодичным голосом, обволакивающим меня как петля. К счастью, пока она не затянулась.

Белая строка назойливо мигала, как бы намекая на то, чтоб я поторапливался. Без проблем. Пишу:

«Привет! – это отличное начало – Не хочешь завтра встретиться?» – это ужасно. Это полная катастрофа. Позорный провал. Я никогда не был силён в смс. То, как я о ней думаю и как пишу полные противоположности. Хотя что ещё нужно?

Я вытер последнее предложение.

Пишу:

«Сижу в полицейском участке и безостановочно думаю о тебе – звучит, словно писал сопляк и стопроцентный подкаблучник. А мне пофигу – О том, как наше свидание пре-

вратилось в катастрофу. О том, что мне недостаточно тебя из-за всего этого – не хотелось писать «дерьма», но а как по другому? – дерьма»

Отправил. Она просмотрела почти сразу.

Пишу:

«Давай встретимся завтра»

Просмотрено.

«С удовольствием» – я чуть не взвизгнул как хрюшка, плескающаяся в грязи. И где наше свидание не превратиться в катастрофу? Что же выдумать?

– Это та самая Ева? Все только о ней и трандят! – Ярослав всё-таки не имеет чувства такта. Всё это время он нависал надо мной как Бурж-Халифа над Дубаи. А я и не заметил.

– Совать нос в чужие переписки – самое скотское и греховное дело современного мира.

– Сорян, ты просто так заулыбался когда пришло очередное СМС – он перекривлял меня, ну а я удивился, насколько глубокие у него ямочки во время улыбки. Там можно Рэйнж-Роверы прятать, ей Богу.

– Мы с Евой пойдём завтра гулять.

– И куда её может затащить местный «Король Крика»? Дай угадать – в сквот или лес, наживать неприятности!

– Иди в жопу.

– Серьёзно, некоторые в блогах и форумах считают что убийца – это ты.

– Утешающая новость.

Мне было плевать на заявление Ярослава, но я заметно поник. Улыбка бесследно исчезла.

– Ладно. Не раскисай. Куда вы идёте?

Я тяжело вздохнул:

– Ума не приложу.

– У меня для тебя есть идея. Быстрая, громкая и крутая – я уставился на друга с непониманием – Ты повезёшь её на мотоцикле, и это блин, будет лучшее свидание во всей её жизни!

– Мне пятнадцать.

– Это никого не волнует . У нас можешь гонять сколько хочешь.

Я довольно кивнул.

Ветер, она обнимает меня за талию и бережно прижимается щекой к спине. Мы едем на встречу закату, подальше от городка крови.

– Это офигенская идея, Ярослав.

Завтрашний день обещал быть невероятным.

– И куда мы едем?

– Без понятия – Андрей гнал «БМВ» по пустым улицам города, неторопливо окунавшимся в беспросветный мрак. Сумерки, окрашивающие всё вокруг в тёмно-синий прошли. Пришла пора веселья и «настоящей жизни». Она, в смысле, настоящая жизнь для Андрея начиналась лишь с восходом луны. День палил все надежды и иллюзии ночи. Беспощадно

растаптывал их. Ночь могла восстановить всё.

Рядом с яркой неоновой вывеской единственного в городе «Starbucks”, находившегося в крайне невыгодном месте на выселках, прогуливался одинокий прохожий в чёрном пальто и нелепых для такой погоды лакированных туфлях.

– Хах, знаешь чё я подумал? – улыбнулся Макс пальцем указав в окно – А ведь он может оказаться маньяком. Прикинь, если этот парень и убивает наших?

Парни лишь искали веселья в ночном городе. Пока, надеждой на него и не пахло. Все планы Андрея на сегодняшний вечер сводились к:

1. Раздобыть косячок.

2. Выпить.

3. Снять кого-то (примечание – обязательно женского пола)

По ночам, на трассе пролегающей мимо «Волмарт» соседнего города, выстраивались несколько ночных бабочек. Для города с населением в сто тысяч те проститутки единственный источник секса за деньги.

Да, туда нужно было проехать порядка пятидесяти километров и да, девушки там были не первой свежести (это чтоб никого не обидеть) и походили на круглолицых мужиков, одевших парики. Но ради удовлетворения можно и не смотреть на их лица.

Андрей притормозил у Старбакса. Скрип шин по асфальту эхом разнёсся по тихой улице.

– Если считаешь, что виноват во всём именно он, давай его накажем?

Нажав на кнопку, Андрей приоткрыл окно. Надавив на педаль, сдал назад и включил яркие фары. Неожиданность!: они были направленны на незнакомого мужчину. Теперь, в их свете можно было рассмотреть лицо прохожего: на вид ему под пятьдесят. Шоколадного цвета кожа укрыта блестящим деревенским загаром. Сам он напоминает перегорелый чипс. Щурит глаза и растеряно смотрит на роскошный БМВ:

– Эй, мужик! – вскрикнул Андрей. Макс растерянно уставился на него – Это ты убиваешь детей в городе?

Незнакомец встал как вкопанный, пытаясь укрыться ладонью от яркого света. Андрей надавил на педаль газа, но машина не сдвинулась с места. Мотор угрожающе зарычал, как ягуар готовящийся набросится на жертву.

– Я спрашиваю: ты, гавнюк чумазый, виноват в убийствах? – губы Андрея растянулись в восторженной улыбке а из горла вырвался довольных смех. Белоснежные зубы сияли фонарями в мраке ночи. Для него происходящее игра, не более чем набор «Трансформеров» и крохотных человечков из Лего. Он Дисиптикон, незнакомец – затерявшаяся в ковре деталька.

– Ты же не пил? Что с тобой? – озадачено спросил Макс. Андрей посмотрел на него взглядом плантатора, недовольного своим чернокожим рабом.

– Я. Просто. Хочу. Повеселится. – с этими словами он

снял машину с тормозов, она резко дёрнулась с места. Мужчина, стоявший перед ними испуганно вскрикнул и отскочил в сторону. Секунды – и машина превратила бы его в фарш.

БМВ пронеслась мимо лежащего на обочине напуганного тела и с резким поворотом руля выехала обратно на дорогу.

Макс вжался в кожаное сидение, схватившись за подлокотники. Дыхание начало восстанавливаться лишь когда они помчали дальше по хайвею. Память остановилась на моменте, также резко закончившимся, как и начавшимся. Фары освещают лес, стену насаженных друг на друге деревьев. Метр, и шикарной бизнес-тачке, вершине мастерства немецкого машиностроения, пришёл бы конец. Хвала небесам, что Андрей не растерял навыки быстрой реакции.

– Ты… ты… Ты из ума вышел? – разъярённым тембром спросил Макс. Его ноздри раздувались как у толстокожего бегемота, вынырнувшего из озера и жадно вдыхающего воздух – Секунды, и ты бы убил незнакомца! ТЫ ИДИОТ!

Но Андрею было всё равно на негодование друга. Он смеялся как не в себя, выжимая педаль до упора. Будто момент испуга обычного прохожего, адреналин в крови, перед тем как они чуть не врезались в столб дерева – лучшие чувства его жизни.

Закончив смеяться он отчётливо заявил:

– Хочу бургеров.

Сделал музыку максимально громче, играл альбом Трэвиса Скота, и направился к высокой неоновой вывеске «Бургер

Кинга».

– Трёхочковый! – радостно воскликнул Андрей, попав пустой бутылкой из-под Пепси в мусорный контейнер.

Макс решил остаться в машине, всю дорогу сканудив как тёлка с ПМС. «Какой же ты ублюдок!», «Ты ненормальный!», «Иди сам покупай бухло!». «А я и пропустил момент, когда ты разучился веселиться» – вскрикнул Андрей, громко хлопнув дверью. Теперь он стоял тут – перед залапанными десятком пальцев покупателей, жаждущих купить почти просроченные продукты по невероятным акциям, окнами «Island food”.

«Самая убогая в мире сеть супермаркетов» – кричал Андрей за столом в дни болезни Никиты.

«Island food!” – подпевала компания.

«Где в тележке помимо продуктов вы можете обнаружить усыпанные пылью искусственные ветви пластмассовых пальм?»

«Island food!» – вскрикивал Макс.

«Где из кормовых бананов вылазят тарантулы?»

«Island food!» – распевалась Каролина.

«Где разбавляют водку водой, а молоко водкой?»

«Island food!» – заканчивала Алина.

Броская неоновая вывеска с мигающим жёлтым бананом окрашивала парковку в зелёные тона утренней блевотины. И вообще, внутри всё было этого же цвета, от чего становилось

дурно. Дикость: повсюду развесить искусственные тропические цветы и косить под дикий остров. Единственная общая черта у этой помойки с диким островом – невыносимая жара. Только тут она стояла из-за неисправного кондиционера.

Из зелени-блевоты оранжевыми пятнами торчали таблички с акциями. «Родители Никиты – хитрожопые засранцы. К начальной цене добавить пару долларов и рядом крупными буквами напечатать «-25%» – достаточно, чтоб заставить безумное стадо сгребать что не попадя.»

Сейчас в супермаркете из представителей людской цивилизации находилась одна розовощекая кассирша. Видок у неё как у выкинутого на мороз щенка. Как там? «Собака бывает кусачей только от жизни собачей»?

Подняв утомлённые глаза кассирша подобралась. Видимо, увидела Андрея и узнала. Его часто показывали по местному каналу и выставляли разные новостные паблики. Пост «Открытие кукурузной фермы». На переднем плане Арсений, рядом он, в строгом костюме, сжимающем плечи как горло ненавистного врага.

Как раз таки её взгляд, говорящий «О! Я видела тебя в последнем посте группы «ЗахолустьеNEWS”» играл не на руку. Так она может быть в курсе о его несовершеннолетии и не продать бутылку «Джека». А это самое отстойное чувство во всей галактике: когда тебя укоризненным голосом разворачивают, между строк говоря «Постыдился бы, молокосос».

Проследовав мимо рядов с журналами и дешевыми лю-

бовными романами в видавших виды мягких обложках Андрей направился к отделу с напитками. Вдалеке, меж полками заваленными мармеладом и прочими сладостями мелькнул тёмный капюшон. На незнакомце удалось рассмотреть лишь розовые высокие Конверсы. НезнакомКА.

Уверенным шагом парень проследовал к рядам со спиртным. Шампанские, вина, дешёвые коктейльчики для тринадцатилетних… Дальше шло кое-что покрепче. Отработанными механическими движениями Андрей выхватил с полки «Джек Дениелс» с привкусом мёда и последовал обратно.

На углу тёмный силуэт незнакомки резко вышел навстречу. После неловкого столкновение парню хотелось завопить «Куда прёшь, овца слепая?», но вид её ангельского лица, обрамлённого рыжими волнистыми прядями, заставил передумать. Пухлые розовые губы растянулись в лучезарной улыбке. Длинные ресницы, изгибающиеся в форме цунами, невинно опустились вниз. Невероятно сексуальная красотка. Должно быть первая рыжая в жизни Андрея, настолько угодившая его избалованному вкусу.

Он видел её раньше, также в этом супермаркете.

«Где можно повстречать изысканных сексапильных рыжих красоток?»

«Island food”

Теперь эта свалка калорийного ширпотреба возымела смысл.

– Эй! Я тебя уже видел!

Девчонка хихикнула, обнажив зубы-жемчуга:

– К слову, вместо «эй!» я предпочитаю: «привет! Давай познакомимся?»

Андрей хмыкнул. Она ему определённо нравилась.

Девушка стремительно сняла тёмный капюшон, нависающий над фарфоровым личиком как туча, и покосилась на корзину с продуктами. Окра, авокадо, соевое молоко с ванилью. Парень почувствовал, что его поезд «получить своё» стремительно отбывает. *Чух-чух!*

– К слову, я Андрей – он попытался улыбнуться своей отработанной ухмылкой, говорящей «Я очаровываю тебя и даже не прикладываю усилий», но её пухлые губы, напоминавшие мягкий алый диван в ночном лофте, приковывали внимание и заставляли забыть заученную технику. А если опустить глаза ниже… Ох, что будет если опустить глаза ниже! Это самые превосходные сиськи, сотворенные высшими силами. Их форму продумывали десятки ангелов. Венец Божественного творения – грудь незнакомки.

– Я знаю. Ты же тут типа звезда? – «К чему эти все «типа»? Чуть не обидела!» – Настя – проронила она и протянула свою нежную ладонь вперёд. Андрей обхватил её, и наклонившись, с причмокиванием, поцеловал – Я тебе не Золушка – рассмеялась она.

– Да и я не прекрасный принц.

– Многие бы поспорили…

– А ты откуда знаешь? Разве ты тут не недавно?

– Открою тебе страшную тайну: я живу тут всю сознательную жизнь, и хожу в ту же школу, что и ты.

«В ту же школу что и я? Что за ХРЕНЬ?» Как он мог не заметить её ранее? Витающую по коридорам нимфу, сошедшую с кельтских мифов. За ней огненным следом тянутся рыжие волосы. Перед ней – обескураживающая грудь. По бокам – пускающие слюни поклонники и стервозные завистницы. Именно так она должна прохаживаться по коридорам – никак иначе.

– Это…

– … неожиданно? Странно? Да, меня никто никогда и нигде не видит. Я привыкла. Удивительно, что столкнувшись со мной ты не прошёл сквозь, словно я – призрак.

Такие не становятся серыми мышами, это противоречит законам физики. Даже если б она и принадлежала секте ботанов, то легко б охмурила любого из команды баскетболистов. Была бы готом – прослыла «бунтаркой». Айтишницей – «секси-компьютерщицей». Но незаметной серой молью – никогда и ни за что.

Опустив глаза, Настя хмыкнула:

– Джек? Не боишься, что тебя пошлют?

– А ты хочешь глоток?

– Если ты приглашаешь…

Её кокетство забавляло: она всевозможными способами старалась быть привлекательной весь дальнейший разговор. Видела на нижней полке протеиновые батончики с кокосом

и соблазнительно наклонялась, выставляя зад. А он у неё был зачётный. Узкие джинсы делали его идентичным с размерами самой Ким, но к сожалению, это лишь иллюзия. Некоторые модели «Ливайс» творят чудеса.

Дальнейшее развитие диалога Настя взяла на себя. Оживлённо болтая и разбавляя болтовню кокетливыми шутками девушка выдала пару заурядных фактов о себе. Сведём всё к одному предложению: «Я абсолютно заурядна, настолько, что при встрече с популярным парнем не могу рассказать ничего интересного». Но разговоры становились «обменом ценнейшей информацией», стоило лишь взглянуть на неё. А Андрей не отводил глаз.

Она настолько громко и настолько быстро тарахтела, что кассирша и не затребовала приготовленные для неё придельные документы. Недовольным взглядом пробила Джек и аккуратно поставила его рядом с пакетами как трофей.

Андрей заплатил за Настю, и вот, пришла пора прощаться. С этой девушкой всё звучало намного драматичнее.

– Дай свой Инст – попросил Андрей с трепетом, будто название её акаунта было кодом от компьютеров Пентагона.

– Инст? – переспросила она с удивлением кроманьонца, попавшего в 21 век – У меня его нет.

– Как нет? В смысле?

– Ну… Вот так нет. А зачем он мне? Я представляю это жалкое зрелище. 2 подписчика – мама и бабушка.

– И я – Андрей подмигнул – Если завтра не зарегистри-

руешься – обижусь. За подписчиков не переживай – я тебе пиар сделаю.

Настя молча кивнула, расплываясь в улыбке. За её спиной хлопнула дверь БМВ. Макс вышел на улицу и раздраженно махал Андрею.

– Ты знаешь, я всегда за тобой наблюдала. Ты был такой недосягаемый. Моя местная звезда. Считай, шоу Кардашьянов за окном. Мы почти соседи. Андрюша выехал в школу на отцовском Ролс-Ройсе – я шла следом и пыталась заглянуть в тонированные окна, увидев тебя. Андрюша выступает с речью на концерте – я стояла в толпе и старалась подняться на пальцы, чтоб рассмотреть тебя лучше. Ты никогда бы меня не заметил – серую мышь Настю. И сейчас стоять тут, с тобой и общаться для меня – это сродни чуду.

– Значит чудом для тебя будет и это – Андрей придвинулся к ней ближе и, закрыв глаза, попробовал её розовые губы на вкус. Это бы прекрасный поцелуй – мягкий, долгий. Она не торопилась, словно была готова вечно стоять на парковке супермаркета и целоваться.

Закончив и отойдя на шаг от девушки, парень оценил её довольное лицо и перевёл взгляд на Макса. Он растеряно развёл руками, спиной облокотившись об чужой грузовик. В его взгляде ясно читалось осуждение. «Сейчас твоя девушка лежит завернувшись в одеяло и подыхает от боли, потому что даже одеяла причиняют ей невыносимую боль, а ты стоишь на парковке гребанного «Island food”, готовый засосать

в себя, как сильнейший пылесос, какую-то рыжую незнакомку? Я знал что ты гандон, но не до такой же степени!»

– Не хочешь с нами? – прошептал Андрей, смотря в восторженные глаза девчонки.

– Я спешу – прошептала она, обойдя его и поспешив скрыться во тьме улице и череде домов, начинавшийся на ней.

– Спишемся! Не забывай, у меня твой номер! – на прощание крикнул Андрей.

– Пока.

Направившись к Максу, лицо парня становилось счастливее с каждым пройденным метром.

– Вот чего ты проторчал в супермаркете целую вечность? – причмокнул друг.

– Поехали раздобудем травы – сунув Джека Максу в руки, Андрей открыл дверь БМВ, готовясь выезжать в ночь за новой порцией безудержного веселья.

На часах девять утра. Андрею кажется, будто его мочевой пузырь лопнет как воздушный шар, если он позволит себе продолжить лежать. Но сонливость сильнее. Она приковывает к мягкой кровати железными цепями, ласково шепча нежным голосом колыбельную. Отвратительное чувство: когда мочевой пузырь тебя насильно вырывает из прекраснейшего сна. Всё как в книгах Джордана Белфорта: частный самолёт, обшитые белой кожей сидения и экзотические фрук-

ты на серебряном подносе. Питтайа, какао… Однажды он попробовал семена какао в Рио, после чего сразу же кинулся полоскать рот водой. Гадость редкая.

По его собственному самолету «Эндрю airlines” в зад-перёд расхаживает стюардесса в синей форме с пышной грудью, напоминающая Бритни из клипа «Toxic”. И казалось – финал сновидений прозрачен, скоро свершиться кульминация, но нет. Мерзкие чувства заставляют продрать глаза.

Утро. Беспощадное и самое пакостное время дня. И как некоторые умники могут с радостью вставать с кровати? Это же непостижимо: выйти из зоны комфорта, пышного разогретого одеяла и шагнуть в мир, несущий в себе столько разочарований. После приключений ночи в свете утреннего солнца всё выглядит сухим и банальным.

«Ну, завтрак. Ну, вкусный. Ну, еду я в школу на своём БМВ. Как же однообразно. Какая занудная рутина!»

Андрей продрал глаза уже с плохим настроением. Скорее всего, после похода в туалет сразу же прийдётся надевать смокинг для похорон. Будут хоронить языкатого мальчишку-стерву Виктора. Обычно такие пасутся лишь рядом с девчонками, сплетничая о каждом прохожем. Таких называют педиками. А вот Виктор уникален – ещё смог стать популярным. Его тостостероновая свита вечно плелась за ним хвостом, потакая каждой нахальной выходке и смеясь над каждой убогой шуткой. А сейчас, прийдётся провести пол дня на кладбище под аккомпанемент слёз. То ещё испытание.

А как иначе? Ведь сам Арсений должен присутствовать на похоронах. Это хорошо укрепляет репутацию, старательно разрушаемую Андреем.

– И ещё речь заставят произносить – тихим хриплым голосом проворчал Андрей.

Может нафиг это всё? Зачем вставать с уютной постели и вообще выходить из особняка. Можно весь день лежать и пялить в кремового цвета потолки, на обшитые тканью с бархатом обои. Наслаждаться резвыми солнечными лучами, проникающими в комнату через щель меж массивных штор.

Желая скинуть с себя одеяло, Андрей прикоснулся ладонью к воздушному хлопковому материалу. Под пальцами струилось что-то жёсткое. Неожиданно. Похоже на… Да нет, этого не может быть. Это «что-то» липло к пальцем. Упругое и тонкое.

Парень взглянул на ладонь и в ужасе отпрянул. Мелкие тёмные волоски. Его гордость. Его ценность. Нет, это не они. Это что-то другое!

Приподнявшись над кроватью он в ужасе осмотрелся по сторонам. Всё белоснежное пространство мягкого матраса увалено его волосами. ЕГО ВОЛОСАМИ!

Дрожащие крепкие руки взмыли к голове, нащупывая причёску как украденную драгоценность. Пальцы мерзко колол жёсткий ёжик, напоминающий облезлый старый ёршик в туалете кафе. Одеяло полетело в сторону, тёмные пряди распластались по доске паркета. Андрей мигом подбежал к

зеркалу, окидывая себя юрким взглядом.

«Самое время вспомнить своё жизненное кредо – подумал он – Волосы – залог мужской красоты.» Какая ирония! Какой чёрный юмор! Сейчас он был похож на побритого в спешке пехотинца. Та самая, легендарная в узких кругах шевелюра, бесследно исчезла. Осталась тёмным пятном лежать на кровати. Мелкие волоски зацепились за его голое тело и выделялись тенью на фоне белых трусов «Calvin Klein”. Усыпанный собственной гордостью с пят до макушки. Какая сатира! Какой фарс!

Ведь для мужчины его причёска – залог прекрасного внешнего вида. В современном мире невозможно держать планку солидности и высокого статуса с колхозным харьком на голове вместо ухоженной чёлки и аккуратного пробора.

«В аккуратной и чистой голове рождаются свежие мысли»и– говорил он своему отражению, просыпаясь утром и пастой оформляя форму укладки. «Всё должно быть идеально» – шептал он с диким азартом, выстраивая волосинка к волосинке как карточный домик. Сейчас эта хрупкая конструкция рухнула, сдулась ветром. И главный вопрос: сможет ли он не растратить свою уверенность, потеряв главный её атрибут?

«Ха-ха, твоя уверенность лежит на полу как ненужный мусор. Со стороны все эти патлы по отдельности выглядят совсем не вдохновляюще! – шептал ему внутренний голос – Какой гротеск!»

Разумные мысли пока что не могли посещать его голову.

«Вот он – первый звоночек: все свежие мысли убежали»

Лишь отчаяние и осознание собственной обезображенности. Он взглянул на своё лицо – растерянный, печальный, суетливый. Изменения видны невооружённым взглядом.

Медленный вдох – ссать совсем расхотелось – продолжительный выдох. Кажется, можно оценивать ситуацию адекватно.

Итак, соберём мозги в кучу. Вполне очевидно, что к Андрею в особняк пробрались. Это может быть кто угодно: тот смазливый петух-парикмахер из салона, которому Андрей высказал всё, что думает о его ужасной работе. «Миллион понтов, а результат будто у тебя руки из задницы растут». Десятки завистливых мальчиков и сотни обиженных девочек. Они готовы пойти на всё в своих нестабильно накатующих приступах зависти и комплексов. Андрей иногда не успевал блокировать их в Инстаграм, он не хотел желчных оскорблений в комментариях. И почему их всех так волнует чужая жизнь? Стоит поделиться одним моментом с счастливой улыбкой и красивой обновкой, как люди показывают свои самые неожиданные стороны. Причём пишут с фэйков. Создаётся впечатление, что толпа безжизненных пустых теней желает ему смерти. Жутко.

Все прекрасно знали, насколько он ценит собственную причёску. Это удар под дыхалку, в самое болезненное место. Стоит просто взглянуть на него: безупречный пробор,

сплошная волна невероятно аккуратно падает набок. Или вот, другая укладка: тёмные волосы напоминают иголки торчащие в разные стороны, при этом создавая целостную картину. Некоторые писали «О, это такой волос от природы!». «Чёрта с два!»– думал Андрей. Просто так причёска никогда не ляжет, всё нужно создавать своими усилиями, своими пальцами.

Так, думаем дальше – осмотрим место преступления.

Андрей обернулся, став спиной к зеркалу. О-у! Какая же прекрасная комната! Игривые лучи нежно опускаются на дубовый пол, словно желая дотянутся до… ЕГО ДРАГОЦЕННЫХ МАГИЧЕСКИХ ВОЛОС! Так, соберёмся.

Ага! Первая улика!

– Вот сучка! – воскликнул Андрей, заметив жирные алые линии, выстроившиеся над просторной кроватью. Гигантская алая буква «V”, аккуратно написанная женской губной помадой. Теперь всё ясно. Маньячка решила сломить свою главную цель, попутно медленно ломая остальных. Она добралась до Али – и, о Господи, это никак не сравнится с его случаем. Жестокая уродка изуродовала его девушку, и от этого становилось не по себе. Кстати, как она там поживает?

Она разрушила репутацию Каролины и её семьи, обнародовав информацию про скандального парня-гопника. Но Каролину, казалось, это мало колышило.

Она узнала про сокровенный страх Макса – он рассказал Андрею по секрету, и звучало это как полный бред: засунуть

ТРОПИЧЕСКИХ ПАУКОВ в душ спортивного зала! БУМ! Взрыв башки!

Леди V способна на всё, и она мистическим образом узнаёт про главные страхи нашумевшей компании. Будь то страх оказаться уродиной, облысеть, упасть в глазах общества или арахнофобия. Она их тёмный ангел, от которого ничего не скроешь. Она вызволила их потайные ужасы наружу, управляя ими как марионетками.

Улика номер два. Злополучный конверт.

– Знакомая штука – прошептал Андрей, схватив его в руки. Пожелтевшая бумага, багровая печать – у V имелся свой почерк.

«Будешь ли ты таким же уверенным засранцем без своих волос? Не проверим, не узнаем…

Хорошей субботы, встретимся на похоронах

Чмоки

Леди V.”

На букве V качество печати ухудшилось, или свежие чернила просто неаккуратно смазали пальцем.

– Эта гадкая тварь переступила все границы – пробубнил парень, продолжая рассматривать текст письма.

В столовой подбадривающе стучали бокалы, наполненные густым апельсиновым фрешем. Родители Андрея справляли завтрак.

«Традиционный английский» – бекон, бобы, сосиски, да-

же ненавистная их сыном кровянка. Чаще всего при её виде он корчил настолько кислую мину, что казалось, будто ему на тарелку выгрузили дохлых комаров.

– Так вот о чём я?– нараспев щебетала Надин.

– О том, …– начал Арсений.

– Вспомнила, её поношенные туфли! Я видела их ещё год назад, на нашей прошлой встречи. Ужасное качество кожи, за километры разит дешевкой. Я и не думала что у неё хватит смелости заявится в них в лучший ресторан региона!

Послышалось долгое осуждающее причмокивание.

– У меня свежо в памяти, как этот гавнюк надурил меня с контрактом – Арсений потянулся за крепким американо, налитым в белоснежную фарфоровую чашечку – Хах, себе же во вред – злорадство и чёрная удовлетворённость нависла над столом. По лицам пары было понятно – их радуют материальные проблемы давнишних врагов.

Арсений и Надин переодически даже мыслили одинаково. Идентичные хитрые ухмылки, оценивающие взгляды. Люди, созданные друг для друга.

Томно закрыв глаза, Армений неторопливо отхлебнул любимый кофе. «Вот-вот, и замурлычет»– подумала Надин, с ухмылкой смотря на мужа.

– Вот чёрт! – воскликнул он, отставив чашку на белую скатерть. Небольшое коричневое пятно капнуло на белоснежную рубашку от «Paul and Shark”. Вышитые красными и голубыми нитями нашивки перекрасились в кофейный цвет.

– Не нервничай – спокойным тоном произнесла Надин, многозначительно посмотрев в сторону коридора. Не понятно откуда в дверях выросла миниатюрная домохозяйка эмигрантка из Тайвани. Своими узкими глазками она мигом оценила ситуацию, ожидая команды от Надин – Замени ему рубашку – строгим тоном попросила она, ткнув длинным острым ногтём в сторону мужа. На маникюре переливались стразы и блестки, делая его схожим на осколок яица Фаберже. Азиатка молча кивнула и устранилась.

– А к теме о нашей королеве захолустья скажу, что дела у них идут как нельзя отвратительно – казалось, Арсений пропускал мимо ушей колкие заметки жены, рассматривая рубашку – Лыбилась мне как Джокер. Думала я забыла, что сотворил её муженёк. Со своими уколами и инъекциями стала похожа на Долли Патрон, только в старости. Ты понимаешь о чём я.

По столовой раздался скрип лестницы и тяжёлые шаги. Кто-то стремился поскорее попасть на первый этаж. Воздушные ангелы, вырезанные в дереве над камином замерли в ожидании. Светлые глазки, украшенные длинными ресницами непрерывно смотрели на обеденный стол. Казалось, всем было интересно о чём болтает самая богатая семья города. Все эти многочисленные скульптуры словно подслушивали. И тёмная ворона, раскинув крылья сидящая на люстре. И блестящие египетские жуки-скарабеи, взбирающиеся на журнальный столик. Безвкусный рыцарь в полный рост,

стоящий в коридоре. Злобные нимфы. Жители африканской степи, нависающие над джакузи.

Там где недавно стояла азиатка показался Андрей. Арсений не сразу поднял глаза на сына, пятно сейчас было колоссальной проблемой мирового масштаба. Надин нахмурила брови при виде небрежного ёжика сына.

– Ты вчера ходил в барбершоп? Мне не нравится эта причёска.

«Ну ничего себе заявление. Ты знаешь, МНЕ ТОЖЕ!» – чуть не закричал Андрей, вместо этого тихим жалобным тоном пробубнив:

– Я и не ходил в барбершоп – и протянув желтоватый конверт родителям. Оторвавшись от пятна, Арсений выхватил находку из рук сына и осмотрел её поверхностным взглядом, изучив текст письма.

– V? Леди V? Что за… – до отца на удивление быстро доходило – Она заперла Алину в солярии, начертив помадой свой инициал.

– Я не думаю что это обязательно её инициал… И кстати, у меня, блин, в комнате такой же.

– Мальчики, объясните мне что происходит? – с непониманием осматривалась по сторонам Надин, надув пухлые губки. Она не узнавала своего сына, он впервые примерил подобный образ. Глаза абсолютно грустные, уголки губ опущенные, будто он вновь беспомощный пятилетний ребёнок, упавший с качели. Сейчас расплачется.

Ей хотелось сделать грубое замечание, что это неприлично – выходить в одних трусах на завтрак. Но строгий вид мужа прервал её намерения. Сейчас явно возникли проблемы посерьёзнее. Это стало понятно по позе, которую принял Арсений. Задумавшись, пальцами он начал массировать виски, при этом всматриваясь в напечатанный текст. Точно решал важную бизнес проблему.

– Сын, я выясню кто она, и даю слово – Леди V своё получит.

На лице Андрея вновь расцвела знакомая всем самодовольная ухмылка.

Сказочные нимфы и деревянные русалки, ангелочки и фарфоровые принцессы, все замерли наблюдая за тем, как на их глазах медленно ломается стальной характер. Никогда не опускавший нос парень вышел в коридор, подперев холодную каменную стену и схватившись за голову, нащупывая волосы.

Точнее, их остатки.

– Ненавижу! – прошептал он, врезав кулаком в стену. Любопытный рыцарь зашатался на месте.

Агрессия возрастала в геометрической прогрессии, Алина ощущала её приток всем нутром. Хотелось взять в руки гранату, выйти на многолюдный музыкальный фестиваль, над которым нависала бы целое облако дыма от многочисленных косячков, а на сцене пел очередной хиппи-урод

хриплым голосом, порой откашливаясь. Почему-то именно эти старики, вызывающие жалость, всё время пели про «любовь к себе» и прочую лабуду. Ага, полюбить себя становиться проще когда твоё лицо похоже на перепеченную куриную ножку. Словно вся кожа – это её хрустящая шкурка. Мерзость!

Так вот, Алина бы с удовольствием подорвала бы гранату в многолюдной толпе. Она ненавидела каждое живое существо, хоть и все люди, с которыми у неё сложилось общение за последние дни – это прислуга. Они заглядывали в комнату, предлагая очередное отвратное месиво с красивым названием. «Мусс из горошка из греческого Минкоса» выглядел как гавно Шрека. «Крем-брюле с апельсином из Амальфитанского побережья» таял не во рту, а на вилке. Один раз, на завтрак, она закатила невероятных масштабов истерику. Сбежался весь отряд прислуги. Первой под раздачу попала толстая кухарка. «Вот что бывает, когда шеф-повар женщина!» «Это сексизм»– в ответ затрещала толстуха, покрывшись лёгким румянцем. Что же, Али думала что эта женщина давно проглотила язык.

Хотите трагическую шутку? Родители не желали видеть перегоревшего уродца за обеденным столом. Они приказывали швейцару заносить еду ей в комнату, ведь какой нормальный человек сохранит аппетит при виде подобного ужаса? Родителям легче было закрыть урода в просторной далёкой комнате. Напоминает сказку про Рапунцель, или ещё

какую-нибудь глупую принцессу. Неважно.

И из-за этого агрессия внутри возрастала.

И как она могла себя считать красоткой? Неужели за этой отвратительной белой коркой скрываются приятные черты лица? Сейчас они пропали за многочисленными толстыми волдырями и алыми ожогами. Врачи говорит, что последствия останутся на всю жизнь.

И из-за этого агрессия возрастает.

Она чувствует, что никогда не оставит злобу к неизвестной Леди V. Незнакомка в плаще испоганила её жизнь, и она просто так это не простит. Пока что, сидя в надёжно охраняемом особняке, она спрячет её в тёмный уголок своей души, как опасного хищного зверя. Изо дня в день она будет подкармливать внутреннего демона, заставляя рости его как на дрожжах. И когда наступит час, Али взорвётся. Как Везувий над Помпеи, не жалея никого, кто встанет у неё на пути.

Мирно сидя на подоконнике и смотря вдаль из окна она представляла образ психопатки. Белоснежная маска. Чёрный плащ. Объемная шляпа. Прогуливаясь в саду она грезила о том моменте, когда сможет содрать все маски и взглянуть в лицо мерзавке. И тогда она поплатится.

Леди V своё получит.

На улице стояло солнечное утро субботы. А не всё ли равно? Али завесила окна тёмными шторами, ощущая себя вампиром ненавидящим солнечный свет. Каждый лучик становился болезненным, как только падал на ожог. Казалось, да-

же солнце её ненавидит.

Мрак комнаты прорывал свет экрана MAC. Алина залпом смотрела все части «Сумерок». Сейчас шло «Затмение», ну она не могла воспринимать знакомый сюжет нормально, ведь мысли были заняты ненавистью. Может её бесили глупые поступки Беллы? Или назойливый Джейкоб, обнявший Беллу на глазах у Эдварда во время бури на горе?

Похоронив себя под одеялом, девушка боялась выйти куда-то кроме сада. Ванная комната стала запретной зоной, ведь там находилось злосчастное зеркало. По приказу матери, все зеркала и зеркальные поверхности особняка завесили тёмными тканями, и сейчас дом стал похож на место кровавого убийства.

Андрей не писал, и почему-то она даже и не удивилась. Заботливый бойфренд напрочь забыл, что у него есть девушка. Он также напрочь забыл, что ради приличия не стоит выставлять веселые видео, где ты в три часа ночи танцуешь в самом популярном клубе соседнего города. Не стоит показывать насколько тебе весело, как ты счастлив, когда твоя девушка умирает от боли и больше всего на свете боится своего отражения.

Посмотрев громкое видео, где Андрей танцевал с коктейлем в руках и громко подпевал хиту Бруно Марса, Али завизжала «МУДААК!», и осознав насколько она ненавидит Бруно Марса и его старомодные песни, набрала Каролине. На часах четыре часа ночи. Жестокое злобное солнце как раз

намылилось выйти.

– Али, всё в порядке? – голос подруги был очень сонным. Она и сама настрадалась в вечер пятницы.

– Нихрена не в порядке! – всхлипнула девушка, в очередной раз потеряв контроль над собой.

– Что случилось? Ты чего? – слышно, что заботливая Кэр сильно занервничала из-за её истерики.

– Ну скажи мне, почему этот гандон так меня ненавидит? Почему он танцует, когда знает что я подгибаю? Почему ему так весело, когда я не могу сходить в туалет без адской боли?

Она так и не сомкнула глаз до десяти часов утра. Сумерки пришли на помощь, но разве они способны спасти человека, пытающегося выбраться из-под обломков своей жизни?

Телефон загудел. Пришло смс.

Кэр:

«Ты как, в порядке?»

«В полнейшем, смотрю Сумерки и рыдаю. Какая же всё-таки Стюарт талантливая.»

«Я обожаю твой юмор. Хотела заехать и привезти замороженный йогурт, но нужно в полицейский участок. Сори)»

«Я переживу. Как там Валентин?»

«Отстойно. Его отец обещал выгрести это дерьмо, но сейчас, кажется, ему легче сплавить сына в колонию строгого режима»

«Омг, на его месте я бы давно так поступила»

«Пошла ты»

Диалог прервало новое смс, заставившее Алину вздрогнуть. «Аноним».

– Чёрт! – вскрикнула она вскочив с кровати, мигом открыв текст.

«Великая и ужасная Али выглядит сейчас похуже, чем кабан-бородавочник в старости. Невероятно!

Как жизнь, сучка? Свыклась с болью? Ты хоть представила, что причиняла десяткам людей подобную боль своим помойным ртом? Хотя я думаю, тебе на это посрать даже и сейчас…

Твой любимый бойфренд, как я вижу, очень переживает. Места себе и своему языку не находит. Можешь взглянуть, сегодняшняя ночка у него прошла как нельзя прекрасно. Отблагодаришь позже.

Быстрейший фотограф города

Леди V “

К эсэмэске прикреплена фотография. На ней ярким зелёным цветом горит вывеска «Island food”, впереди– тень пары, слившейся в поцелуе. Стоило приблизить изображение как всё становилось ясно – Андрей и неизвестная девчонка.

– Что за манда? – прошептала Алина, чувствуется как над веком скопилось водохранилище слёз. И она их не стала сдерживать. Болезненные ручьи побежали вниз по алым щекам. Девушка громко всхлипывала, натянув на себя одеяло выше.

«Если тебе не нравится Валентин, то привыкай или уйди

из моей жизни» – писала Каролина. Алина не реагировала на смс.

Агрессия переполнила тело. Вот он, тот взрыв. Его нарастающей дым виднеется на горизонте. И первым, кого неминуемо испепелит лава станет Андрей. Человек, проводивший столько времени с ней, переживший столько эмоций и событий, и благополучно забывший в нужный момент. Все были правы, он однозначно самый ужасный человек на планете Земля. Подобного – холодного, самодовольного, наглого и жестокого – сложно представить.

Она виновата, что всё это время находилась в неведении, хоть и периодически видела Андрея насквозь. Даже его братишка – он сразу ей не понравился. Мудака видно издалека. Этот Влад явно не в себе.

Алина дрожащими руками схватила телефон и стала вбивать текст, иногда промахиваясь буквой.

«Грязная» – грязная самое то, но звучит как-то не круто. «Мерзкая» удачнее.

«Мерзкая – во! – шаболда, я клянусь, ты поплатишься. Мои родители и весь город ищут тебя, а когда найдут стянут с тебя заживо скальп, климаксная нафталиновая тварь» – слова вырастали сами собой, быстро как бамбук.

«Поаккуратней с выражениями, юная леди. Напоминаю, что язык тебя уже сгубил. Второй раз не переживёшь.»

«Неужели, сучка?»

«Леди V на шаг впереди. И пока ты мирно лежишь в своей

кровати, закинув правую ногу на подушку с изображением серого кота, жрущего мороженое, плачешь и держишь телефон в левой руке…» – откуда она это всё знает? Алина вскочила с кровати, начав лихорадочно осматриваться по сторонам. Ноги стали ватными. Она ощущала её присутствие.

Под кроватью никого. Держа телефон в руках она медленно подошла к шкафу, схватившись за ручку. Пришлось пересилить себя, прежде чем заглянуть внутрь.

Вдох-выдох. Маньячка может стоять за дверью и держать нож в руке.

Вдох-выдох. Алина закрыла глаза. Так спокойнее.

Вдох-выдох. На счёт «один!»

– Один! – шкаф был пуст. Недавно она перенесла все вещи в отремонтированную гардеробную, умещавшую всю мамину коллекцию винтажных нарядов. В 2011 году она купила платье Сары Джессики Паркер, появившееся в первом сезоне «Секса в большом городе». Она бешеная поклонница этого сериала. Торговец назвал платье «винтажным», хоть Али в этом и сомневалась. Также гигантский «шкаф» вместил в себя всю коллекцию туфлей Джимми Чу, отобранную Алиной.

Последний вариант: Леди V прячется за шторой. Взглянув туда, Алина вздрогнула. Казалось, у окна виднелась тень. Должно быть, именно от туда она за ней и наблюдает.

Почему бы не позвать охрану? Покинуть комнату? Девчонке хотелось взглянуть в глаза обидчицы, и она не стлала

бы убегать. Сейчас, она победила бы в любой схватке, каждый удар делая сокрушительным.

Не раздумывая, девушка отдёрнула штору. Никого – тенью оказалась толстая ветвь высокого дуба за окном. Внизу зелёными холмами простирался сад и десятки вырезанных из кустов фигур. Была б её воля, Алина спалила б их все до единой.

Проверив комнату, Алина наконец дочитала сообщение – «… Я могу ПЕРВАЯ снять скальп с твоей матери, она сейчас как раз тренируется одна одинешенька в спортивном зале. Как тебе такой поворот, сучкенька?»

Алина вскрикнула, чуть не выронив телефон из рук. Мигом набрала маму, за секунды забыв целый перечень обид на родных родителей. Включив динамик, девушка принялась нетерпеливо слушать гудки. Каждый тянулся вечно, став настоящим испытанием для нервов.

«БИИИИ-БИИИ»

– Да дорогая – запаханный голос. На заднем плане слышно звуки работающей беговой дорожки.

– Ты сейчас в зале? – дрожа от страха спросила она.

– Да, что-то срочное? – и как она не могла заметить её всхлипываний? Ну почему её мать и сквозь динамик морозит своим холодом?

– Сука!– вскрикнула Алина, принявшись нервно расхаживать по комнате – Там есть ещё кто-то?

Над экраном показалось белое окошко.

Аноним:

«Твоя мать чего-то сильно суетится. Надеюсь нож в грудь это исправит. Снять тебе видеорепортаж?»

– Попрошу не выражаться при мне! Я абсолютно одна. И к чему это всё?

– УХОДИ ОТТУДА! ПРОШУ, СРОЧНО БЕГИ НА РЕСЕПШН!

– Объясни мне в чём дело?

– БЕГИ!

– О'кей, о'кей, не кричи на меня.

Леди V:

"Твоя мать оглядываясь чуть меня не усекла. Пришлось бы выстрелить из арбалета. А я ещё ни разу не промахивалась»

– Ты на связи? – спокойно спросила мама.

– Да, не отключайся.

Али писала новое сообщение:

"Хочешь встретится, прийди сюда и покажись! Но не смей трогать мою мать!»

Ответ последовал мгновенно. Стерва имела редкостный талант быстро печатать:

«А кто тебе сказал что я не здесь? Может, откроешь дверь и впустишь гостей?»

Алина с облегчением выдохнула, убедившись в безопасности мамы. Хотя в чём сейчас можно быть уверенной?

Держа телефон в правой руке она медленно зашагала к

двери.

Аноним:

“Открывай, если не боишься превратиться в мясной фарш»

Аноним:

«Оптимальный вариант для тебя – выпрыгнуть из окна»

Девушка схватилась за ручку, немедля открыв дверь. Никого. Лестничный пролёт освещали солнечные лучи, попадавшие сквозь небольшое окно. Девушка осмотрелась, прежде чем напечатать:.

«Тебя тут нет, стерва!»

«У твоей матери превосходный парфюм. Я как раз вдыхаю его аромат, готовясь схватить эту суку за волосы. Скажи мамуле «Адьйос»»

– Мам, обернись! – громко вскрикнула девушка, продолжая поддаваться на уловки инкогнито.

– Что такое? Я сейчас на ресепшене. Никого нет, кроме двух девушек за стойкой – мать в полном недоумении начала беседу с администратором.

Присев на мягкий пуфик, Алина осознала, что психопатка хочет разрушить её изнутри, играя на нервах как на скрипке. Она не желает отпускать её, внедряя тьму в её душу. Она никогда не оставит её, и теперь Алина нигде не будет в безопасности.

Началась паника. Обхватив руками ноги, девушка запряталась в углу кровати продолжая громко всхлипывать. Она

везде – наблюдает за её жизнью из каждого тёмного места, готовясь жестоко добить свою жертву. Леди V способна на всё, у психопатки везде есть глаза, и утирая слёзы Али ощущала, как они её пристально изучают.

Даже боль ушла на задний план. Остался страх и крупная дрожь, ходившая по всему телу.

Яркое солнце слепило лицо, а она не могла заставить себя встать и задёрнуть шторы. Ведь V может оказаться под кроватью. Вместо этого девчонка всматривалась в окно и грезила о моменте, когда это всё прекратится. А может быть не зря она живёт на такой высоте? Может быть сейчас это выход избежать дальнейших мучений?

Укрывшись одеялом Алина растворилась во мраке, продолжая рыдать и проклинать превратившие жизнь в существование болезненные чувства.

Пролежав так час, она заставила себя встать с кровати и пройти в ванную за успокоительными. Вытряхнув побольше таблеток на ладонь, она не запивая их проглотила, после чего по привычке посмотрела в зеркало. Мрак, темнота. Оно завешано толстой чёрной тканью. Какое облегчение: не увидеть своего ужасающего отражения.

– Мам, как лучше? «Дерзкий сын анархии» или «Джон Леннон в молодости»?

В руках я держал две вешалки. Справа – кожаная куртка, под ней чёрная футболка, внизу тёмные джинсы. Слева – бе-

лая майка и широкие брюки более голубого оттенка.

На кровати сидела мама, всматриваясь в мои простецкие «луки» как в полотна Сальвадора Дали. Она преподнесла палец к подбородку (вот уж не знаю в шутку или в серьез – с ней никогда нельзя быть уверенным) и медленно переводила взгляд с одного прикида на другой.

– Опасный байкер куда круче – вот уж не знаю, стоит ли её предупреждать о том, что сегодня я вправду примерю на себя роль байкера. КОНЕЧНО ЖЕ НЕТ. Да, моя мать не совсем строгая, но я думаю немногих родителей порадует инициатива ребёнка прокатится на самом опасном виде транспорта.

Вчера вечером, перед сном, я залез в интернет, минут пятнадцать читая статистику про смерти на байке. Думаю, эта невероятно полезная информация пригодится мне, когда я буду покорять дороги города.

Стоя перед мамой и вспоминая фото окровавленных трупов, лежащих недалеко от мотоциклов, я начал передумывать. Спасибо, Гугл.

– Кстати, к «Молодому Джону Леннону» прилагаются круглые очки.

Открыв верхнюю полку небольшого комода, стоявшего рядом с шкафом, я достал узкие очки с круглыми радужными стеклышками. Мне подарили их ещё в столице. Я устраивал небольшую вечеринку в честь своего дня рождения. Тогда, идея пригласить одноклассников в квартиру, которая бу-

дет маленькой даже для смурфиков, не показалась мне такой безумной. Гостей было ровно столько, чтобы почувствовать себя шпротом в консервной банке.

Под конец вечера пришла девчонка с белыми волосами и слегка подкрашенными бровями. Я раньше с ней не общался. Она вроде как пела в церковном хоре и всю себя отдавала религии. Вот она мне и подарила эти очки, покрывшиеся сейчас толстым слоем пыли.

После вечеринки мы с Алексеем рассматривали подарки. Он нервно трепал бирку «H&M”, привязанную к ним и хихикнул:

– Что за дерьмовые очки?

С тех пор я их и не надел. Они вправду были дерьмовыми.

– Очки лоховские – коротко обрезала мама – Я за «байкера». «Байкер» рулит.

– О’кей, байкер так байкер.

Запрятав одежду в шкаф я принялся выискивать среди одинаковых коробок пакет со своими джинсовыми кедами.

– Как отношения с ребятами?

– Прекрасно – «особенно если учесть что я ещё не стал немым от пережитого страха»

– Ты общаешься с Андреем? – о Боги, как же это всех интересовало. Даже для мамы сам Андрей стоял выше на пьедестале важности, чем родной сын. Вы не подумайте, я не высасываю обиды из пальца. Просто не один семейный ужин не обходится без назойливого: «А как там Андрей?», «Что

с Андреем?», «Как Андрей отреагировал на твои новые кеды?», «Я слышала Андрей…»

– Нет – выдержав долгий вопросительный взгляд, продолжаю – Я с ним типа посрался.

– Удивительно.

– И что удивительного?

– Ты никогда с ним не ссорился – чистая правда. Мы с ним – идеальный пример настоящих братских отношений с самого детства. Всё переминалось, и изменения ощущались ещё когда мне было двенадцать, а ему тринадцать. Мы стали видится чаще, порой списываясь или созваниваясь в FaceTime, разыгрывая людей в видеочате и просто болтая о пустяках. Потом наше общение прервалось, так бывает. Кому-то из собеседников становится просто лень продолжать общение.

До этого года с каждым месяцем наши отношения холодели и холодели. Я наблюдал за его изменами в социальных сетях, периодически поражаясь обилию цветов царства похоти, царившего в его Стори. А потом, он решился добавить меня в «близкие друзья» – и я прозрел.

– Андрей круто изменился – в детстве мой брат умел очаровать любого. Начиная бабушкой, заканчивая учительницей математики, в которую он влюбился в первом классе. И сейчас эта черта прекрасно сохранилось – он нравился, кому нужно, и был последней тварью с тем, кто заслужил и не очень. Как оказалось, таких людей намного больше чем первых – Он стал другим, понимаешь. Я его совсем пере-

стал узнавать – тоже чистая правда. От того очаровательного мальчика остался холодный и медленно таяющий кусочек льда. Хоть он и до сих пор меня восхищал – его мужественности, брутальности и равнодушию ко всему не заслуживающему внимания стоит поучится. Как он умеет охмурять девчонок и вообще всех особей женского пола – приводит в восторг. Он чуть больше чем на год старше меня, но в сравнении со мной Андрей выглядит как состоявшийся мужчина. Стадный, харизматичный. Его низкому тембру позавидовали бы все итальянские оперные певцы вместе взятые: от Паваротти до Бочелли. Его теории флирта захотел бы обучится сам Казанова.

И вообще, я перечисляю все его достоинства и совсем забываю, насколько он меня бесит. Нужно прийти в себя.

– Из-за чего вы поссорились? – «ха-ха, хочешь знать? Из-за того что вы с папой решили скрывать разгульные наклонности Арсения за семью замками. Плохо вышло.»

– Да так. Из-за пустяков – оборвал я, накинув на себя чёрную футболку, начавшую неторопливо выцветать.

Глава 23 #бойцевыерыбки

***Каждый день был серой и однообразной рутиной. Некоторым моя жизнь показалась бы быстро меняющимся набором декораций и пейзажей. Но не мне. У меня есть отвратительное свойство быстро унывать и**

привыкать к окружающему миру. А для меня нет ничего хуже, чем стабильность. Из-за неё каждый день словно размыт туманом.*

Переезжая на новое место я даю слово, что заживу по новому. Буду учится идти в темп существованию, «не раскисать» как сказала бы моя бабушка. Но так получается не долго. Дни становятся серыми и бессмысленными. Помните, как в детстве всё было куда интереснее? Где бы ты ни был, что бы не делал, всё казалось особенным и магическим. Чарующим и волшебным. Всё становилось ярким под призмой ранних годов.

Со временем это «всё» выцвело, призма разбилась, и теперь дни многоножкой перетекают один в другой, проносятся мимо яркими бликами слепя глаза.

Казалось бы – убийства, загадочный маньяк. Всё расписано как сезон подросткового сериала, в центре сюжета которого мечтает очутится каждый моего возраста. Даже богатеньких детишек и шумные вечеринки завезли. Но и тут я не успеваю в темп существования: всё окрасилось в тона крови, стало тёмным и мрачным. В каждой тени всплывают жуткие воспоминания, навязчивые образы, я стараюсь от них убегать но… Ничего не выходит.

Хочется разыскать те самые золотые моменты, заставляющие любить жизнь и жадно хотеть нового дня чтоб узнать, какие эмоции он для тебя приготовил. Но у меня всё однотипно: страх-страх-страх… Я хотел бы абстрагироваться, от-

ключиться и получать наслаждение от коротко временных моментов счастья. Но к сожалению, я утратил способность радоваться мелочам.

Но не с ней.

С ней время замедляется и каждое мгновение ставится на замедленную съёмку. Я ловлю себя на мысли что всем нутром получаю наслаждение от общения с ней, начиная получать удовольствие от мельчайших деталей: как она женственно поглаживает волосы и безудержно смеётся. Как она говорит, подбирает меткие и острые как дротики дартса слова. Как она смотрит на меня, её глаза в целом. С ней такие важные умения, заставляющие чувствовать себя счастливым, вновь возвращаются.

А потом она уходит. И минуты вновь начинают течь мрачной тёмно-серой рекой.

Но сегодня, наконец, тот самый день, когда мне можно не боятся того момента, после которого магия общения с ней пройдёт. Мы проведём весь вечер вместе, и это будет прекрасно.

Я наконец зазубрю столь важные уроки: каждый миг важен. Каждый момент стоит проживать тут, не погружаясь в навязчивые печальные мысли. Каждой минутой стоит жить и получать наслаждение, ведь она уникальна. Ведь именно она потом будет давать силу и энергию во времена монотонных дней, наполненных выбивающим однообразием и сплошными мечтами, далёкими и непостижимыми. Именно эти мо-

менты и минуты делают меня таким, какой я есть. И без неё я бы не был Владом, в чём-то уникальным, в чём-то заурядным. Смешно звучит, ведь я общаюсь с ней всего неделю, а жизнь и взгляды на неё кардинально поменялись.

Красивый закат, ветер в лицо, агрессивный рёв мотора и её аромат – всё это восполнит разраставшуюся тьму внутри. Ведь это и есть счастье, оно заключается в умении наслаждаться здесь и сейчас.

Карты Гугл периодически настоящая путеводная звезда во тьме, а порой – набор запутанных линий и пентаграмм. Вот и сейчас мне казалось, что разоблачить иллюминатов гораздо проще, чем понять куда ехать.

А ехать у меня получалось вполне уверенно. Лукавить не буду – я упал один раз, причём с грацией мешка наполненного дерьмом. Вскочил с асфальта как подорванный, и давай мотоцикл на наличие царапин проверять, приговаривая:

– Ярик меня убьёт. Я его подвёл! – и даже не заметил, как тихо подошла заботливая старуха в розовой шляпке, интересуясь моим самочувствием – Ох, как же я его подвёл! – неугомонно тараторил я.

Но сейчас всё шло как по маслу. Кто бы мог подумать, что управлять мотоциклом такое плёвое дело. Гораздо сложнее освоить велосипед.

Хотя я даже и не знаю, можно ли назвать драндулет Ярослава мотоциклом. Возможно, нет. Это, скорее, его внебрач-

ный сын. Двухколёсная груда металла, рычащая как самая шумная дрель ваших соседей. Фары не работают. Сигналы тоже. Приходится обходится громкими матами и крепкими словцами.

Этот, прости Господи, мотоцикл Ярославу подарили родители на шестнадцать лет. На машину с их семейным бюджетом претендовать не приходится. «Вот и перебиваюсь» – объяснил он, выгоняя дивное средство передвижения из гаража.

«Ах да, кстати, если ты его поцарапаешь я оторву тебе голову и сыграю ею в баскетбол. Хорошего вечера!» – добавил мой друг. Какой любезный паренёк. С этими словами он выбросил меня в самую гущу сигналов, криков и машин. Хаос – вот он. Кажется, для окружающих весь смысл поездок – погромче наорать на невинного подростка, мирно проезжающего по дороге. Ох, как же я натерпелся за первые пол часа.

На переулке между «Бургер Кингом» и «Старбаксом» из тёмного Вольво высунулся потный мужик, с животом больше чем Юпитер, громко крича:

– Сдрысни с дороги, молокосос чёртов! – я, конечно же, уже открыл рот чтоб ответить и да погрубее, но вовремя остановился. Не хочется идти на свидание в синяках и с разбитым носом. Поэтому я пугливо переехал на другую полосу и скрылся восвояси.

Окна окружающих меня машин то и дело опускались, люди кричали, люди негодовали, люди пятнали свою ауру гряз-

ными словечками, и мне казалось, что я их совсем не заслужил. Вот тебе, с виду примерная мамаша похожая на Сандру Булок. А как рот открыла, так всё живое в радиусе километра вымерло от ора. Жуть.

Я ехал по объездной трассе, ненавидя район где живёт Ярослав. В полосе мотелей, хостелов и забегаловок как-то вместились несколько невзрачных домов, дыша вместо воздуха выхлопными газами с соседних дорог. Именно там заканчивался бесконечный лес и начиналась просторная степь. Я и не представляю, сколько времени уходит у Ярослава чтобы добраться до школы. Хотя нет, уже представил. Я еду пол часа, а леди-навигатор «Гугла» и не думает произносить заветное: «Вы прибыли в место назначения». Вместо этого без конца путает меня запутанными линиями местных улиц. И вроде бы такая Богом забытая глушь, а еду я будто по Бродвею, мешая движению всего транспортного потока Нью-Йорка, и всё его население дружно меня ненавидит. Ну вот, какой-то индус тычет мне фак, даже и не подозревая что за рулём байка сидит обновлённый дерзкий Влад. Я тыкнул ему фак в ответ. О да, как же я крут и дерзок!

Шлем, выданный мне Ярославом, судя по всему создавал Крамер из «Пилы». Это мучительнейший из существующих способ инквизиций. Чудо-приспособление медленно сжимает черепную коробку, и не угомонится, пока не переломает его как фисташку.

На карте виднеется красный флажок, а значит я уже на

месте. Знакомый район – серые домики, зелёные газоны… Он идентичен с моим. Бездушный, пустой и тихий. Также застроен для работников фабрик и заводов. Дом номер 246, 247, 248. Вот он, родимый – 249! Серая коробка под этим номером немного меньше чем моя. Имеется просторное крыльцо, на котором стоит уютный диван-качеля с подушками в цветочных рисунках. На первом этаже горит свет.

Сняв шлем я наконец задышал полной грудью. Как же прекрасно живётся, когда голову ничего не сжимает с силой тисков.

Чёртов шлем напрочь испортил мне причёску. Я измазал волосы гелем, в надежде на то, что буду выглядеть просто неотразимо. В итоге выгляжу, словно в волосах поселилась стая ворон.

Срочно достав бутылку воды из рюкзака, я смочил пальцы и стал спасать ситуацию, пользуясь фронтальной камерой телефона. Сначала выходило, но как всегда, что-то пошло не так. Теперь я как-будто только что вынырнул из океана. Можно было оправдать это дождём, только вот на улице ярко светило солнце. С причёской – провал.

Следом, я дыхнул на ладонь и попытался уловить аромат рта. Вроде бы всё в порядке. Я уделил целых пол часа рту, рассчитывая на прекрасный поцелуй – три раза перечистил зубы, поласкал «Листерином» десять минут и с азартом пирата, ищущего сокровища, выискивал залежи недоеденной еды зубной нитью. В итоге: улыбка как у Хью Джекмана.

Понюхал подмышки, и убедившись в отсутствии посторонних запахов направился к дому по выстеленной диким камнем дорожке.

Доски крыльца со скрипом прогибались под моими шагами, отсчитывая секунды до заветной встречи. «Три..Два…» Я позвонил в звонок, полностью уверенный в своём внешнем виде: чистый, пахучий, правда с мокрой головой. Возможно, в этом тёмном прикиде и зализанными назад волосами я сойду за Аль Капоне? Вряд ли.

Послышались шаги, сопровождавшиеся таким же скрипом, как и от моих шагов. Дверь распахнулась и я увидел знакомую женщину. Блондинка, улыбается, бегающими глазами-маятниками старательно меня осматривает. Она часто мелькала в полицейском участке, вытягивая шею как жираф подсматривая в окно комнаты допросов, когда я там сидел. От мамы Евы исходил приятный цветочный аромат, порой казавшийся чересчур крепким и навязчивым, но это лишь на первый взгляд.

А теперь пора начинать нравится:

– Здравствуйте, я Влад.

– Привет, я мама Евы. Можешь называть меня просто Элла – Элла, Ева. В этой семье явно имелся вкус на имена!

– Элла, мне так приятно с Вами познакомиться! Ева столько про Вас рассказывала… – ну и по старинке я стал без продыху молотить языком комплименты и приятные фразочки, ублажающие самолюбие родительницы. Она расцвела

как бутон тюльпана, подстать своему цветочному аромату. Улыбалась и кивала головой, совсем забыв зачем я пришёл – У Вас невероятный дом! Такой ухоженный газон. Сразу видно, Элла – вы прекрасная хозяйка! – в нашем городе в этих одинаковых серых районах все газоны были подстриженными, будто каждое утро над городом пролетает гигантская газонокосилка.

Наконец Элла опомнилась:

– Ева сейчас выйдет! Она у себя, уже почти готова. Ты не хочешь чая?

Я вежливо отказался и вновь завёл свою заезженную шарманку комплиментов. Элла опомнилась во второй раз, сново пробудившись ото сна з закрытыми глазами:

– Влад, как ты? – глаза её начали выражать жалость, уголки губ, будто тая, поплыли вниз как швейцарский сыр фондю намазанный на кусок сухарика – То, что ты пережил за последние две недели это ужасно.

Знаете, что самое странное? Обычно в книжках и фильмах жертвы не предпочитают говорить о своих эмоциях и жутких моментах. Но меня будто прорывало, и виниловый диск «Комплименты. Сборник ремикса очарования. Альбом 1» сменялся на «Расчлененка, кровь, хэви-металл. Диск 2». Я думаю, она наслушалась этого на работе, но детали вида трупа Виктора и мои чувства в тот момент сами вылетали изо рта. Должно быть из-за этого я и решился написать книгу.

Меня остановила лишь Ева – тёмный ангел в чёрном об-

тягивающем платье. Я говорил что у неё невероятная попа, удивительно невероятная как для белой? Нет? Да, вроде бы лишь грудь упоминал. Так вот, платье с красно-зелёными полосками по бокам мастерски подчёркивало все изгибы её тощей фигуры. Волосы водопадом падали на спину, гигантские глаза с умилением осматривали меня. И я наконец за долгие дни почувствовал себя до чёртиков счастливым. И какие убийства? Какая кровь? Скажи мне кто-то в тот момент, что я это всё пережил, ни за что не поверил бы.

Получался замкнутый треугольник: Ева улыбалась и из-за этого начинал сиять я, Элла это замечала и ухмылка вновь озарила её лицо.

– Чао-како – кокетливо поздоровалась Ева – Как у тебя дела, мальчишка – «Я-всегда-оказываюсь-не-в-то-время-не-в-том-месте»

– У меня только что всё стало лучше некуда, а как дела у тебя, девчонка-«Моя-каждая-реплика-наполнена-сарказмом»?

– Такое, ноготь сломала пока пыталась цент из раковины достать – мать глянула на неё жгущим взглядом – Да шучу я! Уже лучше некуда!

Её смех озарил серый район, осветив его ярче чем Таймс-сквер в новогоднюю ночь. Я скучал за этим звуком, за чувством, переполняющим меня когда я его слышу. Мне так порой не хватает её энергии и лучезарности. Тут должна быть точная до головокружительности метафора на подобии «её

улыбки – как наркотики», но нет. Не благодарите.

Ева точно переняла жизнерадостность от матери. Улыбка похожа один в один, а вот черты лица совершенно разные. Мать – истинная еврейка, сомнений нет – длинный нос, тонкие губы. Ева же выглядит как уроженка скандинавской державы, никогда не видящей солнца.

Обо всём этом я думал даже и не замечая неловкого молчания, нависавшего над крыльцом. Ева вовремя очнулась:

– Мам, мы пойдём.

– Хорошо вам повеселится, ребята! – улыбнулась она напоследок, провожая дочь взглядом. Последнее, что обратило внимание в Элле – глаза, выражающие сочувствие. Даже спустя время я буду помнить не ласковые дружелюбные улыбки, а этот полный грусти взгляд.

Я в последний раз обвёл дом Евы взглядом, надеясь что стану желанным гостем тут ещё не раз. Уютная прихожая в светлых тонах, лестница ведущая на второй этаж за спиной мамы – таким он мне запомнился. Сейчас я изучал черепичную крышу и высокие чистые окна. В одном из них, на первом этаже, стояла Элла. Оставалось молиться, чтоб она не увидела мотоцикл.

Пронесло.

Гардины задёрнулись, наконец атмосфера стала расслабленней.

Я повернулся к подружке, всё это время идущей рядом со мной плечо-в-плечо. Будто уместится на этой узкой тропе

вдвоём для неё – вопрос принципа.

– Что будем делать? – спросила она, и не дожидаясь ответа добавила – Только не ресторан, прошу. Одного похода было достаточно.

Я хихикнул. Это не смех веселья, а надрывистый хохот, словно стон прижатого тяжёлой ношей.

– Я приехал на мотоцикле – оборвал я без всяких прелюдий. И тут она сразу поменялась в лице.

– Мотоцикл? Ты… ты… серьёзно? – казалось, моё заявление привело Еву в восторг.

– Угу – надеюсь, она не рассчитывает на Харлей Девинсон.

С торжественностью ведущего лотереи, открывающего гараж с Ферари, я провёл её за зелёный куст у дороги. Там и стоял драндулет, устало склонившись над бордюром.

– Блинблинблинблинблин – заулыбалась она – Ты читал «Бойцовые рыбки»?

– Только «Изгои». А там разве были байкеры?

– Нет, но почему-то именно эта книга пришла мне на ум.

Подойдя ближе, своей хрупкой ладошкой она стала щупать потрёпанное, как ковёр кошатницы, сидение, с радостью, будто под её пальцами расстилались персидские шелка. Я снял красный шлем-орудие пыток с ручки и протянул ей.

– Надевай – ей богу, она сейчас завизжит от восторга. Мне это как мёд на сердце – делать её настолько довольной. Вот ещё одно качество, которому всем стоит поучится у моей девушки – радоваться мелочам как встрече с самым любимой

звездой. Как посещению самого желанного места.

Садясь на байк я представил встречу с Ники Минаж у берлинской стены. Выглядело бы странно.

– Ты хорошо ездишь? – её голос приглушал слой крепкого материала шлема, начавшего, по всей видимости, старательно душить Еву. Наконец, восторг отошёл и трезвые мысли ручьём ударили в голову. Меня это насторожило.

– С мастерством Бонда.

– В исполнении Крейга или Броснана?

– Они оба сдохли б от зависти – заведя мотор, я сразу же сорвался с места сбив стоявшую впереди урну. Банановая кожура, жвачки, недоеденные мороженые и прочее непотребство высыпалось на асфальт – Или от стыда.

Ева засмеялась, крепко обхватив меня руками (НАКОНЕЦ-ТО!). Этого момента я и ждал эти дни. Ненарочная близость, полное сливание в единый организм. Первые минуты от напряжения и суеты об этом приходилось лишь мечтать. Я весь был на взводе, срываясь с места столь резко, что Ева взвизгивала.

– Да! Мы крутые! – завопила она, когда мы уезжали прочь от урны не собрав мусор – Мы нарушители! Несносные подростки!

Все проезжающие мимо на своих клятых тачках тоже так считали. Первым высунулся мудак, видимо, везущий своего сына на скрипку:

– И кто дал таким молокососам вести мотоцикл? – голо-

сом лежащего на боку морского котика спросил он. Его грязные взъерошенные волосы выглядели, будто их недавно облизал гигантский медведь-Гризли.

– Твоя бабка! – завопила Ева, после чего мы вновь сорвались с места и неистово смеясь помчали прочь. Когда адреналин и волнение спало, начался чистой воды кайф: дрожь по телу не стихала, надеюсь Ева этого не чувствовала, в животе словно начинал крутиться водоворот, дыхание обрывалось из-за восторга. Скорость. Сигналы. Свет светофоров и вывесок. Невероятный всплеск энергии, впервые в жизни я чувствовал себя так, будто могу всё. Лавируя между рядами автомобилей я гнал наперекор дующему в другую сторону ветру. Вот он, тот самый момент, ради которого стоило потерпеть нескончаемую череду унылых дней.

А потом, выезжая из тянучки развалин набитых злобными людишками, я слышу её смех, ощущаю как холодное дыхание щекочет мою шею. Наконец, чувствую сердцебиение, как её щека нежно опустилась на мою спину. Так хочется посмотреть назад, чтобы вновь насладится ею.

Выезжая за черту города, я сломя голову давлю на педаль и попадаю в бесконечную череду лесов и зелёных елей. Ветер бьёт в лицо, я совсем забыл что без шлема, да и насрать. Сзади на полной скорости едут грузовики и фуры, а мы разрываемся от смеха и счастья. Пейзажи леса мелькают быстрой рулеткой, уносясь за наши спины. Мы смотрим лишь вперёд, несясь на встречу к вспыхнувшей огнём линии горизонта.

Спеша к нашему закату.

Фуры, автомобили, грузовики – все остаются сзади. Свернув направо, мы влетели на незнакомый участок дороги, оповитый ещё более тёмными посадками. Тут никого: впереди длинной рекой виляет серпантин, напоминая тягучий мармелад. Продолжая хохотать, мы даже и забываем про то, что совершенно одни среди незнакомой глуши. Теперь, мы неотъемлемая часть всех этих просторов.

Я отпускаю руки от руля и вздымаю в воздух, поворачивая лицо к небу и прохладному ветру, чувствуя как нежно Ева обхватывает мои ладони. Мы вместе – бушующая огненная концентрация энергии и счастья.

Мотоцикл мчит нас сам, все правила безопасности нарушены. Сердце колотит, и, возможно, в глубине души я дико нервничаю. Не знаю, задыхаюсь ли я от волнения или от счастья.

Но я точно уверен, что это самые лучшие минуты моей жизни.

Мы неслись не останавливаясь где-то минут пять, и стыдно признать, из-за шума мотора я не всегда разбирал, что говорит Ева. Но сейчас все слова чётко слышны и понятны:

– Я засниму стори – говорила она, роясь в кармане в поисках телефона – Все просто обалдеют, когда увидят что ты – на мотике!

Её рука с седьмым айфоном крепко зажатым в ней про-

тянулась вперёд, качаясь в воздухе как ветвь сосны, на которую сел воробей.

– Улыбнись! – кричала она, дабы я услышал, одновременно сияя сама. Видео получится отменным, это точно. Фоном для него служил выросший из ниоткуда деревянный мост, пересекающий небольшой ручей.

– В каких же красивых местах мы живём – в восторге выкрикивала Ева чистую правду. Чем дальше от города ужаса, тем волшебнее. Йеллоустоун и Йосемити нервно курят в сторонке. Деревья, одно больше другого, наваливались друг на друга в страстном поединке, нависая над дорогами как цветущие зеленью стены. Я не мог сосредоточится на дороге, виляя головой по сторонам как китайский болванчик. Красота здешних мест впечатляла.

– Ты не замёрзла? – поинтересовался я у Евы, старательно снимающей виды.

– Нисколечко – буркнула она, и как в подтверждение обхватила руками меня крепче. Нет, ну не может же быть всё настолько прекрасно!

Стена леса оборвалась, как и мой вздох. Теперь я точно, от переполняющих грудь впечатлений, надолго забуду как дышать. Под нами пустыней из зарослей простирались деревья. Над ними взрывом горел небосклон. Солнце, как подброшенный вверх баскетбольный мяч застыло над горизонтом.

– Влад, ты видишь это? – ну конечно же я видел! И не мог

этого сказать, пытаясь не закричать от восторга. Хотя, чего себя сдерживать?

Это точно самая красивая дорога земного шара. Да, не Махолланд-драйв, но с ней всё становилось самым-самым.

Серпантин уходил вверх, обручальным кольцом огибая лысый холм. Его верхушка песочным следом выделялась среди заросших просторов, будто когда-то давно на этом месте взорвалась бомба.

Теперь тут, в месте с самым потрясным видом моей жизни, не было никого, кроме нас. Ну что за вечер! Пустая дорога, безмолвные леса и пустынная обочина – идеальная смотровая площадка.

– Давай остановимся! – взмолилась Ева, читая мои мысли. Я сразу же вывернул руль, съехав с дороги.

Обочина выступала над обрывом, будто ладонь холма, старательно тянущаяся к солнцу. Я спрыгнул с мотоцикла, сразу же обернувшись к подруге.

Снять ей шлем не составило труда, гораздо тяжелее было удержаться и не погладить её подбородок, пухлые губы (и зачем я только сдерживался?) Соскочив с сидения, она бросилась к обрыву припав на ограждение.

– Это нереально! – закричала она, вслушиваясь в собственное звонкое эхо, отбивающееся от зелёных гигантов.

Нереально… Нереально…

В девяносто девяти процентах других случаев я бы начал переживать за Еву. А мало ли, поручни гнилые? Мало ли,

не выдержать вес и сорвутся? Но в таких местах ощущение страха и чувство меры уплывает в закат. Остаётся лишь желание наслаждаться и продолжать быть частью всего этого величия.

Никто из нас двоих не подумал достать смартфон – пейзаж хотелось запечатлить, но он нас сковал медными цепями, заставляя молча смотреть в свою сторону. Полыхающий всеми оттенками оранжевого шар неторопливо уплывал к краю земли, становясь всё бледнее. Небо над головой обрело тёмный оттенок, покрывшись серебряными звёздами, сиянием прорывающими последние лучи. С другой стороны, как противник по рингу, приглушенным свечением в игру вступала луна. Молодой месяц становился крупнее и крупнее, прогоняя солнце прочь.

На половину уйдя под горизонт, полыхающий мяч зажег дали горячим огнём. Насыщенный зелёный смешивался ровными полосами с тёмным оранжевым, обескураживая двух зрителей этого зрелища.

В оцепенении, не в силах вымолвить ни слова я молча подошёл к Еве и взял её за руку. Холодная, как и всегда.

Закат пришёл к кульминации: сумерки полностью поглотили лес, о солнце напоминал лишь тонкий, как грифель карандаша, просвет на небосклоне. Жаль, что все события делающие тебя счастливым когда-то закончатся. Это закон Мёрфи, наверное. Так и закончиться мой вечер. И поездки на мотоцикле. И это чувство в животе, словно все органы

теснятся в одну кучу.

Всё пройдёт.

Но эта мысль вылетела так же быстро из головы, как туда вошла. Ева положила свою голову мне на плечо. Медленно, бережно, как самую дорогую золотую скульптуру Версаля. И я вновь счастлив, и пускай сюда я приехал не на ярко-красной Феррари, со мной не Зендая или Белла Торн (хотя, возможно, они во многом проиграли бы моей девчонке), я не нахожусь на пляже Малибу с миллионами долларов в карманах и рядом с обслугой, подносящей тропические коктейли. Всего этого не надо, мои причины для радости менее пафосны.

И вот, последнее напоминание о лучшем дне жизни скрылось во тьме. Закат стал эпическим финалом, невероятным завершением невероятного вечера. Стоя во мраке, я вновь взгрустнул. Да уж, сам себя пугаю крутыми перепадами настроения.

– Вла-а-ад – прошептала Ева, словно боясь разрушить нависавшую над нами атмосферу. Тишина, мрак и пение сверчков в дали – Это лучший закат моей жизни.

Я бы не стал оспаривать это заявление. Подобное последний раз я видел на причале морского городка. Я сидел совершенно один, жуя жирную картошку фри с морским соусом (из морского там было только название). Там, конечно, идеальные закаты. Солнце похоже на огромный воздушный шар, нерасторопно идущий на посадку. Но той красоты я не

мог оценить по достоинству. Все мои мысли оккупировало уныние, и всё что я делал, так это представлял идеального человека, который мог тогда оказаться рядом. Она была бы разговорчивой, но в меру. У нас был бы миллион общих интересов. Она бы взяла меня за руку, и всё уныние по щелчку пальцев свалило бы подальше.

Но я сидел там в полном одиночестве до самого конца, в надежде хоть когда-то найти родственную душу. Человека, дополняющего меня в равной степени, что и я его. Если бы мне кто-то сказал, что через пару месяцев я его найду, закат показался бы самым красочным зрелищем мира. Если бы кто-то предупредил, что уже в этом сентябре я найду своё счастье, то ждать осень стало б основным занятием.

Я всегда был верующим, стараясь отдавать Богу частичку свободного времени и собственной души. Когда-то, окуная ноги в тёплую морскую воду я взмолился: «Господи, ну почему я так одинок? Дай же мне человека, рядом с которым пройдёт это жуткое чувство!» И он дал. Сейчас я молча говорил искреннее «спасибо».

Да-да-да, в начале книги я сказал что мне очень даже интересно самому с собой. Извините за противоречие, но убеждать себя гораздо проще, чем признаться в собственном несчастье.

– Я ничего подобного не видел – также тихо ответил я.

Никого не парило где мы находимся. Глушь, в ней наверное даже связь не ловит. Деревья тянутся зелёным шерша-

вым ковром насколько глаз хватает, ни одной ровной полосы трассы. А какая разница? С ней хочется заблудится, одичать, не найти выхода. Всё, лишь бы не говорить: «Пока! Спасибо за вечер!»

Нет, этот день не должен закончится.

Наши ладони начали сильно потеть, перегревая друг друга как два генератора тепла. Мы этого не замечали. Даже после захода солнца мы стояли, смотря в даль и мечтая. Поддавшись вперёд, я заглянул ей в глаза пытаясь угадать её мысли. Сейчас они стали серыми как дым, вздымающийся вверх от гигантского пожара. Они были наполнены тоской и усталостью, неопределённостью и терзающими раздумьями, при том что взгляд оставался живым и наполненным фирменной харизмой. Это озадачивало.

Сейчас широкая улыбка и заразный громкий хохот заменила затяжная, как тучи предвещающие дождь, ухмылка. Увидев, как пристрельно я на неё смотрю Ева отвлеклась от мыслей, и веселое выражение лица сразу же пришло на место:

– Ну что, куда мы направимся дальше? – вопрос был задан лишь чтобы снять неловкость. Этого не вышло, ведь со стороны я выглядел как помешанный. Стоял, должно быть, открыв рот и молча переводил взгляд с её губ на глаза. Господи, как же неловко! Как же глупо я тогда выглядел!

Как только она задала вопрос я стал бешено вдыхать аромат её рта. Ужасная привычка, если задуматься. Вполне

возможно, такой страдал психопат-насильник выбирая свою жертву. Но вы только представьте этот неподражаемый микс, и поймёте меня: сладость котельной вишни, приторный тягучий аромат плюс холод освежающей мяты. Когда мы целовались и я чувствовал этот вкус у себя во рту, начинал поглощать его с голодом озверевшего каннибала. О Господи, как же я, должно быть, ужасно тогда целовался!

В темноте вечера, даже тогда я мог разглядеть её нетипичную для девочек бледность. Она казалось призраком, возникшем среди пустого холма, и яркий свет луны лишь подчеркивал бледность кожи. Я никогда не понимал за счёт чего: она всегда уплетала еду за обе щеки и никогда не выглядела больной. Я знаю лишь то, что она любит допоздна засиживаться над книжками, с фонариком под покрывалом, чтобы мама не заметила. Смешная привычка, если задуматься – Эй, ты здесь? – Я ведь тоже так делал, ещё с детства. Мама запрещала долго засиживаться за книгами, чтобы не погубить зрение.

Кажется, Ева что-то говорила, но не могла отвлечь меня от мыслей сплетённых в единый поток. Она такая хрупкая, изящная, женственная. Даже её каштановые волосы казались абсолютно идеальными, свет месяца выдавал новый оттенок. Она вся менялась под светом луны, как нимфа из старых легенд. Сейчас, я бы с лёгкостью поверил что она ею и является.

А её скулы… Её острые женственные скулы… Они при-

давали очертаниям лица холодности, сдержанности. Умные глаза, казалось, с мастерством спутников НАСА, читают и запомнают все вокруг. Резвый быстрый взгляд, который… – Эй. Я тут, ку-кусики… – … сейчас с ног до головы сканировал меня в лёгком замешательстве: И о чём думает этот маньячелла?

Я потянулся к ней губами, и она даже не отступала. Я почувствовал своим ртом её сухие, твёрдые губы, а затем влажный язык.

Говорят, при поцелуе обмериваются миллионом бактерий. Так вот во время нашего поцелуя мы обменялись ровно в пять раз больше. Сейчас я чувствовал сладковатый вкус свежести у себя во рту, сумев вовремя остановиться и не превратить поцелуй в слюнявый водопад.

Её нос всё время неуклюже сталкивался с моим, но это нам не мешало. Моя рука ловко скользила по её талии, плавно переходя к бёдрам. Она жила своей жизнью и стала неконтролируемой. Каждая часть тела чётко знала, чего хочет, и незамедлительно действовала.

Отклонившись от неё и словив озадаченный взгляд, говоривший «Ведёт он себя, конечно, как придурок, хоть и целоваться научился», я удостоверился в собственной уверенности и чёткости намерений.

«КТО Я? КТО Я? КТО Я?!

ВЛАД!!!

И ЧТО Я ХОЧУ?!

ЕВУ!
КОГДА?!?
СЕЙЧАС!
ВПЕРЁД!»

Сам себя удивил собственной наглостью и напористостью. Скорее всего, так и происходят изнасилования. У парней точно такое состояние, как и у меня тогда. В голове мутнеет, мысли ставят табличку «вернёмся через двадцать минут» и покидают голову. Ты чувствуешь себя пьяным, хоть и в крови ни одного промилле. Тогда сложно осознать, что пьянит аромат её тела и её вид. Руки тянутся куда не надо, и ты совсем не ощущаешь, как старательно она выгибается и старается высвободиться из твоих объятий. Ты даже и подумать не в силах, что получишь отказ, ведь сейчас вам так хорошо. Вы же одно целое, а одна половинка другой не отказывает.

И что с того, что наш первый раз пройдёт на открытом воздухе? Романтика чистой воды! И нет, я не пересмотрел порно, все любят секс на свежем воздухе!

Я продолжал жадно покрывать поцелуями её шею, одновременно пытаясь расстегнуть застёжку изысканного платья. Всегда знал, что с координацией у меня полный провал. Кто делает эти заедающие застёжки?

Я уверен на все сто, что именно с этим человеком хочу потерять девственность. Больше ни с кем. Никогда. Именно с Евой и именно сейчас.

Ах да, я упоминал что в кармане моей кожанки лежит пре-

зерватив? Да-да, вы бы не подумали, а я тот ещё хитрый пёс. Спасибо Андрею, именно он мне его подарил.

Хоть за что-то спасибо этому самоуверенному ублюдку.

Мы ехали в его БМВ, и он как-бы между делом повернулся, нахально стрельнув глазами, и протянул квадратный пакетик:

– Удачи тебе, амиго. Я в тебе уверен.

Сейчас я тоже полностью в себе уверен. В штанах взрыв. В животе всё переворачивалось как в стиральной машине.

Полная луна, забытая высшими силами глушь, где ни то что человек не пройдёт, олень не проскачет. Да что может помешать? Чего она так…

– Вла-а-ад

… упирается…

– ВЛАД! – напряжённо выпаливает она, отталкивая меня от себя. Я думал сейчас со всей силы влепит пощечину, но катастрофы не случилось. Мы в полном недоумении смотрим друг на друга, запыханные, как после десятичасового марафона на перегонки.

Вот чёрт! Нетнетнет, я всё разрушил! Магию этого вечера, романтику и прочие ванильные приятности! Какой же я придурок!

– Ева, прости… – голос надрывается под тяжестью неловкости. Хочется разбежаться и спрыгнуть нафиг с обрыва. Старый Влад никогда бы так не поступил. И откуда во мне появилось столько раздутого самомнения и напористости?

Возможно, это прекрасные качества для мужчины. Но не с ней. Её хрупкий характер не готов был столкнуться с подобным – Прости! – ещё раз молю я, словно проснувшись после кошмара. Возмужание как рукой сняло.

– Не извиняйся – шепчет она, подходя ближе. Моя девочка! После подобной дряни Ева способна отпустить, она милейший человек планеты! – Это просто так… быстро. Я не готова – переводя дух, она продолжает – Ещё две недели назад я и не знала о твоём существовании, а сейчас…

– Прости, просто я…

– Нет-нет, ты мне тоже очень нравишься. Просто это очень резко, Влад. Я ещё не готова.

«А я был готов настолько, что чуть не взорвался на тысячу мелких кусочков от переполняющего желания!»

– Скажи, когда будешь готова – о мой Бог, какая же тупая фраза! Бестолковей просто не придумать. Это как сказать: «Когда захочешь потерять девственность звякни или пришли мне гифку в Директ с бананом». Но она приличия ради кивает и я успокаиваюсь, хоть и до сих пор замечаю как она нервничает.

Как только я попытался завести новый разговор, вроде «Я только что хотел заняться с тобой сексом, давай поговорим о новом альбоме «Twenty one pilots»”, слышится хруст. Кто-то сломал ногой ветвь. Надеюсь, кролик а не гигантский медведь-гризли.

– Слышал это? – испуганно спрашивает Ева, осматрива-

ясь по сторонам.

– Да – наверное, после сегодняшнего я буду говорить с ней лишь односложными предложениями.

Хруст повторился, после чего я обернулся к лесу, рассчитывая заметить дивного зверя. Но я лишь замечаю дивный силуэт, застывший статуей у начала посадки.

– Кто ты? – вскрикнул я, не понимая что делаю. Возможно, это маньяк. Может быть, Леди V. Сектант, жаждущий принести нас в жертву. Привидение. В конце концов, в этом городе может произойти всё.

Я буду счастлив если это окажется полисмен, арестующий меня за попытку изнасилования. И тут же доходит новая мысль – этот «кто-то» видел всё: как я жадно целовал Еву, как она упиралась, как я неловко пытался стянуть с неё платье. Это точно выглядело со стороны как попытка изнасилования. Чёрт!

Силуэт повернулся, и тут сердце ушло в пятки. Белая маска прорвала тьму, заставив меня вздрогнуть как от удара током. На дереве, из которого был сделан данный шедевр мастерства изготовления масок, искусно вырезан миллион морщин. Алые щёки горят двумя фонарями во тьме, как и розовые пухлые губы. Растянутая от уха до уха улыбка напоминает шрам и вызывает отвращение.

Пустые сощуренные глаза тёмной пустотой смотрят в нашу сторону. Невозможно понять, кто стоит за обликом изуродованной старухи. Думаю, все жители хотели б узнать

это.

– Леди V… – шепчу я, хватая Еву за руку. Будто в случае нападения я смогу её уберечь… ха-ха! Разве что заслонив от стрелы арбалета.

Силуэт сделал шаг в сторону обочины. Второй. Третий. Медленно, но уверенно психопатка плыла к нам. Вальяжно, будто на встречу со старыми друзьями. Будто чая попить хотела, насладившись красивым видом.

– Ева, нам нужно бежать. Она нас убьёт! – кричал я, толкая Еву в сторону мопеда. Она не поддавалась, слегка наклонившись как тонкое дерево от лёгкого ветра.

Ева в ступоре смотрела на незнакомку, а незнакомка прекратила свой неторопливый похоронный марш, засмотревшись на Еву. Я также остановился, забыв о кровавых ужасах, на которые способна стоящая впереди меня женщина… Или мужчина… Или киборг с Марса, или вампир из семейства Каленов. Тело прошибла дрожь. Сейчас, психопатка достанет арбалет и по очереди нас застрелит. Потом, обдумав раскрашенное кровью полотно, превратит наши тела в шокирующее весь город зрелище. Как с языком Виктора. Может быть, достанет моё сердце и вложит в ладонь Евы. А что, я ведь и вправду без памяти влюбился.

Но ничего подобного.

Леди V подняла облачённую в перчатку руку. Всё моё тело содрогнулось:

– Ева!

Она стояла, подняв руку вверх:

– Ева!

Это конец. Наша смерть будет медленной и мучительной. Она достанет моё сердце заживо.

– Ева!

Стоп, я же нравился этой невменяемой. Она об этом в письме писала.

– ЕВАААА!

Хоть ты разбейся головой об асфальт, Ева не желала меня услышать. Ну всё, конец близок. Сейчас другой рукой она достанет арбалет.

Но этого не случилось. Леди V доброжелательно помахала нам. Жуткое зрелище – любящий убивать подростков инкогнито машет как клоун на ярмарке. Тёмный силуэт сорвался с места, и под знакомый хруст ветвей скрылся в лесу. Дрожь наконец усмирилась. Я в полном недоумении взглянул на Еву:

– Что это было? Почему ты встала как вкопанная?

– Это была Леди V? – сглотнув, спросила она указывая на лес.

– Нет, капитан Марвел на разведке.

– Это же она его убила… – шептала Ева, до сих пор не приняв происходящее – … Давида.

После этого я осознал её шок. Не каждый день встретишь человека, способного на подобную жестокость. Для неё это было из ряда вон: заглянуть в тёмную пустоту, служившей

заменой глазам существу, чья голова полностью затуманенна жаждой кровавой мести.

И чего она хотела? Просто посмотреть на нас?

А потом до меня дошло. Я чуть не вскрикнул от этой мысли – Леди V видела меня в момент фиаско с Евой, ведь так? Значит, и фотографии у неё тоже прилагаются. Твою мать! Она сможет подать их под нужным острым соусом, выставив меня насильником перед всем городом. Своим выходом она показала, что мне стоит быть осторожнее. Может быть, через несколько дней начнётся чистой воды шантаж. Может, уже завтра утром.

Что если Леди V не просто так вышла из укромного места? Что если после моей неудачной попытки перейти на новый уровень отношений с Евой, психопатка захотела остановить меня?

Помочь Еве, подумав что я готов причинить ей боль.

Наблюдав за нами с ветви дерева увидела как Ева пытается вырваться из моих объятий и спрыгнула. Первый хруст. Наблюдала за развитием ситуации далее, увидев как я медленно подхожу к Еве, готовый закончить начатое. Второй хруст.

Что если Леди V готова была изменить своим принципам, спасая невинную девушку от чудовища, подобного своему брату?

Что если я оказался монстром в глазах самого жестокого человека города?

На небе зажглись тысячи звёзд, и сейчас мы имели возможность рассмотреть каждую вдоволь. Может быть именно они, каждая звезда из миллиона, и стали причиной Евыной забывчивости. Вот уже смеётся, обхватив меня руками, словно последних тридцати минут и не было. Вообще, я её понимаю: адреналин, плюс ощущение нехилой скорости и жуткий ветер в лицо неплохо очищают черепную коробку от лишних мыслей. А ещё этот ужасный скафандр.

Хотя, чего я до сих пор себя терзаю бестолковыми мыслями? Просто попытать удачу – не грех (если считать попытку заняться сексом – за «попытать удачу»). Сейчас, после того как всё сломалось, лучший вечер жизни вновь стал лучшим. Жаль только, что я не могу оторвать взгляд от дороги и вдоволь насладиться звёздами. Над этим городом они уникальны, будто видят, какие испытания выпадают в жизни жителей и стараются светить ярче.

Свернув налево мы выехали на большой хайвей, ведущий в город через лес. Вдали виднелись силуэты заводов и рассыпанные среди деревьев фонари. Место, собравшее в себе столько тьмы, как на ладони. С далека и не скажешь, что там царит безумие. Может быть из-за этого его жители закрывают на всё глаза?

Ева опять прижимается ко мне, старательно пытаясь перебороть дистанцию и непонимание, возникшее между нами. Честное слово, не понимаю эту девчонку. Ты же недав-

но сказала строго «нет» нашей близости. Зачем? Я же чувствую как тебе нравлюсь, блин, своей спиной! Своей шеей, ощущающей тёплое дыхание, при такой скорости остающееся спокойным и редким.

Её взгляд перестал быть безумным и суматошным, смягчившись как намокший лист бумаги. Она безмолвно вглядывалась в темноту, не в пролетающие мимо деревья, а в мрак между ними; наверное, старалась вновь увидеть там Леди V.

Чем ближе мы были к городу, тем больше становилось фонарных столбов. Они тянулись беспрерывной сияющей цепочкой, и если закинуть голову вверх на полной скорости, можно подумать, что едешь по полыхающему огнём тунелю.

Чем быстрее ехал мотоцикл, тем сильнее Ева обнимала меня и крепче хватала талию нежными руками.

Как только мы отъехали от облюбованной обочины я чувствовал себя как в похмелье. Жал на газ как во сне, все пейзажи вокруг размывались, голова болела. Не знаю, почему. Может быть из-за страха или неловкости.

Сейчас все наладилось. Я вновь счастлив, и вновь не понимаю самого себя. Что же это за перепады настроения такие? Это нормально для моего возраста? Может пора записаться к психологу? (хотя в этом сомнений никаких)

Кто там говорил, что жить на полную катушку обязательно означает быть одиноким? Ха, шах и мат знатоки! Я мчу на встречу неизвестности, позади меня девчонка, дико нравящаяся мне, и мы счастливы. Мы вместе. Мы гоним не огля-

дываясь назад, наслаждаясь каждым мигом, не боясь того что впереди.

Я настолько приловчился мастерски объезжать машины и автобусы встречающиеся на пути, что за последние пятнадцать минут не услышал ни одного мата. Это рекорд! Возможно, это было связано с резким похолоданием на улице. Все просто закрыли свои паршивые окна.

Объезжая один из старых жёлтеньких потрёпанных автобусов я заглядывал в каждое залапанное окно, всматриваясь в пассажиров. Представлял их жизни, куда они едут и что их ждёт в пункте назначения. Так же они счастливы как и я. Были ли когда-то так счастливы.

Вот например, старуха сидящая у заднего входа. На вид – консерваторша редкостная. Серый кардиган, тёмные очки, седые волосы собранны в аккуратный пучок. Увидев нас она расплылась в улыбке, и Ева в ответ на это помахала ей рукой. Может быть, на даму нахлынула ностальгия, и она когда-то тоже разъезжала на мопеде с местным байкером, клянясь ему в любви. В тайне от матери била татуировки на пояснице, он учил её играть на гитаре, она его готовить. Они также проживали лучшие моменты своей жизни, рассчитывая что они будут тянуться цепочкой всю жизнь. И где сейчас этот байкер? Проезжает в другом автобусе в поношенном сером пуловере, с другой старушкой, и точно так мечтает о своей отвязной девчонке.

Женщина, выглядывавшая из другого окна недовольно

нахмурила брови. Мало ли, когда-то из-за подобного мотоцикла ушла из жизни её любовь.

Ева тем времени всматривалась в стоявшую у стеклянной двери выхода парочку. Высокий парень крепко обнимал миниатюрную на его фоне девушку, мечтательно смотрящую в окно. Наверное, она раздумывала над тысячами вариантов светлого будущего, поджидающего её. Взгляд лёгкий, воодушевленный. Вдыхая аромат своего парня она подобно нам заглядывала в проезжающие машины. Я уверен, хотела знать, также их пассажиры счастливы как и она.

Увидев Еву, девчонка расплылась в улыбке. Как бы хвастаясь своей драгоценностью, она сильнее прижала парня к себе. Ева в ответ крепко-крепко обняла меня, носом уткнувшись в шею. Посмотрев друг на друга в последний раз, девчонки подмигнули.

Не понимаю смысла этого немого диалога, но думаю что он очень даже позитивный.

Я поехал быстрее, оставив маршрутку позади.

Где-то на километр трассу обступили небольшие серые домики. Не представляю, какого это жить так рядом с большой дорогой. Смирится с выхлопными газами и прочей дрянью ещё не так-то сложно, а вот уснуть под звуки десятков проезжающих мимо бульдозеров, везущих жизненно необходимые бутылки колы в город – квест.

«Район не спящих людей» закончился, поглотившись пар-

ком, казавшимся дикими джунглями с мотоцикла. Я его узнал – великий и ужасный «Дубовый», названный так угадайте чего? А? Верно! Из-за не меренного количества дубов. Если срубить их всех под чистую и пустить на изготовление туалетной бумаги, можно было б потереть жопы всему Китаю, клянусь.

В этом заросшем мхом и пахнущем сыростью, прости Господи, парке, никто не хотел гулять. И правильно делали! Немыслимая площадь, отсутсвие освещения и какой-либо инфраструктуры. Покажите мне умалишенного, назвавшего это парком. Заповедник, лес – ближе к истине. Парк – смешно.

Зато он давал повод для тёмной тучи сплетен и новостей города: то там поселились бродячие амиши, то каждую ночь сатанисты, на поляне у ручья, отрывают головы петухам, ведьмы устраивают шабаши, зарождается новый опаснейший вид клещей… Клещи, как не странно, больше всего шуму навели. Короче, каждый месяц новая драма. Горожане такое любят.

Из-за всех этих слухов никто в здоровом уме туда не сунется. Тем более, когда по городу рыскает маньяк. Но разве мы в здоровом уме?

Проехав зелёную табличку (какой идиот её покрасил в зелёный, слив с цветом листьев?): «Парк «Дубовый». Городской памятник природы» Ева заявила:

– Давай остановимся и погуляем тут – перекричать рёв

мотора было непросто, но она смогла.

– Почему бы и нет? – а и правда, прекрасная идея! Ни одного фонаря, посадка, в которой заблудится легче чем сходить в туалет, ночь. Прекрасная комбинация для хорошего свидания. Обожаю Еву и её спонтанность.

Мы спрятали мотоцикл Ярослава в кустах за обочиной. Ещё одно подтверждение того, что я фиговый друг. В тот вечер мне было невероятно наплевать на его драгоценный байк. Я даже кинул его небрежно, и кажется, поцарапал бампер.

– Блин, может не стоит его так оставлять? – Еву вдруг озаботил этот драндулет. И с чего бы это?

– Плюнь на него! – кинул я, схватив её за руку и потащив в чащу леса – Единственные, кто его могут украсть – бухие подростки, ошивающиеся тут. Мы их догоним прежде чем они мотор заведут.

Скорее всего, подростки тут не только бухают. Земля у обочины щедро усыпана иглами разной длинны, но одного назначения.

Через секунды мы забыли о мотике и неторопливо шагали вглубь парка, хохоча во весь голос. Вроде бы пьяные, а вроде бы и нет.

Я всегда думал, что гулять в кромешной тьме – плохая идея. Оказалось, в этом есть своя доля романтики. Хотя, назвать это кромешной тьмой было бы ложью. Я освещал тро-

пинку фонарём АйФона, который, кажется, может азбукой морзе подавать сигналы жителям луны.

Главный минус прогулок во мраке: я не вижу лица Евы. Её эмоций, когда она рассказывает про первую собаку. Когда описывает Алису и их ночные просмотры классических ужастиков. Когда в деталях описывает чувства после прослушивания нового альбома любимой группы. И самое смешное, что я даже не запомнил названия группы. Прижался к ней, обхватив хрупкие плечи рукой, вдыхал аромат волос и пропускал слова мимо ушей.

Периодически, я поглядывал на её лицо, и в бликах фонаря пытался выведать настроение. Её глаза горели серебряным светом, лицо скрылось в тенях. Будто мы в летнем лагере и она собирается рассказать страшную историю.

Когда я осматривался по сторонам, клянусь, думал что лечу в открытом космосе. Свет луны не смог пробиться сквозь густой слой листьев. «Дубовый» стал изолированной вселенной.

А потом поезд разговора о мелочах сошёл с рельс, дав проехать более серьезным темам.

– Влад, ты… Ты совершенно особенный парень.

– Мне не часто это говорят – хмыкнул я.

– Серьёзно, таких как ты я ещё никогда не встречала.

– Может быть в твоей жизни мало парней?

– Я серьёзно.

– Прости, вообще, мне очень приятно это слышать. И раз

уж разговор пошёл, то тоже хочу сказать что ты необыкновенная. С тобой даже в банальном молчании я чувствую себя счастливым. Не знаю почему.

– Я… я тоже! – Еву осчастливило подобное совпадение. Я тоже был рад, что у нас всё взаимно.

– И вообще, я очень благодарен высшим силам за то, что в этот период жизни прислали мне тебя.

– Звучит философски.

– Ева, если бы не ты я не справился, ты понимаешь? Я бы просто сошёл с ума, или порезал бы себе вены, или разбился бы головой об стенку… Всё чтобы не испытывать этого ужаса.

Сквозь темноту я видел, как она пытается отыскать мои глаза.

– Но появилась ты. И клянусь, если бы перед поездкой в этот город меня предупредили б об этих ужасах, я бы всё равно переехал и пережил бы всё заново. Всё, чтобы ты была рядом.

Прорвало так прорвало.

– Вообще я начала тебе оду петь, а ты отобрал мою минуту славы – я услышал, как она шмыгнула носом.

– Ты что, плачешь?

– Влад, спасибо тебе за всё – она рыдала. О Боже, она начала реветь. Вот это по настоящему внезапно. Я надеюсь она счастлива, и наш разговор ни заставил её опечалится. Будь проклята эта темнота, из-за которой я не могу рассмот-

реть её глаза. Я стал аккуратно протягивать руку, положив её ей на плечо. Фонарь, опушённый вниз освещал блестящие в свете слёзы на щеках.

– Я вообще думал что найти родственную душу на уроке географии это что-то из рода фантастики – шепчу я, поглаживая её шею. Я и вправду думал, что никогда не найду кого-то вроде неё. Кого-то, кто дополнял бы меня, заставлял чувствовать себя живым. Некоторые люди разыскивают таких партнёров вечно и так и не находят.

А я нашёл. Должно быть, я везунчик.

– Моя мама говорит, что найти человека с которым тебе будет не страшно, открыться и быть собой это большая удача – в ответ сказала она. «Элла права. Да здравствует Элла!»

Может быть, посреди тропы тёмного Богом забытого парка целуются только отморозки. Должно быть, это не лучшее место для поцелуя. Но сейчас я не смог удержаться. Мы друг друга понимали, высказывали всё что на уме без заминки. Разыскать такого человека это как метеоритный дождь, бывает раз в пятьдесят лет и то с маленькой вероятностью. Я быстро наклонился к ней, но что-то пошло не так. Мы стукнулись лбами, посмеялись, и повторили попытку.

И вот он, самый вкусный поцелуй за вечер. В темноте мы чувствовали каждое движение друг друга. Каждое сердцебиение, вдох, выдох. Мы слились, полностью растворившись во мраке. Как инь и янь, неразделимы.

Холод, который я чувствовал тут несмотря на куртку, ис-

чез. Я наслаждался теплом её тела. Она такая холодная и безжизненная на вид, но при этом очень горячая, в прямом смысле этого слова.

Каждое прикосновение получалось само собой, как бы не в намёк. Тело само уверенно действовало, шаг за шагом приводя сердце в чувство полного экстаза. Во рту благоухал её аромат, а потом, за секунды, всё резко прекратилось. Как на вычурной талантливой опере в конце акта: в самом разгаре действий и страстей закрывают кулисы.

Ева отклонилась от меня, продолжая держать за шею. Она как кошка, будто видела мои глаза, тихо прося:

– Я за тебя очень переживаю. Ты всегда оказываешься в самом эпицентре жести, и это иногда доходит до смешного, если бы не было настолько ужасным. Прошу, береги себя. Ты мне нужен.

Она до сих пор всхлипывала, и это было как пощечина для меня. Сильный ляпас, удар. Эта прекрасная девчонка плачет из-за тебя, а ты стоишь и молчишь как истукан острова Пасхи. Кто ты после этого? Правильно. Эгоцентричный мудак.

Хотелось вытереть её слезы, блестящие в свете фонаря как бриллианты. Я себя отдёрнул, подумав о том, насколько будет неловко если я ненароком ткну её пальцем в глаз. Вот это настоящее фиаско.

– Со мной всё будет хорошо – прошептал я

– Не будет. Знаешь почему именно на тебя выгрузилась эта кровавая дичь?

– Из-за того что я неудачник?

– Нет, из-за компании твоего брата. Это на них началась настоящая охота, а ты случайно оказался рядом. Может быть они даже и заслуживают это всё…

– Да как ты можешь такое говорить? – вспыхнул я.

– Нет, ты не правильно понял…

– Алина, блин, заживо горела! Давид вообще к мажорам никакого отношения не имел!

– Я хочу сказать, будет лучше если ты перестанешь с ними общаться.

Вообще-то я перестал, и вроде-как говорил об этом Еве. Но сейчас я разгорался со скоростью великого Лондонского пожара:

– Давай я сам определюсь, с кем мне общаться! Ты решила диктовать мне правила жизни, как и все остальные?

– Я думала, что для тебя больше чем «все остальные».

Кажется, она меня потушила. Пожар усмирён, в воздух поднимается прозрачный дым.

– Да, ты больше, но… – я не договорил, важная беседа резко оборвалась. Опять шаги, доносящиеся из тёмных пучин леса. «Топтоптоп» – кто-то неторопливо подбирается к нам по тропинке.

Опять… Серьёзно?

Я резко поднимаю АйФон и освещаю парк. Рассмотрев силуэт, загоревшийся белым светом, Ева схватила меня за руку.

Сморщенная груда костей, сутулая, немощная. Напрягая зрение в ней я рассмотрел дедушку. На старом лице читались злость и недовольство. Возможно, местный бродяга. Очень-очень-очень старый бродяга. Не дай Бог такую старость.

В любом случае, он лучше чем агрессивный гопник со швейцарским ножиком в руках, или полоумный наркоман, желающий денег. Старик смотрел на нас, явно собираясь что-то спросить. Но вопроса не последовало.

Его глаза блестели серебряными огоньками среди зарослей кустарников. Морщины нависали холмами над глазами, оккупировали лоб, сделав его похожим на высокий горный хребет. Кадык болтался под подбородком как мешок с картошкой, щеки впали, обнажив скулы как у Малефисенты в исполнении Анджелины Джоли. Да уж, не самое адекватное сравнение.

Чёрт, почему каждый в этом городе считает своим долгом испортить нам драгоценный момент уединения? Это что, какой-то дурацкий ритуал? «Ломай молодым парочкам весь кайф и попадёшь в рай!»

– Вы что-то хотели? – спросил я, продолжая светить в сторону старика. Он сощурился, опустив глаза на фонарь.

Помедлив, шаркая ногами он начал медленно подходить к нам. Чего же он хочет? Потом остановился напротив Евы и засмотрелся на неё взглядом старого маниакального извращенца. Потом, с такой же возбужденностью протянул свою дряблую руку к её лицу и нежно погладил бледную щеку.

Ну всё, моё терпение лопнуло.

– А можно без рук? – крикнул я, светя прямо в лицо обезумевшего хрыча. Я знаю, чем заканчиваются подобные истории. Сейчас он достанет свой сморщенный пыльный хрен и будет пытаться подрочить на мою девчонку. А это, знаете ли, не самая приятная ситуация.

Но хвала небесам, его руки не полезли в ширинку. Я осмотрел его с ног до головы – оделся он как лесной хранитель из фентези-фильма, в грязные поношенные лохмотья. Обычный бомж, пугаться нечего.

Потом я перевёл взгляд на Еву. Моя смелая девчонка отважно смотрела ему в глаза. Наверное, с интересом. Не каждый день в парке старого психопата встретишь.

– Ты так похожа на мою дочь… У неё была такая же бледная кожа, такие же щеки – загробным стоном начал пердун, совсем не понимая, насколько нам наплевать на его дочь. Но родители учили, что к сумасшедшим нужно относится с пониманием, они очень ранимые люди. Тем более не оттолкнёшь же его – гляди, ещё сломается на две части, ведь он тоньше чем ветвь ивы – Моя дочь… Где же она сейчас?!

– Дедушка, мы можем вызвать…

– Она Вас оставила? – перебила меня Ева. На кой чёрт?! Биографии всех бездомных планеты в любом случае не узнать. А сейчас ещё начнётся слезливая Санта-Барбара на всю ночь.

Ну вот, я же говорил. В глазах-щелочках дедугана показа-

лись слёзы. Маэстро, сыграйте-ка вашу самую грустную балладу!

– Моя жена… Она… Она предала меня… – с непониманием шептал старпёр. Будто ещё не свыкся с этой тревожной мыслью. Произносил её вслух и одновременно раздумывал. – Я смотрел как мои дети страдают. В моих ушах до сих пор стоит их крик… – дед перестал себя сдерживать, позволив разреветься. Он получил чего хотел: в этом тёмном парке, вдали от шумной трассы и признаков цивилизации становилось не по себе. Какое родное для меня чувство! И лишь с ним покрытые паутиной шестеренки моего мозга возобновили работу. Макс рассказывал, как видел таинственного старика в парке вместе с МаМа. Это он!

– Я не хотела Вас расстроить, простите меня – извинилась Ева, но дед не слышал.

– Мои сыновья… Я до сих пор помню как их хрупенькие спинки сворачивались, издавая ужасный хруст… Самое любимое что у меня было в мире, мои дети, страдали у меня на глазах. А я ничего не мог сделать. Вы понимаете? – смотрел на нас дед полными слёз глазами. Он стал отходить дальше аккуратными медленными шагами – Я помню это всё как-будто это было вчера, и эти воспоминания будут казаться свежими ещё целую ВЕЧНОСТЬ.

Старое дряблое лицо медленно стало покрываться сетью из толстых синих вен. Мерзкое зрелище, тогда заставившее меня ошарашено вздохнуть. Я видел подобное впервые, не

понимая что происходит. Может стоит вызвать скорую?

– Ваше лицо… – озадаченно протянул я – Оно…!

Дед отвернулся и схватился за своё лицо, будто сам не веря в происходящее.

– Сейчас, эта тварь сдохла! Справедливость восторжествовала, но… Почему тогда я всё ещё тут! – Он взглянул на нас через плечо в последний раз, и этот взгляд я запомню навсегда. Его глаза съела тьма, высосав последние признаки жизни. Лицо его казалось наваленной слоями кожей, затянутой синей паутиной. Последней его репликой стало громкое и хриплое:

– Что этому городу от меня надо!? ОТПУСТИ МЕНЯ! ОТПУСТИ! – раскинув руки, будто пытаясь поговорить с парком, он кинулся прочь по тропе. Шаг за шагом старик зашёл за дуб, скрывшись из виду.

– Подождите! – крикнул я и погнался за ним. Это последний шанс узнать кем этот человек является на самом деле.

Спотыкнувшись об выступающий из земли сучок, я обошёл дерево. Никого. Даже следов на земле не оставил. Растворился в воздухе, в духе Девида Копперфильда.

Он муж МаМа. Она, та самая ненавистная жена – сомнений нет. Ей есть что скрывать: возможно, массовое убийство собственных детей? Чёрт, как же жутко!

Или, кажется, я только что видел призрака. Не первый раз в этом городе.

Пора громко заявить о главной «чёрной новости» тако-

го ненавистного местными «Дубового»: в парке этого города водятся настоящие привидения!

Или я вправду слетел с катушек?

Глава 24 #избавинасотлукавого

Май 1991 года

Уютный парк «Дубовый», тёплая погода и ненавязчивый запах лета, предвещающий конец весны. Главная алея парка, и по совместительству единственная ухоженная тропа, была заполнена десятками колясок и влюблёнными парочками, романтично прогуливающихся и наслаждающихся приятной погодой. Ах, что за приятная глазу пора!

Трое молодых людей, которых тут было принято называть «золотой молодёжью», сидели на лавочке и оживленно обсуждали наступающий экзамен, волнующий их меньше всего в жизни. Главная дилемма – где бы спрятать шпору.

Молодая блондинка, главная красотка школы, сидела между двумя крепкими парнями и хохотала в своей привычной легкой манере. Её смех похож на клубничную сладкую вату – лёгкую, воздушную, но порой чересчур уж приторную. В прошлом году её репутацию знатно подмочило то, что после последнего звонка она напилась так, что не могла нормально дойти домой. Она грохнулась лицом в траву и не могла подняться. Пришлось вызывать полицию, тащившую её на плечах до дома. А всё из-за клятой водки.

Каждый из её соседов по лавке пытался переманить всё внимание на себя. Сами того не понимая, они начали между собой настоящую войну за внимание одной девушки. Подсознательно они друг друга ненавидели, но все равно продолжали называть «друзьями». Их выводила одна лишь мысль, что девчонка просто решила упростить выбор. Зачем ходить с каждым на отдельное свидание, когда можно созвать всех сразу?

Из-за долгих сборов блондинки они пропустили фильм со Сталлоне, блокбастер о котором клепали статьи все газеты, но недовольства усердно не показывали. Хохотали и пытались вставить свои пять центов в любой, даже самый пресный диалог. Разговор о шпорах был одним из них.

Оживлённую беседу прервали три силуэта, медленно выросших из отдалённых кустов. Вдалеке они выглядели как три небольших дерева, до того как их лица осветило яркое солнце.

Безлюдная поляна зашлась солнечным огнём – обескураживающая красота. Высокие кусты, назойливая крапива и выгоревшая трава – всё переливалось золотым светом.

На троих, как оказалось, были надеты маски. Жуткие, и даже немного омерзительные на вид. Такие продают на карнавалах, зачастую дети на них бояться взглянуть, не то что купить.

Слева широкими плечами над остальными нависал самый крупный силуэт – мощный парень, лицо скрыто за маской

клоуна. Б-р-р! Будто дружок Пеннивайза.

Справа элегантно, размерянным шагом шёл мужчина в чёрном пиджаке и штанах, а посередине вприпрыжку бежала яркая блондинка. Золотистые волосы развивались на ветру.

– Сегодня что, какой-то карнавал? – хихикнула сидевшая на лавке блондинка. Видно было, как вид незнакомцев слегка её напугал. Вздрогнув, она прижалась к парню сидевшему слева. Парня сидевшего справа это разозлило, хотелось набить левому рожу прямо сейчас. А приходилось ещё смеяться над его идиотскими шутками.

Загадочная троица резко замерла на месте, в аккурат недалеко от облюбованной лавки, где-то в метрах семи. Их таинственные маски начали не на шутку пугать трёх школьников. Они наводили неприятные ассоциации, заставляли мозг выводить самые тёмные картинки подсознания. Ещё и эта мода на сатанизм и прочие отбитые секты. Все первые страницы журналов завалены пугающими подробностями кровавых массовых убийств.

– Меня начинает это пугать – хохот блондинки прервался. Сейчас она одинаково прижималась к каждому из парней.

Парень в чёрном костюме и маске быстро зашагал к лавочке.

– О Господи, он идёт сюда – шепнула блондинка парням.

– Не волнуйся, это просто какие-то сумасшедшие – начал успокаивать её парень с ежиком, сидевший слева.

Парень остановился где-то в метре от лавки и не отрывая

взора смотрел на неё.

– Вы что-то хотите? – вежливо спросил один из парней.

– Раздевайся – сухим тёмным тоном оборвал незнакомец. Тёмные глаза, выглядывавшие из-за дырок безумной маски, смотрели на блондинку.

– Что-что? – испуганно переспросила она.

– Ты должна раздеться – все таким же монотонным тоном ответил незнакомец.

– Ничего она тебе не должна, наглый кусок дерьма – левый парень подлетел с лавки, агрессивно шагнув к незнакомцу. Как оказалось, парниша был в разы смелее правого – Сними свою маску и покажись, ублюдок – его рука потянулась к лицу таинственного мужчины.

Неожиданно, из-за своей спины незнакомец достал остро-наточенный длинный мачете и одним взмахом отрубил бедняге руку. Алая кровь залила коричневую маску, а окровавленная рука пала на яркую зелёную траву, танцующей в лучах.

Парень заорал от боли, и упав на траву продолжал стонать схватившись за запястье. Сейчас, на мести ладони алыми брызгами хлестал фонтан.

– Твою мать! – вскрикнул правый парень, и через несколько секунд он уже сломя голову бежал прочь из парка. Растворившись в кустах, он бросил девушку одну. Блондинка хотела присоединится к побегу, оставив левого лежать на траве принимая свою жесточайшую участь, но только лишь она

сделала шаг прочь, как незнакомей приставил мачете к её горлу, и в очередной раз повторил:

– Раздевайся – под крик боли своего друга, блондинка вытирая капающие слёзы начала медленно снимать с себя свою белую блузку, оставив на себе лишь джинсы с лифчиком.

«Что за ужасный голос? Почему кажется, будто со мной разговаривает сам дьявол?!»

– Снимай его – грозным тоном приказал незнакомец, продолжая держать мачете у её горла. Глаза, пялящие на лифчик наполнились возбуждением.

«А эти глаза! В этой тьме, в этом безумии можно заблудится!»

Блондинка всхлипнула, но проглотив слёзы принялась расстегивать кнопки позади лифчика. Пришлось согнутся в три погибели, чтоб скинуть его с себя.

Парень и девушка в маске стояли в стороне и наблюдали за процессом.

Геннадий тёплым вечером по старому обычаю прогуливался со своей малышкой по «Дубовому». Ей было всего лишь шесть месяцев, но ему казалось что с этой улыбчивой лысенькой девчонкой он провёл всю жизнь. Геннадий никогда не смог бы подумать, что способен привязаться к кому-то, тем более к младенцу. В его жизни никогда не было человека к которому он когда-либо ощущал привязанность. Так уж повелось с самого детства – карьера и статус в обще-

стве стоят на первом месте жизненного пьедестала.

Но момент рождения дочери стал переломным: всё свободное время он посвящал ей. Бесконечным прогулкам, веселым играм, просмотров мультиков, выученных почти наизусть. Сейчас мужчина мог с лёгкостью повторить все реплики розового медвежонка первого сезона «Гамми». В конце концов, он мог любоваться на то, как этот маленький ангелочек мирно лежит в своей коляске часами. И плевать, что это бездействие уже успело почти полностью погрузить его карьеру на дно. Она больше не будет такой никогда.

Яркое солнце припекало голову. Геннадий не спеша прогуливался возя за собой коляску часами, и понимал что прожил свою жизнь не зря. Когда-то этот ангелочек вырастит, и он уверен, что она добьётся всего, чего захочет. Он вложит в неё все свои силы – такое обещание он дал себе в момент её рождения.

Идиллия: его любимая малышка, звук пения птиц и свежий воздух. Что же может помешать этому идеальному моменту?

Оказалось, что-то может. Истошный мужской крик, содержавший в себе ужас и невероятную боль доносился из кустов. Туда вела лишь узкая пыльная тропа, уходящая прочь от главной аллеи. Этот крик не звал на помощь, он разносился эхом по пустынной посадке и не стихал.

Геннадий свернул на узенькую тропу в колдобинах, продолжая вести за собой коляску, идя по направлению к крику.

Оставив позади неуютную тропу, он вышел на просторную залитую солнцем поляну, вдалеке которой, рядом с лавкой, стояла, заливаясь слезами, обнаженная блондинка, снимающая с себя штаны. За этим всем наблюдали двое мужчин и одна девчонка. Все в уродливых масках. Геннадий опустил взгляд вниз и вздрогнул от ужаса: на траве лежал парень, истекающий кровью, без руки. Это он издавал пронзительный вопль.

Геннадий осознал: на его глазах разворачивается что-то ужасное, и голову заполонило миллион мыслей:

«Кто это такие?»; «Что они хотят от этих молодых людей?; «Как ему сейчас быть?»;»Помогать ли им вообще?»

– Малышка, тебе прийдется подождать – Геннадий откатил коляску за кусты и принял уверенное решение помочь.

Он пошёл по направлению к лавке и чётко крикнул:

– Эй, а-ну отошли прочь от девушки!– в этом городе Геннадий чувствовал себя королём. Сильнейшим и важнейшим человеком в мире. Те годы которые он провел, тренируя ребятишек боксу не прошли мимо. Он в идеале владел боевыми искусствами, и мог дать отпор любому, не говоря уже о разряженных безумцах в масках.

Но незнакомцы не двигались. Они лишь перевели свои ленивые взгляды на него.

На пластиковых масках застыли безумные широкие улыбки.

– Вам сейчас не поздоровится, ублюдки – Геннадий сме-

нил размеренный шаг на угрожающий бег, и подбежав к парню в пиджаке готов был нанести первый удар.

Но вдруг он почувствовал ужасную, резкую боль в животе. Из рта потекла кровь, и он выплюнул её на зелёную траву. Посмотрев вниз он увидел, что его живот насквозь пронзило острое мачете.

«Откуда оно взялось?!»

Он упал. Впервые за долгие годы побеждённый.

Такую боль Геннадий ещё никогда не чувствовал. В его глазах начало мутнеть, он заметил как блондинка сорвалась с места и в одном белье побежала прочь. Он услышал громкий плачь своей дочери… Своей любимой дочери… Самого любимого человечка для него в этом мире…

– Что это за твою мать?!– с удивлением спросила блондинка, сняв с себя жуткую маску. Теперь можно было рассмотреть её миловидные черты лица, украшенные изысканными кудрявыми локонами – Даниил, ты слышишь, тут где-то младенец!

– Ангелина, успокойся – парень в пиджаке также снял маску. У него длинные волосы, зачёсанные назад как у крёстного отца. Его резвые карие глаза холерически бегали из стороны в сторону, а физиономию всегда дополняла хитрая ухмылка. В очертаниях лица можно было разглядеть настоящее пугающие безумие – Нам надо сначала разобраться с ним – Даниил указал пальцем на проткнутого мачете, лежащего на траве Геннадия. Он подошёл прямо к его телу и со

всей силы ногой ударил в стальной живот. С уст Геннадия сорвался стон и он в очередной раз выплюнул кровь на траву.

Проследовал второй удар, потом ещё один, и ещё… Даниил расхохотался, продолжая бить лежачего. На его физиономии написана настоящая страсть и азарт, он не останавливаясь наносил удары, наслаждаясь каждым стоном Геннадия.

– Меня это так возбуждает – Ангелина захлопала в ладоши и в восторге подбежала к Даниилу. Она заключила его лицо в маленькие ладони, и повергнув к себе поцеловала в засос. Во время поцелуев они будто переносились куда-то далеко. Окружающие их окровавленные тела растворялись, и они видели перед собой лишь друг друга.

Родственные души, о которых твердят миллионы романов. «Как тяжело найти, как тяжело найти…» А они нашли. Даже тут – в этом мелком поганом городе:

Сейчас они дополняли один одного, сливаясь воедино в такие моменты.

Парень в маске клоуна тем временем вывез из кустов коляску, в которой лежала милая беззубая плачущая девочка, одетая в беленький комбенезончик. Плач ребёнка перебил поцелуй Ангелины и Даниила, и они вдвоём уставились на него.

– Оу, ты только посмотри, папаша оставил своего бейбика совершенно одного! – Ангелина подошла к коляске и заглянула в неё. Золотистые локоны игриво нависали над ребёнком.

Девочка зарыдала ещё больше, на что блондинка скорчила обиженную гримаску.

– Не… не трогайте её… – хриплым голосом произнёс Геннадий, выплюнув на землю очередные капли крови.

– Ты ещё у нас и девчонка?! Обожаю девочек! Скажи нам, что делать с твоим папиком?! Вырезать легкие, а может быть расчленить и из накачанных конечностей выложить пентаграмму?!?! – ехидно продолжала общаться с кричащей девочкой Ангелина – Что ты говоришь?! Сжечь?! Даниил, она хочет огня!!!

– Я тоже хочу огня – крикнул Даниил захлопав в ладоши, как именинник в ожидании торта. Парень в маске клоуна достал из маленького рюкзачка, затерявшегося за его широкими плечами, бутылку с керосином и спички, передав Даниилу.

– Это то что сейчас нужно, благодарю – ответил тот и держа бутылку в руках подошёл к лежачему Геннадию. Наклонившись, он театрально вскрикнул:

– Этот город навсегда запомнит имя Даниила Тришаковича.

Испуганный Геннадий смотря в его глаза пугался ещё больше. Наполненные злобой и безумием они жаждали только одного: убивать. Он хотел подняться и убежать отсюда, но просто не мог. Он чувствовал ужасную боль, а тело покинули все силы. Ничтожному, ему оставалось только лежать на траве и ждать дальнейшую участь.

Но слыша крики девочки он понимал, что сдаваться ещё рано: надо подниматься и защитить её от этих безумцев. Он обещал! Он должен пересилить боль, одолеть смерть ради неё!

Ничего не выходило.

Геннадий закрыл глаза: он чувствовал как противная вонючая жидкость покрывает тело. Ещё секунды и прозвучал приглушенный чирк спички. Конец… Он не смог её защитить…

Тело покрылось огнём, и невыносимая боль сменилась адским мучением.

Прямо на глазах младенца заживо горел отец. И девочка, словно понимая это, плакала что есть мочи.

Парень с отрубленной рукой в то время потерял сознание от шока, лежа в отключке.

– Итак, какие у нас планы на тебя, малышка? – Ангелина поднесла нож к коляске, вплотную к нежной коже личика.

– Не трогай её – ответил Даниил – Она нам ещё пригодится.

Впервые за бесконечную череду дней, до верху забитых ужасом, я проснулся с хорошим настроением. Всё, что окружало меня последние недели стало незначительным, стёрлось из памяти. Единственное, что проигрывалось перед глазами ещё раз и ещё раз – наша с Евой ночь.

Так хотелось поспать ещё хотя бы час. Два. Три. Но если

я позволю себе закрыть глаза и через десять минут не буду в гостиной, одетый как элегантнейший лондонский денди – мне крышка. Так что стоит напрячься.

Мама не переживёт, если мы опоздаем на нашу первую церковную службу. Тут это дело первой важности, и иногда кажется, что Бог тут не причём. Все хотят своим выходом в церковь громко заявить соседям – «Да, посмотрите на мой новый жакет! Я потратил на него три месячный зарплаты, и всё, чтоб вы открыли свои рты!» Да-да, люди продумывали «воскресные луки» заранее. Церковь тут, как бы это цинично не звучало, подиум, или рейтинг жителей. А кому не хочется пробиться на самую вершину? Одежда – основной метод.

То, что моя семья не явилась на службу в прошлое воскресенье стало настоящим откровением для наблюдательной публики: «И что с того, много людей с деревьев падают и трупы обнаруживают. Но ничего, ведь живут как-то!»

Так что день будет интересный. Ох, сейчас я произношу эту фразу с волнительным скрежетом зубов. Есть миллион безумных вариантов, из-за которых всё опять пойдёт наперекосяк.

Я ещё не вылез из-под кровати, а уже мечтаю залезть обратно. Тут, вполне возможно, безопаснее всего.

А ещё мама познакомилась с девушкой, живущей на ферме, и нас пригласили в гости. Супер! Сейчас самое прекрасное время, чтобы выехать как можно далеко от цивилизации,

в самую глушь, где наши крики никто не услышит.

Так что поскорее бы вернуться обратно. Зарыться под ком одеял, желательно, вместе с Евой.

А теперь – внимание! Особо сентиментальная и ванильная часть! Просьба не переваривающих розовые сопли перелистнуть страницу! Я предупредил.

Ева, ах Ева! Как же мне с ней было хорошо; настолько, что гуляя в парке до полуночи мы осознали, что жаждем продолжения.

И кажется я до сих пор с ней, там. Обычно, люди про лучшие моменты жизни пишут что-то вроде: «Помню будто во сне». Но нет, у меня с ней все органы чувств начинали работать как не в себя. Я ловил каждый момент, запечатлял его в своей памяти как полотно эпохи Возрождения. Будто знал, что потом, в самые трудные минуты, смогу доставать их из закоулков разума и наслаждаться греющими душу воспоминаниями.

Рука до сих пор помнит холод её ладоней. Тепло её губ.

Зайдя в душ я стал с замиранием сердца вспоминать как долго мы искали байк, при этом неистово смеясь. Как упали, пытаясь на него залезть. Стоя под тёплыми струями я продолжал смеяться, совсем забыв, что мне нужно успеть помыть голову и высушить волосы за три минуты.

И вот ещё один удивительный факт про прошлую ночь: я никогда ещё столько раз не целовался. Подождите, дайте пересчитать: первый раз на той обочине, второй в парке, тре-

тий тоже в парке, четвёртый… Ай, да кому нужны эти числа? Факт в том что каждый поцелуй застрял в моей памяти, я думаю, надолго.

Потом, когда все жители давно спали у себя в домах, предвкушая службу, когда последний автобус проделал свой маршрут, когда единственными авто на дорогах остались машины «UBER”, мы позволили себе оторваться по полной. Лавируя безумными виражами по шоссе мы неистово смеялись, периодически поднимая руки в воздух. Ох, как же это всё было опасно. И ох, как же я наплевал на безопасность. Удивительно.

Я никогда не подумал, что можно получать столько удовольствия от обычного смеха без причины. Это тоже удивительно. Мы надрывали животы, плакали, визжали – и всё это нам чертовски нравилось.

С ней обычный смех становился искусством, приносившим эстетическое удовольствие. А обычные дурачества, вроде как подрезать фиолетовый «чери» с крупной надписью «Uber” на двери – высшей степенью веселья.

Сделав очередную остановку у магазинчика MaMa, я долго всматривался в лестницу, ведущую на крышу. Сейчас это место пугало: окна завесили плотными тёмными картонками, входную дверь обвязали цепью. Ну не дать ни взять жуткое место из программы про привидений. «Привет, с вами паранормальный блог Влада и Евы, и сегодня мы будем вызывать дух сумасшедшей старухи, пытавшейся меня убить».

И не знаю, из-за чего мне в голову пришла безумная идея: то ли из-за мрачного видка этого местечка, то ли из-за повышенного в несколько раз от нормы адреналина в крови, но я сказал:

– Давай залезем на крышу.

– Лазить ночью по крышам?! Да это же то что мне сейчас нужно! – моментально оборвала она, в очередной раз одарив меня улыбкой.

Поднимался по шаткой ржавой лестнице я, конечно же, первый. Хоть и инициатива заглянуть под платье Евы меня весьма радовала. Первым делом на вершине глаза ослепила гигантская круглая луна, почти идеальной формы. С левой стороны от неё будто кто-то отгрыз кусок. Я помог подруге проделать оставшийся путь, протянув руку, и удивился, насколько белоснежной была её кожа в этом серебряном свете. Изнутри Евы точно исходило сияние.

Её внешность полное противоречие её характера, и это очень манило. Как можно быть такой холодной и безжизненной на вид, но при этом настолько живой и энергичной? Настоящая девчонка-загадка. Девчонка-противоречие.

Подойдя к самому обрыва крыши, мы сели на край и свесили ноги.

Под нами была высота всего в этаж с лишним, но всё равно отсюда открывался прекрасный вид: из-за того что район находился на возвышении некоторые места города возвышались над чередой посадок. Как пример старый центр. Зо-

лотой купол церкви мелкими бликами будто передавал нам сигнал. Или шпили ратуши, колющие тяжёлое небо.

Моя рука медленно опустилась на ладонь Евы, и тут случается странная вещь. Дальнейшие события становятся мутными, смазанными. Они приходят на ум обрывистыми кусками, словно учуяв тепло наших тел мы полностью растворились в друг друге. Перестали быть сами собой. Или просто я был в таком экстазе и эйфории, что мой мозг в опьянении отказывался запоминать что либо.

Мы взяли охапку камней и стали кидать в стоящий на другом конце улицы знак «Стоп». На ум приходит кусок где Ева прыгает и хлопает в ладоши, попав в первый раз. А потом я случайно задел стоявший внизу автомобиль. Сработала жутко громкая сигнализация, и смеясь, мы легли на крышу. Максимально близко к друг-другу. Кажется, вышел хозяин визжавшего авто. Но теперь нам было наплевать. Сейчас мы растворились в звёздах.

А затем возвращаются моменты наших поцелуев… Её глубокие глаза, смотрящие прямо в душу… Её запах… Приятные на ощупь длинные волосы…

Лёжа в кровати и вспоминая вчерашнюю ночь я то и дело расплывался в довольной улыбке. Представляете, мне удалось. Удалось найти настоящую родственную душу в этом огромном мире. Правда я ещё и влюбился в эту родственную душу. Блин, звучит как инцест.

Мою голову как-будто зажимали в тисках с двух сторон,

но при этом я во весь голос пел песню, которую вчера включала Ева. И как обычно, я не помню название. Насколько я понял, что-то британское, потому что во время прослушивания она сказала что музыка сейчас у них даёт фору нашей.

И ещё один удивительный факт о Еве: она любила отыскивать на «SoundCloud” классные треки начинающих исполнителей, слушая их и веря, что когда-то они попадут в верхнюю десятку «Billboard”. Ну разве не прелесть? И в этом была вся она – она глубоко уверенна, что где бы ты не родился, чем бы не занимался, ты рано или поздно найдёшь место в мире. На это потребуется время, но по её словам, ты обязательно останешься вознаграждён.

– А что касается людей, которые не могут найти своё место даже в старости? – спросил я, лёжа на крыше и пяля на звёзды – Ты считаешь их «биомусором»?

– Нет! Конечно нет! – подумав и посмотрев на звёзды, она ответила – Так не бывает. Каждого человека поджидает своё счастье.

Какие же в этих местах прекрасные звёзды! Все, как на ладони. Миллионы блестящих серебряных точек, каждую можно рассмотреть в деталях. Каждый огонёк на своём месте.

Лёжа на крыше, теперь уж, заброшенного магазина, я чувствовал себя центром вселенной. Казалось, я вбирал всю её энергию, наполнял себя всем её счастьем. Я наконец почувствовал себя собой, вместе с Евой растворившись в звёздах.

Дальнейшее, что вспоминается – как я зашёл домой. На часы даже и не смотрел. Родители сидели на кухне с включённым телевизором. Играла глупая ночная программа про звёзд, обсуждали Линдси Лохан. Внатуре? Люди придумали миллион новых моделей АйФона, продвинулись в робототехнике, интернетом можно пользоваться в любой точке страны. А они до сих пор обсуждают Линдси Лохан? Факт в том, что озабоченные родители передачу вовсе и не смотрели. Увидев меня, агрессивно вскочили со стульев и начали отчитывать, но все слова пролетали мимо меня. Я думаю, было заметно что на тот момент я не находился там. Я до сих пор лежал на крыше, наслаждаясь звёздами. И Евой.

Возможно, увидев мои горящие глаза и улыбку, папа с мамой смягчились. Какому родителю, после всех испытаний, не захочется увидеть сына счастливым?

Всю ту ночь я чувствовал себя ненатурально радостным, как-будто пьяным. Ну не может же человек получать столько эмоций, находясь в том прогнившем городи? Огни вокруг стали ярче, звуки громче а сон наконец наполнился приятными сновидениями, заменившими постоянные кошмары.

Надеюсь, Ева чувствовала тоже самое. Излучая своё яркое сияние, она выглядела даже счастливей, чем я.

По залу моего дома, должно быть, пронёсся ураган Катрин. Вещи раскиданы повсюду, насколько глаз хватает. На кухонном столе что-то забыли папины трусы «Calvin Klein”,

которые он купил, отказав мне в томе «Мастера и Маргариты», приглянувшемся мне в книжном отделе торгового центра. Мой отец любит комфортные труханы, и сейчас это может лицезреть любой гость нашего дома.

Диван завален маминими платьями. Что касаемо её: она всегда предпочитала максимально броское и вырвиглазное. И знаете что? Этот стиль подходит ей больше чем Леди Гаге, честное слово!

Лицезрея беспорядок, царящий на первом этаже, я боялся представить кавардак в родительской спальне.

Я открываю холодильник, доставая соевое молоко. Адски хочется шоколадных мюсли (от мюсли там остался один единственный крохотный кусочек орешка на всю упаковку), но спустившаяся с лестницы мама категорически против. Прыгая на одной ноге, она пытается натянуть на себя тёмные колготки из «Calzedonia”. Конечно же, ради церковной службы она решилась изменить своему стилю. Никто не поймёт, если на следущий день после похорон мальчика, на молитву она явится в платье, блестящем как диско-болл.

Осмотрев меня с головы до ног, мама издаёт протяжный стон:

– Мы опоздаем! Из-за тебя! О Господи!

Да, на мне одни трусы. Зато я красиво оформил причёску! Выгляжу как Омен из третьего фильма (в церковь, должно быть, подобный образ никуда не годится).

– Дорогая, не произноси имя Божье в суе! – наставляет

отец, пролетая над лестницей как ласточка над морем. Выглядит он ослепительно: сверкающая чистотой белая рубашка, строгие тёмные брюки. Да, весьма классически и стандартно. Но мать природа наградила моего отца офигенной фигурой: широкие плечи, стальной пресс и грудь как у Скалы Джонсона. Надеюсь, когда-то моя фигура тоже перевоплотится в подобное. Генетика, не подведи!

А мама вообще звезда. Элегантное тёмное платье и высокие каблуки. Стройная, эффектная и элегантная. Удивительно, что у пары с внешностью голивудских актёров (красивых актёров) получился я. Хотя, свою внешность я всегда оценивал здраво. Люди часто говорят, что с моим лицом можно идти на кастинг любого бойс-бенда, причём успешно его пройти. Но это всё равно не мешает мне с головой потонуть в комплексах.

– Твой костюм лежит на гладилке – оборвала мама, прежде чем перейти к нужному недовольному монологу – Нет, ну ты только посмотри! Он будет выглядеть как сирота!

– А по-моему всё о'кей – поддерживает меня отец.

– Нет, ничего не будет «о'кей», когда ты по ночам лазишь непонятно где!

Под звуки упрёков я оделся за пять минут, и при этом выглядел ничего так.

Это нормально, что в таком угрюмом городишке церковь по красоте запросто может конкурировать с Нотр-Дамом?

Гигантский зал, обставленный позолоченными иконами и алтарями. Глаза воле неволе ползут вверх, рассматривая детально прорисованные на стенах лики святых, захватывающие дух своей красочностью.

Признаться честно, не ожидал. От красоты этого места перехватывает дыхание, и сразу же возникает вопрос: «Ну как тут не верить?» Никогда не понимал атеистов.

Гигантские купола изнутри выглядят как разделённые на две половинки куриные яйца. Кажется, они нависают над тобой километром в высоту, бережно храня пошатывающиеся блестящие люстры. На другой стороне от алтаря располагаются уютные балкончики, увенчанные изысканной ковкой из стали. В тонких линиях перекладин и ограждений вырисовываются известные библейские истории. Шедевр.

На одном из них собирается одетый в бело-чёрные накидки хор. Они суетятся, перекладывают с места на место листы с молитвами, аккуратно перешептываются.

Проходят минуты спустя твоего первого взгляда ввысь, а ты так и не опустил головы. Шея затекает, спину сводит как у восьмидесятилетнего, но ты не можешь оторвать глаз. Вдыхаешь аромат восковых свечей, закрываешь глаза, вслушиваясь в воздушные голоса готовящегося к молитве хора, и осознаёшь, что сейчас стоишь в другом мире. В мире чистоты, в мире других жизненных ценностей. В мире где неравенства не существует, как и несчастья. В мире, где в мыслях судорожно перебираешь все свои грехи и каешься. В мире,

где становится стыдно за осуждение других, злобу и агрессию. В мире, где погибшие на глазах сверстники становятся ближе, и ты искренне просишь для них комфортное место в раю.

Закрыв глаза и находясь во тьме я вспоминаю окровавленное лицо Дэна, алые ручьи у переносицы разносчика пиццы, вырванный язык Виктора, опущенные глаза Давида, и прошу для каждого мир на том свете.

А потом на ногу наступает неловкая шатающаяся в разные стороны дама, и открыв глаза ты ощущаешь себя изгнанником из лучшего мира. Глаза наконец опускаются, и ты лицезришь безумную толкучку. Люди пытаются занять деревянные лавки как место в бункере после апокалипсиса. Они наваливаются друг на друга, шепчут, наступают на ноги. Спасибо что при этом хоть не разводят базар.

Сейчас, очнувшись после прибытия в параллельной реальности, я чувствую насколько внутри жарко. То ли миллион горящих свечей, то ли тысяча липнущих друг к другу тел создают невыносимую влажность в зале. Под пиджаком стекает липкий пот. Я чувствую, как в опасной зоне подмышек белой рубашки образуются мокрые тёмные пятна. Голова кружится, и вообще, хочется рухнуть на холодный мраморный пол, да вот толкучка мешает.

Одеты все, как подобает трауру – чёрный самый популярный цвет в нарядах. И похоже единственный. Чёрные театральные сумочки, чёрные каблуки, чёрные кожаные туфли,

чёрные фраки и пиджаки… По церкви витает аромат десятков крепких парфюмов, одурманивающих, в плохом значении этого слова. Я бы запретил душиться на массовые мероприятия.

На входе, рядом с церковной лавкой выставлены крупные фотографии погибших подростков. Хах, аж ужас пробирает, каждого я видел за какие-то минуты до смерти. И при этом сам до сих пор стою тут, живой, здоровый. Настоящее чудо.

Люди склоняются над портретами школьников, оставляют цветы, ставят свечи. В их глазах стоят слёзы, блестящие в тусклом свете огней как маленькие кристаллы. А потом, в мой мозг пробираются многочисленные заголовки газет, и я думаю: «Что, если для жителей ставить свечи и рыдать обыденное дело?» В этом местечке творится покрытая мраком ересь, о которой в последние дни я напрочь забыл. Делал вид, что живу в стандартном маленьком городке, жизнью стандартного подростка. Но я же знаю, до какой степени тут всё загадочно.

Фух, от этих мыслей не по себе. Единственным выходом остаётся вновь поднять глаза и улететь подальше.

Рассматривая хор, я обнаруживаю новый балкончик. Просторный, пышный. На нём деловито стоят…

Улетел, блин.

… «сливки» города. Во главе элиты Арсений и Надин. Ослепительные и дорогие. На жене моего дяде настолько гигантское бриллиантовое колье, что я задумываюсь, это во-

обще законно одевать такое на траур? Уверен, люди внизу мечтали заполучить хоть маленький бриллиантик с этого украшения. Наверное, его пытались украсть подруги Оушена. Наверное, её шея сейчас сломается под его весом.

Рядом, в прекрасно сидящих тёмных костюмах, стоят Макс и Андрей. Андрей, скорее всего, давно выхватил меня из толпы и взгляда не отводит. Кажется, сейчас дырку на моём старом пиджаке просверлит. Макс, как всегда, с восторгом щенка рассматривает церковь. Потом замечает меня и дружелюбно машет ладонью, шепча что-то Андрею.

Стоп! Куда делась знаменитая густая шевелюра? Андрей решил её сбрить, оставив армейский ёжик. Кажется, мир окончательно сошёл сума.

Жестом, баскетболист подзывает меня к ним, а потом получает в бок локтем от моего брата. Похоже, он обижен сильнее чем я думал.

– Для него у нас не найдётся места – проследив за движением его губ, я уверен, что сказал он именно это.

Хах, и больно хотелось на их «элитарный» балкон! Надеюсь, мой братец не захлебнётся своей же тёмной обидой. Аминь.

И взгляд опять с крахом падает вниз. Толпа, чужие спины, шепотки. Обратив внимание на остальных горожан, я замечаю, с каким интересом все пялят на меня. Думаю, многие имели возможность рассмотреть моё фото в социальных сетях. Обо мне делали посты почти все местные группы на

Фейсбук. А разговоров сколько, сплетен… Я даже и не представлял, и представлять не собираюсь.

К тому что я племянник богатейшего из богатейших прибавилось то, что я мелькающая везде «жертва». И, неожиданный поворот, многие комментаторы думают что я убийца. Я бы сказал, большинство.

Уроды, прости Господи.

Недавно, местная журналистка заявила, что до «самосуда» разъярённых жителей остался шаг. Ну а я стану первым, кто попадёт под горячую руку. Обнадеживающе, не правда ли?

Спасибо, что это всё дальше интернета пока что не вышло.

Сейчас, скорее всего, я самый обсуждаемый персонаж в толпе. Ещё немного, и тыкать в меня пальцем как в циркового урода станет нормальным. Раньше были подростки в школе, сейчас их родители, бабули и дедули подключились. Это внимание неистово меня раздражает.

Затем, всё внимание публики переключается, как по нажатию на кнопку. Не знаю, кто вошёл в громадные деревянные двери, но большое ему спасибо! Он или она производит нешуточный фурор, вызывая галдёж напоминающий шум бушующего в ночи ветра. Люди забыли, что находятся в святом месте.

Обернувшись назад, я понял почему. Эта тема заставляла все предрассудки свалить восвояси.

Два широкоплечих высоких амбала в тёмных строгих

костюмах бесцеремонно расталкивали толпу, как мусор на свалке. Это вызывало море негодования и упрёков:

– Ах, да как ты смеешь! – возмущалась пожилая дама в тёмном платье, скрывавшим её костлявые плечи. Прижав к сердцу элегантный клатч, она поспешила пнуть каблуком бесцеремонного хама, но оступилась.

За широкими плечами телохранителей парил настоящий призрак. Ну, это моя метафора. Уточняю, из-за того что в этом городе можно всякое нафантазировать. Под «призраком» я имею ввиду тёмный силуэт, скрывающийся под воздушным, как зефир, белоснежным платьем, нарушающим траурность мероприятия.

– Да как она смела прийти в этом?

– Ни чему жизнь не научила!

– Белый? Вы видели? Она, должно быть, шутит.

Платье – настоящее произведение искусства. Я думаю каждая девчонка в детстве грезила выйти в таком замуж. Обгоревшее лицо шоколадного цвета скрывает тонкая фата, руки бережно хранят прозрачные рукава, по спине к бёдрам опускаются вычурные кружева. Заглядение – не то слово. Подобное должно выставляться на витринах лучших домов моды, но почему-то я уверен, что этот наряд сшит на заказ. Он лежит на Алине так, будто она в нём родилась.

Думаю, девчонка-скандал добилась чего желала: волна негодования цунами охватила толпу, напрочь забывшую о цели своего визита в церковь. Отвернувшись от алтаря, глав-

ной иконы, и собиравшегося выйти на пьедестал отца Ростислава, они нагло пялят на жертву солярия и при этом осуждающе причмокивают. Так как половину публики составляли крикливые старухи, причитаний развелось немерено.

Выйдя в центр зала, на самое видное место, где её имел счастье лицезреть каждый сидящий тут, Алина скинула фату с лица. По церкви прокатилась буря вздохов. Какая-то безумная дама даже театрально вскрикнула.

Я уже видел это лицо. Напыщенная гламурность и броская красота исчезла, уступив гигантским жирным фурункулам. В местах, где их не было красная, как шкура фермерской свиньи, кожа ужасно слоилась. Физиономия главной красотки города (одной из двух главных) превратилась в красно-коричневое мясистое нечто, от которого становилось неуютно.

Карие глаза нахально осмотрели публику, настолько нагло, будто перед собой они видели безумных животных. Поднявшись вверх, они уставились на балкон – «VIP ложу». Заметив ненавистное лицо, глаза преисполнились отвращением и злобой.

Белый фантом среди тёмной массы неторопливо поднялся по лестнице. Публика, тем временем, пробудилась:

– Бедняжка!

– Даже она этого не заслуживала!

– Брось, она получила по заслугам!

Приятно слышать, что жалостливых комментариев гораздо больше. Возможно, у стада есть сердце.

Ума не приложу почему, но при виде этого зрелища я расплылся в глупей улыбке, встретившись взглядами с Али говоря «Так держать, малышка!». Она расплавила плечи, пролетая над головами изумлённых горожан как ангел, ранее изгнанный из рая. А сейчас этот ангел всеми силами пытается попасть обратно.

Взлетев (конечно же, не в буквальном смысле. Пора бы вам привыкнуть к моим метафорам) на балкончик «элиты» Алина быстро поздоровалась с родителями своей компашки и нагловато повернулась к ним спиной, схватившись за золотистые поручни. Она закрыла глаза, съела тяжёлый вдох. Открыла. Перед ней была детально прорисованная икона с изображением Иисуса, распятым на кресте. По мускулистым рукам стекает алые ручьи. Напуганные глаза обращены вверх, к Господу.

Сама не заметив как, Алина с головой ушла в молитву. Даже в этом «зефирном» платье она ощущала нестерпимую боль, болезненной выдалась даже первая скатившаяся по щеке слезинка.

«Господи, прошу, услышь меня. Дай мне силы пережить это. Дай мне цель, ради которой я смогу жить дальше и пройти сквозь эти мучения. Прости меня, но пока что я её не вижу».

Молитву прервал назойливый писклявый голосок, напоминавший писк резиновой утки, плавающей в ванной. Мама Алины вроде как имела не самый омерзительный голос, но

когда старалась понравится окружающим переходила с приемлемого визга на нетерпимый слащавый голосок.

– Алиночка, ты слышала, у Андрея появился новый конь!

Девушка, подобрав подолы пышной юбки, повернулась к сочувствующей её горю компании. С жалостливыми лицами Арсений и Надин слушали душещипательные истории её матери. Для пущего эффекта даже губки в домики сложили. Сплошной театр.

– Новый конь? Круто! – «Когда предыдущий сдох, ты даже и не расстроился!»

Это нормально, что видя его нахальную физиономию, ей хотелось плюнуть в неё на глазах у всех? И это же сама Алина – маэстро в мире хамства и циничных поступков. Поверьте, захотелось бы и плюнула. Но сейчас она лишь лениво рассмотрела несуразный ёжик своего бывшего бойфренда и хмыкнула:

– Новая причёска? Тебе не идёт.

Не ожидав подобной реакции, Андрей растерянно взглянул на родителей. Они не должны видеть, как их сыном манипулирует девчонка.

Каролина, тем временем, быстро обменялась парой реплик с лучшей подругой и принялась дальше оглядывать толпу внизу. Она увлечённо искала лысую голову Валентина, но безутешно. Он говорил что непременно прийдёт. Но похоже, сейчас не лучшее время выходить в свет. А он неплохо бы влился в дресс-код в своём тёмном костюме.

На Каролине были гигантские бриллиантовые серёжки, по весу дающие фору гантелям из спортзала. Кажется, ещё час и они превратят её в слоника Дамбо.

Ну наконец запел хор. К этому моменту мои тёмные лакированные туфли превратились в потоптанную запылённую обувь маленького Мука. Сам я нанюхался потов всевозможных головокружительных ароматов с самых разных тел. Вот например, громила, скорее всего байкер впереди. Пахнет, будто последний раз мылся на своё крещение. Или пацан слева. По-моему, он учится в параллельном классе. Почему он так зловонен?

Ладно. Хоть раз в неделю мне стоит откинуть осуждение и ударить в высокое. Задуматься о вечном. Я пытаюсь так поступить, пока какая-нибудь проказа со всей дури не отдавит мне ногу.

Конечно же, я не сел на желанную деревянную лавочку. Точнее, нашёл себе и родителям место, но спустя пару секунд вполне себе здоровый молодой мужчина выкинул меня с него как мешающую пыль. Заявил, что у него вроде как проблемы со спиной и начал чесать про больные колени. Я у него, конечно же, справки из больницы показать не просил, но он решил в мельчайших деталях описать свой диагноз и проблему. Когда затянутый разговор был окончен, на пьедестал зашёл Ростислав.

Облачённый в скромные монашеские тёмные одеяния,

он поклонился городу и завёл талантливо спланированную речь. Последний раз я видел его в Инстаграме. Он выставлял пост с детальным описанием ремонта церкви. Слог у него поставлен, скажу я вам, занимательно. Будто Набокову дали задание написать отчёт о городских затратах.

Ростислав вызывал восхищение. Меня не удивляло, что каждый стоящий тут открыв рот слушает его проповедь. Звонкий бас долетал до самых отдаленных уголков большого зала, задевая за живое каждого жителя.

Он рассказывал о погибших амбициозных детях, о их чистых и невинных душах. Конечно, с последним можно было поспорить, но большинство захлёбывались слезами. То тут, то там слышалось хлюпанье носов. Бабули всхлипывали, дедушки давали волю эмоциям. Стабильно спокойный средний возраст также рыдал. Подростки, более сдержанно, поминали убитых товарищей.

Потом началась молитва: все тот же звучный бас быстро затараторил слова, начиная с небольшого канона на латыни. На последнем слове его заменил хор, талантливый, к слову.

И на этом месте пропало осуждение, ненависть и злоба. Сейчас весь город, казалось, был одной дружной семьёй. Сейчас все мы были вечны, лицом выставлены к Богу. Никто не скрывал эмоций, не сдерживал себя. Скрепив руки перед собой в замок, горюющие и волнующиеся люди ударились в общение с высшими силами. По их лицам можно было проследить всю тоску и печаль.

Сейчас люди стояли перед Богом, все одинаковы, и казалось бы, не так уж требовательны в своих просьбах: остаться в живых. Целыми и невредимыми.

Тьму зала, заполненного звонким пением, огоньками пробивали свечи. Они волновались в сквозняке, плакали воском вместе с горожанами.

Всю церковь охватил мрак. Точно такой же, что и захватил город в последнее время. Мрачные тени, чёрные одеяния, горюющие выражения лиц. Стало жутко. В какой тьме все мы и жили, в такой и остались при разговоре с Богом.

А потом случилось, на мой взгляд, чудо. Маленькое чудо, на которое совсем никто не обратил внимания.

Огромное окно, выходящее на площадь, не пропускало внутрь зала солнечный свет. Оно лишь открывало вид на голубое небо, стремительно гонящее редкие облака. А потом, быстро, как вспышка молнии, через него проникли первые лучи. Тонкие, робкие, они протянулись к иконам, но не долетели до горюющей публики. Спустя время, в церковь ворвался толстый и сильный луч. Он немедля протянулся к нам, ударив теплом в тот угол, где стоял я. Будто небеса протягивали руку, всеми силами пытались сказать «Тьма исчезнет: не сразу, постепенно». Конечно, все остальные уголки церкви продолжали пребывать во мраке, горюя и рыдая. Но место, где стоял я, залилось солнечным светом. В нём, танцуя и водя хороводы, кружили мелкие пылинки.

Надежда была. Какой бы мрак не охватывал это место,

свет прийдёт. Тьму города разгонит солнце, я знаю это. И считайте меня самым безумнейшим романтиком, но я верю, что это Отец подавал знак свыше. Он сейчас был необходим городу, находящемуся на грани. Висевшему на волоске от срыва. Жаль, что этот невероятный знак, похоже, никто кроме меня не заметил.

Запах горящего воска. Убаюкивающее пение. Красивый, но монотонный голос Ростислава. Всё это располагает полному релаксу, каким бы неуместным он ни был в церкви.

Я прям чувствую, как стремительно проваливаюсь в темноту. И лучи солнца тускнеют, и лица стоящих рядом парней, и байкера-громилы… Как бы удержатся, и не зевнуть с рёвом бегемота. Вот это ли, знаете, настоящее фиаско.

Проваливаясь в мысли вокруг себя я замечаю новые-знакомые места. Из темноты пучками выглядывает зелень, ветви елей и сосен. Ночной парк, сейчас его наконец осветила луна.

Моя ладонь пальцами скрестилась с Евыной, мы идём плечо-в-плечо к краю яра. Кто бы знал, что в таком невзрачном заброшенном месте разыщется столь красивое природное достояние? Настоящий каньон, глубокий и заросший разными видами деревьев и кустарников. Тут, как рассказала Ева, его принято называть «яр». Первый раз такое слышу. Хотя нет, разок это слово в книжке с сказками встречалось.

Вглядываясь в глубину этого, ладно, пускай уж, яра, я ловлю себя на резко вспыхнувшем приступе счастья. Этой но-

чью у меня такие часто были. Вот бы диагноз такой придумали, единственный, не требующий лечения. «Беспричинное счастье». Хотя, может быть такой уже есть, и больных им сажают в психушку.

Тут же, в этом полумраке становится невыносимо тоскливо. Эта ночь, со всеми эмоциями, поцелуями и смехом, прошла. Ушла навсегда. Можно повторить свидание, гулять ещё, целоваться вновь. Но именно ЭТИХ эмоций ещё раз не испытать.

Наша с Евой ночь прошла, настало беспощадное утро, солнечными лучами выжигая все иллюзии счастливой жизни. Но какое к чёрту счастье, когда рядом с тобой без выходных орудует убийца? Когда ты можешь быть следующим? И самое страшное, когда ОНА может быть следующей!

О нет, похоже переломный момент настал. Видимо я перестал быть подорванным эгоцентристом, начав думать о девчонке больше чем о себе. Прогресс в моём личностном развитии.

Обходя обрыв, я с ужасом заглядывал в дно каньона, видя лишь тьму. Если упадёшь вниз, никогда не достигнешь дна, поглощённое ночью. Внизу тьма, над нами миллионы мелких звёзд. Яркие огни, значащие для меня намного большее, чем далёкие холодные космические тела. Смотря на них я видел надежду на лучшую жизнь, безудержно расставляясь в фантазиях и в мире, где всё желаемое в миг становится материальным.

В тот момент, просто прогуливаясь, внутри я ощущал дикий прилив эмоций. Молча стоял, и в восторге ощущал как все прожитие моменты, прочувствованные эмоции дополняют меня.

Эти звезды были так далеко от нас, но сейчас казалось, что я могу до них дотянутся. Простите, не кидайте в меня тухлыми помидорами из-за ванильной ванильности. По-другому я не могу передать эту эмоцию – когда любая задача, даже самая безумная, кажется выполнимой.

Вообще, по натуре я тот ещё хлюпик. Иногда самого себя жалко. Представить что я смогу когда-то в далёком-далёком будущем стать самостоятельным – невозможно. Мысль о том, что некоторые мои сверстники зарабатывают деньги – ужасала. К чему это я? Да к тому, что тогда, у яра, я задумался о том чтоб кинуть к чертям собачьим школу, взять под ручку Еву и уехать подальше. Куда? Неважно. Зачем? Неважно. Просто делать каждую ночь похожей на эту. Всё, этого хватило бы мне для идеальной жизни. А ведь мы и копейки не потратили.

Впервые всерьёз задумался о чём-то настолько фривольном. Первая серьёзная влюблённость и вправду нехило вскруживает голову, школьные психологи правы.

Перестав фантазировать, я запрыгнул на гнилой, покрытый зелёным мхом ствол опавшего дерева, потянув за собой Еву. Она прыгнула следом. Мы стояли на краю бездонного обрыва, смотря в пропасть. В непроглядную тьму.

Я повернулся к Еве и в лунном свете рассмотрел её серебряное лицо. Её изысканные очертания ясно прорисовывались, медленно, деталь за деталью, как кропотливо созданный портрет маэстро-художника. Она также жадно рассматривала меня, поглощая каждый миллиметр моей физиономии. Потянувшись рукой к моему лицу, Ева прошептала:

– Влад, с тобой я чувствую, как все звёзды становятся ближе – неужели она чувствует тоже самое, что и я? Разве такое возможно? Прямо-таки ванильную ванильность с языка считала.

Холодным пальцем она нежно гладила мою щеку. Самый божественный массаж, тайцы нервно курят в стороне. Удивительная вещь – если бы кто-то прикоснулся к моему лицу, то:

1. Сначала меня бы вырвало.

2. Потом, я бы с головы до ног обмазался антисептиком.

3. В завершение, я бы избил смельчака, нарушившего границы моего личного пространства, до полусмерти.

Но я без слов позволял Еве прикасаться ко мне, щупать моё лицо с таким выражением, будто она изучает профиль инопланетянина. Я схватил её ладонь и прижал ближе к себе. Хотелось, чтоб она обнимала меня крепче. Прикасалась жаднее.

Прикасаясь к её холодной ладони я медленно подплываю к ней, нагло напрашиваясь на новый поцелуй. И я его получил – невероятный, обескураживающий.

Стоя на стволе мёртвого дерева мы летали в этой бесконечной пропасти, переодически дотягиваясь до звёзд. Проваливались вниз, вновь взмывали вверх, над верхушками деревьев парка. Не знаю, сколько минут проходило в этом райском чувстве, но заканчивать мы и не собирались.

Сейчас, я чувствовал себя героем одного из многочисленных раздражающих фильмов, где главные герои постоянно целуются. Причём со звучным сладким причмокиванием, от которого тянет опустошить свой желудок.

Но, наверное, раздражающие они лишь для нецелованных людей. Теперь, смотря это однообразное кино я буду вспоминать нас с Евой и то, как порой мы глупо выглядели.

Обхватив её хрупкие ноги, я приподнял Еву на руках. Она казалась воздушной. Продолжая целоваться, мы медленно растворялись во мраке гигантского яра. Наши слившиеся воедино тени поглотила тьма. Также она и поглотила мои мысли, из которых я вынырнул подобно ванне. Будто всё это время лежал под водой, слушая приглушённые звуки доносящиеся из окружающего мира.

Попробуйте: находясь в каком-то пахнущем хлоркой бассейне нырнуть, дав мыслям и приятным фантазиям овладеть вами. Почувствуете себя в безопасной изоляции, в другом мире, где никакие внешние раздражители не могут помешать.

Чувство, испытанное мною только что было таким же. Жаль, что от него меня пробудили громкие всхлипывания.

Тьма ещё долго стояла перед глазами. Сначала огоньки свечей просветились сквозь неё, затем силуэт крепкой спины громилы, а потом и Ростислав, стоящий над нами. Протянув руки к Господу, он продолжал проповедь.

– Прими душу юного Виктора, так рано ушедшего от нас, – всхлип – будь с ним милостив. Даруй ему свою снисходительность, Боже – всхлип стал громче.

К пьедесталу, на котором подобно мессии, возвышался отец над народом, припала мать Виктора. Тёмное длинное платье волнами спускалось по мраморной лестнице. Красная щека прижалась к туфле богослужителя.

Оторвавшись от молитв, горожане устремили взоры на несчастную женщину, роняющую слезы у ног Ростислава. Душераздирающее зрелище. Всхлипы переросли в нечто большее, нет, не в плачь. Дикий животный рёв. Дикий животный рёв львицы, потерявшей сына.

– Отец, скажи Ему, как чист был мой сыночек! – никто не спешил поднимать несчастную мать с колен. Все лишь в гробовом молчании смотрели и с жалостью качали головами – Скажи Ему, скажи! – вопила она – Я не смогу без сына, не смогу! За что Он его отобрал? ЗА ЧТО БОГ ЗАБРАЛ НЕВИННУЮ ЖИЗНЬ, спроси у него, Отец!

А я мог это предотвратить.

Ещё там, на стадионе, моя безудержная фантазия рисовала картину несчастной матери. Но кто мог подумать, что дело зайдёт так далеко?

Прояви я на грамм больше смелости, Виктор мог остаться живым, и сейчас стоять рядом с любимой мамой. Сейчас, от этой, несомненно, красивой женщины, осталось лишь убитое горем тело.

Душу грызли угрызения совести: я не мужчина, и никогда им не стану. Я допустил трагедию из-за собственной бесхребетности.

Амёба.

– Спроси Его, Отец!

Вафля.

– Спроси!

Вата.

– Спроси, почему Он забрал моего мальчика!

Нет мне прощения.

Громкими криками и слезами утраты речь Ростислава была прервана. Опустив добродушный взгляд вниз, к матери, он отчётливо громко произнёс:

– Встань, дочь моя.

Женщина, незамедлительно встав с колен, выровняв плечи как солдат морской пехоты, встала перед Отцом.

– Ты должна отпустить. Очистится. Посмотри мне в глаза – ласково произнёс Ростислав, обратив умные глаза на неё.

Произошло безумие.

Смотря в глаза батюшки женщина медленно стала расплываться в жуткой, тревожной улыбке. За этой улыбкой не было ничего, лишь показное бездушное счастье. Пустые

стеклянные глаза не отрывались от лица падре.

Слегка поперхнувшись, мать Виктора разразилась жутким кашлем. Сначала он был тихим и приглушённым, а потом эхом разнёсся по всей церкви. Хриплый, горловой, скрипящий. Женщина вновь упала на колени, захлёбываясь громким кашлем.

– Очистись, дочь – наставлял Ростислав, спокойно наблюдая за приступом громкого кашля.

В растерянности, я оглянулся по сторонам, ища удивление в лицах местных. На наших глазах же творится безумие! Ноль эмоций. Безжизненные стальные лица, отстранённо наблюдающие за дивной картиной как за повседневной рутиной.

Так надо… Чистое безумие тут это неотъемлемая часть жизни…

Обернувшись, я взглянул на родителей. Лишь они перешептывались, с нескрываемым испугом рассматривая кашляющую женщину. Слыша эти хриплые звуки, хотелось незамедлительно ей помочь. Она ведь вот-вот задохнётся!

– Всё будет хорошо – прошептал Отец, прежде чем мать Виктора вырвала гнилым зелёным цветом. Жижа болотного оттенка фонтаном полилась вниз, на мраморные холодные ступени.

Что за ТВОЮ МАТЬ?

Засуетившись, я схватил неодобрительный взгляд стоявшей рядом пожилой дамы. Мол, чего я суечусь на таком важ-

ном мероприятии! Не видишь ли, молокосос, взрослые люди важными делами занимаются!

Я взглянул на маму. Она на меня. Напуганные глаза выражали растерянность. Пухлые накрашенные алой помадой губы безмолвно произнесли: «Это безумие!»

Потом кашель прекратился.

Женщина встала.

– Жду каждого жителя в комнате исповеди. Нам всем есть в чём покаяться.

Это уж точно, падре Ростислав. Даже и не представляю, что слышали деревянные стены маленькой комнатки, в которой за сеткой сидит понимающий священник, готовый отпустить каждому даже самые страшные грехи. Вдруг, там когда-то сидел убийца, признаваясь в самом страшном грехе? Вдруг, умные и человечные глаза Ростислава видели его очертания, рот, крепкие руки? Вдруг, человек, которому доверяет весь город, знает кто убийца?

Да нет, бред это всё.

Лучше бы мои мысли были заняты обдумыванием картины, представшей передо мной десять минут назад. Женщина, подобно героине «Изгоняющего дьявола» «очищается». Может быть, сам того не понимая, я попал в секту? В свете последних событий, это всё что нужно для полного комплекта жуткой фигни!

Я думаю, у Мекки на какой-нибудь рамадан меньше людей

толпится, серьёзно. В Диснейленде в час пик на горку «Космическая миссия» очередь меньше. А тут, все настолько желают отпустить грехи, будто в городе вчера прошла судная ночь.

У меня тоже миллион грехов, в которых следует признаться. Честно, в последнее время чувствую себя стопроцентной тварью без малейшего намёка на духовность. Составляя список своих самых галимых качеств, я становлюсь в беспокойную очередь.

Возможно, удастся избавится от разрастающегося тёмного пятна. Я знаю, что оно есть, и также знаю, что оно безудержно разрастается.

Господи, мне правда невероятно стыдно, но кажется я стал плохим человеком.

Во мне бурлит, как котёл с закипающим супом, горячая и едкая агрессия, которую я не могу контролировать. И она не только в моих мыслях, она и в действиях. Сейчас я не могу смотреть на людей без осуждения. Хотя бы капля, да вытечет. Я стал язвительным, холодным, эгоистичным. Я стал чёрствым. Может меня меняет эта выводящая обстановка, не знаю.

Каюсь, Господи, я

Осуждаю.

Сплетничаю.

Дерусь.

Хамлю.

Заполняю свою голову миллионом злых мыслей.
Смотрю на людей свысока.
Каюсь, Господи, я плохой человек.

Каролина, Алина, Макс и Андрей сидели на деревянной лавочке у церковного магазинчика рядом с большими дверьми. Никто не стремился занимать очередь, ведь для них путь на долгожданную исповедь выложен красной дорожкой и проходит без очереди. Не замечая суеты вокруг, ребята поглощены обсуждением «отколовшейся» ЖУДы. Никита не пришёл в церковь, да и вообще всю неделю ведёт себя как монах-аскет. Без слёз в глазах на сутулого, печального, а теперь ещё и одинокого парня, не глянешь.

– Чёрт, какие же эти серьги тяжёлые! – на недовольную реплику Каролины обернулась женщина, державшая за руку мелкую дочь. В руках у дамы церковный журнал «Божий вестник». «Единственный журнал, с тиражом в две копии» – часто шутила компания. На логотипе голубь – святой Дух. Тема номера: «Разговор с подростками о высшем». Подготавливать её помогали пару типов из пережившей многое школьной газеты.

– Ты издеваешься? Кто чертыхается в церкви? – озадаченно поправил подругу Макс.

– Оу, да тебе не плевать?

Алина сидела на краю скамейки, и с отстранённым видом всматривалась в иконы. Точнее сказать, она пыталась делать

максимально холодное лицо. Пыталась не встречается глазами с Андреем, который, приличия ради, пытался приобнять её и сказать пару ласковых слов. «Ты как, пупсик?».

«Пупсик, что за нахрен?» – от каждого его слова за километр воняло фальшью. Хотелось врезать ему по большому волевому носу, но церковь. Люди не поймут.

Почему-то её друзья вдруг, как по приказу, озаботились внутренним состоянием Алины.

– Али, ты о'кей? – «Макс-Макс, ты никогда не умел задавать тактичные и адекватные вопросы. Ты всегда хотел казаться тупее, чем есть на самом деле. Ну серьёзно, как я могу быть «о'кей», когда моя жизнь – пепел?»

– Эта женщина, мама Виктора – задумчиво начала Алина – Она… это было жутко, вам так не показалось? Почему люди никак не реагировали?

– Ты за… ту женщину, которая плакала на коленях? – озадаченно спросила Кэр

– Она ещё вырвала, прям по приказу Ростислава. Это ненормально.

– Погоди, когда вырвала? – «Макс-Макс, ты даже такие чертовски важные вещи упускаешь из внимания»

– Ты… ты же стоял и не отрывая взгляда смотрел на это!

– Может тебе показалось? – Андрей схватил Алину за запястье. Вот вам «разрушение мифов» о самом популярном мальчике города – он совсем не умеет нормально обниматься и приятно прикасаться к девушкам. У него всегда это по-

лучается грубо и совсем не нежно. Хотя ночь и постель компенсирует все слюнявые прикасания сполна.

– Мне, мать твою, НЕ ПОКАЗАЛОСЬ – Андрей, не ожидая подобной реакции, отпрянул – Хватит думать что я сумасшедшая.

– Мы ничего не думаем, мы хотели сказать…

– Да плевать мне, что вы хотели сказать… – глубокие печальные глаза медленно заполнились слезами. У Алины задрожала губа. Подобная сентиментальность для неё – как град размеров с шар для боулинга в африканской пустыне – Я же вижу, как вы себя ведёте. Будто я больна какой-то долбанной проказой. Будто вас насильно заставляют улыбаться мне и стараться быть хорошими друзьями. Но знаете что? Вы, определённо, херовые актеры!

– Али, мы в церкви… – сдвинув брови заявил безмозглый качок. «Макс-Макс, ты всегда высказывал очевидные вещи с лицом врача, нашедшего лекарство от рака».

– Да закройся! – обрезала Алина.

Андрей, видя как стремительно разжигается его девушка… бывшая… настоящая…, с упорством ковбоя, пытающегося оседлать дикую лошадь, стал усмирять дикую девчонку.

– Тише-тише, Али. Моя бедняжка – он придвинулся к ней ближе, понизив голос до соблазнительного шёпота. О да, его флюиды вышли в атаку. Перед ними никто не мог устоять. Он нежно приобнял тонкую талию девушки, пытаясь заглянуть полным псевдо-страсти взглядом в её расстроенные

глаза.

Затем, он совершил чудовищную ошибку. Не одному ловеласу ещё не доводилось настолько вывести из себя девушку.

Большая ладонь медленно, но уверенно, стала сползать к ягодице. Она размеренно проделывала свой путь по кружевам белого платья, ощупывая воздушную ткань.

Реакция Алиной стала, можно сказать, фантастической. Она не то что удовольствие не выразила, она скривилась как от болезненного удара током. Лицо перекосило от ненависти. Толстые чёрные брови сдвинулись воедино. Губы приняли форму диаграммы очень активного сердца.

«Даже твоё прикосновение болезненно, ублюдок».

Схватив крепкую руку Андрея, она стала медленно её выворачивать, как шуруп. Андрей, в свою очередь, завизжал как капризная девчонка, что привлекло внимание даже стоявших на другой стороне церкви жителей.

– А-А-АЙ-АЛИНААА! Ты делаешь мне больно! Отпусти! – выглядел он как маленький щенок, пытающийся угодить хозяйке. Этот вид приносил Али неописуемое удовольствие.

Ей хотелось выкручивать шуруп-руку до конца, вырвать её к чертям и вдобавок отлупить ею его дерзкое лицо. Фантазии…

– То как ты мне сделал больно, не почувствовать, даже если вырвать нахрен твою сраную руку, мудила – слегка заку-

сив нижнюю губу, девушка пыталась заглянуть в озадаченные глаза бывшего парня. Там ясно читалось непонимание, которому затем, на замену, пришло просветление. Значит, он понял за что сейчас получает.

– Алина, успокойся! – «Макс-Макс, ты всегда совал свой мощный нос куда не просят»

– Успокоится? Да ты хоть знаешь, какая тварь твой дружок? – баскетболист на это ничего не ответил. Конечно же он знал.

Каролина стыдливо оглядывалась на похожих, будто сама в чём-то виновата. «Единственный искренний человек, желавший мне лишь добрая. Моя Кэр»

– Больше никогда не называй меня бедняжкой, ублюдок – наклонившись к уху Андрея прошептала Алина. Он, на этот раз, пах ароматом от «Coach”. Она могла с лёгкостью отличать его парфюмы. Ночуя у него дома, Али часто подходила к столику с зеркалом и принималась нюхать разнообразные стеклянные флаконы. Hugo Boss, Dior… Она получала удовольствие вдыхая его аромат. Потому что по-настоящему любила.

Разъярённая девушка выпустила покрасневшую руку парня, отклонившись от него как от горы вонючих помоев. Выглядел он, мягко говоря, озадаченно.

Прийдя в себя, Алина оглянулась по сторонам. Люди смотрели на их перепалку как на бесплатный цирк. Выжидая исповеди открыли рты и с неприкрытым интересом пя-

лились.

– Чего смотрите? Интересно, да?– вскричала Али, обращаясь к толпе. Щеки запылали огнём. Ну вот, опять эти чёртовы слёзы… Как же ей хотелось держать себя в руках и не рыдать. Не пускать ни единой слезы. Порой казалось, что всех их она уже давно выплакала. Но болезненные солёные капли сами скапливались над веком.

Нужен воздух. Нужно солнце. Нужно уйти отсюда, чтобы никто не видел слёз. Они же лишь этого и ждут – момента разрушения.

Все хотят увидеть, как разрушится самый противоречивый (для жителей города противоречий не было. Характер Алины для них – однозначно дьявольский) характер города.

«Нет, вы не увидите меня сломленной» – про себя произносила Алина, бросаясь к высокой входной двери. Она расталкивала удивлённый народ – «Да пошли вы все» – чувствовала как сзади с места сорвался Андрей – «А ты вообще, сгори так же, как и я…»

Да, в тот момент, находясь в святом месте, где с каждой стены смотрели десятки глаз преподобных, где разрывая глотки возносил молитвы хор, Алина мысленно проклинала ненавистного сердцу человека. Без угрызений совести, без стыда.

Меня сбили с ног. Обернувшись и подготовив фирменное мимолётное: «Смотрите, куда идёте» я обнаружил Али-

ну. Белоснежное пятно пробивалось к выходу из тёмных пучин. На её багровом лице виднелись следы от влажных слёз. Подобрав подол юбки, она грубо толкнула стоявшую впереди девчонку. Эта девчонка где-то полчаса пялилась на меня, прежде чем спросить «Ну как чувства?». Глупее вопроса и не выкинешь, честное слово.

Алина, вроде как, из компании в которой я раньше тусил, и вообще-то я ей сочувствую. За один вечер она решилась всего. Наверное, глуповато звучит как для мира, в котором за пол часа люди разбиваются на машинах и смиряются со смертью обоих родителей. С пропавшей возможностью шевелить конечностями. Наверное, Али ещё не плохо отделалась. Бог забрал внешность, лицо. Ей осталось лишь усмирить свой бушующий внутренний мир. По лицу вижу, как его разрывает.

Бросившись за ней следом, спрашиваю:

– Алина, всё в порядке? – дебильный вопрос. Недавно она горела заживо. Какой, к чертям, порядок? Хвала высшим силам, что она меня не услышала. Продолжила ломится на улицу. Ну а я за ней. Тут новый скандальчик намечается, я же не могу вновь не влезть в самый эпицентр событий?

А мало ли там очередное убийство? Неужели я пропущу?

Дальше в моих глазах поплыл фрагмент из какого-то дешёвого шоу.

Мачо-мальчик выбежал на порог церкви. Девочка-стерва, пытаясь усмирить своё непослушное длинное платье, кину-

лась ловить такси. Мальчик, не понятно какого лешева тут забывший, стоит рядом и пялится с открытым ртом.

А потом интервью с каждым по-отдельности.

«Алина. 17 лет.

Попала в чрезвычайную ситуацию и сразу же после узнала о измене парня»

«Понимаете, в тот момент я почувствовала… Ненависть (вытирает слёзы). Внутри будто оборвалась ниточка. Последний моток. Последняя надежда на нормальную жизнь»

«Андрей. Почти 17 лет.

Я вообще не пойму какого хрена там происходило. Бежав, я случайно сбил монаха, а ещё моим кожаным туфлям от «Baldinini" жопа. Хреновый день»

«Влад. 15 лет.

Случайный свидетель»

«Мне уже надоело приходить на подобного рода интервью. И чё с того, что я всегда нахожусь «на месте преступления»? Хотите узнать моё мнение? Получайте! Мой братец ублюдок, которого кастрировать мало. Разговор окончен.»

– Алина, что с тобой? – крикнул Андрей в след ходившей волнами по ветру юбке. Громкий бас эхом отбился от высоких белых стен колокольни.

Алина обернулась. Глаза красные, слёзы катятся двумя сплошными водопадами. Блин, офигенное платье. Оно создаёт вокруг неё белоснежную оболочку. Честное слово, я как-будто видел мираж посреди пыльной дороги.

Стоя посреди главной дороги города, Алина помешала движению десятков автомобилей. Из жёлтого такси высунулся чернокожий парень, гневно тряся кулаком:

– Свали с дороги, сука!

Но сконцентрируемся на нашей горе-паре. Выглядят они, не смотря ни на что, привлекательнее чем сотня матерящихся таксистов

– Как? Как ты мог? – прокричала девушка. Громкие сигналы вставших на месте авто не могли приглушить её голос.

– Что «мог»? – до сих пор не понимал Андрей.

– После всего что мы пережили вместе. Столько времени угробили друг на друга. Я же тебе верила, ты был единственным, к кому я относилась с чистой душой. А ты, как только я пережила одно из самых больших потрясений своей жизни, бросил меня одну!

– Я тебя не бросал, я был занят.

– Для поцелуя с какой-то серой мышей на парковке у тебя нашлось время!

– Откуда ты… – Андрей прервал свою фразу. Выбежавшие из церкви Каролина и Макс в шоке смотрели на своего друга. Кажется, Макс всё знал. Вижу его насквозь: вот-вот под землю провалится.

«Макс. 17 лет.

Счастливый спортсмен.»

«Да клянусь, не знал я что всё так обернётся!»

«Каролина. 16 лет.

Скандальная блондинка. Нет, это не клон Перис Хилтон.»

«Я себя сдерживала, чтоб не загрызть этого наглого ублюдка своими белоснежными зубами! ДЕРЖИТЕ МЕНЯ СЕМЕРО ИЛИ Я, КЛЯНУСЬ, СДЕЛАЮ ЭТО»

– Как ты мне мерзок – орала Алина – Знаешь, я даже и не капли не виню эту Леди, как-там… V? Эта старая сука, сделав меня такой, помогла разобраться в жизни и сделать выводу насчёт такого мусора, как ты. Заносчивая стерва, вот что тебе было нужно! Девчонка под копирку, для поддержания статуса! ЭТО ОТВРАТИТЕЛЬНО. ТЫ ОТВРАТИТЕЛЕН.

Казалось, даже таксисты заткнулись с интересом разглядывая перепалку – Теперь, когда этот образ в огне, всё, что меня окружало в миг разрушилось. И я понимаю, что это к лучшему…

Казалось, центральная площадь сейчас взорвётся аплодисментами. Больно это всё «Дневники Бриджит Джонс» напоминает, на более жестокий извращённый манер.

– Но, Алина… – Андрей, впервые за долгое время, если не за всю жизнь, не нашёл слов. Алина даже дала ему время для оправданий. Но он лишь подбежал к тротуару, взглянул на призрака окруженного эфемерной белой пеленой, и в последний раз взял его за плечо.

Алина, шмыгнув носом, скривилась:

– Если ты ещё раз прикоснёшься ко мне, то клянусь, я вырву эту лапу и запихаю её глубоко в твою высокомерную задницу – с ненавистью прошептала она, и обернулась, гото-

вая растворится в длинной череде проезжающих машин.

Напоследок обернувшись, она опомнилась:

– Чуть не забыла! – и сделав шаг к стоявшему на месте Андрею, влепила ему знатную громкую пощёчину. На щеке парня остался багровый жирный след.

Казалось, вся площадь должна сейчас зааплодировать.

Но лишь я как-то отреагировал. Пошатнувшись, я рассмеялся. Уверен, он заслужил всё это. Зная Андрея, боюсь представить, какое для него унижение – быть выставленным сопляком перед всей площадью. Находившаяся на другой стороне дороги девчонка одобряющие просвистела, улыбаясь смотря в след Алине. Та, в свою очередь, обернулась и с реверансом принцессы поклонилась незнакомке.

Андрей стоял посреди дороги, движение на которой наконец пошло своим обычным чередом. Сигналили автомобили, шумели моторы… А он, с переполнявшей грудь злобой, смотрел в след растворяющемуся белому пятну.

Али пританцовывая польку, сняла с себя высокие каблуки, после чего, не сдерживаясь, побежала по газону. Также вприпрыжку. Вот уж не знаю, что она чувствовала: скорее всего свободу. Хотя, что-то мне подсказывает, что даже в тот момент с её глаз лились огненные слёзы.

Андрей наконец обернулся к церкви лицом. След от пощечины малиновым клеймом сиял на солнце.

– На одну меньше – грубо кинул он, поднимаясь по мраморной лестнице. Андрей есть Андрей. Весь мир вращается

вокруг этого богатенького и нахальненького человечка, и если Андрюша даст слабину – Земля прекратит движение.

– Чё, интересно? – остановившись у меня вскрикнул он. Лицо полностью покраснело от ярости – Весёлое шоу, да, братишка?

– Не то слово – спустя секунду я пожалел об этой реплике. Она достойная Андрея, мудаческая до не могу.

– Пошёл нахрен, ублюдок – прошептал мой брат. Вот точно, он готовился врезать мне в тот момент. Правая рука, с сжатым кулаком, вверх потянулась. Но он вовремя себя одёрнул – не лучшее место для драки. И без неё скандалов too much.

Так что хорошо, что мой брат быстро скрылся в массивных дубовых дверях храма.

Каролина с Максом минуту постояли у лестницы, расстроенно поглядывая друг на друга. Хоть у этих ребят отношения наладились. После натуральной бойни в «Пауках» они сумели сохранить дружеские отношения. Хотя, лично мне кажется, что после длительной влюблённости невозможно «дружить». Это всё глупые выдумки для женских журналов и их статей вроде: «Возможен ли секс по дружбе?»

Но эти двое, вроде как, искренны друг с другом.

– Пипец полнейший – качая головой произносит Кэр.

– Точнее не подметишь – поддерживает её друг, после чего парочка заходит в здание.

И я вновь один. Теперь есть время подумать над тем, что я

недавно увидел. Честное слово, голова закипает от всех размышлений. Я чувствую себя полоумным глупцом, не способным сложит два плюс два. Я чувствую, передо мной ответ. Следует только раскинуть мозгами.

Экзорцизм? Обряд очищения? Магия? Гипноз? Что же происходит за могучими обрывистыми стенами этого здания?

Золотой купол сверкал в свете солнца. Денёк сегодня стоял особенно знойный. Этот беспощадный свет словно специально плавил мозги, стирая из памяти вид вырывающей на ступени женщины.

Как же найти выход?

Скорее всего, единственный выход – валить отсюда подальше.

Под ногами ветер разгонял первые опавшие жёлтые листья. Присев на холодную ступень, я раздосадовано схватился за голову.

Чёрт! (Прости Господи). Как же она болит!

Наверное, со стороны я выглядел как болезненный мальчик с обостряющимся припадком. По лбу холодными каплями скатывался пот. Невыносимо жарко.

Ситуация облегчилась, когда как по заказу подул ветер. Стало малость холодно, но кажется, я снова в порядке.

Как раз вспомнился сюжет из программы «Discovery”, в котором рассказывали как в ОАЭ искусственно призывают дождь. Вот это передовые технологии и божественная сила

денег. И нефти.

Позабыв о чистоте брюк, я распластался на лестнице и смотрел на голубое небо.

В такие жаркие деньки нам бы пригодились искусственные дожди и надувные тучи. Хотя, в этом городе и без этого всё искусственное и надувное…

За этими декорациями скрывается ужас. За улыбками таятся тайны. За замками пафосных люксовых домов и пышных храмов удерживаются кровавые секреты.

И у меня нет сил играть в подростка-сыщика, брата Харди и Скуби-Ду в одном флаконе. Чувствую себя пенсионером, искренне желающего, чтоб его оставили в покое.

Ветер разгонял по брусчатке мелкий неаккуратный мусор. Окурки, фантики, обёртки «колы»… Понятие чистоты у жителей города на уровне с индусами. Осуждающе причмокивая, я рассматривал мусор. А что? В церковь желания возвращается уж точно не было.

Рядом с летящим прочь, как перекати поле на диком западе, полиэтиленовом пакетом, я обнаружил знакомое лицо.

Тот самый парень, последний взгляд которого отложится в моей памяти на всю жизнь.

Пустые глаза, пустое лицо, и бешеный багровый ручей, скрывающий за собой переносицу и нос.

Самое настоящее объявление о пропавшем без вести:

«Пропал парень. 20 лет. После роботы в доставке пиццы Ин-Сити не вернулся домой. Кто располагает хоть малейшей

информацией, обращается по номеру…»

Судя по тому, что написано объявление неформальным языком, писал и развешивал его кто-то из семьи доставщика.

Где же ты его держишь, Леди V? Зачем тебе могло пригодится бездыханное тело обыкновенного парня?!

Тело покрыли мурашки. Ветер стал омерзительно холодным, вызывая крупную дрожь по коже. Я аккуратно свернул объявление и сунул в карман пиджака.

Возможно, пора выруливать самому из этой задницы.

Потому что поверьте, если я буду продолжать сидеть в ней дальше, просто напросто слечу с катушек.

Глава 25 #ребеноккукурузы

*Задыхаясь она продолжала бежать, периодически падая, ведь её покидали последние жизненные силы. Попытка ускорить бег заканчивалась новым болезненным синяком, очередной жгучей ссадиной, новым кровоподтёком, коих на тощем девичьем теле образовались десятки. Стёртые в кровь ступни пекли будто она ходит по раскалённой лаве, каждый камешек под ними отдавался болью в ногах. Тропы тут, будто специально, усыпали мелкими острыми камешками, неприятными шишками и колючими сухими ветками. Но больше всего ныла спина. Она чувствовала каждую связку, проходившую через шею вниз, казалось

что каждый нерв внутри медленно рвётся, как тонкая нить. Кое-как прикрыв тяжёлую рану зелёным листком ей удалось избежать дальнейшей потери крови. Такой боли в своей жизни она ещё, Слава Богу, ни разу не чувствовала. Но девушка, скривившись от боли продолжала отчаянно бежать. Жажда жизни давала необходимые силы.*

Как же так случилось, что всего за одну ночь её жизнь превратилась в сущий кошмар? Как так случилось, что за эти несколько часов её пытались убить несколько раз?

Почему этот чёртов лес настолько бесконечен? Когда начнётся цивилизация, люди? Ах, люди! Человечные, добрые, мирные. После тех животных в воспоминаниях они отражались теплотой и заботой. Они спасут её, и всё встанет на свои места.

Нескончаемый густой лес покрытый мраком сменило собой поле жёлтых подсолнухов. Казалось, оно было таким же безграничным как и тот проклятый лес. Подсолнухи справа, подсолнухи слева, спереди… Одно её радовало. Ей удалось оторваться. Наконец-то.

Адриана остановилась чтобы перевести дыхание. Она начала отхаркивать что-то очень кислое и терпкое на вкус. На пыльную землю вылились перемешанные с густой слюной капли крови. Во рту застыл неприятный металлический привкус. Теперь он всегда будет ассоциироваться с животным ужасом и этой проклятой ночью.

Как только она оторвалась и выбежала в лес, пришлось выплюнуть куски самой настоящей плоти. Ей пришлось укусить своего обидчика с зверством бешеной бродячей собаки, и до сих пор куски этой твари обнаруживались застрявшими промеж её зубов.

Отплевавшись, Адриана окинула поле быстрым взглядом. Бесконечные подсолнухи и узкая тропа, крадущаяся между зарослей. Ни намёка на дорогу, на живого человека, тишина и тьма…

Погодите! Что это? Какой-то свет посреди зарослей. Неужели это свет окна? Да-да, точно! Это чей-то дом! Бог услышал её молитвы, посреди поля одиноко стоял большой деревянный дом, казавшийся миражом во мраке. Окно, как маяк заблудшему в океане кораблю, подавало надежду. Вскрикнув и заулыбавшись, Адриана кинулась к горевшему перед ней тусклому свету.

Подсолнухи предательски не хотели пропускать девчонку вперёд, загораживая путь высокими стеблями, но не могли остановить жаждущую спасения девушку.

Спустя какое-то время девчонка стояла на скрипящем пороге и готовилась нажать на маленькую кнопку, запрятавшуюся между выпирающих гнилых досок. Вдох-выдох. Ей помогут. Эти люди не могут оказаться такими же жестокими и кровожадными.

«А если они убьют меня и отправят обратно к этим извергам?»

Прекрати, ты совсем потеряла веру в людей, Адриана! Жми на звонок!

Звучный сигнал пронёсся эхом по полю, разбудив сидящих на крыше ворон. Громко повозмущавшись, они поднялись в небо и принялись выписывать тёмные круги в воздухе.

Дверь открыла милая седая дама. Милая, скорее из-за отработанной ухмылки. Оглядев стоявшую на пороге дома девушку улыбка превратилась в гримасу жалости:

– Дитя моё, что с тобой случилось?! – на красивом молодом лице красовались несколько пухлых шишек. Руки стёртые в кровь, ноги изувечены шрамами, в волосах виднеются палки и запутавшиеся листья. Девчонка напоминала, как бы вам объяснить… Лару Крофт! Версию 2013 года: побитую, грязную, напуганную, но при этом ослепительно красивую и миловидную.

– Я… я… На меня напали… Нужно звонить… В полицию… родителям – Адриана, не веря своему счастью начала реветь, попутно пытаясь сказать членораздельное понятное предложение. Но ничего не выходило.

– Погоди, переведи дыхание и скажи, кто на тебя напал? – старуха жалобно смотрела в её глаза.

Адрианна всхлипнула, слёзы покатились с новой силой.

– Тише, тише… Зайди домой, у меня для тебя стоит недоеденный ужин. Хочешь индейку? – старуха, пропустив Адриану за порог провела её, мимо бесконечных мрачных коридоров, увешанных старыми фотографиями и пыльными ре-

ликвиями, в столовую.

Невысокие здания в пять-шесть этажей и не думали заканчиваться. Нескончаемыми линиями, таким себе тетрисом, они плотно прижимались друг к дружке, оставляя лишь узенькие тёмные улочки для нас – людишек. Эти серые дома из кирпича нагнетали.

И без них в голове бушевал штурм.

Окей, логика, ты должна помочь. Сорок минут назад в церкви случился тотальный треш – мать мёртвого Виктора вырвала. Согласен, звучит не так «тотально». Всему есть логическое объяснение. Ведь так?

И её горящим оживлённым глазам, после того как зелёная рвота фонтаном брызнула на холодный мрамор. И безучастному поведению священника. И прихожан.

Всё имеет объяснение, если ударится в бесконечно глупые теории.

Мать Виктора свихнулась от горя. Город не впечатлила эта картина. Окей? Окей.

Но что произошло дальше – вот это стопроцентный тотальный треш.

Из церкви толпой повалили улыбающиеся и жизнерадостные люди. До сих пор облачённые в траурные чёрные наряды, они, казалось, совсем забыли и о кровавых убийствах, и о горе потерявших детей соседей. Улыбались. Женщина с дочкой даже хохотала, и её смех эхом разносился по площади.

Потом вышли мои родители. Папа приобнял маму за талию, а она, кажется, вот-вот и пустится плясать тектоник. Довольными глазами они осмотрели меня, ненароком спросив:

– Исповедовался?

Вопрос до смешного глуп. Они прекрасно знали, что я вышел из церкви и пропустил исповедь. Но это не помешало мне бесстыдно солгать.

– Вот и славно – обронил папа, роясь в кожаной сумочке, разыскивая ключи.

«Вы чё, бухие?» – в непонимании хотел спросить я, залезая в машину. Но мужественно сдержал бестактный вопрос.

Сейчас, меня искренне удивляло то, как невинно папа рассказывает маме пошловатый анекдот о Путине, Трампе и Меркель. То, как громко она хохочет.

«Наркотики?»

Нет-нет-нет. Возможно, у них были опыты с ними в молодости. Но мои родители не могли обкурится в церкви. Безумие.

«Гипноз?»

А почему нет? Возможно, я столкнулся со случаем самого настоящего массового гипноза. Загипнотизирован весь город.

Однажды, где-то лет в восемь я наткнулся на безумную документалку на одном из каналов, вечно гоняющих фильмы вроде «Бейонсе – королева иллюминатов», «Фараоны на

самом деле марсиане» или «Дисней – приспешник Сатаны». Диктор, явно переигрывая и смешно надрываясь, поведал миру о том, что группа «Битлз» на самом деле опытные гипнотизёры.

«Если пустить их пластинку задом наперёд – услышим гимн Сатане» – рассказывал он. Помнится, тогда мой отец смеялся добрых пол часа. Мне казалось что такие программы специально создаются смеха ради. Сейчас все варианты кажутся вполне себе реальными.

И вот, конец до ужаса длинного анекдота сопровождается маминым смехом. Громким, безумным. Мне кажется, сейчас она сходит сума. Ни дать, ни взять «Сияние». Вот-вот возьмёт топор и порубает меня на стейки.

Суть анекдота, понятное дело, прошла мимо меня. Но как я понял, мимоходом проскользнула шутка про накладные волосы Дональда (а как без этого?)

И моё терпение лопнуло:

– С чего такое веселье? – буркнул я, оборвав мамин смех.

Знаю-знаю, со стороны я выгляжу как эгоцентричный выродок, которому смех родителей кажется омерзительным. Сейчас я сам себя раздражаю. Но внутри царит настолько мрачная и удручающая неопределённость, что любое проявление радости сходит за абсурд.

– Чего нам не веселиться, Влад? Мы живы, любим друг друга и это просто чудесно! – да, мои родители, в отличии от других пар среднего возраста любили напоминать о своих

пламенных чувствах. И меня это восторгало. НО НЕ СЕЙЧАС.

– То что любим друг друга, это ты хорошо подметила – папа оторвался от дороги и подмигнул маме. Ну просто сказка, а не семья. Всё будет идеально, только кто-нибудь, пристрелите этого недовольного малолетнего ублюдка на заднем сидении.

Выдохнув, я распластался на кресле и задумчиво загляделся в окно.

Улицы стали шире. Мостовые просторнее. Мы проезжали мимо очень киниматагрофичного района. Тут запросто можно было отснять короткометражку, и выдать за какой-нибудь французский Нант. Или Ля-Рошель. На каннском фестивале все бы повелись.

Такие же уютные ресторанчики с открытыми летними площадками. Кафе, в котором подают густое итальянское мороженое. Лавки с антикварным хламом. Изрисованные граффити закоулки. Рай хипстера.

Жаль, что в воскресное утро эта красота пустовала.

Я уверен, что на данный момент живу в красивом городе. Разнообразном, неординарном, скажем так, с харизмой. Но назвать его хорошим язык не поворачивается, честное слово.

– Эта женщина, рыдающая на коленях перед Ростиславом…

– Убитая горем мать, Влад. После смерти сына это нормально.

«Если только смерть сына может считаться чем-то нормальным»

– А нормально то, как неожиданно она врывала и сразу же стала спокойной?

– Ей, скорее всего, стало плохо – равнодушно объяснил папа, и посмотрев влево, радостно воскликнул – Давайте остановимся и съедим по замороженному йогурту! Можем сразу взять чизкейк для твоей новой подружки!

– Зачем? – под нос буркнул я.

– Ну как же, мы не можем идти в гости с пустыми руками, ведь так?

Честно говоря, я в ступоре. Кажется сцена в церкви, как и всё происходящее вокруг, никак не волнует моих родителей. Алло! Опомнитесь! Вы скоро пойдёте на рекорд, забирая сына с полицейского участка как пострадавшего в десятый раз!

Но отцу, видите ли, йогурта захотелось. Мы сядем за один из этих уютных стеклянных столиков, на которые любят срать голуби, и съедим двойную порцию божественного лакомства. В качестве добавки я возьму себе орео, сникерс, и сверху засыплю это калорийное безобразие мармеладными мишками. В качестве допинга карамель плюс шоколад. Буду заедать горе сладким – это единственный способ не поехать мозгами. Папа расскажет очередной плоский анекдот, мы все посмеёмся, сядем в пикап и умчим под звуки заевшего на радио хита.

Просто забудем о всём этом. Сотрём из памяти.

Они уже, наверное, стали забывать. В зеркало заднего вида вижу, как становятся мутными и безрассудными их взгляды. Это странно, ведь подобное нельзя просто так забыть.

Если я не узнаю, что происходило в тесной комнате для исповеди, не смогу нормально спать.

Ну а пока, пожалуй, съем-ка замороженный йогурт. И добавьте, пожалуйста, баунти. Спасибо!

Вы знаете, замороженный йогурт бесспорно делает человечество на дозу счастливее. Думаю, это стоит причислить к научно доказанным фактам.

Но даже корзинка холодного мягкого лакомства с двойным шоколадом, хрустящими кусочками орео, кисловатыми мишками и тягучей карамелью не способна заставить меня угомонится. До сих пор я нахожусь в состоянии неистового возбуждения. Из-за этого не дождавшись полной остановки, буквально выламываю дверь пикапа и бегу на второй этаж. Минуя лестницу хлопаю дверью, и остаюсь наедине с мыслями в своей комнате.

Яркое солнце бесцеремонно врывается в мою комнату, ослепляя светом.

Я пытаюсь сконцентрироваться и вспомнить все приёмчики, подсмотренные у Миссис Марпл и Пуаро. Как рассуждал Шерлок? Что бы сделал Камбербэтч в британском сериале? Как из этой тайны выпутался б Эдгар По в своём рассказе? Финчер, предугадав все сюжетные повороты и отсняв счаст-

ливый финал?

Я ломанулся к доске и схватил чёрный маркер. Буду действовать как полицейский в «CBI”.

Торопливо и криво вывожу крупное слово «Убитые», и осознаю, что написать их имена будет сложновато. С каждой новой мелкой буквой вспоминаю их лица, их кровь. Думаю, какую боль они ощущали и кажется, начинаю сам её чувствовать. «Самовнушение» – кажется, это называется так.

1. Адриана – перед смертью записала видео, на котором виднелись факелы сзади. Такие же, какие я видел после падения с дерева, хоть и врач доказывает что у меня галлюцинации. Побывала в сквоте Майкла до убийства.

Рядом с последним предложением ставлю большой восклицательный знак красным маркером.

2. Давид – “дебютная» жертва Леди V. Несчастным парнем она громко заявила городу о себе, пытаясь имитировать ритуальное убийство.

3. Дэн – если забыть о том, что «круг тёмных мантий» – всего навсего моя галлюцинация, можно сказать что Срэшера убила секта во главе с ужасно старым садистом.

Напротив последнего предложения ставлю знак вопроса. Синий.

4. Доставщик пиццы – на моих глазах его пристрелила Леди V. Он мёртв, тело так и не обнаружено. Зачем психопатке мог потребоваться его труп?

Рядом с пунктом три вешаю найденное сегодня на пло-

щади объявление. С пыльного клочка бумаги на меня пялит тощий парень с сильно выпирающими скулами. Нестандартной челюстью он чем-то напоминает Мэркюри. Тощий, узкоплечий, глаза как у напуганного хомячка. В школах таких называют просто – лузер.

Когда до мозга доходит, что обладатель этого неуверенного взгляда мёртв – становится не по себе.

5. Виктор – скорее всего, его убийство было не спланировано. В обратном случае, логичные подозреваемые – чёртовы гопники. Не с проста они так старательно нас отпугивали от футбольного поля, ведь так? Может быть жестокое убийство для них развлечение?

Отхожу от доски и смотрю на список. Всё запутанно до безумия. Шесть молодых людей, обладавших далеко не самым бледным характером. О каждом из них знали в городе. Мальчик-мем мелькал в качестве гифки во всех беседах города. Адриана – звезда, она тут служит той самой «дочкой маминой подруги». «Вот видишь, доця, а у Адрианы, в отличии от тебя, пять с плюсом по геометрии…» Дэн – завсегдатай всех нарко-тусовок, в узких кругах тоже более ли менее известен.

Но я не думаю что этих ребят объединяет популярность. Их вообще ничего не объединяет. Искать что-то общее – глупо. Им просто не посчастливилось быть «не в том месте не в то время».

Единственное, о чём я могу заявить с уверенностью (от-

носительной уверенностью) – убийц двое. Первая – известная всему городу Леди V. Сумасшедшая, ставшая тут своеобразным брендом. Ей посвящали сайты и жуткие аккаунты в тамблере. О ней писали безумные фанфики, где в качестве главных персонажей фигурировали мы с братом. Кажется, некоторые особо отбитые люди вдохновлялись ею и ставили в кумиры. На месте местных властей я бы насторожился. Может и до последователей дойти, пока всех людей города не поубивает куча ненормальных в масках.

А второй убийца… Хм.... Ладно, хотелось написать про старика с кухонным ножом в мантии. Я знаю, это бред. Но я точно что-то видел. Вполне возможно, это самый обычный рядовой серийный маньяк. Смешно звучит. Носит купленные в супермаркете за доллар очки, выискивает жертв на заправках, от него несёт потом и спермой а в его зубах застрял вчерашний бургер. В детстве батя его ожесточённо лупил, в перерывах насилуя. А потом в школе ему натягивали трусы на голову. Тоже затем насилуя. Так и рождаются монстры.

Скорее всего, это какой-нибудь отшельник живущий в чаще леса. Питается найденными на мусорке остатками консерв, разучился говорить, опасается людей, но при этом испытывает нехилое влечение к молодым людям. Или нехилую агрессию.

Но я далеко не психолог, что бы разобраться в мыслях неизвестного. Пока что, рядом с надписью «Убийца номер два» ставлю вопросительный знак. Синий.

Оторвать меня от тренировок логики (которая, кстати говоря, напрочь отсутсвует) меня смогла влетевшая в комнату мама. Она уже сменила парадное чёрное платье на джинсовый комбинезон. Как всегда, она одевает его на голое тело. Папе нравится.

Смотря на меня горящими глазами, немного запыхавшись (обычно, я выгляжу так после поцелуев. Рад за маму и папу) она напоминает:

– Мы выходим через пятнадцать минут, сынок. Я думаю на самой настоящей ферме тебе будет интересно.

– О да, не то слово, мам. – я настолько удивительное создание, что не до конца понимаю, с сарказмом я говорю или без. Настораживает. Пора уменьшать уровень цинизма в крови.

Убедившись в безумности беспричинного веселья родителей, я решил задать «экспериментальный» вопрос. Чисто чтоб увидеть реакцию:

– Мам, ты не волнуешься по поводу убийств в городе? – да, вопрос глуп, но хотелось увидеть, что произойдёт с маминой улыбкой после него.

Похоже, я вправду маленький эгоцентричный выродок.

– Это конечно, очень грустно, но ты же сам мне сказал, всё образумится, так?

Да, я так сказал. В те далёкие времена, когда таинственность города манила. Сейчас она манила с сумасшедшей обратной силой, заставляющей больше всего на свете желать собрать вещи и со скоростью карта Формулы-1 вылететь из

этого клятого местечка.

Мой морской городок. Ах, как же ты был прекрасен и тих!

Я бы взял с собой Еву и жил как в мюзикле. Утром старательно учился, вечером ходил бы на работу в забегаловку на набережной. Чистил там устрицы, готовил бургеры с креветками и кальмарами. Запах рыбы стал бы приятнее чем Шанель номер пять, шум моря – красивее чем «времена года» Вивальди.

– Ты ни сколько не переживаешь? – я думал, что как бы она не улыбалась, всё равно переживала. Но не тут-то было:

– В этом мире каждый день кого-то убивают, но за всех же не по переживаешь? – ЧТО ЗА… Хотелось пнуть ногой стул, разбить кулаком окно (силёнок бы не хватило) и завопить: ЖЕНЩИНА, твоего сына чуть не превратили в жаркое с человечьим мясом, порубленным на кусочки. Его хотели зажарить, подорвав ТВОЙ дом. Его хотели превратить в окровавленное пугало разъярённые хулиганы-психопаты. Он падал с дерева, своим весом чуть не раздавив самого настоящего безумного убийцу! А ты говоришь банальные фразочки, вроде «каждый день кто-то умирает»? Ты под кайфом?

Но вместо этого я оборвал сдержанное:

– Ты противоречишь сама себе, знаешь?

– Что ты имеешь ввиду?

– Ещё вчера ты рассказывала как переживаешь и что тут ужасно небезопасно.

– Что ты от меня хочешь? – улыбка на секунду прошла, я

добился своего, маленький эгоцентричный выродок.

– Ничего, просто хотел поболтать.

– Лучше одевайся, хватит болтать.

Вместо светящегося радостью лица появилась напыщенная строгость. Мама окинула меня взглядом, так и не обратив внимания на доску. Хлопнула дверью, и я услышал звучное заявление: «Выезжаем через двадцать минут».

Не торопясь одеваться, я подошёл к подоконнику и засмотрелся на нависающие обрывистой стеной высокие деревья мрачной посадки. Тело пробрала дрожь. К сожалению, теперь я не могу любоваться этими красивейшими местами без мелкой дрожи.

Во тьме бесконечного здешнего леса скрывается настоящее зло. Беспощадное, агрессивное, жестокое. И мне всегда кажется, будто из мрака кто-то не прекращая смотрит на меня. Периодически, он выходит из теней и приближается ко мне запредельно близко. Настолько близко, что иногда появляется ощущение, будто сегодняшний день станет последним.

Теперь мне часто кажется, что с дня на день я могу умереть. Причём самой ужасной, самой медленной, самой мучительной смертью.

Раньше, я всегда думал о смерти. Мысли о ней приходили спокойно, без лишних нервов и слёз. Она никогда меня не пугала. Иногда я представлял свои похороны: убогое зрелище. Пару скамеек вокруг тёмного гроба, и я – бледный, лежу

в строгом фраке. Родители не позволят меня кремировать.

Льют крокодильи слёзы одноклассники одной из многочисленных школ. Надрывается от слёз и боли мама, пытается сохранить последнюю каплю достоинства отец. И это единственная картина в мыслях о смерти, нагнетавшая ужас. Реакция моих родителей. Думаю, будет лишним говорить насколько они меня любят. Даже очень.

Почему сейчас они словно ослепли? Почему не хотят слышать меня? Почему в этом городе, среди толпы, я чувствую себя как астронавт, находящийся один посреди бесконечного тёмного космоса?

Спасибо этому городу, за то что теперь, на воображаемых похоронах, появилась Ева. С ней жизнь, пускай даже она оборвётся прямо сейчас, кажется наполненной смыслом. Завершённой. С ней умирать не так страшно.

Хотя нет. Не в этом городе. Не со мной. Я не дам этим конченным маньякам пополнить список моим именем. Хрена с два. Я выживу, посрываю с них глупые карнавальные маски и буду далее добиваться своих жизненных целей.

Поступить на стипендию в лучшее учебное заведение.

Найти своё призвание.

Жить ни в чем себе не отказывая.

Любить (как банально, но важно в конце концов)

Нет, я не буду принимать смерть с безразличием. Этому городу так просто не заполучить мою душу.

И души моих сверстников.

Точка.

Поле подсолнухов, по которому мы стремительно проезжали, стараясь найти хоть намёк на цивилизацию, воистину бесконечно. Сколько хватает глаз, столько бесконечной чередой тянутся крупные солнечные цветы. Их гигантские бутоны (разве у подсолнухов есть бутоны?) раскачиваются, повинуясь ветру, как бы кивая и приветствуя нас.

Думаю, это невероятно живописное место. Когда ты наслаждаешься одиночеством или обществом любимого человека, неторопливо расхаживаешь по этой всей бесконечности, чувствуешь подступающее вдохновение. Но не когда твои родители орут маты с тональностью солиста Рамштайн.

– Чёрт! – вскрикнул отец, с интересом заглядывая на навигатор, нависавший над передним сидением в подставке – Сколько ещё?

Особо не думая, мама пару раз клацнула по экрану. Цокнула. Раздражено вздохнула. Ещё раз клацнула и с натянутой драматичностью вскрикнула.

– О нет. О НЕТНЕТНЕТ – надо же, сломанный навигатор смог её испугать больше, чем смерть моего сверстника.

– Что? – рассерженно спросил отец.

– Сеть пропала. А вместе с ней и навигатор. А вместе с ним и наш шанс выбраться из этого долбанного поля!

– Вот ЧЁРТ!– отец не прекращал чертыхаться, тарабаня по рулю. На его месте я бы поступал также: глушь, сыскать

подобную которой надо постараться, ни единого признака существования человечества в целом – лишь коровье дерьмо посреди пыльной тропы. Узкая дорожка усеяна ямами, из-за которых нашу машину трясёт в бешеной динамичной пляске. В самом её начале мама пару раз ударилась головой о крышу машины.

Пытаясь абстрагироваться от земской суеты, я надеваю наушники и захожу в спотифай. Надеюсь, это не сможет разозлить родителей ещё больше. В конце концов, я подросток переживший стресс. Могу себе много чего позволить, разве не так?

Поэтому, делая вид самого замкнутого и социопатичного включаю «SimCity” и причмокивая узнаю что игра не работает без сети. Серьёзно? Это насколько отбитым, забытым местом должен быть дом маминой новой подруги, чтоб в 2018 тут не работал 3g? Боюсь представить, что нас там ждёт.

Мы неторопливо пробирались по полю дальше, хотя разумнее было бы повернуть обратно. Визгливый голос Арианы Гранде в её новом альбоме начал раздражать, и я снял наушники.

– Где ты надыбала друзей, живущих в такой жопе! – возмущался папа – Анусе! Заднице! Глухомани!

– Я вижу! Вот он, дом! Недалеко! – радостно вскрикнула мама. Её тон приобрёл таких радостных красок, как будто она Робинзон, просидевший на безлюдном острове 20 лет и увидевший вдалеке корабль.

Выглянув в окно, я (аллилуйа!) замечаю скользящий меж толстых зеленоватых стеблей тёмный силуэт деревянного дома. Точнее сказать, халабуды, хотя с размерами этого строения слово «халабуда» не совместимо. Но а как ещё назвать здание, от которого за километр разит нафталином?

– Это точно тот дом? – может быть, свернув не туда мы приехали к семье каких-нибудь безумных сектантов. Или амишей.

– Судя по описанию хозяйки, это он. Старенькая деревянная ферма.

Казалось, я слышал скрип гниющих досок даже за закрытыми дверями авто. Но меня всё равно порадовал его вид. Он словно корабль, среди моря подсолнухов напоминал о цивилизации.

Выйдя из машины я сразу же учуял запах гнилого дерева. Видимо сотни дождей, что удалось пережить этой развалине не прошли мимо.

Сразу же послышалось звонкое куриное пение. Вполне возможно, именно этого певца подадут нам сегодня на обед. Да-да, я не на шутку проголодался.

Наверное, непрактично строить дом из дерева посреди поля. Думаю, это даже глупо. Тут так беспощадно палит солнце, что я боюсь представить какая духота внутри.

Справа, на небольшой вышке располагался ветряк. Слева, за углом дома, лежал стог сена. Позади него – амбар, покрашенный кровавым красным на половину и сарай, способный

разрушиться от малейшего сквозняка.

Место откровенно недружелюбное. Насколько хватает глаз – подсолнухи-подсолнухи. О! Хоть какое-то облегчение и напоминание о городе. Стена зелёного леса вдалеке.

Мы находились в той самой степной южной части города. В самом городе, как и ко всему «южному» в мире, к этой части относились из ряда вон плохо. Царство нищебродов, неотёсанных фермеров и колхозников. Богачи севера старались объезжать это гетто десятой дорогой.

А нас занесло в самую его гущу.

Папа первый ступил на деревянный порог. Гнилые доски под его белыми кедами (до конца дня они станут пыльно-серыми) пошатывались и издавали жалобный предсмертный стон боли. Каждый шаг вызывал новый глухой скрип.

Не долго думая, отец нажал на звонок.

«ДИИИН-ДОООН»

Эхо протяжного звука разнеслось по всему дому и напугало чёрных каркающих ворон, сидевших на крыше. Птицы негодуя поднялись в воздух, образуя тёмные кольца на фоне голубого неба. Летая, они держались друг друга и собирались в тёмные облака.

Послышались спешные шаги,

«топтоптоп»

и деревянная дверь с ужасающим скрипом отварилась. За ней стояла седая дама с накинутым на плечи белым кружевным платком. Стиль «весёлая вдова». Её улыбка кажется пу-

гающе широкой, а зубы пугающе белыми. Ну а больше всего пугает то, что мама в качестве подруги представляла молодую женщину, а не бабулю. Ничего против них не имею, просто на неделе одна из таких меня убить хотела (правда, ничего личного).

Но в отличии от той же МаМа седая дама живая и бойкая. Подмигнув мне и поздоровавшись с родителями, она заявляет:

– Моя дочь как раз ждёт вас в гости, – с облегчением выдыхаю – проходите – отвернувшись, дама кричит – Милая, встречай гостей.

Сначала никакого ответа не последовало.

– Милая?

– Бегу, мама – доносится приглушённый голос со второго этажа. Вновь слышатся омерзительные протяжные стоны: так прогибается каждая деревянная ступень старой лестницы под резиновыми домашними тапками новой маминой подруги. Осмотрев её с ног до головы, я понимаю, почему мама сразу же заспешила к ней в гости – улыбка (сто процентов деланная) светится дороговизной, тёмное каре выстрижено под линейку, как кусты у Букингемского дворца. Женщине где-то за сорок, но при этом лицо надёжно не выдаёт возраста. Вот уж не знаю, замешаны тут многочисленные подколки, или может тут дело в здоровом «фермерском» питании. Судя по запашку десятков коров и свиней, недостатка в продовольствии тут явно не предвидится.

– Привет. Я Вика. – мягким голосом нараспев произносит женщина. Такой голос, приторный и сладковатый, как сгущённое молоко. Одним лишь его звуком можно заставить собеседника полюбить тебя. Или возненавидеть – Очень приятно что вы решили почтить нас своим визитом. – «почтить» – ха! Явно перебор с гостеприимством. Мы же вам не королевская семья – Я приготовила обед. Давайте проведу вас в столовую – говорила Вика быстро и уверенно, словно заранее речь заготавливала. Между своими предложениями она не дала вставить не слова, и моему отцу пришлось протягивать клубничный чизкейк и купленную в супермаркете бутылку шампанского в неловком молчании. Приняла гостинцы бабушка бодро кивнув.

Наша семья по очереди переступила высокий порог и с головой окунулась в удушающее царство аромата стариков, пыли и плесени. Аромат стариков, конечно же, собой забивал всё.

Нос в первые секунды нахождения там будто отсох и превратился в маленький сморщенный чернослив. Дышал я ртом, что на деле оказалось ещё противнее чем носом. Нас окружил кортеж из Вики и пока что безымянной бабушки, проводя по тесной прихожей мимо лестницы.

У входа я сразу же наступил на поношенные кожаные сандалии. Да, я мешок с дерьмом в плане грации и ловкости, не отрицаю. Но тут каждая четверть миллиметра была плотно заставлена десятком пар обуви. Резиновые сапоги в грязи.

Каблуки (в этой глухомани они, должно быть, совсем бесполезны). Убитые кеды конверс, которым выделено место на помойке.

Неловко поскользнувшись, я посмотрел на Вику. Прошу заметить – молча.

– О, ничего страшного – говорит она.

Вся прихожая увешана снимками и пыльными картинами. Не понять, дубликаты это или оригиналы местных умельцев. На полочках, нависающих над головой, стоят обереги, фарфоровые котята, искусственный тюльпан и прочий мусор. Все эти сокровища руки чешутся собрать в кучу и упаковать в мусорный пакет. На стенах обклеенных обоями цвета детских рыгулек нет свободного места. Всё увешено древними рамами.

Готов поклясться, даже парижский блошиный рынок мечтал о таком скоплении хлама в одном месте.

Не уютно здесь – и точка. Затхлый запашок, теснота при большой площади дома (да, бывает и такое), нарочито показательные улыбки жильцов – всё настораживает. Или просто я с катушек слетаю после всего пережитого.

Папа замыкает нашу шеренгу. По недовольной гримаске видно, что он не в восторге от фермы. Я оборачиваюсь, смотрю на него и кривлюсь. Он, хватаясь за горло в шутку рыгает. Понятное дело молча. Ну а я молча смеюсь. Иногда обожаю своего отца.

Зайдя за деревянную лестницу, уходящую вверх, мы ока-

зываемся в самом узком и самом длинном коридоре, повстречавшимся в моей жизни. Те же рамки, фотки, с которых замершим взглядом на тебя смотрят самые разные люди.

Вот например, чёрно-белое фото. Юная девушка в белом то ли платье, то ли ночнушке грустными глазами прожигает душу. Стоит она напротив амбара, босая. Выглядит сюрреалистично.

Или девочка с рыжими кудрявыми волосами, играющая со свиньей. На этот раз фото в цвете. Сделано во времена, когда люди осознали, что улыбаться на камеру это не смертный грех.

Уже в конце коридора до меня доходит – не та ли это ферма, где МаМа сто лет назад работала? Точно! Узнаю знакомый просторный амбар, та же местность… Нет! Раз в неделю я могу позволить развязать клубок мыслей и догадок и спокойно пообедать в удовольствие.

Полумрак коридора развеялся, когда мы вошли в столовую с низким потолком. Тут его, скорее всего, подгоняли под рост Хоббита. Просторный обеденный стол накрыт скатертью с кружевами, в хрустальных тарелках стояли овощной салат, оливки, консервы. Между ними башнями нависали острые соусы (очень по фермерски), вино (для родителей – воскресенье спасено) и кола.

Ах да, бабушка сразу с не сходящей улыбкой предложила мне ягодно-фруктовый морс.

– Мой рецепт – всё так же лыбясь хвастливо заявила она.

Так, эта любезность начинала пугать. Хотелось прошептать: «Если вас держат в плену, моргните три раза». Будто к краям её рта привязали нитки и теперь без остановок тянут вверх.

Не успел я моргнуть, как мой стакан полностью заполнился «фирменным» морсом, а родительские бокалы красным вином.

Обед официально начался.

В этой комнате обои красного цвета. Сама она мрачная и пугающая до ужаса, ведь в ней нет окна. Вторая дверь, находящаяся по обратную сторону стола ведёт на более ли менее просторную кухню.

В столовую Дракулы как-то умудрились вместить два небольших книжных шкафа, заваленных старыми букинистическими изданиями. Думаю, если открыть стеклянные дверцы шкафа, пыли от туда выспится как во время песчаной бури где-то в Иране.

Садясь на жёсткий стул, я неторопливо рассматриваю названия книг. Как оказалось, в основном местные автора о местной жизни. А я думал занудная допотопная классика.

В то время Вика ведает свою историю, как бы оправдываясь в том, что пригласила в гости первых встречных. И правда странно. А мало ли, эта семейка нас на органы хочет разобрать?

Ха.

Ха-ха-ха.

– Вы знаете, новые молодые лица тут – это так здоро-

во! – ага, особенно когда их каждый день убивают, как комаров. Гениально, Вика! – Я привыкла сидеть на этой ферме в полном одиночестве, довольствуясь компанией свиней. Иногда выезды в столицу к родственникам бывшего мужа хоть как-то исправляли ситуацию – она не лукавила, ведь выглядела будто не отсюда. Блестящее лицо, подтянутая фигура и живой голос не сосчитались с ветхой халабудой. Продолжая рассказ, женщина в упор не замечала стоящий тут запах затхлости.

Серьёзно, будто пришёл на обед в дом престарелых. Интересно, не будет по-хамски если я попрошу открыть окно и проветрить комнату?

Из кухни послышалось звонкое «ДЗЫНЬЬЬ!». Скорее всего, даже духовка тут пережила вторую мировую. И первую тоже.

– Утка приготовлена! Я мигом! – Вика и бабушка скрылись за дверями, ведущими на кухню. Слово «утка» меня приободрило, заставив минуту попускать слюнки, но я мигом собрался, чтобы бросить на маму укоризненный взгляд, говорящий: «Куда ты нас притянула? Лучше б заказали пиццу и посмотрели Нэтфликс!». Но опоздал. Такой же взгляд бросал отец. А мама лишь растерянно оглядывалась по сторонам и пожимала плечами. Её саму скривило от «прекрасного» аромата дедушкиных потных носков, смешанных с привкусом ветхой пыли, заставшей времена короля Артура, и завершающихся душком валидола, карвалола и миллиона

других старпёрских лекарств.

Ожидания с грохотом провалились. Да-да-да, любой здравомыслящий человек эпохи инстаграмма ожидает от поездки на ферму следующее:

Светит солнце. Над зелёным полем, усыпанным земляникой, малинкой и прочими сладчайшими блаженствами летают птицы всех цветов радуги. Пахнет свежестью и летом. Мы собираем в мастерски сплетённые корзины ягоды, попутно рассказывая смешные истории и обсуждая концовку нового сезона «Игры Престолов». Собрав ровно три ягоды, начинаем фотографироваться, снимаем истории и солнечные бумеранги, уходим с поля и выставляем нереальные фото в сеть, попивая прохладный имбирно-базиликовый лимонад и ставя хэштег #агротуризм.

Но никто, даже в худшем сне не ожидал, что попадёт в настоящий колхоз.

Ладно, оставлю возмущения на потом. Для начала продегустирую утку. Благо, она уже не спеша плывёт ко мне. От серебряного подноса вверх вздымается лёгкий дымок, старательно заглушая дедушкины носки и одурманивая ароматом запечённого мяса. Хрустящая шкурка жирком переливается в свете тусклой ламы, под здоровой тушей лежат маленькие помидоры Черри и зелёный салат. Жизнь налаживается!

Представляете, мне первому положили кусок. Самую аппетитную ножку! А я ещё, прости Господи, вонял на это семейство. Золотые люди! Воистину золотые!

Накинувшись на утку, я не сразу поднял глаза и заметил нового человека в комнате. Сутулый, с недомытой головой и сощуренными глазками парниша, мой сверстник, с неприкрытым интересом осматривал мою семью. О правилах этикета, я думаю, он знать не знал, поскольку никакого «здрасте» или, на крайний случай, «здорово», не намечалось.

Одет он был в футболку с каким-то смайликом, видимо из мультика, который я, хвала небесам, не смотрел и смотреть не собираюсь. Печальное зрелище. Парень ростом выше чем метр восемьдесят, с крепким басом и широкими плечами несёт на себе рожу мультяшки из мультика для шестилетних детей с отклонениями в развитии.

Чем дальше, тем больше в суждениях я напоминаю компанию своего брата.

Теперь чувак уставился на меня. Мутные глаза предательски выдали слабое зрение.

– Привет? – озадаченно поздоровался я, пытаясь хоть как-то разговорить парня. Тем более, раз уж я тут, взрослые точно заставят нас общаться как давнейших приятелей. Надеюсь, до этого дела не дойдёт.

– Гена, чего ты не здороваешься с гостями? Простите его. Это мой сын – Геночка. Представляете, ему столько же сколько и вашему Владу.

Хэй-хэй-хэй. Я, как бы, не их раб или выкупленная собственность. И я, как бы, нахожусь в комнате. К чему говорить так, будто я ничего не понимающая псина?

Геночка, должно быть, уснул стоя на месте. Мутный взгляд опустился в пол, сам он лишь кивнул нам в знак приветствия.

Жуткий тип, однако. Может быть болен чем?

Если бы мать его не одёрнула, Геннадий так и продолжил бы стоять во сне. После звонкого замечания Вики он плюхнулся на стул и ссутулившись принялся за индейку.

Сидел он напротив меня, и наклоняясь к тарелке я имел честь наблюдать как неаккуратно парень запихивает в рот кусок утиного мяса. Потом, с причмокиванием обсасывает кость. Для полноты картины нужна громкая грудная отрыжка и пердёж с подливой. Приятного аппетита!

Бабушка, глядя на нас и улыбаясь в сотый раз повторила что мы «сдружимся». С такой интонацией, будто для меня оказана великая честь познакомится с самим преподобным-великим-его-величеством-Геннадием, хрюкающим перед моими глазами.

Вика тем временем не расставалась с бокалом вина, зажав его в ладонях как самую дорогую ценность. Осушала до дна раз за разом, подливая и подливая. По мере выпитого её язык становился подвижнее, работая со скоростью дворников автомобиля в снежную погоду. Она не прекращая тараторила, погружая нас в детали своей душещипательной истории, от которой слёзы на глаза наворачивались. Или это всё стоящий тут омерзительный запах?

Родители тем временем вежливости ради кивали, а сами

сто процентов не слушали. Их вниманием овладело сочное жирное мясо, таящее в тарелке на глазах.

Раздался громкий скрип. Послышались звучные тяжёлые шаги, будто к столу идёт борец сумо. Через дверь коридора, прям за моей спиной, зашёл мужчина лет пятидесяти -шестидесяти. Из-за густой бороды особо не разберёшься.

Недовольным взглядом осмотрев нас он буркнул быстрое «здрасте» и двинулся к своему почётному месту во главе стола.

С его появлением в комнате завоняло ещё больше – подмышки, пот и грибковые пятки. Я хорошо разбираюсь в запахах, и периодически страдаю из-за этого.

Пивное пузо, напоминающее шар для боулинга, обтягивала заношенная майка-алкоголичка. Стоит заметить, далеко не белого цвета. Каких только пятен там не было! Зелёно-болотные, коричневые, словно ею кто-то подтёрся, жёлтые, красные – изобилие цветов. В её складках, казалось, можно найти любые сокровища: и недоеденную кильку, и попкорн, и давно утерянный пульт от телевизора, и давно похороненного кота… Из-под рук мужчины вылезали висячие сады Семирамиды, состоящие из длинных небритых кущей. Такие же вылезали и из носа.

Обделив вниманием специально предусмотренный для разделки мяса нож, он принялся разрывать утку на части голыми руками угольного цвета. Мужик будто пять минут назад в шахте смену закончил. Под ногтями целые залежи гря-

зи, накапливаемой там десятилетиями.

Поднося мясо ко рту, мужик принялся… Нет, не есть… Жрать несчастную утку громко чавкая. Из его рта в разные стороны вдоль стола разлетались целые куски пожёванного мяса.

Так омерзительно есть нужно постараться.

Утка вылетевшая из уст мужчины полетела в мою сторону, но я ловко успел увернуться не дав куску в старческих слюнях попасть в зону комфорта.

Маман Геннадия отложила драгоценный и милый сердцу бокал в сторону, с интересом смотря на мужчину.

– Вина? – учтиво спросила она, на что тот резко закачал головой и пробурчал себе что-то под нос.

Я продолжал трапезу, хрустя прекрасной свежей морковкой. Заметив агрессивный взгляд мужика тут же подавился. Я словно словил его сигнал (ПОДАВИСЬПАРЕНЬПОДАВИСЬНЕНАВИЖУВАСВСЕХМРАЗИОСТАВТЬЕМОЙДОМВПОКОЕДАЙТЕПОЖРАТЬВАЛИТЕ), про себя отказываясь продолжать есть что-либо.

Как оказалось, не самый приветливый мужчина оказался отцом Вики. Самая приветливая женщина – мамой.

Вика вновь начала заезженную балладу под названием «История моей жизни». Для полного погружения в рассказ, преисполненный печалью и тоской, хотелось заиграть на скрипке.

– Так вот… – она рассказывала о своём переезде в Кали-

форнию. Очень неудачном и посредственном. От этой истории становилось не по себе. Нельзя же быть такой невезучей! В первую её Калифорнийскую ночь, в мотеле под Сакраменто её ограбили и вынесли из номера все деньги. Дальше невезучая Виктория пыталась заработать на мойке машин в Сан-Франциско, не получилось. И того поиск новой жизни занял два с половиной дня. А ведь ехала с такими амбициями.

– Если бы не чёртовы воры, будь они не ладны, Боже прости, вы бы мою дочь на экранах кинотеатра рядом с Николь Кидман видели б! – завершила душещипательный рассказ бабушка.

Очередной кусок утки вылетел из пасти мужика и полетел в мою мать. Хотелось в слоу-мо выпрыгнуть с места и сбить её с оси полёта, крича протяжное «НЕЕЕТ!». Не прощу себе, если слюни этого мужика попадут на её лицо.

Обошлось. Пожёванный кусок пролетел мимо.

Мужлан тем временем заливающимися кровью глазами, как у быка, готовящегося напасть на тореадора, осматривал именно меня. Не знаю, почему я вызвал у него такой интерес. Он не сводил с меня взгляда, и периодически мы встречались глазами. Я не из тех людей, кто привык стыдливо отводить глаза. Я продолжал смотреть на него, он продолжал смотреть на меня, и я уверен, мы оба чувствовали себя как герои вестерна перед дуэлью. Искра! Буря! Безумие! На его лице написано отвращение, на моём неуверенность. Пару секунд я пытаюсь выстоять под нажимом его глаз, затем сдаюсь

и опускаю взгляд в тарелку.

На этот раз ты победил, старикашка!

Становилось смертельно скучно. Я мог бы слушать разговор Вики, хоть и поддержать его не представлялось возможным. Тарахтит со скоростью сто слов в секунду. Чувствую, что скоро или начну переедать или громко зевать. Обо варианта не по мне.

– У вас тут есть Вай-Фай? – громко выпалил я, как только Вика наконец остановилась. И то для того чтобы подлить в бокал вина, затем сразу осушив.

Казалось бы, распространённей и обыденней вопроса для 21 века не придумаешь. Но за столом повисло напряжение, будто я спросил что-то вроде «У вас можно героин купить?» или «Вы на заднем дворе петухов в жертву Богу смерти приносите?»

Мужлан, теперь называем его так, показательно громко залился театральным грудным смехом. Прям злой брат Санта-Клауса, от которого разит перегаром.

Бабушка с удивлением переспросила:

– Вай-Фай?

– Ну да, Вай Фай – поражаясь её реакции повторил я – Интернет, беспроводная сеть, роутер?

– Нет, его у нас нет – оборвала неудавшийся разговор Вика и продолжила «Историю жизни». На очереди глава о студенческом мюзикле. Училась она в одном из самых забытых колледжей планеты. На выпускном курсе ставили «Де-

мон-парикмахер Суини Тод». Главная роль досталась её бойфренду, и из этого вылился десяток забавных историй, которые я конечно же прослушал.

Когда от утки остался общипанный скелет, первая бутылка вина была допита а в бой пошли плоские шутки про секс, «искромётные» и до безобразия «смешные», Вика предложила::

– Гена, не хочешь показать Владу наш дом и ферму? Я думаю ему будет интересно.

О нет. О нет-нет-нет. Конечно, мне интересно посмотреть ферму. Но сейчас меньше всего хотелось оставаться одному с этим малолетним психом.

Он, в свою очередь, отодвинув стул молча встал и тихо вымолвил:

– Пойдём со мной – настолько тихо, что это предложение из присутствующих в столовой, скорее всего, услышал лишь я.

Пришлось идти за ним в мрачный увешанный нагнетающими жуть фото коридор. Выбора-то и не было. Не вернуться же за стол и заявить «Извините Вика, но мне кажется ваш сын болен серьезным психологическим расстройством, и из-за этого я предпочту остаться тут и послушать сногсшибательную шутку про секс на школьной вечеринке». Уверен, такая будет рассказана под завершение второй бутылки красного полусладкого.

Коридор казался бесконечным. Мы прошли прихожую,

лестницу ведущую на второй этаж, к спальням, и шли дальше. Проходя мимо комнаты с открытой дверью я уловил стойкий аромат стирального порошка и с интересом заглянул вовнутрь.

– Тут у нас прачечная – наконец заговорил Геннадий.

Комната со стиральными машинками и сушкой усыпана холмами из грязных тряпок. Они сочатся там из всех щелей, вылетая из барабанов машинок, переполняя раковины, и от катастрофической нехватки места непослушно выползая в коридор. Белая плитка (когда-то белая) утратила цвет, превратилась в гниющие зеленоватые камни, держащиеся на стенах из последних сил.

Хотелось мне сказать, что такие комнаты лучше держать за закрытыми на семь замков дверями, но решил промолчать. Ни к чему сейчас замечания по поводу общепринятых норм этики.

– Класс – вытягиваю из себя я хоть какую-то реакцию, и сразу понимаю насколько фальшиво она звучит. Геннадий смотрит на меня взглядом, говорящим: «Да, я немного шизик. Но не совсем же идиот, чтоб воспринимать засратую прачечную за что-то «классное»»

Самая убогая экскурсия, способная пройти на этой планете, продолжилась. Бесконечное количество одинаковых облезлых дверей из перекрашенного в пепельный серый дерева казалось абсурдным. Зачем в этой халабуде при таком количестве жителей столько дверей?

Включим логику: дедушка-хамло занял бы от силы одну комнату, и то, скорее всего деля её с улыбчивой бабушкой-женой. Комната Геннадия. Комната Вики. Баста. Зачем превращать ферму в необъятных размеров дворец? Мы же не в Диснеевском мультфильме, где на одну семью Спящей Красавицы приходится до смешного гигантский замок.

Конечно же, парочку раз я пытался начинать диалог:

– Н-у-у-у… Э-э-э… – мычал я, видя что Гена никак не реагирует на меня – Ты в мою школу ходишь? Никогда тебя не видел.

– Не видел, потому что я хожу в другую – отозвался он, продолжая идти вперёд, иногда заглядывая в комнаты, как бы проверяя в порядке они или нет – Школа Дилана Грина – зона пафосных детишек севера. Моя, южная школа, более беспонтовая чем ваша.

Его монотонный холодный голос скрипел как деревянный пол, проседавший под ногами. Я явно не нравлюсь этому пареньку.

– Южная школа? Впервые за неё слышу. – конечно же, ранее я бросал ухо в разговоры о якобы «Сущем аду», «Гетто» и «Городом грехов». Школьники боялись «южан» как прокажённых. А вы думали дискриминация и конфликты в маленьких городках остались в прошлом веке, в романах с романтикой уличных банд, «Изгоях» и фильмах Копполы? Со всей ответственностью заявляю: даже в эпоху всеобщей толерантности и осторожности люди не могут оставить форми-

ровавшиеся много лет взгляды и мнения в прошлой эпохе.

Гена заглядывает в очередную комнату: спальня. Убранная, чистая, по всей видимости гостевая. Если родители выпьют ещё по бутылке и решат остаться тут то я скорее предпочту застрелиться.

И вновь молчание.

– Ну-у-у.. Э-э-э… Чем ты тут занимаешься?

Гена оборачивается и смотрит мутными глазами в душу. Сейчас я замечаю как нервно подёргивается его правая ноздря. О высшие силы, сделайте так чтоб он не оказался убийцей!

Был бы кстати неожиданный сюжетный поворот. Всё это время я понять не мог, кто же мог пойти на подобные жестокости, ища психопата рядом. А тут, сценарист моей жизни схитрит, и подбросит нового персонажа, полностью подходящего на роль серийного убийцы!

– Я имею ввиду в свободное время – для понятности добавляю я. Но ответ на столь волнующий и терзающий меня вопрос я так и не получил. Нашу оживлённую и бесспорно крайне информативную беседу прервали тяжёлые старческие стоны.

Возможно, фермеры берут к себе стариков, устроив тут незаконный дом престарелых. Я видел подобное в одном из ток-шоу, косящих на настоящее детективное расследование.

Гена взглянул на меня мутными глазами-туманом ещё раз и ломанулся к одной из соседних комнат. Я и моё любопыт-

ство стартанули вприпрыжку.

Серая дверь раскачивалась взад-вперёд, издавая знакомый скрип. Геннадий опёрся об неё рукой с удивлением заглядывая внутрь.

Мне пришлось встать на цыпочки, чтоб осмотреть просторную спальню. Большое окно скрывали за собой толстые шторы с вырвиглазным цветочным узором. Тюльпаны перемешивались с розами, розы с лилиями, посреди всего этого сада стояла узкая кровать, над которой висела икона Божьей матери. Присмотревшись, я пошатнулся и ахнул.

В комнате сидела женщина из моего сна. С её сморщенным лицом у меня ассоциируется первая ночь в новом городе. Красные кудрявые волосы, бездушные белые глаза… Она была настолько реальной, но при этом бесконечно мистической…

Если эта старуха в ту ночь была в моей комнате? Открытое окно, её сотрясающий тело дрожью протяжной стон. Сейчас она сидела в инвалидной коляске, издавая приглушённые жалобные звуки. Версия о том, что старуха проникла в мою комнату отпадает.

Нет, я не верил своим глазам. Они вновь меня обманули.

Грубо оттолкнув Гену, во все глаза пялю на старуху и шёпотом спрашиваю:

– Кто она? – бабушка в воздушном домашнем платье, утратившем свою белизну, повернула голову в нашу сторону и медленно открыла рот. Кажется, именно такой она и была

в моём сне: точно так, нерасторопно, медлительно открывала рот перед наполненным ужасом и страхом предложением. Она молила Господа, чтоб он сохранил меня. Тогда я лишь недоумевал, готовясь встретить шестнадцатилетие в обстановке богатства дяди и безбашенных друзей Андрея. Тогда я и представить не мог, насколько изменится моя жизнь…

А меня предупредили ещё в самую первую ночь. Предупредило ведение, сон, грёзы, ставшие материальными посреди бесконечных коридоров забытой фермы.

– Это моя прабабка – с лёгким недоумением отрезал Гена, встав у дверей будто боясь проходить дальше.

– Гена, это ты, блоха малолетняя? – прорычала бабушка со сна. Её тяжёлые веки продолжали скрывать глаза, я так и не смог рассмотреть самого важного, то, что запомнилось больше всего: обескураживающий призрачный взгляд – Ещё когда ты сидел у своей мамаши шлюшки в её гадком животе, я говорила: нужно ей дать со всей дури ногой по пуздру, чтобы ты прямо через её натруженный рот вылез.

Грязь, содержащаяся в одном предложении этого невинного божьего одуванчика даже меня, слышавшего самые циничные оскорбления, обескуражила.

– Я это слышал, бабушка – громко отозвался спокойный внук. Оскорбления нисколько его не обидели. Он скрестил руки на груди и с едва заметной ухмылкой наблюдал за дамой в инвалидной коляске. Она цокнула и покачала головой:

– Вот какая от тебя сейчас польза? Только и поедаешь на-

ше мясо, ничего не делая. Таких как ты нужно сразу же по рождению топить как котят. Жаль что моя дочь не сделала это с твоей мамашей.

На этот раз обескураживала абсолютная жестокость. Старые люди часто предстают перед нами в фильмах и книгах как лишённые чувства такта, разума и сочувствия жестокие существа. Я был убеждён, что массовой культуре выгодно показывать всех стариков как сумасшедших. Просто до этого момента я никогда не сталкивался с таким высоким уровнем маразма.

– Не слушай её. Она уже давно не в себе – заприметив мою реакцию заявил Гена.

Конечно же, я не стал посвящать его в свои безумные сны. И свою голову всякими бреднями забивать не собираюсь. Прийду домой и загуглю: уверен, в ютуб найдётся миллион роликов на тему «Что делать, если незнакомые ранее люди появляются в твоих снах и предсказывают будущее».

– Она слепа – закрывая скрипящую дверь сказал Гена. Он совсем не обратил внимания на громкие грозные вопли:

– Вернись щенок! Сучье ты отродье! Не смей закрывать дверь! – я с состраданием посмотрел на парня, спросив:

– Может ей будет лучше с открытой дверью?

– Мне плевать, как ей будет лучше! – «ХЛОП!» Женщина из моего сна вновь стала миражом, выдумкой подсознания.

– АХ ТЫ НЕ ДОРОСШАЯ МЕРЗКАЯ ТВАРЬ! КАТИСЬ К ЧЁРТУ! ТЕБЕ МЕСТО В АДУ!

– Пошли отсюда – кинула не доросшая мерзкая тварь, скрываясь прочь от визга наполненного ненавистью.

Так бывает. Должно быть (я не психолог, и дальнейшее заявление не точно) в старости у людей может возникнуть подобная ненависть к окружающим. Опять же, я видел подобное в кино.

Ведь не может же бабушка так сильно ненавидеть внука? Он же не мог сделать что-то, вызвавшее такую острую и едкую ненависть?

Ведь так?

ВЕДЬ ТАК?!?!

В скором времени мы вышли на залитый солнцем задний двор. Точнее сказать не двор, а целое пыльное поле, усыпанное песком, сеном и круглыми козьими какашками, напоминающими шоколадный Нэсквик.

Нас, как швейцар со стажем у входа отеля Мариотт, радушно встретила крикливая гусыня, пищащая как сирена полиции. Она выбежала нам под ноги, продолжая кричать и тем самым волновать сидевших в вольере сестёр.

Геннадия озадачила возникшая проблема: несчастная гусыня продолжала безостановочный марафон, пробуждая жителей каждой клетки поочерёдно. Проснулись петухи и их голословные жёны, маленький птенчики, шумные козы. Углубляться в описания всех видов тварей, находящихся на ферме у меня нет желания. Во первых это будет невероятно занудно, я ведь тут не произведение классики пишу, во

вторых я не силён в зоологии. Как например: чёрное клеймо на шее белой козы мне ни о чём не говорит. Уверен, более умный автор подогнал бы вам занимательный факт об этом животном.

Ну да ладно.

Зато, я могу описать как нелепо выглядит Геннадий, гоняясь за гусыней. Должно быть, рассмеяться во весь голос сейчас будет нелепо. Но я не сдержался, ведь картина представшая передо мной забавнее чем любой скетч шоу Бенни Хилла.

Парень, почти словив нахальную птицу, спотыкнулся о ведро и потерял равновесие, чуть не упав лицом в козий Нэсквик.

Окей, я не столь чёрств.

Долбанная гусыня, будь она счастлива, не сдалась и мне. А когда её пернатая задница была в моих руках, ущипнула меня цепким клювом за мизинец. Я позволил себе выкрикнуть пару непечатных слов, проклиная агрессивное животное во весь голос. Она всё орала.

– Да пасть закрой! – вскрикнул я, вструсив птицу и ошибочно надеясь тем самым привести её в чувства. Мне даже показалось, что Гену подобное отношение с животными фермы ранит. Вот уж где грин-пис был бы счастлив.

– Отдай мне её! – с этими словами он наконец забрал это бойкое создание и отправился к вольеру, пытаясь починить разорванную сеть. Конечно же, я собирался к нему присо-

единится, но помедлил, осматривая дворик.

Вниманием моим завладел схожий на дом по виду крупный, в отличии от остальных клеток и вольеров, сарай. Знакомые тёмные прогнившие доски, деревянная крыша и вороны, сидящие на ней. Своим карканьем они будто высмеивали нас: двух молокососов, гоняющихся за кричащим гусём.

Геннадий тем временем крикнул:

– Я за инструментами! – скрывшись из виду, я не спеша проследовал к загадочному зданию. Миновав клетку с петухами толчком отворил массивную дверь и зашёл внутрь.

Внутри ориентироваться помогали лишь тусклые солнечные лучи, проникавшие сквозь щели между досками. Ни одного окна – ужасная планировка.

В нос ударила невыносимая вонь: к душку старости тут примешался запах дерьма. Свежего, полежавшего, самого разного дерьма.

Скажите на милость, что в тот момент мною двигало?

В момент, когда натянув воротник на нос и вдыхая аромат духов «Coach”, подаренных мамой на прошлый новый год, я заходил всё глубже и глубже в это тёмное строение. Почему бы сразу, учуяв запах, не вылететь от туда со скоростью Флеша?

Тусклый луч упал на розоватую кожу, облепленную коричневой засохшей грязью. Свинья! Прекрасно!

Гигантская, жирная свиноматка. Чтобы таких огромных

свиней сыскать нужно постараться. Думаю, пересмотрев каждую страницу книг рекордов Гинесса за все года двадцать первого столетия подобной свиньи не найти.

Животное, находившись где-то в пятнадцати шагах от меня замерло, засмотревшись в стену и развернувшись ко мне массивной пятой точкой. Возможно, свиньи так спят, хотя вряд ли. Возможно, она находилась в состоянии дивного транса. Возможно, свинья познала нирвану и углублялась в недры сознания, осваивая правила сансары. И я, блеклый пятнадцатилетний гавнюк, решил потревожить дивное создание, отвлечь от столь прекрасного и высокого.

Моя грация повергла бы в шок весящего тонну кита. Сделав шаг, я спотыкнулся об лежавшую на сене палку. Так вышло что палка подлетела вверх, и упав обратно издала не слишком громкий, но всё же звук.

Кто же знал что свиньи настолько чувствительны?

И настолько громки?

И настолько пугливы?

Удивительные животные!

Она завизжала: завизжала как девушка из сцены с душем в фильме Хичкока, как девчонка, испугавшаяся клоуна в цирке, как мальчик, первый раз катающийся на американских горках. Она орала надрывая голосовые связки, орала смотря двумя глазками-бусинками на меня. Кричала забившись в угол и наслаждаясь тем, в какой шок меня повергает её хрюканье.

Дивная фобия, должно быть я безумен. Слыша свинячий визг мне хочется зажать уши руками, закрыть глаза и сцепить зубы. Я не могу выносить эти звуки. Причину такой неприязни я пытался найти ещё давно. Может быть психологическая травма, идущая из детства? Может быть мне бы подсказал Ганнибал Лектор, и в конце спросил бы: «Твои свиньи замолчали?»

Пошатнувшись, я принялся уходить из сарая с неадекватной свиньёй. Оставлю её одну – никаких проблем. Я всё понял.

Холодная рука схватила меня за запястье. Я обернулся и увидел недовольную физиономию Геннадия:

– Тебе нельзя тут находится – агрессивно перекрикивал он свинью – Ты её напугал! Нам нужно срочно уходить отсюда!

За то, что я напугал его хрюнделя парень, казалось, готов был меня разорвать на куски и скормить своей любимице. Любимице с подорванными нервами и шаткой психикой. Гигантская свинья до сих пор орала – кажется, это ненормально.

– Да это всего-навсего свинья, чё ты так горячишься? – выдавил из себя я, хоть и при этом визге говорить было тяжело.

Геннадий не ответил, потянув меня к выходу из мрачного душного сарая.

Через несколько секунд мы стояли во дворе, слыша как

за хлипкими стенами здания разрывает на части от страха пугливое животное.

– И кто тебя просил заходить в этот сарай? – воскликнул парень.

– Да что в этом такого? Я просто посмотреть хотел!

Гена успокоился, озабочено всматриваясь в хлев с коровами.

– Ты ответишь? Почему тебя так обеспокоила эта свинья?! – «Детектив Влад в деле»!

Он не ответил.

– Ты ответишь мне? – «Влад-говнюк» в деле!

– Я не знаю! Туда просто нельзя заходить… – его мутные глаза наконец прояснились. В них стояло непонимание и испуг– Меня с детства туда не пускают.

– И ты никогда не спрашивал почему тебя не пускают к какой-то грязной свинье?

– Если кто-то спросит, мы тут не были, ясно? Моя семья ни за что не должна узнать что мы туда зашли, ты понял? – пальцем ткнув мне в грудь спросил Гена.

Я кивнул головой. Поспорю как-нибудь в другой раз.

Да уж, сумасшедшее место. Сейчас оно казалось не просто старым, вонючим одиноко стоящим домом, а настоящим кладезем тайн посреди нескончаемой череды подсолнухов.

Глава 26 #поцелуйсмертвецом

… – И один раз, по-моему это было в конце мая. Да, я помню: тогда мы сдавали годовую по математике. Так вот, они меня туда просто столкнули!

Я шокировано вздыхаю, и это искреннее удивление заслуживает Оскар. На самом деле, мне плевать на душещипательную историю паренька. Просто слышно по срывающемуся на писк голосу, насколько буллинг местной шпаны его задевает.

Хотелось сказать: «У каждого НОРМАЛЬНОГО пацана или девчонки есть история про булинг. Каждый из людей когда-нибудь с ним сталкивался. Кто-то в меньшей мере, кто-то в большей… Кто-то вообще не знал что за спиной его дико булят. Это жизнь, Геночка. Я могу тебе рассказать десяток подобных историй, но при этом не срываться на истерику как ты…»

Мы шли по узкой тропе среди высоких зарослей подсолнухов. Среди тысячи солнечных цветов мелькали лишь наши макушки. Геннадий объяснил это удивительное явление: на этом поле выращиваются исключительно декоративные гигантские подсолнухи, достигающие три метра в высоту. На соседнем поле растут стандартные цветы, этот же участок принадлежит монстрам-гигантам, полностью утопившим нас в своих зарослях.

Ноги запутывались в стеблях, иногда растения мешали пройти к нашей заветной цели: полосе густого парка. Эта зелень на горизонте казалась недосягаемой, миражом среди

жаркого дня.

Прекрасное время для прогулки, ничего не скажешь! Скорее всего, все термометры города сегодня лопнули. Ртуть фонтаном полила из вершины.

Безжалостное солнце напекало головы, пот Ниагарским водопадом стекал по спине. А всё этот Геннадий, охранник спокойствия свиней! Сказал: «Ну давай Влад, тут очень красивый парк, будет интересная прогулка!» Парень ошибся лишь со словом «тут», ведь мы прошли уже сотню миллионов километров, а полоса «Дубового» лишь отдаляется.

Обернувшись назад, я с удивлением обнаружил, что силуэт фермы съели подсолнухи. Никакого намёка на цивилизацию и человека.

– У меня шрам до сих пор остался! Самое обидное что я не смог зацепится хоть за что-то, летел с того обрыва и об каждую кочку бился! – тоном обиженного малыша продолжал Гена.

– Так я не совсем понял: эти уроды специально с тобой подружились, чтобы привести к яру и столкнуть с обрыва?!

– Нет, это была… Типа дружеская шутка, понимаешь?

– Нет, это хрень собачья а не дружеская шутка, чувак! Я прекрасно знаю подобных людей, притворяющихся друзьями и при любом удобном случае унижающих тебя ради собственного… э-м-м… Самоутверждения.

Был у меня такой друг в пятом классе. Сейчас у него сахарный диабет и он до сих пор в школу не вышел. Фанат

группы «Gorillaz”, вроде бы смешной парень временами, а порой отбитый козёл: попадая в компанию сразу начинал чмырить и пытался выставить меня идиотом. После этого наше общение закончилось. Я даже в Инстаграм на него взаимно не подписываюсь.

Говоря, я не заметил как мы взобрались на небольшой холмик, горбом возвышающийся над подсолнухами-гигантами. С этого места видно всё поле – высохшее, пыльное. Многочисленные растения устали от солнца за это длинное лето, и сегодняшняя жара им явно не идёт на пользу. Пыль, гоняемая ветром оседала на зелёных листиках. А солнечные лепестки сияли на солнце до самого горизонта, на сколько хватало глаз: поле превратилось в световое шоу. Гигантский жёлтый фонарь, ходящий волнами из-за резких порывов ветра.

Вот тебе другая сторона столь разностороннего города: никаких высоких сосен и густых зарослей, скрывающих пороки и тайны. Всё как на ладони.

Необъятная степь, противоречащая густому лесу.

Подняв глаза вверх, я принялся провожать взглядом улетавшие навсегда ватные облака. В такие моменты тяжеловесный камень, нависавший над моей душой (смазливо звучит) наконец слетал. Всё пройдёт, улетит и растворится, как и эти облака. Как тёмные тучи, временами скрывающие бесконечное небо. Их разгоняет ветер, они уходят в небытие, а знакомая с детства голубая лазурь остаётся.

Любой туман, облако или туча скроется, я смогу перетерпеть всё. Я смогу сохранить себя прежнего, эту бесконечность, синее небо, которым я любовался всю жизнь.

В голову ударило воспоминание: родной город. Выгоревшие степи, отдающие желтизной. Высокая колючая трава, жёсткие кустарники. Я опять плачу, совсем один. Разбитый, уставший, непонимающий всю ту несправедливость, царившую в школе. Но потом, я поднял глаза вверх, к голубому небу. Провожал каждое облако взглядом, одно за другим. Глубоко вдыхал, чувствовал как силы вновь приходят. Как в душе воцаряется спокойствие и умиротворяющая мысль, что в конце концов всё будет хорошо.

И сейчас я точно так стою, улыбаюсь, и чувствую умиротворение спустя восемь лет. Это небо, успокаивающее меня, осталось. Остался и я прежний, всё тот же Влад, ранимый и мечтательный. И с какими бы ужасами я не сталкивался, какая бы тьма порой не захватывала мои мысли и меня самого, я всегда останусь собой. Таким же, как и много лет назад – сидящим посреди сухого поля, смотрящим ввысь мечтательным мальчиком.

Никогда я себя ещё не чувствовал настолько целостным как в этом поле. Я смотрел на себя семилетнего, семилетний я смотрел на себя пятнадцатилетнего.

Всё стало на свои места. Мрак, ужас и тьма этого места скроются как те тучи. А голубое небо останется, как и я.

– Влад, а ты....? – Геннадий, конечно же, испортил пре-

краснейший момент. Его гундосый голос сбил начинавший течь ручьём поток ободряющих мыслей. Спасибо, блин, большое!

– Чё?

– Да ладно…

Весьма информативно и увлекательно.

Мы пошли дальше, и Гена рассказывал про самые разнообразные способы развлечься. Все они связаны с легендарным яром. Южан, оказывается, Бог не обделил фантазией. Они придумали миллион вариантов эксплуатации каньона:

– В основном, мы спускаемся туда и бродим.

– Интересно – (нет)

– Торчки там курят, алкоголики пьют.

– Мммм.

– Когда снег выпадает мы на санках там катаемся.

– Класс.

– Ещё… Там на северной стороне есть шина, за верёвку привязанная к дереву. Кататься на ней весело.

– И правда – (в том случае, если тебе шесть)

– Я думаю, именно там вся ваша школа девственность теряет – Гена на меня смотрит шокированным взглядом, будто за слово «девственность» меня могут расстрелять – Что? Разве я не прав? – рассмеявшись, я хлопаю его по плечу – Успокойся. Рядом с нами нет ни дедушки, ни мамы… Короче, можешь расслабиться.

Гене это и вправду помогает. Ещё спустя пять минут ходь-

бы он улыбается и рассказывает о девчонке, запавшей в его душу:

– Хочу пригласить её на танцы, но она тусит с городскими, и из-за этого точно откажет. А это полный отстой.

– Чувак, если откажет то знай – никто из-за этого не сдох, земля вращается дальше, и на ней продолжают жить миллионы одиноких девчонок, не побрезговавших бы общением с тобой (с цифрой, конечно же, я погорячился).

Удивительная вещь – самые разные и абсолютно непохожие, мы, подростки, можем запросто найти общий язык друг с другом. Иногда наши мысли и желания полностью совпадают. Нас объединяет тонна общих проблем, и да, одинаковый язык вечного великого слэнга. Стоит только захотеть – и мы сможем понимать и поддерживать друг друга без особых усилий.

Вот например я – циничный и скептичный отморозок, смотревший в начале обеда на Гену как на больного чумой. Сейчас иду и во многих его переживаниях, эмоциях и чувствах узнаю себя.

Удивительная вещь.

За время прогулки я успел получить сотню мощнейших солнечных ударов. Удивительно, что меня ещё держат ноги. Мою чёрную майку можно выжимать как половую тряпку после длительной влажной уборки, пахну я, наверное, как дальнобойщик надушившийся подаренным мамой «Coach”.

Когда стена зелени, убегавшая всё это время от меня за

горизонт, приняла ласковыми прохладными объятиями нас в себя – моему счастью не было предела. Какие же приятные воспоминания приходили на ум при виде этого места. Они всё ещё оставались свежими, как сладкий клубничный смузи, только что вылитый в стакан из блендера. Пока что я мог смаковать их крупными глотками, наслаждаясь приторностью и нежностью.

Мы с Евой, скорее всего, прошлой ночью обходили все тропы этого места вдоволь. Ничего тут не помню из-за темноты.

Гена, привыкший каждый день видеть подобные красоты, продолжал громко и с искренним негодованием обсуждать школьный буллинг:

– Видишь это? – повернувшись ко мне лицом, парень оскалился как злая бродячая собака. Мокрая, холодная, тощая. Указательным пальцем он показывал на задний зуб. Точнее, на его место, ведь зуба там не обнаружилось – Его выбили совсем недавно. Местный барыга, клянчащий еду. Порой я не беру обеды в школу, и это заканчивается таким.

Я остановился, осматривая отсутствовавший коренной со ступором:

– То есть… Тебе выбили зуб в школе, и…?

– На это всем плевать. Он даже и глазом не повёл когда небольшая белоснежная часть меня отлетела в сторону, на грязный кафель. Болит до сих пор – он призадумался – Когда я пришёл домой и показал это деду, он высек меня ремнём –

парень повернулся спиной, приподняв безвкусную футболку. Костлявая спина изгибалась как у гиены. В глаза бросился начавший рости горб. Боюсь представить, что будет творится с Геночкой в старости.

На бледной коже цвета лунного сияния виднелся красный, жгучий след от бляхи.

– Твою мать… И ты… Терпишь насилие от него?

– А чё мне делать? Терплю.

Теперь стало стыдно за все остроты и колкости, приходившие на ум при виде этого парня. Он зажат, запуган, стеснителен из-за жуткого факта – Гена подвергается насилию со стороны родственников. Или родственника.

А я сразу не возлюбил этого социопатичного деда.

– Сколько себя помню – мой дед никогда не церемонился. Говорил: «слова – это для баб», снимал ремень со своих брюк и наказывал.

– И ты молчал?

– Нет! Конечно нет! Знаешь ли, бьёт он ужасно больно. Я кричал, ревел, валялся по полу и звал на помощь. Но в том месте твои крики никто и никогда не услышит.

– А мама? Бабушка?

– Его действия для них неоспоримы. Бабушка сказала мне однажды: «Таким способом он хочет заменить тебе отца, Гена». И я ей поверил. Верю до сих пор. Он делает это лишь мне во благо.

Это конечно очень душещипательно, но с чего это вдруг

почти незнакомый парень перепутал меня со священником, слушающим исповедь? Или психологом, разбирающимся в детских травмах? Почему он так откровенен со мной?

– Правда, иногда он воспитывает меня без причины. Выпьет рюмку. Две. Три… И становится неконтролируемым. Он и без этого, когда трезв больше смахивает на терминатора, чем на человека. А после алкоголя становится безумцем.

– Безумцем?

– Настоящим. Нашему соседу, который пил с ним по воскресеньям он разбил голову. Они ссорились из-за политики, как всегда: Хилари или Дональд. Дедушка, как ты понял, всегда был за Трампа. А тогда Клинтон начала обгонять его…

– Погоди, то есть ты хочешь сказать что мои любимые родители сидят сейчас с человеком, который выпив глоток алкоголя теряет контроль над собой?

– Не беспокойся, он не тронет твоих родителей, я так думаю…

Возвращаю все свои сожаления по поводу колкостей и острот обратно. Этот парень заслужил каждую: как можно быть таким равнодушным, спокойным, когда твой дед – псих? А эта Вика – заманивать гостей в логово сумасшедшего алкаша-провинциала, обожающего Дональда Трампа? Знаете ли, это самый опасный вид людей из ныне существующих. Наследники фашистов, монголов и сатанистов из девяностых (политика и Трамп тут ни при чём, честно-честно).

Я вспомнил его агрессивные, залитые кровью глаза. Грязную майку. Мерзкую бороду, будто растущую из лобковых волос. Ну а главное – ощущение, будто рядом с тобой сидит человек, способный выкинуть любое безумство в следующую минуту…

Гена продолжал болтать дальше, а я с неприятной озабоченностью вспоминал жёсткие глаза, запах перегара. Зелень, деревья, скрывающие «Дубовый» от солнечного света, будто создавая отдельный мир, независимый город, живущий своей жизнью, в своём ритме – всё пролетало мимо. Я даже не заметил красноголового дятла, сидящего на одной из ветвей дуба. Перелетающих с деревца на деревца парочку влюблённых воробьев. Лето продолжалось, и это чувствовалось везде, как бы настойчиво не врали календари.

Наконец, напряжённость и жуткие фантазии о том, как во время разговора о премьер-министре Евросоюза дед Геннадия достал дробовик и перестрелял всех сидящих за обеденным столом, растворились. Я мог сполна насладиться убаюкивающей беззаботностью этого места.

Тени, в сочетании с дрожащими на ветру листьями десятков деревьев устраивали фантасмагорическое световое шоу. Редко падающие вниз посреди мрака солнечные лучи напоминали сверкающее золото. Светом они разгоняли тени, убивая таинственность и загадку. Периодически падая на нас, они ослепляли привыкшие к полумраку глаза. Мы щурились, но с улыбкой встречали тёплое солнце, чувствуя как

расслабляется тело и как тепло ласкает кожу.

Звонкое пение птиц стало бы подходящей мелодией под этот пейзаж, но угадайте из-за кого мне не удалось им насладится?

Гена совсем распоясался. Понял я это когда он начал рассказывать смешные (по его мнению) истории из жизни школы, продолжавшей шокировать царившей в ней анархией. Скорее всего, все там приходят на занятия в противогазах и железных доспехах, перед собой держа ножи и топоры, чтоб хоть как-то обороняться. По его рассказам, там царит разруха и сумасшествие похлеще чем в «Безумном Максе».

Далее последовал анекдот, конечно же не смешной. К тому моменту я перестал делать вид будто мне интересно и с отстранённым кирпичным лицом осматривал парк.

Гена, возможно, учуял расположение духа собеседника, и нацелился улучшить ситуацию (на деле лишь растоптав её и плюнув на обломки):

– В какие игры рубишься? – конец, пора завершать это безобразие. Ахтунг. Люди, использующие в речи слово «рубишься» просто чисто физически не могут быть адекватными. Без обид, чисто жизненный опыт – Может контра? Overwatch? – я с непониманием строю покер фейс, он продолжает перечислять ни о чём не говорящие мне названия – PUBG? Не, ну не говори что Дота!

Я молчу, и говорить что-то не собираюсь.

– Майнкрафт? – во, вот это название знакомо! Знаю, что

всех играющих в это считают лузерами, теряющими девственность где-то в сорок. Эти негласные правила жизни, как и все остальные, мне поведал Алексей. Также он рассказал, что играть в «Майнкрафт» приемлемо если ты во втором классе и учится хоть чему-то, кроме создания кирки из алмаза и дерева, для тебя – не вариант. Тогда мы прохаживались по коридору, и мой друг остановил пробегающего мимо крикливого мальчугана, спросив «Играешь в Майнкрафт?», «Майн– моя жизнь!» – прокричал он и скрылся за шкафчиками – Не буду скрывать, я иногда захожу туда…

О Боже, да как же мне насрать! И я довольно ясно давал это понять, но он, с упорством психа, продолжал говорить за игры. Почему все думают, что если у меня есть член, меня должны обязательно интересовать видеоигры? Что это за закон?!

Сейчас он распинался по поводу ножей в «Контре», что бы это ни было…

– Слушай, а давай поиграем в прятки! – думаю, это самая гениальная идея, приходившая в мой мозг за последние года два. Он спрячется, наконец заткнётся, а я, в свою очередь, смогу насладится прекрасным парком в полной мере.

– В прятки… Ну, давай… – понятное дело он был слегка озадачен моей инициативой. Не каждый день встретишь шестнадцатилетнего, любящего играть в прятки. Тем более с его габаритами громадного книжного шкафа особо и не спрячешься.

– Ты прячешься! – радостно выкрикнул я – Начинаю считать – Прислонившись к дереву я честно закрыл глаза – Один… Два… Три…

– А в каньон можно забегать? – громко спросил он у меня, быстро отбегая прочь.

– Ну конечно! Беги быстрее! Четыре… Пять…

Послышались неловкие шаги, ломавшие под собой опавшие сучки и ветки. Похоже, ища место парень спотыкнулся.

Как же я гениален! Как я прекрасен! Именно об этом я думал, открыв глаза и осмотрев поляну вокруг себя.

Недалеко от толстого дуба, у которого я начал счёт, земля обрывалась. Гигантским яром начиналась глубокая яма, заросшая кустарниками и травой. Места для пряток тут уйма: хочешь – забеги за дерево, есть желание – укройся в зарослях травы. Единственное неудобство: попадавшиеся и тут и там шприцы, бутылки от всевозможных видов бухла, презервативы разной степени старости. Дело в том, что многие жители путают природную красоту с мусорной канавой, и бесцеремонно сбрасывают свои отходы вниз.

Человеческий фактор – всегда ныть о недоступной красоте далёких мест, гадя крупной кучей на окружающие чудеса. «Ох! Как же должно быть красив Гранд-Каньон. А это – так! Хорошое место для бухаловки!»

Но даже многочисленные пластиковые и стеклянные бутылки, окурки и упаковки от чипсов не могли убавить моего восхищения этим местом. Простор, окрашенный во все су-

ществующие оттенки зелёного. Какой тут запах! Какая красота!

Стены яра порой покатые, как холм, а порой резкие и высокие, как стена неприступной крепости. Высокие липы склоняются над ямой, тонкие и острые, как давно нестриженые ногти, и укрывают её глубины от яркого солнечного света.

Для наслаждения и релакса я выбрал одиноко стоящий посреди плавного обрыва пень. Присев, я достал телефон и открыл «iBooks”. Наконец пришло время для того, чего я так долго ждал: чтения наедине и в полном спокойствии. Головокружительный запах лета, убаюкивающий шелест листьев, и ощущение будто всё вновь стало спокойным, упорядоченным, счастливым…

В программе сегодня Набоков: его хитрые метафоры удивят любого. Дочитав «Лолиту» с отвисшей челюстью и противоречивыми эмоциями (если для вас «Красота по-американски» высшая степень извращения, вы обратились по адресу) я взялся за «Бледный огонь». Ну как взялся, моя норма снизилась до десяти страниц в неделю, то есть упала ниже плинтуса. А по-другому никак. Стоит взять книгу в руки, как на первой же странице я ударяюсь в воспоминания и раздумья. Самое обидное, что они ничего не приносят: ума не приложу, кто же убивает моих сверстников и находится так неподдельно близко…

И вот опять. Лишь прочитав первую страницу вспоминаю

кровь, крики, страх. Опять кажется будто кровожадный насильник тут, сидит в кустах, с улыбкой наблюдает за тем, как я безуспешно пытаюсь расслабиться. Он сидит и думает: «Наслаждайся последними страницами жизни, ведь эта книга станет последней, что ты открыл. Повезло, что это Набоков, а не Бегбедер или подростковая мелодрама про прилетевшего с другой планеты инопланетянина-школьника-красавчика-игрока в баскетбол».

Сзади доносится резкий шорох, будто ветвь хрустнула под массивным сапогом убийцы. Обернувшись, я засёк лишь воробья, лихо скачущего с ветви на ветвь.

Оказывается, не всё потеряно. Спустя пять минут я уловил нить повествования и погрузился в неожиданные метафоры и приятный слог. Надеюсь, Гена простит. Он, наверное, сидит сейчас тише воды за одним из этих многочисленных деревьев.

Прошло пятнадцать минут наслаждения одиночеством. Книга, кстати говоря, мне уже нравится. Как я и думал.

А ещё больше мне нравится чувство гармонии: в «Дубовом» ничего лишнего, кроме тонны презервативов в свежей сперме. Поют птички, зелёные ветви укрывают меня от злобы окружающего мира. Я будто в домике, далеко от страха и жестокости. Ну и самое приятное – мои мысли наконец мне подвластны. Они как тихий штиль – не выдают жутких фантазий, не начинают волноваться и бушевать.

На меня упала холодная капля. Ещё одна. И ещё… Не дол-

го, как говорится, музыка играла. Ничто в этом мире не вечно, особенно такие спокойные и приятные моменты. Начинался дождь. Пора заканчивать свой быстрый одинокий пикник.

Сквозь взволновавшиеся листья просматривалась массивная чугунная туча, затянувшая голубое облако. Холодный ветер начал дуть со всех сторон. Королевство зелени затянулось мраком растеряв яркие краски.

Идеальное воскресенье подошло к концу. Пора возвращаться в вонючий дом к безумному алкашу и его странной семейке. Нужно лишь Гену отыскать, честно выполнив главное задание игры. Бедолага, сейчас сидит в кустах и терпит редкие холодные капли. Он один из парней, которые из-за собственной глупости будут играть до конца. Хоть наводнение, хоть метеоритный дождь – он не вылезет из своего местечка.

Встав с пня я пошёл по краю каньона, всматриваясь в тени на дне. Фантазия рисовала стоящего за деревом высокого громилу, держащего кухонный нож в руке. А потом я увидел уродливое сморщенное лицо, чёрные плащ, обвисшие как у бульдога скулы. Старик-галлюцинация, иногда возникавший передо мной в самые неподходящие моменты.

Я упорно не смотрел на него, отводя взгляд в сторону и выкрикивая:

– ГЕНА! ГЕНА-А-А!

Старик растворился в тени, я вновь был совершенно один

в бесконечном «Дубовом», тянущимся беспрерывной зелёной чередой через весь город.

– ГЕНА! – я вслушивался в свой голос. В абсолютной тишине он казался ненастоящим, громким, но нереальным. Проносясь в глубины яра он быстро растворялся, как мираж. Я кричал в пустое пространство, ведь Гена, скорее всего, убежал далеко.

А дождь, тем временем, усилился. Капли перестали быть редкими. Теперь парк превратился в настоящие джунгли с разбушевавшимся тропическим ливнем.

Моя майка, только что высохшая от пота, вновь промокла насквозь. Капли текли по лицу. Волосы превратились во влажную мочалку.

– ГЕНА!?!?

– Хи-хи-хи – тонкий девичий смех проявился из неоткуда. Он, подобно туману, окружил меня со всех сторон и замутил рассудок. Он звучал искренними раскатами в глубинах моей головы, и в то же время он был неподдельно близко – Хи-хи-хи – судорожно оглядываясь, я не мог обнаружить никого. Лишь мрачные тени, выстроившиеся в ряды деревья – Влад… Вла-а-ад – протяжно произносила девушка. Мягкий, нежный голос вызывавший мурашки по коже и самые приятные ассоциации. Такие голоса обычно пацаны моего возраста слышат во сне и наутро просыпаются мокрыми. Или лишь со мной происходило подобное? – Вл-а-а-ад – она растягивала моё имя, старательно произнося каждую

букву. Пробовала и смаковала его.

– К-к-к… – я собирался произнести что-то вроде «кто тут?», но выговорить хоть одно короткое слово казалось непосильной задачей. Так сильно одурманил меня звонкий смех и сладкий шёпот.

Засмотревшись в вечную тьму яра я почувствовал холодное прикосновение. Лёгкая кисть опустилась мне на плечо и вызвала сильную дрожь. Дыхание перехватило. Первые секунды я не мог заставить себя повернуться, потому что знал, стоящая за моей спиной – нереальна и призрачна. Я отбросил вариант что сзади меня может стоять Гена и ощущал присутствие нечто другого. Совершенно другого.

Обернувшись, я увидел сверкающие белизной зубы и пухлые алые губы. Воздушные золотые локоны укрывали плечи, сверкая в этом мраке как неоновые гирлянды.

Столь знакомое лицо, очаровавшее меня своей невинностью в ратуше. Тогда, полностью растворившись в таинственной незнакомке я погнался за ней по пустым коридорам. А потом, из газеты, узнал что она мертва. А потом из её глаз сыпались трупные черви. А потом она сгорела на моих глазах.

Да уж, жуткий денёк был.

Позавчера она соблазнительно принимала душ в школе. Те же длинные густые волосы скрывали голую спину. Те же алые губы растягивались в роковой улыбке. Невинность исчезла и ей на замену вышла безумная страсть.

На незнакомке было некогда белое платье, утратившее цвет. Сейчас оно в пятнах от грязи, будто прошлой ночью девушка пыталась вылезти из глубокой земляной ямы.

«Школьница заживо спалена после уроков» – ведь так ты погибла, да? Те же живые, осматривающие меня глаза смотрели с пожелтевшей страницы газеты. От неё исходила безумная харизма и жизненная энергия, даже при том, что она мертва.

ОМГ, да что же творится?

– Не хочешь повторить нашу пробежку, Влад? Мне очень понравилось! – хихикнула она, продолжая невесомой рукой держать меня за плечо. Её лицо, как волны в океане, быстро приближалось ко мне и затем медленно уплывало. Будто она хотела меня поцеловать, но в последний момент передумывала.

Прекрасное у неё, кстати говоря, лицо. Мягкие щёки, курносый нос, чёрные брови, длинные изогнутые ресницы. Даже Ева не настолько бледна, как незнакомка. Цвет её кожи – чистый белый. Как у альбиноса. На её фоне красные губы выделяются как громоздкий знак «Стоп» посреди трассы.

Несколько дней назад я видел как эти озорные глазки всего навсего вывалились и покатились прочь как резиновый мяч. Ха, забавно, не правда ли? Похоже на бред наркомана под коксом. Потом из её глазниц начали вылезать трупные черви. Мерзко, да? Не верится – по этому милому трогательному личику ползали мелкие белые твари. Целые армии.

– Кто ты такая? – тихо спросил я, смотря в глаза будто ожидая увидеть знакомую безумную картину.

Улыбнувшись, она ответила мне:

– К чему эти дурацкие вопросы? Я просто хочу повеселиться, пока мы тут с тобой одни, Влад.

– Я видел что ты ещё фиг знает когда сгорела – не верится, я описываю разговор с мертвецом! В тот момент вопросы слетали с языка сами, я даже не отдавал отчёт в том, что происходит. Внутри воцарило жуткое равнодушие – Я держал в руках газету на которой было изображено твоё фото. Ты, блин, просто горела на моих глазах. Из твоего глаза лезли трупные черви.

– Да уж, с червями мерзко вышло – она опустила взгляд в пол – Но пусть это тебя не отталкивает, я умею их контролировать, честно.

– Без шуток – не понимая что говорю, я произнёс эту нереальную фразу в слух – Я знаю, что ты не настоящая. Ты умерла. Причём давно. Ответь, кто ты такая? Что ты от меня хочешь? Почему ты меня преследуешь?

Внутри у меня всё сжалось от ужаса. Равнодушие прошло с произнесёнными заявлениями. Наконец, я смог понять что происходит. Передо мной стоит мертвец! А теперь будем рассуждать как цивилизованные фанаты хорроров со стажем:

• Это не призрак, ведь я ощущаю её прикосновения. Даже, чёрт возьми, её холодное дыхание.

• Это не зомби, ведь она не хочет меня сожрать и выглядит она… Ну, не как зомби. Да блин, она просто конфетка! Красотка, из всех щелей которой лезут трупные черви. Б-р-р!

Знаете, пару месяцев назад перед экзаменом по математике меня спросили: «Страшно?». Я уверенно кивнул, ведь это было чистой правдой. Я дрожал, нервничал, мял всё попадавшееся под руки, нервно потел. Спросите меня кто-то ещё раз перед очередным экзаменом и я бы никогда больше не кивнул головой. Ведь сейчас я познал страх сполна, на всю сотню процентов.

Страх, это когда можешь рассмотреть изуродованный труп одноклассника во всей красе. Страх, это когда понимаешь что тоже самое могут сотворить с твоим телом, или попросту, блин, забрать жизнь. Страх, это когда приходит осознание того, что могут забрать жизнь дорогого тебе человека. Страх, это когда боишься привязываться к ней слишком сильно, чтобы потом не страдать. Страх, это когда ночью просыпаешься в неуютной луже холодного пота, думая, что в комнате находится кто-то. Страх, это когда каждую минуту ощущаешь на себе взгляд безумца.

Страх, это когда не понимаешь, что за существо стоит перед тобой: призрак, зомби или просто живой труп.

По щеке девочки спустилась быстрая слезинка, оставив влажный блестящий след. Это нормально, думать о том, ранил ли ты чувства духа (назовём её так) или нет? Нормально задумываться о дискриминации духов в нашем прогнившем

мире? Опустив ресницы, незнакомка всхлипнула:

– Почему тебе обязательно надо было всё усложнить? Испортить наш первый разговор. Знаешь ли, я его долго выжидала.

Признаюсь, я мертва. Меня спалили заживо, и этот момент я запомню на всю жизнь – адскую боль. Ощущение, когда ты видишь как сгорает твоё тело – распахнув ресницы, она агрессивно заглядывала мне в глаза, стараясь донести сполна весь ужас собственной смерти – Тело за мгновение покрылось огнём и ПАХ! Я уже чёрный испепелённый скелет. Стою в сторонке и рассматриваю свои же кости. А знаешь что самое страшное? Я навеки заперта в этом проклятом городе. Почему? Я не знаю. Я уже испробовала все варианты: пыталась помогать людям, как грёбанный призрак Каспер, пыталась мстить жителям, которых считала своими убийцами, но все тщетно. Ничего не выходит. Я скитаюсь по этому городу, в основном сидя в этом парке. Прости меня, но это жопа.

Девчонка видела мой шок, который сам собой всплывал на лице. Тело полностью одубенело, я чувствовал лишь пальцы на руках. От неё исходил холод, нет, зверский мороз. Или это просто я испытывал дикий ужас от факта разговора с настоящим мертвецом.

Наверное, многие бы хотели очутится на моём месте и задать волнующие всё человечество вопросы.

– Что там, в параллельном мире мёртвых?

– Как вы ходите в туалет?

– Почему вы такие злобные и так часто пугаете живых?

– Ты можешь пройти сквозь стены Пентагона?

– Сколько пальцев я показываю за спиной?

Но ни одна дельная мысль в голову не приходила, ведь в ней эхом проносился дикий крик боли. Обворожительная незнакомка сгорала на моих глазах, покрываясь красными язвами будто принимая новый жуткий облик. Она сгорела, чтобы потом вновь и вновь восставать из пепла.

– Я даже на своих похоронах была, прикинь? Стояла рядом с ямой и любовалась на уродливое бабушкино платье, в которое меня нарядили. Розовенько-зефирная нелепица, мечта педофила. Я видела ты там Набокова читал, так он бы вздрочнул на меня в том платице. Белые кружева, Б-У-Э, безвкусица – хмыкнула она.

– Набоков, кстати, педофилом не был – хороший день чтоб поспорить с мертвецом о литературе! Хотя, возможно, на том свете она имела честь пообщаться с автором. Анекдот: сидит, значит, в одной комнате где-то в загробном мире Набоков, соблазнительная белокурая «нимфетка» и брутальный борец против педофилии!

– Может быть и не был. Но то что я после прочтения «Лолиты» мужчинам в глаза смотреть не могла – факт! – кажется, «Лолита» вышла позднее, чем умерла девчонка. Из газеты помню. Неужели после смерти можно читать? Тогда умирать не так страшно!

Дерзкий, энергичный темперамент сменила собой тоска. Печальные глаза пытались донести всё горе этого человека (?) до моей души. – А моя мама. Как она плакала. Я даже не слышала ранее чтобы так кто-то плакал. А живу я уже чертовски много и достаточно слёз повидала. Это был даже не плачь, понимаешь? Это был крик боли, ужаса. Крик горя. Когда я подошла к ней и захотела прикоснуться к дрожащей от всхлипываний спине, она прыгнула в яму. Будто хотела ко мне, в этот мир, за завесу… Тогда моя бессмысленная вечность стала бы гораздо краше. Сейчас она немного маразматичная старуха, и когда я прихожу к ней она думает что я ангел. Тянет дрожащие руки ко мне, хнычет, умоляет забрать с собой… А я лишь смотрю и плачу, ведь так сильно скучаю. Моя мамочка всегда была самым дорогим в жизни. Человек, отдавший часть себя, для того чтобы потом её сожгли на костре. Вот отца я ненавидела, паршивый алкаш избивавший мою мать, даже на похоронах пыталась забрать его с собой, гнить в этой заднице, но этого мудака ничем не возьмёшь. А мамуля. Моя милая мамочка… Сейчас она каждый день берётся читать новую книгу, но не может и слова разобрать из-за посаженого зрения. Её упорство не знает границ. Иногда я открываю эти пыльные книги и начинаю для неё читать, но она меня не слышит. Смотрит, улыбается и шепчет «мой ангел, ангелочек, ты пришла за мной». И я верю, когда она будет рядом всё станет другим – хихикнула она – Теперь ты знаешь, вот как оно – быть мёртвой.

– Зачем ты рассказала это всё мне? – испуганно спросил я, попутно представляя свои похороны. Удивительно, но за последнее время думать о смерти стало чем-то вроде хобби. Как кто будет горевать, кто прийдёт попрощаться со мной, кто будет кидать землю в мой заколоченный гроб.

– Дело в том, что увидев как ты заехал в город я сразу поняла, что ты – тот кто избавит это место от нескончаемых убийств. Тот кто освободит меня, даст наконец-то навеки заснуть. И не только меня, таких как я десятки, если не сотни… Тут убивают одни и те же, одни и те же решают молодых жизней невинных ребят. И ты можешь узнать кто это делает и зачем.

Я испуганно переваривал всё вываленное на меня:

– Я… Я… – ещё один невероятный факт: не так давно у меня проявилось заикание. Хорошо, что я ещё в постель не мочусь! Ха!

Ха-ха.

– Ты ошибаешься, я тебе не Шерлок или блин какой-то «особенный избранный» из надоевших молодёжных антиутопий. Меня тошнит от этого мрачного дерьма, от этих смертей и от этого города. С чего бы я был именно тот, кто обнаружит настоящего убийцу?

– Потому что ты необычный.

– Я? Необычный? – я показательно саркастично рассмеялся. Отчасти из-за того, что этот диалог напоминал миллионы подобных. Анекдот: живу я значит, своей заурядной и по-

рой одинокой подростковой житухой, стебу с другом глупые мелодрамы с избитыми любовными треугольниками, где вышедшие из нудных книжек главные персонажи в конце первой части слышат фразу «Ты спасёшь всех!», и тут, блин, появляется местный вариант Ленор Эдгара По и говорит ту же фразу – Твою мать, ты послушай что говоришь. Мне пятнадцать, из особенных черт у меня лишь светлые волосы в носу. Я потею когда общаюсь с девчонками, выдавливаю по вечерам прыщи и скукоживаюсь как напуганный ёж при мысли о том, что через год мне нужно будет идти в Старбакс на колледж зарабатывать. Я просто не выношу запах булочек из Старбакса, и это тоже необычно! На этом все «необычности» закончились, поняла? Я не смогу поймать маньяка, потому что я даже бутылку колы с трудом открываю. Я… я… я слишком жалок для этого! Чересчур обычен для подобных целей! – тело знобило и шатало из стороны в сторону, как на яхте во время шторма.

– Не я тебя выбрала, а сам город. Ты что, не замечаешь все эти знаки вокруг себя? Странные сны, видения, кошмары. Это всё должно было подтолкнуть тебя на нужный путь.

– А ты откуда это всё знаешь?

– Неважно. Важно то, что город распознал в тебе своего спасителя.

С самого приезда меня окружило столько паронормальной фигни, сколько хватило бы на сезон шоу «Мистические и паранормальные истории». Сны на уроке с жуткими сви-

ньями, галлюцинации, кошмары. Я всегда оказывался на местах убийства, будто невидимый проводник специально подталкивал меня, желая показать кровавые трупы во всей красе.

– Звучит как полнейший бред. Вообще всё тут – бред. Телекинез, маньяки, кошмары. Чёрт возьми, мёртвая девка говорящая со мной! Я просто не могу обьяснить то, что происходит вокруг в последнее время.

– А как ты объяснишь это? – после этой фразы мёртвая незнакомка схватила меня за плечи и засунула свой язык в рот, начав страстно целовать. То что она была мертва не отменяло того факта, что сейчас я ощущал всё сполна. Самый настоящий поцелуй. Очень даже приятный (не осуждайте, господа присяжные!)

От мёртвой исходило едва заметное тепло. Когда я прикоснулся ладонью к её щеке с удивлением обнаружил, что её кожа полыхала. Словно она вновь загорится с секунды на секунду.

Тонкими ладонями она поглаживала мою спину и продолжала искусно шевелить губами. Она завладела мной, растворив в себе как таблетку аспирина. Мёртвые целуются мастерски, кто бы мог подумать.

Но потом в голове резко прозвучал щелчок. И самое странное: картинка, которая при этом всплыла перед глазами. Меня не взволновало то, что в любой момент из её рта могут полезть трупные черви. То, что она по идее зомби. Я

увидел преданный взгляд Евы, её бледное лицо, широкую улыбку, и совесть загрызла как злая пиранья.

– Нет, я не могу так – с лёгким сожалением обрезал я, откланяясь от страстного поцелуя – Ты мертва. Ты мертва… мертва… – должно быть, я начал сходит сума. Как самый натуральный психбольной я бубнил одно и то же слово под нос – Мертва.. мертва… И у меня есть девушка! Ха! Моя девушка! Мы не можем целоваться!

От прикосновения человека (?), давно ушедшего из жизни, у меня началась истерика. Улыбавшись и морщинясь от щекотавших лицо холодный каплей дождя я рассматривал незнакомку. Несмотря на ливень её густая кудрявая укладка оставалась сухой и такой же блестящей. Должно быть, о подобной фишке мечтает каждая девчонка.

– Ах, Евочка – я нисколько не удивился тому, что она знает мою девушку– Ты должен понимать, кто она на самом деле. Это крайне важно. Она…

«АААААААА!!!»

Фразу девушки оборвал резкий пацанский крик, низкий, слегка хриплый. Он отбивался от обрывистых стен каньона и моментально разлетался по всему парку. Ужас, отчаяние, непонимание. Как же мне знаком этот крик, правда человек другой. Гена. Теперь и он познал ужас во всей красе.

Я обернулся, чувствуя как выплясывают в ритме диско мурашки на спине. Яр казался чёрной дырой, бесконечной, глухой, затягивающей в себя. Крик продолжал выползать из

него, пугать, волновать.

Парк покрылся дымкой, ползающей у сырой земли. Теперь воображение рисовало десятки теней мертвецов, ходивших между деревьев. Они жили своей жизнью тут, в «Дубовом» – немного странной, но со своими законами и правилами.

Этот жуткий момент ничего не могло сделать ужаснее, но я ошибся. Всё, что нужно было для полноты картины – наполненный отчаянием крик.

Обернувшись, я не обнаружил блондинку на своём прежнем месте. Там где она стояла ранее витал туман, неторопливо перемещаясь далее в самую чащу леса.

Казалось, что разговор с мёртвой был очередной моей безумной фантазией. Реалистичной галлюцинацией. Но после себя незнакомка оставила приторный привкус на губах как напоминание о нашем разговоре.

Когда земля в этом яру превратилась в один сплошной ручей жидкой коричневой грязи? Липкой, густой, напоминающей тёмный шоколад с содержанием какао в восемьдесят девять процентов.

– Влад?! – кричал Геннадий, стараясь перепрыгивать с одного сухого островка на другой так, чтоб не угробить кроссы. Чувствовал он себя как персонаж древнего аркадного платформера, которые часто выставляют в самые далёкие залы парка с автоматами – Ау, я победил! Я задрался сидеть под

этими клятыми кустами! – ноги жутко затекли. Даже после начала в воистину тропического ливня он терпеливо выжидал, боясь издать хоть малейший звук. Но, судя по всему, его никто и не собирался искать – ВЛАД?! – кричал он, вслушиваясь в собственный голос и шум дождя. Тьма вокруг сгущалась с невероятной силой, скрывая в тенях глубокую яму. Уже нельзя было различить, где топкая шоколадная грязь, а где сухая земля или невысокий пень.

– Вот чёрт! – рявкнул он, провалившись по щиколотку в мерзкую лужу. Кедам хана. Чёрные конверсы, подаренные дедом на четырнадцатый день рождения. Он дарил их с таким лицом, будто собирался передать в руки внука власть над каким-то маленьким богатым княжеством в Альпах. Это одна из «фишек» его общения – делать всё так, будто для тебя даже малейшее усилие над собой – великий подвиг. Малейшая трата – безумное транжирство. «Дед, помоги мне с алгеброй?» Он непременно закатит глаза и скажет «А ты сам уже до такой степени деградировал, что банальных тем понять не можешь?». «Дед, помоги мне вставить лампочку в комнате». Он непременно чмокнет и выскажет все факторы, подтверждающих что ты, маленький прыщавый уродец, не заслуживаешь жизни в этом мире.

Но это ещё цветочки. Большое спасибо что в те моменты он не «горячился», как называет это бабушка.

Гена устремился к тропе, по которой опустился в этот проклятый яр. Узкая извилистая дорожка, напоминающая

уменьшенную копию серпантина где-нибудь в Андах. Как же он ужаснулся, увидев что дорожка превратилась в ручей. Грязь текла водопадом, очертания тропы смыла вода. Теперь стена каньона казалась зловеще не преступной. Тут точно не выберешься. Кажется, он стал узником этого мрачного места.

Резиновые презервативы тонули в лужах. Капли тарабанили по железным банкам от пива и «пепси», будто выбивая чёткий ритм. Мусор смешался в этом шоколаде с опавшими колючими ветвями и листьями. Порой, в темноте, находились довольно неожиданные находки: записки на промокших насквозь клочках бумаги, прочитать которые не представлялось возможным. Кажется, в луже плавали чьи-то зубы, хотя, возможно, это белоснежные сахарные конфеты.

А между тем, с нарастанием паники, дед в голове кричал всё громче и громче.

«Ах так, гадёныш? Решил мне перечить?»

БУМ!

«Ха-ха! Теперь ты закрыл свой рот! ЗАКРЫЛ… СВОЙ… РООТ!» Последнее предложение он проговаривал с длинными страстными паузами между слов, избивая Гену ремнём как непослушную скотину.

Это больно. Железная пряжка из раза в раз оставляла красный ожог, болезненный синяк, болящий на протяжении всей следующей недели. Частно синяки замечали однокашники, хоть им, по большому счёту, всегда плевать на невзрач-

ного запуганного одноклассника. Таких там называют «пиньята»: «Чем больнее треснешь, тем больше вывалиться». Чуя запах страха и насилия, происходившего над Геной дома, ребята не упускали свой шанс – забирали у парня всё, что можно вообще забрать. Деньги, обеды в которые обычно входили дешёвые йогурты, бабушкины паровые котлеты и тошнотворные брокколи. Но им плевать, что отбирать – даже омерзительные тушёные овощи сгодятся.

Сейчас он забил болт на единственные кеды. Ноги почти по колено ушли в грязь. Яр превратился в медленно заполняющуюся жидкой грязью яму. Чем дольше шёл дождь, тем выше тягучая масса подбиралась к самой вершине.

Гена тяжело дышал, стараясь прибавить шагу. Глаза не привыкли к голубоватой темноте, безуспешно пытались зацепиться за что-то. Вокруг лишь тонкие нуарные тени деревьев, напоминающие тёмные мазки на картинах художников-сюрреалистов. К глазам поступили слёзы, а потом в ушах вновь прозвенел басистый крик:

«СОПЛЯ! Ты позорище, ревешь как самая последняя сучка!»

После этого дед небрежно харкнул на пол рядом с Геннадием. Жирная слюна растекалась по холодному деревянному паркету подобно гордости парня, превратившуюся в мокрую харчу. В глазах деда написана ненависть, глаза мигали красным, как светофор. Он стоял громоздком шкафом над плачущим внуком, подогнувшим коле-

ни под грудь, будто пытаясь спрятаться от родного деда. Мужчина не мог собирать оскорбления в связанные предложения: то ли из-за количества выпитого алкоголя, то ли из-за количества приходивших в голову оскорблений: «сопляпридуроктунеядецтварьпозорищеуродмалолетнийпрыщподоноквыродокпиздюкмерзавец».

Делая уверенные шаги вглубь яра, Гена всматривался в отвесные стены в надежде найти самую захудалую тропу наверх. Сам себе он напоминал бесстрашного героя масштабного боевика. Эдакого Дикаприо, выживающего в дикой среде. Тощее тело сдували резкие холодные порывы ветра, его пытались смыть миллионы капающих со стального неба капель, шоколадная грязь маняще втягивала ноги в себя. Но он не сдастся, не позволит одержать панике победу, нет!

«Ты никчёмное дерьмо, понимаешь? Просто я смотрю на тебя, и мне хочется блевануть. Вот иди сюда – дед схватил его за руку и расторопно проводил к зеркалу. Наблюдая за тем, как заплаканный внук красными опухшими глазами смотрит в зеркало, он расплылся в улыбке – Твоя рожа точно у бабки позаимствована. Она была такой же уродкой. Твой характер – как у моего папы. Мерзопакостная дрянная сопля, жалкое ничтожество! Ха-ха! Да ты же УРОД! Маленький грязный уродец! Бесхарактерное создание!»

– Нет, я не бесхарактерный! – под нос прошептал Гена, делая шаг к стене. Кед поскользнулся на скользкой земле, потащив парня за собой. «Шлёп!» – и он лежал в луже грязи,

как одна из свиней на их ферме. Когда идёт дождь они любят выбегать из сараев и плюхаться жирными тушами в лужи. Визжат, ликуют, радуются.

Гена попытался встать, но противный конверс вновь соскользнул. Точно он самая настоящая

«Свинья! Жалкое грязное ничтожество!»

Гена барахтался в грязи, пытаясь нащупать точку опоры. Перевернулся на живот (покойся с миром, омерзительная футболка со смайликом) и оперевшись об ствол дерева попытался подняться на ноги. Рука слетела, и он с хлюпаньем упал обратно в лужу. Живот ударился о камень, дыхание перехватило ещё сильнее.

В глазах темнело: тени медленно охватили всё дно яра. Кажется он медленно теряет сознание…

«Прошу! Отпусти меня!» – орал он в узком мрачном коридоре второго этажа, хватаясь за рамки со старыми ценными семейными фотографиями. Дед держал его за волосы громоздкой потной рукой так, как охотник держит за уши подстреленного зайца. От него пахло водкой, крепкой, пьянящей и сводящей сума – «Отпусти!»

«Закрой рот, животное!» – брызжа слюной ответил он своему внуку. Замахнувшись и нанеся удар в живот, дед прорычал – «Закрой… Ау!»

Гена ударил локтем в пухлое пузо, вырвавшись из крепкой хватки. Устремившись к лестнице, он заметил жалобный взгляд бабушки, вышедшей из коридора. В её руках намы-

тая до блеска фарфоровая тарелка. В глазах сожаление и при этом пугающее равнодушие.

Сделав первый шаг на скрипящую деревянную лестницу Гена вскрикнул: дед поймал его, ещё более разгневанный, ещё более сильный.

«Малолетняя мразь!» – парень схватился за тонкие поручни, держась за них как за последнюю надежду. Смотря вниз, на бабушку он шептал сквозь слёзы:

«Помоги!?» – но она лишь качала головой и заявляла в ответ – «Он хочет воспитать в тебе мужчину» – сдерживая слёзы.

«Тебе тут никто не поможет, гавнюк!» – вопил дед, оторвав внука от лестницы и потащив его обратно в глубины мрачного коридора.

Одежда парня окрасилась в коричневый. Грязь попала даже на лицо, он чувствовал её привкус во рту, она залепила его глаза. Ещё одна попытка встать не увенчалась успехом, и смотря вверх, на самодовольно возвышающиеся над ямой деревья, он думал что никогда больше не встанет. Дубы в перемешку с соснами будто злорадствовали, снисходительно осматривали затерявшегося в лужах невзрачного паренька.

– И ещё разок! – рука, идущая надёжную опору наткнулась на что-то холодное и твёрдое. Опустив глаза на лужу, парень не поверил глазам. Холодным неопознанным объектом оказалась чья-то грязная ладонь. Сырая земля забилась под тонкие ногти, бледные пальцы выглядывали из-под лужи, по

коже цвета парящей в небе тяжёлой тучи вниз стекали липкие кали чернозёма, перемешавшегося с дождевой водой.

Как ни странно, резкий испуг помог парню подскочить на две ноги, как солдат утром на подъёме. И опора нашлась, и кеды не соскальзывали. Беглый взгляд окинул землю, а мозг незамедлительно пришёл к поражающему выводу – под ним труп человека. Самый настоящий труп человека.

Недалеко из-под земли выглядывал подростковый кед «New Balance” и гниющая голень, выглядывавшая из-за высокого подката. Тут же обнаружилась и вторая рука – те же тонкие ногти, под которыми забилась тёмная грязь. Лицо, словно глиняной маской, скрыл за собой здешний «шоколад».

– О Боже – тихо прошептал Гена, задрожав ещё больше. Машинально он отходил назад, уходя всё дальше от стены. Чёртов конверс чёртового деда вновь соскользнул, тело покачнулось вперёд и с плеском упало в лужу, в аккурат рядом с трупом.

– Боже… – шептал он, протягивая дрожащую руку к телу. Холодная щека окрасилась в коричневый, закрытый глаз залили тёмные капли. Ладонью парень вытер лицо мертвеца и как следует его рассмотрел.

Узнав лежащего рядом с ним человека, Гена приглушённо вскрикнул. Он ходил с этим пареньком на физкультуру. Порой они вместе качали пресс, в паре. Их дуэт нельзя было назвать многословным, они становились вместе лишь когда

учитель настаивал.

С начала года никто не слышал об пропавшем без вести пареньке. В их школе часто сбегали из дома, и это считалось чем-то вроде местного обряда посвящения во взрослую жизнь. Убеги из родительского гнезда, плюнь на всё, пощекочи нервишки родных и станешь настоящим мужиком!

Но, скорее всего, далеко от города парень не уехал. Провёл своё лето тут, лёжа под ароматными соснами и могучими дубами, синий и холодный как лёд.

Длинные ресницы пудрой припорошили мелкие кусочки земли. Между пухлых губ копошилась неизвестная Геннадию мошка. Она перебирала мелкими лапками, жужжала, холерически осматривалась по сторонам, как недовольный житель, чей дом решили потревожить непрошеные гости.

Закрыв глаза и не имея сил, чтобы вновь подняться, Гена отчаянно завопил. Всё его тело ощущало холод лежащего в паре сантиметров трупа.

«Закрой рот, грёбанный сосунок, чтоб тебя!»

Я должен был привыкнуть к этому, принимать как должное с каменным лицом и без капли удивления. Но эта загадочная блондинка… Её мелодичный голос, проронивший такие понятные и всё объясняющие слова:

«Ты всегда в нужное время в нужном месте, потому что город выбрал именно тебя».

Благодаря этому предложению каждая деталь этого мо-

мента стала сигналом, коротким словом, в котором я пытался найти подсказку. Сирены скорой помощи мигали азбукой морзе, окрашивая дубы парка в красно-багровые тона. Тени исчезали и появлялись таинственными пятнами вновь, в них до сих пор стояли мёртвые жители парка, с интересом наблюдая за происходившей на их территории ситуацией.

Парни в белых халатах тянули носилки с трупом молодого парня, лет ему точно столько же сколько и мне. Может быть пятнадцать. Высокого роста, смазливое лицо окрашено в цвет сырой земли и повёрнуто к полю. Закрытые глаза с длинными ресницами, опущенными вниз, заглядывали на меня (да-да, я выделял знаки даже в закрытых глазах). В тёмных влажных волосах запутались большие куски грязи. Бледное тело начало гнить.

Парни учтиво сказали чтоб я ушёл с дороги и занесли мертвеца в машину. Этих чуваков я скоро выучу по именам, да и они уже относятся ко мне как к старому дружку. Увидев меня на месте инцидента руками замахали с ни капли не озадаченным: «О, привет Влад! Ты снова тут?»

Ситуация выходившая из ряда вон: умершего я не знал, скорее всего с ним разделались ещё до моего приезда в город (гниющая кожа в подтверждение). Гена нашёл труп во время наших «пряток», и сейчас из задрота он превратился в немого задрота. Весь в грязи, дрожит будто под его ногами десятибалльное землетрясение начинается, глаза с ужасом осматривают мёртвого мальчика. Единственное, что я понял

из его обрывков слов: он знал паренька.

Шокированного Геннадия за плечи обхватила Вика, стыдливо отводя глаза от носилок. На её лице написана гримаса отвращения к трупу: может быть из-за исходившей от него невыносимой вони, может быть из-за страха.

В «Дубовом» собрались все. У начала густой полосы леса стояли два громоздких пикапа: наш старичок смотрелся молодым зажигательным студентом в сравнении с фермерским красным авто семьи Гены.

Тут стояли и бабушка, чья искусственная улыбка в миг исчезла. На её место пришли стекающие вниз по сморщенным щекам обильные слёзы. Тут был и дед, нагонявший на меня жуть, чёртов домашний насильник. Даже сейчас он по-брутальному скрестил свои руки, напоминавшие саксонские сосиски, на груди и с бесстрастием разглядывал труп.

Моя мама эмоций не скрывала: обняв меня с силой зэка, душащего другого зэка, она уткнулась мягкой щекой мне в плечо и сдержанно всхлипывала. Думаю, её не сильно заботила судьба неизвестного мальчика. Её пугало то, что я вновь оказался в центре мрачных действий. Радость солнечного жаркого утра как рукой сняло, штормом сдуло, пришли будничные слёзы и ужас. Если бы я знал, во что превратиться это воскресенье, не стал бы утром доставать маму и папу за их хорошее настроение.

А папа… Только взгляните, как он хорошо держится! Поднятая к небу чёлка, щедро смазанная матовым гелем, от-

ражает в себе свет сирен, как и блестящие глаза. Он, как и мама, склонился надо мной и положил тёплую ладонь на плечо. Его прокачанная рука напряженна до такой степени, будто в тот момент поднимала сорока килограммовую гирю.

Ощущая тепло и поддержку родителей, я понимаю, что пока что не хочу сходить с ума. Спасибо им за то, что спасали меня от полного безумия. Когда я собирался занырнуть с головой в тёмные пучины своего сознания, тёплые и уютные, абстрагироваться от дурацкого и мрачного мира, они останавливали меня и ласково произносили: «Влад, всё будет хорошо…»

Тропический ливень прекратился, сейчас с почти чистого вечернего неба капал безобидный дождик. Та буря оставила после себя лужи, размером с озеро Виктория, труп, психическую травму для Гены и с десяток вопросов для меня.

Верить в то, что каким-то образом я могу поймать убийцу категорически не хотелось. Да и верить словам призрака, из которого сочатся черви, тоже не хотелось. «Избранный, в нужном месте, тебя выбрал город…» И почему я впрямь почувствовал как это место давит на меня, пытается подтолкнуть к действию, когда дрожа от холода и страха смотрел как очередная машина скорой увозит очередной труп?

Трасса окружённая подсолнечным полем заполнилась свидетелями: не понятно какого чёрта плачущими старухами, гулявшими с крупными собаками мужчинами, пассажи-

рами проезжающих мимо машин, несколькими подростками… Оказывается, в этой глуши было достаточно народу, только вышли они, как упыри, ночью, на свет ярких мигалок. Смотреть за развязкой очередного убийства стало нечто вроде шоу для жителей. Тоскующих, напуганных, но всё равно жаждущих увидеть хоть одним глазком деталь новой городской интриги.

Бабушки вставали на цыпочки, пытаясь подслушать разговор шэрифа с Геной. По большей части парень лишь кивал, я прекрасно понимаю, где он тогда находился и почему не говорил: в глубине себя, далеко от суеты и страха, плавая в мыслях, фантазиях, мечтах, в мире бесконечно далёком от шерифа пахнущего перегаром.

В участок нас пообещали не везти, спасибо на этом. На сигнал «ЧП» к подсолнечному полю съехались: два грузовика скорой, две машины полиции, полицейский-стажёр на байке и с десяток жителей соседнего посёлка. Шпана галдела, обсуждая личность погибшего. «Вроде как спортсмен, мой старший брат с ним дружил. Он к нам домой приходил с ним проект делать.»

«Да врёшь ты!»

«И вовсе нет!»

В центре этого балагана находились мы: промокшие, грязные, напуганные, напоминающие актёров в какой-нибудь пьесе. Место рядом с машинами скорой помощи и шерифом – сцена, зрители – всё окружающие. Почётная главная роль

как всегда досталась какому-то выскочке Владу, черт бы его побрал. Уже надоел на сцене мелькать, дорогу молодой крови и новым лицам!

Меряя захудалую дорогу шагами я осматривал лица собравшихся вокруг. Бесспорно, смотрели они на меня с чёткой ненавистью, небрежностью. Они видели во мне врага, убийцу, ловко скрывающего свою настоящую сущность. Интернет, социальные сети и сплетни в унисон доказывали что я тот самый, тот кровожадный и хладнокровный – убийца.

В толпе приглянулась красноволосая девчонка, собравшая свои огненные патлы в толстую дульку. Жёсткие карие глаза наполнились слезами, обрывающимися вниз, на красные пухлые щёки.

Не знаю, почему именно она так привлекла моё внимание. Возможно (возможно!) она была немного секси. Большая грудь, пухлые красные губы, нахальный взгляд. Такие нравятся пацанам, я её насквозь вижу – дерзкая и холодная. Но сейчас она явно была растеряна и опустошена. Может быть знала убитого?

Уловив моё внимание она бросила последний взгляд на белоснежную машину, повернулась спиной, на которую накинута рваная джинсовка, и растворилась в десятках голов и тел.

Взгляд заскользил по толпе далее, наткнувшись на очередные обильные слёзы. Долговязый, худощавый, на скелетоподобном теле накинута серая футболка «Марвел». Такие

я часто видел в «Forever21”, когда жил в столице. Они как раз выкупили патент на одежду с героями Дисней, а это ох какой гигантский выбор персонажей. Можно заманить к себе и ГИК-фанатов Звёздных войн, и малолетних любительниц Золушки с Эльзой, и прыщавых обожателей Мстителей.

Длинная чёлка, точь-в-точь как у Бибера в лучшие годы, до того как он связался с наркотой, скрывала лоб. Удивительно было видеть на лице этого парня столько слёз.

Ещё одна жуткая тайна омрачила существование всего города. Ещё один подросток, ещё одна смерть, ещё один ужас…

Поцелуй с мёртвой. Её разговор стал бы для меня очередной галлюцинацией, если бы не её привкус на моих губах. Хитрая мёртвая стерва знала что делать: в подтверждение своего существования она оставила след на губах, свой собственный вкус, запах, холод прикосновения. Она знала, чертовка, что я почувствую её, запомню и не смогу выкинуть из головы.

Закончив окидывать шумную толпу беглым взглядом я перевёл взгляд вверх, на чистое тёмное небо усыпанное мелкими звёздами. Тучи улетели, хоть и казалось что моё небо больше никогда не будет безоблачным. Ночь выкидывает свои сюрпризы, оставляя горькое послевкусие, ощущение, будто всё происходившее нереально, какой-то безумный мрачный кошмар.

Удивительная вещь: думаю, вы помните что в тяжёлые мо-

менты я имел привычку поднимать глаза вверх, к звёздам. Смотреть на голубое небо, радоваться солнцу, с восторгом осматривать круглую луну. В небе я всегда искал надежду на лучшее будущее, на то, что всё вновь станет на свои места. Может быть из-за этого зимой или в конце осени, когда моё небо затягивали бесконечные тучи, на землю опускался воздушный туман и в самом воздухе застывал аромат безнадёги, я уходил в затяжную депрессию. Много думал и ещё раз думал, уходил в себя, грустил, испытывал головные боли. Но тучи уходили, и я, как цветок после таяния снега, опять становился счастливым.

Сейчас даже в излюбленном небе я не видел надежды. Я смотрел вверх, и с безумным шумом участившегося пульса сердца понимал, что никогда ничего больше не встанет на свои места. Теперь всё по другому, и этот страх будет жить со мной вечно.

Высокие подсолнухи прогибались под порывами ветра, который то начинал бушевать, то впадал в спячку. Скорая помощь отъехала, полицейский-стажёр собирался запрыгнуть на мотоцикл и скрыться восвояси. Шериф оставался, всё ещё пытаясь выманить хоть слово из Гены с упорством рыбака, пытающегося славить Марлена в шторм.

Среди множества лиц и тел белым силуэтом загорелась знакомая маска. Улыбка от уха до уха, вырезанные на качественном дереве глубокие морщины, белый румянец.

Я вздрогнул. Сердце упало в пятки. Судорожно осматри-

ваясь по сторонам и ища в первом попавшемся человеке поддержки я вцепился в рукав кофты отца.

А тем временем маска двумя пустыми тёмными пятнами осматривала меня. Леди… Нет, это не она. Другая маска, изображающая мужчину: над узкими растянутыми в улыбке губами красовались темные густые усы. Подражатель? Второй маньяк-убийца?

– Сынок, что такое? – заинтересовался отец, пытаясь откинуть меня от своей дорогой кофты «Bogner”. Не хватало ещё, чтоб я растянул шмотку за двести евро.

Объемная шляпа летала над головами ничего не подозревающей толпы. Их увлекли обсуждения мёртвого и убийцы, сплетней и новых слухов. А между тем, кружок мирных местных жителей не спеша обходил хладнокровный убийца.

«Зови шерифа, придурок!»

– ШЕРИФ! – завопил я, отпрянув от папы – ШЕЕРИФ!

– Что, сынок? – в другой ситуации я бы дал ему по яйцам, ведь какой я «сынок» тебе, алкаш с перегаром? Но сейчас не то время.

Обернувшись к толпе, я с удивлением обнаружил что силуэт исчез. Исчезла и белоснежная белая маска, и широкая шляпа. Я вновь выгляжу как безумец, да и чувствую себя сумасшедшим параноиком.

А между тем толпа галдела, выпуская из виду ходящие запредельно близко опасные тени.

ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ

Глава 27 #язнаючтовысделалипрошлымлетом

Стояла непроглядная ночь, тьму которой освещали яркие звёзды. Тут, за городом они были намного ярче чем в самом центре. Окружённая густым парком местность не освещалась яркими фонарями, а значит была идеальным местом для любителей понаблюдать за звёздами и помечтать.

Но наша героиня таковой не была. Сопливые мечтатели, бестолково наблюдающие за звёздами – не её типаж. Уверенная и прямолинейная, всегда умеющей говорить в лицо людям то, что им положено услышать. Казалось, именно это и отталкивало её одноклассниц от общения с ней, а вовсе не склонность к алкоголю. О да, она подсела на него ещё с конца восьмого класса, с поводом и без поглощая его при каждом удобном моменте: отметив контрольную, день рождения её многочисленных кошек или начало масленицы. Сама того не понимая, она пила и медленно губила свою жизнь.

Жизнь, в свою очередь, разделилась на «до» и «после» первой бутылки. Как сейчас помнит, Арина – чёртова сука – пригласила её на день рождения подруги подруги, которая дружит с подругой играющего на ударных в инди-группе парня, в свою очередь общающегося с Ариной. Общением, правда говоря, это сложно назвать. Музыкант взмахивает

своими длинными волосами цвета осеннего каштана, улыбается улыбкой сошедшего с рекламы шампуня сёрфенгиста и абсолютно несмешно шутит. Арина навязчиво смеётся (бонус ей за актёрское мастерство) и мычит что-то в ответ.

На то день рождение она шла с чётким намерением потерять девственность с этим «обескураживающим», по её словам, парнем. Девственность то она потеряла, да вот только с другим. Напилась до состояния в народе называющегося «в стельку» и распахнула ноги, как врата в Эдем, первому попавшемуся выпускнику. В тот месяц у них был особый тренд соблазнять восьмиклассниц, сраные педофилы. Они, говорят, даже какой-то замудренный счёт вели: по два очка за поцелуй, семь за секс. Но это, опять же, сплетни.

Парень из инди-группы тем временем клеился к Инге: взмахнул волосами, растянул свою пасть в улыбке сёрфенгиста. Несмотря на бытовавшее в школе мнение, Инга нравилась мальчикам. Соблазнительные формы, дерзкие холодные взгляды, пухлые губы и яркий макияж (по праздникам). Тогда, впервые, парень протянул первый в её жизни стакан пива, и понеслось. Арина, узнав как беспощадно подруга отобрала её желанного музыкантишку, распустила головокружительные сплетни об алкоголизме Инги. Теперь, вся южная школа при виде девушки строит из себя святош, обходя несчастную алкоголичку десятой дорогой.

Да и, собственно говоря, всё равно, пусть катятся к чертям. Верный собутыльник у неё был, она как-то перебива-

лась. Дима нормальный пацан, но лучше бы он был геем. После каждой выпитой бутылки он сразу же начинает лезть к Инге со своими намёками. В ответ же приходится хлопать ресничками и изображать искреннее непонимание. Френдзона порой страшная вещь.

Дима умел поддержать и выслушать, хотя сама Инга другом его не считала. «Да так, знакомый алкаш» – отвечала она всем, кто интересовался взаимоотношениями девушки с парнем с длинными волосами.

Но и их так называемая «дружба» закончилась два месяца назад, после крайне трагического случая. «Ты меня шантажировала, красноволосая дрянь», а она ему такая «Да чё ты гонишь, я просто защищала себя», а он ей «Ищи себе нового приятеля для бухла, я в завязке», а она ему типа «Ну и найду, у меня целый кастинг на собутыльника». Ну и хрен с ним. Люди, вместе закапавшие труп рано или поздно сойдутся. Наверное.

А собутыльника, между прочем, она так и не отыскала. Бухала одна, как старая никому не нужная алкоголичка. Даже её бар изменился – сплошь красное вино, от одного лишь вида которого уже желудок сводит.

Инга всё лето и начало нового учебного года не выпускала из рта электронную сигарету «IQOS”. Нет-нет, что вы! Она ни в коем случае не переживала из-за своего здоровья, просто от электронки чувства гораздо круче: кружит голову, выворачивает кишки, в носу задерживается кайфовый хвой-

ный аромат.

Идя домой по узкой просёлочной тропе Инга, как всегда, дымила. Лёгкий прозрачный пар вздымался в ночное небо. Девушка провожала его взглядом, порой начиная реветь, порой неистово смеяться.

Зайдя домой она сразу же получила от пухловатой матери, как всегда ужасно пахнущей испорченной свининой, будто она работает в мясной лавке с утра до ночи. В самой хреновой мясной лавке. Но на самом деле она бухгалтер, каждое утро ездивший в центр города на свою ненавистную работу. Жалкие копейки за ещё более жалкую не потную работёнку: приходишь в девять утра в забитый крысами офис, садишься пухлой задницей на старое кресло и без остановок проверяешь почтовый ящик, когда нужно хамовито отвечая недовольным клиентам. В восемь возвращаешься домой, берёшь двухлитровую бутылку колы, палку колбасы и заливаешь недовольство ужасной жизнью тонной сахара и холестерина.

А также спирта.

По старой привычке, маман была под газом. Причём под таким, что она шаталась, открывая дверь дочери.

– Опять лазила со своими го-о-ондонятами?! – недружелюбно спросила она у дочери, с удовольствием протягивая выдуманное слово.

– Да, именно с теми самыми гондонятами – уверено ответила она. Труп парня, которого она толкнула на острые вет-

ви в июне забрала скорая прямо на её глазах. Правда, о которой ей почти удалось забыть всё же всплыла наверх. Вместе с вечерним ливнем. Как такое может быть? Так глубоко закопанный труп просто оказался на поверхности? – На самом то деле, моя глубоко НЕ уважаемая маман, моего одноклассника нашли мёртвым в яру «Дубового».

– Твою мать, этот поганый городишко неисправим. Я ещё давно говорю что в этом захолустье творится что-то не то.

Пройдя на свою маленькую кухню, девчонка почувствовала как в кармане облегающих джинс завибрировал телефон.

Достав его, она обнаружила что звонил аноним. Хм, кто бы это мог быть?

– Алло – строго ответила она. Инга всегда так отвечала на звонки: никакого вопроса, никакой любезности. Лишь сухое, громкое и дерзкое «алло», напоминающее лай собаки.

– Привет Инга – ответил голос, напоминавший мужчину в возрасте.

– Откуда Вы знаете моё имя? – удивлённо ответила Инга, не узнав голоса. Дедушка, единственный обладатель подобного голоса, умер два года назад.

– Я знаю что ты натворила в этом июне – тихо ответили на другой стороне линии.

– Ты ещё что за хрен с горы? – агрессивно крикнула она в трубку, оглядываясь, чтобы маман не заметила её разговора.

– Рекомендую не хамить, юная леди – рассмеялся он – Я достаточно устал, после того как всё утро раскапывал моги-

лу в яру. Хочу сказать, что вы с дружком прекрасно постарались. У вас получилась достаточно глубокая яма.

Инга была в ужасе. Все таки кто-то узнал о том, как она бесчеловечно похоронила своего одноклассника.

– Что тебе нужно? – крикнула она в трубку, не обращая внимания на подкативший к горлу ком.

– Хм, а я, похоже, упустил момент когда мы с тобой перешли на «ТЫ» – рассмеялся пожилой мужчина.

Инга отбила звонок и отбросила телефон в сторону. У неё закружилась голова. Её тошнило. Что с ней будет дальше? О нет, все узнают. Узнают о том как она толкнула того парня на острые ветви. Как бросила клочок сырой земли на его труп. Ей нужно подышать. Её сейчас вырвет.

Благо она жила в частном секторе, с небольшим, но уютным двориком. Раньше тут было очень даже мило, пока её мать не спилась и не забросила дворик. Он плотно зарос сорняками и мхом.

Облокотившись о дерево Инга отдышалась и стала размышлять о том, что будет делать раньше. Может сбежать из города? Повесится? Нет, это путь слабачки.

Инга услышала хруст ветвей сзади, после чего резко обернулась:

– Мама? – растеряно спросила она, всматривавшись в темноту.

Ответа не последовало. Наверное почудилось.

Она посмотрела вверх, рассматривая звёзды. Может быть

так делают не только сопляки? Ведь ей и правда становилось легче. Страх уходил куда-то. Дышать стало свободней.

Ну вот, опять телефон в кармане завибрировал. Она с ужасом достала его оттуда, и обнаружила что звонил Аноним.

– Алло – трясущимся голосом ответила она.

– Если скажу что рад тебя слышать – совру – ответил тот же старый голос.

– Скажи, кто со мной говорит?!

– Если хочешь знать, Мистер V – деловито ответил голос.

Инга рассмеялась:

– Мистер V? А почему не Господин Y или Сударь Q?!

Собеседник замолчал

– Предлагаю сыграть в игру – подумав ответил Мистер V – Угадай, с какого ракурса я наблюдаю за тем, как ты говоришь со мной, держа телефон в правой руке.

Инга с ужасом стала осматриваться. Но вокруг никого не было.

– Ты хочешь меня испугать, старый мудак – агрессивно выпалила она.

– А таким тебя напугаешь? – рассмеялся она. Вдруг, сверху, в метре от Инги упала большая лопата, такая же, которой она закопала бедолагу. Ту лопату она запомнит на всю жизнь.

Инга завопила. Завизжала так, что её крик раздался на весь район.

Мать тем временем сидела в ванной, и одев наушники

громко выкрикивала слова песни «Vogue” Мадонны.

«Let your body move to the music» – горланила она, раздувая воздушные пузырики в воде ванны.

Инга принялась бежать к двери дома. Обернувшись, сзади себя она увидела силуэт в непроглядной чёрной мантии и жуткой белой маске, на которой был изображён широко улыбающийся дедуган.

Холерически пытавшись тянуть за дверную ручку Инга с ужасом понимала, что её заклинило. Она громко стучала, кричала но её Мама не слышала.

«C’mon, Vogue» – пела она.

Из-за спины силуэт внезапно достал остро наточенный деревянный кол. Увидев это, Инга отбежала влево. Она была в заперли в своём дворике. Псих перекрыл ей выход. Она пыталась кричать из последних сил, но никто не слышал. Неожиданно, она почувствовала невероятную резкую боль. Кол проткнул её спину и вылез через живот. Она могла наблюдать за тем, как острое дерево выходит из её красивого живота. Именно так погиб её одноклассник, которого она толкнула на острые ветки. Сейчас она могла наблюдать за своей смертью.

Всегда уверенная и дерзкая, этой ночью она была сломлена. Умерла жалкой, беспомощной – для неё это было самым страшным.

Незнакомец понес её тело, насаженное на кол к стене дома, вставив его прямо туда и оставив Ингу висеть на нём и

наблюдать за своей смертью.

Пальцами, одетыми в тёмные перчатки, он взял капли крови с живота Инги, и ею на стене написал огромную, алую латинскую букву “V”.

В «комнату барби», выкрашенную в выедающий розовый цвет, медленно пробрались первые солнечные лучи. Они осветили небрежно брошенное на стул платье в серебристых паетках, лежащие в метре друг от друга белоснежные кеды от Армани и небрежно брошенную как мусор сумку от «Chanel”. Небольшими шагами пробираясь дальше, вглубь комнаты, солнечный свет осветил зарывшуюся в воздушное белоснежное одеяло девушку. Пощурившись и пробурчав под нос парочку недовольных высказываний вроде «Чёртово солнце», «ненавижу этот клятый свет», Каролина поднялась и села на краю матраса, в ширину равному росту двух поставленных друг на друга карликов.

Золотые волосы свисали вниз, переливаясь в лучах как фонарь, одиноко стоящий посреди ночной улицы.

Должно быть, это первый раз в жизни, когда она рада понедельнику. Разъясним сразу: понедельник – день страха, ужаса, печали и грусти. День, призванный напомнить после окрашенных в блеск фейерверков выходных, насколько всё же жизнь монотонна и бессмысленна. Встать с теплейшей мягчайшей кровати это найстрашнейшая экзекуция из ныне существующих, а заставить себя выйти из дома и пойти в

школу – подвиг, которому бы Геракл позавидовал.

Дело становиться хуже, когда каждый ученик огромной школы имени Дилана Грина считает тебя своим врагом, даже совершенно незнакомые люди.

Какой-то умник из одиннадцатого класса (в нём, если что, учатся одни чмошники) запустил свой вариант «Подслушано» в инстаграме. Во первых выбор социальной сети очевидный провал. Ну кто же делает блог сплетен в Инстаграм? Во вторых, его короткие ролики занимающие несколько секунд абсолютно бездарны. Новая рубрика под названием «За что мы так ненавидим Каролину» вообще полная лажа.

«Я считаю что Каролина характеризует собой всё, что так противно обществу. Двуличие, хулиганство, беспорядочные половые связи…» – Гита, эмигрантка из Индии, президент литературного кружка. Поклонница Джейн Остин, наизусть знает все высказывания Рузвельта.

«Я ставлю за обязанность, как президент школы, защитить каждого ученика от влияния, этой… Прости Господи… Девушки. Наша страна должна устранять подобные проявления невежества на корню!» – Аларик, Нигериец по национальности, но ведёт себя как самый омерзительный, консервативный и чопорный белый. Не смотря на то, что он президент школы его недолюбливают и чернокожие избиратели, и белые, и азиаты. Говорят, по блату занимает эту, несомненно, «важную» должность.

«Каролина… Ах, Каролина… Если ты посмотришь это

видео, то вот тебе моё послание – гори в аду» – Елизавета, лучшая подруга Кэр в восьмом классе. Когда девушка полностью растворилась в общении с компанией «мажоров», Елизавета возненавидела её всем сердцем. Стоя посреди коридора у кабинета информатики, она жуёт жвачку и ловит одобрительные взгляды как плюсы к своей карме. Под видео подпись: «Кто согласен со словами Елизаветы ставьте «+» в комментах». Комментариев 150 и все идентичны.

Но самое удивительное в этой ситуации вовсе не реакция школы, а реакция Каролины на все их гневные слова. Пританцовывая под новую песню Арианы Гранде, девушка подошла к зеркалу и занялась макияжем.

– Хм-м-м, как же красятся самые заядлые шлюхи? – спросила она у своего отражения, нанося тональный крем. Следом лицо украсила алая губная помада, тёмная подводка и тушь. Расчесав длинные волосы, она подмигнула самой себе.

Весь негатив, желчь, грязь пролетали мимо, не задевая золотую голову. Плевать, что они говорят, самое главное что никогда в жизни Каролина ещё не была настолько счастливой. Дни стали бесконечными, ведь с ним она запоминает каждую миллисекунду в деталях: его любящие взгляды, повороты головы, ненавязчивые движения. Она погружается в Валентина, скрывается в нём от грязи, шумихи и волны осуждения. С ним это всё ей чуждо.

Она открыла гигантский розовый шкаф.

– Так, что тут у нас самое шлюховатое?

На вешалках, как коровы на скотобойне, теснились десятки платьев, кофт и рубашек. Снизу, словно королевская армия, выстроились каблуки, сандалии и кеды. Это лишь часть гардероба Кэр, всё остальное висело в общей с родителями комнате: просторном и пахнущем новым ароматом «Gucci" гардеробе, оформленному по сдержанному, но весьма хорошему маминому вкусу. Освещение там она выбирала «кремово-приглушенное». В свете таких ламп кожа кажется гладкой, ни одного прыща не увидишь. Зеркала во всю стену исключительно стройнят, добродушно забирая пару килограмм. Каждую полочку с обувью Валентино, Версаче и Александра МакКуина освещает отдельная лампочка. Кензо и Москино считается второсортным и запрещённым в гардеробе семьи Каролины непотребством. Зара сжигается, как книги в романе Брэдбери.

Сейчас Каролина замерла у красного корсета, вывешенного у комбидресса от «Луи». Неизвестный для девушки дизайнер сшил, должно быть, самую вызывающую и яркую вещь, попадавшуюся на глаза за всю карьеру страстного шопоголика со стажем. Приятный на ощупь бархат, кружевные цветы, скрывающие грудь. Да это разорвёт их всех на части!

Эту, возможно слегка пошлую вещь, Каролине на шестнадцать лет подарила Алина. Она ездила к дяде на день благодарения в Нью-Йорк, где оббежала пороги всех модных домов. Выбрав самое вульгарное и дорогое, она решила подарить это лучшей подруге: «После шестнадцати никто и не

возразит, если ты оденешься как дешёвка» – протянув обёрнутый в блестящую тёмную бумагу корсет Алина хмыкнула и дерзко зашла на вечеринку в пляжном стиле.

Родители бы на сто процентов не оценили подобный наряд, но сейчас их мнение – самый бессмысленный звук во вселенной. Как недавно во время ужина выразился папа – «Ты для нас умерла!», а разве важно что надевает на себя мёртвый?

Последним штрихом в образе под названием «атомная бомба быстрого действия» стали багровые кожаные туфли «Polini”. Каблуки выше чем цирковые ходули. Раз мы уже начали мерять высоту в поставленных друг на друга карликах, разъясним: эти туфельки, в отличии от предыдущего примера, как три поставленных друг на друга карлика.

Каждый шаг по мраморной лестнице отдавался жутким грохотом по всему особняку, поэтому к появлению дочери родители оказались готовым.

Увидев Каролину, мать выпустила ложку с овсяной кашей на соевом молоке из рук.

Нет, всё же не готовы.

Молоко расплескалось по дубовому столу. Мать высказала возмущение первой. Подправив шёлковый халат цвета панна-коты она воскликнула, настолько громко, чтобы привлечь внимание отца, читавшего новости в телефоне:

– И в этом ты пойдёшь?

– Я тоже в восторге, скажи ослепительно! – саркастично

ответила Кэр, слегка неловка покрутившись на каблуках, дав матери рассмотреть броский корсет во всей красе.

– Нет, юная леди, ты не можешь так идти – вставил свои пять копеек отец.

– Поддерживаю тебя, дорогой – взглянула на главу семейства мать, услужливо схватив его за крепкий кулак – Небось вырядилась так для своего нового увлечения. Как его там? Василий? Ва-....

Хлопая длинными как метла ресницами мать лишь прикидывалась. На самом то деле она давно выучила имя парня, его биографию и в деталях изучила каждую злобную сплетню о его персоне.

– Валентин – недовольно обрезала Каролина, скрестив руки на груди. Стараясь сдерживать себя в руках она делала глубокие вдохи, отвлекая себя приятными мыслями. Точнее одной самой приятной мыслей.

«Скоро я встречу его, скоро встречу…»

В затхлом домашнем воздухе перемешался неуловимый запах кофе, аромат свежих лесных ягод, которыми папа присыпает овсянку. Черника, клубника, голубика, малина лежат на тарелке, сложенные в аккуратную башенку. Даже на их столе всё должно быть выверено до мелочей настолько, чтобы самый придирчивый перфекционист мира не подкопался.

– Неважно как его зовут. Гораздо важнее, как смотрел на меня Владислав Андреевич во время нашего разговора. Ты знаешь этот взгляд, Каролина? «Вы никчёмная мать» – вот

как он называется. Я просидела в его офисе ломанный час, и за этот ломанный час утомилась слушать истории про его сыновей. Но факт в том, что они никогда не позволили бы такое распутство. И сейчас один ученик Стэнфорда, а другой корейского института изучающего криптовалюты. Считай, уже миллионеры.

– Мам…

– Не перебивай! – буркнула мама, указывая серебрянкой ложкой на дочь. Если присмотреться, можно увидеть инициалы: «LD”, выгравированные искусным заковыристым почерком – Ты плюешь на нас и на наше мнение, и мы с отцом считаем справедливым, если рано или поздно мы наплюём на тебя. Готовься, Каролина. Прийдёт пора выбора между красивой жизнью и недоразвитым нищим бандитом. Знаешь ли ты, в чём его обвиняют? Говорят он самый настоящий…

– Кто? Маньяк? Садист? Психопат?

– Ты сама всё знаешь! Так ответь, почему ты оделась как…

– Куртизанка?

Мать сдержанно кивнула.

– Проститутка? Шлюха?

У отца голубика стала поперёк горла. Кашляя, он отводил глаза от дочери, будто она стояла перед ним совершенно нагая.

– О, мамуля. Люди хотели видеть такую Кэр, люди её и получили.

Взмахнув волосами она отправилась к выходу. Родители оставались в полном недоумении и молча продолжили завтрак. Где-то минут через пять молчание решилась прервать мать, предложив отцу отправить девушку в элитный британский пансион.

– Дочь моего партнёра по холдингу в Лондоне убила себя в одном из таких. Вены резала. Говорят, наркотиками увлекалась и в депрессию впала. Я, всё же, хочу видеть перед собой живую дочь…

– Живая не живая, она нам испортит всё! – вскрикнула женщина – Всё, что мы так долго копили, зарабатывали будет слито в унизят благодаря её равнодушию и тому лысому ублюдку!

Солнце влетело в коридор через пышную парадную дверь, ослепив девушку. Сощурившись, она вышла за порог и улыбаясь протянула руки к небу. Никогда ранее в жизни она ещё не была такой свободной.

Прекрасное чувство, когда ты шлёшь подальше мнения посторонних и выглядишь как считаешь нужным.

Достав телефон из сумочки, Каролина записала снап:

– Доброе утро город! Прекрасный день для новой жизни, вы так не считаете? Убийства, стресс… Нам всем нужна встряска! И начинать свою новую жизнь я хочу к важного обращения к вам всем. Пошли вы все нахуй! – алые губы послали соблазнительный воздушный поцелуй в камеру – Хо-

рошего дня, милашки.

«Быть сучкой тебе к лицу» – в ушах зазвучал голос Алины. Как же она была права…

Направившись к гаражу, девушка засекла тёмную тень под высоким фонарным столбом. Она подняла руку и добродушно помахала, а у Каролины замерло сердце.

Его появление сродни новому виду удовольствия, кайфа: к такому быстро привыкаешь и желаешь незамедлительно получить добавку. По коже начинают бегать мурашки, в животе всё перехватывает. В голове возникают странные, пьянящие фантазии, а сердце начинает стучать быстрее, то ли от волнения, то ли от счастья.

Валентин не изменял своему стилю, надев уже малость изношенный костюм адидас и убитые, жаждущие отправиться на покой кеды.

Парень не сдерживал восторга при виде девушки. Он позволял довольной улыбке проникнуть на своё лицо, прогонял напыщенную уверенность и сдержанность. Она его расковывала, разоблачала. Возможно, с ней он не был собой настоящим, как поётся в многочисленных песнях мальчиковых поп-групп. Он становился намного лучше.

При виде его лица в памяти Каролины прояснились несколько обрывков снов с участием Валентина. Он стал первым человеком, не отпускавшим её даже во время ночных грёз. Первым реальным человеком, с которым она увидела эротический сон.

Теперь эти сны повторялись каждую ночь. Иногда тревожные, иногда приятные. Иногда она откидывала одеяло и вскакивала в холодном поту. Иногда она нехотя продирала глаза, желая видеть это ещё и ещё.

Порой вспоминать свои же сны было стыдно. И индейский ловец снов, купленный на экскурсии в Аризоне, не помогал.

Валентин, даже не оглядываясь, перебегает дорогу.

Каролина вспоминает сегодняшний сон: она сидит на стуле перед зеркалом и внимательно разглядывает своё отражение. Длинные светлые волосы, укрывающие плечи как одеяло, бледная кожа, пухлые губы, всё переливается и искрится яркими звёздами. Она выглядит будто упала с ночного неба – холодной и неземной.

В окно стучатся. «Тук-тук-тук». Она подскакивает со стула и без лишних раздумий распахивает форточку. На подоконник вылазит Валентин, заключая девушку в своих объятиях.

Он обходится с ней как с половой тряпкой: вцепившись в плечи толкает из стороны в сторону, при этом покрывая тело миллионом поцелуев. Он груб, бесцеремонен, а она и слова вымолвить не может.

Парень толкает её на кровать, наваливается сверху и продолжает начатое. Сжимая её руки, он медленно царапает запястье Каролины. Ногти выпиваются в кожу всё глубже, алая кровь капает на белоснежное одеяло. А он, между тем, и не собирается останавливаться. Всё азартнее сжимает её ладо-

ни, крови становится больше, кровать окрашивается багровый.

Оглядываясь по сторонам, девушка с ужасом понимает, что лежит в крови, как труп в старых детективах.

«Обворожительная блондинка найдена на кровати в своём особняке мёртвой»

Самое страшное в этом сне, что ей нравилось. Она дрожала, боялась, ужасалась вида крови на отдала бы всё, чтоб этот сон продолжился.

Но она трусливо подскочила, чуть не пробив головой балдахин, и прервала столь приятный сон глупым страхом.

Валентин, перейдя дорогу, подходил всё ближе к дому. Белые кеды уверенно шагали по выложенной камнем дорожке.

– Доброе утро, кого ты ждёшь? – кокетливо улыбаясь спросила Каролина.

– Да так, одну ослепительную блондинку.

– Может я могу тебе помочь?

– Да, наверное. У неё ослепительные пухлые губы и очаровательная улыбка. Каждый раз, когда она улыбается моё сердце начинает биться быстрее. А когда смеётся, сердцебиение и вовсе прекращается. Ещё она очень искренняя и забавная, когда волнуется начинает мило грызть ногти.

– Грызть ногти? Ты уверен что твоя блондинка грызёт ногти?

– О да, она, может быть, даже и не замечает. Короче, ес-

ли бы ты её увидела то непременно запомнила – она самый красивый человек вселенной.

– У тебя есть такая красивая знакомая блондинка, и ты нас не познакомил? – Валентин рассмеялся – А про «сердце биться чаще» ты в «Сумерках» подсмотрел? Скажи честно? – хохотнула Кэр, подступая к парню ближе.

– Ненавижу «Сумерки» – строго оборвал он.

– Брось, ненавидеть Сумерки это мэйнстрим прошлого века. Все критики доказали, что первая часть прекрасный с точки зрения кино фильм.

– А книга так и вовсе, прямой конкурент Толстому и Достоевскому – буркнул парень.

– «О, Эдвард, почему ты не можешь прочесть мои мысли?!» – театрально вздыхая начала Кэр.

– «Белла – низким голосом заговорил Валентин – Потому что ты думаешь лишь обо мне на протяжении всей книги, из-за этого она невыносимо скучная как и фильм»

Сквозь смех Кэр вскрикнула:

– Ты всё-таки читал их! Я так и знала! Опаснейший гопник города читал «Сумерки»!

– Нет… Нет я просто…

– Ничего не говори! Из тебя безумно крутой Эдвард. Это могло бы стать революцией в мужской моде: на место модной длинной шевелюры смазливого вампира пришла лысина.

Засмущавшись, Валентин опустил глаза вниз. При этом он всё ещё продолжал смеяться, не в силах остановится. И

вроде бы шутка была не самой смешной, но смех исходил изнутри, из горла, из груди, из сердца.

– Я, вообще, хотел тебя в школу отвезти. После того, что случилось с тем парнем я очень боюсь за тебя, Кэр.

Осмотрев дорогу в поисках средства передвижения Валентина Каролина заметила старый синий грузовик.

– Это твоя машина? – с удивлением спросила она.

– Да, старенький пикап «Форд». Он стоял неработающий на местном СТО. За месяц с лишним я с парнями практически полностью его починил. Сейчас он конечно, далёк от идеала, но зато заводится.

Внутри грузовик оказался вполне себе уютным, и даже дурные посторонние запахи не ранили ноздри. Устоявшееся годами клише (в машине у парней-подростков пахнет омерзительно) было развеяно. Под ногами не обнаружилось жирных кусков пиццы, на сиденьях не висят грязные носки и потные футболки. Слава Богу.

Каролина с раннего детства очень восприимчива даже к самым мельчайшим ароматам. Будь то безвкусный приторный парфюм подруги, посторонний запах в холле отеля «Мариотт» или зловонная мусорная урна на соседней улице – в этом плане девушка была на уровне Гренуя из «Парфюмера».

«Пауки Сумрака» она обходила десятой дорогой из-за специфического запаха: сладковатая карамель смешивается

с жиром жарящихся на десятках литров прошлогоднего масла котлет для бургеров. Ребята часто над ней насмехались, когда она входила в дорогой бар в центре города и морщила носик. Оказывалось, что кто-то отравился, и не добежав до благоухающего розами туалета вырвал прямо в зале, испортив аппетит десяткам представителей высшего сословия.

Мимо мужской раздевалки Каролина проходила крепко стиснув нос двумя пальцами. Разнообразие царящих там ароматов не передать словами – и пот, и гормоны, и чей-то грибок… Парни, толпящиеся там у ржавых железных шкафчиков для неё были недомытым стадом грязных баранов. Ржущих, кричащих, бушующих. Стоило лишь слегка разжать пальцы, как зловоние едкой отравой проникало в глубины носа.

Женская раздевалка тоже была не самым приятным местом. Девчонкам с запахом пота, что сказать, повезло больше. Но и они далеко не все пахнут ароматами «Guerlain”. Некоторые забивают болт на гигиену и не моют свои длинные патлы неделями, «свитера» так вообще, не снимая своих массивных кофт сутками маринуют себя заживо. Когда они раздевается, перед физкультурой, во всей комнате начинает царить удушающий запах женского пота. Именно что «удушающий».

Но в этом старом грузовике из посторонних запахов можно было различить разве что пыль. Освежитель, болтающийся как маятник под зеркалом, придавал запаху авто нотки

хвои, будто недавно кто-то перевозил в нём гигантскую ель.

Сзади грузовика красовался просторный прицеп, в который можно уложить с десяток оленьих шкур, как например.

«ОМГ, Кэр, что с твоей фантазией?»

Она представила Валентина в чащобе леса с винтовкой на перевес. Рубашка в красную клетку расстегнута, пытаясь спасти потное тело от жары, джинсы порваны на колене после схватки с злобным диким медведем. Но её отважный парень без сомнений вышел победителем.

О всём этом она грезила смотря за тем, как он сосредоточено ведёт автомобиль. С аккуратностью ювелира он обогнала тащившийся с черепашьей скоростью спереди “Renault”. Ощущение, будто в старом грузовике он перевозит атомную бомбу, а не свою девушку. При этом он успел рассказывать как сильно переживает за Кэр.

– Я знаю, ты сейчас в эпицентре всеобщего внимания, и это может навредить…

Но она улетала в дикие чащи леса, не слушая его речи. Они вдвоём, на охоте. Он учит её стрелять, подходит сзади и крепкими руками направляет винтовку, дышит ей прямо в спину. Перед ними громадный олень с рогами, напоминающими лысые ветви.

«У тебя, однако, странная фантазия, Кэр»

Приоткрыв окно, Кэр впустила свежий воздух в машину. Они как раз проезжали очередной небольшой кусок «Дубового», закончившийся так быстро, как и начавшийся.

– Весь город думает что к убийству причастен я и мои друзья – с горечью начал Валентин, сжимая руль как горло ненавистного человека в фантазиях. Он говорил так, будто выдавливал каждое слово через силу. Будто каждый слог причинял боль, но он пересиливал себя и скрипя зубами продолжал – Они уверенны, что мы просто ради забавы расчленили бедолагу. За прошлые выходные мне написали миллионы фэйков в Фейсбуке. Они клялись что убьют меня, при этом описывая момент моей смерти в мельчайших подробностях. Писали что отец больше не поможет, что правосудие восторжествует. Это уже больше чем ненависть.

Каролина аккуратно положила ладонь на колено парня. По его телу фонтаном прошлось тепло.

– Они скоро поймут, как сильно в тебе ошибаются, вот увидишь. Правда всплывает на поверхность, и когда настоящий убийца будет пойман они все пожалеют о своих словах.

– Как бы уже поздно не было – отрезал Валентин – Жалеть.

Перед глазами стояли напуганные глаза Виктора. Парень не был в состоянии пошевелится, даже слова ему давались с болью. Он лишь протяжно мычал, стонал, выплёвывал кровь. Поднимая глаза вверх он умоляюще смотрел на Валентина. В том взгляде читалась отчаянная мольба: «Прошу, делай со мной всё что хочешь, лишь больше не бей».

«О да, Валентин, разве не ради таких взглядов ты живёшь» – шептал безумный голос в его голове. Смотря на до-

рогу парень старался прогнать его, выгнать из головы, но он продолжал ядовито смеяться и нашёптывать – «Его взгляд, полные ужаса глаза. Это было прекрасно…»

Валентин включил радио одним резким нажатием на скрипящую прямоугольную кнопку. Шипя заиграла кантри-радиостанция, сквозь помехи прорывалась песня «Florida Georgia Line”. Крутя колёсико он делал громче, противное шипение действовало на нервы, но голос заглушался.

– Ты в порядке? – озабочено спросила Кэр, продолжая держать его за колено.

– Музыки захотелось.

Всё, что он помнил с пятничного вечера – ни жалость, ни сожаление – чистая, съедающая все эмоции агрессия. После того как Виктор плюнул хотелось превратить его лицо в кровавое месиво, сломать каждую косточку, одну за другой, вырвать его грязный язык.

Но он не делал этого.

«Признайся, Валентин, соблазн был велик. Ты бы сам с удовольствием распахнул его челюсти, взял грязный язык в ладонь и как…»

«Заткнись!»

«Его кровавое лицо доставляло нам наслаждение. Тебе и мне. Помнишь как ручьи стекали по его кофте, окрашивая её в клубничный? М-м-м-м! Это было прекрасно!»

«Замолчи! Замолчи!»

«Расскажешь своей девчонке о тех эмоциях. Может быть

она разделит твоё…»

«ЗАКРОЙ СВОЙ РОТ, БЕЗУМЕЦ!»

Отвлечься, думать о чём-то совершенно другом. Не пропускать этого паразита в голову. Чем дольше он там пробудет, тем сложнее будет от него избавится.

Валентин выглянул в окно. Они проезжали мимо заколоченного досками магазина покойной МаМа. Невзрачный фасад тесной коробки начали обрисовывать безвкусные художники стрит арта, внутрь должно быть уже пробрались бесчисленные скваттеры.

Район тянулся мимо множеством рассыпанных по лысому лугу серых домов, похожих один на другой. Казалось, эта серость и монотонность не закончится, она бесконечна, весь город такой – однообразный и угрюмый. Но впереди вновь показалась стена посадки, ровная как выбритый висок причёски хипстера-перфекциониста.

Приближаясь к последнему дому-коробке района, он заметил белоснежный силуэт стоящий рядом с ним. Длинные волнистые блондинистые волосы спадали на спину, аккуратные тонкие ручки расправляли белое платице, укрытое пятнами.

– Ты знаешь её? – указывая пальцем на девчонку обратился Валентин к Каролине.

– Я первый раз её вижу – растеряно ответила Каролина. О новом жителе в городе горожане узнавали сразу же, в пределах пяти минут. В Твитере был закрытый аккаунт, публи-

ковавший информацию о каждом приезжем. Слегка ядовитый и предвзятый. Они выставляли фото нового жителя и добавляли едкий комментарий. Отца Влада, например, они в первый же день наградили титулом «короля паркинга» после его неудачной парковки у супермаркета.

Но о странной незнакомке там никто не писал. Скорее всего, саркастичные создатели аккаунта сразу бы обратили внимание на грязное платье и безумный взгляд.

Блондинка недвижимо стояла у дороги, с безумной улыбкой осматривая проезжающий мимо грузовик.

– Она выглядит как сбежавшая из дурдома – испуганно пробурчала Каролина – Ты только посмотри как она на нас смотрит! Жуть!

– Ладно, девочка улыбается. Что тут необычного? – Валентин нажал на педаль газа сильнее, после чего грузовик помчал прочь, влетев в посадку и растворившись в бесконечной череде сосен.

Загадочная блондинка медленно вышла на обочину и продолжала смотреть парочке в след. Такие симпатичные, глаз не оторвать. Она уже видала их ранее, у них было свидание и они пробирались через лес к бассейну местного богача.

Красивые, свободные, живые. Эффектная блондинка и мужественный крепкий парень. Как они смотрят друг на друга, как любят, просто прелесть!

Наблюдать за жизнью сверстников одно из любимых дел девушки. Тут, вообще, выбор дел не велик: или скитайся без

дела по парку, или мерещись малым детям и пугай их злобными взглядами, или изучай жизнь и интересы ребят твоего возраста.

Ну как, твоего возраста. Девчонке скоро стукнет семьдесят, а она навечно останется сверстницей шумных, своенравных подростков. Они будут взрослеть, создавать семьи и умирать, а она будет изучать новое поколение, его тренды и моду. Занимательное занятие!

Продолжая мечтательно смотреть в след уехавшему грузовику, блондинка начала кашлять. Громко, надрывисто, хрипло. Отвратительное чувство. Внутри ползают сотни маленьких проворных червей. Они щекочут внутренности, выедают органы и копошатся в кучах.

Кашляя и задыхаясь, девушка выплюнула на ладонь толстенькую белую личинку. Она копошилась суетливо виляя хвостиком в разные стороны, будто желая стряхнуть налипшую на неё слюну.

Девушка с умилением взглянула на насекомое, с улыбкой произнеся:

– Полезай-ка обратно, малыш – поднеся ладонь ко рту она закинула личинку в рот и без лишних раздумий проглотила.

@dilangrin_podslushal

«Итак, в продолжении нашего вчерашнего живого социального вопроса затрагиваем новенькую тему: наша богатенькая звёздная company. Что же обычные ученики думают

о недоступных звёздах?»

Катя, 16 лет. Играет на флейте в оркестре. Создательница первого фан-клуба Андрея.

«Вы видели новую причёску Андрея? Многие говорят, что она отстой, но эти люди просто застряли в прошлой эре. Она СНОГСШИБАТЕЛЬНА. Послушайте, это то, что нужно каждому брутальному мужчине»

Виктория, 17 лет. Гот, автор многочисленных фанфиков по «Американской истории ужасов» и криппипаст на оригинальные сюжеты.

«Мне кажется что они прикольные. Нет, народ, вы только вдумайтесь: эти ребята делают модной каждую вещь, к которой прикасаются. Помню как весь город был одержим идеей что все наркоманы это отбитые выродки, но после слуха о том, что компашка мажоров порой курит травку и нюхает все резко притихли. Говорит о многом, согласитесь?»

Марина, 15 лет. Первый год в школе, до этого училась на домашнем обучении из-за сахарного диабета. Страдает ожирением.

«Я… я… (заламывает руки) я видела их вчера в церкви. Хотела подойти и сказать что мне нравится новая причёска Андрея но (тяжело дышит. Закрывая глаза бормочет) не смогла…»

Алекс, 17 лет. Президент школьного клуба кёрлинга (самого маленького школьного клуба) состоящего из трёх человек.

«Они мне омерзительны. Именно такие, как эти, извините меня… твари… сводят сума всю школу своими вульгарными фотками и вызывающим поведением. Я не ханжа, но они же делают всё, чтоб их ненавидели»

Алекса, 17 лет. Третье место на городском конкурсе красоты.

«Мне, вообще говоря (внимательно смотрит на себя в зеркало и продолжает красить губы розовой помадой) жаль Алину. Какой бы она не была, никто не заслужил подобных мучений»

Елизавета, 16 лет. Подруга Алексы, занявшей третье место на конкурсе красоты.

«Шутишь?!? Как раз таки эта конченная сука и заслужила! (сидит на раковине и активно жестикулирует) После всех издевательств, что изрыгнул её грязный рот на окружающих она наконец поймёт, что мир круглый. Слышишь ты (поворачивается к камере и агрессивно смотрит в кадр) Али, чёрт бы тебя побрал, надеюсь ты наконец поняла, что такое – мучатся»

Алекса, 17 лет:

«Да уж, карма такая сука»

Том, 16 лет. Эмигрант из Вьетнама, но ведёт себя как недалёкий американский спортсмен. Баскетболист. Разговаривает без акцента.

«Макс забросил охренительный трёхлчковый на прошлой игре. Клянусь, собственными глазами видел. До кольца мет-

ров десять было, не меньше. Сам Джордан такому броску бы позавидовал»

Дима, 17 лет. Баскетболист.

«Хрень это всё, пацаны. Он на стероидах плотно сидит.»

Борис, 16 лет. Латентный гомосексуалист и при этом заядлый гомофоб. Фанат Канье Вэста и новой школы рэпа:

(Нервно поколачивая автомат с колой) «Я видел у него в шкафчике порошок с креатином»

Все хором:

«Да чё ты рассказываешь? Трепло!»

Борис, 16 лет:

«Отвечаю парни! Он из них молочные коктейли делает. Немного порошка, молока и банана перемолоть в блендере. Макс так и делает, инфа сотка»

Дима, 17 лет:

«В таком случае, пацаны, если я буду летать в зале как он, то от таких коктейлей не откажусь»

Сюзанна, 15 лет. Носит оранжевые свитера, любит маленьких свиней, всех остальных живых существ ненавидит:

«Как, объясните мне как можно быть такой проституткой?»

Сара, 15 лет. Член христианского клуба, аспирант воскресной школы, цитирует библию на память:

(нервно оглядываясь) «Ты что, не говори такие слова в слух!»

Сюзанна, 15 лет:

«Девочки, вы меня конечно простите, но для того чтобы менять главных бруталов города как перчатки, нужно быть самой настоящей ШВАЛЬЮ!»

Екатерина, 16 лет. Анимешница. Коллекционирует мангу:

«Ты права, а ещё корчила из себя ангела. Милая блондиночка, невинно идущая на своих розовых каблуках Luis Vuitton и улыбающаяся каждому (совершенно несмешно пародирует походку и улыбку Каролины) никогда бы не допустила, чтоб о ней говорили как о заядлой шлюхе.»

Сара, 15 лет:

«Тихо девочки, прекратите говорить эти грязные слова! Помните что я вам говорила за цвет нашей ауры!» (Сара, последнее время, увлеклась йогой и буддистскими учениями. На все вопросы отвечает: «Отче не против любых моих интересов»)

Сюзанна, 15 лет:

«Смотри что она вчера выставила (протягивает телефон Саре, на дисплее фото со страницы Каролины. Блондинка стоит топлес спиной к камере, кокетливо оглядывается назад и прикрывает голую грудь руками. Длинные волосы падают к показательно выгнутой пятой точке, облачной в поразительно маленькие мокрые трусики. Сара шокировано ахает и качает головой)

Сара, 15 лет:

«Вот путанище! Если бы я выставила на аудиторию в 30 тысяч крупным планом свои сисяндры моя мать бы их ото-

рвала не жалея!»

Екатерина, 16 лет:

«Да у тебя там и выставлять нечего, ты доска ещё та» (подправляет самостоятельно выкрашенные в синий волосы и едко смеется)»

Сара, 15 лет:

«Закрой свой рот! Если ты нажрала бургерами из Мака жирные свисающие сиськи это не значит, что все вокруг доски! (толкает подругу и насупившись готовится к драке)

@dilangrin_podslushal:

“Социальный опрос показал, что к компании мажоров все относятся абсолютно по-разному. Восторженные отзывы чередуются к резко негативными. А как вы относитесь к столь спорным ребятам? Пишите своё мнение в комментариях и делитесь нашим аккаунтом с однокашниками»

– Да пошла ты! – кричала Сара, нависая над Екатериной как стена. Девушка обходила её в росте где-то на десять сантиметров. Екатерина, кстати говоря, была самой низкой из «свитеров».

Сюзанна восторженно наблюдала за подругами, и со стороны казалось будто она вот-вот захлопает в ладоши от радости.

На воюющих между собой девушек в разных ярких свитерах никто не обращал внимания. Это один из основных будничных элементов школы Дилана Грина, без которых сохранявшийся годами лад дал бы трещину: как песни чародеек и

каждодневный проход мажоров по коридорам. Всех гораздо больше заинтересовал новый снап главной сенсации последних дней. На нём она, вульгарно накрашенная, шлёт весь город на три буквы и посылает воздушный поцелуй.

После публикации короткого видел школьный коридор превратился в буйствующий океан. Приходящие на работу учителя никак не могли понять в чём же дело.

– Как она может? – прикрывая рты ронял каждый, пяля в телефоны растворяясь в жизни чужого человека. Осуждению поддавалось всё: фильтры, которые на вкус знатоков были излишне «тропическими» и «вырвиглазными», дорогие блестящие купальники крайне «шлюховатые», маникюры украшенные массивными блёстками и камнями невероятно «вульгарны», а картины на каждом ногте, вычурности и талантливости которым позавидовал бы сам Рафаель «безвкусны».

А потом грянул шторм. По коридору, от пока что закрытого буфета и до спортивного зала пронеслось разрушающее торнадо. Новость передавалась по принципу испорченного телефона. Первоначальный вариант: она приехала на автомобиле Валентина. Далее короткое и весьма ясное утверждение переросло в более фантастичное: «она приехала на угнанном байке вместе с этим лысым уродом». К концу коридора дошла новость: «Каролина под кайфом. Несколько байкеров на парковке пытаются её поцеловать, а она лишь губы открывать пытается успеть и каждому внимание уде-

лить».

Те, кто застал момент прибытия скандала считались счастливчиками. Особо любопытные восьмиклассники встали у главного входа, пытаясь рассмотреть картину в деталях:

Громадный старый грузовик на полной скорости въехал на парковку. Подрезав «Nissan” одной из чердилерш, он занял место, негласно принадлежащее выпускникам. Хлопнув дверью, из старой развалины выбралась ослепительная блондинка в неприлично роскошном и откровенном красном корсете. Это изысканное одеяние, украшенное вычурными розами и искусными кружевами не оставляло ни единой загадки: грудь на половину выпирала наружу. Казалось, дело миллиметров, и самая сокровенная часть станет достоянием общественности.

Ловко запрыгнув на капот девушка свесила тонкие ножки, облачённые в колготки-сеточки. Виляя ими из стороны в сторону она выжидающе смотрела на парня, пытающегося достать ключ от колымаги.

Каролина, слегка заскучав, достала из сумки Чупа-Чупс и неторопливо протиснула сладкий леденец со вкусом колы между губ.

Восьмиклассники ахнули, достав телефоны и включив камеры.

Продолжая шоу, девушка неторопливо облизывала конфету, водила розовым языком по коричневому чупа-чупсу и при этом умудрялась стрелять глазками на проходящих ми-

мо шокированных черлилерш.

– Привет девчонки! – кинула она, достав лакомство из-за щеки. Кинув преисполненные отвращением и небрежностью взгляды, одетые в детского розового цвета спортивную форму девушки скрылись восвояси.

Одолев непослушное авто, Валентин наконец уделил внимание девушки. Схватив румяные щёки девушки в крупные ладони он подарил ей страстный крепкий поцелуй, возможно излишне продолжительный.

Восьмиклассники придвинулись ближе к окнам.

Подняв Каролину на руки, он продолжил покрывать её шею поцелуями. Казалось, будто девчонка весит не больше чем клок тополиного пуха.

«Свитера» тем временем совсем чуть-чуть утихли. Девчонки слишком заинтересовались прибытием самой Кэр, чтоб нарушать нагнетающее молчание своими визгливыми голосами. Бурчать отваживалась лишь Сюзанна:

– Вообще, девчонки, вы обе те ещё козы – этим дело и ограничилось.

Спустя две минуты наступил тот самый момент «х”. Казалось, что на заднем плане какой-нибудь барабанщик отбивает напряжённый ритм, замедляется время, каждый становится на цыпочки, локтями пытается растолкать стоящую вокруг толпу и увидеть больше. На этой почве возникают новые шумные скандалы. Тестостероновые идиоты чуть не по-

дрались, выясняя кто кому на «Джордан» наступил. «Знаешь, он стоит дороже чем твоя жизнь, придурок?», «Чё ты бурчишь, чмо! Да я тебя уничтожу!». Их потасовка волнами отдавалась по всей толпе, но расходится никто не собирался, предпочитая терпеливо выжидать.

Коридор сейчас полностью принадлежал лишь ей одной. Каролина, прекрасно держась на каблуках размером с небоскрёб Китайского банка в Шанхае, уверенно шла к кабинету французского, смотря лишь в одну точку перед собой. Ею оказался мигающий красным цветом автомат с псевдо-натуральными мюсли батончиками. «Синтетические сухофрукты, орешки сделанные из голубиного помёта и каменный шоколад сделают вашу фигуру похожей на воздушный пузырь, а лицо покроют гнойными прыщами! Мы заботимся о здоровье школьников!».

Стоило бы девушка хоть на метр отвести взгляд в сторону, и она растворилась бы в десятках злобных взглядов и миллионах осуждающих комментариев, тысячах негодующих восклицаний и гугле разнообразных мнений.

То что лишь один человек может как-либо задеть абсолютно каждого ученика и , возможно, учителя школы Дилана Грина ей казалось безумием. Ну встречаюсь я с хулиганом. Какая вам разница? Найдите парня, теряйте девственность, целуйтесь и будьте счастливы! Почему вас так интересуют мои фотографии? Вместо того, чтоб тратить уйму времени на бестолковое осуждение вы бы могли сделать милли-

оны хороших фотосессий для себя, и показать мне как нужно фотографироваться!

Но сейчас, кажется, Кэр начала получать удовольствие от этого чувства. Столько людей парит твоя жизнь – льстит, однако! Столько людей негодуя брызжут слюной, как куча разгневанных, но при этом маленьких и жалких мопсов – забавно! Столько людей хотели увидеть перед собой шлюху, крича это грязное ругательство вслед девчонке-подростку, а когда увидели перед собой отвязную бунтарку в вызывающем корсете чуть не умерли от гнева – это форменное безумие!

Каролина превратила скучный школьный коридор, увешанный объявлениями о наборах в десятки скучных кружков, обставленный ржавыми шкафчиками и пахнущий потом сотней мокрых тел в пьедестал шоу. «Виктория Сикрет» бы позавидовала. Каждому ихнему ангелу можно поучится уверенности походки, стройности осанки и бесстрастию лица у этой девчонки.

Парень в очках и зелёном полосатом свитере не отрывая взгляда от Кэр пытался открыть свой шкаф. Скорее всего, он опаздывал на урок и хаотично пытался взять учебник по «английскому» из шкафа, но блондинистая чертовка не отпускала от себя. Наконец схватив нужную книгу парень попытался запихнуть её в старый грязный милитари рюкзак, но та с шумом упала на грязный пол.

Каролина остановилась, переведя свой роковой взгляд с автомата на потного паренька. От блеска этих глаз у пацана

внутри всё перевернулось. В них читалась то ли насмешка, то ли игривость, то ли возбуждение.

Как тебе такое, Вини Хэрлоу?

– Оу, малыш. Кажется, ты кое-что потерял – прогнувшись и неторопливо наклонившись, девушка взяла учебник и протянула парню. Стоящим позади школьникам в тот момент открывался неописуемый по своей красоте вид.

Съела, Алессандра Амбросио?

Каролина подмигнула незнакомцу и пошла дальше. Парень в свою очередь даже и не заметил, как обтягивающие джинсы предательски выдали его стояк.

Некоторые в толпе захихикали и успели сфотографировать это до того, как растерянный паренёк прикрыл ширинку книгой и бросился в туалет.

Вихрь пролетал дальше, волнуя десятки неокрепших умов жаждущих сплетен школьников. Каролина была хороша, и этот не самый приятный факт вынуждены были признать абсолютно все: безмозглые футболисты, расплывающиеся в улыбке при виде эффектной девушки, сиявшей ярче чем «Мулен Руж» ночью. Завистливые одноклассницы, прожигающие взглядом ноги длиннее чем трасса от Лиссабона до Москвы. Даже «свитера» утихли в своих пылких осуждениях – она была вульгарна, пошла, но абсолютно привлекательна и обескураживающе красива.

Дар речи потеряла и стоящая недалеко от автомата с убийственными мюсли-батончиками русая девица, заплетающая

волосы в настолько тугой конский хвост, что, казалось, её глаза вывалятся вниз как два мячика для тенниса.

Вика – прекрасная девочка во всех пониманиях. Отличница, член феминистического клуба «Девушки с мозгами», любительница гольфа а также знатная подлиза. Она имела интересное свойство «подмазываться» ко всему живому. Правда, этот навык утратил свою актуальность где-то год назад – когда вся школа поняла, что за многословными комплиментами и дружелюбной улыбкой скрывается столько негатива, сколько сполна хватит на десяток желтушных газет о жизни звёзд и политиков. На прошлой неделе Вика отчаянно решила сменить тактику, выйдя из образа «нравлюсь всем без исключений» и примерив маску «громкая и дерзкая». В ушах Кэр до сих пор звенел её омерзительный визгливый голос, кричащий на весь коридор едкое «шлюшка». В то утро девушка искренне не понимала, за что её возненавидел весь мир. Какая ирония: сейчас этот вопрос вылетел из головы как лёгкий и невесомый дельтаплан.

С довольной улыбкой рассмотрев озадаченную физиономию своей бывшей «подруги», Каролина отчётливо громко произнесла:

– Викусик, как тебе мой лук? Раздумывала – не слишком ли неприлично красиво?

Уронив на пол свою челюсть, «Викусик» так и не подняла её за всё время диалога.

– Кстати, кое-кто меня «шлюшкой» на днях назвал. Од-

нако, неприятно – блондинка закатила нижнюю губу и скорчила личико младенца, желающего пореветь – Шучу – рассмеялась Кэр – Мне абсолютно плевать.

В сторону двух девушек были направлены десятки снимающих девайсов. Такого количества камер не видят даже селебрити, прохаживаясь по красной ковровой дорожке перед вручением «Грэмми».

Каролина неторопливо наклонилась к шокированной Вике и театрально втянула воздух:

– Хм, от тебя пахнет гамбургером из «Мака». Вот чёрт, с десяти лет его не ела! Поаккуратнее, подруга, а не то рвотный порошок для похудения уже не пригодится. Не волнуйся, я не кому не скажу, что ты принимаешь его уже почти целый год – взмахнув волосами, девушка взглянула на толпу, держащую в дрожащих руках «Айфоны» и «Самсунги» – Упс! – хихикнула она, и оставив покрасневшую от стыда Вику на посмешище возбуждённому стаду продолжила своё победное шествие дальше.

«Быть плохой – это так офигительно круто. Верно пели величайшие женщины всех времён и народов – Рианна, Спирс и Майли!»

«Брось, Каролина. Ты же сама и разрушаешь своё будущее, жизнь и репутацию. Неужели не ясно, это всё позже приведёт к настоящей катастрофе!» – из глубины сознания донёсся медленный и рассудительный голос, высылающий мрачные бесцветные картинки голодной жизни в захудалой

хижине, среди побитых трейлеров и купленных на барахолках палаток. Она жарит сосиски у костра, к груди присосался грязный младенец, завёрнутый в лист от лопуха, а Валентин, прийдя с двадцать третей за сегодняшние сутки работы скончался от переутомления.

«Да пошла ты, занудная Кэр! Ты прекрасно знаешь насколько раньше я была несчастна. И если прямо сейчас я разрушаю своё будущее и пляшу сверху на обломках, что же, пускай будет так!»

Наконец достигнув своего шкафчика, Кэр первым взглядом увидела ярко-красную краску, стекающую по железным дверям.

– Хах, так клишированно! – с ухмылкой проговорила она, осознавая, сколько глаз грезят её слезами.

На дверях шкафчика девушки крупными красными буквами было написано: «Отправляйся в ад, ШЛЮХА!». Откроем тайну – внутри Каролины что-то ойкнуло, не смотря на равнодушный взгляд и лёгкую походку. То ли страх, то ли тревожность.

Да, это была мерзкая тревога, из-за которой выдерживать наглый образ становилось сложнее и сложнее. Казалось, в коридор не проникал свежий воздух. И почему тут так душно?

Хотелось убежать подальше от этого отвратительного места. Только сейчас девчонка поняла: все эти люди, её ровесники, с которыми она долгие года вместе проучилась ненавидели её всем сердцем. Да каждый бы из них с удовольстви-

ем воткнул нож ей в спину. Только взгляните на их животные взгляды! Разве в них осталось что-то человеческое?

Но в слух Каролина лишь констатировала:

– У кого-то очень красивый почерк, ребятки!

Андрей старался, честное слово, всеми доступными методами хоть чуть-чуть украсить свой до безобразия неаккуратный ёжик. Эту, прости Господи, причёску, не смогло украсить ни одно средство для матовости или блеска. Пришлось обратиться за помощью к достаточно бестактным барберам-хипстерам. Новая дилемма – парню не хотелось появляться в таком виде в лучшем барбершопе города.

С парнями-парикмахерами он сдружился достаточно давно. Хотя, дружбой назвать это бесцельное прожигание жизни назвать нельзя было. Они садились на протёртый кожаный диван и играли в новую «FIFA” на стоящей в холле четвёртой «PlayStation”, попивая «пепси» из железных банок и выкуривая якобы «модные» самокрутки из всевозможных трав. Иногда, косяк заменяли электронные сигареты, безумный гибрид кальяна и вэйпа. У тех парней были свои странности, но именно от них Андрей узнавал последние тренды культуры хипстеров и моды в целом. Удивительно, что в таком захолустье всё ещё оставались заносчивые талантливые барберы, не променивая родной город на более большие по соседству.

В их парихмахерской было одно невылазное правило –

смеяться над всеми входящими в стеклянные двери с подвешенным звонким колокольчиком, непохожими на них, модных «золотых мальчиков», людьми. И в то воскресенье мир, должно быть, окончательно потерял последнюю каплю здравого смысла. Они начали смеяться над Андреем.

– Чувак, кто тебя так оболванил? – его мастер, тощий обтатуированный пацан, напоминающий Еминема только с более смазливым лицом, в голос рассмеялся. Хотя, после всего потраченного времени на прекрасную, густую шевелюру Андрея он, по идее, должен был плакать. Ведь его прекрасные послушные волосы, чернее чем душа Гитлера, стали легендой в здешней хипстерской тусовке. Эти парни при всём своём желании не могли добиться подобной густоты.

– Как бы понятнее объяснить. Слушай, ко мне в комнату ночью проникла сумасшедшая, притворяющаяся старухой и носящая жуткую белую маску. Вот она и срезала мои волосы.

Мастер лишь рассмеялся ещё громче:

– Парень, ты опять экспериментировал с морфином? Я тебе, конечно, не папаша, но это дерьмо никого до добра не довело.

Барбер согласился сделать всё возможное, и за тридцатку «зелёных» неторопливо ровнял бритвой виски Андрея, будто готовясь выставить их на всемирную выставку. Час прошёл незаметно в привычных тут беседах, во время которых можно было узнать самые свежие и горячие новости:

– А чё у вас нового?

– Да ничё. Пацанов из барбершопа напротив опять гомофобы перед закрытием избили.

– Да ладно!

– Отвечаю. У нас, знаешь ли, гомофобы буйные ребята. Ко всему прочему они ещё и страстные околофутбольщики. Обмолвишься, что за Барсу болел на чемпионате – выдерут скальп и твоими мозгами полакомятся. Нам повезло, что мы с ними в тёплых отношениях. Оказывается, влезть в доверие к шайкам гомофобов достаточно просто. Догадываешься почему?

– Почему?

– Потому что у них мозги в два раза меньше грецкого ореха.

Короче, все старания барбера закончились непривычной, но достаточно приятной картиной в зеркале: тёмные колючки длинной в миллиметра два не давали назвать причёску Андрея лысиной. Сейчас он напоминал эпатажную модель, вышедшую с модного показа, на подиуме которого вышагивают в ряд десятки молодых парней на высоких шпильках и в длинных ярких носках. Современная высокая мода она такая – безумная и беспощадная.

Как позже оказалось, с такой причёской вот уже больше года ходит Зейн (и, скорее всего, вполне себе счастлив). Подобный ёжик носил Бибер, до того как отрастил длинные волосы и покрылся прыщами.

И вот, заходя и в без того шумное и взволнованное здание

школы Андрей напряг слух, пытаясь узнать мнение однокашников. По старой привычке, увидев парня они все устремили свои любопытные взгляды на его видную крепкую фигуру:

– Ты видел это?!? Охринеть, это же круто! – доносился справа ломающийся, как график акций крупной компании во время кризиса, голос.

– Шутишь? Отвратительнее его причёски разе что сегодняшний видок Каролины!

Два низкорослых хоббита – любителя сплетен по старинке обсуждали популярных учеников, переживая за их жизни больше чем за свои. Хотя, в них тоже было кое-что интересное: многие из школы уже давно ждут, когда два маленьких злобных парня совершат камин-аут.

– Так стильно. Все селебритис, я мужиков имею, понятное дело, сейчас носят ёжики. Он как всегда опередил нас всех на несколько шагов!

Возникающие в толпе реплики заставили Андрея шагать более уверенно, распрямить плечи как готовые к полёту крылья, поднять подбородок будто под ним лежит острый гвоздь и идти на встречу новым совершениям.

В голове, ощущающей себя как белый медведь, чью шерсть сбрили налысо а его самого заставили плавать в Северном море, звучал голос заботливый мамы:

«Делай тренды сам, сынок. Не подчиняйся им, а создавай их. Люди всегда жаждут увидеть что-то новое и необычное,

и если ты преподнесешь им свою новую причёску с характерной для тебя уверенностью и гордостью, поверь, на следущий день каждый в школе побреется налысо. Я знаю, что мой сын может пройти по коридору так, чтоб все мечтали о таком ночном госте, как эта чёртова Леди V" – так Надин утешала его, когда он сидел разбитый на мягкой кровати. Ничтожный. Одинокий. Без своих волос. Сейчас её слова будто поднимали в воздух и проносили над поднятыми вверх головами.

Вспоминая мамино наставления, Андрей отправился к кабинету французского чуть ли не пританцовывая. Такого прекрасного чувства просветления среди мрачных туч тоски он не ощущал уже давно – ведь не в волосах дело! Внутренние ощущения, отсутствие комплексов и уверенность в себе – фундамент.

Посреди коридора парень остановился и обращаясь к перешептывающейся толпе вскрикнул:

– Да-да, таку причу носят Зейн, Бибер и я! Хэсштег #ясоздаютренды #делайкакАндрей #будькакАндрей .

Стоит ли говорить о том, что последний хэсштэг спустя пару часов вышел в местные тренды Твиттера, Инстаграмма и Тамблера. Все, в независимости от пола, желали быть похожими на самого популярного парня города.

(К слову, самым популярным ему осталось быть совсем недолго)

Даже сейчас, из своего несчастья Андрею получилось сле-

пить новую моду и тренд в социальных сетях. Леди V, должно быть, локти кусает. Он вырулил из своей депрессии на лёгком двухколёсном велосипеде, за собой рассыпая яркое конфети.

Бывают люди, которые после даже мельчайших неудач ставят крест на себе и с головой ныряют в мрачные мысли цвета зловонной болотной тины. А бывают уникальные люди, с которых не слетит золотая корона, инкрустированная бриллиантами, даже после самого сильного удара в голову. Может быть они упадут, может быть в грязную лужу, но поднявшись на ноги гордо поправят корону и скажут, что ходить в грязной одежде – хит сезона.

Андрей оставался именно таким, и казалось не существует удара, после которого он не подымится.

(Опять же таки – не долго)

Сегодня на мне белая мешковатая футболка, спадающая к полу сильнее, чем подол свадебного платья британской принцессы. Смотрю на себя в зеркало, улыбаюсь, не знаю зачем это делаю и почему при этом выгляжу настолько глупо. После всего прошедшего при каждой ухмылке по моему лицу можно прочесть «Всё настолько ужасно, что я с секунды на секунду сдохну. И улыбаясь, я хочу спрыгнуть с самой высокой вершины мира сего, разбившись при этом на десятки маленьких мясных кусочков. Спасибо что выслушали»

Возможно, моя жизнь и не настолько плоха. Ну, вроде как

я прекрасно осознаю что в какой-нибудь больнице лежат истощённые дети моего возраста, чьи родители не имеют денег чтоб оплатить им очередной курс лечения. Их дни проходят в беспрерывной череде боли и страданий, но они терпят и борются, для того чтоб просто выжить. А я не умираю. Чувствую себя нормально. Порой даже становлюсь пугающе счастливым и радостным (спасибо, Ева!). У меня есть чудесная девушка с красотой сошедшей с кадра фильма о французских дворянах утончённой принцессы, а также инстаграм-аккаунт, число подписчиков на котором возрастает с каждым новым увиденным трупом в десятизначной степени. Личные сообщения как льдом во время града завалили десятки заманчивых предложений дать интервью паре местных новостных пабликов. В награду я получу гонорар, за который можно купить две двухлитровых бутылки колы. Вопреки всему, родители категорически запретили. Я и так был у всех на слуху, а в условиях происходящего это может привести к необратимым последствиям.

Ставлю сотку на то, что если бы не мой «MAC”, быстро набирая текст на старой клавиатуре которого я выплёскивал все свои мысли в нескольких страницах посредственного текста, я неминуемо сошёл бы сума. Ведь (о Господи, прямо сейчас и сойду!) я целовался с мёртвой чувихой. Запомнил её вкус, дыхание и ни на что не похожий аромат. Ночью, не в силах уснуть и разложил на коленях ноутбук и в деталях описал наше общение и его необъяснимый… финал. Потом,

плюхнувшись на подушку погрузился в сон и проснувшись, отмахивался от мыслей как от назойливых комаров. Моя реакция была похожа на что-то вроде: «Ну ок, появилась у меня мёртвая подружка. У главного героя «Каспера» тоже был друг маленький призрак. Белла вообще с вампиром встречалась, женилась и родила от него. Ничего – счастлива. А труп? Да на него вообще пофиг! Персонажи сериалов-триллеров каждую серию труп видят и ничего, выглядят потрясно!»

И я, по крайней мере, пытался выглядеть потрясно. Мою психику стоящую на грани фола выдавали лишь тёмные мешки под глазами – верный признак того, что я всю ночь просидел у экрана выливая свои мысли не понятно для кого и не известно зачем.

Когда я выходил из дому родители копошились на кухне как два муравья, терпеливо вырывающих новые маленькие проходы в своём домике. Они вдруг решили (может быть психологическое шоу посмотрели, может быть на психолога для подростков подписались) что мне в такой ситуации нужна гиперопека и забота. Мама, не успев продрать глаза решила сделать панкейки. Я проходил в тот момент, когда она собиралась разбить два яица и начать вымешивать сладкое тесто для блинов. Но я вежливо отказался и прошмыгнул на улицу, где меня уже ждал Ярослав, сидя на заведенном мотоцикле.

«Было бы куда круче если б ты оказался эффектной блондинкой с десятым размером груди».

Подходя к чудо-машине я с удивлением засекаю как в мою голову сами собой пролазят тёплые воспоминания. Я мчу по безлюдной трассе, вокруг лес, сзади крепко обнимает талию Ева, в лицо бьют порывы холодного ветра и главное – я безнадёжно счастлив и страх как желаю добавки. Я хотел жить, и вот дилемма – как же быстро меняется моё расположение духа.

– Подбросишь до школы, амиго? – спрашиваю я у Ярослава, уже совсем иным голосом. Это не тот еле слышный шёпот, которым я отказал маме завтракать. В моём голосе слышна надежда, ожидание. Будто я всё ещё, как самый отбитый в этом мире романтик, жду что моя жизнь изменится к лучшему в это утро.

И тьма исчезнет.

Загадки тоже.

А я буду продолжать мчать по безлюдной трассе вперёд, к залитому ярким светом уходящего солнца будущему.

– Подвезу, если ты мне расскажешь детали всего происходившего вчера. Я ЖАЖДУ подробностей.

Люди говорят, что я побил рекорд как шестнадцатилетка, увидевшая самое большое количество трупов. Я стою наравне с выжившими после школьных стрельб и беженцами из Сирии.

Шагая по коридорам, и без того шумным, и без того взволнованным, я понимал, что сегодня привлекаю внимание на-

рода как никогда прежде. Я приехал сюда обычным интровертом – чересчур закрытым в себе чтоб становится предметом обсуждения десятков людей. Проделав тернистый и залитый каплями крови путь к вершине «поп-лестницы», теперь я собираю десятки взглядов и шепотков. На удивление – не скажу, что мне не нравится быть в центре всеобщего внимания.

Популярность тусовки Андрея казалась мне сверхъестественным феноменом. Я искренне не понимал: ну какой нормальный человек, игнорируя свою жизнь, захочет копаться в чужой? Захочет фанатеть или ненавидеть, блин, не президента или серийного убийцу, а однокашника! Ха, сейчас понимаю! Вы только посмотрите на их взгляды, да они же приклеились ко мне словно супер-клеем! Послушайте их разговоры, как разнятся их мнения о моей персоне! Радовало лишь то, что в большей степени они выражали жалость и сострадание, хотя среди невнятного жужжания встречались агрессивные комментарии, нагло обвиняющие меня в убийстве.

Но я оборачивается и искать владельца длинного языка не стал. Ещё одна удивительная вещь – когда ты владеешь вниманием стольких людей, вести себя нагловато и хамовато, как для меня, становится намного проще. Обучившись азам дерзости у своего брата, я окидывал навязчивых школьников быстрыми ленивыми взглядами и уверенно вышагивал по коридору к кабинету математики.

Когда я открыл дверь и услышал, как вслед кто-то шепчет «убийца!», до смешного сильно захотелось сделать реверанс и поклон, как после удачного выступления.

Думаю, через месяц таких уроков математики я превращусь в безмозглого громко бекающего барана с косыми квадратными глазами. Сидя на третей парте я не услышал ничего из сказанного учительницей – мечтой рыбника из Ашана, по правде говоря, она даже и не пыталась говорить громче. А какой смысл? Этот шум не преодолеть. Взбешённые детишки достали свои смартфоны и тычут друг другу в лица. Апокалипсис! Деградация! Кому нужна математика после новости о новой причёске Андрея и корсете Каролины. Зачем учить глупые ненужные формулы, рисовать странные графики когда растворится в чужой жизни – так приятно и легко!

Ну а я растворятся не хотел. Тем более, в перерывах разговоров о Андрее и Каролине разговор заходил обо мне. Люди делали вид что меня не существует, или просто думали что я не слышу. В таком случае, они все воистину глупы.

Когда урок закончился я выдохнул и воткнул в уши наушники, поставив старый альбом Тимберлейка на полную громкость. И плевать, если окружающие услышат какую попсу я слушаю. Тимберлейк бессмертен!

Голос заглушал суматошные крики, и я принял безумное решение достать книгу в фиолетовой обложке и начать

чтение. Благо, язык лёгкий а сюжет понятен после просмотра фильма. «Первому игроку приготовится». Приобрёл совершенно случайно на заправке, там она была облачена в рваную видавшую виды клеёнку, на которой, в свою очередь, красовалась яркая круглая наклейка «Супер-бестселлер! Скидка 20%!»

«Не плохая скидка как для библии любого ГИКа и торы каждого любителя поп-культуры.» – подумал я. Розыск всех отсылок в этом произведении отвлекал меня от грузных проблем насущных и фантазий о приведениях, бесцельно бродящих по «Дубовому».

И в кабинете, переключившись с альбома «Justfield" на «Future Sex" я не слышал никого, даже возникшей над партой Евы. Подняв глаза и продолжая слушать Джастина, я обсмотрел её с колен до неаккуратно торчащей вверх тёмной волосинки. Она улыбалась, и я расцвёл тоже. Как в функциях «x» нераздельно связан с «y" и всегда влияет на его значения, так и её улыбка всегда вызывала во мне шторм, а на лице появлялся след счастья.

– Приветики-пистолетики – раздался её голос как только наушник был снят. Она бесцеремонно (хотя, в её случае эта бесцеремонность была до чёртиков привлекательна) схватила мою книгу и посмотрела на обложку – «Первому игроку», безумно обожаю. Фильм Спилберга кстати топ.

– Особенно момент с «Сиянием» – вставил я.

– О да, за момент с «Сиянием» этот фильм заслужил всех

наград киноакадемии. Хотя, я уверена что он вряд ли что-то возьмёт.

– Обожаю Сияние. И фильм, и книгу – продолжил тему я.

– Ты знаешь, я даже фильм люблю больше. Тот самый случай, когда Кинг в моих глазах проигрывает экранизации, дубль три после «Шоушенка» и «Мили». Хоть и фильм не идеален. Хотелось взять дробовик, ворваться в отель и пристрелить орущую истеричку на главной роли.

– О да, в этом случае золотая малина оправдана.

– Жирный плюс под твоими словами. А в остальном Кубрик гений…

Она собиралась окончить терплю одному из самых гениальных режиссёров нашего времени, но её фразу прервало уведомление. Рингтоны волной разнеслись по классу, все телефоны замигали, каждый достал смартфон.

Все понимали, что это не к добру.

Ева опёрлась рукой об мою парту, чуть не смахнув с неё набитый старыми треснувшими цветными ручками, грязными ластиками с персонажами «Времени приключений» и прочим хламом пенал. Сейчас она бы и не заметила – так сильно её шокировало и озадачило пришедшее уведомление.

Каштановые волосы на мгновение скрыли её лицо за плотной завесой. Она наклонилась к экрану, жадно поглощая каждую букву СМС.

– Вла… Влад… – нечленораздельно начала она, но её

предложение прервали десятки испуганных возгласов находившихся в кабинете ребят:

– О Господи!

– Ты видел?!

– Она вернулась!

– Прямой эфир.

Подняв взволнованные глаза на меня, Ева пытаясь перекричать толпу рассказала:

– Группа Лилит… «Подслушано»… Возобновила роботу, мне уведомление пришло, смотри! – протянув телефон ко мне, Ева закончила – Там сейчас прямой эфир!

Именно так и было: окошко на экране блокировке сухо обозначало «Сообщество «Подслушано школы Дилана Грина» начало прямой эфир».

К тому времени по классу звуковой волной прокатилась очередная череда напуганных возгласов. Многие успели присоединится к трансляции. Один парень, чего имени я не знаю забыл телефон дома (оказывается, такие люди ещё не вымерли. Не представляю, как он выжил). Встав на пальцы, он чуть не запрыгнул на спину баскетболиста, сидевшего на последней парте и смотревшего в телефон. Так сильно ему хотелось узнать что же происходит.

– Чего ты ждёшь? – нетерпеливо воскликнул я – Открывай!

Смахнув уведомление в лево Ева зашла на трансляцию и обомлела. Обомлел и я, выдавливая из себя лишь приглу-

шённые обрывки слов: «Вэ… Она… И тут…»

– Это она! – воскликнула Ева – Мы видели её в субботу!

– Тшшшш! – прошипел я, прислонив указательный палец к устам. Как раз в тот момент весь кабинет заговорил знакомым до ужаса голосом: хриплая старуха, в тембре которой теперь я улавливал приглушённый скрежет металла.

На чёрном экране ярким бликом горела белая маска. Тут её знали все: по полярности она уже давно обошла маску Гая Фокса в Великобритании или убийцы из «Крика». Угадайте, кем в этом году будут все на Хэллуин?

Ну конечно же, великая и ужасная Леди V! Дама, отбирающая аудиторию у остальных интернет персонажей страшилок благодаря набирающим популярность фанфикам. «Леди V и правосудие», «Леди V в Лондоне», «Леди V встречает Джека-потрошителя». Да, это весьма новый жанр интернет-прозы, и успехом он пользуется лишь в узких кругах. Но определённо ясно – образ сумасшедшей сделанный с мастерством бренда, изготавливающего мерчандайзинг по фильмам.

Пустые тёмные дырки для глаз всматривались в камеру, будто безмолвно говоря каждому смотрящему видео: «Эй ты! Да ты! Это касается тебя и происходит прямо под твоим носом! Я РЯДОМ!» Пугало до чёртиков.

Обычно после экстремальных ситуаций, например на следущий день после кровавого убийства, в школе витала весьма неоднозначная атмосфера. Вроде рутина, всё мрачно, все

тоскуют и горюют, но обязательно находился весельчак, чей чёрный юмор хоть немного, но спасал ситуацию от форменной депрессии. Шутки обычно были дебильными и неуместными, но пара человек в толпе хихикала и появлялось понимание, что не всё в этом мире так жутко.

Сейчас же страшно было абсолютно всем.

Без исключений.

Если бы на экране вашего телефона белым пятном появилась маска маньячки, способной без лишних угрызений совести отобрать жизни пары школьников, если бы вы всмотрелись в её глаза, залитые густой тьмой, вы бы поняли каждого ученика школы Дилана Грина. Ведь для всех опасность была предельно близка.

Ева ловко запрыгнула на парту и сделала звук громче. Я, облокотившись коленом на стул, встал позади неё. Рассматривая маску «V”, я нервно вдыхал аромат волос своей девушки. Хоть что-то сейчас могло успокоить. Пока она рядом, страх не парализует тело как обычно.

– Привет школа – заговорил хриплый голос шумным мрачным хором. Он вылетал из динамиков десятков телефонов, включённых в кабинете и коридоре, в туалетах и актовом зале, где шла репетиция поминального вечера. Будто результаты выборов президента объявляли – С вами Леди V. «Подслушано» вернулось. Должно быть, вы соскучились по сплетням и интригам, громким скандалам и шокирующим слухам. В честь возращения устраиваю игру, называется «по-

ловинка». Правила просты – найти ополовиненную часть тела Виктора, колкого на язычок парня и звезды баскетбола. Все же гадают, где она находится? Или в субботу, когда его мускулистое тело лежало в гробу казалось что всё о'кей?

Никто не смел шелохнутся или произнести едкий комментарий. Все до единого открыли рты и внимали словам, кто-то с ужасом вздыхал, представляя кровавое тело.

– Так вот, ребятушки, одна часть Виктора, а точнее то, что ниже бёдер, находится в шкафу одного из виновных в убийстве. Сегодня каждый из учеников школы Дилана Грина может стать детективом. Как вы думаете, у кого именно прячется ополовиненное тело несчастного подростка?

Некоторые девчонки, я не понял какие, визгливо вскрикнули. Видимо, ускорив шаг после пугающих воплей в класс ворвалась математичка, держа в руках термокружку из «Старбакс» заполненную кипятком. Оглядывая класс она, видимо, сначала не поверила счастью – почти все молчали.

– И да школа, «Подслушка» вернулась – бросила инкогнито, приостанавливая эфир. Экран помутился, счётчик чётко обозначил число зрителей, Ева продолжала пялить в телефон и качать головой. Не каждый день в школе прячут части трупов.

– Каролина!!! – завопил баскетболист с задней парты, нервно оттолкнув мифического парня без телефона – Из-за неё Виктора подвесили. Труп в её шкафу!

– Труп?! – в непонимании воскликнула учительница, ка-

чая головой как стоящая под лобовым стеклом машины игрушечная собачка. Сейчас, как и впрочем всегда, её никто не слушал. Гипотезы посыпались градом, причём обрывки чьих-то безумных догадок я услышал своё имя. В коридоре чуть не дрались высказывая предложения.

– Это Влад! Он убийца!

Но в кабинете математики народ разделился на два типа. Обозначим их «команда Валентина» и «команда Каролины». Предложенная качком, с которым я сижу за одним столом на обеде, гипотеза обвиняла обозванную девушку в смерти Виктора. Предложенная лохматой блондинкой с передних рядов версия заявляла что виноват во всём исключительно Валентин, подвесивший мёртвого над футбольным полем.

Конечно же, я принадлежал ко второй команде. Логика у заучки-блондинки явно развитей, чем у дебильного спортсмена. Нет, это не клише. Убедительная просьба ко всем спортсменам – не обижайтесь. Просто конкретно этот гранитный мешок сплетённый жирными венами из пухлых похожих на подушки мышц обладал исключительной глупостью. Пару раз я пытался с ним заговорить. Всё, что получил в ответ – пустое выражение лица и пугающая улыбка.

Но он не унимался:

– Ну конечно же виновна эта шлюха!

– Да как ты смеешь… – на учительницу, конечно же, всем по барабану.

– Оставьте вы эту пустоголовую блондинку. Валентин – однозначно убийца.

– Сейчас прозвенит звонок. Эй вы! На места! Что происходит?

– У КОГО-ТО ИЗ НАС В ШКАФЧИКЕ ЧАСТЬ ТРУПА ВИКТОРААААА! – истерично взвизгнула сидящая на второй парте девчонка, выпустив из рта прозрачную струйку слюны. В глазах особо впечатлительной стояли слёзы. Должно быть, именно этот умело разыгранный спектакль и образ напуганного ангела заставил учительницу поверить нам.

– Не может быть… – шокирована произносила она, выглядывая из класса. За дверью началась настоящая война. Никто не собирался идти на уроки. Шкафы судорожно открывались и закрывали, крики не смолкали. Всё это создавало головокружительную какофонию.

Леди V удалось в очередной раз перевернуть с ног на голову жизнь школьников городка.

– Вы уверены, что эта та самая Леди V, что шантажирует Алину, Андрея, Макса и Каролину, а также желавшая подорвать дом Влада? – в что сорок пятый раз переспросил одетый в весьма стильный узкий смокинг мужчина в возрасте. На запястье – хорошие часы. Именно «хорошие» – до уровня швейцарских произведений искусства, заслуженных быть выставлеными в Лувре, что носят наши местные богачи им далеко. Но эти подобраны со вкусом, в аккурат на зарплату

директора школы.

Крупный лоб мужчины блестит, будто в его глубоких морщинках затерялись мелкие бриллианты. Директор, раздумывая, потеет, одновременно пытаясь не выдать своё волнение. Отпустить детей по домам означает признать поражение. А как может он, руководитель крупной школы с пятнадцатилетним стажем пойти на поводу у интернет-тролля. К слову, крайне жестоко и безумного тролля.

– Именно, сэр. Она заперла Адину в солярии – резво ответил дебильный баскетболист, заработав неодобрительный взгляд в свою сторону.

– Это тебя не касается! – гавкнул директор, подправил свои добротные часы и взглянул в окно. За ним – стена начинающегося за территорией школы тёмного парка и небольшой кусок забитой машинами парковки.

Сейчас, как я понял по выжидающим взглядам в мою сторону, директор хотел услышать что-то от меня, но я и словом не обмолвился. Ева растворялась в моих объятиях, носом уткнувшись в футболку. Я вдыхал её аромат и сосредоточено пытался отвлечься от этого хаоса. Поглаживая девушку по хрупкой спине, я пальцами ощущал как она дрожит, и пытаясь подбодрить её шептал: «Всё будет хорошо». Хотя, скорее всего, ничего хорошего уже не будет.

– Оторвав часть Виктора, она решила пронести его в школу и засунуть в шкафчик одного из виновных в смерти? Я правильно понял.

Некоторые кивнули. Девчонка со второй парты в очередной раз взвизгнула как чихуахуа, которой наступили на маленькую лапку. Этот цирк с конями начал раздражать многих из класса, и даже директора. Девчонка глубоко вздыхала и красивыми жестами смахивала слёзы с щёк. Напомнила героиню, игравшую маман в «Сиянии» – так же бесит когда истерично ноет.

– Директор, я не думаю что с ними стоит разговаривать на такие темы – аккуратно шепнула математичка, красная как мясо лосося.

«Купленного у рыбника в Ашане!» – шепнул внутренний голос и сам же посмеялся со своей шутки.

Я точно схожу с ума.

– Стоит! – оборвал директор, рявкнув как грозный лев, защищающий свою стаю. Театрально взмахнув рукой, облачённой в добротные часы, он ударил кулаком по парте. Пенал, казалось, подлетел в воздух. Лохматая блондинка вместе с ним.

В отличии от рыдающей бестии на второй парте директор не выглядел как актёр погорелого театра. По-моему, его в самом деле озаботило происходящее.

Хороший мужик, особенно после директора в столице. Что он там говорил моему отцу? «Вали отсюда и своего сумасшедшего сынишку забери»? Педагогичность, уровень – директор, разрешающий торговлю наркотиками в своей прогнившей дыре скрывающейся под пышным названием

«учебное заведение». У него, кстати говоря, часики по дороже были чем у этого директора.

– И кого вы считаете виновным? – наконец выпалил он, опираясь об переднюю парту и грудью чуть не придавливая напуганную блондинку. Все молчали и мешкали, боясь произнести хоть слово. А пока его не было столько воплей было! – А что? Не стесняйтесь, выдвигайте свои догадки и безумные теории. Мы проверим шкафчик каждого, чьё имя будет произнесено сейчас.

Директор, по лицу вижу, мужик рисковый и смелый. Ага, кусок тела ученика спрятан в одном из шкафиков? Значит проверьте их все, прямо на глазах у этих малолетних дебилов! Пусть они видят и кишки, и алые реки, и мух поедающих трёхдневную мертвечину!

– Каролина – буркнул баскетболист – Из-за неё Валентин подвесил Виктора.

– Да это же бред! Если Валентин подвесил, значит логично что и он один из виновных – не унималась в беспокойных поисках логики смышлёная блондинка. Только сейчас я заметил насколько большая у неё грудь.

Хотелось воскликнуть: «Хах, ты всё ещё ищешь логику в этом покинутым Богом месте? Месте, где тебя может поцеловать умершая в середине прошлого века, в месте где чёрные глаза соблазнительных блондинок вымаливаются как шарики для пинг-понга, а их самих изнутри пожирают трупные черви? Наивная, наивная девчонка!» – но я молчал и

гладил длинные волосы Евы, бережно и аккуратно.

Часы отмерили ещё десять минут. Всё это время всем классам школы было запрещено выходить из кабинетов. Учителя спортивных секций и предметов лично следили за выполнением правил. Мы же продолжали выслушивать самые безумные непотизмы возбуждённых подростков. Оживился я, когда назвали моё имя.

– Влад! Он виновен! – крикнул мифический парень без телефона. Повернувшись я бросил наполненный злобой и недоброжелателем взгляд и задал короткий, но выражающий всю суть моего непонимания вопрос:

– Чё? – мифический парень поёжился, открыл рот, закрыл его и промолчал, так и не выдумав достойного ответа – Просто имя моё захотелось произнести? – злобно спросил я.

Мифический открыл рот и вновь закрыл.

– Правильно, лучше сиди и молчи в тряпочку! – вступилась Ева. Это моя девчонка! Мы всех недоброжелателей на миллионы кусочков разбросаем!

В дверном проёме кабинета возник учитель физкультуры, по совместительству ответственный за баскетбол, и тренер по плаванию. На шее последнего висел привязанный на тонкий шнур свисток.

Физрук недовольно подправил свою кепку, выжидая команд от директора. Понять, волнуется он или нет не представлялось возможным – он всегда перекошенный настолько, будто под его носом пёрнул зловонный скунс. И вообще,

мне он казался немного сумасшедшим: так ненавидеть своих учеников не каждый сможет.

– Проверяем шкафчики! – хлопнул в ладоши директор, обращаясь к физрукам. Оба, как однояйцевые близнецы, кивнули головами и выселись в коридор. Директор шмыгнул в след за ними. Дверь с шумом захлопнулась.

Математичка стала совсем прозрачной. Пытаясь восстановить дыхание она обратилась к нам:

– Давайте все попытаемся успокоится!

Это предложение само по себе пахло фарсом. Ну какое спокойствие, пока в коридоре ищут труп (поправка: его часть)? Как стадо бегущих к водопою антилоп мои одноклассники кинулись к прозрачным дверям. Если б они затоптали учительницу никто и не заметил бы. Она прыгала в хвосте толпы и кричала:

– Остановитесь! Сидите на местах! Это приказ!

Самые наглые и проворные выстроились у прозрачного окошка двери, активно работая локтями и языком:

– Отвали!

– Отойди!

– Расступись!

Ясен пень, что я оказался в числе самых первых и краешком глаза увидел как директор в сопровождении свиты из двух крепких физруков идёт в конец коридора, минуя автомат с газировкой.

– Шкаф Валентина на очереди! – шепнул баскетбо-

лист-идиот, слегка разочарованный. Забив на правила и запреты, парень дёрнул за ручку и приоткрыл дверь. Длинные шеи и любопытные носы высунулись сквозь щель в проёме.

Некоторые увидели, как директор набирает специальную комбинацию, открывающую все шкафчики школы.

– Ничего, полиция уже едет! – сзади бурчала математичка – Она то сможет вас угомонить!

Женщина, казалось, наконец оставила попытки укротить строптивого, и достав пачку сигарет из кожаной сумки не стесняясь начала перебирать пальцами по картонной коробке. Наверное, она так успокаивалась.

«Щёлк!» – разнеслось по пустому коридору. Шкафчик Валентина был открыт настежь.

– Сэр, тут ничего нет! – вскрикнул плавец, позволив себе для полной уверенности схватить чёрные штаны главного хулигана города и с интересом посмотреть что под ними. А мало ли, ноги Виктора? На обратной стороне железной дверцы виднелись наклейки и стикеры. Не мог их рассмотреть, но уверен на все сто что это были изображения сиськастых моделей «playboy” и ещё какое-то порно, ведь осматривая шкаф плавец явно покраснел и засмущался.

Не теряя времени, директор и физрук бросились к шкафу Каролины. Написаная красным баллончиком надпись ненадолго возмутила директора. Он обвёл яростное «Гори в аду, шлюха!» ленивым многозначительным взглядом и возмутился:

– Дети нашего города никогда не изменятся!

«Щёлк!» – шкаф открыт. Выкрашенный в яркий розовый он чуть не ослепил меня своей устаревшей напыщенной гламурностью. О, пески времени, верните мне мои двухтысячные!

– Пусто! – констатировал физрук.

Благодаря дебилу-баскетболисту дальнейшие события прошли сквозь меня. Его пахнущая затхлым потом футболка перегладила мне обзор, и я имел честь лицезреть жирное коричневое пятно на его широкой спине. Достаточно широкой, чтоб дать мне не увидеть к какому именно шкафу направилась быстрая троица. Я лишь слышал раздосадованные:

– Пусто, сэр!

– И тут пусто!

– Опять пусто!

А в голове продолжала крутится навязчивая мысль: зачем искать виновных, если в том что его побили и подвесили, возможно, по логике психопатки, виноват он сам? Не назвал бы Каролину шлюхой – не получил бы заслуженно по морде. Не харкнул бы Валентину на лысую голову – не повис бы на столбе.

Гениально. Возможно, я разгадал мышление одного из темнейших умов современности. Осталось лишь проверить.

– Виноват он сам – пробурчал под нос я. Идиот повернулся, смирив меня любопытным и пустынным как пески Гоби взглядом. Не теряя времени, я позволил себе нагло и громко

выкрикнуть – Посмотрите в шкафу Виктора!

Сам не заметил, как за один размашистый шаг оказался посреди коридора, привлекая внимание директора. Он, в свою очередь, смирил меня молчаливым взглядом и кивнул физруку. Трио направилась к перевязанному жёлтыми лентами и увешанному цветами и памятными записками шкафу мёртвого.

Хотелось угнаться за ними и в деталях рассмотреть внутренности шкафа.

Вот, директор набирает заученную комбинацию и уже ни на что не рассчитывая резко открывает дверцу. Это же всё шутки, психопатка решила детишек попугать! Ну какие трупы в школе, в самом деле? Ребята, это не серьёзно!

Это я прочёл, смотря на лицо директора, когда весь класс рассказывал ему за жуткий прямой эфир. После открытия двери на его лице застыло полностью противоположное выражений.

Холодный, каменный ужас. Суровый мужчина прислонил ладонь к лицу, закрывая нос и рот, то ли от страха, то ли чтоб не вдыхать зловонный аромат.

– В класс, дети! СРОЧНО!!!! – завопил он настолько сильно, что я почувствовал как вздрогнули волосинки на моей руки. На этот раз все послушались, забежав в кабинет как испуганные лисы, прячущиеся в норе от охотника. Ещё одно доказательство того, что крик – единственный дельный способ управления непослушной толпой.

Вопль директора проник в каждый кабинет, наполненный ожидающими новостей учениками и учителями. В тот момент по спине каждого, слышавшего крик, пробежал нервный холодок.

Вся школа задышала в одном ритме.

Отбитые планакуры, живущие в мире грёз. Любители хэви-металла, готовые продать душу солисту любимой инди-группы. Фанатки социальных сетей, тратящие всю зарплату родителей на круглосуточное просиживание в салонах красоты. Игроманы, готовые отказаться от последнего куска хлеба ради доната в обожаемую ролевую видеоигру. Всех их объединил ужас ожидания и неизвестности. Каждому казалось что дьявол облачённый в чёрную мантию ходит запредельно близко.

Спустя мгновение, после того как десятый класс, и я в том числе, зашёл в кабинет математики, из шкафа соскользнув вывалились окровавленные мускулистые ноги. Обтягивающие джинсы насквозь пропитались кровью. От верхней части, напоминавшей ярко-воле мясистое месиво в разные стороны разлетелись крупные мухи.

Ноги оставили за собой багровый след. Шкаф покойного Виктора окрасился в цвет крови. Десятки каплей стремительно стекали вниз по холодной поверхности.

Неприятным душком в коридор потянул аромат мертвечины, необычный и ни на что не похожий.

– О Господи, где же полиция – сдерживая рвотные позывы

ошарашено бормотал директор – Эта Леди V переступила все допустимые границы…

Глава 28 #alwaysisalwaysforever

Июль 1992 года

Здание старого суда больше походило на потрёпанный ветхий сарай, по ошибке построенный в стиле фантазий о роскоши людей двадцатого века. Что только не видели эти стены, чья штукатурка торопливо начала слезать, напоминая кожу ребёнка, схлопотавшего ожог на ярком солнце: и дело по убийству жены, и крупную кражу местного ювелирного магазинчика, и десятки изнасилований невинных провинциальных дам, роняющих слёзы на твёрдой скамье потерпевших. О да, эти стены, если б одним прекрасным днём начали говорить, рассказали бы многое: хватило бы на толстую наполненную тяжкими и не очень преступлениями хронику.

Широкие проспекты засыпанные мелкой песчаной пылью превратились в ад. Единственный крупный город региона напоминал осиный улей, который со всех сил пнули ботинком. Люди стремились растолкать друг друга, ссорились и кричали, делали всё, чтоб увидеть профиль одного из самых обсуждаемых людей последних месяцев.

Тут его называли разными именами, приведём лишь самые приличные и лишённые крепкого мата: лысое чудовище, антихрист, тварь, мразь. Но самое популярное – убийца

лесополос. Так его окрестила газета, написавшая статью про первое убийство этого кровожадного создания.

Каждый из скучивавшихся под дверями суда людей готов был порвать его на мелкие кусочки. Ненависть достигла своего предела в двенадцать часов утра, как раз тогда солнце стояло в зените и безбожно палило, и как раз тогда в клетку завели тощего и высокого мужчину, окатывавшего бегающими в разные стороны безумными глазами зал суда.

Как только два крепких офицера, сопровождающих маньяка захлопнули замок клетки зал взорвался. Такого шума эти лысые и тихие земли не видали, должно быть, со времён большого взрыва. А пережили они достаточно: во время Гражданской войны враждующие армии пытались поделить плодовитые на полезные ископаемые земли между собой. Литры крови окропили здешний чернозём, выстрелы эхом разносились по степям. Сейчас же эхом по опустевшему городу проносились яростные возгласы:

– Дайте нам его судить! – кричал разъярённый шахтёр в очках, придерживая старый купленный на местном подобии блошиного рынка берет. Там одеждой затаривались все жители. Были бы хозяева местных заводов щедрее – местные с удовольствием вынесли б из магазинов все коллекции Коко Шанель, будьте уверены. – Мы единственные, кто может осудить мразь, убивавшую наших детей, по достоинству!

Лицо шахтёра залилось багровым цветом. Стекла очков увеличивали яростные красные глаза. Обращаясь к господи-

ну судье, он с ненавистью разглядывал сидевшего за окрашенными белой краской прутьями мужчину.

Убийца из лесополос убил семилетнего сына шахтёра. В один майский вечер, в разгар праздника, маньяк предложил мальчику конфеты, заведя его в одну из лесополос. Как результат: маленькое тело расчленено, ноги и руки разбросаны в разных концах посадки. Нашедшая тело, точнее его останки, дама, потеряла сознание и схлопотала приступ. Не каждому дано спокойно пережить подобную жестокость.

Теперь отец не мог спокойно жить, из раза в раз виня себя в смерти единственного сына. Все жители региона жили в страхе, не отпуская далеко детей. А он один раз решил сделать исключение, впоследствии ставшее роковым.

Тощий силуэт продолжал обводить глазами кричащую толпу. Что он испытывал, хотите ли знать? Гордость. Эти напыщенные дамочки с трёхметровыми начесами превратились в безумных обезьян. Сдержанные и культурные мужчины изрыгали самые грязные маты. Люди сняли с себя маски и позволили ярости руководить ситуацией. А сколько слёз, сколько рыданий по глупеньким наивным малышам! Вы только посмотрите: пожилая дама упала на колени, заревев точь-в-точь как орангутанг:

– Моя девочка, что ты с ней сделал, животное? – вопила она, не заметив как пара полицейских подхватила её под руки и потащила к выходу.

«Леди, какая ИЗ, уточните?! У меня было много девочек

– кто-то пухлее, кто-то стройнее или худощавей. Некоторые умерли быстро и безболезненно. Один удар и мимолётная потеря сознания, напоминающая вспышку молнии. Некоторые погибали в страшных муках и неистовом страхе, и скажу вам честно, это самые приятные моменты моей жизни. Испытывать возбуждение, наблюдая как они кричат…»

Самое сложное дело провинциального судьи затянулось ещё в самом начале. Люди теряли сознание как только увидели маньяка, падали на грязный пол и хватались за сердце. То ли нервы, то ли невероятная, аномальная жара. Будто бы Бог сам решил судить убийцу, забрав его в ад ещё при жизни.

Протерев платком мокрый лоб, господин судья с интересом посмотрел на нервного адвоката. А чего ему не быть нервным? Как только народ узнал, что ему предстоит вести дело знаменитого убийцы лесополос, в ход пошли все методы соседской мести: в небольшой халабуде мужчине выбивали окна и рисовали крупные яркие надписи на стенах. Сынишку теперь каждый день били в школе старшеклассники, обвиняя отца в помощи настоящему «сатане». Жители отнеслись к этой истории метафорически, во всём видя религиозный символизм. Такого противостояния между адвокатом и гневными местными даже Харпер Ли не снилось во время написания «Убить пересмешника». Но тут в ход пошёл не расизм, а ненависть к человеку унёсшему жизни 62 молодых людей.

Сейчас адвокат бегло осматривал некоторые показания,

стараясь не потерять контроль читая очередное описание убийства. «Убийство на клетку шахматной доски… Он вырвал матку у шестнадцатилетней и съел её в сыром виде. О нет, похоже меня сейчас вырвет прямо на глазах у толпы» – тощие руки мужчины будто свело от сильной судороги. Они затряслись мелкой дрожью, кажется у сурового и сдержанного адвоката начался припадок. А если вслушаешься в проклятья сидевших рядом родителей жертв, можно сойти с ума…

Судья был готов задать очередной вопрос, порядок которых казался невероятно жалким и бессмысленным, безумным и глупым. Спрашивать у психопата за что он убил ребёнка. Сумасшествие! Зачем? Да потому что его возбуждает вид искалеченных детских тел! Жуткая, но какая-никакая правда. Он возбуждался, лицезрев вывернутые наружу органы, окраплёные кровью невинные лица, навсегда застывшие в выражении немого ужаса.

Его ответы преподносились под ширмой проповеди, будто главный пророк хиппи или основатель жуткой секты пытался загипнотизировать безвольную толпу нескончаемыми метафорами и псевдо-глубокомысленными сравнениями. Перед глазами одетого в шёлковую чёрную мантию блюстителя правосудия воссоздались картины из видео судебного заседания по делу Чарльза Мэнсона. Скорее всего, все они были одинаковыми, пытаясь скрыть своё безумие под целой волной фраз, коих хватило бы для написания толстого справоч-

ника. Пустые глаза, во время произношения тех самых фраз, наполнялись детским счастьем и радостью. Кажется, ОНО готово было захлопать в ладоши, рассказывая об своих эмоциях во время убийств.

С «убийцей лесополос» провели уже не один десяток бесед и психологических исследований, но каждый раз этому человеку (?) удавалось преподнести одни и те же даты будто с разных точек зрения. Например, шестое убийство. Во время первого допроса следователи услышали в его голосе жалость, искреннее сожаление. Казалось, не он убивал их всех а его безумный и жестокий брат-близнец. На вторую беседу вышел уже именно братец. Он смаковал мельчайшие подробности кровожадного расчленения. В третий раз, это создание описывало забавную игру, где он – водит, жертвы – убегают. Оно хохотало закидывая голову и хватаясь за живот – вот ведь умора! – убийство как хороший анекдот.

– Эта тварюга должна сдохнуть! – пожилая дама с седыми как свет звёзд волосами выделялась из толпы остальных пожилых дам. Слёзы не текли ручьями из её узких глаз, наверное, ненависть не позволяла. Надрывая глотку она кричала, её руки тряслись, и казалось, эта хрупкая дамочка ростом в метр пятьдесят может сожрать сидящее в клетке создание вместе с костями.

«Эх, пожилая леди. Неужели вы думаете что я бы по своей воле не отдал бы вам высокомерно улыбающегося засранца прямо в руки, чтобы вы его отрахали так же, как и он ваших

чад?» – мысли судьи так и остались загадкой. По его бегающим глазам видно неопределённое состояние, будто он готов был сию минуту взять ржавые ключи от клетки в руки и отварить клятую дверь, оставив монстра на растерзание разъярённым родственникам погибших детей. Он бы сам с удовольствием привстал на дыбы, пытаясь разглядеть как медленно будет разрывать на части грешное тело разъярённая толпа, разобрав сумасшедшего на части.

Возможно, он сам этого хотел, и не без наслаждения вмазал бы по изуродованной безумной улыбкой роже.

Диалог со зверем был возобновлён после воплей дамы:

– Продолжайте, ваше первое убийство, после которого по ужасной ошибке на электрическом стуле было спалено двое невиновных.

Сейчас они казалось, пытались, но жаль, что с опозданием, распознать проблему на корню. С чего всё началось? С рыжей болеющей девчонки: первая клетка кровавой шахматной доски.

В зале, закрывая заплаканные глаза, сидела рыжая, один-в-один как дочь, женщина средних лет, чувствовавшая что ещё одна колкая подробность про жестокое убийство её дочери заставит слабое и изуродованное многочисленными царапинами и кровоподтёками материнское сердце вновь разбиться на множество частей. Оно уже разбилось однажды, почти десять лет назад, когда пришло известие о мёртвом теле дочери посреди сухого поля. Но сейчас, те мелкие оскол-

ки грели тёплые воспоминания. Её улыбка и развитая не по годам мудрость. Врачи прогнозировали дочери отставание в развитии, но порой её умение сочувствовать и поддержать поражало. Её умная и находчивая девочка была развита не по годам. И как же не хотелось омрачить теплейшие залитые солнцем воспоминания подробностями о последних минутах её жизни.

В голове мамы жутким фильмом ужасов сменяли друг друга правдоподобные картинки случившегося, ведь чудовище описывало всё крайне кинематографично. На тех выгоревших кадрах видно её девочку, лежащую посреди жёлтого поля. В умных и понимающих глазах застыли слёзы, из горла вырывается крик. Она не понимает, что же хочет нависавший над ней мужчина. Ребёнку никогда не понять, что творится в голове у одержимого убийствами других человека, впрочем, как и нормальному взрослому.

– Я почувствовал что если девочка закричит громче у меня начнётся… – маньяк замялся, перебирая капельки стекавшего пота на своих тонких губах, вытянутых в кривой ухмылке, как капли сладкой газировки. Он говорил громко и отчётливо, желая впечатлить каждого сидевшего в зале – Я не хотел, чтоб она прекращала кричать. Мне нравилось как она вырывается из моей хватки и пинает меня своими тонкими ножками – бледная и невероятно белая кожа преступника сияла под светом ламп. Даже без его крупных очков в тёмной оправе, отобранных полицейскими, он имел счастье

разглядеть шокированные лица людишек, хоть и порой они размывались, и всё вокруг мешалось в единую массу.

– Что вы почувствовали, когда… – судья заминался, и это делало его похожим на сидевшего в клетке особо опасного зверя: сумасшедшего человека – … убили её?

– Наслаждение. Удовлетворение – отчётливо закончил психопат – Догнав её, я стал сильнее царапать ногтями детскую мягкую кожу, после чего она ещё сильнее закричала. Тогда я почувствовал это. Почувствовал в первый раз.

Сентябрь 1981 года

В этот период времени в городе стояла особая жара. Первые дни осени тут, как бы абсурдно это не было, становились разгаром и пиком лета. Солнце словно прилетало максимально близко к нашей планете, почти касаясь своей раскалённой поверхностью озонового шара. Стоит лишь выйти на пыльную залитую светом дорогу, как спустя мгновение тело сразу же станет мокрым, будто бы тебя облили ведром тёплой воды.

Местные считали своим тяжким проклятием, что главное время года, предназначенное исключительно для тяжкой физической работы, выпадало на этот сезон.

Разбросанные по сухому полю невысокие домики держали вокруг себя приличную дистанцию. Более обеспеченные люди любили пространство, держа на своих владениях скот. Более бедные вынуждены были теснится в хижинах с выго-

ревшими крышами, изнывая от жары и хоть как-то спасаясь небольшими шумно гудящими вентиляторами, но сейчас даже к этим никудышным приспособлениям местные доступа не имели. Они вынуждены были трудиться на полях, попутно приучая к тяжелейшему ремеслу своих детишек. Самыми людными местами тут стали окружённые стенами лесополос пшеничные поля, а сам городишко, вымирая, напоминал переживший взрыв атомного реактора посёлок. Грязные стены и треснувшие окна, крупные собаки, охраняющие низкие дома, абсолютная тишина и лишь шум гоняемой ветром по дорогам пыли.

«Дзынь-дзынь» – тишину безлюдного города нарушил велосипедный звонок. Услышав звонкий шум, сторожевые собаки напряжённо подняли морды, но увидя кто именно едет расслабились и дальше погрузились в дрёму. Даня и Дима, местная бездельная шпана, рассекали по посёлку на велосипедах. Для всех лето только что закончилось, но не для них. Они с чистой совестью прогуливали школу, кидая камни в окна старых домов, жители которых сейчас трудились на поле.

– Старуха Тамара – кричал Дима своему напарнику, мастерски объезжая яму – Её даже сын родной бросил, а мерзкая слюнявая шавка, скорее всего, сдохла от голода. Её маразм достигал того, что она кидала котлетами в приезжающего к ней почтальона.

– Эй, Тамара – смеясь выкрикнул Данил – Лови посыл-

ку, старая маразматичка – после чего, замахнувшись, кинул тяжёлый камень в окно допотопного дома, уже и без этого треснувшее – Где мои котлеты?

Неразлучная парочка залилась хохотом. Спящий на соседнем участке чёрный пёс с длинной запутанной шерстью пробудился и принялся громко лаять, прогоняя непрошенных гостей.

– Ого, чётко – поддержал друга Дима – Тебе бы в бейсбол. Говорят, через годика два-три он станет самой популярной игрой всего мира!

Собака продолжала лаять.

– Да чушь всё это! Зуб даю, за пределы Америки эта игра не уйдёт!

Собака начала смешно прыгать на задних лапах, при этом яростно скалясь и заглядывая чёрными глазами на подростков.

– Закрой пасть, шавка! – выкрикнул Данил, метко кинув второй крупный камень в сторону собаки. Попав в тощее брюхо, камень заставил пса прекратить лаять. Жалобно заскулив, раненое животное торопливо бросилось к кустам.

– Будешь знать, как перебивать наши разговоры! – буркнул Дима, взяв новую охапку камней. Смеясь, пацаны поехали дальше.

Где-то в квартале от хижины старухи находился огромный выкрашенный в пепельного оттенка чёрный цвет старый дом. Настолько старый, что весь фасад сооружения сетью по-

крывали глубокие трещины. Некоторые рассказывали, будто слышат скрип по ночам, якобы дверь остаётся открытой. Вообще, про этот дом много говорили, в основном устрашающие городские легенды, переходящие из поколение в поколение благодаря костру и фонарику. Некоторые ребятишки, на Хэллоуин, залазили внутрь и пытались найти приведений. Некоторые фантазёры находили, но большинство уходило разочарованными, ведь вместо приведений внутри лежала тысячелетняя пыль, а остатки мебели прикрывала плотная сеть паутин.

Недавно нашёлся умник, реставрировавший крупное строение в центре города. Но даже с новым ремонтом особняк продолжал напоминать типичное место действия из каноничного horror movie, в котором переехавшая в новый дом идеальная семейка погибает спустя месяц. Понятное дело, что никто не хотел приобретать подобный дом-призрак, тем более находящийся в подобном убогом захолустье.

– Эй Дима, говорят туда кто-то заехал – остановившись крикнул своему другу Данил.

– Да врёшь! Какой нормальный человек заселится в эту старую жуткую развалину?

– Кто-то говорил, что он нормальный? Говорят какой-то лысый мужик из богатой семьи его снимает для того чтобы таскать туда проституток.

– Проституток говоришь? – подняв густые брови переспросил Дима, достав камень из кармана – Это тебе за то что

таскаешь наших девчонок – крикнул он и ловко закинул камень в окно, даже и не подозревая что за ним сейчас наблюдают. Наблюдают, расплываясь в безумной ухмылке.

– Это бессмысленно, Дима.

– И чего же?

– Ну типа проститутки же добровольно работают и получают за это деньги. Говорят, большие.

– Но всё равно, пусть таскает их в своём городе – деловито ответил блюститель чести местных девушек. С чувством выполненного долга парни запрыгнули на велик и поехали прочь от особняка. Надолго останавливаться там не хотелось, всё же жутким было то место. Правы оказались местные сопляки: казалось, что из темноты зашторенных окон кто-то увлечённо наблюдает за прохожими.

Маша сидела на бордюре и терпеливо отрывала зелёные хвостики черешен. Перед этим она насобирала два полных ведра спелейших и сладчайших ягод, чей багровый цвет так привлекательно переливался на солнце. Понятное дело, девчонка не удержалась, и в качестве приза за упорный труд наградила себя парой ягод. И ещё парой… ещё… Отбросив косточки в сторону, Маша вернулась к работе.

Вообще, всё её лето неотрывно было связано с фруктами и ягодами. Июль – абрикосы, конец июня – яблоки и малина. Самое начало каникул знаменовала собой клубника, растущая на притрушенных небольшим слоем пыли кустиках. В

качестве оплаты из этого всего богатства мама готовила божественного вкуса компоты и сладкие пироги, желе и морсы. Своеобразный бартер, которому Маша была весьма рада. Тем более заниматься ей летом, помимо чтения книг и молчаливых посиделок на улице, решительно нечем. Учителя перестали приходить домой ещё за десять дней до начала лета. Никакой математики и языка, рай и сказка для любого ребёнка, но Марию спустя неделю безделия окатила тоска. И вот, долгожданное первое сентября. У порога дома стоит репетитор по математике: строгая женщина лет пятидесяти, заплетающая свои кудрявые рыжие волосы в крупную дульку. Она любит кричать, бить кулаком по столу и обзывать детей – по крайней мере, так говорят соседки – мамы ребят, ходивших в настоящую школу. Ведь именно Машу учительница любила, относилась к ней как к собственной дочери. Вообще, многие горожане и соседи любили девчонку. Новость, что у одной из самых трудолюбивых гражданок родилась больная дочь потрясла местную общину. Но смотря за стремительным развитием умненькой девчонки люди выдохнули, начав относится к ней как к нормальному послушному ребёнку.

А вот с ровесниками сложнее, ведь их она почти не видела. Соседские ребята порой пробегали мимо окон, и она с мечтательным интересом засматривалась на лохматых мальчишек, дарящих букеты небрежно нарванных цветов курносым девочкам. Когда она выходила на порог, находя в себе

силы идти на контакт с ними, ребят будто ветром сдувало. Единственные, кто решался с ней вести разговор – местные проказники Данил и Дима. Проезжая мимо её дома на велосипедах, они не упускали возможности выкрикнуть пару обзываний в её спину. Она уже даже и не обижалась: эти дурочки стали обыденным явлением, как палящее солнце или внезапный сырой дождь.

Мысли об общении со сверстниками опечалили Машу, даже когда она сидела в полном одиночестве перебирая ягоды. За день до окончания лета она увидела мальчика, живущего на соседней улице. Колесо его велосипеда запуталось в крепких объятиях лысого кустарника, и выйдя на помощь, девочка первым делом поздоровалась с незнакомцем. Подправив свою бейсболку парень скорчил такую физиономию, будто увидел сбежавшего из циркового шатра фрика.

Это удивило девочку, ведь она никогда не считала себя особо страшной. Смотря в зеркало она видела особенную внешность, может быть мамино воспитание постаралось, но она воспринимала свои больные суставы и выпирающие кости как божий дар. Не каждый так выглядит!

Её крайне высокий для такого возраста рост она также несла с грацией и достоинством. Но и эти факторы не смогли её лишить комплексов и подтолкнуть к общению с другими ребятами.

«Дзынь-дзынь» – вдалеке улицы прозвучал знакомый велосипедный звонок, предвещавший появление языкатого

дуэта – Дима и Данил вновь ищут приключения. На них всё знакомство с миром мальчиков для Маши и ограничилось.

Когда Дима остановился под самой черешней и ловко сошёл с велосипеда, Маша продолжала делать вид, будто он невидим:

– Эй, дылда, решила своей башкой черешни посбивать? – хихикнув спросил он своим грубым голосом. Голоса этих мальчиков напоминали ей звуки пришельцев. Басы часто переходили на невнятный писк. Мама объяснила, что это один из признаков опасного «переходного возраста». Голос становится мерзким, ломаясь и приобретая новое звучание. Маша с ужасом ждала, когда «переходный возраст» начнётся у неё.

– То что вы низкорослые гномы в свои 14, не означает что нужно обзывать стройных высоких девушек – как говорит мне мама – деловито ответила Мария, подняв ленивый взгляд на двух придурков.

– А что твоя мама говорит про свой вес, который превышает норму массы голубого кита? – рассмеялся Данил. Фантазии на подколки и ядовитые шутки этим двум не занимать. Но она изо всех сил старалась не злиться на них, списывая всё на тот самый «переходный возраст». Хоть и порой она желала этим двум смерти, но потом быстро одергивала себя от тёмных мыслей.

Мария выбрала тактику не обращать внимание на пустые издевательства, она продолжала заниматься своим делом не замечая вокруг себя никого. И два парня уехали прочь, рас-

творившись в пустынных улочках города.

Прошёл час её усердной работы. На улице так и не появилось ни единой живой души. Работа была почти закончена, какие-то несколько черешен, ещё одна песня Элвиса и она зайдёт домой.

– Деточка – услышала она звонкий мужской голос и подняла глаза. Перед ней стоял высокий тощий лысый мужчина, улыбаясь наблюдавший за тем как аккуратно Маша раскладывает черешню по ведрам. На нём были длинные джинсы, собирающие на себе песчаную пыль, и красная футболка-поло, весьма дорогая на вид. Таких тут не носят и в ближайшее время носить не собираются.

Взгляд мужчины Маше сразу же не понравился, хоть и лицо его не удалось рассмотреть в деталях из-за ослепившего глаза солнца – Мне очень нужна твоя помощь. В поле, как раз недалеко от твоего дома, в яму провалился котёнок. Сейчас он жалобно мяукает и зовёт на помощь. Представляешь, проезжал мимо на велосипеде и услышал как он плачет.

Сердце Маши чуть из груди не выпрыгнуло, как только она представила одинокого котёнка, плачущего посреди поля. Ему так страшно без мамы, где-то в тёмной холодной норке. Блестящие глазки смотрят в небо, наполняясь блестящими слёзками.

Девчонка жалобно вздохнула, но подумав, спросила:

– А чего вы не можете ему помочь?

– У меня не получается. Как бы я не хотел, не могу про-

лезть. Чересчур широкий. А ты, гляди, какая стройная и худенькая – с сожалением сказал незнакомец – Ты же поможешь ему? Не оставишь маленького котёнка одного, в беде?

– Конечно нет! – доверчиво отозвалась девочка. Незнакомец теперь казался таким искренним и добродушным, что она не думая оставила ведра наполненные ягодами и пошла за ним.

Спустя пять минут ходьбы Маша и незнакомец были в пункте назначения. Огромнейшее поле пшеницы, пережившее свой «хлебный сезон». Сейчас оно, как и весь город, пустовало. Из земли торчали колючие остатки пшена, лысое поле стеной обволакивала высокая лесополоса. Узкая тропа вела подальше от большой дороги, по которой за всё время их ходьбы не прошло ни единой живой души.

Всё это время они молчали. Теперь Маша смогла рассмотреть его лицо. Под узкой верхней губой чёрным пушком росли усики, на почти лысой голове остались редкие тёмные волосины. При первом взгляде она даже их и не заметила. На его висках вздувались жирные синие вены, а сам он продолжал странно улыбаться.

Девочке стало не по себе. Хотелось развернутся и убежать, ведь сейчас странный дядя начал настораживать. Но ожидающий помощи котёнок заставлял без лишних вопросов и раздумий идти дальше, хоть и никакого мяуканья слышно не было.

– Мы пришли – остановившись, резко вскрикнул он, длинным указательным пальцем указывая на неглубокую, но и впрямь узкую дыру в земле.

Аккуратно присев на корточки, Маша заглянула в яму:

– Кис-кис – ласково протягивала она, засунув руку в яму. Котёнок не отвечал – Кис-кис – встревожено повторила девчонка.

– Попробуй ещё – она чувствовала как незнакомец подходит сзади всё ближе и ближе.

– Кис-кис – озадачено последний раз позвала она несуществующего котёнка – Тут никого нет! – возмущённо констатировала она. А что если котёнок лежит там без сознания?! Или задохнулся?! О, ужас!

От жутких мыслей её отвлекло неожиданное движение незнакомца: он протянул свою тощую, слегка дрожащую руку к её плечу. Вцепившись пальцами в тонкую лямку розовой майки Маши, он начал медленно её стягивать.

Вздрогнув, девочка сначала и не знала как отреагировать. Она с удивлением наблюдала за движением мужчины, пока он шептал себе под нос:

– Тише, девочка.

Опомнившись, она воскликнула:

– Что вы делаете? – с искренним непониманием глазея на незнакомца.

– Тише-тише – шепотом заладил он.

– Я сейчас закричу – со слезами на глазах начала угро-

жать Мария. До детского наивного ума дошло, что незнакомец специально заманил её в поле. Маша быстро схватывала подобные вещи, но сейчас реакция явно запоздала.

– Можешь кричать сколько хочешь. Твой крик здесь никто не услышит – расплылся в улыбке мужчина.

Собрав все силы в тощие руки девочка оттолкнула незнакомца от себя и бросилась прочь, в сторону пыльной большой дороги. Пустое поле наводило неистовый ужас: ни единой живой души, ни кружащих птиц над головой. Казалось, эти жёлтые выцветшие просторы не кончаются до самого края земли. Лысые холмы блестели даже на горизонте.

Оглядываясь по сторонам и рассчитывая увидеть хоть кого-нибудь, Маша громко завопила. Визг, преисполненный ужаса вихрем пролетел над полем и быстро растворился в пустоте.

Маше казалось, что незнакомец существенно отстал, она оторвалась и уже скоро будет дома, за надёжно запертым замком. Повернувшись, она хотела оценить дистанцию, но увидела высокий тощий силуэт прямо за спиной.

Потные ладони обхватили её рот. Из уст девчонки вырвался сдавленный писк. Потом его руки опустились ниже, и обхватив тонкую шею принялись медленно сжиматься. Воздух закачивался. Девочка кашляла, наблюдая как выгоревшее поле охватывает тьма. Земля под ногами исчезла. Голова кружилась. Из далека прозвучал его голос:

– А всё могло закончится по другому – возбуждённо за-

орал он, продолжая зажимать её горло – По другому…

Маша из последних сил пыталась сделать последний вдох, но все старания тщетны.

Кажется, в то мгновение до сообразительной девчонки стало доходить, что теперь всё заканчивается. Она даст этой тьме захватить всё вокруг, и больше никогда не увидит света. Те судорожные короткие вдохи были её последними признаками жизни. Она в последний раз взглянула на насыщенную зелёным лесополосу и перевела взгляд на его безумные глаза. Он тужился, потел но при этом почти незаметно улыбался. Левый уголок рта подпрыгивал вверх в кривой ухмылке.

А потом тьма окончательно поглотила всё вокруг.

Ещё один короткий глоток воздуха помог Маше ещё раз открыть глаза. Перед ними была бесконечная насыщенная синева неба, пронзаемая быстрыми воронами. Сейчас, они возмущённо каркали выписывая круги над её телом.

«Где же вы были раньше?»

Первые секунды в ушах стояла удручающая тишина, секунды спустя стали слышны глубокие вдохи и горловые стоны, а потом она почувствовала резкую боль, и опустила глаза вниз.

Над ней нависал незнакомец, ещё более потный. По лбу вниз скатывались капельки пота, в глазах застыл сияющий блеском азарт. Он закусывал губы и не останавливаясь двигал бёдрами, крепкими пальцами сжимая её тонкие ноги.

В последний раз сделав глубокий вдох, Мария уловила запах его пота. Запах его тела.

Запах одного из кровожаднейших людей в истории человечества.

Последней картиной, что она увидела стали негодующие вороны. Последним чувством, что она ощутила стала жуткая боль в области таза и впивающиеся в спину остатки колючей пшеницы.

Последним запахом, что она вдохнула, стал его аромат.

Картина происходящего тем днём всплыла в памяти сидевшего в клетке, как грязное животное в нищенском зоопарке, «убийцы лесополос». Он зажмурился и нервно сглотнул, неистово довольный, будто гурман только что вкусивший десерт от шеф-повара лучшего французского ресторана. Он пытался сдержать улыбку, ведь каждый раз, вспоминая свой первый раз он словно идиот в ней расплывался, выставляя своё обезумевшее лицо во всеобщее обозрение.

– Я раздел её – рыжая пухлая дама, мама девятилетней Маши громко вздохнула, обратив на себя внимание зала. Зрителям казалось, будто она сейчас потеряет сознание, как несколько других женщин пол часа назад. И казалось бы, столько лет прошло, а тот день мама Маши помнила в мельчайших деталях. Свет солнца и жару, как кропотливо её девочка снимала хвостики с черешен и складывала ягоды в ведёрце.

А чудовище видело перед собой её последний взгляд: мутный и наполненный непониманием. Бедняжка так и не поняла, что происходит. Он, кончив, застегнул ширинку и обхватил бездыханное тело крепкими руками, прижав лёгкую головку к мокрой груди. Так и сидел он, обхватив детский труп, совершенно один посреди безлюдного поля где-то пол часа. А может быть и час. Ему казалось, что с той девочкой он провёл вечность.

И именно тогда он познал своё счастье.

Мать Маши вскочила со стула и стремительно подлетела к клетке, между прутьев которой на неё смотрели два довольных стеклянных глаза. Обхватив извивающееся тело, и одновременно поразившись силе и упорству такой хрупкой на вид женщины, офицеры остановили её за несколько шагов до «убийцы лесополос»:

– Мразь! – кричала она, размахивая кулаком в разные стороны – За что ты отобрал её жизнь? Кто тебе позволил забрать жизнь моей малышки? Моей девочки, смысла моей жизни? Человека, ради которого я жила? – в тот момент, перед мокрыми глазами мамы привстал детальный образ дочки: длинные рыжие волосы, умные понимающие глаза и та самая красота, делающая её особенной, единственной на этой планете и неземной. «Немного в нашем мире статных девушек, способных оценить свою красоту по достоинству» – вспомнила она свои слова, когда дочь плакала стоя напротив зеркала – «Ты уникальная, и прошу тебя, никогда

не говори что хотела бы быть кем-то другим. Моя любимая Машка, самая добрая девчонка на планете, я уверенна, будет по достоинству оценивать то, что ей подарила природа и Господь».

Маша кивнула и расплылась в счастливой улыбке. С тех пор она никогда не ревела перед зеркалом, разглядывая торчащие суставы и кости.

Ну а в памяти кричавшей в зале суда мамы собиравшая абрикосы невинная дочка, не желавшая зла никому, даже двум жестоким задирам издевающимся над ней, навсегда застынет в своём девятилетнем возрасте. Она будет такой всю её оставшуюся жизнь, серую и лишённую какой-либо радости, приходя в редкие душевные сны, садясь у абрикосы и напевая себе под нос любимую песню Элвиса. Она не изменится, и будет жить с ней вечно.

Убийца плевать хотел на громкие вопли матери. Он продолжил свой детальный рассказ:

– На ней было милое розовое платьице, снять которое не составило труда. И тогда я получил так сильно не хватающее мне сексуальное удовлетворение. Как я уже говорил на прошлых допросах, я не получал удовлетворения ещё с ранних годов. Но секс с умирающим ребёнком стал для меня самым большим наслаждением за всю жизнь. Только я, не дышащая девочка, сердце которой перестало биться и засушливое поле, выгоревшая трава на котором служила нам покрывалом. Спасибо вашей Маше за эти чувства – хихикнуло чудовище.

– ТВАРЬ! – кричала мама – ТЫ СГОРИШЬ В АДУ! ТЫ БУДЕШЬ ГОРЕТЬ ТАМ ВЕЧНО! ТЫ ЗАПЛАТИШЬ, ТЫ ЗАПЛА…

Её бешеный разъярённый голос эхом разлетался по полю. Сейчас он был далеко от душного зала, идя босиком по колючему полю в сторону посадки. Её голова шаталась из стороны в сторону как маятник, длинные ноги свисали вниз, тонкие губы были приоткрыты.

Зайдя в лесополосу и дойдя до небольшой речки, маньяк поцеловал свою первую жертву на прощание. Почувствовав холод её безжизненных уст, он погладил её по бледной щеке и, наконец, избавился от тела.

Душив бедолагу, он почувствовал как приятно защекотало в его животе. Как тело чуть не разорвало на мелкие части от возбуждения и наслаждения. И стоя на сыром берегу реки он понимал, что никогда не остановится, будет продолжать искать это чувство из раза в раз, ведь оно того стоило.

Сам того не понимая, он подсел на особый вид наркотика. Стал зависим от чувства, что испытал во время убийства Марии. Зависим до конца дней. Вплоть до неминуемого хладнокровного расстрела – заслуженной казни. Как и полагается, медленной и мучительной.

Расплываясь в своей пустой безумной ухмылке, мужчина наблюдал как стремительно погружается тощее тело на дно мутной воды. Грубые очертания её лица в последний раз мелькнули среди водной глади, их прикрыли пышные рыжие

волосы. А потом и они пропали из виду.

Именно так произошло первое убийство знаменитого «убийцы лесополос». Первое из шестидесяти двух последующих.

Все они сейчас прекрасно знали, что из себя представляет мистический образ загадочной Леди V, но почему-то продолжали смотреть на меня как на безумца.

Шериф подоспел к месту преступления спустя несколько минут, притащив за собой стойкую зловонную вонь перегара. Шагая по коридору к кабинету директора он обвёл наполненным пренебрежением взглядом дружков своего сына. Даже сквозь нахальные образы можно было просмотреть детское любопытство. Они специально кучковались у того самого шкафчика, залитого кровью и перемотанного жёлтой лентой. После жуткого известия, взглянуть на это место стало среди школьников чем-то вроде забавного квеста: как развернувшись спиной кинуть монетку в фонтан Треви, или приклеить жвачку на стену театра Сиэтла. Вставав на цыпочки они хоть одним глазком пытались рассмотреть жирный багровый след, но большинство ждало разочарования.

Два назойливых копа в голубых рубашках, мои дружбаны, кстати говоря (они нашли меня упавшим с сосны рядом струпом. Тогда я взглянул на них красными глазами и что есть мочи завопил. А потом заревел. Безумная ночка) разгоняли всех любителей зрелища. Высокие силуэты и широкие

груди перерождали впечатлительным детишкам обзор, а потом пришёл ворчливый директор, замотанный и уставший, и погнал всех в шею из школы.

Не известно каким методом он ручался выбирая людей, но мужчина оставил для допросов мой класс полностью, без исключения. Компанию нам всем составили парочка зажатых одиннадцатиклассников и некоторые адидасы. Сейчас они сидели в коридоре на диванах и громко сплетничая ждали своей очереди будто бы не на допрос, а за сладким клубничным латте.

Судя по обрывкам фраз, долетавшим до меня, никого особо не парили найденные в одном из шкафов оторванные от остального тела ноги. Лишь в голосах единиц звучала жалость и откровенный страх, все остальные рвали глотки, пытаясь переманить на себя внимание сверстников.

Типичная школьная жизнь.

Ну а я, как всегда, первый когда дело доходит до кровавого убийства. Сижу сейчас за закрытой дверью с золотой табличкой «кабинет директора» и послушно отвечаю на знакомые вопросы, уже машинально и почти не думая.

– Значит, это та женщина, что собиралась взорвать твой дом? – в что сорок пятый раз уточняет шериф.

– Угу.

– По-моему, он уже отвечал на этот вопрос – моя громкая храбрая девочка сидит рядом, грея теплом своего бледного тела. Забавный каламбур. Ева, после случившегося, крепко

обняла меня и не желала отпускать одного даже на допрос. Я крепко вцепился в неё и жадно вдыхал её сладковатый аромат, закапывался носом в густые волосы, проводил пальцем по изысканным чертам лица.

– Девушка, я ещё раз повторяю, вы тут не нужны – буркнул шериф, выпустив на нас волну своего неповторимого аромата. Недавно, летом, я читал Зюскинда и его «Парфюмера». Одна из многочисленных мыслей, что я вынес из этой книги, звучала так: от аромата человека зависит восприятие его другими людьми. Не мудрено, что этого урода ненавидел весь город. Ради приличия он мог заставить себя помыться чаще, чем раз в год.

– У девушки есть имя. Невероятно прекрасное и мелодичное – Ева. И она всегда нужна – улыбнувшись, я повернулся к ней и лукаво спросил – Ведь так?

Ева довольно захихикала и прижалась ко мне сильнее, хоть и казалось, что сильнее некуда.

Не устану повторять: из-за неё я ещё в себе. Обнимая её я прямо чувствую, как она делится своей энергией и жизненными силами. Надеюсь, я не действую на неё из-за этого как вампир.

– Какими отличительными признаками ты можешь охарактеризовать Леди V? – смерившись с нашим игривым настроением, господин зловоние продолжил допрос.

Отвечая, я ласково поглаживал Еву по колену:

– Ну… она ловкая, это точно. Моментально исчезать –

это её конёк. Она сильная. Спортивная, ведь только такой человек может разбить нос Максу. Я думаю лишним будет говорить, что она поражающе умная. Столько раз V могла выдать себя, но не оставила ни единой зацепки.

Я ощущал, как слегка подтруштвает Еву. Понятное дело она нервничала, но из всех сил пыталась скрыть страх за улыбкой. Рассчитывая хоть чуть-чуть её прибодрить, я неторопливо поцеловал её в мочку уха. Она не стесняясь захихикала и шутливо пнула меня локтем.

Директор, наблюдая за нашей «ошарашенной» реакцией на сегодняшние события, должно быть, про себя решил что я и впрямь чокнулся. Не может же ребёнок пережить столько потрясений и остаться в уме?

Сейчас я не стесняясь расплывался в улыбке заигрывая со своей девчонкой, а они мысленно пальцами у висков крутили.

– Влад, как ты считаешь, кто может быть Леди V? – шериф опустил глаза в свою потёртую записную книжку, которая, я уверен, служила не более чем декорацией.

– Я… – начав фразу, я осёкся. Внимание привлекло знакомый с детства жеманный голос, негодующий и старательно растягивавший каждую гласную как сладкую жвачку.

– Вы сА-А-А-Авсем та-а-ам с ума посходили? – гневаясь, так умела говорить лишь одна женщина. Я услышал звонкий стук каблуков по кафелю. Хохот сидевших в коридоре ребят оборвался, как и деловитый бас, рассказывающий смешную

историю. Андрей как раз собирал вокруг себя благодарную аудиторию, когда его решила прервать Надин.

– Как вы смеете держать наших детей здесь? Что за зверство? Тут находится часть расчлененного подростка, а вы не выпускаете их из здания?!? Идиоты!!!

– Надин, успокойтесь. Нам крайне нужной их опросить – раздался бас полисмена, а затем недовольное восклицание Андрея:

– Ну мааам! – да уж, приятного мало. Сейчас столь важный брутал выглядел как слюнявый маменькин сыночек. Точнее, звучал.

– Молчи! – рявкнула Надин и обратилась к полисмену – Немедленно отпустите моего сына!

– Нам нужно допросить его, и он сразу же будет свободен – а этот парень крепкий орешек. Признаю, я их недооценивал. Нужно обладать воистину мужской выдержкой, чтоб перечить жене моего дяди. Вы просто не видели её в ярости – наманикюренный указательный палец тычет тебе прямо в лицо, пухлые подколотые губы изргают самые неприятные унижения, из-под длинных нарощенных ресниц смотрят яростные глаза, а когда понимаешь, какое влияние тут имеет эта женщина, желание воевать с ней отпадает как высохшие лепестки от цветка.

– Мой муж спонсирует этот городишко не для того, чтобы нам тут ставили условия!

– Лично меня никто не спонсирует – хмыкнул коп – По-

этому успокойтесь и ожидайте сына – ох, парень, зря ты это. Сейчас грянет невероятных масштабов буря.

– В этом городе условия задаём МЫ, и если ты, мой прыщавый несмышлёный друг, ещё не допёр это, то ты не успеешь моргнуть глазом как вылетаешь со своей должности кофе делать или бургеры продавать, и для твоей следущей работы все знания, что тебе пригодятся, так это фраза: «свободная касса». Ясно?

Я не услышал ответа, думаю, его просто-напросто не было, лишь стук каблуков и заботливое «Пойдём отсюда, Андрюша».

Сабина закинула тонкую ногу, облачённую в колготки-сеточки и высокие кожаные сапоги на стоявший рядом с мягким креслом стул. Наматывая белую жвачку на палец и рассматривал переливающийся блёстками чёрный лак, она лениво подняла глаза на открывшуюся дверь кабинета директора.

В коридор вышел тот чувак, о котором все только и галдят последнее время. Попса чистой воды, аж тошно: белая футболка, тёмные джинсы и кеды от «lacoste”. Он смеётся и прижимает к себе ту девчонку, всё время ходящую с книгами подмышкой. Говорят, за последние пару недель он много чего пережил, и почему-то всем сейчас покоя не даёт его персона. На скромный взгляд Сабины всё ясно: в черепной коробке ничего, кроме этой тощей девки и предстоящей кон-

трольной по химии. Банально, скучно, пресно. Люди любят обсуждать таких попсовеньких мальчиков.

Моя башка, по ощущениям, была похожа на наполненную червями яму. Мерзость! Я не мог думать ни о чём, кроме стоявшей рядом девчонки, потому что при малейшей мысли о происходящем черепная коробка начинала трещать по швам. Из-за этого я лишь улыбался и радовался её искреннему доброму взгляду, отбросив все траблы на задний план.

Сосредоточится на размышлениях в любом случае не вышло бы: переполненный коридор заполнился громкими репликами, смешками и тысячами безумнейших теорий. Каждый сейчас мог почувствовать себя детективом из любимых книжек: будь-то порядочный француз из репертуара Тилье или строгий норвежец из Осло, придуманный Несбё. Подпирая ладонью подбородок все делали лица, будто знают что-то более общедоступных фактов.

Я словил на себе томный взгляд Сабины, жевавшей жвачку. Тёмные волосы с красными прядями сияли в тусклом свете лампы, как и её ехидные глаза. Надув небольшой пузырь, она громко констатировала:

– Хэсштег #чародейкипротивледиv – думаю, не удивительно что многие захотели отхватить хоть небольшой кусочек популярности местной маньячки. Даже если бы он заключался в паре лайков под последним постом.

Яркая блондинка с двумя торчащими в разные стороны

хвостиками на голове присоединилась к подруге, выкрикнув:

– Хэсштег # чародейкипротивнасилия

Некоторые поддержали новые тэги неуверенными аплодисментами. Блондинка криво улыбнулась и присела рядом с Сабиной. На ней были высокие блестящие кожаные сапоги, из выходящих за все рамки приличия джинсовых шорт в любой момент могла вывалиться упругая попа. Длинные ногти девушки небрежно выкрашенный в чёрный, на среднем пальце одиноко переливается приклеенная страза.

– Какое неуместное промо нового сингла – причмокнула Виктория, королева двуличия и лицемерия без заслуженной короны. Теперь она не была окружена визжащими подружками, рассказывающими в один голос свежие сплетни. После утреннего комментария Кэр ребята обходили её как больную проказой.

– Ты что-то сказала, мадам рвотный порошок? – причмокнула Сабина, после чего как по команде подслушивающие чужие разговоры зеваки залились хохотом.

Пройдя в конец коридора держа Еву за руку я приблизился к хохочущей компании баскетболистов. Макс, раздвинув ноги как врата в рай, деловито сидел в центре тусовки и разглагольствовал высказывая свои предположения, одновременно подмигивая стоящим рядом девчонкам. Те заливались краской и хохотали над каждым его словом, незаметно толкая друг-друга и пытаясь приблизится поближе к капи-

тану баскетбольной команды. Ярослав сидел рядом и не без удовольствия срывал плоды своей новообретённой популярности: людям хотелось его слушать, им нравились его шутки, а ему нравилось быть в центре внимания. Завидев меня, он с радостью заключает меня в свои тёплые братские объятия и восклицает:

– Влад! Как раз о тебе все говорили – заметив, как я напрягся он поспешно добавляет – Я пристрельно следил, чтоб говорили только хорошее!

Девочки окружают Еву и пытаются завести с ней разговор. Блондинка спрашивает, где же она купила такие клёвые джинсы и даже не подозревает, насколько моей девушке омерзительны подобные разговоры. Её наизнанку выворачивает от подобной переслащённой сахарной ваты и бесполезной воды.

Баскетболисты приветливо принимают нас в свой круг и продолжают разговор. Макс улыбается, подкидывая вверх пластиковую бутылку минералки:

– Мы играли в передуманную мною пять минут назад игру «кто убийца?». Правила предельно просты: садимся в круг и по очереди высказываем предположения, кто скрывается за маской этой стервы.

Я киваю и присаживаюсь на стул, Ева садится рядом. Очередь высказывайся дошла до высокого брюнета-баскетболиста, сегодня почему-то особенно оживлённого:

– Понятное дело это Лилит! – кричит он, глупыми глазами

вылупляясь то на меня, то на Макса – Девка вернулась из Армении обиженная на вас – из-за его бегающего взгляда не понять, к кому относится последнее предложение: то ли ко мне, то ли к моему перекачанному другу – и жаждет мести.

– Пруфы в студию – просит Ярослав под кивки окружающих.

– «Оживить» свою же конфу могла лишь она, ведь так? У нас в школе мало хакеров, не думаю что кто-то её взламывал. Девчонка ещё тогда была мстительной, а если представить, что с ней сделало время.. – Ева схватила меня за руку и начала крепко сжимать, будто моя ладонь мягкая игрушка-антистресс. Она явно нервничала, со всем вниманием выслушивая теории про свою подругу.

– Она бы не сделала этого! – вскрикнула она, вскочив со стула и быстрым шагом направилась к дебилу-баскетболисту. Тот мешок мускулов, жил и пухлых вен подпрыгнул на месте от неожиданности, клянусь. У Евы глаза горели бешеным огнём, задев локтем блондинку-хохотушку она даже и не извинилась – Лилит никогда бы не убила человека!

– Не убила?! Ты шутишь? – прыснул баскетболист – Она, судя по её постам и всем собранным сплетням, желала смерти каждому из нас!

– Это вы все её ненавидели! Вы делали её такой! – гневно доказывала Ева.

– А что, качок прав – вмешалась в игру, начавшую выходить за рамки правил, блондинка из «Чародеек» – Пред-

ставляете что случается с человеком, когда он сидит в какой-то заднице, без интернета. БЕЗ ЧЁРТОВОГО ВАЙФАЯ, КАРЛ! Скорее всего она всё лето вынашивала план мести и наконец вернулась в город, чтобы убивать!

Разговор прервался, ведь к компании баскетболистов неожиданно примешалась другая тусовка: жаждущие поступить в лучший универ мира на стипендию улыбчивые обеспеченные зубрилы, носящие цветные пуловеры и намазанные гелем волосы. Среди них затесались тощие и весьма привлекательные наружностью девчонки в строгих юбках выше колена. Меня удивило то, что не видя никого вокруг зубрилы окружили меня и щедро одарили своими отработанными высококлассными улыбками:

– Влад, ты как?

– Влад, расскажи нам, что произошло?

– Что ты делаешь сегодня вечером? Не хочешь прийти на заседание моего клуба ораторов, мама готовит корейскую ким-чи и обалденный том-ям с креветками!

Неужели они лишь сейчас засекли меня?

Следом сбежались инстаграмщицы и инстаграмщики. Дивный народ: никогда не скажешь точно, снимают ли они или просто держат телефон в руке. В каждом месте они заранее видят правильную раскадровку и подходящее освещение, ведь никогда не узнаешь когда прийдётся фотографироваться. Для каждого свитера они смогут подобрать верный фильтр, а для каждой пусть даже самой невыразитель-

ной фотки – невероятно заумную цитату из репертуара Диккенса. Вопросы были сплошь те же, всем интересно как я да не болит ли у меня голова. Девчонки пригласили на фотосет в субботу, говорят для Хэллоуина. Каждая начала рассказывать историю своего будущего образа, но я раскрыл рот и даже головой кивать не успевал.

Коридор превратился в толкучку, мне казалось будто весь воздух мигом вылетел из лёгких, а продолжать дышать я и вовсе разучился. Толпа, десятки заинтересованных взглядов, добрых и ненавистных глаз, совершенно разные люди, но все они интересуются мной и моей жизнью.

– Что за фильтр на твоей последней фотке?

– Этот свитер из Зары или Страдивариуса?

Голова начала кружится от всех звуков и хора голосов. Теперь понимаю, что чувствуют селебрити выходя из уютного, прохладного холла отеля и натыкаясь на десятки возбуждённых репортёров, щёлкающих камерами. Тут ситуация, как не удивительно, чем-то схожа: какая-то хамка снимала меня, чуть ли в рот не засунув свою облапанный айфон.

Ярослав стоял в сторонке и смотря на этот внезапный вихрь безумия раздувался от гордости, ведь он фигурировал как «лучший друг». Ева пыталась одновременно ответить всем девчонкам, яро желающим выбиться к ней в подруги. «Девушка».

За стеной из ребят я мог мутно различить преисполненные злобой и отвращения взгляды, скрещённые на груди

руки и будто от жуткой вони перекошенные физиономии. Кто-то интересовался, кто-то сочувствовал, кто-то ненавидел. Как и всё в этой вселенной – чисто физически нельзя понравится всем. Даже сущий ангел – добрый, миловидный, чувственный – скорее всего, подвергся б осуждению в обществе. Кого-то бы раздражала навязчивая доброта, кого-то чересчур длинные ресницы и искренняя улыбка.

Но вы не подумайте, пример с ангелом к моему случаю никакого отношения не имеет. Я далеко не ангел, даже не хороший человек, и все присутствующие в этом коридоре это знают.

Шум как выстрел из дробовика оборвал бас Ярослава:

– Народ, новое обновление в «Подслушке» – и все утихли. Послышались суетливые шорохи, звуки расстегивающихся молний и клацание карманов на кнопках. Ребята как зомбированные уткнулись в телефоны, пока Сабина не заявила:

– Это всего лишь обновлённый ТОП самых популярных, расходимся!

Хотя, по реакции окружающих и не скажешь будто это было чем-то не важным. Ева протянула телефон ко мне, и я мельком увидел напечатанный жирным чёрным шрифтом список.

Напротив золотой цифры один стоит имя моего любимейшего брата. А вот рядом с серебрянкой двойкой… Уж не знаю радоваться ли этому или бегом бежать домой, запереться в комнате и не выходить.

Рядом с двойкой стояло моё имя.

– Влад, теперь ты у нас входишь в ТОП-2 – не без удовольствия заметила Ева, ласково приобняв меня и взглянув в глаза – Я встречаюсь практически с самым популярным мальчиком школы.

– Я даже и упустил момент, когда успел обрести хоть какую-то популярность – абсолютно честно выпалил я.

– Да уж… Я тоже… – хихикнула Ева, рукой обведя стоявшую над нами толпу. Поглазев на список ребята бросились обратно к нам, а я продолжал стоять с телефоном Евы в руках, нахмурив брови смотря на ТОП 5 школьного «подслушного», обновлённого после долгого затишья.

– На втором месте, говоришь? – сидя на своей мягкой огромной кровати и общавшись по телефону с приятелем из баскетбольной команды, сквозь зубы произнёс Андрей. Особняк напоминал сейчас немого богато одетого старика: где-то вдалеке слышен скрип, где-то стук антикварных часов, где-то звук шепчущейся прислуги. Увидев обновлённый список Андрей не отлипал от телефона, без остановки говорив со своим новым другом. Пару дней назад он бы и не вздумал общаться с весьма агрессивно настроенным мстительным баскетболистом, но жизнь резкая штука: новый день, новая драма.

– Ага, говорят скоро будет на первом – шепнул грубый подростковый бас на той стороне связи – Прикинь, сейчас

даже деньги ставить начали, организаторы футбольных ставок спохватились и решили заработать на двух братьях, бьющихся за вершину.

– Он. На первом?! – не веря собственным ушам повторил Андрей, начав непроизвольно сжимать телефон в руке до такой степени, что защитное стекло чуть не лопнуло. И поверьте, это вовсе не метафора. Парень больше не мог спокойно сидеть на месте: он вскочил на ноги, рассаживая от деревянного письменного стола и до высокого окна, периодически выглядывая на улицу. Просторный двор, идеально подстриженные кусты, его прекрасный недавно вымытый «БМВ», но почему-то сегодняшняя солнечная погода казалась худе самого страшного шторма, а залитые светом лужайки затянула тьма. Популярность – штука неосязаемая, за неё не купишь новые золотые запонки или рюкзак от Луи, но чёрт возьми, как же она тешит гордыню! – Этот мир сошёл с ума. Он? На первом месте? Пф, это конец. Просто конец. Вот что? Что, мать твою можно разыскать в моём братце?

– Хз, говорят веяния с северных штатов. Типа сейчас популярны начитанные парни со смазливыми рожами в поло. Мой бро вечно меня в трендах просвещает, и на прошлой тренировке он заявил что новая школа хип-хопа, баскетболисты и топовые кеды скоро канут в лету. Я, конечно, долго не верил, на что он мне ответил лишь: «Это 2к18, чувак! Время нового стиля!»

– Это прозвучит жутко гомофобно, но блин, это всё педи-

ки.

– Во-во.

Андрей продолжал тупо пялить в окно, с ненавистью вспоминая собственного брата. Это было странно и необъяснимо – злость без всяких видимых причин высокими волнами накатывала и полностью поглощала в себя, сковывала тело и заставляла однотипные мысли идти в один ряд – месть, злость, ненависть.

– Он решил умолчать о измене моего отца, решил отобрать моё первенство. Благодаря мне он забрался так высоко, и клянусь, я его оттуда сброшу.

Расплываясь в улыбке Андрей в мельчайших подробностях представил план мести. В голове закружился десяток картинок и зарисовок, умещающихся в единый вечер. Всё накладывалось идеально, стоило лишь подумать и… О! Готов мотив. О! Готово алиби.

Разрушать чужие жизни, пусть хоть на короткий вечер, он умел с мастерством профессионала. Иногда это доставляло даже какое-то удовлетворение.

О да, Влад пожалеет о том дне, когда он решил что может перейти дорогу своему брату. Видимо он совсем забыл, кто в этом городе главный.

Все детские годы, приятные воспоминания из прошлого и проведённые дни вместе стёрлись лишь одним топом из пустынного паблика. Сейчас ни обрезавшая его драгоценные волосы V, ни его собственный отец, изменявший матери, не

были так важны как зазнавшийся братец. Он решил воспользоваться Андреем как яркой приманкой: словить свою звезду и отбросить в сторону.

Поверьте, он будет жалеть о том мгновении, когда не оценил своего двоюродного брата.

В коридоре послышался скрип досок и лёгкие шаги. Ненавязчиво постучавшись в закрытую дубовую дверь домработница-китайка учтиво обронила:

– Андрей, к ти-и-ибе гости-и-и – а затем вновь скрип и отдаляющиеся шаги. Плюс китайки в том, что она во всём знает меру, и из-за этого ей не было равных среди штата обслуги. Хочешь лёгкую шарлотку с приторным сладковатым печёным яблоком, таящим во рту? Одна жируха переборщит с сахаром так, что к концу вечера у тебя слипнется задница и не разлипнется до следующего пришествия Миссии. Другая превратит дольки яблок в маленьких сморщенных погорельцев, а тесто в гранитный кусок глыбы. Китайка могла соответствовать даже самым высоким стандартам семьи Андрея.

– Мне надо бежать – бесцеремонно попрощался парень с собеседником и отбросил телефон на кровать.

Он не думал что никакого гостя и не ждал, он сосредоточился на своём унижающем плане. Настолько прекрасном, что губы Андрея сами собой расплылись в кривую пугающую ухмылку. Ну не дать ни взять карикатурный злодей из мультика! Как же всё-таки грёзы о желанной мести могут быть сладки!

Парень готов был пойти на всё, чтоб остаться на первом месте заветного списка. Популярность неосязаемая вещь, популярность – нечто большее.

Выйдя в коридор он прошёл к пышной лестнице, спускающейся в просторный холл. Справа от её начала китайка старательно тёрла бюст римского императора Нерона, купленный на миланском благотворительном аукционе. Щедрые итальянцы заботливо собирали деньги для нищих детей из восточной Европы, маленьких жертв крупной коррупции и вожделенной нищеты. Китайка хотела, должно быть, протереть дырку в натуральном мраморе, так старательно тёрла. Завидев парня, она отложила тряпку в сторону и с натянутой улыбкой объяснила:

– Гостья говори-ит что ты её друг, но я вот это ди-ивчёнку вижу впервые – как бы тайваньская иммигрантка не старалась быть очаровательной, Андрея она всегда напрягала. Если оторвать глаза от широкой улыбки и посмотреть вверх можно увидеть хитрейший взгляд и отталкивающую недружелюбность. Вслух она говорила: «Конечно, Андрей, я испеку вам шарлотку с печёным яблоком!», а вот глаза шептали «Умриумриумрикакявасненавижуинаписалавамвчай» – Она представилась Настей.

– Хм, Настя? Что-то я не припоминаю у себя в друзьях Настю.

Андрей взглянул на голубой экран домофона, находив-

шийся слева от громоздкой парадной двери. Под ним стоит подставка для зонтиков за пять тысяч долларов, новая коллекция мебели Версаче. В неё воткнуто два зонта – один от «Hermès”, другой от Луи. Подобным зонтам более подходящего места и не сыскать.

Система умный дом учтиво спросила: «Вызвать охрану к особняку?». Андрей закрыл окно и взглянул на девчонку, терпеливо стоявшей перед высоким забором. Рыжие волосы и бледное фарфоровое личико. Она была в узкой кожаной джинсовке и нагло смотрела в камеру, будто знала что за ней наблюдают. Та самая девчонка из супермаркета, с которой он не без удовольствия поцеловался, а на следующий день забыл.

«Неужели она подумала что тот поцелуй это нечто большее, чем способ развлечься в вечер пятницы?» – про себя думал Андрей, но видя красотку в кадре строго приказал охраннику открыть дверь нежданной гостье.

– Я не хотела вот так вламываться, Андрей – улыбаясь вымолвила Настя, одновременно стреляя глазами по сторонам и слегка рассеянно осматривая пышную прихожую особняка. На высоких стенах развешаны тусклые картины, сирена, стоящая у дубового шкафа для верхней одежды нагло вывалила пышную грудь, вырезанную в мельчайших деталях – Но ты просто уезжая потерял дисконтную карточку на парковке. Я подумала мало ли она нужна тебе? – «пф, неужели

дисконтные карточки ещё существуют?» – про себя фыркнул Андрей, схватив яркую пластиковую карточку в местный парфюмерный магазин, в котором он от рождения не был. Скорее всего, там с наценкой в сотню процентов продают устаревшие ароматы, давно списанные с продаж в нормальных магазинах, и пахнущие затхлой пылью.

– Спасибо – осмотрев карточку строго обрезал он в полной уверенности, что на самом деле карточка вовсе не его. Эта безделушка лишь предлог зайти в дом и подобраться ближе. Но взглянув ещё раз на Настю, парень смягчился – она так забавно пыталась ему понравится: сначала блестящими глазами прямо в душу смотрела, потом, чуть не упав, выгнулась и закусила нижнюю губу. Видно было, что подобные приёмы для неё скорее всего в новинку, что-то новенькое и неосвоенное. Но как же они ей шли! Идеальное худощавое тело с взятыми будто от другой девушки грудями и упругой попой, пухлые алые губы и длинные чёрные ресницы.

«А она не плоха, я совсем это забыл с пятницы.

Очень уж не плоха»

– Тебе ещё что-то?– безразлично кинул Андрей, оперевшись локтем о стену.

– Я думала, а что если… – Настя замялась, неловко потупив глаза в пол – Что если мы познакомимся ближе, если ты понимаешь о чем я? – а потом застенчивый взгляд взмыл вверх, к холодному лицу, и с нежданной дерзкой ухмылкой обрёл новые черты.

Андрей хмыкнул и спросил:

– Значит хочешь познакомиться ближе?

Настя послушно кивнула.

Андрей поспешно закрыл дверь в свою комнату. Сегодня родителей не будет где-то до часу ночи в наилучшем случае, и где-то до одиннадцати если отец скажет неуместный комментарий по поводу новой покраски мамы. Такое уже было, только лишь с маникюром. На авторитетный вкус Арсения он излишне «длинный и чёрный, как у трупа, ей-богу», а для Надин это удар острым ножом а живот. Извините, не лучшее сравнение для подобных времён.

Короче, гигантский особняк с лужайками, садами и клумбами, бильярдными и столовыми, банями и бассейнами, конюшней и озером с лебедями, будь оно не ладно, было в распоряжении этих двоих. Двоих и паре десятков камер, расставленных на каждом квадратном метре. В остальном, прислуга нечасто желала попадаться на глаза сынку олигарха – его тут не особо пылко любили, чтобы часто изъявлять желание любоваться.

Можно расслабится и не боятся издавать особо громкие звуки. Андрей собирался воспользоваться этой возможностью в полной мере.

Развернувшись к огромной кровати спиной Настя, будто торопясь успеть на ноев ковчег перед большим потопом, стянула белоснежную рубашку через голову, решив не тратить

время на пуговицы. Её объемная грудь хранилась за умопомрачительным кружевным лифчиком розового оттенка – такая же фарфоровая, как и лицо. Между чашечек болталась серебряная застёжка. Должно быть, это лучшее бельё что только было у девчонки.

Взглянув парню в глаза и сделав уверенный шаг вперёд, Настя положила руки ему на плечи, будто готовясь к танцу на школьном балу.

Андрей пытался разделаться с навязчивым поло «Lacoste" в синюю горизонтальную полоску. Девушка заботливо, по-матерински, помогла, отбросив одежду в сторону. Нашитый на ткань крокодильчик замерев смотрел в сторону возбуждённой парочки.

Настя довольно рассмотрела кубики, грудные мышцы и широкие плечи. На её лице играла улыбка, словно сейчас она получала то, о чём мечтала всю жизнь. Хотя тут никакого «словно» не должно быть.

– А мне нравится твоя решительность – улыбнулся Андрей и поцеловал Настю, положив свою руку ей на бедро. Крупная ладонь прошла вниз, расстегнув ширинку узких джинс.

Она задыхалась, не успевая в ритм его уверенных отработанных движений. Отклоняясь назад смотрела на его уверенной лицо, затем возвращаясь в крепкие объятия и не утихающие поцелуи. А потом, приоткрывая губы расплывалась в улыбке, ведь цель была достигнута: ей удалось привлечь его

внимание, и вот она, желанная награда.

Андрей подхватил невесомую девчонку на руки, бережно положив на мягкую кровать. Его руки бережно гладили длинные ноги и сжимали её бёдра, прижимаясь носом к её животу он вдыхал аромат хрупкого тела, а Настя между тем пыталась расстегнуть лифчик.

– Первый раз? – шепнул Андрей на ухо Насте, нависнув на её извивающимся телом как массивная туча. Вопрос был задан с явным безразличием, будто он был таможенником в аэропорту, узнававшим провозит ли пассажир в своей ручной клади воду. Она кивнула, на что он только лишь высокомерно улыбнулся. Та самая улыбка, что она лицезрела с детства, тихо стоя в сторонке. Выжидала момента, когда созреет и сможет подойти к настоящей звезде, ослепительному красавцу. Часто видела эту улыбку во снах и вскакивая с кровати продолжала фантазировать. Сейчас же, всё чего она хотела, всё о чём мечтала было на этой кровати, в её цепких объятиях. Но раздражающая неуверенность порой всё сбивала:

– Может быть закрыть шторы? – растеряно спросила Настя, указав на высокие панорамные окна, сквозь которые в комнату пробивался солнечный свет.

– Не нужно. Если ты волнуешься за Леди V, то пусть эта карга фотографирует, смотрит и завидует.

– Итак, сучки безмозглые – кричала Каролина так, чтобы

было слышно на весь просторный спортивный зал. В другом конце тренировалось трио из клуба кёрлинга, но на этих лузеров никто не обращал внимания. Оставшиеся после тренировки волейболисток мячи как перкатиполе в вестерн-фильмах катались по полу, мешая и без того неповоротливым овцам проводить разминку. Разминка – единственная часть репетиции, на которую можно смотреть без крови в глазах – думала Кэр рассматривая первую линию танцовщиц. Ещё этим утром девчонки готовы были проглотить её как прожорливые змеи дохлую муху посреди серпентария, а сейчас готовы были выполнить любой приказ, лишь бы остаться в самом престижном кружке школы – То, что наша главная наставница Алина заболела не означает что вам не нужно готовиться к «Ай-Дэнс 2018». Пока она не выздоровеет заменять её буду я. И, клянусь, вы проклянёте тот день когда вы все вместе, как стая тупых безвольных коров, решили окрестить меня шлюхой. За работу, неудачницы! – рявкнула она, скрестив руки на груди. Выстроенные в три линии девчонки зашевелили толстыми бёдрами, и показалось что началось крупнейшее за всю историю города землетрясение. Как же они её бесили – безвольные, думающие стереотипами и клише двуличные сплетницы. Ничего, сегодня она отыграется.

Все девушки одеты в одинаковую сине-белую форму, которую поручил им носить директор, посчитавший первоначальный вариант излишне «откровенным». Все они были крайне недовольны новыми блузками, но зато хоть как-то

отыгрались: их шорты были настолько коротки, что каждую мельчайшую родинку на ножках, находящуюся даже у начала ягодиц, можно рассмотреть в мельчайших деталях.

– Образ сучки – не твоё, ведь шлюховатость никакой маской не скроешь – послышался мужланский голос, точь-в-точь как у трансвестита из шоу драг-квин. Во второй линии, как стоеросовый дуб, такой же деревянный и не гибкий, стояла шатенка ростом под три метра. Великанша скрестила руки на груди и дерзко смотрела на Кэр. Некоторые девочки хихикнули, некоторые воздержались.

– Что? – удивлённо переспросила Кэр – Кто-то хочет высказать своё мнение?

– Тебе не идёт образ сучки – повторила великанша ещё громче и уверенней. Почувствовав поддержку со стороны девочек стоеросовый дуб зацвёл. Её узкие губы растянулись с довольной улыбке, веснушчатый нос поджался как пятачок у свиньи. Восторг окружающих быстро утих, все быстро очнулись и поняли, что теперь сорвиголове несдобровать.

– Сто приседаний – без каких-либо эмоций выпалила Каролина.

– Я не буду…

– Сто пятьдесят или вылетишь нахрен отсюда!

– Но за…

– Двести приседаний – не дав говорить девчонке вскрикнула Каролина – Ещё есть вопросы?

Шатенка молча начала приседать, взяв руки в замок за го-

ловой.

– Пока наша Леди-целлюлит приседает предлагаю всем прорепетировать наш танец – девочки молча разошлись по своим местам, в разные углы – И раз, и два…

Девчонка подошла к компактной, но весьма шумной колонке «JBL” и одним нажатием включила заводной латинский рэп.

– Три… Четыре…

Счёт Каролины сбила громко хлопнувшая дверь, через которую гордо шагая зашла Алина.

Послышались шокированные стоны, возможно даже от искреннего омерзения. Несчастная девчонка решила не предавать традиций, и прейти на репетицию в старой доброй форме: блузка с длинными рукавами, до неприличия короткие шорты. Да вот только раньше её ноги выглядели намного сексуальнее, сейчас, даже присущую им стройность и длинноту нельзя было рассмотреть за бешеным количеством ожогов, количество коих перевалило за два десятка. На ляжках раздувались жирные гнойные фурункулы, красные язвы багровели на икрах. А девушке хоть бы хны: она тут королева, красоту у неё не отнять никакими фурункулами, и её деловитая походка и бесстрастное лицо в очередной раз это доказывали.

Ребята из кёрлинга отложили свои шляпы и поражённо схватились за головы. Девушки, понятное дело прекратили только начавшийся безудержный танец, раскрыв рты все как

одна посмотрев на «жертву». Сейчас, даже самые ядовитые и злые не могли продолжать ненавидеть языкатую стерву. Все знали, что каждая из этих воспалённых язв неистово болит, а такую пытку, знаете ли, и Джону Гейси не пожелаешь.

Кэр выключила музыку и подлетела к подруге, расплываясь в довольной улыбке. Но взгляд Алины, как не удивительно, с удовольствием оценивал ошарашенную реакцию танцевального кружка на свои изувеченные ноги.

– Удивлены? Я вернулась, дряни – высокомерности кинула девушка – Правда немного в ином образе, но такая же строгая и осталась. Поэтому если вы думаете что вам удастся халтурить, вы глубоко ошибаетесь.

– Али, наконец ты вернулась! – заключила лучшую подругу в свои объятия Кэр. Девушки сияли, покачиваясь на месте, прижимая друг друга ближе к сердцу, словно не желая вновь разлучаться.

– Кэр, я так рада тебя видеть. Почему великанша приседает? – указав на потную шатенку спросила Алина. Та, в свою очередь, одарила парочку столь ненавистным взглядом, что казалось в нём заключена вся усталость и боль худеющих девушек мира сего.

– Чересчур языкатая – довольно хмыкнула Каролина, давно сбившись со счёта. Возможно, она уже сделала пятьдесят приседаний, хоть это и никого не волнует.

Наконец взрывной дуэт главных молодых танцовщиц города был в сборе, и по нарастающему в и без того жарком за-

ле напряжению можно было с уверенностью сказать, что не всем девчонкам это понравилось. Хотя, и высказывать своё недовольство могли немногие: дар речи был утерян, состояние кожи Алины вгоняло в ужас.

Сейчас мало кто отчаивался язвительно прошептать: «она получила по заслугам» или «жаль, что не сдохла». Ведь не смотря ни на что, превратить жизнь молодой девушки в сплошное страдание, лицо в багровую язву а кожу в пепел мог лишь под чистую лишённый эмоций монстр.

И этот монстр среди них.

Разминается в толпе напуганных девушек.

Кидает мяч в соседнем зале.

Плавает в бассейне и в глубине воды сочиняет план очередного кровожадного убийства.

Зубрит химические формулы жиров и спиртов.

Он получает удовольствие от издевательств.

От жестокости.

И он ни за что на свете не остановится.

– Сучки опять вместе – прошептала Алиса Еве, после чего они обменялись саркастичными ухмылками и принялись танцевать.

Глава 29 #спатьстобой

Июнь 1776 года

– Ах, братишка, а ты и не такой простофиля в конной езде

как я полагала – хихикнув сказала девчонка в пышном платье, гордо сидевшая на большом чёрном коне. Кожаное седло во многом помогало ей держать ровную, как стремящиеся к небу сосны в соседнем лесу, осанку. Однажды, она пробовала снять седло и оседлать коня без него. Как оказалось, это то ещё задание.

– Просто отец ещё с детства привык выставлять меня перед всеми обузой – опустив глаза фыркнул тощий черноволосый парень, ехавший на высокой белой породистой лошади.

Оставив посреди сосновый лес, столь густой и непроглядный, что сквозь него не могли пробитая солнечные лучи в самый светлый день. Мрачное царство – семейство всегда держалось от него подальше, ведь никогда не знаешь, кто поджидает за следующей сосной: возможно жуткая ведьма, о которой по усадьбе ходят легенды, или злобный гном хранитель леса, отпугивающий всех непрошенных гостей подальше. И хоть ребята давно переросли возраст, когда в подобные истории охотно веришь и до замирания сердца боишься встретить подобного жуткого сказочного персонажа, они всегда гнали коней и желали выбраться из чащобы поскорее.

Проезжая залитый солнцем зелёный луг они расслаблялись, и идя впритык к друг-другу позволяли себе перекрикиваться и шутить, хоть и учитель по конной езде строго это запрещал.

Перед поляной величественно замер пышный особняк,

такой родной, безопасный, тёплый. Для них он был лучшим местом мира, ведь какие-либо другие здания или города для ребят были невиданны. Они читали про них истории в книгах с картинками, учили далёкие материки и огромные столицы на уроках географии, но никогда даже и не мечтали уехать дальше разбитой захолустной деревни, находящейся за лесом. Там есть всё необходимое: слегка неаккуратный и вообще, честно говоря, крайне неграмотный врач, небольших размеров рынок, крохотные лавки…

Да и уезжать из построенного в лучших традициях новомодного барокко особняка не хотелось: в доме было тринадцать спален, три кухни и четырнадцать ванных комнат, к слову, даже больше чем необходимо шестерым детям. Порой они, такие крохотные, как шахматы, в сравнении с высочайшими стенами дома, ощущали себя там как в запутанном лабиринте.

Огромный сад, пестрящий насыщенной зеленью и аккуратными клумбами служил украшением этой радующей глаз утопической картины. Туда, прямо к благоухающим цветочным ароматом двору, выходила просторная терраса, где вся семья часто собиралась справлять чаепития.

Те редкие дни, когда мать и отец возвращались домой были для детишек сродни празднику. Отец, крайне строгий и педантичный мужчина лет пятидесяти был крайне отрешён от нежности и ласки, а вот мама, скучающая за детьми в долгих командировок компенсировала своей любовью всё спол-

на.

В полном составе они собирались на той волшебной террасе, ели свежеиспеченные пряники и запивали крепким чёрным чаем. Порой, кто-то из братьев сильно портачил за столом, выпуская из-под контроля «талант», как называл это дивное явление отец.

Собраться и вести себя сдержанно в присутствии строгого отца было крайне сложно, после месяцев проведённых ребятами в одиночестве. В основном, детишки росли одни, полагаясь лишь на себя, братьев, сестёр и многочисленную прислугу, с которой дети стали настоящей семьёй. Гувернантки, репетиторы, кухарки любили детей, не обращая внимания на заложенные на генетическом уровне странности.

Кхм – талант.

Три брата сидевших на залитой солнцем террасе играли в города, порой прерываясь на шумные возбуждённые споры.

– Да есть такой город, идиот! Кордова на юге Испании, книжки читать надо!

– Ты кого идиотом назвал? Сейчас получишь!

– Прекратите! Смотрите, кто с прогулки вернулся! – заметил самый старший мальчик, блондин лет шестнадцати. Три брата, как один, приветливо замахали мастерски оседлавшим лошадей ребятам.

– Где Елизавета? – озадаченно спросил блондин, всматриваясь в зелень сада. Рядом в хороводе кружили крупные осы, шумно выясняя отношения.

Парень, по мнению отца, был самым самостоятельным из семейства, и вот уже пол года раздумывал над выходящей из ряда вон идеей: послать паренька в закрытый математический колледж. Он с талантом жить научился, сдержанный, никогда не выдаст секрет семьи. Главная проблема – реакция остальных на его отъезд, ведь другие дети, конечно же, мечтают увидеть мир и познакомится с обычными детьми.

– Сказала что хочет пойти к озеру – заметил пятнадцатилетний вспыльчивый брюнет, чётко знающий о существовании далёкой Кордовы. Второй по старшинству мальчишка в семье, но далеко не второй по сдержанности и серьезности. Он любил скандалы и непослушания, мелкие пакости приносили ему отнюдь не мелкое удовольствие.

– О нет. Это может очень плохо кончится – испугался блондин, обратившись к младшему братику, знать не знающему о красивейшем городе на юге Испании – Александр, срочно позови её сюда!

– Будет сделано!– крикнул мальчуган и побежал по направлению к ставку, скрывшемуся в зарослях заднего двора.

Девятилетняя Елизавета сидела на берегу и усердно всматривалась в водную гладь, отчаянно желая увидеть знакомые картины. Вот сейчас они всплывут посреди тьмы, оживут, приблизятся, заговорят. Папа говорил, что в её таланте главное уметь терпеть, включать воображения (которого у Елезаветы хватило бы на пятнадцать таких же де-

вушек) и сосредотачиваться. С последним пунктиком часто возникали проблемы: то громадный шмель пролетит, зловеще жужжа, то обворожительно яркая бабочка затанцует над зеленью. Ну как не бросится к ней, не попытаться рассмотреть в подробностях орнамент её пышных крылышек?

Но бабушка, обучая её совладать с даром запрещала даже взгляд отрывать от водной глади.

Силуэт двумя изумрудными глазами зыркнул из заросшей тиной воды. Он спутался в кольцо, зашипел, начал шептать неразборчивые тихие слова.

– Давай!– сквозь зубы шепнула Елизавета вцепившись в длинную, щекотавшую ноги траву.

Вдруг, кувшинки лежащие на воде закачались, сначала медленно, как от утреннего штиля, потом затряслись в бешеной тряски. Из недр ставка к мелководью всплывали сотни пузырей, вода вспенилась, забурлила как в исландском гейзере. Вздрогнув, Елизавета взяла себя в руки и гордым взглядом осмотрела дивное создание: из озерца вылез тонкий, состоящий из вводы на всю сотню процентов змей.

Он всё тянулся и тянулся вверх, будто рядом сидел ланкийский заклинатель и играл на дудочке, девочка лишь поражалась размерам гадины. Потом водное чудище замерло и недружелюбными глазами осмотрело сад.

Елизавета улыбнулась, увидев результат своих стараний. Может быть ей даже удастся его приручить? Змей, увидев девочку на берегу, не двигаясь наблюдать за ней, опускаясь

и приближаясь всё ближе и ближе.

Лиза продолжая улыбаться, не отрывая взгляда смотря на своё творение. Этот громадный питон лишь её, она создала его, разве не чудо?

Хотелось аплодировать, погладить мокрое чудище, позвать братьев и похвастаться своими способностями, но радость была не продолжительной. Девчонка напрягалась, завидев зловещий блеск в глазах питона. Пасть его открылась, показав длинные острые клыки, с которых капали вниз капли воды.

Девочка встала с корточек и неторопливо отошла назад. Тело оцепенело, и даже после пронзительного злобного шипения она не двигаясь стояла на месте.

Чудище сорвалось с место и быстро полетело к Лизе.

– Отойди!– закричал испуганный Александр, пришедший к сестре по указу старшего брата. Он быстро подлетел к ней и оттолкнул в сторону, не дав водному змею обидеть сестрёнку.

Быстро летевшее на маленькую девочку загадочное существо, промахнувшись разбилось об камни, разлетевшись мокрыми брызгами в разные стороны.

Сидя за просторным столом, укрытым белоснежной скатертью, четверо братьев безудержно хохотали. Они обсуждали новое увлечение четырнадцатилетнего Григория, недавно посетившего соседний захолустный городишко. «Девчонка,

как сейчас вижу – губы цвета как эта клубника в серебряной тарелке, клянусь! Щёки румяные-румяные! Почему вы хохочете». А хохотали братья лишь из-за восторженного тона и слов, произнесённых с трепещущим придыханием, будто на ярмарке в селе он увидал вожделенную богиню красоты. Потом самый страшный поинтересовался кем была эта незнакомка, и недолго думав Григорий ответил «Ягнятину продавала, а это имеет значение?». Братья по новой прыснули и захохотали, один из них чуть не перевернул фарфоровый чайник с чёрным чаем.

– Тебе то легче – обиженно заметил потерявший голову от влюблённости парень, обращавшись к старшему брату – Тебе достаточно взглянуть в глаза, пробормотать себе что-то под нос и всё! Любая девушка твоя! У тебя самый нужный талант, все парни мира о таком мечтают!

– Хм? А как тебе эта девчонка? – с сарказмом в голосе пятнадцатилетний Иван указал на молоденькую горничную, трудившуюся у клумбы роз. Руки её были в сырой грязи, длинные пальцы сжимали железную лопатку для чернозёма. Она бережно закапывала молодые ростки, блестящими глазами разглядывая их как родных детей.

– Мария, подойди сюда! – нараспев подозвал её нагловатый парень. Братья смолкли, молча ожидая дальнейшего зрелища. Если Ивану взбрела в голову пусть даже самая абсурдная идея, остановить его сможет лишь отец, да и то с усилием. Спустя несколько секунд горничная уже стояла у дубо-

вого стола, грязными сандалиями боясь запачкать мраморный пол террасы.

– Мария – уверенно заглядывал в глаза горничной парень. На его лице показалась озабоченная улыбка. Заёрзав на месте он заявил – Я и мои братья хотят развлечься. Снимай свою рубашку.

Зрачки его увеличились, как у кошки пробирающейся сквозь темноту. Мария, в свою очередь глуповато открыла рот, и будто в трансе, смотрела в глаза парня. Ладони поднялись к рубашке, пальцы медленно расстёгивали пуговицы, послушно выполняя просьбу юноши.

Четыре брата нервно заёрзали на стульях, но все равно продолжали смотреть на снимавшую рубашку симпатичную тощую горничную. У каждого замерло дыхание, даже у строгого старшего.

За рубашкой показался простецкий белый лифчик…

– Стоп! – воскликнул звонкий девичий голос, доносившийся со стороны сада. Это кричала пятнадцатилетняя сестра ребят, настоящий мастер в конной езде, ответственная и хозяйственная, перенявшая внешность и яркие белые волосы от матери, математический ум от отца и умение мастерски готовить от бабушки. Братья часто теряли головы, а сестричка любила встревать в неприятности, поэтому не зачётно во что бы без неё превратился красивейший особняк. Скорее всего, в жуткие выгоревшие до туда каменные развалины.

Подбежав к горничной она крепко сжала ей руку так, что-

бы та не смогла дальше расстегивать белоснежную рубашку. Казалось, она вцепилась в неё так сильно, но на лице Марии не вздрогнула ни единая мышца.

– Прекрати занудствовать, мамаша – обижено высказался Иван, желавший досмотреть зрелище до финала.

– А ты наконец прекрати вести себя как идиот! Наш врождённый талант не давал тебе права издеваться над обычными людьми как она!

Мария смотрела пустынными глазами вдаль, на стену высоких сосен в конце зелёного луга. Всё происходившее вокруг для неё не существовало, она была далеко от живописного сада.

– Хм – задумчиво хмыкнул брат – Как ты думаешь, чего мне стоит заглянув ей в глаза приказать перерезать себе вены?– хладнокровно улыбнулся он – Прям… -он схватил серебряный нож, лежавший на чистейшей скатерти – Прям этим ножом!

Обиженная сестра, покрасневшая от ярости, закрыла глаза. Длинные ресницы опустились, грубы приоткрылись, ладони вдались в кулаки.

Вдруг, стол на котором стояли фарфоровые чашки, наполненные чаем, блюдце с печеньем и собранные Григорием на поляне цветы легко взмыл в воздух. Посуда затарахтела и зазвенела как колокола церкви перед воскресной службой.

– Успокойся! – нервно крикнул брат сестре, после чего летающий стол с громким шумом упал на пол, и вся посу-

да, стоящая на нём с треском разлетелась по сторонам, рассыпаясь на мелкие осколки. Мраморный пол осыпали мелкие фарфоровые осколки, на пол упали цветы, сверху на них вылился ароматный цейлонский чай. Лужа растеклась к сандалям горничной, продолжавшей находится в глубочайшем трансе.

Род Романовских – семейство с многолетней историей, с длинными разнообразными корнями, выходящими далеко за пределы нашей страны. Потомком тех детей, живущих в пышном особняке мог оказаться любой прохожий, не знающий о своих генах вплоть до первого проявления того самого «таланта», передаваемого из поколения в поколение.

Так уж случилось, что родственниками Романовских оказались некоторые местные жители.

– Неужели нельзя задавать на два номера поменьше?– недовольным тоном высказывалась Ева, сидя на краю тесной кровати и нервно закусывая ручку как сладкую мармеладную палочку. Удивительно, но когда ручку закусывает любой другой человек мне кажется это совсем не красивым и ужас каким не гигиеничным, но с ней… Я бы не хотел называть это сексуальным, но давайте буду говорить всё как есть: Ева абсолютно сексуально грызёт ручки.

– Два номера не спасли бы мои мозги от атомного взрыва – бурчу я, хоть мне и осталась последняя пара тригонометрических уравнений. Штука, если разобраться и вникнуть в

значение минусов и косинусов, весьма лёгкая, но когда понимаешь что наш учебник математики рассчитан на людей со знаниями уровня мезозойского примата – трудоспособность снижается, и примеры уже не отскакивают от зубов как лусканые семечки – Мне остался один пример – не без гордости заявляю я, смотря за усердными стараниями своей девушки. Она застряла на третьем номере ещё целую вечность назад, поэтому моё заявление вгоняет её в краску.

– Эй! Так не честно, шустряк – надувает губки она и кидает в меня свою розовую мохнатую подушку – апофеоз смазливости, никак не соответсвующий образу Евы. Смеясь, я конечно же решил помочь подруге. Как никак, её тарелкой были гуманитарные предметы и все из них вытекающие. Так бывает – мозг призван работать лишь с буквами и словами, которые эти буквы составляют, на отрез отказываясь понимать бесконечные цыпочки формул и выражений. Спасибо высшим силам за то что мои три извилины вышли золотой серединой.

Подвигаясь к ней я ненавязчиво обнимаю её за тонкую талию и опускаю глаза в тетрадку. Прекрасные ощущения, когда чувствую как она расслабляется в моих руках, обмякает, аккуратно лежит голову мне на плечо.

– Так у тебя всё просто! Для синусов периодичность в два пи эн, добавь его к каждому своему результату и получится окончательный ответ – как же красив её почерк. Каждая буква, искусно выведена, будто с душой и любовью, цепляет-

ся за последующую длинными завитушками. Предложения стоят в линии и будто выплясывают хоровод.

Ева завершает уравнения, а я тем временем носом упираюсь ей в шею и диву даюсь, какими всё же прекрасными могут быть обычные вечера. Вот подсел я к ней недавно на географии, растворился в её глазах и мельчайших чертах лица, готов был ради неё, как в той книге Нила Геймана, упавшую звезду достать. Горы сворачивать, чтоб хоть ещё немного пообщаться с загадочной незнакомкой. Но – чудо чудное – звёзды иногда так сходятся, что горы сворачивать и звёзды приносить не обязательно, взаимная симпатия, общие чувства и бум! Вы вместе и каждая проведённая секунда становится часом, вечер как наполненная наслаждением и радостью неделя… Жизнь начинает пестрить полным спектром ощущений, всей многообразной палитрой красок, и кажется что вот уже вечность я закрыв глаза жадно втягиваю её аромат.

Как же хорошо, что Еве пришла в голову идеальная идея сразу после учёбы заняться уроками. Мы сидели на кровати в её комнате, перед собой выстелили ковры из конспектов и тетрадей, относясь к заданиям предельно ответственно. Но порой убивали минуты, поднимая глаза друг на друга и в полном молчании просто смотрели. Никакой неловкости в такие моменты не возникало, мы молчали и улыбались, ведь оба хотели одного и того же.

– Может заварить чай? – предложила Ева дописав послед-

нее «пи эн». с кровати.

– Я не против – улыбнулся в ответ я, хоть и тот чай был последней вещью, на данный момент мною желаемой. Внутри что-то бурлило, в области паха странно щекотало, будто я сижу в вагончике американских горок и доехал до самого пика: видно весь парк, мерцающие внизу ларьки ярмарки, где продают попкорн, сладкую вату и воздушные шарики со Свинкой Пеппой.

А потом я прикасаюсь к Еве или обнимаю. И вагончик стремительно срывается вниз. Вот такие ощущения внутри меня бурлили.

Ладно, это конечно всё красиво, но пора написать чёрным по белому – я хотел её, а не чертов чай.

Тем временем она быстро выскочила из комнаты, захлопнула дверь и полетела вниз по лестнице, но а я решил осмотреть комнату, ведь маленьких деталей тут была уйма.

Просторная, уютная спальня находившаяся под самой крышей, считайте мансарда. Иногда, на письменном столе например, встречались карандаши для бровей и бледные губные помады, и лишь по этим мелким вещичкам можно было понять, что тут живёт изысканная и преисполненная женственности девушка. Остальное пространство занимали книжки: книжный шкаф давно был переполнен, и не поместившиеся туда экземпляры занимали всё свободное место. На прикроватной тумбочке, на пуфике, на столе… Когда я зашёл сюда впервые удивился их количеству, но Ева объяс-

нила что каждую она планирует дочитать в скором времени. Даже назвала заумный термин, характеризующий человека со страстью собирать книги, с окончанием «фил». Библиофил?

Смотря на комнату Евы нельзя было назвать её барахольщицей. Казалось что каждая, пусть даже самая маленькая безделушка имела тут своё место, гармоничное и отобранное со вкусом. Странно звучит, но в комнате с разбросанными всюду книгами было до безумия уютно.

Я подошёл к огромному старому компьютеру, пережившему, возможно, пятерых президентов и, я уверен, переживёт он ещё не один десяток. Утративший белизну, с парой отсутствующих кнопок на клавиатуре, точно привет из девяностых. Гордость Евы – этого пыльного монстра она считала раритетом, бесценным и надёжным. Слева от него в невысокую башенку строились три тома «Атлант расправил плечи», посреди второго красным бликом в глаза бросалась закладка.

На мониторе толщиной в мою черепную коробку лежала книга, привлекшая моё внимание впервую очередь своей обложкой. Точнее жуткой, неприятной и мерзкой физиономией, представить отвратнее которой и не получилось бы при всём желании. Безумные глаза будто вываливались из орбит, на потной блестящей лысине вздувалась вена. Подпись под фотографией гласила: «Убийца лесополос. Биография страшнейшего убийцы».

Но поразило меня вовсе не то, что подобная литература валялась в комнате девчонки-подростка, когда по идее она должна предпочитать биографиям убийц «Сумерки» и «Дивергент», а то, насколько знакомым было то омерзительное лицо.

Знакомое до боли.

До резких обрывистых картинок, всплывающих из глубин сознания. Сквозь туман, будто через запотевшее стекло я видел выгоревшее поле, знакомый ставок. В теле галопом пробежала дрожь, вспоминался страх, безысходность. Взяв себя в руки я осознал, что видел этого человека во сне.

Но вроде бы ранее я не видел этого жуткого лица. Думаю, подобный взгляд запечатлился бы в моей памяти надолго.

Ладно, допустим я встречал его рожу на просторах интернета, или видел документалку по ящику. Моё своенравное сознание его запомнило в мельчайших деталях и засунуло в одну из ночных грёз.

«Странные знаки окружают тебя – звучал голос сгоревшей заживо как напутствие. Напоминание, что теперь к каждой мелочи стоит приглядеться – Твои сны, видения, люди, которых ты встречаешь – всё не просто так»

Вроде бы так она говорила.

– Интересно? Это главный маньяк нашего региона. Известный на весь мир «Убийца лесополос» – Ева возникла из неоткуда с двумя толстыми чашками, от которых вверх вздымался лёгкий дымок. В них, как плоты плавали доль-

ки лимона. Хотелось ей напомнить, что я умею читать и вижу написанное крупными буквами название, но воздержался. Открыв рот я слушал про мистического человека из сна – 62 жертвы, преимущественно подростки: и девочки, и мальчики. По одному убийству на клетку шахматной доски. Его целью было заполнить именами жертв каждую клеточку. У него получилось.

– Кошмар – качаю головой я и машинально забираю горячие чашки – Где он… орудовал?

– Тут.

– Что?

– Да, в районе нашего города и далее вглубь региона.

Выходит, мне в мельчайших деталях, вплоть до тех же вен на лысине, снился маньяк убивавший в здешних краях?

– Зачес тебе нужна книга о нём?

– Школьный проект. Делаю на PowerPoint, на факультативе психологии всегда странные задания – отстранённо ответила она, попросив поставить чашки на тумбу.

Настя лёжа в мягкой кровати Андрея смотрела на высокий потолок. Нельзя было понять так сразу: или она горела, или мягкое шёлковое постельное бельё медленно готовится к возгоранию. Скорее, сейчас она сгорает изнутри: пылают ноги, голая грудь, щёки заливаются яркой красной краской, будто бы ей стыдно за то, что она сейчас сделала. А стыдно ли ей?

Ха-ха.

Если бы стыд можно было представить как что-то осязаемое, как пакет с чипсами или хлопьями, то её пакет полностью пуст, лишь крошки на дне лежат. Сильный ветер несёт его далеко-далеко, остаётся её самонадеянность, нахальность и полное пренебрежение человеческими моральными ценностями.

Да, она переспала с ним буквально во вторую встречу, но как же необъяснимо хорошо! Сердце бешено стучит, буто после прыжка с тарзанкой, огненно-рыжая прядь прикрывает левый глаз. Скорее всего, выглядит она сейчас как лохудра. Интересно, заметил ли это он?

Краем глаза она косится на лежащего рядом Андрея. Он уже восстановил дыхание, на это дело затратив где-то секунд тридцать. Будто опытный марафонец, натренированная к скачкам лошадь – секс уже не отнимает его силы и тем более не сбивает дыхание. Он также смотрит в потолок. Рассчитывая увидеть пустые глаза и тот самый «типичный нахальный взгляд», становящийся предметом обсуждения всей школы, она поднимается на локтях и с улыбкой рассматривает мельчайшие детали его лица.

Густые чёрные брови специально расчесаны вверх, среди левой можно рассмотреть светлый след от шрама. Видимо Андрей не желает выставлять на показ старые раны. Лоб блестит от пота, на мужественном носе даже капелька замерла. Глаза вовсе не пустые, Настю это слегка напрягло. Какая-то

злоба, печаль, десяток бушующих мыслей не дающих ему покоя. О чём он думает? Что скрывает?

Может быть ему не понравилось?

От этой мысли тот пакет резко заполняется до верху, чипсы высыпаются через край. Грудь обжигает стыд. Хочется вскочить с уютной постели и поскорее выбежать из этого гигантского особняка.

Ему не понравилось…

Но как?

Это был не простой неуверенный подростковый секс, когда обоим неловко от кучи ошибок и нелепости некоторых моментов. Каждое движение становится выверенным сложными стратегиями шагом, от которого зависит всё. Расслабится просто нереально.

Но сегодня особенный случай.

Да, вначале было больно. Она жмурилась, крайне асексуально тихо скулила, как избитая гопниками дворняжка, но начало прошло, благодаря ему, гладко. Всё шло как по маслу: он целовал её, нежно гладил… благодаря этим мелочам боль уходила на задний план.

Дальше они полностью раскрылись и не волнуясь отдались друг другу: как слова красивой песни, одно движение перетекало в другое, присутствуют и ритмичные строки куплета, и громкий сносящий крышу припев. Им было хорошо вместе, но что сейчас? Грустный взгляд пялящий в потолок, бесстрастное лицо, и это… всё? На его фоне она выглядит

как наивная взбалмошная дура: лежит и улыбается.

Она желала запомнить свой первый раз на всю жизнь. Неизвестно для чего: внукам подобное не рассказывают а подруги интересуются твоей потерей девственности лишь до определённого этапа. Настя хотела крупным планам фотографировать глазами каждую секунду, и потом возвращается к этому моменту всю жизнь. Вспоминать эмоции, то волнение, ту страсть, приятное щекотание в животе, человека лежащего рядом. И что она сфотографирует: его печальные глаза, в которых иногда, на удивление, огнём горит тревожная злоба.

На самом то деле Андрею нравилась девчонка, лежащая от него по правую руку. Даже аромат бабушкиных духов (скорее всего это устаревший морально «GUCCI”) становился приятным и привлекательным. Её волосы как языки пламени спускались на белоснежную подушку, такие необъяснимо магические: словно светились, переливались миллионом лампочек. Кожа её того же оттенка что и белоснежное постельное бельё: в фарфоровых куклах, выставленных в коридоре, больше жизни и цвета. Но после случившегося на щеках загорелся смешной румянец, предав ей хоть что-то человеческое.

Пухлые алые губы оказались такими приятными для поцелуев: коротких и нерасторопных, быстрых и медлительных, в прелюдии и во время. Прикасаясь к густым волосам, поглаживая пухлую бледную щеку, растворяясь а по-

чти незнакомой красотке он диву давался: как не замечал её раньше? Неужели по городу просто так гуляла ослепительной красоты девочка и умудрялась обходить стороной его внимание? Да это бред! Безумие! Ни одна красотка ещё не обманула внимательный взгляд Андрея (хоть и этот факт не доказан научно).

Лицо парня смягчилось, когда девчонка ненароком пощекотала его ступню пальцами ног. Парень ухмыльнулся, прильнув к ней ближе.

Одеяло скомкалось в мятый ком на краю кровати, потягиваясь к крепко сплетённым ногам. Как инь и янь, их связанные в морской узел ноги создавали настоящий контраст. Бледность аккуратных ступней Насти и его жилистые волосатые икры.

И время бежало так быстро.

Стрелки точно спешили. Казалось секунды стали отбивать в три раза быстрые, казалось они лежат так от силы минуты три, а прошёл почти час.

Когда с шумом отворилась парадная калитка, украшенная кованым плюющем, обвивающим её точь-в-точь как настоящий, парочка даже и не шелохнулась. Лежали недвижимо – её пылающая голова на его груди, его крепкая рука на её бёдрах. Послышался скрип деревянной лестницы.

«Декоративные деревянные лестницы – пышные, широкие, полумесяцем огибающие стену – это, безусловно, прекрасно. Но прекрасно, блин, когда они не скрипят при каж-

дом шаге стоном десятков находящихся на пороге первой сотни лет дедов» – думал Андрей, продолжая игнорировать посторонние звуки. Но проигнорировать звонкий и тягучий как липовый мёд голос никак нельзя:

– Андрюша, я дома – когда Надин говорила, её голос заполнял все длинные запутанные коридоры и пафосные заставленные статуями холлы. Её слышали двуличные горничные, подслушивающие каждый разговор семейства, и засыпающие в тесных коморах, пахнущих заказным «мисо-супом» за пятьдесят центов, равнодушные охранники. И не только голос Надин способен был быть сразу везде: она такой человек по натуре. Где-то свежая новость? Надин узнает её из уст разных источников за рекордно короткое время. У владельца соседнего завода новый партнёр по бизнесу? Да мы знаем, ведь Надин уже там! Возможно именно это качество и устроило женщину под бочком миллионера.

Хотя, счастье это или нет, стоит ещё подумать.

– О нет! – испуганно вскрикнул он и вскочил с кровати. Карие глаза, наконец, утратили печаль и тоску, но на их замену пришло лютое беспокойство. Зрачки маятниками бегали по комнате, выискивая одежду – Какого хрена она пришла так рано? – «рано» в данном случае определение не совсем корректное. На часах «ролекс», стоивших более двадцати тысяч евро (молодёжная коллекция 2017 года) и лежащих на деревянной тумбе у кровати застыло время: 22:30.

– Это твоя мама? – срываясь на визг вскрикнула Настя.

Картина маслом: в глазах у не прошенного гостя испуг. Она натягивает одеяло на грудь и в панике смотрит на ищущего халат голого парня. Точно фото к мему про любовницу.

– Не ори! – грубо обрывает Андрей, накидывая белоснежный халат «Versace” – Срочно одевайся!

Шаги становились ближе и ближе, Андрею казалось будто он учуял запах парфюма матери – масляный ниш, одурманивающий и пьянящий.

До двери осталось всего несколько шагов. Каждодневная будничная церемония – зайти в комнату к сыну и поинтересоваться его жизнью. Напортачит, истопчет репутацию семьи, превратив её в мокрое место – не имеет значение. Это вошло в привычку, и как бы Андрей не провинился Надин аккуратно постучится и спросит: «сынок, у тебя всё хорошо».

Иногда это даже повышало настроение. Порой среди немых недвижимых статуй, декоративных рыцарских доспехов, мраморных стен, кованых растений Надин чувствовала себя мелким, никому не нужным отшельником, оторванным от мира. Муж иногда вёл себя, будто бы последних двадцати лет их семейной жизни вовсе и не существовала. Заходил в столовую после тяжёлого рабочего дня в своём напыщенном выглаженном смокинге, плюхался на мягкий стул и окидывал её настолько холодным взглядом, будто вовсе не узнавая что за женщина стоит посреди его особняка и что она хочет.

Цедил сквозь зубы «скотиш», кривился, и даже словечка

не произносил. А Надин усаживалась на соседний стул, скрестив руки на груди, в дизайнерском домашнем костюме, купленном в миланском «corso como”, и в миг самым несчастным и одиноким человеком вселенной становилась. Среди мрачных холодных стен, никому не нужная и забытая. Все эти льстивые подруги лишь ненужные пиявки, отлипающие в момент твоей слабости – в этом она раз убедилась. Помимо мужа, сына и гигантского, размером с приличных размеров Словацкую деревню, особняка она ничего не имела. Имела конечно гардероб, больше в четыре раза чем квартира современной среднестатистической женщины. Имела несколько машин, “bmw” перламутрового цвета жемчужины и девичий низкий «Maserati”, до смешного неудобных и не практичный. Имела штаб прислуги в распоряжении, четыре коня в стойле, серебряный сервиз за сто тысяч долларов и колье больше чем за миллион (а что, кто-то запрещал с жиру бесится?). Но в такие моменты одиночества никакое тяжёлое колье не спасало, связывающая с остальным мирам тонкая нить окончательно рвалась, и она падала в тьму, вглубь своих мыслей, переживаний и волнений. Никто её не любил, никто не считал нужной, она одна посреди заставленного безумно дорогой мебелью поместья.

Но потом она поднималась на второй этаж, в комнату сына, стучалась в дверь, заглядывала в узкую щель, подходила к его кровати и садилась рядом. Говорила на совершенно ненужные темы, в сотый раз спрашивала за тот же тест, за то

же свидание, но он улыбался и был рад её видеть, относился к ней со всей своей теплотой. И та тонкая нить вновь обматывалась вокруг талии, ведь всё же ей есть ради чего жить. Причина сидела рядом: уверенный и самостоятельный, харизматичный и самодостаточный. А что говорят люди… Они всегда будут болтать, и разнообразие их сплетен не будет знать границ. Но не одна из них, никогда, не заставит Надин изменить мнение о собственном сыне. Он хороший мальчик, хороший человек и баста. Она прекрасно знает своего сына, поверьте, лучше чем вся эта толпа. Андрей может менять маски, принимать самый холодный и дерзкий образ, но она навсегда запомнит его настоящего: смышлёного паренька, любящего сидеть на толстой ветви старого дуба посреди выгоревшего поля: он любил смотреть в голубое небо на порой пролетающие мимо далёкими светлыми точками самолёты, ночью рассматривал звёзды, считал созвездия, там, в сельской местности без каких-либо фонарей их всех можно было рассмотреть как на ладони, в мельчайших подробностях. Приходив домой, на кухню, он задавал миллион умных, пикантных и странных вопросов. Много читал, предпочитая в основном приключенческие книги Жюля Верна и интригующие детективы. Любил смотреть старые триллеры и вестерны, в школе не зарабатывал оценки ниже пятёрки с плюсом.

Но потом, на кухню стал приходить другой человек. Взрослый мужчина, со своей закрытой и охраняемой так же тщательно, как и Зона 51, личной жизнью. Он стал совер-

шенно другим, но ни что не остаётся вечным, ведь так?

Надин неторопливо постучала в дверь, задорно, бойко и весело:

«Тук-тук-тук-тук!»

хоть и вечер её совершенно нельзя назвать весёлым. Мужу прислали пригласительные на открытие нового «паназиатского ресторана», как утверждает вкладыш в тёмный конверт: «экспериментирующий с молекулярной кухней». Вечер сразу не заладился: наливая вино, криворукий официант с угревой сыпью на физиономии (их специально нанимали азиатами, будто в «паназиатском» ресторане это обязательный пункт), разлил его на белоснежную скатерть. Конечно же, прямолинейная дама не стала держать в себе весь гнев и негодование по поводу неловкости официанта. Был вызван администратор – тоже, кстати говоря, азиат – предложивший «исправить эту ужасную неловкость нашим фирменным десертом». В ответ Надин презрительно фыркнула и напомнила, что олигархи в подарках и комплиментах повара не нуждаются, но от лакомства не отказалась.

Десерт вышел, если вам интересно, паршивый. Гигантский шоколадный шар с сорбентом из зелёного чая внутри. Сорбет, пока вылитый на шар сверху тёплый ежевичный соус плавил шоколад, конечно же, растаял. Все ингредиенты вместе на вкус оказались сладкой до слёз в глазах смесью, напоминающей детское пюре в стеклянной баночке.

Закончился этот, несомненно, ужасный вечер автомоби-

лем, дорогой, причитанием, едкими комментариями и ощущениями, будто час жизни ушёл коту под хвост.

Может быть у Андрюши дела обстоят лучше. «БМВ», стоящий напротив парадного входа в дом, выдал своего хозяина – её блудливый сынишка был на месте. Тут одно из двух: или он до сих пор пытается прийти в себя после вчерашней ночи, или всё настолько плохо, что даже такой ненавистник сидеть дома как он решил никуда не выходить из комнаты.

«Сейчас проверю» – про себя хмыкнула она резко отперев дверь. Потом укорила себя, ведь основное правило отношений родителей и подростка: заходить в комнату лишь после разрешения. Это прописная истина, одна из заповедей: пусть даже ваш ребёнок на кровати сидит траву покуривая, или кокаин хранит среди носков – вы должны постучатся, если не хотите раскола в отношениях.

Андрей сидел на краю кровати в своём любимом белом халате. Просто сидел. И смотрел. Смотрел в дверь. Хм.

Под хлопком халата видна его накачанная голая грудь, блестящая в тёплом свете лампы. Кажется он голый.

«Вот чёрт, нужно всегда дожидаться ответа, прежде чем зайти».

В комнате стоит затхлость, будто весь воздух выкачали гигантские насосы. И ещё витает странный аромат: сначала в нём чудятся нотки кислятины и пота, потом отчётливо проясняются женские духи.

Хм.

– Как дела? – улыбается Надин, выставляя каждый белоснежный зуб на лицезрение сыну. Такую добрую, полную ласки и заботы убытку она показывает лишь ему – У тебя в комнате душнее чем в турецком хаммаме.

– Или в аду. Чего ты так рано? – в его голосе чувствуется какая-то нервозность.

– «Паназиатский» ресторан в центре города оказался редкой помойкой – за толстой деревянной дверью, ручку которой не выпуская держит Надин стоит испуганная Настя. Всё её тело дрожит будто от зверского мороза, она не успела накинуть рубашку и подскочила с кровати в одном лишь лифчике и трусиках. Лучше места для пряток не нашлось: времени хватило только на то, чтобы забежать за быстро открывающуюся дверь – То что они принесли под видом пекинской утки оказалось роллами с непонятным соусом, и найти там саму утку тот ещё квест. А соус полнейшая мерзость, филадельфия перемешанная с мелкими белужьими икринками – не сочетается абсолютно.

Андрей улыбнувшись кивнул.

– Попробуй им отзыв на «TripAdvidor” оставить, или ещё лучше – разгроми в своих стори. Тебя смотрит весь город, после одного твоего гневного слова туда никто не сунется.

– Ты знаешь, а это идея! Пойду строчить гневный текст – кокетливо подмигнула сыну Надин и аккуратно закрыла дверь, кстати говоря, намного медленнее, чем открыла.

Казалось бы, он лишь ухмыльнулся и сказал пару слов,

но настроение улучшилось, стала ощутима поддержка и присутствие настоящей родственной души. Она чувствовала, как он понимал её. Её сын. Её гордость. Её защита.

Даже когда ему шёл семнадцатый год она охотно верила в такое явление как «материнское чувство». Будто рядом с тобой, в твоих объятиях, лежит неотъемлемая твоя часть. До сих пор ты чувствуешь всю переживаемую ею боль, переживание, делишь счастье. Без этой части ты не ты, становишься пустой, а всё вокруг тускнеет и в миг теряет смысл.

С ним вокруг своей талии она чувствует так самую верёвку, не дающую ей погрянуть в тоску и одиночество. И видимо каждый вечер она заходит в его комнату лишь для этого: убедится что та верёвка натянута достаточно туго и всё ещё держит крепко.

В театральной сумочке «брачолини» завибрировал телефон. Пришла смс.

«Аноним» – как же странно, скрытый номер. Бывают же такте люди, желающие оставаться неизвестными. Настораживает.

Одним свайпом вправо Надин открыла текст и за мгновение прочитала его от первой большой буквы и до последней точки.

Потом ещё раз.

Всхлипнула и дрожащими руками нажала на текстовую строку, желая набрать ответ. Но что она напишет?

Из глаз полили слёзы, и этот процесс был ей неподвластен.

Надин не чувствовала как холодные, редкие слезинки стекали по щекам. Всё её внимание оставалось обращено к тексту сообщения, к его сути. В голове галопом прогонялись живые картинки, мрачные и печальные, и стоило ей только представить предательство, как она бесшумно всхлипывала, открывала рот, готовясь закричать во весь голос, на весь особняк, чтоб её крик боли и разочарования доносился до каждой комнаты, до каждой горничной, чтоб его слышала и деревянная сирена в прихожей, и рыцарь в бильярдной. Но ни звука не выходило, лишь глухие жалкие всхлипывания.

Всё тело пережало, будто по нему проехался громадный бульдозер нагружённый кирпичами, или поезд везущий цирковых слонов.

Люди в такие моменты часто говорят «сердце на тысячи кусков разорвалось». Красиво, метафорично – ничего не скажешь, но в те минуты разорвался на миллионы кусков каждый орган внутри Надин. Всё тело болело, воздух не поступал в лёгкие, голова кружилась.

А верёвка, обматывавшая до того момента талию, с треском разорвалась, и тоска, боль и печаль погрузила её в себя. Должно быть, так люди чувствуют себя когда жизнь рушится прямо на глазах.

Первым делом она увидела фотографию, на ней со спины сфотографирован её муж, обнимающий потаскуху, чьё лицо (какая жалость!) не влезло в кадр. Как же Надин хотелось в тот момент приблизить фото, увидеть фотографию этой

шлёндры и запомнить в мельчайших деталях её нахальное лицо. Она уверенна: безвкусно накрашенная – красная дешёвая губа за три цена небрежно смазана, тушь течёт, пытаясь быть сексуальнее закусывает тонкую губу. Фу! Аж омерзительно стало от одной мысли об этой дряни.

Она бы устроила ей сладкую жизнь, клянётся, устроила! Наняла бы самых дорогих, высоких и накачанных амбалов с бетонными мышцами и деревянными дубинками. Они бы поджидали её у стриптиз-клуба, или где там эта тварь может работать, и как художники эпохи ренессанса разукрасили б её лицо во все оттенки красного: от тёмно-багрового до ярко-алого. Кто так мстил любовницам мужа? Карди Би? Великая женщина: когда у тебя есть деньги пачкать руки ни к черту.

Как хорош на этой фотографии её муж: крепкая рука жадно сжимает пухлую ляжку незнакомки. Красавчик! Мужчина! А она тем временем места найти себе не могла: почему он так пассивен в постели? Может проблема в том, что я слегка под набрала в талии? Или в носогубках, ставших глубже за последний месяц? Нет! Виной всему какая-то, несомненно, омерзительная грязная прошмандовка. Всё гораздо легче.

Отвратительная фотография.

Отвратительнее неё лишь письмо, которое прикреплено к ней:

«Хорошие жёны удовлетворяют своих мужей. Хорошим мамам сыны рассказывают всё что знают. Что думаешь по

этому поводу, королева города?

ХОХО

Леди V”

На всхлипывания настроила чувствительные к мельчайшим звукам уши китаянка-горничная, оставшаяся в особняке на ночь. Хоть и нельзя было назвать всхлипывания Надин тихими.

Живот свело как от съеденной с молоком селёдки. Женщина схватилась за него ладонью и спиной облокотилась об холодную стену.

Ощущение, будто тебя ударили в солнечное сплетение. Причём несколько раз. Причём самые дорогие люди. Подошли, выжидая своей очереди, и со всей силы ударили крепким кулаком.

Внутри всё вихрем переворачивалось. Разум, спасаясь от разбушевавшегося пожара пытался найти запасные выходы, представить безоблачное будущее, смирится с потерями.

Но смирится и представить свою жизнь дальше не выходило. Кто она без своих мужчин? Одинокая домохозяйка, собака, брошенная хозяевами посреди трассы. Ничтожество. Надин была матерью (как выяснилось, настолько посредственной, что не смогла заслужить доверия сына), женой (такой омерзительной, что муж предпочёл уйти на лево) и…

На этом жизнь её заканчивалась.

Вся жизнь состояла из тренировок, выкатывающих утренних пробежек. Утро начиналось в шесть ноль ноль с омер-

зительного смузи из сельдерея, шпината и клубники, от которого хотелось поскорее бежать к толчку, нагнутся раком и блевать до вечера. Детокс, товарищи. Далее миллиард кругов под «энергичный плей-лист», пот по спине, стучащее как барабан сердце. Сушка, друзья. Далее идёт тренажёрный зал, когда устаёшь от одиночества покидаешь огромную спортивную комнату особняка и выходишь в общества, показать топик из ещё не вышедшей коллекции «Стеллы Маккартни» и кеды «Пума», чьим дизайнером выступила сама Гомез, а новенькую пару тебе учтиво подогнала её пиар-менеджер: хорошая тётка, кстати говоря. Потом по расписанию скачки – хороши для ровной осанки – и поход к косметологу. Приходится переживать миллион болезненных уколов в лицо, сжимать губы, сдерживать слёзы (ведь большие девочки не плачут) скулить, пробовать новые виды геалурона и прочей сложной хреноты.

Думаете, ей просто нравилось это всё?

Думаете, все жертвы для того, чтоб после изнуряющего дня работы над собой подойти к зеркалу и расплываясь в улыбке сказать «Как же я чертовски неоотразима»?

Как бы не так!

На самом деле завалится на диван и пересматривать старые серии «Секса в большом городе», грызя самый калорийный молочный шоколад с облитыми липкой карамелью орешками – куда более счастливая перспектива. Но все старания, испытания над собственной силой воли, вся жизнь

проходила ради достижения единственной цели: нравится мужу.

Сейчас, меньше чем за минуту, всё перечеркнуто жирным красным крестом. Нить обрезана.

В такие моменты она шла к сыну в комнату, прикрывала за собой дверь, обменивалась с ним пару предложений. «Сыночек, как школа? Расскажи маме, как день прошёл?». Он улыбался, был рад её видеть, смотрел в глаза – абсолютно бесстыдно и бесстрастно.

Возможно, отношения матери и сына заключаются не только в таких моментах? Может быть ей стоило быть внимательнее?

Сын не доверял ей. Не любил её. Возможно, она была иногда холодна, или занята собой. Возможно, именно это и причина его закрытости: он не посчитал нужным поделится с ней тем, что его отец несчастный кобель.

В этом захолустном городишке, в который она переехала лишь ради семьи, терпя неуравновешенных жителей и сервис на уровне «ниже плинтуса на сорок метров», больше ничего её не держало. Она просто возьмёт и исчезнет, растворится на месте, не оставив за собой ничего. Пусть всё горит огнём, зальётся керосином и пойдёт к чертям. Она – личность, уверенная, самодостаточная, и никому не позволит сломить себя.

Она пропадёт, и никто не узнает где сейчас такая яркая и бросающаяся в глаза Надин.

– Мне кажется она отошла, можешь расслабится – неуверенно шепнул Андрей, всё ещё выглядывая в коридор через узенькую щель, как загнанный охотничьим псом в нору лис: трусливый, маленький, напуганный, дрожащий.

– Фух, это чудо, что она меня не заметила – выдохнула Настя, боясь сделать один неосторожный шаг. И правда ведь чудо: от Надин её отделяли какие-то двадцать сантиметров. Она ясно учуяла её дорогой аромат, видела её длинные вьющиеся локоны – такие же изящные и блестящие, как на фото.

Вообще, Надин прекрасно знала о бурной половой жизни Андрея. «Бурная» – самое подходящее слово для его постоянных, кхм-кхм, сношений (отвратительное слово) с самыми разными девчонками. Кому как не матери знать, что одной лишь Алиной дело никогда не заканчивалось. Были женственные принцессы, победительницы конкурсов «кантри-дива 2018», и похожие на лесбиянок бунтарки с тату во всю спину. А если задуматься: парню лишь шестнадцать, а повидал он многое. Особенно с цепи сорвался последний год: как голодный пёс, не евший пару дней. Будто всю жизнь он мечтал о заветных вечерах, наполненных страстью и удовлетворением, о голых красотках, о девушках в своей кровати. И вот наконец, черта после которой половой акт не считается чем-то запретным была пройдена.

Надин, честно говоря, особо не сердилась. Рассчитывала на опытность сына в плане предохранения и выборе надёж-

ных девушек. Половые инфекции штука серьёзная, порванные презерватив явление частое, и о всех этих темах Андрей выслушал десяток мудрых лекций.

Также, девушки желательно должны были пройти «фейс-контроль». «Отворот-приворот» от мамули. Бунтарка похожая на лесби из порядочной семьи – подходит, «кантри-дива 2017» выглядит сногсшибательно, не смотря на передние торчащие зубы, делающей её похожей на родную сестру фермерской кобылы.

А Настя мамин контроль не прошла, и это так беспокоило Андрея. Да и ещё приводить девушек в особняк без ведомства родителей – нарушение негласных правил. Это и заставило его так понервничать.

– Я выведу тебя через чёрный вход – продолжал шептать Андрей, открывши дверь и осмотревшись по сторонам.

Даже и не попрощавшись, Андрей вытулил Настю через узкие двери, напоминающие выход из ковбойского «салона», ведущие в конюшни. Девушка горела румянцем, нервно оглядывалась по сторонам, ёжилась как замёрзший котёнок после мытья – не так она представляла завершение своего первого раза.

– А как мне найти выход с вашего огромного двора?

– Не глупая, разберёшься – Андрей резко захлопнул дверь услышав отдалённые шаги.

Они звучали громче, явно приближаясь к нему. Парень

принял непринуждённую позу (руки впереди, пустые глаза пялят в телефон) и обернулся, не поднимаю глаз от выключенного АйФона.

Послышались громкие отчаянные всхлипывания, по телу прошла дрожь.

Глаза поднялись вверх, и Андрей испуганно охнул. На лестнице стояла мама, такой разбитой она не была никогда. Лицо красное, щёки блестят, верхняя губа дрожит. Она качает головой и вытирает стекающие вниз слёзы, одаривая его преисполненным упрёка взглядом.

«Что не так? Что я натворил?»

Всматриваясь в лицо любимого сына Надин всхлипывает громче и не сдерживая себя скулит, точь-в-точь как та брошенная на трассе психа.

«Понял… Чёрт.»

Долго гадать не пришёл. Не смотря на кровь, расчленённку, ужасы пришедшие в город страхом последних несколько дней для Андрея стало то, что Мама может узнать. Узнать и не простить.

Всё оказалось куда хуже.

Он никогда не видел как его уверенная и сильная мать плачет. Казалось, эта стальная леди давно разучилась плакать.

У Андрея пробежал холодок по всему телу, последний раз такое ощущение возникало в доме Влада, под прицелом арбалета маньячки, или на озере, рядом с безумным убийцей.

Сейчас, дело, кажется, обстояло куда хуже.

– Мама, что с тобой? – его лицо само собой приняло такое выражение, будто он вот-вот расплачется вместе с ней.

– Ты хочешь знать что со мной?– дрожащим голосом переспросила Надин. Кэррилизм – вроде бы так это называется. Человек переспрашивает вопрос, чтоб успеть старательнее обдумать ответ. Надин же хотела усилить напряжение, передать всю горечь ощущаемых эмоций – Я узнала что мой сын предал меня, вот что со мной.

V.

Как же он её ненавидит.

Маньячка решила добить его жизнь ногами. Оставить лишь мокрое место. Возможно, он этого заслуживал.

– Мам, ты о чём? – Андрей догадался с самого начала, но продолжал делать невинный вид и несчастные глазки. Может быть, это сдобрит её.

– Сынок, скажи честно, ты знал?

– Знал о чём?

– О том что папа развлекается с какой-то… шлюхой!

Сейчас Андрею меньше всего хотелось врать своей матери. Он молчал, не в силах подобрать достойный ответ. Представьте себе – сам Андрей – человек с миллионом ответов на все вопросы, с подвешенным, как всегда готовое выстрелить ружьё, языком, с уверенностью, которой Обаме ещё учится, не нашёл слов и потупив глаза в пол молчал. Как шестилетний парниша, не выучивший стих в первом классе.

Должного эффекта это не произвело. Мама всхлипнула и расстроилась ещё больше.

– Пойми, я хотел как лучше. Папа пообещал что такого больше не повториться – не слушает. Всхлипывает, молча смотрит и немо рыдает – Мам?

Надин развернулась и пошла по коридору в сторону своей комнаты, не слыша ни слова Андрея. Вскинула подбородок выше, уверенно шагала и перед собой видела единственную цель: покончить с этим.

– Я уезжаю отсюда – крикнула она – Мой муж, а заодно и сын предали меня!

– Куда уезжаешь?

– Да куда угодно! Лишь бы подальше от вас.

Может быть она драматизирует, но так станет лучше. Пришло время думать о себе, о своей гордости, о своей жизни. Она лишь только начинается, впереди столько эмоций и впечатлений, что остановится сейчас стало бы огромной ошибкой. За отчаянностью пришёл оптимизм, вера в светлое будущее: она самодостаточная женщина, способная взять судьбу в руки и поставить её на нужный путь.

Андрей замер, не отличающийся от стоявшей рядом карикатурной скульптуры чёртика, на лице отражается печаль, толстые брови сдвинуты, губы стиснуты. Леди V победила. Ей удалось разрушить его семью и жизнь в придачу.

В голове будто прозвучал выстрел, после которого вся душа будто преисполнилась агрессией. Голова затуманилась,

сердце заколотилось в три раза быстрее.

«Он виноват в этом… Лишь он виноват этом…»

Влад. Чёртов маленький ублюдок. Двуличный мудак. Улыбается, когда одинок и чувствует в тебе нужду. Забывает о тебе когда всё налаживается. Гадкая присоска. Тварь. Лживый ублюдок. Он решил скрыть от него измену собственного отца, ходил и молчал, таким важным с ним не поделился.

Да не брат он вовсе. Нет. Он – двуличная пиявка, которая присосавшись к Андрею высосала из него все соки, а потом быстро отцепилась, как только посчитала нужным.

Андрей этого так не оставит. Он сделает всё возможное, чтобы его двоюродный брат почувствовал себя таким же несчастным, каким он чувствовал себя сейчас. И он уже знает, как это организовать.

«Он будет унижен. Опозорен. Он будет страдать. Да, мой брат будет страдать!»

Вдруг у него ужасно начала болеть голова, а всё тело моментально загорелось. Начался жар. Это бурлила вина. Скорее всего, мама никогда не сможет его простить.

Он то думал, что ясно дав понять отцу, что не потерпит больше лжи в отношении своей матери избавился от проблем. Вымыл руки от тёмной грязи, сбросил со спины тяжёлую ношу и спокойно живёт дальше. Пусть всё идёт своим чередом, пусть мать также его любит, ведь любовь матери это что-то само собой разумеющееся, как Земля вращается, Луна её спутник, Солнце звезда. Казалось, мама будет любить

его вечно. Все мы думаем что родительская любовь никогда не утихнет, об этом пишут в десятках новелл, поют в сотнях песен, говоря что всё в этом мире может пройти, но не любовь родителей.

Сейчас он сделал всё возможное, чтобы опровергнуть эту теорему

Андрей не знал, карать ли себя за своё молчание или нет.

«Карать конечно же. Ты виноват, лишь ты.»

Это один из самых неординарных вопросов за всю историю человечества: как же правильно поступить ребёнку, который узнал об измене одного из родителей? Избавить обманутого родителя отложи за собой или не нарушать мирный порядок дома? В такие моменты не окрепший мозг трещит по швам, взрывается, ведь на этот вопрос никто не может дать однозначного ответа.

Даже гугл.

Одно он знал наверняка: если его мама решила что-то, то это на полном серьёзе, и её просто так не остановишь. Решительная, силы воли у неё не отнять. Она сказала что уедет – уедет, это был лишь вопрос времени.

Если и есть на земле хотя бы маленький, крохотный, незаметный, скрытый от посторонних кусочек рая, то он не в тайском Краби или на Бора-Бора, где среди коралловых рифов и лазурной водички делает селфи на собственной яхте Шарлиз Терон. Он куда ближе, и ради него не стоило покупать

авиабилет за пару тысяч долларов.

Рай сейчас располагался в Евыной комнате, не совсем тесной, но и не просторной из-за сотен книг. Хочешь вытянуть ноги – обязательно наткнёшься на антиутопию Оруэлла или какой-нибудь занимательный нонфикшн: «история человечества за три часа».

Наш рай был тихим и неприлично уютным: холодные ноги сплелись под тёплым толстым пледом, в руках горячие кружки чая, лежи и поглядываем друг на друга. Болтаем. Порой хохочем. Порой целуемся. И такое тепло по душе разливается, будто с каждым глотком этого перемешанного с лимонной кислотой напитка.

Сейчас, лёжа в её кровати я на седьмом небе от счастья, и клянусь всем, что у меня есть (МАКбук 2013 года, АйФон с разбитым стеклом, скромный гардероб и три составленных лично мною плейлиста в «Spotify”), что даже зная о происходящем в этом чёртовом городе всё равно бы переехал. Лишь ради неё. Ради скромной бледной девчонки, лежащей в моих объятиях и пахнущей кокосовым маслом (она щедро намазала им руки, допив свой чай, а потом бесцеремонно схватила меня за щеки и передала устойчивый кокосовый запах). Пяля в грязноватый потолок и поглаживая её по спине, поверить не могу что всё настолько идеально: мы оторваны от остального мира, жестокого, тесного, багрового, злобного; никаких посторонних звуков, всё замерло в тот момент, когда мы зашли в уютный двухэтажный дом и за-

мерли за собой входную дверь. И сначала эта тишина убаюкивает, укачивает нас как младенцев. В наше сонное царство лишь один раз прорвался вульгарный сигнал машины, но быстро сник. Потом это начинает настораживать:

– Разве твоя мама не дома?

– Ночная смена. Будет стоять на кухне как штык где-то в шесть часов утра.

Ха.

Хахаха.

Ну не может же в природе существовать настолько прекрасных моментов! Настолько выверенных до мелочей, настолько подходящих для давно задуманного и желаемого. Вдумайтесь: я лежу с невероятной, ослепительной девчонкой, которая так сильно мне нравится. Её мама ушла. Дом пуст. Нет ни назойливого котика, зашедшего в комнату и крупными глазами-копейками наблюдавшего за нами, ни громко гавкающей псины. Ни ворчливого деда. Ни крайне осмотрительной и переживающей лучшей подруги.

Одни.

Ха!

Одни!

Дальше я позволил взять на себя ответственность владеющего ситуацией: нежно погладил щеку Евы и притянул к себе. Она нетерпеливо приблизилась. Мы целовались, попутно обнимая друг друга и неловко ворочаясь в череде простыней, как тюлени на каменном лежбище. Она сама (сама!)

стянула с себя свою лёгкую хлопковую рубашку через голову, помогла мне, неожиданно опытно и уверенно, расстегнуть пуговицы на синем поло, полетевшим в сторону к чертям собачьим.

Начало колотить в сердце, руки задрожали. Что это, волнение?

Как только я рассмотрел её тонкую талию, круглую грудь, то резко возникшее чувство улетучилось, и в голову ударил такой дьявольский прилив азарта и энергии, которого до этого в жизни я не ощущал. Совершенно странное чувство, сравнимое с поездкой на велосипеде в тёплый летний день: ты легко заезжаешь на горку, а когда настаёт время скатывается вниз теряешь контроль над управлением, нервничаешь, боишься. Но в жилах пульсирует такой адреналин, такой безумный восторг, что страх упасть и сломать спину уходит на второй план.

Словно не желая поверить в реальность происходящего, я жадно трогал Еву, гладил её плечи и тонкие руки. Иногда одёргивал себя, думаю что делаю ей больно своими навязчивыми прикосновениями.

А по телу разливался восторг. Такой бешеный, что я даже и не думал о том, что этот день настал. С десяти лет я гадал, как же пройдёт мой первый раз. Наивный мальчик посмотрел «Американский пирог» по телевизору и начал строить планы на старшие классы.

Может быть за трибунами во время футбольного матча?

Некомфортно, твёрдо, зато крики болельщиков заглушают ненужные звуки. Или в туалете во время танцев. Зловонно и мерзко. В деревянном домике летнего лагеря, когда все глазастые вожатые легли спать, а твой сосед согласился выйти покурить (святой человек). Много комаров и охранник рыскающий по территории точно спалит.

От одурманившей мозг эйфории, я даже и не задумался, насколько прекрасно прошёл мой первый раз: сложенно, идеально, как надо. Цивильно, как у самых настоящих влюблённых: серьёзных в своих намерениях и желаниях.

И даже открытие блестящего квадратика презерватива прошло как-бы между делом. В этом вечере не было похоти, нами двигала романтика. Мы чувствовали друг друга, знали, что делать и как поступать разумно.

И когда я навалился над ней, поглаживая волосы и шее чувствуя её дыхание, и когда она зажмурилась, как пациент перед уколом, и когда удовлетворённо вздыхала.

Мы, мыслящие одинаково, и как бы до противность клишированно это не звучало, созданные друг для друга, в постели двигались в унисон. Сложенно. Дружно.

Как же я счастлив, что тешился девственности не на спор. Не на «слабо». А с любимым человеком, к которому я испытывал самые пылкие чувства в жизни.

А какое удовольствие я получал, сплетаясь с ней воедино. Чувствуя тепло её холодного тела. Оценивая наслаждение на её лице,

В комнате на втором этаже заурядного серого дома располагался настоящий рай на Земле. Укрывая поцелуями тело Евы, я наблюдал за тем как она сияет, будто сейчас происходит что-то невероятное, чудесное. Скорее всего, я также необъяснимо сиял.

Глава 30 #заводнойапельсин

Апрель 2018 года

Короче говоря, я член этой шайки «объединённых грёбанным несчастьем» вот уже четыре года. Четыре сраных года, манал я их, тянущихся как сраная липкая жвачка.

Судя по всему, вообще я не засекал, сегодня ровно четвёртый год. Я в шоке. Валентин сказал, что всем на это плевать. Но а как могло быть по-другому?

Праздновать будем с размахом. Без торта и дешманского шампанского. И слава Богу без пива, меня от него выворачивает, хоть это большая тайна. У нас в компании все любят пиво. Все до единого. Ну а мне от этого пойла всегда хочется пердеть. Не знаю почему.

И вот, какое-то там апреля (без понятия вообще, и понятия иметь не желаю), тот самый Дубовый (тот самый, из-за того что в такой поздний вечер на его горе-аллеях собираются все вурдалаки) и мы, вся шайка в сборе. Валентин в центре круга, всматривается вдаль как львёнок из диснеевского мультика. Не помню как там его.

И вот, он заликовал. Вообще, молчал в тряпочку, но я то по глазам вижу. Внутри фейерверк, радость, лазерное шоу и прожектора как в дешевом борделе-кабаре. *

Смотрю – в свете тусклого фонаря, можно сказать даже желтого – такие в дубовом везде – идёт малолетняя кисуня с волосами заплетёнными в «дулю». В «шишку». В «опухоль». Как угодно.

Кисуня-скромняга, сразу видно. В руках учебники, к груди прижимает, в пол смотрит. Сразу видно – бестолковая беспросветная тупица. Ну кто вечером ходит по главной алее «Дубового»?

Вблизи сразу можно было понять, что кисуня вовсе не кисуня, а мочалка. Отдельный типаж цыпочек. Грязная голова, нос-шнобель как у карлика-рестлера, глаза узкие и широко посаженные, точно разъехались в разные стороны как шарики. «В-у-уп!» – и глазницы уже где-то у ушей.

Тоха засвистел. Он в этом мастер, прям бери и конспектируй – два пальца в рот и как воробей. Звон по всему парку – скорее всего, даже идя по железке можно услыхать.

Он матёр во многом, наш Тоха. Славный пацан, со своими странностями, не без этого.

Мы тут все со своими странностями – и это, наверное определение поделённое на три от правды. Мы чёртовы безумцы, от которых сам Боженька отвернулся сразу после рождения. Ну, мы такими себя считали.

Мочалка подняла глаза, раскатившиеся в разные стороны.

Курносый шнобель блистал в свете фонаря как диско-шар. Грязные патлы переливались жирным салом.

Отличительная черта мочалок – от них хочется рыгануть. Не то чтобы проблеваться, но они РЕАЛЬНО омерзительны порой бывают. Особенно в сравнении с теми кисками, которые иногда попадаются в наши сети.

Мочалка труханула, и тут не только глаза выдали. Всем телом шуганулась, будто в её неказистое тельце вспышка молнии зарядила. И вообще, по её шнобелю можно определять внутреннее состояние – сейчас длиннющий носяра покрылся гусиной кожей. Мочалке было страшно.

Всем было страшно сталкиваться с нами в «Дубовом». Да и не в одном только чёртовом «Дубовом». О нас тут ТАКОЕ слагали. Ну, и справедливости ради замечу что слухи не преувеличены. Приуменьшены, кхм-кхм.

Мочалка оглядывается по сторонам и готовиться кричать. Одно из негласных правил города – видишь свору фраеров в адидас на пустой улице – ори во всю глотку. Хорошое правило. Никогда не работало и работать не будет.

Ну, и мы это, поизмывались над ней минут пятнадцать, хоть я и таймер не ставил, мать твою. За патлы недомытые потоскали, выкрикивая грозную ругань и хохоча громко. Один из новеньких фраеров, понтов ради, видимо, решил облизнуть ей щеку. Сделал страстное лицо, от которого вырвать тянуло, привалился к ней и шепча «Иди ко мне, цыпочка», высунул свой влажный дрянной язык и облизал мо-

чалку. А мочалка, недотрога эдакая, мину скорчила, будто её в жизнь ещё хоть кто-то поцелует. Разве что в мечтах.

Короче, когда веселье её подорванные крики перестали приносить мы схватили её под пухленькие ручки, вылитые филейные сосиски, и потащили к басику.

Стало быть, бассейну – старой вонючей свалке, нашему пунктику. Если встречаем там непрошенных гостей, в виде сопливой школоты, зашедшей вовнутрь снять поганое видео на свои низкопробные руфер-каналы, раздеваем их и устраиваем небольшой прочухон. Забираем их позорные кнопочные мыльницы, пердунскую камеру и отпускаем зарёванных сопляков с кровью из носа в свои жалкие крошечные домики, к своим жалким жирным мамкам.

Эти мамки и вовсе какая-то хохма, ей богу. Видят нас на улице и с важным видом начинают отчитывать. Полицией, мать твою, коровы угрожают. Слюной своей мерзкой в разные стороны брызжат, пальцами в грудь тычут, «я же мать!» кричат. А мы в ответ лишь смеёмся да хохочем, на телефоны их отвратные рожи снимаем, коляски их дешёвые ломаем, и на том отпускаем. Пусть ещё, стервы эдакие, спасибо скажут.

Одна мамка толкнула в грудь Тоху, распоясалась, птица старая. Ну и Тоха ей врезал в нос. Мы, конечно, отругали его, вот так и эдак, бабень обижать нельзя, но ей-богу, она же первая полезла. Когда видишь в парке компанию фраеров в чёрных костюмах не самое умное решение подходить и права свои качать, правильно?

Короче, и на этот раз без случайно проходившей мимо мамки не обошлось. Мы, значит, несём мочалку к басику, хохочем, патлы её треплем, личико рассматриваем, и из-за угла с коляской выкатывает чувиха. Глаза напуганные и безумные, будто мета вколола, щеки красные. Мочалка ревёт как корова на забое, вся в слезах своих поганых, орёт «Помогите, пожалуйста!» голосом своим мерзопакостным, а мамка шуг за дерево, сделала вид будто не видела, и была такова.

Вот такие мамки заслуживают уважения. Оказывается, не у всех их мозги состоят лишь из натянутой заботы и липовой доброты.

Завели мы, значит, мочалку в басик. Внутри, Тоха, гнида такая, вылил на эту кису шейк. Ржёт, красный и бухой, сам не понимает что целую бутылку «Шейка» просрал. Ну а меня уже бесить начинает что они над мочалкой этой так измываются.

Вы не подумаете, я не сукин сноб или чёртов зазнайка, просто она же нам для дела нужна. Пусть хоть свои последние пять минут проведёт в сухой одежде, справедливо?

– Тоха, заебал. Харэ над тёлкой измываться.

Ну, как я и говорил, Тоха норм парень, просто когда выпьет невыносимым становится. Заткнул пасть поганую и молчал в тряпочку, красный весь. Меня он послушал из-за Валентина, начавшего свои взгляды томные, чёрт бы их побрал, бросать. Если ему что-то не понравится, знайте, легче сдохнуть от мучительно медленного адского пожара, чем с

ним в драку ввязаться.

В самом бассейне нас уже поджидал новичок – прыщавый хрен, утверждавший что тоже голос слышет – и наш верзила, охранял его на случай если передумать соберётся. Сидели они, парочка сладкая, на краю осушенного чумазого бассейна. На дне не вонючая хлорка и водичка прохладная, а камни и дерьмо, кошачье, собачье и бомжацкое. Кошек и собак мы зачастую выпускаем, а вот грязным омерзительным бомжарам не везёт. Стоит лишь на их пропитые опухшие рожи взглянуть, как тело дрожь пробирает, и хочется лупить их ногами, хлебальники раскрашивать, пока эти вонючие лентяи не осознают как жить надо, и что не нужно в наше логово залазить и срать в нём своим дерьмом отвратным.

Валентин подвёл мочалку к краю бассейна и пинком столкнул её в низ. Она, корова неловкая, на колени упала и как бабка закряхтела. Ох да ах, колени в кровь, в глазах жалкие слёзы. Неужели эти сучки безмозглые не понимают, что своим мерзотным воем только всё усугубляют?

Девка вскинула рожу вверх и по сторонам осмотрелась. Её тупые глаза оценили яркие граффити и разноцветные члены на стенах, булыжники и громадные дырки в стенах. Ну и ничего умнее не придумала, как завопит во всю глотку.

– Помогите, кто нибудь! – кричит, значит, и воет одновременно. У-у-у, а-а-а, эхом по развалинам её голос гнусавый разлетается, надежду ей дарит. Думает, набегут с парка мамки и на костре нас спалят, как чародеев средневековых. Ору,

но старперы не избавились бы от нас даже такими методами. Голос в голове ведь у многих пацанов местных зарождается, это как вирус. Играешь, значит, в десятый «Мортал Комбат» на плойке, жрешь мамкину фирменную Пеперони, проводишь свои беззаботные двенадцать лет валяясь на просиженном диване, и вдруг слышишь мерзкий такой писклявый смех. Хрен, мины которого рассмотреть тебе не удастся начинает диктовать что делать и как жить, и сначала это конкретно бесит. А потом… Потом он частью тебя становится, короче.

Тёлка повыла воем сирен полицейского авто и угомонилась, видимо наконец решила мыслить здраво и взять ситуацию в свои немощные костлявые ручёнки. Кулаком вытерла слёзы со своего жирного подбородка и полным непонимания голосом спросила:

– Что вы от меня хотите? – эти глупые девки никогда не понимали, что от них хотят.

– Закрой свой рот! – оборвал мочалку Валентин, подойдя сзади и толкнув её в горбатую спину. Она как лужа дерьма распласталась по заваленному калом дну бассейна и решила ждать участи молча, поглатывая собственные липкие сопли. Тем временем пацаны развлекались с её глупыми бессмысленными вещичками – ручки разбрасывали, блестящий как срань единорога личный дневник читали и хохотали, рюкзак ногами пинали, превращая его в пыльный кусок китайской ткани, заказанной на алиэкспрес.

– Обряд посвящения начинается, новичок – со своей фирменной кривоватой ухмылкой на лице объявил Тоха, привлекая внимание всех наших оболтусов. Эти громкие дебильные обезьяны угомонились не сразу, лишь после заявления Валентина, что засунуть те ручки им в жопы ему не составит труда. Поверьте, не составило бы. Тоха повернулся к нашему забитому блеклому новичку. Его мерзкие сальные патлы, чёрт бы их побрал, колыхались из стороны в сторону как ветви какой-нибудь ивы. Сквозь чёрный костюм просматривалась дрожь, будто передо мной намокшая псина стоит, а не пацан. И запах такой же – всё что нужно, чтобы стать одним из нас – залить женской кровью свои руки.

– Я…я..– испуганно заикался новичок. Дрожь усилилась, глаза так вообще орали визгом напуганной стервы – Я не думал что вы заставите меня убивать человека!

Он отступил на шаг, и мне показалось, будто бы вляпался в дерьмо.

– А что ты думал вступая в братство сатанистов, поклоняющихся грёбанному дьяволу? – агрессивно выпалил Валентин, подходя к задроту. Мне показалось, за те несколько шагов он вырос на сантиметров десять. Или то задрот резко в росте просел – Что вступительным заданием будет избить пятиклассника и украсть пончик из Волмарта?

– Я не буду этого делать! – голос этого омерзительного петуха сорвался на мерзкий скрип, как у козы надоенной. В грустных глазах показались мелкие, жалкие как и он сам

слёзы. Плакать на глазах у всей своей, типа, братвы – не круто чуваки, ой как не круто – Вы тут все поехавшие!

Ах, обидно было, заморыш ты остроязычный. В самое сердце ранил.

Оболтусы наши молча смотрели на ноющего чмошников посреди бассейна. Сальные патлы, блестящие белым гноем прыщи на лице, зубы прогнившие, пасть куревом несёт, хнычет да и ещё в дерьмо наступил. Но жалеть эту сволочь безвольную совсем не хотелось.

– Да успокойся, шучу я! – с лёгкой и странной для нашего холодного принца улыбкой сказал Валентин, после чего захохотал. Захохотали все. Это такой принцип нашей чёртовой шайки – хохочет Валентин, хохочи и ты. Валентин пинает старуху в тёмной переулке, пинай и ты. Валентин курит траву и говорит что это круто, все непременно курят. Так и живём – безвольные и одинаковые ублюдки, из которых лишь Тоха и Валентин своими причёсками броскими выделяются. Один рыжий, другой лысый как орешек грецкий.

– Серьёзно? – с надеждой в голосе переспросил заморыш. Сам заулыбался, захохотал. Вот-вот диско нам спляшет, сальто сделает. Эти мудаки пошутили! Как же смешно, чёрт их дери! Ха-ха!

– Ну конечно… – протянул Валя (ни за что не говорите ему, что я так его назвал), тем временем зажав тяжёлый камень в своей крепкой ладони. Он подошёл к парню ближе, не заканчивая предложения, словно забыл как аутист поганый

– Нет – без каких-либо эмоций оборвал он и стукнул пацана по прыщавой роже, в миг превратив её в кровавую томатную пасту. Пару гнилых жёлтых зубов выбиты, горбатый нос сломан, губы, никогда не видавшие поцелуев, смешались с кровякой. Красота да и только. А гнойники блестели даже сквозь всё это.

Этот ублюдочный хрен повалился на пол со звуком мяса, шлёпнувшегося на доску для разделки.

– О Боже мой! – заорала мочалка и вновь завыла. У-у-у! Отпустите! Помогите! Фантазия на том заканчивалась.

– Господи, заткните ей кто-нибудь наконец рот – раздражительно выпалил Валентин, пафосно разминая костяшки пальцев. Вообще, он не часто так делал. Но этот ходячий гной заслужил.

Все, слышавшие голос Тришаковича и не прошедшие испытания должны сдохнуть. Правило такое, вроде как негласное. Хотя, задрот мог и притворятся.

Антон наклонился к мочалке и грубо взял её за руку, на что та ещё громче заверещала. У-у-у! Отпусти меня! Тоха глупо хихикнул, забавно мол.

– Взгляни в глаза – прошептал он. Отчётливо. Настойчиво. Уверенно. Умеет он общаться красиво, гадёныш – Просто загляни в них.

Девчонка усердно смотрела в другую сторону, после чего Тоха истратил свой запас любезности и обхватил её пухлые, влажные от слёз щеки, грубо развернув мерзкое сопливое

рыльце к себе.

– Смотри в них – задумчиво шептал он, глядя в заплаканные красные глаза. Глупая девка всё вырывалась и билась, как птица об стенки клетки. Потом наконец угомонилась: расслабилась, обмякла, даже пасть открыла, глупо так, безвольно – Ты ничего не вспомнишь из того что тут произошло. Мы уйдём, и ты не вспомнишь события этого вечера. Поняла?

Мочалка кивнула, после чего рыжий грубо отбросил её на пол. Та повалилась в груду камней, шприцов, порванных презиков и дерьма, использованный ненужный мусор. Пусть лежит тут и в себя приходит, а после до конца жизни будет гадать: что же случилось в ту ночь у бассейна? Групповушка? Может она просто впервые в жизни кололась, решив хоть как-то скрасить свои унылые будни?

– Мы можем идти отсюда – уверенно произнёс Валентин, посматривая на тёлку – Забирайте тело новичка и уходим.

Заморыш очнулся, я это понял по тому, что чёрный мешок из стороны в стороны заболтался, как матрёшка русская. Стоя посреди холодного «Дубового», в темноте, я даже попытался представить какого ему сейчас. Хоть я и представлять совсем не люблю. Воображение для таких задротов, как этот вонючий хрен, для таких парней как мы и создана суровая реальность. Мы короли реальности, и никакое воображение нам не надо. Что захотим, то и получим. Что захо-

тим, то и услышим. Нам и в реальном мире прекрасно, пацанам реальным.

Но в тот момент меня восторг изнутри переполнял, когда я пытался представить что за животный страх сейчас ощущает это чмо. Благодаря тёмному мешку ничего не видит, и дышать ему тяжело. Потом обливается, кряхтит, мычит, о пощаде бессвязно молит. Пытается дрыгать своими тощими ножками и ручками, да вот только они связаны.

Что за зрелище!

Даже если мы и не приведём в действие супер коварный и офигительно продуманный план, лох задохнётся через минут десять.

Думаю, простофиля (что за старомодное, блин, слово?) изрядно удивился в первые три секунды после пробуждения. Такие преданные друг другу чуваки не станут калечить члена своей же шайки! Потом пришло осознание: воспоминание о тяжёлом камне в руке нашего вожака, понимание, что на его жирной шее обмотана петля и скоро он, гнида трусливая, сдохнет. На самом деле, все эти пацанские принципы и прочее дерьмо – сказки для умолишенных. Никаких принципов в нашей шайке не было. Конечно, что-то типа ощущения связи было, но это лишь общее несчастье. Как в новостях показывали: беженцы из Афганистана делают коммуны в соседних пыльных арабских странах с названиями как из старых дрянных сказок. Не думаю что они все так друг друга любят. Вокруг ведь те же люди, обычаи и всё такое. Чувство

общего несчастья их вроде как сближает. У нас то же самое.

Но этот мерзотник общего с нами ничего не имел. Трусливая жалкая блоха. Сейчас, кстати говоря, опять воет. До него дошло, в какой глубокой жопе он оказался. В настолько глубокой, что даже свет надежды в эту дырку не просочится. Единственное, что он может делать – выть. Орать как можно громче. Издавать невнятные звуки, в надежде что какой-то зевака алкаш с блевотой на бороде прийдёт его спасать.

Но на самом деле его крик никто тут не услышит.

Хочется крикнуть: задрот, неужели не ясно?! Мы в центре чёртового Дубового, стоим на краю глубокого яра, чёрт бы его побрал, где-то у черта на выселках. В час ночи тут ни одна шавка не пройдёт, духу не хватит. Птица не пролетит, ведь каждое живое существо в этом городе знает, кому принадлежит это место. Чьё тут каждое грёбанное деревце и упавшая с дуба ветвь. Это наше тёмное царство, и все в курсе, никто не сунется. Поэтому твой предсмертный вой для нас – забавный концерт, шутка, развлечение. Гляди, как Тоха хохочет. А мы ведь в моменты казни всегда серьёзными стараемся быть. Но с тобой, щенок, удержатся ох как не просто.

Зачем ты сидел в нашем логове и с глазами, отыгрывающими чистые намерения, пиздел, что сделаешь всё ради нас? Зачем ты говорил что голос внутри твоей пустой черепной коробки изменил тебя, превратил в монстра? Чтоб при одной лишь перспективе крови разреветься? Ты омерзителен! К тому же, знаешь слишком много.

– Можешь орать сколько хочешь, ты посреди Дубового, парень – подошёл к нему Валентин, проверяя крепкость петли на шее. Всё круто, чёрт возьми. Показал нашим «свежакам» знак «ок», оценивая немного озадаченные физиономии. Ведь каких-то полгода назад в крепкой петле могла оказаться их шея.

Девять теней, совсем лишённых чувств, жалости и сострадания застыли вокруг высокого зелёного дерева. В центре тёмного круга возвышался силуэт, если присмотреться можно увидеть мешок на голове и алую кровь на спортивном костюме. Пустые взгляды устремились на него в предвкушении исполнения традиции: новичок, не прошедший испытания должен быть повешен на дереве. Честно говоря, не многих настигала эта участь.

Чё-ё-ёрт, не зря маман говорила, что мне стоит в писательский кружок заделаться. Иногда как начну по клавиатуре тарабанить, и слова из меня выходят незнакомые, аж жутко. Книг вроде как не читаю, не моё это. Опять же, пусть этим занимаются глупцы, не находящие себе места в реальности.

Реальность принадлежит нам.

А реальность этого задрота останется жалкой даже после его бессмысленной гибели. Его найдут повешенным на дереве и где-то месяц другой будут гадать, почему этот заморыш решил с жизнью счёты свести. Вот чёрт, разбитое лицо может нас спалить.

Но у Валентина всегда получается всё правдоподобно

подстраивать.

Напишут о нём в местных низкопробных газетёнках и пыльных забытых сайтах, нам бонус: меньше людей в «Дубовом», меньше свидетелей. Никто не хочет взять своих сопляков на прогулку в парк, и обнаруживать висящие как груши трупы задротов. Это стрёмно.

И скажут нашему безвольному стаду, местным жителям дебильным – самоубийство, они разом кивнут и повторят: самоубийство так самоубийство. Никто и не подумает что за дохлым дрыщём стоят девять парней, что на самом деле его повесили как нарушителя в средневековье, казнили считай.

– Можно? – прошептали свежаки, держа канат в своих красных ладонях, готовясь к началу шоу. Валентин кивнул, и дальше всё пошло как по маслу, честное слова.

Трио свежаков начали отходить назад, разламывая белыми кедами опавшие шишки, палки и гниющую листву. Хитрая система, которая полагала в том что канат свободно скользил по дереву и спокойно передвигался, сработала: дёргая ногами, как муравей зажатый между пальцами ребёнка, кашляя, задрот взмыл в воздух. Белые кеды оторвались от земли, канат заскользил вверх, петля перетянула шею. Чем дальше свежаки держа канат в лапах отходили от дерева, тем выше он поднимался.

Думаю, Валентину не потребовалось много времени на передумываете этой схемки. Подобное я в фильмецах разных видел раз сто.

А задрот всё дрыгал ножками своими тощими, будто рассчитывая под ними опору обнаружить. Извивался, прогибался, кряхтел, но всё тщетно: верёвки туго стянуты, последние глотки кислорода на исходе. Потом ножки обмякли, повисли как бельё влажное на верёвке. Пацан, может быть, смерился. Подумал: да ну нафиг, всё равно нифига из этого не выйдет! Или просто задохнулся. Фини де ла комедия. Вот и всё шоу, три мимолётных секунды и конец.

Чао, задрот. Недолгое знакомство с тобой было не из приятных.

Краем глаза я поглядывал на свежаков: они съежились и глазами-фонарями вверх смотрели. Чересчур они неокрепшие, чтоб к подобному привыкнуть. Мы их не осуждаем, сами такие были.

Кроме Валентина. Он, кажется, с детства никаких чувств не испытывал. Стоит, высокий, безмолвных, смотрит холодными глазами вверх, работу оценивает. Это создание способно любить? Сострадать?

Таким и должен быть наш вожак. Уважуха, бро.

Тоха вообще от этой картины оргазмировал: стоял и ухмылялся, психопат чёртов. Неужели он не знает что на обрядах нужно вести себя серьёзнее, ведь общение с грёбанным дьяволом – не шутки?

Свежаки в себя не приходили: если кто-то из них проявит слабинку, повиснет на дереве рядом с задротом. У них рты на замке, да вот только глаза выдают.

Ну а чё поделать? В этом мире ничего просто так не бывает. Им сила не человеческая, безумная, они – свою душу. Теперь они монстры, приспешники дьявола. Они окропили свои руки чужой кровью, они пустили тьму в себя.

В свои головы.

– Слава Даниилу Тришаковичу. Слава Сатане. – как молитву произнёс Валентин.

– Мило с твоей стороны что ты решил встретить меня после тренировки, но не стоило – Каролина порой поглядывала на идущего рядом Валентина. Его лицо освещали редко стоящие на тёмной улице оранжевые фонари. Они были абсолютно одни – лишь иногда мимо проезжали машины, сломя голову стремившиеся попасть домой. А как иначе? Никто не хочет задержатся на улицах, по которым бродит психопат-убийце.

Но эта милая парочка не ищет лёгких путей.

Каролина даже и не волновалась. Выйдя из школы, первые минуты нервно оглядывалась назад, словно рассчитывая увидеть злого преследователя, мужчину с ножом, силуэт в маске. Страх рисовал самые разные образы. Затем фонарь освещал его лицо, и дыхание восстанавливалось, надобность оглядываться пропадала. С ним она была уверена, в первую очередь – в его силе. На Валентина никто не решится напасть, разве что слабоумный. Не один арбалет, кастет или нож не поможет.

Он и нёс себя так, будто его не сразит выстрел из пистолета самого мощного калибра: уверенный шаг, белые кроссы наступая на асфальт выбивают ритм, напряжённый взгляд, прямая осанка, руки в карманах. Он – хозяин этих улиц. И днём, и ночью.

– Я правда волнуюсь за тебя – ответил он, продолжая держать её руку не отпуская ни на долю секунды. Отпустит– и она уплывет, скроется из виду, затерявшись в темноте, где столько опасностей, где каждый шаг грозит встречей с собственным страхом. Этот городок давно утратил звания места, где можно прогуливаться без страха за собственную жизнь. Крайне странно, что почти все местные не понимают этого, живут как и жили, хоть на месте властей следовало бы ввести чрезвычайное положение.

Никаких прогулок после девяти, например. Пришлось бы удержатся от поздних сеансов и посиделок в гостях до рассвета, но детишки бы пережили. А для Валентина приятный бонус – вымерший город после заката, где только он, голос

И она.

Плевать на гибнущих как мухи горожан – думал Валентин. Эти лицемерные уроды заслужили. Самый огромный страх, что этот чокнутый психопат может причинить боль Кэр. Он добрался до её подруги, превратил жизнь Алины в мучение, и возможно сейчас поджидает его девчонку за каждым поворотом.

Была бы его воля, он не отошёл бы от неё ни на секунду.

Не сомкнул глаз, карауля у её комнаты. Приковал бы себя наручниками к её тонкому телу, желая всегда быть рядом. Ведь сейчас тот самый страх предельно близко. Опасность за каждым углом.

Порой в лицо дули холодные потоки ветра, порча укладку Каролины. Сама она сжималась от холода, чувствовала ходившую по телу дрожь, не понимая от куда исходит мороз: то ли от ветра, то ли холод исходит изнутри. Как бы она себя не убеждала, как бы не теснилась ближе к парню, ей было по-настоящему страшно. Безлюдные улицы навивали самые жуткие фантазии, в дали слышался хохот, крики. Должно быть кто-то весело проводил вечер, а ей казалось что кричат ей в спину, хохочут над ней. Над тем насколько она глупа, что гуляет по улицам города ночью. Думаешь, твой парень тебя защитит?

Ха!

Когда он начинал говорить холод стихал, по телу разливалось тепло. Дрожь утихомиривалась. Его звучный бас эхом разлетался по переулкам, убивал страхи Каролины, отвлекал от лишних мыслей и ненужных мрачных фантазиях. Она сейчас тут, с ним, и разве стоит растрачивать это драгоценное время на мрачные картинки в собственной голове?

В каждое удобное мгновение, под каждым ярким светом фонаря или яркими отблесками месяца она пыталась заглянуть в его глаза, то ли рассчитывая разыскать там утешения, то ли просто насладится. Ведь это не просто глаза обычного

человека: пустые и бумажные. Обычно глаза не бывают такими многогранными. Выражают или счастье, или печаль. Все знают, что взгляд прямолинеен и порой выдаёт всю правду о чувствах человека. Многие психологи, пишущие толстые романы с красивыми обложками и снимающие собственные телешоу утверждают, что зрачки человека расширяются, когда он смотрит на что-то приятное. Существуют десятки методов чтения взгляда.

Но глаза Валентина многогранны. Кажется, что в них прослезились нотки счастья как бум! В них плывёт затяжная тоска. Бум! Искрится азарт и веселье. Несколько эмоций преобладают сразу: читается удовлетворённость и печаль одновременно, и никогда не скажешь, как в них умещается и дерзость, и наглость, и грусть. Даже какая-то тайна, большая, что давит на его плечи, не даёт расслабится не на секунду. Сжимает его голову с двух сторон, не даёт освободится.

Что за секрет он скрывает?

Каролина отчаянно пыталась выискать в фактах, известных ей о нём хоть какую-либо зацепку: что это за человек, чем он живёт, что их себя представляет. Тщетно. Ясно было только то, что это очень своеобразная личность, со своими страхами и тараканами, бегающими в голове без остановок. Никогда не хотелось признаваться самой себе, но Каролине казалось, будто порой она видит в нём что-то тёмное, пугающее. То ли в особой скрытности, то ли в возникающей порой злости. Как в «изгоняющем дьявола», это тьма сидит в

глубине души, а потом как проявит себя, и прийдётся привязывать его к спинке кровати и вызывать экзорциста.

Вот это фантазия!

Но это всё не отталкивало Каролину. Сама того не замечая, она понимала как всё сильнее и сильнее увлекается этим человеком, выискивая его настоящего.

Как хороший детектив: прочитаешь первые пятьдесят страниц, и интрига зацепит тебя вплоть до эпилога. Читая рассчитываешь на хэппи-энд.

Жаль, что почти всегда в финале происходит кровавое убийство.

– Ну и каково оно – улыбаясь спросил Валентин – Стать капитаном наших танцовщиц?

– Ну, несмотря что я побыла в этой роли три минуты, мне понравилось. Власть в чистом виде – рассмеялась она, искусственно и натянуто. Ведь сейчас, смотря ему в глаза желание смеяться резко пропадало.

Кто этот человек?

Компания была чересчур занята непринуждённой беседой, чтобы заметить вышедшую сквозь стеклянные двери супермаркета тень.

Она, тень, в свою очередь даже и не удивилась, и была счастлива. Ей совсем не нужны сейчас лишние перепалки и драки, с этими то гигантскими бумажными пакетами в руках. Кажется, сейчас вывалится банан. Вот чёрт, вывалился!

И даже когда тень сутулилась, согнулась в тазу и неловко подняла банан с грязного, закиданного окурками асфальта, никто из шумной компании не обратил на неё внимания.

– Чувак, да ты хрень морозишь! Мать твою, это, блин, забавно: он не мог продать это за такую цену!

До Никиты долетали обрывки их фраз, когда он поднялся с бананом в руках и собрался пойти прочь. Порой планокуры начинали будто бы беспричинно, нарочито громко и дерзко хохотать. Даже гоготать. Их мерзопакостный смех доносился из груди, вылетал через горло и превращался в гортанное «ГАГАГА», как стоны гусыни, насильно откармливаемой для фуагра. Никита помнит их крики, их стоны. Пару лет назад он ездил в гастро-тур с родителями по Бордо. Что говорите? Да, Бордо достаточно интересное место: замки, красивые уютные города, вкусные рестораны, высокие песчаные дюны и изумрудные леса. Но всё это, как всегда, прошло мимо несчастного Никиты. Вместо этого он часы проводил на фермах местных мелких предпринимателей, изготавливающих редкие сорта сыров с плесенью, домах виноделов, заносчивых и картавых, а также гусиных фермах.

Гусей сжимали крепкими руками за длинные гибкие шеи, и не обращая внимания на их жалобные крики, тащили к толстой железной трубе. Открывали им клювы, грубо запихивали ту трубу глубоко в горло, а после нажатия кнопки по ней начинала течь жидкая коричневая каша, стекая в крохотные желудки невинных птиц.

Как они орали, когда их вели на эту злосчастную кормёжку! Никита до сих пор вспоминает эти крики: жуткое зрелище. Гусыне приходится испытывать стабильно три раза в день ужасные муки, чтоб впоследствии стать красивенькой железной баночкой с фуа-гра. Прожить жизнь, чтоб однажды какой-то жирный русский олигарх парясь в сауне с голыми моделями намазал тебя на хлеб, надкусил и фыркнул, крякнув что-то вроде «с красной икоркой не сравнится!».

Потом гусей выпускали на волю: сытых и перепуганных. Проходило время и они отходили от шока, начиная весело кричать и плавать по мелкому грязному озеру.

Так вот, их пустое и громкое «га-га» очень напоминало смех этих безмозглых наркоманов.

Никита сам не заметил, как остановился на входе в родительский «island food”, засматриваясь в лица парней. Почему-то подобные компании считали за должное собираться ночами у входа в супермаркет семьи Никиты. Курили и отпугивали потенциальных покупателей своими агрессивными взглядами и громкими матами.

Несуразный коротконогий пацан с лицом младенца отхлёбывал пиво и бил по плечу своего, по видимому, друга: высветленные патлы торчат вверх, как после сильного удара током, на пухлых губах виднеются капли пива, гнилые зубы выставляются на показ, как драгоценный экспонат. Какое до чёртиков знакомое лицо! Видел ли Никита его раньше?

Холод.

Озеро.

Одиночество и темнота.

А потом он видит её – девчонку, разделившую его жизнь на две контрастирующие части: светлую, где он вместе с ней, сидит на кровати и проводит часы в общении с лучим человеком мира сего; и тёмную, где он растворяется в собственных мыслях и догадках, тоскует каждую минуту, а когда не тоскует думает о мести. Представляет как находит человека, причинившего Адриане боль и делает с ним…

Картинки, приходившие на ум при виде этого незнакомца были обрывистыми, мутными, размытыми. Как смазанные воспоминания о плохом сне. Лишь потом до него дошло, когда ноги сделали несколько уверенных быстрых шагов по направлению к компании, что видел он этого парня в своём видении.

Первым дёгтем всплыли очертания его фигуры: долговязой и нелепой. Затем в бликах лунного света заблестели волосы, и свет нехотя открыл лицо. Холодное, мерзкое. Длинный шнобель с горбинкой, губы больше чем у профессиональной минетчицы.

Это не останавливало Никиту, всегда размерянного и здравомыслящего. Внутренний осмотрительный голос твердил: «встань и обдумай, неужели ты можешь доверять всплывающим в твоём подсознании картинкам?». Никита останавливался и пятил назад. Шумная компания агрессивных гигантов с глазами собаки Баскервелей. Обычно такие и глазом

не моргнув убивают в уличных драках не угодных им парней: веселья ради ломают хребты палками, и хохоча убегают восвояси, желая поскорее принять новую дорожку.

А потом перед глазами всплывала Адриана. Её довольное лицо. Её поцелуй с ним: долгий и страстный. Кровь. Убийство. Холод. Лес.

Он убил её!

«Никита, задумайся – это далеко не точно! Тобой движет лишь жажда мести!»

Никита смотрел на его хитрое лицо, обезображенное безмозглой улыбкой, на его самодовольный взгляд и раскованные манеры хозяина жизни. Видно – заводила, главарь компании. Ради привлечения внимания своих дружбанов разденется и в центре круга тектоник спляшет!

Никита заслужил внутренний голос, совсем не чувствовал зарождающийся в глубине страх и неуверенность. Шагал видя лишь нахальное лицо из грёз, и желал разорвать этого человека на куски, разбросать их по всей парковке супермаркета.

А тот гнусный урод всё ещё не обращал внимания на выросшую рядом тень: разговаривал со своими такими же гнусными типами, попивая самое гнусное и дешевое пиво. Дёргал за лямки свою гнусную грязную майку-алкоголичку и гнусно вонял потом. Таким заморышам открывать свои подмыхи не стоит никогда в жизни, если они не желают убить вонью стоящих рядом людей.

– Эй ты! – смело крикнул Никита, обратившись к уродцу. Сам удивлялся своей смелости, когда выдержал первый пустой взгляд и произнёс – Я знаю что ты убил Адриану!

Переведя глаза со своего друга на Никиту Майкл ошарашено смотрел в глаза бледному незнакомцу, видимо для показной крутости надоевшему толстый чёрный капюшон на голову. Парень спрятал руки в большие карманы толстовки и стиснув зубы оценивал озадаченную физиономию. Этот дрыщ, казалось, может взмыть в воздух при малейшем порыве ветра, как Мерри Поппинс на зонтике, но при этом сейчас он выглядел крепким. То ли за счёт бесстрастного лица, то ли уверенная поза помогла, но этот парень, видно было, не оставит их просто так.

Компания кретинов тем временем заметили лицо своего вожака, напрягли подходящие к исходу остатки серой жидкости, и пришли к выводу что в брошенной дрыщем-незнакомцем фразе была доля правды. Майкл оцепенел и весьма долго приходил в себя, находя нужный гибкий ответ.

Нужно отдать наркоману должное: такой пришёл ему на ум весьма быстро. Далее в ход пошли театральные приёмчики: громкий смех, кричащий «как же ты смешён, идиот несчастный», косые взгляды на лица «братвы», желающие выискать в них поддержку, и громкий голос, который могли бы разобрать даже сидящие в далёкой красной машине, на той стороне дороги, пенсионеры. Учуяв, что дело пахнет жареным, старуха-водитель завела свой «Ауди» и растворилась

во мраке улицы. Парни оставались одни:

– Что за хрень ты несёшь? – Майкл ронял слова через искусственный смех – Ты вообще ещё что за хрен с горы?

– Ты заплатишь за всё – сжав кулаки сквозь зубы процедил Никита. Лицо его не узнала бы в тот момент родная мать, а она частенько любила изучать его детские фотографии и толстые забытые полароидами альбомы. Брови срослись воедино, ноздри расширялись. Совершенно другой человек – уже не тень, блеклая и бесхребетная. Пройдёшь мимо такой и глазом не поведешь. Сутулая осанка словно выдаёт отсутсвие какой-либо гордости, поникшее лицо не вызывает ни жалости, ни отвращения.

А сейчас на залитой тусклым светом высокого фонаря парковке стоял мужчина, с характером, чувствовавший собственную силу, уверенный в себе. Такого Никиту видел лишь один человек, да и он сейчас мирно спит в гробу, порой являясь ему в мрачных видениях, будто не собираясь мирится с фактом собственной смерти. Никита чувствовал обеспокоенность Адрианны, слышал её приятный голос во сне. Он шептал лишь одни загадки, ничего чёткого и ясного.

Сейчас, Никите казалось будто он наконец докопался до правды. Сделав резкий шаг вперёд , он толкнул гавнюка из видения со всех сил, что у него были. Вся злоба, боль утраты и скорбь вышла наружу с этим толчком: крепким, сильным. Майкл разлив пиво стукнулся об стену, утихомирив искусственный смех. Сейчас фаза предупреждений прошла,

он дал время этому таракану обдумать свои глупевшие действия. Время вышло, не говорите что он его не предупреждал.

– Пацаны, похоже пора нам показать этому психопату как правильно себя вести – деловито отрезал Майкл, ловко достав из своего кармана маленький складной ножик. Серебряный корпус, переливающийся в оранжевом свете подлетел в воздух и упал обратно в крупную ладонь. Проделав ещё пару отработанных приёмчика со своим орудием, парень собрался вырезать на бледной коже свои инициалы.

Неслыханная наглость! Это ЧМО (чрезвычайно мерзкий огрызок) прервало их беседу и посмело в наглую, просто так, толкнуть самого Майкла. Хозяина сквота и жизни. Местного идола и кумира. Да ты хоть знаешь, блоха, что после этого некрасивого жеста тебя с удовольствием разорвут все наркоманы города. Они ради меня собственных родителей продадут, сестрёнок маленьких на органы сдадут, из своих собак супы приготовят! А твоё лицо на раз-два превратят в кровавый суп Гаспачо!

Три друга стоявшие рядом с Майклом повторив движения командира машинально достали ножи угрожающе похрустывая своими шеями. Возможно, думали это страха нагнетает. Считали, будто так они смотрятся устрашающе. На самом деле Никита боялся лишь того, чтоб они на косточки не развалились, ведь так суставы нормального человека не хрустят.

Посмотрите, сколько крутости и тестостерона уместилось

в одном квадратном метре: верзилы с ножами, плюются на асфальт и разминают пальцы, рыгают и хмыкают, поражаясь глупости незнакомца. Как бы они не старались, со стороны всё равно выглядели как кучка обдолбанных наркоманов: тупые пустые взгляды, костлявые несуразные тельца и пугающие синие мешки под глазами.

К сожалению, уверенность Никиты начала медленно сходить на нет, как детский мяч, скатывающийся с горы. С трусливым шагом назад пришло горестное осознание того, что он только что наделал: обвинил незнакомца в убийстве, при этом незнакомца с тремя корешами, незнакомца с корешами в кармане каждого из которых был складной ножик. Вот он, трабл галактических размеров. Безвыходная задница: вокруг никого не было. Кричи, зови на помощь, в камеры видеонаблюдения азбукой морзе передавай «СОС». И плевать, что стоящий рядом супермаркет принадлежит твоей семье: сейчас ты обычный молокосос, наживший проблем на собственную шкуру. Можно лишь про себя молится, чтоб дело не дошло до убийства.

«Не дойдёт!» – мысленно убедил себя парень, ведь уже не раз сталкивался с подобным. Каждый раз, когда он чувствовал угрозу закрывая глаза всё решалось самим собой. Он будто вылетал из своего тела и видел всё от третьего лица. Вот его тело: тощее, щуплое, жалкое, длинные ресницы опущены в пол, руки обмякли, а рядом творятся самые незаурядные вещи: бились стёкла и взлетали в воздух предме-

ты. Что-то причиняло людям боль. Будто какая-то сущность вселилась в Никиту и выходила из него каждый раз, когда он чувствовал опасность.

Отойдя, Никита закрыл глаза и ухмыльнулся грозным оскалом. Его скрытая способность никогда не доставляла ему удовольствия, ведь согласитесь, тяжело радоваться вещи, природы которой ты не знаешь. Но мысль о том, что эти дерзкие кретины получат своё непременно радовала. Сейчас эта шайка будет в полном ступоре. Они не будут такими уверенными после того, как увидят на что он способен.

Главное расслабиться и дать душе провалиться в мрачную глубокую тьму, не бояться упасть в бесконечность. Ведь рано или поздно появится далёкий свет, выход из туннеля, и он с удивлением, по новому взглянет на окружающий мир. Так странно смотреть на себя из стороны: почти всегда полнейшее разочарование. И останется лишь наблюдать за тем, как демоническое эго, томящееся внутри долгими неделями веселится снаружи.

Но что-то пошло не так. Тьма так и не появилась, он отчётливо чувствовал, как продолжает стоять на безлюдной парковке, выдерживал взгляды четырёх пар злобных глаз.

– Смотрите как он спокойно принимает свою жалкую участь! – рассмеялся Майкл.

Открыв глаза Никита с ужасом обнаружил что ничего не выходило. Парни с ножами подходили всё ближе и ближе, смеясь с его странности. Похоже, Никита влип по полной.

Может быть сейчас и стоит покричать во всё горло?

– Вечера с тобой – это особый вид искусства – улыбаясь перефразировал крылатую интернет-фразу Валентин, смотря то на Каролину, то на яркие звёзды, сияющие над их головами. Порой, быть романтичным и многословным выходило у него так нелепо. Что поделать, он от природы далёк от романтика, да и от человека, мастерски описывающего чувства словами ему предельно далеко. А как опишешь, когда в твоей голове творится бардак, чехарда? Буря в ней не стихает долгие годы, и видимо из-за неё Валентину кажется будто он живёт на этом свете вечность – мрачную и мучительную.

Каролина молчала и даже сама не понимая почему, улыбалась. Наивно и искренне, по-детски. За начало этого учебного года она ясно уяснила то, что нужно ценить каждый момент жизни. То, как её яркая стервозная подруга за десять минут решилась самого дорогого – внешности. То, как примерная красотка-отличница в одну тихую ночь была найдена мёртвой у трассы. То, как беззаботному наркоману распороли живот. Всё это прямо кричало каждому из жителей города что жизнь довольно резкая штука, будто яркий надувающийся пузырь бабльгама, в любой момент способный лопнуть. А самое страшное, что не ясно кто лопал этот самый пузырь. Кому нужно убивать молодых людей, причём чрезвычайно жестокими методами?

Каролина пыталась не думать, как и все остальные в горо-

де, о тех жутких вещах что тут происходили. Дала волю позитивным эмоциям, выпустила их на лицо и расцветала. Примерно так она встречала каждый новый рассвет: пару минут ворочалась в тёплой постели и перебирала в голове причины, почему этот день невероятно прекрасный. Чаще всего она была лишь одна.

Да и вы, должно быть, сами догадались какая.

Возможно, лёжа этим утром в кровати она предвидела такой чудесный финал дня. Прекрасная осенняя ночь, тёплая и светлая, освещённая миллионом звёзд. Компания любимого, пусть такого загадочного и незнакомого, человека. Резкие порывы ветра, пение сверчков, доносящееся из зарослей чертополоха, растущего рядом с дорогой, яркая вывеска небольшого супермаркета..

Понятное дело, рядом с ним местная гопота пыталась кого-то избить. Без этого не представишь ни один магазин «Island food”. По городу ходило миллион шуток про то, что туда захаживают не за одними фруктами и молоком. На парковке напротив можно было купить любые вещества, тяжёлые и слабые, крепкие и очень крепкие, дорогие и бюджетные. Главное знать проверенных людей и нужные машины, не стеснятся подходить к тонированным окнам и выбивать правильный пароль. Можно было обойтись без этих формальностей и подойти к стоящей на лестнице гопоте: четырём укуркам, наглядным примером, что произойдёт с твоей внешностью если ты подсядешь на эту дрянь. Вроде бы мо-

лодые парни, а выглядят как ходячие мертвецы из сериала, даже сложный грим не нужен. Бледная кожа, кажется, начала гнить: говорят, последствие мета. Зубы приобрели пугающий коричневатый оттенок, под красными глазами синие фингалы. А эта вонь, стоящая рядом с компашкой! Хотя, наркотики тут не причём. Банальная недомытость.

Каролине пришлось напрячь глаза, чтоб рассмотреть тощий силуэт несчастного паренька, прижатого к стенке. Его лицо было скрыто за широкими плечами одного из верзил, в руках держащего блестящий складной нож. По парковке перекотиполем мчались маты и злобные выкрики, подобными методами торчки пытаются запугать своих жертв.

– Неудивительно, что эти сопляки нападают на одиночек. Любой из наших размазал бы всех четырёх по стенке – констатировал Валентин, отчужденно и как бы между делом. Драки в тёмных закоулках в этом городе будничное дело, каждый вечер можно встретить хулиганов, надирающих зад рыдающему жалкому сопляку. Если уж соизволил на ночные улицы выходить, помни о стаях задир и их основном правиле: чем сильнее ударишь, тем больше денег вывалится.

Валентина забавляло, с каким интересом и жалостью к стоящему за спинами торчков парню наблюдала за потасовкой Каролина. Для неё – ребёнком богатого района, где у каждого громадного особняка караулит полицейская машина, где на вычищенные с мылом аккуратные тротуары не сунется ни единый гопник, где миром заправляет благополу-

чие и деньги – это было в новинку. Из окна дорогого авто не увидишь настоящей жизни, не уловишь дыхания города. А оно не в единых зелёных бумажках заключается.

Когда широкоплечий высокий парень с лицом как у пятимесячного младенца немного отошёл, Каролина рассмотрела лицо «жертвы». Знакомое и даже родное, одно из лиц, с которым ассоциировалось светлое детство. Даже несмотря на перемены в его характере и поведении, Кэр помнила, насколько приятным мальчиком он был с самого начала их знакомства. Началось оно в первом классе, на дни рождении Макса. Разбили пиньяту, играли с разукрашенным клоуном и выраженными принцессами. На просторной террасе, напротив заваленного воздушными шариками, пухлыми матрасами и мячами бассейна, веселились несколько десятков детей самых богатых семей города. На такие дни рождения можно было попасть лишь родившись в нужном месте, среднему классу уже выписан строгий отказ. Вот в нарукавниках плавает дочь мэра, за косички её дёргает сынишка владельца металлургического завода. Взрослые попивают шампанское на красиво оборудованной веранде – украшенные столики, белоснежный шатёр и выстроенное в гору шампанское. Вообще, Макс плевать хотел на пафосные мероприятия и навязчивую Белоснежку, заставляющую распевать дебильные песенки. Праздник был организован лишь для показухи, для счастливых и немного земельных родителей. Пусть все знают, у какой семьи тут самые пышные детские дни рождения!

Чья Белоснежка поёт громче и улыбается шире! Чей торт вычурнее и огромнее!

Каролина прыгала на батуте, когда нечаянно столкнулась лбами с прыгающем рядом мальчишкой. Тот так долго извинялся, отдал ей свой кусок торта и вообще, сразу же не понравился имениннику. А какого он клеится к девочке, которая ему нравится?

Нельзя оставить без внимания приходившие на ум, при виде напуганного перспективой быть избиты лица, десятки воспоминаний.

Острое лезвие ножа вот-вот прикоснется к тонкой щеке, изуродует знакомое с детства лицо, какие-то миллиметры…

– О нет – испуганным тоном произнесла она себе под нос – Никита… Почему же ты вечно нарываешься на хулиганов?

– Ты его знаешь?– удивлённо спросил Валентин, пальцем указывая на перепалку под яркой вывеской супермаркета.

– Конечно, это мой друг детства – она с ужасом смотрела на то, как незнакомые отморозки окружали его теснее и теснее – Мы должны что-то сделать! Срочно!

– Я тебя понял – обрезал Валентин и быстрым шагом пошёл к толпе, не оборачиваясь назад и не слыша громких возгласов подруги.

– Стой! Их же четверо, а ты один – кричала Кэр, затаив дыхание застыв на месте. К чему же это приведёт?

Валентин ничего не слышал, уверенно шагая к агрессивно настроенной компании ребят. Первым его заметил парень

младенческое-лицо, сразу узнав предводителя «адидасов». Серебряный нож поверженно опустился, а сам пацан стал выжидающе смотреть на реакцию друзей. Те ещё не заметили шагающего к ним Валентина, застыв в ожидании первой капли крови. Нож находился впритык к прозрачным щекам Никиты, губы напуганного парня дрожали, глаза крепко зажмурены, словно от одного взгляда он потеряет сознание. «Жертва» и не заметила своего спасителя.

– Эй, выродки, а-ну отстаньте от пацана! – громко и отчётливо крикнул Валентин, стараясь запугать хлюпких дрыщей. Такие обычно послушно поднимают ножи вверх, лыбятся тревожным оскалом и шепчет «Парень, мы же развлекались, понял?».

На самом деле Валентину плевать на дальнейшую судьбу невзрачного привидения, прижатого к стенке. Эти громкие пафосные фразы и дальнейшие действия лишь спектакль для одного зрителя.

Зритель этот стоял у выезда из парковки и с замиранием сердца готовилась к худшему. Не дать ни взять красивейшая дама из рыцарских песен, только белоснежные чулки заменили обтягивающие скини-джинсы, а зефирное пышное платье блуза от «Москино».

Майкл развернулся, и увидев Валентина характерно для себя, в крайней степени неприятно, ухмыльнулся. К сожалению или счастью, торчок, то ли из-за хмельного взгляда, то ли из-за отсутствия хоть малейшего намёка на какую-либо

память и мозговую деятельность не узнал самого опасного парня города. Но и находясь в полнейшем незнании, крепкая и высокая фигура Валентина, отбрасывающая мистическую длинную тень, весьма настораживала.

– О, у нас ещё один напрашивается на то, чтоб ему изувечили фейс! – держа нож перед собой, Майкл оставил Никиту и направился к безоружному Валентину – прям-таки день глупцов! Люди с ума посходили! Решили массово нападать в одиночку на вооружённые шайки продающих дурь торчков!

Каролина в ужасе ахнула, машинальным движением поднеся ладонь ко рту. Четыре парня и один Валентин. Что же делать? Бежать за помощью? Звонить в полицию? Визжать что есть мочи? Это будет не равная драка, и явно что победят эти тощие мерзкие наркоманы, хотя бы из-за своего численного превосходства.

Под ногами Валентина перекатывалась стеклянная зеленоватая бутылка от дешёвого пива. Холодный ветер толкал её из стороны в сторону, и звон эхом разлетался по парковке. Не мешкая, он одним резким движением ноги подхватил бутылку на носок заношенного кеда. Удар! И бутылка в воздухе, несётся в сторону Майкла. Секунды, мгновение, во время которого никто ещё ничего не понял, и бутылка прилетела в голову Майкла, разбившись разлетелась на мелкие осколки.

Молодые люди, стоящие напротив супермаркета недвижимо замерли. Фантастический приём, вгонявший всех в недоумение. Как обычный хулиган с маленького провинци-

ального городишки может ногой так метко подкинуть бутылку, как ни подкинул бы сам Девид Бэкхем?

Майкл с глухим звуком рухнул на твёрдый асфальт без сознания. В местах порезов, с царапин струйками сочилась кровь.

Три его дружка напуганно переглядывались между собой, молча пытаясь придумать план или какую-либо тактику. Как жаль, что единственный верный выход был лишь один – бежать что есть мочи и оставить Майкла мирно лежать посреди парковки. Понятное дело, торчки поступили неправильно: неуверенно пошли к Валентину, окружая его со всех сторон. Видимо этот метод стал их тактикой, которую они безмолвно обсудили оживлённо переглядываясь.

– Нас… нас трое, а ты один! – заикаясь, противным гундосым голосом произнёс парень в сношенных «Джорданнах». Красно-белые классические сникерсы давно утеряли цвет, и к тому же смотрелись нелепо на дрыще, не слышавшему слово «спорт» с момента рождения – Лучше по хорошему уходи от сюда!

Валентин ухмыльнулся, посмотрев на маленький ножик, возникший перед его лицом. Горе-Джордан держал эту игрушку перед его лицом – смех! Валентин одним движением выхватил нож, наркоман не успел моргнуть – а его оружие оказалось между его ловких пальцев. Потом и вовсе ножик со звоном полетел в сторону.

Увидев то, как его за секунду обезоружили, оставив со-

вершенно в беззащитном положении, паренёк нехило струсил и отступил назад.

«Минус горе-Джордан»

Два других парня также знатно перетрусили, но всё равно продолжали преданно, трясущимися руками держать перед собой жалкие ножи. Всё это пробивало Валентина на смех, будто две чихуахуа крысоподобного вида отчаянно пытаются защитить хозяина.

– Бу! – улыбаясь крикнул Валентин, сделав резкий шаг к парням, которые после выкрика прямо таки подпрыгнули на месте, едва удержав ножи в руках. Валентин рассмеялся, играя ради стоящей в стороне прекрасной дамы. Он даже повернулся к ней, всем своим видом показывая насколько для него плёвое дело расправиться с пустыми выпендрёжниками. Резко закончив смеяться, он обоими руками взял головы стоящих рядом друг с другом пацанов и столкнул между собой. На всю парковку разлетелся звук, будто кто-то шаром для боулинга выбил страйк. Каролина, представив насколько это было не приятно, нахмурила брови и сквозь пальцы наблюдала как оглушённые ребята падают на асфальт, как хватаются за головы и кряхтят.

Это было абсолютно фантастическое зрелище, будто она сейчас видела кадр из фильма про нового супергероя Марвел, типичное начало первой части. Герой ещё не обзавёлся крутым стильным костюмом и членством в команде Мстителей, обнаруживает свои таланты дерясь с наркомана-

ми под супермаркетом. Или отрывок из фильма Тарантино, стильный вестерн, где брутал-головорез за секунды красиво расправляется с хамоватыми работорговцами, поливая их кровью белоснежный хлопок. Или один из фильмов Бондианы, с первым в истории лысым Бондом. Кажется, это бы было революцией в кинематографе, жаль лишь что 007 превратился бы в типичный «Форсаж».

Кэр чётко понимала, что такой нечеловеческой силы не бывает у обычного семнадцатилетнего подростка. Не бывает у любого человека. Это что-то на грани фантастики. Что-то на грани фола. Что-то, что не поддавалось её мышлению.

Конечно же, вся школа обсуждала насколько сильны «адидасы». Вроде как секрет в их постоянных тренировках и выносливости. Но тут дело не в обычных тренировках. Перед собой Каролина видела невероятную ловкость, меткость, находчивость и исключительную силу. Что же это было? Неужели, это то о чём она мечтала с самого детства? Наконец Боженька услышал мольбы, её парень ВАМПИР!!! Ну или на крайний случай оборотень, хуже конечно, но тоже подойдёт… В «Сумерках» они жутко воняли псиной, но в «Волчонке» выглядели достаточно привлекательно. В «Дневниках вампира» адские муки при превращении испытывали, и вообще превращение там выглядело никак не сексуально.

Нет, оборотня не надо. Вампир, пожалуйста, вампир.

ОКАЖИСЬ ВАМПИРОМ!

Затаив дыхание, Каролина наблюдала как два повержен-

ных тощих парня хватаясь за головы валялись на грязной парковке, а другого парня вообще даже и след простыл. Вожак недвижимо лежал посреди освещённого оранжевым светом участка асфальта.

Посмотрев в шокированные глаза девушки, Валентин улыбнулся. Словно провинившийся сын, пытавшийся загладить ситуацию. Он уловил шок Кэр, и судя по искренним глазам готов был всё объяснить.

– Эй, не думай что ты так просто отделался! – прозвучал гундосый голос Майкла, который шатаясь как в карикатурных шпионских боевиках, стал за спиной Никиты, прижав к его горлу острый нож – Если ты ещё притронешься ко мне или к моим ребятам я перережу глотку этому парню!

Валентин подняв руки стал медленно отходить назад:

– Ладно-ладно парень, успокойся! Мы уже уходим!

Но по сбившемуся дыханию Майкла и залитым ненавистью глазам было видно, что сейчас он мог пойти на любые безумства. С области его волос фонтаном текла кровь, стекая по вискам и щекам. Ножом, находившемся в дрожащих руках, он готов был с минуты на минуту перерезать глотку Никите, обвинявшему его в убийстве. Такая уж природа планокуров: их легко выбить из себя и добиться ненависти на грани желания смерти одной лишь перепалкой. Не стабильные личности с шаткой психикой, душа которых находится на грани двух крайностей. Один из таких находился перед Валентином и готов был раскромсать шею друга его люби-

мой, поэтому парень обречённо поднял руки вверх, приняв решение играть по правилам Майкла

Никита, боявшийся всё это время сделать хоть одно лишнее движение резко зажмурил глаза. На висках показались пухлые вены.

И парню наконец удалось провалиться глубоко во тьму.

– Отпусти его и мы уйдём – испуганно произнёс Валентин.

– Не всё так… – реплика Майкла оборвалась. Казалось, его кто-то начал душить. Он закашлял, опустил нож и отошёл от Никиты назад, выпустив обмякшее тощее тело их рук Вдруг, его ладони сами собой начали выворачиваться, из рта вырвался пронизывающий стон боли. В судорогах он упал на асфальт, заламывая руки и перекатываясь с бока на бок.

– Что происходит? – испуганно вскрикнула Каролина.

Стоны разлетались по парковке, долетали до дверей супермаркета и захаживали вовнутрь. Пугали сидящих на ночной смене кассиров, задержавшихся в почти пустом зале покупателей. Крики эхом летели к стенам посадок, к проезжающим мимо машинам, освещающим ярким светом фар обострённую перепалку. Стоны эти вызывали дрожь у всех стоящих рядом с ворочавшимся на земле парнем. Лишь один человек оставался равнодушным – зажмурил глаза и ни единой мышцей на лице не пошевелил. Лишь синяя вена на лбу проступила, а рядом мелкие капельки пота заблестели.

«По-по-могите»– заикаясь вымолвил Майкл, переводя красные глаза с Валентина на своих дружков, вставших как

истуканы.

Каролина быстрым шагом подошла к Никите и взяла его за плечи.

– Эй! – крикнула она, легко встряхнув – Очнись! Никита!

Никита наконец открыл глаза. Майкл прекратил стонать. Руки перестали выкручиваться как липкий пластилин.

– Что за херня? – измученно произнёс он, лёжа на асфальте.

– У меня тот же вопрос – удивлённо произнёс Валентин. Теперь они перестали быть соперниками в уличной дуэли, их объединили общие вопросы, общий шок от увиденного только что.

Никита осмотревшись понял, сколько людей наблюдали за его необычайным секретным талантом. Не зная что произносить, он растеряно взглянул на Каролину, и обернувшись быстрым шагом побежал подальше от супермаркета, оставляя за спиной и яркую вывеску, и кричащую в след Каролину, и его лежащую на земле подверженную жертву. Он был растерян. Ему хотелось убежать подальше от той ужасной парковки, не перед кем не оправдываться, продолжать умалчивать о своём таланте. Забыв пакет со своими покупками на лестнице перед стеклянными дверями он бежал по совершенно не знакомой улице, окружённой затянутыми посадками и заросшими тропами, совсем не зная, куда в конце-концов приведут ноги..

Схватив за руку Валентина, Каролина быстро потянула

его подальше от места кровожадной драки. Побеждённые укурки продолжали валятся и постанывать, изучая свои синяки и ссадины. Они чувствовали такую боль, что думать как таким фантастическим образом их победил один семнадцатилетка совсем не оставалось сил.

– Ты должен объяснить мне, что с тобой не так?! – растеряно взглянула в глаза своего спутника-загадки Каролина, которой пришлось за десять минут увидишь столько необъяснимых вещей, сколько она не видела за всю жизнь.

«ISLAND FOOD

Ешьте вкусно, живите счастливо» – гласила пёстрая вывеска, освещающая корчащихся от боли избитых мистическим образом наркоманов-сквотеров.

Глава 31 #bornthisway

Октябрь 2017

– С Днём Рождения, Энджел! – вскрикнула Вероника, ослепительная рыжая красотка, державшая в руках микрофон и готовившаяся петь со своим парнем дуэт в караоке. Своим радостным криком, долетевшим до самых удалённых уголков особняка, она перекричала громко игравший хит Кеши из дебютного альбома и привлекла внимание девчонок, играющих в «Just dance” у стеклянной веранды. Многие жаловались, что эти две любительницы танцев занимают «Kinect” уже второй час, но именинница никак не реа-

гировала. Главное, придерживайся основного правила – песни должны быть из двухтысячных. То есть, если бы потная блондинка, жаждущая пройти новый уровень, выбрала песню из второго альбома Кеши, она бы была освистана и изгнана из царства веселья. А уходить с вечеринки никому не хотелось, ведь и попасть сюда могли далеко не все. Нужно было:

1. Быть другом или другом друга, парнем, девушкой, сыном или дочерью одной из четверых участниц «Чародеек»: заносчивых и не терпящих посторонних на своих празднованиях

2. Ценить качественный поп и разбираться в отгремевших десять лет назад хитах

3. Ну, или на крайний случай прикинуться фанатом главной группы города. Выучить пару их альбомных песен и делать вид, будто селфи с одной из них твоя цель жизни.

Даже если ты и выполнил один из трёх предыдущих пунктов, оставалось пятое правило:

4. Прийти в костюме любимого персонажа двухтысячных. Хочешь – исполнителя, главного героя любимого сериала, политика, порно актрисы. Многие девчонки почему-то выбирали последнее, хоть и не до конца осознавали, в костюме какой именно актрисы они пришли.

Если прийдёшь в жутком спортивном костюме, напялишь на себя тёмное худи и грязные кеды – будешь послан к чертям у высокой парадной двери. Фейс-контроль тут строгий,

за него отвечал лучший друг парня именинницы: победитель конкурса, организованного фабрикой протеиновых батончиков. Лицо бренда «Super Gym”, и просто сверхъестественных размеров гигант с сиськами больше чем у Памеллы Андресен. Ими он мог раскалывать грецкие орехи и головы своих врагов.

С лица Энджел, именинницы, впервые за долгие годы за весь вечер ни разу не сошла улыбка. Ей было приятно находится в самом центре всеобщего внимания. Обычно, почётные лавры доставались солистке: после последней песни фанаты сломя голову неслись к любимице – Сабине, держа перед собой ручки и готовые к череде снимков телефоны. Блондинка, расправлявшая плечи и улыбавшаяся как аниматор в дорогом мексиканском отеле оставалась без внимания. Но сегодня все поздравляли её, высказывали насколько она хороший человек, даже не общаясь с ней до этого ни разу, и классный музыкант. А она только и успевала принимать поздравления, улыбаться и кивать, хоть и порой выслушать всё не представлялось возможным. Приходилось разрываться между приемом новых гостей и улаживания конфликта с «Just dance”.

– Та плюнь ты на эту хрень! – советовала Сабина, вцепившись в ладонь Энджел. Та уже собиралась идти принимать ново прибывшую компанию, подпиравшую своим длинным джипом сразу три машины перед домом – На вечеринках никто не встречает гостей, это тупо!

Сабина, скорее всего, выпила стакана три слабо алкогольного пунша, хоть и рассказывала час назад как омерзителен по вкусу ей этот напиток. Сейчас красный стаканчик с ним не опускался от её губ.

– Энджел, извини, но кто-то харканул в тарелку с пуншем – пожаловался парень в образе Тимбаленда. Для того, чтоб стать им многого не требовалось: быть чёрным и умело повторять его запоминающиеся жесты и мимику.

– Энджел, эта стерва облила меня водкой, когда я попросила её дать поиграть в «Just dance”.

– Энджел, баскетболисты порвали твистер!

Голова разрывалась на мелкие части от нескончаемых потоков информации и количества окружавших её цветов. Скоро надуется и разорвётся на тысячи мелких блёсток, разлетится к потолку фейерверком. А эти нелюди продолжат танцевать и спорить, кто сейчас будет играть в «Just dance”.

– Баскетболисты и диск с Мортал Комбат на две части переломили! – пожаловался Тимбаленд и был таков: пошёл искать тарелку с пуншем, в котором бы не плавала чья-то густая пенистая харча.

У караоке-машины, светящейся яркими неоновыми цветами и одолженной у одной черлидерши, любительницы скупать хлам по бешеной цене, разгорался небольшой спор;

– Может быть «SexyBack”? – предложил парень Вероники, одетый в образ 50 cent.

– Тимберлейка тяжело петь дуэтом – высокомерно кинула

она, стуча длинным ногтем по микрофону. Сегодня Вероника примерила на себя образ Ханны Монтаны, любимой героини детства – Точно, я знаю. «Promiscuous” Нели Фуртадо и Тимбаленда. Идеально!

– Эй Каролина, привет Макс! – Сабина не отрицала, что с этими гостями нельзя было не поздороваться: они умели врываться на праздники, как награждённые звёзды на афтер-пати после «Оскара». Все толпились вокруг них, пытались обмолвится хоть словечком. Но эти двое никого вокруг не замечали, смеялись над понятными только им шутками и мчали вперёд, частенько целуясь и обнимаясь. Такие милые и беззаботные. Кажется, это одна из таких идеальных пар, живущих вместе до самой старости. Энджел никогда не могла понять стариков, дрожащими руками обнимающих своих жён и говорящих: «Я с ней с шестнадцати». Что за ужас? Потратить всю жизнь на лишь одного человека, лучшие годы убить на однотипные отношения, иметь лишь одного полового партнёра.

Каролина и Макс, казалось, будут именно такими: общаются с раннего детства и в устоявшемся годами принципе жизни ничего менять не собираются – Я так рада что вы пришли. Кэр – ты точно Бритни!

– О да, образ Бритни моё несмываемое клеймо по жизни– улыбнулась Каролина.

– Дай вспомнить… Клип, по-моему, «If u seek Amy”?

– Эми! Эми, ты где?! Кто-нибудь видел эту сучку?

Компания рассмеялась.

– Макс, а ты… Тимберлейк? – подумав выдала блондинка, про себя прогнозируя сколько ещё Джастинов явится на вечеринку. Все баскетболисты решили быть именно им, будто в те годы другого белого селебрити не существовало. Наверное, после известия о том, что в этом образе пришёл Макс быть Тиберлейком станет даже… почётно. Может, даже челендж какой-нибудь введут, сейчас любят подобное. Например, чесать яйца под «SexyBack”– Вау, просто идеальная звёздная пара, ребята. Проходите, танцуем у веранды, пьём у бара, играем в «xbox” у диванов – Энжл приняла от ребят ванильного оттенка пакетик, думая, что в нём может оказаться. Скорее всего, небольшое ювелирное украшение – кричащее и яркое, как любит Каролина. Именинница осматривала заполненный людьми холл, хотела остановить баскетболиста, собравшегося съехать на санках по дубовой лестнице (эти уроды от скуки сума посходили после трагической смерти «Мортал Комбат»), как вдруг негромко вскрикнула от страха.

– Бу! – к ней подлетел её любимый парень, с которым она встречалась вот уже как пол года, пережила романтическое уютное рождество и счастливый день влюблённых, и ласково чмокнул её в щёку, вручив в руку огромную красиво запакованную в красный картон коробку с подарком – Как тебе мой образ?

– Ты напугал меня!– обижено вскрикнула Энджел, после

чего осуждающе осмотрела своего бойфренда с ног до головы – Боюсь, у нас уже есть один Тимберлейк.

– Вот блин…– расстроился паренёк, опустив глаза вниз и театрально надув губы.

– Но тебе этот образ идёт намного лучше – подмигнула ему девушка – Джастин такой же лысенький как и ты – Энджел с выражением глупого счастье на лице ласково погладила его ёжик.

Лучший вечер жизни.

«Девочка, неразборчивая в связях,

Где бы ты ни была,

Я всегда один,

Ведь мне нужна только ты» – басом пел бойфренд Вероники, пытаясь имитировать низкий голос Тимбаленда. Порой это не удавалось, и тембр подскакивал ввысь, как температура во время жаркого дня. Но его девушке плевать: она была занята лишь собой и своим голосом, жестикулировав приманивала взгляды находившейся на вечеринки толпы. Раскачивала бёдрами, поднимала руки вверх и пела:

«Мальчик, неразборчивый в связях,

Ты уже знаешь,

Что я твоя целиком,

Так чего же ты ждёшь?» – её голос, приторный и нежный, как молочный коктейль с гигантским количеством клубничного допинга, точно соответствовал голосу Нелли. Она умела зажечь толпу – огонь, исходивший от этой девчонки во

время выступления быстро охватывал зрителей, беспощадно жарил и палил.

Не зря она была второй солисткой.

– Челси, вот что что, а твой костюм разгадать я никак не могу – задумчиво осматривала Энджел свою подругу-барабанщицу. На ней был броский яркий корсет с пуш-апом. Возможно, она одолжила его у матери: та часто гастролировала по Штатам с цирковой труппой. Даже в сорок ей находилось местечко на красочном шоу: достаточно поздно она раскрыла себе расположенность к актёрскому мастерству.

Скорее всего, в её гардеробе было полно подобных броских корсетов.

– Издеваешься, я же Лил Ким! – обижено объяснила она.

– Чёрт, не тащусь от её рэпа – Челси раздражённо уничтожала взглядом ограниченную подругу – Que le vous couches avec moi, çe soir?

– Да пошла ты со своей попсой!

– С дороги, вульгарно накрашенные готы! – выпалила Алина, оттолкнув говоривших девочек, стоявших прямо на пути к тарелке с пуншем. Как же не хотелось говорить этой хамке, что именно Аней сейчас белоснежным островком плавает харча! Сегодня она была Перис Хилтон. Ей этот образ весьма шёл к характеру (простите, мисс Хилтон. Не в обиду). Только волосы, в отличии от Перис, у неё были тёмные. Но дорогущий парик исправил ситуацию: даже и нельзя понять, какой цвет волос у девушки от природы. Густые

прямые волосы спадали до плеч, на голове ободком надеты кроличьи ушки.

– Кто пригласил эту сучку на твой праздник? – смотря как увлечённо Алина набирает пунш в красный пластиковый стаканчик выпалила Челси.

– Её не надо приглашать. В любом случае она прийдёт – дополнила рядом стоящая блондинка Вика. Она оторвалась от компании танцовщиц ради уборной, но сейчас жуть как не хотела возвращаться обратно. Их разговоры сплошная вата – шмотки и обсуждение трицепсов парней – но иногда встречаются такие сальные извращение, что хочется подбежать к ближайшей мраморной вазе и обильно вырвать. Говорят они, значит, о новой коллекции в «forever 21”, и потом бац! Кто-то заикается о размере члена своего парня. Говорят о размерах членов, не стесняясь показывать их руками. Выясняют, сколько сантиметров считаются нормой, а сколько перебором. Потом бац! Обсуждают новое платье Каролины и параллельно сплетничают о Максе.

Странные девчонки.

Она в танцевальном кружке совсем недавно, но уже успела заметить много странностей. Может быть, миловидные и культурные девочки заражались цинизмом от Алины? От этой сумасшедшей Вика уже успела настрадаться. Сколько грязи выходило из её красиво, накрашенного розовой помадой пахнущей малиной, ротика. С такой фантазией стоит писать книгу нон-фикшн «Сто один метод как унизить челове-

ка и вогнать его в комплексы от непревзойдённой Алиночки».

– Вика, ты у нас Агилера?– догадалась Энджел.

– В точку, Х-Тина собственной персоной – подмигнула блондинка, с опаской поглядывая на нюхающую стакан с пуншем Алину.

– Сказать ей, что в нём чьи-то слюни плавают? – озадачено спросила у Челси Энджел.

– Не стоит.

Девчонки затаили дыхание, жалея, что не могут заснять этот исторический момент на телефон. Высокомерная стерва хлебнёт слюней – жестоко, достойный прикол для богини унижений! Местная Перис поднесла стакан к губам и готовилась хлебнуть, как её взглядом завладела стоящая рядом Вика. Под аккомпанемент разочарованных вздохов она поставила стакан обратно на столик и приоткрыла рот, глазея на розовый наряд и длинные белые волосы.

Искра.

Буря.

Безумие.

– Что за твою мать, в кого ты переоделась, овца белобрысая? – танцовщицам из кружка не привыкать к этому срывающемуся на визг голосу, преисполненному ненависти. Они его слышат каждый день, он заменяет им музыку во время каждодневных танцев. А вот танцующие рядом ребята напряглись: для них подобное зверство впервой. Динамичный

танец прервался, всем вниманием овладели две блондинки в центре зала. Так уж вышло: образы Агилеры и Хилтон очень уж похожи. Розовые костюмы, светлые волосы– для Алины схожесть костюмов самым большой ударом и унижение.

Закипав она нависла над несчастной девчонкой, мысленно готовившейся к грядущему шторму и похоронившей себя. Вика покраснела, хотела шлёпнутся на колени и молить о пощаде. Алина не остановится даже если вырвет её светлые волосы со скальпом и снимет с неё этот розовый костюм, будь он проклят.

– Народ, это же «Baby” – крикнул кто-то из толпы, благослови его Господь.

Все, кто находились в доме начали дико кричать. Первый хит Бибера здесь, видимо, любили абсолютно все.

– Тебе повезло что сейчас играет моя любимая песня 2010-го – холодно бросила Алина, деловито шагая на танцпол.

Заиграл всеми любимый семпл с завываниями семнадцатилетнего Джастина. За ним завыл весь дом: и пляшущие пьяненькие подростки в холле, и поглощённые азартом в видео реальность баскетболисты, играющие в «Fifa”, и целующиеся на кроватях второго этажа любовнички, и плачущие в туалетах над тестами для беременности девчонки.

Именинница также восторженно бежала за толпой, но её остановила солистка группы Сабина, резко схватившая её за плечо:

– Ты в курсе где Вероника? Я не видела её с тех пор как она круто перепела песню Нели Футарто – Сабина была в образе Риты из фильма «Махолланд Драйв» 2001 года. Возможно, вы вспомните этого персонажа и впадёте в недоумение – так консервативно и просто? Но Сабина без яркого макияжа и чёрного маникюра, в простой строгой одежде, привлекала больше внимания, чем Леди Гага в мясном платье.

– И кстати говоря, я не видела своего Тимберлейка – растеряно заметила Энджел, силой сдерживаясь, чтоб не бросится на танцпол и заплясать со всеми – Знаешь что, я пойду поищу их. Скоро торт, и как я смогу его разрезать без лучшей подруги и любимого парня?

– Бейби, бейби, бейби – с первого этажа глухими отголосками громких криков доносилось пение десятков подростков, подпевающих Биберу. От этих звуков трусились дорогие фарфоровые вазы, стоящие на освещаемых маленькими лампами полках. Казалось, даже пол вибрировал в ритм припеву. Весь дом сейчас жил в такт одной мелодии.

Но один человек всё же не поддался ей, уносясь подальше от громких колонок и танцевальной площадки.

Энджел шла по длинному коридору заглядывая в каждую комнату. В спальне родителей – пусто. И слава Богу. Оказывается, в мире остались люди читающие записки, висящие на дверях. Вычерченное красным маркером: «Убирайтесь и лижитесь в саду» сработало. Кровать продолжала быть иде-

ально застеленной, мамина коллекция духов располагается строго на своих местах. Полочка для Гуччи цела, Шанель тоже.

В ванной– сослалась пара незнакомцев. Они бросили косой взгляд на потревожившую их именинницу и задёрнули шторку.

Когда очередь дошла до её комнаты она была уверенна, что и там никого не будет. На всех вечеринках эта комната была местной зоной 51, вместе с родительской спальней. Если проберешься туда без спроса и вместе со своей девкой уляжешься на кровать Энджел – получишь в нос от «Мистера Протеин 2017». Но никаких гарантий не было, и девушка с нетерпением отворила дверь.

Постеры туров Леди Гаги висели на своих местах. «Born this way ball", "ArtRave", с разных сторон на неё смотрели добрые взгляды любимых исполнителей. Её личный микрокосмос: уголок, где она чувствует себя комфортно и в полнейшей безопасности.

ЧувствоваЛА.

До этого момента.

Микрокосмос разрушился, как и Энджел в целом. Картина, что она увидела опустив глаза от тёмного экстравагантного наряда Гаги повергла в шок. Разорвала на кучу маленьких несчастных кусочков, кричащих о помощи.

На её небольшой уютной постели лежал её бойфренд, увлечённо целовавший её лучшую подругу Веронику. Сего-

дня эта дрянь пришла в образе Ханны Монтаны, и позволила себе снять белый парик ради страстного поцелуя.

Как иронично.

Они настолько увлеченны друг другом, что и не заметили резко вошедшую хозяйку комнаты.

– Сучка, ты как и Ханна решила поиграть в двойную жизнь? – в сердцах крикнула яростная Энджел, подбегая к кровати и агрессивными глазами поедая горе-парочку. Вероника от растерянности натянула парик на голову, будто это могло помочь. Парень тупо уставился напуганными глазами на возникшую из ниоткуда девушку.

– Эн… – растеряно пыталась вымолвить Вероника, пальцами раскидывая в разные стороны лохматые пряди.

– Мы тебе всё объясним – начал отзываться парень.

– На мой день рождения, в моей комнате… Вот мудачьё! – вскрикнула выбитая из себя Энджел, схватив за искусственные волосы Веронику. Через секунды парик остался у неё в руках, и преданная блондинка с удивлением посмотрела на них. Но она не растерялась: со всей силой она начала бить париком по лицу свою бывшую лучшую подругу. Ей казалось что она не сможет остановиться. Она будет избивать её, пока морда предательницы полностью не покроется синяками.

– Остановись! – крикнул недо-Тимберлейк, схватив бывшую за руку.

– Убери свои руки которыми ты целыми днями напролёт дрочишь! – завопила Энджел, вырвавшись из его хватки –

Чтоб ты знал, ты полный ноль. Просто отстой. Дерево, полено в постели. И о том, какой ты отстой узнает весь город. Я напишу об этом песню, кобелина.

Не выдержав и разрыдавшись, Энджел вылетела из комнаты, пулей полетев по длинному коридору. Не видя вокруг себя ничего, она летела вниз по лестнице не замечая пьяных подростков вокруг себя. «Baby" только что закончила играть. Надо же, её жизнь разрушилась быстрее, чем доиграла поп-песня!

Расталкивая толпу, она отдавила ногу парня в образе Зака Эфрона из «Классного мьюзикла» и его подружку Габриэлу. Достаточно незатейливые костюмы: нужны чёрные волнистые волосы, Белая куртка-американка для парня и готово. Можно смело идти драться к караоке-автомату за право петь «Breaking free" следующими.

На лестнице пришлось столкнутся ещё с парочкой любопытных пьяных школьников. Те замечали слёзы на лице именинницы и сразу же решались влезть не в своё дело: Энджел что случилось? Помочь? Дать бумажную салфетку?

Но девушка, чей мир переворачивался в те секунды с рекордной скоростью, не слышала никого вокруг себя. Единственная цель – далёкая стеклянная дверь, ведущая в сад. Дойти до неё, выйти во двор и глотнуть полные легкие свежего воздуха. Дать волю эмоциям – кричать, бить кулаками по деревьям, рыдать у небольшого пруда. Хотелось уйти подальше от вечеринки, от радостной толпы, поздравляющей

её с главным днём в году.

И так лучший вечер жизни неумолимо превратился в худший.

Именно в тот день закончилась карьера второй вокалистки «Чародеек». Любимицы публики, «зажигалки» и девчонки, у которой рок тёк по венам. Она могла заставить двигаться публику даже в доме престарелых, и вообще, по словам местных была «талантом с большим будущим».

Но узнавшие о измене участницы группы были строги и суровы. Часы, проведённые рядом на репетициях, написанные вместе песни, шумные концерты, дружба – всё стёрлось вместе со страшным известием. Тимберлейку-неудачнику тоже досталось: во-первых злобный акаунт, где обиженные девушки выставляли его голые фото с уменьшенным в фотошопе до размеров маринованного огурчика членом, во-вторых прозвище, приклеившееся за ним как последствие первого: «Дон Пипидон».

А город до сих пор весь город гадает, что такого случилось, что «Чародейки» с агрессией выкинули из группы талантливую Веронику. Это остаётся одной из тайн города, разгадку которой скорее всего никто никогда не узнает…

Когда именинница, старательно работая локтями, пробилась к выходу в сад, все и забыли о её потоке слёз. Началась новая песня, радость, крики. А расстроенная Энджел стала далёким силуэтом на фоне тёмного сада с аккуратно выстриженными кустиками. Силуэт подобрался к сияющему бирю-

зовым цветом бассейну и упал на колени, опустив руки в холодную воду. Повезло: рядом никого. Лишь из глубины зарослей кустов доносился громкий женский смех.

Энджел наконец дала волю эмоциям.

Она никогда в жизни ещё не чувствовала себя такой несчастной. Все причины жить сошли на «нет»: она осталась без любви, без дружбы. Смотря на сияющую воду она рассчитывала в глубине увидеть причины продолжать жить дальше. Девушка знала, что они были: музыка, её творчество, подруги. Родители, порой равнодушные, порой разочарованные своей странноватой дочкой, но всё же любящие всем сердцем.

Эти причины порой приходили в голову и на секунды останавливали рыдания.

Потом тоска вновь накрывала разрушающей волной, уносила прочь от света и счастья. Живот болел, сердце безудержно стучало. И вновь, никаких причин подняться, утереть слезы и вернутся на вечеринку не оставалось.

Она будет сидеть тут и скрываться от толпы. Рыдать во весь голос и бить кулаками воду, шептать под нос проклены и представлять сладкую месть лучшей подруге.

Нет, она, всё же, когда-нибудь подымится с колен и продолжить жить. Но лишь для того, чтоб отомстить бывшим парню и подруге. А пока что, она переждёт худший день рождения в истории дней рождений. Ничего ужаснее она и представить не могла.

– Эй, Энджел? – спросил нежный девичий голосок, сладковатый, высокий, но при этом твёрдый и уверенный.

– Отвали – резко оборвала девушка, продолжая пялить на своё отражение в воде.

– Я вижу, что тебе нужна помощь – ответила незнакомка, севшая на колени рядом с ней. Энджел подняла глаза на настырную собеседницу. В глаза сразу же бросилась жутковатая кожаная маска: в нитках и молниях, полностью скрывшая лицо незнакомки. В полной мере открыты были лишь пухлые алые губы. До черта сексуальные. Мальчики такие любят…

… кобели.

– Ты вырядилась будто на Хэллоуин – хихикнула Энджел, утирая слёзы. Как объяснить, что ей не захотелось прогонять эту девушку. Что если б она встала сейчас и ушла, Энджел попросила бы её остаться? Что с ней ненависть и горечь уходила на второй план, а на первый выходил смех, музыка и калейдоскоп ярких красок, доносившиеся из дома?

Говорят, у некоторых людей особенная энергетика. Эти уникумы способны расположить к себе лишь одним своим присутствием. Может быть, как у Кинга от них исходит сильное сияние. Может быть, они просто умеют общаться и быть очаровательными. Но, кажется, незнакомка в кожаной маске заставила Энджел улыбнутся одним лишь своим присутствием.

– Я жена маньяка Кожаное Лицо из «Техасской Резни».

Узнала? – привстала незнакомка, дав осмотреть своё выношенное и специально испачканное жутковатое платье телесного цвета, забрызганное фейковой кровью. В нескольких местах насквозь просвечивали крупные дырки. Тёмные кудрявые волосы собраны в круглый пучок.

Образ, сказать честно, прекрасный. Но скорее всего, в доме, наполненном Тимберлейками и Леди Гагами его засмеяли.

– Кто ты такая? – удивлённо спросила именинница, пытаясь заглянуть под маску. Ничего не вышло. Незнакомка так и не выдала своего имени.

Но это и не помешало дальнейшей беседе: недолгой, но искренней и честной. Энджел раскрылась незнакомке, незнакомка раскрылась ей, и как оказалось, на тот момент они чувствовали то же самое.

В холле громко заиграла песня «I kissed a girl”. Толпа в очередной раз завопила. На этот раз особняк пульсировал в ритм дерзкому голосу Перри.

– Энджел! – кричала Вероника, заглядывая в каждую комнату второго этажа. В ванной она засекла ту же парочку, скрывающую свои обнажённые тощие тела за тонкой почти прозрачной занавеской. Габрелла и Трой из «Классного мюзикла» наплевали на записку перед родительской спальней и отдались чувствам на просторной кровати. Белая куртка-американка укрыла полку с парфюмами Гучи, строгая юбка девушки полетела к флаконам Шанель. Но Веронике

было не до замечаний.

– Энджел! – кричал Тимберлейк, бегая вслед за Вероникой и поражаясь, сколько парней пришло на вечеринку одетыми также, как и он.

– Эй, Гага! – спросила растерянная Вероника у девчонки, которая проходила мимо по коридору в образе Леди Гаги из клипа «Just Dance”: белый парик с чёлкой, молния под глазом. Местная Гага пила пунш в компании Девида Боуи и неохотно оторвалась от оживлённого разговора – Ты видела Энджел?

– Она у бассейна сидит с какой-то жуткой сумасшедшей – указала Гага на прозрачные двери, ведущие в сад. Гага хоть и любила общение, но замечала всё происходящее за её спиной. Скандалы, драки за «Just dance” и образование новых парочек. Завтра будет что подругам рассказать: Джонас переспал с Сашей Грей, мистер Факер накурился в компании Пинк, и с ними, кажется, был Гарри Поттер.

Вероника и парень пулей выбежали из дома, устремив взгляды на переливающийся огнями бассейн. Вероника сделала единственный шаг по узкой тропе, выстеленной камнем. Шагать дальше не получалось. Картина, что она увидела у бассейна заставила обомлеть и Тимберлейка, бежавшего следом.

Энджел раскрепощено и уверенно целовала неизвестную в кожаной маске. Единственное, что можно было рассмотреть: пухлые алые губы.

Страсть, с которой они обнимали друг-друга отняла у Вероники дар речи. Невооружённым глазом было заметно наслаждение, удовольствие, витавшее вокруг пары.

Поглаживая длинные волосы друг друга, девушки на мгновение останавливались, чтоб спустя секунду продолжить.

– О Мой Бог – удивлённо шепнула Вероника.

Энджел в ту ночь больше и не видела бывшего парня и лицемерную подругу, а на следующее утро помнила лишь поцелуй с незнакомкой.

Помнила следующие недели и месяца, расплываясь в улыбке на уроках геометрии. Вспоминала приятную свежую воду бассейна, каждое словечко их бесконечных разговоров, каждую фразу.

Момент первого поцелуя. Её аромат и прикосновения. Они растворились в друг друге, не замечали звуков шагов и далёкие возгласы.

А Кети Перри всё пела:

« I kissed a girl, I like it”

Как бы вам объяснить ощущение, которое ты испытываешь на утро после первого раза? Одно из самых противоречивых чувств на планете. Вроде бы, встречая первые лучи солнца ты счастлив, что наконец это с тобой случилось. И тебе вроде бы понравилось, но вместе с тем ты испытываешь необъяснимое волнение, голова забивается миллионом во-

просов и сомнений. Не облажался ли ты? Было ли ей приятно? И как бы ты не хотел чтобы эти вопросы ушли подальше, они всё равно непроизвольно залезают в голову.

Но если отключить своё трусливое неуверенное в себе жалкое прыщавое эго то ты можешь сразу же понять, что вчерашняя ночь была одной из лучших в жизни. Это был не просто перепихон с девчонкой, на которую ты в жизни не обращал внимания, но тут над вами двоими повисли одноклассники, которые только и трубят о том как они часто занимаются сексом и показывают каждому встречному свои презервативы, скорее всего украденные у родителей. Это был не тот случай, когда вы вдвоём в первый раз за свою жизнь выпив по бутылке пива приходите к решению что вам незамедлительно стоит попрощаться с девственностью.

Нет же, мой первый раз был особенным, ведь он был с самой лучшей девочкой на этой планете. Такой умной, искренней и зажигательной. Такой открытой и красивой. Ева была самой лучшей для меня, и как же я счастлив что мой первый раз произошёл с ней.

После моего прихода в час ночи в эту субботу родители очень сильно стали следить за временем прихода домой. Представьте себе, я был на грани домашнего ареста. Шестнадцатилетний здоровый пацан мог после четырёх часов дня по приказу родителей сидеть в своей комнате, читать книги, смотреть сериалы и видео на ютубе никуда не выходя. Позорище. Слава Богу что родители не пришли к этим крайним

мерам.

Выйдя из Евыного дома в десять часов вечера я успел за полчаса добежать на свой задний двор, который от большой основной дороги отделял маленький хлипкий деревянный заборчик.

Навыки лазанья по деревьям, оставшиеся с первого города, казалось, практически не сохранились. Достаточно высокий клён, ветки которого плотно закрывали вид из окна моей ванны, оказался не таким уж легкодоступным.

Первая попытка его покорения закончилась достаточно болезненным фиаско. Упав на твёрдую почву своей и так больной спиной я создал ужасный грохот. Слава Богу ему не удалось привлечь внимание родителей.

Круто группироваться во время падения было явно не моим коньком.

Второй раз прошёл весьма успешно. По толстой зелёной ветке я влез в открытое окно ванны. Мое шикарное аналитическое мышление подсказало мне перед уходом открыть окно, на случай если я решу задержаться у подруги.

Спустя пару минут я лежал в своей кровати. Родители ничего даже и не заподозрили. Как я и пологал, вся эта напыщенная строгость была не более чем показухой. Скорее всего, они сейчас думая что я сижу в комнате и читаю книгу смотрели в зале «Секс в большом городе» на полной громкости. Ну как смотрели, папа страдал, предлагая маме посмотреть «Игру престолов» а мама делала вид что не слышала его

и продолжала наблюдать за развитием отношений Саманты.

Утро Каролины началось с сокрушительной головной боли и с пугающих мутных миражей. Не вставая с кровати, она продрала глаза, но всё ещё находилась в тёмных, тусклых снах. С солнечными лучами, ослепившими глаза, перед взором встал Валентин. Он дрожит, тянет руки к ней. Каролина, глубже заворачиваясь в одеяло, шёпотом пугливо произносит «Нет! Уходи!», а при резком взгляде на её ладони сердце обрывается к ногам. Они в крови, полностью алые. На его бледном лице виднеются багровые капли, оставляющие за собой прозрачный след.

Она открывает глаза и пялит в потолок, пытаясь по пазликам разложить мое и реальность в своей жизни.

Вчерашний вечер был апофеозом необъяснимого и странного, до сих пор девушке казалось что те картины, освещённые месячным светом, те события проходившие во мраке, стали плодом её богатой фантазии.

Сильная нога подбросила в воздух стеклянную бутылку, причем метко попала в голову обидчика. Разве такое возможно не только в комиксах?

Безумно.

Необъяснимо.

Один парень победил четырёх при стычке лоб-в-лоб, виртуозно, мастерски. А она стояла в стороне и будто на экран кинотеатра смотрела: на новый боевик, какой-нибудь вось-

мидесятый Форсаж.

Мозг отказывался верить глазам, требовал разумных фактов и оправданий. Отойдя от супермаркета, она приняла бы ту стычку ха галлюцинацию. Каролина легко бы поверила, что у неё внезапно начались проблемы с психикой. И возможно, подобный вариант развития событий был бы гораздо удачнее, чем то, что произошло дальше.

Отойдя от супермаркета она требовала от Валентина объяснений, сначала шёпотом, смотря в асфальт и вспоминая каждый его удар, каждый шаг. Твердила «скажи мне правду, объясни мне, пожалуйста» а он рассеяно отвечал «не могу» и шёл дальше. Тяжесть собственных секретов упала на его плечи и он стал непривычно для себя сутулится. Тяжесть случившегося, горечь от неосведомленности и растерянности обмоталась петлёй вокруг тонкой шеи Кэр, не давала дышать в нормальном ритме. На следующем проулке, в месте где начались приличные дома среднего класса, бесконечные газоны и стоящие подряд ряды фонарей, она сорвалась. Тембр взлетел до агрессивного крика, и она стала требовать, настойчиво и агрессивно:

– Ты скажешь мне это прямо сейчас! И я ни за что не поверю что причина твоей силы в турнике, допингах или ещё какой-либо хренотени! Отвечай: что это, чёрт возьми, было?!

Но он упрямо стоял на своём:

– Я не могу нарушить правила. Поверь, это секрет, и будет лучше если ты его не узнаешь.

Одним лишь сухим «поверь» она не собиралась ограничиваться. Встав посреди пустой улицы, тянущейся к очередной холмистой посадке, Каролина приняла строгое решение: она не может быть уверенна в этом человеке.

Одна мысль перегоняла другую, спотыкалась у финиша и недвижимо падала на землю. Вспоминались забытые сны, где она видела Валентина в самых кровожадных образах. Зачастую там фигурировал алый цвет: кровь повсюду, на его руках, лице, теле.

Жестокий, бесчувственный, холодный. Садист! Садист! Садит!

Десятки голосов шептали в её голове. Толпа недовольных разозленных жителей, все как один утверждающих что человек, который так сильно запал ей в душу – злобное животное. Пенсионеры, желающие в полусонном спокойствии проводить жизнь. Родители, рассматривающие синяки на лицах обиженных детей. Сами дети, становящиеся жертвами жестокости шайки отбитых хулиганов.

Сейчас она в мгновение всем им поверила и более того, Каролина была уверена, что на этом перечень его странностей и тайн, скрытых от общества, не заканчивалась.

Она обернулась и в свете стоящего рядом фонаря рассмотрело его лицо: холодное, бледное. На лбе и лысой голове блестели капли пота. Сам он выглядел несчастным, замученным тоскливыми мыслями и собственной скрытностью. Все хотят быть открытыми и честными с людьми, которых по на-

стоящему любят.

Такое знакомое лицо, все мельчайшие черты лица, незаметные тонкие шрамы которого она успела выучить за последние дни. С криком разъярённой толпы, с мутными картинками собственных снов оно стало чужим и холодным. Оно стало пугающим, отталкивающим и жестоким.

В упиравшимся в Каролину взгляде сквозила тайна, от которой становилось не по себе. Хотелось убежать от него подальше, запереться за надёжными замками дома и не выходить на улицу, ведь там мог оказаться он. Стоять с ним посреди тёмного безлюдного переулка стало жутким испытанием, и она еле сдерживалась чтоб кинутся прочь в любую сторону, подальше от тёмного силуэта на дороге.

Почему её эмоции так резко переменились? Почему с ним она чувствует опасность?

Каролина привыкла считать себя человеком с неработающей интуицией, покрытой пылью и плесенью. Она никогда не выигрывала в играх, где нужно попытать удачу, никогда не сдавала тесты, выбирая варианты ответов считалочкой. Сейчас же, внутренний голос визжал, разрывался от воплей.

А Каролина лишь сглотнула и выдавила из себя тихое:

– Я думала между нами нет секретов – ванильное и неуместное при урагане, путавшем всё в её голове. Наконец она исполнила возникший недавно план: взмахнула волосами и бросилась в противоположную сторону от молчаливого парня. Оставила его за спиной со всеми недомолвками и тай-

нами, но облегчения это никак не принесло. К глазам поступили слёзы, к горлу всхлипывания, словно отходя дальше от него она становилась более немощной и неполноценной, как близнец, оторванный от брата. Она не могла оставить его, не узнав правду, не разобравшись в нём. Но мозг шептал, что Каролина поступает верно.

– Подожди – Валентин бросился следом, и настигнув её, схватил за тонкую руку. Тело пробила дрожь, Каролине стало жутко. Ледяные глаза пялили на неё и ясно давали понять, что просто так он её не отпустит. Он вымолвил одно слово и замолчал, просто смотрел на Каролину. В другой ситуации ей бы этого было достаточно: наслаждаться тишиной, рассматривая его лицо вблизи.

– Если между нами будут такие недомолвки, то нам не стоит быть вместе – Каролина больше не боролась со слезами. Пусть он видит, смотрит на неё слабую. Всё равно. Она не может находится с ним, не зная правды.

Вырвавшись из его рук, она бросилась дальше по улице.

Валентин наблюдал как девушка его грёз неумолимо ускользает, растворяется во мраке. Несколько шагов – и она скроется за небольшим серым домом с ветхой пристройкой. И сказала закончится. Жизнь тоже. Вновь начнётся тягучая бледная череда преисполненная тоски и насыщенных воспоминаний из детства. Жаль, что их ограниченого количества так недостаточно. Если бы он знал тогда, сидя в быстрой качели, обедая за кухонным столом маминими котлетами, об-

щаясь с ней и с любопытством слушая истории о погибшем дедушке. Если бы он знал, что совсем скоро прийдётся попрощаться с ней, и закончатся бесконечные лета и радость как таковая. Если бы он знал, запоминал каждое мгновение тех дней старательнее, каждое слово тех разговоров и каждый звук её нежного голоса. Её тепло, когда она обнимая крепко прижимала ближе к себе. Любящий взгляд.

Всё закончилось.

Но потом, среди затяжных туч заблестел луч, показалась лазурь летнего неба. Он увидел её: далёкую и недоступную. Идеальная незнакомка, что могла вмиг подтвердить теории о любви с первого взгляда. Он полюбил её и зачарованно следовал следом, желая насладится ею хоть краем глаза. Но Каролина в упор его не замечала.

А потом свалилась в его жизнь так же резко, как и ушёл предыдущий любимый человек. Тучи полностью разогнал ветер, солнце ослепило глаза и наконец началось то самое бесконечное лето. С ней он чувствовал окрыляющий восторг, бесконечное удовольствие от каждой секунды проведённой вместе.

И сейчас это вновь грозилось закончится. Всё лучшее уходило из его жизни резко, как по хлопку.

И да, он сдался. Раскололся. Выбрал счастье, променяв её на честь. Конца света не случится, если он расскажет ей правду.

Она должна быть с ним. Сейчас хотелось верить в суще-

ствование высших сил: они как-то помогли им пересечься, значит так должно быть. Значит пусть она знает.

– Я всё расскажу – крикнул он вслед Кэр – Подожди, дай мне всё объяснить!

– Я слушаю – обернулась она, со слезами текущими по щекам и вниманием в глазах.

– Тебе это покажется полным бредом, и скорее всего ты не поверишь.

– Я поверю, обещаю. Главное будь честным со мной. Я не могу находиться с человеком о котором буквально ничего не знаю!

– Дело в том, что… – в воздухе повисло небывалое напряжение. Каролина дрожала, не понимая, виновен ли в этом пронизывающий сквозняк или его непонятный взгляд. То до неприличия горячий, прожигающий дыру в груди, то холодный, как лёд, преисполненный равнодушия. Нет, этого человека никак нельзя было назвать стабильным. Казалось, в его голове каждую секунду происходят изменения.

– Ты вампир? – с надеждой в голосе спросила Кэр, сама удивляясь немыслимости сказанного.

– Что? Нет – удивившись резко ответил он – На самом деле всё не так круто: я проклят.

– Стоп, проклят?

– Хоть я и до сих пор не осознал, что со мной творится, но кажется я проклят этим городом. С давних времён над этой землёй висит ужасное проклятье. Как я понял, из-за этого

тут так много психов и прочего сумасшедшего мусора.

– Но.... – Каролина искренне не понимала.

– Подожди! Я расскажу всё по порядку. Когда мне было десять ко мне домой пришёл следователь, сообщить новость о смерти моей мамы. Прошла неделя после того как её нашли в парке с пробитой головой. Я видел её на похоронах. Кто-то намеренно зверски убил её. А мой папа и это алкаш-детектив будто специально скрыли от меня и всего города правду. Понимаешь? Они умолчали что-то. Я знаю, что они что-то скрывали. Причём чрезвычайно умело, мастерски.

Я не понимал за что отец скрывает от меня правду о гибели мамы. Каждый день я приходил на кладбище, к её усыпанному цветами, которые каждый день всё осыпались и осыпались, кресту и общался с ней. Я остался в этом мире совсем один без неё.

Тогда после беседы со следователь я рыдая прислонился к её фотографии и беседовал шёпотом. Наверное, ей бы не понравилось фото, что выбрал папа для памятника. Она любила улыбаться, всегда сияла. У нас есть десятки карточек с отпусков, где она счастлива. А там мистически сверкает полуулыбка: вдумчивая и слегка печальная. Словно она сама не могла смирится с мыслью, что её убийца остался безнаказанным.

Я гладил её фото, мог ударятся в воспоминания часами, благо таких у нас много. Смеялся, рыдал, думал. С ней неразлучно связана моя жизнь, вся горечь и радость, счастье и пе-

чаль. По-этому тем для обсуждений у нас была уйма…

Тогда я гадал, кто же мог сотворить с ней такое: бездумно перечислял имена, в расчёте увидеть хоть какой-нибудь знак. Рядом слетались тёмные вороны, с интересом заглядывали на мелкого безумца, сидящего на кладбище. Над головой собирались тяжёлые свинцовые тучи, капал дождь, люди возвращались с работ, дети шли домой с учёбы, а я сидел там и перечислял каждого жителя, ведь виноваты были все. Просто кто-то в меньшей степени, кто-то в большей. Все они видели как я страдаю и молчали, щедро одаривали своими жалостливыми взглядами и не слова.

В пустом кладбище значимым становится самый малейший звук: шуршание куста вдалеке, крики вороны, звук покрышек, увязающих в сырой грязи… И тогда чьи-то шаги разнеслись как выстрелы, прервали нашу беседу и отпугнули меня от мамы. Я не хотел чтоб кто-то ещё раз увидел мои слёзы: я и без этого дал волю эмоциям на похоронах. А как иначе, когда видишь любимейшего человека в последний раз, перед тем как тяжёлая крышка гроба с шумом захлопнется? Когда бросаешь клочок земли и в голове повторяешь: конец. Больше ты никогда не сможешь полюбить.

И без того я прослыл «грустным мальчиком», но новых жалостливых взглядов выдерживать не хотелось. Сорвавшись с места, я залетел в тёмную посадку и побежал в самую чащобу. Поляна с мрачными памятниками осталась позади, вокруг сосны, высокие ели, скрывавшие меня от солнца. Лес

был равнодушен к времени, тут всегда царила ночь.

Тьма вокруг – всё, что мне тогда нужно было.

Остановила меня лишь бурлящая речка, перегородившая дорогу. Агрессивная, шипящая. Потоки воды с шумом разбивались об твёрды камни и разлетались на тысячи брызг, а я встал на месте и смотрел как зачарованный.

Каролина не двигалась, открыв рот слушая парня. Пока что в его истории не прослеживалась суть, но как же он красиво рассказывал! Кто бы знал, что он настолько хороший рассказчик!

– Лишь остановившись, я осознал как сильно воют мне ноги, как колит в боку и как сбилось дыхание. Я присел на холодную землю и стал всматриваться в отражение. Там видел маму. Нам часто говорили, что у меня с ней одно лицо. В реакцию на эти слова, я, как правило, любил обижаться. Она женщина, как-никак. Тогда я, расплываясь в улыбке, понимал почему так говорили. У нас одинаковые глаза и схожие черты лица, общий нос и идентичная клонированная улыбка.

И так я, сбежав подальше от кладбища, всё равно нашёл маму.

В отражении она была даже более реальной, чем на фото. Воображение ясно рисовало её разговор, жесты, смех. Мы общались вплоть до того, как небо окрасилось в тёмно-синий и она исчезла.

Помнится мне, в ту неделю я любил звенеть связкой клю-

чей от дома в руках. Успокаивало нервы, знаешь ли. Тот негромкий звон мысли ненужные заглушал.

Поднявшись с коленей, я собирался уходить прочь от речки, но вскоре плюхнулся обратно. Руки сами взмыли к голове, обхватили уши в которых разжался оглушительный звон. Резкая боль не давала сделать ни малейшего движения, кроме как выть от безысходности и трястись от судорог. Звон лишь усиливался, а сквозь него раздался мерзкий голос, смехом долетавший из глубин разума: «Будь одним из нас»– твердил он – «Тебе станете легче. Ты увидишь красивые вещи. Будешь жить счастливо. Лишь присоединяйся». Я не помню чётко что он говорил. «Ты станешь сильнее. Признай, ты же ненавидишь каждого кто живёт в твоём городе»

Испуганно, я оглядывался по сторонам, пытаясь увидеть кто со мной говорит. Вокруг лишь тёмный лес и бурлящая вода.

«Все они – продолжал голос – Виноваты в гибели твоей мамы. Они скрывают всё от тебя, Валентин. Ты должен им отомстить. Они должны заплатить за то, что разрушили твою жизнь»

«Отвали от меня!»– кричал я, в ярости пиная камни, крепче сжимая уши. А он в ответ лишь смеялся. Безумно, по-сумасшедшему. Такого смеха я вплоть до того дня не слышал…

Так же резко, как и заговорив, он замолчал. Боль стихла, звон тоже.

Встав и отойдя от речки, я решил срочно идти домой. В сумерках, я совсем не заметил возникшую рядом тёмную тень. Она нависла надо мной, с удивлением смотря на судороги и конвульсии. Сначала я подумал, что говорил он, хоть и хозяин сумасшедшего голоса представлялся мне иным: престарелый сумасшедший, как убийца из шоу-криминальной хроники. Показывают его портрет, когда ты сидишь на диване и пепси попиваешь, и от одного лишь взгляда на его мрачную физиономию не по себе становится. А приятный голос ведущей заявляет: «Насильник. Убил шестилетнюю девочку.» По одному лишь виду его понятно, что в той лысой черепной коробке не всё о'кей.

Но этот выглядел вполне себе обычно: рыбак, немного грязный, лохматый. Взгляд сначала не выражал определённых эмоций: незнакомец просто смотрел на меня, а потом протянул свою громадную лапу:

– Парниша, тебе нужна помощь? – его рот вытянулся в жутковатой улыбке. Тогда я и оценил его обличие, раскрыл этого ублюдка – Ты весь в слезах, хочешь, я тебе помогу?– он подходил всё ближе и ближе, держа ладонь перед собой. Рот вытягивался шире, взгляд становился озабоченнее– Помогу, вот увидишь, тебе понравится – повторял он мне как собачке, болеющей бешенством. Глупому животному. Оказалось, и поступить со мной он решил как с глупым животным. Другая его лапа опустилась к ширинке его замызганных брюк – Понравится…

Клянусь, я не собирался делать этого. Тогда уже было понятно, что дела плохи. Обернувшись к нему спиной, я собирался убежать в лес и скрыться во мраке.

Но он не желал меня отпускать.

Урод подлетел ко мне сзади, шепча одно и то же слово на ухо. Я чувствовал его горячее дыхание, как лапы обхватили моё горло и с усердием стали сжимать. Брыкался, кашлял, задыхался – он даже лицом к себе меня развернул, чтоб лучше видеть это всё. Бешеные глаза впивались в меня, а я не знал, может ли его улыбка когда-то остановится растягиваться.

Он получал наслаждение, душа меня голыми руками с расстёгнутой ширинкой. Лицо его охватывал мрак, сумерки растворились во тьме, и я чувствовал как из лёгких выходит последний глоток воздуха. Не сделал бы то, что должен был – погиб.

В руках моих до сих пор звенела связка ключей. Одно резкое движение – и самый длинный, самый острый прилетел ему в глаз. Крепкие лапы ослабли, на лицо струёй брызнула кровь этого мудилы. А ключ заходил в его череп глубже и глубже… Я весь был в его крови: футболка, джинсы, кеды.

Он отходил назад, к речке, и лапой скрывал раненый глаз, крича:

– Ах ты маленький выродок!

Дальше всё происходило по инерции: взяв тяжёлый камень, лежавший у берега я стал бить упавшего на землю

мудака. По его отвратительному, искаженному озабоченностью лицу. По его пухлому громадному телу. Кровь летела на камни, в ползущую рядом воду, залепливала мне глаза. Я не остановился пока он, жалкий, усыпанный жирными синяками и багровыми царапинками, не перестал шевелится. Окровавленное тело застыло на берегу реки, десятки струек с него стекали в воду, окрашивали прозрачную воду в алый. А я, мальчишка в чужой крови, напуганный, не осознающий того, что натворил, смотрел на изувеченный труп и качая головой отходил назад. Не желал верить что я это сделал.

Ненависть к нему ослепила, злость взяла под контроль тело. Дело в том, что взяв в руки камень и начав убивать, я не мог остановиться.

– О Господи! – перебивала Валентина Каролина, качавшая головой весь рассказ.

– Когда я отмывался от крови в реке голос опять заговорил: «Теперь ты навсегда мой». Безумный смех доносился из разных сторон, окулировал лес. Я смотрел на залитые чужой кровью ладонью под его звуки, аккуратно смывал капли с кед и одежды под его аккомпанемент. Избавившись от выродка, которого я замочил, каждый день этот голос звучал, постепенно рассказывая о моей дальнейшей участи. Каждый в этом городе, когда-либо проливши кровь другого человека уже не в силах был остановиться. Он навсегда становился зависимым от убийств. Так случилось, что я запустил в свою голову эту сущность. Я не смог прогнать его, когда нужно

было это сделать. И сейчас, каждый день он говорит со мной. Каждый день он пытается донести до меня что-то. Он хочет что-то от меня. И я даже не знаю чего.

Порой он рассказывает ужасные, жесточайшие вещи. Начинает в деталях описывать мерзкие кровожадные убийства, окровавленные внутренности. Иногда комментирует каждое моё движение.

Этот голос представляется как Даниил Тришакович – самый опасный убийца за всю историю этого города.

– Невероятно – в шоке произнесла Кэр.

– Это он приказал мне собрать вокруг себя таких же ребят, преследуемых голосом. Которые также как и я запачкали свои руки чужой кровью.

– Это твои друзья… – с ужасом осознала Каролина.

– Скорее товарищи– сухо обрезал он– Наше прикрытие – то, что мы обычные хулиганы. Так, на нас никто никогда не думает что мы какая-то секта с маниакальными наклонностями. Если бы мы были шайкой задротов, то в то, что мы группа сумасшедших сатанистов было бы легче поверить, согласись?

– Ну, как сказать…

– Ужас в том, что сам не понимая того я хочу убивать, мне это нравится. Нравится чувство, испытываемое при виде чужой крови. Скорее всего, после этого ты никогда не захочешь меня видеть. Но я получаю наслаждение когда на моих руках кровь незнакомца. Когда я вонзаю в живот поглубже

острый нож. Я получаю кайф от этого.

– Так… так это ты убиваешь всех этих невинных подростков? – со слезами на глазах спросила Каролина.

– Нет, нет, я пытаюсь не делать этого… Я сдерживаю себя, честно! Поверь мне, слышишь?

Каролина вытирая слёзы кивнула головой. Легче от правды не стало: её парень убивал людей и получал удовольствие от этого. Тело немело от истории Валентина.

– После того, как со мной начал разговаривать голос я чувствовал как меняется моё тело. Я становился сильнее. Я чувствовал как силы всё больше и больше притекают в мышцы. Я не понимаю откуда они появились, с каждым днём после того как я убил того маньяка становясь всё сильнее и сильнее. Как грёбанный человек-паук или супермен.

Каролина, отходя подальше от Валентина и вытирая слёзы, катившиеся по щекам, спросила:

– И эти все девять парней, с которыми ты всегда ходишь, они тоже слышат эти голоса и с такими же пугающими наклонностями?

– Да – Валентин заметил ясно написанный на лице Каролины испуг – Поверь, я никогда не причиню тебя боль. Прошу тебя, не отдаляйся от меня. Я знаю что звучит это как психоделический бред, но просто войди в моё положение. Как бы мне не хотелось причинять людям боль, меня просто тянет на это. Я держусь из всех сил, и обещаю, пока ты со мной, я не сорвусь. Ты делаешь меня сильнее. И из-за этого

я рассказал тебе свою пугающую историю.

Я вижу убийства в снах, думаю о них и на подсознательном уровне мне становится мерзко. Этот голос, который ни на один день не затыкался меняет меня,

Каролине стало по-настоящему страшно. Убегать? Кричать? Почему она так легко поверила в эту невероятную историю?

Самое странное: как и раньше, ей не хотелось отталкивать этого человека. Разобравшись в его ужасной истории она хотела пережить этот ужас с ним вместе. Это было очень странное притяжение, природу которого она не понимала и в тот момент понимать не желала. Заглядывая в глаза Валентина она теперь поняла, что это за загадочная черта, еле выделяющаяся в глазах. Безумие перемешанное с хладнокровием контрастировало с печалью, которой иногда полностью заливались его глаза.

Лежав в своей мягкой приятно пахнущей постеле Каролине вчерашний вечер казался неприятным ночным кошмаром. Жуткая история Валентина, эта странная драка, как тот парень с мерзким миллированием выворачивая руки и крича упал на землю. Она бы хотела забыть это всё. Как в прошлом году, стать легкомысленной блондинкой, не думающей ни о чём кроме своего инстаграмма и парня-качка. Но также, она понимала, что её жизнь тогда бы в мгновение опустела. Она стала бы неполной без Валентина. Его рассказы о маниакальных наклонностях и голосах в голове не отталкивали,

и это пугало.

После этой истории жизнь никогда не станет прежней, этот вечер изменил её навсегда. И теперь она ставит перед собой цель разобраться во всей мистике, что творится перед её носом. Вчера, она поклялась Валентину никому не рассказывать о его жуткой тайне. Будто Бред Питт, вступивший в бойцовский клуб, она приняла на себя тяжёлую ношу в виде ужасного секрета.

Как она может быть уверенна что во всех чудовищных смертях этого города не виновен Валентин? Человек, с которым она миллион раз целовалась. Человек, в которого она потеряв рассудок влюбилось. Неужели её любимый бойфренд самый настоящий сумасшедший маньяк?

Гордо шагав по тесному школьному коридору Алина пыталась улыбаться стандартной для себя высокомерной ухмылкой. В лице даже если постараешься, не заметишь ничего кроме самодовольства. Даже после кардинальной смены внешности, Алина, казалось, по-настоящему наслаждается собой.

Лёгкая походка восхищала всех наблюдающих: длинные шпильки парили над грязным школьным кафелем, несли девушку над поднятыми к ней головами удивлённой толпы. Тёмные густые волосы развивались сзади. Одно из основных правил: смотреть только вперёд и никогда не оглядываться. Опустишь глаза в пол: всё! Магия пропадёт.

И даже после ужасного инцидента Алина владела всеми взглядами школы. Люди хотели смотреть на неё, и этому не могли помешать ни язвы, ни красные волдыри… Возращение в школу не сулило ничего нового – типичное утро буднего дня. Шепотки и возгласы всё также заполняли коридор:

– Не повело…

– Не повезло? Эту сучку цепями заперли в солярии, это просто твою мать?

– Дакудахталась, меньше бы молола своим помойным ртом, никто бы не захотел её запирать.

– Говорят это Леди V, та же, что и Виктора расчленила. Она поехала на тусовке наших мажоров.

– Эй, народ, хотите анекдот про Виктора и Адриану?! Хочешь две тысячи новых подписчиков в Инстаграмм и чтоб тебя обсуждали все в городе – просто умри.

– Мудак.

– Гандон.

– Тварь.

– Да ладно вам, просто анекдот…

– И как эта дрянь даже сгорев в солярии умудряешься выглядишь лучше, чем я вообще за всю жизнь?

– Стиль секси-вдова, мне такое нравится: чёрные шпильки, узкие чёрные брюки и кружевная блузка с длинным рукавом. Также очки. Я отсюда не вижу, но по-моему Прада. Она весь летний сезон одевала Прада.

– Я знаю что Каролина сейчас без ума от Givenchy. Она одевала на вечеринку у Макса в конце лета красное платье. Так вот, мне удалось подсмотреть бирку на нём. Когда она знатно натрескалась, я заглянула отодвинув воротник.

– Подруга, ты слегка поехала.

– Ничего подобного!

– А Алина в этом сезоне полюбила Александра Маккуина. По-моему блузка сейчас у неё от него.

Местные модники не врали: Маккуин на Алине выглядел вправду сногсшибательно. Ужасные язвы на ногах и руках скрыли плотные джинсы и длинные рукава, последствия несчастного случая можно было заметить лишь по обгоревшему лицу.

Окружающие заметили, что манеры вести себя у Алины ни капли не изменились. Она осталась такой же заносчивой, высокомерной и самоуверенной. Это можно было понять только по одной лишь её походке.

Она уверенно направлялась к своему шкафчику, наблюдая через тёмные стекла своих очков как машинально расползается толпа перед ней. Начав набирать код Алина повернула голову чтобы посмотреть на шкаф её бывшего парня, который находился в паре метров, недалеко от автоматов с газировками. Когда все внезапно решили, что пользоваться липкими и пыльными школьными шкафами вновь круто, её компания приложила все силы, чтобы дирекция выделила якобы «vip” места. Их четвёрка (простите, пятёрка) распо-

лагалась у холла, удобное местечко – рядом автоматы и все классы находятся в относительной близости. Также каждый, кто входит через парадную дверь школы мог по достоинству оценить дорогие шмотки ребят.

И так во всём: им нужны были места на парковке в первом ряду, рядом с учительскими, центральный столик столовой. Все взгляды завистливых наблюдающих для них как батарея, аккумулятор.

Сейчас, Алина жалела что её шкаф находился рядом с шкафом Андрея. Если бы тогда они оставили эту тему в покое, смерились с рандомно выданными номерами и переодевались в паре бесконечных коридоров друг от друга, она бы не увидела этой картины. Не заметила рыжей девчонки с присланной ей на днях фотки.

Она повисла на его плечах как макака на пальме, жадно всматривалась в глаза и не давала ему обратить внимания на всех остальных «друзей», желающих отхватить свою дольку общения. Они подходили со свежими шутейками, новыми понтами про состоявшийся вчера секс с красоткой и слухами о МЖМ. Но рыжая незнакомка мастерски фокусировало его внимание на себе, буквально заслонив от ненужных собеседников хрупкой спиной. Декольте безвкусное натянула ниже, да так чтоб внушающий размер её грудей казался ещё больше. Губы пухлые закусывала как мармелад жевательный, сексуальной быть старалась как вне себя. Сказать, что у неё не получалось – было бы ложью.

Теперь она хозяйка мимолётных осуждающих взглядов и тысяч бредовых сплетен. Она владеет вниманием всех окружающих, вниманием самого популярного парня школы.

Осмотревшись по сторонам и увидев Алину, слёзы которой прикрывали очки от Александра Маккуина, она уверенно принялась за дело: схватив Андрея за щеку и потянув к себе, показательно страстно поцеловав его. Зоркий глаз, метнув крепкий заряд молнии, метнулся в сторону, оценив раздосадованный всхлип Алины. Сейчас никакие дорогие наряды, изысканные очки и напускная самоуверенность не скрыли её настоящего состояния – разбитая девчонка, одинокая, умывающаяся слезами в сторонке. Андрей ухмыльнулся, так и не заметив свою бывшую подругу. Увидев как Настя переодически посматривает в сторону, Андрей обернулся и наконец обратил внимание на Алину. Грудь её подскакивала вверх от частых всхлипов, по обгоревшим щекам стекали слёзы. Та картина причиняла ей немыслимую боль, но она продолжала не отрывая взгляда смотреть на обнявшуюся пару. Весь шум коридора вокруг Алины стих. Сейчас вокруг неё царила тьма, и только её бывший целующий другую девушку был виден сквозь неё.

Она развернулась и побежала в противоположную сторону, схватившись за живот. Казалось если она ещё хоть секунду посмотрит на Андрея и рыжую незнакомку, то её незамедлительно вырвет, или она шлёпнется навзничь на твёрдый пол. Она не хотела вновь становится посмешищем, но

не могла сдержать слёзы.

Впервые в жизни она расплакалась прилюдно. Мерзость! Как же она ненавидела эти жалостливые взгляды, учтивые возгласы «ты в порядке? Помочь?». Вся школа увидела её слёзы, слёзы из-за этого самовлюблённого гавнюка – самое страшное унижение.

Она на слышала шума вокруг себя. Всё вдруг замолкло. Она слышала только лишь свои всхлипывания, ещё никогда в жизни не чувствовав себя такой обиженной и ненужной. Она и не слышала как бежал к ней Андрей, крича:

– Алина, стой, давай поговорим!

Она не слышала как другие посмеиваются над ней, обсуждая новую девушку Андрея:

– Считайте она автоматом уже вошла в топ-5 самых популярных.

– Кто-нибудь знал её до того как она засосалась с Андреем?

– В первый раз её вижу.

– Кто она вообще такая?

За закрытыми дверьми школьного музыкального класса шла репетиция «Чародеек». Солистка Сабина разогревала свой голос, брав ноты от самых низких до самых высоких. В её исполнении прозвучали первые строчки хита Бейонсе, затем она переключилась на собственноручно написанную песню. Голос Сабины разливался как сладкая тягучая кара-

мельная нуга, очаровывал, околдовывал. Многие члены оркестров, репетирующие игру на саксофонах отложили инструменты и замерли, слушая небольшой отрывок песни.

Пухлые музыканты заливались румянцем и растерянно смотрели по сторонам, чувствуя как от голоса брюнетки внутри всё замирает. Сабина относилась к ним как к подопытным хомячкам, тестирующих новую линию косметики. Чем глупее выглядет реакция – тем сексуальнее она поёт.

Блондинка Энджел настраивала гитару, а Челси, подправив свои кудрявые тёмные волосы, усердно стучала по барабанам, проверяя издаваемые звуки.

Местные поп-звёзды готовились выступать на разогреве «Ай Дэнс 2018». Для главной группы города (правильнее сказать, практически единственной группы города) это было большой честью. До этого их перформансы ограничивались пением главных хитов во время школьных концертов и городских мероприятий. Но на этот раз им предлагали спеть каждую песню из дебютного альбома «Моя личная Кукла Вуду». Совсем недавно он был загружен на «iTunes” и «Spotify” благодаря немногим щедрым фанатам на Кикстартере. До этого песни можно было послушать на «SoundCloud”, и это никого из «Чародеек» не устраивало. Друзья усердно твердили про Билли Айлиш, описывая каких высот она добилась начиная с этого сервиса.

Сейчас же у группы расцветал новый бутон вдохновения, ведь их альбом находился в одном ряду с «Imagine Dragons”

и «Arctic Monkeys”. Когда такая случайность происходила, девчонки скринили это событие и делали из него праздник. Яркая кислотная обложка с миленькой куклой Вуду, нарисованной анимешницей из восьмого класса, стояла рядом с визуальными шедеврами «драконов» как разодетый в барахло из «бершки» подросток, зашедший в казино Монте-Карло.

«Когда иду по коридору, вижу как ты горишь
Обливаешься потом и ночами не спишь
Ты страдаешь, когда видишь меня,
Слёзы пускаешь когда целуешь меня,
Удачи, милый, ты не знаешь что я
Скорее всего, приворожила тебя»

Традиционно репетиция начиналась с исполнения главного хита, после припева в котором шёл агрессивный семпл на бас-гитаре. Никто из местных не раскусил в нём аранжировку одной из песен «Talking Heads”.

Гитаристка Энджел была мастером дела. Играя, она выдавалась на полную. Год назад окончив местную музыкальную школу она переборола свой главный недостаток – уродливое закусывание губ во время кульминаций песен. Она настолько старалась, что не замечала как потея кривит своё лицо.

– Челси – обратилась к барабанщице, выглядевшая как гот, хоть и готом не была, солистка Сабина. Каждый день она красила губы в тёмно-чёрную, как уголь, помаду. В тёмных волосах заплетены яркие пряди, а сама она всегда надеваеь необычные стим-панк наряды, делающие её похожи-

ми на актрису сбежавшую со съемочной площадки «Семьи Адамс» – Энджел принесла нам наброски песни и предлагает включить её в трек-лист альбома. Предлагаю прорепетировать.

Челси махнула головой, заодно убрав каштановые волнистые пряди с лица. Девушка не отличалась особой многословностью, хоть и была настоящей знойной африканкой. Будто модель feunty, она привлекала нешуточный интерес среди жителей города. Родившаяся от брака намибийки и европейца, она не находила места ни среди латиноамериканской диаспоры, ни среди африканской. Её кожа напоминала чем-то по цвету латте. Или молочный шоколад. Аккуратный острый нос, широко посаженные глаза, пухлые губы. Неповторимая внешность, делавшая ажиотаж в спальных районах города. Многие, держа в ручках телефоны, подходили с просьбой сфотографироваться.

– Три… два… один… – размеряно просчитала Сабина, и поставив перед собой листик с текстом начала петь:

«Прошу, не зови меня больше «моя малышка»

Тебя по уши засосала моя Чёрная Киска»

– Стоп, стоп, стоп – Сабина резко перестала петь – Ты хочешь чтобы на разогреве «Ай Денс 2018» мы пели эту вульгарщину?

– А что тебе не нравится? У нас в тексте каждой песни встречается чёрная кошка – обиженно возразила Энжл отложив гитару в сторону.

– Ало, приём ведьмочка, ты что, не ощущаешь разницу между киской и кошкой?

– Не всем же песням быть беззубыми подростковыми балладами.

– Хочу тебе напомнить что у нас тут тин-поп группа, а не сборище озабоченных нимфеток – раздражительно выпалила Сабина

– Почему всегда ты пишешь песни, не давая единого шанса нам с Челси?

– Хах – показательно рассмеялась солистка – Неужели ты до сих пор не поняла у кого тут прирождённый талант сонг-врайтера? Если бы Тейлор Свифт в каждой песне описывала свою вагину, думаешь, она достигла бы таких высот?

– Все песни которые мы приносим, в надежде что ты хоть раз их оценишь, просто в конечном счёте сливаются, Саба, мне уже это порядком начало надоедать.

– Надоедать? Хм, ну тогда вали! Тебя тут никто не держит! – крикнула она и указала пальцем на дверь.

Расстроенная и обиженная Энджел взяв листок со своим неоцененным хитом вылетела из кабинета, громко хлопнув дверью. Её бесило высокомерное заносчивое поведение Сабины, ведь они вдвоём основали эту группу. То, что она является голосом «Чародеек» не делает её самой главной.

Пробегающая рыдающая Алина врезалась в резко вышедшую из кабинета музыки Энджел. Алина взглянув в глаза девчонки и ничего не сказав, пошла дальше по направлению

к уборной.

– Эй, ты в порядке? – озадаченно спросила Энджел, увидев насколько разбитой выглядит девчонка, с которой она раньше никогда не общалась. Так, видела пару раз на вечеринках и выслушивала ядовитые сплетни.

Её зацепили текущие рекой слёзы незнакомки, хоть и называть её незнакомкой, скорее всего, было бы неправильно. Она сотню раз натыкалась на её Инстаграмм, пролистывала откровенные фотосеты и нескончаемые стори. В 21-ом веке, даже не зная человека ты можешь предельно точно знать его любимый фильм, вторую половинку, вкусы в еде и одежде а также где она отдыхала месяц назад. Вот они – особенности эпохи социальных сетей. Так что после неловкого столкновения в коридоре перед глазами блондинки пробежала парочка запавших в память публикаций: Алина на гламурной дорогой вечеринке в Нью-Йорке, Алина на показе новых «Мстителей» с Робертом-Дауни младшим, Алина на новом туре Тейлор Свифт.

Энджел принялась догонять убегающую в другой конец коридора незнакомку. Агрессивно выглядящая, на первый взгляд, гитаристка «Чародеек» на самом деле обладала очень ранимым и чутким сердцем. Яркая блондинка с бледной кожей и вечно торчащими в разные стороны двумя небрежными хвостиками имела образ Снежаной королевы, сердце которой растопить на самом деле легче, чем казалось.

Забежав за Алиной в туалет она увидела как та закрыв-

шись в одной из кабинок принялась отчаянно плакать. «Тук-тук» постучалась Энджел в кабинку, в которой сидела неожиданно для себя плачущая Алина.

– Уходите от сюда, мне нужно побыть одной – заплаканным голосом крикнула она.

Энджел смирившись отошла от кабинки, как вдруг услышала очередное горькое всхлипывание:

– Нет, как раз сейчас тебе не нужно быть одной. Давай поговорим?

– Кто ты вообще такая? – вытирая слёзы спросила Алина.

– Просто случайная прохожая, ногу которой ты случайно отдавила рыдая несясь по коридору.

– А, местная ведьмочка. Ты на гитаре по-моему играешь

– Так точно. Что же смогло тебя так расстроить?

– Я не привыкла делиться своими проблемами с чужими людьми, знаешь ли– успокоившись выпалила она, после чего, подумав, разревелась с новой силой– После того как какая-то анонимная маньячка заперла меня в солярии я сразу же поняла что такая никому не нужна. Особенно парню. Прошла неделя, а он сосется в коридоре с какой-то мерзкой крысой, будто меня и не существовало.

– Тихо-тихо. Я понимаю какого это. У меня тоже был парень в десятом классе. И ты знаешь, я ему отдавала всё своё время. Даже больше, чем музыке. На моё день рождение он переспал с моей лучшей подругой, в моей же комнате.

Кабинка туалета после негромкого щелчка отворилась.

– Господи, это супер-мега-охринеть-как-ужасно – удивилась шокированная заплаканная Алина.

– Согласна. И знаешь как ты должна отнестись к этому всему? Твоя беда показала какие люди по настоящему дорожат тобой, и кому ты нужна. Остальные мудаки просто отсеялись. Это называется естественный отбор, подруга.

Алина внимательно слушала её, будто прозревая с каждым словом.

– Может быть твой недуг стоит рассмотреть как шанс. Шанс пересмотреть свою жизнь. Ценности. Людей которые тебя окружают.

Совершенно внезапно, Алина вцепилась в Энджел, крепко обняв её.

– Спасибо тебе – шепнула она – Мне так это было нужно.

Новые подружки не отпускали друг друга так минуты три, закрыв глаза и задумавшись о жизни. Перед глазами Энджел всплыла ночь у бассейна, проведённая в компании незнакомки.

Даже не обращая внимания на заходящих в туалет удивлённых девятиклассниц, они продолжали обниматься с отстранёнными, но такими искренними улыбками.

– Эй, хочешь прогуляем вместе уроки – улыбнувшись предложила Энджел – Послушаешь мои песни в кабинете музыки

– Я с удовольствием – улыбнулась Алина, вытирая болезненные слёзы, которые текли по открытым язвам и причи-

няли массу дискомфорта.

– Так вот я ей говорю, «То, что ты называешь постоянным ухаживанием, на самом деле зависимость друг от друга, крошка» – распинался Ярослав за столиком, за которым сидело пять баскетболистов с моей команды.

– Оу бро, её железные решётки на зубах это не для слабонервных– с сожалением заметил крепкий парень в яркой куртке-американке.

– Вот именно. И она всегда пытается мне высказать свои духовные философские морали. Думает если я не крещусь каждые пять минут, то не верю. Думает что она одна в этом мире с духовными ценностями – вдруг Ярослав прекратил распинаться, обратив внимание на невысокого гопника, подошедшего к нам и вставшего над столиком. Это был тот самый гопник, который увидев Ярослава мило скрыл нас от агрессивной шайки «Адидасов».

– Можно тебя на минутку? – басом произнёс он, повёв Ярослава на выход из столовой.

День сегодня шёл как никуда лучше. Каждый урок меня грели воспоминания о тёплом вчерашнем вечере. О Еве… Я умудрился совсем выбросить из мыслей все эти трупы и смерти, всё о чём я думал, так это о своей жизни, которая пока что удачно складывалась. Уткнувшись носом в кабачковое пюре и кислый апельсиновый сок, я краем уха услышал как громко Каролина за соседним столиком обсуждает

то, что Никита сегодня не пришёл на уроки:

– Не пришёл, значит – орала она на всю столовую – Как раз когда я требую объяснений!

– Зачем тебе так резко потребовалась наша жуда? – удивлённо спросил Максим

– Не важно – съехала с темы она

Я совсем не заметил как ко мне подошёл Андрей, встав над душой и блистательно улыбнувшись, так ослепительно, как только мог:

– Влад, мне очень жаль за нашу ссору – показательно грустно начал он – Мы с тобой двоюродные братья, и никогда не должны ссориться. Позволь мне сгладить свою вину. Я приглашаю тебя на ночную пляжную вечеринку. VIP вечеринку, попрошу заметить. Там точно не будет никаких убийств и смертей. Мои родители всё предусмотрели. Будет весело. Ну?

– Я подумаю – сухо ответил я.

На секунду лицо Андрея скривилось а левый глаз начал дёргаться. Он крепко сжал кулаки, будто сейчас взорвётся. Но собравшись, он вернулся к образу мистера-доброты.

– Я поговорил с твоими родителями – улыбнулся он – Они отпустили тебя. Так что, у тебя нет выбора – подмигнул Андрей и пошёл за столик.

Периодически оглядываясь на меня, он сел за самый центральный стол, за которым уже сидели Макс и Каролина. Четвёртый человек, сидевший за их столиком весьма меня

впечатлил. Рыжий Александр, на голову которого я недавно вылил сладкий компот, предал компанию и перешёл на «тёмную» сторону. Каждый день, во время обеда он просто просверливал во мне дырку своим злобным взглядом. Не спускав с меня глаз, он наблюдал как я ем и с кем общаюсь. Скорее всего, меня бы это напрягало, если бы перед моим носом не происходили серийные убийства, а со мной не общалась мёртвая девочка. Сейчас мне было глубоко наплевать, что он обо мне думает и чего он пытается достичь, не отрывая взгляда от длинного столько баскетболистов.

Но больше всего меня удивило, как легко он влился в компанию Андрея. Будто всю жизнь находясь там, без комплексов щебетал с ребятами как утренний скворец. И они, казалось, были довольны своей новой компанией. Андрей даже пару раз, чисто по-братски, толкнул его кулаком по плечу. А это знак. Рыжий глубоко и надолго вонзился в компанию.

Мои размышление нарушило то, как громко забежал тихий Никита в столовую. Практически каждый, кто сейчас сидел тут развернулся посмотреть на источник шума. Он неаккуратно врезался в столик пошлых алкоголичек, которые обложили его отборным матом, а затем толкну одну из тихих «свитеров», которая сев за стол начала рассказывать своим подругам, что Никита к ней домогался.

– Эй, где ты был? – раздражённо крикнула Каролина, встав из-за стола – Мне нужно срочно с тобой кое-что обсудить.

– Умоляю, не сейчас – растеряно выпалил он, осмотрев бегающими глазами столик компании мажоров, где его не ждали уже как неделю.

– Ты напугано выглядишь, чувак – заметил Макс.

Взор каждого, кто сидел в столовой опять устремился на высокую арку, у которой каждый вхожий просматривался как на ладони. Через него зашли три незнакомых мне парня; раньше я их точно не видел в школе. Чего уж там: эти грязноватые переростки явно переросли школьный возраст. Рядом с деловыми выпускниками они смотрелись настоящими мужчинами. Тонкими, неуверенными, потными мужчинами.

Выглядели они, мягко говоря, не шибко круто. Стоптанные кеды, убитые грязные толстовки и бездумные жуткие глаза. Они похожи на обычных среднестатистических укурков. Ничего необычного.

Войдя в столовую они остановились перед столиком пошлых алкоголичек, дожидаясь четвёртого из компании. Им оказался Майкл. Человек, с которым мне довелось пообщаться в ночь убийства Дэна. Человек, утверждавший что «был занят» во время убийства.

Всё это время мне было предельно ясно, на чьих руках кровь. Но мнение окружающим я высказывал с мастерством глухонемого: растворился в мыслях, в страхе, в своей девчонке, упуская из виду настоящего убийцу.

Вид его физиономии оказался пушечным выстрелом: после него, я, уверенный в собственной правоте, строго решил

докопаться до правды. Это странно, что город усердно не замечал главного подозреваемого перед носом, но я считаю что Майкл мог запросто убить Адриану или Дэна.

Вполне логично: все они перед смертью находились в сквоте Майкла, где он усердно подсаживал их на наркоту. Что если безумный маньяк специально создал наркопритон, чтобы медленно убивать там подростков?

Фанат слэшеров внутри меня ликовал. Неоспоримые улики и Алины выстроились в голове в яркий кровавый фильм. Фильм, где убийца известен с титров.

Он деловито шёл, шагав по столовой и внимательно осматривав каждый стол. В свою очередь, каждый стол глазел на новичка, смахивавшего на гибрид G-Eazy и Лил Пампа.

– Это ещё кто такой? – с удивлением спросила смышлёная гора мускулов, любившая докапываться до правды и блюсти справедливость. Из всех баскетболистов он был наиболее разговорчивым, хоть и с подобным словарным запасом я бы предпочёл закрыть рот навсегда и лишь кивать головой.

– Как его пустили сюда? – удивлённо спросил я у самого себя. Порой, школьная охрана поражала своей придирчивостью. Могли придраться к стеклянной бутылке «Evian” или флакону термальной воды любительницы макияжа из одиннадцатого.

– Ты знаешь его? – не останавливался в вопросах та же груда сушёных мышц.

– Мы с ним общались один раз – уверенно солгал я.

Я видел как нервно ёрзает на лавочке Никита, из-за всех сил пытающийся спрятаться от кого-то за широкой спиной Макса. Компания мажоров, видя испуг несчастной тени, радушно разрешила выброшенной ЖУДе сесть рядом. Так, напоследок.

Когда Майкл подошёл ближе я заметил на его лице пару свежих швов. Он выглядит как самый настоящий Франкенштейн, только если бы монстр жил в 21-ом веке, курил марихуану и обитал в лесу недалеко от маленького провинциального городка.

Увидев Никиту, старательно изогнувшегося в три погибели, готового сорваться с места и бежать прочь, Майкл характерно для себя по-мудачески криво ухмыльнулся:

– Эй, Малыш, давай вылезай – нарочито милым голоском обратился он к испуганному Никите – Или ты уже не такой смелый как со своим лысым другом?

– Майкл, что ты забыл в нашей школе? – удивлённо спросил у него Андрей

– В двадцать никто не приходит в школу – рассмеялся Макс. Вот уж не знаю, в каком месте он пошутил. Парень любил без повода глуповато гыгыкать. Вполне возможно, что это часть имиджа глуповатого спортсмена.

– Вы его знаете? – удивилась Каролина.

– Мне нужен этот пацан с кожей цвета восьмидесятилетнего вегана.

Столик любителей растительной пищи обиженно покосился в сторону языкатого наркомана. Девчонка, выглядевшая как обвешанное яркими цветными тряпками пугало, неодобрительно фыркнула: «Пошёл в зад», укусив жаренный тофу.

– И зачем тебе мог понадобиться наш Никита?– удивился Макс.

– Ну как сказать, мне его проучить надо. Вчера вечером он обвинил меня в убийстве – хихикнул парень. Честно говоря: смешного, откровенно, маловато.!

Я не знаю что мною овладело, но позабыв о всех предрассудках я резко встал с места и пошёл по направлению к центральному столику, у которого стоял Майкл.

– Эй, что ты надумал? – шепнул мне баскетболист, сидевший напротив. Парень умело раскусил чёткость моих намерений по уверенной походке и холодному взгляду. Не все баскетболисты тупые, знаете ли.

Заметив как я направляюсь к нему, Майкл осмотрел меня и спросил:

– О, Витя, Дима, как там тебя… – подыгрывая что он не запомнил моё имя, Майкл начал называть случайные имена – Влад! Точно! Хотел заступиться за Никитку?

– Хотел внести свою лепту в эту историю, и сказать что не только он считает тебя убийцей – вся столовая отвлеклась от еды и устремила взгляды на меня. Каждый из них замер и безмолвно ожидал, что будет дальше – То что ты убийца –

самый логичный вариант, лежащий на самой поверхности.

Столовая, как единый организм, шокировано вздохнула. Знаю как это выглядит: очевидный маньяк-новенький, оказывающийся всегда в нужном месте, пытается перевести подозрение на левого наркодиллера, милого и безобидного. Но я не собирался разбрасываться обвинениями на ветер.

К собственному удивлению, у меня хватило смелости, чтобы не заикаться во время громкой речи.

– Что ты несёшь? – с ненавистью взглянул на меня Майкл.

– Остановись, Влад – пытался успокоить меня Макс, но кажется, Влада вновь понесло. Я хотел высказать всё, что накопилось в мыслях за эти недели. Согласитесь, достаточно глупо возможному серийному убийце прилюдно высказывать в лицо что думаешь, будто он убийца.

Сродни самоубийству.

Если мои догадки не будут высказаны, я сойду с ума. Чёрное пятно вновь кляксой залило мозг, но на этот раз благих намерений ради: докопаться до истины и донести до народа неоспоримые факты.

– А вы сами логично посудите! Каждый, кто сейчас находиться здесь и пережил все эти убийства вместе с нами – я начал обращаться к толпе как профессиональный диктор. Мне бы ещё вскочить на табурет и взяв себя за сердце призвать каждого дать отпор убийце – Дэн – находился месяц в сквоте. До этого, он ни капли не увлекался наркотиками. Пока его не подсадил наш крашенный друг, стоящий прямо

перед вами.

Майкл нервно оглянулся. Неужели он думает, что ещё кто-то не рассмотрел его гавёное с мелирование?

– Адриана – примерная девочка, отличница, которая за две недели до своей смерти сбежала из дому. И всё это время она была у тебя, накачанная наркотой и прочей дрянью.

Майкл опустил взгляд вниз. Видно было, как дёргается веко и нос. Вот-вот, и казалось, он вспорет мне живот на глазах у всей школы. У него есть опыт, Дэн подтвердит.

– Но смерть Адрианы была результатом ДТП – возразила Каролина, схлопотав недовольные взгляды друзей, ясно говорящие: «В это ещё кто-то верит?»

– У неё были стёртые в кровь ногти, Кэр. Она пыталась убежать от чего-то. Отчаянно ползла в последние секунды своей жизни. Глупо отрицать, что нас дурят власти города. Тут и дураку понятно что это непростое ДТП – поддержал меня Макс.

– Ты готовился заранее. Подбирал жертв, которые при своей городской жизни были пай-детками. Таким легче навязать наркоту. Таких легче в последствии жестоко убить – взглянув в глаза Майклу агрессивно заявил я – Маньяк-наркоман, создавший сквот чтобы убивать подростков. Вот кто ты на самом деле!

Даже и не знаю почему я настолько уверен в своих гипотезах. Ведь сейчас я обвинил парня при всей школе в серийных убийствах. Десятки камер записывают, сотни взглядов

фиксирует. «Раз. Два. Три» – и об этом знает весь город.

Но я ни секунды не колебался. Спокойно смотрел в глаза подозреваемому и ждал его реакции. Вся школа ждала вместе со мной, полностью вовлеченная в действия, что разворачивались подинамичнее любого детективного сериала с неожиданными сюжетными твистами в конце каждой серии.

– Ты несёшь полную чушь, молокосос – взглянув на меня отстранённым укуренными глазами громко сказал Майкл – Ещё с первой нашей встречи я понял, что ты понтовитый много болтающий выскочка, пытающийся привлечь к себе внимания необоснованным трёпом.

– Оу, как обидно и больно – кривляясь хмыкнул я – Ты сделал такой вывод из-за того что я разоблачил твою дешёвую инсталляцию? Которую ты, знатно исказив и изуродовав смысл, сплагиатил у музея Жоржа Помпиду?

– «Смотрите, меня зовут Влад, я показательно не курю и не пью , ибо я выше всех вас, биомусора. Я знаю экспонаты музея Жоржа Помпиду и при каждом удобном моменте пытаюсь в каждую жопу вставить свои пять копеек– кривлял меня Майкл, безуспешно пытаясь отвлечь всех от правды, только что выгруженную на неподготовленных жителей мистического города – Таких как ты здесь никто не любит. Помолись, чтобы ты не был следующим, кому вспорят живот – последняя его реплика, в сумме с его агрессивным полным ненависти взглядом напрягла. Да что уж там напрягла, я словил себя на том, как по телу поползли мурашки, стало

невероятно холодно. Дубак. Проверьте термостат, почему в кафетерии стоит мороз? Вроде бы одно предложение, мимолётное, сказанное понтов ради, заставило меня знатно перетрусить.

Я замер, не замечая ничего вокруг. Перед глазами восстали трупы, увиденные мною на днях. Невинные подростки жестоко убиты. Внезапно, среди напуганных лиц мертвых детей встало моё лицо и бледное личико Евы. Я видел как мы лежим в крови посреди леса. Блестящие от слёз глаза пялятся в звёздное небо, рассматривая звёзды, что вскоре станут нашим домом. Вдыхая последние глотки воздуха, мы переплетаем окровавленные руки и оставшиеся минуты жизни проводим вместе.

Вдвоём.

Спасибо Богу, за то что теперь моя смерть не кажется такой страшной, а жизнь такой пустой и бессмысленной.

Следующей жертвой легко мог стать кто-то, кто очень дорог мне или даже я сам.

Эта жуткая картина встала перед глазами и затмила все остальные изображения этого мира. Я не видел ни Майкла, которого вместе с его бандой крича выводил наш строгий директор. Я не видел ни толпы, которая восторженно окружила меня и восхищалась моей смелостью. Я не видел ни Андрея, ни рыжего Сашу, которые сидели за столом и с завистью, дико смешанной с ненавистью, наблюдали как меня окружила вся столовая, восторженно задавая миллион вопросов. По-

моему, тогда у меня впервые на людях случился приступил внезапной паники. Я стал потеть, мне хотелось убраться куда-то подальше отсюда, сердце дико колотилось.

Я бы выбежал через высокую арку и скрылся восвояси, но головы заинтересованных школьников выстроились в Великую китайскую стену. Пришлось сидеть на месте, глотать апельсиновый сок и изо всех сил стараться не потерять сознание.

Паническая атака, оказывается, не самое приятное чувство.

Глава 32 #правдаилидействие

Андрей стоял перед зеркалом и думал, какое же поло ему надеть сегодня на ночную вечеринку.

– Синее Ральф Лоурен или чёрно-белое Paul and Shark? – спросил он у нового друга, увлеченно лазившего в своём телефоне. Парень закинул мускулистые ноги на спинку кровати, вырезанную из тёмного дуба, и оценивал новую аудиторию, приплывшую к нему сразу после смены компании. Оказывается, пересесть за злачный стол – самый выгодный способ набрать подписчиков и друзей на «Фейсбук».

Александр с баскетбольной команды быстро попал в доверие Андрея. Дело в том, что их связал один общий интерес.

– Лучше синее – оторвав глаза от телефона заключил он – А ты как думаешь, мне лучше взять плавки шортами или

более короткие?

– Бери короткие, но не забывай: сегодня из нас искупается только один человек – улыбнулся Андрей, продолжая смотреть на себя в зеркало.

Александр улыбнулся ему в ответ, как бы говоря что понял намёк.

– Почему ты не захотел втягивать Макса в наш план?

– Попрошу заметить, МОЙ план – агрессивно возразил Андрей – А что касается Макса, так наша раскаченная святоша всё бы испортила, проникнувшись жалостью к жертве. Из приглашенных будут только предупреждённые люди, которые будут подыгрывать. Все они знают, чем закончится этот вечер.

– Я в диком предвкушении – рассмеялся Александр, старательно поглаживая жёсткую рыжую шевелюру.

– Это будет ночь, которую Влад никогда не забудет – улыбнулся Андрей отражению.

– Купаться в середине сентябре в местном озере – достаточно странная идея – удивлённым тоном заметила очевидную вещь мама, по старой привычке сидевшая на моём диване и наблюдавшая за тем, как я собираюсь на «пляжную-VIP-вечеринку» Андрея.

– И не говори – согласился я, расчёсываясь у зеркала и уродливо скалясь, осматривая зубы – Я б вообще туда не шёл, если б ты не настояла.

– Оу, но он так хотел чтобы ты пошёл. Представляешь, позвонил мне и стал рассказывать что там будет на 100 % безопасно.

– И ты, конечно, ему поверила. Безопасно ночью на озере где, возможно, лазит маньяк.

– Я пыталась позвонить Надин, но она не взяла в трубку – удивилась мама. Надин? Трубку не взяла? Апокалипсис наступил, привычное течение времени нарушено. Квантовые законы физики утеряли всякий смысл.

– Странно всё это. Ещё два дня назад, смотря в его глаза я видел что он готов меня растерзать. Он меня просто ненавидел. А сейчас просто позвал на примирительную вечеринку, при этом улыбнувшись фирменной улыбкой. Знаешь ли, он её просто так не растрачивает.

– Расскажи мне, почему вы поссорились? – спросила мама, встав с дивана и медленно подходя ко мне.

– Хочешь знать чего мы поссорились? – я положил расчёску и повернулся к ней лицом– Из-за того, что я знал о том, что Арсений изменяет Надин, но ни слова не сказал.

– Ого, теперь я поняла… – растеряно сказала мама.

На улице послышался громкий отчётливый сигнал. Видимо Андрей приехал за мной на идеальном представительском БМВ. Прошлая ночь, когда он заехал за мной на нём обернулась настоящим ужасом. Что же, надеюсь в этот раз всё будет намного лучше.

– Пока мама – взяв джинсовую куртку и собравшись вы-

ходить на улицу сказал я.

– Хорошей вечеринки – пожелала мне мама.

Тут было достаточно темно, как для места в котором проходит вечеринка. Непроглядную всепоглощающую тьму чуть-чуть умудрялся разбавлять огромный костёр, разбитый на песчаном пляже рядом с водой.

Тусовка и вправду смахивала на то, что сюда пришли только «свои» люди. Это была нестандартная вечеринка как в «Проекте Х» или «Американском пироге»: красные стаканчики, пьяная толпа, карлики в микроволновке, знаете ли.. Нет же, тут было намного уютнее. Такая себе, «ламповая» атмосфера. Конечно же, без алкоголя обойтись нельзя. Его тут более чем достаточно. Но выпивание стакана за стаканом разбавлялась игрой на гитаре и общением.

Говорят, это подобная традиция у школьников города: начинать учебный год с купаний в холодном озере. Кто нырнёт первым – счастливчик. В этом году традиционную вечеринку пришлось перенести из-за понятных обстоятельств.

Место, в котором всё это происходило весьма милое. Небольшое озеро, над которым светил яркий полумесяц. Сначала, когда я вышел из комфортного БМВ и оглянулся вокруг в сердце сразу же что-то неприятно ойкнуло.

Странное беспричинное чувство тревоги.

Передо мной сразу же всплыла картина, как я растеряно с телефоном в руках бегаю по берегу окружённого тёмным

лесом озера, не зная что делать. А потом он… Окровавленный труп парня который полчаса назад выпивал пиво и курил марихуану.

Весь тот вечер детально всплывал передо мной. Я помнил каждый момент. Каждый крик. Каждую каплю крови на лице Дэна рядом с его треугольным тату.

– Поприветствуйте моего брата! – крикнул Андрей толпе, окружившей его тачку. Все показательно заорали. Будто роботы, которым приказали показательно радоваться моему приезду.

Вокруг себя я видел абсолютно незнакомых ребят. Вроде бы их лица мелькали в школе, но особо я ни с кем из них никогда не общался. Я увидел новое увеличение Андрея: обворожительную рыжеволосую девчонку, ставшую главной сенсацией школы за последний день. Она тут была как резкий скример в фильме ужасов, только в более хорошем смысле. Обычная серая мышь резко стала ослепительной красоткой. Увидев Андрея она подбежала к нему, показательно повиснув на его руках.

Следующие полчаса всё шло предельно уютно и хорошо. Общаясь, мы сели вокруг костра и решили поджарить маршмеллоу, в лучших традициях вечеринок на природе. Я обожал поджаренный зефир. Мало того, что он создавал особое ощущение атмосферы уюта, так ещё и обалденно вкусный. Жидкий внутри, но с хрустящей корочкой снаружи.

Продам родину за этот сладковатый привкус карамели.

– Придумал! – вскрикнул Андрей, не дав парню в зелёной футболке до рассказывать свою не очень увлекательную историю про то, как он переписывал экзамен – Играем в правду или действие!

– Но… – разочарованно произносили другие.

– ПРАВДА ИЛИ ДЕЙСТВИЕ! – настойчиво кричал он – Эдуард– указал Андрей пальцем на мило жующего зефир парня в очках – Ты первый.

– Правда – оторвавшись от зефира выбрал парень.

– Помнится мне как Адриана опередила тебя на олимпиаде по математике в прошлом году – начал Андрей

– Может не стоит ворошить тему умерших в этой игре? – заметил парень, которого я до этого не знал

– Закрой рот – мило улыбнувшись огрызнулся Андрей – Так вот, я думаю каждый из нас помнит какой злой ты был. Считал, что это вселенская несправедливость. Когда ты общался со своим дружком-ботаником в туалете, я по случайному стечению обстоятельств подслушал как ты бы «мечтал собственноручно вонзить нож в живот несправедливо победившей стерве».

Смеющаяся и разговаривающая толпа резко утихла. Сейчас мы слышали лишь пение сверчков и озадаченный вздох парня в очках.

– Я… я… я бы никогда не убил её – его выбил и напугал этот вопрос. Подтянув свои очки, он заметно нервничал и стал ёрзать по твёрдому пеньку. Ботану не повезло: как по-

чётный представитель дна школьной социальной пирамиды, он ютился на твёрдом обрубке ствола дерева, в то время как мы расположились на уютных раскладных стульях голубоватого цвета.

Пламя костра освещало тёмным цветом напуганные и озадаченные лица. Узкий круг незнакомых людей начинал напрягать. Тени на их лице, танцующие в зависимости от света огня, казалось, скрывали секреты.

Каждый что-то знает, и игра Андрея могла предательски вытащить на поверхность все тёмные тайны.

– Вопрос ещё не прозвучал. Отвечать обязательно нужно честно. В этом суть игры. Итак – Андрей хладнокровно улыбнулся, сложив руки на груди и посмотрев в глаза потеющему от страха мальчику – Ты бы желал смерти Адриане?

– Нет… конечно нет… – вытирая пот ответил мальчик.

– Врёшь как дышишь – резко выпалил сидевший рядом, такой же очкастый друг Эдуарда – Ты сам мне рассказывал как мечтал бы, чтоб она сдохла. Типа она последнее препятствие на пути к званию главного умника в школе.

– Что… мы же друзья… – удивлённо шепнул Эдуард другу, готовому вылить все его тайны.

– «Я бы мечтал чтобы однажды ехав по шоссе она вырезалась в дерево и уже никогда не пришла в нашу школу – цитировал парень друга – Да, вроде бы так ты говорил.

– Ого, пацан, да ты у нас теперь новый главный подозреваемый. Ты точь-в-точь предсказал смерть несчастной девчон-

ки – злорадно высказался Андрей. Пламя осветило его хитрую ухмылку, эмоцию наслаждения от назревающего скандала.

– Теперь мой ход – пытавшись сменить тему перебил Андрея Эдуард – Александр, правда или действие?

– Правда – выбрал мой рыжий недруг, с которым нас связывает мокрая и липкая перепалка в столовой, а также каждодневное обменивание недоброжелательным взглядами и некультурными жестами.

– Кого из находящихся тут, у костра, ты ненавидишь?

– Никого – резко обрезал Саша.

– Ответ неверный – подправив очки заметил Эдуард.

– А какой верный, мудак ты очкастый?

– Хм, знаешь ли, я твой сосед по шкафчикам. И каждый день, когда ты достаёшь оттуда форму я вижу жуткий коллаж из фоток Влада, прям как в ужастике про поехавшего на одном человеке маньяка. Ты печатаешь его фото из инстаграм на чёрно-белом принтере и всячески издеваешься, отрезая части его тела, глаза и вешая на свой грёбанный коллажик.

Я знатно напрягся после этого открытия. Посмотрев на Сашу, я увидел как он пытаясь не поддавать виду начал трусить.

Андрей подумал что его гениальный план разрушен. Сейчас, испугавшись, я встану и уйду с вечеринки, не дав исполниться главному событию вечера. Он готов был перепрыгнуть костёр и голыми руками задушить очкастое трепло.

Александр растеряно смотрел то на злобного Андрея, то на испуганного меня. Вся компания, собравшаяся вокруг пламени молча смотрела за дальнейшим развитием действий.

– Теперь мой ход – воспользовавшись тактикой Эдуарда, Александр решил разбавить атмосферу – Влад, правда или действие?

– Действие – нехотя выбрал я.

– Пора нам нырять в озеро – улыбнулся он мне – И по старой доброй традиции сентябрьских купаний…

– А у нас что, такие есть? – удивился Эдуард.

«Закрой рот» одними лишь губами, бесшумно проговорил Андрей.

– Влад, я предлагаю тебе открыть наши купания и нырнуть в воду первым.

– Что за странная традиция? – недоверчиво спросил я.

– У нас каждый год так, правда Андрей?

– Да-да-да – качал головой мой двоюродный брат.

– Ну хорошо – согласился я, не собираясь нарушать правила игры. Ухо навострила реплика Эдуарда, я всем телом ощущал недомолвки и троеточия, но… Бросьте! Нырну первым – ничего страшного не произойдёт.

«Можешь запросто утонуть.»

«Пошёл в жопу скептик Влад!»

Одев короткие белые плавки я помочил ноги, убедив-

шись, что вода не так холодна как я полагал. На берегу собрались все, кто был на вечеринке, устремив взгляды на меня. До сих пор кажется, что это ужасно странная традиция. Прямо-таки, будто высосанная из пальца. Ну что же, я никогда не отказывался от заданий в «правде или действие», и этот раз не оказался исключением.

Аккуратно сложив вещи на стуле недалеко от костра я нырнул с головой в приятную воду, заплывая всё глубже и глубже от берега. Вокруг стоял практически полный мрак. Благодаря звёздам и луне я мог ориентироваться в пространстве. Да уж, странный вечерок. Парень на которого я вылил компот оказался настоящим маньяком. Мой невероятно обиженный брат резко пригласил меня на примирительную вечеринку с невероятно странными и отбитыми традициями.

Тут было достаточно живописно. Высокие камыши окружали небольшое озеро, отражающее яркий свет луны.

Размышляя, я не заметил как далеко заплыл от берега. Огонь костра, находившегося на берегу, подсказывал мне, что сейчас я где-то в двадцати метрах от него.

Дно становилось всё глубже и глубже. От этого мне становилось всё холоднее и холоднее. Всё тело покрылось мерзкой гусиной коже, а на правой ноге похоже начало сводить судорогу. Это знак, что пора возвращаться на берег. Развернувшись, я поплыл обратно, на свет костра.

Подплывая всё ближе к берегу я заметил что все, кто

пять минут назад сидела на берегу сейчас почему-то стоят, по прежнему устремляя взгляды на меня. По центру стояли улыбающиеся Саша и Андрей, который в руках держал мою футболку, джинсы и кеды. Зачем он взял мою одежду?

– Ну что Владик, как тебе туса? – саркастично крикнул Андрей, наблюдая за тем как я подплываю к берегу – Записываешь? – обернувшись, спросил он у девчонки державшей в руке смартфон и устремившей камеру на меня.

Наконец дошло.

И как я мог попасться на это? Как всегда, попытка повеселится закончилась неудачно.

– Кхм-кхм, запомни, братишка – откашлявшись начал Андрей – Никогда не стоит переходить мне дорогу. Не стоит преподносить себя выше меня. Не стоит приезжать в МОЙ город и думать что ты здесь король. Ведь все знают, кто тут настоящий хозяин города? – обратился Андрей к толпе.

«ДАААААА!» послушно выкрикнула хором компания. Жополизы. Интересно, сколько он им заплатил?

– Моя доброта к тебе была щедрым даром – подходя к воде продолжил он – Так сказать, я протянул тебе руку на которую ты харканул мерзкой, густой слюной. Теперь, стоит поплатиться, братишка – после последнего предложения лекции Андрей одним лёгким движением, похожим на его баскетбольные приёмчики, забросил мои вещи в горящий костёр. За секунду футболку и джинсы охватило яркое пламя.

– Нафиг ты выкинул туда обувь? Кеды не горят, идиот! –

раздраженно воскликнул Эдуард

– Ну значит сунь туда свою прыщавую рожу и забери их, очкастый – раздражённо выпалил Андрей.

Я не понимал, как мне удалось вызвать такую волну ненависти от брата. Что же я такого сделал? Как ему удалось так быстро меня возненавидеть? Зачем он палит мою одежду? Стоя по щиколотку в воде, я наблюдал как то, в чём я пришёл со скоростью света охватывает пламя. Как Эдуард крича от боли пытается достать мои синие конверсы с костра. С каким наслаждением смотрит на это рыжий Александр. А самое главное, как это нравится моему брату, с которым я провёл практически всё детство. С которым я был родственной душой. Что же случилось с ним сейчас?

– За что? – не понимая спросил я, продолжая стоять в воде в одних плавках.

– Ах, хочешь узнать за что? Ты снимаешь?– развернувшись спросил он у девчонки, державшей камеру – Ты много мозолишь глаза всем. Вот за что. Всего навсего.

Я в полном ступоре, то ли от обиды, то ли от холода, сцепившего моё тело стоял на месте и не мог произнести ни слова.

Секунды назад вода казалась невероятно тёплой, как для пресного озера. Хотелось уплыть подальше от берега, от лишнего шума и смеха, перевернуться на спину и недвижимо наблюдать за миллионом далёких звёзд. В мгновение ока озеро стало феноменально холодным, ледяным.

Эдуард наконец достал мои кеды и взял их в руки, корчась от раскалённости горячей ткани.

– Уезжаем отсюда, народ! – крикнул Андрей толпе, смеявшейся и снимавшей меня на камеры. На лице каждого злобой светилась улыбка. Например, друг Эдуарда (скорее всего, уже бывший) – ботан-очкарик с которым за все эти недели я и словом не обменялся. Почему ему так нравится наблюдать за моими мучениями? Почему он хохочет, наблюдая как моя белая футболка превратилась в пепел?

Незнакомая девчонка с камерой.

Парень, запихивающийся маршмеллоу.

Тамблер-гёрл с грязной головой.

За что они все так меня ненавидят?

– Посмотрим, как ты найдёшь дорогу домой – хихикнув бросила незнакомка, садившаяся в машину.

За секунду оживленная толпа практически исчезла, рассевшись по многочисленным авто, стоявшим у начала зарослей леса. Александр сел на переднее сидение БМВ Андрея, а тот в свою очередь бросил на меня последний, наполненный обидой и ненавистью взгляд. Улыбнувшись, он наблюдал как я беспомощно оглядываюсь по сторонам, думая что же делать дальше.

Как ссутулился от холода и подвижными глазами осматриваю берег, в поисках чего-нибудь, способного заменить полотенце.

– Удачной тебе дороги домой, братишка – улыбнулся он

и захлопнул дверь своей машины, заводя мотор.

– Сука, почему твой брат не мог оказаться костлявым дрыщом или жирдяем с бильярдным шаром вместо живота? Какого хера у него такое красивое тело?! – разъярённо выкрикнул Александр как только машина тронулась.

– Этот гадёныш всё лето тренировался с отцом – обиженно заметил Андрей, следя за тёмной лесной дорогой освещаемой тусклыми фарами – Было бы унизительнее, если бы мы заставили ходить по городу голым тощего дрыща.

– И не говори

– Знаешь о чём я подумал? – притормозив испуганно заметил Андрей.

– Ну?

– Мы оставили его одного посреди леса, по которому, возможно, ходит маньяк. Идеальная обстановка для убийства.

Я растерянно шёл по тёмному лесу, пытаясь ориентироваться по следам машин ребят, что уехали оставив меня одного посреди ночного леса. Коловшись о каждую кочку и вонзав в пятки миллионы заноз за каждый шаг, я испытывал море дискомфорта и неприятных ощущений. Трясся от холода как маленький котёнок, вышвырнутый в холодную воду. В лицо дул неприятный ветер, из-за которого тело то и дело покрывалось мурашками. Вокруг одни высокие сосны, и ни звука, ни света, ничего что может напомнить о цивилизации. Неприятное ощущение: я в одних плавках иду по

жуткому ночному лесу.

Даже отбросив море дискомфорта, полностью меня сковавшего, я чувствовал ужасный страх. Где-то рядом мог находиться жестокий убийца, убивавший детей города на протяжении многих лет, и личность которого до сих пор никто не знает.

Может быть я стану ещё одним жестоко убитым ребёнком, имя которого даже не войдёт в историю. Все в этом городе странным образом будут скрывать что когда-то, одного мальчишку Влада, когда он шёл по лесу в одних плавках, ритуально сожгли или может быть, вспороли живот.

А ещё, я до сих пор не понимал, что же нашло на моего брата? Зачем он это сделал? Что им руководило? Проведя столько времени со мной вместе, неужели он решился на такой отчаянный шаг? Теперь я понял, что всё сказанное в этом городе за него было чистой правдой. Настоящий мудак, черпающий удовольствие из унижений. Даже унижение двоюродного брата ему доставили тонну наслаждения. Это было видно по его горящим глазам и довольной улыбке. Стоя на берегу, при этом играя на толпу, он готов был утопить меня там, в холодной воде. А ещё две недели назад он встречал меня в школе с распростёртыми объятиями крича «Братишка! Наконец ты приехал!»

Господи, я думал этого не произойдёт. Наконец перед собой я увидел тусклый свет фонаря и какие-то частные сектора. Признаки цивилизации. Этот проклятый лес закончился,

а самое главное, я вышел оттуда цел и невредим. Ну как сказать, цел. Я не чувствовал ног, в которые вонзились тысячи заноз и обцарапанные миллионами острых веток.

Я хотел побыстрее найти дорогу домой. Мне даже плевать на стыд, который я ощущал идя по улицам города в одних лишь плавках. Благо, сейчас никого не было. На улице стояла глубокая ночь и дороги практически пустые. Даже от некого позвонить. Некого попросить о помощи. Всё будто вымерло.

Содрогаясь от холода я продолжал идти по дороге, которую окружили нескончаемые частные сектора. Просто шёл вперёд, надеясь куда-то прийди.

Вдалеке я услышал глухой скрип качелей. В десяти метрах от меня, на детских качелях сидели две девочки с моей школы. В руках – стеклянные бутылки пива со сладковатыми добавками. У одной – мята, у другой – малина.

Те самые пошлые алкоголички, чьи длинные ночи проходили на безлюдных детских площадках в компании приторных алкогольных напитков.

– Вау, какие люди! – крикнула одна из них после чего расхохоталась – Тот самый Влад разгуливает по городу в одних лишь плавках – она машинально достала телефон и начала снимать как я дрожа от холода босиком иду по асфальту.

– А он секси – тихо подметила её подруга сидевшая справа – Я бы с ним…

– Эмма, ты чего? – засмущавшись подруга пнула Эмму локтем, продолжав снимать меня. Я понял что от них, ско-

рее всего, никакой помощи ждать не стоит, и пошёл дальше по дороге, оставив двух девчонок одних ночью кататься на качелях.

– Я сейчас отправлю это во все школьные группы – закончив съемку заявила одна из девчонок.

– Ты видела это, у него все восемь кубиков на месте. А я даже и не понимала, чего его все так обсуждают – вздохнула Эмма, которой явно чего-то не хватало в этой жизни.

– Сейчас он, наверное, замёрзший лазит по улицам города в одних плавках – с жалостью сказал Андрей – Заработает простуду. Что его родители подумают обо мне? – закрывая деревянную дверь в комнату он плюхнулся в кровать, уткнувшись лицом в подушку. День выдался весьма тяжёлый.

– Эй, мы же всё продумали, забыл? – подбадривал Андрея Александр, зашедший следом – И ты неправильно говоришь. Надо так: «Наконец он подумает над своим поведением, лазя по городу в одних плавках, и больше не будет переходить мне дорогу» – по-другому зазвучало, согласись?

Андрей устало вздохнул, взяв телефон в руки. По количеству белоснежных уведомлений на экране блокировки он увидел, какое оживление произошло в школьной беседе вайбер.

Но ведь видео с издевательствами над Владом ещё не слито?

Видимо, никто не спал, все обсуждали слухи о гениальном злом розыгрыше Андрея и 100 % смеялись над жалким и мокрым пареньком.

Одна из пошлых алкоголичек скинула видео уверенно шагающего по ночным улицам Влада в одних белых плавках.

«Ну сейчас начнётся» – улыбнувшись подумал Андрей.

«А он ничё так» – писали внизу под видео.

«Восемь кубиков, я посчитала, девочки»

«Больше чем у Андрея, у него уже живот знатно заплывать начал»

– Твою мать! – обиженно крикнул Андрей и пощупал живот – Ни черта подобного!

– С кем ты говоришь? – удивился Александр.

– Да так, просто сам с собой – дрожащими от злости руками он открыл школьное подслушано, чтобы посмотреть на топ-5 самых популярных в школе.

Посмотрев на жизненно важный список, Андрей резко откинул телефон и стал реже дышать. Ему хотелось орать, рвать на себе волосы и пищать как истеричная тринадцатилетняя девчонка. Но в силу образа он, понятное дело, не мог.

На первом месте, сместив его самого, находился Влад. Тот самый человек, который должен был вылететь нахрен из топа после жестокого прикола.

– Сука! – истерично крикнул он – Что мы наделали?

– Что случилось? – испугавшись вскочил с кровати Александр.

– Посмотри на это! – Андрей сунул ему телефон под носи– Этот чмошник на первом месте!

– И что? – равнодушно кинул Саша

– И что?! Ты наверное издеваешься?!? Главной нашей целью было то, чтобы все перестали обсуждать униженного несчастного парнишку, а мы ему просто сделали бесплатную рекламу.

Андрей разочаровано плюхнулся на кровать. Его план полностью провален. Потерпел фиаско. Пошёл в обратную сторону. Ну что ж, теперь рассказчик этой истории становится самым популярным мальчиком школы. А заодно, и во всём городе. Моя ночная прогулка сделала мне отличную рекламу. Кстати говоря о ней, кто-нибудь знает где я нахожусь?

Наконец я увидел впереди знакомое место. Посадка, через которую я ехал в центр из своего дома. Судя по всему, я вышел на правильный путь. Ещё полчаса мучительной ходьбы по неприятному царапающему ноги асфальту и я буду согреваться под тёплой струёй душа дома, смою с себя всю странность и унизительность этого дня.

Зайдя в тёмную посадку, насквозь пронизанная неширокой автомобильной дорогой, я сразу же проникся чувством, что немедля хочу выйти отсюда. Парню, который вырос на отборных культовых ужастиках и при этом подпортил психику видом трупов своих ровесников будет достаточно неуютно одному в ночном городе.

Удручающая тишина: вокруг ни единого звука, город пол-

ностью погрузился в сон. Я один ходил по этим улицам холерически осматриваясь по сторонам: вечно казалось что сзади меня всё время кто-то шёл. Но разворачиваясь назад я чувствовал себя параноиком: ни человека, ни машины, ни какого-нибудь бездомного кота. Все уже давно спали или сидели дома, включая людей, провернувших со мной невероятно злую шутку. Я поймал себя на мысли что идя голым по ночному городу, с каждым шагом проникаюсь всё большей и большей ненавистью к брату. Если он захотел играть погрязному, значит второй уровень игры ждать себя не заставит.

Вдруг, кромешную тишину тёмной посадки нарушило еле слышное журчание мотора. Сначала я не понял, радоваться или нет. Попросить подвести меня домой, или же не рисковать, ведь за рулём может оказаться настоящий серийный убийца.

«Ooh, baby, do you know what that's worth?-
Ooh heaven is a place on earth»

Я вздрогнул от неожиданности, ведь тихое звучание заводящегося мотора сменила резко заигравшая песня восьмидесятых. Казалось, она звучала везде и отбивалась эхом по всему парку. Испугавшись, я оглядывался по сторонам, пытаясь понять откуда доносится звук.

Источник звука становился всё ближе и ближе. Идя по узкой односторонней дороге, которую со всех сторон окружали высокие деревья, я, казалось, чувствовал эту песню везде

вокруг. Она окружила меня со всех сторон.

Сзади себя я отчётливо во второй раз услышал громкий звук заводящихся моторов. Обернувшись, на другом конце посадки увидел старый раритетный мустанг белого цвета. Я не мог осмотреть водителя, его силуэт покрыт всепоглощающим мраком ночи. Я чувствовал как он не отводя взгляда смотрит на меня, заводя старую рухлядь.

Музыка играла именно с этой машины. Водитель включил яркие фары, резко ослепив мои глаза, привыкшие к тьме ночи. Они светили на меня, в то время как машина и не собиралась двигаться с места.

Я и не знал что делать. Это была чересчур странная ситуация, от которой моему околевшему телу стало ещё холоднее.

Внезапно машина тронулась с места и на полной скорости полетела ко мне. Казалось, она подбиралась ближе со скоростью света: всё быстрее и быстрее, летя на полном ходу.

Я понял что пора делать ноги, и приняв абсолютно глупое решение убегать от быстрого мустанга, со всей скоростью что только была в моих побежал в противоположную сторону.

Тьму посадки, к несчастью для меня, наконец развеяли фары загадочного автомобиля. Стирая ноги в кровь, пробегая босиком по твёрдому асфальту я принял решение разрушить глупые клише стандартных ужастиков, резко сбежав с дороги и увернувшись от машины.

И почему никто так не делает? Всегда, смотря фильм, в

котором кто-то убегает от быстро движущегося объекта, я замечаю что никто не догадывается уйти в сторону. Сейчас, я прочувствовал эту ситуацию на себе сполна. Когда на тебя движется на полной скорости загадочная машина, ты не в силах думать просто пытаешься убежать от неё. Мысль о том, что это абсолютно глупый способ спастись приходит в самую последнюю очередь.

И вот только тогда, когда эта гениальная мысль пришла в голову, я решил отпрыгнуть в сторону, скатившись голой спиной по щедро усеянной острыми шишками зелёной траве.

Я еле успел увернуться от авто. Ещё бы секунда, и моё тело соплёй размазалось по его белоснежного капоту, окропив в цвет крови серебряную лошадь, украшающую переднюю часть машины.

Мне было глубоко наплевать на то, что миллионы неопознанных объектов вонзились мне в кожу, и что сейчас я лежу на мерзкой на ощупь сырой проседающей под моим весом земле.

Кажется, я сумел отвязаться от странного автомобиля. Моё сердце бешено колотилось. Переводя дыхание, я встал, осматриваясь по сторонам. Я пытался достать вонзившуюся мне в тело маленькую шишечку, которая создавала дискомфорта как огромная острая игла.

«Ooh, baby, do you know what that's worth?-
Ooh heaven is a place on earth»

Музыка резко заиграла опять, становясь всё ближе и ближе. Автомобиль давал заднюю, подъезжая к месту, где я скатился и затерялся во тьме зарослей. Я увидел его очертания, белый цвет багажника и злосчастную лошадь, свидетельствующую о марке авто. Наконец, дверь открылась, и из автомобиля уверенно вышел мужчина, скрывший лицо под белой венецианской маской чумного доктора. Моё сердце ещё больше чем раньше ушло в пятки. Казалось, сейчас у меня начнётся очередная паническая атака.

Время очевидных очевидностей от вашего «короля крика»: в такой ситуации нельзя давать панике овладеть действиями. Нужно рассуждать трезво и здраво. Запомнили?

Мужчина в тёмном спортивном костюме достал нож, помахав им мне.

Победив страх и судорожно трусившиеся ноги, я принялся убегать вглубь леса, пытаясь не отходить от дороги. Мои самые страшные ожидания оправдались: сейчас я был один на один со своим страхом, абсолютно голый, в буквальном смысле, и беспомощный. Я не знал что делать: салют, родная безысходность. Мне оставалось лишь убегать от вооружённого незнакомца, молясь что какая-нибудь машина проедет по дороге и поможет.

Хоть и надежды эти абсолютно беспочвенны. По этим узеньким, окружённым обильной зеленью дорогам не ездят машины даже при свете солнца. Ночью из живых существ тут остались лишь я, незнакомец в жуткой маске с явно недоб-

рыми намерениями и десяток жужжащих сверчков.

Незнакомец, сорвавшись с места, побежал за мной. Я не оглядывался назад но слышал как старательно он пытался меня догнать. Знаете ли, я тоже не самый слабый хиляк на этой планете: все прыжки на скакалке, игру в баскетбол и подкачку ног я сейчас перенёс на критическую ситуацию. Казалось, мне ничего не мешало оторваться от сумасшедшего психопата. Оглядываюсь назад и вижу растерянную тень, ещё парочка шагов и я окончательно оторвусь.

Как в итоге оказалось – не оторвусь. Острая и невероятно толстая иголка странного происхождения вонзилась в ногу, мешая бежать с былой скоростью. Каждый шаг отбивался болью по всему телу. Обернувшись назад, я с ужасом заметил как «чумной доктор» готовиться нанести первый удар. В бледной ладони блеснуло лезвие ножа. Навалившись на меня, он резко попытался ударить остриём мне в живот. Я ловко увернулся, резво отбежав вправо. Но незнакомец не останавливался: он с невероятной яростью стал хлыстать ножом в разные стороны, не попав в меня ни разу.

Это самое настоящее чудо.

Пересилив боль в ноге я уворачивался от острого кухонного ножа. Он в последний раз пролетел мимо щеки, практически затронув её. Еще каких-то пару сантиметров, и моя щека была бы пробита насквозь, а лицо навсегда изуродованно.

Вдруг, перед глазами пронеслось настоящее дежавю. Тот

момент, когда я упав с сосны увидел людей в мантиях, держащих факелы. Посредине стоял жуткий старик с жутким лицом, державший в руках именно этот окровавленный кухонный нож. Сомнений не было, передо мной стоял тот самый убийца, так давно терроризирующий город. И я столкнулся с ним совершенно один в диком танце ужаса. Уворачиваясь от его ножа я поражался своей ловкости, когда не хотел чтобы мой живот проткнули остро наточенным ножом.

Маньяк в маске чумного доктора прижал меня к толстому дубу, практически касаясь острым носиком маски к моему лицу. Взмахнув ножом, он чётко попал в левое плечо, забрызгав моей же кровью свою белоснежную маску.

Как бы вам объяснить, какую боль я тогда почувствовал? Я чётко ощущал как острый грязный нож вонзается глубже в тело. Ощущал как мои туго затянутые нервы рвутся на части. Ощущал, как моя кровь стекает по телу. Это была адская боль. Самая ужасная из всех что мне удавалось пережить в жизни.

Но знаете, что затмевало эту боль? Чувство, что вот и пришёл твой конец. Как я и предвидел. Вот и всё. Моей небольшой шестнадцатилетней жизни решено оборваться прямо сейчас, когда я только вошёл во вкус. Причём таким ужасным образом: моё окровавленное тело найдут посреди непроглядной посадки, и долго будут гадать, почему же я в плавках. Хорошо хоть подкачался за лето. Не так стыдно погибать в одних лишь труханах. А знаете благодаря кому

произойдёт моя смерть? Благодаря моему братику-мудаку, и его эго вечно ищущему способы самоутвердиться, я разгуливал один, голый по ночному городу практически крича: «Маньяк, смотри какая я лёгкая добыча! Вонзи мне нож в левое плечо, ведь я иду абсолютно один, в городе все спят и это просто ИДЕАЛЬНЫЙ МОМЕНТ ДЛЯ УБИЙСТВА!». Но что-то не давало мне покоя. Будто тот, кто скрывал свою личность за маской и сейчас обхватил мою шею руками, прижав голой спиной к неприятной жёсткой сосне, хотел давно специально убить меня. «Молись, чтобы тебе не вонзили нож в живот в ближайшее время» – вспомнил я слова Майкла за сегодняшним обедом и тут сразу же опомнился. Еле дыша от того, что руки маньяка всё крепче и крепче стискивают горло, я заглянул в глаза незнакомца, которые было видно сквозь дырки в маске. Бездумные и отстранённые глаза, как у наркомана, раздражавшие меня каждый раз, когда я их вижу. Опустив глаза вниз, я увидел знакомые стёртые убитые в хлам кеды. Передо мной стоял никто другой, как Майкл. Тот самый человек, которого этим утром я обвинил, видимо безошибочно, в двух убийствах. Сейчас он жаждал только одного: мести. Он без единой капли жалости размахивал ножом, желая покромсать меня на куски. Но сейчас что-то его остановило. Он всматривался в моё лицо, готовясь сделать последний фатальный удар.

– Я тебя узнал, тварина – сквозь невероятную боль проговорил я – Привет, Майкл.

Державший нож перед лицом психопат оцепенел, шокировано смотря на меня. И тут я понял, что пора во второй раз за этот вечер разрушить клише стереотипных ужастиков: и почему никто не пытается дать отпор маньякам, когда они приблизительно одной весовой категории с тобой?

Я резко дал коленом ноги по животу психа. Из его уст вырвались стоны боли, и он схватившись за него отошёл назад. Наконец у меня был шанс. Я, не в силах двигать адски болящей рукой, ударил своей разболевшейся ногой по лицу выродка. С невероятной агрессией я продолжил лупить его ногами, пока он пытался сориентироваться и дать мне отпор.

– Ну всё гандон, ты меня достал! – услышал я агрессивный голос Майкла, долетавший до меня сквозь тяжёлую деревянную маску. Постанывая от боли, он поднял нож над головой и готов был пробить им мой череп насквозь.

На Майкла в чёрном спортивном костюме и белой маске навалился другой знакомый мне тёмный силуэт в маске улыбающейся старухи, сбив его с ног. Леди V. Она что, пыталась меня защищать? – с ужасом подумал я – Или забрать жертву Майкла себе? Она отважно избивала «Чумного Доктора», который выронил нож, дав ему упасть на холодную землю.

Размышлять что делать дальше времени не оставалось. Мне нельзя никому доверять. Я побежал в сторону дороги со всей скоростью, на какую у меня хватило сил. Пробегая сквозь высокие сосны и широкие дубы, оставляя за собой пару персон «инкогнито», с агрессией дубасящих друг дру-

га. Да уж, на моих глазах только что развернулся кроссовер мощнее чем «Фреди против Джейсона».

Выбежав на асфальт и пробежав мимо клятого белого мустанга я не поверил своим глазам: ко мне навстречу ехала машина, и я, уже заранее похоронивши себя, обрадовался ей как подарку с небес. Изо всех сил, истекая кровью, я стал махать правой целой рукой, умоляя чтоб они остановились и забрали меня. Хотя что там умолять, я поступил умнее: выбежав посреди дороги, я не оставлял выбора водителю – или сбить меня, или остановиться предоставив помощь.

Я представил, насколько странной и жуткой была эта ситуация взглядом водителя: оголённый, истекающий кровью подросток в час ночи посреди посадки выбежал на центр дороги.

Этот добрый человек остановился. И слава Богу, он оказался женщиной. Миловидная дама лет пятидесяти с яркими светлыми волосами вышла из небольшого жука «FIAT”, шокировано спросив:

– Господи, что с тобой случилось?

– Прошу вас, отвезите меня в скорую. Позвоните в полицию и моим родителям. На меня напал маньяк в маске – жалобно просил я.

– А почему ты голый? – осматривая меня с ног до головы спросила она.

– Серьёзно? Это первый вопрос что пришёл к вам на ум?

Глава 33 #мояленор

– Ай! – вскрикнул я от резкой боли. Когда острая игла прорывает кожу – ощущение не из приятных.

– Потерпи сынок – нежным голосом успокаивала меня медсестра – Расскажи какую-нибудь историю из своей жизни!

«О да – думал я про себя – У меня много увлекательных историй про свою жизнь. Вам какую? Про то как на меня напал маньяк в маске? Или нет, лучше про то, как я обнаружил ополовиненного баскетболиста повешенного на столбе!!! Нет-нет-нет, вам понравится та, где анонимная сумасшедшая хотела к чертям подорвать мой дом. А самая романтичная эта та, где я целую мёртвую девчонку»

– Я предпочту помолчать – вслух выразился я.

Я чувствовал как острая игла вонзает нить в кожу, сшивая глубочайший порез от кухонного ножа. Ночь адской боли продолжалась. И я даже не стеснялся демонстрировать боль через ахи и стоны боли, даже несмотря на то, что за дверью меня ждали целых четыре человека. Милая женщина, которая отвезла меня в больницу на своём тесном жуке. Надеюсь она сможет простить меня за то, что я залил её кожаный салон своей кровью. Родители, которые в полном ступоре от этой ночки ожидали за дверью и благодарили Бога за то что я жив. Мама скрипела зубами на Андрея, благодаря которому я остался голый посреди ночного леса. Скорее всего, прямо

завтра она с ним «разберётся» в своих лучших традициях. И я не буду её останавливать, как раньше. Мой свихнувшийся брат должен был получить по заслугам.

Также, прижав колени к груди и дрожа от ужаса, меня ждала Ева, сидевшая на стуле в белом стерильном коридоре, нервно ковыряя пальцем дырки в синих бахилах. В лучших традициях, она узнала об происшедшем от Алисы ровно в двенадцать часов ночи, читая эссе Оруэлла. В свою очередь, Алисе подруга с танцев написала, что ей написала подруга с дополнительных занятий йоги, которой рассказал друг с химии, которому написал староста класса, который узнал от одного девятиклассника что тому в беседу в What's App сбросили видео со мной, где я был показан гуляющим по городу в одних плавках.

Ева ещё тогда сильно напрягалась.

А потом мама поведала ужаснейшую вещь – на Влада начал маньяк. Это известие заставило её, отложив зачитанную книгу, отправится в больницу, несмотря на все отговорки матери.

Ну а я, истекавшая кровью несчастная жертва, собрал сегодня кучу внимания: начиная от полисменов и заканчивая фоловерами из инстаграм, узнавшими о трагедии. И откуда незнакомые люди из сети так быстро всё узнают? Невероятное количество лицемерных жалобных сообщений завалило Директ. Одна ненормальная даже отметила меня в истории, выставив бумеранг, где она корчит расстроенную рожи-

цу, подписав «Тоскую по Владу» и приправив всё миллионом грустных смайликов.

Ну а мне интересно как отреагирует Андрей, узнав что из-за его жестокой шутки на меня напал маньяк, засунув нож глубоко в плечо? Может быть ему хоть чуть-чуть станет жаль? Вряд ли. У этой скотины, скорее всего, нет чувств.

Да уж, можно было предвидеть, что все мои злоключения в этом городе закончатся ночкой в больнице.

Наконец, полчаса адски больного и медлительного зашивания закончились. Милая молодая медсестра повезла меня на кровати на колёсиках в дом на эту ночь: чистую белоснежную палату, которая своими белыми стенами напоминала комнату в сумасшедшим доме. Может быть я вообще схожу с ума и родители решили запереть меня вместе с остальными психами города? А что, это был бы достаточно логичный и обоснованный сюжетный поворот.

Хоть и немного избитый.

Как ещё объяснить всё то, что произошло со мной за последние дни?

Тьма. Я одиноко лежал на не сильно удобной, зато чистой больничной кровати и не в силах заснуть всматривался в тьму. Бессонница – одна из самых грустных вещей в мире. Неприятно, когда ты накрывшись воздушным одеялом пытаешься заснуть, оставив этот день со всеми его неприятными моментами позади. Но не тут то было: тебя охватывает

вихрь мыслей, и обдумывая каждую долбанную реплику своего ужасного дня лежишь пяля в потолок. Поверьте, я был настоящий спец в этом чувстве.

На часах четыре ночи. На третьем этаже больницы, где я лежал, никого. Абсолютная тишина. Одиночество – вот ещё одно чувство, упавшее мне на душу. Я настоял на том чтобы родители пошли ночевать домой, оставив меня одного. И кажется, совершил ошибку.

В коридоре прозвучал еле слышный шорох. Кто-то шёл в мою палату.

Сжав одеяло покрепче в руках, я напряжённо смотрел в темноту, из которой вот-вот должен был кто-то выйти. Может быть за мной пришёл Майкл, не успевший добить меня ранее? Сейчас он зайдёт в палату и задушит меня подушкой. А потом местная полиция скажет что это был несчастный случай. В самых своих лучших традициях. Сто процентов это был он.

Знаете что самое безумное? Я пытался убедить копов что Майкл убийца и настаивал на том, что ему пора сесть своей наркоманской жопой на электрический стул или хотя бы попасть за решётку. Но не тут то было. Его даже и не задержали. Сейчас он спокойно разгуливал по улицам города.

Из тьмы показался, слава Богу, не Майкл. Знакомая беловолосая девчонка, жизнь которой ещё в прошлом столетии унесло пламя. Её я точно запомню на всю жизнь. Она была первым, и надеюсь, последним мертвецом который меня по-

целовал.

Сейчас она мило облокотилась на дверь палаты, осматривая моё жалкое состояние.

– Ну что, Владик, и ты попал под нож местного психопата? – посмотрев на ногти произнесла она – Я, конечно же, мечтала бы провести вечность в этом клятом парке с таким красавчиком как ты, но сегодня я знатно болела за то, чтобы ты остался в живых.

– Спасибо, наверное – неуверенно поблагодарил я.

– А ты у нас тот ещё малый, не пальцем деланный – харизматичного улыбнулась она, закусывая нижнюю губу – Ох, как ты его отчаянно дубасил: правой, левой… – она махала тощими бледными кулачками в разные стороны, кривляя меня.

– Умоляю тебя, не кроши здесь своими трупными червями – саркастично попросил я – Они, конечно, милашки, но у меня для них нет настроения.

– Ха-ха-ха. – недовольно посмеялась блондинка

– Скажи мне, загадочная мёртвая блондинка, как тебя зовут?

– Можешь называть меня Шерон Стоун – шепнула она, поставив перед собой стул и повторила знаменитую позу актрисы из фильма «Основной инстинкт», раздвинув ноги.

– Серьёзно, мне нужно знать имя незнакомки с которой я целовался.

– Ладно, Альбина. Меня зовут Альбина – призналась на-

конец она – Доволен? И кстати говоря, поцелуй с тобой был лучшим в моей жизни. Точнее, жизни и смерти. Короче, ты понял.

– Зачем ты флиртуешь со мной? – сразу же задал я ей второй вопрос.

– Да ладно тебе, неужели маленькая мёртвая семидесятивосьмилетняя девочка не может влюбиться в новенького красавчика?

Я посмотрел в окно, в ночную тьму. Сейчас я разговариваю с мёртвой. По телу вновь проскользнула дрожь.

– Ты продвинулся, узнал кто убийца? – Альбина резко сменила тон на более серьёзный.

– Узнал – Майкл. Местный скваттер-наркоман. Мне жаль, но скорее всего он не тот, кто убил тебя.

– Почему? – расстроено спросила она

– Потому что ему двадцать. Если бы он был тем, кто кровожадно отобрал твою жизнь, то сейчас он был бы старым сморщенным беспомощным стариком. И кстати говоря, сейчас он спокойно разгуливает по городским улицам.

– Покажи мне его фото.

– Откуда у меня может быть его фото?

– Влад, пожалуйста, не делай из меня дурочку. Хоть мне и восемьдесят пять, но я навсегда подросток. А значит я прекрасно знаю о том, что сейчас эра Фейсбука и Инстаграма. Найди его там!

– Какое продвинутое привидение – хмыкнул я, взяв в ру-

ки смартфон и открыв Инстаграм. Кстати говоря, о смартфоне: мой братец оказался не настолько гандонистым гандоном, чтобы сжечь телефон вместе с джинсами. Он любезно доставил его к порогу моего дома, к экрану приклеив записку: «Поделись в твиттере эмоциями после этой ночи!» Плюс сто очков к агрессии моей мамы.

Майкл оказался в рекомендациях. Зайдя на страничку @lil_maykl я открыл одну из его бездарных стрёмных фото, где он безуспешно копирует любого рэпера Новой Школы, высовывая ужасный шершавый язык, по которому явно можно было понять плачевное состояние его печени, и тыча фак в камеру.

Я бы выбрал и другое фото, где его лицо было видно лучше, но в его профиле оказалось всего три поста. Ох уж эти грёбаные тренды.

Я передал телефон Альбине, которая подошла ко мне и наклонилась, спустив волнистые волосы на моё лицо. В нос ударил аромат сырой земли.

«А что если из них сейчас вылезут трупные черви?» – панически задумался я. Похоже, меня сейчас вырвет.

– О мой Бог, я его знаю – с шоком на лице отметила Альбина – Я его видела в 1959 году. По-моему незадолго до моей смерти. Да, это точно он.

Я озадаченно переспросил Альбину:

– Погоди, ты уверенна что это он? Может быть, ты перепутала Майкла с его родственником? Не может же он быть

вечно молодым?

– Чувак, перед тобой сидит чёртово приведение, а ты ещё чему-то удивляешься? – Альбина повернула голову и мечтательно посмотрела в окно, вспоминая что-то – Помню как сейчас. Лето тысяча девятьсот пятьдесят девятого. Наш местный чёрно-белый кинотеатр. Сеанс на «Носферату. Симфония ужаса» – мечтательный голосок Альбины сменился визгливым громким криком – Как сейчас помню как напугал меня этот конченный фильм! Первый ужастик в моей жизни. – милый тонкий голосок вернулся на своё место – И рядом сидел он. Популярный среди девиц моей школы блондин Миша. Увидев как я содрогаюсь от страха, он ласково взял мою руку. А после фильма мы провели самую запоминающуюся ночь в моей жизни. Если не считать ночи когда меня спалили заживо… Или когда я побывала на своих похоронах…

– То есть ты хочешь мне сказать, что местный наркоман – основатель притона прикрывающегося под красивым названием «сквот», типа бессмертный?

– Боже, разбирайся сам. Моё дело сказать тебе, что в 1959 году я видела этого же человека, причём в таком же возрасте. Думай что хочешь.

О Господи, что же за треш творится в этом городишке? Может быть я и правда схожу с ума? К призракам, убийствам и шантажу в школе прибавилась самая настоящая вечная молодость. Ещё одна необъяснимая загадка в моём длиннющем

списке необъяснимых загадок.

– Настоящий маньяк всунул нож в плечо Влада, алло! Ты хоть представляешь что теперь с нами будет? – панически спросил Андрей у своего соседа по столику в столовой.

– Не паникуй – спокойно ответил Александр, подправляя густую рыжую шевелюру. Смотря на Сашу Андрей хотел вцепится в его волосы и собственноручно повырывать каждый. Скорее всего, это чувство называется зависть. Первый раз за свою жизнь Андрей испытывал зависть к какому-то рыжему сыну работника завода, и его это серьёзно удручало. Вообще, его жизнь последнее время уверенно разваливалась, каждым своим падающим куском бив по его лысой голове. Будто красивый и пафосный Титаник, на котором жизнь напоминала яркий и беззаботный праздник, шёл ко дну, с каждый днём запуская вовнутрь тонны ледяной бушующей воды. Последним ударом для Андрея стал внезапный уход мамы. Человека, который любил его всю жизнь беззаветной любовью и который в один миг полностью поглотился не описываемой обидой. И за что? За то, что он хотел сохранить брак родителей? Может быть, на его месте так поступил бы каждый подросток.

Но сейчас, времени оправдываться перед мамой уже не было. Сейчас, она сидела где-то в столичном Дюти-Фри, попивая дорогой виски и ожидая вылета на Милан. Это можно было понять по нескончаемым сообщением на телефон

отца. -3000$, -5000$… Сначала она будет снимать стресс в лучших бутиках «via de Napoleone”, затем поедет в сторону Неаполя и пересядет на яхту, на которой поплывёт на Капри и там будет размышлять о смысле жизни. Такова она, печальная судьба жён владельцев крупных заводов.

И сколько бы Андрей не набирал, сколько бы не писал и не слал дурацких стикеров в Вайбере, ни на что Надин не ответила. Видимо, это был закат его сыновних отношений.

– А знаешь, что самое ужасное – подумав раздражённо выпалил Андрей – Что после того, как на тебя нападёт маньяк, твоя популярность 100% взлетит со скоростью гибрида формулы 1. Это закон. Причём неважно, останешься ты живым или мёртвым.

– Так может быть нам тоже нужно чтобы нас полоснул ножом маньяк? – в шутку спросил Александр

– Твою мать!– удивлённо крикнул Андрей, увидев меня на входе столовой – Какого хрена он выглядит так круто после вчерашнего?

Сегодня в мои планы входило появиться в школе максимально ярко. «Ты мозолишь всем глаза» – вспомнил я агрессивную реплику своего двоюрода, после чего он безжалостно выкинул мою одежду в горящее пламя. А я не люблю придерживаться рекомендаций людей, которые оставили меня одного в ночном лесу на растерзание маньякам, знаете ли. Поэтому приехав домой пораньше после вполне серого и заурядного утра в больнице, я одел белую рубашку, расстегнув

две верхние пуговицы, тёмные джинсы, консервативные кожаные туфли и сделал кое-что со своей причёской, от чего я стал похож на студента-баскетболиста из Стэнфорда или серфингиста с пляжа Малибу. По отдельности звучит достаточно просто. Но в сумме с моей мрачной историей, случившейся этой ночью вышло то, что абсолютно каждый, кто сидел в столовой, устремил взор на меня. Даже устаревшие замкнутые готы оторвались от еды и занудных разговоров. О чудо! Игроманы с сальными головами оторвали красные уставшие глаза от телефонов, желая получше рассмотреть нашумевшую жертву. А это, знаете ли, дорогого стоит. Сегодня в планах у них было соревнование в мобильном «PUBG”.

Ну а я, высоко подняв голову уверенно шагал к центральному столику, за которым сидел шокированный Андрей с свисающими от бессонницы синяками под глазами и ненавидящий меня всей душой рыжий баскетболист Александр. Эти ребята обеспечили ночку, которую я никогда не забуду. Ну а моей целью стало обеспечить им незабываемый обед.

Подойдя к их круглому столу я ненавязчиво присел, не отпуская от себя взоры толпы.

– Я не вижу, где твой обсуждаемый всеми удар ножом? – равнодушно спросил Андрей.

– Оу, я его мастерски прикрыл рубашкой. Может быть это должно было прозвучать как «Мне жаль, что я тебя бросил одного на улице где бродит маньяк. Я и так самовлюблённый мудила но от этой выходки любой самовлюблённый мудила

по всему земному шару от Лос-Анджелеса до Токио пришёл бы в шок»?

– Что ты хотел? – холодно бросил Андрей, со скрежетом зуб наблюдая за тем, как вся школа обсуждает меня.

– Только лишь хотел предупредить: если ты захотел играть по-грязному, то мы и будем играть по-грязному – я взглянул на часы. Подаренные папой «Swatch”. Мало кто тут знает, но эти часики я ношу целую вечность. Других нет и пока не предвидится. Если кто-то из вас сможет убедить моего отца что «Apple Watch” – это круто, то я станцую для вас гавайский народный танец в юбке из пальмовых листьев. И кто меня тянет за язык? – И второй раунд начнётся через три… Два… – после моего отчёта Александр поднялся со своего места и схватился за живот. То что произошло дальше напомнило мне сцену в церкви в это воскресенье: из грязного рта рыжика отвратным фонтаном на лазурную плитку столовой школы полетела зелёная рвота. Вся школа с омерзением наблюдала за этой картиной.

– О Боже, что ты натворил? – испуганно спросил Андрей, встав из-за своего стола.

– Просто позаботился, чтобы ваш обед сегодня был с «изюминкой» – улыбнулся я, потрогав таблетки для быстрого вызова рвоты в заднем кармане. Да, я подмешал их этим двум гавнюкам в обеды. Это было, конечно, неблагородно и нечестно. Но бросьте, благородно ли заманивать брата в воду и сжигать его одежду?

– Какая же ты… – с ненавистью схватившись за живот шепнул Андрей

– … тварь? – закончил я – Спасибо, знаю.

Какого было моё удивление, когда изучав статью в гугле «30 действенных способов вызвать рвоту с помощью медицинских препаратов», среди фотографий я увидел знакомый препарат, явно хранившийся в нашей домашней аптечке. А ещё я удивился когда без особых усилий открыл шкафчики двух упырей и разыскал их царские «лЭнчи». Вот тебе ещё один минус, доказывающий что носить еду в школу из дома – отстой.

После моей дерзкой фразы Андрюша также как и его новый дружок обильно вырвал, не останавливаясь. Процесс этот явно не быстрый, фонтан исходил из его пасти где-то пол минуты. Зелёная густая жидкость лужей разливалась по лазурному кафелю.

Красота!

Оказывается, я умею мстить.

Даже боль раны на плече прошла от вида подобного зрелища.

– Боже как омерзительно!

– Андрей, стал такой мерзкий

– Я от него отпишусь в Инстаграме.

– После такого не смогу его нормально воспринимать.

Столовая заполнилась десятками реплик и фраз, все как одна выражающих нешуточное омерзение.

– Послушай, именно так выглядит минус десять мест в «Топе-5 самых популярных». Ведь из-за него ты так резко меня возненавидел?

Остановившись рыгать Андрей с Александром схватились за животы и снизу вверх смотрели на меня. Ну а я, развернувшись, гордо пошёл на выход из столовой.

Этот день все в школе запомнят как день, когда добрый и безобидный Влад умер вместе с кровавым ударом ножом в плечо, и появился тот, кто не жалеет никого на своём пути.

Та самая тьма, чёрная субстанция, мрачная жидкость, переполнила душу и полилась через верх. Город меня изменил, и теперь в игру вступает парень, чьё существование в недрах моей души нешуточно пугало старого Влада.

Второй я. Жестокий, расчётливый и злобный. Они захотели его видеть? Ну что же, они его получат.

– То есть ты уверен на все 100% что тебя пытался убить местный скваттер-наркоман, жалкое подобие Поста Малона или Джи Изи? – удивлённо смотрел на меня через монитор старенького мака Алексей – Вот что, а такого поворота в слэшерах я не видел.

– Потому что раньше Пост Малон ещё не начал карьеру – хмыкнул я – По нему даже видно что он отыгрывает роль планокура – оживлённо жестикулируя объяснял я другу.

Вечерок выдался достаточно обычным, сейчас для меня «обычность» – высшая награда небес. Сразу после школы,

идя домой я почувствовал невероятную боль в плече. Будто кто-то не останавливаясь бил меня током, отчего оно омерзительно вибрировало. Это было настолько неприятное ощущение, что я практически дополз до дома, плюхнувшись на кровать и по старому как свет обычаю набрал другу, смотревшему на мир сквозь толстенные очки сарказма:

–Можно я расскажу кое-что, что не могу доверить никому другому кроме тебя?

– Валяй

– Тут творится просто дикий паранормальный треш, в который я сам не могу толком поверить: первое– со мной уже несколько раз говорила мёртвая девочка, пытающаяся донести мне что я здесь чтобы остановить все эти убийства.

– Постой, где я такое видел? – напыщенно задумался Лёша – Точно, миллионы однотипных второсортных дерьмовых подростковых фильмецов про «избранных», которые созданы для того что бы повысить заниженную самооценку сентиментальных плаксивых малолеток

– Второе: тут живёт целая компания людей с необъяснимой силой.

– Тренировки – равнодушно бросил мой собеседник

– Да нет же, это не просто тренировки – громко перебил я – Один из них, лысый, взял подкаченного пацана в руку, и продолжая его держать забрался на высокий скользкий столб. И это не сказки или бредовые слухи, я видел это собственными глазами. Понимаешь?

Видя недоверие в глазах друга я без остановок затараторил, в красках описывая прошедшие недели. Трупные черви, выпавшие глаза, старуха-маньячка. Эта психотерапия мне была нужна. Алексей молча слушал, иногда кривясь, иногда хмуря брови, и когда я закончил хихикнув заключил:

– Судя по твоим историям ты там явно подсел на траву!

– Можно без шуток? Просто поверь мне!

– Только сначала пройди для меня тест на содержание алкоголя и наркотиков в крови – рассмеялся Лёша

– Да пошёл ты! – обиженно улыбнулся я.

– Ладно-ладно. Вообще, твои истории офигеть какие занимательные. Всю жизнь моей мечтой было оказаться в центре настоящего подросткового слэшера. Умирать вроде как не страшно, а отказаться в центре хоррор-муви– мечта. А тебя, засранца, просто перевезли туда и ты ещё ноешь.

– Мне кажется что тут живут бессмертные люди – быстро протараторил я.

– Что? – удивлённо переспросил Алексей.

– Мёртвая девочка сказала мне что тот, кто вчера пытался меня убить, на самом деле вечно молодой.

– И ты поверил незнакомой бабе из которой на твоих глазах вылезали трупные черви?

Я пожал плечами

– Теперь я точно уверен, что не в наркотиках дело. Ты просто сходишь с ума. – заключил диагноз мой лучший друг – Ты чересчур погружаешься в это паранормальное дерьмо

и в весь этот кровавый трэшняк. Вон даже, твоя Ева – погрузись в неё! Я даже её зафоловил в инста. Правда, теперь у меня вся лента забита её скетчами. Но потерпеть можно, ведь мордашка у неё симпотная.

– Я не могу отвлечься, когда буквально через день под мои ноги падают окровавленные трупы малолеток.

– С этим не поспоришь… – озадаченно кивнул головой Лёша.

Мама суетливо выбирала резиновые перчатки в магазине «Всё для дома», попутно не замолкая общаясь с продавщицей.

– Вот только посмотри, что эта домашняя робота сделала с моим маникюром – жалобно показала она слезающий с ногтей фиолетовый шилак – Я девушка явно не для дома – грустно констатировала мама, разглядывая моющие средства для полов.

После огромных столичных супермаркетов, в которых на полках аккуратно были выставлены тысячи разноцветных колбочек и бутылочек с моющими средствами, этот магазин казался ей сущей собачей конурой. Тут и пахло как в настоящей конуре: кормом смешанным со средствами от блох. А в последнее время ей было тяжело переносить неприятные запахи.

Вообще, начало этой недели выдалось достаточно странным для неё. Понедельник прошёл будто после дикой пьян-

ки: голова трещала по швам, в глазах мутнело и дико тошнило. Воскресный вечер с трупом и все произошедшие в этом городе ужасные события, казалось, случились в её чудном ночном кошмаре, и каждую минуту воспоминания смазывались всё больше и больше. «Просто плохое самочувствие – говорила себе она, успокаивая нервы – Я выпью валерьянки и всё пройдёт». Но на утро вторника всё осталось попрежнему. Дикая тошнота и непередаваемое ощущение того, что твоего вчерашнего дня и вовсе не было. Что же это могло быть?

– Мне кажется я подвешена сейчас над глубокой и тёмной бездной под названием кризис среднего возраста. От неё меня отделяет, кажется, всего шаг. Вся моя жизнь это нескончаемая рутина из мытья полов и грёбанной готовки, которую я активно начала ненавидеть. Но нужно никому ни за что не показывать свои чувства, понимаешь? Кто же я ещё, кроме как примерная мамаша любящая готовить и ухаживать за своей семьёй, да? – спросила она у засыпающей продавщицы-азиатки, которая изо всех сил пыталась делать вид что ей интересно – А ещё на моего сына напал маньяк. Настоящий блин маньяк в маске, засунув кухонный нож в плечо. И самое страшное, что я понимаю, что в этом городке и до этого творилась необъяснимая хрень. Но я будто её забываю. Она как песок в пустыне, медленно сдувается ветром. Я серьёзно! Помнится, мой Влад рассказывал как он увидел вырезки из газет, на которых чёрным по белому было написано за

многочисленные убийства детей здесь. И ощущая, как моя память буквально вылетает из головы, я понимаю чего вы все такие отстранённые.

– Вы вообще о чём? – будто проснулась азиатка

– Об убийствах, которые тут регулярно происходят.

– У нас не было никаких убийств. Я живу в этом городе пятнадцать лет, и все странности начались с аварии, в которой погибла несчастная девочка. Но всё образумится, наша власть поймает негодяя и мы заживём как раньше – улыбнулась продавщица.

– Мать моя, ты будто загипнотизирована, подруга – шокировано взглянула она на продавщицу, взяла кулёк с покупками и вышла на улицу.

– Всё образумится! – кривляла она азиатку, ища ключи от нашего старого пикапа в кармане чёрной кожаной сумки – Наша власть поймает негодяя! – ага, так поймала что моего сына вчера полоснул ножом неизвестный мудак – раздражённо разговаривала она сама с собой.

Наконец она вытащила ключи из узких джинс и готова была снять блокировку с автомобиля. Но из-за массивных бумажных пакетов скользкий брелок вылетел из её рук, полетев вниз и закатившись за машину.

– Вот блин – ещё больше разозлилась она, не зная что делать с набитыми доверху кульками. Она нелепо пыталась нагнутся и заглянуть под пикап, но ничего не выходило.

– Может быть вам помочь? – прозвучал тоненький де-

вичий голос. Мама обернулась, осмотрев загадочную незнакомку с волнистыми золотыми волосами. Альбина – маленькая мёртвая девочка, стояла перед ней и ослепительно улыбалась, пытаясь понравиться.

– Это было бы прекрасно, дорогая – мило улыбнулась мама и принялась наблюдать за тем, как ловко Альбина нырнула под чёрный массивный грузовик и довольная вынырнула со связкой ключей.

– Спасибо огромное! – подмигнула мама, забирая ключи у милой девчонки яркой внешности – Я тебя раньше не видела, ты давно тут живёшь?

– Поверьте, ещё как давно – рассмеялась незнакомка – Я Альбина – протянула она руку

– А я…

– Мама Влада – резко выпалила Альбина, не дав договорить и наблюдая за удивлённым взглядом собеседницы – Я подписана на Влада в инстаграме.

– А, вот оно что – доброжелательно взаимно ответила моя мама на рукопожатие Альбины, перехватив пакет и ловко освободив ладонь. Только лишь схватившись за руку девчонки она почувствовала невероятно жуткий холод, который будто перешёл на её тело и постепенно пронизывал каждую косточку, начиная от головы и заканчивая ногами. Она настолько была удивлена этим чувством, что долгое время не могла отпустить руку новой знакомой. И как может быть человек таким холодным?

Взглянув на её бледную руку мама резко почувствовала абсолютно противоположное ощущение: кисть начала быстро нагреваться, становясь всё теплее и теплее, пока и вовсе не стала горячей как разогретая плита.

– Ауч! – вскрикнула мама, отпустив руку блондинки.

Альбина удивлённо взглянула на свою ладонь, ощущав как медленно она начинает гореть изнутри. Ещё секунда – и ладонь моментально вспыхнула, охватив пламенем всю руку.

– Твою мать! – крикнула мама, выпустив из рук бумажные пакеты и спиной прижавшись к машине – Нужно звать на помощь? – спросила она у Альбины, по которой пламя постепенно расходилось охватывая всё тело.

– Нет-нет-нет – растеряно выкрикнула она, пытаясь сдержать крики боли – Не зовите. Я сама справлюсь.

Девчонка быстро отбежала, выбежав с парковки и забежав за угол магазина. Она наблюдала за тем как пламя покрыло всё её тело и ощущала эти ужасные чувства сполна, как и ощущала в 1959 году, когда её жизнь трагически унёс огнонь, оставив от тела лишь обугленные кости.

Моя мама не веря глазам схватилась за голову, пытаясь не упасть в обморок. Она быстро открыла дверь машины и села на передние сидение, оперевшись локтями об руль:

– Этого не может быть… не может быть… – плача произносила она себе под нос.

Облокотившись об стенку Альбина завопила. Эти ужасные ощущения она чувствовала и раньше на протяжении ше-

стидесяти последних лет, но каждый раз был как первый. Она заживо сгорала, и чувствовала как пламя пронизывает каждую частичку тела. Невыносимый жар, страх и ужас постоянно сопровождали её на протяжении всей загробной жизни. Когда это закончится? За что ей послано такую кару? Как это прекратить? – вот вопросы, на которые она отчаянно искала ответы. И возможным решением загадки был смышлёный новым мальчик с умненькими глазами, который всем интересовался и умел влезть везде, куда его не просят. Не понятно почему она ощущала от этого парня такой свет, почему он дарил ей столько надежды. Но она верила. Верила, что он сможет.

– Господи, когда же ты меня отпустишь? – горев взглянула она на небо, продолжив орать наполненным ужасом и отчаянья криком.

Алина и Энджел безудержно смеялись, валяясь на просторной кровати в комнате Алины. День был по-настоящему чудесным, насколько только могла быть чудесной рядовая среда. Новоиспечённые подружки сбежали с пары геометрии, отправившись поесть бургеры в какой-то отбитой забегаловке, куда бы раньше Алина в жизни добровольно не зашла. Всегда судорожно следя за фигурой она не ела сытный жирный бургер приблизительно шесть лет. Но сейчас, ей хотелось делать всё то, перед чем она на долгие года поставила огромный красный знак «СТОП», ограничивая себя.

Она за обе щеки уплетала гигантскую телячью котлету, улыбаясь и смеясь будто это самый счастливый день в её жизни. И даже не понятно было, с чего он стал настолько идеальным. Она почувствовала лёгкость и спокойствие, будто все её захламлявшие голову проблемы наконец улетели куда-то далеко. Рядом с ней была она – резко ворвавшаяся в её жизнь яркая блондинка Энджел, которая смогла донести ей те самые мысли. Именно благодаря её суждениям все проблемы и оторвались от темноволосой головы Али. Она была весёлая, интересная, а главное прекрасно понимала то, что сейчас испытывает Алина. Когда-то её также предали, оставив абсолютно одну. Когда-то она чувствовала себя такой же разбитой и униженной. Когда-то она думала что её жизнь уверенно и быстро идёт ко дну. Но всё в один переломный момент изменилось.

– Человек инкогнито – рассказывала она – Я переписывалась с ним, и даже один раз почувствовала вкус его губ.

– И ты ни разу не увидела его лица? – интересовалась Алина.

– Нет.

– Ты хоть догадываешься кто-это?

– Даже и понятия не имею – улыбнулась Энджел, вспоминая как сидя у бассейна она обнимала приятно пахнущую незнакомку, после чего они страстно поцеловались в губы под песню Кети Пери. Эта незнакомка также резко ушла из её жизни как и пришла. Никаких известий, просто удручаю-

щая тишина…

И вот, наигрывая семпл новой песни на красно-чёрной бас-гитаре, Энджел почувствовала, что пустота в её душе, образовавшаяся с уходом человека которого она даже и не видела, наконец восполнилась. Это странное чувство, когда она хотела из-за всех сил отрицать то что чувствует, но не могла. Что-то, что не подвластно природе, что не должно быть так, тянуло её к своей новой подруге.

«Когда ты улыбнулся мне, увидев мои слёзы, я ответила
Что больше не поверю
Мы никогда не будем вместе
Или я просто лицемерю»

– Сабина такая дрянь – наблюдая за игрой Энджел высказалась Алина – Эта песня – стопроцентный хит!

– И таких хитов как этот в моей комнате десятки, небрежно записаных на клочках пожелтевшей бумаги и разбросанных везде – расстроено опустила глаза она, перебирая пальцами по струнам.

– Нет, серьёзно. Вчера, когда ты мне в кабинетно музыки прочитала тексты своих песен я задумалась о том, что в моей жизни ещё не всё потеряно. Они дают надежду и уверенность таким девчонкам как я, Эн. Потому что только такой человек как ты мог отобразить под музыку всю боль и обиду девушек, преданных парнями. Ведь ты чудесная.

– Мне приятно слышать это, Али.

– После того, как Андрей обо мне напрочь забыл, я поте-

ряла надежду что ещё смогу встретить чистого человека в этом мире, как ты – осматривая два милых хвостика на голове Энджел произнесла Алина – Всю свою жизнь я пыталась быть холодной, заносчивой и безразличной стервой, девушкой самого популярного парня, храня за этой пустой маской свою настоящую сущность.

– И чего же хочет твоя настоящая сущность? – спросила Энджел взглянув в наполненные неуверенностью глаза Алины. Прожигая её взглядом, она машинально приближалась всё ближе и ближе к покрытому язвами лицу подруги.

– Она хочет этого – быстро проронила Алина, после чего обхватив щёки своей новой подруги продолжительно поцеловала её, получая наслаждение от каждой секунды. Она не понимала что сейчас происходит с её телом, и осознач это она ужаснувшись отодвинулась от губ Энджел, которая удивлённо взглянув на неё произнесла:

– Что случилось?

– Это просто неправильно – растеряно прошептала Алина

– Ты считаешь что такая как ты не может по-настоящему влюбится в бас-гитаристку?

– Нет, просто…

– Признай это, Али, ты напугана. Ты боишься признать себе то, что ты на самом деле… – не договорила Энджел, дав закончить Алине

– Лесбиянка… – шокировано ответила она, в очередной раз поцеловав Энджел и плюхнувшись на кровать.

Сейчас она поняла, что хотела этого всю жизнь. Она всю жизнь осознавала, как её тянет к её же полу, но отрицала это. Сейчас, она решила просто отдаться своим эмоциям, доверяясь человеку которого она знала всего два дня, но который уже успел полностью изменить её жизнь.

Алина лёгким движением сняла с себя платье, оставив на своём теле один лишь лифчик и белые кружевные трусы. Её руки тряслись а сердце колотилось, но она не хотела останавливаться. Она не понимала что сейчас происходит. Даже в самых отбитых фантазиях и самых извращённых снах она никогда не видела себя с девушкой. Но сейчас, Али понимала что всю жизнь хотела только этого. Встретить девчонку, с которой ей будет по настоящему классно. С которой она забудет о эгоцентричном мудаке, изводящем её общением на протяжении года. Перед ней была она – девочка, о которой Алина даже не могла и думать, ведь только об одной мысли полового акта с девушкой ей становилось невероятно стыдно. Но это ощущение, когда с тобой происходит то, о чём ты не мечтала в самых странных фантазиях – бесценно. Мозг подсказывал что так быть не должно, типичная богатенькая тощая сучка не должна любить девочек. Но сердце кричало о том, что без этого ощущения её жизнь будет пустой. И спасибо Энджел, которая появилась в ней чтобы доказать это.

– Алина – шепнула Энджел, снимая чёрную кожаную накидку – Ты мне правда нравишься.

– Эн, будь уверенна, это определённо взаимно – улыбну-

лась Алина – И за что я тебе так быстро успела понравиться?

– Ты – настоящая леди-загадка. Всегда, видя тебя на вечеринках я думала что ты самая ужасная тварь которая только могла появиться на этот свет.

– Спасибо, очень милый комплимент – причмокнула Алина

– Но ты оказалась невероятно хрупкой и трогательной. У тебя такие же чувства как и у меня, мы думаем абсолютно также. Будто нас создавали специально друг для друга.

– Т-ш-ш – прислонила Алина указательный палец к устам подруги – Сейчас можно помолчать – после чего уверенно соприкоснулась губами с Энжл, начав поцелуй, который точно был самый лучший поцелуй за её обширную историю поцелуев. Ей нравилось целовать девчонку намного больше, чем парня. Мягкая кожа, такая приятная на ощупь. Густые ароматные волосы, которые нежно щекочут пальцы, ловко скользив по шее Энжл. Такие вкусные яркие губы малинового цвета. Такой приятный вкус рта, который она ощущала на своём языке. Она была идеальна. Девчонки будто созданы для того чтобы их любили. Алина сейчас понимала каждое слово этого предложения всеми частями тела. Каждая клеточка внутри неё наслаждалась и танцевала дикий лесбийский танец, моля о том, чтобы эта ночь не прекращалась.

Алина ласково вытерла поплывшую тушь с века блондинки, после чего обняла её и отправилась в мир своих самых постыдных и сокровенных фантазий.

Глава 34 #ктотам?

Этот вечер Макс проводил в абсолютном одиночестве. Выматывающая тренировка, обессиливающая подкачка выбила его, а результат в виде уже обыденной и каждодневной жгущей крепатуры, закрепило собой занятие в новом спортивном зале, который пришёл на замену старому. В той тесной серой коробке произошёл один им самых страшных кошмаров Максима – прямо на нём сидел огромный тарантул, ползя вверх и желая вонзить маленькие клыки в твёрдую, как камень, ляжку. После этого загадочного инцидента желание ходить в тот клятый зал напрочь отпало. А ещё больше появилось желание повырывать волосы у Леди V, а также найти старого школьного психолога, которому он доверил свою самую сокровенную тайну, и рассказать о обязанностях людей его профессии: держать всё в тайне. Но эта морщинистая трепуха, видимо, по «нелепой случайности» разболтала всё поехавшей маньячке, скрывающей личность под белой маской. Конечно, бывает.

Всё что хотелось Максу так это освежиться и смыть с себя противный пот покрывший тело. Он чувствовал себя жарящейся на барбекю свининой, из которой при любом малейшем прикасании выходили литры жира. И так было каждый раз после очередной сушки. То самое омерзительное чувство когда ты, буквально, ощущаешь как вся дрянь этого мира

липнет на твою кожу.

Надо смыть всё это. Расслабится. Секрет успеха Макса в его русле состоял в том, что он умел отдыхать после постоянного напряжения. Умел смывать с себя стресс. Хотя, это было достаточно просто когда на заднем дворе дома находится длинный бассейн с подсветкой.

Макс, раздеваясь на ходу, шёл по просторному заднему двору, не замечая вокруг милых садовых фонтанов, позолоченных ангелочков и прочей помпезной туфты, окружавшей его в саду. Он видел перед собой холодную воду, нырнув в которую он смоет весь стресс прошедшего дня. Сняв пропотевшую футболку и расстегнув ширинку на прилипавших к бёдрам узких шортах, он небрежно откинул одежду в сторону, на выстриженный зелёный газон. Взяв смартфон в руки он приказал Сири, которая на прямую была связана с программой «Умный дом»:

– Сири, поставить Релакс-плейлист

Сразу же заиграла уютная соул-музыка, громко раздающаяся по всему саду.

Идя домой после тренировки Макс переписывался с Андреем:

«Сраные пять мест в топе улетели посте того как я обрылаглся в столовой» – пришла очередная смс в iMessage.

“Если бы ты поступил со мной, как поступил с ним, я бы тебе повырывал твои волосы. Ой, прости, за меня это уже сделали» – приправив смеющимся смайликом сообщение он

отправил его другу.

Андрей в ответ отправил стикер с Карди Би «Фейспалм»

«Кроме того что ты зануда, ты ещё и безнадёжный шутник»

«Лол, а разве в шестнадцать лет не поздно отправлять стикеры? Я думал это удел двенадцатилеток»

«А разве в 2k18 не поздно писать «Лол»?»

«А что пишут в 2k18?”

“Хз. Но точно не «лол». А, погоди. Качки-спортсмены же отстают в развитии лет на пять, я забыл» – написал Андрей, в очередной раз закончив всё саркастичным смеющимся эмоджи

«Ненавижу тебя» – сухо отправил Макс, после чего выслал GIF с злой Bad Bhabie, снизу которого написано «Cash me outside, how bow dah?”.

– Устаревший мем, да и срать.

Он отложил Айфон на бетонный бортик бассейна, после чего по-спортивному запрыгнул в воду сущего рая на земле и почувствовал невероятно приятное ощущение дрожи, мелких мурашек которые забегали по натруженному телу. Всё, тяжкий день закончился. Теперь релакс. Полное расслабление.

– Сири, включить гидромассаж – приказал он виртуальной помощнице, проблематично разблокировав телефон мокрыми руками.

С головой нырнув в ярко подсвеченную голубым холод-

ную воду Макс прямо-таки чувствовал как заканчивается этот наполненный трудом и потом день. Как тяжёлые упражнения сменяют собой раздражённые крики тренера, а затем тебе напоминают в очередной раз, что где-то рядом с тобой ходит серийный убийца. Достаточно неприятный experience для десятиклассника, вам не кажется?

Вынырнув из воды Макс закрыл глаза, подумав что вот-вот и он заснёт прямо в бассейне. Отключится в холодной воде. Сейчас ему всё равно где спать. Всё что ему хочется, так это закрыть глаза и…

Внезапное желание заснуть перебил звук тихих спокойных шагов. Открыв глаза, перед собой Макс увидел обворожительную фигуру с ослепительными огромными ягодицами, которые незнакомка соблазнительно специально выставляла, старательно выгибаясь. Она стояла спиной к Максу, наблюдая за бурлящей водой в джакузи, которое располагалось прямо по курсу. Она потянулась спортивной ножкой к горячей, бурлящей воде нежно потрогав её. Как бы Макс не изгибался, он не мог рассмотреть волосы незнакомки. Они были прикрыты объемной разноцветной шляпой, которую та частенько подправляла жилистыми руками. Её тело намекало на то, что она всерьёз занимается спортом. Сомнений не было.

«Серьёзно, Макс, на территории твоего дома незнакомка – думал про себя он – Во времена когда по улицам ходит маньяк. А ты просто осматриваешь её наслаждаясь фигурой?»

«Боже, заткнись и дай мне хоть раз за день делать, что хочется» – заткнул Макс внутренний голос

«Ты просто не занимался сексом с начала года, с тех пор как Каролина, которая сейчас активно тебя френдзонит, начала встречаться с шаромыжным гопником. Ты понимаешь, куда сейчас ушёл твой инстинкт самосохранения и здравое мышление?»

«И пусть оно там остаётся, мне нравится это чувство» – Максу стало жутко за то, что он спорит сам с собой. Он вышел из дискуссий со своим внутренним занудным эго и харизматично обратился к девушке:

– Незнакомка, вы хотели разделить со мной горячий джакузи?

Девушка услышала. Сначала она женственно рассмеялась так, что нельзя было узнать голос незнакомки.

Она резко повернула голову в сторону бассейна, где плавал Макс. Вид её лица весьма удивил её. Удивил отсутствием, ведь всё лицо незнакомки прикрывала знакомая, массивная белая деревянная маска. Не было сомнений, перед ним стояла Леди V. Теперь можно было сложить её чёткую характеристику: девушка с идеальной фигурой и пышной задницей, видимо, в свободное время от тренировок увлекающаяся убийствами невинных молодых людей. Она своими отстранёнными, тёмными глазами пялила на мокрого Макса:

– Что за… – не успев договорить, Макс почувствовал как в голову крепко вцепилась рука, опустив его под воду. То

что он точно почувствовал, так это длинные ногти на руках сообщника Леди V. Теперь было чётко ясно, что маньячка действует не одна. И он понял это по тому, что кто-то изо всех сил, держав его за короткие каштановые волосы, топил Макса в собственном бассейне на заднем дворе.

Он пытался всплыть, дёргать ногами и сделать что-то. Но всё тщетно. Ступни не доставали до дна, все его старания вырваться были напрасны. Он, набирая в лёгкие огромное количество воды, чувствовал как медленно задыхается. Как в глазах темнеет, а сам он перестаёт задерживать дыхание. У него просто не хватает сил для того чтобы продолжать бороться. Закрыв глаза он остаётся плыть в холодной расслабляющей водичке люксового бассейна.

Незнакомка намеренно голой ступнёй сбросила телефон Макса, в котором не замолкая бубнила Сири, в лазурную водичку. В ней, уже потеряв сознание, плавал его хозяин.

Полные лёгкие воды, ужасное самочувствие, будто если вдохнёшь глоток свежего воздуха то захлебнёшься, мерзкая дрожь по телу от длительного пребывания под водой… Всё это Макс сейчас ощутил сполна, с радостью осознавая что он жив. С мыслью, что закат его жизни пришёл он смирился ещё в бассейне под давлением когтистой руки. Перед глазами сразу же стали поминки. Родители скорее всего не пришли. Зато будет больше чем нужно одноклассников, вся баскетбольная команда и кружок танцовщиц, которые так часто

его обсуждают. Его поминки были бы самым лицемерным действием что видал этот свет. Все бы подходили к алтарю, и начинали бы нести несусветную ложь: «Я общалась с ним с четвёртого класса»т– сказала бы незнакомая ему девчонка с огромными круглыми очками; «Он был прекрасный человек» – высказался бы очередной задрот с сальной головой, из уст которого Макс не слышал ни слова.

Но, как оказалось, думать о поминках было ещё рано. Ему было тяжело открыть глаза, ужасно пекущие из-за огромного количества хлорки, попавшей в них, но он решился. Открывая один глаз за другим, он осознал что сидит на кухне с перемотанными руками, на одном из многочисленных деревянных стульев. Видимо, незнакомки решили оставить его в живых. Может быть пока он сидит связанный, они уверенно выносят драгоценности и дорогие вещи из комнат его огромного «умного» дома? Может быть эта Леди V не такая уж благородная женская версия Робина Гуда, а как и все остальные нормальные люди в этом мире, искательница наживы? Что было ясно точно, так это то, что если эти двое оставят его сидеть на стуле с перевязанными руками, так до утра его никто не развяжет. Родители появятся только в девять часов следующего дня. Поэтому вариант со смирительным ожиданием никак не катит. Надо выбираться из ловушки.

– Хи-хи-хи – Макс услышал знакомый женский звонкий смех, по которому нельзя было опознать личность смеющегося. Источник смеха становился всё ближе и ближе к нему,

пока он не увидел спереди себя, в гостиной с высокими панорамными окнами, проезжающую на его старом скейтборде девушку в маске Леди V. Её тело плотно закутано в чёрный халат а волосы замотаны в полотенце такого же цвета. Она неловко отталкивалась тонкой ножкой от дорогущего мраморного пола, ужасно скрипя заржавевшими колёсиками допотопного скейта. В её руках был баллончик с красной краской, это Макс рассмотрел даже находясь на кухне.

Незнакомка остановилась, оперевшись рукой об стекло, и на панорамном окне, через которое открывался идеальный вид на бассейн, написала что-то вроде фишки этой сумасшедшей, гигантскую алую букву V.

Макс содрогнулся, когда увидел как небрежно уродуют его шикарный дом.

Затем незнакомка на скейте взяла с журнального столика, находившегося недалеко от огромного дивана карамельного цвета, дорогую огромную вазу из вьетнамского фарфора, и замахнувшись, кинула об стену. Осколки разлетелись в разные стороны, а незнакомка, хихикая наблюдала за этой картиной, хлопала в ладоши как пятилетняя девчонка. Чего хотела долбится эта маньячка занимаясь вандализмом в особняке семьи Максима? Скорее всего элементарная зависть. Скорее всего, пустив любого жителя города в дом Макса, где всё буквально кричит о том, насколько его семья богато живёт, все бы захотели хоть кое-что, но побить, изуродовать и заплевать. Такая уж человеческая сущность.

Из кармана халата незнакомка в белой маске достала острые ножницы, отбивающие в себе свет яркой лампы. Она подлетела к карамельному дивану, и схватив тяжёлую подушку с него агрессивно стала кромсать её режущим предметом. Куча перьев разлетелись с резаной подушки в разные стороны, густо покрыв собой холодный мрамор. Схватив другую подушку, девушка в халате повторила свои действия.

Максу сейчас плевать на тот акт вандализма, что устраивает поехавшая маньячка в его гостиной. Ему надо освободить себя из прочных верёвок, и наконец разоблачить загадочную персону. Сил у него на это, скорее всего, хватит. Сбить с ног девчонку и снять маску, узнав, что за личность поглощённая обидой и ненавистью скрывается за ней.

Благо, эти идиотки поставили его посреди кухни. Сзади него был целый набор белых фарфоровых ножей, которые лишь одним ударом могли порезать всё под собой: от хлеба до телятины. Макс нащупал пол под собой, и отталкиваясь, резкими движениями, напрягая каждую мышцу икр на ногах маленькими прыжками подползал к ножам. Ещё чуть-чуть. Каких-то два метра и он возьмёт нож в свои связанные руки, пытаясь освободить себя в лучших традициях гонконгских боевиков. Он внимательно заглядывал как незнакомка в маске, увлечённая процессом, рвала подушки, не замечая как жертва сбегает перед её носом.

Допрыгав до стойки с ножами, Макс взял в руки позади стула один из них и увлечённо принялся разрезать плотную

верёвку позади себя. А это оказалось не так легко как в фильмах. Руки не выворачивались в нужном направлении. Казалось вот вот и нож выскользнет из мокрых ладоней, не высохших после длительного пребывания в хлорированной воде.

– Так-так-так – услышал он знакомый голос старой женщины. Вторая девушка в таком же чёрном халате и полотенце деловито зашла на кухню, присев на лакированный деревянный стул – Наша жертва проснулась – Она держала диктофон в одной руке, а в другой маленький чёрный контейнер. С такого ракурса Максим мог только догадываться, что в нём находилось.

Услышав голос напарницы незнакомка прекратила разбрасывать вещи в холле и направилась на кухню.

– Признаюсь честно, Максик, ты был мой самый любимый персонаж из этой шайки мудаков. Ты не такой двуличный уродец, питающий удовольствие из унижения окружающих, и убивать тебя первым будет достаточно обидно, но от того не менее приятно.

– Скажи мне – достав диктофон из которого звучал такой же голос старухи «заговорила» вторая незнакомка – По закону жанра подросткового слэшера, кто погибает первым?

– Сумасшедшие претворяющиеся старухой? – криво улыбнувшись и трусившись от страха пытался пошутить Макс, который всё это время пытался резать верёвку. Кажется, у него выходило. Один узел был разрезан. Осталось чуть-

чуть. Главное, чтобы незнакомки этого не заметили.

– Ответ неверный, в нашем ужастике, адаптации «десяти негритят» под 21 век…

– Только если бы вместо негритят в считалочке были избалованные мерзкие мажоры – перебила напарницу незнакомка

– Именно, как и во всех культовых шедеврах молодёжного хоррора первым умрёт тупой качок-баскетболист – незнакомка нажала на кнопку диктофона и нежно потрогала лицо Макса. Пока она его гладила, он смог разглядеть свежий яркий маникюр, слегка царапавший его кожу.

– Стоп, ты что забыла перчатки надеть дура тупая? – истеричным голосом завопила вторая незнакомка, подправляя тёмные перчатки. К сожалению, Макс и сейчас не смог опознать голоса говорившей. Она настолько разъярённо визжала, что узнать кому принадлежит этот визг узнать нельзя. К тому же, из всей огромной школы Макс бы опознал голоса человек десяти, не больше.

Первая незнакомка растеряно посмотрела на свои руки, после чего резко запрятала их за спину.

Девушка в перчатках, достав диктофон нажала на кнопку:

– Умереть от своего самого сокровенного страха – самая жуткая смерть, согласен Максик? – произнёс старый голос, после чего Леди V номер два наконец открыла чёрный контейнер. Сквозь отворившуюся маленькую дверцу Макс смог разглядеть восьмилапую ужасную тварь, сидевшую внутри.

Гигантский паук с шорсткой коричневого цвета. Он тянулся длинными лапками на выход из контейнера, смотря на Макса маленькими блестящими глазками.

– Бразильский паук – самый ядовитый, самый быстрый, самый жуткий и опасный паук мира. На Амазоне заказала – жутко рассмеялся голос старухи, посадив паука на перчатку. Медленными шагами незнакомка подходила к Максу, и сейчас он мог сполна ужаснуться размерами ядовитого насекомого. Он занимал практически всё пространство от ладони до локтя инкогнито – Конечно, в душевой тебя уже пришлось, благодаря мне, столкнутся со своим самым ужасным страхом – продолжил голос – Но те милые маленькие паучки просто цветочки в сравнении с этим монстром.

Наконец, незнакомка в чёрном халате стояла над ним. Она протянула руку, на которой смирно сидел паук, к потной от страха голове Макса. Леди V номер один увлечённо наблюдала за процессом.

Как бы Максу не хотелось выдавать свой дикий ужас на глазах у незнакомцев, как бы он не старался, не сдерживал себя – у него ничего не вышло. Когда дама в халате поднесла руку к его голове, из крепко закрытого рта вырвался тонкий писк, непроизвольно издаваемый Максом.

Две девушки оживлённо расхохотались, наблюдая за тем, как скорчилась их жертва.

Максу казалось что он сейчас потеряет сознание. Воздуха в комнате почему-то стало не хватать, он судорожно пы-

тался вдохнуть хоть чуток кислорода. В глазах темнело. А голова закружилась так, что казалось, его идеальная новая кухня трясётся от шестибалльного землетрясения. Виски начали пульсировать. Каждый удар сердца Макс ощущал головой. Скорее всего, это и называется приступ паники. Такое, в своей жизни он ощущал всего раз: когда обнаружил в душе на ноге мохнатого тарантула. Но в сравнении с бразильским чудовищем, обычно называющимся пауком, тот был просто обычным мелким паучком, случайно заползшим в душ.

Длинные лапки, которыми эта тварь, сидевшая на руке незнакомки, тянулась к его волосам. Мерзкий огромные клыки, которыми он перебирал будто готов был сожрать целиком голову Макса не пережёвывая. Короткая коричневая шерсть, переливающаяся в свете яркой лампы. Всё это вводило уверенного в себе брутала в ступор.

И вот, хохотавшая незнакомка посадила страх Макса во плоти на его голову. Он смирно сел на ней, сбросив длинные передние лапки парню на лицо. Вот уж милота, ничего не скажешь. Разлёгся на его идеальной густой чёлке как у себя дома.

Максу стало ужасно дурно. Это омерзительное чувство, когда на тебе сидит ядовитый паук, не сравнить ни с чем. Паук, которого ты боишься до смерти. Сердце бешено колотится, а голова не думает ни о чём, кроме как о ужасе, что повис над тобой. Одно из самых отвратительных ощущений в мире.

– Всего один укус – после нажатия кнопки на диктофоне заговорил знакомый голос – И всеми обожаемого баскетболиста, звезды школы и красавчика не станет. Это будет медленная и ужасная смерть, Максик. А знаешь что самое прекрасное? Что как только он вонзит свой яд в твоё тело, тебя настигнет мучительный и очень болезненный долгий стояк. Представляешь, даже не нужно будет вздрачивать последний раз перед смертью! – захихикал голос – Твой член буквально взорвётся от боли! Это будет одна из самых невероятно болезненных смертей, известных человечеству!

Макс знал из отвратных короткометражек про опасных пауков, которые ради шутки включал ему его отец со странным чувством юмора, что невероятно быстрые бразильские особи, перед тем как нападать встают на задние лапы, агрессивно смотря на жертву. Пока что это омерзительное существо, будто уснув, лежало на голове Макса.

Незнакомка достала из широкого кармана тёмного халата промокнувший телефон Макса.

– Я спасла твой водонепроницаемый iPhone X – положив смартфон на кухонный стол сказал женский голос – Можно после твоей мучительной смерти я заберу его себе? Хотя т-ш-ш, ничего не говори. Я и так его возьму – довольно произнёс старый дрожащий тембр.

Макс смог разглядеть гаснущим от страха взглядом, что на зависшем телефоне до сих пор включена Сири. Ещё с того момента, как он положил телефон рядом с бортиком и голо-

сом включил гидромассаж в бассейне.

– Как я могу вам помочь? – безжизненным механическим голосом спросила Сири, резко проснувшаяся после купания в холодном бассейне. И тут Макс разработал план побега от приникнувших в его дом психопаток. Наконец, за спиной он разрезал нити. Сейчас, главным вопросом была мохнатая ядовитая проблема, сидевшая на его голове. Наконец способность здраво мыслить вернулась, заменив собой отключившееся от страха мышление.

– Сири, выключи свет! – с надеждой выкрикнул он. Незнакомки сквозь жуткие маски растерянно наблюдали за происходящем.

– ОК. Вот что мне удалось найти – произнесла Сири – Бигль – охотничья порода собак…

– Да нет же, Сири, тупая ты сука ВЫКЛЮЧИ СВЕТ – заорал Макс бешеным голосом.

– Я вас поняла – наконец радостно проронила Сири, после чего ярко светивший свет во всём доме резко потух. На кухне стала кромешная темень, еле-еле пробиваемая горящем зелёным временем и датой на огромной духовой печи.

Незнакомки, продуманный план которых медленно шёл под откос растерянно оглядывались по сторонам. Боясь сделать шаг, они неуверенно замялись на месте. Одна из них, Леди V номер один почувствовала как что-то медленно ползёт по ноге. Её же орудие – способ изощренной смерти ползло по обмотанной длинным халатом ноге, поднимаясь всё

выше и выше:

– Твою мать, Сири, включи свет – сквозь слёзы произнесла опасная маньячка, обращаясь к программе «Умный Дом» Макса.

Свет включился, развеяв тьму в комнате. Как и предполагала Леди V номер один, по её ноге полз огромный бразильский паук, встав на задние лапки и агрессивно перебирая передними готовясь к нападению. Леди V номер два не растерявшись схватила сковороду, лежавшую слева от газовой плиты. Даже особо и не думая, что она делает, инкогнито замахнувшись ударила коллегу по ноге, сбив ужасного паука. Мерзкая тварь полетела в сторону раковины, забежав под один из многочисленных шкафчиков.

– Сука, от нас сбежал баскетболист! – раздражённо прошептала неизвестная, пытаясь не раскрывать личность при любой экстремальной ситуации. Стул, на котором сидела жертва был пуст. Только лишь одни верёвки напоминали о действии, что тут происходило минуту назад.

Одним лишь жестом лидер – Леди V номер 2, жестами показала напарнице тихо пробираться в зал. Они синхронно достали перед собой небольшие ножи с объёмными чёрными рукоятками, неуверенно делая первые шаги в просторную комнату. Весь периметр холла уставлен высокими фарфоровыми вазами, транспортированными в идеальных условиях прямиком из Ханоя. Каждая ваза – бесценное произведение Юго-Восточно-Азиатского искусства. Настоящее на-

следие древних азиатских народов, в своих маленьких деревушках потеющих ночью и днём над белоснежным фарфором, чтобы потом впихнуть его за бешеное бабло европейским богачам.

Две незнакомки хаотично осматриваясь пытались понять, где сидит их жертва. Когда лидерша подняла над головой ладонь, чтобы дать напарнице очередной командующий знак, пошатнувшаяся ваза начала падать прямо на неё. Ловкая девушка в тёмном халате быстро отпрыгнула в сторону, дав вазе разбиться, разлетевшись огромными острыми осколками в разные стороны.

За разбитой вазой стоял Макс в одних лишь плавках, держа перед собой в руках острый фарфоровый нож, разрезавший ранее прочные верёвки, сковывающие его руки.

Увидев, что разбить невероятно дорогую вазу, толкнув её и не попав в цель было плохой идеей, Макс подлетел к незнакомке, активно начав размахивать кухонным ножом. Для него впервой было бросаться на живого человека с орудием убийств. Но экстремальная ситуация заставила принять меры.

Вздрогнувшая от неожиданности вида безумного от страха качка, размахивавшего перед лицом ножом, Леди V, на которую чуть не упала ваза, на секунду застыла, но вскоре сразу же опомнилась, принявшись отбиваться от парня специально купленным на Амазон чёрным армейским ножом.

Макс попал по руке незнакомки, державшей нож. Разо-

рвав ей халат, он увидел глубокую царапину на коже, из которой ручьём хлынула алая кровь.

Незнакомка отступила назад, схватившись рукой за глубочайший порез.

Её коллега по преступлением, взяв в руки красивый стул на одной ноге в стиле хайтек, стоявший возле стеклянного журнального столика, немедленно замахнулась им, готовясь нанести болезненный удар. Удар ожидаемо принёс жертве серьёзный урон. Железная ножка от стула долбанула Макса по мышечному плечу, оставив на спине свежий красный синяк. Машинально, кухонный стеклянный нож вылетел из рук Максима, стукнувшись о твёрдый мрамор и разлетевшись на маленькие осколки.

Сейчас две опаснейшие женщины окружили его с обеих сторон. Они держали перед собой острые ножи, готовясь к нападению.

Макс растеряно оглядывался по сторонам, вглядываясь в каждую деталь просторного холла. Он был обезоружен и зажат между двумя агрессивными незнакомками. Леди V номер один взмахнув ножом сделала шаг к Максу. Тот резко обернулся и ударил вооружённую неприятельницу в грудь.

Боль, внезапной вибрацией началавшаяся в зоне груди, быстро разлетелась по рукам и ногам, охватив ужасными чувствами всё тело девушки в чёрном халате. Схватившись за молочную железу, девушка упала на твёрдый мрамор, завопив:

– Блин, это каким же мудаком нужно быть чтобы врезать девушке по сиське? – сквозь зубы вырвалось у Леди V.

Другая Леди V, всегда хладнокровная и решительная, здравомыслящая и трезво рассуждающая обдумав план дальнейших действий растеряно встала на одном месте. Перед ней стоял здоровый качок, выше её на две головы, а широкость его плечей составляло ровно ту длину, что вышла б если две таких же Леди V как она положили бы рядом нога к ноге и измеряли. Короче говоря, он был как Кинг Конг, а она, та самая культовая кричащая девушка в его лапах. Перед ней стоял самый сильный спортсмен школы, подающая большие надёжны будущая звезда баскетбола. И она сейчас была один на один с ним, не имея шанса на ошибку. Ведь если она даст ему выжить этой ночью, то тайна загадочной мстительнице эры феминизма будет раскрыта.

Зато, у неё был армейский нож с Амазона. А это даёт значительную фору.

О чёрт, качек оказался не таким тупоголовым как она предполагала. Он додумался наклонится и взять нож, который её напарница безответственно выронила, схватившись за свою маленькую сиську.

Теперь, похоже, когда баскетболист встал в боевую стойку, их ждёт напряженная и весьма неравная драка. Скорее всего, эта та самая ночь когда общество снимет с неё её плотную деревянную маску, отдав на растерзание родителям несчастного ополовиненного хамоватого баскетболиста

и прочим… кому она там ещё навредила?

Макс сорвался с места и бросился с ножом на незнакомку, обхватив её за плечи и сильно оттолкнув так, что та в свою очередь спиной болезненно врезалась в бетонную колону.

В роскошной вилле Макса, практически в каждую колонну, держащую фасад дома, был встроен айпад, на котором три его жителя могли регулировать всё: начиная от комнатной температуры и заканчивая запах воздуха. Сегодня тут витал бьющий в нос запах кардамона, который Макс совершенно случайно выставил на планшете встроенном в стену его комнаты на втором этаже.

Незнакомка случайно задела сенсорную панель:

– Включить музыку из плейлиста «АйФон Макс».

По всему дому включился агрессивный реп Ники Минаж. Он доносился ото всюду. Ещё одна новомодная функция, которая заключалась в том, что у хозяев дома была возможность включать одну и ту же песню по всему дому, причём с одинаковой громкостью и частотой звука. Не сказать, что это была опция от которой в восторге все члены семьи. Но самому молодому определённо нравилось плавать в своём лазурном бассейне или заниматься баскетболом на передней площадке внутреннего дворика под любимый трэк.

– Ники Минаж, серьёзно?! – смеясь сквозь боль заметила Леди V номер один, которая стараясь подняться и продолжая держаться за свою грудь пыталась сарказмировать – А так сразу и не скажешь, что капитан школьной баскетбольной

команды слушает королеву женского рэпа!

«О Боже, что эта идиотка делает, она же сейчас спалится одним своим запоминающимся писклявым голосом!» – думала про себя рассудительная Леди V номер два, после чего проанализировав выражение лица Макса осознала, что он ещё ничего не понял.

Воспользовавшись моментом, а точнее, отвлечённостью противника, Леди V схватила его за мускулистые плечи и так же, со всей силой, долбанула парня об ту же колону. В очередной раз АйПад висевший на ней затронут. Сейчас, наверное, дорогостоящий гаджет, результат творений миллиона дизайнеров и АйТишников корпорации Apple не понимал, за что ему за несколько минут довелось увидеть столько резко налетавших на гладкий корпус подростковых спин.

– Включить функцию «Дискотека» – проговорил монотонный женский голос, после чего свет по всему дому резко, в очередной раз, выключился. В трёх местах по холлу, прямо с потолка, вылезли два прожектора, стреляющих цветастыми лучами в разные стороны, и огромный дискобол, отбивая свет блесточками по всей комнате. Музыка заиграла громче. Теперь, рассмотреть противников Максу способствовали только разноцветные лучи и яркая подсветка бассейна во дворе, пробивающаяся в комнату сквозь большие панорамные окна.

Леди V номер один, переждав резкую боль в груди, принялась за старое: она налетела на Макса схватив его за плечи

и пытаясь свернуть ему шею, как она смотрела в видеоуроке на ютубе. Но ничего не выходило. Чёртов ютуб. Чёртовы уроки для убийц.

Леди V номер два также недолго пережидала боль в спине: она подбежала к Максу, запрыгнув на его спину и пытаясь задушить.

На несчастном качке сейчас нависла парочка агрессивных дам, от которых он отчаянно пытался отбиваться раздутыми как сахарная вата руками. Одну из незнакомок удалось скинуть с плечей: она, упав об мраморный пол со стоном боли схватилась за правую руку.

Вторая V как Макс не старался, прочно к нему прицепилась. Прямо как те ненормальные, которые будут сидеть на твоей шее и убеждать тебя в том, что вы созданы друг для друга пока не залетят от тебя. А там уже и свадьба скора, и вся жизнь прожита несчастно… Пример, конечно, в один ряд с серийной маньячкой не поставишь, но примерно такой же хваткой эта незнакомка сейчас вцепилась в его шею.

Макс подошёл к стеклянному журнальному столу, находящимся впритык с его карамельным диваном с растрёпанными от рук завистливой вандалки подушками, и одним резким движением туловища наконец снял с себя прилипшую на его тело девчонку. Та, упав, весом разломала трёх ярусный стол, осколки которого посыпались градом на её недвижимо лежащее тело.

Одна Леди V была повержена. Дыша редкими короткими

вдохами маньячка испуганно лежала посреди осколков, не чувствуя спины. Осталось расправится со второй V, которая наверное, сейчас, как и своя напарница, недвижимо ощущала холод мрамора.

Макс резко развернулся, и позади себя, рядом с нарисованой на окне букве «V”, увидел второй незнакомку в халате. Она, целясь, направила на него свой раритетный арбалет. Скорее всего, тоже на Амазоне купила.

Видимо, моменты победы Макса резко и быстро были завершены. Сейчас же, его голову насквозь пронзит стрела, также как и две недели назад пронзив голову несчастного, находившегося неизвестно где разносчика пиццы.

Внезапно, в голову забитую мышцами и тестостероном пришла совершенно безумная, но возможно, успешная мысль.

Макс одним движением руки включил Сири на висевшем рядом с ним АйПаде:

– Чем могу помочь? – тараторил безжизненный голос

– Сири, включи функцию «Дым».

Леди V поняла что все эти обращения к Сири хорошим не закончатся. Пора заканчивать этот длинный вечерок. Нацелившись в безмозглую голову качка она выстрелила.

Макс ловко уклонился, кувырком, как чёртов дублёр-трюкач нырнул в туман, быстро появившийся из распыляющей машинки. Он охватывал всю комнату за считанные секунды. Ещё бы минуту, и вся комната заполнилась удушливым про-

низывающим искусственным туманом, который добираясь в самые лёгкие заставлял каждого, кто его вдохнёт, начать откашливаться.

– Какого хрена машинка для искусственного тумана забыла в холле особняка обычной семьи? Они что блин, грёбанное семейство Картеров чтобы устраивать дискотеки и шоу с паром в гостиной дома? – сквозь боль пыталась сарказмировать лежащая на полу девушка в чёрном халате.

Вторая Леди V холерически всматривалась в туман, за пару секунд окруживший её.

Целясь арбалетом в пустоту, она выжидала момента когда жертва вылезет сама, нанеся удар.

Но Макс (то есть жертва), оказался умнее. Схватив деревянную тумбочку и держа перед собой, он, разогнавшись со всей скоростью, заложенной в ногах, вспомнив годы беспрерывных каждодневных пробежек, бежал на ЛедиV. Та, в свою очередь, не успела даже понять что происходит. Она, держа в руках арбалет, проломила за собой стекло и поскользнувшись полетела в холодный бассейн, который до стеклянного холла отделял какой-то метр яркого зелёного газона.

Куча маленьких осколков посыпалась в бассейн, усыпая намокнувший тёмный халат и чёрное полотенце, как тёмное пятно бессознательно плавающее в ярком бассейне.

На улицу повалили клубы дыма с пробитого окна холла. Побиравшись сквозь него, Макс увидел свет висевшего на

колоне айпада. Нажав кнопку «Экстренный вызов» и выбрав раздел «Полиция», он буквально двумя касаниями вызвал легавых. Оказывается, функция «Умный Дом» это настоящий партнёр в борьбе с двумя сумасшедшими (это не реклама, проверено на ужасающем горьком опыте).

По всему дому раздалась громкая сирена тревоги, эхом раздавшаяся по тихой спальной улице, на которой мирно располагались роскошные дома богачей. В них, храня под подушкой кредитки с миллионами долларов, мирно спали исключительно самые взбитые и белоснежные «сливки» города. Та сирена разбудила почти всех лежащих в мягких постелях богачей.

Выйдя во двор Макс ужаснулся: помимо десятков мелких осколков, плавающих в волнующимся бассейне, там никого больше не было.

Чёрт, и опять от него сбежали эти незнакомки. Как у них только получалось моментально исчезать с мест преступлений? Настоящая мистика.

Ужин был одним из немногих событий, когда вся семья в бессменном составе из трёх человек собиралась за небольшим кухонным столом чтобы поесть приготовленного мамой вкуснейшего цыплёнка и закусить хрустящим яблочным пирогом. Даже и не ясно, когда моя мама научилась так вкусно готовить. Вы не подумайте, она всегда готовила довольно сносно. Но почему-то именно в этом городе всё было пре-

дельно вкусным настолько, насколько вообще могло быть. Я даже стал приходя домой хаотично заглядывать по полочкам и в холодильник на кухне, с подозрением ища полуфабрикаты быстрого приготовления. Ну, это так, чисто ради интереса.

И вот, на часах семь часов вечера, в воздухе прямо-таки запахло свежестью конца дня смешанного с запахом вкусного хрустящего цыплёнка, и мы на нашей достаточно просторной кухне, находящейся где-то на пятьдесят сантиметров ниже остальных комнат первого этажа, собрались чтобы разделить вкуснейшую трапезу.

По обстановке за столом сразу можно было сказать сколько всего обрушилось на мою, с виду абсолютно обычную, семью: болезненно выглядящий папа, глаза которого укрыли массивные синяки под глазами, свидетельствующие об усталости. Он также как и мама, постоянно жаловался на резкую головную боль и на странное ощущение того, что все прошлые дни вспоминались словно через призму мутного запотевшего стекла. Моя мама, судя по лихорадочно трясущимся рукам, которыми она пыталась красиво держать вилку, то ли невероятно переживала из-за чего-то, то ли её что-то напугало, то-ли она увидела что-то шокирующие… Она выглядела по-настоящему разбитой и напуганной. И это было невероятно волнительно для меня, её сына. Каждый раз сталкиваясь со мной глазами она пыталась ненавязчиво улыбнуться, как бы говоря выражением лица: «Со мной всё в порядке».

Но даже по трясущимся уголкам губ можно было узнать о плачевности её положении. И, наконец, сын, который не болящей правой рукой активно работал вилкой, заедая стресс. Другая же рука, плечо которой этой ночью ножом проткнул маньяк (личность которого, кстати говоря, мне прекрасно известна, но все остальные люди будто не слышали меня – покрывали настоящего маньяка, говоря что у него было крепкое алиби, прокуренное марихуаной и залитое алкоголем) невероятно болела, трясясь от адской боли. То что её мило зашили тонкими нитками в больнице ничего не дало. Она ужасно ныла, не способна никак работать ладонью.

По глазам самого молодого члена семьи заметно, сколько шока удалось пережить юноше за последние дни. Блин, обожаю смотреть на себя от третьего лица. Весь шок и задумчивость, неоднозначность и безумие этих недель полностью отображалось в его взгляде, устремившемся в хрустящую ароматную ножку курочки.

За столом висело продолжительное и неловкое молчание. Все были заняты обдумыванием всех проблем, навалившихся за последнее время на небольшую семейку. Неловкое молчание отважился перебить лишь я:

– Мам, ты сегодня говорила с Андреем? – отпустив мысли спросил я у растерянной мамы.

– О да, и не с одним Андреем. О его омерзительном поступке узнал даже Арсений – чавкая рассказывала мама.

«О да!» – с кайфом произнёс про себя я, увидев перед

глазами картину, где разочарованный испорченным сыном отец с холодным выражением лица перекрывает ему бюджет и блокирует кредитку. Точнее, кредитки. А также закрывает Эпл Пэй, забирает Биткоины и прочие криптовалюты, хранящиеся в виртуальных кошельках Андрея.

– Я без предупреждений приехала под въезд его дома на нашем чёрном пикапе. Заскочила перед посещением магазина «Всё для дома» – перед глазами мамы выскочили воспоминания, как она неаккуратно пытаясь припарковаться под домом проваливается в неглубокую яму со словами «Твою мать, ненавижу этих грёбанных мажоров которые даже дороги рядом со своим особняком сделать не могут» – Они меня очень радушно встретили. Сын и отец – перед глазами выплыла очередная картина, когда мама на вопрос горничной семьи Андрея отвечает «Передайте ему что это мама Влада», а она, видимо забыв повесить трубку горланит «Андрей, к тебе мама Влада», а затем подождав, отвечает «Его нет дома». Примитивная горничная. Скорее всего иммигрантка с Румынии или Молдовы. Их китаянка никогда бы так не промахнулась. – Ну и я, по странному стечению обстоятельств встретила его отца, который зашёл в их помпезнейшую столовую после работы. Как раз на самом интересном моменте разговора с Андреем. Что же там был за момент? Точно, когда я его сравнивала с землёй, высказывая что он из себя представляет и что с такими как он в последствии делает жизнь. Судя по его шокированному выражения лица, до

него дошло. Кстати, его тошнило весь день.

«Даже и не знаю, с чего бы это» – хихикнув, подумал про себя я.

– Его отец утверждает, что скорее всего дикое похмелье после охринительной пьянки – улыбнулась мама – Так вот, Арсений сначала пол часа извинялся, а потом час плакал мне в плечо за его ужасное воспитания. Но мой образ разъярённой матери не разрушат никакие сопли, ты же знаешь – строго сказала она мне.

– Да-да, конечно – уверенно кивнул я.

– Он мне выплеснул все обиды на сына, накопившиеся за годы. Их достаточно, кстати – задумалась мама – И даже за его неразборчивую половую жизнь не забыл рассказать.

– Слава Богу, что наш сын не такой – совсем не вовремя вмешался папа – Хранит свою девственность для лучших времён – довольно улыбнулся он.

Выпивав кислый апельсиновый сок я поперхнулся им и начал кашлять. Услышав последнюю папину реплику, мне казалось что я сейчас готов был захлебнуться соком от стыда.

За столом в очередной раз повисло неловкое молчание. Родители удивлённо смотрели на то, как я растерянно смотрю по сторонам, ища тему, которая сейчас может спасти моё положение, и завести новый разговор.

– Сынок, ты ничего не хочешь рассказать нам с папой? – испуганно спросила мама.

– Влад, ты не девственник? – шокировано посмотрел на меня отец.

– Не девственник. – опустив глаза уверенно выпалил я – С этого понедельника.

Родители отбросили вилки на стол, озадаченно смотря друг на друга. Они пытались говорить на безмолвном языке жестов, пытаясь обсудить какой вопрос задать мне следующим:

– Кхм-кхм – откашлялась мама – Ты же не забыл надеть шапочку на жирафа?

– Что? – в удивлении спросил я.

– Одеть щекотуна в резинку – добавил папа

– Кажется, я понял.

– Одеть дружка в курточку – не замолкала мама.

– Завернуть в защиту Ваньку-Встаньку – распинался папа.

– Я понял – пытался прекратить этот нескончаемый полёт таланта моих родителей подбирать синонимы к словосочетанию «одеть презерватив».

– Засунуть колбаску в пакетик

– Защитить забияку

– Спрятать морковку

– ХВАТИТ – громко крикнул я, прекратив это одним резким словом – Я ничего не забыл – тихо объяснил я.

– А…– задумалась моя мама – Шапочка не оказалась мала на жирафа?

– Колбаска не порвала пакетик? – интересовался папа

– Ванька-Встанька не вырвался из защиты? – не замолкала мама.

– Нет! Презерватив не порвался! – резко обрезал я.

– Ты же был с Евой? – продолжая задавать вопросы поинтересовалась мама.

– Да – сухо ответил я

– Ты рассказал своей подруге советы, что может пригодится после…

– Так, не надо начинать сейчас гнать свои нескончаемые синонимы – резко оборвал мамину фразу я – После перепихона. Какие ещё советы?

– Ну, я не знаю – задумалась мама – Например, на льду посидеть. Мне в юности помогало.

– О Господи мам, давай без подробностей? – с отвращением кинул я.

– Может быть я позвоню Еве и дам пару женских советов?

– Нет – резко обрезал я. Это самое худшее, что вообще может случиться в жизни подростка. Когда твоя мама звонит твоей подруге и даёт советы, которые могут ей пригодиться после секса с тобой. Это хуже чем увидеть расчлененный труп повисший над стадионом.

Мои родители долго пересматривались, не находя слов для выражения эмоций. Наконец, папа кивнул, а это означало то, что сейчас будет сказана серьёзная и глубокомысленная фраза:

– Наш сын не девственник! – вскочил папа со стула и при-

танцовывая зашагал по кухне.

– Мой малыш повзрослел!– довольно крикнула мама.

– Занялся любовью с девчонкой! – Они обняли друг друга и закружились в быстром танце, напоминавшем странный гибрид быстрой сальсы и устаревшего вога.

Обожаю своих родителей: какие бы ещё мама и папа в этом мире обрадовались потери девственности сына? Скорее всего, обычным рядовым семейным парам мои родители показались бы сумасшедшими и фривольными хиппи-подобными искусителями сына. Ну что же, мне нравится подобное воспитание. Я пришёл к этому выводу наблюдая за безумным танго родителей на кухонном паркете. Они были хорошим примером удачно сохранившейся страсти и огонька, который не сбила ни мамина постоянная работа, ни папина каждодневная рутина в виде кучи бумаг о расходах завода. Тот огонь пылал, и в отличии от других людей среднего возраста, разрастался с каждым днём проведённым вместе. Они дополняли друг друга. Делали сильнее. Если вы думаете что «Ла Ла Ленд» самый романтичный мюзикл, то вам стоит увидеть танец моих родителей, проживших вместе семнадцать лет и при этом сохранив тёплые чувства.

Ну а я, сидя на своём твёрдом стуле просто рассмеялся, прочувствовав всю неловкость ситуации. Наконец, за весь этот день я увидел родителей счастливыми.

Глава 35 #махолланддрайв

Из-за чего мне так нравилась Ева?

Почему она надолго стала моим идеалом, который так прочно засел в голове и при каждой возможности давал напомнить о себе? Даже в моих снах она не отпускала меня ни на секунду, будоражив воображение одним лишь видом.

Лихие девяностые. Закусочная где-то на окраине Махолланд-драйв. Я сижу, разговаривая со своими друзьями о тачках и мотоциклах, или о чём там ещё разговаривают друзья? И тут выходит она. Пухлые красные губы. Красиво заплетенные по строгим правилам закусочных волосы. Официантский фартук в клетку, подчёркивающий пышность её размеров. О да, Ева как всегда чертовски идеальна. Даже в моих фантазиях. Она держит в руках блокнот, и вот уже открывает пухлый рот чтобы нежным женственным голоском спросить:

– Вы готовы сделать заказ?

До этого я хотел яичницу с беконом и шоколадный милкшейк. Но сейчас, всё что я хочу так это обворожительную официантку, которая улыбаясь подошла к моему столу, находящемуся у окна с видом на океан.

В ярком музыкальном автомате заиграла песня «Kids in America”, версия восьмидесятого года. Вокруг меня нет ни друзей, ни других официантов и ни других посетителей. Только блендер, изготавливающий молочный коктейль пробивает мотив классической песни.

Я одним лёгким прыжком вскакиваю на стол, ногами расталкивая глазунью и переворачивая стаканы с пепси. Она липким водопадом стекает со стола, а я тяну за собой Еву, чтоб обняв за утончённую спину сладко поцеловать её.

И всё. Яркие огни закусочной гаснут. Остальные столики поглощает тьма моего сознания, которому надоело спать и видеть сладковатые как клубничный молочный коктейль сны. Лишь над нами горит тусклая лампа, освещающая идеальное лицо Евы. Мы пританцовывая на шатком столе, мёртвой стойкой не дающем нам упасть, продолжаем целоваться.

«Everybody live for the music-go-round» – гласит песня, под звуки которой я продираю глаза лёжа на кровати.

Ещё один сон с ней. Почему она так как никто другой запала в мою душу? Причём так глубоко, что я на подсознательном уровне вижу её идеальный образ до малейших деталей.

Девчонка-классика. Я думаю, именно её силуэт вы представляете когда говорите «настоящая красотка». Густые волосы темновато-каштанового цвета. Идеальные пропорции лица: пухлые губы, красивый нос обтекаемых форм. Стеклянные голубые глаза, прямо-таки смотрящие в душу, западая в самое сердце взглядом. Да, она будто бы вышла с телеэкрана во время показа «Завтрака у Тиффани» или другого любого фильма с Одри Хэпберн. Будто бы сошла со страниц историй про Джейн Эйр тли Шарлотты Бронте: она была весёлая, в меру забавная и улыбчивая. Она умела иногда быть

задумчивой, а иногда, проницательно грустной, при этом боясь показать это. Будто бы вышла с книги «Унесённые ветром» или «Скарлетт». Настоящая девушка: женственная, хрупкая и при этом уверенная.

Классическая красотка: пухлые яркие алые губы, короткая узкая юбочка и искренний добрый взгляд. Она всегда была такой. У неё был свой стиль. И это не отталкивало. Не делало её девочкой-заложницей своего образа.

Она уникальна.

Даже её походка. Её лёгкие, будто бы парящие над землёй шаги. Она летала парапланом над всеми кто шёл рядом с ней, будто бы на высоте в три метра. И вроде бы она была девочкой с вполне стандартным метр шестьдесят девять. Но гордо закинув подбородок, выпрямив осанку и осматривая всё вокруг живым, интересным взглядом она будто вырастала над шумной толпой, скучивавшейся а коридоре.

Ну а я, доставав учебники из шкафа словно окаменел, смотря как ко мне на встречу летит моя девочка и из снов, и из реальной жизни. Я даже и забыл, какой учебник мне нужен был, какой я хотел достать. Я просто застыл, любуясь на идеал.

– Доброе утро – улыбнулась она, подойдя ближе и осмотрев моё изумлённое лицо – Слышала, что самый популярный мальчик школы совершил внезапную смену имиджа а-ля «Good boy gone bad”

– Доброе утро – в ответ улыбнулся я – Не беспокойся, эта

смена тебя никак не затронет.

Подойдя к Еве ближе и медленно склонив к ней голову я поцеловал её в губы. Сегодня уж точно было настоящее «Доброе утро». И даже боль пробитого плеча бесследно ушла.

Целоваться на глазах изумлённой толпы – бесценно, некоторые из которой осуждают тебя, некоторые твою девушку, а некоторые и вовсе восхищаются и желают только самого лучшего. Не всем же быть лицемерными наблюдателями.

Я взял Еву за руку (своей не больной рукой) и пошёл по направлению к кабинету истории. Вот оно, чувство, когда ты на самом первом месте этого глупого на поверхностный взгляд, но весьма точного топа. Первенство ощущалось во всём: как автоматически расходятся перед тобой люди, когда ты уверенно шагаешь. Как они смотрят на тебя. Как пытаются незаметно посплетничать, шепча что-то своим друзьям, но у них ничего не выходит. Мне нравилось это чувство. Чувство что ты в центре внимания. Чувство, что вся эта толпа смотрит на тебя одного. Им интересен ты. Им интересна твоя личная жизнь и твоя красивая девушка, которая нежно взяв тебя за руку шагает плечо к плечу.

Всем, от низкорослых трясущихся от волнения восьмиклассниц до широкоплечих задир из одиннадцатого интересен лишь ты. И чем вызывается такой всеобщий интерес к одной персоне в среде обитания подростков – неизвестно. Почему им так нравится выстраивать культ ненависти, зави-

сти или наоборот – расположения, вокруг одной персоны, которая такой же человек как и вы. У него такие же мысли, такая же тонна мешающих жить комплексов и такое же желание найти родственную душу в этом мире. Но они всё равно выбирают одну личность, которая становится объектом всеобщего внимания.

Так и устроен мир подростков, тут есть обсуждающие и обсуждаемые. Обсуждающие это быстро идущие по коридору сгорбив спину незаметные ребята, которые только и делают что обсуждают обсуждаемых и остаются в их тени, так и не выйдя из неё за всю жизнь. Их цель – повиноваться трендам и стараться гибко подстраиваться под общественное мнение. Обсуждаемые – люди-вожди, как в первобытном мире, когда неандертальцы объединялись в небольшие группы, в центре которых всегда шёл лидер. Они не следуют трендам и всеми установленными канонами внешности. Они их создают. Не боятся экспериментировать и идти в перёд времени, которое рано или поздно приведет к результату экспериментов обсуждаемых.

Обсуждаемые живут одной лишь мыслью, что они интересны окружающим. Они выкладывают новые фотки в сети с обнажёнными частями тела чтобы вызвать новую бурю негодования и очередной скандал среди обсуждающих. Все знают, как они выглядят, но никто не знает их на самом деле. Все наизусть могут назвать предпочтения обсуждаемых в одежде, еде и кино, следя за ними в социальных сетях. Но

вам никогда не узнать о чём они думают и чем живут на самом деле. Это прозвучит банально, но навсегда останется загадкой, что происходит за идеальной картинкой из Инстаграма. Может быть, идеальная блондинка с объемной грудью каждую ночь мучает себя, что человек который ей нравится, на самом деле психопат с неустойчивой психикой? Может быть загорелая сучка любящая выставлять гламурные стори на самом деле по ночам спит с девушкой из местной группы, терзая себя длительными монологами и раздумьями, стоит ли ведать обществу о её неординарной любви? Стоит ли вообще выносить это увеличение дальше головы? Стоит ли так круто менять жизнь, когда одно лишь слово – лесбиянка – пугает до дрожи?

И из-за этого обсуждаемые так и притягивают обсуждающих: ведь они никогда не узнают, что скрывается за плотными масками холодности и стервозносности.

Может быть, сейчас именно это притягивало ко мне всеобщее внимание? Ведь никто не знает, что гордый мальчик в белой рубашке, дерзко отомстивший своему брату, скрывает внутри. Постоянные ночные кошмары с жутким видом расчлененных трупов, с которыми ему пришлось увидеться нос-в-нос. Жуткий страх, что человек который изъявляет желание искромсать тебя ножом может в любой момент заявиться в твой дом. И постоянные попытки принять то, что на самом деле в этом мире существует что-то сверхъестественное. Что-то, что не поддаётся науке и изучению.

Загадочная мёртвая девушка, из которой вылезают трупные личинки. Безумный наркоман, который скорее всего, вечно молодой, и всё время жизни на планете жестоко убивает подростков.

Может быть всех манила ко мне, на самом деле, моя загадочность? Моё невероятно странное и тяжёлое душевное состояние, которое как бы я не пытался скрыть, всё равно всплывает в глазах, которые иногда, совершенно внезапно, окутывает дикий животный ужас и страх.

Всем хотелось узнать что на самом деле я из себя представляю. И из-за этого вокруг меня образовывался громкий устойчивый гул, каждый источник которого считал за свой долг покопаться в моей жизни или обсудить мою новую фотографию.

– Вы такая милая пара – выбежала нам навстречу низенькая девятиклассница. Мне она писала пару раз в личные сообщения, изъявляя желание «просто так» пообщаться. Честно говоря, совсем не было сил и желания для увлекательнейших дискуссий в мэсэнджэре фейсбука.

– Простите её, она совсем потеряла чувство стеснения – выбежала за ней её такая же низкорослая подруга, обхватив за плечи и уводя девчонку в сторону.

«А мы и правда чертовски милая пара – подумал я – Если бы я был одиноко стоящим в коридоре школы зажатым парнем, то мне бы тоже захотелось пообсуждать такую пару» – я улыбнулся. А ведь моя жизнь, возможно, медленно расстав-

ляла все точки над «и», ведя все жуткие истории свалившиеся на меня к логическому завершению.

Ведь все и правда было прекрасно: у меня обворожительная девушка, с которой я себя чувствовал как одно целое. Я был в центре всеобщего внимания, ловя на себя оживлённые взгляды толпы. Я отомстил своему брату, который сейчас одиноко сидя в столовой уплетал за обе щеки батончик с высоким содержанием глютена, пытаясь заесть стресс. Он сидит и тихим голосом под нос произносит: «Моя жизнь дерьмо», продолжая всё также меня ненавидеть.

А у меня всё отлично. Только одно мне не давало покоя: тот, кто зверски засунул нож мне в плечо ещё гуляет на свободе и может в любой момент объявиться, на этот раз закончив своё незаконченное дело.

– Представляешь, из-за того что я дружу с тобой, Влад, я автоматически попал в Топ-5 популярнейших, прикинь??!? – радовался Ярослав, тыча мне в лицо экран своего смартфона, на котором горела школьное «Подслушано», а точнее тот клятый список, обновляющийся на постоянной основе.

– Расположившись на почётном пятом месте – заметил саркастичный и язвительный баскетболист, вступавший в команду вместе со мной.

– А я считаю что этот список полная туфта – заметила болтливая груда мышц, уплетая за обе щеки сытный бургер.

Я, кстати, был с ним полностью согласен. В то время, когда люди с которыми они все учились долгий срок жестоко погибали, ребята из моей школы буто бы не замечали этого, отслеживая популярность друг друга в дурацком топе, который к тому же неизвестно кто составлял. По всей школе ходила ужасная легенда, больше похожая на городскую байку, что мстительная армянка вернулась, надев на себя жуткую белую маску и возобновив работу старого покрытого пылью паблика.

Кстати говоря о Леди V. Злые но надёжные языки говорят, что вчера она проникла в дом Макса, и что с ней всё намного сложнее, чем все предполагают. Что же там стряслось полицейские отказывались комментировать, а сам Макс не выходил на связь, как бы я ему не звонил.

Ну а моя голова продолжала быть забитой кучей крутившихся вокруг одних и тех же мыслей: самая основная это та, что по городу разгуливает ненавидящий меня и желающий избавиться от занозы-любознательного-сующего-свой-нос-где-его-не-звали-мудака-Влада. Он в любой момент мог проникнуть в мой дом ночью, всадив в сердце кухонный нож. Он мог застать меня за школой, свернув шею. Короче говоря, вариантов моей бесславной и жуткой гибели миллион. И как бы мне хотелось вернуть те старые добрые времена, когда я переживал не за то, что моя жизнь вскоре может оборваться, а за оценки и контрольные.

Вот оно, взросление. Пришло в совсем неожиданной фор-

ме.

Нужно было что-то делать с этим. Мой страх мог не угаснуть до конца жизни, и до глубочайшей старости я буду сидеть с заедающей мыслью, что маньяк вот-вот ворвется в мой дом. Он должен быть наказан по достоинству. Полицейским нашего города нужно прямо под нос сунуть невинные доказательства в неоспоримой виновности Майкла. Чтобы они не смогли больше закрывать глаза на то, что он – очевидный виновный. И кажется, у меня созрел прекрасный план, для которого мне нужна будет помощь. Но кого же можно позвать? Нужен сильный, ловкий и хитроумный, таких передо мной сидело десятки, но мне нужен был партнёр которому смело можно доверить.

– Топ 5 это показатель того, что ты не просто плывущее в мире сплетен по течению грязи дерьмо – огрызнулся Ярослав.

И тут до меня дошло. Мой новый друг, с которым я пережил одно из самых ужасных потрясений за всю жизнь мог стать верной опорой.

– Ярослав, нам нужно отойти поговорить – громко заявил я

– О чём? – удивился он

– О нашем… – я не успел выдумать прикрытие своего секретного плана

– Нашем…– поддержал он

– Нашем психологическом состоянии! – придумал я

– Со мной всё прекрасно, спасибо за заботу, Вла…

Я схватил его за рукав толстовки и быстро пробормотал, смотря в его глаза:

– Нам срочно нужно поговорить

– Я тебя понял – наконец дошло до него , после чего мы вдвоём встали и пошли за колону вдалеке столовой.

Вывалив сырой и рисковый план на неготовый к таким безумствам мозг Ярослава, я задумался, стоит ли такой риск этого. План заключался в том, чтобы проникнуть в сквот Майкла примеряв на себя новые образы, которые бы выделялись из толпы в наркопритоне меньше чем стандартные понятные всем джинсы и кеды, и заснять компромат на этого подонка. Наш минимум, который там лез из всех щелей – хранение наркотиков, от марихуаны до экстези: там этого дерьма будет в излишестве. Максимум: что-то большее – пугающее и безумное. Что можно было найти в логове серийного убийцы, следуя из опыта вынесенного из ужастиков? Может быть, органы в холодильнике или трупы в подсобке? В любом случае, с пустыми руками этой ночью мы не уйдём.

– То есть ты предлагаешь мне проникнуть в логово самого настоящего серийного убийцы? – испуганно переспросил Ярослав.

– Ну, получается что да – кивнул я

– О Боже, ну конечно же я в деле – улыбнулся он – Пора наказать этого укуренного мудака за всё, что он сотворил с нашими ребятами.

После того, как я поднёс указательный палец к устам, намекнув на то, чтоб Ярослав радовался потише, мы кивнули друг другу и молча выйдя из-за колоны пошли за стол, за которым смотря на нас сидели озадаченные собственными проблемами баскетболисты.

Эта ночь навсегда войдёт в историю города. Как ночь, после которой город наконец избавился от тяжких мучений. Как ночь, после которой ни одна родительская слеза не падёт на эти земли. Как ночь, после которой это место наконец прекратится в тихий омут, коем и должно было быть изначально. Альбина, моя новая мёртвая подруга, решила что мне предначертано стать спасителем? Ну что же, не примерю на себя роль героя – не узнаю, способен ли обычный шестнадцатилетний мальчик остановить опаснейшего серийного убийцу.

– Энджел, ты просто оторва! – смеясь заметила Алина, снимая лежавший на комично выставленной верхней губе подруги горячий картофель фри. Когда они были вместе, один беспечный безумный поступок сменял собой другой, будто бы в их еду кто-то добавил одурманивавшей травы, или в воздух запустили веселящий газ. Но на самом деле никаких тут секретов не было: эта парочка, которая абсолютно внезапно образовалась прямо-таки на глазах у изумлённой публики, манила к себе невероятное количество легенд и баек. Что заставило общаться двух абсолютно разных девчо-

нок из параллельных миров, которые никогда, казалось, ни при каких условиях не должны были сойтись. Алина – богатая стерва, с детства привыкшая говорить людям шокирующую правду, которую они, возможно, и не хотели бы слышать, но зато для них это в последствии станет полезным. Да они должны благодарить её за иногда ошарашивающие и рубящие по не готовой голове советы! «Смотря на твои заросшие подмышки я боюсь представить, что творится в твоих густых вонючих джунглях снизу». «Усы это очень привлекательно, только не в том случае когда ты будто вырвал их со своего лобка и приклеил над верхней губой». «Очень жаль, что я прикасаюсь к шкафчикам, к которым каждый день намастурбированными руками прикасаются задроты вроде тебя» – миллионы порой самых нетактичных и анти-толерантных фраз исходили из её красивого и пахнущего ополаскивателем с лавандой рта. Не привыкшая отказывать себе ни в чём: ни в деньгах, ни в общении с самыми красивыми представителями противоположного пола. Тем и интереснее становится разузнать причину, по которой она всегда испытывала притяжение к девчонкам, причём с самого детства. И это она поняла только после того, как вышла из солярия абсолютно новым человеком. Изуродованная ультрафиолетовыми ожогами, обиженная на мир из-за равнодушия своего парня. Именно тогда она с удивлением, в котором перемешались едва ощутимые нотки ужаса, осознала чего ей хочется от жизни.

Энджел – загадочная бас-гитаристка в популярной в местных кругах поп-группы. Холоднее чем кубики льда, она могла одним лишь взглядом вызвать мороз по коже у любого мальчика школы, заставив не переставая видеть её в каждом своём сне. Видимо этому всему льду, похлеще чем у Эльзы из Холодного Сердца, полностью заморозить тело не давал тихий огонёк где-то глубоко внутри, разжигающийся до невероятных масштабов с первыми аккордами музыки. О да, Энджел чувствовала музыку каждой частичкой тела. Её мысли улетали далеко, заставляв тело жить безумной неподвластной жизнью. Только лишь она одна и бит, вдохновлявший её выкладывать всю себя в то, что она делает.

Тексты песен – единственный способ выражения того урагана, который творился в её душе и о котором ни один из окружающих людей даже и не догадывался. «Охарактеризуй одним словом своё душевное состояние» – пару месяцев назад попросил её школьный психолог. «Неопределённость» – неуверенно выпалила она опустив глаза вниз.

Её невероятно тревожило что-то с начала десятого класса. Её парень, который оказался форменной тварью вызывал у неё дружеские эмоции, и от того казался ей невероятно дорогим и близким. Целуясь с ним, она осознавала что чувствует одно лишь равнодушие. Никакой страсти, никаких эмоций кроме непонимания собственной души. Кого она хочет видеть перед собой? И только после поцелуя с искренней и милой незнакомкой в кожаной маске она наконец поняла. Она

любит девушек. Они ей нравятся, и она понимает это с каждым днём всё больше и больше.

Одной из самых больших загадок планеты сейчас, казалось, было загадочное пересечение двух радостных девушек с одинаковыми душевными терзаниями. Причём эти терзания они хранили в самых потайных закоулках души, спрятав в обмотанный железными цепями ящик и закрыв на замок. То что они сумели понять друг друга практически при первой встрече и не побоялись открыться – настоящее чудо. Это тайное желание, по их собственному мнению, никогда не должно было всплыть. Это не для таких как они. Пускай подобным занимаются девчонки которые после пятнадцатого бокала виски за вечер целуют свою подругу ради развлечения, похабно суя язык ей в рот на глазах у изумлённых друзей под шофе. Для них их увлечение серьёзнее. И смеясь, кормя друг друга жирной столовской картошкой фри, они искренне радовались что не стали таить в себе потайные желания. Они нашли друг друга, в обществе лицемерных сплетников, в котором тощая белая стерва автоматом представляется с главным красавцам города. Эта пара была счастливой, разбрызгивая кетчуп по столу в разные стороны. И пофиг, что сидящие за соседними столиками подростки с удивлением называли это «дружбой на грани», в первый раз видя чтобы две лучшие подруги с таким наслаждениям смотрели друг на друга. Они стали догадываться. Догадываться о потайных увлечениях самой злющей сучки и таинственной

бледной блондинки.

Отстранённый дымный взгляд Энжл, в котором, казалось, можно было заметить свет луны, хотя тогда было двенадцать часов дня, задумчиво смотрел в карие глаза Алины. Каждую секунду они наклонялись к друг другу всё ближе и ближе, увлечённо опуская взгляды на губы. Они готовы были страстно поцеловать друг друга не обращая внимания на шокированные вздохи и выкрики остальных, «но нет» – думала каждая из девчонок и отодвигалась, продолжая хихикать и увлечённо жевать картошку.

За столом также подперев щеку задумчиво сидела яркая блондинка Каролина, погрузившись в свои мысли даже и не замечающая флюиды любви лучшей подруги с гитаристкой «Чародеек». Вот уже вторую ночь подряд её мучали ночные кошмары, главным страхом которых был объект её душевных терзаний последнего времени – мистический хулиган Валентин. Именно его персона недавно навсегда изменила жизнь Каролины, полностью поглотив её в свою загадочную историю, которая с первого прослушивания казалась полным бредом. Каждый день с нравящейся ей парнем говорил ужасный голос, называвший себя самым опасным и ужасным маньяком за всю историю – Даниилом Тришаковичем, персоной, которая создала настоящий культ вокруг сатаны и жестокости. Именно он давал задания и управлял жизнью её любимого человека.

Зачем Каролине нужен в жизни парень, от одного име-

ни которого у неё идут мурашки по телу и сразу же вспоминается та душераздирающая история? Человек, который без стеснения совести готов вцепиться в шею незнакомца, отобрав у него жизнь и при этом получив наслаждение? Даже не смотря на то, что она полностью выслушала его окутанную мраком, тайнами и недомолвками историю жизни, его голова для неё стала ещё большей загадкой чем была ранее. Её терзали сомнения и страх когда она вспоминала взгляд парня. Странное ощущение, когда испытываешь жуть и страсть одновременно.

Эти две ночи ей не прекращая снились странные сны, которые показывали душевные переживания Каролины без никаких смягчений.

Тёмный парк, тротуары которого чуть-чуть освещал тусклый свет далёкого фонаря. Она одна идёт на высоких красных лакированных туфлях, спотыкаясь каждые три метра. Ну вот, самый большой страх девушки на каблуках, которая очень куда-то спешит, даже во сне не понимая куда. Каблук сломался. Остановившись и поняв ногу, взглянув на дорогую подошву, она шеей чувствует чьё-то дыхание. Сердце замирает. Развернувшись, Кэр видит перед собой своё лысое увеличение, которое ей не давало нормально ни почитать, ни сделать уроки последние недели. Улыбаясь, он заглядывает ей в глаза нежно приобняв за плечо.

– Луна сегодня прекрасна – тихо произносит он.

В восторге, проникнувшись положительными чувствами

к человеку стоявшему напротив, Каролина взяв ситуацию в свои руки начинает целовать его шею, медленно поднимаясь к губам.

Застыв наслаждаясь прекрасным моментом, она ожидает нежного страстного поцелуя. Но вдруг, закашляв она с ужасом видит как из её рта выплескивается свежая алая кровь. Пытаясь откашляться, она случайно обливает кровью довольное лицо Валентина. Опустив взгляд вниз, она ужасаясь замечает длинный нож, торчащий из её живота.

– Ты сводишь меня с ума – улыбаясь продолжает целовать блондинку Валентин – Ты вызываешь во мне самые дикие эмоции.

В поту, вскочив с кровати Каролина осознаёт, насколько далеко могут зайти её отношения с этим человеком. Смотря на себя в зеркало, она видела испуганную девчонку, непонимающую чего хочет в жизни.

И эти странные эмоции и размышления, вызывающие у неё грусть не прекратились ни на секунду. Человек, который так понравился ей, оказался жутким психопатом. Откуда ей знать, что все жестокие убийства не его рук дело? Могла ли она верить ему? Может быть его жуткая шайка и стоит за всем этим, как утверждал Влад, переодеваясь в чёрные мантии и убивая под полной луной, хладнокровно и ритуально? Тогда что может давать гарантию тому, что она не станет следующей?

И почему Каролина не поступает разумнее, закрывшись

от этого человека и не подпуская к себе ни на шаг? Почему ей хочется быть с ним? Что же её так манит к настоящему психопату? Вспоминая его лицо, смотря на совместные селфи она просто отказывалась верить в странные наклонности своего парня. Но без этого, он скорее всего не манил бы так её, одним лишь взглядом. И это вгоняло в полнейший ступор. Она чувствовала себя заложницей, не в силах разузнать что твориться в голове. Может быть ей просто нравилось ощущать себя в опасности? Нравилось находиться рядом с человеком, от которого можно ожидать чего угодно?

Тук-тук – услышала она отчётливый глухой звук в окно комнаты, выходящее на уютный зелёный внутренний дворик. Оторвав глаза от книги, в которой она ни понимала ни единого слова, погрузившись в мысли, Каролина вздрогнула посмотрев сквозь окно. За ним, в традиционной для себя манере на карнизе сидел человек, не дававший ей заниматься ни чем. Окулировал мысли и заставлял размышлять о нём.

Он ждал пока она пустит его к себе, держав в руках идеальные пышные алые розы. Встав с кровати, Кэр замялась не зная, хочет ли она пускать этого человека к себе. Не сделает ли она фатальную ошибку, повернув ручку окна и подняв его вверх?

Но что-то заставило её незамедлительно открыть окно. И именно это что-то подтолкнуло её после всех жутких фантазий первой поцеловать этого человека.

– Эй, Кэр, твоё лицо выглядит настолько раскисшим, буд-

то ты представила голым нашего биолога – отвлекшись от подруги, Алина обратила внимание на непривычно молчаливую для себя Кэр. Обычно, она без умолку трандела раскапывая последние сплетни весь обед, которые она узнавала первая благодаря своим ушам, глазам и прочим частям тела по всему городу. Она была похлеще Сицилийской мафии, если дело доходило до узнаваний кто с кем переспал.

Каролина попыталась выдавить из себя натянутую ухмылку

– Фу! – с отвращением кинула Энджел, рассматривая свои тёмные ногти.

Три легкомысленные красотки – подумали бы вы, смотря на столик за которым сидели самые желанные девчонки города. Но в голове каждой из них творился ураган, огромный атомный взрыв по размерами сопоставимым с Нагасаки. Каждая из них терзала себя сомнениями. Сомнениями по поводу того, чего они хотят от жизни. Кого хотят видеть перед собой. Они будто находились по центру расхождения двух железнодорожных путей. Пытаясь делать из себя взрослых и самодостаточных, сейчас они всерьёз задумались о том, что вовсе ещё не созревшие. Не уверенные. Испуганные. Не чувствовавшие твёрдой земли под тяжёлым грузом мыслей.

– Ауч, ты уверен что это должно помочь? – сдерживав неприязнь сквозь зубы процедил я Ярославу, который скреп-

ками старательно цеплял разноцветный парик к моим волосам. Яркие разноцветные дреды на голове сначала весьма рассмешили меня, но я старался не показывать свою озадаченность принесёнными средствами нашего преображения (только скорее, в другую сторону) Ярославом, который взял инициативу в свои руки. Когда я имел ввиду «выглядеть как свои в сквоте», я не представлял яркие цветные волосы, которые переманят на себя всё нужное и ненужное внимание.

– Издеваешься, в сквотах так выглядят все! Это место где собираются самые креативные люди города, и ты всерьёз думаешь что они серые невзрачные наркоманы?– (не говорите ему, что я уже был в сквоте и узнал, что люди там вправду серые невзрачные наркоманы. Фрики встречались, но буховатые серые мыши составляли основную массу) – Да на твой цветной парик никто даже и не обратит внимания! – утверждал он, выкрашивая каждую прядь своих каштановых волос разноцветными мелками. Может быть он и был прав, ведь если я и хочу не привлечь на себя внимание особо опасного человека питающего ко мне абсолютную ненависть, нужно измениться до неузнаваемости. И видок как у новомодных рэперов с цветастыми дредами – самое то. Такого Влада ещё никто не видел, и думаю, даже боялся представить.

– Готово! – грубо прицепив последнюю часть парика задумчиво произнёс Ярослав отойдя от меня.

Привстав, чтобы заглянуть в висевшее на двери зеркало я

чуть не упал от смеха. Перед собой я видел другого человека: абсолютно безумного и бьющего в глаза, прямо-таки вырывающего взгляд своим видом.

Длинные толсто скрученные волосы всей палитры цветов лезли мне в лицо периодически закрывая обзор.

– Твою мать, ты же круче чем Лил Памп! – закричал Ярослав сидя на моей кровати и наслаждаясь своей работой, заключавшейся в грамотном надевании парика. Подправив ярко накрашенную шевелюру, он по прежнему довольно смотрел на себя в зеркало. Как бы вам объяснить как он выглядел? Видели ли вы тот безумный сериал про маленьких разноцветных пони? Так вот, выглядел он, будто хвост одной из тех цветастых нарисованных лошадей прилепили ему на голову. Волосы напоминали самые смелые мечты наркомана, и на них он затратил безумное количество цветных мелков. Почти вся палетка израсходована на одну только шевелюру.

– Итак, шаг два в твоём образе – как ведущий настоящего банального шоу о преображении объявил Ярослав. Достав чёрную краску и толстую волосатую кисточку, он, усадив меня на стул, небрежно стал наносить мазки по всему лицу.

– Татуировки на лице – основное в твоём новом образе – заявил он. Я, смерившись с тёмной противной жидкостью, текущей по моему лицу, задумался что и вправду, бухой как всегда Майкл, иными словами, наша цель, не сможет узнать своего ненавистного врага, в которого он недавно целился ножом, щедро размалёванным странными знаками типично-

го представителя укурков нового поколения.

– А оно хоть отмоется? – дрожащим голосом спросил я.

– Без понятия – пожал плечами Ярослав, закончив размалёвывать моё лицо

Вдруг, я услышал три быстрых стука в дверь, после которых мой горе-гримёр приостановил свою художественную деятельность.

– Приветики – не дождавшись разрешения заглянула моя мама, слегка приоткрыв двери.

– О Боги! – вздохнул я – Зачем стучаться если всё равно, не дожидаясь ответа, ты войдёшь?

Мама, казалось, не услышала:

– Вау – удивилась она, женственно положив руку на щеку, выражая классический жест удивления – Что за маскарад?

О нет, красный цвет. Тревога. Сейчас моя мать узнает о том, куда я собираюсь, заперев меня дома на всю ночь так и оставив все вопросы без ответов. Как родительницу, я бы прекрасно понял её решение. Согласитесь, достаточно странно было бы отпустить своего ребёнка в то место, где он впервые за всю жизнь увидел изувеченный труп, при этом утверждая что вокруг него собрались люди в мантиях как в чёртовом Гарри Поттере. Я бы наказал своего сына за неудачные эксперименты с наркотиками после таких историй.

– Мы собираемся… – начал Ярослав. О нет. Сейчас мой новый языкатый друг в подробностях вывалит на мою и так

озадаченную маму наш секретный план по охоте на маньяка. Вот тогда в моей жизни начнётся веселье.

– На костюмированную вечеринку – уверенно закончил я – Тема – новая школа рэперов.

Лицо моей матери стало поспокойней.

– Обожаю новую школу, особенно мне вставляет Childish Gambino последнее время. Знаете, парни, не его мейнстримная «This is America”, а другие клёвые треки, типа… – моя мама обожала быть «на волне» с самыми последними трендами, и что сказать, мне это невероятно нравилось. Она всегда была в курсе того, что сейчас нравится молодёжи, что носят в этом сезоне, что слушают. Вступите с ней в дискуссию, какой шмот сейчас популярен, и поверите мне. Она утрёт вам нос. По стенке размажет.

Хотя один прокол у неё всё же был. «Клёво» никто не говорит с года-так две тысячи девятого.

– Мам, все видели твой плейлист для тренировок в Спотифай. Ты его недавно выставляла – небрежно кинул я, пытаясь выпроводить маму из комнаты раньше, чем языкатый Ярослав выдаст что-то подозрительное. И кажется, мои быстрые саркастичные ответы сослужили правильную и быстро работающую услугу:

– Ладно ребята, я пошла. Хорошо повеселиться – улыбнулась мама и закрыла дверь.

«Хорошо повеселиться» – пф, это всё? Неужели моя мать после жуткого нападения так легко отпустила меня гулять на

ночь глядя? Очень странно и очень не по-матерински. Похоже во мне заговорил тот самый скептический Влад, который иногда вылазит чтобы придраться абсолютно к каждому.

– Третий шаг – громко объявил Ярослав, пытаясь расслышать постепенно стихающие шаги – Стандартная одежда для скваттера – он достал из синего рюкзака ярко светящиеся и переливающиеся на свету кеды.

– Серьёзно, ты думаешь кеды которые буквально светятся не бросятся в глаза толпе? – удивлённо кинул я

– Боже, бро, какой же ты профан – разочаровано вздохнул мой друг – Эти кеды – обязательный маст хэв любого чувака, пьющего водку смешанную с коньяком и закусывающего экстези.

Следующим элементом моего образа, который Ярослав достал из спортивного потрёпанного рюкзака, стала кофта, надпись на которой вызвала у меня нешуточный шок.

«THRASHER” – ярко пылающими буквами бросалась в глаза тёмная толстовка.

«Это Дэн» – вспомнил я гундосый голос Майкла, небрежно окинувшего рукой парня, стоявшего на краю крыши. Уродливая треугольная татуировка. Зловонное дыхание. Типичный укуренный тип, коих там были десятки. И кто же мог подумать, что через час один из них будет лежать на твёрдой сырой земле, испачканный своей же кровью, а внутренности его можно будет детально рассмотреть в свете полной луны. Невзрачный тип, которому я даже и не уделил особого

внимания сейчас появлялся в моих снах через день, будто постоянное камео. Идя один по тёмным улицам своего города я видел его бездушное лицо, окропленное капельками алой крови. «Смотри, как бы ты не стал следующим, кому сунут нож в живот!» – вспомнил я преисполненный агрессией голос этого отвратного вонючего мудилы, взглянув на себя в зеркало. На кого я сейчас был похож? Цветные дреды, чёрные треугольные тату, для полноты картины не хватало кофты с той клятой надписью. Я будто сам на себя накликал беду, бросая вызов судьбе и высказывая желание поиграть в игру. То что я точно разузнал здесь за последние недели, так это то, что в мире существует особая сила, не влезающая в наши рамки понимания. Девочка, из которой на моих глазах вылазят трупные черви. Человек, которому не подвластно время и старение.

– Я это не надену! – строго обрезал я, отталкивая руки Ярослава в которых он держал эту клятую кофту.

– Но это… – начал говорить он

– Да-да-да, трэнд среди скваттеров и прочего биомусора – не дав закончить быстро протараторил я – В подобной кофте на моих глазах умерал тот парень. Эта яркая надпись была полностью испачкана его же кровью. Я видел как из этой порванной кофты вываливаются кишки этого Дэна…

– Можешь не заканчивать, Влад. Я понял тебя – откинув кофту назад понимающе произнёс Ярослав – Значит просто одень любую спортивную кофту из твоего гардероба, только

чтоб она подходила под слегка цветастый образ.

Я открыл скрипящий шкаф, в котором небрежно сложены мои вещи в единую мятую гору. Ужасная картина. Если бы это видела моя мать, то она собрала бы все мои вещи в кучу и на полной скорости погнала бы на машине по всему городу, выкидывая одежду из окна, заставляя меня бежать за ней и всё собирать. Наказания у моей мамы всегда были креативные. Слава Богу в этом городе она пока что от них воздержалась, пожалев моё внутреннее состояние, которое находилась в одном шаге от бездомной тёмной пучины под названием «нервный срыв», заполненной самыми жуткими воспоминаниями моей жизни.

– О май гад, настоящая толстовка Gucci! – завопил Ярослав, указывая пальцем на чёрную кофту, посреди которой золотыми буквами выведено название люксового бренда. Эту вещь мне принёс Андрей, как успокаивающий презент после незабываемой ночи в сквоте. Сейчас, смотря на эту кофту я сразу же видел перед собой самодовольное выражение лица лицемерного брата, который наслаждался моими судорогами в холодной ночной воде. Ему ничего не дорого в этом мире, когда тема заходит о его рейтинге в этом загадочном топе: ни кровные связи, ни двоюродный брат, с которым он провёл первые десять лет жизни… Никогда бы не подумал, что тут маленький любознательный мальчик превратится в холодного безжалостного мудака, которому оставить своего брата одного на растерзание психопату – раз плюнуть.

Он всегда любил себя – не спорю, но это скорее было лёгким детским нарцисизмом чем ранним проявлением злобной твари.

Я не мог смотреть без отвращения на вещь, подаренную человеком, который буквально привёл меня к весьма болезненной травме плеча. Взяв её в руки, я крепко сжал приятную на ощупь люксовую ткань, представляя в своих руках голову Андрея. Видимо, я стал проникаться настоящей ненавистью, прямо ни чем не хуже братца. Мне хотелось разорвать эту толстовку на два куска, представляя что так же разорвётся его пропитанный желчью и злобой крошечный мозг.

– Подарок брата – прошептал я себе под нос, разглядывая пафосного змея рядом с красными полосками на рукавах кофты.

– Да это же идеальный вариант для сегодняшней ночи – в восторге улыбнулся мой личный стилист на сегодняшний вечер.

Я молча пошёл к углу комнаты, в котором одиноко стоял мусорный бак, заполненный вырванными страницами из тетради и неудачными домашками. Без никаких лишних объяснений и сожалений, под озадаченные вздохи своего друга я бросил клятую толстовку к остальным отходам. Мне не нужны были его подачки. Теперь идея подарить мне кофту заиграла по-новому. Видимо, этот гандон захотел меня приодеть, таким образом говоря что мой гардероб ему не по вкусу. Те-

перь в его подарке ничего кроме унижения я не видел.

– Я конечно в курсе о всех ваших тёрках, но почему не сделать широкий жест и не отдать роскошную толстовку мне? – с надеждой в голосе спросил у меня Ярослав

– Как мне узнать, не обоссал ли Андрей её перед тем как подарить? – равнодушно бросил я, в очередной раз посмотрев на свой сногсшибательный образ в зеркало. Да уж, я сам себя не узнавал, а ещё оставался последний штрих в виде искусственного загара, который сделал бы из меня настоящего ублюдка из двухтысячных. В сумме с очками – я буду новым человеком, которого бы родная мать не узнала, не то что обдолбанный маньячела.

А идеально красивая тёмная толстовка, о которой мечтают десятки таких же подростков как я, осталась лежать в том вонючем мусорном контейнере. Агрессивные змеи, изображённые на руках ассоциировались у меня с Андреем, который подобно этим млекопитающим незаметно подкрадывается, долго продумывая хитроумный план, и затем болезненно кусает, оставляя глубокие следы не только в теле, но и в душе, не готовой к такому от своей, как я говорил ранее, «родственной души».

Эти же яркие золотистые змеи украшали белую толстовку Андрея, почти идентичную моей, только другого цвета и с парой еле заметных отличающихся деталей.

– Я покупаю Владу такую же толстовку как и тебе! – кри-

чала Надин в фейс тайме ещё в начале года, стоя посреди парижского магазина Гучи, в камеру показывая так сильно понравившуюся Андрею белую кофту.

– Нет-нет-нет, это будет конец света если какой-то нищебродный кочевник, скитающийся без цели по разным городам, оденет такую же кофту!как и я! – раздражённо возразил мой дорогой двоюродный брат. О да, за то время что мы не виделись он стал по-настоящему другим человеком, с каждым днём всё больше и больше пытаясь возвысить эго над всеми остальными.

– Не смей так говорить на своего двоюродного брата! – строго обрезала Надин, ловля на себе удивлённые взгляды учтивых консультантов в белых рубашках. Тогда, она ещё была с ним. Опора и поддержка. Советчик и жизненный помощник. Те бесконечные звонки по Face Time, лившиеся на телефон Андрея бесконечной рекой, и на которые он часто раздраженно реагировал, показательно отбивая их при своих друзьях, казались ему лучшими моментами в жизни. Ведь такого больше не будет. Никогда. Одной лишь своей недомолвкой он навсегда вышел из зоны доверия матери. А у Надин невероятно тяжело туда попасть. Она никогда его не простит, и как же ему жить без её прощения?

Если бы она хоть один разок ответила на его звонок, то он бы вновь стал самым уверенным парнем которого только видал этот свет. Ведь она его сделала таким. Создала па камешкам парня-картинку с нуля. Заложила понятие красо-

ты и вкуса. Привязала мужскую обаятельность и харизму. А также научила всегда нести себя выше остальных, создавая правила жизни а не свыкаясь с ними. Всю ту гордость, которую Надин обрела только после выхода замуж она отдала своему чаду, который в один день предал её. Просто не пожелал сказать о том, что его гадкий лысый отец который, как она надеялась, сейчас пытался вылечить самую ужасную венерическую болезнь подхваченную от неизвестной секретарши, предал её. И сидя на белоснежном пляже Сардинии, скрытым от посторонних глаз виллами Роналду и Королевы Елизаветы, она не желала ответить на многочисленные звонки сына, разрывающие её телефон.

Стоя у окна, укутавшись в тёплую толстовку от Гучи Андрей потеряв последнюю надежду отслонил телефон от уха. Конец. Скорее всего, он никогда не услышит голос матери. Только противный кричащий голос не разборчивого в половых связях отца, каждую свободную минуту упрекающего Андрея за его жестокую выходку с чёртовым Владом, будь он неладен. Кредитки перекрыты. Наличные изъяты. Кошельки биткоина заблокированы. Живший никогда ни в чём себе не отказывая, мой двоюродный брат сейчас готов был вырвать на себе последние остатки волос, точнее мелкие колючки, оставшиеся от них.

Его империя, настоящее царство которое он выстраивал все эти годы, уверенно разрушалась. По-настоящему пала. Популярность в школе полностью ушла человеку, репутацию

которого он хотел сжечь дотла, но наоборот, поднял её до небывалых высот. Окружающие его «друзья», которые скорее были тщательно подобранными людьми, тактике отбирания которых позавидовал бы сам Форбс (это был очен тяжёлый метод высчитывая состояния родителей псевдо-товарищей Андрея, поверьте) – медленно уходили с поля зрения Андрея, оставляя его наедине с проблемами. Девушкой-красоткой, характерной для такого парня как он была неизвестная ему девчонка, встреченная у супермаркета и отдавшая свою невинность во время второй встречи. К ней его ничего не манило. Скорее желание, которое стабильно било ключом пару раз в день, и способа его утихомиривания всего два: один по-тихому – в душе, а другой с Настей. Правда вот страсти с ней из него вылетало ещё меньше, чем во время секса с глухонемым. Он не испытывал ничего, кроме физического удовольствия. Девушка под ним так и осталась незнакомкой, узнавать про которую не было никакого желания.

Впервые за свой подростковый возраст Андрей почувствовал как слёзы сами собой наворачиваются на глаза. Ещё один звонок маме закончился безуспешно. И всё. Он больше себя не сдерживал, дав волю эмоциям. Даже прислуга, говорившая

с ужасным акцентом, пусть смотрит и поражается слезам хладнокровного сына их боса, которому каждый из них хотел насрать в очередной обед, заворачиваемый в школу. Пусть глазеют. Андрею всё рано, ведь жизнь его медленно

подходила к резкому обрушению. После него он почувствует настоящую смерть. Не телесную. Он будет разрушен изнутри, причём необратимый процесс начался. Его жизнь была как у Гетсби – насыщенные вечеринки, алкоголь и идеальные девчонки. Всё это завершалось. У всего идеального есть финал. Подросток-мечта разрушался с каждой прожитой секундой, сидя один в огромной столовой, облокотившись локтями об длинный обеденный стол. Его все ненавидят. Андрей не сделал в этой жизни ровным счётом ничего хорошего. Был тем самым мудаком отравлявшим жизнь десяткам школьников. Его ненавидели все: начиная прохожими по коридору ребятами и заканчивая мамой, которая даже и не взяла на него трубку. Он был человеком, смерть которого заметят все, но только лишь единицы расстроятся.

Как сказала его мать – «Больше ничего меня тут не держит». Эта фраза вертелась в голове, вспоминались заплаканные глаза Надин. Он впервые видел как она рыдала, и это было из-за него.

Да, такие как он не уходят по своей воле из жизни. Такие как он живучие заразы. Они останутся, отравляя жизнь окружающим. Но сейчас Андрей не хотел находится в этом мире ни дня больше. Такой моральный урод как он должен был умереть. И самое страшное для Андрея: это то, что он, кажется, искренне раскаялся. Он бы никогда не поверил, что ему станет стыдно за свою жизнь. Он был грязным, избалованным испорченным подростком, после гибели которого

над земным шаром разноцветно загорится огромная цифра «-1» и заиграют громкие звуки фанфар.

Он встал со стула и подошёл к огромному высокому зеркалу в золотой раме, смотря на жалкое отражение. «Да уж чувак, не лучшие у тебя времена» – говорил он про себя, рассматривая огромные мешки под глазами от недосыпа. Ощущение омерзения от человека, стоящего перед тобой в отражении только усиливалось: он видел небрежно выстриженный гадкий ёжик, на который Андрей просто не мог смотреть. Ему хотелось снять с себя скальп заживо когда он видел это уродство. На лбу надувал мерзкий красный гнойник. Впервые за долгие годы. Прыщи, как у всех остальных жалких подростков. Да уж, он опустился на самое дно. Перед ним стоял обычный пацан, утративший последнюю каплю достоинства после отъезда матери.

– Ты разрушен – прошептал Андрей себе под нос, впервые за последние лет пять наблюдая за тем, как медленно скатывается прозрачная слеза по щеке.

Решено. Сегодня Андрей облегчит жизнь Леди V. Он избавит мир от отвратного человека первый. Эта сучка просто так его не получит. Пусть грызёт локти, когда увидит что не она окропила свои тёмные перчатки его кровью.

Он уйдёт красиво. Без никаких сопливых предсмертных записочек и популярных в последнее время видео-прощаний.

Только он, свободный полёт и самое красивое место го-

рода – Водопады Глория. Ну, как сказать, настоящими водопадами с большой буквы их назвать язык не поворачивался. Но в местных масштабах это было красивейшее место.

Очень жаль, что последний день жизни Андрея выдался таким жалким. Но больше он не может. Ни одного дня, это всё испытание.

ЗНАЙТЕ ВСЕ, сегодня та самая ночь, когда всеми ненавистный и эгоистичный, самовлюблённый и просто жестокий мажор, в которого каждый житель города мечтал поглубже засунуть нож, бесславно уйдёт из жизни. ВОЗРАДУЙТЕСЬ. Как вы и мечтали, этот день наконец настал.

Глава 36 #умринонесейчас

В тёмной старой советской машине, просевшие сиденья в которой насквозь пропитались стойким ароматом сигарет, было весьма удушливо. Казалось, ещё вздох и я задохнусь, умерев от омерзительного запаха застоявшегося дыма. Водитель был типичным представителем местной шайки гопников, носивший стандартный тёмный спортивный костюм и белые кеды пацан. Эдуард – вот как мне представили парня, мило скрывшего меня с Ярославом от агрессивно настроенных гопников, не дав им пойти заглянуть за обвалившийся камень. Он, как оказалось, был хорошим другом моего партнёра по одному крайне важному дельцу. К слову, весьма кстати.

В отличии от своих дружков, противно пахнущих потом смешанным с не стиранным заношенным спортивным костюмом, этот парень был намного аккуратнее. Он, вообще, сильно бил глаза своей смазливой внешностью, будто бы сошедшей из сопливой мелодрамы для тринадцатилетних девчонок. Такие как он, обычно, не ходят в компании трудных парней: густые длинные волосы, аккуратно зачёсанные назад, аромат пускай и не самого дорогого, но какого-никакого, одеколона, избавляющего его от бившего по носу аромата потяков. Даже кеды у него были, в отличии от друзей, белее и ухоженней. Будто каждый вечер, приходя домой он садился и начищал их до блеска.

Ярослав деловито сел за переднее сидение рядом с давним другом, оставив меня на заднем сидении делать сэлфачи в новом образе. Ну а что, выставлю, когда поймаю преступника подписав «ночь побед» или ещё как-нибудь пафосно. Хотя, в сумме с моими яркими дредами и уродливыми треугольниками на лице, нарисованными чёрной краской, пафосная надпись смотрелась бы максимально нелепо.

Эдуард согласился подвести нас на окраину города к старому не работающему магазину бытовой электроники и подстраховать, сидя в машине во время расследования. Конечно же, быстрый трансфер с логова психопата в лице друга Ярослава был не единственным запасным выходом. Я сделал рассылку, с помощью которой одним щелчком кнопки можно отправить СМС с одинаковым текстом самым близким

людям: начиная мамой и заканчивая Евой. Это я подсмотрел на курсе спам-маркетинга для чайников. В смс были координаты моего местонахождения, фотография Майкла и номер Ярослава. Но эта кнопка на крайний случай. На тот, если что-то начнёт выходить из-под контроля. А я прямо-таки чувствую, что что-то начнёт.

И вот, наконец, машина свернула на ту самую поросшую травой и сорняками парковку, на которой раньше стояли десятки машин, приезжающих в большой магазин бытовой техники. Сейчас же, каждый вечер тут можно было увидеть машины исключительно нетрезвой молодежи, собирающейся в здании старой игрушечной фабрики. Густые непроглядные заросли плотно скрывали от чужих глаз настоящее царство искушения и разврата. Местная Садом и Гоморра, каждый попавший в которую терял рассудок от окружающих красок. Один раз я вышел оттуда. Трезвый, но с ужасным и глубоким следом в сознании.

Десятки подростков делали в этом заброшенном здании что-то «впервые»: первый секс, первая в жизни затяжка, первая в жизни таблетка, отключающая сознание и первый в жизни порошок, вдохнув который навсегда становишься пленником-зомби. И сегодня моей целью было запечатлить всё это на камеру своего АйФона. И, о да, мне ничего не помешает это сделать. Запасная камера – есть. Два пауэрбэнка с полными зарядами – есть. Смелость и отважность тоже наготове.

В прошлый раз это место перевернуло мою жизнь. Тогда, вцепившись в полисмена и на полной скорости выезжая из леса на быстром байке я готов был поклясться, что больше никогда не ступлю на эти отравившие мою психику земли. Окровавленное лицо парня. Вываленные на сырую землю кишки, оказавшиеся ещё омерзительнее чем в ужастиках. Окружающие меня со всех сторон загадочные люди в мантиях. Знакомое старое лицо, изуродованное быстрым течением песков времени. О да, этот жуткий старик державший кухонный окровавленный нож в руках запомнится мне на всю жизнь. «Видение» – говорят мне окружающие – «Показалось». И я в это охотно верю, если честно. Ведь это необъяснимо – люди наблюдающие за убийством парня. Но как тогда объяснить то пронизывающее холодом страха прикосновение, почувствованное спиной? Кто-то хотел перевернуть меня на спину. Кто-то был за мной. И смирившись, закрыв глаза и ждав такой же участи, как у лежащего рядом бедолаги, я дрожал от холода, смешанного с испугом. Как вам такое? Как объяснить то, что я почувствовал телом? Или оно тоже меня обмануло?

«Что же я творю?» – размышляя я наблюдал за отбивающими фиолетовый свет на ночное небо прожекторами, видневшимися из-за плотной стены хвои – «Зачем мне возвращаться в самое ужасающее место моей жизни, от которого у меня до сих пор идут мурашки по коже?»

Наконец я открыл дверь машины, вдохнув свежий лесной

воздух хвои и услышав громкие звуки хип-хопа, прорывавшие тишину леса. Под ногами в такт музыки тряслась земля. Я чувствовал как она пульсирует под светящимися кедами. Пора возвращаться туда, в загадочное Королевство Полной Луны.

– Чисто! – откашлявшись крикнул Ярослав – Бляха, тут дерьмом несёт похлеще чем из дырки в бабушкином селе!

Мой напарник первый, как самый низкий из нас, залез в высокое узкое окно туалета сквота. Мы незаметно обошли здание по периметру, найдя окно в которое можно было бы пролезть. Вечеринка же закрытая, а я думаю вряд ли местный бодигард пустит нас лишь по одному цвету волос.

Так что и для меня этот сквот станет местом где я впервые попал на вечеринку через окно, еле протискивая зад через небольшое отверстие.

Ярослав взял меня за руки и пытался вытащить из западни, в которую я легко попал, но не мог нормально вылезти. Сразу же, мне в нос бросился отвратительный запах разлагающегося, не смываемого месяцами дерьма. Тут им была заполнена каждая кабинка просторной убитой комнаты. Их подобие туалета больше напоминало санузел в очередной серии Ходячих Мертвецов. Не помню, показывали ли там туалеты, но почему-то апокалипсис у меня ассоциируется именно с «Ходячими».

Может быть, в мире Безумного Макса именно так и вы-

глядят туалеты? Хотя, чего я ожидал от туалета старой заброшенной фабрики.

Исписанные маркерами стены. Уродливые надписи тут повсюду, и я смог их лучше рассмотреть как только выскользнул из окна, ушибив локоть об грязнючий кафель. От одного лишь его вида меня бросало в брезгливую дрожь.

«Ecstasy меня увези»

«Прости папа, я больше не трезв»

«Lil Chuck был здесь»

«XXX, я любил тебя»

Миллионы странных надписей, видимо, написаных в самом не подходящем состоянии для внесения лепты в давнюю историю здания игрушечного завода, пытались донести до меня одну мысль: тут все явно под чем-то. И это что-то срочно надо найти, заснять посреди сквота и свалить, несясь по трассе посреди леса навстречу родному полицейскому участку.

– Мы долго будем высиживать в сральнике? – саркастично спросил Ярослав, подходя к разбитой двери в ржавых потёках.

Дверь отворилась. В неё, не видя ничего вокруг себя вбежал парень лет двадцати, такого зелёного цвета кожи, будто у него серьёзно обострён цирроз печени. Он, даже не заметив нас и не добежав до туалета, мерзкой густой зелёной жижей вырвал на грязный кафель и без того самого омерзительного санитарного узла моей жизни.

– Десять вечера, а он уже угашенный. Серьёзно? – удивлённо спросил я.

– Ещё секунда в этом месте, и я также как этот шрек прямо здесь обрыгаюсь – заявил Ярослав подходя к двери. Он одним лёгким движением ноги открыл её, впустив внутрь громко игравшую музыку, звук смеха и очень интересный запах. Сладковатый, но при этом не приторный. Что же это такое? Ну конечно, марихуана.

– Охота на компроматы объявляется открытой – заявил я, неуверенно выходя в коридор изрисованный цветными баллончиками и окутанный дымом от сигарет.

Подправив цветные дреды я направился на встречу к источнику шума, туда где скучивалась шумная толпа: в главную комнату, где раньше конвейером изготавливали деревянные игрушки. Тут до сих пор в воздухе витал еле уловимый запах старинной краски, окрашивающей миниатюрные машинки и цветные кубики, которые так любили местные детишки. Сейчас же, если бы эти уже давно повзрослевшие взрослые увидели во что превратилась место рождения их любимых ностальгических игрушечек, то пришли бы в полный ступор.

Потрескавшиеся, то ли от старости, то ли от агрессивных алкоголиков регулярно проводивших здесь драки, серые мрачные стены удручали и будто давили, с каждой секундой сужаясь над головой всё теснее и теснее. Яркие неоновые фонарики, которые бросались в глаза со всех сторон вызыва-

ли тошноту. Отмороженные не видящие вокруг себя ничего молодые люди, бездумными глазами, украшенными красными синяками смотрящие на белые таблетки, светящиеся белизной в трясущихся руках. О нет, молодыми людьми этих ребят не назовёшь. Живые, тощие мертвецы которые вместо разговоров издавали противные глухие звуки, желая в этом мире только одного – наркоту. А её в этом королевстве разврата уйма.

Равнодушные ко всему вокруг они ничего не замечали. Но вот мои яркие бросающиеся в глаза дреды и идиотские разноцветные волосы Ярослава смогли отвлечь их внимание от бесконечного поглощения странных таблеток.

Тут я был словно радужный единорог из мира фей среди тёмного мрачного табуна лошадей. Короче говоря, план по внедрению в толпу провален. Я как клоун ходил по плохо пахнущим коридорам собирая на себе всё внимание.

Вокруг были одни невзрачные серые люди болезненного вида, все как один с зелёными лицами и противными угрями на них.

«Там все так будут выглядеть» – вспомнил я уверенный голос Ярослава. Сейчас даже ему стало неловко от внешнего вида. Ну а мне уже было пофиг на выкрики укурков, которые стояли по краям коридора держа в руках бутылки дешёвого пойла.

– Эй, МС Петухи, зачитайте нам рэпчик!

– Хочу такие же дреды, ты шерстяной свитер тёр об воло-

сы?

– Хочется поджечь его патлы и прикурить от них.

Я раздражённым взглядом зыркнул на Ярослава, всем видом пытаясь дать ему понять насколько из него хреновый стилист. Креативной молодёжью оказались блюющие на каждом шагу наркоманы, считающие долгом обсудить мой яркий внешний вид.

Наконец, бесконечно длинный коридор освещаемый неоновыми лампами закончился, и я увидел перед собой толпу людей, будто в глубоком трансе танцующую на местном подобии танцпола. Это были не обычные танцы, которые я привык видел на школьных выпускных и дискотеках в летних лагерях. Это были резкие странные движения людей, абсолютно равнодушных к мнению окружающих. Они танцевали будто за закрытыми дверьми своей комнаты – безудержно и как хотелось им. Может быть нам с Ярославом стоило взять пример с увлечённо размахивающей тощими конечностями толпы, наплевав на все эти реплики, доносившиеся в нашу сторону с еле двигавшихся уст наркоманов.

– Пора нырять в толпу – обратился я к напарнику, подходя к волне людей, которая ещё шаг и заберёт меня в круговорот безумных танцев с головой.

Играл какой-то бешеный ремикс на странную песню, исполняемую парнем с мерзким гундосым голосом как у хозяина сквота. Аранжировка и биты в ремиксе были настолько хаотично и бессистемно наставлены по всей песне, что

при всём желании, я бы не смог станцевать под столь странный ритм. Странный он, потому что ритмом это назвать вовсе нельзя было. Нечёткий набор звуков, от которого голова начинала гудеть. Странное чувство. Биты словно кололи по ушам.

Но ребятам под кафом всё равно под что танцевать. Они двигались под свой, понятный только им ритм, наслаждаясь каждым движением будто в слоумо. Они тёрлись друг о друга без капли стеснения, ибо на танцевальной площадке было жутко тесно. Тут даже косячку негде упасть: везде потные возбуждённые телеса, жаждавшие только одного – развлечений. И у каждого они свои. В своей голове. Каждый находил с чего посмеяться, даже когда вокруг ничего смешного не было. Каждый находил под какую музыку танцевать, даже когда музыка вокруг была обычным несуразным ритмом. Каждому казалось что сейчас он в волшебном мире, в котором фонари становятся ярче а жизнь длиннее.

Не жизнь – а рай.

Только это всё было искусственное. На самом то деле, вокруг них настоящая жесть. Лишь благодаря белым таблеткам хранившим в себе всю таблицу Менделеева им было сейчас так хорошо, они были в идеальном параллельном измерении, в несколько десятков раз лучшем чем их долбанная реальная жалкая жизнь. Каждый из отчаянно танцующих, отбивавших ноги людей был глубоко несчастным. И именно в этом месте они искали убежище, своеобразное укрытие от

реальных проблем. Родители выгнали из дома – иди в сквот. Умерла мама– иди в сквот. Провалил экзамен – иди в сквот и накурись дешёвой травой. Из все проблем для местной молодёжи только один выход: старое здание игрушечной фабрики, внутри которой находилась пёстрая, скрытая от глаз вселенная развлечений, начинающая жить ночью. Там их всех с распростёртыми объятиями, одной рукой забивая косяк, а другой протягивая маленькую таблеточку, от которой все проблемы мигом уйдут из жизни встречал местный Бог. Создатель этой вселенной. Господин Диллер. Кришна нового поколения. Мистер-бьющее-в-глаза-своим-ярким-цветом-самодельное-мелирование. Что же творилось в голове у этого подонка, убивающего невинных? Зачем он это делает? Подбирает несчастных неопределившихся по жизни подростков, чтобы потом как следует накачать их наркотой и жестоко убить. Загадочная личность. И сейчас она смотрела с самого высокого балкона сквота на пару ярко разодетых парней с цветными волосами, по нелепой случайности вырядившихся как полные идиоты, перепутавшие притон с Хэллоуинской вечеринкой.

– Что за клоуны? – спросил он у своего компаньона, так сказать – миньона, если под этим словом подразумевать напарника злодея, а не тех жёлтых маленьких пилюлек из мультфильма. Правда он совсем не знал о маниакальных секретах своего товарища.

Майкл наслаждался видом людей, находившихся под его

видным балкончиком, так сказать «VIP” ложей, если так можно назвать несколько потрёпанных матрасов у прогнившего деревянного стола.

Все люди, нелепо танцевавшие под его ногами – пленники. Его личными поданные, которые сделают всё чтобы получить очередную дозу. СДЕЛАЮТ ВСЁ – как же его грела эта фраза, вызывающая самые ужасные фантазии.

На сегодня он уже пересмотрел себе малышку с объемным бампером. Она активно трясла им на танцполе, закрыв глаза. Эта красотка находилась под кайфом. И она сто процентов сделает всё за заветные таблетки.

Каждый танцующий в этой толпе сделает всё за них. Пробивая пятками пол, каждый из них полностью погружался в себя, медленно умирая изнутри. Они все смешались в единую серую невзрачную массу, за которой улыбаясь наблюдал её покровитель. Только разноцветная парочка била по глазам. В отличии от невидящей ничего толпы людей, которые полностью погрузившись в танец наслаждались состоянием наркотического опьянения, те два парня уверенно шагали к цели. Тогда Майкл ещё не знал, что они здесь чтобы уничтожить его, отомстив за каждую каплю крови, блестящую на его грешных руках.

Мокрые молодые люди тёрлись об меня, не давав пройти. Они прижимались всё сильнее и сильнее, будто зная насколько я ненавижу близкий контакт с незнакомыми

людьми. Тем более плохо пахнущими наркоманами. Я чувствовал биение их сердец телом, пытаясь протиснутся сквозь влажные телеса. Их пот оставался на моих ладонях, а мокрая шея одного танцующего парня один раз почти дотронулась до моих губ. И вот тогда я понял что незамедлительно проваливаюсь под землю от брезгливости и отвращения. Это было омерзительно. Устойчивая удушливая жара и десятки людей, края которым не было предела. Яркие фонари надо мной, часто ослеплявшие глаза ярким светом. Вся обстановка здесь одурманивала ещё до первой затяжки. Музыка, со всей силы бьющая по ушам, и запах марихуаны смешанного с нездоровым потом, практически доносившего запах нездоровой печени до носа, заставлял голову кружиться и странно болеть, а взгляд неуверенно бродить по толпе.

О Боже мой, кажется я начинаю себя чувствовать точно также. Пора выходить из толпы. Срочно искать выход, пока я не грохнулся на пол, уронив свой парик и выдав перекрытие. Тогда уж, эта ночка точно станет финалом моей заполненной вопросами, оставшимися без ответов, жизни.

Толпа была позади нас. Очередной невзрачный коридор, стены которого испачканы вонючей блевотиной и уродливыми надписями. Тут я хотя бы смог отдышаться, подавив в себе устойчивое отвращение. Передо мной не было чужих каплей пота, которые так и норовили попасть на кожу.

– Предлагаю разделиться – предложил Ярослав, который

также как и я был в шоке от нескончаемой танцующей толпы – Ты ищешь что-то в правой части этой развалины, а я пойду в левую.

– Где ты откопал такую тактику, в Скуби-Ду? – вдыхая полные лёгкие не шибко приятно пахнущего воздуха проязвил я.

– Именно. Будем на созвоне – проронил мой напарник, после чего зашёл в коридор, ведущий в левую сторону.

Мне ничего не оставалось, кроме того как совершенно одному пойти в тёмный пахнущий сыростью убитый коридор. Идея разделиться и идти по этому ужасному месту в одиночку меня всерьёз напугала. Ненавижу, когда руководство планом полностью придуманным мною кто-то забирает на себя. Ну о'кей, фонарик и храбрость заложенная во мне помогут. Или нет?

Тёмная непроглядная пропасть, дно которой чисто физически нельзя было рассмотреть располагалось под его ногами. Невероятная высота. Стоя на краю моста, Андрею, никогда ни имевшему никаких фобий, показалось, что в нём сейчас заиграл настоящий страх высоты.

Может быть это из-за того, что стоя на провисающих под весом гнилых досках высокого моста нельзя рассмотреть глубины пропасти. Настоящая неизвестность. Только лишь острые мокрые камни на которые обрывался резкий поток воды небольшого водопада Глория. Местная достопримеча-

тельность, гордость города и одна из немногих красот лесистого севера, найденая и открытая для всех желающих туристов. Но и это, как оказалось, не заманило сюда в ночь четверга ни одного бродягу. Андрей был совершенно один, дрожащими руками вцепившись в хлипкий железный поручень моста, плотно покрытый ржавчиной. Да уж, завтра на город нагрянет ещё одна сенсация: синее тело мальчика, разбившееся об острые камни недалеко от живописного водопада. Холодная кожа усыпана мокрыми брызгами. Очередная новая загадка, на которую скорее всего, никто не найдёт четкого ответа. Неужели это выходки сумасшедшей маньячки в белой маске? Или самый популярный человек города неожиданно для всех решил оборвать наполненную яркими красками и блеском золота жизнь? Он станет новой тайной, войдя в историю города, как например, Адриана – примерная отличница, одним солнечным утром найденая недалеко от дымящегося авто.

Да уж, его смерть прокатится более позитивной волной, чем смерть его обожаемой всеми сверстницы. Ведь тут одно лишь имя его вызывало волну негодования. Гнилой похабный сын богатеньких родителей, которому хотел плюнуть в лицо точно уж каждый второй житель.

Его похороны можно легко представить: самое бесславное мероприятие последних пяти лет, и уж точно самые паршивые похороны за всю историю.

– Ненавидела этого козла! – сказала бы Алина, подойдя

к его гробу и в последний раз посмотрев на лицо человека столь ненавистного, что даже на похоронах добрые слова не находились.

– Лицемерная тварь, из-за которой на меня напал маньяк! – припомнил бы его братишка, подойдя к гробу следующим по очереди, даже и не посмотрев на мёртвое тело, один вид которого у него вызывал отвращение.

– И я его ненавижу!

– Гадкий мудак!

– Наконец он сдох!

– Карма разбила его об камни, надеюсь он подыхал в муках!

Всё кладбище заполнилось бы оживлёнными обсуждениями и выкриками разных интонаций: от ненавистных до радостных. Такого гула в тихом царстве мёртвых, находившимся посреди залитой солнцем поляны, ещё не было.

– Кто-нибудь хочет сказать что-то про мёртвого? – спросил бы бородатый равнодушный священник, рассматривающий ногти. Для него похороны детей – очередная рутина.

На поляне, на которой даже и не соизволя одевать траурную одежду, собрались несколько жителей города, застыла бы непробиваемая тишина. Никто из них не знал Андрея, чтобы говорить громкие фразы. Его мама не приехала, так и погрязнув в своей обиде разъезжая по рифам острова Капри. Возможно, она могла бы сказать про него хоть что-то. И то, этими словами был бы рассказ о том, как сын предал

её в последнии дни своего жалкого существования.

И только лишь одна незнакомая ему рыжая девочка скромно подняла руку, выйдя к гробу:

– Хочу сказать, что я никогда с ним не общалась. Но я хорошо его знала. Поверьте, очень хорошо. Каждый день я пыталась с ним поздороваться, прогуливаясь по коридору и с восторгом наблюдая за ним, надеясь что он меня когда-нибудь заметит. Этот день настал. Однажды, перед физкультурой он сказал мне что от моих волос несёт будто от старой коровы. После этого, каждый день день перед сном я открывала его фото. Серьёзно: могу наизусть процитировать подпись каждой фотки и хэштеги в точной последовательности.

Поляна бы заполнилась смешками и осуждающими шепотками.

– Я смотрела на его фотографии шепча под нос «Прийдёт день, когда ты сдохнешь, и тогда я станцую тверк над твоей могилой». И вот, этот долгожданный день настал. Так давайте все вместе возрадуемся гибели главного гандона нашего города!

Тихая поляна, на которой мирно покоились мёртвые родственники каждого жителя города, заполнилась бы радостными криками.

– Ура! – кричала бы толпа, прервав речь девчонки и подбежав к красивому лакированному дубовому гробу. Даже священник не стал бы спорить, отдав тело Андрея на растерзание разъярённой толпе, отойдя в сторонку.

– Этот гавнюк не должен быть похоронен в наших землях, мы должны его сжечь! – крикнул бы парень, который вместе со своими друзьями подхватил тяжёлый гроб на плечи и понёс в строну города.

– Да! – кричала бы довольная толпа, аплодируя в ладоши и с восторгом смотря на то, как блестящему чистейшему и дорогому гробу, в лучших традициях семейства Арсения, не дали уйти под землю.

Над его телом сначала где-то часик поглумились, нарисовав на бездыханном лице чёрным маркёром усики, а на щеке нелепый член, хохоча и снимая на камеры.

Чему Андрей был точно рад, так это тому, что он бы был самым красивым трупом на том кладбище. Папа одел бы его в красивейший костюм от Хьюса, приправив всё запонками от Cartier. А может быть вовсе, решил бы забыть своего единственного сына как страшный сон или неудачный эксперимент. Хрен поймёшь этих миллионеров.

– Сжечь! Сжечь! Сжечь! – радовалась бы толпа, пронося открытый гроб по улицам города.

Это были бы самые весёлые похороны, которые внесли бы на календарь как всеобщий праздник. И ощущая порывы холодного ветра дрожащим от страха лицом, Андрею всё меньше хотелось прыгать вниз, радуя такое огромное количество людей. Но отступать поздно. Он чётко решил, что его жизни суждено оборваться, не портя жалким одиноким концом яркое, роскошное, пышное и весёлое существования. Лучше

прожить жизнь короче – думал Андрей – и запомниться всем как чертовски красивый харизматичный богатенький мудак, чем грустный лысый паренёк в одиночестве жующий батончик с глютеном.

Чёрт, как же тут было высоко. Один шаг, и свободный полёт, от мысли о котором Андрею сразу же становилось дурно. Как пересилить себя сделать самый последний шаг в жизни, когда он наполнен таким сводящий с ума страхом? Ощущая холодные порывы ветра в лицо, у Андрея всё сжималось изнутри, желудок выворачивался от странных ощущений, что творились внутри.

Продолжая держатся за железные поручни он присел на корточки, смотря вниз на разлетавшиеся в разные стороны брызги. По телу бегала жуткая дрожь. Может быть просто не стоит смотреть вниз? Андрей поднял взгляд вверх, засмотревшись на полную луну и яркие звёзды. Как же всё-таки красиво умереть под полнолунием, разбившись об острые камни. Хоть его смерть не будет такой жалкой. Осталось всего лишь отпустить мёртво застывшие на ржавой палке руки.

Вдох. Выдох. Какой же тут свежий воздух, пахнущий хвоей и сентябрьской свежестью небольшой реки. Этот воздух проникал глубоко в лёгкие Андрея, щекоча внутренности. Бескрайний тихий лес, только лишь далёкие звуки совы, проснувшейся на ночную охоту. Ему было легко ассоциировать себя с этим интересным созданием. Сова также как и он жила только ночью, не зная света дня. Каждая его ночь

была наполнена яркими красками и волшебными миражами, которые с наступлением света, как карета золушки, исчезали, оставляв за собой одиночество, похмелье и плохое самочувствие. День был вечным последствием, последствием сумасшедшей яркой жизни проживаемой Андреем ночью. Страстные поцелуи, крепкая выпивка и громкая музыка. Всё это окружало его всегда в огромном излишестве. А день лишь тень ночи. Скудный на яркие эмоции, скупой на приятные ощущения. День ломает напрочь все ожидания и амбиции, которые рождаются ночью. Он словно жестокий князь, растаптывает то самое ощущение счастья. У многих сверстников Андрея оно появляется лишь с наступлением темноты, пока не взойдет солнце. Эх, громкая ночная сова, сколько же у тебя с ним общего. Даже зловещий хохот, который она издавала в промежутках между тревожными криками знаком для Андрея. Он любил причинять боль, злорадно наблюдая за последствиями. Сейчас, он будто очнувшись собирался причинить боль себе, самостоятельно вернув карму. Он прозрел. Его жизнь была настоящей вечной ночью, скрывающей в своей тьме все его поступки. Их легко можно назвать настоящими грехами. И вот, наступил рассвет. Своеобразное похмелье, когда отказываешься верить в то, что это была твоя жизнь. Когда все остальные выстраивают будущее вокруг себя, целеустремлённо идя вперёд, Андрей топчется на месте гадя себе же под ноги. У него уже заранее будет сытое будущее, в котором он видит себя таким же мудаком

как и сейчас. Он будет тем самым, которого покажут в новостях с подписью «Сын олигарха в нетрезвом состоянии сбил беременную» или «Сын олигарха избил женщину в туалете ночного клуба». Он то самое бездумное существо, которому яркий свет золота и пьянящий запах денег бьёт в мозг, заставляя творить любые ужасные вещи, какие только прийдут в ненасытный уставший от наполненных богатством будней разум, идя на самые бесчеловечные поступки. Видимо, он тот самый биомусор коим считал окружающих себя подростков: тех самых очкариков, которые не мыв голову допоздна засиживались за учебниками, сажая зрение. Те самые девчонки, лица которых плотно усеяны угрями. Они тщательно и днём и ночью изучали строение организма человека, чтобы впоследствии стать оплачиваемыми врачами. У всех этих ребят стоит большая цель впереди. Все они попадались под горячую руку Андрея, выслушивая громкие обидные унижения. А ведь он сам словно находился посреди бездонного глубокого ущелья, с каждым днём всё быстрее и быстрее падая вниз. Он терял себя. Все его детские интересы и увлечения ушли коту под хвост, выйдя из головы Андрея и посадив на своё место размышления о том, как круче выпендриться перед всем городом, вызвав новую волну негатива.

Теперь этому существованию пришёл конец. Может быть хоть за это в аду ему дадут менее ужасные пытки за тщеславие и малодушие, добавив «+1» в карму и дав комнату подальше от раскалённой лавы. Хм, а в аду есть номера для

грешников, как в гостинице? – задумался Андрей. Если да, то там скорее всего не престижно, как в обычных гостиницах, жить у моря, у них же оно из лавы. И скорее всего, номера для знаменитых грешников, тоже в отличии от обычного мира, считаются самыми ужасными. В джакузи из лавы плавиться Гитлер, а тело императора Нерона, который спалил Рим, бесконечное количество раз разрезают и собирают.

И каждый день, после того как Андрей разобьётся о камни, он будет ходить на ужасные анти-процедуры, в самом адском санатории вселенной. Сначала в его рот зальют бесконечное количество воды, а потом поставят маленьких тяжёлых чертят прыгать на заполненном животе, пока Андрея не разорвёт на части. Так его накажут за употребление алкоголя. Потом, самый дорогой орган что у него есть, благодаря которому у него было столько удовольствия на протяжении бессмысленной земской жизни, будут медленно резать на куски, наказывая за многочисленное прелюбодейство. В итоге, его поставят на раскалённое поле таскать невероятно тяжёлые булыжники, в то время когда какой-нибудь Чарльз Мэнсон будет хлыстать его прокаченную спину жгутом. Да уж, смерть после яркой, наполненной экспериментами и развратом жизни – отстой. В раю наверняка будет круто. Туда, наверное, попадёт этот конченный Влад, крича «Взгляните, я та самая жертва которая пережила нападение маньяка после того, как мой брат-гандон, плавящийся в лавовом джакузи преисподней оставил меня одного в лесу!» и ныряя в

лазурный бассейн, где его будут ждать ушедшие из жизни колумбийские модели. Видимо, в аду будет по-настоящему хреново. Но выхода больше не было.

Пора отпустить замёрзшие окаменелые руки, дав телу упасть и разбиться. Эх, если бы его живот не заплыл жиром после тех многих батончиков с высоким содержанием жира, то Андрей снял бы футболку, прыгнув спиной. Тогда, какая-нибудь жена рыбака на утренней прогулке по речке увидела его прекрасное тело и воскликнула: «Сын Посейдона, ты ли это?», рассматривая его облитые кровью кубики пресса. Да уж, если б он подумал за это, стоило бы подкачаться перед самоубийством.

Собираться уйти из жизни и понимать, что ты её прожил зря – хреновое чувство, с которым пришлось сейчас столкнуться Андрею, смотрящему испуганными глазами в пропасть. Всё-таки, место, что он увидит последним в жизни чертовски красивое. Хоть что-то радует.

Тишина ночного леса разбавилась тихим еле слышным шумом. Кажется, от холода и страха у Андрея уже начинаются галлюцинации. Кто может проехать ночью по мосту где-то у чёрта на куличиках? Но звук не стихал. Уже не слышно было объемного крика совы, а журчание водопада, доносившееся снизу, стало намного приглушённей. Темнота, окружившая Андрея, стала медленно уходить, будто солнце начало всходить над горизонтом. Но как же такое возможно, сейчас десять часов вечера!

Опять какая-то хрень мешает ему тихо уйти из жизни. Ну почему, даже от мирного окончания существования его отвлекали то глупые мысли про ад, то странный свет и непонятный шум? Точно, это не просто странные звуки. Журчание мотора авто, становящееся ближе и ближе к старому деревянному мосту. Ну вот, как он и предполагал. Сейчас мирная семейная пара остановится напротив него, начав отговаривать прыгать, вызвав полицию и его отца. Арсений на этот раз точно от него откажется, покрывшись багровой краской от стыда. Пора заканчивать эту безумную ночку. Надо всего лишь отпустить руки и полететь вниз, на встречу страшному, но справедливому небесному суду. Хотя может быть религия с детства навязала ему ложь? Может быть там просто беспросветная тьма, ожидающая после смерти?

Мрак вокруг него на этот раз полностью растворился. На его разочарованное в себе, трясущееся от холода тело светили яркие фонари машины. Ему не хотелось поворачивать голову, чтобы как стоит рассмотреть авто. Скорее всего, это разъярённый папочка приехал на майбахе, узнав о том, что собирается сделать его ужасный сын. Не спрашивайте, откуда узнав. Он всегда всё знал, быв на шаг впереди. Может быть именно это сделало его чертовски богатым.

Андрей не обращал внимания на яркий слепящий глаза свет, смотря в тёмную бездну ставшую сейчас совсем беспросветной. Пора, наконец, отпустить руки, и пусть тот кто сидел в авто наблюдает как он летит на встречу гибели.

Машина подъезжала всё ближе и ближе, заставляв хлипкие доски старого моста трястись будто от взрыва. Они скрипели, проседая под тяжёлыми колёсами.

Но Андрей не обращал на него внимания. Он сосредоточивался на том, чтобы пересилить страх. Машина подъехала вплотную и самоубийца, поддавшийся унынию, предал принцип и посмотрел назад.

Чертовски классный белый раритетный Мустанг остановился рядом с ним, продолжая светить фонарями в чащу леса. Он не был в курсе, какую роль эта машина сыграла в судьбе его брата. Ещё позавчера, капельки крови Влада разбавили идеальный белый цвет тачки. И сейчас, эта колесница страха подъехала к нему.

Окно начало медленно открываться, съезжая вниз. Ну вот, та самая мирная семейка которая начнёт его отговаривать. У них ничего не получится. Он сделает то что намерен сделать.

Но ожидав увидеть за рулём мужчину средних лет, который бы улыбался пухленькой жене-мамаше его троих детей, Андрей немного удивился. За рулём сидела настоящая эксцентричная молодая красотка, своими блестящими, горящими от интереса глазами рассматривающая его. Он не видел её раньше, ведь такую яркую, даже чуть-чуть эпатажную внешность забыть никак нельзя. Яркие пряди, вплетённые в её густые объемные волосы предавали образу необычности. Виртуозная и вычурная татуировка дракона, красующаяся на её

правой щеке предавала девушке дерзости. Настоящая роковая красотка подправив свою яркую розовую прядь ненавязчиво улыбнулась Андрею.

– И что же ты собираешься делать, красавчик? Я подозреваю, что точно не ловить рыбу – саркастично заметила она, выглядывая из окна классического авто.

– Твои подозрения верны – сухо бросил Андрей, продолжая сидеть на краю залитого светом фар моста.

– Дай угадаю, бросила девушка? Вы, олухи, только из-за них решаетесь на подобную хрень.

– Да нет, просто моя жизнь бесполезный, никому ненужный кусок дерьма – вздохнув ответил он.

– А почему ты считаешь что твоя жизнь должна быть нужна кому-то? Ты – творец, который своими руками может сделать из куска дерьма чёртов шедевр современной скульптуры – поддерживала Андрея незнакомка.

«Своими руками может сделать» – нежный голос девчонки прозвучал эхом в голове Андрея. Почему он, и вправду, не может сделать жизнь стоящей чего-то? Он, блин, самый уверенный, популярный и гордый парень этого городишки, которого тут знают все. Семнадцать лет – тот самый возраст, когда по-настоящему понимаешь что пришло время меняться к лучшему. Делать жизнь лучше. Период, когда с огромной скоростью летишь вниз остаётся позади, и ты на полной скорости врываешься во взрослую жизнь.

Почему мысли Андрея так резко менялись, с каждым ра-

зом обретая новый характер?

– Слушай, поезжай отсюда и не мешай мне наслаждаться последним днём жизни – грубо ответил он, хотя на самом деле, отъезд загадочной красотки – последнее, чего ему хотелось. Ведь благородия ей в его существовании появился новый стимул: узнать, кто же на самом деле эта девчонка-загадка с тёмным драконом во всё лицо. «Не отъезжай, побудь со мной ещё минуту» – просил он внутри себя, надеясь, что девушка не выполнит его резкую просьбу.

– Унылый красавчик на краю моста, хочешь провести со мной чертовски классную последнюю ночь жизни? – подмигнула девчонка – Твоё самоубийство наполненное трагизмом может подождать до рассвета – она открыла дверь, приглашая незнакомца разделить с ней переднее сидение – Я еду в обалденно классное местечко, ты оценишь – Андрею, казалось, было всё равно на предложения незнакомки. Он смотрел вперёд, на ночной лес, готовясь сделать последний шаг в своей жизни. Незнакомка с цветными волосами привстала, пытаясь найти что-то в заднем кармане. Порыскав так секунд десять, она достала круглую мелкую ярко-белую таблетку, даже во тьме светящуюся белоснежным цветом.

– Смотри что у меня есть для нас – она просунула её в открытое окно, пытаясь приковать к себе внимание Андрея. Это сработало. Он, повернув голову, засмотрелся на запретное развлечение, с которым уже был знаком не понаслышке. Однажды, благодаря этим мелким малышкам он провёл са-

мую весёлую и яркую ночку в жизни, и даже забытый богом разваливающийся сквот показался настоящим Эдемом. Наркотики – это ужасно, но чёрт возьми, как же ему это нравилось. Он из-за всех сил пытался не повторять ошибки прошлого, боясь, что родители узнают о его запретных наклонностях и упекут в реабилитационный центр, как и многих других испорченных мажоров. О них он часто слышал истории с уст родителей.

– Зачем ты это делаешь? – недоверчиво спросил Андрей у красотки в старом авто.

– Что делаю? – переспросила она.

– Пытаешься вернуть незнакомому парню интерес к жизни. Ты же не можешь возвращать его мне всё оставшееся существование.

– Я не могу делать это всю твою жизнь, но могу сделать это сегодня ночью – шёпотом ответила девушка, сжав в кулаке дозу экстези. Руки Андрея, отделявшие его от жуткого падения, затряслись от желания. У него будто начиналась ломка, которая не естественно выворачивала конечности, заставляя руки трястись в судорогах а кожу потеть. В руках харизматичной незнакомки находилась ещё одна причина прожить последнюю ночь, способная изменить его планы и заставить остаться тут.

Ловко перешагнув ржавый забор, Андрей запрыгнул через открытую дверь в пропахший марихуаной салон, в котором его ждала искренне улыбающаяся причина остаться,

протягивающая ему крошечную на первый взгляд, проблему всего человечества, делающая из обычных подростков безвольных зомби, растрачивающих все сбережения на эту дрянь.

Новый знакомый загадочной девушки выхватил из её рук экстази и закинул в рот, проглотив даже не запивая.

– Ну и, как тебя зовут, мой таблеточный ангел? – спросил Андрей, приняв наркотик. Он почувствовал как начинает кружиться голова, будто машину в которой он сидел начало переворачивать по кругу. Ему хотелось выйти из неё и подышать свежим воздухом. Он знал, что первые ощущения обманчивы. Дальше начнётся настоящая сказка, которую нельзя описать словами в очередной главе книги. Безумные ощущения, настоящий фейерверк пронизывающий тело изнутри.

– Герда – улыбнулась водитель, наблюдая за тем, как схватившись за живот начал потеть её новый пассажир. Ему казалось что тесная крыша машины опускаться вниз, вот-вот и сдавит его тело. Самое начало. Первые побочные эффекты чудодейственного препарата.

– Герда – задумчиво повторил Андрей – Я надеюсь ты не бывала в холодном королевстве Снежной Королевы? – гундося сарказмировал он, не понимая что его голос становится тише, затухая с каждой секундой.

– Каждый день я бываю в царстве огня – оторвавшись от дороги сказала Герда, рассматривая как маленькие капельки

пота капают с волевого мужественного подбородка – И прямо сейчас мы туда направляемся.

Надавив на педаль газа с ещё большей силой, она помчала сквозь непроглядный тёмный лес, деревья которого быстрой чередой проносились перед окнами Мустанга, усиливая желание Андрея вырвать. Ему казалось что бесконечный пейзаж чащи леса за окнами начинает кружится, монотонным невзрачным калейдоскопом проносясь в глазах угашенного подростка. Начиналась вторая стадия: непонятные странные галлюцинации, делающие из окружающего мира бесконечный крутящийся калейдоскоп. У кого-то это вызывало нескончаемый поток веселья, счастья и радости. Кто-то переносил этот своеобразный этап как обыденное сильное кружение головы.

Андрею же казалось, что он проваливается куда-то вглубь себя, в тёмную пугающую бездну напоминавшее то жуткое место у Виктория Фоллс, где он хотел закончить жизнь. Сейчас же, это желание полностью забылось. Забылось всё: как и у миллионов одиноких несчастных подростков, ищущих ощущения, у Андрея будто стёрло всю боль начисто. Сейчас, внутри он чувствовал забавно играющую разными яркими огнями пустоту. Там не было ничего. Только странные ощущения, которые ему нравились.

Белый мустанг ехал не останавливаясь, спугивая одиноко сидевших птиц на потрёпанной дороге, полностью состоявшей из неглубоких ям в твёрдой сухой почве.

Громко целующаяся пара – единственные люди, которых я встретил на своём пути разделившись и уйдя от Ярослава. Они специально вызывающе начали облизывать друг друга, увидев меня. Казалось, парень с квадратным тату на шее сейчас засосёт её как пылесос. А она была и не против. Видимо под действием очередной дозы она получала наслаждение от того, как мокрый язык парня, густо покрытый миллионом бактерий, оставлял густые слюни, содержащие миллиарды молекул ДНК и пару легко переносимых вирусных инфекций, на её потном теле.

Редкие неоновые фонари, без всякой системы увешанные на изуродованных стенах притона изредка освещали проход. Я шёл не зная куда, держа в руках телефон с фонариком в поисках настоящей сенсации. Пьяных подростков под наркотой, держащих в руках кое-что потяжелей я наснимался вдоволь. У меня круто получалось держать камеру и делать вид, что я листаю ленту в Твиттере. Мне стоит всерьёз задуматься о работе журналиста. Только вот в наркопритоны после этого я не полезу.

Эй, где же ты, тот самый шокирующий контент, который поможет мне посадить за решётку урода с дешёвым мелированием? Очередные целующиеся под кайфом подростки – не вариант. Лежащий в своей собственной моче обкуренный парень с густой щетиной, смахивавший на бомжа со стажем – тоже.

Кажется, я пришёл в конец коридора. Тут узкие стены резко исчезали, образовывая холодное просторное помещение, в которое сквозь многочисленные трещины проникал свежий воздух с улицы. Тут весьма жутко благодаря тому, что я был совершенно один, наедине с мраком. Пелену тьмы я пытался пробить фонариком. В воздухе витала пыль, по всему периметру пола разбросаны использованные презики и шприцы. Господи, хоть бы не наткнуться на один из них! – молился я про себя – Заразиться СПИДом, ВИЧем, гепатитом или какой-то другой жуткой неизвестной болезнью, которая местная индийская диаспора притягивает со своей родины, ради видео с наркотиками – было бы настоящим фиаско.

Посветив не самым сильным фонарём влево я обнаружил огромную железную дверь. Железная – значит за ней обязательно будет какое-то откровение. Типичная логика следопыта-чайника.

Я ринулся к ней, со всей силы надавив на твёрдую ручку с острыми углами.

Видимо, у местных наркош совсем поехала крыша. Даже своё подобие «тайной комнаты» они, видимо, в очередном угаре забыли запереть. Из тёмного пространства, находившегося за дверью, в нос сразу же донёсся странный аромат.

«Хоть бы там были трупы» – впервые за свою жизнь я как безумный мудак надеялся, что в том мрачном помещении окажется весомый аргумент в пользу смертной казни гандо-

на.

Я прошёл в тёмную комнату, освещая мрак фонарём, в свете которого игриво переливалась парящая в воздухе пыль. Аромат, чем дальше я проходил в помещение, тем больше усиливался, всё сильнее одурманивая сладковатым привкусом. Тут, этот стойкий запах марихуаны был везде, но в этой комнате он достиг апофеоза, удушливо стоя в грязном воздухе.

Крыша над головой, сохранявшая полумрак в комнате за железной дверью так же резко закончилась, как и началась. Внутрь проник яркий свет полной луны, который собой осветил мою так долго ожидаемую сенсацию. Чем же оказалась эта самая сенсация? Я вас скажу три слова: НАСТОЯЩАЯ. ПЛАНТАЦИЯ. МАРИХУАНЫ. Передо мной, высокой стеной выросла густо насаженная трава. Весьма загадочно. Настоящий сад в удалённом конце игрушечной фабрики. Зачем он здесь? Неужели, это всё время, не щадя ничего вокруг покрыло густой травой заброшенное здание?

«Дебил, это не просто трава – заговорил со мной внутренний голос – Это марихуана, открой свои бэньки и рассмотри форму листика»

Точно, самая настоящая плантация наркотиков как где-нибудь в провинции Мексики или на задворках Колумбии.

«Да нет, не может марихуана прорастать в наших умеренных широтах» – задумался неуверенный второй Влад, сидевший где-то в дальних уголках разума.

«Закрой рот, достань камеру, сними эту хрень и вызови полицию» – жестко приказал Влад номер один.

Трясущимися руками, достав камеру и стараясь не вдыхать запах, сейчас мне казавшийся приятным, я стал снимать загадку посреди сквота. Хотя никакой загадки тут не было. Обычный безобидный убийца-наркоман ещё и оказался крупным наркодиллером, торгующим запретной травой явно не в лечебных целях.

Я наделал миллион фото и сотни видео. Можно смело убираться отсюда. И как этому хитрожопому выродку удалось у всех перед носом выращивать наркотик? Густые заросли травы продолжались до края помещения, укрывая собой всю комнату.

«Щёлк!» – я услышал громкий поворот ручки железной двери, которую я закрыл после наглого проникновения. Видимо, то был тот самый выродок, о котором я сейчас задумался. Вспомнишь серийного маньяка, как говориться, вот и он. Надеюсь, это очередной нарколыга, не зная чем заняться забрался сюда. Или та парочка, сосущаяся в коридоре решила устроить ночь романтики в траве с пьянящим запахом.

В любом случае, кто бы это ни был, стоит запрятаться. Так как комната пуста, содержа в себе лишь символы хиппи в виде наклеек на стене и блестящие ленточки над входом, я решил спрятаться в тех самых шокирующих зарослях. Я попытался максимально тихо пробежать подальше от шагов, приближающихся ко мне, стараясь не отдавить ни одного рост-

ка, чтобы не вызвать подозрение.

Миновав многочисленные толстые стебли, я присел, внимательно вслушиваясь в каждый звук вокруг себя. Толстые стебли, окружившие тело со всех сторон не мешали чётко слышать всё.

«Хи-хи-хи-хи» – о да, пронзительный омерзительный смех, от которого создавалось ощущение будто в ухо или пердят, или проводят ногтями по твёрдому пенопласту. Помниться мне, я сравнил этот смех с ржанием тысячи гиен. Так вот, простите меня все гиены планеты Земля. Этот смех нельзя сравнить ни с чем известным человечеству. Совершенно омерзительный ультразвук, по бездумному звучанию которого можно было смело заявить что его источник – конченый.

Майкл – моя сегодняшняя цель. Самый загадочный планокур за всю историю человечества. Что же творилось в его пропитой черепной коробке? Как он мог столько лет скрывать убийства? И наконец, главное: что он вообще за существо, которое не старее прожило больше шестидесяти лет (как вариант)?

Я слышал помимо его шагов топанье ещё двух хрупких невесомых ножек. Кто-то буквально воздушно зашёл в комнату, перекрыв за собой дверь.

– Он лежит на матрасе, который Ренат обоссал позавчера, не в силах вымолвить ни слова. Он просто ржёт. Я дала ему экстези – рассказывал тонкий девичий голос, по которому я

мог представить себе невысокую тощую девушку лет восемнадцати.

– Моя сообразительная бэйба – кривляясь и произнося каждое слово через фильтр горбатого шнобеля произнёс Майкл – Эй, ты чё, не в духе? – по этой фразе можно было сказать что девчонка отшила ублюдка, не ответив взаимностью на поцелуй в прокуренный вонючий рот.

Нужно срочно открыть диктофон – подумал я, и бесшумно открыв нужное мне приложение замер в ожидании. Я пытался приподнять телефон над зарослями, дабы звук был более чётким. Мало ли какие извращённые подробности преступлений он будет рассказывать подружке.

– Я просто не могу смириться с тем, что ещё один молодой пацан навсегда уйдёт. Ну, не он уйдёт… Ты понял… – неуверенным расстроенным тоном проронил женский голос.

– Да ладно, ты же сама сказала что он был на грани. Ещё немного и полетел бы головой вниз, на камни водопада Глория

– Сказала. Но ты бы видел как он искренне смеялся пока я везла его сюда.

– Это экстези, какая искренность? – писклявым голосом возразил Майкл – Он мне хоть не заляпал Мустанг блевотиной, как тот придурок в прошлый раз?

– Нет, в этот раз попался крепкий орешек. Видимо, уже бывал под чем-то. Увидев белую таблетку стал потеть и трястись, отложив липовый суицид на неопределённый срок –

хихикнула девушка

– Бывал говоришь… Он мог бывать в нашем районе под чем-то только у меня в берлоге или у тех дерьмоедов со старшей школы, что вталкивают наркоту на баскетболе. Опиши его.

– Я же говорила – чмокнула незнакомка – Короткий неаккуратно выбритый ёжик

Да уж, был у меня один такой пацан на примете… – думал я про себя

– Волевая мужественная челюсть… – продолжала она.

Точно, ещё этот тип оставил меня на растерзание маньяку.

– Привычка разговаривать будто он пренебрежительно общается с куском дерьма, оценивающе осматривая тебя

Так, это уже не смешно. По её описанию я представлял вылитого своего двоюродного брата.

– Но при этом он успел флиртовать со мной каждые две минуты.

Да нет, не может Андрей пойти на самоубийство. Он скорее отправит на смерть всех детей Африки, чем позволит обидеть свою высокомерную задницу.

– Кажись, у меня был такой. Брал морфин и те же экстези – подумав выдал Майкл – Стоп, похоже у нас сегодня будет толстосумная жертва. Полились, чтобы эта зазнавшаяся гнида взяла с собой на самоубийство кошелёк.

– А кто он такой? – удивилась девушка

– Издеваешься? Как можно его не знать? Сынок Арсения,

если тебе это имя ничего не говорит, то скажу прямо: главный богач города. Каждый второй завод в округе принадлежит ему.

– О. Май. Гад. – членораздельно произнесла девчушка – Чтоб избавиться от подозрений прийдётся попотеть. Убийцу сына олигарха будут искать все, это тебе не укурку из бедной семьи засадить нож в живот.

– Наоборот, если он сам собирался сегодня сдохнуть, обустроить самоубийство – как раз плюнуть.

О Боже, эти жестокие изверги говорили о моём двоюродном брате. Они собирались сделать с его накачанным наркотиками телом что-то ужасное. Зачем они это делают? Неужели банальная продажа органов?

Мой брат, о котором в последнее время я был далеко-о-о не лучшего мнения, сейчас находился где-то в этом безумном месте. И как бы я ненавидел его за то что он сделал, как бы он ненавидел меня вообще непонятно за что, я не хотел, чтобы из его тела вытрясли все органы.

К собиранию компроматов добавилось ещё одно задание – спасти жизнь своему родственнику.

Господи, какой ужас. Они способны в любой момент расчленить Андрея. Он был абсолютно безоружный в их противных лапах. Нужно срочно вызвать полицию, дождавшись пока эти безумцы свалят отсюда.

У меня дико затекла нога, я перестал её ощущать, будто резко всё что находилось внутри неё заменили на воздуш-

ную вату. Это было неприятное ощущение. Перебираясь с одной ноги на другую, я совсем не заметил торчащего в паре сантиметров от левой ноги зелёного тоненького стебелька. Делая размерянные тихие движения, пытаясь отойти назад, я сам того не замечая наматывал траву себе на ногу.

– Пора выходить в люди. Обдолбанные укурки начнут паниковать из-за моего долгого отсутствия – высокомерно кинул Майкл, шагая к железной двери. Я это мог понять по звукам. Девушка шла за ним.

Наконец я могу привстать, рассмотрев где находится пара психов. Продолжая сгибать свои колени, я попытался отойти назад перебирая перевязанной растением ногой. Именно это клятое растение привело к плачевным последствием: не заметив его крепкую хватку я, поскользнувшись, полетел спиной на твёрдую почву. Мне было глубоко плевать на болевые ощущения. Громкий шум, который раздался после падения звонким эхо отбился от безжизненных стен.

– Ты слышал это?

– Что за хрень?

Вот твою мать. Парочка не вышла. Она как раз стояла в метре от заветного выхода. Конечно же, они услышали этот грохот, сопоставимый с тем, если бы слона выкинули из окна Дубайского небоскрёба.

Я замер в ожидании, лёжа на земле под высоким стеблем ярко зелёного расстения. Пытаясь даже не дышать, я закрыл глаза пытаясь представить картину, что сейчас разворачива-

лась рядом с посадкой.

Парочка удивлённо осматривала заросли, всматриваясь в каждый кустик. Они были готовы разорвать каждого, кто подслушал их разговор, всадив кухонный нож в почки и отрубив пальцы на руках.

Марихуана плотно меня скрыла. Хоть какая-то польза была от неё. В темноте, даже цветные дреды и светящиеся кроссы не выдали меня сквозь эти высокие растения. При том, что мой образ буквально горел яркими красками на фоне серого здания. «ВСЁ, полная жопа» – думал я, посмотрев вверх на цветные пряди. Ох уж этот Ярослав. Всё-таки хреновый он стилист.

Пора приготовиться к адской боли. Видимо, сейчас когда меня за шкирку вытащат из зарослей, сопротивляться будет бесполезно. Майкла ничего не остановит доделать то, что он начал.

Я пытался успокоить себя мыслью, что по закону жанра меня не должны найти в первые часы. Ведь ночь только начинается.

«О, Бог всех подростковых слешеров и нелепых клише в них, молю тебя, придержи кровавое убийство до конца»

Шаги подходили ближе.

«ПОЖАЛУЙСТА, я знаю что девственники умирают последними, а я типа уже нет. Но прошу, если бы я знал что меня ждёт такая хрень я бы переспал с Евой на следующей неделе»

Шаги становились совсем близкими.

«МЕСЯЦ, окей. Я бы переспал с ней через месяц»

– Тут никого нет. Наверное опять грёбаные опоссумы залезли в мою дурь – уверенно сказал Майкл, зашагав обратно к выходу.

Фух, самое настоящее, блин, чудо. Спасибо огромное клише подростковых ужастиков, меня не заметили среди зарослей наркотиков. Надо будет чаще надеятся на клише, ведь они всегда и вправду срабатывают. Хотя, может быть, это не тот самый случай? Где же ещё я мог встретить маньяка вечно молодого наркомана, который на первый взгляд кажется обычным среднестатистическим двадцатилетним укурком?

Дверь громко хлопнула, что заявляло об отходе тварей.

Я привстал, как следует рассмотрев помещение. Все же мы видели эти фильмы, где маньяки использовали обманчивые манёвры, делав вид что уходят, а потом, когда доверчивая жертва вылезет, нападают сзади.

Но сейчас я точно увиделся что они ушли. Стряхнув со своего зада грязь, я попытался вылезти из зарослей.

– Убери свои грязные руки, урод! – грозно завопил Ярослав, сбросив с себя грязную руку незнакомого парня. Бешеными глазами незнакомец пытался заглянуть в душу, как бы это странно не звучало, Ярослава. Это стандартная тактика людей втирающих подросткам наркоту. Пытаться достучаться до самого сердца, говорить искренне и доброжелательно

фразу: «Не хочешь дунуть?». Вот только с моим напарником этот ход не прошёл. Он также как и я, ненавидел физический контакт с людьми которых не знал. И этот барыга не оказался исключением.

Своей крепкой баскетбольной хваткой он перехватил его руку и выкрутил по часовой стрелке, смотря за тем, как местный мелкий дилер в конвульсиях опускается на колени.

– А-а-а! – его рот мог лишь издавать стоны боли.

– Эй, а-ну отпусти нашего Рика, козлина! – бросился к Ярославу крепкий парень, пытающийся защитить знакомого. Может быть ему и не стоило реагировать так на простое прикосновение? Агрессивность, когда дело касается личного пространства моего друга – было неотделимой частью его жизни.

Это нормально, что мы так похожи?

Народ, окруживший Ярослава в достаточно многолюдном ярко светящимся ультрафиолетовыми лампочками коридоре сразу же обратил внимание на крики боли одного из самых дорогих людей в их жизни. Этот человек был настоящим доносчиком света в серые существования, которые обеспечивали ему хоть одну, но яркую ночку.

Судя по всему, пора валить – думал про себя Ярослав, ловя десяток недоброжелательных взглядов и подправив радужную чёлку.

Отпустив руку барыги, показательно упавшего на пол и в конвульсиях схватившегося за свою грязную дрочилку,

Ярослав попытался вырваться из толпы, локтями растолкав окруживших его двух широкоплечих парней.

Куда можно убежать, чтобы мигом испариться не привлекая к себе внимания? Лестница, залитая розовым светом в конце коридора– отличный вариант.

Добежав до неё, Ярослав кинул последний взгляд на толпу сзади. Все они уже и забыли про нежданного, цветастого как чёртов радужный пони, гостя, дальше продолжив заниматься своими грешными делами.

Неравномерная и потрескавшаяся от старости лестница привела Ярослава в тёмную комнату. Судя по всему, это было местное подобие погреба. Может быть тут хранились органы, которые психи вырезали у подростков? Да, чтобы Майкла наконец взяли и эта сумасшедшая череда преступлений прекратилась органов будет достаточно.

Но пока, никаких органов, наркотиков и трупов видно не было. Кромешная непроглядная тьма, сквозь которую нельзя было ничего рассмотреть.

Правой рукой Ярославу удалось нащупать миниатюрный включатель света, затесавшийся в шершавой бетонной стене. «Щёлк!» – и свет был включён. Он озарил собой узкую, но длинную на вид комнату. До него дошло, чем она тут служила. Настоящий гараж, в котором стояла неприметная старая развалюха, марки которой он не смог рассмотреть, и самый настоящий раритетный белый Мустанг. Ярослав уже слышал одну жуткую историю про эту машину. Один раз, из неё вы-

шел загадочный тип в белой маске с большим клювом, вонзив его другу кухонный нож в плечо. Сейчас она стояла тут, на нижнем этаже сквота. Сомнений не было, хозяин этого притона с мерзким смехом и есть тот самый убийца, которого беспрерывно обсуждает весь город. Как и было очевидно, скорее всего он убил мальчика с тату на лице и привёл к гибели Адриану. Вот только что может гарантировать, что в этой глуши не у одного Майкла белый Мустанг?

Обойдя красную массивную развалюху сзади, Ярослав вплотную подошёл к загадочной машине, осматривая каждую её деталь.

Культовое американское авто, в котором каждая мелочь смотрелась гармонично. Стильная, вычурная и изысканная. У любителя старых тачек она вызывала желание прокатиться, сесть за руль и собственными руками почувствовать лёгкую вибрацию издаваемую старым двигателем. А эта серебряная лошадь, которая идеально завершала этот ансамбль вкуса, ставив красивую и приятную точку на белоснежном капоте!

Хотя, не такой уж он и был белоснежный. На его боковой стороне находилась почти незаметная маленькая точка, с первого взгляда показавшаяся чёрной. Но подойдя поближе Ярослав как следует рассмотрел алый цвет. Тут была не одна такая точка. Красные пятна разного размера не осторожно разлиты по белому капоту. Кровь… Самая настоящая кровь… Сомнений не было, точнее, самые последние из них

улетели далеко: машина принадлежала настоящим убийцам. Можно было смело валить из этого тесного гаражика, звонить в полицию и сообщить, что тот самый белый Мустанг с кровью на капоте стоит в сквоте.

Ярослав трясущимися руками достал из кармана штанов телефон, пытаясь набрать мне и сообщить о шокирующей находке.

После гудков, прошёл сигнал оповещающий о том, что «телефон Влада» находится вне зоны доступа:

«Вы позвонили Владу. И я знаю что эта фишка осталась в двухтысячных, но всё же, оставьте своё сообщение после гудка» *П-и-и-п*

– Чёрт! – вскрикнул Ярослав и засунул телефон обратно. Автоответчик это не то, на что он рассчитывал. Пора выходить из этой душной комнаты, пропахнувшей бензином.

Ярослав решил вылезти через узенький проход между старым грузовиком и воротами, которые по идее должны были подниматься вверх, как в обыкновенных гаражах. Они были сделаны из тонкой, но достаточно прочной фанеры, способной выдержать нападения бродящих по лесу искателей наживы.

Вдруг, по всей комнате раздался звук заводящейся машины. Мой напарник испуганно посмотрел на красную тачку, к которой он вплотную стоял. Звук раздавался от неё. Ярослав не понял, что происходит. Он шокировано остановился на месте, зажатый между машиной и стеной. После звука заво-

дящегося мотора включились фары, ослепившие его глаза. Он, прикрыв их рукавом пытался проморгаться, чтобы резкие ощущения прошли.

Раздался громкий звук сигнала машины. Кто-то явно сидел внутри и жал на руль, разве что, если перед Ярославом не стояла «Кристина» из романа Кинга, живущая своей жизнью.

Машина резко рванула вперёд, плотно прижав бёдра Ярослава к стене. Он почувствовал резкую боль, перешедшую в его ноги. Его таз мерзко прохрустел под весом тяжёлой колымаги, начавшей отъезжать назад. Ярослав, понимая что нужно срочно убегать, не смог даже сдвинуться с места из-за ужасных резких ощущений.

Когда машина максимально упёрлась в заднюю стенку, она с новой силой разогналась, поехав в моего напарника. Его с новой силой прижало к хлипкой на вид фанере, которая, на удивление, выдержала два удара машины. Ярослав почувствовал ещё большую ужасную боль, будто все кости его ног в мгновение сломались. Машина прижала его к стенке, прогибающейся под весом моего друга, и не отъезжала.

Он сполна смог ощутить самую ужасную боль его жизни. Он понимал, что нужно выбираться из этой западни, пытаясь оттолкнутся от красного капота своими, пока что, целыми руками. Он изо всех сил пытался вылезти, понимая, что ничего дельного из этого не выходит.

Устремив взгляд вперёд, он не мог рассмотреть за тёмны-

ми тонированными стёклами лица водителя. Для него это так и осталось загадкой. Кто же с такой агрессией хотел избавиться от него, пытаясь раздробить машиной каждую его косточку?

Наконец машина отъехала назад, а это ничего хорошего не предвещало. Ярослав, своими, видимо, сломанными ногами пытался доковылять до лестницы, понимая, что он не успеет сделать этого пока машина не ринется вперёд с новой скоростью.

Ужас, что полностью охватил его тело тяжело описать словами. Настоящая паника, такого он ещё не испытывал. Ощущения, сжимающие все органы внутри смешивались с адской болью, когда каждый сантиметр тела снизу таза разрывало от адской боли. Каждый шаг сопровождался шоком. И каждый шаг мог решить его дальнейшую судьбу.

Вот чёрт, машина всё таки поехала вперёд с новой скоростью, когда Ярослав почти хромая дошёл до выхода.

Она сбила его с ног, сильным толчком подбросив в воздух и избавив на считанные секунды от ощущения земли под ногами.

Красная старая рухлядь проломила фанеру своего же гаража, продолжая держать на капоте несчастного подростка. Она пронесла его тело до ближайшего дерева, врезавшись в него и прижав Ярослава к твёрдой коре.

Беспросветная тьма, пробиваемая ярким светом фар, давав осмотреть густо насаженные деревья, царила вокруг. Му-

зыка, яркие фонари и громкие биты остались где-то далеко. Это была другая сторона царства наркотиков и алкоголя, его тёмная сторона, прятавшая под мраком свои ужасные тайны.

Ярослав, выплюнув последнюю кровь из лёгких через еле двигающийся рот, сделал последний глубокий вздох, ощущая как машина отъезжает от дерева давая послабление его телу.

Не чувствуя конечностей, мой напарник плюхнулся на живот, больно ударившись почками об твёрдую торчащую ветку. Но сейчас эта боль была самым мизерным ощущением на фоне чувств, когда в тебя три раза врезается тяжёлое авто. Кажется, у него сломаны рёбра, каждая единица по отдельности. Он понял это по тому, что ему тяжело дышать. Он буквально не мог сделать последний вдох, закрыв глаза и смирившись, что сегодняшнее дело закончилось фатальным для него исходом.

Его окровавленное тело, лежащее под сосной, освещали яркие огни фар смертоносной машины. Какая красивая ночь! – подумал про себя Ярослав – Полная луна, в такую ночь умереть – достаточно романтично. – Это была его последняя мысль, перед тем как он закрыл глаза.

Дверь красного авто отварилась. Из него деловитым шагом, подправив торчащую в разные стороны чёлку, вышел Майкл, с наслаждением осмотрев лежащее без сознания тело моего друга

– Минус один – прошептал он, небрежно буцнув его руку,

потрогав которую можно было чётко сказать что у жертвы не стучало сердце.

Рядом с телом Ярослава лежал смартфон, треснув выпавший из широкого кармана джинс. Рассмотрев его как следует, Майкл со всей силы ударил по нему ногой, окончательно разломав экран телефона, на котором хранилась сотня компроматов на подростков под кайфом.

Майкл сел обратно в машину, отъезжая назад и попутно разглядывая поверженное бездыханное тело одного из друзей того гадкого ублюдка, которого ему недавно не удалось убить. Этот навязчивый гавнюк лез везде куда его не просили, догадавшись о том, кто такой Майкл на самом деле.

В конвульсиях, Ярослав последний раз дёрнулся, смирившись с тем, что его тело сейчас было как переломанная на четыре части спичка. Видимо, это его конец. Он прибавит своё имя к тому нескончаемому списку жертв, которым печально славился этот город.

Интересно, как общество отреагирует на его смерть? Скорее всего, как бывало и с остальными мёртвыми подростками, показательно погрустят один день после этой ночки и забудут.

А самое печальное, маньяк не будет наказан, продолжая убивать невинных детей одного за другим. Его друг Влад, может быть уже лежавший где-то в этом зловонном месте мёртвый, тоже не выберется отсюда.

Наблюдав за конвульсиями Ярослава из переднего окна,

Майкл рассмеялся как сумасшедший довольным смехом.

«Что за чудесная ночка?» – самодовольно подумал он про себя, загоняя машину обратно в гараж сквозь огромную дырку в фанере.

Глава 37 #ПылающийЭдэм

Проветрив комнату, Каролина плотно закрыла окно, убедившись что следующую ночь она не будет нуждаться в свежем воздухе. Каждый раз, каждый долбанный раз, когда она подходила к этому окну она вспоминала его лицо. Лицо в котором ясно отображалась та самая загадка, о которой не суждено узнать остальному миру. Он, в смысле весь мир, никогда бы не принял жуткую правду о обычных хулиганах мелкого городка. Голоса мёртвого? Слышат? Пф, да это больше звучит как маразматичный бред.

Она бы тоже хотела поверить в то, что это обычные фантазии. Но каждый раз когда она смотрела в его наполненные тоской и страхом большие глаза, она почему-то верила. Вспоминая его испуганный тон, которым он рассказал свою жуткую историю она в глубине себя понимала, что это чистая правда. Самый страшный убийца за всю историю, возможно, всего человечества, говорит с её любимым человеком.

Проходя мимо своего МАКа Каролина в последний раз бросила быстрый взгляд на статью открытую в гугле: «Даниил Тришакович – известный серийный убийца, прославив-

шийся изощрёнными серийными убийствами» – гласила Википедия. Весь вечер она читала информацию про маньяка, с каждой статьей и новым сайтом, прижавши к груди горячую чашку чая, сильнее приходя в ступор.

«Двадцатилетнего работника автомобильной мойки Михаила, Даниил, Ангелина и другие (см. статью Банда Даниила Тришаковича) подвесили к крыше угнанного Peugeot 1988 года раскалёнными цепями, сделав несколько проколов в промежутках между рёбрами пострадавшего»

– Господи! Твою мать! – с отвращением бросила Каролина, выключив компьютер

Как ей мог понравится человек с маниакальными наклонностями? Почему он её так притягивает к себе? Видимо, в этом вопросе ей не помогут даже самые дорогие психологи.

Она отошла от компьютера и взглянула в зеркало, висевшее над дубовым столом поместившим в себе всю многочисленную косметику Каролины. «Может быть я реально больна?» – задумалась она, подправив светлые волосы – «Может быть меня притягивает жестокость? Я хочу быть такой же?». Нет-нет-нет. Она с детства была доброй искренней малой, которая и мухи бы не обидела. Мысль о том, что она может получить удовольствие от убийства человека нешуточно пугала. Она не такая. Жестокость – это вечный антоним её жизни.

Перед её глазами всплыла фотография из Вики, на которой была изображена безумно улыбающаяся блондинка. Ан-

гелина. Самая кровожадная девушка за всю историю, справедливо ставшая в одну линию с Леди Батори. Сквозь смазливое и невероятно красивое личико, даже через фото, можно заметить неописуемое желание убивать. Она с такой страстью обнимала молодого человека, гордо шагающего в строгом удлинённом костюме, зачесав свои каштановые волосы, что казалось, она пойдёт ради него на всё. Может быть и Каролины такая же? Она смогла отказаться от своей репутации в городе, от признания родителей и ста подписчиков в Инстаграмм, которые увидев её нового парня мигом отписались. Она такая же как и эта психопатка. Она как и Ангелина, готова пойти на всё ради любимого человека.

Нет, идеальная с детства красотка-блондинка не может быть сумасшедшей. С ней всё хорошо. Каждое утро, расчёсывая свои волосы она думала о парнях, но никак не о убийствах. Пора откинуть все эти дикие мысли, засасывающие её в себя все больше и больше.

«Тук-тук» – до её скрытых под белой гладью волос ушей донёсся глухой звук.

«Тук-тук» – кто-то стучал в дверь.

«Тук-тук» – она была одна дома, родители уехали к своим друзьям на очередную пьянку, скрытую под красивым словом «шашлыки», а все домработницы разошлись.

«Тук-тук» – последняя, иммигрантка из Аргентины Фрида, с которой Каролина изучала испанский, вышла тридцать минут назад, доготовив невероятно сочный и вкусный говя-

жий стейк.

Кэр вышла из комнаты, не торопясь спускаясь по широкой лестнице ведущей в просторный холл.

«Тук-тук» – вот чёрт, а если к ней решила наведаться Леди V, приставив к её светлой голове винтажный арбалет?

Сквозь прозрачную дверь, сделанную из мутного стекла удалось рассмотреть тёмный мужской силуэт. Точно, маньяк-насильник наведался к ней чтобы ограбить, зарезать, а перед этим изнасиловать.

«Тук-тук» – блин, меньше всего она хотела бы чтоб её изнасиловали. Каролина, подойдя к обувному шкафчику, схватила тяжёлую железную ложку, держа перед собой трясущимися руками. Первый удар будет оглушительный, по голове. Ей не составит труда замочить здорового парня.

Начёт «три» она откроет дверь: раз… два… три…

На освещённом яркой лампочкой пороге, выстеленном из дикого камня, её ждал Валентин. Маньяк, но зато тот, которому она доверяла.

– Привет. – улыбнулся он – Разрешишь зайти?

– Э-й-й, эта долбанная лампа светит мне прямо в красивые карие глаза! – мямля себе под нос проговаривал Андрей, лёжа на протёртом матрасе, из которого в разные стороны торчали пружины – И вообще, какого икс эта ХЕРда не дала мне спокойно подохнуть? – сейчас его манера разговаривать буквально ужасала. Она напоминала голос сорокалет-

него алкоголика со стажем, смешавшего текилу с водкой выпив три рюмки. Он еле связывал звуки в слова, пытаясь выговорить их, не обращая внимания на частые позывы рвоты. «Может быть я захлебнусь в своей собственной блевоте, не в силах перевернутся, и тогда моей жизни наконец прийдёт конец?» – думал он. Какое же всё-таки это странное ощущение: чувствовать ужасную тошноту и думать, будто голова сейчас треснет, разломясь надвое, но при этом смеяться будто сейчас лучший момент жизни. Ох уж эти клятые ультрафиолетовые лампы, прожигающие глаза Андрея ярким светом. И кто их сюда понаставил?

– «Лучшая ночка в твоей жизни» – кривляясь, продолжал мямлить Андрей, не в силах перевернутся на бок. Он смотрел на не шибко высокий потолок, продолжая лежать на спине – Лучшей ночью для меня было бы, если б эта красотка сделала мне мине…

– Я тут вообще-то! – громко и строго отозвалась Герда, стоявшая у прохода, облокотившись об стену и слушая несуразные стоны. Она вместе со своим очень давним другом притащила сюда массивное тело сына самого богатого человека города, уложив на грязный матрас.

– Ты уложила меня на эту фигню, пахнущую будто её без остановок обсыкали миллионы щенков! – обижено высказался Андрей, услышав голос Герды и продолжая смотреть в потолок. Он, казалось, вот-вот и рухнет, придавив его своими тяжёлыми булыжниками.

– Ты не хочешь мне ничего сказать? – ожидая благодарности за благородное спасение спросила девушка, круча на пальце фиолетовую прядь.

– Хочу! – попытаясь вывернуть шею оживился он – Ты сучка, отобравшая у меня блаженные минуты ощущения того, что ты подыхаешь.

Девчонка цокнула, закатив глаза. Каким бы не был этот паренёк высокомерным малодушным хамом, ей было жалко осознавать что ждёт его через какой-то час.

Андрей рисовал своими кистями в воздухе, видя перед собой прекрасную картину: его зазнавшийся показательно умный брат-мудак, благодаря которому все его кредитки и криптовалюты заблокировал папа, играет с белоснежным радужным пони, подойдя к его заду. И вот, чудесный мифический конь начинает со всех сил мочить его своими копытами, в то время как Андрей стоит в сторонке и наслаждается тем, как зубы Влада разлетаются в разные стороны.

Это была вторая фаза: эпилептический бредовый угар. Во время него не хотелось делать ничего, кроме как совершать странные беспечные поступки. Хотелось смеяться, просто так, без всякой причины. Хотелось целовать, причём неважно кого, любой находившейся рядом человек кажется идеальным. Хотелось видеть перед своими глазами ещё больше странных вещей, во время прихода в голову которых по-настоящему понимаешь, на что способно воображение. Оно может вывести перед глазами любую картинку: начиная от

приятных ярких красок и заканчивая изощрёнными фантазиями. Маленькая белая таблетка творила чудеса. Она вывозила все скрытые возможности в наружу, давала понять что в бездумной голове всё не так просто.

Андрей смотря в потолок видел яркие оживлённые глаза. Они блеснули, посмотрев на него, после того как грязноватое окно медленно отъехало вниз. Экстравагантная девчонка с драконом на всё лицо. Кто же она такая? Она сейчас с жалостью наблюдала за семнадцатилетним убитым в хлам мажором, себе под нос мямлящего её имя.

– Герда… Герда… Ты так сладко пахнешь, будто старые бабушкины духи – произнёс он. «Ну конечно, Шанель номер пять у меня ещё был лет тридцать назад, как раз в лучшие года твоей бабушки» – подумала она – Я бы хотел с тебя их слиза… – Андрей не выговорил последнее слово. Запрокинув голову, он отключился тихо захрапев.

Герда вздохнула, подойдя ближе к убитому матрасу, и легко положила женственную кисть на волевую скулу Андрея. Он всё-таки чертовски совершенен, все черты лица идеальны. Каждая деталь придавала ему мужественности: от густых широких бровей и до пухлых губ. Ей было искренне жаль что этого парня уже ждёт настоящий ужас, такой, после которого он пожалеет что не спрыгнул в бурлящие воды Водопада Глория.

– Ты опять хотела преждевременно задушить нашу жертву? – Герда не заметила Майкла, вставшего у дверного про-

хода и с интересом наблюдающего за тем, как его любимая гладит лицо незнакомца. Он знал, что у неё часто проявляется Стокгольмский синдром, только наоборот: если бы захватчик влюблялся в жертву. Один раз она преждевременно облегчила страдания парня, задушив его когда он был под кайфом, тем самым нарушив правила.

Я пытался протолкнутся сквозь непроглядную толпу, опять окружившую меня со всех сторон. Сейчас я пробирался через очередной узкий коридор. В нём, на удивление, оказалось огромное количество людей. Как и другие, что я видел в этом месте, они безудержно смеялись и пилили, некоторые валялись на полу и что-то бормотали, а некоторые танцевали под почти неслышную музыку.

Я чертовски спешил. Нужно найти двоюродного брата, Ярослава и валить отсюда со скоростью света. Как я и предполагал, сегодня должна произойти какая-то ужасная хрень. Может быть и неспроста я выбрал вечер четверга, чтобы прийти в это опасное место? Может быть я своей пятой точкой чувствовал, что одного из моих, уже не близких, назовём так – родственников, затащат сюда.

Я пробивался сквозь толпы людей, размышляя над тем где может быть Андрей. Надо мыслить как психопат: где могли заключить ценную толстосумную жертву? Подвал – возможно, но на таких горе-мероприятиях комнаты под землёй, чаще всего, злачные места для секса. Крыша – вряд ли, тут это

самая популярная достопримечательность, если так можно назвать место откуда обдолбанные парни прыгают на чужие машины. Уединенные комнаты, тесно затесавшиеся в стенах заброшенной фабрики – скорее всего, тут их очень много, и чтоб обследовать все потребуется минимум часика три, а за это время моего брата успеют расчленить раза четыре.

Ладно, слишком много думаю и мало делаю. Эй, шатающийся придурок который отдавил мне кед, может быть свалишь с дороги? – думал про себя я, рассматривая смеющегося пьяного парня.

Он взглянул на меня косым бегающим взглядом, проронив:

– Сорри, не заметил тебя… – он встал посреди коридора осматривая меня с ног до головы – Хм, красавчик, ни хочешь уединиться? – о Господи, меня сейчас вырвет на его пропитую морду. Конечно же, я очень толерантен и снисходителен к секс-меньшинствам и прочее. Вы не думайте, я не в коем случае не гомофоб. Но когда бухой парень старше меня на три года начинает приставать, меня будто клинит, и из моих уст вырывается одна лишь фраза:

– Я вырву тебе твои яйца и затолкаю поглубже в глотку, если не уйдёшь с дороги – парень удивлённо посмотрел на меня, послушно отойдя с прохода.

– Ты у нас гетеро, мне нравится – сказал он мне в след.

– Пошёл нахрен – я показал фак мудаку, уходя с этого омерзительного коридора.

Майкл с интересом рассматривал танцующую толпу, пытаясь найти человека представляющего для него нешуточную опасность. Местный выскочка, понтовитый умник, пытающийся влезть везде куда его не просят. Он догадался обо всём. Знал о тёмном секрете, который ему удалось скрывать эти долгие года. Сейчас же, малолетняя выскочка могла вылить в свет настоящую сущность Майкла, с помощью бездарных жалобных видео на ютубе, прямых эфиров в инстаграме и прочей чепухи, способной навсегда запереть его за решётку. В эпоху социальных сетей легче обвинить кого-то в убийстве, и это настораживало.

Хозяин сквота догадывался о безумном плане Влада. Он знал, что этот паренёк сейчас мирно расхаживает по его убежищу, держа в руках телефон и снимая всё, что видит. Его будет тяжело найти, ведь Майкл еле узнал его школьного друга, по-дебильному перекрасившего волосы в яркие цветные краски. Неужели эти конченные подонки и впрямь думают, что в сквотах все так выглядят? Типичные шестнадцатилетние недотроги, не видевшие жизнь.

Если друг Влада, сейчас мирно подыхающий под деревом, не в силах даже позвонить, выглядит как цветастый идиот, значит и самого Влада не затруднит найти.

Майкл вспомнил начало ночи: о да, та красотка с пышной задницей, вилявшая ею в разные стороны. Видимо, она уже кое-что приняла где-нибудь на парковке супермаркета перед

поездкой сюда. Она была лёгкой пташкой. Всем видом и супер-коротким топиком, практически не оставляющим в ней никакой загадки, она показывала чего хочет от сегодняшней ночи. И Майкл её заполучил бы, если не два цветастых даун-а. Они расталкивая толпу спешили непонятно куда. Точно, один из них был Влад. Цветные дреды, искусственный уродливый авто-загар как у типичного мудака из двухтысячных.

Во взгляд Майкла опять бросились цветные дреды, стоявшие вдалеке от толпы. Их владелец с оживлением рассматривал всё вокруг, будто пытаясь что-то найти. «Ну ка, гандон петухастый, подними голову» – просил про себя Майкл. Будто услышав ход его мыслей, незнакомец покрытый авто-загаром посмотрел вверх, рассматривая три этажа нависающее над танцполом. Из окон вылезали нетрезвые подростки. Его глаза оживлённо ходили по высокому холлу. Он был растерян, будто не знал что делать.

И вот, когда его взгляд дошёл до местного жалкого подобия «VIP-ложи», Майклу удалось заглянуть в карие глаза.

– Сука – прошептал он себе под нос – Сука, сука, сука. Это точно он.

Я наткнулся глазами на опаснейшего владельца наркопритона, оказавшимся опаснее, чем я представил себе на первый взгляд. Когда я только увидел его, подумал что это типичный представитель укуренного, не совсем трезвого, плохо пахнущего слоя общества, а точнее его молодой части. Он выглядел как недалёкий наркоман, только и размышляющий

про сиськи и травку.

Как же я его не оценил. Передо мной тогда стоял настоящий опаснейший наркодилер, выращивающий марихуану прямо в заброшенном здании игрушечной фабрики.

Тогда, на крыше сквота я сразу же почувствовал стойкую неприязнь. Его гнилые зубы, омерзительный смех, оценивающий снисходительный взгляд. Я думаю это чувство было взаимным. Между нами сразу же началась гроза ненависти, потом переросшая в настоящий Bad Blood.

Смотря на трёх наркоманов, если бы я вернулся в прошлое, сразу бы проткнул ножом, или столкнул с крыши их главаря. Я думаю и он, если бы откатал время назад на две недели с удовольствием сразу же пристрелил меня. У нас всё было взаимно.

Сейчас же эта неоднозначная персона, сжимая кулаки с агрессией заглядывала мне в глаза. У меня пробежали далеко не лёгкие, а достаточно тяжёлые, прям как тараканы-пруссаки, мурашки. Он узнал меня. Судя по взгляду, он готов был прямо сейчас выпрыгнуть со своего ложе и снять с меня скальп живьём.

Нужно забирать Андрея, моего напарника, и в срочном порядке валить отсюда.

Я надел толстые солнцезащитные очки, которые мне дал Ярослав чтобы лучше замаскироваться. Конечно же, в момент кульминации, когда так нужно было остаться неузнаваемым, их снял. Сейчас, когда Майкл узнал меня среди

огромной толпы, их тёмные стёклышки пригодились бы на моих глазах.

Развернувшись, я уверенно быстро зашагал к выходу из холла, служившего тут дискотекой.

Заикаясь, Майкл не знал что делать. Сейчас этот выскочка убежит со скоростью света, донеся все улики копам. Майкл побежал к пульту управления музыкой, пытаясь нажимать все кнопки чтоб отключить бьющие по мозгам биты. Ничего не выходило. Он просто добавлял новые звуки в играющую музыку. Танцующие внизу даже и не замечали этого, отбивая ноги в такт личной музыки, играющей в голове, единственной и неповторимой.

Замахнувшись, Майкл одним ударом ноги разломал пульт на который копил три месяца. Наконец долбанная музыка стихла. Ничего не замечающие люди на танцполе наконец очнулись. Все они с ненавистью стали кричать и свистеть.

– Эй, мистер Ди-джей, верни нам музон! – гнусавым голосом крикнул парень в центре толпы, на что его оживлёнными криками поддержали все окружающие.

Майкл подбежал к балкончику, и перевесившись через поручень, уверенным и громким голосом заявил:

– Послушайте меня все! – никто не реагировал. Толпа продолжала резво свистеть. – Заткнитесь! Закройте рот! С вами говорит хозяин сквота! – этой фразой Майклу удалось успокоить бурную молодёжь – Слушайте сюда, среди нас находится гандон, который… – он остановился, пытаясь выду-

мать правдоподобную причину, по которой агрессивная толпа сейчас должна растерзать на куски Влада, схватив его, пока он не вышел из здания. Что дороже всего сотне без остановок танцующих молодых людей? Ну конечно же, наркота! За неё они готовы сделать ВСЁ, и даже убить незнакомца со смешными цветными дредами – Который украл все наши сбережения экстези! – договорил он – Ловите его! – пальцем Майкл указал на меня, парня в броском парике. В тот момент я пытался побыстрее свалить отсюда. Это конец. Сейчас толпа обезумевших от травы и маленьких галлюциногенных таблеток накинется на меня, сначала задавив ногами, а потом вырывая конечности по очереди, одну за другой.

– Эй, гандон, будешь знать как воровать чужое! – сейчас кричащий рядом парень нанесёт мне первый удар по носу. Сопротивляется бесполезно. Пришёл финал моей незаконченной истории.

Подняв кулак, пацан замахнулся и неожиданно для меня, врезал стоящему рядом мужчине в синей футболке. Видимо пьяный парень даже не смог проследить за указательным пальцем Майкла.

Схватившись за нос, из которого начала течь кровь, мужчина в синей футболке воскликнул:

– Ах ты тварюга, пиши завещание, парень! – он накинулся на незнакомца, давшего ему по носу и сбившего с ног. Упав, парень задел яркую блондинку:

– Вот мудак, смотри под свои кривые ноги, жирдяй! –

писклявым голосом воскликнула она

– Что ты, сучка, сказала про моего парня? – агрессивно спросила у неё рядом стоящая брюнетка.

– Ах, если ты не расслышала, глухая овца, я сказала что твой парень безмозглый гандон! – после этой реплики брюнетка вцепилась в густые волосы рядом стоящей девчонки, с ненавистью пытаясь вырвать каждую волосинку.

– ДРАКА!!!! – крикнул кто-то из толпы, разбив стеклянную бутылку о голову стоящего рядом.

– Ты охерел?

– Сейчас получишь, мразь!

– Что ты сказал?

Вся танцевальная площадка заполнилась агрессивными репликами. Они, впоследствии, переросли в самую массовую драку, что я видел в жизни.

Лёгким движением смахнув с себя цветастый парик, небрежно отбросив его на холодный грязный линолеум, я наконец освободил волосы от мерзких ощущений, будто по ним ползают миллионы блох.

Словно в самом настоящем баре для байкеров, где собирались самые отбитые сыны анархии, каждый здесь считал своим долгом болезненно ударить соседа. В разные стороны летели осколки, стеклянные бутылки и чьи-то коренные зубы. Весь холл заполнился самыми отборными и грязными бранными словами, что я когда-либо слышал.

Стоящие тут подростки под кайфом только и искали по-

вода для драки. Из них прямо-таки вырывалась внезапная необоснованная агрессия. Они цепляли незнакомых людей, самым жестоким образом начиная унижать их, чтобы затем вцепиться в ничем неповинные волосы. Это тянуло за собой бесконечную цепочку драк, которая не прервалась до следующей громкой реплики хозяина сквота:

– Берите парня с дредами, идиоты! – хвала Богам, что я успел быстро скинуть с себя парик до этой громкой реплики. В противном случае, толпа бы сделала всё, чтобы я не вышел из этого клятого сквота. Ведь для них, слово хозяина – настоящий закон. Он был для них Богом. Создателем их мира, в котором они сейчас находились. Именно он их прочно снабжал наркотиками, обеспечивая беззаботное одержимое существование. Они сделают всё, что он им скажет. Они готовы пойти на любое сумасшествие ради этого гундосого парня с самодельным мелированием. Если он скажет им убить человека – они непременно послушаются.

– Вот же он! – хриплым голосом крикнула дама посреди танцпола, указывая на чернокожего парня с тёмными дредами как у Боба Марли.

Парень стал растеряно осматриваться по сторонам, испуганно пытаясь выйти из разъярённой толпы:

– Нарко-папочка сказал нам его остановить, мы остановим – с ненавистью кинул высокий широкоплечий качек, подходящий к несчастному африканцу.

«Нарко-папочка» – Боже, неужели это позывной Майкла

в их сумасшедшем притоне? Звучит как название дешёвого немецкого порно.

– Хватайте его! – испуганный парень, пытаясь отойти от агрессивно настроенного амбала упал на пол, ударившись головой об твёрдую поверхность, но окружающая толпа не заметила – Бейте его! – все стоящие рядом люди накинулись на лежащего, исполняя приказ их постоянного дилера. Они топтали его, с огромной силой избивая, пытаясь попасть по самым больным местам. Африканец отключился после болезненного падения.

Всё его тело и белая одежда покрылись тёмными следами от чужих кед. В толпе послышалось несколько хрустов, которые другие приняли за ломание костей несчастного.

– Поднимите его! Мы должны отнести тело отцу сквота! – крикнул амбал, взявший на себя непростую роль лидера.

«ДА!» – крикнула послушная толпа, подхватив на руки тело парня с дредами. Оно воспарило над танцполом так, что я, стоя в другом конце площадки, увидел его плывущего над головами разъярённо кричащих людей. Мне стало невероятно жутко. Страх смешанный с ужасным чувством стыда. Мне хотелось растерзать себя за то, что из-за меня невинного парня сейчас дубасят десятки людей. Это моя вина.

Мне хотелось громко закричать, признаваясь что это я тот, кто нужен их «нарко-папочке». (Фу, чёрт. Хреновей позывного и не придумаешь.) Но у меня не хватило мужества. Отступая назад, я в последний раз бросил взгляд на темно-

кожего парня, скрывшись во тьме соседнего коридора.

Наблюдавший за этой безумной картиной Майкл изо всех сил пытался кричать:

– Это не он! Идиоты! – но из-за невероятно громкого шума его возмущённые крики не дошли донизу.

Он растеряно наблюдал за тем, как толпа над головами передавала тело невинного к центральной лестнице, ведущей наверх.

Один парень схватил неспешно плывущее по головам тело за руку, не давая ему двигаться дальше.

По залу прокатился звук выворачивающегося сустава. Чернокожий парень очнулся, дико завопив от боли. Этот крик наполнен не человеческим ужасом, адской болью. Бедолага, пытаясь освободится из крепкой хватки толпы лишь назвал на себя ещё большей агрессии людей, чуждым к жалости:

– Давайте сами разберёмся с ним, облегчив работу папочке! – завопила темноволосая девица, длинными наращенными ногтями вцепившись в лицо парня, оставив на нём пять глубоких шрамов, из которых мигом хлынула алая кровь.

Тело парня стало медленно опускаться вниз. Окружающие пытались тянуть беднягу в разные стороны, будто каждый хотел заполучить его кусочек себе. Африканец медленно опускался на пол, не чувствуя конечностей, в которые крепкой хваткой вцепились обезумевшие подростки под кайфом. Все они исполняли волю идола, рассерженно смот-

рящего на них свысока.

Когда дело доходило до Майкла, местного пророка, божества и правителя в одном флаконе, они теряли все свои человеческие качества. Безумная армия молодых наркоманов, которые сделают всё, чтоб угодить человеку, достающему для них наркотики.

Один из стоящих недалеко от кричащего тела несчастного парня, разбил стеклянную бутылку об твёрдый пол, взяв один из осколков в руки. Держа его перед собой, он подлетел к африканцу и засунул острый предмет ему в живот, с каждым движением просовывая глубже.

Жертва обезумевшей толпы выплюнула кровь, попав на свою же белую футболку. Стоящая рядом девчонка также взяла осколок в руки, сделав второй удар, от которого из уст темнокожего полилось ещё большее количество алой жидкости. Со слезами на глазах, он не понимая что происходит, смотрел на окровавленное тело, в которое все остальные, подражая парню разбившему бутылку, засовывали грязные влажные осколки.

Они бесконечно хватали их в руки, пытаясь побольнее ударить парня с дредами. Будто исполняя какой-то сумасшедше жестокий ритуал, каждый из них считал долгом взять осколок разбившейся бутылки в руки.

Тело темнокожего парня всё в крови. Один из наркоманов засунул ему осколок в самое сердце, проткнув жизненно важный кровеносный орган. Парень был мёртв. Умирая в

ужасных муках, он наконец избавился от страданий, безжизненными глазами смотря на пестрящий блёстками огромный дискобол, подвешенный под потолком. Выплюнув последнюю кровь, подошедшую к устам через горло, он навсегда закрыл глаза, наконец перестав ощущать адскую боль.

Одержимая убийством толпа в очередной раз подхватила окровавленное тело на руки, понеся его к выходу. Капли крови невинного стекали на головы смотрящих ввысь молодых людей. Некоторые из них, видимо отошедших от глубокого кайфа, хватал мандраж и приступ паники. Они начинали трястись и громко всхлипывать. Некоторые кричали на весь сквот, пугаясь вида изувеченного трупа.

Но жестокая толпа не останавливаясь несла тело к лестнице. Донеся его до неё, они небрежно бросили труп на твёрдые ступени, неаккуратно положив по самой середине.

Покрытое ужасом и плотным слоем крови тёмное лицо не обретало покой. Оно всё ещё напоминало о последних минутах жизни темнокожего парня, когда тот в ужасе, в абсолютной панике, кричал, не зная что делать осматриваясь по разным сторонам.

Ещё один невинный молодой человек погиб, но на этот раз смерть была особо ужасной. Обезумевшая толпа, все как один, пытаясь угодить господину, растерзали танцующего рядом с ними молодого человека. Они были охвачены абсолютной, чистой агрессией. Они не были людьми. Дикое стадо, потерявшее чувства, эмоции и человечность после оче-

редной дозы.

– Сожжем его! – крикнул амбал, первый напавший на невинного.

Красивые хрупкие девушки и спортивные высокие парни, все они сейчас связанны одним грехом на всех. Вытирая кровь одного и того же человека с одежды и кожи, услышав предложение амбала они заново оживились, с агрессией крича:

«ДА!» все как один окрашенные в цвет крови.

Забежав в одну из многочисленных каморок, что находились вокруг площадки, харизматичная брюнетка, по лицу которой стекали капли крови африканца, вынесла из тесной комнатки коричневую стеклянную бутылку. В её горло всунут белый носок.

– Коктейль Молотова! – крикнул кто-то из толпы, с удивлением осматривая бутылку.

Девчонка добежала до амбала и отдышавшись передала ему бутылку в руки.

– Твою мать, что делают эти тупорылые твари? – вскрикнул Майкл, наблюдая за всем кровавым трешем, происходящим внизу. До него сразу дошло, чем может закончиться поджог невероятно опасного Коктейля Молотова для сквота. Огонь от этого смертоносного оружия моментально расходится по поверхности. Всё, что он так долго строил, его империя, королевство и дом, мог в миг охватить огонь из-за одной рукожопой дылды. Сейчас она достала из кармана

зажигалку, собираясь поджечь белый носок.

Сквозь узкий проход в недо-ложу, в центре которой находилась старая деревянная доска, служившая столом, вошла Герда. На доске стояли десятки бутылок дешёвого пойла, одну из которых она случайно столкнула, вылив пиво на холодный бетон.

– Сука! Успокойтесь твари вы безмозглые! – орал Майкл словно в пустое пространство. Его никто не слышал, впервые за его долгое пребывание в сквоте.

– Милый, что происходит? – испуганно спросила Герда, подбежав к испуганному парню, который, казалось, вот-вот и выпадет, упав на бушующую толпу.

– Сумасшедшие ублюдки собираются подпалить наш дом! – громко крикнул он, смотря на шокированное смазливое личико Герды.

Ахнув, она перекрыла ярко наманикюренной ладонью накрашенный алой помадой рот, посмотрев на картину, что разворачивалась на танцполе:

Амбал, неторопливо поднеся пылающую зажигалку к носку, увидев как он моментально загорелся, откинул его на труп чернокожего парня. За считанные секунды всю лестницу с телом невинного охватил пламя, быстро приближающееся к испугавшейся толпе.

Огонь с невероятной скоростью полетел к смотрящим на него жестоким людям. Амбал и стоящая рядом брюнетка, улыбаясь наблюдающая за тем, как жар охватывает тело

незнакомца, сжигая его дотла, даже и не заметили как густая стена огня скрыла их за собой. С диким воплем ужаса они смотрели на моментально сгорающее тело. Быстрый закон бумеранга вернулся жестоким наркоманам раньше, чем они ожидали. Но таких страданий явно не ожидал никто.

Пламя в считанные секунды заполонило всю площадку, не оставляя ни одно молодое тело без адских мучений. Каждый, кто там находился сгорал заживо, безуспешно пытаясь избежать своей участи. Они толкали друг друга, пытались выйти с горящего холла, падали на твёрдый пол, но всё равно продолжали сгорать. Будто преисподняя, увидев все их грехи, решилась разом забрать все молодые жизни, что наслаждались беззаботной ночью в здании старой игрушечной фабрики. Все они вместе принимали наркотики, пили без остановок, и самое страшное – убили такого же молодого человека как и они.

С заполненной криками боли танцевальной площадки огонь стал стремительно перемещаться, покрывая незащищённые от пожара стены. Он поднимался вверх, к этажу где сидел хозяин пылающего убийственного места со своей подругой.

Шокированный пожаром, который стремительно забирал всё, что ему дорого, Майкл не в силах сдвинуться наблюдал за пламенем, с огромной скоростью подбирающимся к нему.

– Эй, что с тобой? – в ужасе спросила Герда, у которой вся душа ушла в пятки, а сама она покрылась мелкими капель-

ками пота, то ли от страха, то ли от жара, повисшего сейчас в здании.

Схватив за руку друга, она потащила его к выходу, пытаясь пробудить от шока.

Кажется, он очнулся. Побежав за ней, он на секунду остановился, испуганными глазами в слезах посмотрев на неё:

– Всё что я выстраивал. Всё что любил. Всё что мне было дорого. Всё в пламени – задыхающимся от ядовитого дыма голосом произнёс он.

– Ты забываешь – ласково произнесла Герда, приобняв его лицо – Я сейчас не в пламени, а стою тут, с тобой – она потянулась к дрожащим от страха губам парня, страстно поцеловав. Гнев и тоска Майкла начали стихать. Смотрев в глаза своей любимой он стал задумываться о том, как спастись ему и его Герде.

«Чёрт, нужно найти их и валить отсюда быстрее скорости звука» – вытирая быстро стихавший пот со своего лица думал я. Этот чёртов коридор и не собирался заканчиваться. Кто строит игрушечную фабрику с таким огромным количеством долбанных мрачных коридоров, из которых хрен выйдешь зайдя один раз?

Я мчался без остановок даже и не оглядываясь. За мной, скорее всего, уже бежала агрессивная толпа, опомнившаяся после того, как избила невинного чернокожего, просто из-за его привлекающих внимания дредов в раста-стиле.

Связь не ловила. Я тысячу долбанных раз пытался вызвать полицию. Набирал через каждые три секунды безостановочного бега. У меня сбилось дыхание. Но если бы я остановился, то боюсь представить в каких муках пришлось бы умирать.

Спереди я увидел держащего пластиковый прозрачный стаканчик знакомого парня. Он облокотился об грязную стену и смеясь обсуждал что-то со своими товарищами. Точно, это тот самый которому я грозился засунуть яйца в глотку.

Увидев меня, он напрягся и вышел на центр коридора, перекрывая мне путь:

– А-ну стой, наша недотрога! – улыбаясь крикнул он мне – Ребята, посмотрите какой красавчик бежит прямо к нам на встречу – он обратился к друзьям. С виду, обычные простые пацаны, носившие кеды и выстиранные майки. Никогда бы не подумал, глядя на них, что они будут останавливать подростка в наркопритоне осматривая его оценивающим пидарастичным взглядом.

Четверо парней, прикрывающих сразу два прохода: влево и вправо, улыбаясь рассматривали меня:

– Эй, рекомендую тебе не брыкаться, мы всё равно сделаем что хотим – и тут мне стало ещё омерзительней, чем от мысли о своей гибели. Сделая шаг назад, я наклонился чтобы взять острый бетонный камень, отпавший от стены, сжав его в руке и держа перед собой:

– Рекомендую отойти, пока я не раскрасил вам ваши ужас-

ные хлевальники! – дрожащим голосом пригрозил я – Я спешу, и мне не составит труда воткнуть этот камень в один из ваших глаз!

Парни рассмеялись:

– Парниша, иди сначала прыщи выдави – один из них уверенно зашагал ко мне. Я был готов начать атаковать, бив противника прямо по обезображенному кривой ухмылкой лицу.

В воздухе запахло удушливым противным запахом газа. В коридоре залетал густой тёмный дым непонятного происхождения. Случайно вдохнув его, я почувствовал будто в горле что-то застряло. Начав откашливаться я опустил камень, наблюдая за реакцией компании мудаков стоящей передо мной:

– Что за хрень? – спросил один из них, наблюдая за тёмными клочьями дыма.

Парень, стоявший рядом со мной посмотрел направо, в такой же монотонный серый коридор. На секунду его лицо покрыл настоящий испуг:

– Пожар! – завопил он, провожая взглядом быстро подбирающийся к нам огонь.

– Что? – спросил парень в очках, будто супермэн упрямо не слышащий отвратительного удушающего запаха. Где-то за пять секунд пламя пробралось к его ногам, охватив собой всё тело.

Полным боли криком парень завопил, ну а я в полнейшем шоке наблюдал как взявшийся, буквально, из неоткуда огонь

сжигал заживо незнакомца.

Это пламя будто было фантастическим, нереальным. Оно с бешеной скоростью забирало жизни озабоченных парней, одного за другим. Крича, они сломя голову перебирали ногами как зомби, прося помощи.

Замерев я наблюдал за тем как пламя не дошло до меня. Оно остановилось где-то в метре. Ещё бы какая-то секунда, и я сгорел заживо, испытывая самые ужасные муки в жизни.

Это было похоже на настоящее чудо: будто живущее своей жизнью пламя забирало того, кого считало нужным.

Очнувшись от шока, я свернул в коридор уходивший влево, ища выход из здания заставшего внезапный пожар.

Сердце колотилось. Всё, что я переживал сегодня предвещало то, что эта ночь может стать самой последней в моей жизни.

Андрей валялся на матрасе, упрямо не слыша запаха угарного газа. Находившись на третем этаже, с краю левого крыла, до него ещё не дошло поглощающее всё на своём пути пламя.

– Эх, Алина, моя скользкая крошка – шептал он себе под нос – Ты лучшее воспоминание моей жизни – Он видел перед собой загорелую тощую красотку шагавшую по школьному коридору уверенно взмахивая тёмными волосами, высказывая каждому прохожему всю правду о его личности в лицо. Где-то в глубине души его терзала совесть за то, что он

грубо оставил её, быстро заменив на рыжую загадочную девушку из супермаркета – Пустышка – обрывисто сказал он, вспомнив её лицо.

Именно белая таблетка заставляла все душевные терзания из глубины души выходить наружу. Сейчас, они все быстрым хит-парадом проносились в голове парня.

– Нам нужно срочно уходить! – громко крикнула напуганная Герда. Она залетев в небольшую комнату вцепилась в руки Андрея, пытаясь его поднять.

– Ох, девочка из мустанга, сейчас ты видишься мне в пьяном бреду – нечленораздельно бормотал он.

– В здании пожар, нам нужно срочно уходить! – она безуспешно пыталась поднять его за мускулистые руки, крепко уперевшись ногами в бетонный пол.

– Пожар! Ура! – радостно вскрикнул Андрей, сопротивляясь и не давая Герде поднять себя

– Умоляю, пошли со мной! – жалобно крикнула она, не оставляя попыток поднять лежачего.

– Отвали от меня! – злобно сказал Андрей – Дай мне уже наконец сдохнуть! Ты оттягиваешь этот момент, с каждым разом давая всё больше времени понять насколько хреновая моя жизнь!

Герда отпустила его руку и наклонилась к бездумному лицу Андрея, на котором написано типичное для людей под кайфом выражение: стеклянные глаза, бегающие в разные стороны, и идиотская ухмылка, даже когда твоя жизнь ка-

тится коту под хвост. Она в очередной раз положила ладонь на его щеку, произнеся шёпотом:

– Ты нужен мне. Пожалуйста, встань, и мы вместе уйдём отсюда – с её глаз покатилась слезинка, капнувшая на большую ладонь Андрея. Настоящий Стокгольмский синдром, точнее его зеркальная вариация – вот что она испытывала. Везя незнакомца на бесчеловечную ужасную смерть, с каждой минутой она всё больше понимала насколько он ей симпатичен. Она не хотела чтоб его жизнь унесло горячее пламя. Она хочет его живого, видеть перед собой и наслаждаясь едкими саркастичными комментариями. Даже они ей сейчас казались идеальными.

Андрей почувствовал холодную слезинку Герды на руке. Открыв глаза, он взглянул на неё, осознавая что ради этой девчонки готов прожить ещё немного. Она того стоит. Настоящий идеал: густые красивые волосы, пухлые губы и понимающие глаза.

Пересилив дикое головокружение, оттолкнувшись от матраса, он шатаясь встал на две ноги, рукой обхватив Герду, оперевшись об её хрупкое тело чтобы не упасть. Учуяв её, как он сказал ранее, «бабушкины духи», он обрёл новую жажду жизни, не дающую ему сдаться, ожидая как пламя само ворвётся в комнату и затащит его прямиком в ад. Он и так проведёт там всю вечность. Он успеет погореть в адских муках, а пока хочет провести ещё немного времени с обворожительной незнакомкой.

Пламя стремительно охватывало всё здание. И как оно смогло укрыть собой холодную и бетонную старую игрушечную фабрику за такой короткий срок?

За последний час я устал находится в бегах: сначала удирал от армии Майкла, которая на самом деле избивала другого незнакомца в холле, потом ко мне на максимально небезопасную дистанцию приблизился ядовитый огонь, укрывший мрачное здание тёмным удушливым дымом.

Наконец справедливость, хоть чуть-чуть, но восторжествовала. Пристанище для несчастных, заблудившихся в жизни подростков, в последствии жестоким образом их убивающее, сгорало дотла.

Может быть, я наблюдал бы за этим с наслаждением, стоя в ста метрах от сквота минимум, но находясь внутри охваченного пламенем здания я молился, чтоб именно сейчас начался проливной тропический дождь, принесённый мощным антициклоном из джунглей Бразилии. О да, сейчас это было бы всё о чём я мечтал. Я знаю, что Бразилия чертовски далеко. Но на то мечты и есть мечты.

И так, наконец я попал в ужасный, огромный и убивающий всё на своём пути самый настоящий пожар. К этому моменту всю мою жизнь меня готовили бесконечные книги и многочисленные лекции, что я зевая слушал на уроках. Пригодились ли они? Вполне возможно.

Пробираясь через ядовитый едкий дым, задыхаясь и вы-

плёвывая лёгкие, я вспомнил один из советов дядюшки пожарного из старого приморского города. Заключался он в том, чтобы насать на любую окружающую тебя ткань, плотно прислонив её к носу. Сейчас этот метод мне бы весьма пригодился, если б я не ломился сломя голову куда глаза глядят, не понимая что делать.

Я всегда оценивал себя как здравомыслящего и трезво рассуждающего при любой ситуации человека. Похоже, я ошибся. Глубоко ошибся.

Увидев перед собой столб пламени, я не зная что делать стал камнем, недвижимо рассматривая его. И до сих пор, пока я бегу по тёмному коридору, меня ни на одну секунду не отпустил дикий ужас. Да уж, ночка, когда я каждые десять минут задавался необычным для парня моего возраста вопросом «Как бы выжить?» запомнится мне надолго.

Ну пожалуйста, хоть бы одна маленькая щель которая напомнила о жизни снаружи этого бесконечного здания. Чем дольше я бежал, тем оно казалось длиннее. Никогда не подумаешь, стоя на зелёной траве напротив, что внутри можно навсегда заблудиться, потерявшись в нескончаемых коридорах, больше напоминавших лабиринты.

О Господи. Неужели? Кажется, я увидел свет луны пробивающийся через толстый слой дыма. Свет близко. Осталось просто добежать до окна, через которое он пробирался.

Не смотря под ноги, уверенно бежав к цели, я даже и не заметил как твёрдый бетон под ногами закончился, перейдя

в хлипкие гнилые доски.

Пол сквота будто бы обрывался, оставляя пустое пространство между стеной, окном и этажом, на котором я стою. Благо, где-то множество лет назад, ещё до того как здание с богатой историей превратили в микс притона и борделя, его решились реставрировать, приставив к обрывающемуся полу хлипкие платформы из белой древесины. Сейчас, эта древесина по своей консистенции больше напоминала хлипкую жвачку, только что вытащенную изо рта.

Это мой последний шанс выбраться. Пойти назад – сродни пойти на верную гибель, в самый эпицентр возгорания. Оставалось не оглядываясь идти вперёд без остановок.

«Свет уже близко. Скоро я спасусь. Полицейские уже выехали, кто-то сто процентов успел их вызвать. Кровавая полоса моей жизни, которую я буду вспоминать с дрожащими волосами на руках, будет позади, вместе с тем как ублюдка Майкла посадят за решётку. И настанет новая эра. Моя личная, светлая эра, которую я проведу обнимаясь с Евой, общаясь с любимой мамой и без всякой цели весело проводя время с друзьями, как делают настоящие подростки. Ведь так не должно быть, чтобы шестнадцатилетний парень лоб-в-лоб сталкивался с опаснейшим серийным убийцей. Не должно быть чтоб он общался с умершими. Не должно, чтоб попадал в ужасные пожары в притоне. Это неправильно. И это закончится, как только я выпрыгну из высокого окна» – я отчаянно успокаивал себя, делая первый шаг на шатающую-

ся доску. Знаете, она оказалась крепче чем я думал. Может быть я нагоняю. Не стоит быть таким пугливым, воспринимая всё проще?

Одну досочку за другой, присогнув колени я уверенно продвигался вперёд. Они выдерживают моё не шибко массивное тело. Это располагало.

«О Господи, главное не смотри вверх» – шепнул я сам себе, глянув на верхний уровень, на котором активно бушевало пламя, паля доски, одна из которых, казалось, вот-вот и упадёт мне на голову.

Опустив взгляд вниз, я ещё больше ужаснулся, осознав что это была плохая идея. Подо мной сейчас находилась преисподняя. Это прекрасно ощущалась по поту, не прекращая стекавшему под моей толстой кофтой. Я чувствовал себя говяжьим стойком на шампурах, зажаривающимся на сильном огне. Страх, смешанный с диким дискомфортом – вот что я чувствовал на тот момент. Моя кожа пылала. Лёгкие буквально гнили, и я чувствовал как они разлагаются внутри, вынося наружу свои остатки в виде омерзительного хриплого кашля. По нему можно было подумать что я не прекращая курю с восьми лет.

Устремив взгляд на окно, из которого доносились почти не заметные лёгкие порывы холодного ветра, сосредоточившись, я прислушался к каждому звуку вокруг. Бушующий огонь, крики где-то вдалеке, судя по всему издаваемые юной девушкой, шаги, которые не торопливо скрипели где-то ря-

дом. Стоп, шаги?

Я не успел обернуться, чтобы посмотреть кому принадлежали тихие шажки. Меня сбили с ног. Массивное костлявое тело, впившись острым локтем в живот, накинулось на меня, после чего я упал на мягкие сырые палки.

Паникуя, я услышал тихий хруст, оповещавший о самом жутком развитии событий: пол подо мной трескавшись ломался. Даже и не осматривая напавшего на меня парня, резко повернув голову и заглянув в широкую щель, я увидел бурлящий огонь, ожидающий меня, если эта тварь не слезет.

Резко откинув его с себя, я машинально вскочил на две ноги, пытаясь устоять на них и не поддаться импульсам кружащейся головы. Я сдерживал в себе рвоту что есть мочи. Она рвалась наружу из-за чувства страха и эмоций, накопившись бившими мне в голову. И самое странное, я не казался себе омерзительным. Больше жалким. Не типично для себя, мне хотелось пожалеть беднягу Влада, который столько потерпел за последнее время.

Где-то в пяти гнилых досках от меня стоял козёл, из-за которого я не проломивши доски чуть не упал вниз в плотную стену пламени. Самое странное, что я упал бы вместе с ним. Кто готов убить меня ценой своей жизни? Кто настолько безумен чтобы сделать это? Ну конечно же, очередной наркоман Майкла, та самая «тень номер два», побратим Дэна, которому «нарко-папочка» (фу, сейчас сдохну от омерзения) приказал избавиться любой ценой от гадкого подонка.

Я знал этого человека. Видел ранее. Перед моими глазами всплыла картина: я стою на краю крыши сквота, видя перед собой силуэты трёх тощих парней. Слева вижу лицо, изуродованное кривым треугольником. Дэн. Трагически погибший парень, с расчленённым телом которого я пролежал где-то три минуты.

Слева стоял парень, впоследствии первый прыгнувший на чёрный пафосный джип. Он ходил вместе с нами к смертоносному озеру.

Тот безумец, слизывавший кровь друга с пальцев.

Помню как сейчас его взгляд, когда он взмахнув длинными волосами взглянул на меня. Бездумный тупой взгляд, по которому я не мог сказать ничего. «Зеркала души человека – глаза» – судя по этой поговорке, в душе этого незнакомца пустота. Сплошная пустота.

Вторая картина всплыла перед глазами. Берег клятого озера. Кровь на мелком песке. Целая лужа. Рядом с ней, присев, рыдает тот самый парень с длинными волосами. Он не понимал что происходит. Он был в шоке, заикаясь, не в силах объединять слова в предложения.

Сейчас он стоял передо мной. Тёмные мешки под глазами, высушенная кожа щедро усыпанная угрями и длинные волосы. Их он будто не мыл с рождения. Те же бездумные глаза с еле ощутимыми нотками агрессии уставились на меня.

Он помешан. Он готов пойти на любой отчаянный шаг, ради того, чтоб угодить своему покровителю, дающему нар-

котики.

Раскрыв перед собой нож-раскладушку он нацелил его на меня, готовясь к нападению.

– Тебе Майкл приказал убить меня? – отдышавшись спросил я, автоматически выставив ладонь перед собой, как бы успокаивая противника с оружием.

– Ты догадливый, это и нас всех бесит – агрессивно выпалил парень с длинными волосами, мелкими шагами пытающийся подойти ближе.

– Парень с треугольной татуировкой – быстро выпалил я – Дэн.

– Что? – удивился он

– Вы были друзьями с ним?

– Лучшими друзьями – грустно опустил взгляд противник.

– А ты знаешь что Майкл убил его? Жестоко вспорол живот кухонным ножом. – я пытался говорить быстро, успев заговорить противника до того, как он бросится на меня с ножом. Я видел такое в многочисленных фильмах, в которых в самый динамичный момент жертва начинает не замолкая говорить, давя на жалость нападающему.

– Ты врёшь, падонок! – руки наркольги затряслись

– Он же подсадил тебя на наркотики. Сначала рассказывал как это весело и классно, сунув под нос белую таблетку. Это его стандартная схема. Адриана, Дэн – все они доверились ему. Где они сейчас? Спят в гробу под землёй, вот где!

Словно не желая слушать, парень отвёл взгляд от меня.

– Ты был бы следующим, кого он жестоко убил. Он подсаживал на наркотики людей чтобы затем жестоко отобрать жизнь.

Парень взмахнув челкой поднял испуганные ходившие в разные стороны глаза:

– Но он же мой друг – Господи, звучало это ужасно наивно, хотя его можно было понять: он прошёл долгие месяца прочистки мозга, вдали от цивилизации, и сейчас мне следовало ему как ребёнку объяснять всё что здесь происходило.

– Разве друзья посылают своих друзей на задания, зная что они больше не вернутся? – задал я вполне логичный вопрос.

Неожиданно для меня бездушный наркоман резко откинул нож в сторону. Он упал сквозь широкую щель между досками в пылающий огонь. Видимо у меня получилось. Удалось силой слова изменить мировозрение человека. Ха, и как вам такое? Кто тут на коне?

«Хрусть!» – я услышал тихий хруст.

– Мы можем вместе выбраться отсюда через это окно, и ты заживёшь новой жизнью, без наркотиков и сумасшедшего, командующего тобой! – парень сделал уверенный шаг ко мне.

«Хрусть!» – я во второй раз услышал этот звук и сейчас знатно напрягся.

– Ты прав, мы должны…

«Хрусть!» после третьего звука доска под телом парня разломалась. Он провалился под хлипкую деревянную платформу, испуганно пытаясь схватится за все окружающие предметы. Ничего не вышло. Даже не успев закричать, он полетел в самый эпицентр бушующего огня.

Всё произошло невероятно быстро: стоящий передо мной молодой человек за считанные секунды провалился. В ступоре смотря вниз, я видел как его силуэт исчезает среди языков пламени. Последний тихий крик снизу донёсся до моих ушей. Это последняя память об этом человеке, надолго вырезавшаяся мне в голову. Аккуратно подходя к окну из которого дул свежий воздух, я пытался всеми силами избежать участи парнишки.

Ещё один человек, находившийся рядом с этим подонком погиб. Как раз в тот момент, когда он опомнился и собрался менять свою жизнь к лучшему.

Спасение было в двух метрах от него. Окно, сквозь которое проникал свет луны.

Все, кто окружал Майла стремительно погибали. Он был сущим ангелом смерти, залезшим в тело глупенького наркомана-алкаша.

Смотря на стену леса, перед моими глазами всплыла картина: три парня, стоящие на краю крыши. Они беззаботно наслаждались молодостью, ценя каждую секунду и совершая безрассудные поступки. Жизнь толко начиналась, неся в себе такие запретные, но чертовски приятные вещи: алкоголь,

наркотики и бесконечный секс.

Выпрямив спины они смело шагали навстречу будущему, спрыгивая с крыши. Сейчас, двое из них, стоящие по бокам, уже на том свете. Может быть в раю, может быть в аду… Всё это по вине одного человека, их, как они полагали, «друга» – Михаил, известный также как Майкл. Кто он такой на самом деле? Какие загадки прячет существо, что не стареет?

Глава 38 #королевствополнойлуны #часть2

Июль 2008 года

Он шёл, сняв неуютные резиновые шлёпки с промокших уставших ног. Это был знойный денёк. Посреди выгоревшего бескрайнего жёлтого поля, на самом краю юга города, было максимально некомфортно. Удушливая жара, сопровождающая постоянную влагу, заставляющую ручьи пота плыть по каждой части тела.

Молодой строитель, строивший уютную маленькую ферму за городом, с надеждой всматривался за горизонт дороги, мечтая о том, что вот-вот выедет комфортная машина, которая сжалиться и подвезёт его до границы города. А там начинаются густые зелёные посадки, под соснами и дубами всегда так прохладно. Эх, а если бы машина была с кондиционером…

Ловить попутку – каждодневная рутина молодого строителя. Каждый день, идя по этой клятой неровной дороге,

щедро усыпанной ямами, он отставлял большой палец вверх, жалобными глазами смотря на проезжающие авто. Чаще всего останавливались толстые потные дальнобойщики, пахнущие как стадо немытых свиней, держащие путь из столицы в наш город. Эти не сильно располагающие к себе особи чаще всего предпочитали молчать, включая на полную громкость старомодное кантри.

Иногда они подвозили его до постепенно разоряющейся старой закусочной на самом въезде; это только в том случае, если он ехал не с пустыми карманами, а с небольшой суммой после долгого рабочего дня по сущему пеклу.

«Пауки Сумрака – 10 км.»

Молодой строитель, подправив вспотевшую тёмную чёлку уютно стал под тенью, отбрасываемую указательным знаком, всегда его смущавший. Он указывал расстояние ни до города, ни до заправки, ни до «Дубового», а до чёртового кафе, даже для кофе в котором у него никогда не хватало денег.

– Ещё один хреновый денёк позади – прошептал себе под нос парень – Осталась вся жизнь.

Смахнув капельки пота с открытого лба парень стянул с себя испачканную тёмной грязью синюю футболку, которую он выносил ещё год назад, на его прошлой паршивой работе. Она не хотела сходить с тела, плотно прилипнув и не давая снять себя, но он как-никак справился.

Вдалеке заиграл знакомый проигрыш на гитаре. Культовый проигрыш. Кто-то открыв окна, на полную громкость

слушал старую песню Talking Heads “Psyho Killer”. Сквозь звуки музыки прорывался звук старого рычащего мотора.

Что ж, пора сделать старый добрый жест, прося о помощи. Выставив левую руку в сторону, подняв большой палец парень наконец решился развернуться, посмотрев на приближающейся к нему автомобиль.

Белый мустанг мчал по трассе со скоростью звука, быстро приближаясь к юному автостопщику.

Невероятно красивое и изящное белое авто подъехало вплотную к руке юноши, продолжая бить ему по ушам громкой музыкой:

«Run-run-run-run-run-run-run-away....”

Правое стекло машины отворилось, постепенно открывая лицо молодого, невероятно красивого и очаровательного водителя. Юная девушка с разноцветными прядями, хаотично вплетёнными в её бесцветные волосы, и ярко накрашенными глазами. Одним лёгким движением она достала розовый крупный Чупа-Чупс со рта, наклонившись, чтобы как следует рассмотреть встретившегося ей на пути парня. Замявшись, он, не ожидая встретить на пути такого очаровательного водителя, неуверенно задал вопрос:

– Можешь… можешь подвезти меня?

– Смотря куда тебе нужно – неторопливо ответила незнакомка, показательно растягивая каждое слово.

Увидев, как мило она улыбнулась парень расслабился, ухмыляясь показав все свои идеально белые от природы зубы:

– Мне нужно просто доехать до города

– Ладно, я тебя подвезу, только если ты разрешишь мне потрогать твои бицепсы – подмигнула она, перебирая длинными розовыми ногтями по рулю, в центре которого изображена серебряная скачущая лошадь. Парень с лёгкостью запрыгнул на переднее сидение, рассматривая идеального попутчика. На вид ей было не больше чем восемнадцать, но в её общении проскальзывали те самые кокетливые манеры, которыми славились более старшие девушки – И также, если немного расслабишься со мной – водитель достала из кармана узких джинс маленькую белую таблетку, на которую парень, не ожидая увидеть наркотики в этой машине, вылупился с удивлением. Он никогда не пробывал подобное. Но с такой красоткой один раз – не страшно, думал про себя он, послушно взяв таблетку, и легко закинув её в рот.

Шла седьмая минута весёлой поездки. Ну как, весёлой. Только для одного из пассажиров, сидевшего на правом сидении, она казалась уморительной. Он не переставая смеялся со своих же шуток, попутно рассказывая про жалкую жизнь.

«Когда же ты заткнёшься?» – думала девчонка, не сводя взгляда с дороги пытаясь отвлечься чем-то другим.

Ловить попутчиков, довозя их до здания старой игрушечной фабрики было её работой. Своей харизмой и очарованием она умела втереться в доверие абсолютно любого молодо-

го человека. Тактика проста: улыбнуться, подмигнуть, сделать какое-то пошлое предложение и женственно закусить губу. Бинго! Попутчик считает тебя лучшим другом, которого в то же время хочет трахнуть.

«Самая лёгкая часть нашей работы» – вспоминала она неблагодарные слова Михаила, бравшего на себя ответственность за все остальное. Он не понимал, что выслушать тонну пьяного бреда от иногда плохо пахнущих юношей, периодически блюющих на кожаный салон ретро-мустанга – это тот ещё квест.

Иногда ситуация выходила из под контроля, идя из зелёной, среднестатистической зоны, когда всё идёт как обычно, жертвы смеются до слёз и с неприкрытым интересом глазеют на тебя, в красную зону, когда жертва начинает распускать грязные руки. Но она умела быстро возвратить ситуацию обратно в зелёную зону. Рассмотрим подобный случай на примере с юным строителем:

– Твои сиськи – наконец высказался он, таращась на её грудь – Таких сисек я ещё не видел.

«Ну конечно, потный строитель лазящий один по трассе, не имея ни копейки в кармане. Это последние красивые сиськи что ты увидело в своей жизни» – с яростью думала она про себя.

Сосредоточившись смотря вперёд, водитель делала вид что ничего не услышала.

Парень потянулся рукой, даже не обращая внимания на

дырки в ямах, из-за которых ладонь сотрясало в разные стороны, к левой груди девочки, скрытой за розовой тонкой майкой.

Почувствовав прикосновение незнакомца своим телом, водитель резко отпустила руль, агрессивно зажав передними зубами нижнюю губу, даже и не пытаясь сдерживать всю ненависть, вырывавшуюся у неё.

Правой рукой, в нижнем бардачке, она нащупала гладкую рукоятку большого кухонного ножа, быстро взяв её в руки.

То, что произошло дальше, парень даже и не мог видеть в самых страшных снах.

Девушка резко, совершенно внезапно и неожиданно, со всей силы засунула острый нож практически в центр живота.

Алая кровь вылилась из рта юноши, залив идеально чистое лобовое стекло.

Его губы полностью окрасились в красный, а сам он, издавая тихие хриплые стоны посмотрел вниз, на продырявленный кубик живота.

Ужасная боль. Всё что он чувствовал, это шок от резкого нападения который сбивали невероятные болевые ощущения, приплывающие в голову и заменяя собой все мысли.

– Заветное место между печенью и кишкой – ласково шепнула на ухо бедолаге девушка, готовя нож ко второму удару – Я не задела ни одного жизненно важного органа, не нарушая правила, но при этом вызвала у тебя адскую боль, с помощью которой ты, возможно, научишься не распускать ру-

ки, гнида.

Парень не мог издавать никаких адекватных звуков, кроме как тихого хрипа, выходившего из его уст с каждым вздохом.

Девушка резко выдернула нож из живота, смотря на то, как оттуда вылилась кровь, растекаясь по испачканным джинсам.

Замахнувшись, девушка нанесла второй удар, недалеко от первого.

Кровь из рта парня полилась с новой силой. Ему казалось что он умирает, но на самом деле он просто стремительно терял ощущение реальности. Боль – лишь невероятной режущей болью заполнена его голова. Ему буквально разорвали на части две мышцы, заставляя наблюдать за не заканчивавшимся алым ручьём.

Он отвёл взгляд от ужасной картины, не шевелясь рассматривая быстро меняющейся пейзажи из лобового окна. Поле уже давно закончилось, сменившись на тёмный густой лес.

– А теперь ты смирно посидишь, наслаждаясь последними минутами своей жалкой жизни – сказала водитель, ногтём вытирая капельки крови с покрытого тональным кремом личика. Ей не хотелось, чтобы гадкий озабоченный гавнюк испортил её внешний вид, перед тем как она явится перед своим парнем.

Выплёвывая кровь, парень продолжал не двигаясь ощу-

щать как холодная жидкость стекала вниз по телу. Он до сих пор не мог осознать, что на самом деле с ним произошло.

Краем глаза он посмотрел на невинного прекрасного ангела, ведущего машину. Она создавала впечатление искренней доброй простодушной девчонки, главным плохим поступком для которой была ядовитая сплетня, сведенная про подругу. Мило хлопая длинными ресницами, этот ангел минуту назад два раза ударил его ножом по животу. Кто она такая?

«Игрушечная фабрика «Magic factory"– 3 км.» – гласил старый, потрёпанный временем и заросший зелёным мхом знак, стоявший на обочине.

«Ты сегодня в ударе, Герда» – подмигнула себе девчонка, рассматривая макияж в зеркале заднего вида, засунув яркий красный Чупа-Чупс обратно в яркий пухлый рот.

Откашливаясь, я попытался встать на ноги, руками пытаясь нащупать почву, от которой можно было оттолкнуться. Чёрт, как же дико болела моя многострадальная спина. Сколько же всего ей, несчастной, удалось пережить в этом странном городе: на неё падали с высокой сосны, вылетев из окна горящего здания я также неудачно её покалечил.

Сегодня, я ещё раз понял, что мне стоит учиться группироваться день и ночь. После падений я чувствовал себя как тяжёлый мешок с грузом, с громким грохотом падая на землю.

О да, после того как я забавным движением, будто взятым из чехарды, вылетел из окна, моя спина буквально раскалывалась от боли: каждый маленький диск, каждый позвонок…

Закрыв глаза, я надеялся что меня окружат машины с мигающими сиренами, из которых выйдут полисмены с тёплым пледом и радостной новостью: хозяин сквота сгорел в страшном пожаре. Тогда бы наконец справедливость торжествовала. Он бы заживо пылал, мучаясь в страшных муках, также, как и мучались подростки, которых он поджигал, заставляя наблюдать за своим же горящим телом.

Наконец меня посадят в машину и увезут подальше от этого клятого места. Всё будет хорошо. Всё наладится, после того как я открою глаза и увижу вооружённых полисменов.

Надо мной вырастали высокие колючие сосны, дотрагивавшиеся верхушками до ярко светящихся звёзд. Я лежал, не в силах сдвинуться с места. В последнее время я хорошо познакомился с этим чувством, когда не можешь пошевелиться, не чувствуешь конечностей.

Холодный ночной вечер доносил до меня жар, идущий от ярко пылающего огня. Опустив взгляд с живописных деревьев, на которых отражался свет пламени, вниз – я вздрогнул, только подумав что находился внутри этого ужаса.

Эдем 21 века. Местная Садом и Гамора. У этого здания много названий. В своих неуютных стенах оно смогло приютить десятки людей, и самое страшное, нельзя было понять нашли ли они там себя или потеряли.

Каждую жизнь по очереди уносило пламя, будто наказывая за грешные пристрастия, проявляемые этими молодыми люди. До моих ушей донёсся приглушённый женский визг, который вырывался даже сквозь толстые бетонные стены наружу. Я приставил себе ужасную жуткую картину: прекрасная ночь, яркий свет прожекторов и громкая музыка. Юная молодая влюблённая пара, выкурившая косяк и принявшая экстези зашла в одну из многочисленных комнат сквота, чтобы сделать эту ночь ещё порочней. Начав усыпать тело друг друга страстными поцелуями, они совсем не заметили как быстро поедающий всё на своём пути огонь подобрался к ним, забив в тупик.

Таких историй про молодёжь, заживо спаленную в здании старой игрушечной фабрики, можно было собрать на целую книгу. Очень печальную книгу. Книгу в которой никто из персонажей не дошёл до хэппи-энда, заслуженного или нет – решать явно не мне.

– Кхе-кхе – кажется, вот-вот и я выплюну наружу свои лёгкие. Они полностью заполнены тем удушающим ядовитым дымом, охватившим здание. После такого мне потребуется долгая реабилитация.

Пересилив себя, я шатаясь встал на две ноги, пытаясь отпустить боль. Кажется, становилось легче.

Бросив взгляд на горящий сквот, я будто опомнился, вспомнив перед собой лица тех, кого я там оставил. «Предлагаю разделится» – слышал я хриплый бас Ярослава, лю-

бящего подправлять каждую секунду свои цветные волосы. Это воспоминание чередовалось с холодным взглядом. Холодным взглядом, который навсегда залез в мою душу, оставив там нешуточное разочарование. Да что там разочарование, он насрал мне туда. Андрей. Человек с которым я провёл всё детство и часть юношества хладнокровно бросил меня посреди чащи леса, наслаждаясь, как я не зная что делать хаотично смотрел по сторонам.

Голос незнакомки, который я слышал сидя в густых кустах марихуаны зазвенел в моих ушах: «Собирался прыгнуть вниз с моста». Что это значит? Пустая клевета. Мой брат никогда бы не наложил на себя руки. Он чересчур мерзок для того, чтобы делать человечеству такую услугу.

Скорее всего, в наркотическом опьянении он даже и не заметил, как его тело покрыло пламя. Может быть он и не мучился.

Меня охватила паника. Мотыляя головой в разные стороны, я пытался найти хоть одну живую душу, не говоря о снабжённой оружием полицейской машине. Я был один. Один в центре чащи, ночной мрак которой напрочь рушило пламя.

Не стоит отчаиваться. На парковке у старого электронного магазина стоит наш с Ярославом План Б, терпеливо выжидая когда мы выскочим из здания, чтобы увезти нас подальше отсюда. Увидев пожар, конечно же, я даже и не сомневаюсь, он набрал в полицию и сообщил о жутком инциденте. Он не мог уехать. Не мог не выполнить своё обещание, оставив друга

одного. Хотя, я бы этому не удивился. Он создавал впечатление самовлюблённого эгоцентричного парня, который зачесав шевелюру назад, тем самым перетянув глаза, усердно не замечал проблемы общества. Но это только первое впечатление, сложившееся у меня после тихой поездки на советской развалюхе.

Слава Богу, я не хромал, как показывают многочисленные фильмы, где главные герои пережили страшный пожар, выпрыгнув из окна. Ещё одно клише разрушено этой ночью. Приземлившись на спину, я лишь чувствовал ужасную резкую боль в зоне позвоночника, но она никак не передавалась на ноги, готовые убегать со всей скоростью из этого долбанного леса.

Ах да, левая рука невероятно ныла, к тому же предательски онемев. Ах, моя левая, как же ты могла мне пригодиться! Кстати говоря, врачи вновь удивились моей везучести: говорят, после таких ударов в плечо рука становится ненужным вымершим балластом.

Ковыляя в строну парковки, на которой должно было стоять заветное авто, я с ужасом обратился к Богу, поблагодарив его за то что он чудом отвёл от меня опасные языки пламени, сохранив жизнь. Это так странно: только после настоящего потрясения человек может поблагодарить высшие силы за помощь. И то, если захочет просить ещё и ещё, не ограничивая себя в просьбах. Людская природа: усердно не замечать чудеса вокруг пока не учуешь нужды в чём-либо ещё.

Так и я сейчас, поблагодарил только для того чтобы высказать очередную просьбу. Я искренне надеялся, что мой брат и друг выбрались из ужасного пожара, и сейчас они в полной безопасности терпеливо ожидают меня. Я хотел в это верить. Смотря на звёзды, я шептал это посылая надежду в космос. Когда-то сработало.

Обойдя горящее здание, выйдя на узкую тропу, выводящую из леса, я чётко услышал шелест кустов. Чьи-то шаги. Насторожившись, я ясно ощущал как ко мне кто-то приближается, всматриваясь в густые зелёные заросли.

Хрип, скулящий от боли донёсся до моих ушей. Это был один из выживших. Точно он, лица я до сих пор не видел.

Сквозь листья показалась знакомая яркая шевелюра, не спеша приближающаяся к тропинке. Он выжил. Он был жив и приближался ко мне. Мой друг Ярослав остался цел.

Увидев его лицо я резко вздрогнул. Алые губы, на которых до сих пор виднелись капельки крови, дрожали от страха. Подвёрнутая нога, которая, казалось, разломается на две части как деревянная спичка со следующим шагом. И самое главное: пронзительное сбившиеся дыхание, которое можно было услышать за десять метров от моего напарника. Он знатно пострадал.

– Что… что случилось с тобой? – в ужасе спросил я, рассматривая покалеченное тело Ярослава.

– Белый мустанг – заикаясь ответил он, схватившись за ребро и зажмурив глаза, пытаясь не расплакаться от боли –

Он три раза сбивал меня на полной скорости, короче, это долгая история – подумав, он продолжил – Честно, я был уверен что умираю. Я не мог дышать, у меня перехватило дыхание, ни одного вздоха не получалось сделать. Но спустя какое-то время я почувствовал зловонный аромат дыма, раскрыв глаза и увидев что это конченное место в огне. Я пересилил себя пойти до парковки, каждый раз наступая на ноги и ощущая охринительную боль. Похоже, они сломаны.

– Я конечно не врач, но судя по всему у тебя перелом левой ноги в нескольких местах – предположил я – Ярослав, мне так жаль что я тебя сюда затащил

– Не стоит, Влад. Я хочу услышать только одно. Этот мудила, который переломал мне всё тело, сгорел? – он с надеждой посмотрел мне в глаза, ожидая положительного ответа. Но я ничего не знал. Я мог только предположить, что случилось с этим безжалостным чудовищем. И с ужасом представить, как он будет мстить за свой спаленный сквот, не жалея ничего на своём пути.

Мужская слеза. Она быстро скатывалась по грубой коже, в последствии упав на холодную сырую почву. За всё своё долгое существование он плакал лишь один раз, когда видел как его мать умирает от старости на его глазах.

Но сейчас на слёзы весьма резкая причина. Всё, что он так долго выстраивал вокруг себя долгие года. Мини-мир, успешно процветающий, живя своей жизнью посреди чащи

леса. Ох, это было не просто сообщество наркоманов, помешанных на дури. За все годы жизни вместе это превратилось в настоящую секту. Культ личности, вокруг него самого, жизнь каждого звена которого поочередно унесло пламя.

Пересилить себя выйти из умирающего на глазах плода своего существования было весьма трудно. Ему хотелось упасть на колени, дав огню унести себя вместе с его плантациями марихуаны, запасы экстези и просто всему тому, что обеспечивало ему и Герде сытую вечность.

Ведь наркотики это было, есть и будет востребованным бизнесом. Люди как поглощают, так и будут поглощать неизвестные по составу загадочные белые таблетки, пихая в нос странный белый порошок, ещё несколько ближайших десятилетий, вот увидите. Они будут совершенствовать этот способ получения удовлетворения, с каждым годом находя всё более изощренные методы и способы.

Это было бы золотой жилой на долгие годы для Майкла. Но помимо этого, он чётко осознал то, что был привязан духовно к этому месту. Оно было первым, которое он готов был назвать своим домом. После долгих лет жизни без своего места, он наконец нашёл его, потеряв за одну лишь ночь.

В этом всём был виноват лишь один человек. Мелкая гадкая дрянь, которая не пойми откуда взялась в жизни Майкла, пытаясь всунуть свой длинный нос в каждую щель. Он пожалеет о том дне, когда взял на себя роль грёбанного Шерлока Холмса, подумав что сможет помешать ему. Он проклянёт

этот день, в слезах прося о помощи и пощаде, наблюдая за тем как Майл живьём достанет из него кишки. О да, Влад умрёт в адских муках. Он позаботится о том, чтобы гнида, из-за которой его сквот полностью сгорел, умерла не быстро и безболезненно, а ощущая каждый порез, каждый отрезанный палец, который Майкл острым ножом срежет с его тонких мерзких рук. Он будет страдать, как страдали все кто погибли этой ночью.

Майкл рассмеялся, наблюдая за тем как догорает здание старой игрушечной фабрики. Он представил себе выражение лица Влада, который выплёвывая последнии капли крови из организма будет смотреть ему в глаза, надеясь на пощаду. Но о никаком помиловании не могло быть и речи. Он разбросает каждую часть расчлененного тела по всему лесу, чтобы шокированные полисмены собирали его по частям как конструктор Лего. Он изуродует смазливое лицо так, что его родная мать не узнает в морге на опознании.

Достав огромный кухонный нож из широкого кармана спортивных штанов, Майкл ласково провёл пальцем по тонкому лезвию оружия.

Сквозь звуки горящего огня до ушей долетели голоса. Подростковые голоса. Где-то недалеко от него говорил человек, план убийства которого будоражил фантазию Майкла, сразу же заставляя улыбаться. Этой ночью Влад и все кто ему дорог незамедлительно сдохнут.

Майкл взглянул направо, смеясь осмотрев толстый пенёк,

из которого торчал огромный топор.

– Ночь только начинается – довольно сам себе сказал Майкл, подойдя к пеньку и схватившись за рукоятку.

Я дал Ярославу полностью повиснуть на себе, облокотившись на меня всем весом спортивного баскетболиста. Он обхватил меня рукой, которую вроде бы не затронул твёрдый капот белого Мустанга, уверенно ковыляя по узкой тропе к нашему спасению. Это точно конец. Ночь закончена. Наше спасение стояло где-то в четырехстах метрах от нас, ожидая в старом авто.

Мы вдвоём, проникнувшись наивной надеждой не торопясь ковыляли по ночному лесу, оставив позади яркий свет огня сквота.

Смотря вниз, на вывернутую ногу Ярослава, которая недвижимым грузом, словно старая тряпка, тащилась по пыльной тропе, я увидел на своей кофте и штанах алые брызги крови. Скорее всего, это была кровь моего напарника. Меня передернуло. Казалось, человек для которого кровь подростка была каждодневной рутиной должен реагировать на неё как на должное. Но я не привык. Кровь до сих пор вызывала у меня устойчивое чувство омерзения.

– Я чувствую себя персонажем Фореста Гампа – засмеялся Ярослав, отпустив дикий страх который нависал над нами всё это время – Ну, помнишь тот момент на войне.

Я улыбнулся

– Когда выйдем откроем свой ресторан с креветками.

Вдруг, из мрака нависшего под густой листвой, где нелепо ковыляли мы, резко выбежал знакомый мне парень. Мы вдвоём, казалось бы, спортивные члены баскетбольной команды вздрогнули от неожиданности, когда он вылетев из-за угла подошёл к нам вплотную.

Эдуард. Самый нетипичный гопник, больше похожий на смазливую модель из каталога Calvin Klein за осень. Его глаза в панике бегали, а сам он был в таком же полном ужасе, что и мы. Непонимание того, что происходит вокруг – вот что отчетливо можно прочитать в серых больших глазах парня.

Увидев жалкий вид Ярослава, можно было подумать что он сейчас всхлипнет и расплачется.

Безмолвно друзья смотрели друг другу в глаза, будто не зная с чего начать разговор. Я боялся нарушать это молчание, сквозь которое можно было услышать только тяжёлое дыхание моего напарника, вызванное переломом рёбер.

Ярослав уверенно отодвинулся от меня, встав на сломанную ногу. Я аж скривился, увидев как он облокотился на вывернутую ступню.

– Я так волновался – задыхающимся голосом оборвал Эдуард, после чего быстро придвинувшись к лицу моего напарника, уверенно схватив его за щеку страстно поцеловал. Да-да-да, вы всё правильно прочли. Я тоже не мог понять что происходит, в ступоре смотря на то, как мой друг страстно

целует местного гопника. Обняв друг друга, они не прекращали целоваться где-то минуту.

Хоть и на этот раз я не считал.

Возможно, это самое неловкое чувство когда друг, с которым ты достаточно близко общался, переодевался у него на глазах и мылся в душе, оказывается геем. Да что скрывать, это паршивое чувство. Я не знал что говорить, рассматривая с каким наслаждением Эдуард смотрит в его глаза.

Ну конечно же! Как я и раньше не догадался? Это же было очевидно. Их секретные разговоры в столовой, которым я не уделил должного внимания. Как он благородно нас скрыл от своих друзей, рискуя собственной шкурой. Даже сам Ярослав: ну какой натурал сможет так умело раскрасить волосы в разные цвета? Из меня хреновый психолог.

На данный момент я не мог понять даже себя самого: продолжу ли я общаться с другом которому нравятся мальчики или в полном шоке отпишусь от него в Инстаграм, Твиттере, Фейсбуке, Pinterest, Tumblr и Снэпчате, а также заблокирую в WhatsApp, Viber, Telegram, Messenger и Skype? Хм, надо впервую очередь разобраться в себе. Друг гей – это достаточно необычный опыт.

Закончив романтическое дело, увлечённая пара поймала на себе мой шокированный, непонимающий что происходит взгляд. Этот взгляд обозначал: «Теперь и ты в курсе» и как бы давил на жалость, умоляя «Пожалуйста, это не должен никто узнать!». Оказывается, я идеальный расшифровщик

взглядов. Ярослав дрожащим голосом спросил у меня, не отпуская рук от плечей Эдуарда:

– Влад, я понимаю что ты не был готов к такому, но…

– Почему ты не рассказал мне? – обиженно спросил я

– Пойми, баскетболиста-гея никто не примет.

– Сейчас 21 век, алло.

– Если бы мои друзья узнали об этом – басом заговорил Эдуард – Они бы меня сразу же забили на месте. Я гарантирую, и глазом не моргнули.

– Влад, ради безопасности Эдуарда, пообещай мне по-дружески, что о наших отношениях никто не узнает – Ярослав с надеждой на меня посмотрел. Да уж, это событие стало ещё более шокирующим чем страшный пожар в сквоте или плантация марихуаны посреди комнаты. Будто холодной водой на голову, я был не готов к этой информации. Явно не готов. И почему они решили сосаться при мне? Нельзя было подождать, пока они останутся наедине? Переводя глаза с Ярослава на Эдуарда и наоборот я не знал, что сказать. В глазах почти незнакомого гопника явно читался страх. Эдуард пытался спрятать его за каменным выражением лица. Он был напуган перспективой раскрытия тайны. Для него это значило очень многое.

И ребята старались, чтоб о их скрытой связи никто не узнал. Я бы в жизни не догадался о том, что гопник которого я видел всего два раза встречается с моим новым другом.

Чёрт, сейчас я ощущал себя ужасно странно. Не понимал,

хочется ли мне упасть на землю и рвать на себе волосы, вспоминая о моментах когда я с Ярославом стоял в душе после баскетбола, или поддаться всеобщей толерантности к ЛГБТ. Во всяком случае, кто я такой чтоб осуждать чужой выбор? Они любят друг друга, это было видно. Огонь в глазах и все эти смазливые банальные штучки… Чётко читалось, они в восторге друг от друга.

– Ребята, об этом никто не узнает. Обещаю. – уверенно сказал я, поддержав Ярослава, корчащегося от боли, но всё равно продолжающего стоять на сломанной ноге.

– Гей-братюня – это новый тренд, даже среди натуралов – улыбнулся Ярослав, пальцем вытирая кровь со своих уст.

Эдуард засуетился, предложив:

– Я подгоню поближе машину. Влад, оставайся с Ярославом и продвигайтесь дальше – он дёрнулся в сторону парковки, но его остановил Ярослав, крепко схватившись за рукав тёмной спортивной кофты.

– Мы хотим узнать только одно. Ты вызвал полицию? – с надеждой спросил он.

– Ну конечно – улыбнулся Эдуард – Как только услышал дикие крики и увидел из окна машины пелену тёмного дыма.

От этой новости я непроизвольно улыбнулся, проговаривая про себя: «Свет близко… свет близко…»

– Давай, мы уже почти вышли! – подбадривал я друга, таща за собой на спине массивное тело.

– Ауч! – вскрикнул он.

– Что такое?

– Ты мне на ногу наступил! – жалобно вскрикнул он

– О Господи, на сломанную?

– Нет, но блин, ты сейчас и её разломаешь на две части! – взглянув в глаза Ярослава, я испытал очень странное ощущение. Будто странная неуверенность зажалась в глубине души, порой выходя наружу в виде трясущихся рук и перепуганного взгляда, который мой друг явно замечал. Было видно, насколько он переживал из-за того что я узнал. После того, как Эдуард вышел из нашего поля зрения, начался долгий разговор за то, как ему важна дружба со мной.

Я чувствовал будто меня одурачили. Обманули. Скрыли от меня нечто очень важное, посчитав идиотом.

Я искренне радовался, что мысли о взаимоотношении с моим другом заменили собой мысль о всех погибших сегодня молодых людях, не один из которых не вышел из этого клятого притона.

Мой брат. Я не любил навязывать себе, заранее начиная бить панику, но что-то подсказывало что сейчас его бездыханное обугливающееся тело лежит в одной из мрачных комнат, покрытых огнём. Ненависть к этому человеку будто рукой сняло. Больше не казалось, что я готов пойти на любые меры чтоб унизить его перед обществом, подмешивая тошнотворный порошок в обед. Оказывается, я всё-таки не самый злопамятный человек, каким считал себя раньше. В го-

лове крутились те самые весёлые эпизоды детства, где мы с десятилетним Андреем исследовали самые потайные закоулки нашего родного города. Как мы прибегали к бабуле, выслушивая её увлекательные жуткие истории, рассказанные невероятно реалистично и правдоподобно:

– Ты взяла этот момент из какого-то фильма !– скептически говорил Андрей. Он всегда отличался болтливостью и невероятным умением обламывать людей – Мы смотрели его с родителями!

Взгляд на мир через скептические саркастичные очки он унаследовал от отца, как говорила бабуля.

Конечно, тогда он был мальчишкой со своими странностями и особенностями. Но назвать его жестоким язык никогда не поворачивался. В этом городе его будто подменили. Или, скорее, дело не в городе а в не щадящем ничего жестоком подростковом возрасте?

Мы уверенно ковыляли с Ярославом, оставляя лес ужаса за собой. Там и остался мой брат, и тот человек, который активно превращал жизнь в ужас последние три недели. О да, сомнений не было. Его окровавленное тело сейчас лежало под обломками заброшенного здания. Бесславная смерть для мерзкого ублюдка. Должно быть – всё. На этом моменте не должно оставаться никаких троеточий. Финиш. Конец. Главные герои выходят из места действия под победный саундтрек. Единственные выжившие в страшном пожаре. Да уж, стоит не упустить момент славы, который на-

станет после жуткого инцидента в сквоте, при котором погибли десятки людей. Может записать свой студийный альбом? Сняться в шоу Эллен Дедженерс? Написать роман, о всём что я пережил? Ах да, последний пункт уже готов.

Стоп, в сторону такие циничные мысли.

– Влад, ты видишь это? – радостно вскрикнул Ярослав, прервав мои мысли. Подняв голову, сквозь непроглядные деревья я увидел голубенький мерцающий свет. До моих ушей долетела звонкая громкая сирена, заставляющая сердце биться чаще. Я готов был орать от радости. Это же полицейская машина, приехала за нами и стоит за деревьями! Всего одна? Ну ничего, они увидят какой тут происходит треш и вызовут подкрепление.

Чем ближе я подходил, тем больше мигалки слепили глаза. После длительного пребывания в темноте, из-за них глазные яблоки будто выедало, я щурился не веря собственному счастью.

Финал. История с жутким убийцей закончена. Можете дочитывать предложение и ложиться спать.

Шаги. Я слышал четкие шаги, протирая глаза. К нам бежали два вооруженных полисмена, которые усадят нас в свою пуленепробиваемую тачку и увезут домой.

Милая рыжая девушка и низкорослый загорелый мужчина, державший руку на поясе с огромным тёмным стволом, готовым выстрелить в любого обидчика.

– Ребята, что с вами? – жалобно спросила милая тощая по-

лисвумэн, озадаченным взглядом осмотрев раненного Ярослава. За ними, буквально в десяти метрах от нас я видел красивое черно-белое авто, которое вот-вот, и въехало бы в густые заросли. Сирена продолжала ярко мигать, а открытая дверь готова встретить пострадавших.

– Пожар… Маньяк… – начал мямлить Ярослав.

– Тихо-тихо – спокойным басом произнёс полисмен, рассматривающий яркие волосы моего напарника – Мы отвезём вас домой и всё будет…

Милый мужчина не договорил предложение. Я зажмурил глаза, ибо в них попала капля какой-то жидкости. От неожиданности, я не сразу понял что происходит.

Послышались едва уловимые стоны боли, приглушаемые полицейская сиреной, и шокированный вздох женщины.

– Срань-срань-срань!!! – завопил Ярослав, ухватив меня за рукав кофты.

Открыв глаза, я встал статуей на месте, не зная как реагировать на то, что разворачивалось перед глазами. Загорелый мужчина, только что пытавшийся нас успокоить, испуганными застывшими глазами смотрел на меня. Я видел, как ручьём стекает кровь по его голове. Одна капля за другой, капает на чёрную крутую полицейскую униформу.

Из его головы торчал острый топор, разрубивший череп практически надвое. Омерзительное зрелище, от которого ноги подкосились и захотелось обессилено упасть на землю, от вида вытекающей из волос мужчины крови. Меня пере-

держал Ярослав, который так же испуганно как и я пялил на кровавую картину.

Топор вытащили, дав полисмену грохнуться на твёрдую землю, расплывшись лужей крови к нашим ногам. Вытерев капли крови с лица, перед собой я увидел знакомую белую маску. Чумной доктор. Изысканная венецианская маска, белизну которой нарушали мелкие кровавые капли.

«Он не сдох… – бормотал я про себя – Не сдох…». Как эта мразь оказалась такой живучей? Те самые стоптанные кеды, грязные спортивные штаны, закатанные на три подката. Майкл стоял передо мной, готовый пойти на что угодно, лишь бы я испытал самый большой ужас в жизни.

Ловкая девушка, стоящая спиной к маньяку, быстро схватилась за пистолет, в спешке достав его из пояса. Казалось бы, вот наше спасение, она сейчас прострелит этого живучего подонка и наконец настанет свет.

Ярослав не стал дожидаться как сумасшедший скваттер раздробит девушке череп острым орудием убийства. Я также отвернулся, почувствовав холодные капли крови, полетевшие на моё тело, и услышав крики Ярослава:

– В машину! Срочно! – ковыляя он потянул меня за рукав, указывая на открытую дверь полицейского авто.

Я ощутил как рядом с ногами падает тело тощей дамы. Изо всех сил пытался не смотреть на неё. Мы пробегали мимо разъярённого психопата, держащего в руках топор залитый алыми каплями крови.

Ещё одно клише этой ночью полностью оправданно: маньяки никогда не погибают так просто, сгорев в пожаре. Они оживают. Причём огромное количество раз, пока зрителю не надоест наблюдать за бесконечными жизнями подонков, которым любая кошка позавидовала бы.

Краем глаза я видел ту самую маску с белым острым клювом. Раньше, в средневековье, врачи одевали эти маски чтобы не подхватить чуму, вылечивая больных. Это так, короткая историческая справка. Стоит подметить, что в ансамбле с топором она смотрелась весьма пугающе. Ну это так, к слову.

Майкл, непонятно зачем скрывший личность за маской, поднял тяжёлый топор над пробегающими мимо него пацанами, завопив гундосым визгливым голосом, слыша который хотелось повеситься:

– Ты сдохнешь в страшных муках, маленький подонок – он показательно загробным низким тоном, как в культовых старых ужастиках, громко выкрикнул эту фразу, готовясь снести одному из нас голову – Я вырежу каждый твой орган и сожру на глазах у матери, выродок.

Я и Ярослав оказались быстрее чем взмах тяжёлым топором. До того как психопат резко им ударил, промахнувшись и чуть не отрубив себе ногу, мы успели добежать почти до самой двери машины.

Когда Ярослав стал медленно залезать вовнутрь, не торопясь поднимая травмированные ноги, я, увидев краем пра-

вого глаза что маньяк справился с топором и собирался бежать к нам, одним небрежным движением руки затолкнул друга в салон. Скуля, он плюхнулся на твёрдое чёрное тканевое сидение, и подобрал ноги, тем самым освободив место для меня.

Я моментально запрыгнул вовнутрь, задев руку Ярослава ногой. И даже тут я умудрился приземлиться как рохля.

Захлопнув дверь, одним нажатием кнопки под окном я заблокировал двери, прямо перед носом «Чумного доктора». *Щёлк!* – по машине раздался быстрый звук, исходящий от всех четырёх дверей.

В машине царила полная звукоизоляция, не пропускающая вовнутрь ни одного звука окружающей среды. Мы совсем не слышали как Майкл буквально испарился с поля зрения. Стоявший секунды назад у закрытой двери психопат в маске бесследно исчез.

Сейчас я слышал лишь тяжёлое дыхание напарника, до сих пор не способного поверить в то, что сейчас происходит. Эх! Был бы тут Алексей, мой старый добрый лучший друг, настоящий спец в слешерах. Пересмотрев сотни фильмов этого жанра, он бы подсказал что делать в подобной ситуации. Ведь сейчас я находился в самом эпицентре фильма ужасов, в который моментально, за одну ночь, превратилась моя жизнь.

– Боже правый, кто додумался сесть на заднее сидение для заключённых? – в панике выкрикнул Ярослав, указывая на

крепкую железную сетку, огораживающую задние сидения от мест для полицейских.

– В машине должно быть оружие – вскрикнул я осматриваясь по сторонам.

– Ну конечно должно быть, умник – злобно острил Ярослав – От него нас отделяет всего лишь эта клятая прочная железная сетка. Чёрт! – выкрикнув эту фразу, кулаком, который, пока что, в отличии от остальных частей тела, он не сломал, долбанул по сетке. Показательная ярость. А я думал геи так и не делают.

Пшшш – с переднего сидения послышалось шипение полицейской рации – *Сержант Клюкина, что там у вас?*

Услышав монотонный голос мужчины, находившегося на другой стороне провода Ярослав изо всех сил прижался к твёрдой сетке, полным отчаяния голосом завопив:

– Мы тут! Пожалуйста! На нас напали!

Шипение продолжалось:

Сержант, Вы меня слышите?

Полицейский на другой стороне не слышал. Как бы Ярослав не кричал, без нажатия на нужную кнопку не получится позвать на помощь.

– Вызовите подмогу!!! Умоляю!!! – у моего друга началась настоящая паника. Он бил кулаками по сетке, холерически выглядывая из авто. Создавалось впечатление, что сейчас мы были на старой парковке за магазином электроники абсолютно одни. Смотря сквозь окно, я видел бескрайние

просторы непроглядной чащи, освещаемые ярким свет сирен.

– Он ушёл – тихо констатировал я, потянувшись к ручке автомобиля.

– Не смей! – резко Ярослав перехватил мою руку, остановив в паре сантиметров от кнопки блокировки – Ты же знаешь как это обычно бывает в слешерах, он выскочит как только ты откроешь дверь.

Я резко отдёрнул руку, размышляя что же делать дальше. Меня трясло от одной лишь мысли, что за толстой дверью полицейской машины нас поджидает человек, результат жизни которого в одну ночь превратился в пепел из-за меня. Я даже боялся представить, что он сделает со мной как только распахнётся дверь. Он не допустит чтоб я умер быстро, от одного удара топором, как умерли патрульные: совершенно резко и неожиданно. Он сделает всё, чтобы я по полной прочувствовал каждый удар ножом, каждую стекающую каплю крови.

Ещё одно примитивное клише, полностью оправдавшее себя сегодня: даже когда вместе собираются два сильных баскетболиста, от страха, они даже и боятся думать о том, чтобы дать отпор парню в маске и с топором. Они как самые последние пугливые девчонки, заблокированные в машине, боятся шевельнуться, чтобы не привлечь внимание психопата.

Мы были обречены. Все наши движения, все наши реше-

ния можно проследить через прозрачные стёкла. И это настораживало.

– Пистолет! – вскрикнул я, указывая на небольшой тёмный ствол, лежащий в бардачке справа от переднего сиденья.

– Да ладно?! Я повторюсь, как бы мы не изгибались, нам не достать его оттуда! – мы сидели на настоящих местах для тех, кто переступил черту закона. Тут блокировали преступников, не позволяя причинить вреда сидящим впереди патрульным.

– У меня есть идея – я лёг спиной на чёрное тканевое сиденье, задрав ноги почти к самому потолку. Просчитав про себя до трёх, я со всей силы долбанул по сетке, не останавливаясь продолжая наносить удары. Я прикладывал всю силу, что только была заложена в ногах, ловя скептические взгляды друга:

– Ты думаешь, это поможет?

– Это лучше, чем просто сидеть в бездействии и паниковать! – огрызнулся я. После пятого удара послышался тихий звук, издаваемый маленький шурупчик упавшим на пол. Даже сетки для заключённых делают халтурно. Во взгляде Ярослава наконец проскользнула едва заметная надежда.

После очередной пары сильных ударов, во время которых я неуловимо кряхтел, про себя жалея собственные ноги, второй нижний шуруп упал с левой стороны. Победа. Осталось проскользнуть вперёд, взять пистолет в руки и прострелить падонка. И я не буду ломаться, как в почти всех фильмах,

где персонажи вроде меня, взяв в руки пистолет пять минут думают стрелять им или нет, пока не сдохнут.

Обеими руками я схватился за твёрдую сетку, пытаясь сделать пространство, сквозь которую могла бы пролезть моя талия.

– Помогай! – выкрикнул я другу, почувствовав как мерзко впивается проволока в руки.

С помощью Ярослава получилось вывернуть сетку. Осталось только аккуратно влезть туда, взять оружие и вызвать помощь. Надеюсь, у меня это получится и без знания полицейских кодов. Кто-нибудь знает код для вызова подкрепления?

Пшшшшш – рация продолжала пронзительно шипеть, давя на нервы тем что мы не можем воспользоваться ею.

В сетке хватило места для меня. Я бы с лёгкостью пролез на переднее сидение и уже начал это делать, но резкий звук, доносившийся от левого окна, остановил меня.

Преградив вид на разваливающийся серый магазин электроники, в котором даже зелёной выцветшей вывеске не получалось скрыть глубоких старых трещин, перед окном появился тёмный силуэт «Чумного Доктора», держащего в руках тяжеловесный топор. Замахнувшись, он нанёс первый удар по стеклу.

Ярослав, испугавшись от неожиданности вскочил на меня, прервав процесс проникновения на переднее сидение.

Затаив дыхание, я даже и не пытался ничего предприни-

мать. Это странное ощущение, когда все мысли и дальнейшие планы рушатся одним ударом топора.

– Это пуленепробиваемое стекло – тихо предположил я – Должно быть…

Майкл, замахнувшись, ударил по стеклу во второй раз. Был слышен тихий хруст. На окне появилась неглубокая трещина, из-за которой тёмный костюм убийцы будто делился надвое в наших глазах.

Как сейчас помню этот жуткий момент ожидания: темнота, изредка пробиваемая светом ярких сирен. Дыхание сбилось, точнее, я его затаил, не в силах сделать ни одного вдоха. От неожиданности сердце разрывалось, дёргаясь в разные стороны как звонящий громкий будильник.

Белоснежная маска выглядела синей благодаря свету полицейской машины. Словно жуткая светящаяся вывеска, она была единственным, что проглядывалось сквозь мрак паркинга. Только одиноко светящий вдали фонарь и жуткая носатая маска… И зачем этот ублюдок её надел? Хотел чтобы я, умирая, испытал больше страха?

Время будто застыло. Будто кто-то включил режим слоумо. Я до сих пор помню это чувство между вторым и третьим ударом. Когда психопат поднял над головой тяжёлый топор, видя что его старания не напрасны. Окно авто постепенно трескалось, предательски выдавая нас Майклу, который сотворит с нами такое… Ох, я даже и боюсь представить что он сотворит, когда доберётся до моего тела. Может

быть расчленит меня и из частей тела соберёт звёздочку на ночной парковке. Может быть привяжет к дереву, после чего подпалит его, наслаждаясь истошными воплями. Может сначала на моих глазах порежет Ярослава, а затем будет медленно убивать меня. Я точно не сомневался, что у «Чумного доктора», изо всех сил пытающегося разбить окно автомобиля, фантазии хватит на любое безумство.

Ярослав прижался к моим трусящимся от страха коленям. Я чувствовал дрожь, не прекращая бегавшую по его телу.

Его взгляд замер на жуткой маске. С открытым ртом он наблюдал за неизбежным: как маньяк разобьёт стекло, поочередно достав нас. Ещё два удара, и осколки полетят на легкодоступную испуганную жертву. Сейчас мы были именно такими. Испуганными цыплятами, не способными заставить себя залезть на переднее сидение, взяв в руки ружьё. И о да, будте уверенны, я бы снял его с предохранителя, завопив «О да, я мистер разрушитель клише», после чего вынес мозг гундосому уродцу. Это был бы волшебный момент. Алые брызги крови в разные стороны, освещаемые голубой мигалкой. Его голова бы разлетелась на мелкие кусочки, залив холодный асфальт. Его мозг стал бы похож на густую аджику, или острую сальсу по консистенции.

Эти чудесные моменты проносились перед глазами пока я прижимался к твёрдой холодной двери, затаив дыхание.

Ярослав кряхтел и тяжело дышал. Каждый выдох ощущала на себе вся машина, будто содрогаясь от его страха.

Пшшш – шипела рация – *Сержант Клюкина* – хоть бы этот монотонный голос наконец заткнулся. Он не может помочь нам ничем – *Офицер Борисов? Вы слышите меня?*

Даже если бы он и услышал наши мольбы о помощи, всё равно бы это не спасло от неизбежного. Майкл разбил бы стекло за считанные секунды, успев размозжить нам черепа, десять раз каждому, до приезда полиции. Так что мне не за что себя терзать. Разве что только за то, что я приехал в этот город. Самая фатальная ошибка жизни.

Резкий звук прокатился по всей машине. Я прочувствовал его спиной по лёгкой вибрации, последовавшей после третьего удара.

Стекло хрустнуло ещё больше, укрыв лабиринтом из трещин всю поверхность. Закрыв глаза, я попытался дёрнуть за ручку авто, но всё тщетно. Дверь наглухо заблокирована. Мы в ловушке. В самой настоящей западне.

Тёмная парковка рядом с непроглядным лесом. Двенадцать часов ночи. Яркие мигалки, прорывающие мрак насквозь сине-красным светом. Два окровавленных трупа бесславно убитых полицейских недалеко от авто. И два испуганных подростка, заблокированных в машине. Вот так, беззаботная ночь, которая должна была стать для каждого яркой феерией красок, закончилась настоящей бойней. Без преувеличений – трагедией. Жизнь каждого, кто находился в порочном сквоте, унесло пламя. Каждого молодого подростка, сбившегося с жизненного пути, отдав предпочтение не тому

делу. Их по очереди забрало на тот свет горячее пламя, пробирающееся в каждую комнату здания. Может быть на фоне многочисленных смертей мою никто и не заметит? Я войду в число тех десятков людей, имена которых высекут на мемориальной плите, служащей туалетом для голубей. Как обычно бывает после подобных трагедий где-то неделю люди показательно погорюют, лицемерно выставляя траурные тёмные посты в свои аккаунты, чтобы затем их архивировать когда стихнет шумиха. Такая уж она, судьба трагедий, которые каждый день наш мир приносит всё больше и больше, без остановок.

Заколов меня топором, Майкл выбросит маску в быстро текущий холодный ручей, смыв с рук мою кровь. Он станет национальным героем, единственным выжившим после страшной катастрофы, после несчастного случая без единого выжившего. Его пригласят на интервью главного канала, он будет сниматься в качестве камео в одном из сериалов Netflix, напишет мемуары обычного наркомана, пережившего страшную давящую на слезу историю. Его голос услышат миллионы наркоманов по всему миру, которые восстанут против устоявшейся системы. Майкл создаст свою политическую партию, пробьется в сенат одного из крупнейших штатов, после чего начнётся настоящий политический кризис. Мир будет рушится на глазах. Начнётся апокалипсис, к которому приведут наркоманы пролезшие в политику.

Да уж, человек отчаянно пытавшийся разбить стекло пе-

ред моими глазами выйдет полностью сухим из воды, спалив наши трупы в огне старой игрушечной фабрики.

Кажется, паника в виде дикой дрожи и поднимающихся волос на руках ещё больше стала укрывать моё тело. Это всё от нескончаемой цепочки мыслей, которыми я загоняю голову.

Недвижимо смотрящие на вычурную белую маску глаза на секунды что-то ослепило. Из-за силуэта показался резкий свет, ударивший по взору. Тот самый свет, который я навязываю себе всю эту ночь. Тот самый свет, о котором я мечтаю ещё с первого шага по ужасно пахнущему разваливающемуся зданию. Он тут. Со звуком громкого мотора машины, за спиной психа показалось наше спасение. Если закрыть глаза, то можно даже прочувствовать, как быстро оно надвигается к нам. Но я не закрывал глаза. Я удивлённо таращил их на Майкла, растеряно обернувшегося, шокировано застыв не зная что делать.

Секунды спустя всю машину окатила тряска. Будто от восьмибалльного землетрясения, я буквально подпрыгнул на твёрдом сидении, не ожидав такого резкого толчка.

Грязным выношенным тёмным костюмом Майкл плотно прижался к окну, загораживая нам вид. Будто его плотно перебили к нему гвоздями. Он недвижимо застыл, ну а мы с Ярославом переглянулись, не понимая радоваться нам или пугаться.

Сзади послышался резкий стук в окно, от которого я

вздрогнул, резко обернувшись. За дверью стоял Эдуард, изо всех сил пытающийся открыть заблокированную дверь авто. Перепуганными глазами он таращился на наши испуганные физиономии, которые в свою очередь, не понимающим ничего взглядом глазели на него. Он судорожно дёргал рукой, таща ручку к себе. У Эдуарда получилось открыть дверь; распахнув её, он пытаясь не смотреть на окровавленные трупы копов взглянул на лужи крови, капающие с бордюра на асфальт.

«Хоть сейчас не соситесь» – подумал я, посмотрев на полный благодарности и искренних положительных чувств взгляд Ярослава, за который я до сих пор винил себя. И как я мог не заметить, хотя бы по этим горящим глазам, что эти люди испытывают чувства друг к другу?

Вылезая из машины, которая теперь на всю жизнь у меня будет ассоциироваться с ужасом, я представил картину, что развернулась перед приездом Майкла. Ехавшая на полной скорости старая советская развалюха, за рулём которой сидел испуганный Эдуард, лишь от одной мысли что с его бойфрендом может сделать маньяк в маске поддававшийся панике, врезалась в психопата. Моя теория подтвердилась, когда я обошёл полицейскую машину вокруг и увидел опущенное поникшее лицо настоящего наркоторговца. Он был без сознания. Человек, минуту назад желавший самым жестоким образом забрать у меня жизнь. Сейчас он выглядел таким уязвимым: бессознательная тряпка, провисшая меж-

ду двумя машинами. Да, карма такая сука. Его же метод, каким он искалечил ноги моему другу, спустя несколько часов, вернулся, врезавшись в него на полной скорости.

Трудно описать тот перелив ненависти, ударивший мне в голову у тела этого человека. Мне хотелось оплевать его. Избить до крови. Снять маску и посмотреть в его бесчеловечную бесстыжую морду, не вызывающую у меня никаких других эмоций, кроме как отвращения.

Рядом с рукой Майкла лежал тот самый топор, размозживший головы двум работникам полиции. Сумасшедший наркоман возомнил себя новым Джейсоном Вурхизом. О да, я уже видел эти заголовки в газете. «Местное захолустье превратилось в сущее Хрустальное Озеро из культового фильма ужасов» – да уж, сравнений с Пятница-13ое никак не избежать.

Я поднял тот самый злосчастный топор, почувствовав его тяжесть рукой. Мне было омерзительно держать это в руках. И не только потому, что на краешке лезвия остались свежие капли крови невинных.

Время убить ещё одно клише. Ударить по нему топором, наблюдая как из него стечёт кровь. Во-первых, чтобы он не восстала из мёртвых во второй раз, как это обычно бывает.

Теперь я понимаю всех тех людей, который прибегали к самосуду. Всех тех, кого я осуждал, читая новости и старые странички Википедии. Ведь как можно отдать мудака, забравшего столько детских жизней, в обычную тюрьму, где

его будут кормить, выпускать гулять и мыть 24 часа в сутки?! Эта гнида не заслужила. Она должна умереть в таких же муках, что приносила моим сверстникам.

Я замахнулся, готовясь нанести первый удар по животу. Надеюсь то, что у меня не имеется опыта в использовании топора, не помешает.

– Стой! – Эдуард схватил деревянную рукоятку топора сзади, не дав осуществить мой зловещий план.

– Влад, ты вообще, в себе?! – раздраженно крикнул Ярослав, подскочив ко мне на одной ноге – Ты хоть задумывался насколько мы сядем, если убьём сейчас этого гада?

Я удивленно глянул на своего взволнованного гомо-друга. Извините, не стоит упоминать о его ориентации при каждом удобном моменте.

– Три парня спалили сквот, убив двух ментов и его владельца. Звучит! – Ярослав активно жестикулировал, случайно задев рукой Эдуарда – Ты хоть знаешь чем это попахивает? Я скажу тебе, три слова: Пожизненная. Колония. Строгого. Режима.

– Это четыре слова – возразил я.

– Да пофиг. Сейчас мы сядем в машину, отвезём меня в больницу, чтобы мне наконец вправили эту долбанную ногу, торчащую будто я гребанный динозавр, и по пути вызовем полицию.

Взмахом ладони Эдуард указал мне на открытую дверь авто, как бы предлагая садится.

В машине, Ярослав, как обычно принявший на себя ответственность сидеть спереди, выхватил маленькую старую нокию из рук бойфренда. Когда он начал набирать номер, его взгляд приковало тело Майкла, которое прямо перед нашим носом бездыханно стояло, поникнув опустив лицо, прикрытое мистической маской, вниз. Я наблюдал за выражением его лица. Точнее, как оно быстро изменилось с решительного-уверенного в озадачено-испуганное. Перед его глазами, должно быть, до сих пор проматывались те самые кровавые моменты. Они надолго останутся в его голове, я же знаю.

Посмотрев на маску, испачканную медленно стекающей вниз кровью я тоже вспомнил те невероятные моменты. Невероятно жуткие. Милый низенький мужчина, напоминавший хоббита, только если бы тот вырос на севере Африки, озадачено успокаивал нас, рассматривая сломанную левую ногу моего друга. И тут, совершенно неожиданно, холодные капли крови летят мне в глаза.

Голова милого полисмена практически насквозь ополовинена. Он был жив, я видел по глазам. Глазам, в которых чётко выражался ужас и паника. Его мозг перестал работать, разрезанный надвое, но тело ещё функционировало секунд-так десять.

Маска «Чумного доктора». Я увидел её сразу, как короткое тельце грохнулось на асфальт, и по моему телу пробежал холод, будто из сентябрьского тёплого леса машину Эдуарда перетащили в Российскую Сибирь. Флэшбек. Самый насто-

ящий флэшбек встал перед глазами. Этот человек ранее засунул мне нож в плечо, с удовольствием смотря в мои глаза. Он будто хотел что-то сказать, наблюдая как я мучаюсь от боли. Он практически дотрагивался клювом до моего скорчившегося лица, которое опустившись вниз, дало мне раскусить того, кто стоял передо мной. Старые выношенные найки, покрытые густым слоем грязи. Этот придурок даже не догадался переобуться. Хотя зачем, если я и так должен был погибнуть, унеся с собой в могилу личность убийцы.

Наверное, это знатный облом. Сейчас же он, абсолютно жалкий, повис между двумя авто. Побеждённый. История закончена. Эта длинная ночь тоже.

Эдуард начал сдавать назад, дав несуразному тощему телу упасть на асфальт. Я бы посмеялся с этой нелепой картины, но у меня просто не хватало сил выдавить из себя хоть намёк на смешок.

Теперь нас точно ничто не остановит. Мы уезжаем подальше отсюда. И после смерти опаснейшего маньяка, город опять наконец станет нормальным. Надеюсь. Если Леди V затихнет, перестав совать ополовиненные части тел учеников в шкафчики. Чёрт, я совсем забыл за нашу психопатку номер два. Она также может принести уйму проблем. Но это уже совсем другая история. Сейчас же главная проблема лежала на холодном асфальте рядом с полицейской машиной. Когда Эдуард развернёт машину я увижу его тело, на которое на данный момент обзор закрыт.

– Твою мать – выкрикнул Ярослав, пытавшийся высунутся из окна, чуть приоткрыв его – Где этот мудак?

– Что значит «где этот мудак»? – переспросил я

– То и значит, его там нет!!! – по пискливому голосу напарника можно было подумать что он сейчас разрыдается. Его глаза бегали с водителя на меня, периодически он разворачивался чтобы ещё раз взглянуть на знаковое место.

«Его там нет» – голос эхом отбился в моих ушах. Я почувствовал как встают дыбом волосы на руках, переходя на ноги. Маньяк-психопат ожил. Двойная концовка, ну конечно же. Так просто нам отсюда не уехать.

– Выруливай скорее!!! – завопил Ярослав, прикоснувшись левой ладонью к руке водителя, увлечённо крутившей руль в разные стороны.

Сейчас он нажмёт на газ и мы на полной скорости уедем. Обычный наркоман не сможет догнать нас. Всё будет хорошо – я пытался успокоить себя повторяя эту фразу в голове из раза в раз.

Наконец вырулив, старая советская рухлядь стала так, что лобовое стекло смотрело на дорогу, по которой за всё время нашего пребывания тут не проехала ни одна машина.

– Парни, у меня есть пистолет, всё будет… – Ярослав не дал закончить фразу своему другу.

– Жми на газ быстрее! – попутно с криками напарника я услышал резкий хлопок сзади. Как бы мне хотелось чтоб это всего лишь были нелепые галлюцинации. Но нет, хлопок

повторился. Второй по счёту.

Я жалею, что тогда не сказал об этом своим друзьям, которые не слышали ничего из-за громкого истошного крика Ярослава. Он как обычно по-дикторски пытался командовать.

Я смотрел вперёд, пытаясь не предавать значения хлопкам, хотя конечно же понимал что это значит. Вполне возможно, мне просто не хватало смелости признать что вряд ли мы выберемся из этого места. Всё вокруг буквально настроено на плохой конец, в котором разъяренный сумасшедший бьёт мне острым топором по животу, наслаждаясь вытекающими литрами крови.

Эдуард со всей силы надавил на педаль, заставив допотопное авто рычать похлеще разъярённого тигра. Мы помчали по парковке, периметр которой подло укрывали глубокие незаметные ямы, словно ожидая что в них кто-то провалится.

Ужасный скрип. Ужасный пронизывающий скрип будто лезвием старомодной хипстерской бритвы царапал мне слух. На этот раз все поняли что что-то идёт не так. Задняя часть машины, вместе с небольшим багажником буквально ползла по асфальту. Но испугаться и среагировать никто не успел. Я даже толком и не понял, что произошло. После ужасного грохота, я увидел как в капот нашего авто влетел тот самый топор, которым несколько мгновений назад я хотел зарубить мудака, никак не устававшего воскресать из раза в раз.

Сейчас же он ловко, как паркурист со стажем, повис на топоре, нелепо пытаясь перекинуть ноги. Та самая белая маска, хозяин которой безжизненно плюхнулся на землю считаные секунды назад. Живучий ублюдок. Возвращаться из царства мёртвых – его хобби.

Эдуард продолжал ехать, шокировано смотря на неожиданно выскочившего Майкла. Как бы не гнал водитель, тот и не собирался распускать мёртвую хватку. Он прилип к авто как липучка, не собираясь сдаваться.

Эдуард не отводя взора от дороги правой рукой нащупал твёрдый ствол в бардачке. Небольшой пистолет, который, видимо, друг Ярослава носил за собой для самообороны. Может быть все в этой шайке гопников в тёмных карманах спортивных штанов хранили оружие?

Водитель пытался прицелится в голову убийцы, сердившись на руку, которая непослушно дрожала, ходив из стороны в сторону. Он пытался прижать её к рулю, использовав его как надёжную опору.

И хотя маска не выдаёт эмоций человека, что скрывается за ней, было ясно, насколько наш главный антагонист испугался оружия. Хотя бы по тому, как он вздрогнул бросив взгляд на Эдуарда.

Липучка так и лежала животом на капоте. Топор, однако, прочно в нём застрял. Скорее всего, из-за этого мы не сможем доехать до больницы, застряв на полпути.

Прозвучал громкий выстрел. Эдуард наконец решился.

Он оглушил каждого, кто сидел в развалюхе. Ярослав закрыв глаза и уши ладонями, свернулся, носом уткнувшись в место, из которого должна вылетать подушка безопасности.

В моих ушах прозвенел неприятный звон, пронизывающий голову насквозь: от уха до уха.

Я не совсем внимательно наблюдал за выстрелом, но почему-то меня накрыло неуверенное чувство того, что Эдуард не попал.

На капоте находился один лишь топор. Майкл слетел, то ли от меткого выстрела, то ли поступил умнее, спрыгнув заранее.

Ранее я никогда не попадал в ДТП. Для меня это абсолютно не раскрытая тема, в которую не были посвящены ни мои родственники, ни друзья… Вообщем, никто, кто смог бы мне описать эти ощущения.

Теперь я могу сделать это сам.

Внезапный момент, во время которого не понимаешь что происходит. Есть только начало: спокойная езда, когда ничего не предвещает беды; и конец: когда слышно крики остальных пассажиров, чувствуется боль и видно, что машина, быстро разъезжающая минуту назад, превратилась в гору металлолома.

С машиной Эдуарда случилось что-то странное. Я помню лишь резкий момент, те секунды, когда лобовое стекло разбивается в хлам, а сквозь него видно неразборчивую чехарду, смахивающую на вид стиральной машинки. Наша маши-

на переворачивалась. Я даже и не осознал, как она смогла так быстро перевернуться причём несколько раз.

Помню лишь как Эдуард резко сделал дрифт в правую сторону, развернувшись назад, к лесу. Что произошло дальше в моих воспоминаниях напрочь стирается, превращаясь в отдельные обрывистые картины.

Стекло. Помню, как летев с места я разбил его головой, больно ударившись ею. Пейзажи леса, мутно просматриваемые из переворачивающееся машины. Мы летели обратно в лес, туда, откуда я так мечтал выйти. Это место не отпускало меня, будто приковав к себе железными цепями как домашнего охранного пёсика. Оно тянуло меня к себе. Пьянящее королевство полной луны, скрывавшее в своём мраке страшные тайны. Унёсшее десятки молодых жизней под светом полного месяца.

Пережить аварию, даже после всего что выпало на мой путь этой ночью – страшно. Последним воспоминанием была моя же кровь, капавшая на разбитое окно.

Я лежал, не в силах пошевелится, беспомощно проводя взгляд на водителя и его парня. Они не двигались. Судя по всему, сейчас и моим последним движением станет стряхивание с себя осколков.

Майкл победил. Последняя надежда на спасение разбита в хлам. А вместе с ней, был разбит и я. Закрыв глаза, я провалился в глубокую тьму, сквозь которую прорывалась лишь резкая боль в спине. Ночь окончена. Как и моя корот-

кая жизнь. И даже не хватит сил чтобы завершить её задумчивым монологом. Не осталось слёз – все выплаканы. Я устал от этого. От этой нескончаемой пытки, трагично завершившейся для всех нас.

– Тебя что-то тревожит – уверенно бросил Валентин, смотря на отражение неотразимой подруги в зеркале – Это видно по тебе. Ты даже боишься взглянуть в мои глаза, пугливо отводя взгляд.

– Тебе кажется – равнодушно ответила Каролина, рассматривая отражение. В голосе заметно еле уловимое дребезжание. Похоже, она плохой лжец.

– Нам нужно поговорить – Валентин подходил к ней всё ближе и ближе, и почувствовав это, по коже Каролины пробежал лёгкий мороз. Тревога. Да, это была чистая тревога.

– Говори – она пыталась не выдать неуверенное состояние.

– Моя история – начал он – Я знаю, ты в полном шоке от неё. Я вижу, как с каждым днём после того вечера на парковке супермаркета ты безостановочно отдаляешься от меня, уплывая всё дальше и дальше. Ты будто специально меня избегаешь.

Каролина старалась не встречаться глазами с собеседником растеряно их отводя. Она чересчур погрузилась в эти глаза. Она жила там. Окуналась в них со своей яркой светлой головой, когда видела парня перед собой. Мечтала о них,

когда он отходил. Видела во снах, когда спала… Ох уж эти сны. Только они ей прямым текстом, как самые настоящие школьные сучки вроде Алины, могли высказать настоящую правду в лицо, без угрызений совести. Эта правда заключалась в том, что ей нравилось когда она ощущает страх. Когда она переживает волнение. А также, похоже ей нравилось кое-что другое… Нет, это чересчур безумно чтобы говорить вслух. Об этом даже думать стыдно.

– Ты должна знать, я никогда не причиню тебе боль, клянусь. Доверься мне – он ласково положил грубую руку на тонкое плечо. Каролина вздрогнула. Она представила, что могли сделать эти руки, что им мог надиктовать настоящий психопат. Ей стало чертовски холодно. И даже милый хлопковый домашний костюм не спасал положения.

– Сколько людей пострадали?

– Что? – Валентин сделал вид будто не расслышал, хотя он прекрасно понял каждое слово

– Говори: сколько людей ты убил? – настойчиво повторила она.

– Только тот мужчина, который хотел причинить мне боль. Клянусь, только он. Если бы я его не остановил, этот ублюдок душил бы меня до последнего дыхания – Каролина наконец обернулась, уверенно взглянув в эти огромные глаза – Он первый и последний. Если мне хочется, это не значит что я делаю. Я держу себя в руках, не выпуская ни на минуту.

Серийный убийца… Хах, может быть после той истории

она превратилась в маразматичку, навязавшей себе полнейшую ложь в которую сама же и поверила? Одно убийство не делает из её парня маньяка, это уж точно.

«Ахахах, та самая малышка Кэр – в голове Валентина опять говорил тот мерзкий сумасшедший голос, любящий безумно смеяться после каждого предложения. Иногда, он мог не выходить на связь целый месяц, а иногда не затыкаться, без умолку говоря каждый день. На уроках, с друзьями, в магазине… Он мог застать его везде, приправляя жизнь парня едкими циничными комментариями. Он был свидетелем в голове Валентина. Не более чем. По крайней мере, он так считал. Просто мерзкий саркастичный циник застрял в его голове, наблюдая за жизнью. Это была не полноценная вторая личность. Нет, он не сумасшедший. Тут и намёка не было на никакой синдром множественной личности или что-то вроде этого – Её густые светлые волосы… Я знаю, ты бы хотел в них вцепится рукой, услышав жалобный женский стон, вырвавшейся из её губ»

Нет, только не сейчас– умолял про себя Валентин, пытаясь не сбиваться с диалога.

«Просто вонзись ей руками в шею, перекрой дыхание, это легко, зато сколько удовольствия…»

Заткнись! Заткнись! Заткнись! Внутренний монолог не помогал.

Каролина заметила как в глазах Валентина появился испуг, будто что-то до чёртиков его напугало. Глаза бегали,

смотря то на окно, то на её волосы.

– Я верю тебе – улыбнулась она, ласково схватив его руку и нежно обхватив пальцы. «А она похожа на Ангелину. Одно лицо. Яркая огненная блондинка, не спорю ты сделаешь из неё ту ещё психопатку. Эх, Валя, ты мог бы быть моим самым настоящим…»

Закрой рот! Ты даже и не существуешь. Внутренний голос, не более. Она не такая как Ангелина. Она добрая и искренняя девчонка.

«Добрая и искренняя?! Ты глуп. Я вижу по её симпатичным блестящим глазам, что она обняв тебя с удовольствием бы ворвалась в частный сектор, замочив семейку, на кровати которой вы бы потом провели страстную ночку..»

На этот раз Валентин не стал спорить с внутренним голосом. Об одной лишь этой мысли в его животе приятно защекотало. Его возбуждала мысль об окровавленном личике Каролины. О да, кровь была бы ей к лицу.

– Ты здесь? – удивлённо спросила она, ослабив хватку, с которой она схватила руку парня. Он отстранённым взглядом проводил по ней от тонких стройных ног до пахнущей дорогим парфюмом и ягодами головы. Она была идеальна. Идеальнее чем Афродита, Венера и все богини вместе взятые. Она была будто послана высшими силами в качестве украшения этой планеты. Она делала каждую комнату ярче и приятней стоило ей только зайти. Она была мечтой. Да, девчонка-мечта, которую рисует каждый, абсолютно каждый,

без исключений, когда воображает идеальную жену.

Её добродушность и ненавязчивая искренность чередовалась с настоящим огнём, которым иногда горели её глаза. Она была невероятным человеком. Со своими странностями. Такая горячая, но при этом могла быть чертовски холодной. Заставить одной лишь равнодушной ухмылкой и пафосным взмахом волос заставить вас замёрзнуть. Но если сама захочет, то сделает так, чтобы по вашему телу спустилась вниз неловкая капелька пота, вызываемая один лишь её взглядом. Один лишь дымный взгляд, которым она сможет навсегда запасть даже в самое жестокое сердце.

Сама она видела себя как человека с крайне неустойчивой психикой. Эта была её тайна. Ни одному психологу она не доверила то, что боится сама себя.

Всегда считая себя милой девчонкой, не способной на жестокий поступок, она стала понимать что её душа начинает медленно темнеть, оставляя лишь светлые волосы без изменений.

Страсть. Всё что чувствовал Валентин, это неутолимое желание. Открывшуюся внутри него жажду, которую крайне тяжело остановить. Он хотел эту девушку. Он хотел увидеть её голой перед собой. Он готов полностью раствориться в ней, посвятив всего себя этой ночи.

– Я люблю тебя – вырвалось у Валентина, после того как он нежно снял нависшую над лбом прядь с лица Каролины. Он понимал всю серьёзность этих слов. Он знал, как оно –

любить. Когда-то он любил. Яркая симпатичная женщина, которая однажды, одним обычным вечером, не вернулась домой. Его мама. Единственный человек в жизни Валентина до Каролины, которого он вправду любил. Любил по-настоящему. Чистой сыновьей любовью.

Каролина не ответила взаимностью. Она бы сделала это, но не успела. Валентин, прожигая взглядом пухлые губы девушки поцеловал её, начав снимать милый хлопковый костюм, за которым она скрывала идеальное тело.

Они вдвоём, совершенно синхронно, будто два однояйцевых близнеца, плюхнулись на мягкую кровать Каролины. После этого момента не видели ничего вокруг. Кровать – была отдельной вселеной, отдельным миром, где все серые проблемы Земли были чем-то второсортным. Они были одни. Смешались в одно целое, отдавшись чувствам.

Герда не переставала кашлять, пытаясь отхаркнуть последние мерзкие ощущения в горле. Чёрт, это были чертовски неприятные ощущения, не стихавшие на протяжении последнего часа. Кажется, её лёгким пришёл конец после длительного пребывания в здании забитым ядовитым дымом. Может быть ей и не стоило возвращаться за незнакомцем, которого она едва знала? Андрей – притягательный красавчик. Она встретила его у водопадов Глория, такого растерянного, потерявшего интерес к жизни. Такие ребята никогда не решают резко оборвать жизнь самоубийством. Такие как он:

уверенные, прямолинейные и с деньгами, что ли.

Герда, пытаясь перетащить тяжелого качка буквально полностью на хрупкой спине, не стесняясь рассматривала его лицо, от и до, наслаждаясь идеальными чертами и пропорциональностью. Всё в нём выверено до точности, как в швейцарских часах.

Когда они наконец вышли из горящего здания, у Андрея наступила новая, третья стадия. Кружение головы отошло. Яркий бред тоже. Некоторым людям, во время этого периода хотелось неудержимо танцевать. Некоторым спать, причём неважно где.

Отойдя где-то на сто метров от сквота, Герда освободила себя от тяжёлой ноши, усадив незнакомца на пенёк, из которого ранее торчал топор. Возможно, кто-то взял его ещё до начала пожара. Кому мог пригодиться острый топор?

Андрей закрыл глаза, обронив со своих уст лишь глухие стоны. Казалось, он заснул сидя, давав Герде рассмотреть длинные ресницы.

Но они сейчас не отвлекали её. Когда пожар был позади, в голову Герды стукнула мысль от которой у неё сразу же начиналась дрожь. Она проводила внутренний монолог сама с собой, пытаясь успокоить испуганное эго. Но на этот раз она не накручивала. Она была не из тех, кто много накручивает. Пусть это делают бездумные богатенькие блондинки, религиозные фанатики и заядлые мамаши с богатого центра города, такие как она – никогда ничего не навязывают.

Плантация марухианы. Её найдут как только приедет полиция. Она будет первая из подозреваемых наркодилеров. О нет, её пожизненно запрут в тюрьме за продажу наркотиков. И в отличии от других наркоманских баронесс, для неё «пожизненно» обозначало «навечно». Она будет вечно сидеть в четырёх стенах, выжидая заветного момента, когда на землю прилетит гигантский астероид уничтожив всё живое.

Убийства. Чёрт, та куча убийств которые они провернули с парнем, закопав трупы по всем окрестностям. После трагического инцидента, убившем кучу молодых людей, сюда понаедут толпы лицемерно горюющих туристов, которые пьяные будут шататься у озера и находить почти сгнившие изуродованные тела. Всё. Это конец.

С ярко накрашенных чёрной тушью глаз Герды потекли слёзы. Она всхлипнула, не зная что делать. Всю свою вечность она останется коротать в зловонной камере с крысами.

Нет, она не допустит этого. Будет умнее. На шаг впереди.

Она ударила ладонями по задним карманам узких скини джинс, проверяя, на месте ли её орудие. Оно было там. Кухонный нож, чуть меньше чем у Майкла. Он был их фишкой. Фирменным орудием пары психопатов, которым они искренне гордились, нося везде за собой. Серийным убийцам всегда нужно быть на чеку.

От взгляда на острый нож с чёрной рукояткой её руки вздрогнули. Неужели она это сделает? Обвинит человека, с которым провела всю жизнь в ложном нападении на себя?

Да, она готова к этому. Пора подумать и за свою красивую тощую задницу, хоть на одну ночь став сукой. Всю жизнь она ему подчинялась. Делала всё, что он просил. Она хотела быть хорошей для него. У неё получалось.

Герда поднесла нож на уровень плеча, рыдая смотря на лезвие.

Она любила его. Когда-то. Любила, с каждым днём всё больше веря в утверждение что вечной любви не бывает. Их чувства необратимо гасли. Она всё больше и больше понимала, что из себя представляет этот человек. Он не испытывал к ней столь сильных чувств, как она к нему.

Герда вздрогнула, готовясь нанести первый удар.

Вечность вместе, вечная молодость проведённая с любимым человеком – только звучит романтично, на самом деле полная туфта.

Герда со всех сил, что не покинули её рук, вонзила нож в тощее плечо. Она заскулила, начав ещё больше плакать и зажав рукой источник крови. Она хлыстала без остановок. Блин, столько раз она резала живых парней, а это, оказывается, чертовски неприятно.

«Помогите, на меня напал маньяк который всё тут поджог – про себя репетировала Герда фразы, которые понадобятся ей на момент приезда полиции – Он ранил меня ножом в плечо, после чего убежал»

Ножом в плечо… Хм, звучит мизерно на фоне жестоких убийств. Снобы присяжные в зале суда не поверят в такой

лёгкий порез.

Герда решительно поднесла нож на уровень ляжки. Её голова была полноценным учебником по анатомии, как полноценный рентген способная просканировать тело человека насквозь. Она наизусть знала места, от удара ножом в которые человек не погибнет. Просто почувствует адскую боль. Очень жаль, что познания пригодились на практике.

Тяжело вздохнув, девушка опустила взгляд на нож.

«Прости Майкл, но в следущий раз мы увидимся в суде!» – прошептала она, ударив ножом по ноге.

– Ау-ч! – громко вскрикнула она, зарыдав ещё больше. Теперь и из ноги лилась свежая кровь, капая на тёмную землю. Она вся была в крови. Сексапильный новый наряд, недавно купленный в молле, испорчен.

Она казалась себе жалкой. Грешная порочная маньячка, отчаянно бившая себя ножом, пытаясь избежать ужасной участи. Всю жизнь она ранила людей, наслаждаясь их шокированными стонами, которые сами собой вырывались, стоило им увидеть текущий из них ручей крови.

Трусиха. Она считала саму себя хитрой трусихой, решившей прийти к самому отбитому плану.

Герда теряла сознание. Она готова была рухнуть на землю, держась на одной ноге из последних сил. Кажется, она потеряла чересчур много крови. В глазах постепенно темнело, и она чувствовала как медленно теряет сознание. То что нужно, окровавленная девушка посреди леса. Никто и не по-

думает что она кровожадный убийца.

Плохое самочувствие не помешало ей нанести третий удар в левую руку. Герда выпустила окровавленный нож из рук, небрежно кинув его на землю. Она оставила все попытки предотвратить потерю крови. Пореза была три, а руки у неё две.

Осталась лишь последняя проблема: красавчик, дремавший на пеньке и даже не знавший, что за треш происходит перед его носом. Его судьба предначертана. Когда Майкл увидит, что Герда его спасла, он собственноручно свернёт ей шею, после чего убьёт парня самым жестоким способом. И даже если не свернёт, ему прийдётся долго и мучительно убивать сегодняшнюю жертву под ярким светом луны. Этот процесс неизбежен. Красавчик, к которому она испытывала что-то вроде извращённого Стокгольмского синдрома не заслуживал адской смерти, а Майкл убивал только так: жестоко, кроваво и долго. Он умирал бы долго: чувствуя каждую секунду жуткой гибели.

Она должна решиться сделать это сама. Убить парня, которого только что спасла. Она сделает это быстро. Он не будет мучаться. Ведь Майкл найдёт его, и всё равно сделает это.

Ещё с детства Герду в себе раздражало то, что она не видела выхода даже из самых решаемых ситуаций. Скорее всего, она была неисправная пессимистка.

Подняв нож с окровавленной почвы, Герда подошла к Ан-

дрею, вознеся нож над собой. Он все равно хотел умереть сегодня. Он был в одном шаге от гибели. Он хотел этого. Она сделает ему одолжение.

Герда опустила нож, и своей целой правой рукой вытерла слезы, скатывавшиеся по румяным щекам. Она не может. Не может так просто ударить в него ножом. Что же случилось? Она делала так всю жизнь, но теперь, будто кто-то стоял сзади неё, крепко схватив руку и не давая сделать решающий удар.

Она рыдала, смотря на идеальное лицо Андрея, которое при свете луны казалось ещё и блестящим, будто укрытым яркими камнями. Она не могла ударить его ножом, смотрев как он, также как и она сейчас, без остановок истекает кровью. Это было выше её сил.

Герда присела на колени, обхватив руками спящее лицо. Она не стала шепотом говорить банальные ванильные фразочки, которые и так бы не дошли до ушей незнакомца. Прислонившись к его лбу, она просто поцеловала его недвижимые губы. Поцелуй со спящим человеком оказался самым живым в её жизни, на удивление Герды.

Андрей распахнул глаза, перед собой увидев девушку с татуировкой дракона на лице, не останавливаясь целовавшей его. Он не сопротивлялся. В памяти до сих пор были свежи отрывки пожара, в которых Герда героически выносила его из горящего здания.

Они взглянули в глаза друг друга, в первые секунды не

находя слов. Андрею они и не нужны были. Кажется, он влюбился. Влюбился в харизматичную незнакомую девчонку, подобравшую его разочарованного в жизни на самом обрыве моста. Она вернула ему жажду жизни. Поцелуем вдохнула силу, которой ему так не хватало. Она отдавала частичку энергии ему, делая это искренне. Она была чудесной. Он не хотел с ней расставаться, даже и не пытаясь узнать почему она вся в крови.

Герда всхлипнула максимально громко:

– Мне прийдётся убить тебя – она зажала нож в правой ладони, не сдерживая все слёзы что так резко привалили к её глазам. На удивление, Андрей на такую фразу среагировал спокойно:

– Не стоит – равнодушным тоном ответил он – Не стоит возвращать желание жить, чтобы потом резко отбирать её.

Герда вытерла слёзы с щёк:

– У меня получилось вернуть тебе желание жить? – удивилась она, ведь то, что сказала там, на мосту было лишь привлекающим внимание манёвром, идеальной схемой убийства.

– Да, у тебя получилось вернуть не желание, а саму жизнь. Ты удивительная. Я это понял, как только окно белого мустанга отъехало вниз. Прошу, останься со мной – просил он, даже и не замечая как заляпал футболку кровью новой подруги.

Чувства оказались полностью взаимными. Жертва к напа-

дающему. В них двоих играла настоящая интрига, заключающаяся в незнании друг друга и искреннем желании разузнать.

Герда отбросила нож в сторону, придвигаясь к губам Андрея для их второго поцелуя. Поцелуи с ним были чем-то сродни фантастики. Таких положительных эмоций она ещё не ощущала никогда за свою длинную жизнь.

«Не будь такой узкомыслящей» – улыбнулась она своему же внутреннему голосу, забив на ужасную боль, разрывающую её тело на части. Типичная ситуация, когда любовная история казалась важнее литров крови, что она теряла на тот момент.

У неё будет новая жизнь, с абсолютно идеальным человеком который ей нравится. Может быть это любовь? Она не хотела разбрасываться громкими словами при первой же ночи, но похоже, это было то самое ощущение.

Горящий сквот позади. Вместе с Майклом, который увидев бы её поцелуй незамедлительно разорвал бы обоих на куски. Они были одни. Только Андрей, Герда, и поцелуй, соединивших не знавших два часа назад друг друга незнакомцев.

Её будоражила одна лишь мысль о том, что она смогла вернуть кому-то желание жить. Жалкое долгое пребывание Герды на планете Земля хоть чем-то оправдалось. В своих глазах она стала не просто идеальной машиной для убийства.

После страстного поцелуя Андрей ласково обхватил щё-

ки Герды, не давая ей отодвинутся. Он не хотел перестать ощущать тепло её тела. Её редкое биение сердца, которое он чувствовал через её горячие щёки.

Его руки запутались в пахнущих ароматом лёгкой лаванды, сбивающихся стойким запахом гари, цветных прядях. Ему нравились её волосы наощупь. Они идеальны. Она идеальна.

Он гладил её щеку, увлечённо рассматривая татуировку в форме дракона. Это был необычный рисунок на коже. Он был вычурен и красив, взят из азиатской мифологии, а самого его будто рисовал искусный Шанхайский каллиграф. Дракон охватывал всю щеку красавицы: от нижнего века больших, добрых блестящих глаз и до уровня пухлых алых губ. Такая татуировка явно нетипичная для красоток её типажа. Это и притягивало, делая Герду более экстравагантной и будто не с мира сего. Она словно пришелец из других планет, высаженный у ночных водопадов. Одно слово: нереальная. Смотря на неё ощущалась неземная красота, порождающая до глубины души.

Словно она вышла из science-fiction фильма. И как могло так произойти, что этот идеал сам подъехал к нему в самый отчаянный момент жизни? Такие как Андрей не верят ни в небесные знаки, ни в сны и ходят в церковь лишь для того, чтобы папа повысил карманные на сутки. Церковь – главная цитадель, где семья может хоть как-то восстановить репутацию из пепла, в который её превратил их сын.

Нет, не могла такая красотка просто проезжать по старому разваливающемуся деревянному мосту, остановиться и влюбить в себя Андрея. Она знала куда едет. Уверенная и решительная, должно быть, она всегда знает куда едет.

– Кто ты такая? – взглянув в чистые голубые глаза спросил он у Герды. Странный вопрос, но сейчас он назревал сам собой. Знаки с небес – туфта для неуверенных в себе прыщавых заморышей, верящих в нумерологию и пустые сны, придуманное их извращённым воображением.

Герде казалось что она сейчас же свалится без сознания на землю. Она держалась на двоих ногах изо всех сил, пытаясь опираться на крепкие руки Андрея. Кровь безудержно текла вниз, стекая по её вызывающему «луку».

Правда всплывёт на поверхность. Она всегда всплывает. Он узнает, зачем она позвала его в свою машину. Она чудовище. Он не достоит жить в незнании с монстром.

Хотя, подождите. Кто сказал что он с ней собрался жить? Одно неосторожное слово – и её три прокола ножом улетят в безвоздушное пространство. Она не может быть уверенна в этом человеке.

Она промолчит. Она будет уверенно смотреть в его глаза и молчать.

– Я… – по выражению лица Андрея можно было подумать что он хотел сказать что-то чертовски важное. Но не успел. Только лишь мимолётное «я» вырвалось из уст парня, после чего его рот крепко перехватили огромные мужские руки,

закинув четыре маленьких таблетки экстези в рот. Человек, резко выплывший из тьмы сделал это как виртуоз.

Андрей не понял что произошло. Он послушно проглотил таблетки, после чего почувствовал дикое головокружение. Последнее его воспоминание перед длительной полосой тьмы – удивлённый заплаканный взгляд Герды, непонимающей что происходит.

После резко вылезших из тьмы рук Герда мигом подняла глаза вверх, увидев знакомую белую маску. Та самая маска, которую они с Майклом купили лет пять назад на одной из унылых барахолок, где всё продавалось по дикой уценёнке.

– Нам с мужем так понравился отпуск в Венеции – рассказывала милая старуха, трясущаяся будто в дикой лихорадке – У нас целая коллекция масок оттуда. Но эта – самая жуткая. Чумной доктор – доктор, прятавший лицо за белоснежной загадочной физиономией, которую завершал длинный острый клюв. В него инкогнито вкладывал лечебные травы, чтобы самому не заразиться болячкой.

«Самая жуткая» – улыбнулся Майкл, сразу же взяв маску в руки. Теперь он любил переодеваться в этот странный образ и иногда пугать Герду.

Увидев как медленно теряет сознание новый друг Герды, Майкл снял маску.

Испуганная девушка поняла, чем сегодняшняя ночь закончится для неё. Он убьет, убьёт её и Андрея, человека, который доказал что не только Майкл может навсегда запасть

в её сердце.

Герда крепко схватила руку парня с которым секунды назад страстно целовалась, не ослабляя хватки. Она считала, что если отпустит – навсегда потеряет.

– Я с тобой потом разберусь, грязная ты шлюха – агрессивно посмотрел маньяк на лицо, с которого одна за другой капали холодные слёзы.

– Оставь его! – умоляла Герда, с надеждой смотря в глаза Майкла. Они решились человечности. От последних признаков человека не осталось ни следа. Это существо было движимо одним лишь чувством мести. Его план: медленно избавится от каждого, кого любил Влад, прямо у него на глазах. Прямо так, как на его глазах из-за него был спален его смысл жизни. Пропитанный табаком и запахом рвоты параллельный мир, который под очередной дозой мог показаться настоящим раем на земле – Умоляю, не трогай его! – Герда поняла что этот бой неравен. Смирившись с дикой болью в руке от ножевого пореза, она отпустила руку нового друга, дав психопату забрать его.

Ужасные чувства резко ударили ей в голову. Лес перед глазами смазался словно в тумане. Пошатнувшись, она потеряла равновесие, упав на спину и схватившись за порезанную ляжку. Её последняя надежда – милый незнакомец Андрей, сейчас бессознательно уходил на верную смерть. Его дальнейшая судьба предначертана.

Самое страшное, что она не могла ничего сделать. Ужас-

ная боль. И зачем она собственноручно ранила себя? Она проклинала ту минуту, когда решилась на этот поступок.

Сейчас силы полностью покинули её, тело опустошено. Ей осталось лишь продолжать истекать кровью под светом яркой полной луны.

– М-м-м – Андрей пытался произнести слово, но из его рта выходило лишь неразборчивое мычание. Доза сверх нормы отравляла его мозг за считанные секунды. Он не мог двигать своим языком. Его конечности будто окаменели. Он чувствовал как кто-то крепко вцепился в его руку, таща за собой.

– Эх, Андрей. А у меня были на тебя огромные планы – прокряхттев улыбнулся Майкл, удивляясь насколько семнадцатилетний подросток может быть тяжёлым – Скажешь спасибо своему брату. Если ты вообще будешь способен говорить.

Распахнув глаза, в первую очередь я увидел яркие капли крови. Они недвижимо окропили собой треснувшее стекло авто, пережившего ужасную аварию.

Может быть я не могу двигаться? Осколки ранили спинной мозг и я навсегда стал инвалидом? О ужас, кажется мою голову сейчас разорвёт на части от боли.

Если честно, я не думал что выживу. Я вообще ничего не думал. Время до непроглядной темноты и от спокойной езды составляло пару мимолётных секунд, во время которых я не

мог понять что происходит.

Крик. Затем тихий стон, вырвавшийся с переднего сиденья. Хруст стекла окна. Я чувствовал как с моего лица продолжала течь кровь, медленно пробираясь под футболку. Прикоснувшись указательным пальцем к ране, я взглянул на палец, с ужасом осознав что моё лицо разбито.

Может быть я стал уродом? После этой аварии вся моя напыщенная смазливость, о которой не затыкаясь спорят неприятные хоббиты в мужском туалете, быстро покинет моё лицо и я стану самым настоящим уродом? Замкнусь в себе, начну вести отшельнический образ жизни, открою талант к рисованию или ещё к чему-то явно не предназначенному для меня и пересмотрю всё своё бытие? Для начала, было бы не плохо выбраться из заваленного набок авто.

Руками, слегка порезавшись, я оттолкнутся от стекла, пытаясь встать на две ноги не прикасаясь ими к окну. Это было достаточно непросто, учитывая то, что меня будто достали из стиральной машины. Я слегка пошатывался, пытаясь найти баланс.

Ярослав. Мой разукрашенный яркими дешёвыми мелками, заказанными с самого отбитого китайского сайта, слегка крикливый друг. Сейчас он без сознания лежал рядом со своим любовником, щекой прижавшись к битому стеклу.

Это всё из-за меня. Из-за меня он пережил такой шок, такую боль и потрясение, даже втянув туда своего парня. Если бы не я, то он бы мирно лежал в кровати видя радужно-го-

лубые сны.

Я наклонился к его телу, рукой оперевшись об мягкое, пахнущее дешёвым табаком сидение. Подтянувшись к нему ладонью, я достаточно резко встряхнул его за плечо. Приём а-ля «может быть это поможет» оказался достаточно действенным. Мой друг продрал глаза, в панике осматриваясь по сторонам. Сначала, он не поднимал свою щеку от режущего кожу стекла, пытаясь понять что произошло. Затем быстро дыша, оперевшись об руки, поднял своё туловище осмотрев лежавшее рядом тело парня:

– Эдик! – шепнул он, потрусив его за плечо – Эдик! Ты слышишь?

Он сразу понял что произошло. Ему не потребовалось долго и нудно описывать аварию. Ярослав наклонился над другом, отчаянно пытавшись его разбудить.

Он поднял глаза на меня, мельком холодно бросив взгляд. Мой друг разбит. После такой ужасной аварии, это вполне естественная реакция.

Пытаясь не растеряется, Ярослав зажал ладонь Эдуарда, пытаясь почувствовать его пульс:

– Сердце бьётся – шёпотом, как опытный врач констатировал он – Эдуард без сознания.

– Нужно срочно вызывать полицию – не медля предложил я, осматривая пейзажи открывающиеся за лобовым окном – Тут нет связи, но если залезть на возвышение…

– Залезай – грубо кинул Ярослав, прервав мою фразу и

продолжая не сводить глаз со своего бойфренда – Я не чувствую своей ноги и надеюсь у меня хотя бы хватит сил вылезти из этой долбанной машины.

– Мы можем выбраться через боковые окна – внутри себя я благодарил Бога за тот момент, когда Эдуард решил открыть окна на проветривание, после нажатия педали газа.

– Я не брошу тут Эдуарда – уверенно сказал Ярослав – Мы достанем его, даже если на это уйдёт вся ночь

– Но он может подождать тут до приезда полиции… – я как всегда не успел договорить. Ненавижу когда меня перебивают.

– Подождать?! Ты сумасшедший?! А если машина взорвется, как в каком-нибудь «Форсаже»?

На то он и Форсаж, чтобы какой-нибудь Скала Джонсон смог разбиться на спортивной тачке врезавшись в грузовик на полной скорости, вылезти пока она горит, понаблюдать за взрывом и кроссом побежать дальше. Эх, если бы и в реальной жизни всё было так легко. Я бы уже одним ударом вырубил долбанного психопата, отправив его в нокаут.

– Это миф, что машины взрываются после ДТП – спокойно ответил я

– Серьёзно, в каком видео на Ютубе ты это подсмотрел? Топ 10 мифов о ДТП? – нервно сарказмировал Ярослав – Наверное готовился, чтобы привезти нас в эту дыру, наблюдая за тем как мы медленно и мучительно по очереди гибнем?

Он был на взводе. Я его не винил. Пережить такое и мыслить трезво – то ещё испытание.

– Ты добровольно решился сюда поехать. Не надо меня ни в чём обвинять.

– А если бы я не решился, ты бы нашёл себе нового друга в баскетбольной команде? Яблоко от яблони не далеко падает, типичное мышление семьи Андрея – злобно высказался он, безуспешно пытаясь встать на ногу.

Ужас – сплошной страх окружил подростков этого города в последнее время. После того, что пережил каждый из них остаться в себе, не потерять свою личность было тяжким заданием. И я очень удивлён, что спустя горы трупов и череду убийств у меня получилось это сделать. Или всё же нет?

Небрежно облокотив Эдуарда об твёрдое дерево, с которого порой падали мелкие шишки, сбрасываемые слабыми холодными порывами ветра, я достал свой телефон, на котором осталось всего-то 40 %, и с надеждой начал рыскать по лесу, высматривая сеть. Ярослав пытался ковылять на своей одной за мной, что было весьма странно, ведь я ему сказал что он может остаться рядом с обломками машины вместе со своим бойфрендом.

– Ни черта тут не ловит! – агрессивно бросил я, спотыкнувшись об незаметную кочку.

Не отводя взгляд смотря на дисплей смартфона, я сосредоточенно прислушивался к каждому окружающему звуку:

вдалеке слышно лишь приглушённые густой листвой крики совы.

Приятный запах хвои, красивая природа, которую давал рассмотреть лишь редкий свет луны, прибиваемый сквозь верхушки высоких сосен, раздражающие капли крови, неугомонно стекающие с моего разбитого лица– всё это дико перемешалось в моей голове, дав волю над собой настоящему ужасу. О да, это был страх вплотную граничащий с паранойей. Ступав каждый шаг, я испуганно оглядывался назад, ожидая увидеть выбежавшего из кустов маньяка в маске. Но всё было тихо. Чем больше я всматривался в непроглядную зелень, тем больше ловил себя на навязывании страхов. Хотя, возможно, после ужасной аварии, крупного пожара и двух жестоких убийств на моих глазах это вполне себе нормальная реакция?

– Один раз, когда я завёл одну бейби-эмо-девочку сюда, показать одно нереальное место, мы увидели медведя. Серьёзно. Огромного коричневого медведя – в моих ушах заиграл голос Майкла, не прерываясь сопровождающий меня во время первого похода по этим красивейшим местам. Он нёс полную чушь, мешав мне наслаждаться настоящей дикой загородной природой. И даже сейчас, после всего что я пережил это место мне казалось чертовски идеальным. Каким-то диким и необузданным. Будто тут вовсе не орудовал опаснейший маньяк, заманивая подростков в самую чащобу чтобы потом убить их чудовищным образом. Это место хранило

в себе загадку. Такое тихое, оно будто молча что-то скрывало, а ему, поверьте, было что скрывать: опаленные трупы испорченных подростков, которые до сих пор, не гаснув полыхали. Окровавленное тело яркой эпатажный девчонки, усыпанное тремя порезами от ножа. Она сама всю жизнь без угрызений совести вела юношей на жуткую смерть. Тела погибших за секунду полисменов, всего-то желавших нам помочь. И загадочный парень в маске, мотивы которого до сих пор мне непонятны. Думаю, мне никогда их не понять. Какой мотив был у человека, не регулярнейшей основе забиравшего жизни десятков подростков? Если когда-то ему в суде зададут этот вопрос, скорее всего он скажет «Хах, мотив? Господин судья, вы наверное шутите? Убивать шестнадцатилеток это просто дико весело, особенно когда ты бессмертен и просто сгораешь от скуки». Или может быть всё обстоит куда серьёзнее? Я будто чувствую, что дело тут не в одном убийце, которым двигали свои собственные извращённые фантазии. Что я точно знаю, так это то, что у него был сообщник. Судя по голосу, который я слышал в зарослях марихуаны, девушка, причём весьма юная. На тот момент я ещё не видел новую подружку Андрея, и в моей голове не переставая крутился звонкий женственный голосок. Она привезла моего брата в сквот ужаса, оставив гореть под поглощаемым всё на своём пути огнём.

Эх, Андрей, даже ты высокомерный мужик такого не заслужил. Моё сердце резко заболело. Это вообще нормально,

что в свои шестнадцать я чувствую себя как восьмидесятилетний вьетнамский ветеран? Мне стало стыдно, что я никак не смог помочь двоюродному брату. Он горел, буквально не далеко от меня, а я забыв обо всём выметался из горячего здания. Хотя, подождите, звучит весьма разумно. Полез бы я искать Андрея по бесконечным серым облезлым комнатам – задохнулся дымом, дав огню поглотить тело. Так бы хоть один из нас, братьев «оказавшихся-не-в-то-время-не-в-том-месте» остался жить дальше.

Да уж, я прийду на похороны Андрея с чистым сердцем, отпустив все обиды. Я представил это: весь город нарочито показательно скорбит, вытирая фальшивые слёзы и пялясь на красивый лакированный гроб из блестящего дуба, выточенного косточкой черешни. В нём лежал бы неузнаваемый обгоревший труп, покрывшийся коричневой корочкой. Ни густой красивой чёлки, ни мужественного волевого подбородка – ничего, что напоминало бы о мальчике-красавчике, которого все привыкли видеть.

С громким грохотом тяжёлая крышка гроба закрылась, навсегда спрятав за собой моего брата.

– В шестнадцать лет я куплю нам огромный белый грузовик, и мы поедем, куда глаза глядят, ловить самых опаснейших преступников и творить добро! – в ушах прозвенел звонкий детский голос. Ох уж эти воспоминания. Фильтр детства делает их намного ярче и приятнее, ставя раздел «Насыщенность» на 100.

Это было приятное воспоминание. Залитое светом выгоревшее поле, спаленное беспощадным горячим солнцем, посреди которого стояло высокое дерево, по форме своей напоминавшее октябрьский гриб. На одной из его многочисленных ветвей сидели мы с братом, строя планы на дальнейшее покорение мира. Тогда мы были чистым генератором идей, выдавая мечты одну за другой. Андрей любил смотреть все фильмы и сериалы подобного жанра, где смелые молодые и отчаянные герои охотятся за опаснейшими преступниками. Он восхищался всеми, начиная от Скуби-Ду и заканчивая братьями Винчестерами из «Сверхъестественного». Он был другим: смелым, решительным и всегда готовым помочь.

– Ты сын олигарха, зачем тебе тратить жизнь не на бассейны на крышах роскошных отелей, а на каких-то преступников и гадов? – свесив ногу с толстой ветви спросил я, не уставая напоминать что мой двоюродный брат – сын самого настоящего супер-богача.

– Знаешь что говорит мама, когда я спрашиваю как заработал папа первую крупную сумму? – спросил милый мальчишка с густыми тёмными волосами и большими любознательными глазами, с интересом осматривающими всё вокруг. Вопрос был риторический, и даже в детстве я понял что нужно молчать, дожидаясь ответа – Где-то до восьми лет она молчала. Просто блымала длинными нарощенными ресницами, быстро меняя тему. Не так уж давно она призналась, что на каждом долларе отца лежит ни одна капля кро-

ви невинных. В каждой толстой пачке купюр можно разглядеть отрубленный палец, который мой папа собственноручно срезал с одного из своих многочисленных конкурентов. Однажды, моя мама зашла ко мне в комнату, уютно сев на кровать и начав рассказывать все те истории о моём отце.

Я не отводя глаз удивлённо слушал рассказ Андрея.

– Помнишь, мы смотрели второго «Крёстного отца» у меня в гостиной?

Махнув головой, я вспомнил тот классный вечер. Да уж, даже в детстве вторая часть мне понравилась в разы больше первой – Так вот, её истории были страшнее чем все разборки Сицилийской мафии вместе взятые – он грустно отвёл задумчивые карие глаза в сторону, взглянув на одинокую жирную тёмную корову, увлечённо выедающую остатки короткой травы – Ты не можешь представить, какого это засыпать каждую ночь и думать о том, что ты сын чудовища. Ты не знаешь, что это, когда в своих ушах ты слышишь плачь детей жестоко убитых людей. Ты никогда не ощущал, что рядом с тобой, за одним столом сидит бесстыжее чудовище, соорудившее свою империю на крови. Тебе не понять – шёпотом сказал он – Я не хочу быть таким. Серьёзно, не хочу – Если бы тот десятилетний искренний мальчуган увидел свою современную версию, он бы слетел с высокого дерева от испуга. Шестнадцатилетний Андрей напрочь забыл о своих детских принципах. О всех тех обещаниях, что он давал на протяжении того долгого времени – Хочешь правду, Влад? – он

взглянул на меня, не дожидаясь ответа – Ты единственный, кто у меня есть. Я ужасно одинокий. И я не хочу, чтобы когда-то мы навсегда расстались, как делают все друзья после окончания школы – Тогда я был единственным его другом. Перед моими глазами сразу же всплыло следующее воспоминание: забитый людьми школьный коридор, в центре которого вышагивает мой брат со своим новым обалденно богатым окружением. Перестал ли он быть с ними одиноким? Скорее всего, нет. Это читалось по всему: по высокомерной улыбке, которая иногда выдавала лёгкую грусть, по наполненным печалью глазам… Все его знали, все говорили о нём, но никого из них он не решался подпустить в свой мир. Туда вход был закрыт на четыре прочных замка, отворить которые могли лишь считанные избранные.

Я был его лучшим другом. Самым лучшим для того искреннего доброго мальчугана, любившего встречать закаты на верхушке высокого дерева. «Знай, кто в этом городе главный» – на замену тёплым воспоминанием пришёл грубый голос, издаваемый моим братом, наслаждавшимся как я униженный мёрзну голый в ледяной воде. Ему нравилось наблюдать за моим растерянным испуганным лицом, слышать насмешки окружающих в мой адрес. Это был не он. Не тот Андрей, которого я знал всю жизнь. Знаю, чертовски банально и клишированно, но такое бывает, особенно в подростковом мире, когда смотря на давно знакомого близкого человека видишь чужака. Новое лицо. Новый характер. Новую сущ-

ность.

Для меня под пеплом ушёл из жизни желающий добра и справедливости для каждого на планете мальчишка, а не та новая версия, со злобой смотревшая на моё промокшее тело.

«Прощай, Андрей. Ты навсегда останешься со мной в виде тех тёплых воспоминаний с жёлтого выгоревшего поля» – скажу я перед тем, как крышка дубового гроба навсегда захлопнется.

С моего глаза вниз побежала холодная слезинка, которую я сразу же вытер. Может быть большие мальчики и плачут, когда лишаются человека, с которым у них ассоциировалось слово «детство»?

«Кар!» – сквозь непроглядные зелёные ветви вылетела огромная чёрная птица, сев на лысую ветвь над головой. Она каркнула грозным обеспокоенным голосом, будто наблюдая за жуткой историей, развернувшейся посреди леса – «Кар!» – может быть, не зря Алан По заложил в птице настоящий символ ужаса и безнадёги? Она будто бы видя все мои переживания, своими грубыми звуками пыталась вогнать меня в ещё большую панику. Она прожигала взглядом тёмных глаз, будто бы хотя что-то сказать – «Кар!» – крикнула она в последний раз, слетая с ветви.

Сзади молча тащился Ярослав, также как и я с головой окунувшись в мысли. Вид у него был, как и у своего друга, максимально жалкий: кровавые потёки, видневшиеся на руках, грязное лицо, будто у шахтёра, неестественно вывер-

нутая нога, небрежно тащившееся по земле. Либо он был настоящим идиотом, либо настоящим другом, раз решился пойти со мной искать связь. Кстати говоря, ни одна полосочка так и не появилась за время нашей прогулки. Густые зелёные заросли не позволяли ни одной радиоволне просочиться к нам. Они плотно скрывали нас за собой, предательски не давая вызвать на помощь. В прошлый раз даже спонтанный прямой эфир помог: в самый ответственный момент, когда я готов был почувствовать в животе острый кухонный нож, раздался звучный полицейский выстрел. Вот она, могущественная сила инстаграмма.

Я шёл, потупив взгляд в сырую землю. Миллионы маленьких букашек лазили под ногами, сотрясаясь от каждого шага. В отличии от загадочного ворона они словно были в своём измерении: увлечены своими делами, спеша убегая в неизвестном направлении.

Звёзды, ярко светившиеся над моей головой часто успокаивали. Надежда – вот что давал мне хоть один одиноко светящийся белым холодный огонёк в тёмном небе, который я высматривал не жалея постоянно затекающую шею. Мечтать и смотреть на звёзды – одно из тех немногих хобби, о которых никто из окружающих меня людей даже и не догадывался, но оно стало неотъемлемой частью жизни. Скорее всего, звучит невероятно смазливо и сопливо. Но это факт: далёкие холодные космические тела, находящиеся в сотнях световых лет от обычного человека, могли помочь верить прямо здесь

и сейчас.

– Может быть мы зашли чересчур глубоко? – растеряно спросил Ярослав, медленно хромающий сзади. Я не стал сразу же давать ответ, самому себе ответив что может быть и да – чересчур. Мы уходили вглубь в самую чащу леса, оставив позади себя хоть какое-то напоминание о цивилизации в виде старой неровной дороги и потрёпанного магазина электроники. Мы будто пугливые маленькие антилопы, вместо того чтоб убегать от опаснейшего быстро гепарда шли ему навстречу.

Я остановился, настороженно услышав нарушивший тишину тонкий девичий голос:

– Слышишь это? – обернувшись, шёпотом спросил я у своего друга.

«Робин Бобин кое как,

подкрепился натощак» – маленькая девчонка, которую я не мог разглядеть из-за окутавшей всё темноты тихо диктовала детскую английскую считалку, пытаясь мелодично её напевать. Судя по голосу, можно было представить невинного тихого ребёнка лет шести, готовящегося вот вот пойти в первый класс:

«Расчленив беднягу Влада, **он устроил клоунаду**,

Еве выпустил кишки, **выпив чашку лимонада»** – от неожиданности и шока я резко вздрогнул, продолжая дальше молча слушать считалочку:

«Ярославу вырвал глаз, в свеженькой крови топ-

часъ,

А родителей его, убивал он очень долго,

Заставляв беднягу Влада, наблюдать за тем как колко,

Бобин тридцать три удара наносил в живот иголкой!»

Я испуганно всматривался в кусты, пытаясь найти девчонку поющую столь жуткую считалку.

«Всех дорогих нашему Владу людей,

Убил Робин, расчленив на сто частей,

Скинув в канаву погрязней!»

Сюрреалистический момент. Я абсолютно не понимал что происходит, пытаясь смотреть по сторонам, глазами ища циничную девчонку выкрикивающую жуткие рифмованные предложения.

– Она там! – вскрикнул Ярослав, рукой указав на просвет между двумя высокими зелёными дубами.

Устремившись на цель, я развёл руками две толстых густых зелёных ветвей, преграждающих мне путь и вздрогнул.

Королевство полной луны. Та самая обитель ужаса, которая после пугающего инцидента любила всплывать в моём подсознании в виде ужасных кошмаров. Его тьму освещала полная луна, давая осмотреть нам, что она в себе хранит.

Хрустальное озеро: не шибко маленькое, не шибко большое, зеркалом отбивало в себе верхушки густо окружающих его деревьев.

Тут было тихо и на удивление спокойно. Вода выглядела словно идеальна ровная гладь, по которой любой мог пройтись как Исус. Чертовски красивое место отделяли от остального мира высокие обрывистые зелёные стены, скрывающие за собой настоящий затерянный мир. Они охраняли его от посторонних глазах, и наверное невероятно расстроились когда сюда пришли наркоманы-убийцы.

Над гладью словно высокий острый навес возвышался холм, обратив внимание на который я вздрогнул ещё раз:

– Ты будешь прыгать? – вспомнил я счастливый голос Макса, который собирался с головой погрузится воду. Вылезая из неё он бы увидел алую лужу крови на грязном песке.

О да, это озеро настоящий синонимом ужаса для меня. Только лишь одним своим видом оно навивало столько неприятных воспоминаний, хвативших любому человеку чтобы сойти с ума от страха.

Яркие огни. Факелы. Как в долбанных фильмах про средневековье, окружили сосну на которой я сидел и освещали мальчика со вспоротым животом.

Как это можно было объяснить? Я всё понял в этой покрытой мраком истории, но и ничего не понимал в то же время. Моё сознание меня никогда не подводило, и списывать многочисленные огни и тёмные мантии, угрожающе державшие ножи, на игры разума – весьма глупо. Может быть загадочный парень носивший грязные выношенные брюки и куривший траву, не единственный? Избавившись от него, все

проблемы города не закончатся, а наоборот, обретут новый пугающий оттенок крови невинных?

Порывы ветра дули мне лицо, заставляя мелких мурашек ужаса на теле бегать ещё быстрее. Я встал на месте, засмотревшись на озёра и напрочь забыв о девчонке, которая своим писклявым невинным голоском нёсшим чудовищные вещи напоминала детей из «Кошмара на улице Вязов». Опять моя игра воображения? Что же, посмотрев на напуганное лицо Ярослава я отбросил эту версию. Ковыляя сзади меня, он мотыля головой пытался найти источник звука.

Среди водной глади я заметил тёмный силуэт. Моя метафора с Иисусом оказалась не лишней, ведь показалось, я видел человека, стоявшего на прозрачной воде. Вернее, его очертания. Как бы я не щурился, как бы не всматривался – силуэт оставался тёмной загадкой.

– Ты видишь его? – шёпотом спросил Ярослав, так тихо будто сейчас мы можем нарушить сон настоящего монстра.

Темнота. Непроглядная темнота не давала мне увидеть хоть что-то. Она всё поглощала, оставляя нам на догадки мрачные трафареты освещаемые холодной луной над головой.

Выбраться – всё что я хотел. Моя мечта: чтобы над дисплеем потрёпанного после ДТП смартфона загорелись заветные полоски связи или две блаженные буквы «3g”. Это был бы конец. Конец моему желанию играть в Шерлока. Я собрал бы вещички и уехал подальше отсюда.

Я ведь был обычным. Даже, может быть, стандартным подростком, любившим почитать захватывающие книги, глянуть страшные фильмы и помечтать о девчонках. Подобные страшные истории я лишь видел на экране монитора, на тех самых ютуб каналах которые пытаются напугать ненасытную молодёжь. Выбравшись, я в жизни не нажму на кнопку «Play” под этими видео. Кошмаров хватает в реальной жизни и они абсолютно везде. Как жаль что это тяжело понять, когда жаждешь пощекотать себе нервы в поисках новых ощущений.

Страх сопутствует всю нашу жизнь, с самого детства. Он неотъемлемая часть человеческого бытия. Только лишь когда идёшь в школу, держа за собой тяжёлый рюкзак и слушая новый альбом любимого исполнителя в наушниках есть миллионы возможных событий, которые способны превратить твоё утро в настоящий ужас. На твой путь может выбежать маньяк, любящий расчленять подростков, или может быть педофил, возбуждающийся при одном лишь виде молодого тела. Эта мысль не отпускала меня ни на секунду, пока каменный ступор окутывал моё тело. Я понял, что лучше уж жить в розовом прочном пузыре и не снимать ванильные очки, создавая себе вакуум и отгораживаясь от земных проблем, чем чувствовать ужас каждый день.

Мне не интересна малолетняя жестокая баба, поющая бредовую песню. Не интересен тот силуэт, тёмной тенью стоявший посреди озера. Я хотел равнодушно взмахнуть воло-

сами, просто уйдя оттуда. Да-да, сломаю ещё одно клише. Ну почему все бестолковые персонажи слешеров, видя непонятную хрень раскрыв рты остаются ждать пока им в почки вгонят нож? Я возьму своего переломанного друга и уйду подальше от этого места, уже один раз почти сломавшего мою жизнь.

Резко, мои глаза ослепли. Будто кто-то выключил ночь, одним нажатием кнопки включив солнце. Меня окружил яркий свет, разбивший всю таинственность вокруг.

Мистическая тишина также развеяна. Заиграла мощная классическая мелодия, оркестровая музыка известная всем по опере «Кармен». Она залила весь лес громкий звучанием скрипок и звонким мотивом. Момент обрёл ещё большую трешовость и непонятность.

Я открыл глаза, обратив взор вверх и увидев обмотанные светящиеся ярким оранжевым светом новогодние гирлянды. Вот чёрт! Кто-то приготовился к моему приходу, создав настоящее люминесцентное освещение. Музыка не стихала. Она доносилась откуда-то из глубины кустов, эхом отбиваясь от водной глади.

Темнота больше не казалась поглощающей всё вокруг. Она была повержена. Разбита яркими огнями непонятно откуда взявшихся новогодних гирлянд. Они, в свою очередь, осветили мрачный силуэт, вид которого сначала принёс мне настоящую неописуемую радость и надежду, чтобы потом вызвать череду вопросов без ответа.

Мой двоюродный брат, Андрей, стоял на шаткой воздушной платформе, которую выталкивал из воды резиновый накачанный воздухом шар. У него перевязаны руки и ноги, а глаза обмотаны тёмным платком. Единственное, что открыто – рот и нос, которыми Андрей мог дышать и улавливать запахи хвойного леса вокруг.

Он выглядел как жертва конструктора из «Пилы». Находясь так далеко от берега, он пытался балансировать на маленькой платформе чтобы не свалиться в воду.

Настоящий метод карибских пиратов – связать все конечности человека, сбросив в водную гладь и дав вроде самой с ним расквитаться. Тот кто это делал отличался явным умом и изощренным воображением. Тот кто это делал хотел принести мне неисчерпаемую боль, избавившись от каждого кто мне дорог на моих глазах.

Андрей был напуган. Его выдавали нервно дрожащие кончики губ, трясущиеся в судорогах видимо от холода.

Все моменты того вечера проносились будто в замедленной съёмке. Я помню каждый приступ страха, каждую мурашку словно наизусть. И как бы я хотел это всё забыть. Просто стереть.

– Хэй, Влад – тот самый противный гундосый голос существа, что не способно стареть. Он раздавался по всему лесу, окружав меня со всех сторон – Предлагаю сыграть тебе в игру.

– Даже это ты украл из «Пилы», жалкий ублюдок без фан-

тазии, вся твоя жизнь – плагиат – с ненавистью выкрикнул я, пытаясь перекричать самую мощную колонку, что, видимо, только была в запасах сквота Майкла.

– И сейчас, после того как из-за тебя сгорел мой дом, моя семья и просто моя вселенная, ты не можешь заткнуть свой высокомерный не замыкающийся вечно умничающий рот и выслушать мои правила, гандон малолетний – разъярённо донёсся голос маньяка, не желавшего явится передо мной и заговорить лицо-в-лицо.

– Я не собираюсь тебя слушать – деловито бросил я, даже перестав боятся что тварь с гнилыми зубами в белой венецианской маске выбежит из кустов и продырявит меня топором.

– Ну что же, значит мне прийдётся сделать это – сквозь деревья раздался громкий выстрел, слегка оглушивший меня и стоящего сзади, трясущегося от страха Ярослава, который, походу, начал неизбежно сходить с ума.

Выстрел попал в резиновую подушку, на которой стоял мой брат. Из дырки сплошным потоком стал вылетать воздух, послабляя опору Андрею. Он в любой момент готов был упасть в озеро, держался из последнего на части платформы, остававшейся над водной гладью.

– А сейчас ты готов меня выслушать? – став в ужасе и наблюдая за тем как последняя надежда на жизнь моего брата уходила под воду, я не смог выдавить из себя ни слова, дерзко ответив психопату. Видимо стоило заткнутся – про себя

подумал я, подходя к резко заволновавшейся воде.

Затаив дыхание, я не отрывал взгляда от брата, отчаянно пытающегося спасти свою жизнь, перебирая крепко связанными ногами.

– Парень под пятью таблетками экстези – захихикал Майкл – Не думаю что он сможет долго выстоять.

Этот ублюдок словно накаркал. Мой брат слетел с платформы, плюхнувшись в воду, разлетевшуюся в разные сторону обильными брызгами.

В мою голову ударила мысль гласившая о том, что действовать надо быстро. Не снимая пёстрой одежды я забежал в воду, отчаянно нырнув с головой.

Все плохие мысли, ненависть и злоба к моему брату после одной лишь мысли о его смерти будто рукой сняло. И сейчас эти ощущения сохранились.

Вспоминая все свои детские тренировки по плаванию, я пытался хаотично шлёпать по воде руками и ногами, плывя в стиле кроля хаотично смешанного с брассом.

– Быстрее твою мать! – ох уж эти голоса, всплывающие в сознании в самый неподходящий момент. Сейчас это был пронзительный звонкий крик сумасшедшего тренера, которого я ненавидел всей душой. Вот кого я уж точно хотел связать и бросить в пресную воду. Конченный садист, умудрявшийся лупить детей даже в воде – Полоумные дрыщи, быстрее перебирайте своими костлявыми ластами! – «Так прыгни в воду сам, чмошник, легко ходить по краю бассейна в вы-

ношенной бирюзовой футболке, купленной во время отпуска в Турции в 2002ом, и уверенно командовать» – подобные мысли не отпускали моё детское сознание, вызывая желание словно русалка вцепится в его мохнатую ногу и утащить на самое дно. Сейчас я ему благодарен. По-настоящему благодарен. Задержав дыхание и не обращая внимание на ледяную воду, сковывавшую каменным холодом тело, я мчался к брату, не медля уходившему под воду.

Я открыл глаза, пытаясь смотреть вперёд, на мою цель. Яркий свет гирлянд пробивал хрустальную прозрачность озера, выделяя собой мелкий редкий ил и липкую противную на ощупь грязь.

«Кармен! Кармен!» – хор подпевал классической мелодии, которая глухими звуками доносилась под воду, придавая моменту всё большую нарочитую эпичность.

Я вынырнул, открыв глаза и сделав глубокий вдох ртом, чтобы занырнуть ещё глубже. Под водой я плавал ещё быстрее: эту особенность заметил ещё с самого детства, активно пользуясь ею сейчас, в самой настоящей экстремальной ситуации.

Спасатели Малибу герои моего детства. Словно Дэвид Хэсельхоф я отчаянно бросился на спасения утопающего, попутно мечтая о своей Памеле Андерсон. Шучу, всё о чём я думал так это о спасении родственника, который не смотря на своё мудаческое нутро оставался для меня родным человеком и по сей день. Я был искренне рад, что он выжил по-

сле ужасного пожара. Я не успел смириться с мыслью что мой брат может умереть. И я не дам ему опять уйти от меня, только появившись в зоне видимости. Я не дам воде унести его жизнь, не дав единого шанса на спасение и перевязав его конечности. Я уже плыву. Я вижу, я близко от предательски тонущей хлипкой платформы, сбросившей вниз моего брата.

Маньяк, бродивший рядом. Свет сотен лампочек, пробивавший тьму. Оперная музыка. Ледяная хрустальная вода – всё это смешалось в едином калейдоскопе, проносившимся мимо моих глаз, пока я отчаянно грёб руками.

Я не сомкнул глаз, осматривая пространство под водой. Чёрт, почему мелкое озеро по глубине напоминает грёбанный Байкал.

Знакомое лицо. То самое лицо, которое улыбаясь наблюдало за тем, как я голый стою на берегу озера, ощущая на себе десятки насмешек. Тот самый человек, который хлопнув дверью оставил меня на растерзание убийце. Тот самый, кто наслаждался моей болью. И сейчас, ради него я готов был сломя голову бросится в водную гладь. Может быть, всё же, я хороший человек, быстро забывающий всё плохое? Вполне возможно. Сделал бы он тоже самое, поменяясь мы ролями? Нет, скорее всего.

Лишённый любой возможности выбраться, Андрей медленно уходил на самое дно, пытаясь дёргаться из последних сил, не оставляя последней надежды. Из его уст вырывались мелкие пузыри кислорода, не медля летевшие вверх. Яркий

оранжевый свет освещал их, давав переливаться словно маленькие бриллианты в своём свете.

Разрывав густую воду руками я устремился к брату, в голове проматывая план действий. Пресная вода давала легко пробираться к Андрею, и также давала ему быстро тонуть. Не останавливайся! – вздрагивая от холода произносил про себя я, оставаясь в каком-то метре от спасения брата.

Вытянув руку, я зажал тёмную ткань, прикрывавшую глаза Андрея, между пальцев, резко содрав с его лица. Его напуганные карие глаза с надеждой и удивлением взглянули на меня.

Уверенный, холодный и дерзкий парень, который никогда не нуждался ни в чей помощи сейчас одним лишь взглядом умолял меня помочь. В глазах читалось и мимолётное «извини», и отчаянное «СОС» и обнадёживающие «спасибо».

Я вцепился в прочную верёвку, окутавшую его руки. Мы были настоящими братьями с самого детства. И если идти ко дну то только вместе.

Яркие переливающиеся огни осветили невинное доброе лицо девятилетнего мальчика брюнета, который своими любознательными глазками смотрел на меня. Он всегда был со мной. Моя родственная душа, детские моменты с которой я запомню навсегда. Каким бы он не был – двуличным, эгоистичным или опасным, для меня Андрей навсегда останется тем храбрым мальчиком, лицо которого я разглядел в воде.

Его густые тёмные волосы плавно двигались в разные сто-

роны, а из уст вырывались мелкие пузырьки, летящие вверх.

Один лишь вид этого мальчика заставил меня вцепиться в верёвку ещё сильнее, с новой силой плывя на верх. Подняв голову и прижав ближе тело брата я плыл к свету. Мы выберемся. Я смогу.

Канат впивался всё глубже в моё тело, но я никак не хотел этого замечать. Только я, Андрей и холодная вода, в которую я нырнул сломя голову. Она сводила моё тело, бросала в дрожь. Она засасывала нас вниз, но я не переставал всплывать наверх.

Водная гладь простиралась где-то в трёх метрах над головой, переливаясь в ярком свете прожекторов. Они служили мне ориентиром, что не давал заблудиться сттяжёлой ношей в виде семнадцатилетнего качка под непроглядно тёмной водой.

Минуты в том клятом озере тянулись невыносимо медленно. Я помню каждый пузырёк кислорода, что не торопливо всплывал наверх с замёрзших уст Андрея, щекоча моё тело. Кажется, он был без сознания. Нагло вырубился, полагаясь только на мою крепкую хватку, что обрела новой силы после всплывшего передо мной детского образа двоюродного брата. И сейчас, на самом дне, куда с огромным трудом доходил свет, освещая мелкий песок больше смахивающий на глину, я видел утонувшего синего от холода маленького мальчика. Он с надеждой смотрел ввысь, своими холодными глазами будоража моё сердце.

Посиделки на деревьях. Бурные обсуждения жизни посреди жёлтых выгоревших полей. Игра в прятки в неуютном старом особняке, все поверхности которого густо укрывала пыль. С этим силуэтом у меня и ассоциировалось детство. Тот маленький мальчик, что отчаянно не мог всплыть наверх, являлся его синонимом. И какой бы новый человек не бултыхался подо мной, совершенно холодный, как чёртова вода в ночном озере, и бесчувственный, я надеялся что последний шанс на грандиозный камбэк есть. Он всплывёт, пройдя своеобразную реабилитацию под водой и обретя новое видение жизни.

Или, возможно, я мыслю как узколобый ребёнок с маленьким кругозором, в жизни которого ни на секунду не появлялся интернет, из девятнадцатого века? Ничто не вечно. Эта цитата настоящая истина, в которой я всё больше убеждаюсь с каждым новым днём подросткового периода. Моё детство, которое такими яркими, насыщенными и ностальгическими картинами всплывало в снах навсегда осталось там. Возможно, приехав в мой родной город, который сейчас всплывает в моей фантазии невероятными местами, меня бы постигло неизбежное разочарование. Возможно, того любознательного и милого мальчика больше никогда не вернёшь. Возможно, всё окружавшее меня никогда не станет прежним. И возможно, хватит ныть, это всё время, с силой которого пора уже научится свыкаться.

Прощай, милый любознательный мальчик утонувший в

жутком ночном озере. Твой силуэт навсегда останешься там. Ну а мой брат, всплыв наверх станет новым улучшенным вариантом себя, оставив старые переживания барахтаться на дне. Яркий манящий оранжевый свет освещает нам дорогу в будущее, чёткую картинку которого я ясно видел перед своими глазами, позабыв о том что на поверхности нас ожидает кровожадное чудовище.

Перед тем как вынырнуть, последние крохи кислорода покинули мои лёгкие. Такой нужды в свежем воздухе я не ощущал никогда в моей жизни. Не мудрено, что среди тёмной водной глади я видел странные картины. Сейчас странным не будет если рядом со мной проплывёт гигантский Плиозавр или рукой помашет Аквамен. Скорее всего, галлюцинации симптомы кислородного голодания.

Сам себе поставив диагноз, я даже и не заметил как через секунды громко дышал, пытаясь забрать в лёгкие весь воздух, пахнущий хвоей и ясно уловимой сыростью, будто это последний вдох в моей жизни. В руках я крепко сжимал кофту Андрея, приподняв над озером и осмотрев его синее лицо, всю ужасную не естественность которого смягчали тёплые огни, принесённые Майклом в чащу леса в надежде устроить тут свой вариант «Голодных Игр».

Я понял, что Андрей был жив по слегка дрожащим губам и тихому неуловимому редкому биению сердца.

Развернувшись и продолжая напрягать ноги из всех сил я поплыл к берегу, на котором стоял, будто окаменевший,

лохматый Ярослав, схватившись за волосы всех цветов радуги. Он не предавая себя, как обычно, поддался панике, в шоке смотря как я гребу к песчаной полосе, еле балансируя на дрожащих шатающихся ногах. Мой друг до сих пор не мог привыкнуть ко всему трешу что происходил этой ночью. Это можно было понять благодаря ярким гирляндам, свисавшим с сосен, что освещали напуганное лицо.

«Кармен-Кармен!» – громко запели оперные певцы, будто пытаясь перекричать невероятно красивую классическую оркестровую музыку, после которой я не смогу всю жизнь посмотреть эту оперу, видя перед глазами тусклую подноготную лесного озера.

Не чувствуя рук, которые сейчас мне казались абсолютно лишней ношей усложнявшей жизнь телу, задубев от холода, я вытащил громоздкое тело брата на песчаный берег, пытаясь аккуратно положить его на землю. Но из-за резких неаккуратных движений я случайно его уронил, дав голове со всей силы удариться об землю. Как всегда я та ещё рохля.

Толчок пробудил сознание моего брата от глубокого сна, немного приоткрыв его глаза. Они были ослеплены из-за гирлянд, заботливо не дающих мне растеряться во время плавания, и бегали в разные стороны, пытаясь осмотреть жуткий лес. После того, как растерянный взгляд Андрея опустился на меня его холодные губы нешироко приоткрылись, выдавив хриплый тихий звук:

– Ты это сделал? – в голосе брата читалось открытое удивление, которое можно было расслышать даже через громкий хрип – Прости – печально произнёс он, не отводя от меня взгляда – Просто прости – искренне произнёс он, закрыв глаза и уютно уложившись на песке. Как бы драматично и избито банально не выглядел этот момент, я чувствовал как сердце брата бьётся. Он жив. Даже медленно дышал, не торопясь вдыхая чистый лесной воздух.

Радость, которая на считанные секунды одурманила мою голову, заставив её думать что всё налаживается, ночь заканчивается подходя к логическому концу, резко закончилась. Содрогаясь от холода, пронизывающего тело, я услышал громкие шаги, подошвой ломающие тонкие ветви под ногами, издававшие тихий хруст.

Убийца, тот самый человек который перевязав моего брата заставил вытаскивать его из воды, шагал ко мне на встречу, перекинув через плечо массивный топор. На этот раз он не стал стыдливо скрывать глупое бездушное лицо под белой венецианской маской. Он провожал меня бегающими безумными глазами с ног до головы, словно оценивая насколько сильна его жертва.

Ярослав сделал шаг назад, продолжая прибывать в диком шоке. Он, нестандартно для себя молчал. Эта ситуация смогла его мигом заткнуть.

Мой брат без сознания лежал на мягком песке, периоди-

чески подёргивая левым глазом.

Эти люди сейчас были абсолютно легкодоступной мишенью для человека, который в своих мечтах видел как медленно я подыхаю в своей же луже крови.

– Ну, мой маленький наглый друг, пришло время заканчивать игру – смеясь проронил Майкл, проведя указательным пальцем левой руки по острому лезвия топора – Выбирай, кто сдохнет первый: твой братец, являющейся синонимом гадкого биомусора, только и загрязняющего поверхность планеты, или дружка-петушка, скрывшего от всего города свои голубые тайны.

Майкл расхохотался ещё больше, медленно сделав первый шаг на грязноватый песок.

– Все они, твои друзья , такие же жалкие ошибки природы как и ты сам. Таким всаживать топор в черепную коробку одно удовольствие – он поднял топор над головой и в шутку замахнулся, ударив воздух – «БАМ!» – и их тупые пустые вёдра, ошибочно названые головами, кровавым фаршем летят в разную сторону.

Я повернул голову, бросив мимолётный взгляд на отбивающее свет, словно огромное зеркало, клятое озеро. Я, шестнадцатилетний трусливый подросток один-на-один с существом, которому чуждо старение и смерть. Я вообще не знал кто он такой. И сейчас у меня был только один выход: заглянуть в жестокие бездумные глаза и дать отпор страху.

Все эти убийства, нескончаемой чередой окружившие ме-

ня тут. Вся эта кровь, капающая с невинных молодых тел. Все слёзы, пролитые опустошёнными родителями, проводившими тела детей под землю в темном деревянном гробу. За всем этим стояла одна персона. Лишь один человек способен сломать десятки, если не сотни жизней ни в чём неповинных людей.

Он был готов напасть. Заливался ненавистью с каждой секундой всё больше, не опуская глаз с меня.

Приятная свежая хвоя. Ненавязчивый запах сырости. Они медленно проскользнули в мой нос, дав сделать последний вздох, перед тем как вымолвить отчаянную фразу:

– Хочешь вонзить мне топор в живот, так вперёд, чего же ты ждёшь? – я шагнул вперёд, показательно открыв перед собой руки.

Шокированный взгляд моего друга быстро упал на меня.

– Хах, серьёзно? Банальней фразы придумать нельзя? – противный писклявый смешок этого человека не прекращался ни на секунду – Мне будет намного легче перерубать на твоих глазах этих двух обоссков, а потом преступить к десерту.

– За это время я успею тридцать раз залезть на сосну и вызвать полицию, которой не составит труда посадить тебя на электрический стул!

Я резко обернулся, сделав несколько быстрых шагов в сторону леса и взглянув назад. План сработал. Перепрыгнув через промокшее тела Андрея, Майкл гнал за мной, в высокие

сосны, держа топор в руках.

Мрак леса теперь не могли разогнать даже яркие новогодние гирлянды, висевшие на верхушках отдалённых сосен. Только лишь луна над ярко-светлой головой хоть как-то освещала ему обзор.

Он вышел на небольшую поляну, землю на которой густо укрывали пожелтевшие иголки. Майкл был настороже, держа острый топор перед собой и готовясь к самому худшему.

– Малыш Вла-а-а-д – ехидно протянул он, оглядываясь по сторонам – Выходи, маленький хитрожопый трус!

От резкого крика справа от него резко вспорхнула в воздух крупная ворона, после чего Майкл содрогнувшись ударил по стволу дерева рядом с котором вылетела птица. Мелкие деревянные щепки разлетелись в разные стороны, образовав в коре многолетнего дерева крупный разлом.

Убийца неторопливо шёл дальше, пытаясь в темноте увидеть худощавый знакомый силуэт.

– Выходи, и дай мне по-мирному вспороть твой живот, достав каждый орган и вычертив ножом на нём свои инициалы! – игриво выкрикнул он, услышав резкий хруст слева.

Резко подняв орудие над головой, чудовище мигом ударило им по толстому пеньку.

Неожиданно тишину леса пробрал звонкий скрип, с ужасной силой действующий на нервы. Он, казалось, доносился со всех сторон, заставив руки Майкла медленно поднестись

вверх, крепко зажав замёрзшие уши.

– Эй, Майкл, теперь сыграем в игру по моим правилам – сквозь скрип послышался мой уверенный голос, слегка дрожащий от страха.

– Ах ты маленький гандон! – агрессивно вскрикнул убийца, в очередной раз ударив топором по дереву. Он холерически рассчитывал на то, что хоть раз он попадёт в мою голову, наслаждаясь капельками крови, падающими на сырую землю.

– Ты промахнулся! – съехидничал мой голос, после чего Майкл поднял глаза вверх, будто обращаясь к самому Богу:

– Клянусь, ты будешь подыхать медленно, мелкая дрянь. Я вытяну твою тонкую кишку через самоуверенную жопу, после чего запихну обратно в пасть… – агрессивно вопивший маньяк не договорил.

– Сначала найди меня – радостно вскрикнул я, пытаясь сдерживать скопившиеся у глаз от страха слёзы. Майкл продолжал осматриваться, не заметив как в его голову полетел мелкий твёрдый камень. Схватившись за макушку, он резко обернулся назад.

– Шестнадцатилетняя отличница Адриана, гордость всего города которая отчаянно убегала от тебя, мудила, чем она заслужила такую мистическую жуткую смерть? – мой голос продолжал звучать из расставленных по лесу трёх колонок.

– О да, детка Адриана – хитро улыбнулся безумец – Я до сих пор помню, какая она на вкус – он поднёс пальцы к устам,

причмокивая – Помню как я прижался к её тонкой девичьей шее носом, всадив мой любимый острый кухонный нож ей в спину!

Я молчал, не перебивая слушая исповедь серийного убийцы.

– Я до сих пор помню как вода озера окрасилась в цвет её крови. Яркая красная молодая кровь расплылась по нему.

– Дэн, молодой парень из обеспеченной семьи, которого ты подсадил на наркотики вспоров живот! – растеряно начал я, наблюдая за реакцией владельца сквота.

– Абсолютно глупое создание. Бездушная скользкая амёба, не знающая как начисто вылизать мою задницу ради новой дозы – без эмоций рассказывал он – Я даже и не моргнул глазом, вонзив нож в его мокрое тело, тащив по песку. Ох, этот тупой ничего не понимающий взгляд таращился на меня даже тогда, когда я тащил его в чащу леса, перед тем как ты, нахальный упырь, упал рядом с его дохлым телом, блять, просто с неба!

– Ты расплатишься за всё – с отвращением пафосно кинул я, прижимаясь ближе к тонкому микрофону

– Расплачусь? – хихикнул он – Мальчик, хочу тебе напомнить что я, сука, бессмертный! Повторю по буквам для играющих в детектива шестнадцатилетних дебилов: Б-Е-С-М-Е-Р-Т-Н-Ы-Й. Я разрывал на части таких выскочек как ты ещё до твоего жалкого появления на свет. И ты думаешь что сможешь меня рассчитать?

– Рано или поздно это должно было произойти .

– Должно было? Оглянись, малолетний придурок, на этот мир. Он медленно покрываться густой липкой грязью, в которой я не просто мелкая капля. Я и есть эта грязь, я чистое порождение зла, которое на протяжении ста лет беспрерывно убивает жалких, прогнивших подростков вроде тебя.

– Подростки? Это целенаправленный выбор?

– Чмошник, ты мне ещё интервью будешь устраивать? !– возразил Майкл, после чего послушно ответил на вопрос – Подростки – самый прогнивший слой людей. Потерянные люди, лишь единицы из которых заслуживают право на жизнь. От одного лишь их вида хочется расчленить каждого из них. К-а-ж-д-о-г-о – продолжительно протянул Майкл, подходя к густому зелёному кусту – На моём счету сотни маленьких выродков, которые медленно подыхали утопая в собственной крови!

– И Альбина? – резко выпалил я – Блондинка, которую ты спалил в 1959 году? Помнишь такую? – после моего вопроса маньяк встал, застыв над кустом. В его голову словно ударила резкая мысль, оглушив внезапным приливом памяти – У тебя традиция трахать каждую свою жертву? – сквозь зубы спросил я, наблюдая за тем как лицо Майкла смиренно застыло, ни дёргая ни одной мимической мышцей. Он отстранённо перевёл взгляд в жуткую тьму, которая, казалось, с каждой секундой подбиралась к нему всё ближе, норовя проглотить полностью.

Топор, зажатый в крепкой хватке между двумя руками опустился почти на самую землю.

Перед безумными глазами психопата всплыла мутная картинка.

1959 год. Вечерний сеанс «Носферату. Ужас ночи». Фильм чёрно-белыми ненужными картинками проплывал сквозь взгляд вечно молодого Михаила, всматривающегося в распустившую косы обворожительную юную девушку. Она вжималась в неуютное кресло, млея лишь от одного вида киношного монстра.

Яркая школьная звезда. Этой ночью её сгоревшие кости, покрытые плотным коричневым слоем угля были найдены среди кустов «Дубового».

Следущая картина сменила собой воспоминание из кинозала. Белое платьице девчонки нежно щекотало грудь Майкла, когда они обжимались за мрачным зданием кинозала. Она повисла на нём, щедро усыпая тело поцелуями. Она изгибалась в его руках так, что он в своих руках мог почувствовать пышный зад Альбины.

Только яркая луна, приятный запах волос девушки и страстные стоны, вырывавшиеся из её уст. Не он нашёл обворожительную блондинку, жизнь которой долго и мучительно уносило пламя. Она сломя голову бросилась ему на широкую грудь, улыбаясь ослепительной белоснежной улыбкой. И это было самое страшное.

Он полностью растворялся в воспоминаниях, стоя посре-

ди того самого леса, в котором провёл всю свою чертовски длинную жизнь. Мрак резко захлестывал не только его тело, но и разум, который медленно покрыли сумерки.

Настолько плотно, что он даже и не успел обернуться на торопливые шаги, под которыми ломаясь хрустели опавшие шишки. Он лишь успел слегка повернуть голову, рядом с собой увидя знакомую тёмную шевелюру. Настойчивый молокосос. Сейчас он подбежал к нему на максимально близкое расстояние.

Глухой звук топора, упавшего на мягкую землю. Он выронил его, почувствовав как толстый деревянный острый кол вошёл в его спину, проходя всё глубже.

На бледных тонких губах показались алые капли крови, не торопливо стекавшие по подбородку серийного убийцы.

Я стоял сзади, с ненавистью пытаясь протолкнуть толстую палку всё глубже и глубже. Я убивал его словно Дракулу, осиновым колом, вонзив в его бесчувственное тело.

Когда я почувствовал что нанёс максимальный урон твари, я резко достал палку из его спины, чуть не блеванув от вида крови видневшейся на дереве. Подняв взгляд наверх, на глубокую дырку в спине врага я и вовсе, чуть не потерял сознания. Ручьи алой жидкости текли вниз, смешавшись с тёмными спортивными штанами.

Весьма разговорчивый мудак сейчас наконец заткнулся. Истекая кровью, я надеялся что он чувствует хотя бы приблизительно то, что чувствовали его жертвы.

Я ожидал, что Майкл небрежно упадёт на живот, корчась от боли и делая последние вздохи. Мой глазомер никогда меня не подводил: вспоминая тусклые рисунки строения людского тела из старого учебника биологии за девятый класс я был уверен, что проткнул ему сердце. Обильно стекающая кровь могла в подтверждение.

Ожидания с треском сосновых ветвей полетели в тёмную пропасть. Маньяк обернулся, одним лишь взглядом заставив моё тело впасть в дрожь.

Зверь. Дикое животное. Безумный тигр, готовившийся разорвать в клочья любого, попавшегося под его острые как лезвия бритвы лапы. Безумные глаза бегая смотрели мне прямо в душу, и мне на секунду показалось что крупные зрачки стала заливать густая тёмная жидкость. Будто тёмная сущность маньяка прямо выползала изнутри, подтверждая теорию о том, что глаза– зеркала души. В данном случае, мрачной жестокой душонки.

Под дикими глазами показались опухшие синие вены, которые с каждой секундой проявлялись всё чётче на его коже. Они густой сеткой шли вниз по лицу маньяка, укрывая от глаз до подбородка. Синие и мерзкие, словно густая паутина они превратили лицо Майкла в мистическое и не понятное зрелище.

Я видел подобное. Мне вспомнился загадочный старый дедушка, резко исчезнувший на наших с Евой глазах. Во время прогулки по «Дубовому» он рассказывал нам о том, как

мучительно умирали его дети. После этого его лицо начало медленно покрываться подобными толстыми кровеносными артериями. После того, как Ева это заметила он стыдливо прикрыл своё лицо морщинистой дрожащей рукой.

Вирусное заболевание, распространившиеся по городу? Не думаю.

Поразительный лабиринт, плавно всплывший на лице Майкла отобрал у него последние человеческие качества. Передо мной стоял настоящий монстр. Настоящее «оно», научных подтверждений существования которого просто не находилось.

И сейчас, они мне явно не пригодились бы.

Майкл оскалился, словно рысь готовившаяся к нападению, крепко вцепившись в мои руки. Он сжимал их всё сильнее, въедаясь в кожу небрежно нестрижеными грязными ногтями, пытаясь прислонить меня к сосне, чтоб затем расправиться.

На моей коже показалась кровь, вытекшая из под толстых пальцев безумца.

Даже не слушая бешено стучавшее сердце и не видя кружащий вокруг меня лес я рассмотрел капельки крови на своём теле.

Его пальцы залезали в мою кожу всё глубже и глубже, оставляя мерзкие синие следы. Я чувствовал, как они проходят вовнутрь создавая ужасные болевые ощущение.

В моей руке продолжал телепаться ненужной ношей де-

ревянный кол. Он застыл прямо перед напряжённой рукой Майкла, своим острым концом устремившись ему в вены.

Я быстро взглянул на его лицо, осмотрев нервно дёргающиеся скулы, после чего резко дёрнул колом, чуть проткнув его левую руку.

Получилось. Мне удалось выиграть фору для себя. Противник, содрогнувшись, схватился за ладонь, смотря как из неё течёт кровь.

Ярость. Моментальный приплыв злости охватили моё тело, которое смотря на покрытое венами холодное лицо хотело лишь одного– увидеть на нём тёплые и свежие капли крови.

Вены словно стягивали лицо психопата, образовывая мерзкие глубокие морщины, которые появлялись словно в ускоренной съемке. Я увидел как одна такая внезапно проступила на широком лбу, словно вечно молодой парень резко начал навёрстывать упущенное, начиная стареть. Тогда, посреди высоких сосен эта мысль не пришла в мою голову. Я вообще, не уделил должного внимания медленно появлявшимся морщинам.

Разочаровано Майкл поднял свой взгляд на полную луну, застывшую над нашими головами. Я не стал терять времени, нанеся удар по его роже своей правой ногой. Вышло весьма брутально.

Схватившись за нос, противник выпрямился готовясь нанести ответный удар.

Я не дал ему опомниться, вцепившись в грубую ткань тёмного модного костюма.

Мы слились воедино. Своей окровавленной рукой он в ответ вцепился в меня, пытаясь толкнуть сильнее.

Дальнейшее размазываешься словно в тумане. Словно действия происходили на одной из каруселей «Диснейленда», смазывая пейзажи вокруг воедино.

Перед глазами стоит лишь разъярённое лицо человека, который был способен на всё. На любую кровожадность, дикость или безумство. Его пальцы тянулись к моим глазам, желая выколоть их к червой матери, а ноги пытались запутать мои, чтобы бросить меня на усеянную хвойными шишками землю.

Но я не сдавался, пытаясь ударить кулаком по морде опаснейшего серийного убийцу. Смешно звучит. Шестнадцатилетка. Ударить вечно молодое создание, которое убивало без остановок.

Сосны вокруг меня прекратились. Пейзаж сменился, показав блестящее озеро за спиной врага. Идеально ровная водная гладь, посмотрев на которую сложно было представить, что за жесть творилась рядом с ней.

Мы вдвоём стояли на том самом роковом возвышении, с которого я смотрел вниз готовясь к беззаботному прыжку.

Тогда, весёлая ночка за секунды превратилась в хоррор фильм. Тёмная вода накрыла меня с головой, дав ощутить прохладу. И после того как я вынырнул, я услышал дикие

крики.

Майкл, который хитро заманил нас сюда издевался над несчастным парнем.

Мы подходили к самому краю обрыва, похрустывая мелкими деревяшками под нашими ногами.

– Гадкий подонок, ты не знаешь во что ввязался – сквозь зубы процедил убийца, не оглядываясь назад на резкую пропасть.

– Я всё знают– уверенно сказал я – Я прекращу страдания этого города прямо сейчас.

– Прекратишь? – показательно рассмеялся Майкл – Это никогда не прекратится. Страх будет жить вечно.

– Что ты несёшь, идиот?

– Я и есть страх. Самые ужасные фантазии каждого ребёнка этого города. Каждого подростка. Я удручающая тьма в скрипящем открытом шкафу, в который напуганно вглядываются малыши посреди ночи. Я мрак под кроватью, ожидающий что молодая нога свеситься, дав затащить себя в царство ужаса. Я незнакомец стоящий под горящим окном, всматривающийся в напуганного малыша – мы замерли, Майкл – для того чтобы продолжить свой странный рассказ, я – для того чтобы слушать удивлённо открыв рот – Я был рядом, когда каждый ребёнок в этом городе неторопливо подрастал. Я увлечённо наблюдал за ним, ожидав того момента когда смогу вонзить нож в самое сердце. Когда увижу как из уст выливается алая жидкость. Я– та самая тьма, то самое /

нечто/, всегда стоящее рядом и выжидающее. Они меня никогда не увидят. Но они всегда бояться, зная что я рядом.

– Зачем? – проронил я, пытаясь заглянуть в безумные глаза, но у меня не получилось прервать речь психа.

– Неприметный плохо пахнущий наркоман, согласись, тяжело в нём рассмотреть причину своего ужаса, сопровождающего тебя каждую ночь. Ты никогда не подумаешь, что он блуждает рядом, выжидая пока ты ослабнешь.

Мурашки на моём теле не прекращая бегали, слыша все эти пугающие строчки. Сейчас они и вовсе взялись за маленькие лапки начав водить хороводы где-то под моей лопаткой.

Я непроизвольно ссутулился: то ли от чистого проявления ужаса, то ли от того, что сильный противник продолжал сжимать мои кисти не затыкаясь.

– Страх живёт вечно. Я живу вечно – громко констатировал он, поставив жирную точку интонацией после последнего предложения.

– Никто не живёт вечно – шепнул я, после чего со всей силы оттолкнул чистое воплощение страха от себя, дав ему полететь в тёмную пропасть.

Удивлённо зыркнув в мои самодовольные глаза, Майкл словно пытался зацепиться за какой-то невидимый предмет, нелепо мотыляя руками перед моим носом. Оступившись, он полетел навстречу освежающей воде ночного озера. Его тёмный силуэт сливался с гладью даже во время полёта, толь-

ко лишь агрессивное лицо покрытое венами фонарём, словно маяк, мигало перед глазами.

Его тело мигом накрыли тёмные воды, плотно скрыв за собой. Секунды – и опаснейшего преступника не было в зоне моей видимости.

Словно в озере плавала густая тёмная нефть– она смогла припрятать его тело.

Не торопливо я отошёл от обрыва, не зная что делать дальше. Я взглянул на свои трясущиеся руки, затем переведя взгляд на воду и обратно. Крикливые вороны разлетались в разные стороны, переодически показывавшись на белом фоне яркой луны.

«Кар-р-р!»– кричала одна из них, приземлившись на ветку позади меня. Выгибая свою маленькую голову она как-бы намекала, что ещё ничего не закончено. Враг всего лишь приземлился в воду, в силах вылезти из неё в любой момент.

Торопясь, я пошёл к песчаному пляжу на котором виднелся державшийся за свою ногу Ярослав и продолжавший лежать Андрей, который периодически мотал головой в разные стороны. Они были близко. Близко к мрачной воде, из которой в любой момент мог выплыть опаснейший маньяк.

Я добавил скорости в свой размерянный шаг, преследуя цель как можно скорее добежать до берега.

« Я и есть страх»– прозвучал мрачный голос, который внезапно скрыл в себе ту самую омерзительную гундосость, которая каждый раз, когда мне доводилось её услышать неисто-

во резала слух. Всё это было не более чем сценическим образом, умело скрывавшем за собой психопата. Даже откровенная речь не смогла хоть чуть-чуть пролить свет на его личность. Кто он такой? Обычный искатель наслаждений, в приношении боли другим? Или может быть…

«Кар-р-р!»– крикнула ворона, прилетев на одиноко стоящий посреди песка деревянный пенёк. Рядом с ним на одной ноге балансировал мой друг, уставившись на больную часть тела. Он щурился, и даже на расстоянии я мог представить неприятный стон боли, что доносился из его уст.

Ярослав наклонился к воде, заглянув на испуганное уставшее отражение. Он был опустошён. Не в силах двигаться дальше, бороться с психопатом и спасать свою жизнь. Его нога невероятно болела, током разнося боль по всему телу.

Разноцветная чёлка упала ему на левый глаз, точнее зелёная прядь, и он небрежно её смахнув услышал мой испуганный голос:

– Ярослав! – крикнул я, выбежав почти на самый берег. Мой друг обернулся на крик. Я собирался призвать его отойти от водоёма. Как выяснилось, поздно.

Тьма сзади Ярослава, нарушаемая блестящими бликами луны в зеркальном отображении озера на секунды прервалась. Белое бледное безумное лицо, от которого на моё тело по новой выбежал табун мурашек, что танцуя вызывали странную дрожь.

Я неприкрыто ахнул.

Сосны. Высокие колючие вершины над моей головой. Всё что я вижу. Всё, что я чувствую, так это резкая боль в спине.

Мне потребовалось немало усилий, чтобы повернуть голову и впритык увидеть лицо. Знакомый не аккуратный треугольник, по которому вниз опускалась капелька свежей крови.

Как сейчас помню тот ужас, который я испытал опустив взгляд вниз. Настоящие кишки, вылезшие на сырую землю, окрасив в красный местный лес.

Дэн. Жестоко убитый парниша, который подняв голову в последний раз любовался на полную луну. Идеально белый сияющий месяц, освещавший невероятно старое сморщенное лицо. Безжизненное лицо, в котором ясно читалось удивление. А что, любой удивиться резко упавшему подростку на место твоего убийства.

Лицо старика показалось мне до боли знакомым. Настолько, что даже видя его в своих фантазиях я всё равно понимал, что знаю убийцу, отказываясь в это верить. Словно он вылез из моих снов, постав тёмным силуэтом над моей головой.

В своих руках он держал блестящий кухонный нож. Он был хорошо со мной знаком. Чертовски хорошо, проткнув собой моё плечо. Любимое оружие Майкла тогда держал мистический старик, вокруг которого собрались тени в мантиях.

Этот человек резко вынырнул из воды. Это был он, ми-

стический убийца, силуэт которого я принял за жуткое видение. Силуэт из моих снов появился буквально из неоткуда, и мне не потребовалось много времени чтобы понять– это был Майкл, в таком амплуа больше схожий на Михаила.

Вены всё также покрывали его лицо, высасывая остатки жизни. Это было его настоящее лицо– лицо человека, прожившего сто лет. Именно так он и должен выглядеть, а ни как забавный модный наркоман в молодёжном спортивном костюме.

Его черты лица были абсолютно идентичны со своей молодой версией. Он остался тем же человеком, просто резко постаревшим на несколько десятков лет, притом продолжая стареть всё больше каждую секунду.

Дикие глаза– вот они точно были схожи с тем двадцатилетним парнем. Безумный жестокий взгляд, по котором читалась чистая ненависть в своём типичном представлении. Они до сих пор горели белыми огнями, стреляя на меня.

Ярко белые волосы резко поседели. От густой молодёжной шевелюры, словно руины города-призрака остались несколько седых волосин.

В трясущихся сморщенных руках мистический персонаж держал тот самый кухонный нож, по серебряному лезвию которого стекали капельки воды. Толстая чёрная рукоятка, острый верх отбивающий свет луны.

Опять я помню этот момент словно сквозь замедленную съемку. Ярослав, потрёпанный этой ночью, грязный и устав-

ший, смотрит обнадёженными глазами в мою сторону. Он даже и не знает, что за ним из темноты вырос силуэт невероятно старого мистического человека.

Вынырнув из воды, Майкл стал другим. Искаженной версией самого себя.

Я даже и не смог издать звука, прежде чем он представил острое орудие к жилистой шее моего друга. Тяжело дыша, широко раздувая свои ноздри он носом уткнулся в его грязные волосы, на которых слоем уложились клубы пыли после жуткой аварии.

Трясущиеся руки готовы были одно лишь единственное движение, чтоб разрезать его горло на две части.

Мышцы на лице Ярослава хаотично дёргались, подскакивая каждую секунду в разных местах. Он боялся опускать глаза, чтоб увидеть очередную возможность его скорой гибели.

Он проклянул те минуты, когда улыбаясь ответил мне: «Конечно я с тобой!». Он ненавидел себя за это. Просто ненавидел за то, что был через чур наивен и любопытен, нерассудителен и глуп перед тем как явиться в настоящий ад.

– Хи-хи-хи– мерзкий смех старого человека эхом раздался по лесу, отбившись от безлюдных тёмных просторов. Его хохот стал ещё омерзительнее чем был ранее, это был не просто гундосое молодёжное выражение эмоций. Надрывистые звуки, которые прорывались через его хрип. Он смеялся поднимая глаза на меня и смотря фирменным безумным взгля-

дом. Такого взгляда я не видел никогда до этого. Я его никогда не забуду– Весьма удивительно что я дал тебе, на секунды, одолеть меня– опаснейшего убийцу за Асю историю города– он задумался, отведя голову от Ярослава– Хотя, погоди, что уж там города? За всю историю этой грёбанной прогнившей страны.

Он опять жутко рассмеялся, на этот раз выдавливая смешок через старческий кашель.

– Я– стану легендой. Ты думаешь о ком напишут в учебнике через двести лет, чтоб такие же безмозглые туповатые создание вроде тебя скучая разглядывали картинки? Трампа? Он там будет. Путина? Конечно, скорее всего, но он будет на запылённой странице с очередными историческими личностями похожими на всех. Но обо мне будут солгать жуткие истории, которые напуганные мамаши будут рассказывать детям перед сном. Человек, на протяжении века убивающий невинных подростков? Ты слышал что-нибудь похожее? Чикатило– его наказали. Джек Потрошитель убивал проституток, по которым никто не горюет спустя века. А вот человек, который остался безнаказанным, унеся с собой могилу сотни детских жизней– это сведёт мир с ума. Согласись, все же по-настоящему бесятся от одной лишь мысли того, что ихнюю устоявшуюся веками зону комфорта, большой хлипкий розовый пузырь, может влезть что-то не поддающееся описанию.

– Так это и всё?– сквозь ритм звонкого биения сердца про-

цедил я, не спуская глаз с напуганного друга– Просто слава? Банальное желание перевернуть мир как и у других психопатов?

– Хах– улыбнулся старик, обнажив гнилые зубы– Как же много ты не знаешь, сосунок.

Он поднял свободную руку, схватившись пальцами за седые волосы, которые слегка раздувал ветер.

Одним резким движением, он вырвал бледную прядь со своей головы. Смотрелось это весьма мерзко.

На месте волос красовалась блестящая лысина, которую по одной начали заполнять распухающие вены.

Паутина, начавшаяся на лице продолжилась.

Я пытался хоть как-то тянуть время, надеясь на чудо и отводя момент, когда безумец дёрнет рукой перерезав горло Ярослава.

– Подростки. Почему они? – дрожащим от страха голосом спросил я, ногами закопавшись в зыбкий песок.

– Подростки, хах – улыбнулся старик – Вы существа с наибольшим количеством страхов. Все думают, что дети плача уткнувшись в подушку по настоящему бояться. Но нет. Не созревшие люди, находящиеся на грани навязывают себе любое безумство, засыпая уткнувшись в потолок продолжая накручивать. Вы уязвимы по настоящему. Неуверенные. Напуганные. Ищущие новых ощущений. Некоторые из вас, кроме редких исключений, просто потеряны. Запутанные в своих страхах. Единицы из них выпутаются, когда прийдёт

рассвет этого времени. Но некоторые…

– Ты даже не оставляешь времени им выпутаться

– Не оставляю – согласился он – Всовывая нож всё глубже в ихние дрожащие от страха тощие тела.

– Но мир всегда расставляет все точки над «И» – тихо констатировал я, смотря в глаза друга которые как бы говорили «Ты ошалел?! Может хватит тарахтеть без умолку, пора убить этого психа!» – Рано или поздно тебя поймают. Когда нибудь это закончиться. То, как ты забираешь невинные души.

Маньяк в очередной раз жутко улыбнулся. Я успел возненавидеть ту улыбку за пару минут, которые бесконечно протяжно тянулись, поражая меня всё глубже с каждой секундой.

Лысый старик отходил дальше от меня, продолжая угрожающе держать нож у горла моего одноклассника. Он зашёл в тёмную воду по лодыжку. С далека казалось что его ступни исчезли, телепортировавшись в другую вселенную.

– Это никогда не закончиться. За мной прийдут другие. Еще один человек, которым может стать кто угодно. Любой прохожий, которого ты и вовсе не заметишь во время ночной прогулки по улице. Я буду существовать вечно. Эта кровь, расчленение и ужас будет вечным. Мы везде. И если ты думаешь что это всё натворили эти старые сморщенные руки– ты ошибаешься, молокосос.

Я вдохнул чистый воздух, в котором сейчас уловил сдер-

жанные нотки дыма. Видимо аромат горящего заброшенного здания медленно раздался по всему лесу, ненароком напоминая о жуткой трагедии.

«Прийдут другие»– старческий хрип эхом прозвенел в ушах, подгоняя мурашек бегающих в колоне на моей спине.

Перед глазами стала картина, которую я увидел оглядевшись после падения с сосны.

Чёрные мантии, которые делали из стоящих людей мистические силуэты. Ихние головы прикрывали массивные капюшоны. Их было много. Они все наблюдали за изувеченным трупом молодого мальчика.

«Видение»– вспомнил я голос улыбающегося врача в белом халате, от которой стойко пахло аскорбинатом кислотой– «Галлюцинации, вызванные на нервной почве после болезненного падения». Сейчас его уверенный диагноз звучал нелепее некуда. Неубедительно до чёртиков.

Яркие факелы. Мантии. И лишь одно лицо, блестящее под светом огня. Майкл. Он уверенно поднял нож над трупом.

Это все было по-настоящему. Я видел то что видел. Убийца и правда мог быть не один.

Зачем? Зачем в мирном тихом омуте завелось настоящее подобие братства, убивающее юных молодых людей?

Ради удовольствия? Звучит не убедительно.

– Мы везде. Мы наблюдаем за каждым ребёнком, посматривая в горящие окна. Смотря из шкафов, как малыши лежаться спать, снимая милые мохнатые тапочки-кролики.

Дыша прямо на тонкую ногу, когда она случайно спадает с кровати.

Может психопат пытаешься меня запугать, чтоб до конца своей жизни я существовал в страхе, что за мной прийдут более жестокие последователи. «Ученики». Более безумные и более кровожадные. Они будут поджидать меня везде, как и описал маньяк. Сливаться с мраком в тёмном переулке. Прятаться за деревом в безлюдном парке. Смотреть мне в спину, когда я беззаботно буду идти со школы.

Он хотел привить мне настоящую фобию. Испортить жизнь до конца дней. Это странное создание хотело разрушить меня изнутри, понимая, что так легко я не сдамся.

Уткнувшись носом в шею, на которой виднелась тёмная грязь, он закрыл глаза, на которой не виднелось не одной реснички, прислоняя нож всё ближе к шее Ярослава.

Резкая боль. Стекающая кровь. Вот что он почувствовал, после того как орудие медленно просочилось ему под кожу, мучительно протягивая боль.

Капли стекали по яркому худи. По глазам моего друга было видно, что он отказывался верить в происходящее. Они бегали, смотря то на меня, то на алую шею.

«Прости»– одним лишь взглядом сказал я, не сдерживая накатившиеся слёзы.

Время вновь застыло. Я смотрел на то, как медленно убивают моего верного напарника. Загадочную неоднозначную личность, которая раскрылась только этой ночью.

Издав тихий писк, он закрыл глаза ощущая зловонные запах старого человека.

– Я же говорил, малыш Влад: твой каждый друг погибнет в ужасных муках. Медленно, ощущая каждую каплю крови своей кожей…– в голосе психа ощущалась жуткая страсть, когда он взглянул на текущую кровь. Он был взбудоражен лишь одним её видом, не отпуская нож от шеи.

«Пах!»– резко мои уши словно заложило. Я заткнул их, сутулив спину и закрыв глаза– «Пах!»– выстрелы. Оглушающие выстрелы не прекращались– «Пах!»– «свет близко»– раздалось в моей голове, это заканчивается.

В моих ушах заиграл тот самый выстрел, разогнавший толпу в мантиях вокруг меня и мёртвого Дэна. Долбанные жуткие воспоминания не прекращались, Влада в мою черепную коробку без остановок.

Сегодня, громкие выстрелы всё завершат как и тогда, в самую жуткую пятницу моей жизни.

«Пах!»– после последнего выстрела, после которого прошло три удручающе тихие секунды я раскрыл глаза.

Безумный холодный взгляд не двигаясь остановился на мне, его виду добавили жестокости ручьи свежей крови, которые начали стекать по переносице убийцы.

Гнилой рот был раскрыт. По узким тонким губам начали стекать яркие капли.

Во лбу безумца осталась глубокая дырка, из которой потекли алые реки.

Ярослав резко отошёл от убийцы, схватившись за шею и перебирая ногами в холодной воде, дав телу упасть на спину в тёмную пучину.

Кровь, красная жидкость сопровождавшая меня на протяжении этого учебного года быстро окрасила мрачную воду блестящего озера в свои багровые тона. Она медленна расплывалась от мокрого тела в разные стороны, словно тонкая сеть из длинных ниток. Частицы крови настоящего монстра ярко выделялись даже на фоне пресной воды. Они будто съедали её, убивали словно несовершеннолетнюю жертву, поглощая маленькие частицы в себя.

Вокруг тела образовался яркий алый силуэт, который переливался алыми огоньками в свете луны.

Старик пытался что-то сказать. Его уста дрожали, словно из них сейчас вылезать живое создание. Испуганные глаза пялились в небо, которое освещало тело с четырьмя прострелами.

Всю жизнь он убивал лишь в полнолуние, хладнокровно наслаждаясь муками. Так было на протяжении века.

Сейчас же, поражённый безумец медленно умирал в свете той самой луны. Он чувствовал каждый выстрел, каждую дыру от пули горящей на своём теле. Они переливали муки по отдельности.

Я обернулся, чтобы посмотреть на источник выстрела.

Сзади меня, у начала густой череды сосен стоял тяжело дышащий Эдуард. Наблюдая за телом мистического убийцы

Михаила, он не посмел опустить пушку, продолжая прибывать в полной готовности.

Он выглядел так же, как и все мы: потрёпанно. Лицо, которое было похоже на то что он недавно вылез из грязной шахты. Ладони, по которым спускалась вниз кровь.

Сорвавшись с места, он подбежал к своему любимому человеку, шлёпая запылёнными белыми кедами по холодной словно лёд воде. Брызги, которые сейчас смахивали на кровь разлетались в разные стороны. Он обнял Ярослава, не обращая внимания что кровь с его шеи перешла на его спортивный костюм «Адидас». Они оба дрожали словно промокшие котята, крепко вцепившись в друг друга.

Осуждать людей, стоящих передо мной даже не поворачивался язык. Настоящая любовь, которая была способна заставить человека пойти на убийство. Без колебаний, увидя что Ярослав в опасности Эдуард выстрелил, обычный подросток. Убил, только лишь увидя капли крови стекающие по шее друга.

– Я убил его– дрожащим голосом произнёс он, прижимаясь к сильнейшему порезу.

– Убил– сухо, словно подтвердив ответил Ярослав, не отходя от мёртвого тела.

Слегка улыбнувшись, я взглянул на мёртвое тело, которое сквозь закрытые глаза наблюдало за небом. Персона загадка. Вечно молодой человек. Настоящее нечто, которое победили несколько подростков.

– Никто не может жить вечно– шёпотом произнёс я, наблюдая за капельками крови стекавшими в озеро.

Андрей до сих пор что-то мычал себе под нос, так и не отойдя от огромной дозы экстези.

Полная луна. Холодный, приятный воздух. Невероятной красоты место. Сейчас оно больше не казалось жуткой обителью ужаса. Оно освободилось, став по настоящему красивым райским местом.

Я прямо таки видел, как над верхушками деревьев в воздух взлетают угомонившиеся души навеки молодых детей. Они будут вечными подростками. И возможно, это не так жутко как звучит на первый взгляд.

Прощай навсегда, королевство полной луны. Теперь ты изменилось.

По объемной груди яркой вызывающей девушки стекали густые капли крови. Они текли на тёмную мягкую землю, быстро прорываясь под рассыпчатый чернозём.

Вдалеке она слышала сирены, понимая, что приехала её надежда на спасение.

Сквозь дикую боль она открыла глаза, осмотрев усыпанное порезами тощее тело. С них по бледной коже струилась кровь. Она не чувствовала ни один сантиметр своего тела, корчась от боли и пытаясь повернуть свою голову в сторону.

Яркая розовая прядь лежала в маленькой лужице алой жидкости.

Сквозь зелёные густые листья высоких деревьев были заметны сине-красные огни. Предвестник спасение.

Герда начнёт новую жизнь. Она станет другим человеком, освободившись от грязного прошлого как только сядет в машину.

Громкая сирена продолжала оглушать меня, не дав ушам отдохнуть после четырёх выстрелов, следующих один за другим строгим не прекращающимся рядом.

Множество обеспокоенных суетливых лиц вокруг заливались сине-красным светом. Они проходили мимо меня, словно торопясь куда-то, с жалостью проводя взглядом.

Я сидел на неуютном твёрдом бортике, который торчал из багажника белоснежной машины скорой помощи. Практически такая же машина мигом увезла моего друга с обезумевшим от страха Эдуардом. Они остались вместе до последнего, не желая бросать друг друга ни на секунду.

Тёмные стёкла полицейской машины были забрызганы кровью спасающих нас людей, тела которых накрыли белой тканью и увезли. «Не пересекать»– гласила жёлтая лента, обмотанная вокруг авто, ставшего настоящем местом преступления, словно сошедшая с полицейских телесериалов.

Не далеко, на асфальте рядом с началом посадки растекались две лужи алой жидкости, вид которой за эту ночь начал казаться мне чем-то будничным.

Я почувствовал холодные слёзы матери, которая крепко

сжала меня в своих руках. В сквозняках холодного леса мне не хватало этого тепла. Материнского уюта. Ещё одна слеза. И ещё одна, быстро стекла по заляпанной кровью яркой кофте.

– Тематическая вечеринка в стиле Новой Школы– иронично, но и в то же время с лёгкой нотой сожаления констатировала Мама, вспоминая мою лож. Влажными глазами она рассматривала клубы тёмного дыма, вылетающего из-за зелёных верхушек.

«Попасть в самый настоящий слешер– это просто мечта»– вспомнил я саркастичный голос своего лучшего друга, искажаемого связью в Skype. Да уж, настоящая подростковая мечта. По своему содержанию она должна перевернуть любые представления о мечтах.

Свет пришёл– произносил я про себя. Он больше не приближался. Он горел надо мной. Я был в безопасности. В объятиях напуганного родителя я по настоящему прочувствовал каждую букву слова «счастье». Еще одна банальщина, знаю. Но это лучшее чувство на планете, когда ты можешь громко выдохнуть, осознавая что ужас позади.

Из зарослей леса широкоплечие мужчины вынесли на носилках тело, скрытое под белой тканью. Она была полностью испачканная кровью, по всему периметру залитая алыми пятнами.

Из-за резкого не аккуратного движения лысого мужчины из под окровавленной ткани вылезла морщинистая рука.

Она спала с носилки, повиснув в паре сантиметров над землёй.

Она была чертовски сушенная, будто её владельцу было лет сто пятьдесят. Вид, будто она чертовски долго гнила под землёй, а потом её владельца откопали и уложили на уютные носилки.

Майкл. Хотя, давайте будем называть вещи своими именами. Михаил – опаснейший безумец, отобравший жизни множества ни в чём неповинных подростков. Страх во плоти. Порождение тьмы – миллионы пафосных фразочек не могли передать те ощущения, что я испытывал глядя на его кисть. На его руку, которая недавно держала окровавленный нож у горла Ярослава.

Страх был мёртв. Над лесом наконец, словно оранжевым взрывом в небе, стало загораться солнце. Наступил долгожданный рассвет. Пришёл конец мучениям несчастных жителей города крайностей.

Вокруг трупа мистического старика собрались десятки напуганных местных жителей, которые галдя и распуская новые сплетни не отрывали взгляда от носилки. Они никогда не изменятся. Те мимолётные прохожие, лица которых я никогда не запомню. Они всегда смогут сочинить новую историю, местную сенсацию из одной лишь окровавленной ткани.

Даже и не понимаю, как посреди тёмной трассы за городом за считанные минуты смогла образоваться такая толпа. Где все они были? Словно каждый раз, когда тут где-нибудь

происходит ситуация «из ряда вон», они получают воздушный сигнал, как у Бэтмена, и обеспокоенные бабушки бегут сломя голову на место преступления.

Они размахивали руками и едва не задели труп, которого небрежно пытались запихнуть в машину. Их лица мигали в ритм сирене, которая освещала растерянные контуры лиц.

Среди них я заметил чёткие, идеальные пропорции. Бледная кожа. Грустные глаза смотрели в мою душу. Рядом с ними небрежно свисала белая волнистая прядь.

Идеальной красоты молодая девушка. Молодая навечно.

Её белое платье развивалось на буйном сквозняке и задело сморщенные ноги пожилой дамы в юбке.

Альбина. Маленькая мёртвая девочка. Моя усопшая подруга. Когда-то давно она была спалена руками кровожадного создания, чьё тело повержено лежало под простынёй и стремительно начало гнить.

С её глаз по бледным щекам спускались холодные слёзы. Должно быть, она плакала каждый день ещё с 1960-х годов. Альбина считала самым ужаснейшим наказанием вечно ходить по земле, на которой её юное тело было жестоко спалено.

Она ненавидела своё мучительно долгое существование. Единственное, чего она хотела – мести, чтобы её неугомонная юная душа наконец воспарила над этим клятым местом и стремительно ушла в бесконечность.

Заглядывая в мои глаза она видела надежду. Она верила.

Верила изо всех сил.

Тёмная тушь растеклась по острым скулам. Влага глаз заставила густые ресницы прилипнуть к коже.

Слезинка капнула на холодный асфальт:

– Не получилось – одними лишь пухлыми губами проговорила она и растворилась в суетливой толпе.